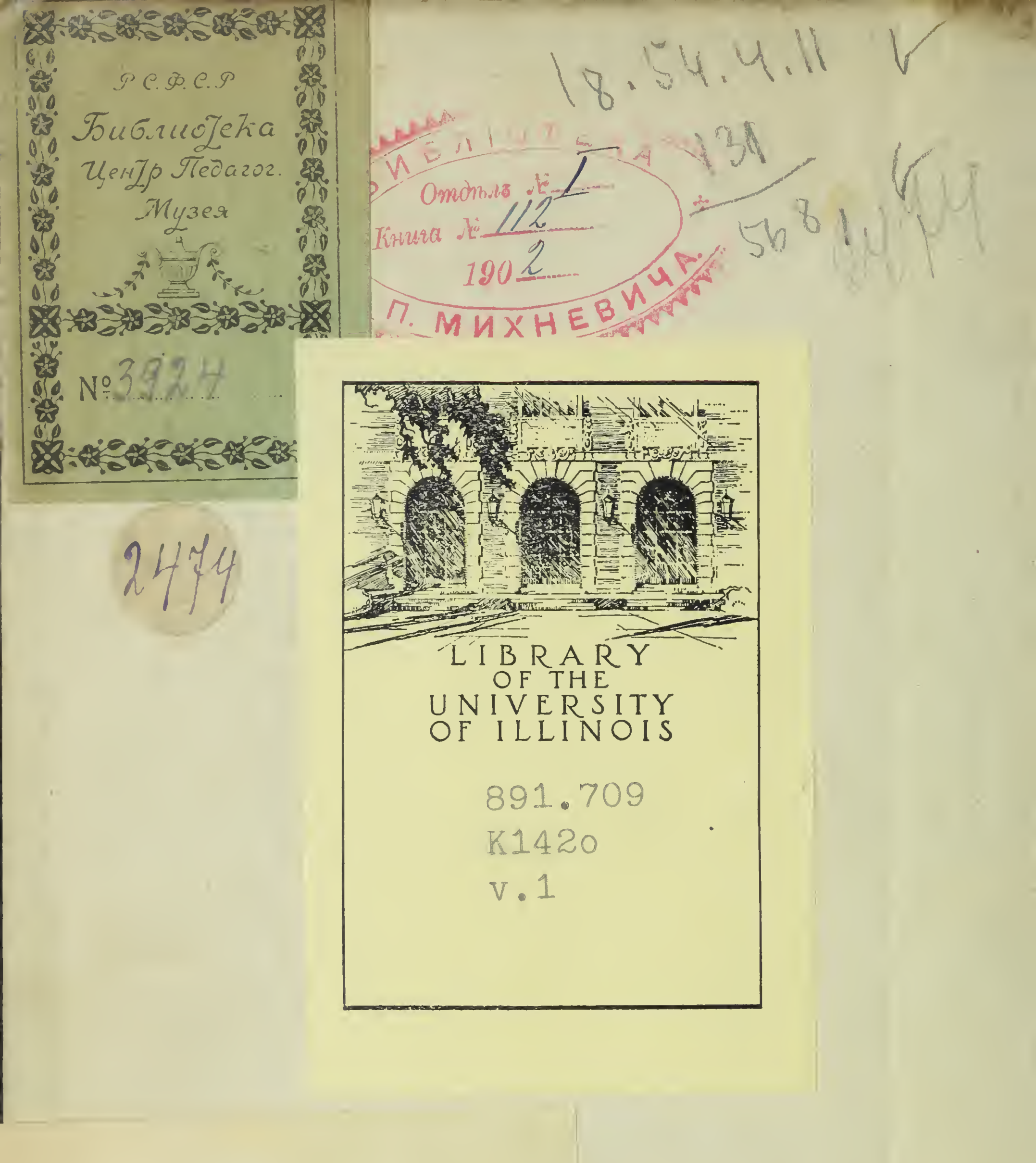


ОЧЕРКИ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

ОЧЕРКИ
ИСТОРIИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Сочиненiе

Г. КАРАУЛОВА.

Томъ I.

(Литература древняго перiода и новаго до Пушкина).

ѲЕОДОСIЯ.
Въ Типографiи Армянскаго Халибовскаго Училища.
1865

Дозволено ценсурою. Одесса, 21 Сентября, 1865 года.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ДИРЕКТОРУ КОММИССІИ

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ,

ІОСИФУ ГРИГОРЬЕВИЧУ

МИХНЕВИЧУ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль издаваемыхъ мною «Очерковъ исторіи русской литературы» — быть популярной книгой для чтенія и служить пособіемъ при изученіи исторіи русской литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Я хотѣлъ прослѣдить судьбы русской литературы, съ древнѣйшихъ временъ, и представить, въ возможно-полномъ очеркѣ, весь ходъ ея развитія — просто, наглядно, безъ всякихъ школьныхъ формъ и сухаго догматизма. Но въ то же время я смотрѣлъ на дѣло совершенно серьёзно и основывался въ своихъ заключеніяхъ на фактахъ и выводахъ, добытыхъ современной наукой и новѣйшими историко-литературными изслѣдованіями.

Въ какой мѣрѣ я достигъ предположенной цѣли, успѣшно или нѣтъ я выполнилъ свою задачу, — судить объ этомъ, конечно, не мнѣ самому. Но такъ какъ я отступилъ отъ общепринятой, рутинной методы при составленіи подобнаго рода сочиненій; то я долженъ сказать нѣсколько словъ о планѣ и расположеніи своей книги.

Періодъ старинной литературы у меня начинается однимъ общимъ очеркомъ всей устной, или народной словесности; ибо это—словесность *безвременная*, и образованіе того или другаго рода народной поэзіи трудно пріурочить къ опредѣленной исторической эпохѣ. Затѣмъ, при обозрѣніи письменной, или книжной литературы древней Руси, мною допущено раздѣленіе ея

на свѣтскую и духовную и представленъ сначала общій очеркъ литературныхъ памятниковъ, а потомъ—обозрѣніе дѣятельности писателей. Изъ своего обозрѣнія я исключилъ памятники юридическіе и дипломатическіе, на томъ основаніи, что они не принадлежатъ литературѣ. При обозрѣніи памятниковъ, я разсматриваю въ отдѣльныхъ и общихъ очеркахъ: памятники поэтическіе или вообще литературные, литературные сборники, памятники историческіе и наконецъ путешествія, — какъ роды словесныхъ произведеній, болѣе выдающіеся въ древней Руси и могущіе быть причисленными къ свѣтской литературѣ. Къ этому же отдѣлу отнесена мною и вся легендарная литература, обозрѣваемая также въ одномъ цѣльномъ очеркѣ.

Собственно духовная литература разсматривается отдѣльно отъ свѣтской лишь до XV столѣтія. Затѣмъ послѣдній отдѣлъ древняго періода посвященъ литературѣ XV—XVII в. и литературѣ переходнаго времени, — въ эпоху преобразованія. Періодъ новой литературы я начинаю съ Ломоносова, вездѣ держась того порядка, чтобы главные представители эпохъ и важнѣйшія произведенія литературы были очерчены въ подробныхъ характеристикахъ, а около нихъ группировались бы второстепенные писатели и менѣе важныя литературныя явленія.

Трудъ свой я раздѣлилъ на два тома: первый, выходящій теперь въ свѣтъ, заключаетъ въ себѣ очеркъ старинной и одной части новой литературы, — отъ Ломоносова до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія (до Пушкина); а второй (изготовленный къ печати), содержитъ очеркъ новѣйшей литературы, отъ Пушкина до нашего времени. Ко второму тому отнесены мною Крыловъ и Грибоѣдовъ, на томъ основаніи, что значеніе главнѣйшихъ произведеній этихъ писателей выяснилось уже въ пушкинскій періодъ; и еще потому, что я намѣренъ представить въ одномъ цѣльномъ очеркѣ обозрѣніе русской сатиры отъ Карамзина до Гоголя.

Въ такомъ порядкѣ изложенія, казалось мнѣ, всего удобнѣе и легче можно познакомиться съ историческимъ движеніемъ нашей литературы.

Печатаніе моей книги началось еще въ 1862 г.; но, по обстоятельствамъ, оно могло быть окончено только въ нынѣшнемъ году. Потому мой трудъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя значительныя упущенія и недосмотры, которые могутъ быть исправлены только при второмъ изданіи «Очерковъ», — если оно потребуется.

Читатели благоволятъ исправить болѣе грубыя погрѣшности и опечатки, замѣченныя во время печатанія и указанныя въ концѣ тома.

Г. К.

ОЧЕРКЪ

ДРЕВНЯГО ПЕРІОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

УСТНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Словесность письменная, *искуственная*, или собственно литература, является у народовъ, уже достигшихъ извѣстной степени гражданскаго развитія и образованности. Но кромѣ словесности письменной, или *книжной* (какъ ее еще называютъ), у каждаго народа существуетъ еще другая, *безъискуственная*, самобытная словесность,—плодъ непосредственнаго творчества самаго народа,—которая, въ отличіе отъ словесности письменной, или литературы, называется *устною*, или собственно *народною* словесностію. Произведенія устной словесности, зараждаясь въ средѣ самаго народа, какъ проявленіе поэтическаго начала, свойственнаго человѣческой натурѣ, передаются изъ устъ въ уста и переходятъ, такимъ образомъ, отъ одного поколѣнія къ другому. Къ произведеніямъ устной словесности принадлежатъ преимущественно народныя *пѣсни;* потомъ народные *миѳы, сказки, легенды, пословицы* и т. п. сказанія и преданія старины глубокой. Эти первобытныя произведенія поэтическаго творчества самаго народа принадлежатъ большею частію къ эпическому роду поэзіи и составляютъ то, что называютъ обыкновенно *народнымъ эпосомъ* (*). Началомъ народной эпической поэзіи служатъ всегда темныя, до-историческія преданія народа; изъ нихъ онъ слагаетъ свои пѣсни, сказки и т. п. разсказы, которые

(*) Эпосъ происходитъ отъ греческаго слова ἔπος, которое вначалѣ означало—*рѣчь, слово*, а потомъ—τά ἔπη—*поэму, стихъ*. Нѣмецкое—*Saga, Sage* значитъ то же самое. И у насъ—говоритъ г. Буслаевъ—въ древнѣйшую эпоху *слово* употреблялось въ значеніи греческаго *эпосъ* и нѣмецкаго *Sage*, что видно изъ самаго заглавія старинныхъ произведеній—*Слово* о Полку Игоревѣ. (О Словѣ о П. И. говорится далѣе).

живутъ сначала въ памяти народной и переходятъ изъ устъ въ уста; а потомъ они собираются въ отдѣльные сборники чьею-либо искусною рукою, обработываются, приводятся къ единству, и такимъ образомъ, переходятъ въ область литературы письменной, принимая видъ народныхъ эпическихъ поэмъ, въ которыхъ заключаются обыкновенно украшенные поэтическою фантазіею народа разсказы о подвигахъ и приключеніяхъ боговъ, полубоговъ, народныхъ героевъ и славныхъ мужей древности. Такова у народовъ скандинавскихъ ихъ поэтическая *старая Эдда*, или сборникъ старинныхъ пѣсень миѳологическаго и героическаго содержанія; такова у германскихъ народовъ поэма *Нибелунги;* такова финская поэма—*Калевала*, имѣющая почти то же содержаніе, что и Эдда скандинавская.

Русскій народный эпосъ. *Былины.* Русскій національный эпосъ богатъ рѣдкими, замѣчательными памятниками народнаго творчества, дышащими всею свѣжестію первобытной поэзіи. Старинныя эпическія пѣсни русскаго народа, въ которыхъ онъ поетъ о древнихъ богатыряхъ (*) русской земли, называются *былинами*, т. е. *былями*, тѣмъ, что дѣйствительно *было*, что на самомъ дѣлѣ происходило нѣкогда, въ стародавнія времена. Ибо такъ смотритъ на эти пѣсни самъ народъ, и выражаетъ взглядъ свой на нихъ въ извѣстной русской поговоркѣ: *пѣсня — быль* (**). Былины, или древнія эпическія пѣсни русскаго народа живутъ въ немъ повсемѣстно до настоящаго времени. «Эти прекрасныя пѣсни, говоритъ профессоръ Буслаевъ, доселѣ оглашаютъ русскую землю по всѣмъ концамъ ея, воспѣвая миѳическихъ богатырей и историческихъ героевъ нашего отечества.» Содержаніе этихъ пѣсень составляютъ подвиги русскихъ витязей, или богатырей, которыхъ память народная пріурочиваетъ и связываетъ съ временемъ «ласкова князя Владиміра красна-солнышка.»

(*) Слово *богатырь* находится въ тѣсной связи съ словомъ *богатство* и по смыслу корня значитъ собственно *богато-одаренный, силами обильный*. См. «Объ источн. и форм. русскаго баснословія». Дм. Щепкина. М. 1861 г. стр. 36.

(**) Въ Словѣ о Полку Игоревѣ пѣвецъ говоритъ: «начати же ся той пѣсни по *былинамъ* сего времени», т. е. «и начать мнѣ свою пѣснь по современнымъ *былямъ*.»

Былины, пѣсни, и сказки и вообще произведенія устной словесноти съ давнихъ поръ стали обращатъ на себя вниманіе русскихъ ученыхъ и литераторовъ. Но только въ послѣднее время произведенія эти объяснены болѣе или менѣе удовлетворительно трудами гг. Буслаева, Пыпина, Костомарова, К. Аксакова, Безсонова и другихъ, указавшихъ правильную точку зрѣнія на древній періодъ русской литературы. Нашему же времени принадлежитъ изданіе нѣсколькихъ замѣчательныхъ сборниковъ древнихъ пѣсень, сказокъ, легендъ и т. д.; такъ что ученая разработка предмета идетъ въ настоящее время объ-руку съ тщательнымъ собираніемъ фактовъ и изданіемъ памятниковъ древней литературы, съ которыми знакомятся теперь всѣ образованные люди и которые прежде составляли предметъ изслѣдованій однихъ только ученыхъ спеціалистовъ.

Первый сборникъ былинъ, или отдѣльныхъ историческихъ пѣсень, изданъ по рукописи XVIII столѣтія, приписываемой обыкновенно казаку *Киршѣ Данилову*, котораго и считаютъ первымъ собирателемъ древнихъ пѣсень. Рукопись сборника Кирши Данилова, найденная г. Демидовымъ, издана была первый разъ не вполнѣ, въ 1804 году; потомъ рукопись перешла во владѣніе графа Н. П. Румянцова, по порученію котораго и издана вполнѣ Калайдовичемъ, въ 1816 году, подъ заглавіемъ: *Древнія Россійскія Стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ*, и проч.

Но недавно вышли въ свѣтъ два новыхъ сборника древнихъ пѣсень, или былинъ: Пѣсни, собранныя *П. Н. Рыбниковымъ* и Пѣсни, собранныя *П. В. Кирѣевскимъ.* Сборникъ г. Рыбникова, не смотря на то, что онъ еще не оконченъ изданіемъ (такъ же, какъ и сборникъ Кирѣевскаго) заключаетъ въ себѣ много новыхъ и чрезвычайно важныхъ народныхъ былинъ, вовсе неизвѣстныхъ доселѣ, которыя значительно расширяютъ теперь взглядъ на русскій народный эпосъ; въ нихъ упоминается о *богатыряхъ старшихъ*, какъ бы предшествовавшихъ богатырямъ времени Владиміра; а эти послѣдніе богатыри въ пѣсняхъ, собранныхъ г. Рыбниковымъ, являются нынѣ съ болѣе ясной и опредѣленной характеристикой. Сборникъ же Кирѣевскаго отличается тѣмъ, что представляетъ систематическій и возможно полный сводъ былинъ, относящихся до приключеній и подвиговъ каждаго изъ богатырей Владимірова времени.

Намъ слѣдуетъ здѣсь упомянуть о воззрѣніи и взглядѣ на русскую народную поэзію и вообще на древній періодъ нашей словесности еще недавней критики, т. е. Бѣлинскаго. Это воззрѣніе, съ сороковыхъ годовъ, можно сказать, было господствующимъ въ нашей литературной критикѣ. Бѣлинскій, какъ геніальный критикъ, оказалъ незабвенныя заслуги русской литературѣ и русскому просвѣщенію вообще. Но, признавая въ древней жизни Руси азіатскій застой и издавна-таившуюся испорченость и доказывая, что только реформа Петра Великаго пробудила русскій народъ отъ продолжительнаго сна и призвала къ жизни, Бѣлинскій естественно долженъ былъ смотрѣть на народную поэзію и на русскую литературу до-петровскаго періода какъ на что-то, лишенное жизненныхъ основъ и не способное къ самостоятельному и послѣдовательному развитію. Критика времени Бѣлинскаго видѣла въ русскихъ богатырскихъ былинахъ и сказкахъ не болѣе, какъ выраженіе грубой силы, безцѣльной удали и молодечества, свойственныхъ древне-русской жизни; находила въ нихъ только грубость и татарство, дикіе идеи и óбразы и чудовищныя восточныя преувеличенія, едва допуская свѣжесть и оригинальность первобытной поэзіи въ этихъ произведеніяхъ народнаго творчества. Но послѣ Бѣлинскаго наступила пора серьёзнаго изслѣдованія и изученія древней жизни и народной словесности; и хотя по многимъ вопросамъ еще не установилось опрѣдѣленнаго мнѣнія, многіе памятники еще не разработаны; но уже и то, что сдѣлано въ настоящее время, говоритъ о несостоятельности мнѣній и взгляда критики Бѣлинскаго на русскую народную поэзію и на до-петровскій періодъ русской жизни вообще.

Позднѣйшіе изслѣдователи, разсматривая всѣ стороны жизни древней Руси, въ связи съ миѳологическими, историческими и поэтическими памятниками соплеменныхъ народовъ, нашли, что русская народная поэзія подвергалась дѣйствію тѣхъ же законовъ, по которымъ составился народный эпосъ не только у славянскихъ, но и у другихъ европейскихъ народовъ; но что развитіе русскаго народнаго эпоса было задержано вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ древне-русской жизни; и потому пѣсни, воспѣвающія пиры Владиміра и его богатырей, живя въ народѣ до настоящаго времени, отъ каждой эпохи, не благопріятной для развитія русской жизни, принимали какую нибудь черту, чуждую ихъ древней поэтической основѣ.

Разсмотримъ теперь самыя пѣсни.

Древность русскихъ народныхъ былинъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ нихъ видно сходство со многими лѣтописными сказаніями; напр. о пирахъ Владиміра и присутствіи на нихъ богатырей говоритъ Несторъ; въ нихъ упоминаются только тѣ города, которые существовали при Владимірѣ. Но древность этихъ пѣсень подтверждается болѣе всего тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ явственными остались слѣды славянской миѳологіи. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны нѣкоторыя изъ былинъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ г. Рыбникова. Таковы цѣлыя былины, въ которыхъ говорится о богатыряхъ до-владиміровскихъ: *Святогоръ*, *Суханъ*, или *Сухманъ*, *Микулъ Селяниновичъ* и о двухъ братьяхъ *Ливикахъ*. Покойный К. Аксаковъ назвалъ ихъ *богатырями старшими* и первый изъ русскихъ ученыхъ опредѣлительно указалъ отличіе этихъ старшихъ или *титаническихъ* богатырей отъ младшихъ, человѣкоподобныхъ, къ которымъ относятся: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичь, Алеша Поповичъ, Чурило Пленковичъ, Дюкъ Степановичъ и другіе. Аксаковъ назвалъ эпоху старшихъ богатырей «эпохой *титанической* или *космагонической*, гдѣ сила, получая очертаніе человѣческаго образа, еще остается силою міровою, гдѣ являются богатыри-стихіи.»

Къ такимъ то *стихіямъ-богатырямъ* относятъ во-первыхъ *Святогора*, этого богатыря силы непомѣрной, котораго и *земля не держитъ*. Былина говоритъ, что богатырь выѣхалъ въ чисто поле, да не съ кѣмъ ему силой помѣряться.

А сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается.
Грузно отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.
Вотъ и говоритъ Святогоръ:
«Кабы я *тяги* нашелъ,
Такъ бы я всю землю поднялъ!»

Наѣзжаетъ Святогоръ въ степи на маленькую сумучку переметную, беретъ погонялочку, пощупаетъ сумочку, — она не скрянется, двинетъ перстомъ ее — не сворохнется, хватитъ съ коня рукою — не подымется.

«Много годовъ я по свѣту ѣзживалъ (говоритъ богатырь)
А эдакова чуда не наѣзживалъ,
Такова дива не видывалъ;
Маленькая сумочка переметная
Не скрянется, не сворохнется, не подымется!»

Слѣзаетъ Святогоръ съ своего добраго коня, и какъ только хотѣлъ поднять сумочку обѣими руками, повыше колѣнъ, такъ самъ угрязъ въ землю по колѣно, —

«А по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ.
Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать не могъ.»

«Тутъ ему было и кончаніе» — заключаетъ былина. Онъ хотѣлъ поднять *тягу земную*; но и у него не достало для этого силы. Въ другомъ разсказѣ это столкновеніе стихійной богатырской силы *съ силою земли* является еще поразительнѣе. Ѣхалъ Святогоръ дорогою и по пути встрѣтилъ прохожаго; припустилъ коня своего богатырь; но никакъ не можетъ догнать прохожаго; поѣдетъ онъ во всю прыть— прохожій идетъ впереди, ступою поѣдетъ — прохожій все таки впереди идетъ; богатырь сталъ просить его: «Ай же ты, прохожій человѣкъ, пріостановись немножечко, не могу догнать тебя на добромъ конѣ.» Пріостановился прохожій, снялъ съ плечъ сумочку и положилъ ее на землю. — «Что у тебя въ сумочкѣ? спрашиваетъ богатырь. — А вотъ, подыми съ земли, такъ и увидишь.» Но и тутъ, при всѣхъ усиліяхъ, онъ не можетъ поднять сумочки и только «самъ по колѣно въ землю угрязъ.» — Что это у тебя въ сумочкѣ? говоритъ богатырь. Силы мнѣ не занимать стать, а я и сдвинуть сумочку не могу.— «Въ сумочкѣ у меня *тяга земная.*» — Да ктоже ты есть и какъ тебя именемъ зовутъ, величаютъ какъ по изотчинѣ?—Я есть *Микула Селяниновичъ.*— Такимъ образомъ, представителемъ *силы* земли здѣсь является *селянинъ;* только ему, землепашцу, сыну *селянина*, покорна *тяга земная.* И въ какихъ поэтическихъ образахъ, съ какою любовію народная фантазія рисуетъ этого *Микулу Селяниновича!*

Молодой Вольга́ Святославговичъ,
Со всею дружинушкой хороброю
Онъ поѣхалъ къ городамъ за получкою (за данью)
Выѣхалъ въ раздольице чисто поле,

Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ ра̀тая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ.
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ (*).
Ѣхалъ Вольга́ до ратая
День съ утра онъ до вечера,
Со всею дружиношкой хороброей,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Ѣхалъ Вольга́ еще другой день,
Другой день съ утра до вечера,
А не могъ онъ до ратая доѣхати.
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Сошка у ратая поскрипываетъ,
Омѣшики по камешкамъ почеркиваютъ.
Ѣхалъ Вольга́ още третій день
Третій день съ утра до побѣдья,
Наѣхалъ онъ въ чистомъ полѣ ратая:
Оретъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,
Съ края въ край борозды пометываетъ;
Въ край онъ уѣдетъ, другаго не видать;
Коренья, каменья вывертываетъ,
А великія-то всѣ каменья въ борозду валитъ;
Кобыла у ратая соловая,
Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые.
Говоритъ Вольга́ таковы слова:
«Божья ти помочь, оратаюшко!
Орать, да пахать, да крестьянствовати,
Съ края въ край бороздки пометывати,
Коренья, каменья вывертывати!»
Говорилъ оратай таковы слова:
— Подитко, Вольга́ Святославговичъ,

(*) Былина эта записана въ Олонецкой губерніи и въ ней поразительно вѣрно представлена мѣстная картина: въ Заонежьѣ и Подожскомъ уѣздѣ почва чрезвычайно каменистая и нивы буквально усѣяны камнями.

— Со своею со дружиношкой хороброю,
— Мнѣ-ко надобна Божья помочь крестьянствовати!
— Далеко-ль, Вольга́, ѣдешь, куда путь держишь
— Со своею со дружинушкой хороброю? —
«Ай же ты, ратаю, ратаюшко!
Ѣду къ городамъ за получкою:
Къ первому городу ко Гурчевцу,
Ко другому ко городу къ Орѣховцу,
Ко третьему городу ко Крестьяновцу».

Вотъ въ какомъ простомъ, но высоко-художественномъ, поэтическомъ образѣ представляетъ себѣ народъ своего брата-пахаря, оратая, который у него служитъ представителемъ земли, которому одному далась и *тяга земная!* Тогда какъ съ нею, съ этою силою земли, не могъ справиться, какъ мы видѣли выше, одинъ изъ старшихъ богатырей, Святогоръ. Въ поэтическомъ образѣ Микулы Селяниновича народъ олицетворяетъ мысль прекрасную и глубокую, показывая, какое значеніе придаетъ онъ землѣ, труду земледѣльческому, силѣ земли.

Въ этой же самой былинѣ Микула говоритъ Вольгѣ, что онъ на бороздѣ оставилъ свою сошку, и проситъ послать кого-нибудь выдернуть сошку изъ земли и бросить за ракитовый кустъ. Вольга́ посылаетъ изъ своей дружины сначала пять могучихъ молодцовъ, потомъ десять, и наконецъ всю свою дружинушку *хоробрую*; но и вся его дружина ничего не можетъ сдѣлать съ сохой крестьянской, даже съ мѣста сдвинуть не можетъ. Но къ ней подъѣхалъ «оратай оратаюшко, одной рукой сошку съ земли повыдернулъ, изъ омѣшиковъ земельку повытряхнулъ и бросилъ сошку за ракитовъ кустъ.» Ясно изъ этого, какую силу народъ приписываетъ оратаю и какую вѣру онъ питаетъ въ него. — Когда *Илья Муромецъ*, представитель богатырей младшихъ, получилъ свою силу богатырскую отъ *каликъ перехожихъ* (странниковъ), они ему завѣщали не биться «съ родомъ Микуловымъ,» потому что «его любитъ матушка сыра земля.» Дочери Микулы Селяниновича, старшая, жена богатыря боярина Ставра, Василиса Микулишна, и младшая, жена богатыря Добрыни Никитича, Настасья Микулишна, являются въ пѣсняхъ добродѣтельными и лучшими женскими образами, какіе только создавала русская народная поэзія: онѣ са-

мыя любящія, честныя, вѣрныя и преданныя жены своихъ мужей. Тогда какъ другія женщины, выведенныя въ пѣсняхъ, вовсе не имѣютъ подобныхъ качествъ. Словомъ, гдѣ ни говорится въ былинахъ о Микулѣ или о его родѣ, вездѣ народное творчество относится къ нему съ особенною любовію и задушевною симпатіею.

Сколько неподдѣльной, живой поэзіи въ этихъ словахъ Микулы, которыми онъ обрисовываетъ свою личность и свою дѣятельность, когда Вольга̀ спрашиваетъ его объ имени!

Говорилъ Вольга́ Сватославговичъ:
«Ай же ты, ратаю ратаюшко!
Какъ-то тобя именемъ зовутъ,
Какъ звеличаютъ по отчеству?»
Говорилъ оратай таковы слова:
— Ай же, Вольга Святославговичъ!
— А я ржи напашу, да во скирды сложу,
— Во скирды складу, домой выволочу,
— Драни надеру, да и пива наварю,
— Пива наварю, да и мужичковъ напою.
— Станутъ мужички меня покликивати:
— «Молодой Микулушка Селяниновичъ!»

Вольга̀, упоминаемый въ приведенномъ отрывкѣ, въ другихъ былинахъ слыветъ подъ именами *Волха Сеславича*, или *Всеславьевича* или *Вольгй Буслаевича*, въ которомъ г. Безсоновъ видитъ князя Олега, что весьма вѣроятно. Въ лѣтописи Нестора говорится, что Олегъ на корабляхъ подъѣхалъ по-суху къ Цареграду; народъ называлъ Олега *вѣщимъ*, т. е. всезнающимъ, мудрымъ, чародѣемъ. Такимъ точно фантазія народная олицетворяетъ его и въ своихъ поэтическихъ сказаніяхъ. Уже самое рожденіе его является сверхъ-естественнымъ. Онъ былъ сыномъ змія, а мать его была нѣкая княжна, Марѳа Всеславьевна. Его появленіе на свѣтъ былина передаетъ въ весьма поэтическихъ о̀бразахъ, разсказывая про тотъ дивный переворотъ, который произошолъ на всей землѣ при появленіи на свѣтъ Волха Всеславьевича.

Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство индѣйское,
А и синее море сколебалося

Для ради рожденія богатырскаго
Молода Волха Всеславьевича;
Рыба пошла въ морскую глубину,
Птица полетѣла высоко въ небеса,
Туры да олени за горы пошли,
Зайцы, лисицы по чащицамъ,
А волки медвѣди по ельникамъ,
Соболи, куницы по островамъ.

Записанная въ сборникѣ г. Рыбникова старина, подъ названіемъ *Вольга̀ Буслаевичъ*, доказываетъ, что память о походѣ Олега въ Византію сохранилась въ народѣ и перешла въ чисто-баснословное сказаніе о томъ, какъ Олегъ *повернулся* птицей-пташицей, полетѣлъ по подоблачью во турецъ-землю, подслушалъ рѣчи Турецкаго царя *(турецъ-сантала* или *салтана)* съ царицею, потомъ повернулся *горносталюшкой*, потомъ добрымъ молодцомъ, вошелъ въ оружейную комнату турецъ-сантала и перепортилъ у него все оружіе:

И тугіе луки перéломалъ,
И шелковыя тетивочки пéрервалъ,
И каленыя стрѣлы всѣ повыломалъ и проч.

Былина эта начинается прекрасными стихами, въ которыхъ говорится также о сверхъ-естественныхъ чудесахъ, совершившихся при рожденіи Вольги Буслаевича.

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря широкія,
Разсаждалися звѣзды частыя по свѣтлу небу:
Порождался Вольга̀ сударь Буслаевичъ,
На матушкѣ святой Руси.
Росъ Вольга̀ Вуслаевичъ до пяти годковъ.
Пошелъ Вольга̀ сударь Буслаевичъ по сырой земли,
Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подоблачью раслеталися
И рыбы по синю морю разметалися и проч.

Такимъ образомъ, Олегъ остался въ памяти народной богатыремъ-

чародѣемъ, вѣдуномъ, *оборотнемъ* (*) выучившимся всѣмъ хитростямъ и мудростямъ, и про него до сихъ поръ поется, что онъ если «не силой возьметъ, такъ хитростію-мудростію.»

Какъ въ представленныхъ примѣрахъ, такъ и во многихъ другихъ былинахъ, даже въ былинахъ, относящихся къ богатырямъ *младшимъ*, человѣко-образнымъ, явно видны остатки древняго миѳологическаго періода жизни русскаго народа. Многія изъ личностей, выводимыхъ въ пѣсняхъ, носятъ на себѣ слѣды миѳическаго происхожденія. Но народъ забылъ про своихъ миѳологическихъ боговъ; представленія его объ эпохѣ до-исторической, до-христіанской являются въ пѣсняхъ крайне смутными, неопредѣленными; онъ сохранилъ только въ своихъ пѣсняхъ воспоминаніе о существахъ сверхъестественныхъ и о богатыряхъ, обладавшихъ также сверхъестественною силою. Въ одной новгородской былинѣ о *Садкѣ*, богатомъ купцѣ, упоминается впрочемъ существо, имѣющее всѣ свойства существа чисто-миѳологическаго,—это морской царь *Водяникъ* съ женою *Водяницею*. Когда Садковъ корабль остановился однажды въ морѣ и не двигался съ мѣста, то чтобы умилостивить морскаго царя, нужно было принести ему въ жертву живаго человѣка, и жребій выпалъ Садкѣ быть брошеннымъ въ воду. Ему дали гусли, такъ какъ онъ игралъ на нихъ во время пировъ, и спустили по волнамъ на дубовой доскѣ. Садко, плывя такимъ образомъ, очутился въ палатахъ самаго морскаго царя, Водяники и его супруги Водяницы, у которыхъ шелъ въ это время свадебный пиръ: они выдавали замужъ свою любимую дочь

Во тыё во славно Окіянъ-море.

Такъ поэтически, — замѣчаетъ г. Буслаевъ, — народный эпосъ изображаетъ впаденіе рѣки въ море!

Когда Садко заигралъ въ свои гусли *яровчаты*, и царь Водяникъ расплясался, то синее море всколебалося, рѣки выступили изъ береговъ и стали топить корабли и губить православныхъ людей. Но св. Никола Можайскій, патронъ новгородцевъ, смиряетъ морскаго царя. Такъ народъ смѣшиваетъ языческія представленія съ христіанскими вѣрованіями, и такое смѣшеніе понятій мы находимъ во многихъ бы-

(*) Оборотни составляютъ одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ въ преданіяхъ и въ народной поэзіи всѣхъ славянскихъ народовъ.

линахъ. Рѣзкаго рязграниченія въ періодахъ развитія народной поэзіи нельзя найти: всегда періодъ древнѣйшій кладетъ отпечатокъ и входитъ какъ элементъ, болѣе или менѣе существенный, въ поэзію позднѣйшаго образованія. «Эпосъ народный, — говоритъ г. Буслаевъ, — живя въ устахъ поколѣній въ теченіи многихъ вѣковъ, доходитъ до насъ преисполненный самыми странными, другъ другу противорѣчащими анахронизмами и другими несообразностями. Иногда въ одномъ и томъ же лицѣ онъ смѣшиваетъ разновременныя и разнохарактерныя черты.... Забывая свою миѳологію, народъ даетъ большій просторъ своей фантазіи, и чтобъ имѣть точку опоры, переводитъ миѳологическія существа на историческую почву.»

Изъ сказаннаго можно видѣть, что и русская народная поэзія слѣдовала по тому же естественному пути въ своемъ образованіи, какъ и всякое народное творчество; она также имѣла свою миѳологическую эпоху, остатки которой мы замѣчаемъ еще и теперь, но которую опредѣлить, по этимъ остаткамъ, теперь весьма трудно; ясно только то, что русскія миѳологическія понятія и преданія имѣютъ связь съ преданіями прочихъ славянскихъ племенъ.

За миѳологіей слѣдуетъ обыкновенно исторія; и въ народной поэзіи послѣ періода миѳологическаго наступаетъ періодъ героическій или историческій, которому въ русскомъ народномъ эпосѣ соотвѣтствуетъ періодъ богатырей *младшихъ*. По преданію народному, богатыри эти жили во времена Владиміра. Такова уже неизмѣнная эпическая форма древней русской былины о богатыряхъ кіевскаго періода, что она всѣхъ ихъ группируетъ вокругъ «ласкова князя Владиміра красна-солнышка», стольнаго князя кіевскаго. Даже и такихъ богатырей, которые явно принадлежатъ къ временамъ до-историческимъ, богатырей *старшихъ*, каковъ напр. *Суханъ* или *Сухманъ*, народное творчество заставляетъ быть современниками Владиміра или еще позднѣйшихъ эпохъ. Замѣтимъ здѣсь, что говоритъ г. Буслаевъ относительно названія *богатыри старшіе*. «Названіе это, по его словамъ, дано только по отношенію къ позднѣйшей эпохѣ, т. е. исходя отъ понятій о богатыряхъ цикла Владимірова. Народъ только хотѣлъ заявить, что эти существа предшествуютъ богатырямъ Владиміра красна-солнышка, но что они такое сами по себѣ, независимо отъ богаты-

рей младшихъ, — неизвѣстно. Какъ существа стараго порядка вещей, они должны быть вытѣснены потомками, которые заступять ихъ мѣсто.»

Но богатыри позднѣйшаго періода, или собственно богатыри Владиміра, являются въ былинахъ постоянно вокругъ князя Владиміра, и потому можно вполнѣ согласиться съ К. Аксаковымъ, что вѣроятно пѣсни о нихъ были пѣты если не при самомъ Владимірѣ, то вскорѣ послѣ него. Сравненіе между собою разнообразныхъ видоизмѣненій, или *варіантовъ* одной и тойже пѣсни, показываетъ, что главные черты преданія о временахъ Владиміра переданы весьма вѣрно въ произведеніяхъ народнаго творчества, что и даетъ поводъ заключить, что преданіе дѣйствительно можетъ идти отъ самаго Владиміра. Такимъ образомъ, всѣ древнія пѣсни о богатыряхъ составляютъ какъ-бы отдѣльную эпопею Владиміра, живущую въ памяти народа вотъ уже почти цѣлое тысячелѣтіе. О подвигахъ самаго Владиміра, правда, много не говорится въ пѣсняхъ; образъ его не является здѣсь ни особенно величавымъ, ни воинственнымъ; онъ не обладаетъ богатырской силой, ни даже храбростію; онъ только созываетъ на свои веселые пиры князей, бояръ, русскихъ могучихъ богатырей да богатыхъ гостей, и самъ любитъ на пирахъ «распотѣшиться» да

По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черны кудри расчесываетъ,

и вызываетъ изъ числа собравшихся къ нему богатырей охотниковъ «сослужить службу дальную, заочную.» Главными же дѣйствующими лицами являются въ пѣсняхъ могучіе богатыри, или витязя русской земли. Но князь Владиміръ служитъ какъ-бы центромъ соединенія для всѣхъ ихъ богатырскихъ подвиговъ, и своею личностію и прикосновенію къ этимъ подвигамъ, придаетъ характеръ единства всей народной эпопеѣ русской. Замѣтимъ притомъ, что пѣсни эти не дошли до насъ во всей полнотѣ. «Иная пѣсня, говоритъ К. Аксаковъ, очевидно представляетъ отрывокъ, иная намекаетъ на событія, неизвѣсныя намъ, и даетъ чувствовать, что была можетъ быть цѣлая эпопея, теперь утраченная въ своей цѣлости.»

Владиміръ князь является обыкновенно только въ былинахъ, относящихся до подвиговъ богатырей собственно кіевскихъ. Есть еще другой разрядъ былинъ, объ *удальцахъ новгородскихъ*, о Василіѣ Бусла-

евичѣ, о Садкѣ, богатомъ купцѣ, гдѣ вмѣсто Кіева и стольнаго князя Владиміра былины говорятъ о *государѣ Великомъ-Новгородѣ*, жившемъ, какъ извѣстно, самостоятельною и отдѣльною отъ Кіева политическою жизнію; и потому былина новгородская отличается существенно отъ былины кіевской.

И такъ, герой каждой пѣсни, или былины — могучій богатырь, обыкновенно обладающій непомѣрною силою. Онъ ѣдетъ въ Кіевъ; является ко двору велико-княжескому. У Владиміра красна-солнышка, (доступъ къ которому всегда открытъ), идетъ между тѣмъ безконечный пиръ; входитъ богатырь въ свѣтлую гридню княжескую; князь встрѣчаетъ его привѣтливо, спрашиваетъ, какъ его по имени зовутъ, по изотчеству; потомъ князь приказываетъ подать или самъ подаетъ богатырю чару зелена вина въ полтора ведра и турій рогъ меду сладкаго; богатырь выпиваетъ, садится на дубовую богатырскую скамью и принимаетъ участіе въ общемъ пирѣ. Тутъ Владиміръ князь начинаетъ вызывать охотниковъ на тотъ или другой богатырскій подвигъ. Вотъ мотивъ, общій болѣе или менѣе, всѣмъ былинамъ кіевскимъ, которыя по большей части всегда начинаются такъ:

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова, сударь, князя Владиміра,
А и было пированье, почестный пиръ,
Было столованье, почестный столъ.
Много на пиру было князей, бояръ,
И русскихъ могучихъ богатырей;
А и будетъ день въ половину дня,
Княженецкій столъ въ полустолѣ,
Владиміръ князь разпотѣшился
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черныя кудры расчесываетъ;
Говоритъ онъ, сударь ласковой
Владиміръ князь, таковы слова.

Первое мѣсто между богатырями Владиміра занимаетъ *Илья Муромецъ*, любимый герой русской народной былины, которая отличаетъ его отъ всѣхъ прочихъ богатырей.

Онъ сиднемъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ, не двигаясь, не владѣя ни руками, ни ногами, потомъ разомъ всталъ на богатырскіе подвиги.

Въ славномъ городѣ во Муромѣ,
Въ селѣ было Карачаровѣ (*)
Сиднемъ сидѣлъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, крестьянскій сынъ.

Такъ начинается былина про Илью Муромца. И такъ, Илья былъ сынъ крестьянина; къ нему приходятъ однажды *калики перехожіе* (**) и за то, что онъ ихъ пустилъ въ домъ, дарятъ его богатырской силой и говорятъ:

Будешь ты, Илья, великій богатырь,
И смерть тебѣ на бою не писана.

Илья Муромецъ, какъ видно изъ пѣсень, сильнѣе всѣхъ богатырей; но онъ употреблялъ свою силу только «добрымъ на радость, злымъ на страхъ.» Илья — личность гуманная и вполнѣ человѣчная: онъ не любитъ «кровавить» по-напрасну рукъ, не хочетъ проливать даромъ ни чьей крови, даже «поганой татарской;» онъ не любитъ хвастаться своею силою, подобно другимъ богатырямъ; онъ всегда благородно вступаетъ въ бой со врагомъ, становится съ нимъ «со бѣла лица.» Всѣ богатыри молоды и съ молодыхъ лѣтъ пускаются въ поѣздки богатырскія; одинъ Илья не молодъ. Онъ употреблялъ свою силу всегда сознательно, съ пользою, всегда для добраго дѣла. Пѣсни называютъ его иногда *старый казакъ*, Илья Муромецъ. Конечно слово *казакъ* — позднѣйшая вставка; но оно доказываетъ, что народное творчество смотритъ на Илью, какъ на оберегателя предѣловъ русскихъ, защитника Руси, *по окраинамъ* которой образовалось впослѣдствіи казачество, съ цѣлію охранятъ пограничные предѣлы русскіе. Вотъ главные подвиги Ильи Муромца: онъ взялъ въ плѣнъ и потомъ убилъ Соловья-разбойника, отъ котораго уже тридцать лѣтъ залегла дорога прямоѣзжая въ Кіевъ, и по той дорогѣ уже давно никто не ѣздилъ; потому что Соловей-разбойникъ засѣлъ тамъ на семи дубахъ и погубилъ уже множество народу. По пути въ Кіевъ, Илья избавляетъ го-

(*) Оно и теперь еще находится близъ Мурома. Смотр. К. Аксакова: *Богатыри временъ Велик. Кн. Владиміра*.

(**) *Странники*. По объясненію Г. Безсонова, калики—олицетвореніе древняго, кочеваго быта.

*

родъ Бекетовецъ (по другимъ пѣснямъ городъ Кидажъ) отъ Татаръ и *Литвы*, не смотря на то, что далъ себѣ «заповѣдь крѣпкую: во пути, во дороженькѣ, рукъ чтобы мнѣ не кровавити.»

«Всякій то, братцы, заповѣдь кладываетъ,
А не всякій заповѣдь исполняетъ,

говоритъ по этому случаю Илья и, не задумавшись, освобождаетъ русскій городъ отъ вражьей силы. — На Кіевъ поднялся Калинъ царь Золотой Орды, съ несмѣтною ратію татарскою. Илья побиваетъ всѣхъ Татаръ и освобождаетъ Кіевъ. Тутъ конечно анахронизмъ, который въ пѣсняхъ постоянно встрѣчается: ко времени Владиміра отнесена эпоха татарская. Но подобныя анахронизмы легко объясняются; народное воображеніе замѣнило въ пѣсняхъ враговъ прежнихъ врагами новыми — Печенѣговъ и Половцевъ или Хазаръ — Татарами, и вотъ Владиміръ посылаетъ дани выплаты въ Золотую Орду. Весь ужасъ татарскаго нашествія на Россію съ особенною живостію передается въ слѣдующихъ стихахъ былины:

Да изъ Орды Золотой земли,
Изъ тоя Магазеи богатыя,
Когда подымался злой Калинъ царь,
Злой Калинъ царь Калиновичь,
Къ стольному городу ко Кіеву,
Со своею силою поганою.
Не дошелъ онъ до Кіева за семъ верстъ,
Становился Калинъ у быстра Днѣпра:
Собиралося съ нимъ силы на сто верстъ
Во всѣ тѣ четыре стороны!
Зачѣмъ мать сыра земля не погнется,
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго,
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.

Другой герой пѣсень, *Добрыня Никитичъ*, — также одинъ изъ могучихъ русскихъ богатырей. По лѣтописямъ, Добрыня — дядя князю

Владиміру, а по пѣснямъ — онъ его племянникъ. Вотъ его подвиги. Онъ очищаетъ дороги прямоѣзжія, вырубилъ Чудъ бѣлоглазую, *перекратилъ* (укротилъ, уничтожилъ) Сорочину долгополую, Черкесовъ пятигорскихъ, «а и тѣхъ Калмыковъ съ Татарами, Чукчи всѣ и Алюторы» (*). Добрыня сразилъ *Змѣище-Горынчище* о двѣнадцати хоботахъ, зашелъ въ его пещеры бѣлокаменныя, нашелъ много злата серебра, перебилъ его дѣтей, повыручилъ *полоны* русскіе, освободилъ княжну Запаву Путятичну, племянницу Владиміра. Всѣ чудовища въ народныхъ былинахъ, всѣ эти *Тугарины Зміевичи*, *Змѣи Горыничи*, *Соловьи-разбойники, Идолища поганыя* и проч. имѣли, безъ сомнѣнія, вначалѣ значеніе миѳологическое; а впослѣдствіи народъ олицетворилъ въ лицѣ этихъ чудовищъ различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ родной земли.

Илья и Добрыня были прямые и честные богатыри; всегда вступали въ открытый бой съ врагами, безъ всякой хитрости и уловокъ, и проливали кровь только въ необходимости. Добрыня съ грустнымъ чувствомъ говоритъ матери, зачѣмъ она при самомъ рожденіи не спустила его въ синее море. Тогда бы онъ не проливалъ крови неповинной,

Не слезилъ (бы) Добрыня отцовъ матерей,
Не вдовилъ Добрыня молодыхъ женъ,
Не пускалъ сиротить малыхъ дѣтушекъ.

Далеко не походилъ на двухъ названныхъ богатырей, *Алеша Поповичъ*, богатырь, который беретъ не столько силой, сколько хитростію и дерзкимъ, наглымъ обманомъ; онъ всегда готовъ на дурное дѣло. Этотъ характеръ остается за Алешей Поповичемъ неизмѣнно во всѣхъ пѣсняхъ, гдѣ только ни появляется Алеша. Единственный богатырскій подвигъ его, единственной, о которомъ упоминаютъ пѣсни, это убіеніе чудовища Тугарина Зміевича. Да и тутъ Алеша отрубилъ ему голову обманомъ. — «Ты бился со мною о великій закладъ, — говоритъ онъ своему сопернику, — драться одинъ на одинъ, а за тобой теперь силы и смѣты нѣтъ на меня, на Алешу.» Тугаринъ оглянулся назадъ; въ то время Алеша подскочилъ и срубилъ ему голову.

(*) Алюторы — названіе одного изъ сибирскихъ народовъ; Сорочина—Сарацыны, магометане, по объясненію К. Аксакова.

Изъ другихъ лицъ въ пѣсняхъ упоминаются: *Чурила Пленковичъ*, народный красавецъ и щеголь; онъ богаче самаго князя Владиміра и содержитъ храбрую дружину; *Бояринъ Ставръ; Дунай Ивановичъ* — очевидно воспоминаніе о какой нибудь миѳической личности. Дунай изъ отчаянія, что убилъ по неосторожности жену свою, закалываетъ себя самаго и бросается въ рѣку; пѣсня прибавляетъ:

Потому быстра рѣка Дунай слыветъ,
Своимъ устьемъ впала въ сине море.

Интересна очень и исполнена блестящей поэзіи пѣсня про заѣзжаго гостя, богатаго *Соловья Будиміровича*. Начинается она слѣдующимъ прекраснымъ припѣвомъ, которымъ впрочемъ начинаются и многія другія былины.

Высота ли высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море;
Широко раздолье по всей землѣ,
Глубоки омуты днѣпровскія.

Эта пѣсня напоминаетъ о богатой торговлѣ русскихъ съ Греціей и о проходившихъ въ Кіевъ судахъ съ греческими товарами:

Прибѣжали корабли подъ славный Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарныя пошлины платили.

Соловей приноситъ князю и княгинѣ подарки, между прочимъ: «дорогу камку, что не дорога камочка — узоръ хитеръ: хитрости были Царяграда» и проч.

Былинъ собственно *новгородскихъ* къ намъ дошло очень немного; но недостатокъ этотъ вполнѣ выкупается ихъ прекрасными поэтическими достоинствами. Мы говорили уже о новгородской былинѣ про Садка, богатаго купца, и представили изъ нея живую и весьма поэтическую картину, какъ отъ пляски морскаго царя само море всколебалося и быстры рѣки разливалися и стали топить корабли. Такое поэтическое олицетвореніе водяныхъ божествъ, покровительствовавшихъ торговлѣ Новгорода, запечатлѣно прекрасною мыслію и дышетъ неподдѣльной поэзіей. Про Садка существуетъ двѣ былины и въ обѣихъ героемъ является, кромѣ самаго Садка, и богатый Великій-Новго-

родъ. Въ нихъ мы находимъ поэтически олицетворенными и какъ бы живыми существами: рѣки, озера, моря, служившія проводниками для богатой торговли новгородцевъ. Тутъ и матушка Волга-рѣка и Ильмень-озеро даютъ совѣты Садкѣ, какъ жить въ Новѣгородѣ; тутъ и сине море Хвалынское (Каспійское), тутъ и Волхъ-рѣка (Волховъ), и по ней бѣгутъ побѣгутъ корабли къ Великому-Новгороду; тутъ и рыба красная превращается въ рукахъ Садка въ червонцы, — все это запечатлѣно идеей и полно живой поэзіи и одушевленія.

Новгородскія былины про *Василія Буслаевича, удалаго молодца*, не менѣе замѣчательны. Василій Буслаевичъ — это образецъ ничѣмъ неукротимаго молодечества, русской удали и избытка силъ, не направленныхъ къ полезной дѣятельности, и потому безплодныхъ. Былины новгородскія вообще рисуютъ вѣрную и поэтическую картину жизни торговаго и вольнаго населенія новгородцевъ и отличаются особенною силою выраженій и обиліемъ поэтическихъ образовъ.

Вотъ весь кругъ былинъ, или древнерусскихъ эпическихъ пѣсень, составляющихъ главную основу русскаго народнаго, или *богатырскаго* эпоса, какъ его называетъ профессоръ Буслаевъ. Что хотѣло выразить народное творчество, создавая своихъ богатырей? — Скажемъ сначала, что богатырскія пѣсни вполнѣ соотвѣтствуютъ эпохѣ, которую изображаютъ. Хотя послѣдующіе вѣка наложили на нихъ сильный отпечатокъ, тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть на всѣхъ пѣсняхъ кіевскаго и новгородскаго періода глубоко-древней основы. Во всѣхъ младенчествующихъ обществахъ матерьяльная, физическая сила является на первомъ планѣ, преобладаетъ надъ всѣмъ остальнымъ; и вотъ фантазія народная доводитъ эту силу въ нашихъ богатыряхъ до чудовищныхъ размѣровъ. Пиры Владиміра, которые онъ устраивалъ *по всей недѣли* и на которые собиралось множество людей разнаго званія, имѣютъ за себя несомнѣнное историческое свидѣтельство лѣтописи. Самые богатыри, упоминаемые въ пѣсняхъ, принадлежатъ къ разнымъ сословіямъ и сходятся ко двору княжескому съ разныхъ концовъ Руси.

Мы видимъ въ пѣсняхъ, кромѣ того, явные слѣды язычества — съ одной стороны и вліяніе христіанства — съ другой. О миѳологическомъ характерѣ богатырскихъ былинъ мы имѣли случай упо-

минать нѣсколько разъ. Древнее язычество отражается въ особенности на женскихъ лицахъ пѣсень, между которыми встрѣчаются женщины-чародѣйки, *вѣщія*, женщины-*оборотни*, колдуньи, повѣрья о которыхъ живутъ въ народѣ и до сего дня, и которыя въ пѣсняхъ и сказкахъ превращаютъ людей въ звѣрей и животныхъ, собираютъ слѣды молодецкіе и бросаютъ ихъ въ огонь и т. п. Вообще вѣщія дѣвы и вѣщія женщины имѣютъ въ нашей эпической народной поэзіи большое значеніе. Такова *Марина*, съ которой вѣнчается Добрыня вокругъ ракитова куста (тоже языческій обычай) таковы *Нѣпра* и *Настасья Королевишны*, жены богатырей *Дона* и *Дуная*,—которые въ свою очередь напоминаютъ миѳологическое олицетвореніе рѣкъ; таковы и нѣкоторыя другія вѣщія дѣвы, упоминаемыя въ пѣсняхъ. Женщины, выводимыя въ богатырскихъ пѣсняхъ, являются, большею частію, то воинственными героинями, достойными подругами богатырей, какъ жена Дуная и бояриня Ставра; то грубыми и чувственными, какъ жена самаго князя Владиміра, вымышленная княгиня *Опраксѣя*, или *Апраксѣевна*. О чародѣйской силѣ, которая дѣйствуетъ въ пѣсняхъ, упоминается не разъ въ лѣтописяхъ.—Слѣды же христіанства явно отпечатлѣлись въ пѣсняхъ на характерѣ и подвигахъ самихъ богатырей: всѣ они *православные* и сражаются съ врагами *невѣрными и погаными*, защищаютъ вѣру православную, т. е. христіанскую и крещеныхъ людей. Алеша Поповичъ передъ битвой съ Тугариномъ молился всю ночь со слезами, чтобы Богъ послалъ ему въ помощь тучу грозную съ дождемъ и градомъ и «Алешины молитвы доходны до Христа», говорится въ пѣснѣ. Всѣ подвиги Ильи Муромца отличаются христіанскимъ смиреніемъ и благодушіемъ; онъ и силу-то свою богатырскую получилъ за свои добрыя качества, за гостепріимство, оказанное странникамъ.

Народная поэзія создала своихъ героевъ и одарила ихъ сверхъестественною силою, желая вначалѣ олицетворить въ нихъ торжество человѣка надъ враждебными силами природы; а впослѣдствіи народъ видѣлъ въ богатыряхъ защитниковъ русской земли отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ: «первыми являются, говоритъ профессоръ Соловьевъ, степные кочевники, приходившіе съ востока на русскую землю, на стольный городъ Владиміра, вторыми — разбойники.» — И

вотъ мы видимъ, что богатыри въ пѣсняхъ либо сражаются съ врагами, либо убиваютъ чудовища — Соловья-разбойника и другихъ. По свидѣтельству Нестора, подобные внутренніе враги такъ размножились при Владимірѣ, что на истребленіе ихъ посылались цѣлыя войска. Къ врагамъ внѣшнимъ принадлежали азіатскіе народы: Печенѣги, Половцы, Хазары, которые безпрестанно тревожили Кіевъ и нападали въ несмѣтныхъ силахъ на русскія земли. Въ пѣсняхъ эти вражьи силы называются вообще силами *погаными*, часто Татарами; но какъ этотъ, такъ и другіе анахронизмы былинъ, легко объяснить, если вспомнимъ, что пѣсни и былины живутъ и теперь еще въ народѣ, который не учился исторіи и незнакомъ съ хронологіей, и перемѣшать не только эпохи, но и мѣста и лица — для него кажется естественнымъ. Такимъ образомъ, былины несомнѣнно имѣютъ историческую основу. Самые богатыри, Добрыня, Алеша Поповичъ, бояринъ Ставръ упоминаются въ лѣтописяхъ, въ которыхъ при описаніи битвъ нерѣдко говорится о *богатыряхъ*. — Касательно неестественности и преувеличенія въ народныхъ былинахъ слѣдуетъ замѣтить, что эти свойства русской народной поэзіи общи ей съ народною поэзіею почти всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Даже и въ знаменитыхъ разсказахъ о королѣ Артурѣ и Карлѣ Великомъ, напримѣръ, встрѣчается великанъ, чрезвычайно страшный для христіанъ, по имени *Фенакутъ*; сила его равнялась силѣ сорока человѣкъ, лице у него было одинъ локоть въ длину, одинъ его палецъ равнялся величинѣ трехъ ладоней обыкновенныхъ людей. Въ Эддѣ и въ Нибелунгахъ развѣ мы не читаемъ также самыхъ фантастическихъ и поразительныхъ своею неестественностію разсказовъ? Поэтому и на чудесное въ нашихъ пѣсняхъ нельзя смотрѣть какъ на что-то дикое и грубое, какъ на произведеніе народной фантазіи, творившей безъ цѣли и смысла. Фантастическое и сверхъестественное свойственно не однимъ только русскимъ пѣснямъ и сказкамъ: въ первобытной поэзіи каждаго народа полётъ фантазіи всегда беретъ верхъ надъ разсудкомъ.

Историческія пѣсни. Кругъ *собственно историческихъ* былинъ весьма ограниченъ, и въ нихъ уже нѣтъ той свѣжести и силы первобытной поэзіи, какими отличаются былины о богатыряхъ, относящіяся къ

болѣе героической эпохѣ; но за то историческія пѣсни гораздо важнѣе въ томъ отношеніи, что показываютъ, какія событія и какія личности останавливали на себѣ вниманіе и общее сочувствіе народа и возбуждали чувство народной любви или ненависти въ послѣдующій періодъ исторической жизни русскаго народа. Со времени темнаго владычества Татаръ историческія судьбы древней Руси не благопріятствовали развитію поэзіи: правильное развитіе народной жизни, сначала остановленное и подавленное подъ гнетомъ дикихъ поработителей, приняло потомъ, въ эпоху уничтоженія удѣловъ и образованія единовластія Москвы, ложное направленіе, и поэтическая сторона народнаго духа, поэтическое творчество народа стали замѣтно ослабѣвать. Послѣ Владиміра и его богатырей память народная сохранила и увѣковѣчила въ своихъ пѣсняхъ весьма немного историческихъ именъ и событій. Отъ татарской эпохи до насъ дошло всего нѣсколько пѣсень. Пѣсня о *Щелканѣ Дудентьевичѣ*, гдѣ подъ именемъ *Азвяка* разумѣется татарскій ханъ Узбекъ, а подъ именемъ Щелкана Дудентьевича — Шевкалъ, сынъ Дюденя, родственникъ хана. Эта пѣсня замѣчательна потому, что въ ней выразился народный взглядъ на Татаръ и ханскихъ чиновниковъ, или *баскаковъ*, собиравшихъ дань и творившихъ судъ на Руси. Пѣсня эта находится въ сборникѣ Кирши Д. и въ «Сказаніяхъ русскаго народа,» Сахарова. Мы привели выше примѣръ изъ одной былины, относящейся до временъ Владиміра, о Калинѣ царѣ, гдѣ живыми красками изображено нашествіе Татаръ на Россію. Въ пѣсняхъ, собранныхъ г. Якушкинымъ, напечатана одна, очень характерическая пѣсня, про *татарскій полонъ*, какъ русская дѣвушка, попавъ въ плѣнъ къ Татарамъ, сдѣлалась женою бусурмана, и какъ потомъ матери ея, тоже увезенной въ плѣнъ, пришлось убаюкивать внука татарченка.

Болѣе воспоминаній сохранилъ народъ о страшномъ царствованіи Ивана Васильевича Грознаго, и пѣсни о Грозномъ принадлежатъ безспорно къ лучшимъ историческимъ пѣснямъ русскаго народа. Страшная память грознаго царя московскаго, съ его жестокими казнями и палачами, съ опричниками и убіеніемъ сына, — воскрешена въ народныхъ былинахъ и пѣсняхъ со всею яркостію и живостію народнаго творчества.

«Ай же вы слуги мои вѣрные,
«Палачи мои немилосливые!»

говоритъ царь въ пѣсни объ убіеніи сына, и велитъ отвести сына на лобное мѣсто и срубить ему буйную головушку. «Всѣ палачи испужалися, одинъ палачь не пужается, одинъ злодѣй Малюта палачъ, сынъ Скурлатовичъ» (Малюта Скуратовъ) и проч. Въ другой былинѣ говорится, какъ царь на поминки по сынѣ собралъ народъ поголовно и «повелѣлъ бояръ во медвѣжны вшивать, а поповъ приказалъ во кули зашивать, по Москвѣ-рѣкѣ пущать.» (Извѣстно какъ царь Иванъ травилъ медвѣдями бояръ и топилъ въ рѣкѣ новгородцевъ.) Отъ времени Грознаго есть еще пѣсни, основанныя на нѣкоторыхъ, болѣе замѣчательныхъ, событіяхъ его царствованія — взятіи Казани и Астрахани и покореніи Сибири Ермакомъ; да замѣчательна еще пѣсня, изображающая женидьбу Грознаго на *Марьѣ Темрюковнѣ* и плачь по умершей царицѣ, Софьѣ (собственно Настасьѣ) Романовнѣ.

Эпоха самозванцевъ и смутное въ Россіи время междуцарствія отразились въ двухъ народныхъ пѣсняхъ: о Гришкѣ Растрижкѣ и о князѣ Михаилѣ Скопинѣ-Шуйскомъ, молодомъ и любимомъ народномъ вождѣ, скоропостижная смерть котораго дала поводъ думать, что онъ былъ отравленъ боярами изъ зависти, во время пира у князя Воротынскаго. — Существуетъ еще шесть старинныхъ русскихъ стихотвореній, весьма замѣчательныхъ, которыя записаны были для одного англичанина, бывшаго въ Россіи въ 1619 году, баккалавра оксфордскаго университета, *Ричарда Джемса.* Стихотворенія эти слывутъ подъ именемъ пѣсень Джемса, и донынѣ хранятся въ подлинникѣ въ Оксфордѣ. Они имѣютъ содержаніемъ своимъ нѣкоторыя историческія событія того времени. Первая изъ пѣсень Джемса, извѣстная впрочемъ и изъ сборника Кирши Данилова, относится къ смерти Скопина-Шуйскаго. Пѣсня эта заставляетъ говорить бояръ:

«Высокò соколъ поднялся,
И о сыру матеру землю ушибся.»

Вторая изъ пѣсень Джемса говоритъ о въѣздѣ патріарха Филарета въ Москву изъ литовскаго плѣна; двѣ пѣсни о горькой участи царевны Ксеніи Борисовны Годуновой; одна о набѣгѣ крымскихъ Татаръ на Россію и одна пѣсня о «весновой службѣ». которую вѣроятно пѣли военные люди. Въ ней говорится о предпочтеніи службы «весновой» службѣ «зимовой.» Пѣсни изъ сборника Джемса интересны

особенно въ томъ отношеніи, что представляютъ образецъ древнихъ русскихъ стихотвореній, сохранившихся отъ времени самозванцевъ и царя Михаила Θеодоровича безо всякихъ измѣненій, какимъ подверглись пѣсни, живущія и до настоящаго времени въ устахъ народа. Изъ изслѣдованія г. Буслаева объ историческихъ пѣсняхъ и вообще о народной поэзіи XVII столѣтія можно заключить, что русская литература той эпохи приняла новое направленіе и что, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ ней развился бы преимущественно историческій родъ поэзіи.

Послѣдняя пѣсня изъ сборника Джемса, о *весновой службѣ*, относится къ разряду такъ называемыхъ *удалыхъ*, *казачьихъ* пѣсень, которыя можно причислить также къ пѣснямъ историческимъ. Таковы всѣ пѣсни о Ермакѣ, покорителѣ Сибири, и о извѣстномъ *Стенькѣ Разинѣ*, основанные болѣе или менѣе на историческихъ событіяхъ.

«Удалыя», или *казацкія* и *разбойничьи* пѣсни заждались въ понизовыхъ странахъ по Волгѣ и по Дону, гдѣ развивалось казачество и образовывались разбойничьи шайки изъ бездомовной и безземельной вольницы. Эти казаки были оберегателями границъ русскихъ отъ набѣговъ степныхъ кочевниковъ и въ тоже время грабили и разбивали и своихъ и чужихъ. Они обыкновенно плавали по Волгѣ, по Дону, по Яику въ своихъ *косныхъ* разбойничьихъ лодочкахъ или скрывались въ дремучихъ лѣсахъ. Буйная воля, бѣшеный разгулъ, жизнь, исполненная опасности и презрѣнія къ смерти положили особый поэтическій отпечатокъ на пѣсни казацкія и разбойничьи; но поэзія этихъ пѣсень такъ же дика и груба, какъ и самая жизнь людей, посреди которыхъ онѣ зародились. Извѣстная пѣсня :

Не шуми, мати, зеленая дубровушка!
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,

рисуетъ вѣрно картину жизни и судьбу этихъ удалыхъ молодцовъ. Она говоритъ, какъ «дѣтинушка, крестьянскій сынъ» пришелъ въ допросъ предъ грознаго судью, самаго царя, какъ онъ говоритъ ему всю правду, всю истину, что у него были товарищи: темная ночь, булатный ножъ, добрый конь да тугой лукъ, а разсыльщики—калены стрѣлы; и какъ за такое умѣнье отвѣтъ держать царь пожаловалъ дѣтинушку

Среди поля хоромами высокими,
Что двумя-ли столбами съ перекладиной.

Какая злая, безпощадная иронія надъ собственной судьбой заключается въ этихъ послѣднихъ словахъ! Подобная иронія и иногда грубая сатира составляютъ впрочемъ характеристическую черту пѣсень удалыхъ.

Циклъ удалыхъ, или разбойничьихъ пѣсень весьма богатъ; всѣ онѣ создались въ пору неустановившагося строя гражданской жизни древней Руси въ понизовьяхъ Волги и Дона, представлявшихъ широкое раздолье для подвиговъ удальства и молодечества; и потому дышатъ дикой поэзіей и удальствомъ людей, оторвавшихъ себя отъ общества. Въ этихъ пѣсняхъ съ особенною ясностію проявляются основные черты русскаго народнаго характера: раздумье, сила воли и энергія души. Особенно замѣчательны пѣсни про извѣстнаго *Стеньку Разина.* Вотъ одна изъ нихъ:

Ахъ, туманы вы, туманушки,
Вы туманы мои, непроглядные,
Какъ печаль, тоска ненавистные!
Изсушили, туманушки, молодцовъ,
Сокрушили удалыхъ до крайности!...
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Надъ горой взойди надъ высокою,
Надъ дубровушкой надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добраго молодца,
Что Степана-свѣтъ Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина....
Ты взойди, взойди, красно солнышко!
Обогрей ты насъ, людей бѣдныихъ;
Мы не воры и не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички:
Мы весломъ махнемъ — корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ — караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ — дѣвицу возьмемъ.

Частныя, или бытовыя пѣсни. Внутренняя жизнь русскаго народа, со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами, съ ея радостями и печалями, вылилась вполнѣ въ *частной,* или *бытовой* пѣснѣ. Русскій народъ чрезвычайно богатъ пѣснями этого рода; у него существуютъ пѣсни семейныя, обрядовыя, хороводныя и т. п. Лучшимъ и болѣе полнымъ собраніемъ этихъ пѣсень считается сборникъ г. *Сахарова,* изданный въ послѣдній разъ еще въ 1841 году.—Окружающая природа и внутренній народный бытъ — государственный, общественный и семейный, образовавшійся подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ, придаютъ тотъ или другой характеръ народной поэзіи и преимущественно народной пѣснѣ. Народныя пѣсни имѣютъ самую тѣсную связь съ жизнію народа. «Народныя пѣсни — это народная исторія, — говоритъ Гоголь, — живая, яркая, исполненная красокъ истины, обнажающая всю жизнь народа.» Многія стороны и черты народной жизни, которыхъ мы не найдемъ въ сухихъ лѣтописныхъ разсказахъ, открываются только изъ семейной, женской или молодецкой, словомъ, изъ частной и бытовой пѣсни. Пѣсни этого разряда служатъ выраженіемъ внутренняго чувства человѣка, изліяніемъ горя или радости сердца, и потому принадлежатъ къ лирическому роду поэзіи.

Тонъ русской народной пѣсни — грустный, тоскливый до крайности; ея отличительный характеръ — или глубокая сердечная тоска, или отчаянное, неудержимое веселье, доходящее до самозабвенія. Такой характеръ нашей народной пѣснѣ придала,— съ одной стороны,— равнинная, по большей части, степная природа Россіи, невольно наводящая тоску и уныніе на душу своимъ ужасающимъ однообразіемъ. Припомнимъ наши обширныя, непроглядныя и малонаселенныя степи, наши дремучіе и до крайности однообразныя лѣса; наши темныя, нескончаемыя осеннія ночи, наши долгія и суровыя зимы,—и намъ не покажется удивительнымъ то грустное чувство, которое прорывается повсюду въ русской народной пѣснѣ. Съ другой стороны, жизненныя историческія причины, вслѣдствіе которыхъ сложился русскій народный бытъ, съ его семейнымъ деспотизмомъ, съ подчиненіемъ женщины грубой деспотической власти мужчины, съ грубостію нравовъ вообще, съ неувѣренностію въ завтрешнемъ днѣ и въ своемъ семейномъ

благополучіи, — все это наложило также печать глубокой тоски на нашу народную пѣснь.

Пѣсни семейныя: женскія и мужескія, дѣвичьи, свадебныя и т. д. запечатлѣны особеннымъ тономъ тяжкой, безъисходной печали. Онѣ полны той глубокой, сокрушительной скорби, которая невольно васъ за сердце хватаетъ. Въ каждомъ словѣ ихъ слышны слезы *горючія*, которыя, какъ *рѣка льются*, какъ *ручей текутъ.*

«Не наполнишь ты синя моря слезами,»

говорится въ одной дѣвичьей пѣснѣ. Нѣкоторыя дѣвичьи пѣсни отличаются въ тоже время нѣжностію, а иногда и удивительною силою чувства, какою-то особенною простодушною граціею и нѣжнымъ, поэтическимъ отношеніемъ къ природѣ. Вотъ какъ говоритъ дѣвушка въ пѣсни о вѣрности своему другу:

Я въ тѣ поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песками...

Участь оставленной дѣвушки пѣсня сравниваетъ съ участью горемычной кукушки, у которой залетный соколъ разорилъ гнѣздо и разогналъ дѣтушекъ. А какъ хороша пѣсня, гдѣ дѣвушка сравнивается съ «тонкою, бѣлою, кудреватою березою, которую ни солнышко, ни мѣсяцъ не грѣютъ, ни усыпаютъ частыя звѣзды, а поливаетъ только крупными дождями, да ломитъ буйнымъ вѣтромъ.»

Вообще чувство женщины выражается въ нѣкоторыхъ русскихъ пѣсняхъ съ рѣдкою поэтическою граціею и въ прекрасныхъ поэтическихъ выраженіяхъ, какъ напр. въ извѣстной пѣснѣ: «На горѣ стоитъ ёлочка,» съ этимъ граціознымъ припѣвомъ:

Я не йду и не слушаю;
Ночь темна и не мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.

Въ большей же части дѣвичьихъ, или женскихъ пѣсень высказывается горемычная доля дѣвушки, которую, не спросясь о ея желаніи, по-мимо ея свободнаго выбора, выдаютъ замужъ. Сколько безотрадной тоски и въ тоже время какая трогательная кротость и нѣжная

любовь къ родителямъ слышится обыкновенно въ словахъ этихъ пѣсень! Дѣвушка прощается съ своей дѣвичьей красою, съ своимъ садикомъ, съ цвѣтами, съ соловьемъ; «Завянутъ безъ меня всѣ цвѣточки въ саду,» говоритъ она. «Пой, мой громкій соловей, во всю ночку, во всю мѣсячную! Ужъ не долго тебѣ меня тѣшити.» Она «горемыка горегорькая» съ кроткою мольбою и любовію обращается къ своей «желанной» матушкѣ и проситъ не отдавать ее чужимъ отцу съ матерью, которые «безжалостливы уродилися.» Но свѣтелъ мѣсяцъ родимый батюшка и красно солнышко родима матушка запоручили ее, дѣвицу красную, за поруки крѣпкія, за замки вѣковѣчные, выдали ее на чужую сторону, которая, въ понятіяхъ дѣвушки, «горемъ горожена, а печалью усожена, слезами поливана, тоскою покрывана.» И здѣсь-то начинаются тѣ печальныя картины грубаго, суроваго семейнаго быта, которыя съ такою безпощадною вѣрностію дѣйствительности рисуются въ пѣсняхъ. Тутъ и «свекорь и свекровь лютые,» и «заловки смутливыя,» и « деверья пересмѣшливые;» тутъ всѣ съ нею не ласковы, всѣ ею понукаютъ; тутъ она должна учиться привыкать къ той страдательной покорности, про которую говорится въ пѣснѣ: «держи голову поклонную, а сердце покорное;» тутъ она свыкается съ мужнинымъ «умомъ-разумомъ и обычаемъ молодецкіимъ;» иначе ее ждутъ побои отъ мужа да *шелкова плетка*, которою: «первый разъ ударитъ, такъ семь рубцевъ, другой разъ — такъ четырнадцать,» говоритъ одна пѣсня.

При такомъ устройствѣ общесвеннаго быта, при такомъ состояніи семейныхъ нравовъ, ясно, что не только женщина, но и мужчина, и самъ древній добрый молодецъ, долженъ былъ страдать. И вотъ въ пѣснѣ *злодѣй-тоска* падаетъ на сердце молодецкое «какъ туманъ на синё море;» добрый молодецъ во слезахъ родится, во слезахъ крестится, и всю жизнь, какъ «былинушка въ чистомъ полѣ шатается его бѣдная головушка.» Добрый молодецъ допытывается у матери о своей судьбѣ и говоритъ:

Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государынѣ моей матушки спрошуся.
Ты скажи, скажи, моя матушка родная,

Подъ которой ты меня звѣздой породила?

Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?

Но счастье-то молодцу не досталось въ удѣлъ: посѣдѣла его буйная головушка не отъ времени, не отъ лѣтъ, все отъ безвременья. И добрый молодецъ, чтобы подавить свою злодѣй-тоску, предается грубому разгулу, топитъ свое горе *въ зеленѣ винѣ* и говоритъ въ пѣснѣ:

Да спасибо-же тебѣ, синему кувшину,

Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску-кручину....

И такъ, вотъ гдѣ ищетъ исхода русскій добрый молодецъ своему горю: въ необузданномъ весельи, которое у него выражается всегда тривіально; въ гнусномъ пьянствѣ, которое было однимъ изъ господствующихъ пороковъ въ древней Руси, какъ и теперь, къ сожалѣнію, господствуетъ въ русскомъ народѣ. Такаго исхода своему горю человѣкъ можетъ искать только въ обществѣ грубомъ, неразвитомъ; и исходъ этотъ, нѣтъ сомнѣнія, представляется крайне печальнымъ. Но та удаль, которую мы встрѣчаемъ въ мужскихъ пѣсняхъ, удаль, которой все ни по чемъ; злая насмѣшка надъ злодѣй-тоской и презрѣніе къ собственной долѣ; наконецъ горькія жалобы на горемычную долю, разлитыя въ пѣсняхъ женскихъ, — все это доказываетъ, съ одной стороны, что древнерусскій человѣкъ не хотѣлъ мириться съ темною стороною своей дѣйствительности; что онъ протестовалъ противъ нея и искалъ выхода изъ подъ тяжелаго гнета обстоятельствъ; а съ другой — свидѣтельствуетъ о необыкновенной силѣ воли и энергіи народнаго духа, который не могла сокрушить никакая невзгода, никакія неблагопріятныя обстоятельства исторіи.

Малороссійскія пѣсни. Если смотрѣть на русскія народныя пѣсни съ исторической точки зрѣнія; то, говоря о пѣсняхъ великоруссовъ, мы не должны забывать о другомъ, весьма богатомъ отдѣлѣ пѣсень русскаго народа, именно о пѣсняхъ *малороссійскихъ*, зародившихся на югѣ Россіи, въ землѣ кіевской, гдѣ было нѣкогда начало и средоточіе славяно-русской народности. Земля кіевская, или нынѣшняя Украйна — это самая поэтическая сторона Россіи. Южнорусскій народъ развивался подъ болѣе счастливыми условіями, нежели великоруссы. Природа Украй-

ны и гораздо роскошнѣе, и мягче и разнообразнѣе природы сѣверной части Россіи. А потомъ—въ исторической жизни нынѣшнихъ украинцевъ было болѣе свободы и движенія; семейный бытъ и отношенія одного пола къ другому образовались у нихъ въ болѣе благородныхъ и человѣчныхъ формахъ. Въ малороссійской семьѣ нѣтъ мѣста для семейнаго деспотизма; семьи тамъ дѣлятся и дробятся, и опека родителей надъ дѣтьми прекращается съ возрастомъ послѣднихъ. У южноруссовъ женщина никогда не находилась въ такомъ грубомъ подчиненіи мужчины, какъ у великоруссовъ; она всею душею сливалась, въ эпоху казачества, съ тревожною жизнію казака и сочувствовала его отважнымъ подвигамъ. Оттого малороссійская народная поэзія отличается гораздо большимъ одухотвореніемъ, большею глубиною и силою чувства, большею задушевностію и человѣчностію, большимъ богатствомъ и яркостію поэтическихъ красокъ и языка, нежели народная поэзія великоруссовъ. Пѣсни украинцевъ вполнѣ прекрасны и высоко художественны какъ по формѣ и поэтическому содержанію, такъ и по удивительной прелести и оригинальности своего напѣва. *Казацкія думы*, въ которыхъ народъ воспѣваетъ своихъ героевъ, этихъ *рыцарей славнаго войска запорожскаго*, дышатъ духомъ богатырскаго удальства, полны страсти и движенія и отличаются рѣдкими красотами живой и роскошной поэзіи. Много прекрасныхъ историческихъ думъ, или пѣсень существуетъ у южнорусскаго народа про *Морозéнка*, о которомъ говоритъ пѣсня: «Де проïде Морозéнко — кровавая рiчка,» про *Нечая*, *Самко Мушкета* и про другихъ славныхъ казаковъ, прославившихся въ борьбѣ съ Поляками за вѣру или въ удалыхъ походахъ противъ Турокъ и Татаръ. Не менѣе прекрасны и всѣ семейныя малороссійскія пѣсни — женскія, *дiвоцкія*, чумацкія, бурлацкія, игривыя и проч., отличающіяся чарующею прелестію слова и выраженія и какою-то особенною поэтическою мечтательностію. Мы не приводимъ здѣсь примѣровъ пѣсень; потому что не всѣмъ доступенъ малороссійскій языкъ, а русскій прозаическій переводъ не можетъ дать о нихъ яснаго понятія.

Народныя сказки. Былины, или героическія и историческія пѣсни, существенно отличаются отъ *народныхъ сказокъ*, которыя въ большомъ множествѣ живутъ до сихъ поръ въ устахъ русскаго народа. Русскія

народныя сказки чрезвычайно сходны не только съ славянскими, но съ германскими и романскими. Профессоръ Буслаевъ (*) ясно указалъ на главныя миѳологическія основанія взаимнаго сродства славянскихъ сказокъ; взаимное же сродство между собою сказокъ всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, въ настоящее время, доказано неопровержимо. Г. Буслаевъ говоритъ, что всякая сказка вначалѣ имѣла значеніе былины; т. е. въ то время, когда человѣкъ наивно вѣрилъ въ таинственную силу явленій природы и внѣшняго міра, и вслѣдствіе того обоготворялъ эту силу. Но съ теченіемъ времени теряется смыслъ первоначальнаго миѳа, и сказка становится простою *складкою*, т. е. забавою для воображенія. Когда утрачивается миѳологическое значеніе сказки, она переходитъ къ изображенію житейской дѣйствительности, но все еще сохраняетъ свой старинный тонъ и форму и удерживаетъ своихъ героевъ въ зависимости отъ разныхъ чародѣевъ, волшебниковъ и другихъ сверхъестественныхъ существъ. Впослѣдствіи сказка получаетъ наставительный, или дидактическій характеръ и становится или сатирою, или, какъ говоритъ г. Буслаевъ, переходитъ въ *новеллу* и въ повѣсть. Съ подобнымъ характеромъ сказки являются у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ; тоже самое замѣчается и у насъ.

Нѣкоторыя изъ русскихъ сказокъ, по содержанію своему, примыкаютъ къ былинамъ князя Владиміра; въ нихъ дѣйствуютъ тѣ же самые герои: Илья Муромецъ, Добрыня и другіе богатыри былинъ; но сказки объ этихъ богатыряхъ не отличаются тою поэтичностію и серьезностію тона, который мы видимъ въ былинахъ. Хотя фантазія народная и внесла въ послѣднія, т. е. въ былины, нѣкоторыя черты изъ чисто-сказочнаго міра; но тѣмъ не менѣе тонъ былинъ, какъ историческихъ пѣсень народа, существенно отличается отъ тона сказокъ. Въ сказкахъ дѣйствуетъ въ гораздо большей степени, нежели въ былинахъ, чародѣйская сила; тутъ являются крылатые кони, кони, которые говорятъ человѣческимъ голосомъ, чудовищная рыба-китъ, которая растянулась мостомъ черезъ все море и т. п. Все это остатокъ отъ представленій языческаго міра. Изъ разряда подобныхъ сказокъ

(*) Историч. Очерки Русск. Народн. Словесн. и Искуства, соч. Ѳ. Буслаева Спот. Томъ I, ст. XII.

большою извѣстностію пользуются сказки: *о Еруслань Лазаревичь, о Жар-птиць и Иван царевичь* и множество другихъ.

Въ большей части русскихъ сказокъ оригинальная личность *Иванушки-дурачка* является почти всегда главнымъ дѣйствующимъ лицомъ сказки. *Дуракъ*, всегда третій сынъ у отца, постоянно торжествуетъ въ сказкѣ надъ всѣми препятствіями, которыхъ не въ силахъ преодолѣть никакіе разумники-богатыри. Создавая личность *Иванушки-дурака*, народное творчество не хотѣло ли показать тѣмъ, что истинный умъ и сила, скрываясь нерѣдко подъ оболочкой простоты, прямодушія и добросердечія, обнаруживаются только въ дѣйствительно-важныхъ для человѣка случаяхъ жизни. Подъ конецъ сказки не дуракъ, а выведенные въ сказкѣ умники и богатыри остаются часто *въ дуракахъ*.

Но весьма интересны сказки сатирическаго содержанія. Въ нихъ ярко рисуется картина древнерусскаго народнаго быта, видѣнъ народный взглядъ на вещи и проглядываетъ меткая насмѣшка простодушно-лукаваго русскаго ума. Къ такимъ сказкамъ принадлежатъ: *Шемякинъ судъ*, *Чурилья Игуменья*, сказка о *Ершѣ Ершовѣ Щетинниковѣ* и множество другихъ. Между сказками этого послѣдняго рода заслуживаютъ особеннаго вниманія тѣ, въ которыхъ, подъ видомъ животныхъ и звѣрей, представлены людскія слабости, или въ которыхъ является сатира, направленная противъ различныхъ злоупотребленій. Въ этомъ отношеніи весьма замѣчательна остроумная сказка о Ершѣ Ершовичѣ, интересная еще и потому, что представляетъ полную и вѣрную картину стариннаго русскаго судопроизводства съ сохраненіемъ всѣхъ формъ стариннаго процесса и даже дѣловаго слога. Существуетъ нѣсколько варіантовъ, или видоизмѣненій, сказки о Ершѣ. Въ одной сказкѣ въ жалобѣ на Ерша говорится: «рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлой-рыбицѣ бьетъ челомъ ростовскаго озера *сынчишко боярскій* Лещь съ товарищи. Жалоба, господа, вамъ на злаго человѣка Ерша Щетинникова и на ябедника» и проч. Въ другой сказкѣ мелкія и крупныя рыбы выбираютъ себѣ судью праведнаго, «рыбу Сомъ съ большимъ усомъ.» А вотъ начало еще одного, самаго интереснаго, варіанта сказки о Ершѣ:

«Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, уряженъ былъ судъ; а въ томъ судѣ судьями сидѣли: бояринъ Осетръ, да вое-

вода Сомъ отъ моря Хвалынскаго; да тутъ же въ судѣ выборные мужики сидѣли: Судакъ да Щука, оба отъ земскихъ волостей, съ Волги рѣки да съ Дона. И къ тому суду пришли ростовскаго озера челобитчики, рыба Лещь съ товарищи, и били тѣ челобитчики, рыба Лещь съ товарищи, на судѣ на Ерша Ершова сына Щетинникова, да подали за руками челобитную; а въ той ихъ челобитной, у рыбы Леща съ товарищи написано: «бьютъ челомъ и плачутся убогіе сироты, нищіе крестьяне ростовскаго озера рыба Лещь съ товарищи» и проч.

Двѣ послѣднія сказки особенно важны по живо-сохранившемуся преданію о выборномъ началѣ, существовавшемъ въ старинныхъ судахъ русскихъ: въ судѣ сидѣли *выборные мужики*, Судакъ да Щука— по послѣдней сказкѣ; а изъ второй видно, что тяжущіеся сами избираютъ себѣ судью. — Сказка о Ершѣ вообще замѣчательна по своему внутреннему смыслу и по множеству весьма меткихъ выраженій, свидѣтельствующихъ о гибкости и силѣ ума русскаго человѣка. Здѣсь Лещь названъ «боярскимъ сынчишкой;» Ершъ говоритъ, что «рыба Сигъ и Лодуга — «люди богатые, люди великіе» и что они хотятъ «Ершей, маломочныхъ людей, испродать напрасно;» рыба Окунь, посланный судомъ въ качествѣ пристава, обвиняется во взятіи отъ рыбы Налима «посулъ великихъ,» боярскій дворъ сравненъ здѣсь съ неводомъ: «войти—ворота широки, выйдти узки» и т. д.

Существуетъ еще много сказокъ въ томъ же сатирическомъ духѣ, гдѣ дѣйствующими лицами являются животныя, разные звѣри, насѣкомые и т. п. Вотъ почему *басня* въ новой литературѣ русской такъ хорошо принялась и сдѣлалась народною въ басняхъ Крылова. Такъ интересна еще сказка про ворону, которую призвали на судъ къ сизому орлу за то, что она таскала яички у гусей-лебедей, и гдѣ ворона, оправдываясь противъ обвиненій, все повторяетъ: «напраслина, батюшка сизый орелъ, напраслина!» А вотъ еще отрывокъ изъ сказки про *мизгиря* (паука), въ которой можно видѣть намёкъ на казни, производившіяся нѣкогда въ поволжскихъ городахъ надъ понизовыми разбойниками, въ родѣ Стеньки Разина. Она начинается такъ: «Въ стары годы въ старопрежные, въ красну вёсну, въ теплое лѣто сдѣлалась такая соромота (сиротство), въ мірѣ тягота:

стали проявляться комары да мошки, людей кусать, горячую кровь пропускать; проявился *мизгирь*, удалый добрый молодецъ, сталъ ножками трясти да мережки (сѣти) плести, ставить на пути на дорожки, куда летятъ комары да мошки.» Тутъ дѣйствуютъ муха, тараканъ, сверчекъ и клопъ: клопъ распускаетъ про «мизгиря-борца, добра-молодца, такую славу, что его въ-живѣ нѣтъ, что ему въ Казани отсѣкли голову на плахѣ и плаху раскололи» и проч.

Кромѣ *русскихъ народныхъ сказокъ*, изданныхъ въ 1841 г. г. Сахаровымъ, существуетъ еще два очень хорошихъ сборника народныхъ сказокъ, изданные въ послѣднее время гг. *Аѳанасьевымъ* и *Худяковымъ*.

Духовные стихи. Вмѣстѣ съ введеніемъ и распространеніемъ въ древней Руси христіанства въ народѣ стали ходить, наравнѣ съ старинными былинами и пѣснями, и такъ называемые *духовные стихи*, или духовныя легенды, т. е. разсказы о религіозныхъ предметахъ въ стихотворной формѣ. Первоначальное происхожденіе *стиховъ* должно относиться къ первымъ вѣкамъ распространенія христіанства, и вѣроятно вначалѣ они были принесены къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанской вѣрой. Первыми составителями этихъ стиховъ были, какъ полагаютъ, *калики-перехожіе* — странники, или пилигриммы, предпринявшіе путешествія къ святымъ мѣстамъ. Русскіе богомольцы, или странники, стали ходить въ Палестину и вообще ко святымъ мѣстамъ очень рано; они упоминаются въ нашихъ историческихъ памятникахъ уже въ XI столѣтіи. Въ одной старинной былинѣ — *сорокъ каликъ со каликою*, — входящей въ кругъ былинъ о богатыряхъ князя Владиміра, разскано подобное путешествіе русскихъ поклонниковъ въ Іерусалимъ. Здѣсь калики имѣютъ предводителя, *атамана,* и являются—съ одной стороны—обществомъ нищихъ богомольцевъ, выпрашивающихъ милостыню по дорогѣ; а съ другой—ватагою удалыхъ добрыхъ молодцовъ, которые, встрѣтивъ князя Владиміра,

Становилися во единый кругъ,
Клюки, посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изповѣсили.
Скричатъ калики зычнымъ голосомъ,

Дрогнетъ матушка сыра земля,
Съ деревъ вершины попадали и т. д.

Такимъ образомъ первоначальные странники-калики имѣютъ все еще характеръ богатырей. Это доказываетъ намъ какъ древность паломничества на Руси, такъ и самую древность духовныхъ стиховъ, слагавшихся, какъ замѣчено, тѣми же каликами, или страннниками, которые впослѣдствіи являются уже исключительно нищими, богомольцами и по большой части слѣпыми. Они ходили по всей Руси, повсюду встрѣчали радушный пріемъ и пѣли передъ народомъ стихи духовнаго содержанія, какъ они ихъ поютъ и теперь, особенно въ Малороссіи, (*) на ярманкахъ, на паперти церквей и по дорогамъ.

Духовные стихи имѣютъ исключительно христіанское содержаніе. Но, обращаясь постоянно въ народѣ, они почерпали изъ жизни дѣйствительной постороннія черты и смѣшивались порою съ мѣстными преданіями и разсказами. Это особенно замѣтно на стихахъ древнихъ, каковы напримѣръ: стихъ о *Георгіѣ*, или *Егоріѣ Храбромъ* и извѣстный стихъ о *Голубиной книгѣ*, въ которыхъ наши ученые изслѣдователи отыскали слѣды древнѣйшихъ миѳологическихъ преданій. Въ двухъ названныхъ стихахъ, равно какъ въ стихахъ: *Бесѣда трехъ святителей*, или *Бесѣда Іерусалимская* и въ друг. по изслѣдованію г. Буслаева, понятія и преданія христіанскія тѣсно связаны съ языческими. Въ такъ называемомъ стихѣ о *Голубиной книгѣ* (и самое названіе это довольно странно, оно очевидно миѳическое) заключаются вопросы, изложенные въ формѣ стиховъ, о происхожденіи міра и всего существующаго, въ родѣ слѣдующихъ: «Отчего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ? — Отчего у насъ солнце красное?» и т. д. Въ дошедшемъ до насъ стихѣ о Голубиной книгѣ (очевидно позднѣйшей переработки) отвѣты на эти вопросы составлены подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій, съ примѣсью впрочемъ какого-то языческаго міросозерцанія: «У насъ бѣлый вольный свѣтъ начался отъ суда Божьяго

(*) Нынѣшнихъ пѣвцовъ, большею частію слѣпыхъ нищихъ, въ Малороссіи народъ называетъ *лирниками,* потому что они сопровождаютъ свое пѣніе игрою на струнномъ инструментѣ, грубаго устройства, называемомъ *лирою.* Это остатки древнихъ *бандуристовъ,* которые помнятъ по настоящее время прекрасныя малороссійскія *думы* и поютъ ихъ наравнѣ съ духовными стихами.

самаго Христа, царя небеснаго; младъ свѣтёлъ мѣсяцъ отъ грудей его; звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ» и т. п. Въ стихѣ о Егоріѣ храбромъ къ житію св. Георгія побѣдоносца приплетены разныя—также миѳологическія—сказанія о подвигахъ древнихъ богатырей. Такимъ же точно образомъ создались и нѣкоторые другіе духовные стихи, въ которыхъ старинные богатыри передѣлывались въ христіанскихъ святыхъ. Главнымъ образомъ стихи относятся либо къ житіямъ святыхъ, либо касаются другихъ религіозныхъ или религіозно-нравственныхъ предметовъ вообще; но чаще всего стихи бываютъ основаны на христіанскихъ преданіяхъ и повѣрьяхъ и на *апокрифахъ*, или т. н. «отреченныхъ книгахъ,» непризнаваемыхъ церковію. (Мы скажемъ о нихъ въ отдѣлѣ о памятникахъ литературы письменной). Слѣдственно духовные стихи заимствовали по большей части свое содержаніе изъ книгъ и встрѣчаются чаще въ церковной, чѣмъ въ народной обработкѣ. Такимъ образомъ существуютъ духовные стихи: Христово рожденіе, распятіе, вознесеніе; стихи — плачь Адама, Іосифъ прекрасный, о страшномъ судѣ, о грѣшной душѣ, сонъ Мати-Маріи; о Лазарѣ и о богатомъ, о Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ, о Лизаветѣ прекрасной, о Борисѣ и Глѣбѣ, о царевичѣ Дмитріѣ и множество другихъ. Болѣе распространенные въ народѣ стихи суть: о *Лазарѣ убогомъ*, объ *Алексіѣ Божьемъ человѣкѣ*, о *царевичѣ Іосафѣ*, возлюбившемъ пустынножительство; да еще стихъ о страшномъ судѣ. Это были любимые мотивы духовныхъ пѣсень народа, по словамъ г. Варенцова. «Невеселы были эти образы, — говоритъ г. Варенцовъ, — однообразны и тоскливы напѣвы; но въ нихъ отзывалась знакомая народу грусть, и въ образѣ Лазаря убогаго онъ узнавалъ себя самаго, оскорбленнаго, забытаго богатымъ; себя, убитаго нуждой, съ единственнымъ убѣжищемъ — могилой»....

Духовные стихи распространены въ особенности между раскольниками и, можетъ быть, между ними создались стихи, подобные стихамъ: о вѣчной мукѣ, о смертномъ часѣ, о прощаніи души съ тѣломъ и другіе, отличающіеся тяжелымъ аскетизмомъ, мрачнымъ взглядомъ на жизнь и суровою рѣчью. Въ нихъ слышится фанатическая дикость сектъ, загнанныхъ во времена прежняго преслѣдованія въ скиты и глухія захолустья лѣсовъ.

Духовные стихи далеко не отличаются вообще тѣми поэтическими достоинствами, какія мы видѣли въ былинахъ и въ пѣсняхъ. Книжная, искуственная церковно-славянская форма большей части изъ нихъ даетъ поводъ думать, что не всѣ стихи были общимъ достояніемъ народа. Г. Пыпинъ говоритъ, что «въ стихахъ надобно отличать два не похожіе разряда: одни по своему содержанію принадлежатъ, безъ сомнѣнія, къ очень древней эпохѣ, какъ стихъ о Голубиной книгѣ, и по языку совершенно народны; другіе ясно принадлежатъ позднѣйшимъ книжникамъ и сложены на довольно нескладномъ языкѣ, съ тяжелыми книжными выраженіями.»

Народъ *слушалъ* вообще пѣніе стиховъ, какъ предметъ благочестиваго развлеченія, а не пѣлъ ихъ самъ; хранились же они, какъ и теперь хранятся, въ памяти нищихъ и слѣпыхъ пѣвцовъ; и тѣ изъ нихъ, которые были пограмотнѣе, какъ справедливо замѣчаетъ г. Пыпинъ, были вѣроятно и сочинителями стиховъ. Но тѣмъ не менѣе преданія и вѣрованія, послужившія основаніемъ для духовныхъ стиховъ, проникали въ жизнь народа и по большей части сохраняются въ немъ до настоящаго времени.

Духовные стихи изданы были въ первый разъ Кирѣевскимъ; а въ послѣднее время вышли два большихъ сборника духовныхъ стиховъ: *Калики-перехожіе*, г. Безсонова и *Сборникъ русскихъ духовныхъ стиховъ*, г. Варенцова.

Пословицы. Народныя пословицы и поговорки, подобно пѣснямъ и сказкамъ, имѣютъ также немаловажное значеніе, при изученіи народнаго творчества и народной жизни вообще. Русскій народъ весьма богатъ пословицами. Ученой разработкой и собраніемъ русскихъ пословицъ занимались: гг. Снѣгиревъ, Буслаевъ и Даль.

Русскія пословицы вѣрно рисуютъ народный бытъ, объясняютъ многія историческія черты въ народной жизни и отличаются притомъ удивительною меткостію и силою выраженія. Профессоръ Буслаевъ, въ своей прекрасной статьѣ «Русскій бытъ и пословицы,» изслѣдовалъ довольно подробно содержаніе нашихъ пословицъ и указалъ отношеніе ихъ къ народному быту, разсмотрѣвъ на сколько выразилось въ нихъ доисторическое время, бытъ звѣролововъ, пастуховъ, бытъ воинскій, а потомъ бытъ земледѣльческій и осѣдлый; при этомъ онъ

указалъ на миѳическое и поэтическое значенiе русской пословицы вообще. Такъ г. Буслаевъ находитъ, что въ нѣкоторыхъ пословицахъ старинныя демоническiя существа подъ влiянiемъ христiанства превратились въ злыхъ духовъ. Въ пословицѣ: «изъ пустаго дупла — либо сычъ, либо сова, либо самъ сатана,» авторъ говоритъ, сохранилась память о поклоненiи рощамъ. Сюда же онъ относитъ пословицы: «вѣнчались вкругъ ели, а черти пѣли;» «горы да овраги — чертово житье.» Къ быту звѣролововъ онъ относитъ пословицы: «шелъ журавль по болоту — носъ завязилъ, носъ вытащилъ — хвостъ завязилъ;» «кобыла съ волкомъ тягалась, только хвостъ да грива у ней осталась;» «курица пьетъ, а на небо глядитъ» (опасаясь ястреба) и друг. Впрочемъ подобныя пословицы могли образоваться и помимо быта звѣролововъ, такъ-какъ онѣ имѣютъ общiй житейскiй смыслъ. Потомъ г. Буслаевъ разбираетъ пословицы, относящiяся къ земледѣльческому быту, какъ: «дорогой товаръ изъ земли ростетъ» и проч. Но жаль, что у него не изслѣдованы такимъ же образомъ пословицы, появившiяся въ послѣдующее время русской исторiи и сохранившiя въ себѣ слѣды нѣкоторыхъ важныхъ моментовъ изъ народной жизни. Такъ пословица: «вотъ тѣ бабушка и Юрьевъ день» образовалась конечно въ то время, когда Борисъ Годуновъ воспретилъ т. н. *крестьянскiе выходы* (*). Пословица: «семеро пойдутъ, Сибирь возьмутъ,» появилась вѣроятно послѣ того, какъ Ермакъ, съ небольшой ватагой удальцовъ, завоевалъ Сибирь; пословица «на Волгѣ жить, ворами слыть» намекаетъ на то, что въ поволжскихъ странахъ долго не переводились шайки разбойниковъ.

Приведемъ еще нѣсколько пословицъ, имѣющихъ общее житейское или нравственное значенiе: «богатство — вода, — пришла и ушла;» «богатство дметъ, а бѣдность гнетъ;» «воля Божья, а судъ царевъ;» «правда хоть груба, да Богу люба;» «вздохни да охни, объ одномъ сохни, а какъ пораздумаешь, то и всѣхъ жаль;» «друзей у богатыхъ, что мякины у зерна,» «на смерть, что на солнце, во всѣ глаза не взглянешь;» «кинь хлѣбъ соль на лѣсъ — пойдешь, найдешь;» «ни-

(*) До того въ юрьевъ день, т. е. въ день св. Георгiя, крестьяне были вольны оставить землю одного владѣльца и переходить къ другому, куда имъ вздумается.

щева ограбить, сумою пахнетъ;» «изъ-за сиротъ и солнце сіяетъ;» «худое дерево въ сукъ ростетъ;» «люди мрутъ и намъ дорожку трутъ;» «который палецъ не укуси, всѣмъ больно» (про дѣтей) «всякому зерну своя борозда;» «у Бога всего много;» «Богъ то Богъ, да и самъ не будь плохъ;» «одна голова не бѣдна, а и бѣдна да одна.»

Очень остроумны и чрезвычайно метко выражены всѣ пословицы, имѣющія насмѣшливый, сатирическій смыслъ и относящіяся либо къ характеристикѣ жителей извѣстной мѣстности либо изображающія ту или другую нравственную черту въ характерѣ людей. Напримѣръ: «хорошъ заяцъ, да тумакъ, хорошъ малый, да тулякъ;» или поговорки про людей: что «на сосну лазили Москву смотрѣть,» что «въ трехъ соснахъ заблудилися,» что «мѣшкомъ солнышко ловили» и проч. или пословицы — про выскочку: «изъ молодыхъ да ранній, пѣтухомъ кричитъ;» про пройдоху: «Панкратъ скорохватъ, скоро къ Москвѣ пришелъ, скоро тётку нашелъ;» про человѣка ни то ни сё: «непокрытая вода — таракань полакалъ, муравей полизалъ, муха падала;» про ханжу: «на небо посматриваетъ, а по землѣ-то ошариваетъ;» про охотника втираться въ знать: «генеральской курицѣ племянникъ» и т. д.

На пословицы смотрятъ обыкновенно и толкуютъ ихъ такъ, что онѣ служатъ выраженіемъ наслѣдственной народной мудрости и многовѣковаго житейскаго опыта. Но слѣдуетъ замѣтить, что кругъ пословицъ, основанныхъ на вѣчныхъ и неизмѣнныхъ истинахъ, вообще не великъ. Большая же часть пословицъ образуется исторически и создается нерѣдко подъ гнетомъ тяжелыхъ историческихъ обстоятельствъ жизни, съ измѣненіемъ которыхъ и самая пословица утрачиваетъ свой первоначальный смыслъ; не смотря на то, народъ продолжаетъ примѣнять ее къ жизни, давая пословицѣ превратное толкованіе. Иныя же пословицы сами по себѣ дурны, такъ-какъ онѣ остаются въ обращеніи народа помимо своего нравственнаго смысла и значенія, нерѣдко вслѣдствіе одной лишь меткости выраженія. Слѣдственно, нельзя сказать про всѣ пословицы, что онѣ служатъ выраженіемъ народной мудрости или что всѣ онѣ основаны на разумныхъ и истинныхъ понятіяхъ. Нѣкоторыя изъ русскихъ пословицъ отличаются крайнею грубостію взгляда на жизнь, невѣжественностію, азіатизмомъ и превратными понятіями о нравственномъ долгѣ, о чести и т. п. Таковы, напримѣръ, всѣ посло-

вицы, въ которыхъ говорится о женщинѣ: «курица не птица, баба не человѣкъ;» «бабу бей, что молотомъ, сдѣлаешь золотомъ;» «бей жену къ обѣду, а къ ужину опять;» «люби жену какъ душу, а тряси какъ грушу.» Всѣ подобныя пословицы показываютъ страшную грубость и дикость отношеній къ женщинѣ. Пословицы: «на чьемъ возѣ сидишь, того и пѣсенку пой;» «всѣ люди неправдою живутъ, и намъ не лопнуть стать;» «стыдъ не дымъ — глаза не выѣстъ;» «кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ» и мног. др. имѣютъ смыслъ не хорошій и никакъ не могутъ служить руководительными правилами въ жизни.

ОБОЗРѢНІЕ ГЛАВНѢЙШИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ ДРЕВНЕРУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ; ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

ОТДѢЛЪ I.

СВѢТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Обозрѣвъ произведенія устной, самобытной, или собственно народной словесности, мы приступаемъ теперь къ обозрѣнію письменной, или книжной литературы древней Руси и представимъ сначала очеркъ главнѣйшихъ памятниковъ старинной литературы, а потомъ сдѣлаемъ обозрѣніе литературной дѣятельности болѣе замѣчательныхъ писателей древности.

Памятники поэтическіе или вообще литературные.

Мы начнемъ съ памятниковъ *поэтическихъ* или вообще съ памятниковъ, имѣющихъ болѣе или менѣе *литературный* характеръ; потомъ разсмотримъ памятники *историческія* и наконецъ *путешествія*.

Слово о Полку Игоревѣ. Первое мѣсто, какъ по времени, такъ и по своимъ достоинствамъ между поэтическими памятниками нашей старинной литературы занимаетъ древнее стихотвореніе, извѣстное подъ названіемъ *Слова о Полку Игоревѣ.* Стихотвореніе это написано, какъ полагаютъ, не позже конца XII вѣка и заключаетъ въ себѣ поэтическій разсказъ о несчастномъ походѣ сѣверскихъ князей Игоря Святославича съ братьею противъ Половцевъ. Походъ удѣльнаго князя

Игоря новгородъ-сѣверскаго съ братомъ Всеволодомъ, княземъ курскимъ и трубчевскимъ, и другими родственниками противъ Половцевъ записанъ въ лѣтописи подъ 1185 годомъ, и историческая часть Слова о П. И. вполнѣ вѣрна лѣтописному разсказу. Но неподдѣльныя поэтическія красоты Слова и то лирическое воодушевленіе, которое не оставляетъ пѣвца отъ начала до конца поэмы; наконецъ свѣжій, изобразительный и удивительно-поэтическій языкъ Слова ставятъ его на ряду съ самыми замѣчательными памятниками народной поэзіи.

Поэтъ, въ поэтическомъ приступѣ къ Слову, вспоминаетъ о какомъ-то пѣвцѣ *Боянѣ*, котораго онъ называетъ *вѣщимъ*, внукомъ *Велеса* (*) и «соловьемъ стараго времени.» Пѣвецъ говоритъ: «Боянъ едва прикоснется своими вѣщими перстами къ живымъ струнамъ, — и они уже сами князьямъ славу зарокочутъ.» Но мы не знаемъ произведеній этого Бояна; пѣсни его не дошли до насъ.

«Начнемъ же, братіе, повѣсть сію (сказано далѣе) отъ стараго Владиміра (**) до нынѣшняго Игоря, — который *истягнулъ* умъ крѣпостію, изострилъ сердце мужествомъ, наполнился ратнаго духа, и повелъ свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую.» Но вмѣсто того, чтобы начать отъ Владиміра, рѣчь идетъ вслѣдъ за этимъ прямо объ Игорѣ и его храброй дружинѣ. «Здѣсь съ перваго взгляда очевиденъ пропускъ,» говоритъ профессоръ Соловьевъ. Такихъ пропусковъ и непонятныхъ мѣстъ къ сожалѣнію встрѣчается еще нѣсколько въ Словѣ о Полку Игоревѣ.—Потомъ Игорь обращается съ мужественною, героическою рѣчью къ своей дружинѣ, ждетъ брата Всеволода, и они пускаются въ походъ. Мы приведемъ это мѣсто въ подлинникѣ, объясняя старинныя слова и выраженія. Игорь говоритъ:

«Братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти (лучше быть убиту, нежели плѣнену). А всядемъ, братіе, на свои бръзые комони, (на своихъ борзыхъ коней), да позримъ синего Дону.» «Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля половецкаго съ вами Русици (о самый конецъ поля, т. е. въ самыхъ дальнихъ предѣлахъ земли половецкой) (***); хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону.» (Хочу либо голову свою сложить, либо шлемомъ испить воды изъ Дону).

(*) Велесъ, или Волосъ — языческое божество славянъ.

(**) Подъ именемъ Владиміра *стараго* пѣвецъ разумѣетъ Владиміра Мономаха и его побѣды надъ Половцами.

(***) Объясненіе г. Буслаева.

«Комони ржуть за Сулою, звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ (Новгородъ-Сѣверскѣ); стоять стязи (вѣютъ знамена) въ Путивлѣ.

Далѣе Игорь ждетъ своего милаго брата *буй туръ* (*) Всеволода, который говоритъ: «Одинъ братъ ты у меня, одинъ *свѣтъ свѣтлый*, и оба мы Святославичи! Сѣдлай ты, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы для тебя и стоятъ осѣдланы у Курска. А мои куряне — извѣстные наѣздники, они повиты подъ бранными звуками трубъ, подъ *шеломами* взлелѣяны, концемъ копья вскормлены. Пути имъ вѣдомы, *яруги* (овраги?) имъ знаемы, луки у нихъ натянуты, *тули* (колчаны?) отворены, сабли изострены. Они сами скачутъ, какъ сѣрые волки въ полѣ, ища себѣ чести, а князю славы.» Игорь вступилъ *въ златое стремя* и поѣхалъ по чистому полю, ведя къ Дону своихъ храбрыхъ воиновъ.

Русичи пришли къ Дону, и по утру въ пятницу *потопташа поганыя плъкы половецкыя;* повлекли они за собою въ плѣнъ красныхъ дѣвъ половецкихъ, а съ ними—*злато,* и *паволоки* и *драгыя оксамиты* (дорогіе бархаты), такъ что разнымъ богатствомъ половецкимъ стали мосты мостить по болотамъ и *грязовымъ* мѣстамъ.

Упоенные побѣдой дремлютъ въ полѣ русскіе воины. Но ждетъ бѣда храбрые полки Игоревы: на нихъ «Половцы идутъ отъ Дона, и отъ моря и отъ всѣхъ странъ» Начинается новая битва на Каялѣ-рѣкѣ (**), у Дона великаго«. *Яръ туръ* Всеволодъ,»—обращается къ нему пѣвецъ, — «стоишь ты на оборонѣ.»

Камо, туръ, поскочаше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы половецкія.

«Съ ранняго утра до вечера, съ вечера до свѣта летаютъ стрѣлы каленые, гремятъ сабли о шеломы, трещатъ копья *харалужныя* (булатныя?) въ полѣ незнаемомъ, посреди земли половецкой. Черная земля подъ копытами коней костьми была усѣяна и кровію полита; *тугою* (горемъ, печалью) взошли онѣ (кости) по русской землѣ. Что мнѣ шумитъ, что мнѣ звенитъ далече, рано предъ зарями? Игорь полкы заворачиваетъ: жаль стало ему милаго брата Всеволода.» Но, не смотря на отчаянную храбрость *Русичей*, Половцы одолѣли, и на

(*) *Буй* — ярый, дикій; *туръ* — волъ.

(**) Нынѣшняя рѣчка *Кагальникъ,* впадающая въ Донъ, по объясненію г. Гербеля.

третій день битвы пали *стязи* (знамена) Игоревы. «Тутъ братья разлучились (они попались въ плѣнъ), говоритъ пѣвецъ, на берегу быстрой Каялы.»

«Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша, храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю русскую.»

«Поникла трава отъ жалости, прибавляетъ поэтъ, — и дерево съ *тугою* къ землѣ приклонилось.»

Полонивъ Святославичей, *поганіи* совсѣхъ странъ рынулись на землю русскую. «Жены русскіе тутъ всплакались, говоря: уже намъ нашихъ милыхъ *ладъ* (мужей) ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очами сглядѣти, ни то, что золотомъ и серебромъ (*) мы будемъ теперь побрякивать.

«А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми, тоска разліяся по руской земли, печаль жирна (великая, сильная) тече средъ земли русы.»

Далѣе поэтъ, въ воодушевленной лирической рѣчи, изливаетъ скорбь свою на усобицы и крамолы князей, накликавшихъ бѣдствія на русскую землю; вспоминаетъ о силѣ прежнихъ русскихъ князей, которые страшны были Половцамъ и не разъ громили землю половецкую; потомъ взываетъ къ современнымъ князьямъ, умоляя ихъ позабыть о своихъ междоусобицахъ и вооружиться на месть противъ общихъ враговъ, *за землю русскую, за раны Игоревы, буего* (храбраго) *Святославича.* Послѣ этого замѣчательнаго обращенія къ славнымъ, по своей храбрости, князьямъ русскимъ, слѣдуетъ плачъ Ярославны, жены Игоря. Мы приводимъ вполнѣ этотъ плачъ, исполненый живой и трогательной поэзіи.

«Полечу я, говоритъ она, *зигзицею* (кукушкою) (**) по Дунаю, омочу рукавъ бобровый свой въ Каялѣ-рѣкѣ и утру князю кровавыя его раны на его *жестоцемъ* (мужественномъ) тѣлѣ.»

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ *на забралѣ* (на стѣнѣ) *аркучи* (говоря):

«О вѣтрѣ, вѣтрило! Зачѣмъ, господине, такъ сильно вѣешь? Зачѣмъ на своихъ легкихъ крыльяхъ мчишь ты ханскія стрѣлы на воиновъ моея *лады*? Или мало для тебя горъ, чтобы вѣять подъ облаками,

---

(*) Вѣроятно — золотомъ и серебромъ, набраннымъ ихъ мужьями у Половцевъ.

(**) Тоскующая женщина въ русской народной поэзіи, по большей части, сравнивается съ кукушкою, какъ мы уже говорили выше.

лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, ты мое веселье по ковыль-травѣ развѣялъ?

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ, *аркучи*:

«О, Днѣпре словутычю! (пресловутый, славный) Ты пробилъ каменныя горы сквозь землю половецкую; ты лелѣялъ на себѣ ладьи Святослава до полка Кобякова (*); взлелѣй же, господине, мою *ладу* ко мнѣ, чтобы я не слала къ нему по утрамъ слезъ моихъ на море.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на стѣнѣ, *аркучи*:

«Свѣтлое, пресвѣтлое солнце! Для всѣхъ свѣтло и красно ты: зачѣмъ же, господине, ты простираешь горячій лучь свой на воиновъ моея *лады?* Зачѣмъ въ полѣ безводномъ ты жаждою изогнуло луки ихъ, *тугою* затянуло колчаны ихъ?»

Слово оканчивается спасеніемъ Игоря изъ плѣна. «Богъ путь ему кажетъ изъ земли половецкой на землю русскую, *къ отню злату столу*... Всѣ страны рады, всѣ города веселы,» говоритъ поэтъ: Игорь въ русской землѣ. «Поютъ дѣвицы на Дунаѣ (**) *вьются голоса чрезъ море до Кіева.*» Пѣвецъ заключаетъ свою поэтическую пѣснь хвалою князьямъ и дружинѣ, поборавшимъ за *христьяны на поганыя полки.*

Слѣдуетъ допустить, что пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ былъ житель сѣверской страны и современникъ описаннаго имъ событія, имѣвшаго весьма важное значеніе для всей югозападной Руси. Бѣлинскій ошибается, говоря, что историческое событіе, давшее содержаніе Слову и Полку Игоревѣ, «совершенно ничтожно само по себѣ» (***) Походы Половцевъ составляли событіе не ничтожное, а были напротивъ великимъ народнымъ бѣдствіемъ для всей кіевской Руси. Мѣста въ лѣтописи, гдѣ говорится о походахъ Половцевъ, да и самое Слово о Полку Игоревѣ свидѣтельствуетъ объ этомъ какъ нельзя болѣе. Половцы, начиная со второй половины XI стол. и до самаго татарскаго погрома, производили страшныя опустошенія и терзали весь юго-западъ Россіи, служившій въ то время средоточіемъ русской жизни. Они грабили и жгли русскіе города и селенія; жителей убивали или массами уводили въ неволю въ свои задонскія степи, отнимая дѣ-

(*) Кобякъ, половецкій ханъ.

(**) Дунай — поэтическая рѣка у всѣхъ славянъ.

(***) Сочиненіе Бѣлинскаго, т. V, стр. 84.

тей у родителей, женъ у мужей. Они не разъ брали и предавали опустошенію Кіевъ, Черниговъ, Переяславль и другіе города южной Руси. «Тогда много страдали христіане»... «*Много бо ти Половцы зла сотвориша русской землѣ*,» говоритъ лѣтописецъ. Понятны послѣ этого любовь и симпатія народа къ тѣмъ изъ князей, которые предпринимали походы противъ Половцевъ для обороны русской земли. Таковъ былъ Игорь сѣверскій, воспѣтый въ Словѣ; таковъ былъ до него Владиміръ Мономахъ, о которомъ упоминаетъ пѣвецъ Слова и который въ 1103 и въ 1110 годахъ соединилъ всѣхъ князей и составилъ чисто-народное ополченіе противъ Половцевъ. Ополченіе состояло не только изъ княжескикъ дружинъ, но и изъ простаго народа, *смердовъ*, взятыхъ отъ «рольи» (отъ плуга), ибо *дѣло было народное*, по словамъ г. Костомарова (*).

Слѣдственно, вопреки мнѣнію Бѣлинскаго (имѣвшаго вообще односторонній взглядъ на древній періодъ русской исторіи) тутъ не было недостатка народнаго участія въ событіи: борьба Руси съ Половцами касалась главнымъ образомъ народа и имѣла для него жизненный интересъ. Ясно поэтому, что такое историческое событіе, какъ ожесточенная, вѣковая борьба двухъ иноплеменныхъ народовъ, смѣло могло служить содержаніемъ, и содержаніемъ не ничтожнымъ, для поэтическаго произведенія. Пѣвецъ Слова о Полку Игоревѣ говоритъ: « И Нѣмцы, и Венеды, и Греки и Моравы поютъ славу Святослава и осуждаютъ Игоря, который силу русскую погрузилъ на дно Каялы-рѣки половецкой и русскимъ золотомъ ее засыпалъ.» Вотъ какую важность

(*) *Черты южно-русской исторіи*, стр. 19 и 35. См. *Основа*, 1862, Іюнь. Тамъ же сказано: «Когда дружинники возражали на совѣтѣ, что не слѣдуетъ отрывать весною смердовъ отъ рольи, Владиміръ отвѣчалъ имъ: «удивительно, какъ это жалѣете смердовъ и лошадей ихъ, а того не помышляете, что Половчинъ наѣдетъ весною, отниметъ у смерда коня, и самаго съ женою и дѣтьми повлечетъ въ неволю, и гумно зажжетъ.» Чтобы придать ополченію этому религіозное значеніе, Владиміръ пригласилъ священниковъ съ образами: они шестовали предъ полкомъ и пѣли кондаки честному кресту и канонъ пресвятой Богородицѣ. Это имѣло нравственное вліяніе: Русскіе одержали побѣду надъ Половцами; городъ половецкій *Шаруканъ* сдался, а городъ *Сугровъ* сожженъ. На р. Сальницѣ Половцы претерпѣли сильное пораженіе.... Этотъ походъ *произвелъ сильное опечатлѣніе на народное чувство. Его-то, какъ видно, воспѣлъ вѣщій Боянъ;* его слава — говоритъ лѣтописецъ — разнеслась по странамъ дальнимъ «ко Грекамъ, и護рамъ, и Лехамъ, и Чехамъ, *дондеже и до Рима пройде!*»

придавалъ самъ поэтъ избранному имъ сюжету для своей пѣсни. Потому поэма его богата не однимъ только «живымъ и теплымъ чувствомъ», какъ говоритъ Бѣлинскій. Она богата кромѣ того сознательною и глубокою скорбію пѣвца о страданіяхъ всей русской земли, о страданіяхъ и печали народной. «Тогда по русской землѣ рѣдко раздавались крики *ратая*, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, часто говорили свою рѣчь галки, сбираясь летѣть на добычу», говоритъ поэтъ. Его сочувствующему сердцу близко было горе *ратая*, страданіе народа. Мы сказали выше, какъ описывая горе всей русской земли, при извѣстіи о пораженіи Игоря, онъ упоминаетъ о слезахъ русскихъ женъ и говоритъ: *встона бо, братіе, Кіевъ тугою, и Черниговъ напастьми, тоска разліяся по русской землѣ.* Съ болью въ сердцѣ, но просто и трогательно выражаетъ свою скорбь пѣвецъ; у него бьется сердце *за всю рускую землю*, за *русскихъ сыновъ*:

«На Немизѣ (*) снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхутъ посѣяни, посѣяни костьми русскихъ сыновъ.

(На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами *булатными,* на току жизнь кладутъ, душу изъ тѣла вывѣютъ. Кровавые берега Немизы не *бологомъ*-травою засѣяны, они засѣяны костьми русскихъ сыновъ).

Вамъ какъ-бы слышится, что словами поэта здѣсь говоритъ самъ народъ. Поэтъ скорбитъ о страданіяхъ народа, — и всѣ бѣдствія страны приписываетъ междоусобіямъ князей, накликавшихъ *поганыхъ* на землю русскую. Онъ смѣло и въ тоже время съ любовію укоряетъ князей, и прежнихъ и современныхъ, въ томъ, что они стали

«Сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи со всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на русскую землю.»

«При Олегѣ Гориславичѣ (**), говоритъ пѣвецъ, сѣялись и росли усубицы;... въ княжихъ крамолахъ вѣка человѣческіе сокращались.» А потомъ, обращаясь къ другимъ князьямъ, начавшимъ междоусобія на Руси, онъ восклицаетъ: «Вы своими крамолами начали наводить

(*) Немиза — притокъ р. Свислочъ, у Минска; другіе думаютъ, впрочемъ, что подъ Немизой пѣвецъ разумѣлъ р. Нѣманъ.

(**) Олегъ Святославичъ, дѣдъ Игоря, главный виновникъ междоусобій своего времени.

поганыхъ на землю русскую. А до того развѣ было намъ какое-либо насиліе отъ земли половецкой?» — *Уже бо, братіе, невеселая година встала!* «Уныли голоса, поникло веселье,» — прибавляетъ онъ далѣе и взываетъ къ князьямъ современнымъ, чтобы они, припомнивъ славу прежнихъ лѣтъ, вооружились и вступились *за обиду сего времени, за землю русскую,* которая во всей поэмѣ играетъ у него главную роль, вездѣ стоитъ на первомъ планѣ.

Нельзя поэтому принять мнѣнія Бѣлинскаго, когда онъ говоритъ о Словѣ о Полку Игоревѣ, что, «вся поэма — дѣтскій лепетъ, полный поэзіи, но скудный значеніемъ, лепетъ, котораго вся прелесть въ неопредѣленныхъ мелодическихъ звукахъ, а не въ смыслѣ этихъ звуковъ» (*). Изъ сказаннаго нами выше видно напротивъ, что простая, но высоко-поэтическая прелесть разсказа соединена въ Словѣ съ осмысленнымъ содержаніемъ, полнымъ жизненнаго, народнаго интереса. Бѣдствія родной земли и слава прежнихъ лѣтъ, — вотъ въ чемъ заключается главное содержаніе, главная мысль этой поэмы. И потому такое даровитое поэтическое произведеніе, какъ Слово о Полку Игоревѣ, должно быть оцѣниваемо не по одной прелести поэтическихъ звуковъ; но и по своему внутреннему смыслу и значенію, которыхъ не лишена вовсе наша древнерусская поэма, какъ мы это указали.

По духу и характеру Слова о Полку Игоревѣ, его можно назвать героическою пѣснію древней Руси, въ которой вполнѣ отразился воинственный періодъ русской исторіи. Мы видимъ въ Словѣ героевъ, исполненныхъ ратнаго духа, которые дышатъ страстію и вдохновеніемъ боя и помнятъ доблести предковъ и воинскую *дѣднюю славу.* Имъ нипочемъ *Волгу веслами раскропити, а Донъ шеломами выльяти.* Они ни отъ кого не потерпятъ обиды: *Дремлетъ въ полѣ Ольгово храброе гнѣздо.... далече залетѣло....* «Не родилось оно, говоритъ поэтъ, на обиду ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чорный воронъ, поганый Половчанинъ!» — Съ другой стороны отношенія между дѣйствующими лицами Слова отличаются какою-то человѣчностію, благородствомъ и теплотою истиннаго чувства. Это видно особенно въ тѣхъ мѣстахъ поэмы, гдѣ поэтъ говоритъ о женщинѣ или о семейныхъ отношеніяхъ вообще, какъ напримѣръ въ плачѣ Ярославны, гдѣ

(***) Сочиненія Бѣлинскаго, томъ V, стр. 87.

*

съ такою нѣжностію и теплотою чувства и въ такихъ граціозно-поэтическихъ выраженіяхъ изображено горе супруги героя, котораго постигло несчастіе.

Г. Буслаевъ въ плачѣ Ярославны, въ ея обращеніи къ Днѣпру, къ солнцу и т. д. какъ къ существамъ одушевленнымъ, видитъ рядъ старинныхъ языческихъ причитаній и подробно объясняетъ многія мѣста Слова о Полку Игоревѣ въ миѳологическомъ отношеніи (*). Въ самомъ дѣлѣ мы видимъ въ этой древней поэмѣ явные слѣды языческаго міросозерцанія. Такъ русскіе витязи называются здѣсь внуками *Дажь-бога*, вѣтры—внуками *Стрибога:*

Вѣтри, Стребожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрые плъкы Игоревы

Здѣсь сохранилось еще вѣрованіе *въ оборотней*, въ сны, въ предзнаменованія; упоминаются *дивы* (**) и т. п. Преданіе о стихійныхъ божествахъ на Руси, говоритъ г. Буслаевъ, жило еще во всей свѣжести въ эпоху Слова о Полку Игоревѣ, т. е. въ XII вѣкѣ.

Мы разсмотрѣли Слово о Полку Игоревѣ со стороны его внутренняго содержанія и значенія. Теперь слѣдуетъ сказать, что со стороны внѣшней формы своей оно отличается неподдѣльными красотами языка и поэтическаго выраженія и какою-то свѣжею силою и выразительностію. Описанія битвъ, картины природы, всѣ поэтическіе образы и сравненія Слова—необыкновенно-живописны, изобразительны и въ тоже время отличаются удивительною простотою и естественностію. Мы привели выше одно описаніе битвы и то необыкновенно-поэтическое мѣсто, гдѣ битва сравнивается съ свадебнымъ пиромъ. Такихъ мѣстъ, исполненныхъ высокой поэзіи, въ Словѣ о Полку Игоревѣ весьма много, какъ это можно видѣть и изъ приведенныхъ у насъ примѣровъ.

Г. Буслаевъ въ своихъ «Историческихъ очеркахъ» указалъ на живое сходство поэтическихъ образовъ въ словѣ о Полку Игоревѣ съ образами малороссійской поэзіи. Дѣйствительно существуетъ разительное сходство эпическихъ формъ поэзіи, т. е. поэтическихъ образовъ, выраженій и сравненій въ Словѣ и въ малорусскихъ историческихъ думахъ. И въ Словѣ *орлы клектомъ на кости звѣрей зо-*

(*) См. Истор. Очер. ст. XIV.

(**) *Дажь-богъ* — божество свѣта и огня у славянъ, а *Стрибогъ* — божество погоды, вѣтра; *дивы* — миѳологическія существа свѣта.

вутъ, лисицы брешутъ на червленные щиты воиновъ, вороны каркаютъ, галки рѣчь свою говорятъ, Ярославна плачетъ кукушкою и проч.; и въ малороссійскихъ думахъ къ умирающему казаку налетаютъ сизые орлы, изо лба очи выдираютъ, крячетъ воронъ, плачетъ кукушка, воютъ сѣрые волки,—«то они казацкіе похороны справляютъ» и проч. Впрочемъ, при описаніяхъ поля битвы, подобныя мрачныя картины встрѣчаются и въ великорусской поэзіи, и въ эпической поэзіи другихъ славянскихъ (напр. въ сербскихъ пѣсняхъ) и неславянскихъ народовъ.

Языкъ, которымъ написано Слово о Полку Игоревѣ, очень древній, существовавшій въ предѣлахъ нынѣшней Россіи еще въ то время, когда всѣ нарѣчія славянскія были гораздо ближе другъ къ другу, нежели теперь. По изслѣдованію профессора Лавровскаго, древній русскій языкъ, до XIV столѣтія, рѣшительно не обнаруживалъ раздѣленія на два нарѣчія — великорусское и малорусское, которыя образовались впослѣдствіи и существуютъ въ настоящее время. Но такъ-какъ Слово о Полку Игоревѣ написано на югѣ Россіи, то языкъ его ближе къ малорусскому, нежели къ великорусскому нарѣчію—и по тождеству словъ и по грамматическимъ формамъ. Несомнѣнно, что эта историческая народная пѣснь написана была на языкѣ, въ то время народномъ, или близкомъ къ народному; но на немъ отразилось вліяніе и языка церковнославянскаго, съ которымъ пѣвецъ Слова, какъ человѣкъ книжный, должно полагать, былъ хорошо знакомъ.

Слово о Полку Игоревѣ отыскано въ одномъ сборникѣ XVI столѣтія, который принадлежалъ гр. Мусину-Пушкину, издавшему списокъ Слова первый разъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Сборникъ, въ которомъ находилось Слово, вмѣстѣ съ библіотекой графа Мусина Пушкина сгорѣлъ въ 1812 году во время пожара Москвы; и такъ какъ другаго списка Слова о Полку Игоревѣ не существуетъ, то и трудно возстановить въ немь всѣ искаженныя и непонятныя мѣста.

Слово о Полку Игоревѣ издавалось, объяснялось и переводилось нѣсколько разъ. Лучшими истолкователями Слова должно считать гг. Максимовича и Буслаева. Изъ переводчиковъ Слова на новѣйшій стихотворный языкъ назовемъ гг. *Деларю*, *Гербеля и Мея*.

Характеръ древней письменности и литературы. Общая характеристика письменныхъ и литературныхъ памятниковъ. — Во всей массѣ древнерусской письменности, начиная съ XI и до XVII столѣтія, въ массѣ весьма значительной, если судить по количеству дошедшихъ до насъ письменныхъ памятниковъ, мы не встрѣчаемъ болѣе такого свѣжаго и прекраснаго поэтическаго произведенія, какъ «Слово о Полку Игоревѣ». Письменность принесена была въ древнюю Русь вмѣстѣ съ христіанствомъ (*) и служила вначалѣ почти исключительно орудіемъ для распространенія новой религіи между славянами язычниками. И потому строго - религіозный характеръ сталъ отпечатлѣваться на всемъ, что писали въ древности на Руси. Религіозность входила, какъ начало существенное, даже въ такіе памятники древней письменности, которые должны быть отнесены въ собственномъ смыслѣ къ литератуѣ свѣтской. Но литература свѣтская до временъ Петра Великаго была, можно сказать, поглощена литературою духовною. Первые по времени писатели русскіе были по большей части лица духовные и писали о предметахъ исключительно религіозныхъ. Первые учители христіанства на Руси были и первыми грамотниками, знакомившими народъ съ книжнымъ ученіемъ, на которое и само духовенство и князья, заводившіе школы для обученія народа, смотрѣли единственно какъ на средство для распространенія въ народѣ христіанства и новыхъ религіозныхъ идей. Византія доставляла въ первое время книги исключительно религіознаго содержанія, переводомъ которыхъ первые занялись наши учители вѣры. Книги эти составляли въ то время на Руси единственное чтеніе и, какъ видно, усердно читались всѣми грамотными людьми. Естественно поэтому, что при подобномъ направленіи народнаго образованія и вся первоначальная письменность является у насъ письменностію попреимуществу духовною. Таково было начало, таковъ былъ въ общихъ чертахъ и дальнѣйшій ходъ древнерусскаго просвѣщенія и образованности во весь длинный періодъ жизни русскаго народа отъ принятія христіанства и до конца XVII столѣтія. Потому преосвященный Филаретъ (нынѣ архіепископъ черниговскій и нѣжинскій) былъ въ правѣ сказать въ предисловіи къ своему *Обзору русской духовной литературы*, что: «руская лите-

(*) См. далѣе, — отдѣлъ о литературѣ духовной.

ратура до новыхъ временъ, до 1720 года, была *вся*, или *почти вся*, литературою духовною.»

Тѣмъ не менѣе однако слѣдуетъ замѣтить, что въ первое время послѣ введенія на Руси христіанства, пока вліяніе Византіи не успѣло еще усилиться и подчинить себѣ безраздѣльно всѣ стороны духовной жизни народа, въ древнерусской литературѣ, начавшейся подъ вліяніемъ христіанства и принесенныхъ изъ Византіи образцовъ, могли еще появляться писатели свѣтскіе и поэты. На это указываетъ во-первыхъ сочинитель поэмы объ Игорѣ сѣверскомъ, появившейся, какъ мы говорили, въ концѣ XII столѣтія и основанной на элементахъ чисто-народной славянской поэзіи, богатой еще въ то время языческими воспоминаніями. Во-вторыхъ пѣвецъ «Слова о Полку Игоревѣ» упоминаетъ о вѣщемъ Боянѣ, поэтѣ и пѣвцѣ, предшествовавшемъ ему на поприщѣ пѣснопѣній и также воспѣвавшемъ славу русскихъ князей. Наконецъ въ нѣкоторыхъ другихъ памятникахъ нашей первоначальной письменности съ XI и до XIV столѣтія мы замѣчаемъ нѣкоторыя литературныя явленія и признаки, дающіе поводъ предполагать, что въ этотъ періодъ времени, на ряду съ развитіемъ литературы духовной на Руси, начинались зачатки и свѣтской письменной литературы. Но дальнѣйшее развитіе свѣтской литературы, которая натурально должна была основываться на народной жизни, на самобытной поэзіи и старинныхъ вѣрованіяхъ народа, было подавлено совершенно массою письменности, имѣвшей болѣе или менѣе духовный характеръ, сообщенный ей исключительнымъ преобладаніемъ византійскихъ идей.

Большая часть памятниковъ древнерусской письменности хранится и по настоящее время въ рукописяхъ, разбросанныхъ въ публичныхъ, монастырскихъ и частныхъ библіотекахъ и книгохранилищахъ. Многіе изъ нихъ конечно уже изданы и объяснены; но тѣмъ не менѣе дѣло изданія и ученой разработки памятниковъ старинной письменности и литературы у насъ едва только начато, и цѣлая масса ихъ еще ожидаетъ своихъ изслѣдователей.

Древнѣйшіе памятники нашей письменности по большей части принадлежатъ: либо къ произведеніямъ строго-религіознаго содержанія,

какъ напр. духовныя поученія и посланія первыхъ пастырей церкви; либо заключаются въ памятникахъ свѣтскаго законодательства, какъ: занесенные въ лѣтопись *Договоры русскихъ князей* (Олега, Игоря и Святослава) *съ Греками*, *Ярославова судная граммота*, извѣстная подъ именемъ *Русской Правды*, *Номакононъ*, или *Кормчая книга* и т. д. и лишь небольшое число памятниковъ можетъ быть причислено къ произведеніямъ собственно свѣтской литературы. (*) Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти памятники древней письменности имѣютъ неотъемлемую историческую важность и достоинство, и они уже изслѣдованы болѣе или менѣе и объяснены трудами нашихъ извѣстныхъ ученыхъ (**). Но говоря въ строгомъ смыслѣ, памятники духовнаго содержанія должны бы составлять предметъ изученія для исторіи собственно *духовной* литературы. Тѣмъ не менѣе однако объ этихъ памятникахъ слѣдуетъ упоминать и въ исторіи русской литературы вообще; потому, во-первыхъ, что не говорить о древнерусскихъ сочиненіяхъ религіозно-церковнаго содержанія значило бы не говорить вовсе *о началѣ* русской литературы; а во-вторыхъ потому, что многія изъ духовныхъ поученій и другихъ произведеній старинной духовной литературы стояли въ болѣе или менѣе близкомъ отношеніи къ народной жизни, и потому отличались литературнымъ и даже поэтическимъ оттѣнкомъ; наконецъ о памятникахъ духовнаго содержанія должно упоминать еще и потому, что подъ вліяніемъ духовной литературы у насъ образовалась обширная *легендарная* литература, которой необходимо дать мѣсто въ исторіи русской литературы, и которая, по изслѣдованію профессора Буслаева, богата элементами народной поэзіи.

Что-же касается до памятниковъ юридическихъ и дипломатическихъ, каковы: граммоты, договоры и т. п. акты государственной и законодательной дѣятельности; то, не смотря на то, что они по настоящее время входятъ во всѣ курсы исторіи русской литературы, намъ кажется, что подобные памятники здѣсь не должны имѣть мѣста: они прямо относятся либо къ исторіи права, для которой составляютъ пред-

---

(*) Литературы свѣтской — въ томъ смыслѣ конечно, какъ мы это сказали выше.

(**) О договорахъ Русскихъ съ Греками см. изслѣдованіе г. *Срезневскаго* и разсужденіе г. *М. Лавровскаго*: «о византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ» и проч.

метъ спеціальнаго изученія, либо къ исторіи вообще, а не къ исторіи литературы.

Такимъ образомъ, мы займемся здѣсь разсмотрѣніемъ по порядку памятниковъ чисто-литературныхъ, или такихъ, которые могутъ быть причислены къ свѣтской литературѣ; а далѣе, въ особомъ отдѣлѣ — о литературѣ духовной,—разсмотримъ памятники религіозно-церковнаго содержанія.

Поученіе Владиміра Мономаха дѣтямъ своимъ. Памятникъ этотъ открытъ въ одномъ изъ списковъ лѣтописи и относится къ 1096 году. Князь Владиміръ Всеволодовичъ, прозванный *Мономахомъ*, т. е. единодержцемъ,—такъ-какъ онъ въ смутное время удѣловъ и княжескихъ междоусобій пытался установить единство Руси,—былъ главнымъ двигателемъ событій, душею вѣка, по словамъ г. Костомарова, и пользовался любовію народа, который долго сохранялъ его память. Поученіе Мономаха дѣтямъ рисуетъ вѣрную картину жизни древнихъ русскихъ князей, «жизни простой и глубоко благочестивой,» (*) и вполнѣ обрисовываетъ личный характеръ самаго Владиміра, какъ онъ описанъ въ лѣтописи, съ его неутомимою дѣятельностію, энергіей ума и сочувствіемъ къ народу. Мономахъ въ поученіи своемъ предлагаетъ дѣтямъ правила для жизни и говоритъ объ обязанностяхъ человѣка вообще и князя въ особенности—къ Богу, къ народу и къ собственной семьѣ; совѣтуетъ молиться и во всѣхъ случаяхъ жизни полагаться на Бога; учитъ какъ управлять домомъ и почитать гостя; говоритъ далѣе о своихъ походахъ противъ Половцевъ и враждебныхъ князей, о своихъ охотахъ (охота была любимымъ занятіемъ русскихъ князей) и т. п. Но приведемъ для примѣра нѣкоторыя мѣста изъ поученія собственными словами Мономаха:

«*На войну вышедъ не лѣнитеся, не зрите на воеводы, ни питью, ни ѣденью не лагодите* (не предавайтесь) *ни спанью: и сторожѣ сами наряживайте, и ночь отвсюда нарядивше около вои, тоже лязите*» (всѣмъ распорядившись на ночь около воиновъ, и сами ложитесь.)» Но, прибавляетъ онъ — «вставайте рано, и оружія съ себя не снимайте: отъ лѣни человѣкъ внезапно погибаетъ.» Самъ неуто-

(*) Обзоръ русской духовной литературы 862 — 1720 годовъ. Соч. преосв. Филарета. Харьковъ, 1859. См. № 25.

мимо дѣятельный во всю свою жизнь, Владиміръ особенно возстаетъ противъ лѣни. «Да не застанетъ васъ солнце на постели,» говоритъ онъ дѣтямъ.

Правила, которыя преподаетъ Мономахъ относительно обращенія съ народомъ, высоко гуманны и исполнены истинно - христіанскаго чувства.

«*Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ* (т. е. подавайте сиротѣ болѣе другихъ), *и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива* (виноватаго) *не убивайте, ни повелѣвайте убить его*»... «*Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не давайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чужимъ*, (т. е. не позволяйте своимъ людямъ, чиновникамъ, обижать жителей) *ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ* (на поляхъ), *да не кляти васъ начнутъ*»...

Перечисляя труды свои въ войнѣ и на охотѣ, Мономахъ упоминаетъ, какъ онъ своими руками вязалъ дикихъ коней, какъ жизнь его бывала въ опасности не разъ во время охоты и отъ тура, и отъ оленя, и отъ вепря, и отъ медвѣдя — и Богъ всегда сохранялъ его невредимымъ. «Не бойтеся смерти, дѣти мои, ни въ войнѣ, ни отъ звѣря, *но мужьское дѣло творити* (дѣло, свойственное мужу), *како вы Богъ подастъ*»...

Изъ поученія Мономахова мы узнаемъ еще о степени образованности и развитія русскихъ князей этого періода. Онъ упоминаетъ здѣсь о своемъ отцѣ, который «*дома сѣдя изумѣяше 5 языкъ: въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль*,» прибавляетъ Владиміръ. Вообще въ это время русскіе князья не чуждались еще всего иноземнаго и не отличались тою національною нетерпимостію, которая доведена была въ послѣдующее время въ древней Руси до крайнихъ предѣловъ. Знаніе пяти иностранныхъ языковъ отцомъ Мономаха указываетъ на частыя сношенія русскихъ князей съ иноземцами. «Между Русью и западной Европой—говоритъ г. Костомаровъ — не существовало еще той стѣны, которая возникла позже: Русь и западная Европа принадлежали еще къ одной семьѣ; сношенія были *близкія* и частыя.»

Слово Даніила Заточника. Основываясь на содержаніи *Слова*, или *моленія* нѣкоего Даніила къ своему князю, — сочиненіе это относятъ обыкновенно къ XII столѣтію, къ эпохѣ великаго князя Юрія Владиміровича Долгорукаго. Кто былъ этотъ Даніилъ и за что онъ былъ заточенъ въ нынѣшнюю олонецкую губернію, на озеро *Лаче*, гдѣ и написалъ свое посланіе, — неизвѣстно. По нѣкоторымъ энергическимъ выходкамъ противъ княжескихъ совѣтниковъ и противъ женщинъ можно догадываться только, что сочинитель слова видѣлъ въ нихъ причину своего изгнанія.

Отрывки изъ Слова Даніила Заточника первый разъ были напечатаны въ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, а вполнѣ оно издано, въ 1821 году, Калайдовичемъ въ «Памятникахъ Россійской Словесности XII вѣка», потомъ въ «Сказаніяхъ Русскаго Народа», г. Сахарова. Но въ 1861 году г. Ундольскій (*) напечаталъ неизвѣстный дотолѣ списокъ Слова Даніила Заточника, открытый имъ въ одномъ изъ старинныхъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *Пчелы* (мы говоримъ объ этихъ сборникахъ далѣе). Въ спискѣ г. Ундольскаго сочиненіе это названо не просто «Словомъ Даніила Заточника», а озаглавлено такъ: *Даніила Заточенника моленіе къ своему князю Ярославу Всеволодовичу,* и имя этого князя упоминается нѣсколько разъ въ самомъ текстѣ новаго списка.—При сравненіи прежняго списка Слова Даніила Заточника съ вновь изданнымъ спискомъ нельзя не согласиться съ мнѣніемъ г. Ундольскаго, что послѣднее изъ нихъ есть передѣлка перваго и что сочинитель послѣдняго не находился въ заточеніи на Бѣлѣ-озерѣ или на Лачь-озерѣ, подобно Даніилу, а жилъ въ г. Переяславлѣ; но, подпавъ немилости своего князя, Ярослава Всеволодовича (княжившаго въ Переяславлѣ въ первой половинѣ XIII столѣтія), онъ, принаровивъ извѣстное ему Даніилово слово къ своимъ обстоятельствамъ, послалъ его къ своему повелителю. (**) Такимъ образомъ, Слово о Даніилѣ Заточникѣ, изданное Калайдовичемъ и моленіе, изданное г. Ундольскимъ, слѣдуетъ признать за произведенія двухъ различныхъ сочинителей, изъ которыхъ первый жилъ въ XII, а послѣдній въ XIII столѣтіи. Но такъ-какъ одно изъ этихъ сочине-

(*) См. Русск. Бесѣда 1856 г. XI, стр. 90.

(**) Ibid. стр. 99.

ній есть почти повтореніе другаго, только съ нѣкоторыми передѣлками, добавленіями или сокращеніями, то мы и разсмотримъ оба памятника вмѣстѣ.

Изъ содержанія Слова Даніила Заточника можно видѣть, что сочинитель былъ молодъ и хорошо образованъ въ духѣ своего времени, обладалъ умомъ и книжными свѣдѣніями и отличался, какъ видно, въ искуствѣ писать тѣмъ напыщеннымъ слогомъ, украшеннымъ цвѣтами реторики, который такъ нравился въ старину. Моленіе его написано впрочемъ очень умно и мѣстами возвышается до истиннаго краснорѣчія. Главный предметъ этого посланія — жалоба на нищету и убожество свое и воззваніе къ князю о помилованіи; но при этомъ авторъ безпрестанно пускается въ разныя сужденія, искусно пользуясь изрѣченіями и примѣрами изъ священнаго писанія, примѣрами изъ исторіи и народными пословицами, поговорками и *притчами*. Самый языкъ его представляетъ яркую смѣсь языка церковнаго съ народнымъ.

Выпишемъ для примѣра нѣкоторыя мѣста изъ посланія Даніилова:

.... «Не возри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня; но возри на мя, господине мой, аки мати на младенца. Возри, господине, на птицы небесныя, яко ти ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницу собираютъ, но уповаютъ на милость Божію; тако и мы, княже господине, желаемъ твоея милости: зане (потому что) господине, кому Боголюбово, (*) а мнѣ горе лютое; кому Бѣло-озеро, а мнѣ черные смолы; кому Лачь-озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горьки; кому ти есть Новгородъ, а мнѣ углы опали... Вопію къ тебѣ, княже мой, господине мой, одержимъ есмь нищетою: помилуй мя, сыне великаго царя Владимера! Да не восплачуся рыдая, яко Адамъ раю.... Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенету, яко птицу отъ кляпцы, яко утя отъ ногтей носимаго ястреба, яко овцу отъ устъ львовыхъ. Азъ бо есмь, княже господине, яко древо при пути: мнози посѣкаютъ его и на огнь вмещутъ..... Аще кто человѣка въ печали призритъ, какъ студеною водою напоитъ во знойный день» и т. д.

(*) Въ другихъ спискахъ: *кому любовь*, вмѣсто Боголюбово.

Но любопытны очень сравненія, которыя дѣлаетъ Заточникъ между мудрымъ и глупымъ и то мѣсто, гдѣ онъ, не стѣсняясь излишнею скромностію, говоритъ объ *обиліи* собственнаго *разума*: «Княже, господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богата безумна, несмысленна: нищъ бо мудръ, яко злато въ кальнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки поволочитое сголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутреная: азъ бо одѣяніемъ есмь скуденъ, но *разумомъ обиленъ*; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ *мыслію яко орелъ паряй по воздуху*»... И вездѣ авторъ, въ подтвержденіе своихъ сужденій, приводитъ то изрѣченія изъ св. писанія, то народныя поговорки, или *притчи*, въ родѣ слѣдующихъ: «безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся рожаютъ;» или: «глаголютъ бо въ мірскихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежь, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нотопырь, а не мужъ въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ.» Приведенное мѣсто изъ посланія Заточника, равно какъ и то мѣсто, гдѣ онъ говоритъ передъ этимъ о *лихихъ думцахъ* князя, т. е. дурныхъ совѣтникахъ княжескихъ, заставляютъ предполагать, что онъ всѣ свои страданія приписываетъ навѣтамъ приближенныхъ князя и женщинамъ. Въ другомъ мѣстѣ Даніилъ рѣзко жалуется на князей и въ особенности на княжескихъ чиновниковъ, отъ самовластія которыхъ вѣроятно не легко было народу въ его время. «Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, — говоритъ онъ, — не держи села близъ княжа села; ибо *тіунъ* его, какъ огонь, а *рядовичи* его какъ искры, *аще отъ огня устережшися, но отъ искры не можеть устрещися жженіе портъ*» (платья). (*)

Вотъ что говоритъ Заточникъ о дурныхъ совѣтникахъ князя:

«Княже мой господине! не море топитъ корабли, но вѣтри; а не огнь творитъ ражженіе желѣзу, но надыманіе мѣшное: такоже и князь не самъ вподаетъ во многія въ вещи злыя, но *думцы* (совѣтники) вводятъ» и проч. И непосредственно за этимъ въ словѣ Даніила слѣдуютъ тѣ обычныя нападки на *злыхъ женъ*, которыми такъ изобилуютъ почти всѣ послѣдующія произведенія древнерусскихъ *книжни-*

(*) Тіунъ и рядовичи — княжескіе чиновники.

ковъ. «Что есть жена зла? мірскы мятежъ, ослѣпленіе уму» и т. п. восклицанія употребляетъ Заточникъ, говоря о *злыхъ женахъ*... Въ редакціи слова XIII столѣтія, по списку г. Ундольскаго, подобныхъ нападокъ на злыхъ женъ впрочемъ гораздо менѣе.

Послѣднее сочиненіе отличается отъ слова XII столѣтія главнымъ образомъ тѣмъ, что въ немъ нигдѣ не говорится о заточеніи, и вмѣсто Бѣла-озера и озера Лачь упоминается г. Переяславль, въ которомъ, какъ видно, и жилъ самъ сочинитель. Мѣсто, которое мы привели о Лачь озерѣ и проч. онъ перефразируетъ такимъ образомъ: «Кому ти есть *Переславль*, а мнѣ *Гореславль*»... и т. д. Такъ-же точно передѣлываетъ онъ и нѣкоторыя другія мѣста первоначальнаго слова. Обращаясь къ князю съ своими моленіями, сочинитель проситъ, принять его къ себѣ на службу. Какъ видно, онъ находился прежде при самомъ князѣ; но впалъ въ опалу по неизвѣстной причинѣ, и былъ удаленъ отъ него.

Въ словѣ XII стол. Заточникъ говоритъ о себѣ: «Азъ бо, княже господине, ни за море ходилъ, ни отъ философъ научился» и проч. А въ редакціи XIII вѣка этому мѣсту соотвѣтствуетъ слѣдующее: «Азъ бо аще не во Афинехъ растохъ, ни у философъ учихся, но быхъ падая аки пчела, по книгамъ по различнымъ цвѣтомъ; оттуду избираю сладость словесную, совокупляя мудрость, яко мѣхъ въ воду морскую.» Слова эти и то, что говоритъ сочинитель о себѣ въ другомъ мѣстѣ, что онъ не *ѳеофрастянинъ Терендь*, не *египетстіи мудрецы Нифиніи*, ни *Калимидіи афинѣистіи хитреци*, — свидѣтельствуютъ, что книжные люди въ древней Руси сочувствовали просвѣщенію и не были чужды нѣкоторыхъ свѣдѣній по части классической литературы, отрывки изъ которой мы встрѣчаемъ въ дошедшихъ до насъ старинныхъ сборникахъ различныхъ наименованій. Но изъ этого конечно нельзя еще заключить, что классическое образованіе развито было въ русскомъ народѣ въ XII и XIII столѣтіяхъ.

Во всѣхъ прежнихъ спискахъ Даніилова слова передъ самымъ окончаніемъ помѣщаются слѣдующія слова, которыя очевидно составляютъ позднѣйшую вставку: «Сіи словеса азъ Даніилъ писахъ въ заточеніе на Бѣлѣ-озерѣ, и запечатавъ въ воску, и пустихъ въ озеро, и вземъ рыба пожре, и ята бысть рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и

нача ея пороти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Даніила свободити отъ горькаго заточенія.» Но этого извѣстія о Даніилѣ, явно прибавленнаго позднѣе, нѣтъ въ редакціи слова г. Ундольскаго.

Слово Даніила Заточника пользовалось большою извѣстностью въ древней Руси и было любимымъ народнымъ чтеніемъ, какъ это видно изъ того, что оно дошло до насъ во многихъ спискахъ и помѣщалось либо вполнѣ, либо въ извлеченіяхъ въ *Пчелахъ* (*) и тому подобныхъ сборникахъ, весьма распространенныхъ въ старину между грамотными людьми. Популярности моленія Даніила конечно много способствоволи, вопервыхъ—жалкая судьба автора, потомъ—его краснорѣчивый слогъ и высокопарный языкъ, служившій въ старину признакомъ учености и книжной мудрости; а наконецъ—народныя поговорки, пословицы или *притчи*, которыми наполнено его слово. Такимъ образомъ слово Даніилово можетъ служить образцомъ господствовавшаго въ то время направленія свѣтской литературы, заключавшейся попреимуществу въ такихъ произведеніяхъ, гдѣ духовное смѣшивалось болѣе или менѣе съ элементами народными. Оно написано вполнѣ въ духѣ своего времени и представляетъ многія черты современныхъ понятій, нравовъ и степень современной образованности.

Украшенныя историческія Сказанія, или Повѣсти. Рядъ отдѣльныхъ историческихъ сказаній, или повѣстей, объ особенно-важныхъ событіяхъ изъ жизни народа, почему-либо поразившихъ воображеніе народное, или о знаменитыхъ подвигахъ извѣстнѣйшихъ историческихъ лицъ, сталъ появляться въ древнерусской литературѣ въ эпоху съ XIII и до XVI столѣтія. Основаніемъ для этихъ повѣстей конечно служили устные разсказы очевидцевъ событія и народныя преданія. Име-

(*) Необходимо замѣтить, что большую часть изрѣченій, текстовъ, сравненій, которыми переполнено С. Д. З., авторъ и заимствовалъ собственно изъ *Пчелы*, которая служила для нашихъ грамотниковъ стараго времени чѣмъ-то въ родѣ нынѣшнихъ *энциклопедій* и наполнялась различными изрѣченіями изъ св. писанія, изъ отцовъ церкви и изъ мудрецовъ древности. — Подобныхъ заимствованій изъ *Пчелы* (частію конечно и изъ другихъ книгъ) мы находимъ болѣе въ редакціи «Слова» XIII, чѣмъ въ спискѣ XII стол. и вообще въ первомъ изъ этихъ сочиненій видѣнъ въ большей мѣрѣ книжный характеръ и вліяніе византійскихъ образцовъ.

на составителей почти всѣхъ, дошедшихъ до насъ историческихъ повѣстей, неизвѣстны. Самыя же повѣсти по большей части найдены въ нашихъ лѣтописяхъ, въ составъ которыхъ онѣ заносились лѣтописцами въ видѣ отдѣльныхъ сказаній объ извѣстномъ событіи. Къ такимъ сказаніямъ принадлежатъ: повѣсть о князѣ Александрѣ Ярославичѣ (Невскомъ), *о нашествіи злочестиваго царя Батыя на русскую землю*, въ особенности же нѣсколько *сказаній* о знаменитой битвѣ кн. Димитрія Донскаго съ Татарами на Куликовомъ полѣ, или о *Мамаевомъ побоищѣ*, и другія. Мы разсмотримъ нѣкоторыя, болѣе примѣчательныя, изъ этихъ сказаній, или повѣстей.

Повѣсть о великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ. — Шведы и Ливонскіе рыцари, сосѣди Великаго-Новгорода, гдѣ съ 1236 года княжилъ Александръ Ярославичъ, постоянно угрожали и дѣлали нападенія на владѣнія Новгородцевъ и Псковитянъ. Шведы, подстрекаемые папскими послами, предприняли около этого времени крестовый походъ противъ Руси. Но князь Александръ съ небольшою дружиною разбилъ ихъ на-голову, въ устьѣ р. Ижоры, — и за эту побѣду получилъ славное прозваніе Невскаго. Такъ-какъ Шведы предприняли войну противъ Новгорода съ религіозною цѣлію, вслѣдствіе побужденій изъ Рима; то и побѣда Невскаго пріобрѣла важное религіозное значеніе для всей остальной Руси. И потому въ составившемся особомъ сказаніи, или повѣсти о подвигахъ Александра, Шведы не называются иначе какъ *Римлянами*, т. е. католиками, и вообще вся повѣсть отличается церковно-религіознымъ характеромъ. Сочинитель повѣсти хотѣлъ написать не болѣе какъ похвальное слово своему герою. Онъ, какъ видно, былъ самъ Новгородецъ и приближенный человѣкъ къ князю, отъ котораго самаго и слышалъ разсказъ о битвѣ съ Шведами. «Си же вся, — говоритъ онъ, пересказывая о подробностяхъ сраженія, — слышахъ отъ господина своего князя Александра Ярославича и отъ иныхъ, иже (которые) обрѣтошася въ то время въ той сѣчи.» Онъ начинаетъ свою повѣсть такъ: «О велицѣмъ князи нашемъ Александрѣ Ярославичѣ, о умномъ и кроткомъ и смысленномъ, о храбромъ, тезоименитомъ царя Александра-Македонскаго, подобникѣ царю *Алевхысу* (Ахиллесу) крѣпкому и храброму» и проч. И въ продолженіи разсказа всячески восхваляетъ своего героя, срав-

нивая его, и съ лицами изъ библейской исторіи, и съ римскимъ императоромъ Веспассіаномъ. Но, несмотря на то, побѣду Невскаго надъ Шведами онъ все же приписываетъ помощи свыше, святымъ Борису и Глѣбу, которые помогли одолѣть враговъ *сродникy своему великому князю Александру Ярославичу*. Далѣе сочинитель разсказываетъ объ освобожденіи Пскова и о другой знаменитой побѣдѣ Александра надъ Нѣмцами и Чудью, на Псковскомъ озерѣ, которое было покрыто въ ту пору льдомъ, и говоритъ, что имя великаго князя Александра Ярославича прославилось «по всѣмъ странамъ, отъ моря Варяжскаго (Балтійскаго) и до моря Понтьскаго» (Чернаго) и проч.

Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ не отличается литературными достоинствами. Она носитъ на себѣ исключительный отпечатокъ церковнаго происхожденія и написана сухимъ языкомъ лѣтописи, гдѣ безжизненность и нехудожественность разсказа ни мало не выкупаются преувеличенными сравненіями и мѣстами изъ библіи и псалмовъ Давида, которыми переполнена эта повѣсть.

Въ такомъ же духѣ, какъ повѣсть объ Александрѣ Невскомъ, написана и большая часть повѣстей, или сказаній, относящихся до борьбы съ Татарами.

Нашествіе Татаръ на русскія земли, страшныя опустошенія, которымъ они предавали завоеванныя страны, и двухъ-вѣковой гнётъ монгольскаго ига, — это такія событія въ исторической жизни русскаго народа, которыя не могли пройти безслѣдно, не могли не отразиться и на внутренней, духовной сторонѣ народной жизни. Понятно поэтому, что и въ письменной древнерусской литературѣ появились украшенныя болѣе или менѣе воображеніемъ писателей сказанія о Татарахъ, и что отъ времени монгольскаго ига дошло до насъ нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій, имѣющихъ предметомъ описаніе подробностей татарскаго нашествія на Россію и изображеніе того ужаса, тѣхъ опустошеній и истязаній, которымъ подвергался народъ при каждомъ новомъ набѣгѣ Татаръ. Рядъ повѣстей о татарскомъ погромѣ начался сказаніемъ о нашествіи Батыя на рязанскую землю; потомъ слѣдовали повѣсти: *О убіеніи князя Михаила тверскаго въ Ордѣ отъ царя Озбяка* (хана Узбека) *О московскомъ взятіи отъ царя Тактамыша и о плѣненіи земля Русьскыя* и другія, вполнѣ сходныя по характеру съ повѣстью

объ Александрѣ Невскомъ и проникнутыя религіознымъ чувствомъ: въ нихъ приводятся вполнѣ молитвы, которыя произноситъ главное дѣйствующее лицо, помѣщены благочестивыя размышленія и восклицанія самаго писателя и проч. (*)

Въ монгольскій періодъ на Руси, при одномъ имени татарскомъ, все приходило въ трепетъ,—отъ князя и до послѣдняго селянина. Вотъ почему начатая Димитріемъ Донскимъ открытая борьба съ Татарами и знаменитая *Куликовская* битва должны были поразить умы современниковъ въ столь сильной степени, что объ этихъ событіяхъ и о самомъ героѣ событій, великомъ князѣ московскомъ Димитріѣ Ивановичѣ, составилось не одно, а нѣсколько полуисторическихъ, полупоэтическихъ сказаній.

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Кромѣ сказанія о Куликовской битвѣ, занесеннаго въ нѣкоторыя лѣтописи, подъ заглавіемъ: «*Побоище великаго князя Дмитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ*,» которое также отличается чисто лѣтописнымъ и благочестиво-христіанскимъ характеромъ, до насъ дошло еще другое, украшенное описаніе битвы Донскаго съ Мамаемъ, въ двухъ отдѣльныхъ редакціяхъ. Это описаніе и есть собственно извѣстная *повѣсть, или сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ.* — Первая редакція сказанія, сохранившаяся во множествѣ списковъ, носитъ на себѣ тяжелый слѣдъ искуственнаго книжнаго языка, украшеннаго риторическими выраженіями и возгласами, и отличается исключительно религіознымъ характеромъ; но мѣстами въ немъ видно знакомство сочинителя съ Словомъ о Полку Игоревѣ и желаніе подражать ему. Вторая же редакція описанія куликовской битвы, подъ заглавіемъ: *Слово о великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая*, отличается рабскимъ подражаніемъ не только въ ходѣ разсказа и расположеніи описанія, но и въ самыхъ выраженіяхъ Слову о Полку Игоревѣ; потому эта послѣдняя редакція болѣе близка къ складу народной рѣчи, хотя ни мало не отличается тѣми поэтическими красотами, которыя мы находили въ Словѣ.

Сказаніе о побоищѣ съ Мамаемъ, должно полагать, написано въ исходѣ XIV стол. Сочиненіе его приписываютъ рязанцу, іерею Софро-

(*) Исторія Россіи съ древн. врем., соч. С. Соловьева. Т. IV, стр. 392 и 397.

нію, на томъ основаніи, что на одномъ изъ списковъ сказанія первой редакціи значится имя этого іерея. Въ одной же лѣтописи авторъ сказанія названъ Софоніемъ рязанцемъ, брянскимъ бояриномъ. Да и самъ сочинитель дошедшаго до насъ сказанія по второй редакціи, или «Слова» о Димитріѣ Донскомъ, въ приступѣ къ своему слову, упоминаетъ о *рязанцѣ Софоніѣ,* говоря: «Азъ-же помяну рязанца Софонія, и восхвалю пѣснеми, гусленными словесы, сего великаго князя Дмитрія Ивановича и брата его Владиміра Андреевича» и проч. Изъ этого можно заключить, что рязанцу Софронію или Софонію принадлежитъ собственно первая редакція сказанія, или же—что первоначальное сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ до насъ не дошло.

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ начинается такъ: «Се повѣдай, *Уранъ* (?) намъ повѣсть, како случися на Дону (брань) православнымъ христіаномъ съ безбожными Татары (въ другихъ спискахъ: съ безбожными *Агаряны*), какъ возвыси Господь родъ христіанскій, а поганыхъ уничижи и осрами ихъ суровство, яко же иногда (нѣкогда) Гедѣономъ Мадіама низложи и *православнымъ* (?) Моисеомъ Фараона» и проч. Что здѣсь значитъ этотъ языческій *Уранъ* и почему авторъ къ нему обращается, тогда какъ все сочиненіе его проникнуто строго религіознымъ, христіанскимъ характеромъ,—непонятно. Далѣе разсказывается, какъ «попущеніемъ Божіимъ, отъ наученія діавола, воздвигся царь отъ восточныя страны, именемъ Мамай, Татаринъ сый родомъ, вѣрою *идоложрецъ*, *иконоборецъ* (*) злый»—и какъ онъ пошелъ на Россію противъ Димитрія московскаго. «Но рука Божія высока,» — говоритъ отъ себя авторъ. Чтобы отклонить набѣгъ Мамая, князь Димитрій, по совѣту митрополита Кипріяна, (который въ приведенной бесѣдѣ съ княземъ между прочимъ совѣтуетъ ему *утолить* врага *четверицею сугубою* и говоритъ: «нынѣ, возьми, господине, злата, колико имаеши, и пошли къ нему, исправися ему»),—отправляетъ къ царю много золота изъ своей казны, съ смышленнымъ «юношей отъ двора своего,» Захаріемъ Тошковымъ и съ двумя толмачами при немъ, знающими та-

(*) Эти названія показываютъ, что уже въ XIV вѣкѣ на Руси господствовали во всей силѣ у книжныхъ людей понятія и убѣжденія, что всякій кто не принадлежалъ къ православной вѣрѣ, былъ одинаково *невѣрный,* идоложрецъ, иконоборецъ и т. п. Такой взглядъ у русскихъ того времени образовался конечно отъ укорененія византійскихъ понятій.

тарскій языкъ. Но когда богатые дары не умилостивили Мамая, то великій князь рѣшается идти противъ него въ походъ и созываетъ другихъ князей и воеводъ своихъ. Предварительно онъ идетъ поклониться, съ *слезною молитвою*, церквамъ и монастырямъ, ракамъ св. угодниковъ и чудотворнымъ иконамъ, получаетъ благословеніе отъ преподобнаго Сергія, настоятеля Троицкой Лавры, который даетъ ему еще въ помощь двухъ братьевъ-монаховъ, *Пересвѣта* и *Ослябя*, бывшихъ до монашества извѣстными ратниками изъ брянскихъ бояръ. Великій князь выступаетъ съ своими полками въ походъ, «а солнце со всхода свѣтитъ въ путь его и вѣтрецъ тихъ и теплъ по нихъ вѣетъ.» Далѣе слѣдуетъ описаніе русскихъ воиновъ и ихъ вооруженій, плачъ великой княгини Евдокіи, съ иными княгинями и воеводскими женами и описаніе самой битвы на Куликовомъ-полѣ—какъ крайне слабыя и лишенныя поэзіи подражанія Слову о Полку Игоревѣ. Потомъ описывается побѣда русскихъ, которую они одержали *силою* св. духа и *при помощи* угодниковъ Бориса и Глѣба, и бѣгство Татаръ и самаго Мамая, скрывшагося въ городъ *Кафу*, гдѣ онъ былъ узнанъ нѣкоимъ *гостемъ купцемъ фряжскимъ* (франкскимъ, генуэзкимъ) и былъ убитъ. Въ заключеніе авторъ возноситъ хвалу Богу за дарованную Русскимъ знаменитую побѣду и говоритъ, что слава русская «превознесеся и пойдѣ по всѣмъ градамъ.»

Тяжелый книжный языкъ, изысканность выраженій и сухость разсказа, украшеннаго одними лишь благочестивыми размышленіями автора и изрѣченіями изъ св. писанія, и совершенное отсутствіе поэтическаго одушевленія, не смотря на громадную важность описаннаго событія и на явное подражаніе во многихъ мѣстахъ повѣсти Слову о Полку Игоревѣ, — вотъ главныя черты, которыми можетъ быть охарактеризовано *сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ.* Авторъ, отличаясь чувствами христіанскаго благочестія, не обладалъ, какъ видно, ни талантомъ поэтическимъ, ни способностями искуснаго повѣствователя.

Болѣе оживленія и простоты, и даже мѣстами поэзіи, встрѣчается въ повѣсти о битвѣ съ Мамаемъ по второй редакціи, или въ «словѣ» о Димитріѣ Донскомъ. Сочинитель этого слова, слѣпо подражая Слову о П. И., по тому самому—и тономъ своего разсказа и языкомъ много приближается къ складу поэтической народной рѣчи. Разсказъ его

довольно округленъ и не такъ тяжелъ, какъ разсказъ въ повѣсти по первой редакціи; но его «слово» все же никакъ нельзя сравнивать, по прелести разсказа и поэтическимъ достоинствамъ, съ Словомъ о П. И. Оно не болѣе какъ грубая передѣлка послѣдняго, доходящая до рабскаго заимствованія и искаженія поэтическихъ выраженій Слова о П. И. «Снидемся, братія и друзи и сынове Рускіи, составимъ слово къ слову, возвеселимъ Рускую землю....» Такъ приступаетъ авторъ къ своему разсказу, готовится *повѣдати похвалу* великому князю Димитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андреевичу, и вспоминаетъ «по дѣломъ и по былинамъ первыхъ лѣтъ времена и *вещаннаго боярина*,—горазна гудца въ Кіевѣ.» Ясно, что сочинитель передѣлываетъ здѣсь начало Слова о П. И.; только вмѣсто *вѣщаго Бояна* онъ понялъ, что въ Кіевѣ былъ *бояринъ*, «горазный гудецъ,» который воспѣвалъ славу прежнихъ князей. И далѣе, въ подражаніе С. о П. И. авторъ восклицаетъ: «Оле! жаворонокъ лѣтняя птица, красныхъ день утѣха, возлети подъ синее небеса, посмотри къ сильному граду Москвѣ, воспой славу великому князю Димитрію Ивановичу и брату его князю Владиміру Андреевичу.» Или: «О! соловей лѣтняя птица, что бы ты соловей *пощекоталъ* славу великому князю» и проч. Какъ естественно и умѣстно пѣвецъ Слова о П. И. обращается къ своему предшественнику, пѣвцу Бояну, и называетъ его «соловьемъ стараго времени;» такъ здѣсь кажется страннымъ и неумѣстнымъ обращеніе сочинителя къ жаворонку и къ соловью, чтобы они воспѣли славу великому князю. Далѣе говорится о сборѣ войска, о князьяхъ и воеводахъ, русскихъ и литовскихъ, описываются ихъ доспѣхи, упоминается о предзнаменованіяхъ великой битвы,—и вездѣ авторъ подражаетъ и беретъ выраженія изъ Слова о П. И. Напримѣръ: «Быти стуку великому на рѣчкѣ Напрядѣ (Непрядвѣ), межи Дономъ и Нѣпромъ, пасти трупу человѣческому на полѣ куликовомъ;» или: «Что шумитъ и что гремитъ рано передъ зорями! Князь Владиміръ Андреевичъ полки перебираетъ и ведетъ къ великому Дону» и проч. Въ описаніи самой битвы авторъ слѣдовалъ буквально С. о П. И.,—такъ-же какъ и въ изображеніи плача княгинь и бояринь и воеводскихъ женъ о *избіенныхъ* онъ хотѣлъ подражать плачу Ярославны. Но сколько прекрасны эти изображенія въ Словѣ о П. И., столько они тяжелы и слабы, въ поэтическомъ

отношеніи, въ словѣ о Димитріѣ Донскомъ. Здѣсь жены называютъ мужей своими *господами* и молятъ о томъ, чтобы: «поганые Татаровѣ къ намъ не ѣздили, а уже мужей нашихъ рать трудила.» (Какое сравненіе съ словами Ярославны, которая хочетъ летѣть по Дунаю, чтобы утереть кровавыя раны на мужественномъ тѣлѣ своего милаго *лады!*) Какъ на мѣсто въ повѣсти, отличающееся нѣкоторыми поэтическими достоинствами, можно указать на ея конецъ, гдѣ говорится, что великій князь съ братомъ и съ остальными воеводами стали «на костѣхъ, на полѣ куликовомъ, на рѣкѣ Напрядѣ,» сочли своихъ убитыхъ, и великій князь обратился къ павшимъ въ сраженіи съ трогательною прощальною рѣчью.

Не смотря на желаніе автора восхвалить своего героя и возбудить *жалость* въ читателяхъ о кровавыхъ послѣдствіяхъ Куликовской битвы, битвы, которая получила столь важное значеніе въ исторіи русскаго народа и гдѣ пало такъ много русскихъ князей и воеводъ, — его «слово», по прочтеніи, не производитъ на насъ того впечатлѣнія, какое производитъ Слово о П. И.; его Димитрій Донской не возбуждаетъ нашего сочувствія. Хотя мы и встрѣчаемъ здѣсь мѣста, напоминающія складъ рѣчи народныхъ пѣсень, хотя сочинитель и употребляетъ народныя выраженія и вездѣ поддѣлывается подъ тонъ Слова о П. И.; но поддѣлка его большею частію выходитъ груба и непоэтична и даетъ чувствовать, что его «слово» болѣе произведеніе книжное, чѣмъ поэтическое. Ясно, что сочинитель не обладалъ талантомъ на столько, чтобы возвыситься до своего предмета. И потому въ его словѣ преобладаетъ болѣе элементъ лѣтописный, чѣмъ поэтическій; а искаженный переписчиками, церковно-славянскій языкъ, которымъ написана большая часть этого памятника, отнимаетъ у него всякую жизненность.

По духу и характеру своему «слово» о Димитріѣ Донскомъ ни чѣмъ не разнится отъ сказанія о *Мамаевомъ побоищѣ* по первой редакціи и отъ прочихъ украшенныхъ сказаній, или *умильныхъ* повѣстей (какъ ихъ еще называютъ), въ которыхъ главный и существенный ха-

рактеръ сочиненія составляетъ религіозность, и которыя носятъ на себѣ отпечатокъ церковно-литературнаго происхожденія. (*)

Легендарная литература: легенды, апокрифы, древнерусская литературная повѣсть; ихъ исторія и значеніе. — Ученая разработка древнерусской *легендарной* литературы едва только начата, и то весьма недавно. Только въ 1860 г. первый разъ предпринято изданіе нѣкоторыхъ легендъ и старинныхъ русскихъ повѣстей, подъ редакціей профессора Костомарова, и нѣкоторыхъ *апокрифическихъ* сочиненій, подъ редакціей профессора Пыпина, — въ *Памятникахъ старинной русской литературы*, издаваемыхъ графомъ Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко (**). Огромное же количество этихъ легендъ и повѣстей хранится и по настоящее время въ отдѣльныхъ рукописяхъ и въ различныхъ рукописныхъ сборникахъ, принадлежащихъ или общественнымъ библіотекамъ и книгохранилищамъ, или же частнымъ лицамъ, любителямъ и собирателямъ старины. Первый серьёзный историко-литературный трудъ по изслѣдованію русской легенды и старинной повѣсти легендарнаго содержанія представилъ профессоръ Буслаевъ въ своихъ «Очеркахъ». Хотя съ выводами и заключеніями г. Буслаева и съ его литературной оцѣнкой русской легенды и нельзя согласится вполнѣ; тѣмъ не менѣе въ этомъ замѣчательномъ трудѣ своемъ почтенный профессоръ первый указалъ на достоинство и значеніе легенды въ нашей древней словесности, и первый занялся правильнымъ научнымъ изученіемъ русской легендарной литературы. Затѣмъ, мы должны указать на разсужденіе г. Пыпина: *Очеркъ литературной*

(*) *Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ* и «слово» о великомъ князѣ Димитріѣ Донскомъ напечатаны: первое—въ сборникѣ *Сахарова* (т. I, кн. IV) а второе—во *Временн. Москов. Общ. Ист. и Древн.* (1862 г. кн. 14); извлеченія изъ нихъ съ примѣчаніями помѣщевы: въ *Историч. Христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ, Ѳ. Буслаева.*

(*) До настоящаго времени вышло четыре выпуска *Памят. стар. рус. лит.* 1-й, 2-й и 4-й выпускъ, подъ редакціею г. Костомарова, и 3-й: *Ложныя и отреченныя книги русской старины,*—подъ редакціею г. Пыпина. Каждый выпускъ въ 1 т. in-4⁰ съ примѣчаніями редакторовъ.

исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ (*) какъ на весьма хорошее и дѣльное пособіе при изученіи нашего предмета.

Руководствуясь названными источниками, но не придерживаясь во всемъ выводовъ и заключеній ихъ авторовъ, мы сдѣлаемъ, соотвѣтственно цѣли нашего курса, краткій очеркъ древнерусской легенды и старинной литературной повѣсти.

Легенды (**) или вообще легендарныя повѣсти, сказанія и *апокрифы*, появившись на Руси весьма рано, господствовали почти безраз-

---

(*) Напечатано въ Учен. Записк. II отдѣл. С.-Петербургск. Импер. Акад. Наукъ, кн. IV.

(**) Слово *легенда* образовалось въ западно-европейскихъ литературахъ отъ латинскаго legenda — *что должно быть прочтено*, и первоначально означало ту часть духовнаго чтенія, псалмовъ и проч., которую слѣдовало непремѣнно прочесть во время *утреннихъ* служеній, по установленному въ католическихъ монастыряхъ порядку церковной службы. Впослѣдствіи же, подъ словомъ легенда разумѣлось собственно *житіе святаго и мученика*, ежедневно прочитываемое въ рефекторіяхъ духовныхъ общинъ и монастырей на западѣ. И это-то послѣднее значеніе, т. е. значеніе жизнеописанія святаго, осталось за легендой въ собственномъ смыслѣ почти на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Но такъ-какъ слагатели легендъ (число которыхъ было чрезвычайно велико) легко допускали въ сказаніяхъ своихъ о жизни святаго народныя преданія и повѣрья и различные вымыслы, основываясь на недостовѣрныхъ и апокрифическихъ документахъ; то, съ одной стороны, почувствована была потребность—подвергнуть произведенія легендистовъ критической разработкѣ и эта-то потребность произвела громадный трудъ *болландистовъ*, которымъ славится католическая церковь, начатый еще въ первой половинѣ XVII стол. іезуитомъ изъ Антверпена, *Жаномъ Болландомъ* (Bollandus) и напечатанный въ 1794 г., въ 53 том. in-fol. Это — *Acta sanctorum* (дѣянія святыхъ) гдѣ собрано, приведено въ порядокъ и разработано критически безчисленное множество легендъ о житіяхъ святыхъ. Съ другой же стороны, слова — *легенда*, *легендарный*, вслѣдствіе множества вымысловъ и причудливыхъ, противуестественныхъ фактовъ, которые заключались въ легендахъ, обращавшихся въ народѣ, — получили значеніе чего-то вымышленнаго, баснословнаго, недостовѣрнаго, и подъ словомъ легенда стали разумѣть не болѣе, какъ благочестивую басню или вымышленный, неправдоподобный разсказъ, сочиненный съ благочестивою цѣлью. Но, утративъ значеніе своей религіозной достовѣрности, легенда перешла въ область поэтическую и литературную, и изъ чисто-церковнаго произведенія сдѣлалась произведеніемъ поэтическимъ. Легендой овладѣла поэтическая фантазія народа; она стала достояніемъ средневѣковыхъ поэтовъ и писателей, которые придавали ей стихотворную, поэтическую форму и подвергали литературной обработкѣ. Такъ переходила легенда либо въ литературную повѣсть, либо въ романъ, и такъ образовалась въ Европѣ, во времена среднихъ вѣковъ, весьма богатая *легендарная* литература, имѣвшая свое самостоятельное и обширное развитіе. Изъ сборниковъ легендъ на

дѣльно въ древнерусской жизни, съ XV и по XVII столѣтіе включительно, и за исключеніемъ религіозно-церковныхъ произведеній въ собственномъ смыслѣ, составляли, можно сказать, почти все богатство древнерусской литературы. Было время, что легендарная поэзія господствовала и въ литературахъ западно-европейскихъ народовъ. Первоначальная легенда составилась еще въ первые вѣка христіанства и перешла въ Европу, точно такъ-же какъ и къ намъ, черезъ Византію. Она распространялась на западѣ и устно и письменно, сначала въ плохой латинской прозѣ, а впослѣдствіи появилась и на національномъ языкѣ, въ стихотворной и поэтической формѣ, и размножилась до такой степени, что составляла большую часть всей средневѣковой литературы европейскихъ народовъ. Но, не смотря на весьма обширное развитіе легендарной литературы на западѣ, она не получила тамъ такого преобладающаго вліянія, какъ въ древней Руси, и вскорѣ вытѣснена была литературою свѣтской, которая развивилась въ Европѣ на почвѣ классическихъ воспоминаній и образованности и исходила изъ заявленій и требованій жизни дѣйствительной. У насъ же легендарная литература играла иную роль. Она достигла у насъ своего обширнаго развитія и распространенія гораздо позднѣе, чѣмъ въ Европѣ, и еще позднѣе греческая духовная легенда стала переходить у насъ въ литературную повѣсть легендарнаго содержанія. Г. Буслаевъ говоритъ: «Какъ на западѣ уже въ XII вѣкѣ изъ духовной легенды развивались религіозныя стихотворенія повѣствовательнаго и драматическаго характера, такъ и у насъ, *только въ эпоху гораздо позднѣйшую,* изъ тѣхъ же источниковъ произошло не мало литературныхъ произведеній, въ которыхъ интересъ поэтическій беретъ верхъ надъ всѣми прочими» (*). Но нужно замѣтить при этомъ, что духовныя легенды и созданная ими легендарная поэзія въ Европѣ, въ XIV и XV стол. уже завершаютъ кругъ своего развитія и распространенія и начинаютъ вымирать. А у насъ легендарная поэзія съ XV и по XVII стол. только вступаетъ въ высщую пору своего литера-

---

западѣ пользовался большою популярностію сборникъ, извѣстный подъ именемъ «Золотой Легенды» (Legenda Aurea), составленный, на латинскомъ языкѣ, Яковомъ Ворагиномъ, епископомъ Генуи, въ XIII столѣтіи.

(*) Историческія Очерки, т. II, стр. 55

турнаго развитія. Иначе сказать: легендарныя представленія живутъ и развиваются въ древней русской литературѣ именно въ такое время, когда литературы европейскія уже находятся подъ вліяніемъ идей, провозглашенныхъ такими смѣлыми и великими мыслителями, каковы: Джордано Бруно, Галилей, Бэконъ, Декартъ! — И потомъ, легендарная поэзія, даже во время самаго широкаго своего развитія на западѣ, не властвовала такъ исключительно надъ умами грамотныхъ людей и не имѣла того безраздѣльнаго господства въ западныхъ литературахъ, какое имѣла въ литературѣ древнерусской. Ибо у насъ въ древности, кромѣ церковной литературы и лѣтописей и кромѣ произведеній легендарной поэзіи, грамотному человѣку нечего было читать другаго. Вотъ почему міръ легендарныхъ представленій врывался у насъ въ самую жизнь народа: изъ литературы книжной переходилъ въ произведенія поэтической фантазіи самаго народа и создалъ то огромное количество апокрифическихъ сказаній и духовныхъ стиховъ, которые живутъ до сихъ поръ въ памяти народной.

Русская легенда, въ общихъ чертахъ, сходна съ легендою западною, т. е. съ легендою итальянскою, французскою и нѣмецкою; потому что какъ та, такъ и другая исходили изъ однаго общаго источника — первобытной христіанской легенды, разошедшейся по всему христіанскому міру. Но на русской почвѣ удержалась преимущественно легенда греческая, которая переводилась у насъ во множествѣ, съ самой ранней эпохи, и послужила въ свою очередь образцомъ для составленія подобныхъ же русскихъ легендъ, сочинители которыхъ, обставляя легенду условіями русскаго быта, удерживали неизмѣнно и духъ, и внѣшнюю форму, и манеру изложенія легенды византійской.

Въ огромной массѣ русскихъ легендъ, какъ переводныхъ, такъ и оригинальныхъ мы можемъ различать собственно духовныя легенды отъ повѣстей легендарнаго содержанія — хотя и сходныхъ съ легендами по духу и направленію и выражающихъ тѣ-же религіозныя воззрѣнія и тѣ же благочестивыя размышленія своихъ сочинителей, но тѣмъ не менѣе отличающихся отъ послѣднихъ своимъ сюжетомъ. Духовная легенда говоритъ всегда либо о событіяхъ евангельскихъ и библейскихъ, либо пересказываетъ житіе мучениковъ или вообще святыхъ христіанской церкви. Предметомъ же повѣсти легендарнаго или

духовнаго содержанія бываетъ повѣствованіе о христіанскомъ сподвижничествѣ и благочестивой жизни людей обыкновенныхъ. Источникомъ для легенды служатъ историческія преданія христіанскаго міра, составившіяся еще въ первобытныя времена церкви; тогда какъ повѣсть беретъ свое содержаніе и изъ жизни обыкновенной, часто современной, но смотритъ на эту жизнь исключительно съ точки зрѣнія религіозной; и какъ въ легендѣ, такъ и въ повѣсти существенный элементъ повѣствованія составляютъ: чудеса, христіанскіе подвиги святыхъ мужей, явленіе бѣсовъ и т. п. Потому какъ тѣ, такъ и другія, принадлежа къ сферѣ литературы легендарной, могутъ безразлично называться легендами.

Большая часть духовныхъ легендъ основана на *апокрифическихъ* сказаніяхъ, или на т. н. *апокрифахъ* (*) т. е. неканоническихъ (непризнаваемыхъ церковію) книгахъ, составившихся на востокѣ еще въ первые времена христіанства, о нѣкоторыхъ событіяхъ и личностяхъ евангельской и библейской исторіи и о житіи и подвигахъ нѣкоторыхъ христіанскихъ святыхъ.

Поэтическая фантазія народовъ востока и первыхъ христіанъ весьма рано стала украшать и пополнять то, что казалось ей неполнымъ или недосказаннымъ въ священныхъ книгахъ и церковныхъ преданіяхъ о нѣкоторыхъ личностяхъ и событіяхъ священной исторіи. Древняя языческая образованность, а вмѣстѣ съ нею классическая литература и поэзія, находились, какъ извѣстно изъ исторіи, въ упадкѣ при началѣ развитія новаго христіанскаго общества, въ которомъ начинала развиваться новая — христіанская поэзія и литература. И эта литература создавалась постепенно, съ первыхъ же вѣковъ христіанства,

(*) *Апокрифъ,* отъ греческаго *апокрифосъ,* сокрытый, тайный (ἀπόκρυφος, отъ ἀποκρύπτω — утаивать, скрывать, потемнять). Апокрифическими называются книги или сочиненія — подложныя или такія, достовѣрность которыхъ сомнительна и непризнана. Въ церковной же литературѣ признаются за апокрифы всѣ сочиненія, которыя не вошли въ списокъ книгъ *каноническихъ,* или признанныхъ за достовѣрныя соборными постановленіями церкви. Въ первые вѣка христіанства появилось безчисленное множество апокрифовъ, относящихся какъ къ древнему, такъ и къ новому завѣту, какъ напр. *Откровеніе Адама, Книги Авраама, Завѣтъ 12 патріарховъ* и др. и множество апокрифическихъ евангелій, дѣяній апостольскихъ, житій святыхъ,—недостовѣрныхъ, составленныхъ разными іересеіархами и т. д. и потому непризнаваемыхъ церковію.

исходя изъ началъ новаго вѣроученія, которыя народъ въ первое время естественно смѣшивалъ съ старыми понятіями и представленіями и съ поэтическими вымыслами собственной фантазіи. Многіе факты изъ исторіи библейской и евангельской, многія историческія преданія и сказанія, зарожденныя на почвѣ палестинской, даже самые догматы новаго ученія представляли весьма богатое поле, на которомъ пламенное воображеніе восточныхъ народовъ могло насаждать свободно созидаемые имъ поэтическіе образы и представленія — если не всегда согласные со смысломъ священныхъ книгъ и преданій, то удовлетворявшіе, вѣроятно, другой потребности первыхъ христіанъ, отвѣчавшіе, вѣроятно, поэтической сторонѣ народнаго духа и народной фантазіи. Такъ образовались еще у первыхъ христіанъ на востокѣ болѣе или менѣе поэтическія, болѣе или менѣе вымышленныя и фантастическія сказанія о многихъ лицахъ и событіяхъ священной исторіи, и послужили потомъ основаніемъ для составленія цѣлыхъ книгъ, слывущихъ подъ именемъ апокрифовъ, и для образованія обширнаго цикла легендарной литературы. Такимъ-то образомъ составились эти апокрифическія книги: о *Мелхиседекѣ,* объ *Адамѣ*, о *Сифѣ,* объ *Авраамѣ*, о *Мойсеѣ*, о *двѣнадцати патріархахъ*, о *Соломонѣ* и множество другихъ, въ которыхъ истинныя библейскія событія перемѣшаны съ массою фантастическихъ разсказовъ и нелѣпыхъ апокрифическихъ сказаній. Еще съ большею любовію воображеніе народное останавливалось на исторіи жизни и отношеніяхъ Спасителя и Богоматери, на жизни апостоловъ и другихъ лицъ новаго завѣта, а наконецъ вполнѣ овладѣло житіями и подвигами христіанскихъ святыхъ и мучениковъ, украшая, дополняя и искажая историческіе факты и преданія разными фантастическими вымыслами и представленіями. Такъ произошли апокрифическія сказанія о *дѣтствѣ Спасителя,* о *рожденіи* и о *преставленіи Маріи* и безчисленное множество другихъ, по поводу многихъ христіанскихъ событій, о которыхъ либо вовсе не упоминается въ священныхъ книгахъ, либо говорится очень кратко, но которыя явились въ апокрифахъ и въ духовныхъ легендахъ дополненными и разцвѣченными фантастическими подробностями и поэтическими вымыслами народнаго воображенія. Къ тому еще присоединились подложныя сочиненія разныхъ еретиковъ (Маркіона, Цернтія и др.), выдававшіяся подъ именемъ евангелій, апо-

стольскихъ посланій и откровеній и наполненныя множествомъ баснословныхъ разсказовъ, вымысловъ и ложныхъ понятій.

Всѣ эти первобытныя поэтическія сказанія и вымыслы христіанскаго міра, расплодившіе тьму апокрифическихъ книгъ и сказаній, стали распространяться между всѣми христіанскими народами и послужили основаніемъ, на которомъ выростала и развивалась богатая христіанская поэзія и легендарная литература среднихъ вѣковъ. Есть неопровержимыя историческія свидѣтельства, что апокрифы и апокрифическія сказанія существовали въ древней Руси съ перваго времени принятія христіанства. По изслѣдованію г. Пыпина (см. предисловіе къ III вып. Пам. Стар. Рус. Лит.) старинные апокрифы перешли въ древнерусскую литературу изъ Византіи при посредствѣ южныхъ славянъ, Болгаръ и друг. Въ одной изъ древнѣйшихъ лѣтописей *(якимовской)* упоминается, что болгарскій царь Симеонъ, отправляя въ Русь іереевъ *учительныхъ*, послалъ съ ними и «книги довольны,» между которыми, должно полагать, были и апокрифы, такъ-какъ въ Болгаріи находились въ это время различные сектаторы (павликіяне, гностики, мессаліане и др.), а у нихъ обращались и даже имѣли догматическое значеніе многія изъ апокрифическихъ книгъ. Апокрифы могли доходить къ намъ не изъ одной только Болгаріи, но и изъ другихъ южнославянскихъ земель, въ которыхъ ранѣе нежели въ древней Руси распространилось христіанство и образовался книжный церковно-славянскій языкъ, скоро сдѣлавшійся общимъ почти для всѣхъ славянскихъ племенъ. И очень натурально, что соединенныя съ этимъ языкомъ образованность и литература отъ южныхъ славянъ перенесены были и къ намъ, вмѣстѣ съ первыми памятниками славянской письменности и переводомъ священ. книгъ. (*)

Но большая часть апокрифовъ приходила къ намъ непосредственно изъ Византіи, съ которой древняя Русь, послѣ принятія христіанства, находилась въ болѣе близкихъ и частыхъ сношеніяхъ. Изъ изслѣдованія г. Сухомлинова о древней русской лѣтописи видно, что уже Несторъ былъ знакомъ съ апокрифическими сочиненіями, приписываемыми обыкно-

---

(*) См. отдѣлъ о духовной литературѣ.

венно Меѳодію Патарскому (*). Словомъ, вмѣстѣ съ истинными священными книгами, которыя переводились съ греческаго и списывались въ нашихъ монастыряхъ и нашими старинными грамотниками съ большимъ усердіемъ, къ намъ перешло, уже въ первые вѣка христіанства, и множество книгъ апокрифическихъ. Максимъ Грекъ, одинъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени и лучшій изъ русскихъ писателей XVI стол. былъ изумленъ богатствомъ греческихъ рукописей, заключавшихся въ библіотекѣ Ивана III, и нашелъ между ними большое число *ложныхъ писаній*, на что и сдѣлалъ указанія въ составленномъ имъ, по порученію великаго князя Василія IV, описаніи великокняжеской библіотеки. Но эти апокрифическія писанія зашли къ намъ гораздо ранѣе, именно съ первыхъ вѣковъ христіанства, какъ мы сказали выше, и назывались въ старину *ложными*, или *отреченными* книгами. Хотя Византія, доставившая намъ большую часть отреченныхъ книгъ, присылала въ тоже время и предостереженія противъ нихъ, или т. н. *индексы*, т. е. указанія или списокъ книгамъ запрещеннымъ; но тѣмъ не менѣе книги эти были въ большомъ употребленіи нетолько у всѣхъ грамотныхъ людей, но даже и у духовенства, — до такой степени, что,—какъ говоритъ г. Тихонравовъ—«и образованные представители нашего духовенства въ старину не всегда отличали ложную книгу отъ истинной» (**). Переводныя отреченныя книги, распространяясь такимъ образомъ въ малограмотномъ и непросвѣщенномъ народѣ, какъ первые христіане на Руси, и смѣшиваясь весьма нерѣдко съ языческими представленіями русской старины, породили у насъ весьма обширную, собственно русскую отреченную литературу, произведенія которой проникали въ народныя массы, подвергались народной переработкѣ, слушались и читались съ жадностію всѣми, и имѣли поэтому немаловажное значеніе въ исторіи народнаго развитія до-петровской Руси. О чемъ можно судить уже изъ тѣхъ немногихъ опытовъ изслѣ-

(*) Меѳодій *Патарскій*, епископъ въ Олимпѣ, а потомъ въ Тирѣ, въ началѣ IV стол., по проискамъ аріанъ, претерпѣлъ гоненіе и мученичество въ царствованіе императоровъ Галерія и Максимина II. Ему приписываютъ нѣсколько сочиненій, которыя не дошли до насъ въ цѣлости; между прочимъ поэму въ 10 т. стиховъ противъ Порфирія, книги *о свободѣ совѣсти, о воскресеніи тѣла* и др.

(**) Русск. Вѣстн., № 1 за 1862 г. См. рецензію выпуска 3-го *Пам. Стар. Рус. Лит.* стр. 416.

дованія, которые посвящены русской отреченной литературѣ въ трудахъ гг. Буслаева, Пыпина и Тихонравова. «Въ религіозномъ сознаніи древняго русскаго человѣка,» говоритъ проф. Тихонравовъ, господствовало тяжелое *двоевѣріе;* (*) обрядовая сторона христіанства подавлялась языческими суевѣріями. Въ отреченной литературѣ смѣшались языческія вѣрованія русской старины съ христіанскими догматами и сказаніями.... Ложныя книги русской старины до сихъ поръ живутъ еще въ «полномъ цвѣтѣ» во многихъ сельскихъ сборникахъ; у нихъ только другіе читатели. Они спустились, съ развитіемъ образованности большинства, въ народъ, который влечется къ нимъ всею силою своихъ симпатій, потому что находитъ въ нихъ рѣшеніе занимающихъ его вопросовъ, потому что видитъ въ нихъ свою религіозную и нравственную школу. Въ безднѣ народныхъ книгъ, тетрадокъ, лубочныхъ картинъ, старымъ отреченнымъ книгамъ принадлежитъ самое видное мѣсто. Русскіе *духовные стихи* представляютъ большею частію стихотворную обработку отреченныхъ книгъ; критическое изученіе послѣднихъ необходимо для вѣрнаго пониманія историческаго значенія нашихъ духовныхъ стиховъ; безъ него изслѣдователи нашей народной словесности будутъ впадать въ постоянные промахи.»

Такимъ образомъ старинныя отреченныя книги находятся въ тѣсной связи со всей легендарной литературой древней Руси. Онѣ то и послужили, главнымъ образомъ, источникомъ для составленія большей части нашихъ духовныхъ стиховъ и легендъ, создавшихъ въ свою очередь безчисленное множество повѣстей легендарнаго содержанія, повѣстей *умильныхъ*, повѣстей «ужаса преисполненныхъ», образцы которыхъ можно читать въ двухъ первыхъ выпускахъ *Памятниковъ старинной русской литературы*, изданныхъ подъ редакціей г. Костомарова. (О содержаніи и значеніи нѣкоторыхъ изъ сихъ повѣстей мы скажемъ далѣе).

(***) Проф. Буслаевъ очень характеристически называетъ древнерусскую поэзію, развившуюся въ періодъ послѣ упадка собственно народнаго, миѳическаго эпоса и произшедшую вслѣдствіе борьбы христіанскихъ понятій съ понятіями русской языческой старины,—поэзіею *двоевѣрною*. См. «Историч. Очерки, т. II, стр. 4 и друг. Впрочемъ слово *двоевѣріе* употреблено еще въ одномъ старинномъ памятникѣ нашей духовной литературы, въ извѣстномъ «словѣ христолюбца», гдѣ говорится о христіанахъ, живущихъ *двоевѣрно*.

Не трудно понять, почему апокрифическія книги и духовныя легенды становились у насъ популярнымъ и любимымъ чтеніемъ грамотной части народа, любимымъ до такой степени, что наши старинные книжники начали сами сочинять по образцу зашедшихъ къ намъ первоначально переводныхъ апокрифовъ и легендъ такіе же апокрифы, легенды и повѣсти,—только пріурочивая ихъ иногда къ русской почвѣ и къ домашнимъ нравамъ.

Говоря о Словѣ о Полку Игоревѣ, мы сказали, что вся послѣдующая древнерусская литература не представляетъ болѣе произведенія, столь богатаго духомъ живой народный поэзіи, — не смотря на то, что памятникъ этотъ болѣе принадлежитъ къ словесности *книжной*, письменной, нежели народной. Разобравъ далѣе одинъ изъ главнѣйшихъ литературныхъ памятниковъ XIV вѣка, *сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*, мы увидѣли, въ самомъ дѣлѣ, что сказаніе это не болѣе, какъ сухая и безжизненная поддѣлка Слова о П. И., не болѣе, какъ тяжелое произведеніе книжника, которое не можетъ идти въ сравненіе съ поэтическимъ памятникомъ XII стол. — ни съ внѣшней, поэтической стороны, ни по своему духу и характеру. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что въ промежутокъ времени отъ появленія одного до другаго литературнаго памятника русская поэзія пришла въ упадокъ? Что на почвѣ русской сдѣлалось невозможнымъ болѣе появленіе чисто-поэтическихъ произведеній, проникнутыхъ живою струею народной поэзіи? Конечно не слѣдуетъ. Поэтическій даръ русскаго народа не умиралъ, не заглохнулъ. Онъ жилъ въ средѣ самаго народа, въ народной пѣснѣ и сказкѣ, въ произведеніяхъ собственно народнаго творчества, и могъ рѣдко и только случайно проявляться въ литературѣ письменной вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ жизни русскаго народа. Старинная книжная или письменная литература создалась у насъ подъ вліяніемъ христіанства и соединенной съ нимъ образованности, пересаженный къ намъ цѣликомъ изъ Византіи. Начала христіанской образованности рѣзко противорѣчили основамъ старинпаго русскаго быта; и неестественно предполагать, чтобы христіанство, введенное великимъ княземъ Владиміромъ, могло вдругъ измѣнить эти основы, могло вдругъ заставить народъ отстать отъ его старинныхъ вѣрованій и преданій. И мы видимъ изъ исторіи, что, начиная съ XI стол. русское духо-

венство и свѣтская власть сильно вооружаются противъ языческихъ обрядовъ и суевѣрій въ народѣ и систематически преслѣдуютъ народныя пѣсни, музыку и пляски, называя ихъ *бѣсовскимъ пѣніемъ, гудѣніемъ и скаканіемъ.* Одинъ изъ первыхъ духовныхъ писателей русскихъ, св. Ѳеодосій печерскій, уже возстаетъ противъ *волхвованія и чародѣянія*, противъ *скоморошества, гуслей и сопели*, какъ противъ увеселеній, недостойныхъ христіанъ. Обличенія эти противъ *бѣсовскаго пѣнія и идольскихъ игрищъ* раздавались постоянно и въ послѣдующихъ поученіяхъ нашихъ пастырей церкви; они съ рѣзкостію высказываются еще въ XVI столѣтіи въ знаменитомъ памятникѣ нашего церковнаго законодательства—*Стоглавѣ;* и даже въ XVII стол. духовенство и воеводы не перестаютъ подвергать преслѣдованію музыку, игры, пляски и проч. даже соколиную охоту (до царя Алексѣя Михайловича) и качанье на качеляхъ, какъ *дѣла бѣсовскія*, недостойныя христіанъ (*). Такимъ образомъ эти преслѣдованія показываютъ намъ во-первыхъ, что въ народѣ долго жила еще его старинная поэзія, съ которой онъ не легко разставался; а во-вторыхъ, что его старинныя вѣрованія и преданія (слѣдственно и старинная поэзія) вели борьбу съ новыми идеями, борьбу, болѣе или менѣе долговременную. И какъ слѣдствіе этой борьбы появляется у насъ наконецъ обширная легендарная литература, т. е. множество апокрифическихъ сказаній, легендъ, духовныхъ стиховъ и умильныхъ повѣстей, которые, въ большей или меньшей степени, начинаютъ замѣнять народу его прежную эпическую поэзію,—хотя онъ все еще не покидаетъ совершенно ни своихъ пѣсень, ни преданій любимой старины. Но съ большимъ развитіемъ грамотности и книжной образованности, съ постояннымъ наплывомъ византійскихъ идей, легендарныя произведенія все болѣе и болѣе проникаютъ въ народныя массы. Встрѣчая въ большей части апокрифовъ и легендъ смѣшеніе христіанскихъ идей и преданій съ своими старинными вѣрованіями и находя въ нихъ элементы повѣствовательный и поэтическій, народъ все болѣе и болѣе привязывался къ легендарной поэзіи. И отсюда-то происходитъ эта многочисленность легендарныхъ произведеній, сдѣлавшихся подъ конецъ единственнымъ и любимѣйшимъ чтеніемъ для грамотной части народа. «Грамотность, — по словамъ г. Буслаева, — вно-

(*) См. «Историческія Очерки», г. Буслаева, т. I, стр. 507, 511, 545 и др.

ситъ новые элементы въ народную поэзію, и частію производитъ въ эпическомъ вымыслѣ странную путаницу разными книжными намеками, то на средневѣковую Александрію, то на притчи о семи мудрецахъ, то на разные апокрифы, частію даетъ содержаніе цѣлымъ стихотворнымъ повѣстямъ, напримѣръ, о Соломонѣ и Китоврасѣ (*), и наконецъ выражается въ обширномъ циклѣ *духовныхъ стиховъ.»* (**)

Всѣ легендарныя произведенія, какъ то: апокрифы, легенды и повѣсти, хотя и принадлежатъ по своему содержанію къ литературѣ духовной; но они причислены нами къ отдѣлу литературы свѣтской, во-первыхъ на томъ основаніи, что заключающіеся въ нихъ вымыслы воображенія и двоевѣрныя понятія, несообразныя съ достоинствомъ истиннаго христіанскаго ученія, не даютъ имъ права быть разсматриваемыми какъ произведенія чисто-церковной литературы; а во-вторыхъ потому, что произведенія эти составляли въ старину то, что мы называемъ собственно *литературой* въ нынѣшнемъ смыслѣ, то есть,—составляли любимое и единственное чтеніе массы народа.

Представивъ въ общихъ чертахъ свѣдѣнія о появленіи и распространеніи у насъ легендарной литературы, разсмотримъ теперь содержаніе нѣкоторыхъ легендарныхъ произведеній въ отдѣльности и скажемъ нѣсколько словъ вообще о вліяніи и значеніи легендарной литературы.

Первоначально у насъ появились переводы съ греческаго апокрифовъ и легендъ; но впослѣдствіи, какъ уже сказано выше, эти переводныя и заимствованныя произведенія подвергались у насъ переработкѣ и являлись то въ стихотворной формѣ, въ видѣ духовныхъ стиховъ, то въ прозаической, въ видѣ духовныхъ легендъ и повѣстей. Трудно и едва ли возможно теперь указать на первое время появленія въ древнерусской литературѣ большей части легендарныхъ произведеній. Несомнѣнно только то, что многія изъ нихъ появились въ очень раннюю

(*) Сказочное преданіе о Соломонѣ и *Китоврасѣ*, гдѣ послѣдній представляется царемъ, братомъ и врагомъ Соломона, было очень распространено у насъ въ старину. Соломонъ задаетъ Китоврасу разнаго рода хитрые задачи и вопросы, и тотъ искусно ихъ разрѣшаетъ. Китоврасъ, вѣроятно,—испорченное отъ *Кентавръ, Кентавросъ*. Романъ о Соломонѣ, равно какъ и повѣсть о семи мудрецахъ, въ загадкахъ и разгадкахъ, были весьма распространены и на западѣ въ средніе вѣка.

(**) Русскій богатырскій эпосъ, ст. 3-я, стр. 564 см. Русск. Вѣстн. 1862 г., октябрь.

эпоху; а съ теченіемъ времени, въ особенности съ XIV и по XVII стол., число ихъ размножилось до такой степени, что они составляли единственную литературу грамотной части народа и наполняли собою почти исключительно всѣ рукописные сборники стараго времени. Первыми по времени, должно полагать, появились апокрифы и апокрифическія сказанія о мученикахъ и святыхъ, изъ которыхъ составились потомъ легенды и духовные стихи. Очень рано переведены у насъ, — или, можетъ быть, принесены къ намъ отъ южныхъ славянъ уже въ готовыхъ переводахъ, вмѣстѣ съ другими памятниками церковно-славянской письменности, — греческіе сборники *Хронографъ* и *Палея* (*старина*, отъ греческаго παλαιός, старый). Сборники эти представляютъ, въ болѣе или менѣе связномъ повѣствованіи, священную и вообще древнюю исторію. Но къ повѣствованіямъ изъ священной исторіи присоединены здѣсь (особенно въ *Палеѣ*) (*) многія вымышленныя подробности, украшенные разсказы и «отреченныя» книги, которые впослѣдствіи и перешли въ легенды и духовные стихи, подвергнувшись либо книжной, либо народной переработкѣ. Профессоръ Буслаевъ собственно въ Палеѣ и въ другихъ апокрифическихъ сочиненіяхъ видитъ первый источникъ духовныхъ стиховъ, слѣдственно и легендъ.

Какъ въ Палеяхъ и въ другихъ подобныхъ сборникахъ, такъ равно и въ отдѣльныхъ статьяхъ, у насъ обращались *отреченныя книги:* объ *Авраамѣ,* гдѣ мы находимъ такія подробности о жизни и смерти этого патріарха, которыхъ вовсе нѣтъ въ библіи, (какъ напримѣръ: архангелъ Михаилъ возноситъ Авраама на небо и даетъ ему видѣть, что дѣлаютъ на земли и проч.) Тоже самое встрѣчается и въ апокрифахъ о *Моисеѣ* (напримѣръ: какъ «Мойсей на *Индію* ходилъ») о *Давидѣ*, о *Соломонѣ*, о *Соломоновыхъ судахъ* и проч. Изъ новозавѣтныхъ апокрифовъ, кромѣ почти всѣхъ извѣстныхъ апокрифическихъ евангелій, дѣяній и посланій апостольскихъ, у насъ обращались: *Павлово видѣніе,* въ которомъ заключается разсказъ о хожденіи апостола Павла *по мукамъ*

(*) Палея—сборникъ изъ статей священной исторіи, составленныхъ собственно съ цѣлію *обличеній на жидовина,* т. е. составитель сборника имѣлъ въ виду опровергнуть вѣрованіе Евреевъ фактами изъ свящ. исторіи. Сборникъ этотъ постоянно и усердно переписывался, пополнялся новыми отреченными статьями и находился въ большомъ уваженіи у нашихъ старинныхъ книжныхъ людей.

*

и по раю; (*) *Лаодикійское посланіе,* заключающее въ себѣ весьма смѣлыя еретическія мысли; переводъ этого посланія приписываютъ извѣстному еретику дьяку Ѳедору Курицыну. Большою извѣстностію пользовались также апокрифическія сказанія о жизни и подвигахъ многихъ христіанскихъ святыхъ вообще и святыхъ отечественныхъ въ частности и множество иныхъ апокрифовъ, перечислять которые здѣсь излишне. Но мы должны сообщить болѣе подробностей о такихъ апокрифахъ, какъ *Бесѣда трехъ святителей*, *Хожденіе Богородицы по мукамъ* и *Сонъ Пресвятыя Богородицы,* которые были весьма распространены въ народѣ и послужили источникомъ для многихъ духовныхъ стиховъ.

Бесѣда трехъ святителей, равно какъ и другое книжное произведеніе (не считавшееся однакожъ у насъ въ числѣ отреченныхъ статей) *Бесѣда Іерусалимская*, или *повѣсть града Іерусалима*, находятся въ весьма близкомъ соотношеніи съ народнымъ духовнымъ стихомъ о *Голубиной книгѣ*, и заслуживаютъ особеннаго вниманія въ томъ отношеніи, что въ нихъ, какъ и въ народномъ стихѣ, выражается во всѣхъ подробностяхъ міросозерцаніе древнерусскаго человѣка, его взглядъ на природу и человѣка, его понятія о происхожденіи и о концѣ міра, о происхожденіи человѣка, объ искупленіи міра, о цѣли и назначеніи всего существующаго и т. п. «Бесѣда Іерусалимская» начинается такъ: «Бесѣда царя *Давида Иессеевича* с царемъ *Волотомъ Волотовичемъ* на синайстей горѣ, посторонь града Иерусалима.... В великую было субботу, сьеждялися (съѣзжалися) к церкви к литоргиі 42 царя; *большой у нихъ былъ царь Волотъ Волотовичъ*, второй у нихъ царь *Моисей Моисеовичь*, трети у нихъ былъ царь *Елисей Елисектичъ*, четвертые у нихъ былъ царь *Давидъ пророкъ Иессеовичь*» и проч. Послѣ того какъ всѣ цари отслушали литургію, *большой царь Волотъ Волотовичъ* проситъ ихъ разсказать какой кому видѣлся въ ту ночь сонъ. Цари-собесѣдники ничего не отвѣчали на это приглашеніе; и тогда Волотъ начинаетъ разсказывать, въ видѣ загадки, свой собственный сонъ и проситъ поразсудить о немъ *добромъ* и найдти разгадку его сна. Царь Давидъ разгадываетъ и объ-

(*) И на западѣ въ XIII в. была въ народномъ обращеніи поэма *La vision de S-t Paul*, того же содержанія. См. стат. г. Тихонравова, стр. 422.

яснястъ сонъ Волота, и затѣмъ начинаетъ состязаніе въ задаваніи вопросовъ, касающихся важнѣйшихъ явленій природы и христіанскаго міра, въ родѣ слѣдующихъ: «отчего у насъ свѣтъ свѣтитца? і отчево сонце сияетъ? і отчево заря занимаетца? на чемъ у насъ небо ходитъ? на чемъ земля стоитъ?» Царь Волотъ въ свою очередь задаетъ такіе вопросы: «кой градъ градамъ мать и коя церковь церквамъ мать, коя трава травамъ мать, кое море морямъ мать?» и т. д. (См. *Пам. стар. рус. лит.* вып. 2, стр. 307).

Мы видѣли (говоря о духовныхъ стихахъ) что тѣ же самые вопросы задаются и въ стихѣ о Голубиной книгѣ. Только здѣсь состязаніе вопросами и загадками происходитъ между премудрымъ царемъ *Давидомъ Евсеевичемъ* и княземъ *Володиміромъ Володиміровичемъ* (т. е. велик. кн. Владиміромъ святымъ) (*). Г. Буслаевъ въ Бес. Іер. видитъ первообразъ стиха о Голубиной книгѣ и находитъ, что *Волотъ Волотовичъ* Бесѣды, преобразившійся въ народномъ духовномъ стихѣ въ князя Владиміра, есть лице миѳическое, великанъ, подобный великанамъ скандинавской миѳологіи, перешедшій въ разбираемое нами сочиненіе изъ русской языческой старины. (**) Согласимся ли мы или

(*) Число загадокъ и вопросовъ въ Голубиной книгѣ гораздо многочисленнѣе, нежели въ Бесѣдѣ Іерус.; только въ Голубиной книгѣ вопросы облечены въ стихотворную форму и являются въ поэтической народной обработкѣ; но несомнѣнно, что книжное произведеніе послужило источникомъ для народнаго, а не на оборотъ. Воображеніе народное сумѣло украсить и распространить матерьялъ, почерпнутый изъ произведенія книжнаго, и дополнить его тѣми понятіями и вѣрованіями, которыя сохранялись въ немъ самомъ отъ старины. Относительно названія *Голубиная книга*, кажется, всего проще допустить, что это испорченное слово вмѣсто *Глубинная книга*, которое, вѣроятно, давалось ей прежде; ибо понятіе глубины вполнѣ согласуется съ тѣми важными и *глубокими* вопросами, о которыхъ ведется бесѣда въ стихѣ. Въ числѣ старинныхъ отреченныхъ книгъ упоминается же въ рукописныхъ *Кормчихъ* и въ другихъ уставныхъ сборникахъ апокрифическое сочиненіе *Глубина*,—и вѣроятнѣе всего, что отсюда-то и произошло названіе *глубинной*, впослѣдствіи извращенное въ *голубиную* книгу. Хотя и мы сами допустили выше предположеніе о миѳическомъ значеніи названія «Голубиная книга,» но намъ все же кажется большою натяжкою, для объясненія этого названія, прибѣгать къ миѳическому значенію голубя въ религіозныхъ вѣрованіяхъ разныхъ народовъ или предполагать языческое происхожденіе Голубиной книги, на томъ основаніи, что она могла считаться вначалѣ принесенною съ неба голубемъ, преобразившимся во времена христіанства въ символъ Святаго Духа и т. п. (См. Пѣсни Рыбникова, т. II., замѣтка г. Безсонова и Истор. Очерки, Буслаева, т. II, стр. 119 и друг.)

(**) Истрорич. Очерки, Буслаева, т. I, стр. 455.

нѣтъ съ этимъ объясненіемъ Волота (что впрочемъ и не составляетъ главной сущности дѣла); но изслѣдованія почтеннаго профессора о Голубиной книгѣ, Іерусалимской Бесѣдѣ и объ апокрифической Бесѣдѣ трехъ святителей (*) показываютъ до очевидности въ этихъ памятникахъ смѣшеніе христіанскихъ понятій и преданій съ языческими. Достаточно привести лишь нѣкоторые отвѣты на вопросы и загадки, которые въ нихъ предлагаются, чтобы видѣть до какой степени понятія, заимствованныя изъ Византіи и принесенныя христіанствомъ, проникнуты здѣсь миѳологическими вѣрованіями и преданіями. Вотъ нѣсколько этихъ отвѣтовъ: «свѣтъ у насъ свѣтится отъ очей Господнихъ; земля стоитъ на осьмидесяти китахъ рыбахъ меньшихъ, да на трехъ рыбахъ большихъ; (**) (въ редакціи памятника, разбираемаго г. Буслаевымъ, передается преданіе, что земля основана на трехъ большихъ китахъ и на тридцати малыхъ, и что эти киты, находя райское благоуханіе, берутъ отъ него десятую часть и отъ того сыты бываютъ); всѣмъ рыбамъ мать — окіанъ-рыба великая, — какъ та рыба взыграется, и пойдетъ во глубину морскую, тогда будетъ свѣту преставленіе» и проч. Тутъ же упоминаются и *таврукъ*-птица, и *стратимъ*-птица, производящая бурю на морѣ, и звѣрь *единърохъ*, и *индрикъ*-звѣрь (куда онъ ни пройдетъ, тамъ ключъ вдругъ закипитъ), и *плакунъ*-трава — всѣмъ травамъ мать, потому что когда «жидове Христа распинали, и Богородица на ту траву уканула слезу» (***) и т. п. (См.

(*) Тамъ-же, см. т. II, стр. 16.

(**) Въ Голубиной книгѣ говорится тоже:

«На трехъ рыбахъ, на рыбинахъ,
На тридцати было на малыихъ,
Основана на нихъ вся сыра земля,
И содержится вся подселенная, —
Потому китъ рыба надъ рыбамъ мать.»

(*Варенцова: Сборн. рус. дух. стих.*, стр. 26).

(***) Большая часть подобныхъ преданій, нѣтъ сомнѣнія, пришла къ намъ извнѣ, изъ апокрифовъ и первобытныхъ легендъ; но отчасти преданія эти могли конечно перейти въ произведенія книжниковъ и изъ уцѣлѣвшей у насъ миѳологической старины. Легенда же о плачѣ Богородицы и о слезахъ, пролитыхъ ею по Спасителѣ, которыя обращались потомъ въ вещественныя предметы, — распространена на всемъ христіанскомъ востокѣ. Посѣщавшимъ Палестину и другія мѣста на востокѣ извѣстно, что туземцы и даже пришлые поклонники собираютъ въ долинѣ Іордана, говорятъ, — въ какой-то травѣ, — родъ мелкихъ, бѣловатыхъ камешковъ или ракушекъ, дѣлаютъ

Памят. Стар. Рус. Лит. вып 2, стр. 308 и *Голубин. книгу* въ сборникѣ г. Варенцова).

Въ «Бесѣдѣ трехъ святителей,» (которая, полагаютъ, занесена къ намъ изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ другими апокрифами, и была очень распространена, такъ что отрывки изъ нея перешли даже въ старинные сборники, въ первоначальныя азбуки для обученія грамотѣ,) (*) между тремя знаменитыми отцами церкви: Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ и Іоанномъ Златоустомъ происходитъ также состязаніе въ задаваніи другъ другу вопросовъ и даже загадокъ, относительно происхожденія всего существующаго и конечныхъ судебъ міра. Апокрифъ этотъ имѣлъ, безъ сомнѣнія, вліяніе на Голубиную книгу и на Бесѣду Іерусалимскую, — и какъ тамъ, такъ и здѣсь мы находимъ, подъ прикрытіемъ христіанскихъ идей, миѳологическіе взгляды и понятія о многихъ предметахъ, хотя и получающихъ (особенно въ Бесѣдѣ трехъ свят.) большее или меньшее значеніе смотря по мѣрѣ отношенія ихъ къ догматамъ и событіямъ христіанства. Вотъ для примѣра небольшое извлеченіе изъ Бесѣды трехъ святителей. *Воп.* «Что четыре орла одно яйцо снесли? *Отв.* Четыре евангелиста св. евангеліе списаша. *Воп.* Отчего луна сотворена бысть? *Отв.* Отъ *аера* и отъ воздуха и отъ престола Господня. *Воп.* Отчего громъ и молнія сотворена бысть? *Отв.* Гласъ Господень въ колесницѣ огненной утвержденъ и ангелы громная приставлена. *Воп.* Отъ коликихъ частей сотворенъ бысть Адамъ? *Отв.* Отъ 8 частей: отъ земли тѣло, отъ камня кости, отъ Чермнаго моря кровь, отъ солнца очи, отъ облакъ мысль, отъ востока дыханія власы, отъ свѣта духъ, самъ Господь вдунулъ ему душу,» и т. д. (См. *Ложныя и отречен. книги*, г. Пыпина, стр. 169).

Содержаніе другаго апокрифа, «Хожденіе Богородицы по мукамъ,» (также очень распространеннаго въ народѣ и послужившаго источникомъ для множества разнообразныхъ духовныхъ стиховъ изъ жизни

изъ нихъ четки, и потомъ продаютъ ихъ повсемѣстно на востокѣ, называя эти четки—четками изъ *слезъ* Богородицы. Ясно, что *плакунъ*-трава нашихъ словесныхъ памятниковъ имѣетъ связь съ упоминаемой легендой.

(*) Истор. Очерк. Буслаева, т. II, статья 1: о народной поэзіи въ древнерусской литературѣ. *Бесѣда трехъ святителей* разсматривается здѣсь во всѣхъ подробностяхъ. См. стр. 16 и дал.

Спасителя и Богоматери), разсмотрѣно въ свою очередь весьма подробно у г. Буслаева («Очерки» т. I, стр. 493 и дал.) Оно заключается главнымъ образомъ въ томъ, что Богоматерь, возмущенная зрѣлищемъ мученій, которымъ подверглись грѣшники въ аду, и растроганная ихъ умоляющимъ голосомъ о пощадѣ и о заступничествѣ за нихъ передъ Спасителемъ, обращается съ мольбою къ своему божественному сыну о помилованіи грѣшниковъ. Христосъ, внявъ мольбамъ матери, даетъ грѣшникамъ временное облегченіе отъ мученій: «за многія слезы моей метери, — говоритъ онъ, — даю грѣшникамъ покой отъ великаго четверга до дня всѣхъ святыхъ» (тамъ-же, стр. 495). Преданіе о хожденіи *по мукамъ* и *по раю* обще, кажется, всему христіанскому міру. Оно послужило главной основой и для знаменитой поэмы Данта, «Божественная комедія.» Къ намъ оно перешло конечно изъ Византіи, и было извѣстно изъ многихъ переводныхъ сочиненій: изъ легенды о хожденіи по раю *св. Агапія*, изъ легенды о *св. Макаріи*, не дошедшемъ до рая только на 20 *поприщь*, изъ апокрифовъ: *о Трехъ монахахъ*, *видѣнія апостола Павла* и другихъ; въ особенности же изъ *слова о мытарствахъ* и изъ житій нѣкоторыхъ святыхъ (напр. *св. Василія Новаго*, Очерки Буслаева, т. I, стр. 434),—вообще изъ пришедшихъ къ намъ изъ Византіи изображеній *страшнаго суда*. Но составитель апокрифа «Хожденіе Богородицы по мукамъ», при изображеніи адскихъ мученій, очень удачно воспользовался отношеніями Богородицы къ Христу, отношеніями *матери* къ *сыну*, и сумѣлъ довольно поэтически изобразить чувства Богоматери, чувства женщины вообще, внушенныя ей страшнымъ зрѣлищемъ адскихъ мученій. За то мрачная картина ада и описаніе томящихся въ немъ грѣшниковъ и испытываемыхъ ими мученій, картина, занимающая большую половину всего сочиненія, ужасами своими превышаетъ все, что только можетъ создать самое дикое и необузданное воображеніе. Тутъ грѣшники преданы несказаннымъ, самымъ разнообразнымъ мукамъ, за одно лишь несоблюденіе внѣшняго благочестія; только за то, напримѣръ, что не вставали рано и не ходили къ заутренѣ, что не подымались съ мѣстъ, когда проходилъ священникъ въ церковь и т. д. За это ихъ жгутъ въ вѣчномъ пламени, на огненныхъ одрахъ и сѣдалищахъ, огненные зміи обвиваютъ ихъ тѣло и т. п. Слѣдуетъ вспомнить при этомъ, что

«Хожденіе Богородицы по мукамъ» было очень распространено, какъ сказано выше, и извѣстно въ народѣ даже и теперь. Потому подобныя книжныя произведенія, явно сочинявшіяся за стѣнами монастыря, для устрашенія народа, не могли не дѣйствовать пагубно на народное развитіе: они запугивали народное воображеніе, дѣйствуя на него страхомъ суда, грозными ѝбразами вѣчно-карающихъ ангеловъ и страшными картинами огненныхъ рѣкъ, а за ними — вѣчныхъ, нескончаемыхъ адскихъ мученій! Народъ, подъ вліяніемъ подобныхъ представленій, не слыша слова любви и примиренія тамъ, гдѣ онъ долженъ былъ его слышать, лишался энергіи и утрачивалъ силы духа, необходимыя ему для борьбы съ жизнію. И все это выразилось, къ сожалѣнію, въ томъ безчисленномъ множествѣ духовныхъ стиховъ: о страшномъ судѣ, о грѣшной душѣ, о вѣчной мукѣ, въ суровыхъ аскетическихъ стихахъ (какъ напримѣръ: стихъ о *Лазарѣ,* объ *Іосафѣ* и др.) на которыхъ, повидимому, съ особенною любовію останавливалась память народныхъ пѣвцовъ, почерпавшихъ матерьялъ для своихъ религіозныхъ пѣсень изъ книжныхъ произведеній, подобныхъ разбираемому нами апокрифу. Во многихъ стихахъ воображеніе пѣвцовъ пошло еще дальше: оно уже не даетъ грѣшникамъ никакой пощады, никакого временнаго облегченія, какъ въ апокрифѣ, и съ ужасающими подробностями рисуетъ разнообразныя картины адскихъ мукъ. Такіе стихи записаны и у Кирѣевскаго (напр. стихъ № 25) и въ сборникѣ г. Варенцова. Вотъ отрывокъ изъ перваго изъ нихъ:

Вы въ церковь Божію не хаживали,
Заблудящимъ дороги не показывали,
И вы мертвыхъ въ гробахъ не проваживали,
За то-то сослалъ Богъ вамъ муку вѣчную.
Муку вѣчную, безконечную.

Въ стихѣ о страшномъ судѣ, записанномъ г. Варенцовымъ, (стр. 167—168) представляется картина осужденныхъ грѣшниковъ въ еще болѣе ужасномъ видѣ: І. Христосъ, возсѣдающій на престолѣ, какъ судья праведный, задернетъ грѣшниковъ

Землей, травой и муравой,
Чтобы отъ грѣшныхъ отъ рабовъ неслышати
Госпожѣ Владычицѣ и Богородицѣ

Ни писку, ни визку, ни взраду,
И ни зубнаго *крыданія*,
И ни слезнаго рыданія.

Сонъ Богородицы извѣстенъ въ народѣ почти всѣмъ грамотнымъ людямъ даже и теперь. Это одинъ изъ болѣе всего распространенныхъ у насъ апокрифовъ, до такой степени, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего отечества «Сонъ Богородицы» учатъ наизустъ, и читаютъ вмѣстѣ съ молитвами (*). Содержаніе его составляютъ подробности страданій Спасителя, которыя Богоматерь видитъ заранѣе въ сновидѣніи: «Ложилась Владычица спать и почивать; Владычицѣ мало спалось и во снѣ много видѣлось; видѣла вельми сонъ страшенъ, и грозенъ, и чуденъ».... Спаситель объясняетъ ей, что ея сонъ *не ложенъ*, что все, видѣнное ею во снѣ, надъ нимъ сбудется и проч. (см. *Лож. и отреч. книги*, г. Пыпина, стр. 125—126). Произведеніе это не лишено нѣкоторыхъ поэтическихъ частностей, особенно въ изображеніи материнскихъ чувствъ Богородицы; но тѣмъ не менѣе оно, — по справедливому замѣчанію о. Кульчицкаго, — «произведеніе до крайности вычурное и суевѣрное» (**).

Подъ вліяніемъ апокрифовъ и подобныхъ имъ книжныхъ произведеній образовывались и всѣ наши литературныя, или *книжныя* легенды (***) и умильныя повѣсти, которыми была наводнена, какъ уже мы упоминали не разъ, почти вся древнерусская литература.

Всѣ основныя черты легендарныхъ произведеній: чудесное, сверхъестественныя видѣнія, искушенія отъ бѣсовъ и борьба съ злыми духами, отреченіе отъ міра и суровый аскетизмъ, — какъ идеалъ жизни благочестивой, строгое уваженіе къ наружнымъ формамъ благочестія, — часто безъ проникновенія во внутренній смыслъ ученія христіанскаго, мрачный взглядъ на женщину, какъ на существо слабое, нравственно-несвободное и испорченное, какъ на источникъ грѣха и паденія для человѣка, — все это составляетъ главную характеристику древнерус-

(*) Прибавленіе къ Херсонс. Епархіальнымъ Вѣдомост. № 7 1862 г. стр. 461.

(**) Тамъ же.

(***) Кромѣ *книжной* легенды и духовныхъ стиховъ въ народѣ обращается почти на тѣже мотивы и множество собственно *народныхъ* легендъ, въ формѣ прозаическихъ разсказовъ. Небольшое число *русскихъ народныхъ легендъ* собралъ и издалъ г Афанасьевъ (Моск. 1860 г.)

ской легендарной повѣсти. Въ нѣкоторыхъ же изъ нихъ, построенныхъ на древнихъ преданіяхъ русской эпической старины, является явное смѣшеніе старыхъ языческихъ понятій съ понятіями христіанскими. Мы это увидимъ яснѣе, разсмотрѣвъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ книжныхъ легендъ и повѣстей.

Начало русской легендѣ и легендарной повѣсти положено было, какъ мы уже говорили, древневизантійскими переводными легендами, которыя стали появляться на Руси вмѣстѣ съ развитіемъ и распространеніемъ письменности, переходя къ намъ либо прямо изъ Византіи, либо отъ Сербовъ, Болгаръ и другихъ нашихъ славянскихъ соплеменниковъ. Масса греческихъ переводныхъ легендъ и повѣстей постоянно увеличивалась съ постепеннымъ усиленіемъ въ древнерусской литературѣ византійскаго вліянія. Въ XVI и XVII стол. у насъ уже обращалось безчисленное множество какъ переводныхъ, такъ и составленныхъ по ихъ образцу оригинальныхъ русскихъ легендъ и повѣстей, составлявшихъ уже тогда преобладающій родъ литературы нашихъ предковъ. Но до того времени, когда византійской вліяніе было еще слабо, когда еще былъ возможенъ, по словамъ г. Пыпина, старый эпосъ, т. е. съ XI до XIII—XIV столѣтія, въ нашей письменности появились чужіе памятники поэтическаго содержанія, ходившіе тогда и въ западной Европѣ.... Литература южныхъ славянъ доставила намъ романъ объ «Александрѣ» (Македонскомъ), (*) «Троянскую исторію» «Повѣсть о Соломонѣ», «Исторію храбраго Девгенія» и т. д. Впослѣдствіи не продолжалась и эта свѣтская литература, къ ней не прибавилось уже ничего замѣчательнаго, когда новая литература легенды и двоевѣрія утвердилась:—господство ея было исключительное.

Какъ внутреннее содержаніе и направленіе легендъ и древнерусскихъ повѣстей, такъ и ихъ внѣшняя, повѣствовательная сторона не представляютъ ни какого разнообразія: вездѣ одни и тѣ же мотивы, одинъ и тотъ же тонъ и манера разсказа и тотъ же испорченный церковно-славянскій языкъ. Исключеніе составляетъ въ этомъ отношеніи

(*) Баснословная исторія объ Александрѣ Македонскомъ была очень распространена у насъ въ старину и обращалась во многихъ рукописяхъ, даже «въ лицахъ,» т. е. съ рисунками. (См. снимки съ этихъ рисунковъ въ прилож. ко II т. «Очерковъ» г. Буслаева).

одна лишь повѣсть «*Горе-злочастіе*,» которая по своему направленію и благочестивому разсказу хотя и принадлежитъ къ общему разряду легендарныхъ произведеній, но въ тоже время рѣзко отличается отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ старинныхъ легендъ и повѣстей—и своимъ содержаніемъ и живымъ, народнымъ языкомъ. Мы разсмотримъ по этому повѣсть «Горе-злочастіе» отдѣльно; а теперь скажемъ нѣсколько словъ о другихъ, по чему-либо примѣчательныхъ, легендахъ и повѣстяхъ.

Послѣ «Горя-злочастія» и повѣсти «о Щилѣ, посадникѣ новгородскомъ», (*) (замѣчательной развѣ по вѣроятной древности своего происхожденія),—въ первомъ выпускѣ *Памятн. старинной русск. лит.* помѣщена повѣсть «О муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи». Повѣсть эта основана на очень древнихъ народныхъ преданіяхъ; но она составлена явно уже въ позднѣйшее время, и благочестивый сочинитель смѣшалъ въ своемъ произведеніи безъ разбору истину о житіи историческихъ святыхъ съ вымыслами народной старины. (**)

Дѣйствіе происходитъ въ русской землѣ, въ городѣ Муромѣ, и начинается разсказомъ *о летящемъ зміѣ*, прилетавшемъ къ женѣ правителя Мурома, князя Павла. Въ глазахъ постороннихъ людей змій этотъ представлялся ея мужемъ. Герой повѣсти, младшій братъ муромскаго правителя, князь Петръ, по указанію *чудеснаго* явившагося ему юноши, находитъ богатырскій *Агриковъ* мечь (которымъ только и можетъ быть умерщвленъ змій) и, съ помощію молитвы, поражаетъ *нечистаго*, который, издыхая, въ предсмертномъ трепетаніи, окропилъ

(**) Щилъ, богатый купецъ въ Новгородѣ, давалъ деньги въ ростъ, впрочемъ за небольшіе проценты; *отъ лихвеннаго собранія* онъ построилъ церковь, но архіепископъ не хотѣлъ освятить ее, узнавъ источникъ, изъ котораго построена церковь. Онъ приказалъ Щилу устроить въ стѣнѣ дома своего гробъ, надѣть саванъ и лечь въ гробъ; и когда надъ нимъ было совершено надгробное отпѣваніе, то гробъ вмѣстѣ съ Щиломъ исчезъ, и на томъ мѣстѣ образовалась пропасть. Церковь безусловно охуждаетъ росты, и потому Щила постигло наказаніе, въ самомъ способѣ котораго г. Костомаровъ видитъ подмѣсь къ церковнымъ понятіямъ какихъ-то самобытныхъ народныхъ. См. *Объясненіе*, стр. 25—26.

(***) Профессоръ Костомаровъ говоритъ, что рукопись повѣсти о Петрѣ и Февроніи муромскихъ — *Четиминея* (житія святыхъ) за мѣсяцъ Іюнь, одной редакціи съ Макарьевскою (см. отдѣлъ о духовн. литерат.) принадлежитъ къ XVI столѣтію и заключаетъ въ себѣ картинки, изображающія нѣкоторыя событія изъ повѣсти (П. С. Р. Л. Вып. 1-й., см. выноску, стр. 29.)

блаженнаго князя Петра своею кровію, и на тѣлѣ князя оказались отъ этого неизлѣчимыя раны.

Никто изъ врачей не могъ излѣчить князя Петра отъ его болѣзни. Онъ отправился въ предѣлы рязанскіе, гдѣ, по слухамъ, находились искусные врачи. Одинъ юноша изъ его людей попалъ въ село *Ласково* и зашелъ въ одинъ домъ, гдѣ увидѣлъ *видѣніе чюдно*: дѣвицу, сидѣвшую за станкомъ (*ткаше красна*), а передъ нею скакалъ заяцъ. Дѣвица эта и была мудрая Февронія, дочь *древолазца*. Она втрѣтила юношу *странными* рѣчами: на его вопросы все отвѣчала загадками или *притчами*, въ родѣ слѣдующихъ: «не слѣдуетъ быть двору безъ ушей, а комнатѣ безъ очей» *(Не лѣпо есть быти дому безъ ушію, и храму безъ очію)*. Что значило, по объясненію самой Февроніи юношѣ, не понявшему ея словъ, что еслибы въ ея домѣ были собака и мальчикъ, то первая лаемъ, а мальчикъ словами извѣстили бы ее о приходѣ юноши, и онъ не засталъ бы ее сидящею, такъ, въ *простотѣ*, т. е. въ безпорядкѣ и неубранною. Это и есть дому *уши*, а храму *очи*. Юноша повѣдалъ Февроніи о болѣзни князя и отъ его имени обѣщалъ большую награду тому, кто его излѣчитъ. Февронія берется исцѣлить отъ болѣзни князя, но съ условіемъ, чтобы онъ женился на ней. Князь велитъ сказать ей, *обманомъ*, что женится, только пусть уврачуетъ его. И Февронія дѣйствительно излѣчиваетъ князя, оставивъ на его тѣлѣ не уврачеванною лишь одну язву. Но такъ-какъ онъ не хотѣлъ сначала жениться на ней, *отечества ея ради*, потому что она была дочь простаго дровосѣка; то раны снова покрываютъ его тѣло. Тогда князь, увидѣвъ, что одна лишь Февронія въ состояніи исцѣлить его, съ твердостію даетъ слово на ней жениться. И, исцѣлившись совершенно, беретъ ее, въ самомъ дѣлѣ, себѣ въ супруги. И такимъ образомъ стала Февронія княгинею. «И пришли они въ отчину свою, въ градъ Муромъ, и жили во всякомъ благочестіи, *ни что же отъ Божіихъ заповѣдей оставляюще*» и т. д. (См. Истор. Очерки, Буслаева, т. I, стр. 288—294, гдѣ передана вполнѣ повѣсть о Февроніи.) Послѣ смерти брата, князь Петръ сдѣлался владѣтелемъ Мурома, но бояре муромскіе возненавидѣли Февронію, *женъ своихъ ради*, за то, что она была не боярскаго роду. Князь и княгиня, вслѣдствіе козней бояръ, согласились оставить городъ; но

жители упросили ихъ возвратиться снова на княженіе. Подъ конецъ жизни они оба облеклись въ монашескія ризы, и умерли въ одинъ и тотъ же день и часъ. Люди не хотѣли положить ихъ въ одинъ гробъ, какъ они того желали при жизни и заранѣе изготовили для себя гробъ въ *единомъ камени*; но, противъ воли людей, сама невидимая сила соединила ихъ въ этомъ гробѣ.

Вотъ въ чемъ заключается главнымъ образомъ содержаніе повѣсти о Петрѣ и Февроніи муромскихъ, которую г. Буслаевъ называетъ «прекраснымъ памятникомъ нашей народной поэзіи» и находитъ въ ней столько поэтическихъ достоинствъ, что сравниваетъ съ пѣснею древней Эдды о битвѣ *Зигурда*, знаменитаго героя скандинавскаго сѣвера, съ зміемъ и о его союзѣ съ *вѣщею дѣвою*. Но съ подобной оцѣнкой муромской легенды весьма трудно согласиться. Повѣсть эту нельзя причислить къ памятникамъ нашей собственно «народной словесности» уже по одному ея изложенію. Народнаго въ ней только и есть, что преданія, загадки и пословицы, которыми очень плохо и неудачно воспользовался человѣкъ книжный, составитель повѣсти, увлекавшійся въ исторіи Петра и Февроніи одною лишь благочестивою стороною ихъ жизни и не обращавшій никакого вниманія на поэтическій элементъ народнаго преданія. И притомъ, такимъ тяжелымъ книжнымъ языкомъ, какъ напримѣръ: *Мыслю, жено, и не доумѣюся что сотворити непріязни тому*; или: *Радуйся, Петре, яко дана бысть отъ Бога власть убити иже лѣтящаго свирѣпаго змія! Радуйся, Февронія, яко въ женстей главѣ святыхъ мужъ мудрость имѣла еси!*» и проч. Такимъ языкомъ, повторяемъ мы, не говоритъ ни одинъ изъ памятниковъ нашей собственно народной словесности. Тоже самое мы можемъ сказать и относительно сродства нашей легенды съ пѣснями Эдды. Кромѣ одного лишь *общаго* сходства въ народномъ преданіи, положеннаго въ основу и пѣсень Эдды и нашей легенды, — послѣдняя не имѣетъ ничего сходнаго въ своемъ разсказѣ ни съ блистательными подвигами великаго сѣвернаго героя, Зигурда, ни съ прекрасными и высоко-поэтическими пѣснями Эдды объ этихъ подвигахъ, — если судить о нихъ даже по тому небольшому числу пѣсень, переводъ которыхъ приведенъ у самаго же г. Буслаева. Что же касается до общаго сход-

ство народнаго преданія и въ нашемъ и въ иноземныхъ словесныхъ памятникахъ, то оно доказано у г. Буслаева весьма осязательно. Но этимъ однимъ все и ограничивается. Съ какимъ эпизодомъ въ нашей повѣсти можно сравнить, напримѣръ, хотя вѣщія мечтанія Зигурда, выражающіяся такъ поэтически въ формѣ голосовъ орлицъ? Или что общаго имѣетъ наша повѣсть съ миѳическимъ воззваніемъ дѣвы Валькиріи, когда она предложила герою Зигурду привѣтственный кубокъ, и говоритъ: «Слава дню и вамъ, сыны дня! Слава тебѣ, ночь, и твоей дочери! Незлобивыми очами взгляните на насъ, и даруйте намъ, здѣсь сидящимъ, побѣду!» и проч. Или, наконецъ, со всею этою прекрасною, поэтическою бесѣдою вѣщей дѣвы съ Зигурдомъ? Мы не говоримъ уже о тяжеломъ и до крайности нескладномъ, искуственномъ изложеніи и книжномъ языкѣ нашей легенды, который не имѣетъ ни малѣйшихъ признаковъ языка древнеславянскаго, и лишенъ той силы и выразительности, которыми отличается языкъ церковно-славянскихъ книгъ. Тогда какъ въ героическихъ пѣсняхъ о Зигурдѣ вездѣ раздается «энергическій и звонкій стихъ,» по словамъ самаго же г. Буслаева.

Но тѣмъ не менѣе муромская легенда, помимо своихъ поэтическихъ достоинствъ, представляетъ очень интересный памятникъ нашей старинной литературы. Она заключаетъ въ себѣ, говоритъ г. Костомаровъ, «драгоцѣнный матерьялъ, какъ для изученія древнихъ вѣрованій и понятій, такъ равно и для древняго быта.» Это одна изъ немногихъ книжныхъ легендъ, которыя основаны на чисто народныхъ русскихъ преданіяхъ и представляютъ нѣкоторыя черты древнерусскаго народнаго быта, гражданскаго устройства и домашней жизни. Таковъ напр. разсказъ о смутахъ бояръ и недовольствѣ боярынь, что ими управляетъ дочь древолазца, разсказъ о неурядицѣ въ городѣ и объ усобицахъ бояръ, послѣ отъѣзда князя. Г. Костомаровъ считаетъ эти мѣста въ повѣсти чертами весьма древняго времени и важнымъ указаніемъ на общественное устройство старинныхъ городовъ и на понятіе о княжеской власти. (См. П. С. Р. Л. вып. I, примѣчаніе, стр. 51—52.)

Въ «Очеркахъ» г. Буслаева, въ статьѣ: «Идеальные женскіе характеры древней Руси» (*) приведена другая старинная повѣсть, за-

(*) См. т. II, стр. 252. Въ Памятн. С. Р. Л. вып. I-й (стр. 63) жизнеопи-

ключающая въ себѣ жизнеописаніе одной благочестивой женщины изъ древне-боярской семьи, *Юліаніи Лазаревской.* Житіе это написано сыномъ Юліаніи, и въ рукописи озаглавлена такъ: «Мѣсяца Генваря во 2-й день преставленіе святые и праведныя матере Іуліаніи Лазаревскія. Списано сыномъ ея, *Каллистратомъ*, по реклу (по прозванію) *Дружиною Осорьинымъ*». Особенный интересъ этой повѣсти, по словамъ г. Буслаева, состоитъ въ томъ, что она переноситъ насъ въ семейную жизнь боярскую XVI вѣка, такъ мало намъ извѣстную.

Дѣйствіе повѣсти относится къ времени царствованія Ивана Васильевича Грознаго; но здѣсь лишь только случайно передаются нѣкоторыя черты и событія этой мрачной эпохи въ исторіи древней Руси. Главная же цѣль составителя повѣсти заключалась въ развитіи мысли о святости и великихъ заслугахъ благочестивой жизни, которой всецѣло предалась героиня повѣсти, блаженная Юліанія. Она съ самой ранней юности *прилежала* молитвѣ и посту, не взирая на то, что ей ежедневно говорили, зачѣмъ она въ такой молодости изнуряетъ свое тѣло и губитъ свою дѣвственную красоту; удалялась отъ всякихъ игръ и пѣсень *пустошныхъ*, къ которымъ принуждали ее не разъ ея сверстницы въ домѣ, гдѣ она воспитывалась. Вышедши замужъ 16-ти лѣтъ, Юліанія продолжала тотъ же строго-благочестивый образъ жизни: много молилась (творила по сту и больше поклоновъ каждый вечеръ), заботилась о сиротахъ и вдовахъ, о нищихъ и убогихъ, ухаживала за немощными и больными, и весьма милостиво и человѣчно обращалась съ *рабами* и съ *рабынями*, т. е. съ домашнею *челядью* (*холопями*) которыхъ въ дому ея было *множество*: она была заступницею за нихъ передъ родными, не смотря на лѣность и нерадѣніе, на распри и драки, происходившія между ними. Мрачныя видѣнія тревожили не разъ покой этой благочестивой и кроткой души: бѣсы являлись мучить ее, сначала во снѣ, а потомъ и на яву, и ихъ разгонялъ отъ нея являвшійся ей св. Николай. Подъ конецъ жизни Юліанія обнаружила суровый аскетизмъ: спала безъ постели, подкладывая подъ себя дрова вострою стороною къ тѣлу и подъ

саніе это напечатано подъ заглавіемъ: «Повѣсть объ Ульяніи муромской», по списку рукописи, незаключающей въ себѣ нѣкоторыхъ одробностей, разсказанныхъ у г. Буслаева.

голову, а подъ ребра — желѣзные ключи; въ сапоги, вмѣсто стелекъ, клала орѣховыя скорлупы и вострые черепки; когда одинъ изъ рабовъ убилъ ея старшаго сына, а другаго сына гдѣ-то на царской службѣ убили, — она *вмалѣ скорбѣла, но о душахъ ихъ, а не о смерти* (*).

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе повѣсти о Юліаніи Лазаревской. Такова невзрачная и печальная жизнь этой кроткой и чистой праведницы. Лучшей оцѣнки жизнеописанію Юліаніи нельзя сдѣлать, какъ слѣдующими словами г. Буслаева: «Сколь ни умилительна нѣжная, благочестивая личность самой героини, все же нельзя не сознаться, что житье-бытье и вся внѣшняя обстановка накидываютъ темный, печальный колоритъ на весь разсказъ, даже не смотря на то, что онъ согрѣтъ непритворною сыновнею любовію автора. Кругомъ все печально и сумрачно, какъ сѣрое, непривѣтливое небо, висящее надъ темными лѣсами и пустынями муромскаго края. Не зацѣпили скромной жизни Юліаніи ни погромы татарскіе, ни смуты бояръ, ни опала и гроза царя Ивана Васильевича. Все же досталось на ея долю много невзгоды и бѣдствій, которыми такъ много казнилась и искушалась древняя Русь.» — Повѣсть разсказываетъ, какъ въ теченіе жизни Юліаніи былъ великій голодъ, отъ котораго много людей помирало; былъ сильный моръ на людей, — и опять многіе умирали отъ болѣзни, прозванной *пострѣломъ;* была такая студеная зима, что земля разсѣдалась отъ мороза; наконецъ, уже въ царствованіе Бориса Годунова, до котораго дожила Юліанія, былъ столь великій голодъ по всей русской землѣ, что многіе ѣли всякое скверное мясо и человѣчью плоть. И тутъ-то, посреди этихъ великихъ бѣдствій, сіяютъ во всей красотѣ высокія добродѣтели Юліаніи. Она кормила толпы нищихъ и убогихъ, и отдавала имъ послѣднюю копѣйку, послѣдній кусокъ хлѣба; она, безъ малѣйшаго опасенія за собственную жизнь, ходила за больными во время моровой язвы, обмывала ихъ трупы, хоронила ихъ на свой счетъ и провожала до могилы. Слѣдуетъ вспомнить при этомъ, что Юліанія лишена была даже той образованности, которою можно было воспользоваться въ ея время: она вовсе не знала грамотѣ, и до выхода въ замужство не была ни разу въ цер-

(*) Пам. С. Р. Л. вып. I, стр. 65.

кви, не слышала ни разу божественной службы, и никто не позаботился сказать ей или научить ее слову спасенія. Вся заслуга, слѣдовательно, ея чистой и высокой жизни принадлежитъ собственно ей, ея личному характеру, ея любящему сердцу. Темная дѣйствительность и нерадостная семейная жизнь тогдашняго времени могли только укрѣпить этотъ характеръ и внушить ему стремленія отъ земли къ небу и ту аскетическую суровость, которую обнаружила Юліанія подъ старость.

Сочинитель легенды, или повѣсти объ Юліаніи Лазаревской, имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, изобразить, что благочестивые нравы возможны не только въ монашествѣ, но и въ *мірѣ*,—и съ сыновнею любовію пересказалъ о подвигахъ благочестія своей матери. Въ этомъ заключаются основная мысль и главная цѣль его повѣствованія, не отличающагося, впрочемъ, отъ общаго направленія древнерусской литературы, сообщенной ей византійскимъ вліяніемъ. Характеръ Юліаніи не представляется *идеальнымъ женскимъ характеромъ* лишь одной древней Руси; это идеалъ характера, вытекавшаго изъ религіозныхъ воззрѣній, которыя, въ извѣстные періоды исторіи, были общи и одинаковы у всѣхъ христіанскихъ народовъ.

Двѣ разсмотрѣнныя нами легенды, или древнерусскія повѣсти, достаточно объясняютъ духъ и направленіе всѣхъ подобныхъ произведеній нашей старинной литературы. Точно такой характеръ имѣютъ почти всѣ, какъ переводныя съ греческаго, такъ и оригинальныя русскія легенды и старинныя повѣсти; только послѣднія заключаютъ въ себѣ иногда тѣ или другія народныя повѣрья и преданья, ту или другую историческую черту изъ жизни русскаго народа. Такъ напр. подробно разобранныя въ «Очеркахъ» г. Буслаева (т. II, статья V) смоленская легенда о св. *Меркуріи* и ростовская — о *Петрѣ, царевичѣ Ордынскомъ*, основаны на народныхъ сказаніяхъ, которыя, по выводу г. Буслаева, принадлежатъ къ татарской эпохѣ. Нѣсколько такихъ же легендъ и повѣстей приведено и у г. Костомарова: легенда о *построеніи варяжской божницы въ Новгородѣ*, сказаніе о *плѣнномъ Половчанинѣ*, повѣсти: о *водвореніи христіанства въ Муромѣ и въ Ростовѣ*, о *побѣдѣ Новгородцевъ надъ Суздальцами* и друг. Изъ легендъ и повѣстей переводныхъ у него приведены: повѣсть *о пре-*

мудромъ царѣ Акирѣ, объ *иверской* (грузинской) *царевнѣ Динарѣ*, *о прекрасномъ Девгеніи*, *о градѣ Вавилонѣ*, *о мультанскомъ воеводѣ Дракулѣ* и друг.

Легенда смотритъ на жизнь и на житейскія отношенія исключительно съ религіозной, церковной точки зрѣнія, всегда имѣетъ благочестивый и поучительный тонъ, сообразно съ тѣмъ характеромъ религіозности о благочестія, который господствовалъ между грамотными людьми древней Руси. Все различіе, какое представляютъ наши легенды и старинныя повѣсти, замѣчается лишь въ томъ, что въ однѣхъ болѣе, а въ другихъ менѣе преобладаетъ та или другая сторона общихъ легендарныхъ понятій и представленій, т. е. въ однѣхъ проявляется въ большей степени, напримѣръ, осужденіе мірскихъ удовольствій, нападки на женщину и болѣе или менѣе суровый аскетизмъ, въ другихъ видѣнія и вообще чудесное; въ третьихъ наконецъ,—борьба съ бѣсовской силой, вліянію которой приписывались всѣ соблазны и всѣ бѣдствія и невзгоды, постигавшія человѣка. И потому явленіе бѣсовъ и нечистая сила вообще играютъ столь значительную роль почти во всѣхъ легендарныхъ произведеніяхъ.

Къ разряду произведеній легендарной литературы должна быть причислена, какъ сказано выше, и открытая недавно повѣсть, *Горе-Злочастіе*. Религіозно-нравственное направленіе и благочестивый тонъ разсказа — вотъ общая черта, которая связываетъ эту повѣсть съ прочими легендами и старинными повѣстями. Но съ другой стороны, содержаніе повѣсти, взятое изъ простой дѣйствительной жизни, и представляющее живую картину современныхъ нравовъ, стройность изложенія, стихотворная форма и прекрасный народный языкъ — рѣзко отличаютъ повѣсть «Горе-Злочастіе» отъ упомянутыхъ легендарныхъ произведеній, и даютъ намъ право причислить это, совершенно оригинальное въ своемъ родѣ явленіе въ нашей старинной литературѣ, къ чисто свѣтской поэзіи.

Повѣсть «Горе-Злочастіе» отыскана проф. Пыпинымъ въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ XVII вѣка, гдѣ она была записана подъ заглавіемъ: «Повѣсть о Горѣ и Злочастіи, какъ Горе-Злочастіе довело

молодца во иноческій чинъ.» Издана была эта повѣсть первый разъ въ «Современникѣ» 1856 года; подробную оцѣнку и объясненіе ей представили гг. Костомаровъ и Буслаевъ.

Повѣсть о «Горѣ-Злочастіи» начинается приступомъ, заключающимъ въ себѣ благочестивыя размышленія, въ которыхъ высказывается мысль о грѣхопаденіи человѣка. Потомъ слѣдуютъ наставленія родителей доброму молодцу, въ предостереженіе его отъ господствовавшихъ у насъ въ старину пороковъ, пьянства и т. п. и вообще отъ дурной жизни. Но добрый молодецъ былъ еще «не совершенъ разумомъ,»

Своему отцу стыдно покоритися,
А матери поклонитися,
А хотѣлъ жити, какъ ему любо!

Отсюда все повѣствованіе заключается въ изображеніи бѣдствій, которыя постигли добраго молодца за неуваженіе къ родительскимъ нравоученіямъ.

Тутъ и все содержаніе повѣсти, содержаніе, весьма простое и нехитрое; но подробности и самый тонъ разсказа о несчастіяхъ добраго молодца, о его мыканьи по бѣлу-свѣту, исполнены неподдѣльныхъ поэтическихъ красотъ.

Молодецъ наживаетъ пятьдесятъ рублей, и у него является пятьдесятъ друзей; его «милъ-надеженъ другъ, братецъ названный» зазываетъ его на *кабацкій дворъ*, гдѣ они бражничаютъ, — и молодецъ, послѣ пьянства, просыпается совершенно ограбленнымъ, въ такомъ видѣ, что ему *стало срамно* явиться къ своему отцу и матери. Онъ пошелъ на чужую сторону, *дальну незнаему*. Здѣсь добрый молодецъ началъ жить *умѣючи*, нажилъ себѣ состояніе, присмотрѣлъ невѣсту и захотѣлъ жениться. Но вотъ приступаетъ къ нему *Горе-Злочастіе*, и какъ злой демонъ, не покидаетъ его ни на минуту, до той поры, пока онъ не простился навсегда съ жизнію въ свѣтѣ и не похоронилъ себя за-живо за монастырскими стѣнами.

Сѣро Горе-горинское,—какъ оно представлено въ повѣсти,—сила страшная, фаталистическая, отъ которой не можетъ спасти человѣка ничто въ мірѣ, никакая мудрость! Оно заставляетъ молодца отказаться отъ невѣсты и пропить все, добромъ нажитое, богатство *въ царевомъ кабакѣ*. Покорился молодецъ злому Горю, пошелъ онъ опять,—

весь въ лохмотьяхъ, — на чужую сторону, и думаетъ съ отчаянія утопиться въ рѣкѣ. Но Горе вдругъ выскочило *изъ-за камени*,

Босо, наго, нѣтъ на Горѣ ни ниточки,
Еще лычкомъ Горе подпоясано.

«Стой, говоритъ оно молодцу, отъ меня, Горя, не уйдешь никуда. Кто добраго ученія родительскаго не слушаетъ, того выучу я, Горе-Злочастіе. Покорись мнѣ, Горю нечистому.» Горе требуетъ отъ молодца, чтобы онъ покорно, весело сносилъ свою участь. И добрый молодецъ покоряется. Веселъ и некручиноватъ

Пошелъ, поскочилъ добрый молодецъ
По круту, по красну бережку,
По желтому песочику...

И запѣлъ онъ *хорошую напѣвочку*:

«Безпечальна мать меня породила,
Гребешкомъ кудерцы расчесывала,
Драгими пóрты меня одѣяла» и проч.

Услышавъ эту *молодецкую напѣвочку*, перевозчики перевезли его даромъ черезъ рѣку, и молодецъ уже пошелъ было на свою сторону, къ отцу и къ матери; а злое Горе встрѣтило его опять въ полѣ, забѣжало къ нему напередъ, «учало надъ молодцомъ граяти, что злая ворона надъ соколомъ.» Не уйдешь ты отъ меня, говоритъ, и до самой смерти:

Хотя кинься во птицы воздушныя,
Хотя въ сине море ты пойдешь рыбою, —
А я съ тобою пойду подъ руку подъ правую.

Нѣтъ выхода для молодца, нигдѣ нѣтъ ему спасенія отъ Горя! Тогда-то онъ вспомнилъ про *спасенный путь*, — и пошелъ въ монастырь постричься

А Горе у святыхъ воротъ остается.

Въ этомъ послѣднемъ стихѣ заключается главный нравственный смыслъ повѣсти о Горѣ-Злочастіи, ея поучительный характеръ, по которому она примыкаетъ къ прочимъ произведеніямъ нашей старинной книжной литературы того же духа и направленія.

Молодецъ не послушалъ наставленій родительскихъ, покинулъ родную сторону, не взявъ родительскаго благословенія; онъ понадѣялся

на свои собственныя силы, и за это строго наказывается, — по понятіямъ вѣка, — наказывается бѣдствіями и несчастіями всей остальной жизни! Не взирая на то, что онъ впослѣдствіи исправился, зажилъ честно на чужой сторонѣ, пріобрѣлъ богатство, рвался на родину, — его все-же постигаетъ кара за то, что онъ ушелъ изъ дому, оставилъ родину, безъ соизволенія родительскаго. Надъ нимъ тяготѣетъ какая-то неумолимая судьба, въ олицетвореніи Горя-Злочастія, и подъ ея гнетущими, фаталистическими ударами добрый молодецъ падаетъ наконецъ обезсиленный, и находитъ убѣжище лишь подъ сѣнію монастырскаго храма.

Г. Буслаевъ вѣрно замѣчаетъ, что во всѣхъ дѣйствіяхъ добраго молодца видно что-то вялое, тупое; онъ несчастная жертва со своимъ кроткимъ пьянствомъ, уступчивостію, безхарактерностію, и ничего не возбуждаетъ, кромѣ жалости. (Очерки, т. I, стр. 611). Но изъ этого ни мало не слѣдуетъ, какъ заключаетъ далѣе г. Буслаевъ, что рѣшимость добраго молодца искупить свои заблужденія иноческими трудами должна озарить особеннымъ свѣтомъ его нравственный образъ. Можно сказать скорѣе напротивъ, что одинъ лишь недостатокъ воли и слабость характера, образовавшіеся подъ условіемъ невзрачной дѣйствительности древней Руси, побуждаютъ его вспомнить о «спасенномъ пути» и искать убѣжища за стѣнами монастыря, вмѣсто того, чтобы открыто вступить въ борьбу съ своимъ злымъ геніемъ, *сѣрымъ Горе-горенскимъ*.

Трудно рѣшить, когда написана замѣчательная повѣсть о «Горѣ-Злочастіи.» «Во всякомъ случаѣ, по словамъ г. Костомарова, сюжетъ повѣсти очень древній: вѣрованіе въ олицетвореніе горя и его похожденія принадлежатъ далекой древности.» О значеніи этой повѣсти вообще въ нашей старинной литературѣ г. Костомаровъ говоритъ, что «это произведеніе чисто русское, самобытное по содержанію, духу и языку,» что въ немъ «живыми и вѣрными красками рисуется и жизнь, и философія нашихъ предковъ, и ихъ вѣрованія, и ихъ нравы, и ихъ образъ выраженія;» что наконецъ «прекрасный народный языкъ, съ неподдѣльными красотами оборотовъ юной, народной, неизсушенной школою рѣчи, ставятъ эту *повѣсть* на первое мѣсто между старинными нашими поэтическими произведеніями подобной формы. По содержанію,

это произведеніе «единственное до сихъ поръ, и не можетъ быть ни съ чѣмъ сравниваемо.» (См. П. С. Р. Л. вып. I, Объяснительная статья редактора, стр. 9—11). Тутъ же авторъ говоритъ подробно объ упоминаемыхъ въ повѣсти и господствовавшихъ въ древней Руси порокахъ и нѣкоторыхъ обычаяхъ, какъ-то: о пьянствѣ, объ игрѣ въ *зернь* (въ кости), о пирахъ и братчинахъ и т. д.

Мы обозрѣли, по возможности, всѣ роды извѣстныхъ у насъ доселѣ, легендарныхъ произведеній, и достаточно объяснили ихъ общій характеръ и направленіе. Что произведенія эти были сильно распространены въ старину и занимали видное мѣсто въ нашей старинной литературѣ, въ этомъ убѣждаютъ многочисленные списки легендъ и повѣстей, находимые теперь въ старыхъ рукописяхъ и въ рукописныхъ сборникахъ всѣхъ родовъ, которые по большей части наполнены подобными произведеніями. Старинные наши книжники и *списатели* были по большей части лица духовныя, и считали дѣломъ благочестивымъ, душеспасительнымъ списываніе какой-либо благочестивой легенды или повѣсти. Этимъ объясняется, какъ самое размноженіе у насъ подобныхъ произведеній, такъ и то обстоятельство, что произведенія чисто свѣтской литературы, подобныя слову о Полку Игоревѣ или даже повѣсти о «Горе-Злочастіи» не находили много списывателей. И потому, вѣроятно, эти послѣднія отыскиваются теперь въ столь ограниченномъ количествѣ списковъ. Съ возрастаніемъ византійскаго вліянія въ нашей старинной литературѣ, лучшіе люди своего времени, т. е. люди образованные или просто грамотные, питали даже нѣкотораго рода презрѣніе къ памятникамъ свѣтской литературы. Такъ г. Буслаевъ въ своихъ «Очеркахъ» приводитъ одно мѣсто изъ описанія житія св. Михаила Клопскаго, гдѣ одинъ изъ благочестивыхъ нашихъ грамотниковъ XVI вѣка, и при томъ не духовнаго, а свѣтскаго званія, описывая чудеса святаго, между прочимъ говоритъ: «Слышалъ я нѣкогда, какъ читали книгу о плѣненіи Трои. Въ этой книгѣ плетены многія похвалы Еллинамъ, отъ *Омира* и *Овидія*. Только единой ради буйственной храбрости такой похвалы сподобились, что память о нихъ не изгладилась, въ теченіи многихъ лѣтъ. Но хотя *Еркулъ* (Герку-

лесъ) и храбръ, однако въ глубину нечестія погружался, и тварь паче Творца почиталъ. Также и *Ахиллъ* и троянскаго царя Пріама сыновья были Еллины, и отъ Еллинъ похваляемые, сподобились такой прелестной славы *(прелестной*, въ дурномъ смыслѣ, т. е. *соблазнительной)*. Кольми паче мы должны похвалять и почитать святыхъ и преблаженныхъ и великихъ нашихъ чудодѣлателей, которые такую побѣду надъ врагами одержали и такую отъ Бога благодать пріяли, что не только человѣки, но и самые ангелы ихъ почитаютъ и славятъ. Мы ли же не будемъ о чудесахъ ихъ проповѣдать?» (*)

Сильное распространеніе старинной легендарной повѣсти доказываетъ въ тоже время, что она имѣла многочисленныхъ читателей, что въ ней была потребность и что, слѣдовательно, она проникала въ народъ и имѣла на него вліяніе. При недостаткѣ образованности и литературнаго развитія вообще, народъ могъ такимъ образомъ почерпать большую часть своихъ понятій и свѣдѣній изъ чтенія легендарныхъ произведеній. И нельзя не замѣтить, что въ большинствѣ случаевъ вліяніе этихъ произведеній не могло быть благотворно для народнаго развитія. Сами составители легендъ и повѣстей, отличаясь религіознымъ благочестіемъ, стояли большею частію на весьма невысокой степени образованности. Представляя въ своихъ произведеніяхъ примѣры христіанскаго благочестія, они въ тоже время наполняли ихъ массою суевѣрныхъ понятій и предразсудковъ, сообщали имъ односторонній взглядъ на вещи, взглядъ, — нерѣдко мрачный и тяжелый. Подобными понятіями и взглядами отличается огромное большинство легендарныхъ произведеній, въ чемъ легко убѣдиться изъ простаго пересмотра большей части легендъ и повѣстей, изданныхъ теперь г. Костомаровымъ. Если такія произведенія, какъ повѣсти, легенды, сказанія и притчи: о *грѣшной матери, видѣніе мукъ грѣшницы въ адѣ, о бѣсноватой женѣ Соломоніи, о кровосмѣсителѣ, о происхожденіи табака, о женской злобѣ* и многія другія проникали въ народъ, то, заключая въ себѣ до крайности отвратительные образы, извращенныя представленія и всевозможные ужасы, они могли лишь наполнять воображеніе народное этими отвратительными картинами, вносили въ жизнь народа массу мрачныхъ, безотрадныхъ понятій и суе-

(*) См. т. II: Идеальные женскіе характеры и проч.

вѣрій, — и не могли, поэтому, не дѣйствовать вредно на нравственную сторону человѣка, запугивая его воображеніе, лишая его нравственной силы и дѣлая его какимъ-то фаталистомъ, нравственнымъ старикомъ. При сильно развитой религіозности древней Руси, въ особенности между грамотными людьми, и при бѣдности образованія въ народѣ, — легендарныя представленія получали еще большее значеніе въ жизни древнерусскаго человѣка.

Такимъ образомъ, съ усиленіемъ одностороннихъ понятій въ древнерусской литературѣ, подъ вліяніемъ византизма,—понятія эти изъ литературы переходили въ жизнь, и были одною изъ немаловажныхъ причинъ въ развитіи той ограниченности взгляда и той религіозной и національной нетерпимости, которыми такъ рѣзко отличалась древняя Русь. Національная замкнутость, нетерпимость, презрѣніе къ чужимъ вѣрамъ и народностямъ и высокомѣрное мнѣніе о себѣ доходили у насъ въ старину до невѣроятной степени. Всѣ иностранцы, посѣщавшіе тогдашнюю Русь, по словамъ г. Костомарова, единогласно говорятъ, что москвитяне презираютъ чужія вѣры и народности; сами цари, которые въ этомъ отношеніи стояли впереди массы, омывали свои руки послѣ прикосновенія иноземныхъ пословъ христіанскихъ исповѣданій (*). Такое презрѣніе ко всему иноземному и иновѣрному, это высокомѣріе невѣжества свойственны, безъ сомнѣнія, лишь грубымъ народамъ и племенамъ востока, отсталымъ отъ идей образованнаго міра. Г. Костомаровъ полагаетъ, что образованію подобнаго взгляда неизбѣжно способствовало татарское порабощеніе. Но скорѣе слѣдуетъ допустить, что взглядъ этотъ былъ занесенъ къ намъ изъ Византіи, гдѣ, послѣ раздѣленія церквей, образовалась сильная непріязнь къ западу, перешедшая и къ намъ вмѣстѣ съ греческимъ духовенствомъ и византійской литературой. И эта-то первоначальная непріязнь къ *латинамъ* перенесена впослѣдствіи была у насъ на *люторовъ*, *цесарцевъ* и т. п., словомъ на всѣхъ иноземцевъ. Вначалѣ же, до усиленія византійскаго вліянія, какъ мы уже замѣтили (на стр. 54), на Руси вовсе не существовало подобной нетерпимости относительно общенія съ иностранцами. Строй подобныхъ

(*) *Основа*, мартъ, 1861 г., стр. 60. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что такою нетерпимостію ко всему иноземному и иновѣрному отличались въ старину болѣе высшіе классы, духовенство и люди книжные, нежели самъ народъ.

понятій и взглядовъ образовался гораздо позднѣе и,—нѣтъ сомнѣнія,—что литература, и въ особенности литература легендарная, имѣла тутъ свою долю вліянія. Потому-то изученіе нашей легендарной литературы весьма важно и необходимо для полнаго уразумѣнія внутренней, духовной жизни русскаго народа. Отсюда могутъ выясниться для насъ многія черты народнаго характера, народныхъ нравовъ и степень развитія народа. Изученіе это важно тѣмъ болѣе, что, кромѣ своего историко-литературнаго значенія, оно имѣетъ еще и современный интересъ, потому что вѣрованія, понятія и воззрѣнія, внесенныя въ народную жизнь легендарными представленіями, живутъ до сихъ поръ неизмѣнно въ огромномъ большинствѣ русскаго народа и составляютъ его религіозное и нравственное міросозерцаніе, его взглядъ на жизнь и на свой частный и общественный бытъ. (*)

СТАРИННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СБОРНИКИ.

Съ развитіемъ христіанства въ древней Руси развивалась и грамотность, а съ нею все болѣе и болѣе усиливалась любовь къ чтенію и къ *писанію* или *списанію*, т. е. къ списыванію книгъ. Списывались вначалѣ, безъ сомнѣнія, книги и статьи собственно духовнаго содержанія; житія святыхъ, поученія, толкованія священныхъ книгъ и подобныя имъ поучительныя и догматическія сочиненія. Изъ такихъ статей люди книжные составляли огромные сборники, которые усердно переписывались и обращались между читателями подъ разными названіями: *Прологовъ*, *Синоксарей*, *Торжественниковъ*, *Златоструевъ* и проч. (**) Но, кромѣ сборниковъ чисто-духовнаго содержанія у насъ появились очень рано и сборники, въ которыхъ рядомъ съ духовными сочиненіями помѣщались и произведенія свѣтской литературы: статьи по части исторіи, этнографіи, статьи реторическія, философскіе отрывки и т. п. Мы разсмотримъ здѣсь эти послѣдніе сборники, служившіе однимъ изъ важныхъ источниковъ образованія для древней Руси.

(*) См. слова г. Тихонравова объ апокрифахъ, приведенныя у насъ на стр. 75.

(**) Православн. Собесѣдн. 1858 г., II, статья: *О чтеніи книгъ въ древней Руси*. См. у насъ отдѣлъ духовн. литерат.

1. Къ древнѣйшимъ памятникамъ русской письменности относятся два сборника, или *Изборника,* дошедшіе до насъ въ подлинникѣ и написанные для великаго князя Святослава Черниговскаго въ 1073 и 1076 годахъ. *Изборникъ Святославовъ* (какъ его еще называютъ) переведенъ съ греческаго первоначально для царя болгарскаго Симеона, и потомъ переписанъ для князя Святослава. (*) Онъ заключаетъ въ себѣ множество статей богословскаго, историческаго, философскаго и даже реторическаго содержанія, преимущественно изъ сочиненій отцевъ церкви: Василія Великаго, Іоанна Златоуста, Григорія Богослова, Іустина Философа и др. Кромѣ того, здѣсь находятся статьи, сообщающія разнаго рода свѣдѣнія: историческія и этнографическія, свѣдѣнія о нѣкоторыхъ явленіяхъ природы, о свойствахъ растеній и т. п., какъ напримѣръ: мѣста изъ сочиненій Епифанія Кипрскаго по поводу нѣкоторыхъ явленій природы о происхожденіи дождя, грома, молніи, о двѣнадцати камняхъ самоцвѣтныхъ, съ объясненіемъ символическаго значенія послѣднихъ,—при чемъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о добываніи этихъ камней, равно какъ и суевѣрныя понятія о таинственной силѣ, которая въ нихъ заключается. Здѣсь же помѣщена первая русская реторика, составленная какимъ-то Георгіемъ Хуровскимъ.

Языкъ статей Изборника, по грамматическимъ и лексикографическимъ формамъ, болѣе близокъ къ церковно-славянскому, нежели къ старому русскому народному языку. Г. Буслаевъ составилъ грамматику и словарь къ Святославову Изборнику, (**) а въ приложеніи къ своимъ «Очеркамъ» представилъ снимки съ рисунковъ, находящихся въ Изборникѣ, и представляющихъ князя Святослава и его семейство.

2. *Пчела*, весьма важный греческій сборникъ, переведенный у насъ въ очень раннюю эпоху. (***) Пчелы были распространены въ старину на Руси во множествѣ списковъ, и люди грамотные знакомились изъ нихъ съ многими предметами. Это родъ древнерусскихъ энциклопедій или антологій, которыя сначала переводились, а потомъ составлялись

(*) К. Калайдовича: *Іоаннъ, Экзархъ Болгарскій* и статья: «О заслугахъ Болгаръ для русскаго просвѣщенія» въ газ. *День*, № 14, 1862 г.

(**) Помѣщены въ изданіи, вышедшемъ по поводу юбилея московскаго университета, подъ заглавіемъ: «Матерьялы для исторіи письменности.» Москва, 1856 г.

(***) Г. Сухомлиновъ (ст. о Пчелахъ, въ *Извѣстіяхъ* И. А. Н., 2 отд., т. II) предполагаетъ, что Пчелы были извѣстны у насъ уже въ XII столѣтіи; съ XIV же по XVII стол. мы встрѣчаемъ весьма значительное распространеніе Пчелъ на Руси.

у насъ по извѣстнымъ греческимъ антологіямъ Максима Исповѣдника и Антонія Мелиссы (мелисса—пчела). (*) Древнѣйшій списокъ Пчелы дошелъ до насъ отъ XIV столѣтія.

Пчела—сборникъ весьма разнообразный и замѣчательный во многихъ отношеніяхъ. Вотъ заглавіе одного списка *Пчелы*, приводимое г. Ундольскимъ: «Книга *Пчела*, рѣчи отъ евангелія, отъ апостолъ и отъ святыхъ мужъ, разумъ внѣшнихъ философъ. Слово 1: о житейской добродѣтели и злобѣ,» (**) и проч. Это заглавіе указываетъ нѣкоторымъ образомъ на самое содержаніе сборниковъ. Они обыкновенно начинаются выписками объ извѣстномъ предметѣ изъ священнаго писанія и твореній св. отцевъ, а вслѣдъ за тѣмъ идутъ изрѣченія и отрывки изъ классическихъ писателей: Аристотеля, Діогена, Димокрита, Демосѳена, Исократа, Еврипида, Ксенофонта, Пиѳагора, Платона, Сократа, Софокла и др. Напримѣръ: «Платонъ мудрый, увидѣвъ, какъ благородный юноша, промотавшій имѣніе отца своего, сидѣлъ предъ чужими дверями и ѣлъ хлѣбъ съ маслинами и водою, сказалъ ему: еслибы ты ѣлъ по своей волѣ, то не такъ бы вечерялъ.» Въ Пчелахъ собственно русскаго состава, кромѣ философскихъ изрѣченій, заключаются еще русскія народныя *притчи* и пословицы, выписки изъ русскихъ лѣтописей или житія нѣкоторыхъ святыхъ. Такимъ образомъ, Пчелы являются сборниками всякаго рода статей и изрѣченій, изъ которыхъ могли быть почерпаемы въ старину многоразличныя свѣдѣнія. Г. Буслаевъ считаетъ Пчелы особенно важными памятниками въ нашей древней письменности для исторіи перехода духовной литературы къ свѣтской. «Нельзя усомниться,—говоритъ онъ,—въ народности нашихъ старинныхъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пчелъ. Происхожденіе ихъ чужеземное; но они были усвоены нашими грамотными предками, дополнены и передѣланы на русской почвѣ.» (***) Г. Буслаевъ полагаетъ также, что наша старина соединяла съ сбор-

(*) Соловьева: Ист. Гос., т. IV, стр. 386. См. тоже: Лекціи Шевырева по ист. рус. словесн., ч. III, стр. 235.

(**) Русск. Бесѣда, 1856 г., т. II, стр. 93—94. Рукопись принадлежитъ, по свидѣтельству г. Ундольскаго, къ исходу XV столѣтіи, писана скорописью, весьма тщательно и красиво.

(***) Очерки, т. II, статья 2: «О народности въ древнерусской литературѣ и искуствѣ.»

никомъ Пчелы личность Даніила Заточника, «слово» котораго «помѣщается въ этихъ сборникахъ русской редакціи, или вполнѣ, или отрывками.» Но сколько извѣстно до сихъ поръ, лишь одинъ списокъ Даніилова слова, принадлежащій г. Ундольскому, помѣщенъ въ Пчелѣ. Нѣкоторые изслѣдователи русской старины допускаютъ дѣйствительно, что Даніилъ пользовался Пчелою и многое заимствовалъ изъ нея; но вообще мнѣнія о томъ, Даніилъ ли заимствовалъ изъ Пчелы, или Пчела у Даніила, несходны. Въ сущности же здѣсь важно лишь то, что сходство между нѣкоторыми мѣстами Даніилова слова и изрѣченіями Пчелы не подлежитъ сомнѣнію. Напримѣръ: сравненія Даніила о богатомъ и бѣдномъ, о мудромъ и безумномъ и т. п. встрѣчаются и въ Пчелѣ. Но анологія между этими двумя памятниками болѣе всего видна въ томъ печальномъ взглядѣ на женщину, «какъ на поборницу грѣха, начальницу всякой злобѣ» и проч., который былъ столь распространенъ въ нашей старинной литературѣ и не мало способствовалъ тому угнетенному и презрительному положенію, въ которомъ находилась русская женщина въ старину. Почти во всѣхъ спискахъ Пчелы (равно какъ и въ другихъ сборникахъ) встрѣчается «поученіе о злыхъ женахъ.» Поученіе это было, какъ видно, въ большомъ уваженіи у нашихъ старинныхъ книжниковъ. Съ его содержаніемъ можно познакомиться изъ помѣщенной г. Костомаровымъ въ *Памятникахъ С. Р. Л.* (*) «притчи о женской злобѣ,»—произведеніи, до крайности уродливомъ и нелѣпомъ, гдѣ женщина представлена едва ли не отвратительнѣе и злѣе всякаго животнаго. А между тѣмъ, въ заглавіи этой притчи сказано, что это «бесѣда премудра и чадолюбива отца, сказаніе и поученіе сыну.» Нельзя не задать себѣ вопроса: какое же уваженіе могъ питать сынъ, прочтя подобное поученіе отца, къ собственной матери, къ своимъ сестрамъ и къ женщинѣ вообще?

Въ родѣ Пчелъ существовали и другіе сборники, подъ названіемъ: *апофѳегматъ*, (**) *избранныхъ словецъ* и сборниковъ просто безъ названій, въ которыхъ рядомъ съ полезными свѣдѣніями и мудрыми изрѣченіями нерѣдко помѣщались крайне нелѣпыя вещи.

(*) Выпускъ 2-й, стр. 461.

(**) Апофѳегма—изрѣченіе, нравственная сентенція, надпись.

3. Мы уже упоминали о сборникахъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Хронографа* и *Палеи*. О первомъ изъ нихъ, какъ о памятникѣ литетературы, болѣе или менѣе свѣтской, мы должны сказать еще нѣсколько словъ. Хронографы—сборники, попреимущесту историческіе, изъ которыхъ предки наши почерпали свѣдѣнія по части всеобщей исторіи. Они дошли до насъ въ большомъ числѣ и въ разнообразныхъ спискахъ, изъ чего можно заключить, что хронографы имѣли въ старину многочисленныхъ читателей. Изъ самаго названія хронографовъ ясно, что они византійскаго происхожденія, и приходили къ намъ, какъ отъ Грековъ, такъ и отъ южныхъ Славянъ. Переводы греческихъ хронографовъ начались, вѣроятно, вмѣстѣ съ первыми попытками славяно-русской письменности; но старѣйшіе списки хронографовъ, дошедшихъ до нашего времени, не восходятъ далѣе XV столѣтія. Впрочемъ многочисленные списки хронографовъ, равно какъ и самое содержаніе статей, въ нихъ заключающихся, не изслѣдованы еще удовлетворительнымъ образомъ. (*)

Въ разсмотрѣнныхъ спискахъ хронографовъ замѣчаютъ обыкновенно двѣ редакціи: одна излагаетъ историческія событія отъ сотворенія міра, и оканчивается паденіемъ византійской имперіи; другая же оканчивается царствованіемъ Михаила Ѳеодоровича. Въ соотвѣтственныхъ по времени мѣстахъ между повѣствованіями изъ всеобщей исторіи размѣщены разсказы о событіяхъ отечественныхъ; переписчики постоянно увеличивали объемъ хронографовъ новыми вставками и добавленіями о современныхъ имъ событіяхъ. По мнѣнію изслѣдователей, разсказы о нѣкоторыхъ событіяхъ и фактахъ русской исторіи изложены въ хронографахъ подробнѣе, а иногда и гораздо яснѣе, нежели въ лѣтописяхъ. Такимъ образомъ, хронографы представляются сборниками, составленными изъ статей переводныхъ и оригинальныхъ русскихъ. Содержаніе статей имѣетъ преимущественно историческій характеръ, но при этомъ сообщаются свѣдѣнія географическія, миѳологическія, литературныя и другія, и помѣщены довольно подробныя статьи о разныхъ странахъ и

(*) Изъ изслѣдованій о хронографахъ извѣстно: «Изслѣдованіе» проф. Иванова въ учен. зап. казанск. универ., 1843 г., ч. II и III. Второе отдѣленіе академіи наукъ предложило недавно къ разрѣшенію нашихъ ученыхъ задачу: разобрать въ хронографахъ русскія статьи. Представлены ли уже кѣмъ либо отвѣты на эту задачу, — намъ неизвѣстно.

народахъ, ихъ религіи, нравахъ и т. п. Напримѣръ: здѣсь находятся подробныя описанія библейскихъ мѣстъ, Виѳлеема, горы Ѳаворъ и т. д. миѳологическіе разсказы о Сивиллахъ, о Прометеѣ, свѣдѣнія о Гомерѣ и т. п., такъ что хронографы для грамотнаго древнерусскаго человѣка могли служить источникомъ многихъ полезныхъ свѣдѣній. Хотя отсюда же онъ почерпалъ иногда и крайне наивныя и суевѣрныя понятія о многихъ предметахъ, какъ напр. разсказы о *нечистыхъ человѣкахъ*, заклепанныхъ въ горы Александромъ Македонскимъ, басни объ амазонкахъ, или о чудесномъ зеркалѣ, которымъ владѣлъ греческій царь Михаилъ, и въ которое онъ могъ видѣть во всякую минуту изъ своего дворца все, что происходитъ во всѣхъ концахъ его обширной имперіи и т. п. Всѣ подобнаго рода разсказы переводились въ старину безъ малѣйшей критики.

4. Кромѣ поименованныхъ сборниковъ, до-петровская Русь завѣщала намъ еще одинъ родъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Азбуковниковъ*. До появленія,—уже подъ вліяніемъ западной науки,—печатныхъ славяно-русскихъ лексиконовъ, напримѣръ *Лаврентія Зизанія* и *Памвы Беринды*, рукописные Азбуковники служили для древней Руси не только *толковыми*, или объяснительными словарями словъ и рѣченій, но въ тоже время и источникомъ энциклопедическихъ свѣдѣній разнаго рода, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ. «Къ объясненіямъ, собственно грамматическимъ, говоритъ г. Буслаевъ, (*) въ нашихъ старинныхъ Азбуковникахъ присоединено множество любопытныхъ подробностей историческаго, поэтическаго и вообще археологическаго содержанія. Это—въ высшей степени любопытная, краткая энциклопедія нашихъ предковъ, для удобства читателей расположенная по алфавиту.» Многія историческія и археологическія объясненія, по словамъ автора, вошли въ наши Азбуковники изъ византійскихъ хронографовъ и космографій. Потому г. Буслаевъ справедливо смотритъ на Азбуковники, не какъ на простые словари, но какъ на сборники литературные. Такой взглядъ на Азбуковники тѣмъ болѣе основателенъ, во первыхъ потому, что помѣщаемыя въ нихъ объясненія состав-

(*) Истор. Очер. въ ст. X, о Зигурдѣ и муромской легендѣ. Авторъ ссылается здѣсь на свою статью объ Азбуковникахъ въ I т. *Архива*, изд. г. Калачевымъ; но мы не могли имѣть подъ рукою этой статьи.

ляютъ не рѣдко цѣлыя литературныя статьи объ извѣстномъ предметѣ; а во вторыхъ потому, чтъ въ нихъ попадаются иногда вполнѣ отдѣльныя повѣсти, притчи, сказанія и т. п. старинныя литературныя произведенія. Разсмотрѣнная нами выше повѣсть о Горѣ-Злочастіи найдена была въ одномъ изъ Азбуковниковъ. Здѣсь же встрѣчаются: «сказаніе о роскошномъ житіи и веселіи,» «притча о бражникѣ» и т. п. (**).

Къ особеннаго рода Азбуковникамъ или извлеченіямъ изъ нихъ можно причислить и довольно подробныя объясненія и статьи о разныхъ предметахъ, прилагавшіяся обыкновенно къ старинным *Подлинникамъ*, (***) или письменнымъ руководствамъ для иконописцевъ. Находя въ Подлинникахъ замѣчательныя прибавленія литературнаго свойства, г. Буслаевъ, въ нѣсколькихъ лекціяхъ своихъ о русскихъ Подлинникахъ въ литературномъ отношеніи, представляетъ многіе, весьма интересные факты старинной литературы, заключающіеся въ этихъ старинныхъ руководствахъ для русскихъ иконописцевъ. Кромѣ толкованій и объясненій предметовъ и словъ, необходимыхъ для живописца, во многихъ Подлинникахъ встрѣчаются любопытныя вставки и добавленія, состоящія: 1) изъ историческихъ извѣстій объ изображаемыхъ лицахъ и событіяхъ или свѣдѣній о жизни святаго, о происхожденіи и значеніи праздника и т. п., 2) изъ подробныхъ описаній нѣкоторыхъ священныхъ лицъ, описаній переданныхъ въ церковныхъ преданіяхъ, и 3) изъ свѣдѣній и толкованій о нѣкоторыхъ предметахъ религіозно-нравственнаго содержанія, входящихъ въ кругъ храмоваго искуства, или имѣвшихъ съ ними какую либо связь. «Расширяя свое содержаніе болѣе и болѣе, — говоритъ г. Буслаевъ, нашъ Подлинникъ принималъ въ свой составъ различныя повѣствованія, основанныя на средневѣковыхъ преданіяхъ, частію историческаго, частію поэтическаго характера.» Свѣдѣнія свои Подлинникъ почерпалъ изъ хронографовъ, космографій и

(**) См. у г. Буслаева, т. I, стр. 575, и въ Памятн. С. Р. Л., вып. 2-й, стр. 457 и 477.

(***) Г. Буслаевъ говоритъ, что рукописные *Подлинники* наши, которые должно отличать отъ *лицевыхъ* или сборниковъ рисунковъ, содержатъ въ себѣ толкованія, объясненія и наставленія живописцамъ, какъ изображать священныя лица и событія. Они въ общихъ чертахъ сходны съ Подлинникомъ византійскимъ чернорizца Діонисія. Рукописи нашихъ Подлинниковъ не восходятъ далѣе XVI столѣтія.

разныхъ сборниковъ энциклопедическаго содержанія. Представимъ нѣкоторые примѣры, литературнаго свойства, приведенные у г. Буслаева изъ разсмотрѣнныхъ имъ рукописей Подлинника.

Въ одной рукописи, въ связи съ статьею о почитаніи иконъ, находятся подробныя легенды объ *Авгарѣ* (*) и о *Лентулѣ*, (**) помѣщена подробная статья о *Сивиллахъ*, подъ заглавіемъ: *Сказаніе о двунадесяти Сивиллахъ, сирѣчь пророчицахъ*, и свѣдѣнія о языческихъ философахъ, будто-бы пророчившихъ о Мессіи. Кромѣ того въ Подлинникахъ помѣщались довольно обширныя символическія статьи и объясненія аллегорій, символическихъ знаковъ и словъ, суевѣрныя свѣдѣнія о животныхъ и вообще о чудесахъ природы, напр. о крокодилѣ, саламандрѣ, водяномъ конѣ и проч. Сюда же присоединены свѣдѣнія о дикихъ людяхъ, чудовищахъ и вообще о народахъ, напримѣръ, о *дикихъ людяхъ*: «Люди, зовомые *Исотары* (сатиры), живутъ въ лѣсахъ и по горамъ, хожденіемъ скоры, никто ихъ не догонитъ, а ходятъ нагіе, живутъ со звѣрями, обросли шерстью и рѣчи не имѣютъ, только кричатъ. А у иныхъ людей уши по плечамъ висятъ, а у иныхъ

(*) Преданіе объ изображеніи Спасителя и объ апокрифическомъ письмѣ, посланномъ будто Спасителемъ къ правителю Едессы, Авгарю, было у насъ въ старину очень распространено.

(**) *К. К. Лентулъ*, римскій консулъ въ 26 г. по Р. Х. и писатель. Светоній упоминаетъ объ одномъ изъ его историческихъ сочиненій, которое утрачено. Существуетъ преданіе о письмѣ Лентула въ римскій сенатъ, гдѣ онъ говоритъ подробно о Спасителѣ; оно, однако, почитается апокрифическимъ. Вотъ переводъ этого письма, заключающійся въ Подлинникѣ, разсматриваемомъ у г. Буслаева: «Въ нынѣшная наша времена явился и еще есть человѣкъ великія силы, ему же имя Іисусъ Христосъ, иже нареченъ есть отъ людей пророкъ правды. Ученики же его нарицаютъ его Сыномъ Божіимъ; умершихъ воскрешаетъ, немощныхъ уздравляетъ; человѣкъ есть возраста высокаго, краснаго и учтиваго, образъ имѣетъ должный чести, яко иже на нѣго зрятъ, имѣютъ его любити и боятися: власы имѣетъ цвѣта орѣха лѣснаго созрѣлаго, гладки, едва даже не до ушесъ, а отъ ушесъ надоль кудрявы, мало нѣчто желтѣйши и яснѣйши, въ плечахъ разсыпаются, прѣделъ имѣюще посрѣдѣ главы, по обычаю Назареовъ. Чело гладкое, тѣло свѣтлое; лице такожде несморщенное: нôсъ и уста весьма ни единаго имѣютъ укоренія; браду имать густу, изрядну, не долгу, цвѣтомъ власамъ подобну, посрѣди же раздвоенну. Зреніе имѣетъ простое и постоянное, очи имѣетъ честныя, желтыя, различно же свѣтлы бывающія. Въ наказаніи грозный, во увѣщаніи ласковый, любовный, пріемный и веселый, сохраняющь поважность; его же никто же когда видя смеющеся, плачющаго же часто» и проч.

до пятъ висятъ.» Вотъ любопытная характеристика браминовъ: «*Врахмани* суть, иже живутъ близъ рая, въ дрязгу древесъ, нази пребываютъ; и ни что же свѣта сего имуще,» и проч.

Помѣщеніе всѣхъ подобныхъ статей въ русскомъ Подлинникѣ, по мнѣнію г. Буслаева, тѣсно сближаетъ его съ Азбуковниками, т. е. съ старинными словарями, содержавшими въ себѣ не только грамматическія объясненія, но и историческія, и богословскія и всякія другія.

Разсмотрѣнные нами сборники могутъ быть причислены къ сборникамъ, собственно литературнымъ. Какъ плодъ книжнаго образованія, они принадлежатъ къ произведеніямъ литературы книжной, образованной. Но русская старина завѣщала намъ еще особый отдѣлъ сборниковъ, которые должны быть причислены къ произведеніямъ чисто народной литературы. Сюда относятся въ особенности старинные *лѣчебники* и *травники*, которые г. Буслаевъ разсматриваетъ, какъ произведенія собственно народнаго творчества, (*) наравнѣ съ другими памятниками эпической старины.

Травники и лѣчебники трактуютъ не объ однихъ лишь врачебныхъ средствахъ и пособіяхъ. Это такіе народные сборники, которые заключаютъ въ себѣ совѣты и наставленія, относящіеся къ многоразличнымъ обстоятельствамъ народнаго быта, и обнимаютъ, можно сказать, всѣ стороны жизни древнерусскаго человѣка. Съ этой точки зрѣнія изученіе старинныхъ лѣчебниковъ и травниковъ представляетъ, нѣтъ сомнѣнія, весьма значительный интересъ. Въ «Очеркахъ» г. Буслаева разсмотрѣнъ очень подробно одинъ изъ лѣчебниковъ и представлены изъ него многія выписки. Здѣсь мы находимъ разнаго рода суевѣрныя свѣдѣнія, какъ напримѣръ: сказаніе *о трясавицахъ* (лихорадкахъ), толкованіе различныхъ *примѣтъ*, игравшихъ такую важную роль въ жизни суевѣрнаго народа, различные заговоры: отъ порѣзовъ, отъ *московскаго и сельскаго кнутья,* отъ вражьей стрѣлы, отъ уроковъ и порчи, отъ супротивника въ судѣ, отъ лихаго судьи и т. д. Часть же, собственно врачебная, этихъ сборниковъ наполнена описаніемъ многихъ

(*) См. Ист. Очер., т. II, глава 1-я: «О народной поэзіи въ древнерусской литературѣ,» стр. 33 и далѣе.

народно-врачебныхъ средствъ и лѣченій, многихъ травъ, зелій и кореній, при чемъ излагаются не только ихъ лекарственныя свойства, но и ихъ волшебная, или *чарующая* сила. Г. Буслаевъ находитъ въ лѣчебникахъ или травникахъ много поэтическаго; въ особенности же въ описаніи травъ и растеній, ихъ вида, цвѣта и мѣстъ ихъ нахожденія, онъ видитъ поэтическое изображеніе русской природы и неподдѣльную свѣжесть воззрѣній русскаго человѣка на природу. Въ подтвержденіе такого мнѣнія, онъ приводитъ много примѣровъ изъ лѣчебника, въ родѣ слѣдующихъ: «Трава вездѣ растетъ по пажнямъ, и по лижникамъ, и по потокамъ, листье растилается по землѣ, кругомъ листковъ рубежки, а изъ нея на серединѣ стволикъ, тощій, прокрасенъ, а цвѣтъ у него желтъ, и какъ оцвѣтетъ, то пухъ станетъ шапочкою, а какъ пухъ сойдетъ со стволиковъ, то станутъ плѣшки, а въ корнѣ, и въ листу, и въ стволикѣ, какъ сорвешь, въ нихъ бѣленько;» или: «Въ травахъ царь есть—*симтаримъ*-трава, о шести листахъ: первый синь, другой червленъ, третій жолтъ, четвертый багровъ, а брать вечеромъ на *Ивановъ-день*» и проч. (*) Или вотъ еще примѣры изъ другаго лѣчебника о какихъ-то травахъ, обладающихъ чарующей силой: «Есть трава, именемъ *одоленъ*, растетъ при рѣкахъ и при камени черномъ, собою голуба. Кто тебя не любитъ, то дай пить — не можетъ отъ тебя до смерти отстать;» или: «Есть трава *измодинъ*, растетъ по старымъ росчистямъ, ростомъ въ пяду, собою мохната. Кто тое траву ѣстъ, и тотъ человѣкъ живучи никакой скорби не узритъ тѣлу и сердцу» и проч. (**)

Трудно согласиться съ г. Буслаевымъ и находить «необыкновенно поэтическими» всѣ подобные факты, приводимые имъ изъ травниковъ и лѣчебниковъ. Какъ въ самомъ составленіи, такъ и въ привязанности своей къ этимъ сборникамъ, народъ нимало не руководствовался поэтическимъ чувствомъ; онъ искалъ въ нихъ лишь практической примѣнимости, искалъ совѣтовъ и наставленій, которые были бы ему полезны въ жизни дѣйствительной. И конечно, при своей малоразвитости и необразованности, довольствовался тѣми суевѣрными

(*) Тамъ-же, стр. 37—38.

(**) См. лѣчебникъ, напечатанный въ *Лѣтописяхъ русск. лит.*, издав. г. Тихонравовымъ, т. I.

*

наставленіями, которыя находилъ въ лѣчебникахъ и травникахъ. Наставленія эти удовлетворяли вполнѣ его ограниченнымъ требованіямъ, питая, такимъ образомъ, и поддерживая въ немъ массу суевѣрныхъ понятій, — сказаній, примѣтъ, различныхъ заговоровъ и заклятій.

Во всѣхъ этихъ заговорахъ, въ родѣ напр. заговора о 77 бѣсахъ съ сатаницею: «куда вы идете, 77 бѣсовъ съ сатаницею? Идемъ мы на сине море — сине море колебать, горючь камень зажигать,» и проч. (*) или въ родѣ повѣсти о *трясавицахъ* (лихорадкахъ), олицетворяемыхъ въ видѣ 12 родныхъ сестеръ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое названіе и соотвѣтствуетъ извѣстному роду болѣзни, и которыя ходятъ по свѣту и мучатъ родъ человѣческій (онѣ говорятъ о себѣ: «мы трясавицы — дщери Ирода» и мучатъ только того, кто предается грѣху, т. е. «кто заутреню просыпаетъ, Богу не молится, праздники не чтитъ, и, вставая, пьетъ и ѣстъ рано: тотъ нашъ угодникъ») или, наконецъ, въ подобныхъ примѣтахъ лѣчебниковъ «который человѣкъ плюетъ въ окно, у того человѣка звѣрь ловитъ животину: — той примѣты берегись, не плюй въ окно»;—во всемъ этомъ, говоримъ мы, скорѣе должна насъ поражать масса темнаго суевѣрія, которое и до сихъ поръ живетъ въ народѣ, нежели тѣ поэтическіе элементы, изъ которыхъ, быть можетъ, суевѣріе это возникло. Конечно, народное суевѣріе, какъ напримѣръ, нѣкоторые народные заговоры и заклятія, принадлежитъ къ остаткамъ эпической старины и носитъ на себѣ слѣды поэтическаго происхожденія, какъ это весьма убѣдительно доказываетъ г. Буслаевъ. (**) Но когда суевѣріе переходитъ въ дѣйствительность, когда суевѣрные взгляды и понятія становятся для народа руководительными правилами въ жизни; тогда народное суевѣріе уже утрачиваетъ свое поэтическое очарованіе, и служитъ лишь помѣхой уму, извращаетъ воображеніе, и поэтому вредно дѣйствуетъ на народное развитіе.

Кромѣ лѣчебниковъ, въ народѣ обращалось еще много другихъ подобныхъ сборниковъ, подъ названіемъ: *зелейниковъ*, *волховниковъ*, *громниковъ*, *колядниковъ* и разныхъ гадательныхъ книгъ, въ кото-

---

(*) См. лѣчебникъ, напечатанный въ *Лѣтописяхъ русск. лит.*, издан. г. Тихоправовымъ, т. 1.

(**) Очерки, т. II, стр. 31.

рыхъ помѣщались предсказанія о томъ, когда удобно вступать въ бракъ, когда хорошо сѣять или садить, когда полезно или вредно ѣсть ту или другую пищу и т. п., и которыя заключали въ себѣ немалую массу суевѣрій.

Многочисленность разнаго рода рукописныхъ сборниковъ, дошедшихъ до насъ отъ до-петровской Руси, говоритъ, безъ сомнѣнія, въ пользу того, что древняя Русь не чуждалась знанія, что тогдашніе грамотные люди питали сочувствіе къ образованію и не были чужды даже нѣкоторыхъ свѣдѣній по части классической литературы (греческой и римской), съ которой они хотя, по отрывкамъ, но все же знакомились изъ сборниковъ и другихъ сочиненій. Словомъ, старинные сборники, ихъ многочисленность и сильное распространеніе въ народѣ показываютъ ясно, что мы не можемъ отказать древнерусскому человѣку въ любознательности, въ стремленіи и любви къ наукѣ и знанію. Но односторонность направленія и вообще внутреннее содержаніе большей части статей въ нашихъ старинныхъ сборникахъ доказываетъ съ другой стороны, что образованность и литература древней Руси стояли на весьма невысокой степени развитія. Мы видѣли, что наряду съ полезными свѣдѣніями и болѣе или менѣе литературными и наукообразными статьями въ сборникахъ, болѣе всего распространенныхъ, какъ то: въ Пчелахъ, Хронографахъ, Избранныхъ Словцахъ и т. д. помѣщались и статьи весьма нелѣпыя, содержавшія въ себѣ много невѣжественнаго и суевѣрнаго, въ родѣ, напримѣръ, статей о *нечистыхъ народахъ*, которые ѣли всякую скверну, и которыхъ Александръ Македонскій загналъ въ пустынныя страны, въ горы высокія; въ родѣ апокрифическихъ объясненій различныхъ явленій природы, напримѣръ, книги: О *всей твари чтеніе*, гдѣ говорится, что «триста ангеловъ солнце воротятъ;» или въ родѣ статей о таинственной силѣ драгоцѣнныхъ камней и нѣкоторыхъ растеній и т. п. или, наконецъ, въ родѣ всѣхъ легендъ и повѣстей *зѣло чудныхъ и ужаса преисполненныхъ*, встрѣчающихся почти во всѣхъ старинныхъ сборникахъ. А между тѣмъ, подобныя произведенія, какъ сказано выше, наиболѣе удовлетворяли ограниченнымъ требованіямъ малоразвитаго и малограмотнаго русскаго народа. И хотя лучшіе, т. е. болѣе образованные люди своего времени, строго вооружались противъ всѣхъ

отреченныхъ и еретическихъ сочиненій, обращавшихся въ народѣ, но вооружались и преслѣдовали ихъ исключительно съ точки зрѣнія религіозной, какъ *прелесть бѣсовскую*, и въ преслѣдованіяхъ своихъ доходили до того, что запрещали народу заниматься *остронуміемъ и звѣздочетьемъ*, объясненіемъ солнечнаго и луннаго затмѣнія, даже землемѣріемъ (*), — занятіями, отъ которыхъ народъ могъ перейти къ точному знанію и къ естественному пониманію многихъ явленій природы, и которыя, слѣдовательно, могли благотворно дѣйствовать на народное образованіе и развитіе. Преслѣдованіе же подобныхъ занятій, въ глазахъ массы народа, подрывало авторитетъ всякаго свѣтскаго знанія, свѣтской науки, представляя ее дѣломъ недобрымъ и чѣмъ-то опаснымъ и вовсе ненужнымъ.

Къ разряду старинныхъ сборниковъ мы находимъ удобнымъ причислить и одно древнерусское сочиненіе XVI столѣтія, извѣстное подъ именемъ *Домостроя*. Сочиненіе Домостроя приписываютъ священнику благовѣщенскаго собора *Сильвестру*, бывшему одно время наставникомъ и руководителемъ царя Ивана Васильевича Грознаго. Но въ Домостроѣ Сильвестру принадлежитъ, безспорно, лишь послѣдняя глава или наставленіе сыну, начинающееся такъ: «Благословеніе отъ благовѣщенскаго попа, Сильвестра, возлюбленному моему сыну Анфиму». (**) «Это поученіе сыну, говоритъ г. Соловьевъ, подкрѣпленное собственнымъ примѣромъ, очень напоминающее поученіе Мономаха, легко можетъ быть принято за совершенно отдѣльное сочиненіе, не имѣющее никакой связи съ собственно такъ называемымъ Домостроемъ, и приложенное къ послѣднему позднѣйшимъ составителемъ или переписчикомъ, по сходству содержанія.» Вообще, въ поученіи Мономаха дѣтямъ профессоръ Соловьевъ видитъ первообразъ *домостроевъ*, появившихся въ послѣдующихъ вѣкахъ. (***)

(*) Очерки, т. II, стр. 69. Въ 41 главѣ *Стоглава* между прочимъ запрещаются: «Остронимій, Зодій, Альманахъ, Звѣздочетьи, Аристотелевы Врата (т. е. Тайна Тайныхъ Аристотеля) и иные составы и мудрости и коби бѣсовскія, которыя прелести отъ Бога отлучаютъ,» и проч.

(**) Ист. Гос., соч. С. Соловьева, т. VII, стр. 223 и дал. Домострой изданъ г. Голохвастовымъ и напечатанъ въ Времен. Москов. Общ. Ист. и Древ. 1849 г. книга 1.

(***) Ист. Рос., т. III, стр. 101.

Домострой Сильвестровъ, или поученіе сыну называется еще *малымъ* Домостроемъ, въ отличіе отъ собственно такъ называемаго, пространнаго *Домостроя*, на который можно смотрѣть, какъ на общее собраніе ходячихъ правилъ житейской мудрости и наставленій, относительно обязанностей человѣка — религіозныхъ, семейныхъ и общественныхъ. Такимъ образомъ, Домострой представляетъ какъ бы идеалъ жизни древнерусскаго человѣка, заключая въ себѣ основныя нравственныя понятія вѣка и руководительныя правила житейской мудрости и домашняго благочинія.

Домострой дѣлится на нѣсколько главъ, въ большей части которыхъ излагаются совѣты и наставленія какъ управлять домомъ и вести хозяйство. Здѣсь Домострой входитъ во всѣ мельчайшія подробности домохозяйства, и учитъ, напр. какъ стряпать кушанья, кроить платья, припрятывать обрѣзки и лоскутки, какъ покупать что дешево, и какъ угощать пріѣзжаго человѣка, когда что выгодно у него купишь и проч. и проч.

Обязанности религіозныя, предписываемыя Домостроемъ, «общи всѣмъ временамъ, но насъ останавливаютъ и особенныя, — говоритъ г. Соловьевъ,—«напримѣръ: св. крестъ, образа, мощи, цѣловать перекрестясь, духъ въ себѣ удержавъ, губъ не разѣвая» и проч. (И. Р. т. VII, стр. 229). Соблюденіе внѣшняго благочестія и строгая набожность составляютъ вообще главную характеристику всѣхъ предписаній Домостроя.

Относительно воспитанія дѣтей предписывается родителямъ учить ихъ страху Божію, приличному поведенію *(вѣжеству)* и наказывать не ослабѣвая: «не ослабѣвай, бія младенца; если жезломъ бьешь его, не умретъ, но здоровъ будетъ.» Тоже самое предписывается и относительно обращенія съ слугами и домочадцами; предписывается, напримѣръ, «слугъ наказывать и раны возлагать, смотря по винѣ, наказавъ пожаловать, а хозяйкѣ за слугъ печаловаться,» и проч.

Обязанности, которыя предписываетъ Домострой замужней женщинѣ, ограничиваются одними лишь мелочными хозяйственными занятіями, матеріальными заботами и полнымъ подчиненіемъ власти мужа. Домострой какъ бы узакониваетъ и возводитъ въ правило тотъ негуманный взглядъ на женщину, который заключается въ большей части произве-

деній нашихъ старинныхъ книжниковъ, и который видитъ въ женщинѣ ничего болѣе, какъ существо вѣчно-несовершеннолѣтнее и начальницу всякому злу. Потому, Домострой предписываетъ мужу *учить* жену и, не обинуясь, даетъ такіе совѣты, что за большое ослушаніе, мужъ можетъ свою жену, также какъ сына или дочь, «постегать плеткою бережно и вѣжливенько, за руки держа» и проч. По словамъ г. Соловьева, мы не имѣемъ никакого права упрекать Домострой въ жестокости къ женщинѣ и въ томъ, что здѣсь предписывается ей отдавать все свое время однимъ лишь мелочнымъ хозяйственнымъ заботамъ и разговорамъ о хозяйствѣ, ибо другаго приличнаго занятія, другаго приличнаго разговора для нея въ то время не было; если она не будетъ говорить о хозяйствѣ, то станетъ пересмѣхать, переговаривать, вести пустыя и пересмѣшныя рѣчи со слугами, съ торговками, съ бездѣльными женками и волхвами (которыхъ Домострой всячески запрещаетъ пускать къ женщинамъ), или, что и того хуже, — вздумаетъ хмѣлемъ развеселить себя. (*) — Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ замѣтить однако, что правила Домостроя ставятъ женщину, какъ существо нравственно-разумное, чрезвычайно низко.

Совѣты и наставленія, предписываемые въ маломъ, или Сильвестровомъ Домостроѣ, и по направленію своему и по самому изложенію, ничѣмъ не отличаются отъ предписаній пространнаго Домостроя. Они только изложены гораздо кратче, и предлагаются въ видѣ наставленій сыну отъ отца, который подкрѣпляетъ свои религіозные, нравственные и житейскіе уроки сыну примѣрами изъ собственной жизни.

Домострой представляется явленіемъ замѣчательнымъ въ древнерусской жизни и въ нашей старинной письменности. Онъ указываетъ на то, что правила книжной мудрости въ XVI стол. уже успѣли проникнуть и во внутреннюю, семейную жизнь народа, и стали примѣняться ко всѣмъ житейскимъ отношеніямъ. Мелочный формализмъ Домостроя опредѣленіемъ каждаго дѣйствія и движенія въ жизни могъ вредно дѣйствовать на развитіе народа въ томъ отношеніи, что отучалъ его отъ свободнаго мышленія и дѣйствованія, и все его вниманіе останавливалъ на соблюденіи однихъ лишь мелочей и обрядовъ. Во всякомъ случаѣ

(*) Ист. Рос., т. VII, стр. 233.

Домострой имѣетъ большую важность, какъ очеркъ современныхъ нравовъ, понятій и обычаевъ.

Какъ литературное произведеніе, Домострой отличается исключительно догматическимъ и поучительнымъ тономъ и крайнею сухостію своей рѣчи, приближающейся мѣстами болѣе къ простому народному языку, нежели къ реторической и витіеватой рѣчи современныхъ книжниковъ,—по той причинѣ, вѣроятно, что Домострой имѣлъ исключительно практическую цѣль и предназначался прямо для жизни. Нѣкоторыя выраженія Домостроя имѣютъ видъ пословицъ и поговорокъ, или скорѣе, видъ книжныхъ изрѣченій, отъ частаго употребленія перешедшихъ въ пословицы, напримѣръ: «въ добрыхъ людяхъ хлѣбъ-соль — заемное дѣло;» «казни сына своего отъ юности, и будетъ покоить тебя на старости.» (*)

Памятники литературы исторической.

Лѣтописи. Составленіе лѣтописей, т. е. записываніе событій, происходившихъ въ русской землѣ, по *лѣтамъ*, изъ года въ годъ, по мѣрѣ ихъ совершенія, получило въ древней Руси весьма широкое развитіе, и началось въ очень раннюю эпоху. Русскія лѣтописи важны не только, какъ главный историческій источникъ для узнанія прошедшихъ судебъ и политическаго состоянія Россіи въ прежнее время; онѣ не менѣе важны (особенно лѣтопись первоначальная, древнѣйшая), и какъ первые памятники русской письменности, въ которыхъ выразилась и заговорила о себѣ впервые русская жизнь; онѣ представляютъ драгоцѣнный источникъ для исторіи народной жизни, изъ котораго мы можемъ почерпать свѣдѣнія о старинномъ бытѣ, о нравахъ и обычаяхъ, степени образованности, нравственномъ и умственномъ развитіи нашихъ предковъ.

Критическимъ изслѣдованіемъ русскихъ лѣтописей, въ томъ видѣ, какъ онѣ дошли до насъ, занимались многіе изъ нашихъ ученыхъ. Въ особенности же вопросъ о первоначальной, или такъ называемой «Несторовой лѣтописи,» послужилъ предметомъ нѣсколькихъ особыхъ со-

(*) Тамъ-же, стр. 226 и 230.

чиненій. Первое строго-наукообразное изслѣдованіе о Несторовой лѣтописи написалъ *Шлецеръ*, на нѣмецкомъ языкѣ. (*) Послѣ него спеціальнымъ изученіемъ русскихъ лѣтописей занимались: Ивановъ, Полѣновъ, В. Перевощиковъ, Бутковъ, Погодинъ, Бѣляевъ, Соловьевъ въ своей «Исторіи Россіи» (**) и другіе. Въ историко-литературномъ отношеніи первоначальная лѣтопись разсмотрѣна въ прекрасномъ сочиненіи г. Сухомлинова: «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ.» Но нигдѣ вопросъ о русскихъ лѣтописяхъ не разработанъ съ такою полнотою и съ такимъ талантомъ, какъ въ изданныхъ недавно лекціяхъ г. Костомарова о русской исторіи. (***)

Мы сказали, что лѣтописи появились рано, а именно: уже въ XI столѣтіи, какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Россіи, мы замѣчаемъ появленіе лѣтописей. Но начальная южная, или *кіевская*, лѣтопись едва ли не древнѣе сѣверной, или *новгородской*, или, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ допустить, что какъ та, такъ и другая появились единовременно, т. е. въ первой половинѣ XI столѣтія. (****) До насъ, однако, древнія лѣтописи, кіевская и новгородская, дошли не въ ихъ первоначальномъ видѣ, но во множествѣ позднѣйшихъ списковъ, изъ которыхъ самый древній не восходитъ ранѣе XIV вѣка.

Рѣшительное вліяніе на возникновеніе русской лѣтописной литературы имѣли, должно полагать, славянскіе переводы византійскихъ хроникъ и космографій, принесенные къ намъ изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ переводами св. книгъ и другихъ сочиненій, такъ-что Византія послужила намъ образцомъ и здѣсь, какъ почти во всей древнерусской письменности, — и русскія лѣтописи являются въ формѣ византійскихъ хроникъ.

Г. Костомаровъ, разбирая составъ нашихъ лѣтописей, находитъ, что онѣ прошли три главныя редакціи. Первоначальныя формы лѣтописей, совершенно несходныя и даже противоположныя между собою, были *записки* и *сказанія*. Записки были чрезвычайно краткія извѣстія,

(*) Сочиненіе Шлецера перевелъ съ нѣмецкаго и издалъ *Языковъ*, подъ заглавіемъ: «Несторъ. Русскія лѣтописи, сличенныя, переведенныя и объясненныя.» С.-Пб. 1816 года.

(**) См. особенно т. III, стр. 115—149 и т. IV стр. 400—413.

(***) Лекціи по русской исторіи, Н. И. Костомарова. Издалъ П. Гайдебуровъ. *Вступительная лекція и лѣтописи.* С.-Пб. 1862 г.

(****) Ист. Гос., Соловьева, т. III стр. 118.

имѣвшія практическое примѣненіе въ церковномъ обиходѣ, какъ-то: свѣдѣнія о кончинѣ лицъ, съ цѣлію ихъ поменовенія, о постройкѣ церквей, о другихъ происшествіяхъ монастырскихъ или церковныхъ, о небесныхъ знаменіяхъ, объ общественныхъ бѣдствіяхъ съ благочестивою цѣлію — слѣдить за движеніемъ промысла и гнѣва Божія. Сказанія же, напротивъ, были подробныя, связныя повѣствованія, «съ оттѣнкомъ поэзіи или притязаніемъ на краснорѣчіе.»

«Изъ записокъ и сказаній, подъ вліяніемъ византійскихъ примѣровъ, начали составлять *лѣтописи*, именно: собирать сказанія, разбивать ихъ на годы и дополнять записками. Когда форма эта усвоилась, тогда является третій способъ передачи событій черезъ соединеніе формы сказанія съ формою записокъ, или, такъ сказать, распространенная записка. Это собственно то, что можетъ назваться *лѣтописнымъ разсказомъ*.

«Послѣдняя редакція нашей лѣтописной литературы состоитъ изъ *сборниковъ* или *списковъ*, уже прежде составленныхъ предъидущимъ способомъ лѣтописей, со включеніемъ разныхъ отдѣльныхъ сочиненій. Это уже скорѣе сборники, чѣмъ лѣтописи.» (*)

Эти-то послѣдніе списки лѣтописей, или отдѣльные *временники* и лѣтописные сборники собственно и дошли до насъ. (**)

(*) Лекціи по рус. ист., стр. 97—100.

(**) Вотъ главнѣйшіе изъ этихъ списковъ: 1) *Лаврентьевскій*, названный такъ по имени *списателя*, монаха Лаврентія («Азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій, *Лаврентей мнихъ*,» — говоритъ онъ о себѣ въ особой припискѣ). Списокъ этотъ древнѣйшій, писанъ въ XIV столѣтіи (оконченъ въ 1377 году); онъ начинаетса первоначальною, или т. н. Несторовою лѣтописью, и оканчивается событіями 1305 года. 2) *Ипатьевскій* (названъ по имени монастыря, которому принадлежалъ) составленъ въ XV столѣтіи; но по древности языка и изложенія считается однимъ изъ важнѣйшихъ лѣтописныхъ списковъ и продолженіемъ Несторовой лѣтописи. Ипатьевская лѣтопись есть собственно лѣтопись кіевская; она повѣствуетъ преимущественно о событіяхъ южной и югозападной Руси. 3) *Новгородскія* лѣтописи повѣствуютъ преимущественно о событіяхъ Великаго Новгорода; къ нимъ примыкаютъ лѣтописи *Псковскія* и проч. 4) *Софійскій Временникъ*, *Воскресенская* лѣтопись и *Никоновскій* списокъ, составленный патріархомъ Никономъ въ XVII столѣтіи. Это уже настоящіе сборники или полный сводъ русскихъ лѣтописей.— Существуетъ еще одинъ списокъ лѣтописи, достовѣрность которой долго не признавалась. Это такъ называемая *Якимовская* лѣтопись, замѣчательная по тому, что въ ней находятся такія извѣстія, которыхъ нѣтъ ни въ одной изъ другихъ лѣтописей. По мнѣнію г. Соловьева, составитель Якимовской лѣтописи пользовался начальной

«Изо всѣхъ этихъ списковъ, — говоритъ г. Соловьевъ, — нѣтъ ни одного, въ которомъ бы не было замѣтно явныхъ вставокъ, а слѣдовательно всѣ списки лѣтописей, древніе и позднѣйшіе, представляются намъ въ видѣ сборниковъ. При разсматриваніи этихъ списковъ, мы замѣчаемъ, что въ нихъ *начальная лѣтопись о русской землѣ, сохраняя явственно одну общую основу*, разнится не только по языку, что легко объясняется временемъ составленія того или другаго списка или сборника, но также разнится въ подробностяхъ событій, и въ однихъ спискахъ не достаетъ подъ извѣстными годами такихъ событій, какія находимъ въ другихъ.» (*)

Кто же былъ составителемъ первоначальной русской лѣтописи, продолжавшейся и пополнявшейся въ послѣдующія времена, и дошедшей до насъ во множествѣ списковъ?

Отцемъ русскаго бытописанія считается обыкновенно *преподобный Несторъ*, инокъ Кіевопечерскаго монастыря, жившій во второй половинѣ XI и въ началѣ XII столѣтія. Мнѣніе это основано главнымъ образомъ на томъ, что есть преданіе, которое приписываетъ составленіе древней кіевской лѣтописи преподобному Нестору, и что въ *Патерикѣ Печерскомъ* (описаніе житій кіевопечерскихъ святыхъ), упоминается въ одномъ мѣстѣ, что Несторъ трудился въ составленіи лѣтописей.

На этомъ основаніи, то мѣсто въ лѣтописи, подъ 1057 годомъ, гдѣ лѣтописецъ первый разъ упоминаетъ о себѣ, какъ объ инокѣ Кіевопечерскаго монастыря и современникѣ описываемыхъ событій, относятъ обыкновенно къ преподобному Нестору. Лѣтописецъ раз-

---

новгородскою лѣтописью, не дошедшею до насъ, составленіе которой авторъ Якимовской лѣтописи приписываетъ почему-то первому новгородскому епископу, *Якиму Корсунянину*. (Ист. Рос., т. III, стр. 140).

(*) Болѣе полное и до сихъ поръ лучшее изданіе русскихъ лѣтописей принадлежитъ трудамъ *Археографической Коммиссіи*, успѣвшей издать до настоящаго времени восемь томовъ лѣтописей, подъ заглавіемъ: *Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей*. Изъ множества дошедшихъ до насъ текстовъ начальной лѣтописи, Археографическая Коммиссія принимаетъ нѣкоторые за основные. Въ I т. ея изданія помѣщенъ текстъ по лаврентьевскому списку, какъ древнѣйшему; ипатьевская, или собственно кіевская, лѣтопись помѣщена въ II т. и т. д. Но еще далеко неконченъ трудъ *полнаго* изданія русскихъ лѣтописей.

(**) Истор. Росс. т. III, стр. 116.

сказываетъ здѣсь о началѣ монастыря и о времени, когда имъ управлялъ св. Θеодосій, который принималъ въ число братіи всѣхъ, кто приходилъ къ нему. О себѣ лѣтописецъ говоритъ такъ: «Къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего. Се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти монастырь и что ради зоветься Печерьскій; а о Θеодосовѣ житьи пакы скажемъ.» Вслѣдъ за этимъ, въ первоначальной лѣтописи, лѣтописецъ еще нѣсколько разъ упоминаетъ о себѣ, какъ объ инокѣ Кіевопечерскаго монастыря; и наконецъ, послѣ 1110 года, встрѣчается слѣдующая замѣчательная приписка: «Игуменъ Селивестръ святаго Михаила написахъ книгы си лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Володимери, княжащю ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящю у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта; а иже чтеть книгы сія, то буди ми въ молитвахъ.» — Названный здѣсь *Сильвестръ* былъ игуменомъ *Выдубецкаго* монастыря, близъ Кіева; слѣдственно, мѣста въ лѣтописи, гдѣ упоминается о личности лѣтописца, какъ объ инокѣ Кіевопечерскомъ, не могутъ быть отнесены къ Сильвестру. Для соглашенія этихъ противорѣчивыхъ извѣстій, предполагали, что Сильвестръ былъ переписчикомъ или продолжателемъ Несторовой лѣтописи, такъ-какъ старинные писатели наши по большей части не заботились о сохраненіи своихъ именъ, а, напротивъ, переписчики, или *списатели* весьма часто писали свои имена на списываемомъ. Но г. Костомаровъ, въ указанныхъ нами выше лекціяхъ своихъ по русской исторіи, изложивъ съ ясностію и разобравъ подробно исторію составленія такъ называемой Несторовой лѣтописи, весьма убѣдительно доказалъ, что окончательная редакція этой лѣтописи принадлежитъ Сильвестру Выдубецкому, который и расположилъ ее по годамъ. Несторъ же, по мнѣнію г. Костомарова, былъ составителемъ монастырскихъ записокъ, вошедшихъ въ лѣтопись, какъ матеріалъ; ему въ первоначальной лѣтописи можетъ принадлежать собственно то, что относится къ Кіевопечерскому монастырю. При этомъ г. Костомаровъ доказываетъ неопровержимо, что первоначальная лѣтопись писалась не однимъ, а нѣсколькими лицами, и что первые составители лѣтописи не всѣ были монахи и люди духовные, но между ними находились и лица свѣтскаго званія. (*)

(*) Лекціи по русск. ист. См. стр. 20, 29—31.

Потому-то на первыхъ страницахъ такъ называемой Несторовой лѣтописи мы встрѣчаемъ оживленныя и часто поэтическія сказанія о русской языческой старинѣ (наприм. сказанія объ Олегѣ, о воинственномъ Святославѣ и проч.), тогда какъ лѣтописцы-иноки и лица духовныя (которымъ все же принадлежитъ первенство въ дѣлѣ составленія русскихъ лѣтописей), какъ ревностные поборники всего языческаго, всегда относятся къ языческому періоду русской исторіи болѣе или менѣе недружелюбно и съ словомъ осужденія.

Что касается до слѣдующаго заглавія, которое придавалось обыкновенно всей Несторовой лѣтописи: «Се повѣсти времяньныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Руская земля, кто въ Киевѣ нача первѣе княжити, и откуду Руская земля стала есть;» то это заглавіе, по словамъ г. Костомарова, удобнѣе примѣняется не къ цѣлой лѣтописи, а къ одной изъ составныхъ частей ея, именно, къ ея началу; но въ имѣющихся у насъ спискахъ лѣтописи эта начальная повѣсть перебита различными вставками. «Возстановить эту древнюю повѣсть, — говоритъ г. Костомаровъ, — было бы возможно до нѣкоторой степени; но это было бы дѣло скорѣе художественное, чѣмъ ученое..... Она оканчивается за нѣсколько лѣтъ до смерти Ярослава, можетъ быть 1043 годомъ, послѣднимъ походомъ Русскихъ на Грецію, потому что впослѣдствіи тонъ разсказа значительно измѣняется, прежняя простота исчезаетъ и становится ощутительнымъ господство реторики.» (*).

Разсказавъ, какъ было положено у насъ основаніе лѣтописной литературы, и передавъ исторію составленія первоначальной лѣтописи, обратимся теперь къ ея внутреннему содержанію и составу.

«Се начнемъ повѣсть сию.» Такъ приступаетъ лѣтописецъ къ своему разсказу и, по примѣру лѣтописи византійской, говоритъ о разселеніи народовъ, послѣ столпотворенія вавилонскаго, и исчисляетъ страны, доставшіяся въ удѣлъ потомству трехъ сыновей Ноевыхъ. Свѣдѣнія эти лѣтописецъ беретъ то изъ библейскихъ книгъ, то изъ византійской *хроники* (лѣтописи) IX вѣка, *Георгія Амартола* (на котораго въ одномъ мѣстѣ и ссылается), извѣстной ему, вѣроятно, въ славянскомъ переводѣ, принесенномъ изъ Болгаріи. Изъ этой же хроники или вообще изъ византійскихъ источниковъ лѣтописецъ почер-

(*) Лекціи по русск. ист. 31, 34—35.

паетъ далѣе свои извѣстія и разсказы о нравахъ и обычаяхъ разныхъ народовъ. Такъ, помѣщенный въ лѣтописи разсказъ о счастливой жизни народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Врахмановъ* (браминовъ) взятъ изъ хроники Георгія Амартола; а разсказъ о *нечистыхъ человѣкахъ*, которые ѣдятъ всякую скверну, и которыхъ Александръ Македонскій заключилъ въ горахъ и проч. (мы говорили объ этомъ выше), взятъ изъ сочиненія Меѳодія Патарскаго, на котораго нашъ лѣтописецъ также ссылается.

Послѣ перечисленія различныхъ народовъ, у русскаго лѣтописца слѣдуютъ извѣстія о Славянахъ и о ихъ первоначальномъ жилищѣ на Дунаѣ; потомъ о движеніи ихъ на сѣверъ и на сѣверовостокъ, о разселеніи по разнымъ странамъ и по рѣкамъ, отъ которыхъ они и получаютъ свои названія, а наконецъ, о поселеніи славянскихъ племенъ въ нынѣшней Россіи. «Тако разидеся,—говоритъ лѣтописецъ,—Словѣньскии языкъ, тѣмже и грамота прозвася Словѣньская.»

Потомъ, онъ передаетъ довольно подробно легенду о проповѣди апостола Андрея по берегамъ Чернаго моря (называя его — *Понетьское* море, *еже море словеть Руское*) (*) и по Днѣпру. Апостолъ Андрей, по словамъ лѣтописца, пришедъ по Днѣпру къ горамъ кіевскимъ, предвѣщалъ, что на этомъ мѣстѣ возсіяетъ благодать и будетъ воздвигнутъ *градъ великъ*. Благословивъ эти горы и поставивъ на нихъ крестъ, онъ пошелъ далѣе *въ Словени, идеже нынѣ Новгородъ*.

Затѣмъ, у русскаго лѣтописца слѣдуетъ описаніе нравовъ, обычаевъ и образа жизни Полянъ, Древлянъ, Вятичей и прочихъ славянскихъ племенъ, поселившихся въ нынѣшней Россіи. Здѣсь ему служатъ источникомъ народныя сказанія и преданія, и не только преданія, но и самые остатки описываемыхъ имъ вѣрованій и обычаевъ; ибо о нѣкоторыхъ изъ славянскихъ племенъ онъ прямо говоритъ, что они и въ его время сохранили старинные обычаи. Даже народныя пословицы послужили источникомъ для лѣтописца; такъ, изъ пословицы — *погибоша аки Обрѣ* — онъ заключаетъ, что жилъ какой-то на-

---

(*) *Понтское* море, или *Понтъ. Русскимъ* названо здѣсь Черное море потому, что выше въ лѣтописи говорится о пути изъ *Варягъ въ Греки*, т. е. что по Черному морю Руссы ходили въ Царьградъ.

родъ Обри, который погибъ безслѣдно, не оставивъ послѣ себя ни роду, ни племени.

Лѣтописецъ ведетъ такимъ образомъ сплошной разсказъ до 852 года по Р. Х., съ котораго собственно и начинаетъ *русскую лѣтопись*, т. е. свой *лѣтописный разсказъ* о событіяхъ въ русской землѣ. Съ этого времени онъ ведетъ свое повѣствованіе погодно, и начинаетъ выставлять годы съ царствованія греческаго императора Михаила, когда, по его словамъ, впервые является названіе *русской земли*. «Объ этомъ мы узнали, потому что при царѣ Михаилѣ приходили Русскіе на Царьградъ, какъ пишется въ лѣтописцѣ греческомъ; поэтому-то отсюда начнемъ и числа положимъ,»—говоритъ нашъ лѣтописецъ. (*)

Такъ, со второй половины IX вѣка, древняя лѣтопись начинаетъ собственно исторію Руси, и говоритъ о призваніи изъ-за моря варяго-русскихъ князей, о первыхъ князьяхъ и ихъ княженіи, о ихъ походахъ на Царьградъ, передаетъ цѣликомъ извѣстные договоры русскихъ князей съ Греками, живо рисуетъ образъ жизни князей-язычниковъ, ихъ личный характеръ, воинственный духъ и т. п. Потомъ, лѣтописецъ, съ большимъ восторгомъ и съ особенными подробностями, разсказываетъ о великомъ для всей Руси событіи,—крещеніи св. Владиміра, и о введеніи христіанства въ нашемъ отечествѣ.

Съ христіанскаго періода русской исторіи, въ особенности, проявляется общее религіозное настроеніе и религіозно-нравственное значеніе, которое лѣтописцы придаютъ обыкновенно своимъ лѣтописнымъ трудамъ, и которое составляетъ существенную характеристическую черту русскихъ лѣтописей вообще, какъ и всей остальной древне-русской литературы.

Лѣтописцы, образовавшись сами на чтеніи св. книгъ и вообще на чтеніи церковно-литературныхъ произведеній, переполняютъ постоянно свои лѣтописныя произведенія церковными текстами и изрѣченіями, собственными благочестивыми размышленіями и религіозно-нравственными поученіями, находя къ тому поводъ въ томъ или другомъ пересказываемомъ событіи.

(*) Ист. Рос., т. III, стр. 124. Лѣтосчисленіе нашъ лѣтописецъ ведетъ отъ сотворенія міра, и начало года считаетъ съ марта мѣсяца.

Языческій же періодъ исторіи Руси, какъ мы уже замѣтили, пересказанъ въ первоначальной лѣтописи на основаніи народныхъ сказаній, которыя, по всей вѣроятности, еще живо сохранялись во времена древняго лѣтописца въ устахъ русскаго народа. И надо удивляться, въ самомъ дѣлѣ, той человѣчности чувства, безпристрастію и той наивной простотѣ повѣствованія, чуждой всякаго притязанія на византійское краснорѣчіе, которыя мы находимъ въ разсказахъ древней лѣтописи о жизни и подвигахъ языческихъ князей. Такое безпристрастіе въ разсказѣ о язычникахъ г. Костомаровъ объясняетъ тѣмъ, что многія мѣста въ лѣтописи, особенно вначалѣ, писаны мірянами; «потому что монахъ XII вѣка никакъ не могъ выразить сочувствія къ язычнику Святославу въ войнѣ его съ Греками. Такой тонъ едва ли могъ придать монахъ, сердцу котораго православная Греція была ближе, чѣмъ языческая Русь.» (**)

Сказанія древней лѣтописи о княгинѣ Ольгѣ, объ Олегѣ, о его походахъ на Константинополь, къ воротамъ котораго онъ прибиваетъ свой побѣдоносный щитъ, сказаніе о чудесной кончинѣ этого князя, которая была ему предсказана волхвами и послѣдовала отъ его любимаго коня, въ особенности же, сказаніе о героѣ-Святославѣ, который «ходилъ легко какъ барсъ» *(легко ходя аки пардусъ)*, который никогда не нападалъ на чужія страны, не сказавъ напередъ: «*хочю на вы ити*,» который, въ неравномъ бою съ Цимисхіемъ, говорилъ своимъ воинамъ: *да не посрамимъ землѣ Рускіе, но ляжемъ костьми, мертвыи бо срама не имамъ*, и проч., — всѣ эти и подобные имъ разсказы нашей начальной лѣтописи исполнены живаго интереса, отличаются простотою выраженія и естественностію разсказа, не чуждаго началъ первобытной народной поэзіи.

Не менѣе увлекательно разсказана у лѣтописца повѣсть о *Святополкѣ Окаянномъ* и о его трагической кончинѣ. Святополкъ, послѣ убіенія братьевъ, св. Бориса и Глѣба, и послѣ сраженія съ Ярославомъ, преслѣдуемый наказаніемъ Божіимъ и гонимый бѣсами, подобно братоубійцѣ Каину, бѣжитъ изъ страны въ страну, нигдѣ не находя покоя, и гибнетъ наконецъ гдѣ-то въ далекой пустынѣ.

(**) Лекціи по русск. ист., стр. 29. См. также 34—35.

Такимъ образомъ мы видимъ, что на внутренній составъ и содержаніе древней русской лѣтописи, главнымъ образомъ, имѣли вліяніе, во-первыхъ: *византійскія хроники* и другія произведенія византійской литературы, во-вторыхъ: собственно русскія народныя *сказанія и преданія*, и наконецъ, въ-третьихъ: *священныя книги.*

Мы уже сказали, что послѣ 1051 года лѣтописецъ разсказываетъ нерѣдко, какъ современникъ описываемыхъ событій. Тутъ въ лѣтописяхъ появляются отдѣльные вставочные разсказы и сказанія объ извѣстныхъ событіяхъ. Въ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописи, напримѣръ, встрѣчаются распространенныя сказанія, въ духѣ церковно-литературномъ, объ убіеніи св. князей Бориса и Глѣба. Изъ вставочныхъ разсказовъ замѣчателенъ еще, подъ 1097 годомъ, драмматическій разсказъ, составленный какимъ-то священникомъ *Василіемъ*, объ ослѣпленіи князя Василька Теребовльскаго. Слогъ этого разсказа явственно отличается отъ слога цѣлой лѣтописи, и нѣкоторыя выраженія его, подобныя, напримѣръ, слѣдующимъ: *и сбиша Угры* (Венгровъ) *аки въ мячь, яко и соколъ сбываетъ галицъ*, какъ бы просятся въ Слово о Полку Игоревѣ. По мнѣнію г. Соловьева, разсказъ этотъ занесенъ въ общую лѣтопись изъ отдѣльной лѣтописи *волынской* (*).

Лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Несторовой, въ томъ видѣ, какъ она дошла до насъ, есть лѣтопись *всероссійская*, какъ говоритъ г. Соловьевъ, т. е. лѣтопись *общая*, повѣствующая о событіяхъ во всей Русской землѣ. До XII столѣтія, именно до 1110 года, всѣ лѣтописныя сказанія составляютъ одно цѣлое, образуютъ одну общую лѣтопись; но съ XII вѣка лѣтописное повѣствованіе теряетъ свое единство, образуются частныя лѣтописи, повѣствующія о событіяхъ *русскихъ земель* и присоединяются къ главной, первоначальной лѣтописи. Съ раздробленіемъ Руси эта первоначальная или общая лѣтопись разбивается еще болѣе на многія лѣтописи *мѣстныя*, (**) которыя касаются исключительно событій извѣстнаго края, извѣстной мѣстности, хотя все же мѣстные лѣтописцы всегда начинаютъ свои лѣ-

(*) Истор. Рос. т. III, стр. 131.

(**) См. подробнѣе *о мѣстныхъ* лѣтописяхъ въ лекціяхъ по русской исторіи Н. И. Костомарова.

тописанія съ списыванія лѣтописи первоначальной, обще-русской, и къ ней уже присоединяютъ современныя мѣстныя извѣстія.

Такъ мы видѣли, что существовала отдѣльная лѣтопись *волынская*; есть извѣстіе, что существовала такая же лѣтопись *ростовская*. Въ лѣтописи южной, или кіевской уже замѣчаютъ явныя вставки изъ лѣтописей *черниговской*, *полоцкой*, *волынской* и другихъ. Изъ сѣверныхъ лѣтописей, кромѣ *новгородскихъ*, существовали еще лѣтописи *суздальская*, *владимірская* и друг., а потомъ *московская*.

Вслѣдствіе вліянія мѣстности и характера народонаселенія, къ которому принадлежитъ самъ лѣтописецъ, лѣтописи получаютъ тотъ или другой тонъ и характеръ разсказа. Такъ новгородская лѣтопись отличается краткостію и сухостію разсказа; разсказъ же южнаго лѣтописца, на оборотъ, изобилуетъ подробностями, живостію, образностію, даже художественностію; преимущественно волынская лѣтопись отличается особеннымъ поэтическимъ складомъ рѣчи. Складъ волынской, или *галицко-волынской* лѣтописи, какъ ее называетъ г. Костомаровъ, — по его словамъ, — «блещетъ поэзіей, но не той поэзіей простоты разсказа, какъ въ первой повѣсти, служившей основою Сильвестрову своду, а цвѣтистой, удалой, раскидистой поэзіей, напоминающей пѣснь о полку Игоревѣ, напримѣръ: «пришедшимъ орломъ, и многимъ ворономъ, яко облаку велику играющимъ же птицамъ, орломъ же клекъшущимъ и плавающимъ крылома своима и воспрометающимся на воздусѣ;» или напримѣръ: «щитъ ихъ, яко зоря бѣ, шеломъ же ихъ, яко солнцу восходящу.» (*)

Разсказъ въ первоначальныхъ лѣтописяхъ ведется весьма часто въ оживленной, драмматической формѣ разговоровъ.

Составленіе лѣтописей продолжалось, можно сказать, безъ перерыва въ теченіе всего древняго періода русской исторіи. Лѣтописи списывались, пополнялись и продолжались постоянно посредствомъ записыванія новыхъ извѣстій. Лѣтописецъ заносилъ въ свою хронику все, что видѣлъ самъ, что слышалъ отъ другихъ о происшествіяхъ, совершавшихся въ его время. Но въ послѣдующее время, особенно, когда остаются однѣ лишь сѣверныя лѣтописи, и премущественно *московская*, оживленная драмматическая форма повѣствованія исчезаетъ

(*) Лекціи, стр. 48.

почти совершенно изъ нашихъ лѣтописей, (*) и лѣтописный разсказъ отличается сухостію рѣчи и напыщенною реторикою; характеристики описываемыхъ лицъ и событій отличаются безцвѣтными, скромными сентенціями на одинъ складъ. Уже съ XIII и XIV столѣтія лѣтописи попреимуществу наполняются разсказами о княжескихъ междоусобіяхъ, объ отношеніяхъ князей между собою, мельчайшими подробностями о построеніи церквей, о поставленіи владыкъ и о другихъ событіяхъ церковныхъ. И самъ лѣтописецъ явно становится сторонникомъ того, либо другаго князя. Тутъ уже мы встрѣчаемъ гораздо менѣе подробностей и извѣстій о внутренней жизни самого народа. Лѣтописецъ отмѣтитъ иногда, подъ извѣстнымъ годомъ, о какомъ либо народномъ бѣдствіи, о набѣгѣ Татаръ или Литвы, о повальной болѣзни, о всеобщемъ голодѣ и т. п., и всегда приписываетъ такія невзгоды гнѣву Божію; рѣдко говоритъ о естественныхъ причинахъ и послѣдствіяхъ подобныхъ явленій. Онъ наполняетъ свою лѣтопись текстами изъ священныхъ книгъ и собственными благочестивыми размышленіями, и вмѣсто живой драматической формы выраженія начальныхъ лѣтописей заставляетъ своихъ героевъ говорить длинныя, реторическія рѣчи, несвойственныя ни характеру лицъ, ни тому положенію, въ которомъ они находятся. Онъ старается болѣе всего о томъ, чтобы сказать о событіи или объ извѣстной личности какъ можно витіеватѣе и красивѣе, подражая образцамъ византійскаго краснорѣчія, и потому впадаетъ въ напыщенный и реторическій тонъ разсказа.

Существуютъ указанія, что составленіе лѣтописей имѣло у насъ правительственный характеръ: онѣ составлялись нерѣдко правительственными лицами, подъ высшимъ надзоромъ. (**)

Изъ изслѣдованія г. Костомарова видно, что лѣтописи въ старину имѣли оффиціальный характеръ и,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—юридическое значеніе: князья приказывали занести въ лѣтописи то или другое событіе, а иногда ссылались на нихъ, какъ на акты юридическіе. (***)

Оффиціальное значеніе, какое лѣтописи имѣли въ древности, и современность лѣтописателей описываемымъ событіямъ, составляютъ, по

(*) Ист. Рос., Соловьева, т. IV, стр. 400.

(**) Тамъ-же, т. VII, стр. 237.

(***) Лекціи по русск. ист. См. стр. 21—22.

словамъ г. Костомарова, важное достоинство ихъ достовѣрности. (*) Но неоспоримо, однако, что лѣтописи составлялись также и частными людьми, независимо отъ правительственнаго вліянія. Потому, встрѣчая, напримѣръ, въ лѣтописяхъ московскихъ неблагосклонные отзывы о Новгородѣ и Псковѣ (при чемъ лѣтописецъ называетъ жителей этихъ городовъ *вѣчниками, крамольниками* и т. п.) мы находимъ въ тоже время, что лѣтописцы новгородскіе или псковскіе говорятъ въ свою очередь дурно о Москвѣ и москвичахъ, сильно вооружаются противъ московскихъ распоряженій и т. д.

Иногда, въ какомъ либо рѣдкомъ физическомъ явленіи, въ появленіи кометы, либо въ солнечномъ или лунномъ затмѣніи, лѣтописецъ видитъ *знаменія*, и согласно съ понятіями времени или собственнымъ внутреннимъ настроеніемъ, объясняетъ ихъ то карою свыше, посланною Богомъ въ наказаніе за грѣхи людей, то добрымъ предзнаменованіемъ. Вообще, относительно научныхъ свѣдѣній и взгляда на вещи, наши лѣтописи ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ книжныхъ произведеній старинной литературы.

Таково вообще содержаніе и внутренній составъ русскихъ лѣтописей, таковъ ихъ общій характеръ и направленіе. Представленное нами краткое обозрѣніе лѣтописной литературы уже даетъ ясное понятіе о томъ, что наши лѣтописи составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ русской старинной литературы и заключаютъ въ себѣ весьма много интереснаго и драгоцѣннаго для изученія древнерусской жизни.

Лѣтописи писаны книжнымъ, церковнославянскимъ языкомъ, который, въ большей или меньшей степени, подвергся вліянію народной рѣчи.

Хронографы. Къ памятникамъ исторической литературы, послѣ лѣтописей, должны быть причислены *хронографы;* но объ нихъ мы уже говорили выше, въ главѣ о сборникахъ.

(*) Замѣтимъ здѣсь кстати, что *Каченовскій* (бывшій проф. московскаго университета) подвергнулъ было сомнѣнію древность и подлинность первоначальной русской лѣтописи. Но несомнѣнную подлинность ея уже доказалъ Шлецеръ, а скептическіе доводы школы Каченовскаго блистательно опровергнуты гг. Погодинымъ и Бутковымъ.

Степенныя книги. Къ историческимъ памятникамъ позднѣйшаго времени, имѣющимъ правительственный характеръ, принадлежатъ *Степенныя книги царскаго родословія* или такъ называемыя *Царственныя книги.* Степенныя книги составлены въ XVI столѣтіи, въ царствованіе И. В. Грознаго, подъ руководствомъ митрополита Макарія; источникомъ для ихъ составленія служили, конечно, лѣтописи или отдѣльные временники.

Степенныя книги заключаютъ въ себѣ «изложеніе церковныхъ и гражданскихъ событій русской исторіи съ религіозной точки зрѣнія.» (*) *Степенными* онѣ названы потому, что повѣствованіе въ нихъ расположено по *степенямъ* или по порядку царствованія великихъ князей и царей русскихъ. Церковныя и монастырскія событія излагаются здѣсь съ мельчайшими подробностями и занимаютъ самое видное мѣсто въ Степенныхъ книгахъ, представляющихъ вообще образецъ того напыщеннаго и высокопарнаго слога, который въ то время считался красивымъ. Напримѣръ, въ похвалу великому князю Василію, тамъ говорится: «Поистинѣ убо царь нарицашеся, иже царствуяй надъ страстьми и сластемъ одолѣвати могій, иже цѣломудрія вѣнцомъ вѣнчанный и порфирою правды облеченный. Таковъ убо бысть сей: истовый велеумный правитель, вседоблій *наказатель,* истинный кормчій, изящный предстатель» и проч. (**)

Нѣкоторыя степенныя или царственныя книги украшены многими миніатюрными изображеніями, какъ напримѣръ, книга, содержащая въ себѣ повѣствованіе о послѣднихъ дняхъ царствованія Василія Ивановича и первой половинѣ царствованія Грознаго. Снимки съ этихъ миніатюръ находятся въ приложеніи къ «Очеркамъ» г. Буслаева.

Кромѣ названныхъ нами памятниковъ старинной исторической литературы, въ позднѣйшее время, особенно въ XVI и XVII столѣтіяхъ, начали появляться отдѣльныя историческія записки, повѣствованія, сказанія и тому подобныя сочиненія историческаго содержанія; но такъ какъ сочинители этихъ позднѣйшихъ произведеній болѣе или менѣе извѣстны, то мы будемъ говорить о нихъ въ отдѣлѣ о писателяхъ.

(*) Тамъ-же, стр. 236.
(**) Тамъ-же.

ОПИСАНІЯ СТАРИННЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ.

Мы уже имѣли случай замѣтить (въ статьѣ о духовныхъ стихахъ), что на Руси, вскорѣ послѣ введенія христіанства, сильно развилась любовь къ странствованіямъ по святымъ мѣстамъ, въ особенности — къ путешествіямъ въ Палестину на поклоненіе гробу Господню. Страсть къ пиллигримству и къ путешествіямъ въ Палестину была очень сильна, какъ извѣстно, въ средніе вѣка не только у насъ, но и на западѣ. Многіе предпринимали путешествія къ святымъ мѣстамъ не изъ одного религіознаго усердія, а просто изъ любви къ бродячей жизни. (*). Но были, конечно, и такіе странники, которые покидали свои дома, имущества, отправлялись во св. землю изъ одного лишь теплаго религіознаго усердія, «съ вѣрою и любовію,» какъ говоритъ первый русскій *паломникъ*, (**) и смотрѣли на свои странствованія, какъ на подвигъ душеспасительный.

Нѣкоторые изъ подобныхъ странниковъ, болѣе другихъ грамотные, составляли описаніе своихъ путешествій или *хожденій* по святымъ мѣстамъ, въ назиданіе соотечественниковъ. До насъ дошло нѣсколько такихъ путешествій, представляющихъ, нѣтъ сомнѣнія, одинъ изъ интересныхъ отдѣловъ древнерусской литературы во многихъ отношеніяхъ.

1. Первый изъ русскихъ путешественниковъ въ Іерусалимъ, составившій описаніе своего путешествія, которое дошло до насъ отъ начала XII столѣтія, былъ черниговскій игуменъ *Даніилъ*. Описаніе это называется *Паломникъ* или *Хожденіе Даніила, русскія земли игумена*, иногда также — «Странникъ.» Даніилъ совершилъ свое путешествіе между 1113 и 1115 год. «Ходилъ есми тамо, — говоритъ

(*) Въ одномъ церковномъ сочиненіи XII вѣка (въ «вопросахъ черноризца Кирика»,) см. отдѣлъ духовн. лит. на вопросъ: не грѣхъ ли воспрещать странствованія въ Іерусалимъ? Нифонтъ, епископъ новгородскій, отвѣчаетъ, что это не только не грѣхъ, но, напротивъ, слѣдуетъ удерживать такихъ странниковъ, которые даютъ обѣты идти въ Іерусалимъ лишь изъ любви къ *праздности* и за тѣмъ, чтобы въ путешествіи только *пить* и *ѣсть*. Такіе обѣты, по словамъ Нифонта, «губятъ нашу землю.»

(**) Странники въ Іерусалимъ назывались у насъ въ старину *паломниками*, отъ обычая возвращаться домой съ *пальмовыми вѣтвями*, приносившимися на память посѣщенія гроба Господня.

онъ, — во княженье Русское великаго князя Святополка Изяславича, внука Ярослава Владиміровича кіевскаго.»

Слѣдственно, Даніилъ посѣтилъ св. землю въ весьма интересную историческую эпоху, именно: когда, послѣ перваго крестоваго похода, Іерусалимъ перешелъ въ руки христіанъ и находился подъ властію графа Балдуина. Но нашъ путешественникъ ни слова не говоритъ ни о крестовомъ походѣ, ни о недавнемъ завоеваніи Іерусалима христіанами-латинянами. О Балдуинѣ, котораго онъ называетъ *княземъ Балдвиномъ,* у него упоминается лишь потому, что тотъ далъ ему дозволеніе поставить на гробѣ Господнемъ свое *кандило* (лампаду): «Бога дѣля (для, ради) и князей дѣля русскихъ,» отъ имени «всея Русскія земли.» Игуменъ Даніилъ все время свое, все свое вниманіе исключительно посвящаетъ посѣщенію и описанію святыхъ мѣстъ, и описываетъ ихъ съ чувствомъ истиннаго христіанина и духовнаго лица, съ теплою вѣрою и любовію. Съ полною обстоятельностію разсказываетъ онъ обо всѣхъ святыняхъ іерусалимскихъ, о гробѣ Господнемъ, о водоосвященіи на Іорданѣ, и т. д. и подробно описываетъ церковное служеніе при гробѣ Господнемъ въ великую заутреню. «Все это я видѣлъ очами своими грѣшными, и какъ видѣлъ, такъ поистинѣ и написалъ,» говоритъ Даніилъ.—Все же остальное, что не относится къ святынямъ, не занимаетъ нашего паломника. О Балдуинѣ, къ которому онъ пришелъ просить позволенія *о кандилѣ,*—«и поклонихся ему до земли,»—Даніилъ отзывается весьма дружелюбно; говоритъ, что онъ былъ «мужъ благъ, и смиренъ вельми и не гордится ни мало.» Въ его словахъ о іерусалимскомъ королѣ-католикѣ не слышно еще того духа нетерпимости къ латинамъ, который Византія навязала древней Руси. Хотя и онъ далѣе не упустилъ замѣтить о *фряжскихъ* (*) *кандилахъ,* что они не зажглись отъ свѣта, низшедшаго на гробъ Господній, тогда какъ греческія кандила и русское *возгорѣлись* отъ этого свѣта. О католическомъ же служеніи въ церкви при гробѣ Господнемъ Даніилъ выразился такъ: «Латыне же въ велицемъ олтарѣ *верещати* начаша *свойскы.*»

Описывая Іорданъ, Даніилъ паломникъ сравниваетъ его съ русской

(*) *Фрягами* назывались въ старину на Руси, кажется, всѣ европейцы безъ различія, преимущественно же, Итальянцы и Французы.

рѣкой *Сосновой*: (*) «Всѣмъ есть подобенъ Іорданъ Сосновѣ рѣцѣ, и въ ширину, и въ глубину, лукаво же вельми и быстро течетъ, такожъ яко Соснова рѣка» и проч.

Свѣдѣнія свои и преданія о святыхъ мѣстахъ, какъ видно, Даніилъ нерѣдко почерпалъ отъ другихъ странниковъ или отъ *вожа* и *языка* (провожатаго и переводчика.) Все слышанное онъ принималъ за истину, и съ большимъ простодушіемъ заносилъ въ свой «Паломникъ.» Такъ напримѣръ: онъ передаетъ съ полнымъ убѣжденіемъ, какъ факты дѣйствительные, легенды о томъ, что въ церкви Воскресенія Христова, подлѣ стѣны, за алтаремъ, находится *пупъ земной* и тамъ же подъ камнемъ *лежитъ глава Адама перваго* и т. п.

Въ послѣсловіи своего *хожденія* Даніилъ прибавляетъ: «Богъ тому послухъ и святый гробъ Господень, яко во всѣхъ сихъ мѣстѣхъ святыхъ не забылъ именъ князей, и княгинь ихъ, и дѣтей ихъ, ни епископовъ, ни игуменовъ, ни болярь, ни дѣтей моихъ духовныхъ, ни всѣхъ христіанъ, ни коли же не забылъ есть, но вездѣ поминалъ есть.» Въ заключеніе онъ смиренно проситъ своихъ читателей не попрекнуть его *худоуміемъ* и *грубостію* и читать *написаніе* его съ вѣрою и любовію.

Даніилъ упоминаетъ, что въ то время, когда онъ посѣтилъ Іерусалимъ, тамъ находилось много другихъ русскихъ паломниковъ,— новгородцевъ и кіевлянъ.

«Паломникъ» Даніила напечатанъ во 2 т. «Сказаній русскаго народа», Сахарова, гдѣ помѣщена и большая часть остальныхъ старинныхъ русскихъ путешествій.

---

2. Другой русскій паломникъ, описаніе путешествія котораго въ Царьградъ дошло до насъ, былъ *Стефанъ Новгородецъ*. Стефанъ былъ инокъ преклонныхъ лѣтъ, и путешествовалъ въ половинѣ XIV столѣтія, именно около 1350 года, какъ можно заключить изъ того, что онъ находился въ Константинополѣ во время патріаршества Исидора.

Стефанъ пустился въ путь изъ Новгорода вмѣстѣ съ осмью другими поклонниками, которыхъ онъ называетъ своими друзьями. Они

(*) Р. *Соснова* находилась въ черниговской области; по этому можно заключить, что и самъ Даніилъ былъ родомъ изъ черниговской страны.

намѣревались посѣтить собственно св. мѣста Палестины; но въ «Странникѣ» Стефана Новгородца описаны однѣ лишь святыни и достопримѣчательности Царяграда.

Описаніе Константинополя въ то время, когда его посѣтилъ Стефанъ, т. е. еще при византійскихъ императорахъ, могло бы имѣть большую важность; но, къ сожалѣнію, нашъ паломникъ сообщаетъ очень немного подробностей о достопримѣчательностяхъ столицы византійской имперіи. Его повѣствованіе ограничивается большею частію указаніемъ церквей и монастырей, которые онъ посѣщалъ усердно съ своими товарищами, и иконъ и мощей, которымъ они поклонялись.

Обширность и многолюдство Царяграда производятъ, однако, сильное впечатлѣніе на русскихъ путешественниковъ, привыкшихъ къ своимъ незначительнымъ и малонаселеннымъ городамъ.

По словамъ Стефана: «Въ Царьградъ войти, все равно, что въ лѣсъ *(аки въ дубраву внити)*, и безъ хорошаго провожатаго *(безъ добра вожа)*, да кто скупъ или убогъ, то ничего не можетъ *видѣти, ни цѣловати единаго святаго.*»

Величественный храмъ св. Софіи поражаетъ нашихъ новгородцевъ до такой степени, что Стефанъ говоритъ: «О святой Софіи, премудрости Божіей умъ человѣческій не можетъ ни сказать, ни перечесть, какъ она велика и прекрасна.»

Сдѣлавъ такую оговорку, Стефанъ сообщаетъ мало подробностей объ устройствѣ и о тогдашнемъ состояніи этого замѣчательнаго храма. Только по нѣкоторымъ замѣчаніямъ его можно судить о громадности зданія и его расположеніи; напримѣръ, онъ говоритъ, что св. Софія имѣетъ 365 дверей и столько же престоловъ, что въ ней устроено въ стѣнахъ и между стѣнъ множество колодезей (вѣроятно, систернъ и фонтановъ) съ вкусною водою, и проч.

Чудеса искусства, собранныя въ византійской столицѣ и вѣковая прочность мраморныхъ сооруженій столь же сильно поражаютъ русскихъ путешественниковъ, привыкшихъ къ своимъ бѣднымъ и непрочнымъ зданіямъ. О Юстиніановой колоннѣ и конной статуѣ этого императора, стоявшей на обширной площади передъ храмомъ св. Софіи, Стефанъ говоритъ: «И видѣхомъ ту стоитъ столпъ чуденъ вельми,... и на верху его сидитъ Юстиніанъ великій на конѣ, вельми чуденъ, аки живъ, въ

доспѣсѣ *срацинскомъ* одѣянъ, грозно видѣти его,» и проч. По поводу этой статуи, Стефанъ упоминаетъ о колоннахъ, стоявшихъ на знаменитой площади ипподрама: «Суть же много и иніихъ столповъ по граду стоятъ, отъ камени мрамора, много же на нихъ писанія отъ верха до долу, писано *рытію великою* (т. е. буквы были высѣчены въ мраморѣ) и словеси всѣ позлощены быша, а иніи черны.» Много,—продолжаетъ Стефанъ,—надо дивиться, и умъ не можетъ сказать: какъ столько лѣтъ *камня того ничто не иметъ*.

Говоря *о студійскомъ* монастырѣ, Стефанъ упоминаетъ, что отсюда въ Русь посылалось много книгъ, тріодей, уставовъ и другихъ. И въ его время тамъ жили два новгородца, *Иванъ* и *Добрила*, занимаясь списываніемъ книгъ, потому что они, какъ пишетъ Стефанъ, «искусни зѣло книжному списанію.»

---

3. Большой интересъ представляетъ другое путешествіе въ Константинополь извѣстнаго въ русской исторіи XIV столѣтія митрополита *Пимена*. Путешествіе это описано діакономъ *Игнатіемъ*, который находился въ числѣ лицъ, составлявшихъ свиту митрополита. Пименъ и его спутники выѣхали изъ Москвы въ 1389 году, и Игнатій съ самаго выѣзда изъ столицы ведетъ путевыя записки обо всемъ, что съ ними случилось примѣчательнаго. Онъ подробно описываетъ мѣста, которыми они проходили, и вообще ведетъ записки обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ замѣчательнаго во время путешествія.

Въ путевыхъ запискахъ діакона Игнатія заключаются нѣкоторыя историческія извѣстія, вполнѣ достойныя вниманія изслѣдователей старины. Онъ сообщаетъ нѣкоторыя очень интересныя свѣдѣнія о состояніи въ концѣ XIV столѣтія тѣхъ мѣстностей Россіи, которыми они ѣхали на пути къ Дону. Когда Пименъ выѣхалъ изъ Переяславля (рязанскаго) отъ рязанскаго князя Олега, извѣстнаго противника Димитрія Донскаго, Олегъ, для сопровожденія митрополита и его свиты до рѣки Дона, послалъ съ ними одного изъ своихъ бояръ, съ большою дружиною, по причинѣ разбоевъ, производившихся на этомъ пути. Изъ Переяславля же отправлены были три большіе *струга* (судна), поставленные на колеса, для дальнѣйшаго путешествія Пимена и его свиты по Дону. Извѣстіе о многочисленной свитѣ изъ лицъ духовныхъ и

свѣтскихъ, сопровождавшихъ митрополита, также не лишено интереса, какъ характерическая черта времени.—Вообще содержаніе путевыхъ записокъ Игнатія состоитъ изъ подробнаго описанія пути отъ Москвы до самаго Константинополя.

Они плыли по Дону, и путь ихъ былъ весьма печальный и грустный, говоритъ Игнатій; кругомъ лежала пустыня, не было видно нигдѣ ни городовъ, ни селеній; человѣка нигдѣ не увидишь,—замѣчаетъ онъ. Наконецъ, плывя далѣе, они увидѣли здѣсь въ первый разъ Татаръ. По одну и по другую сторону Дона, ихъ было множество, по словамъ Игнатія,—такъ много, «какъ песку, какъ листу на деревьяхъ;» но ни одинъ изъ нихъ имъ не сдѣлалъ никакого зла, даже, напротивъ, давали имъ молока.

Въ Азовѣ русскіе путешественники наняли корабль, чтобы плыть далѣе моремъ; но здѣсь иностранные купцы, *фряги* и *нѣмцы,* арестовали Пимена и нѣкоторыхъ лицъ изъ его свиты за долгъ, который митрополитъ сдѣлалъ у нихъ во время прежней своей поѣздки въ Константинополь. Пименъ далъ, однако, иноземнымъ купцамъ значительный выкупъ, и скоро былъ освобожденъ.

Послѣ этой задержки, русскіе странники снова пустились въ путь. Они вышли въ открытое море при благопріятномъ вѣтрѣ, но скоро испытали сильную бурю, однако успѣли благополучно выйти изъ Азовскаго моря въ Черное. Здѣсь наши путешественники обогнули весь юго-восточный берегъ Крыма: «И проидохомъ устие Азовскаго моря (Керченскій проливъ) и взыдохомъ на великое море (Черное); въ шестыижъ день, в субботу минухомъ Каѳинскій лименъ и Сурожъ,» (*) — говоритъ Игнатій.

Новая буря опять задерживаетъ въ пути нашихъ путешественниковъ. Они попали въ Синопъ, потомъ въ Австравію, гдѣ снова пріостановились изъ опасенія, чтобы не попасться въ плѣнъ Туркамъ, во владѣніяхъ которыхъ они теперь находились. Турки вели въ это время войну съ Сербами, и Игнатій пересказываетъ по этому случаю любопытную повѣсть «о царѣ Амуратѣ,» которую ему «повѣдали жи-

(*) Т. е. они прошли мимо *Кафы* (нынѣшней Ѳеодосіи) и *Судака,* слывущаго въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Сурожа. *Кафинскій лименъ,* — вѣроятно, нынѣшній ѳеодосійскій заливъ.

тели города Австравіи.» Въ этой повѣсти, Игнатій говоритъ о происхожденіи турецкаго султана Амурата I, о его войнѣ съ Сербами, и передаетъ нѣкоторыя подробности о знаменитой битвѣ на Коссовомъ полѣ, послѣ которой пала самостоятельность сербскаго народа, сдѣлавшагося данникомъ Турокъ, и гдѣ погибъ самъ Амуратъ. «Была сія битва,—говоритъ Игнатій,—въ 1389 году. Такъ намъ повѣдали о ней граждане города Австравіи; и былъ большой мятежъ и великое смущеніе въ странѣ той.»

Описаніе Константинополя и св. мѣстъ Палестины не отличается у Игнатія такою полнотою и обстоятельностію, какъ у игумена Даніила и Стефана Новгородца, и послѣ нихъ онъ не сообщаетъ ничего новаго. Но за то, Игнатій имѣлъ случай быть въ Константинополѣ именно въ то время, когда тамъ происходило вѣнчаніе на царство императора Еммануила (Палеолога) и его супруги. И онъ описалъ подробно торжественный обрядъ коронованія греческаго императора, происходившій въ Софійскомъ соборѣ 11 февраля 1390 года, и занесъ это описаніе въ свои путевыя записки, въ видѣ отдѣльной повѣсти «о вѣнчаніи на царство императора Мануила,» равно какъ и повѣсть «о царѣ Амуратѣ.»

Такимъ образомъ, мы видимъ, что описаніе путешествія діакона Игнатія не лишено интереса и занимательности, и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя довольно важныя историческія извѣстія.

Путешествіе Игнатія, какъ важный историческій памятникъ, занесено цѣликомъ въ русскую лѣтопись по никоновскому списку.

---

4. Въ началѣ XV столѣтія странствовалъ по святымъ мѣстамъ троицко-сергіевскій монахъ *Зосима,* и оставилъ также очень подробное описаніе своего путешествія, которое назвалъ по гречески: *Ксеносъ, сирѣчь Странникъ.*

Зосима былъ истинный паломникъ. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ странствованіяхъ отъ одного святаго мѣста до другаго, и смотрѣлъ на свои благочестивыя странствованія, какъ на душеспасательный подвигъ.

Зосима началъ свои странствованія съ Кіева. Изъ Кіева онъ отправился сухимъ путемъ до рѣки Днѣстра; оттуда на кораблѣ онъ вышелъ

въ море, и прибылъ въ Константинополь въ 1425 году, т. е. только за тридцать лѣтъ до взятія византійской столицы Турками.

Изъ Константинополя Зосима поѣхалъ моремъ въ Палестину, и на пути посѣтилъ Афонскую гору,—Солунь (Салоники), гдѣ «поклонился гробу святаго Димитрія мироточиваго» и острова Патмосъ и Хіосъ. А на обратномъ пути изъ Палестины, Зосима былъ на островахъ Кипрѣ и Родосѣ, въ то время, когда на послѣднемъ еще находились рыцари св. Іоанна Іерусалимскаго. Зосима видѣлъ ихъ великаго магистра. Онъ говоритъ: «Тутъ находится отъ папы римскаго *мистръ* (магистръ) великій; всѣ люди у него крестоносцы, носятъ кресты, нашитые на платьяхъ, на лѣвомъ плечѣ.»

«Паломникъ» Даніила послужилъ во многомъ образцемъ іеродіакону Зосимѣ, при составленіи его «Хожденія до Царяграда и до Іерусалима.»

---

5. Отъ XV же столѣтія дошло до насъ одно описаніе путешествія, совершеннаго русскимъ человѣкомъ въ западную Европу. Описаніе это составилъ одинъ изъ спутниковъ митрополита *Исидора*, ѣздившаго, по вопросу объ уніи, на флорентійскій соборъ. Западные города, ихъ строенія, западная природа, и особенно природа Италіи, — все это производитъ живое впечатлѣніе на русскаго путешественника. Въ Любекѣ, Нюренбергѣ и особенно во Флоренціи и Венеціи онъ замѣчаетъ все интересное, и говоритъ обо всемъ съ наивнымъ удивленіемъ; какъ напримѣръ: о палатахъ чудныхъ, о прекрасныхъ садахъ, о томъ, что вода вездѣ проведена и течетъ по трубамъ по всѣмъ улицамъ города и проч. Въ иныхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Нюренбергѣ, ему все казалось такъ хитро, что и «сказать нельзя и недомысленно.»

Во Флоренціи русскаго путешественника заняло преимущественно промышленное производство—выдѣлка бархата *(аксамита)*, краснаго сукна и проч., и масличные сады, гдѣ дѣлаютъ деревянное масло. Не менѣе поражаетъ его видъ Венеціи, и онъ говоритъ о ея лагунахъ, т. е. о томъ, что по всѣмъ улицамъ вода, и ѣздятъ на баркахъ.

---

6. Одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ старинной русской литературы, по части путешествій, представляетъ *Хожденіе за три*

моря (Каспійское, Индійское и Черное) тверскаго купца *Аѳанасія Никитина.* Г. Срезневскій, въ ученомъ изслѣдованіи (*) о *Хожденіи* Никитина, доказываетъ, что описаніе путешествія нашего предпріимчиваго тверитянина, посѣтившаго восточную Индію прежде открытія туда пути Португальцами, имѣетъ европейскую важность. Послѣ извѣстнаго *Марко Поло,* Аѳанасій Никитинъ едва ли не одинъ изъ первыхъ европейскихъ людей, совершившій около 1468 года путешествіе въ глубину Азіи. Подобно Марко Поло, и нашъ Никитинъ составилъ весьма интересныя записки о странахъ отдаленнаго востока, куда завелъ его духъ торговой предпріимчивости, и о которыхъ въ то время въ Европѣ имѣли очень неопредѣленныя свѣдѣнія.

Никитинъ не паломникъ; онъ странствовалъ исключительно съ торговою цѣлью. Съ грузомъ товаровъ своихъ онъ отправился изъ Нижняго Новгорода, вмѣстѣ съ ширванскими послами; но въ устьяхъ Волги былъ ограбленъ астраханскими Татарами, которые отняли у него товары, деньги и даже книги. Не имѣя съ чѣмъ возвратиться въ Русь, такъ какъ у него не осталось ничего изъ товаровъ, Никитинъ съ горя рѣшился пробраться въ Индію, съ дорогимъ жеребцомъ, котораго надѣялся выгодно продать тамъ и, накупивши надобныхъ на Руси товаровъ, возвратиться въ отечество. Но случилось вовсе не такъ: въ Индіи онъ не нашелъ товаровъ, годныхъ для русской земли. «Налгали мнѣ,—говоритъ онъ,—*псы* бусурманы, наговорили, что всякаго *нашего* товару тамъ много, а вышло, что нѣтъ ничего на нашу землю, все товаръ *бѣлый* на бусурманскую землю, перецъ да краски,—это дешево, но за то пошлины большія, да на морѣ разбойниковъ много.» Да къ тому еще, въ *Чунерѣ* ханъ отнялъ у него жеребца и принуждалъ обратиться въ магометанскую вѣру; отъ этой бѣды спасъ Никитина какой-то Магметъ хоросанецъ.

Никитинъ познакомился въ Индостанѣ съ многими туземцами, и когда объявилъ имъ, что онъ не бусурманинъ, а христіанинъ, то они не стали отъ него ничего скрывать, ни о ѣдѣ своей, ни о торговлѣ, ни о молитвахъ. Онъ вступалъ съ ними въ разговоры о ихъ вѣрѣ, и увѣряетъ, что вѣръ въ Индіи *восемдесятъ четыре*, что всѣ вѣруютъ

(*) Учен. записки акад. н. по II отд., кн. 2-я. Г. Срезневскій издалъ при этомъ и самый текстъ путешествія Никитина, снабдивъ его учеными примѣчаніями.

въ *Буду,* но вѣра съ вѣрою ни ѣстъ, ни пьетъ, ни женится; Буда же,—какъ объясняли туземцы Никитину,—это Адамъ и родъ его весь.

Конечно, слова Никитина о 84 вѣрахъ въ Индіи относятся къ дѣленію индійскаго народа на многочисленныя *касты,* строго воздерживающіяся, какъ извѣстно, отъ всякаго между собою общенія.

Свѣдѣнія о религіи индійцевъ, которыя сообщаетъ Никитинъ, были совершенною новостію въ XV стол. не только для Руси, но и для западной Европы.

Никитинъ описываетъ растительность, птицъ, звѣрей и вообще богатство роскошной природы Индостана. Но при этомъ разсказываетъ иногда странныя (вѣроятно, мѣстныя) повѣрья, переданныя ему туземцами. Онъ говоритъ, напримѣръ, что въ Индіи есть какая-то птица *гугукъ*, у которой, когда ее убивали, то изо рта выходило пламя и т. п.

Не менѣе любопытны сообщаемыя Никитинымъ свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ жителей Индостана, о богатствѣ и пышности индійскихъ владѣльцевъ и вельможъ и о бѣдности народа; онъ описываетъ ихъ жилища, одежду, легкіе нравы и т. д.

Но, какъ благовѣрный русскій, Никитинъ встосковался на чужбинѣ, посреди чужихъ вѣръ и народностей. «Мнѣ, рабу Божію, Аѳанасію, сгрустнулось по вѣрѣ,—говоритъ онъ:—уже прошло четыре великихъ поста, четыре свѣтлыхъ воскресенія, а я, грѣшный, не знаю, когда свѣтлое воскресеніе, когда постъ, когда рождество Христово и другіе праздники, не знаю ни середы, ни пятницы.... Пути не знаю, какъ выйти изъ Индостана, вездѣ война!» и проч.

Наконецъ Никитинъ выбралъ путь изъ Индіи черезъ Персію и Азіатскую Турцію; по Черному морю онъ прибылъ въ *Кафу* (Ѳеодосію), а оттуда уѣхалъ на родину.

---

7. Московскіе купцы, *Трифонъ Корабейниковъ* и *Юрій Грековъ* въ 1583 году посланы были Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ ко святымъ мѣстамъ, для совершенія поминовеній и раздачи милостыни по душѣ сына царскаго, Іоанна. Корабейниковъ и Грековъ посѣтили Константинополь, Іерусалимъ и другія мѣста, и составили подробное описаніе своего путешествія, подъ именемъ *Хожденія ко святымъ*

мѣстамъ, которое, по характеру и содержанію своему, сходно съ прежними *хожденіями* ко святымъ мѣстамъ, разсмотрѣнными нами выше.

---

8. Отъ XVII столѣтія къ намъ дошло замѣчательное описаніе путешествія въ Персію, составленное московскимъ «купчиною» *Родіономъ Котовымъ*, и извѣстное подъ именемъ *Хода въ Персидское Царство*.

Родіонъ Котовъ, сколько видно изъ историческихъ свѣдѣній о немъ, былъ смѣлая и предпріимчивая личность изъ тогдашняго московскаго купечества. Когда, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Англичане добывались, чтобы имъ дали дорогу въ Персію по Волгѣ, то царь приказалъ объявить о томъ московскимъ гостямъ и торговымъ людямъ, и спросить ихъ мнѣнія: дать ли дорогу Англичанамъ въ Персію или нѣтъ?— Почти всѣ собранные по этому случаю и спрошенные по одиночкѣ московскіе купцы были противъ дозволенія, опасаясь, чтобы не произошло *помѣшки* и *оскудѣнья* русскимъ людямъ, торговавшимъ съ Персіей, когда тамъ станутъ торговать одни Англичане. Одинъ только Родіонъ Котовъ отвѣчалъ: «Боятся наша братья того: только Англичанамъ дать дорогу въ Персію, и ихъ промыслы станутъ; но этого не угадать, всякому своя часть.... Иные Персіяне станутъ съ Англичанами торговать въ Персіи, а другіе поѣдутъ въ Астрахань; однимъ Англичанамъ своими товарами какъ Персію затворить? Много въ Персіи охочихъ торговыхъ людей, поѣдутъ за русскими товарами.» (*)

Изъ этихъ словъ Котова видно, что ему хорошо было знакомо состояніе персидской торговли. Потому-то онъ въ 1623 году отправился за море, въ персидскую землю, съ осьмью другими товарищами, *въ купчинахъ*, съ государевою казною, и оставилъ намъ довольно обстоятельное и интересное описаніе своего путешествія.

Котовъ описываетъ подробно дорогу въ Персію — моремъ, отъ Астрахани, и — сухимъ путемъ, степью, отъ Терека на Тарки и Дербентъ; говоритъ объ опасностяхъ этого пути отъ Лезгинъ, грабившихъ по дорогамъ и разбивавшихъ купеческіе караваны; разсказываетъ, гдѣ живутъ и какъ управляются Лезгины, и проч. Потомъ пред-

(*) Ист. Рос., Соловьева, т. IX, стр. 188—189.

ставляетъ подробное описаніе персидскихъ городовъ, черезъ которые онъ проходилъ.

Перечислимъ еще имена нѣкоторыхъ другихъ, болѣе извѣстныхъ, путешественниковъ нашихъ XVII столѣтія, оставившихъ описанія своихъ отдаленныхъ странствованій:

9. *Петлинъ*, сибирскій казакъ, описалъ путешествіе, совершенное имъ въ 1620 году, по порученію правительства, отъ Томска до Камчатки.

10. Купецъ *Василій Гагара* ходилъ изъ Казани, черезъ Астрахань и грузинскую землю, въ Іерусалимъ, и оттуда пробрался въ Египетъ: «Въ Египтѣ за Ниломъ рѣкою, говоритъ онъ, подѣланы палаты большія, какъ горы (пирамиды); дѣлалъ ихъ царь Фараонъ, ругаясь надъ Израильтянами; ставилъ ихъ потому, что писано Египту отъ водъ потоплену быть.»

11. *Борисъ Пазухинъ* былъ отправленъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Бухару, Хиву и Балкъ посланникомъ, для извѣданія пути въ Индію. Пазухинъ возвратился въ 1673 г. и составилъ донесеніе о пути, которымъ должны были слѣдовать караваны, назначавшіеся въ Индію; центромъ, куда ихъ слѣдовало направлять, по донесенію Пазухина, долженъ былъ служить *Джанабадъ*, индійская столица.

12. *Арсеній Сухановъ*, іеромонахъ, путешествовалъ два раза на востокъ, по св. мѣстамъ, съ 1649 г. и по 1659 г. по волѣ царя Алексѣя Михайловича и патріарховъ: Іосифа и Никона, посѣтилъ греческіе острова, Іерусалимъ, и вернулся черезъ Грузію и Кавказъ. Описаніе своего путешествія онъ назвалъ *Проскинитарій*, т. е. поклонникъ.

Обозрѣвъ роды словесныхъ произведеній, болѣе другихъ выдающіеся въ нашей старинной литературѣ, т. е. памятники поэтическіе или вообще литературные, памятники историческіе и путешествія, причисленные у насъ къ литературѣ свѣтской, — мы видѣли, что и въ этихъ памятникахъ (кромѣ одного Слова о Полку Игоревѣ) отражается

болѣе или менѣе церковно-религіозный или нравственно-поучительный характеръ. Явное слѣдствіе того, что литературное развитіе древней Руси и вся ея образованность (литература есть всегда необходимая спутница образованности) возникли у насъ и получили первое возбужденіе подъ вліяніемъ христіанства и церкви, и, слѣдственно, подъ вліяніемъ религіозно-церковной, или чисто духовной литературы, которая должна была появиться на Руси первою по времени и удовлетворить первымъ литературнымъ потребностямъ русскаго народа. Намъ, такимъ образомъ, согласно предположенному плану, и слѣдуетъ теперь приступить къ обозрѣнію собственно духовной литературы древней Руси.

ОТДѢЛЪ II.

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Переводъ книгъ св. писанія и начальная переводная литература.

Вліяніе христіанства и грамотность. Христіанство имѣло могущественное и всестороннее вліяніе на древнюю Русь. Вліяніе это обнаружилось вскорѣ послѣ введенія новаго ученія, какъ въ общественной и политической, такъ и въ нравственной и умственной жизни древней Руси. Не слѣдуетъ думать, однако, что христіанство принялось у насъ сразу и быстро распространилось по русской землѣ, по одному лишь желанію и по повелѣнію князя Владиміра,—какъ это представляютъ иные. Лѣтописи и другіе памятники старинной письменности сохранили извѣстія, что вначалѣ христіанство вводилось не безъ борьбы и сопротивленія со стороны народа, не безъ крутыхъ мѣръ со стороны властей духовной и свѣтской. (*) Языческая почва древней Руси, дикая и не обработанная, не была еще готова для воспринятія божественнаго ученія Христова, и потому новая вѣра распространялась въ народѣ шагъ за шагомъ и постепенно, скорѣе впрочемъ на югѣ, въ Кіевѣ, гдѣ уже находились христіане и до Владиміра, чѣмъ на сѣверѣ Руси. Самымъ могущественнымъ средствомъ для торжества новой вѣры послужила грамотность, которою воспользовались Владиміръ святой, потомъ сынъ

(*) Ист. Рос., т. 2, стр. 171, 254, т. 3 см. со стр. 59 и далѣе.

его, Ярославъ, и всѣ первые учители церкви. Лѣтописецъ разсказываетъ, что Владиміръ немедленно послѣ всенароднаго крещенія въ Кіевѣ началъ ставить церкви по городамъ и селамъ и вездѣ поставлять священниковъ, и въ тоже время рѣшился дѣйствовать на молодое поколѣніе посредствомъ грамотности. *Пославъ,* говоритъ лѣтописецъ, *нача поимати у нарочитое чади* (у лучшихъ гражданъ) *дѣти, и даяти нача на ученье книжное; матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣрою, но акы по мертвеци плакахуся.* Дѣтей роздали учиться по церквамъ къ священникамъ. Тоже самое сдѣлалъ преемникъ Владиміра, Ярославъ, въ Новгородѣ: онъ велѣлъ собирать дѣтей у священниковъ и старостъ, и, собравъ ихъ 300 человѣкъ, отдалъ въ ученіе книжное.

Такимъ образомъ, новое ученіе, озаривъ умы язычниковъ истинами святой вѣры, положило и начало грамотности на Руси, внесло къ намъ письменность, безъ которой евангельское ученіе не водворялось ни въ одной странѣ.

Изобрѣтеніе славянскихъ письменъ. Славянскіе первоучители, братья Кириллъ и Меѳодій. Свѣдѣнія о переводѣ св. писанія на церковнославянскій языкъ и о внесеніи этого перевода въ Россію. По древнѣйшему сказанію черноризца *Храбра,* (*) Славяне, до принятія христіанства, не имѣли письменъ и употребляли какія-то начертанія: «Прежде Славяне, говоритъ Храбръ, не имѣли книгъ, *но чертами и рѣзами писали и гадали;* были они въ то время *погани* (язычники), крестившись же, стали писать римскими и греческими письменами. Потомъ, человѣколюбивый Богъ, помиловавъ родъ славянскій, послалъ къ нему святаго *Константина философа,* нарицаемаго *Кирилломъ,* который и создалъ для нихъ письмена, *тридесять и осмь* (т. е. числомъ 38 буквъ)—*ова* (однѣ) *убо по чину греческихъ письменъ, ова* (а другія) *по словеньстѣй рѣчи.*» Это свидѣтельство черноризца Храбра, подтверждаемое преданіями всѣхъ славянскихъ народовъ, доказано неопровержимо всѣми учеными изысканіями позднѣйшихъ из-

---

(*) Черноризецъ Храбръ жилъ въ концѣ IX или въ началѣ X столѣтія и оставилъ сочиненіе *О письменехъ.* См. О времени происхожденія славянскихъ письменъ, соч. О. Бодянскаго, М. 1855 г.

слѣдователей славянской старины, (*) и признано несомнѣннымъ, что два ученые Грека, уроженцы города Солуня (Салоники, или Ѳессаланики) *Константинъ*, въ монашествѣ названный *Кирилломъ*, и *Меѳодій*, приступивъ въ половинѣ IX столѣтія къ переводу св. писанія на славянскій языкъ, нашли необходимымъ составить славянскую азбуку. Тогда же одинъ изъ братьевъ, Кириллъ, и изобрѣлъ азбуку для Славянъ, которая по его имени называется *кирилловскою*, или *кириллицею*, въ отличіе отъ другой, также очень древней, славянской азбуки, извѣстной подъ именемъ *глаголитской*, *глагольской*, или просто *глаголицы*. (**) Св. Кириллъ, при изобрѣтеніи славянскихъ буквъ, взялъ въ основаніе буквы греческаго алфавита, приноровивъ къ нимъ звуки славянскаго языка; а для прочихъ славянскихъ звуковъ, которыхъ въ греческой азбукѣ не имѣется, онъ принялъ частію начертанія изъ другихъ алфавитовъ, частію изобрѣлъ новыя.

Кириллъ и Меѳодій родились и воспитывались въ странѣ, населен-

(**) Между ними болѣе замѣчательны изслѣдованія: у западныхъ Славянъ — *Шаффарика* и аббата *Добровскаго*, а у насъ—*К. Калайдовича*, *Востокова*, преосв. *Филарета* (епископа рижскаго), *Горскаго*, *Срезневскаго*, *Билярскаго* и *Бодянскаго*.

(***) Глаголица называется еще *іеронимовскою* азбукою и *буквицею*. Начертанія глагольскихъ буквъ примѣтно взяты изъ кириллицы, и только переиначены умышленно. Этого мнѣнія долго держался и знаменитый славянистъ Шаффарикъ, но въ послѣднемъ сочиненіи своемъ (Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus. Prag. 1858), находясь подъ вліяніемъ католицизма, онъ рѣшительно утверждаетъ, что Кириллъ изобрѣлъ собственно *глагольскія* письмена (допущенныя латинскою церковію и всегда находившіяся подъ покровительствомъ Рима), а что грекославянская азбука, извѣстная подъ именемъ *кириллицы*, принадлежитъ св. Клементу болгарскому, одному изъ учениковъ Кирилла, бывшему архіепископомъ въ Болгаріи въ концѣ IX и въ началѣ X в. Въ своихъ прежнихъ сочиненіяхъ о томъ же предметѣ, Шаффарикъ принималъ, вмѣстѣ съ ученымъ аббатомъ Добровскимъ и другими, что глаголица есть ничто иное, какъ выдумка славяно-католическаго духовенства; но затѣмъ, чтобы придать ей большее значеніе, изобрѣтеніе ея приписали св. Іерониму, одному изъ отцевъ церкви IV столѣтія. — Глагольская азбука, не имѣющая никакого сходства съ начертаніемъ греческихъ буквъ и не вошедшая, вслѣдствіе своего неудобства и безобразія, во всеобщее употребленіе у Славянъ, уже по этому одному не можетъ быть приписываема такому знаменитому ученому (и притомъ Греку), каковъ былъ св. Кириллъ, прозванный за свою ученость Константиномъ философомъ. Впрочемъ, послѣднее мнѣніе Шаффарика, какъ намъ кажется, весьма основательно опровергнуто въ превосходной статьѣ нашего ученаго, г. Гильфердинга: «Кириллъ и Меѳодій,» появившейся въ прошломъ году въ газ. *День*, см. №№ 25, 28, 29, 30 и 31.

ной Славянами, и обстоятельство это играло, конечно, важную роль въ ихъ высокой миссіи просвѣтителей славянскихъ народовъ. Отецъ ихъ, по имени Левъ, происходилъ изъ знатной фамиліи, былъ богатъ и занималъ важную должность въ Солуни, главномъ городѣ Македоніи, которая была тогда преимущественно страною славянскою (и въ настоящее время большинство населенія Македоніи составляютъ Славяне, т. е. македонскіе Болгары). Старшій изъ братьевъ, Меѳодій, занималъ должность, еще болѣе важную, чѣмъ отецъ, будучи гражданскимъ правителемъ и военачальникомъ въ одной части Македоніи, именно въ той части, которая по своему исключительно-славянскому населенію, называлась у византійцевъ *Славиніей*. (*) Младшій же братъ, Константинъ, (въ монашествѣ Кириллъ) еще въ молодости взятъ былъ въ Константинополь ко двору, воспитывался вмѣстѣ съ императоромъ Михаиломъ, и получилъ блестящее и основательное, какъ свѣтское, такъ и духовное образованіе, какое только возможно было получить въ то время въ Византіи. Его наставникомъ, а потомъ другомъ, былъ знаменитый Фотій (**) (впослѣдствіи патріархъ). Кириллъ отличался рѣдкими способностями, знаніемъ многихъ языковъ и необыкновенною ученостію, рано поступилъ въ монашество и посвятилъ всю свою жизнь на проповѣдываніе евангельскаго ученія между язычниками. Подъ вліяніемъ младшаго брата, и старшій, Меѳодій, бросилъ свѣтское званіе и вступилъ въ монашество, промѣнявъ власть правителя области и военачальника на отшельничество въ монастырѣ, на горѣ Олимпѣ, гдѣ онъ предался прилежному изученію книгъ, и такимъ образомъ, приготовилъ себя для высокой дѣятельности вмѣстѣ съ братомъ на поприщѣ христіанскаго миссіонерства.

Первую миссію, подробности которой извѣстны, Кириллъ совершилъ, по порученію императора, въ *Козарію* (нынѣшній Крымъ и сопредѣльныя съ нимъ страны), въ сообществѣ съ братомъ Меѳо-

(*) См. газ. «День» № 25.

(** Патріархъ Фотій извѣстенъ въ исторіи тѣмъ, что при немъ начался разрывъ между Византіей и Римомъ, который вскорѣ привелъ къ раздѣленію церкви на восточную и западную. Фотій былъ человѣкъ рѣдкаго ума, обладалъ обширною ученостію и замѣчательнымъ даромъ краснорѣчія. Онъ возведенъ былъ на патріаршій престолъ прямо изъ свѣтскаго званія, а до того состоялъ въ должности перваго государственнаго секретаря при императорѣ Михаилѣ и былъ посылаемъ въ Персію съ дипломатическимъ порученіемъ отъ византійскаго двора.

діемъ, котораго онъ упросилъ сопутствовать ему къ Козарамъ, *зане* (потому что) *умљаше языкъ словеньскъ*, какъ сказано въ одномъ краткомъ житіи (прологѣ) св. Кирилла. Нѣтъ сомнѣнія, что и самъ Кириллъ владѣлъ языкомъ славянскимъ, какъ своимъ роднымъ, и г. Гильфердингъ справедливо полагаетъ, что, при своей миссіи въ Козарію, братья имѣли въ виду именно проповѣдь между Славянами, населявшими страны нынѣшней южной Россіи. (*) Одна часть этихъ Славянъ, какъ извѣстно изъ Несторовой лѣтописи, платила дань Козарамъ. Такимъ образомъ, есть поводъ допустить, что непосредственная проповѣдь знаменитыхъ славянскихъ апостоловъ коснулась и южныхъ предѣловъ нашего отечества, и можетъ быть, Славяне, обитавшіе въ при-черноморскихъ и въ при-азовскихъ странахъ, еще задолго до крещенія Руси при Владимірѣ, какъ думаетъ г. Гильфердингъ, получили отъ нихъ первые начатки грамотности и христіанства. На пути изъ Константинополя въ Крымъ (Кириллъ пробылъ въ *Херсонѣ*, или *Херсонисеѣ,* нѣкоторое время, и готовился здѣсь къ козарской миссіи), а оттуда къ ставкѣ козарскаго хана, солунскіе братья должны были встрѣтить значительныя славянскія поселенія, которымъ, вѣроятно, проповѣдывали евангеліе на славянскомъ языкѣ, такъ хорошо имъ знакомомъ.

Непосредственно за путешествіемъ Кирилла и Меѳодія къ Козарамъ, послѣдовала миссія обоихъ братьевъ въ Болгарію, гдѣ они крестили болгарскаго царя Богориса, или Бориса (въ крещеніи Михаила) и распространили христіанство во всей подвластной ему державѣ.

Наконецъ миссіей къ западнымъ Славянамъ, въ Моравію, послѣдовавшей въ 862 году, завершаются подвиги миссіонерства Кирилла и Меѳодія между славянскими народами. Дѣятельность солунскихъ братьевъ въ Моравіи была весьма обширна и продолжительна. — Ихъ ревность въ распространеніи слова Божія между язычниками, ихъ стремленіе къ передачѣ истинъ евангельскихъ народамъ славянскимъ на ихъ родномъ языкѣ и къ распространенію между ними просвѣщенія, наконецъ ихъ борьба съ латинскимъ духовенствомъ и гоненія, которымъ они подверглись со стороны Рима, — все это ярко рисуетъ возвышен-

(*) Г. Гильфердингъ говоритъ, что, по соображенію всѣхъ данныхъ, путешествіе Кирилла и Меѳодія въ Козарію должно относиться къ 858 году.

ный характеръ и высоко-христіанское направленіе дѣятельности первоучителей славянскихъ, и указываетъ на тѣ безсмертныя заслуги, которыя они оказали всему славянскому міру.

Разсказъ о призваніи Кирилла и Меѳодія въ Моравію помѣщенъ и въ нашей первоначальной, или Несторовой лѣтописи. Лѣтописецъ почерпнулъ этотъ разсказъ, полагаютъ, изъ житія св. Кирилла и Меѳодія, приписываемаго Клименту болгарскому, ученику Кирилла. Въ лѣтописи говорится, что Славяне, жившіе подъ властію князей (моравскихъ) Ростислава, Святополка и Коцела, хотя и были крещены, но нуждались въ учителѣ, который бы *поучалъ* ихъ и *протолковалъ* имъ святыя книги; потому названные князья обратились къ греческому императору Михаилу съ просьбою прислать имъ такого учителя. Выборъ императора палъ на солунскихъ братьевъ, такъ какъ они *разумѣли* славянскій языкъ и были очень учены, (*) и онъ упросилъ ихъ отправиться къ Славянамъ. Событіе это относятъ къ 862 году.

Прибывъ въ Моравію, Кириллъ и Меѳодій ревностно предались дѣлу проповѣдыванія евангелія между Славянами, вводили у нихъ вездѣ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, по обряду греческой церкви, и распространяли славянскій переводъ священныхъ книгъ. Такъ какъ раздѣленія церквей еще не послѣдовало, то папа Адріанъ II не препятствовалъ введенію у Славянъ богослуженія на ихъ родномъ языкѣ и распространенію между ними славянскаго перевода св. книгъ, сдѣланнаго братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Онъ, напротивъ, поощрилъ ихъ дѣятельность, и старшего изъ братьевъ возвелъ въ санъ архіепископа, а меньшаго сдѣлалъ епископомъ. Но первый вскорѣ умеръ, воспріявъ передъ смертію схиму и имя Кирилла, а Меѳодій, въ званіи епископа Панноніи (Венгріи) и Моравіи, правилъ паствою, послѣ смерти брата, еще около десяти лѣтъ, усердно распространяя между Славянами переводъ св. книгъ и богослуженіе на ихъ отечественномъ языкѣ. Это и было главною причиною тѣхъ безпрестанныхъ гоненій и преслѣдованій и той борьбы, которую Кириллъ и Меѳодій вели въ

(*) *Философы,* т. е. ученые, которыхъ, по словамъ нашего лѣтописца, императоръ Михаилъ призвалъ на совѣтъ по поводу посольства моравскихъ князей, сказали императору: «есть мужъ въ Селуни, именемъ Левъ, суть у него сынове, разумиви языку словѣньску, хитра (т. е. мудрые) два сына у него философа.»

теченіе всей многотрудной жизни между Славянами на западѣ съ латинскимъ духовенствомъ. Даже въ житіи святыхъ первоучителей, составленномъ у западныхъ Славянъ (въ т. н. *Панонскихъ житіяхъ*) говорится, что они смѣло отвергали *ересь триязычниковъ*, т. е. ученіе, усвоенное римскою церковью, что чтеніе св. писанія и богослуженіе должно происходить на трехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ. Не смотря, однако, на гоненія, Меѳодій неутомимо продолжалъ свою миссіонерскую дѣятельность. Около 871 года онъ крестилъ Боривая, правителя Чехіи, и при немъ послѣдовало окончательное введеніе христіанства въ этой странѣ. Непосредственная проповѣдь Меѳодія коснулась Силезіи и Польши, какъ принимаетъ знаменитый историкъ польскій, Іоахимъ Лелевель. Меѳодій повсюду вводилъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ, по обрядамъ восточной церкви; отчего любовь къ нему Славянъ и вліяніе его ученія между ними постоянно возрастали.

Но въ продолжительной борьбѣ съ латинствомъ изнемогъ наконецъ и Меѳодій, и окончилъ свою труженическую жизнь въ *Велеградскомъ* монастырѣ, въ Моравіи, близъ *Градища*, недалеко отъ венгерской границы, гдѣ въ IX вѣкѣ была столица великихъ князей моравскихъ и архіепископская каѳедра самого Меѳодія.

Такова была жизнь и таковъ былъ характеръ дѣятельности знаменитыхъ солунскихъ братьевъ, посвятившихъ себя всецѣло, отдавшихъ всѣ свои силы и знанія на развитіе духовной самостоятельности славянскаго народа. Они всю жизнь боролись и ратовали за то великое начало, что книжное ученіе и пониманіе вѣры и ея обрядовъ назначено для всего народа, а не должно быть достояніемъ лишь немногихъ.

Вотъ почему всѣ Славяне, и восточные и западные, благоговѣйно чтутъ память своихъ великихъ и святыхъ первоучителей. Кириллъ и Меѳодій — учители всеславянскіе, положившіе начало христіанскому просвѣщенію и литературѣ во всемъ славянскомъ мірѣ.

Но ихъ великое дѣло, т. е. изобрѣтенныя ими славянскія письмена и переводъ св. книгъ, на западѣ погибло вскорѣ послѣ ихъ смерти. Уже въ началѣ X вѣка славянское богослуженіе, введенное ими, было осуждено и воспрещено у западныхъ Славянъ, по повелѣніямъ папскаго престола. Ихъ ученики были изгнаны изъ Моравіи латинскимъ ду-

ховенствомъ, а всѣ ихъ труды, предпринятые для просвѣщенія Славянъ, осуждены, какъ ересь и искоренены совершенно въ тѣхъ земляхъ, которыя такъ долго оглашались ихъ апостольскимъ словомъ. Славянская азбука, изобрѣтенная Кирилломъ, и сдѣланный солунскими братьями переводъ священнаго писанія, нынѣ остались только у Славянъ восточныхъ, т. е. у Болгаръ, у Сербовъ и у Русскихъ.

Вопросы о томъ, въ какое время и гдѣ изобрѣтена была Кирилломъ славянская азбука, или другими словами, — для какихъ Славянъ первоначально и на которое изъ славянскихъ нарѣчій перевели Кириллъ и Меѳодій св. писаніе, — вопросы эти подали поводъ къ различнымъ мнѣніямъ и заключеніямъ, и до сихъ поръ считаются нерѣшенными окончательно въ ученомъ мірѣ.

Еще недавно почти всѣ извѣстные славянисты, и самъ Шаффарикъ, (*) полагали, что изобрѣтеніе славянскихъ письменъ, называемыхъ кирилловскими, и предпринятый Кирилломъ и Меѳодіемъ переводъ св. книгъ съ греческаго на *церковнославянскій* языкъ, были совершены ими въ Македоніи для тамошнихъ Славянъ, языкъ которыхъ, по своимъ діалектическимъ особенностямъ, стоитъ ближе всѣхъ другихъ славянскихъ нарѣчій къ языку церковнославянскому, въ его древнѣйшихъ памятникахъ. На этомъ основаніи, и самую эпоху изобрѣтенія Кирилломъ славянскихъ письменъ относили къ 855 году, который показанъ и въ названномъ выше сочиненіи черноризца Храбра. Такимъ образомъ, къ числу странъ, на которыя простиралась непосредственно апостольская дѣятельность Кирилла и Меѳодія, относили не однѣ только земли западныхъ славянъ: Моравію, Паннонію, Чехію и часть Польши, но и Македонію и Болгарію, и притомъ — Македонія почиталась родиною изобрѣтенія славянскихъ письменъ и перевода св. писанія. Въ послѣднее же время нѣкоторые славянскіе писатели на западѣ, защитники интересовъ католицизма, въ видахъ религіозно-политическихъ, стали утверждать, что Кириллу принадлежитъ изобрѣтеніе не тѣхъ письменъ, которыя приписываютъ ему всѣ восточные Славяне (т. е. кириллицы), но что имъ озобрѣтена *глаголица*, которая, равно какъ и славянскій переводъ св. книгъ

(*) См. Славянскія древности, П. І. Шаффарика, пер. съ чешскаго *Бодянскимъ.* Изд. 2, 5 ч. м. 1848 г. см. ч. 2, стр. 293, 310 и друг.

(писанный глаголицей), по увѣренію этихъ писателей, совершены трудами солунскихъ братьевъ уже по прибытіи ихъ въ Моравію, въ 862 году, собственно для западныхъ Славянъ. На сторону этого мнѣнія, отрекшись отъ прежнихъ убѣжденій своихъ, сталъ въ послѣднемъ сочиненіи своемъ и Шаффарикъ. (*) Но не смотря на ученый авторитетъ этого извѣстнаго славяниста, ложность его послѣдняго мнѣнія, по поводу изобрѣтенія славянской азбуки и перевода св. книгъ, открыта весьма осязательно въ указанной выше статьѣ г. Гильфердинга: «Кириллъ и Меѳодій».

И такъ, естественнѣе всего принимать, основываясь на древнѣйшемъ сказаніи черноризца Храбра, что письмена, принятыя всѣми Славянами, принадлежащими къ восточной церкви, изобрѣтены Кирилломъ въ 855 году. Что же касается до перевода книгъ св. писанія и книгъ богослужебныхъ, то, безъ сомнѣнія, Кириллъ и Меѳодій должны были перевести ихъ на языкъ тѣхъ Славянъ, посреди которыхъ они родились, жили, и дѣйствовали въ первую эпоху своей миссіонерской дѣятельности, т. е. посреди Славянъ Македоніи, языкъ которыхъ имъ былъ какъ родной. Въ житіи св. Меѳодія, императоръ Михаилъ, отправляя братьевъ въ Моравію, говоритъ имъ: «Вы бо еста селунянина, да селуняне все чисто словеньскы бесѣдуютъ:» — «очевидно, замѣчаетъ г. Гильфердингъ, что нарѣчіе славянское, которое они знали, *какъ солуняне*, было нарѣчіе македонское.» (**)

Такимъ образомъ, первоначальный переводъ священныхъ книгъ съ греческаго на славянскій языкъ сдѣланъ Кирилломъ и Меѳодіемъ на нарѣчіи македонскихъ Славянъ или Болгаръ. Этотъ, уже готовый переводъ свой, они конечно принесли потомъ въ собственую Болгарію, при обращеніи въ христіанство жителей этой страны, а наконецъ, и къ

(*) У насъ, преосвящ. Макарій и Филаретъ и г. Бодянскій, въ своихъ ученыхъ изслѣдованіяхъ о Кириллѣ и Меѳодіи, строго придерживаясь нѣкоторыхъ древнихъ сказаній, также соглашаются съ Шаффарикомъ въ томъ, что славянскія письмена (кирилловскія) изобрѣтены не ранѣе 862 года, слѣдственно составлены Кирилломъ по прибытіи въ Моравію. Но такому предположенію противорѣчитъ не только прямое указаніе черноризца Храбра, спеціально посвятившаго свое сочиненіе изобрѣтенію славянскихъ письменъ, но и вся предшествовавшая миссіонерская дѣятельность Кирилла и Меѳодія между восточными Славянами.

(**) Газ. «День,» № 29.

западнымъ Славянамъ. Между нарѣчіями славянскими въ то время не существовало еще значительной разницы, и языкъ перевода св. книгъ, сдѣланнаго Кирилломъ и Меѳодіемъ, былъ понятенъ для всѣхъ Славянъ, и сдѣлался, такимъ образомъ, общеславянскимъ богослужебнымъ языкомъ. Сохранившись до настоящаго времени въ богослужебныхъ книгахъ, языкъ этотъ получилъ названіе *церковнославянскаго.*

Неизвѣстно съ точностію, какія изъ книгъ св. писанія переведены были первоначально Кирилломъ и Меѳодіемъ. Въ Несторовой лѣтописи говорится, что они *преложили апостолъ* и *евангеліе,* а потомъ *псалтирь, октоихъ* «и прочая книги.» Далѣе затѣмъ въ лѣтописи сказано, что Меѳодій «посади два попа скорописца зѣло, *и приложи вся книги исполнь* (сполна) отъ гречьска языка въ словенескъ *6-ю мѣсяць,*» и проч. (Весь этотъ трудъ, по сказанію лѣтописи, братья совершили уже, прибывъ въ Моравію). Но изъ этого извѣстія лѣтописи скорѣе слѣдуетъ заключить, что здѣсь дѣло идетъ о *перепискѣ* перевода св. книгъ, сдѣланнаго Меѳодіемъ, а не о самомъ переводѣ, ибо такой трудъ, какъ переводъ *всѣхъ сполна* св. книгъ Меѳодій не могъ совершить въ теченіе шести мѣсяцевъ, какъ передаетъ нашъ лѣтописецъ. Приведенныя слова лѣтописи служатъ, по нашему мнѣнію, новымъ подтвержденіемъ мысли г. Гильфердинга, что Кириллъ и Меѳодій принесли съ собою въ Моравію уже готовый переводъ св. книгъ, и посредствомъ переписыванія, заботились о возможно большемъ распространеніи своего перевода между западными Славянами.

Славянскій переводъ св. писанія и церковныхъ книгъ, совершенный Кирилломъ и Меѳодіемъ, внесенъ былъ и къ намъ, вмѣстѣ съ христіанской вѣрой, и внесенъ, вѣроятно, еще при появленіи первыхъ христіанъ на Руси, задолго до всеобщаго крещенія Руси при св. Владимірѣ. (*) Съ священными и богослужебными книгами проникали къ

(*) Подлинныхъ рукописей св. писанія, писанныхъ Кирилломъ и Меѳодіемъ, къ намъ не дошло; но у насъ сохранились очень древніе списки. Важнѣйшимъ изъ нихъ почитается т. н. *Остромирово евангеліе,* переписанное въ Новгородѣ, дьякономъ Григоріемъ въ 1056—1057 г. для новгородскаго посадника *Остромира.* Евангеліе это принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ церковнославянской письменности вообще, и содержитъ въ себѣ евангельскія чтенія, расположенныя

намъ въ одно время и дѣлались у насъ извѣстными и другія произведенія византійской литературы, преимущественно духовнаго содержанія, какъ-то: творенія святыхъ отцевъ, толкованія на св. писаніе и т. д., переводы которыхъ сдѣланы были у Болгаръ и другихъ Славянъ, ранѣе обращенія Руси въ христіанство. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ къ намъ перешла уже цѣлая славянская литература, (почти исключительно духовнаго содержанія) переводная съ греческаго. Эта занесенная къ намъ, готовая литература имѣла, безъ сомнѣнія, большое значеніе при развитіи на Руси христіанской образованности и послужила родоначальницей той переводной и оригинальной духовной литературы, которая мало по малу начала развиваться и на Руси съ X и XI столѣтія. Потому, мы назовемъ нѣкоторые изъ церковнославянскихъ литературныхъ памятниковъ, хотя и не принадлежащихъ собственно къ *русской* литературѣ, но перешедшихъ къ намъ въ готовыхъ славянскихъ переводахъ еще въ первую эпоху христіанства и имѣвшихъ большое вліяніе на развитіе нашей собственной духовной литературы.

Къ важнѣйшимъ изъ нихъ принадлежатъ: 1) *Изборники* Святослава, о которыхъ мы говорили выше. 2) Произведенія *Іоанна, экзарха болгарскаго:* а) *Шестодневъ*, или разсужденіе о сотвореніи міра, написанное въ подражаніе Василію Великому и другимъ отцамъ церкви. Въ сочиненіи этомъ заключаются многія свѣдѣнія о природѣ и ея явленіяхъ и изложены ихъ объясненія, конечно, съ христіанской точки зрѣнія, но при этомъ приведены и нѣкоторыя мнѣнія о природѣ Пиѳагора, Платона и другихъ языческихъ философовъ. Шестодневъ былъ весьма распространенъ у насъ въ старину, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе списки и выписки изъ него, сохранившіеся въ разныхъ библіотекахъ и старинныхъ сборникахъ. б) Переводъ богословія Іоанна Дамаскина. в) Переводъ его же діалектики и грамматики, примѣненной къ свойствамъ славянскаго языка, и друг. 3) Сборникъ, подъ именемъ *Златоструй*, заключающій въ себѣ переводъ избранныхъ словъ Іоанна Златоуста и нѣкоторыя другія духовныя сочиненія. 4) Переводъ сочи-

понедѣльно, какъ они читаются при богослуженіяхъ. Остромирово евангеліе издано Востоковымъ въ 1843 году, съ присовокупленіемъ къ нему краткаго словаря и грамматическихъ правилъ церковнославянскаго языка.

ненiй св. Григорiя Назiанзина. 5) Поученiя и слова, приписываемыя Кириллу, Меѳодiю и Клименту болгарскому, и проч. Вообще, число перешедшихъ къ намъ отъ южныхъ Славянъ переводовъ, должно полагать, было довольно значительно уже въ концѣ IX и въ X столѣтiи. Мы упоминали выше, что въ это время, или не позже XI в., былъ извѣстенъ у насъ греческiй сборникъ *Палея,* изъ котораго уже первый лѣтописецъ нашъ заимствовалъ нѣкоторые изъ своихъ разсказовъ.

Книги эти у насъ усердно списывались и распространялись, въ особенности послѣ основанiя Кiевопечерскаго и другихъ монастырей, ставшихъ главными центрами, откуда исходило христiанское просвѣщенiе на всю новообращенную Русь. Въ монастыряхъ, кромѣ усерднаго списыванiя церковно-литературныхъ произведенiй съ готовыхъ переводовъ, предприняты были въ тоже время и собственно русскiе переводы съ греческаго,—и скоро переводная духовная литература наша становится весьма обширною. Житiя святыхъ, или *патерики*, поученiя знаменитыхъ отцевъ церкви, толкованiя св. писанiя, богослужебныя книги, номакононы, или церковные уставы, словомъ все, что только не было принесено къ намъ изъ Болгарiи и отъ другихъ Славянъ въ готовыхъ славянскихъ переводахъ, дѣятельно переводилось у насъ въ Кiевѣ и въ другихъ мѣстахъ—духовными, а отчасти и свѣтскими людьми, къ тоторымъ принадлежали и князья. Въ монастыряхъ же любовь къ книгамъ и къ *ученiю книжному* была развита въ значительной степени. На это мы имѣемъ прямыя свидѣтельства начальнаго лѣтописца. Онъ говоритъ, что преподобн. Ѳеодосiй день и ночь писалъ книги въ своей кельѣ и самъ прялъ нитки, нужныя для переплета книгъ, а Никонъ великiй сшивалъ и переплеталъ ихъ, занимаясь въ тоже время перепискою книгъ; другой черноризецъ, Илларiонъ, былъ весьма искусенъ въ списыванiи книгъ, а преподобн. Григорiй чудотворецъ ничего у себя не имѣлъ, кромѣ книгъ. Самъ лѣтописецъ нашъ вотъ какъ говоритъ о книгахъ: «Велика бо бываетъ польза отъ ученья книжнаго, книгами бо кажеми и учеми есмы покаянью, мудрость бо обрѣтаемъ и въздержанiе отъ словесъ книжныхъ; се бо суть рѣкы, напояющи вселеную, се суть исходища (источники) мудрости; книгамъ бо есть несчетная глубина, сими бо въ печали

утѣшаеми есмы, си суть узда въздержанію.» Такою же любовію къ книгамъ, по сказанію лѣтописца, отличались и многіе изъ первыхъ князей русскихъ. О Владимірѣ онъ говоритъ, что онъ любилъ слушать «словеса книжныя», хотя и не былъ грамотенъ самъ. Особенною же любовію къ чтенію и распространенію книгъ изъ сыновей Владиміра отличались Борисъ и Ярославъ. О послѣднемъ лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что онъ весьма любилъ книги, прилежно читалъ ихъ днемъ и ночью, собралъ много переписчиковъ и велѣлъ переводить книги съ греческаго на славянскій языкъ: «онъ засѣялъ — говоритъ лѣтописецъ — словами книжными сердца вѣрующихъ.» Любя книги и собравъ ихъ множество, Ярославъ положилъ ихъ на храненіе въ кіевскомъ храмѣ св. Софіи. Изъ другихъ князей, ревнителей христіанскаго просвѣщенія на Руси, упоминаются въ лѣтописяхъ Святославъ черниговскій, любившій церковныя книги и хранившій ихъ у себя «въ клѣтѣхъ;» Всеволодъ Ярославичъ, который говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ, какъ мы знаемъ изъ сочиненій сына его, Владиміра Мономаха, отличавшагося въ свою очередь большою религіозною начитанностію; св. Евфросинія, княжна полоцкая, которая трудилась день и ночь надъ списываніемъ церковныхъ книгъ; Святославъ Давыдовичъ, прозванный *Святошей*, который собиралъ книги и подарилъ ихъ Кіевопечерскому монастырю; Константинъ Всеволодовичъ, который часто и прилежно читалъ книги, имѣлъ очень много старинныхъ греческихъ книгъ и заставлялъ переводить ихъ на русскій языкъ,— и другіе.—Но по этимъ фактамъ, равно какъ и по тому, что Владиміръ и Ярославъ брали отроковъ у бояръ и священниковъ и отдавали ихъ въ ученіе книжное, едва ли можно заключить, по примѣру пр. Макарія и другихъ, «что книжное образованіе и письменность были у насъ тогда (т. е. въ XI и XII стол.) довольно распространены.» (*) Христіанская образованность и письменность развивались у насъ въ первое время преимущественно въ монастыряхъ (Кіевопечерскомъ и другихъ), между духовенствомъ и отчасти въ семействахъ княжескихъ, но крайне слабо проникали въ народъ: масса народа не только въ первое время, но и надолго еще оставалась неграмотною. Письменность и образованіе развивались вообще въ средѣ самаго народа чрезвычайно медленно.

(*) Исторія русск. церкви II, 170.

Наряду съ приведенными выше, отрадными фактами о любви къ книгамъ и о стремленіи къ просвѣщенію духовенства и князей, мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и противоположныя извѣстія о невѣжествѣ и безграмотности народа, и даже высшихъ классовъ его, бояръ и самихъ князей. Если еще въ XIV столѣтіи встрѣчаются князья не книжные и не грамотные, какими, напримѣръ, были, по свидѣтельству памятниковъ, знаменитѣйшій изъ русскихъ князей того времени, Димитрій Донской и Василій Темный, (*) то тѣмъ болѣе подобные факты малаго развитія грамотности во всѣхъ классахъ народа, за исключеніемъ духовенства и нѣкоторыхъ князей, должны были встрѣчаться въ XI — XII стол. Вообще, школамъ, которыя заводили первые русскіе князья и тѣмъ, можно сказать, изолированнымъ фактамъ о любви къ книгамъ и о стремленіи нѣкоторыхъ князей къ распространенію грамотности, нѣкоторые историки русской литературы и русской церкви до сихъ поръ придавали слишкомъ большое значеніе. Первыя школы заводились почти исключительно для приготовленія будущихъ членовъ русскаго духовенства. Мы имѣемъ на это прямыя указанія письменныхъ памятниковъ того времени. Смоленскій князь, Романъ Ростиславичъ, сказано въ одной лѣтописи, устраивалъ на свой счетъ училища и принуждалъ многихъ людей къ ученію *затѣмъ, что не хотѣлъ имѣть у себя священниковъ неученыхъ.* (**) Грамотѣ учили преимущественно тѣхъ, кого готовили въ священники, число которыхъ въ первое время естественно не могло быть велико: первые іерархи русской церкви и первые священники были Греки и частію Славяне, присланные изъ Греціи и изъ Болгаріи; но, по всей вѣроятности, ихъ все же было недостаточно, и потому при церквахъ, монастыряхъ и при дворахъ епископскихъ учреждались школы, гдѣ учили грамотѣ пришлые священники, и обучившіеся, такимъ образомъ, русскіе юноши въ свою очередь дѣлались священниками и учителями.

Письменность и книжное образованіе, съ теченіемъ времени, конечно усиливались и развивались на Руси, но развивались постепенно

(*) См. Ист. Рос., Соловьева, т. III, стр. 386, и т. IV, стр. 376. Въ житіи Димит. Дон. сказано: «аще и книгамъ неученъ бѣаше (былъ) добрѣ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имяше.» О Василіѣ Темномъ говорится прямо, что онъ былъ не книженъ и не грамотенъ.

(**) Тамъ-же, т. III, стр. 88.

и болѣе всего въ средѣ духовенства, рано сознавшаго необходимость образованія для своего сословія. Въ народѣ же число грамотниковъ въ первое время было весьма не велико. Самыя книги, которыя переводились съ греческаго на славянскій языкъ, какъ произведенія развитой византійской духовной литературы, были вначалѣ мало понятны для народа по своему внутреннему содержанію. Священники наставляли народъ въ вѣрѣ изустно, читали въ церквахъ поученія и проповѣди, объясняющія св. писаніе. Потому, первыя переводныя книги, послѣ книгъ св. писанія и богослужебныхъ, попреимуществу были объясненія и толкованія отцевъ церкви на слова св. писанія; да и самыя св. книги,—вѣтхозавѣтныя—псалтирь и друг., а изъ новозавѣтныхъ — апостолъ—были наиболѣе распространены въ спискахъ *толковыхъ*, то есть съ вышеупомянутыми толкованіями и объясненіями на текстъ. Толкованія эти читались въ первое время въ русскихъ церквахъ народу. Такъ съ XI вѣка читалось въ церквахъ толкованіе св. Епифанія Кипрскаго (одинъ изъ отцевъ церкви и греческій духовный писатель IV вѣка) на книгу бытія. (*) Но и въ этихъ толкованіяхъ и поученіяхъ церковныхъ не все могло быть доступно новообращенному и малограмотному или вовсе безграмотному народу: «настроенный къ миѳической персонификаціи (олицетворенію, — вслѣдствіе своихъ старинныхъ языческихъ вѣрованій) народъ — говоритъ авторъ указанной статьи—легко могъ понимать буквально всѣ образныя выраженія церковныхъ книгъ и принимать ихъ за физическую дѣйствительность.» (**) Но съ умноженіемъ монастырей и числа собственно русскаго духовенства, духовенства, выходившаго изъ народа, грамотность и христіанское просвѣщеніе все болѣе и болѣе расширялись и болѣе проникали въ народныя массы. Русское духовенство неутомимо трудилось надъ религіознымъ образованіемъ народа; оно старалось о распространеніи грамотности, съ цѣлію знакомить народъ съ письменными произведеніями, въ которыхъ излагались основныя истины христіанства, въ которыхъ объяснялось и раскрывалось вѣроученіе христіанское

(*) Журн. Мин. Нар. Пр., январь 1863 г. Статья: «Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія,» стр. 5.

(**) Какъ напримѣръ, слѣдующія выраженія нѣкоторыхъ церковныхъ каноновъ и поученій: *Возгремѣвый Илія на колесницѣ, Илія огненосный, Илія тученосный облакъ,* и проч. Тамъ-же, стр. 14—15 и друг.

во всей его полнотѣ. Развитая и обработанная духовная литература Византіи представляла въ этомъ отношеніи нашему духовенству всѣ необходимые источники и средства для его просвѣтительной дѣятельности. Здѣсь было нужно одно лишь знаніе греческаго языка, и намъ извѣстно, что знаніемъ этимъ отличались не только многіе изъ членовъ перваго русскаго духовенства, но и люди свѣтскіе и князья. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, вопервыхъ довольно значительное распространеніе греческихъ книгъ и рукописей на Руси (которыя, значитъ, находили себѣ читателей), а вовторыхъ то, что, по всей вѣроятности, въ первыхъ заведенныхъ школахъ учили греческому языку: упомянутый нами выше смоленскій князь, Романъ Ростиславичъ содержалъ въ устроенномъ имъ училищѣ на свой счетъ учителей греческаго языка. Тоже, должно предполагать, существовало и въ другихъ училищахъ. Пр. Филаретъ приводитъ извѣстіе, что въ первой половинѣ XIII стол., въ Ростовѣ, во время службы въ церкви св. Богородицы, лѣвый клиросъ пѣлъ погречески, а правый порусски (*Обзоръ рус. дух. лит.*, ч. I, № 51). Слѣдственно, знаніе греческаго языка не представлялось въ древней Руси рѣдкимъ исключеніемъ, и было довольно распространено, въ особенности между духовенствомъ. Знаніе это употребляли на переводы духовныхъ произведеній греческой литературы, и дѣятельность русскаго духовенства древней эпохи была въ этомъ отношеніи столь значительна, что къ XV и къ началу XVI стол. почти вся церковная литература Византіи сдѣлаласъ извѣстна на Руси въ переводахъ. Конечно, часть изъ этихъ переводовъ, какъ мы говорили, принесена была къ намъ изъ славянскихъ земель, прежде насъ принявшихъ христіанство; нѣкоторые переводы сдѣланы были внѣ Россіи, на Аѳонѣ, въ существовавшихъ тамъ, еще во времена Ярослава,— русскомъ монастырѣ и въ монастыряхъ сербскомъ и болгарскомъ; но несомнѣнно, что много переводовъ съ греческаго предпринято и совершено и собственно въ Россіи, съ первыхъ же вѣковъ христіанства. Такъ у насъ существуетъ переводъ съ греческаго посланія *Льва*, римскаго папы, къ архіепископу константинопольскому Флавіану, сдѣланный въ XI стол. инокомъ Ѳеодосіемъ, по побужденію князя Святослава (Святоши) Давидовича. (*)

(*) Въ посланіи этомъ рѣчь идетъ о ересяхъ Евтихія и друг. и упоминается объ *Омирьскихъ* (Гомеровыхъ) и *риторскихъ* книгахъ.

Такимъ образомъ, число переводовъ съ греческаго увеличивалось изъ вѣка въ вѣкъ. Многочисленность дошедшихъ до насъ рукописей первоначальныхъ переводовъ доказываетъ ихъ значительную распространенность не только между духовенствомъ, но и въ народѣ. (*) Слѣдуетъ допустить, что вліяніе греческихъ переводовъ, вносившихъ въ жизнь русскаго народа новыя идеи и новыя понятія, было весьма велико, если вся Русь скоро отреклась отъ имени языческаго и сдѣлалась христіанскою, если вся образованность древней Руси является въ тѣсной связи съ христіанскимъ вѣроученіемъ, въ томъ неизмѣнномъ видѣ, какъ оно передано было намъ отъ Византіи, духовная связь съ которой стала у христіанской Руси самою тѣсною и дружественною. Русскіе паломники, ища духовнаго просвѣщенія, отправлялись въ Грецію и на Востокъ; греческіе ученые мужи приходили въ Русь, и какъ тѣ, такъ и другіе приносили съ собою много славянскихъ и греческихъ рукописей и книгъ: у брата Мономахова, Константина Всеволодовича, было, напримѣръ, болѣе тысячи однихъ греческихъ книгъ, которыя онъ частію самъ купилъ, частію получилъ въ даръ отъ патріарховъ. (Ист. Рос. Соловьева, т. III, стр. 89).

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго ясно, что переводная духовная литература должна была подчинить неминуемо своему вліянію умы и сердца новообращенныхъ христіанъ на Руси, искавшихъ христіанскаго просвѣщенія. И она дѣйствительно имѣетъ большую важность и значеніе въ исторіи просвѣщенія русскаго народа. Главнѣйшее же вліяніе ея и значеніе заключается въ томъ, что она создала собственно русскую духовную литературу, которая возникла и развилась подъ исключительнымъ вліяніемъ греческихъ образцовъ: по примѣру греческихъ духовно-литературныхъ произведеній, и у насъ стали писать житія русскихъ святыхъ, стали составлять поученія и проповѣди и говорить ихъ передъ народомъ, начали писать духовныя посланія, сочинять каноны и церковныя пѣснопѣнія и т. п. И при этомъ, наши писатели подражали греческимъ произведеніямъ не только съ внутренней, но и съ внѣшней стороны, т. е. употребляли тѣ же самыя литературныя формы и пріемы, какія находили у писателей греческихъ. Нѣкоторые же изъ

(*) На нѣкоторыхъ рукописяхъ встрѣчаются надписи, что онѣ принадлежали свѣтскимъ людямъ, крестьянамъ и другимъ лицамъ изъ низшаго класса народа.

первыхъ духовныхъ писателей Руси (которыми были первые іерархи русской церкви), греки по происхожденію, и незнакомые съ русскимъ языкомъ, даже писали погречески, какъ напр. митрополиты кіевскіе XI вѣка — Леонъ († 1007) и XII — Іоаннъ, Никифоръ и другіе. Но въ тоже время и русскіе люди начали испытывать свои силы въ собственныхъ сочиненіяхъ духовнаго содержанія, и съ начала XI вѣка появляется уже рядъ собственно русскихъ духовныхъ писателей, число которыхъ постоянно увеличивалось.

Сочиненія многихъ изъ этихъ писателей дошли до насъ отъ древнѣйшихъ временъ, и мы теперь приступимъ къ разсмотрѣнію важнѣйшихъ изъ нихъ.

Духовные писатели и церковно-литературные памятники XI, XII, XIII и XIV столѣтій.

---

1. Лука Жидята († 1069), епископъ въ Новгородѣ, выбранный изъ русскихъ; первый же епископъ новгородскій былъ, какъ извѣстно изъ исторіи, грекъ,—Якимъ Корсунянинъ. Отъ Луки Жидяты до насъ дошло одно слово къ новгородской паствѣ, или *поученіе архіепископа Луки къ братіи*, какъ его называютъ. Поученіе Луки Жидяты отличается особенною простотою, краткостію, сжатостію рѣчи и совершеннымъ отсутствіемъ всякихъ украшеній. Вотъ, для примѣра, отрывки изъ этого поученія: «Се, братіе, первѣе всего сію заповѣдь извѣстно (несомнѣнно) должни есмы вси крестиянѣ (христіане) держати: вѣровати въ единъ Богъ въ Троици славимъ, въ Отца и Сына и Святаго Духа, яко же научили апостоли, святіи отци утвердиша.... Вѣруйте же кресенію (воскресенію), и жизни вѣчнѣй, и муцѣ грѣшныимъ вѣчнѣй. Не ленитеся къ церкви ходити, и на заутреню, и на обѣдню, и на вечернюю, и въ своей клети (въ домѣ) хотя спати, Богу поклонився, толи (тогда) на постели лязи.... Любовь имѣите со всяцѣмъ человѣкомъ.... Не вздайте зла за зло.... Мзды не емлите, въ лихву не дайте» (не берите взятокъ, не отдавайте денегъ въ ростъ) и проч. Простота и безъискуственность поученія Луки Жидяты, состоящаго исключительно изъ самыхъ обыкновенныхъ религіозныхъ наставленій, вполнѣ характеризуютъ то

общество, къ которому оно было обращено, и показываютъ, что новгородская паства, во время архіепископства Луки, стояла еще на низкой степени христіанскаго просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи слово Луки Жидяты и заслуживаетъ вниманія историка. Съ другой стороны, въ поученіи Луки Жидяты, по мнѣнію г. Соловьева, выражается общій духъ новгородскаго народонаселенія, какой замѣчаемъ постоянно въ новгородскихъ памятникахъ: какъ въ лѣтописи новгородской, такъ и здѣсь замѣчаемъ одинакую простоту, краткость, сжатость, отсутствіе всякихъ украшеній (Ист. Рос., т. III, стр. 96). Замѣтимъ еще, что поученія Л. Ж. отличается весьма древними формами языка и письменнаго выраженія.

---

2. Иларіонъ, первый кіевскій митрополитъ изъ русскихъ. Онъ былъ избранъ, по желанію великаго кн. Ярослава, изъ священниковъ въ митрополиты соборомъ русскихъ епископовъ, независимо отъ Константинополя. (Извѣстно, что первые кіевскіе митрополиты и епископы долгое время все были греки и поставлялись константинопольскимъ патріархомъ). Отъ Иларіона, такъ-же какъ и отъ Луки Жидяты, до насъ дошло только одно поученіе, рѣзко отличающееся впрочемъ и по внутреннему содержанію своему и по внѣшнему изложенію отъ поученія новгородскаго архіепископа. Видно, что слово Иларіона обращено было къ слушателямъ или къ читателямъ, уже хорошо знакомымъ съ истинами христіанскаго вѣроученія; да и самъ авторъ говоритъ: *не къ невѣдущимъ бо пишемъ, но преизлиха насыщемся* (съ избыткомъ насытившимся) *сладости книжныя.* Должно думать поэтому, что слово Иларіона было обращено не ко всему народу, а къ извѣстному кругу людей, уже вполнѣ ознакомившихся изъ книгъ съ основными истинами христіанства. Г. Соловьевъ допускаетъ догадку, что, быть можетъ, слово это есть посланіе митрополита къ великому кн. Ярославу, который отличался, какъ мы знаемъ, большою охотою къ чтенію книгъ. Въ словѣ Иларіона не заключается тѣхъ религіозныхъ и нравственныхъ наставленій, какія мы видѣли въ поученіи Луки Жидяты. Главное содержаніе его слова заключается въ разсужденіи о превосходствѣ христіанства передъ іудействомъ, или о

превосходствѣ *благодати и истины*, пришедшихъ въ міръ через *Іисуса Христа*, передъ *закономъ*, *даннымъ Моисею*.

Обращаясь же собственно къ своимъ слушателямъ, къ русскимъ, Иларіонъ представляетъ имъ высокое превосходство новой, христіанской вѣры надъ старою, языческою: «уже не идолослужителями, говоритъ онъ, именуемся мы, но христіанами.... уже не капища строимъ, но создаемъ церкви Христовы.... Пуста была земля наша и изсохла, зной идолослуженія изсушилъ ее, но внезапно потекъ источникъ евангелія и напоилъ всю землю нашу,» и проч. Затѣмъ проповѣдникъ естественно переходитъ къ прославленію того князя, которому суждено было быть апостоломъ Руси, и обращается съ восторженными похвалами къ св. Владиміру; а далѣе прославляетъ сына его, Георгія (Ярослава), который не нарушилъ, не измѣнилъ уставовъ и дѣлъ отца своего, но доканчиваетъ, что тотъ не успѣлъ докончить, который созидаетъ и украшаетъ церкви Божія на удивленіе всѣмъ окрестнымъ странамъ, который славный городъ Владиміровъ, Кіевъ, *величествомъ, яко вѣнцемъ обложилъ*, и проч. Заключаетъ свое слово Иларіонъ обширною молитвою къ Богу отъ лица всей земли русской.

Слово Иларіона явно написано подъ вліяніемъ греческихъ образцовъ и отличается всѣми свойствами духовнаго краснорѣчія, принесеннаго къ намъ изъ Византіи цвѣтистымъ языкомъ, тонкими умозаключеніями и искусствомъ въ расположеніи рѣчи; а во второй половинѣ слова, въ воззваніи къ Владиміру и въ молитвѣ за русскую землю, рѣчь Иларіона становится истинно вдохновенною и отличается силою и теплотою религіознаго чувства. (*)

---

3. Преподобный Ѳеодосій († 1074), третій изъ древнѣйшихъ духовныхъ писателей русскихъ. Подробное жизнеописаніе Ѳеодосія

(*) Вотъ полное заглавіе слова Иларіона: «Слово о законѣ, Моисеомъ даннѣмъ, и о благодати и истинѣ, Исусъ Христомъ бывшимъ; благодать же и истина всю землю исполни и вѣра во вся языки (т. е. народы) простреся и до нашего языка русскаго; и похвала кагану нашему Владиміру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всеа земля нашеа.» Трудно объяснить исторически, почему здѣсь, въ русскомъ духовномъ сочиненіи, св. Владиміру придано названіе *когана*, титулъ, которымъ назывались обыкновенно государи *Козаръ*, исповѣдовавшихъ магометанство?—Слово Иларіона обнародовано первый разъ въ 1844 году г. Горскимъ, въ *Твор. Св. Отцевъ*.

составилъ другой русскій писатель XI вѣка, извѣстный намъ Несторъ. Преподобный Ѳеодосій, послѣ Антонія Печерскаго, основателя Кіевопечерской обители, является на Руси однимъ изъ первыхъ подвижниковъ и представителей отшельнической жизни, влеченіе къ которой онъ почувствовалъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ сталъ «каждый день ходить въ церковь Божію, со всѣмъ вниманіемъ слушая божественныя книги, постоянно размышляя лишь о томъ, какъ и какимъ образомъ ему спастися?» —говоритъ его біографъ. Не смотря на сопротивленіе матери, женщины богатой, Ѳеодосій успѣлъ поступить въ обитель Антонія, постригся тамъ, и впослѣдствіи сталъ строителемъ и игуменомъ Кіевопечерскаго монастыря.—До насъ дошло отъ него 12 поученій, изъ коихъ два собственно—о *казняхъ Божіихъ* и о *пьянствѣ* —обращены были къ народу, а десять другихъ, къ инокамъ; но большая половина этихъ поученій сохранилась не въ цѣлости, а лишь въ отрывкахъ. Два первыя поученія Ѳеодосія важны по указаніямъ на нравы, обычаи и на нѣкоторые, господствовавшіе въ русскомъ обществѣ во время Ѳеодосія пороки и суевѣрія, какъ напримѣръ, пьянство, противъ котораго онъ сильно вооружается, равно какъ и противъ вѣры въ волхвованія, чародѣянія, и т. п., такъ какъ это были остатки язычества. Но особенно преп. Ѳеодосій возстаетъ противъ пьянства, о которомъ говоритъ въ обоихъ поученіяхъ своихъ къ народу, и говоритъ такъ же противъ скоморошества, гуслей, сопели и другихъ народныхъ игръ, которыя, вѣроятно, соединялись съ какими либо старинными языческими обычаями. Всѣ пороки и зло въ человѣкѣ Ѳеодосій приписываетъ навожденію дьявола. «Страну, которая согрѣшаетъ, Богъ казнитъ смертію, по его словамъ, или бездождіемъ или иными различными казнями.» Сущность всѣхъ поученій Ѳеодосія заключается, главнымъ образомъ, въ простомъ изложеніи ученія о вѣрѣ, проникнутомъ ревностнымъ религіознымъ чувствомъ, и въ предостереженіяхъ противъ пороковъ и дѣйствій, недостойныхъ христіанъ. Вездѣ проявляется у него любовь къ отшельничеству, аскетизму и монашеской жизни, посвященной труду, физическому и моральному, и добровольнымъ лишеніямъ,—жизни, которую преподобный отшельникъ хочетъ представить какъ идеалъ для жизни христіанина вообще.—Кромѣ поученій Ѳеодосія, извѣстны еще два *посланія* его къ в. кн. Изяславу. Одно изъ нихъ

написано по поводу ученія католиковъ и отличается крайнею нетерпимостію, которую Θеодосій простираетъ до того, что запрещаетъ не только браки съ католиками, но даже ѣсть и пить съ ними за однимъ столомъ. Въ этомъ видна уже та ненависть къ латинамъ, къ католицизму вообще, которая передана древней Руси отъ Византіи. Предметъ другаго посланія Θеодосія къ Изяславу составляютъ исключительно обрядовые вопросы: «можно ли въ праздники готовить пищу? можно ли по средамъ и пятницамъ ѣсть мясо?» и т. п. (*)

---

4. Іаковъ мнихъ, или черноризецъ Печерскаго монастыря. О его жизни извѣстно только, что онъ былъ духовникомъ вел. кн. Изяслава и жилъ во время Θеодосія. Изъ сочиненій Іакова черноризца мы знаемъ, вопервыхъ одно духовное посланіе къ великому князю Изяславу (**), а потомъ, ему приписываютъ два религіозно-историческихъ сочиненія XI вѣка, изъ которыхъ первое есть *Сказаніе о св. мученикахъ Борисѣ и Глѣбѣ*, а второе: *Житіе и похвала Владиміру*, какъ апостолу и просвѣтителю Руси христіанствомъ.

Насильственная, мученическая смерть Бориса и Глѣба, которые между всѣми сыновьями Владиміра отличались въ особенности мягкостію нравовъ и христіанскою кротостію, сдѣлалась, скоро послѣ совершенія самаго событія, предметомъ нѣсколькихъ письменныхъ сочиненій, народныхъ сказаній и духовныхъ стиховъ. Сказаніе объ этомъ событіи всегда входило въ составъ древней русской лѣтописи, въ видѣ отдѣльнаго разсказа или повѣсти объ убіеніи Бориса и Глѣба. — Сочиненіе черн. Іакова о Борисѣ и Глѣбѣ, ставшихъ, такимъ образомъ, любимыми русскими святыми, отличается религіозно-поэтическимъ характеромъ и состоитъ изъ разсказа о страдальческой смерти и о чудесахъ, которыя совершали эти святые мученики послѣ своей кончины. — Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ передѣлывалось, дополнялось и распро-

(*) Сочиненія преп. Θеодосія изданы пр. Макаріемъ; подробно о нихъ можно читать въ его Ист. Р. Ц., т. II, стр. 101—103.

(**) Напечатано въ Ист. Р. Ц. Макарія, т. II, прим. 284, см. также стр. 121—122. О сочиненіяхъ Іакова мниха писали еще Погодинъ и Срезневскій въ Извѣст. 2 отд. акад. н.

странялось въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ,—доказательство того, что оно имѣло въ старину многихъ читателей.

---

5. Преподобный Несторъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей русскихъ конца XI и начала XII вѣка. Къ тому, что уже сказано нами о Несторѣ, какъ лѣтописцѣ, прибавимъ, что изъ обстоятельствъ его жизни и воспитанія намъ неизвѣстно никакихъ подробностей. Полагаютъ, что онъ родился между 1055 и 1057 годомъ и скончался въ 1114 г.; пришелъ же въ Кіевопечерскій монастырь не задолго до смерти св. Θеодосія и присутствовалъ при открытіи и перенесеніи мощей послѣдняго.

Несторъ, кромѣ составленія лѣтописи, оставилъ еще два другихъ сочиненія: *Житіе препод. Θеодосія Печерскаго* и *Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ*. Житіе св. Θеодосія считается однимъ изъ лучшихъ произведеній нашей духовной литературы, въ которомъ Несторъ съ большою простотою и искусствомъ изображаетъ дѣтство Θеодосія и характеръ его матери, которая была, по его словамъ, «здорова и сильна какъ мужчина;» преслѣдуя сына за рано родившееся въ немъ желаніе удалиться отъ свѣта, желаніе, которое было ей непонятно, она не рѣдко била, мучила и связывала *блаженнаго*, «какъ какого либо злодѣя». Далѣе Несторъ описываетъ благочестивую, отшельническую жизнь Θеодосія въ обители св. Антонія, жизнь, полную трудовъ и добровольныхъ лишеній, которую наши первоначальные духовные писатели любили всегда изображать такими яркими и сочувственными красками. Какъ замѣчательную черту высокаго характера преподобнаго отшельника, Несторъ приводитъ здѣсь смѣлый отвѣтъ Θеодосія посланному отъ князя Святослава (*), приглашавшаго его къ княжескому столу: *не имамъ ити на трапезу Езавелину и причаститися брашьна того, исполнь убо крови, убійства. И ина же многа укоризна глаголавъ,*— прибавляетъ авторъ житія преподобнаго Θеодосія, и говоритъ, что онъ не велѣлъ даже поминать на ектеніи князя Святослава въ своемъ монастырѣ.

(*) Послѣ того, какъ Святославъ отнялъ у старшаго брата, Изяслава, престолъ кіевскій.

Другое сочиненіе преп. Нестора,—«Сказаніе о Борисѣ и Глѣбѣ,»—написано въ томъ же духѣ, какъ и сочиненіе того же имени черноризца Іакова. Оно отличается отъ послѣдняго лишь пространнымъ вступленіемъ, въ которомъ говорится о распространеніи христіанства по всей землѣ и о крещеніи Руси Владиміромъ, отъ котораго сочинитель переходитъ къ разсказу о житіи Бориса и Глѣба и объ ихъ мученической кончинѣ, и при описаніи послѣдней слѣдуетъ во всемъ сказанію Іакова.

Вотъ всѣ замѣчательные духовные писатели русскіе XI вѣка, сочиненія которыхъ дошли до насъ. Какъ и слѣдовало ожидать отъ христіанскихъ писателей того времени, главная сущность ихъ сочиненій заключается, какъ мы видѣли, въ разъясненіи, въ толкованіи народу вопросовъ новой вѣры и въ изложеніи общихъ и главнѣйшихъ истинъ ученія христіанскаго.—При этомъ мы замѣчаемъ такъ же, что почти всѣ названные нами духовные писатели обращаютъ большое вниманіе на внѣшнюю, обрядовую сторону религіи, и какъ вѣроучители, такъ и сами новообращенные вѣрующіе придаютъ обрядовымъ вопросамъ весьма важное значеніе. Какъ для самихъ князей, такъ и для народа были неясны вопросы: когда и что можно ѣсть? можно ли въ праздники готовить пищу? сколько молитвъ слѣдуетъ прочесть за трапезой и сколько дозволяется спѣть *тропарей?* (*) (т. е. сколько можно выпить чашъ вина, сопровождавшихся обыкновенно пѣніемъ тропарей) для чего установлена кутья, можно ли на нее класть яица и приставлять воду? и т. д. И учители вѣры подробно объясняютъ и толкуютъ всѣ эти вопросы въ своихъ поученіяхъ народу и въ духовныхъ посланіяхъ къ князьямъ.

Рядъ духовныхъ писателей съ каждымъ вѣкомъ постоянно возросталъ; но духъ и характеръ нашей духовной литературы, установленный писателями первыхъ вѣковъ, повторяется почти неизмѣнно въ сочиненіяхъ всѣхъ послѣдующихъ писателей. Почти всѣ высшіе іерархи русской церкви и вообще извѣстнѣйшія духовныя лица своего вре-

(*) *Тропари* — церковныя пѣснопѣнія.

мени были и главнѣйшими духовными писателями, какъ въ XI, такъ и въ послѣдующихъ вѣкахъ.

Къ извѣстнѣйшимъ изъ писателей и памятниковъ русской духовной литературы описываемаго періода времени принадлежатъ:

1. Митрополитъ Никифоръ (1104—1121), грекъ по происхожденію, какъ и большая часть лицъ, стоявшихъ въ это время во главѣ русской церкви. Намъ извѣстны два посланія м. Никифора къ вел. кн. Владиміру Мономаху: одно, написанное по случаю великаго поста, а другое по вопросу о латинской вѣрѣ («о постѣ и воздержаніи чувствъ» и «о латинѣхъ, како отвержены быша отъ восточныя церкви»). Въ сочинителѣ этихъ посланій виденъ человѣкъ, образовавшійся въ Византіи и старающійся проводить въ сочиненіяхъ своихъ чисто византійскія воззрѣнія. Въ первомъ посланіи къ Мономаху, (котораго, по мнѣнію Никифора, нельзя упрекнуть въ несоблюденіи какого либо изъ перечисляемыхъ имъ здѣсь же требованій христіанской жизни), митрополитъ говоритъ, вел. князю: «вмѣсто поученія о постѣ, мы изложимъ твоему благовѣрію нѣчто иное, мы скажемъ о самомъ источникѣ, изъ котораго происходитъ въ человѣкѣ всякое добро и всякое зло,» и затѣмъ пускается въ чисто философское разсужденіе о способностяхъ и силахъ души, проявляющихъ свою дѣятельность посредствомъ пяти внѣшнихъ чувствъ. «Какъ ты, князь, говоритъ Никифоръ, сидя на своемъ престолѣ, дѣйствуешь посредствомъ воеводъ и слугъ своихъ по всей странѣ, такъ и душа дѣйствуетъ чрезъ пять *слугъ* своихъ, т. е. чрезъ пять чувствъ,» и проч. А выше передъ этимъ, восхваляя добродѣтели Мономаха, онъ выражается о немъ между прочимъ такъ: «Богъ издалека проразумѣ и предповелѣ, его же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ *царское* (*) и княжеское крови смѣсивъ.» Подобные взгляды и понятія не были свойственны, конечно, русской жизни тогдашняго времени, они мало были знакомы не только народу русскому, но и самимъ князьямъ, которые могли почерпать ихъ лишь изъ византійскихъ источниковъ.— Извѣстно еще одно поученіе митрополита Никифора, сказанное народу въ недѣлю сыропустную; но изъ поученія этого должно заключить, что митр. Никифоръ писалъ по

(*) Отецъ Мономаха былъ женатъ на греческой царевнѣ.

гречески, и что его писанія уже переводились другими на славянскій языкъ и читались въ церкви (*).

---

2. Кириллъ Туровскій, одинъ изъ замѣчательныхъ духовныхъ писателей и краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ русской церкви въ XII столѣтіи. Кириллъ родился въ Туровѣ и былъ сынъ богатыхъ родителей, но отказался отъ богатаго наслѣдства и съ юныхъ лѣтъ вступилъ въ монашество. Въ монашествѣ Кириллъ отличался самою строгою отшельническою жизнію, наконецъ заключилъ себя въ столпѣ, пребывая въ постоянной молитвѣ и постѣ. Эта строгая святость жизни доставила Кириллу большую славу, такъ что и граждане Турова и самъ князь упросили его занять въ ихъ городѣ свободную въ то время каѳедру епископа туровскаго. Изъ лѣтописи и изъ житія Кирилла не видно съ точностію, въ которомъ году онъ былъ призванъ къ епископству, но это случилось во время княженія Андрея Боголюбскаго.

Отъ Кирилла Туровскаго до насъ дошло 12 *поученій*, *покаянный канонъ* и *молитвы* на всю седмицу. Изъ поученій, 10 сказаны въ 10 воскресныхъ дней, отъ недѣли Вайй до Троицына дня, и одно поученіе изложено въ видѣ *притчи о слѣпцѣ и хромцѣ*. Кромѣ того извѣстно, что Кириллъ Туровскій писалъ житія святыхъ, посланія къ Андрею Боголюбскому и обличенія противъ извѣстнаго въ исторіи русской церкви ростовскаго епископа Ѳеодора, или *Ѳедорца*, (какъ его называетъ лѣтописецъ), который, послѣ того какъ митрополитъ запретилъ паствѣ признавать его епископомъ, заперъ всѣ церкви во Владимірѣ (Залѣсскомъ), не пускалъ въ нихъ народъ и, по словамъ лѣтописца, сталъ съ варварскою жестокостію обращаться съ духовенствомъ и съ народомъ. (**) Но обличенія противъ Ѳедорца, равно какъ и посланія

(*) Ист. Русск. Церкви, пр. Макарія, т. II, стр. 161.

(*) Князь Андрей Боголюбскій приказалъ Ѳеодору идти ставиться къ митрополиту въ Кіевъ, но тотъ не захотѣлъ подчиниться митрополиту, на томъ основаніи, что онъ поставился въ епископы въ Константинополѣ отъ самаго патріарха, затворилъ церкви во Владимірѣ и церковные ключи взялъ къ себѣ. «Много пострадали отъ него люди—говоритъ лѣтописецъ:—однимъ головы рубилъ и бороды рѣзалъ, другимъ глаза выжигалъ и языкъ вырѣзывалъ», и проч. За то, когда князь Андрей силою отправилъ его въ Кіевъ, то и митрополитъ (Константинъ II, грекъ) поступилъ

къ Андрею Боголюбскому, которыя писалъ Кириллъ Туровскій, до насъ не дошли.—Кириллу Туровскому приписываютъ еще *слово о мытарствахъ,* или поученіе о состояніи души послѣ разлученія съ тѣломъ. (*)

Слова и проповѣди Кирилла Туровскаго рѣзко отличаются отъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами доселѣ сочиненій русскихъ проповѣдниковъ. На нихъ явнымъ образомъ и весьма сильно отпечатлѣвается вліяніе чтенія сочиненій лучшихъ проповѣдниковъ и отцевъ церкви, и потомъ, — вліяніе поэтическихъ церковныхъ пѣснопѣній, съ которыми слова краснорѣчиваго проповѣдника Туровскаго находятся въ большомъ сродствѣ, и отъ которыхъ онъ заимствуетъ не рѣдко не только форму, но и самыя выраженія.

Обиліе поэтическихъ образовъ и сравненій, особенное стремленіе и любовь къ притчамъ, иносказаніямъ и къ символическимъ картинамъ,— картинамъ,—«воодушевленнымъ и смѣло набрасываемымъ нашимъ древнерусскимъ ораторомъ,» по выраженію г. Буслаева, наконецъ оживленный и краснорѣчивый разсказъ о событіи дня или праздника, въ который говорится слово, и о его христіанскомъ значеніи, — вотъ главныя характеристическія черты всѣхъ проповѣдей Кирилла Туровскаго, которыя смѣло могутъ быть причислены къ лучшимъ образцамъ нашего стариннаго церковнаго краснорѣчія.

Изъ проповѣдей Кирилла особенно замѣчательны слова: въ недѣлю *Вайй*, въ *новую недѣлю по Пасцѣ* (на Ѳомино воскресеніе), въ недѣлю *мѵроносицкую,* на *вознесеніе* и въ недѣлю о *разслабленномъ.* Большая часть изъ нихъ, по своему способу изложенія, рѣшительно напоми-

---

съ Ѳеодоромъ не менѣе жестоко: «велѣлъ отвести на Песій Островъ, гдѣ ему отрѣзали языкъ, какъ злодѣю еретику, руку правую отсѣкли и глаза выкололи.» См. Ист. Рос., Соловьева, т. III, стр. 65 — 66. Въ разсказѣ лѣтописца о преступленіяхъ Ѳеодора, главнымъ образомъ, проглядываетъ обвиненіе за то, что онъ нехотѣлъ покориться митрополиту, который обвинилъ его «всѣми винами», по словамъ лѣтописца. Быть можетъ, и самыя вины Ѳеодора были преувеличены.

(*) «Слово о мытарствахъ» приписываютъ Кириллу Туровскому К. Калайдовичъ, издавшій первый разъ его сочиненія въ «Памятникахъ русской словесности XII в.,» и г. Сухомлиновъ, напечатавшій недавно проповѣди К. Т. по рукописямъ графа Уварова. А г. Шевыревъ (И. Р. С. Лекціи, ч. III стр. 12 пред., и стр. 88) приписываетъ это слово то Авраамію Смоленскому, то Кириллу Философу.

наетъ церковныя пѣснопѣнія, которыя поются и читаются въ тѣ же дни въ церкви, и составляетъ какъ-бы распространеніе и разъясненіе этихъ пѣснопѣній. Но нѣкоторыя мѣста въ этихъ проповѣдяхъ, по длиннотѣ иносказаній и по искуственности и излишеству символическихъ образовъ, представляются слишкомъ утомительными и натянутыми.

Заключительныя слова первой проповѣди Кирилла, въ недѣлю Вай, уже ясно указываютъ на главную цѣль всѣхъ проповѣдей его, заключающуюся, главнымъ образомъ, въ изображеніи и въ краснорѣчивомъ прославленіи событія, празднуемаго церковію въ тотъ день, когда говорится проповѣдь. Вотъ это заключеніе: «сокративши слово,—говоритъ проповѣдникъ,—пѣснями, какъ *цвѣтами,* святую церковь увѣнчаемъ и праздникъ украсимъ, и Богу славословіе вознесемъ, и Христа Спасителя нашего возвеличимъ.»

Для ознакомленія съ языкомъ и образомъ изложенія Кирилла приведемъ отрывки изъ проповѣди на Ѳомино воскресеніе: «Въ минувшую бо недѣлю святыя пасхи удивленіе бѣ небеси и устрашеніе преисподнимь, обновленіе твари и избавленіе міру, разрушеніе адово и попраніе смерти.... Днесь весна красуеться, оживляющи земное естьство; бурніи вѣтри, тихо повѣвающе, плоды гобьзують (подаютъ, приносятъ) и земля сѣмена питающе, зеленую траву ражаеть. Весна убо красна — вѣра есть Христова,» и проч.

Лучшій образецъ слога и манеры изложенія Кирилла представляетъ его слово въ недѣлю о разслабленномъ.

Молитвы Кирилла Туровскаго на всю седьмицу и покаянный канонъ отличаются тѣмъ же цвѣтистымъ, поэтическимъ языкомъ и полнотою религіознаго чувства. — Замѣтимъ еще, что въ церковнославянскомъ языкѣ, которымъ писаны произведенія туровскаго оратора, встрѣчаются южнорусскіе обороты и слова; самое обиліе украшеній въ проповѣдяхъ Кирилла можетъ быть отчасти объяснено тѣмъ, что онѣ родились въ югозападномъ краѣ Россіи и предназначались для народонаселенія, всегда отличавшагося поэтическимъ характеромъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, трудно сказать, въ какой степени символизмъ этихъ проповѣдей, всѣ ихъ образныя представленія и приводимыя ораторомъ понятія и воззрѣнія были доступны массѣ его слушателей?—Проповѣди Кирилла, должно полагать, представлялись тѣмъ болѣе трудными для

пониманія неграмотныхъ и еще мало ознакомившихся съ истинами христіанскими слушателей XII вѣка, что въ нихъ не заключается прямаго изложенія правилъ и наставленій христіанской нравственности, какъ напримѣръ, въ поученіяхъ Луки Жидяты или Ѳеодосія; но весь ихъ поучительный смыслъ заключается собственно въ символахъ и иносказаніяхъ, которыми переполнены слова Кирилла, и для пониманія которыхъ необходима уже извѣстная степень развитости.

Къ періоду времени отъ XI до XIV столѣтія принадлежитъ рядъ духовныхъ поученій, посланій и другихъ сочиненій церковнаго содержанія (какъ извѣстныхъ, такъ и неизвѣстныхъ авторовъ), которыя, заключая въ себѣ обыкновенныя наставленія въ вѣрѣ и христіанской нравственности, равно какъ и нѣкоторыя, весьма интересныя, указанія на обычаи и нравы эпохи, собственно въ литературномъ отношеніи не представляютъ ничего примѣчательнаго; потому мы сдѣлаемъ лишь краткое обозрѣніе этихъ памятниковъ нашей церковной письменности.

---

3. *Вопросы черноризца Кирика,* съ отвѣтами на нихъ новгородскаго епископа *Нифонта* и нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ лицъ. (Памятникъ XII столѣтія). Вопросы эти касаются различныхъ церковныхъ дѣлъ, указываютъ на существованіе въ народѣ многихъ языческихъ суевѣрій, возстаютъ противъ *займа съ ростомъ* (т. е. противъ большихъ процентовъ) и проч.

---

4. *Поученіе крестьанамъ* (христіанамъ), которое иные относятъ къ XI — XII в., а иные приписываютъ митрополиту Кириллу († 1233). Поученіе это особенно замѣчательно по отношенію къ современнымъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ: въ немъ запрещается, напримѣръ, отъѣзжать отъ *своего* князя къ *иному: — князю земли вашея покоряйтеся,* — повелѣвается *челядь* свою и *сиротъ* домашнихъ (прислугу, рабовъ) кормить до сыта, одѣвать, не обижать и миловать, учить ихъ на спасеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускать. Но въ тоже время позволяется, въ случаѣ ослушанія рабовъ, *не щадить на нихъ лозы,* и проч.

---

5. *Слово нѣкоего христолюбца*,—памятникъ XIII столѣтія, въ которомъ говорится о христіанахъ, живущихъ *двоевѣрно,* т. е. придерживающихся языческихъ обычаевъ, которые вѣровали еще въ *Перуна,* въ *Хорса,* въ *Мокошъ*.... «огнѣвѣ (огню) молятся, зовуще его *Сварожичемъ*,» (*) и т. д. Авторъ поученія вооружается вообще противъ сохранившихся въ народѣ многихъ языческихъ обычаевъ и обрядовъ; при чемъ замѣчательны слова христолюбца, что «тако творятъ» (т. е. живутъ двоевѣрно) *не токмо невѣжи, но и вѣжи, попове и книжници.*

---

6. *Посланіе Симона*, епископа владимірскаго и суздальскаго, къ печерскому черноризцу *Поликарпу*,—церковно-литературный памятникъ XIII столѣтія (Симонъ поставленъ въ епископы въ 1215 году.) Въ посланіи этомъ епископъ Симонъ старается, главнымъ образомъ, обличить нравственные недостатки и пороки, лично принадлежащіе Поликарпу, которые, по мнѣнію Симона, вовсе несвойственны монаху; потому, онъ учитъ Поликарпа иноческому послушанію и смиренію. Такимъ образомъ, памятникъ этотъ имѣетъ болѣе характеръ частнаго письма, нежели литературнаго произведенія. Тѣмъ не менѣе онъ не лишенъ интереса и въ историко-литературномъ отношеніи, вопервыхъ потому, что написанъ съ силою и убѣдительностію и мѣстами довольно краснорѣчиво, а вовторыхъ потому, что находится въ связи съ другими духовно-литературными трудами Симона и самаго Поликарпа, положившими начало *Печерскому Патерику* (см. далѣе) или житіямъ кіево-печерскихъ святыхъ. Кромѣ того посланіе это заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя важныя историческія указанія: изъ него видно, напримѣръ, что русскія церкви уже въ это время получали большіе доходы и владѣли слободами и селами, и что русскіе князья и княгини принимали дѣятельное участіе въ назначеніи и поставленіи епископовъ. — Симонъ такъ начинаетъ свое посланіе: «Брате,—говоритъ онъ Поликарпу,—сѣди въ безмолвіи, собери умъ свой и рци къ себѣ: человѣче! нѣси ли міра оставилъ еси и по плоти родитель, ащеже и здѣ пришедъ на спасеніе, а не духовная творишь. Что ради въ чернечес-

(*) Перунъ, Хорсъ, Мокошъ, Сварожичъ,—все языческія славянскія божества.

кое имя облекся еси? А не избавятъ тебе муки (т. е. отъ муки) черныя ризы», и проч. Затѣмъ онъ укоряетъ Поликарпа въ гордости, въ томъ, что онъ не хотѣлъ служить «святу мужеви, своему *господину,* а нашему брату архимандриту Анкидину, игумену печерьскому. Печерскій монастырь — море, прибавляетъ Симонъ: — не держитъ въ себѣ гнилаго, но измещетъ вонъ;» укоряетъ въ честолюбіи, въ томъ, что Поликарпъ хотѣлъ самъ сдѣлаться игуменомъ и даже искалъ сана епископскаго, и т. п. Словомъ, все посланіе заключается въ порицаніи поведенія Поликарпа и въ наставленіяхъ, какъ онъ долженъ былъ поступать при томъ или другомъ случаѣ. Подъ конецъ, Симонъ приводитъ, въ примѣръ смиренія Поликарпу, преданія Печерскаго монастыря о бывшихъ въ немъ нѣкоторыхъ святыхъ, пересказывая довольно подробно ихъ жизнеописанія. Эта-то часть посланія Симонова и послужила основаніемъ Патерику.

Симону принадлежитъ еще, кромѣ посланія къ Поликарпу, *Сказаніе о построеніи Печерской церкви*, въ которомъ, въ числѣ другихъ чудесъ, пересказывается преданіе о вѣнцѣ Христовомъ и о золотомъ поясѣ, принесенныхъ *Шимономъ* въ Кіевъ изъ варяжской земли. Шимонъ, сынъ одного варяжскаго князя, по примѣру своихъ соотечественниковъ, отправляясь въ Русь, съ намѣреніемъ стать на службу у котораго либо изъ русскихъ князей, и покидая родительскій домъ, снялъ вѣнецъ и золотой поясъ съ распятія, принадлежавшаго его отцу, и при этомъ услышалъ голосъ, исходившій отъ иконы, который повелѣвалъ ему не возлагать на себя этихъ вещей, но отнести ихъ на предназначенное для нихъ мѣсто, гдѣ будетъ основана церковь Богоматери. Когда Шимонъ пустился въ русскую землю и плылъ по морю, то ему представилась, въ дивномъ видѣніи, посреди неба, превеликая церковь. Впослѣдствіи, находясь уже на Руси и учавствуя вмѣстѣ съ княземъ Всеволодомъ Ярославичемъ въ сраженіи съ Половцами, на р. Альтѣ, Шимонъ былъ раненъ и лежалъ въ полѣ, посреди другихъ раненыхъ и убитыхъ русскихъ воиновъ, и взглянувъ на небо, онъ вдругъ увидѣлъ тоже самое дивное видѣніе о церкви, которое представилось ему, когда онъ плылъ въ Русь. Онъ сталъ молиться, и нѣкая сила спасла его отъ ранъ, отъ которыхъ онъ изнемогалъ. Возвратившись послѣ сраженія въ Кіевъ, Шимонъ пришолъ

къ преп. Антонію и пересказалъ ему о своемъ видѣніи; ибо когда русскіе князья, и съ ними Шимонъ, отправлялись въ походъ и пришли къ Антонію просить его молитвъ и благословенія, преподобный старецъ предсказалъ имъ, что они будутъ разбиты и многіе изъ нихъ погибнутъ, но что варягъ Шимонъ, принесшій въ Русь поясъ и венецъ Спасителя, будетъ спасенъ и, послѣ своей смерти, положенъ будетъ въ церкви Богоматери, которая воздвигнется на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась обитель, или пещера преподобнаго отшельника.

Преданіе о вѣнцѣ Христовомъ и о поясѣ, по мнѣнію Буслаева, имѣетъ историческое значеніе: оно составилось въ интересахъ дома Мономаховичей и княжескаго рода Всеволода Ярославича переяславскаго, которому отецъ его, Ярославъ, отдалъ Шимона, — *да будетъ старѣй у него* (т. е. старшимъ изъ княжескихъ слугъ, чиновниковъ) какъ говорится въ сказаніи Симона, который тутъ же упоминаетъ, что Шимонъ пріобрѣлъ *велику власть отъ Всеволода.*

---

7. Печерскій Патерикъ и житія святыхъ вообще. Отъ черноризца *Поликарпа* (впослѣдствіи архимандрита Кіевопечерскаго монастыря) къ которому еп. Симонъ писалъ посланіе свое, до насъ дошло также одно *посланіе* къ печерскому архимандриту, *Анкидину.* Посланіе Поликарпа, написанное по внушенію Анкидина и предназначавшееся для чтенія кіевопечерскихъ иноковъ, содержитъ въ себѣ, также какъ и посланіе Симона, повѣствованія о жизни и подвигахъ нѣкоторыхъ печерскихъ святыхъ угодниковъ. Эти-то описанія житій печерскихъ подвижниковъ, составленныя трудами Симона и Поликарпа и заключающіяся въ ихъ посланіяхъ, и послужили основаніемъ *Печерскому Патерику,* (*) въ составъ котораго, въ его первоначальномъ видѣ, вошли однако жизнеописанія не только кіевопечерскихъ, но и другихъ

(*) *Патерикъ* (отъ греческаго πατὴρ) или *Отечникъ*, т. е. сборникъ, въ которомъ представлены повѣствованія о житіяхъ св. *отцевъ* церкви. Печерскій Патерикъ, съ теченіемъ времени, постоянно распространялся и измѣнялся въ своемъ составѣ; первый разъ онъ былъ напечатанъ въ Кіевѣ, въ 1661 году, Иннокентіемъ Гизелемъ. Эта послѣдняя редакція Печ. Патерика считается лучшею. Болѣе подробныя историческія изслѣдованія о Патерикѣ представили: Кубаревъ (въ Журн. мин. народн. просвѣщ 1838—1840) и преосв. Макарій (въ Изв. 2 отд. акад. наукъ.)

христіанскихъ подвижниковъ русской земли: въ этомъ собраніи житій мы встрѣчаемъ, напримѣръ, и житіе св. Ѳеодосія, написанное Несторомъ, и его сказаніе о князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ, и сверхъ того, извѣстія изъ первоначальной лѣтописи о нѣкоторыхъ другихъ святыхъ подвижникахъ на Руси.

Такимъ образомъ, Печерскій Патерикъ есть сборникъ житій, составленный изъ трудовъ многихъ лицъ, а не одного. Это вообще одинъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ русской духовной литературы XI—XIII вѣка, который имѣетъ большое значеніе для исторіи развитія христіанства на Руси и для изученія нѣкоторыхъ сторонъ внутренней жизни тогдашняго русскаго общества.

Житіе святыхъ, какъ отдѣльныя, такъ и собранныя въ разнаго рода патерикахъ, житейникахъ и т. п. начали появляться на Руси, въ переводахъ съ греческаго на славянскій языкъ, очень рано, — въ XI столѣтіи, а быть можетъ еще ранѣе, и были у насъ сильно распространены въ старину. Какъ повѣствовательный родъ литературы, житія эти пользовались большимъ успѣхомъ между всѣми грамотными людьми древней Руси; потому мы должны говорить о нихъ нѣсколько подробнѣе.

Первые вѣка христіанства на Руси представляютъ намъ рядъ людей, прославившихся строгою святостію жизни, высокимъ христіанскимъ подвижничествомъ и мученичествомъ за вѣру. Такими ревнителями новаго ученія славился въ то время въ особенности Кіевопечерскій монастырь. Кромѣ первыхъ устроителей монастыря, святыхъ Антонія и Ѳеодосія, изъ кіевопечерскихъ монаховъ прославили себя въ первые вѣка христіанства подвигами мученичества и высокой святости: св. Кукша, ревностный проповѣдникъ христіанства, у Вятичей, во второй половинѣ XI вѣка, который и скончался у нихъ мученическою смертію; св. Леонтій, третій епископъ ростовскій, (*) замученный язычниками посреди своей паствы, состоявшей преимущественно изъ дѣтей, которыхъ Леонтій, видя невозможность обратить въ христіанство взрослыхъ, сталъ привлекать къ себѣ ласкою и училъ

(*) Первые епископы ростовскіе, Ѳедоръ и Иларіонъ, принуждены были бѣжать изъ своей епархіи отъ ярости язычниковъ.

новой вѣрѣ; св. Евстратій и Никонъ, мучимые въ плѣну у Половцевъ и обратившіе въ христіанство своихъ мучителей, и многіе другіе.

Естественно, что о житіи и подвигахъ этихъ угодниковъ образовались преданія—монастырскія и народныя, на основаніи которыхъ и по примѣру принесенныхъ къ намъ греческихъ житій стали, такимъ образомъ, составляться и у насъ жизнеописанія русскихъ людей, прославившихся, подобно святымъ греческой церкви, подвижническою жизнію или претерпѣвшихъ мученичество за вѣру. Изъ собранія же этихъ жизнеописаній стали составлять патерики, или сборники житій собственно русскихъ святыхъ. Первымъ изъ русскихъ патериковъ и былъ *Патерикъ Печерскій*, состоявшій вначалѣ, какъ мы сказали, изъ трудовъ Нестора, Симона и Поликарпа.

Кромѣ названныхъ писателей, и многія другія лица изъ русскаго духовенства, въ описываемое нами время, занимались составленіемъ жизнеописаній святыхъ, какъ напримѣръ: Кириллъ Туровскій, митрополитъ Кипріанъ, иноки Ефремъ, Епифаній Премудрый и друг., — и этотъ родъ русской духовной литературы скоро сдѣлался у насъ самымъ обширнымъ и болѣе всего распространеннымъ.

Такимъ образомъ, русскія описанія житій, въ особенности Патерикъ Печерскій, какъ памятникъ древнѣйшій въ этомъ родѣ, получаютъ большую важность, при изученіи старинной русской литературы. Описанія эти замѣчательны, во первыхъ—въ религіозномъ отношеніи; потому что они служили предметомъ поучительнаго чтенія для народа и назиданія въ вѣрѣ, и изъ нихъ, слѣдовательно, мы можемъ видѣть степень религіозной образованности и пониманія вѣры въ старину; а во вторыхъ—житія представляютъ не меньшій интересъ и какъ памятники литературные и историческіе. Житія святыхъ, или патерики, которые переводились съ греческаго и распространялись на Руси уже съ XI вѣка, отличаются высокой поэзіей, по мнѣнію г. Буслаева; они имѣли громадный успѣхъ у древнерусскихъ читателей, проникали въ самую жизнь нашего народа и входили въ составъ описаній собственно русскихъ житій; потому греческіе патерики не могли не имѣть рѣшительнаго вліянія на Патерикъ Печерскій. И это греческое, или лучше, византійское вліяніе на нашу старинную литературу и на древнерусскую жизнь г. Буслаевъ признаетъ благотворнымъ въ томъ от-

ношеніи, что оно знакомило нашихъ предковъ съ высокими идеалами христіанства и способствовало къ воспроизведенію этихъ идеаловъ на русской почвѣ; примѣры этихъ идеаловъ стали появляться на Руси не только въ средѣ монастырской жизни, жизни, отрѣшенной отъ міра, но и посреди массы вѣрующаго народа, въ средѣ жизни свѣтской. (Ист. Оч. т. 2 стр. 52—54.) Не касаясь въ житіяхъ собственно догматической и церковно-исторической стороны, которая имѣетъ священное значеніе для вѣрующаго, мы должны замѣтить однако относительно вышеприведеннаго мнѣнія г. Буслаева, что поэзія патериковъ и отдѣльныхъ житій, какъ переводныхъ, такъ и собственно русскихъ, отличается характеромъ и всѣми свойствами поэзіи легендарной, о которыхъ у насъ было говорено выше.

Наконецъ въ историческомъ отношеніи, т. е. въ отношеніи къ современной жизни, Патерикъ Печерскій и вообще житія русскихъ святыхъ во многихъ случаяхъ имѣютъ весьма важное значеніе, объясняя многія обстоятельства и стороны внутренней жизни русскаго народа, и этимъ восполняя сухія и краткія извѣстія лѣтописей о современной народной жизни. Но эта сторона русскихъ житій, сторона болѣе всего интересная, къ сожалѣнію, еще весьма мало у насъ разработана. Г. Буслаевъ въ своихъ *Истор. Очерк.* представляетъ, на основаніи житій, нѣсколько весьма любопытныхъ историческихъ фактовъ изъ древнерусской жизни. Такъ напримѣръ: прославленіе князей Бориса и Глѣба и происхожденіе извѣстнаго намъ пространнаго и витіеватаго житія ихъ имѣло, между прочимъ, и свою историческую причину. Сторону Бориса и Глѣба приняла сѣверозападная Русь, въ лицѣ новгородскаго князя Ярослава, и сверхъ того при помощи варяговъ, изъ которыхъ были первые мученики христіане еще въ языческой Руси. Между тѣмъ, Святополкъ оскорбилъ русское духовенство тѣмъ, что ввелъ въ Кіевъ Поляковъ съ Болеславомъ. Какъ врагъ православію и варяжской дружинѣ, Святополкъ заклейменъ именемъ *окаяннаго;* онъ и умеръ гдѣ-то въ латинской землѣ между *Чехи и Лехи.* Поэтому то въ *Прологахъ,* или краткихъ житейникахъ, память о Борисѣ и Глѣбѣ всегда соединена съ восхваленіемъ Ярослава, который *попы любяше по велику, излиха же черноризцѣ* (наиболѣе же монаховъ). — Въ описаніи житія *Антонія Рим-*

лянина (написанномъ ученикомъ его, игуменомъ Андреемъ, во второй половинѣ XII в.) обнаруживается вліяніе нѣмцевъ на Новгородъ въ XII столѣтіи. Антоній привезъ съ собою изъ Рима священные сосуды и церковную утварь западной работы, съ латинскими надписями. Чтобы объяснить себѣ употребленіе этихъ вещей въ православныхъ церквахъ, при существовавшей ненависти къ Риму (повѣсть объ Антоніѣ Римлянинѣ вся проникнута чувствомъ крайней нетерпимости къ латинамъ: *Римъ,*—говорится здѣсь между прочимъ,—*отпаде вѣры христіянъскія и преложися в латыни*») составилось сказаніе, что Антоній прибылъ изъ отпавшаго отъ православія Рима въ православный Новгородъ, по морю, на камнѣ, и вывезъ съ собою оттуда св. сосуды.—Изъ житія св. Леонтія и Авраамія ростовскихъ мы узнаемъ объ обычаѣ размежеванія земель въ старину: епископъ посылалъ священника съ крестомъ на разводъ; священникъ становился на межѣ и бралъ клятву отъ спорившихъ сторонъ и отъ свидѣтелей. — Изъ житія св. Авраамія Смоленскаго (написаннаго въ XIII стол. ученикомъ его Ефремомъ) видно, во первыхъ, что въ Смоленскѣ, вслѣдствіе сношеній его жителей съ Ригою и *Готскимъ берегомъ* (прибалтійскими странами) образованность была развита гораздо болѣе, нежели въ другихъ городахъ русскихъ; а во вторыхъ, здѣсь передается одинъ замѣчательный фактъ изъ жизни самаго Авраамія, свидѣтельствующій о степени развитія русскаго духовенства въ ту эпоху. Авраамій былъ краснорѣчивый ораторъ, человѣкъ замѣчательно начитанный и умѣлъ ясно и понятно для каждаго возраста и разумѣнія объяснять слова св. писанія, и потому пользовался общею любовію всѣхъ классовъ народа. Противъ него возстали за это всѣ священники и монахи въ Смоленскѣ и взвели на него различныя обвиненія, въ особенности же обвиняли его въ ереси. *Се уже весь градъ къ себѣ обратилъ есть,* говорили они съ ужасомъ: «вотъ онъ уже и всѣхъ дѣтей нашихъ обратилъ.» Но на сторонѣ Авраамія былъ весь народъ, всѣ вельможи, или бояре, и самъ князь; игумены же и іереи преслѣдовали его и призвали къ суду: *безчиннымъ попомъ, яко воломъ рыкающимъ, князю же и вельможамъ необрѣтающимъ вины,* — говоритъ по этому случаю біографъ св. Авраамія. Изъ духовныхъ лицъ на сторонѣ Авраамія былъ одинъ только Лука Прусинъ (Истор. Очерки, т. II, стр. 115—118).

Изъ остальныхъ духовныхъ писателей XIII и писателей XIV стол. заслуживаютъ вниманія слѣдующіе:

8. *Кириллъ I*, митрополитъ кіевскій († 1233), который, по свидѣтельству лѣтописи, былъ *философъ велій, учителенъ зѣло и хитръ ученью божественныхъ книгъ.* Митрополитъ Кириллъ былъ Грекъ по происхожденію, но онъ принималъ дѣятельное участіе въ судьбахъ русской земли и былъ не разъ примирителемъ безпрерывно враждовавшихъ между собою русскихъ князей, за что лѣтописецъ называетъ его преблаженнымъ и святымъ. Кириллу I приписываютъ одинъ изъ замѣчательныхъ памятниковъ нашей духовной литературы: *Слово на соборъ Архистратига Христова Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ небесныхъ.* (*) Главное содержаніе этого слова заключается въ мысли о загробной жизни, въ изображеніи 20 мытарствъ, черезъ которые должна пройти душа человѣка, послѣ его смерти, и въ изображеніи страшнаго суда. Мысль о скорой кончинѣ міра и о второмъ пришествіи Христовомъ была въ то время очень распространена не только у насъ, но и на западѣ, и повторялась въ сочиненіяхъ многихъ духовныхъ писателей нашихъ. «Уже видимо, — говоритъ Кириллъ, — кончина міра приблизилась, и урокъ житію нашему приспѣлъ, и лѣта сокращаются, сбылось уже все сказанное

(*) Относительно настоящаго автора этого слова (или можетъ быть, если и другаго слова, то совершенно сходнаго съ нимъ по содержанію и извѣстнаго еще подъ заглавіемъ: «слова о мытарствахъ» или «слова о небесныхъ силахъ, и чего ради созданъ бысть человѣкъ») ученые изслѣдователи нашей старины не согласны между собою. Его приписываютъ то Кириллу Туровскому, то Кириллу Философу (съ именемъ котораго оно было встрѣчено однажды) то митрополиту Кириллу II, и проч.; а г. Шевыревъ, какъ мы уже замѣтили, слово это приписалъ Авраамію Смоленскому, который, будучи извѣстнымъ проповѣдникомъ, занимался еще духовною живописью и написалъ двѣ иконы: «страшный судъ» и «испытаніе воздушныхъ мытарствъ». — Въ русской литературѣ прежняго времени существуетъ и много другихъ памятниковъ, о которыхъ трудно сказать, кѣмъ и когда они написаны; потому что не рѣдко одно и тоже слово или поученіе (какъ переведенное съ греческаго, такъ и оригинальное) являлось у насъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, только съ различными сокращеніями, добавленіями и передѣлками; и при этомъ передѣлыватели мало заботились о сохраненіи имени первоначальнаго автора или объ означеніи времени, когда было написано сочиненіе впервые. Вотъ почему имена сочинителей и время появленія многихъ памятниковъ нашей старинной литературы могутъ быть опредѣлены только послѣ многочисленныхъ и трудныхъ ученыхъ изысканій.

Господомъ: возстанетъ бо языкъ на языкъ. Говорятъ, что по прошествіи семи тысячь лѣтъ, пришествіе Христово будетъ» и проч. И затѣмъ проповѣдникъ призываетъ вѣрующихъ къ покаянію. Изображеніе мытарствъ и кончины міра, картина страшнаго суда и мученій грѣшниковъ, все это изложено въ «словѣ на соборъ Архистратига Михаила» съ большою живостію и изобразительностію и не могло не производить сильнаго впечатлѣнія на воображеніе слушателей. Вообще разбираемое нами слово можетъ служить образцомъ духовной поэзіи XIII стол. по заключающимся въ немъ поэтическимъ картинамъ, каковы, напримѣръ: картина явленія ангеловъ и смерти къ одру умирающаго, картина смерти грѣшниковъ и претерпѣваемыхъ ими мученій, изображеніе странствованія души по мытарствамъ, свѣтопредставленія и т. д. Смерть приходитъ къ умирающему, по словамъ проповѣдника, и приноситъ съ собою всякое орудіе: *мечи*, *и пилы*, *и сѣчива*, *и рожны*, она разнимаетъ по суставамъ всѣ члены человѣческаго тѣла и отсѣкаетъ голову, потомъ даетъ пить изъ чаши горести; и тогда душа вылетаетъ изъ тѣла и глядитъ на него какъ на *ризу* (платье), которой она облекалась. Душу праведника, послѣ того какъ она пройдетъ чрезъ всѣ 20 мытарствъ, берутъ ангелы, приносятъ къ престолу Вседержителя и отводятъ въ рай; а душу нераскаявшагося грѣшника берутъ бѣсы, бьютъ ее, не даютъ ей пройти и перваго мытарства и бросаютъ въ адъ, и проч.

Подобныя картины ужаса и вѣчныя усилія дѣйствовать на народъ страхомъ, усилія, перешедшія въ произведенія нашихъ духовныхъ писателей изъ византійскихъ источниковъ, конечно не могли дѣйствовать благотворно на нравственное развитіе народа. Этими усиліями только запугивалось воображеніе народное; а вѣчный страхъ наказаній и будущихъ мученій за гробомъ отнималъ у народа нравственную энергію и лишалъ его способности относиться свободно, съ теплою вѣрою и любовію къ высокимъ истинамъ ученія христіанскаго. Религія имѣла на него одно лишь устрашительное дѣйствіе. А что понятія и представленія, заключающіяся въ словѣ «на соборъ Архистратига Михаила» и въ подобныхъ ему произведеніяхъ, проникали въ народъ и производили на него ужасающее впечатлѣніе, — тому служитъ доказательствомъ существованіе множества народныхъ духовныхъ сти-

ховъ о страшномъ судѣ, которые образовались, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ этого слова и другихъ книжныхъ произведеній этого рода, принесенныхъ къ намъ изъ Византіи. Вотъ почему мы сочли нужнымъ говорить подробнѣе обыкновеннаго о «словѣ на соборъ Архистратига Михаила.»

---

9. Въ связи съ сейчасъ разобраннымъ нами словомъ находится другой памятникъ XIII вѣка, извѣстный подъ именемъ: «Поученія іереомъ,» который также остается загадочнымъ относительно своего автора. Поученіе это встрѣтилось вставленнымъ въ «слово на соборъ архистратига Михаила,» но оно встрѣчается и отдѣльно въ Кормчихъ и въ разныхъ духовныхъ сборникахъ, подъ заглавіями: «Слово и поученіе къ попомъ,» «Поученіе священникамъ,» или «Поученіе іереомъ» (каждый разъ съ небольшими измѣненіями, касающимися впрочемъ собственно внѣшней формы сочиненія, а не его содержанія). Оно заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ исчисленіе тѣхъ качествъ, которыми должны отличаться пастыри церкви, и тѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на нихъ, какъ на учителяхъ вѣры. Вообще все слово заключается въ наставленіяхъ и предписаніяхъ епископамъ и іереямъ, какъ они должны поступать въ томъ или другомъ случаѣ. Въ началѣ проповѣдникъ обращается ко всему духовному собору: «Слышите убо отцы о Господѣ, архіерейскій и священноиноческій и іерейскій преподобный и священный соборе, къ вамъ ми слово сказати предлежить,» — и послѣ исчисленія всѣхъ обязанностей духовенства, говоритъ: если они сохранятъ все предписанное, то «и земли наши отъ иновѣрныхъ бесерменскихъ странъ облегчатся, и милость Божія на всѣ страны русскія умножится, и пагуба и тли (порча) плодамъ и скотамъ престанутъ, и народы всея русскія земли въ тишинѣ поживуть,» и проч. Вообще видно, что поученіе это написано высшимъ іерархомъ церкви, митрополитомъ или епископомъ. (Въ нѣкоторыхъ редакціяхъ встрѣчаются прямыя указанія на личность самаго проповѣдника, называющаго себя епископомъ, напр. «азъ бо грѣшный епископъ вашъ вся ркохъ вамъ и ничего отъ васъ не скрыхъ.» И эта послѣдняя редакція «Поученія іереомъ» отли-

чается вообще большею строгостію своихъ наставленій и требованій и большею рѣзкостію тона и выраженій). «Поученіе іереомъ,»—одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ для изученія исторіи русской церкви.

---

10. До насъ дошли извѣстія отъ описываемаго времени и о нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ лицахъ, преимущественно высшихъ іерархахъ русской церкви, дѣйствовавшихъ устнымъ или письменнымъ словомъ, и считавшихся лучшими проповѣдниками своего времени. Каковы были, напримѣръ:

Кириллъ, епископъ ростовскій († 1262), одинъ изъ краснорѣчивыхъ проповѣдниковъ. По извѣстію лѣтописца, къ Кириллу стекался народъ изъ окрестныхъ городовъ слушать его ученіе отъ св. книгъ, и авторъ этого извѣстія говоритъ о себѣ, что онъ, стоя въ церкви, въ нѣкоторомъ узкомъ мѣстѣ, при входѣ (въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и *во входнѣ*) записывалъ слова проповѣдника.

Кириллъ II, митрополитъ всея Руси († 1280), которому преосв. Филаретъ (въ своемъ *Обзорѣ рус. дух. лит.*) приписываетъ «Поученіе іеeомъ,» вмѣстѣ съ словомъ «на соборъ Архистратига Михаила,» равно какъ разобранное нами выше «слово христолюбца» и нѣкоторыя другія поученія XIII в.

Серапіонъ, епископъ владимірскій, современникъ митрополита Кирилла II (поставленный имъ въ епископы изъ кіевопечерскихъ монаховъ въ 1274 году), мужъ *учительный* и *сильный* въ знаніи книгъ божественнаго писанія, по словамъ лѣтописи. Отъ Серапіона до насъ дошло *пять словъ,* или поученій, гдѣ онъ, подобно митрополиту Кириллу, призываетъ своихъ слушателей къ покаянію, указывая на страшныя бѣдствія, тяготѣющія надъ Русью и возвѣщающіе послѣднее время. Замѣчательно, что въ словахъ Серапіона встрѣчаются укоризны слушателямъ по поводу суевѣрныхъ языческихъ понятій, приписывать народныя бѣдствія (неурожаи и проч.) вѣдьмамъ, и губить ихъ за это. «Вы все еще держитесь, — говоритъ проповѣдникъ, — *поганскаго* (языческаго) *обычая*, волхвованію вѣруете и сожигаете невинныхъ людей,» и проч.

---

11. Въ эту же эпоху дѣйствовали словомъ и поученіемъ знаменитые митрополиты Руси, *Петръ* и *Алексѣй,* болѣе замѣчательные впрочемъ въ русской исторіи по своему политическому значенію и по своей государственной дѣятельности, въ періодъ возвышенія Москвы, чему въ особенности сильно содѣйствовалъ св. Алексѣй, помогая московскимъ князьямъ въ утвержденіи ихъ власти надъ прочими удѣльными князьями. До насъ дошли: отъ митрополита Петра — поученіе игуменамъ, священникамъ и дьяконамъ, гдѣ онъ увѣщеваетъ ихъ служить примѣромъ для мірянъ, а отъ митрополита Алексѣя «поученіе отъ апостольскихъ дѣяній къ христолюбивымъ христіанамъ.» Да кромѣ того извѣстенъ еще *списокъ новаго завѣта*, по преданію, написанный собственною рукою св. Алексѣя. Списокъ этотъ разнится отъ предшествовавшихъ славянскихъ списковъ евангелія тѣмъ, что въ немъ видно желаніе передать смыслъ священнаго текста въ болѣе ясныхъ, даже простонародныхъ, оборотахъ русской рѣчи. Это доказываетъ, что уже митрополитъ Алексѣй видѣлъ потребность сличенія славянскаго перевода св. книгъ съ греческимъ текстомъ; и нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи наши приписываютъ ему мысль заняться вновь переложеніемъ съ греческаго всѣхъ новозавѣтныхъ книгъ, въ полномъ ихъ видѣ. Г. Шевыревъ замѣчаетъ по этому случаю, что «наши святые пастыри чтили духъ писанія, а не мертвую букву, и издревле рачительно заботясь объ исправленіи славянскаго текста, тѣмъ благословляли и впредь подобные труды.» (Исторія Рус. Слов. Лекціи ч. III.)

Къ духовнымъ дѣятелямъ описываемой нами эпохи должны быть отнесены и два святые пустынножителя, *Сергій Радонежскій* и *Кириллъ Бѣлозерскій*, равно какъ и просвѣтитель Зырянъ, *Стефанъ Пермскій*, (*) дѣйствовавшіе духовнымъ словомъ, устно и письменно, и имѣвшіе (т. е. первые два) большое нравственное вліяніе на современное общество. Но изъ нихъ отъ одного только Кирилла Бѣлозерскаго до насъ дошло нѣсколько духовно-поучительныхъ посланій къ нѣкоторымъ изъ современныхъ князей. Въ одномъ изъ этихъ посланій, — къ великому

(*) Св. Стефанъ изучилъ греческій языкъ, потомъ выучился зырянскому, изобрѣлъ азбуку для Зырянъ, или Пермяковъ и перевелъ на ихъ языкъ всѣ необходимыя богослужебныя книги.

князю Василію Дмитріевичу, — св. Кириллъ, увѣщевая его быть внимательнымъ къ себѣ и ко всему княженію своему, говоритъ: «Если въ кораблѣ гребецъ ошибется, то малый вредъ причинитъ плавающимъ, если же ошибется кормчій, то всему кораблю причиняетъ пагубу: такъ, если кто отъ бояръ согрѣшитъ, повредитъ этимъ единому себѣ, если же самъ князь, то причиняетъ вредъ всѣмъ людямъ,» и проч.

По своей собственно литературной дѣятельности, какъ духовные писатели XIV столѣтія, болѣе примѣчательны:

12. *Кипріанъ*, митрополитъ кіевскій и всея Руси († 1406) родомъ Сербъ, поставленный въ митрополиты въ Константинополѣ по просьбѣ югозападныхъ русскихъ князей, именно въ то время, когда сѣверъ Руси (и преимущественно Москва) началъ усиливаться на счетъ юга и сдѣлался наконецъ средоточіемъ русской жизни. Не смотря однако на просьбу князей, Кипріанъ былъ посвященъ въ митрополиты константинопольскимъ патріархомъ лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы, по смерти московскаго митрополита Алексѣя, онъ былъ сдѣланъ митрополитомъ всея Руси.

Кипріанъ Сербъ принадлежитъ къ числу извѣстнѣйшихъ духовныхъ дѣятелей древней Руси. Онъ привезъ съ собою большое число славянскихъ переводовъ различныхъ церковныхъ книгъ, самъ много занимался на Руси переводами съ греческаго на русскій языкъ и ревностно хлопоталъ о распространеніи духовныхъ книгъ въ нашемъ отечествѣ. Этимъ онъ болѣе всего извѣстенъ въ исторіи русской словесности. Вообще, какъ свидѣтельствуютъ современныя извѣстія, Кипріанъ былъ *мужъ книжный* и много трудился на пользу книжнаго дѣла. У него была, по словамъ лѣтописи, *опришная* (особенная) церковь, куда онъ пріѣзжалъ часто и пребывалъ въ дѣлѣ книжнаго писанія. Онъ заботился о снабженіи церквей правильными богослужебными книгами и уставами; въ одномъ изъ своихъ посланій онъ писалъ, что толстые сельскіе сборники содержатъ въ себѣ много ложнаго, посѣяннаго еретиками на соблазнъ невѣждамъ, какъ напримѣръ, молитвы о трясавицахъ.

Изъ оригинальныхъ сочиненій Кипріана извѣстны: нѣсколько посла-

ній его, между прочими: посланія къ св. Сергію и Θеодору; въ одномъ изъ нихъ Кипріанъ рѣзко жалуется на обращеніе съ нимъ великаго князя и его людей. Обращаясь къ названнымъ святымъ мужамъ, онъ говоритъ: «И аще миряне блюдутся князя, занеже у нихъ жены и дѣти, стяжанія и богатства, и того не хотятъ погубити: выже иже міра отреклися есте и иже въ мирѣ, живете единому Богу, како, толику злобу видѣвъ, умолчали есте?» *Житіе св. митрополита Петра*, написанное Кипріаномъ, заключается въ восхваленіи святаго, и по манерѣ разсказа, и по витіеватому слогу и языку ничѣмъ не отличается отъ другихъ подобныхъ житій. Болѣе замѣчательна дошедшая до насъ *прощальная грамота* Кипріана, которую онъ написалъ за четыре дня до своей смерти и завѣщалъ прочесть всенародно, когда тѣло его будутъ класть въ гробъ, что и было исполнено. Въ этой грамотѣ митрополитъ Кипріанъ прощается со всѣми, всѣхъ благословляетъ и проситъ себѣ отъ всѣхъ прощенія и благословленія. Изъ сдѣланныхъ Кипріаномъ переводовъ болѣе извѣстны: переводъ *Лѣствицы* св. Іоанна и толкованія на нее (*) и переводъ греческаго *Служебника*.

---

13. *Григорій Цамблакъ*, или *Самвлакъ* († 1419) кіевскій митрополитъ, родомъ Болгаринъ. Григорій поставленъ былъ въ кіевскіе митрополиты соборомъ восьми русскихъ епископовъ, по требованію Витовта, вел. князья литовскаго, которому принадлежала въ то время югозападная Русь. Но московскій митрополитъ *Фотій* (родомъ Грекъ) поставленный въ Константинополѣ и именовавшійся митрополитомъ всея Руси, издалъ противъ митрополита Григорія окружное посланіе къ православному южнорусскому населенію, въ которомъ въ самыхъ рѣзкихъ и сильныхъ выраженіяхъ порицалъ Григорія и епископовъ, его поставившихъ, называя перваго *мятежникомъ церковнымъ*, а не митрополитомъ, и говоря, что онъ поставленъ неправильнымъ сборищемъ, по волѣ мірской власти

(*) По другимъ извѣстіямъ, митрополитъ Кипріанъ не самъ перевелъ, а только переписалъ собственноручно въ 1387 году славянскій переводъ «*Лѣствицы*» св. Іоанна,—сочиненія чисто аскетическаго. Св. Іоаннъ *Лѣствичникъ*, одинъ изъ греческихъ отцевъ церкви VI стол., посвятилъ себя съ юности жизни анахарета и провелъ 59 лѣтъ въ пустынѣ на Синайской горѣ. Главное сочиненіе его—*Климаксъ* или *Лѣстница къ Небу*, по которому онъ и названъ «лѣствичникомъ.»

и по своему хотѣнію. — Изъ обстоятельствъ жизни Григорія замѣчательно то, что онъ отправился вмѣстѣ съ посольствомъ Витовта на Констанцскій соборъ, куда прибыли и послы греческаго императора Эммануила, имѣвшіе порученіе начать переговоры съ папою о соединеніи церквей; но переговоры объ этомъ, какъ извѣстно, и не начинались на Констанцскомъ соборѣ. Послѣ смерти Григорія, въ 1419 году, Фотій снова получилъ въ управленіе южнорусскую церковь и сдѣлался опять на дѣлѣ митрополитомъ всея Руси.

По словамъ лѣтописей, Григорій Цамблакъ былъ изученъ всякой книжной мудрости *(книженъ зело и искусенъ въ словѣ.)* Онъ пользовался славою краснорѣчиваго оратора между современниками и оставилъ послѣ себя много писаній; до насъ дошло довольно значительное число (именно 27) написанныхъ имъ духовныхъ *поученій* и *похвальныхъ словъ* въ честь нѣкоторыхъ святыхъ мужей; изъ послѣднихъ болѣе извѣстны похвальное слово Кипріану и житіе св. Стефана, сербскаго царя. — Сочиненія Цамблака, по духу и характеру своему, ничѣмъ не отличаются отъ большей части сочиненій современныхъ ему русскихъ проповѣдниковъ: въ его поученіяхъ излагаются общія правила христіанской жизни съ точки зрѣнія современныхъ учителей церкви, а въ похвальныхъ словахъ и въ житіяхъ восхваленіе святаго обыкновенно украшается всѣми цвѣтами византійскаго краснорѣчія, изъ-за котораго ни мало не выступаютъ ни личность восхваляемаго святаго, ни личность самаго проповѣдника, ни наконецъ та или другая характеристическаго черта времени, въ которое они дѣйствовали.

Мы обозрѣли труды почти всѣхъ, болѣе примѣчательныхъ, духовныхъ писателей нашихъ XIII и XIV стол. Число ихъ было очень не велико, и то скудное количество произведеній, которое дошло до насъ отъ этихъ писателей, отличается вообще большимъ однообразіемъ и представляетъ по большей части ни что иное, какъ плохія подражанія византійскимъ образцамъ. Въ поученіяхъ и пастырскихъ посланіяхъ заключаются вообще либо объясненія догматовъ вѣры, либо обыкновенныя религіозныя и нравственныя наставленія; но какъ тѣ, такъ и

другія излагаются безъ системы, какъ-то отрывочно и преимущественно состоятъ изъ множества текстовъ и примѣровъ изъ св. книгъ, которые приводятся кстати и не кстати.

Таковы произведенія эти со стороны внѣшней формы своей и содержанія; а съ внутренней стороны, т. е. со стороны духа и направленія мы замѣчаемъ слѣдующія характеристическія черты почти во всѣхъ поученіяхъ, посланіяхъ, житіяхъ и т. п. сочиненіяхъ нашихъ духовныхъ писателей XIII и XIV стол.: во первыхъ—нетерпимость ко всему, что не входило въ область православнаго вѣрованія; во вторыхъ—вѣра въ разнаго рода *знаменія* и *прещенія*, которыя, по ученію проповѣдниковъ того времени, предшествовали обыкновенно казнямъ Божіимъ за наши грѣхи, и слѣпая вѣра въ преданія; и наконецъ въ третьихъ— привязанность къ буквѣ, а не къ духу писанія и строгое соблюденіе внѣшней, обрядовой стороны религіи, часто безъ сознательнаго проникновенія во внутренній смыслъ христіанскаго ученія. Впрочемъ, въ первыя времена христіанства, у народа не просвѣщеннаго, произведенія духовныхъ писателей и не могли быть иными. Да и сами писатели эти стояли вообще на весьма не высокой степени образованности, которая не шла у нихъ далѣе начитанности церковныхъ книхъ. Даже вѣкомъ позже, въ XV столѣтіи, извѣстный митрополитъ Исидоръ отзывался о русскихъ епископахъ, что они не книжны. Смутныя обстоятельства тогдашняго времени, татарскіе и литовскіе набѣги и нескончаемые раздоры и усобицы князей и не могли конечно способствовать развитію на Руси образованности въ эту эпоху; а византійское вліяніе, которому наши духовные писатели подчинялись безгранично, вносило въ произведенія ихъ по большей части лишь аскетическій взглядъ на жизнь и несвойственные русской жизни взгляды и понятія.

Продолженіе переводовъ съ греческаго и составленіе духовныхъ сборниковъ. Русское духовенство, при всемъ незначительномъ развитіи у насъ образованности въ XIII—XI стол. сохраняло однако и въ это время, въ лучшей средѣ своей, грамотность и любовь къ книгамъ, находя въ нихъ главный источникъ для пріобрѣтенія религіозныхъ познаній и главное средство какъ для собственнаго религіознаго совершенство-

нанія, такъ и для проповѣдованія религіи въ народѣ. Но такъ какъ для духовенства были важны и имѣли значеніе лишь тѣ книги, которыя приходили изъ Византіи; то переводы произведеній греческой духовной литературы усердно продолжались на Руси и теперь. Такъ мы говорили о переводныхъ трудахъ митрополита Кипріана; вѣроятно и многія другія духовныя лица занимались переводами съ греческаго; потому что большая часть греческихъ сочиненій отцевъ церкви, какъ напримѣръ: сочиненія Андрея Критскаго, Исаака Сирина, Максима Исповѣдника, преподобнаго Нила, Меѳодія Патарскаго и проч. распространились у насъ болѣе всего именно между XII—XV стол. Переводные же греческіе патерики и нѣкоторыя произведенія знаменитыхъ учителей церкви,—Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова,— появились на Руси въ славянскихъ переводахъ, какъ мы уже говорили, еще въ XI стол. и ранѣе; но большая часть изъ этихъ послѣднихъ переводовъ была совершена внѣ Россіи. Въ описываемое нами время переводились даже сочиненія многихъ незамѣчательныхъ писателей. Такъ, подъ 1384 годомъ, упоминается въ лѣтописи, что въ томъ году переведено было «слово святаго и премудраго *Георгія Писида* — похвала къ Богу о сотвореніи всея твари.» Слово это есть — *Гексамеронъ* (Шестодневъ) одного плодовитаго византійскаго писателя VII в. Георгія Писида,—родъ религіозно-зоологической поэмы, заключающей въ себѣ изложенную въ стихахъ исторію творенія (*). Переводчикомъ этой поэмы былъ нѣкто *Димитрій Зоографъ*.

Всѣ переводимыя съ греческаго поученія, слова и другаго рода сочиненія отцевъ церкви усердно списывались иноками нашихъ монастырей, и изъ нихъ-то составлялись тѣ огромные, толстые сборники, которые извѣстны подъ разными названіями: *Златыхъ цѣпей*, *Златоустовъ*, *Златоструевъ*, *Измарагдовъ*, *Маргаритовъ*, *Торжественниковъ*, и т. п. Всѣ подобные сборники заключаютъ въ себѣ почти

(*) Греческія сочиненія о сотвореніи всякаго рода животныхъ и звѣрей, каковы, наприм. *Шестодневъ* Василія Великаго и Іоанна Дамаскина и написанная по ихъ образцу поэма Григорія Писида,— были въ старину очень распространены на Руси; изъ нихъ у насъ составлялись особые *звѣриные* сборники, или *бестіаріи*, въ которыхъ болѣе всего разсказывается о сверхъестественныхъ и фантастическихъ звѣряхъ, производившихъ ужасающее дѣйствіе на читателей. (См. ст. г. Буслаева о духовныхъ стихахъ, въ газ. «Русская Рѣчь» 1861 г., № 23).

исключительно поученія отцевъ церкви; они обращались во множествѣ между старинными русскими читателями, о чемъ можно заключать изъ того, что множество рукописей этихъ сборниковъ сохранилось до нашего времени (*). Къ подобнаго же рода сборникамъ, весьма сильно распространеннымъ въ старину, принадлежали и *Прологи*, или сборники, заключающіе въ себѣ краткія повѣствованія о житіи святыхъ, расположенныя по днямъ, извлеченія изъ поученій, бесѣдъ и т. п. произведеній знаменитыхъ проповѣдниковъ и учителей церкви. По мнѣнію г. Буслаева, Прологи имѣли большое вліяніе на нашу старинную духовную литературу; они какъ-бы служили руководствомъ духовнымъ писателямъ нашимъ, при составленіи житій русскихъ святыхъ, при сочиненіи проповѣдей и т. п. Поэтому то, при изученіи духовно-литературныхъ произведеній древней Руси, всѣ названные сборники поученій не должны быть оставляемы безъ вниманія.

ОТДѢЛЪ III.

Русскіе писатели и литературная дѣятельность на Руси въ XV, XVI и XVII стол. Литература переходнаго времени.

Литературное движеніе, писатели и памятники русской литературы въ XV и XVI столѣт.

Литература XV—XVI столѣтія, какъ и литература предшествовавшихъ вѣковъ, продолжаетъ быть почти исключительно литературою церковною и заключается преимущественно въ пастырскихъ поученіяхъ и посланіяхъ высшихъ іерарховъ церкви и другихъ членовъ русскаго духовенства. Но въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣка особенныя обстоятельства русской церкви, именно появленіе ересей, произведшихъ сильное броженіе умовъ въ средѣ современнаго русскаго общества, придали церковной литературѣ нашей этого періода необыкновенное движеніе и жизненность и вызвали на литературное поприще замѣчательныхъ духовныхъ дѣятелей древней Руси, каковы бы-

(**) Подробности о каждомъ изъ этихъ сборниковъ можно читать въ *Православн. Собесѣдн.* 1858 г., статья: *О чтеніи книгъ въ древней Руси.*

ли, напримѣръ, новгородскій владыка, Геннадій и Іосифъ Волоцкой, которыми по справедливости можетъ гордиться наша старинная церковная литература. Характеръ указаннаго нами литературнаго движенія, равно какъ и причины, его произведшія, опредѣлятся яснѣе всего при обозрѣніи дѣятельности Геннадія и Іосифа. Потому мы займемся теперь исчисленіемъ, по порядку времени, болѣе извѣстныхъ писателей нашихъ XV и XVI вѣковъ:

1. *Фотій* († 1431) митрополитъ московскій, Грекъ по происхожденію, и какъ видно, не хорошо знакомый съ русскимъ языкомъ; потому что даже на духовномъ завѣщаніи велик. князя Василія Дмитріевича и на договорной грамотѣ Василія Васильевича митрополитъ Фотій подписался по-гречески. Тѣмъ не менѣе Фотій былъ одинъ изъ весьма дѣятельныхъ іерарховъ русской церкви, и оставилъ послѣ себя нѣсколько пастырскихъ посланій: къ южно-русскому народу (о которомъ мы говорили) къ псковичамъ и друг. Посланія свои, по всей вѣроятности, Фотій писалъ по-гречески, подобно другимъ русскимъ митрополитамъ изъ Грековъ, (*) и потомъ уже вѣроятно они переводились на русскій языкъ состоявшими при митрополитѣ переводчика-

(*) Послѣ Фотія, послѣднимъ русскимъ митрополитомъ изъ Грековъ былъ извѣстный Исидоръ, принявшій участіе въ соборѣ, созванномъ во Флоренціи по поводу соединенія церквей. Древняя Русь, сознавая неудобство имѣть у себя митрополита изъ Грековъ, современъ Ярослава, дѣлала нѣсколько разъ попытки къ освобожденію русской церкви изъ подъ зависимаго положенія отъ Византіи и къ поставленію митрополитовъ на Руси не только изъ Русскихъ, но и независимо отъ константинопольскаго патріарха. Василій Темный въ одной грамотѣ къ патріарху Митрофану, испрашивая русскимъ епископамъ право избирать и поставлять митрополитовъ въ Русь, между прочими побудительными причинами къ тому выставлялъ и слѣдующую: «намъ надобно сноситься съ митрополитомъ о важныхъ дѣлахъ, а когда митрополитъ Грекъ, то мы должны разговаривать съ нимъ чрезъ переводчиковъ, людей незначительныхъ, которые такимъ образомъ прежде другихъ будутъ знать важныя тайны.» Но наконецъ Флорентійскій соборъ, бѣгство изъ Москвы Исидора (котораго великій князь, за намѣреніе ввести въ русскую церковь латинскія *новизны*, называетъ *латинскимъ ересьнымъ прелестникомъ, волкомъ*) и смутныя обстоятельства греческой церкви представили Василію Темному возможность поставить въ митрополиты рязанскаго епископа Іону, соборомъ русскихъ епископовъ, помимо вліянія византійскаго императора и патріарха; а потомъ, послѣ взятія Турками Константинополя, въ 1453 году, самостоятельность русской церкви въ іерархическомъ отношеніи утвердилась навсегда.

ми. Отъ Фотія дошла до насъ также *прощальная грамота*, подобная грамотѣ митрополита Кипріана.

---

2. *Пахомій Логоѳетъ* (родомъ Сербъ) святогорскій монахъ, пришелъ съ Аѳона въ Новгородъ въ 1460 г. По словамъ современныхъ свидѣтельствъ, Пахомій Сербъ былъ весьма искусенъ въ книжномъ сложеніи; сначала въ Новгородѣ, по порученію тамошняго владыки, Іоны, а потомъ въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, онъ занимался описаніемъ чудесъ, составленіемъ похвальныхъ словъ, каноновъ, службъ и житій многихъ русскихъ святыхъ. За эти труды, какъ сказано въ житіи св. Іоны новгородскаго, новгородскій владыка утѣшалъ Пахомія деньгами и соболями.

---

3. *Вассіанъ* († 1481) архіепископъ ростовскій. — Вассіанъ знаменитъ въ нашей исторіи по своему посланію къ Ивану III на Угру и по краткой рѣчи, сказанной великому князю и дошедшей до насъ въ лѣтописяхъ. Талантъ краснорѣчиваго оратора, сила и энергія слава и патріотическое одушевленіе, которые мы находимъ въ краткой рѣчи Вассіана и въ его посланіи на Угру, рѣзко отличаютъ его отъ всѣхъ современныхъ духовныхъ дѣятелей и проповѣдниковъ древней Руси. Вотъ краткая рѣчь Вассіана къ Ивану Васильевичу, какъ она передана намъ въ лѣтописи. Великій князь, оставивъ войско свое на берегу Оки противъ хана золотой Орды, Ахмата, и не вступая въ бой съ Татарами, по совѣту нѣсколькихъ бояръ, прискакалъ въ Москву, откуда уже прежде распорядился выслать жену свою, вмѣстѣ съ казною, далеко на сѣверъ. Вассіанъ, по словамъ лѣтописца, встрѣтилъ великаго князя въ Кремлѣ, назвалъ его *бѣгуномъ* (убѣжавшимъ) и укорялъ въ слѣдующихъ энергическихъ выраженіяхъ: «Вся кровь на тебе падетъ хрестьянская, что ты выдавъ ихъ (христіанъ), бѣжишь прочь, а бои не постави съ Татары и не бився съ ними. А чему боишися смерти? Не безсмертенъ еси человѣкъ, — смертенъ; и безъ року смерти нѣту ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю. А дай семо вои въ руку мою, коли азъ старый утулю лице противъ Татаръ» (т. е. дай мнѣ въ руки войско, увидишь, уклоню ли я, старикъ, лице свое передъ

Татарами?). Когда Иванъ III выѣхалъ наконецъ изъ Москвы, по убѣжденію Вассіана, съ обѣщаніемъ идти противъ Татаръ, все стоявшихъ на р. Угрѣ, началъ здѣсь снова колебаться и повелъ съ Ахматомъ переговоры о мирѣ; тогда-то Вассіанъ написалъ къ нему свое знаменитое посланіе на Угру, въ которомъ убѣждаетъ великаго князя не унывать, не слушать *льстецовъ лжеименитыхъ*, которые совѣтуютъ ему не биться съ Татарами и побросать щиты, а умоляетъ его, напротивъ, — стать крѣпко на защиту христіанства и отечества противъ *безбожнаго языка агарянскаго*; приводитъ въ примѣръ подвиги его прародителей, великихъ князей: Игоря, Святослава, Владиміра, «бравшихъ данъ на царяхъ греческихъ,» Владиміра Мономаха, Димитрія Донскаго и проч. Это посланіе Вассіана замѣчательно вообще по исторической важности своего содержанія и по благородному чувству патріотическаго одушевленія. Въ немъ выражается прямое отношеніе къ жизни и какъ бы слышенъ общественный голосъ русскаго народа, что мы замѣчаемъ въ весьма немногихъ пастырскихъ посланіяхъ того времени. Отъ Вассіана осталось еще нѣсколько поученій и написанное имъ житіе учителя его, св. Пафнутія Боровскаго.

---

4. Геннадій. († 1506), архіепископъ новгородскій, возведенъ на каѳедру святителей Новгорода Великаго изъ архимандритовъ Чудова монастыря въ Москвѣ, въ 1485 году. Геннадій принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ и ученѣйшихъ людей своего времени. Онъ прославился въ русской исторіи, во первыхъ, какъ энергическій и суровый преслѣдователь новгородскихъ еретиковъ, или т. н. «жидовствующихъ;» а во вторыхъ, какъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ ревнителей древнерусскаго просвѣщенія, которому оказалъ незабвенныя услуги.

Геннадій—первый изъ духовныхъ дѣятелей древней Руси подалъ голосъ о необходимости завести училища для духовныхъ; съ безпощадною рѣзкостью онъ обличалъ малограмотность и невѣжество современнаго русскаго духовенства и вступилъ въ открытую вражду съ невѣжествомъ своего времени. Кромѣ того, имя Геннадія знаменито въ исторіи русскаго просвѣщенія еще тѣмъ, что оно тѣсно связано

съ судьбами книгъ св. писанія на Руси: Геннадій былъ составителемъ полнаго списка библейскихъ книгъ; при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были переведены вновь, по его порученію. Полный списокъ Геннадіевской библіи дошелъ до насъ отъ 1499 года и хранится въ Московской синодальной библіотекѣ.

Главная часть литературныхъ трудовъ Геннадія (заключающаяся въ извѣщательныхъ грамотахъ и въ посланіяхъ его о ереси: къ великому князю, къ тремъ русскимъ митрополитамъ и къ нѣкоторымъ епископамъ) была вызвана тою ожесточенною борьбою, которая завязалась у Геннадія съ новгородскими еретиками. Схаріева, или такъ называемая, ересь «жидовствущихъ»—явленіе крайне важное и до сихъ поръ не вполнѣ объясненное въ исторической жизни древней Руси. Эта ересь произвела сильное смущеніе въ средѣ православнаго русскаго народа и болѣе тридцати лѣтъ волновала спокойствіе русской церкви. И потому Геннадій имѣлъ право смотрѣть на поднятую имъ борьбу съ еретиками какъ на свой великій, жизненный подвигъ. Оттого и на всѣхъ посланіяхъ его о новгородской ереси лежитъ яркій отпечатокъ времени и рѣзко выступаетъ личность самаго Геннадія, какъ суроваго гонителя еретиковъ и ревностнаго поборника православія. Но, для вѣрной оцѣнки литературной дѣятельности Геннадія въ вопросѣ о новгородской ереси, мы должны сказать нѣсколько словъ о развитіи самой ереси и объ отношеніи ея къ тогдашней общественной жизни русскаго народа.

Еще во второй половинѣ XIV вѣка, въ Псковѣ и Новгородѣ, появилось общество еретиковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *стригольниковъ.* Ученіе стригольниковъ началось съ недовольства противъ власти духовенства, и вначалѣ направлено было главнымъ образомъ противъ власти духовной іерархіи. Еретики выставляли на видъ нѣкоторыя частныя злоупотребленія и безпорядки, встрѣчавшіеся въ церковной іерархіи, а отъ этого перешли къ отрицанію необходимости духовенства, самой церкви и проч. Изъ Пскова стригольническая ересь перешла въ Новгородъ, и распространялась какъ тамъ, такъ и здѣсь тѣмъ свободнѣе, что въ Новгородѣ давно тяготились зависимостію отъ митрополита всея Руси; псковичи же, въ свою очередь, давно возставали противъ суда владыки новгородскаго, противъ его поборовъ и частыхъ посѣщеній Пскова. Ересеначальники у стригольниковъ были видимо люди ученые, и

отличались внѣшнею строгостію нравовъ; они прельщали народъ своимъ безкорыстіемъ, примѣрною нравственностію, умѣньемъ говорить отъ св. писанія; указывая на нихъ, говорили: «вотъ эти не грабятъ имѣнія, не собираютъ.» (Исторія Россіи, С. Соловьева, т. IV, стр. 339). Этимъ они конечно привлекали къ себѣ многихъ, и число послѣдователей ихъ увеличилось. Такимъ образомъ, при существованіи недовольныхъ духовною властію въ средѣ народа непросвѣщеннаго, еретикамъ было не трудно образовать такое ученіе, которое отвергало вовсе священство и церковную іерархію, отвергало наконецъ существованіе самой церкви, таинствъ, обрядовъ и проч. Имъ было не трудно конечно встрѣтить въ народѣ сочувствіе этому ученію и найти себѣ многихъ послѣдователей. — Противъ стригольниковъ были приняты строгія мѣры. Московскій митрополитъ Фотій писалъ противъ нихъ нѣсколько посланій къ псковичамъ, и послѣднее изъ нихъ еще въ 1427 году; значитъ, стригольническая ересь не была искоренена окончательно еще и въ XV вѣкѣ. Она была подавлена въ Псковѣ и въ Новгородѣ, но многіе изъ еретиковъ разбѣжались по разнымъ мѣстамъ и вѣроятно продолжали пропагандировать свое ученіе.

Въ семидесятыхъ годахъ XV столѣтія, т. е. вскорѣ послѣ стригольниковъ и недалеко отъ того мѣста, гдѣ зародилось ихъ ученіе, именно въ Новгородѣ, является ересь Схаріи. Схарія пріѣхалъ въ Новгородъ въ 1471, вмѣстѣ съ братомъ кіевскаго князя Семена, Михаиломъ Олельковичемъ, котораго новгородцы выпросили себѣ въ намѣстники у польскаго короля, Казиміра, надѣясь этимъ отстоять старую вольность Новгорода Великаго, которой суждено было скоро пасть окончательно передъ единовластіемъ Москвы. Схарія былъ Жидъ хорошо образованный, даже ученый, знакомый хорошо съ св. писаніемъ, съ современной духовной литературой вообще, и обладалъ вѣроятно даромъ слова и силою убѣжденія, — какъ это можно заключить изъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о немъ, сообщаемыхъ Іосифомъ Волоцкимъ. Все это доставило Схаріи вѣсъ и значеніе въ Новгородѣ, тѣмъ болѣе еще, что онъ пріѣхалъ сюда вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ, съ которымъ былъ хорошо знакомъ еще въ Кіевѣ. Затѣмъ-ли пріѣхалъ Схарія въ Новгородъ, чтобы распространять свое ученіе или по торговымъ дѣламъ, и былъ-ли онъ

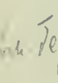
главою или членомъ общества еретиковъ въ Кіевѣ, какъ говоритъ проф. Соловьевъ (И. Р. т. VI стр. 260)—хорошо неизвѣстно; извѣстно только, что Схарія, по прибытіи въ Новгородъ, сблизился съ новгородскимъ духовенствомъ, и съ помощію пятерыхъ сообщниковъ, также Жидовъ, сталъ распространять свое лжеученіе.

Еретики отвергали божество Спасителя, св. Троицу, таинства, воскресеніе мертвыхъ, нападали на новый завѣтъ, на писанія св. отцевъ, на поклоненіе иконамъ, на монашество и т. д. Словомъ, всѣ основные догматы, всѣ церковныя установленія и обряды христіанской вѣры подверглись рѣзкому отрицанію и осужденію еретиковъ. Но собственное ихъ ученіе никакъ не заключало однако въ себѣ чистаго іудейства; ибо невѣроятно, чтобы вѣроученіе іудейское могло такъ сильно распространиться на Руси, какъ была распространена у насъ въ XV—XVI стол. новгородская ересь, называемая жидовскою; невѣроятно уже потому, что древняя Русь, какъ мы знаемъ, отличалась большою нетерпимостію, что въ ней чужія вѣры: латинская, армянская, тѣмъ болѣе жидовская, считались проклятыми. (*) Изъ современныхъ памятниковъ, которые дошли до насъ о новгородской ереси, слѣдуетъ заключить скорѣе, что т. н. ересь «жидовствующихъ» была какая-то смѣсь разныхъ ученій и толковъ, толковъ раціоналистическихъ и даже матерьялистическихъ, (**) не чуждыхъ въ тоже время и нѣкоторыхъ началъ іудейства и христіанства. Это не было отдѣльное, систематическое ученіе о той или другой вѣрѣ, а скорѣе какое-то религіозное броженіе, начавшееся со временъ стригольни-

(*) См. статью г. Костомарова: «Двѣ русскія народности».—Новгородская ересь названа жидовскою, должно полагать, или потому что первые распространители ея были Жиды, или же, можетъ быть, затѣмъ, чтобы внушить презрѣніе къ этому еретическому ученію.

(**) *Раціонализмъ*— философско-богословское ученіе, допускающее, какъ средство познаванія, одинъ только разумъ (ratio) и отвергающее откровеніе; а *матерьялизмъ* — ученіе, которое признаетъ одно лишь вещество, *матерію*, и слѣдственно отвергаетъ Бога, душу въ человѣкѣ и все духовное. — Одинъ изъ главныхъ сектаторовъ, митр. Зосима, проповѣдывалъ, напр., и словомъ и образомъ собственной жизни самый грубый матерьялизмъ. Іосифъ Волоцкой, въ своемъ «Просвѣтителѣ» (см. ниже) упоминаетъ, что Зосима съ такимъ цинизмомъ выражался о второмъ пришествіи Спасителя и о воскресеніи мертвыхъ: «нѣтъ де и втораго пришествія Христова, нѣтъ де и царства небеснаго святымъ, умеръ де — инъ умеръ, по та мѣста и былъ.»

ковъ, и состоявшее главнымъ образомъ въ стремленіи подвергнуть критикѣ догматы вѣры и устройство церкви. Отсутствіе просвѣщенія, недостатки внутренней жизни русскаго народа, въ религіозно-нравственномъ отношеніи, и современныя политическія и церковныя обстоятельства конечно болѣе всего способствовали къ распространенію въ массѣ народа разнаго рода кривыхъ толковъ и вѣроученій; тѣмъ болѣе, что почти всѣ начальники ереси были люди *книжные* и имѣли такія книги, какихъ не было у православнаго духовенства. (*) И новгородская ересь, вслѣдствіе всѣхъ исчисленныхъ причинъ, разрасталась быстро и страшно! Болѣе десяти лѣтъ, до самаго возведенія Геннадія въ архіепископы новгородскіе, она спокойно развивалась въ Новгородѣ, и уже тогда считала въ числѣ своихъ послѣдователей лучшихъ членовъ новгородскаго духовенства, какъ напримѣръ: поповъ Діонисія и Алексѣя и протопопа Софійскаго собора (лице очень важное въ Новгородѣ) Гавріила, которые въ свою очередь стали ересеначальниками и увлекали въ ересь многихъ поповъ, діаконовъ, причетниковъ, а изъ лицъ недуховныхъ,—многихъ именитыхъ гражданъ и чиновниковъ въ Новгородѣ и много простаго народа.

Ересь переходитъ изъ Новгорода въ Москву, и имѣетъ здѣсь во главѣ своей, кромѣ священниковъ Алексѣя и Діонисія (переведенныхъ въ Москву) симоновскаго архимандрита (впослѣдствіи митрополита) Зосиму, извѣстнаго своей ученостью и талантами, приближеннаго къ царю дьяка, Θедора Курицына и друг. Вообще ересь пользуется въ Москвѣ большимъ сочувствіемъ многихъ значительныхъ людей. Она проникаетъ наконецъ въ царскій дворецъ: ее принимаетъ невѣстка великаго князя, Елена, самъ Иванъ Васильевичъ знаетъ о ней, знаетъ, что протопопъ Алексѣй и дьякъ Курицынъ — еретики, и между тѣмъ, по ихъ ходатайству, дѣлаетъ митрополитомъ всея Руси одного изъ главнѣйшихъ еретиковъ, архимандрита Зосиму.  Ересь широко и повсемѣстно распространилась на Руси особенно въ то время, когда Иванъ III, послѣ паденія Новгорода, выселилъ оттуда и разселилъ въ разныхъ мѣстахъ мятежныхъ новгородцевъ. Религіозное «смущеніе» было велико и сильно между православными

(*) Ист. Рос., С. Соловьева, Т. V. стр. 260.

христіанами, по словамъ Іосифа Волоцкаго. Такого смущенія, говоритъ онъ, никогда прежде не бывало. «Прежде, говоритъ тотъ же писатель въ своемъ посланіи къ Нифонту, еписк. суздальскому,—«прежде никогда и слуху не было о такой ереси, съ тѣхъ поръ какъ солнце православія возсіяло въ нашей землѣ; *нынѣ и въ домѣхъ, и на путехъ, и на торжищахъ* (на рынкахъ) *иноцы и мирстіи, и вси сомнятся, вси о вѣрѣ пытаютъ, и не отъ пророкъ, ни отъ апостолъ, ниже отъ св. отецъ, но отъ еретиковъ и отступниковъ Христовыхъ..... и съ ними дружатся, и піютъ и ядятъ, и учатся отъ нихъ жидовству.... По истинѣ,* прибавляетъ Іосифъ, *пріиде отступленіе. Отступиша бо человѣцы отъ истины и отъ православія....*

Вотъ какъ широко раскинула свои сѣти новгородская ересь! Опасность для церкви была слѣдственно велика! И тутъ-то неумолимымъ гонителемъ еретиковъ и ревностнымъ поборникомъ православія является Геннадій. Онъ открываетъ ересь и первый посылаетъ извѣщательныя грамоты къ великому князю и къ митрополиту Геронтію, прося ихъ принять мѣры къ искорененію зла; обращается съ такими же просьбами къ нѣкоторымъ епископамъ, упрекаетъ ихъ, что въ дѣлѣ такой великой важности для церкви они не принимаютъ должнаго участія и убѣждаетъ къ ревностному содѣйствію себѣ. Не смотря на всѣ препятствія, не смотря на то, что еретики успѣли пріобрѣсти повсюду большое вліяніе, Геннадій мужественно и неутомимо, съ непоколебимою твердостію идетъ къ своей цѣли, т. е. къ искорененію ереси. Другой знаменитый врагъ еретиковъ и помощникъ Геннадія въ дѣлѣ преслѣдованія ереси, Іосифъ Волоцкой, называетъ его «свѣтильникомъ на свѣщницѣ» и «львомъ на злодѣйственные еретики... *устреми бо ся яко отъ чаща божественныхъ писаній, и яко отъ высокихъ и красивыхъ горъ пророческихъ и апостольскихъ ученій, иже ногты своими растерзая тѣхъ скверныя утробы, напившаяся яда жидовскаго, зубы же своими сокрушая и разтерзая и о камень разбивая.*» Въ этихъ словахъ Іосифа рѣзко отзывается духъ и характеръ эпохи, отличавшейся суровой нетерпимостію, и ясно видѣнъ въ тоже время личный характеръ Геннадія и характеръ его дѣятельности.

Посланія Геннадія о ереси: къ архіепископу ростовскому, Іосафу,

къ епископу сарскому, Прохору и друг., примѣчательны какъ важныя документы для исторіи новгородской ереси и какъ памятники, сохранившіе въ себѣ многія характеристическія черты времени. Въ письмѣ къ Іосафу, говоря о томъ, что онъ преслѣдовалъ еретиковъ при помощи гражданской власти, Геннадій между прочимъ выражается: «Ино какже ихъ (еретиковъ) мощно было *доити*, аще бы великій князь не приказалъ своимъ бояромъ со мною, своимъ богомольцемъ, того обыскати? И молитвами пречистыя Богоматери и его государевою *грозою*, съ его бояры — того есьмя обыскали на крѣпко.» — Но изъ всѣхъ посланій Геннадія по дѣлу о еретикахъ особенно замѣчательно и крайне любопытно его посланіе къ митрополиту Зосимѣ, который, какъ членъ еретическаго общества, былъ естественнымъ врагомъ Геннадія и не могъ не питать къ нему ненависти. Геннадій обращается къ Зосимѣ съ должною почтительностію къ его митрополичьему сану, но въ тоже время говоритъ съ свойственною ему твердостію, съ сознаніемъ собственной правоты и рѣзко высказываетъ свои жалобы на то, что его постоянно старались отстранять отъ составлявшихся въ Москвѣ по нѣкоторымъ случаямъ соборовъ, а главное, — что на дѣйствія его въ важномъ дѣлѣ о еретикахъ до сихъ поръ весьма мало обращали вниманія въ Москвѣ, и что еретики и теперь еще живутъ тамъ *въ ослабѣ*, недостойно служатъ въ православныхъ церквахъ, произносятъ хулу на Христа, и проч. Въ этихъ словахъ Геннадія о послабленіи, какое дѣлается еретикамъ въ Москвѣ, какъ бы слышится злая иронія и намёкъ на еретичество самаго митрополита. Но характеръ самаго Геннадія, равно какъ и духъ времени, въ которое онъ жилъ, яснѣе всего высказываются изъ тѣхъ словъ разбираемаго нами посланія, гдѣ Геннадій, говоря, что великій князь долженъ казнить еретиковъ и очистить русскую землю отъ этой *срамоты*, указываетъ на то, какимъ образомъ испанскій король очистилъ свою землю отъ еретиковъ (т. е. посредствомъ инквизиціи). «Смотри, — говоритъ новгородскій владыка, — Франки по своей вѣрѣ какую крѣпость держать: сказывалъ мнѣ цесарскій посолъ про испанскаго короля, какъ онъ свою землю очистилъ, и я съ его рѣчи послалъ тебѣ списокъ.»

Не смотря на то, что Зосима долженъ былъ наконецъ созвать со-

боръ по дѣлу о еретикахъ, получившему слишкомъ большую гласность (еретиковъ прокляли на соборѣ, нѣкоторыхъ сослали въ заточеніе и проч.) ересь все еще сильно поддерживалась. Рѣшительные мѣры противъ еретиковъ приняты были уже впослѣдствіи, по настоянію Іосифа Волоцкаго; а послѣ собора при Зосимѣ, они еще встрѣчали себѣ сочувствіе вездѣ и явную поддержку у властей, духовной и свѣтской. Ихъ проискамъ, кажется, должно приписать и то, что злѣйшій врагъ ереси, Геннадій, былъ противъ воли сведенъ съ архіепископской каѳедры и помѣщенъ въ Чудовѣ монастырѣ. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сохранилось извѣстіе, что Геннадій началъ брать *мзду* съ священниковъ за *ставленіе*, по совѣту любимца своего, дьяка Михаила Гостиника, и будто за это былъ лишенъ каѳедры. Но такое обвиненіе несправедливо. Вопервыхъ, невѣроятно, чтобы Геннадій, передъ самымъ паденіемъ своимъ принимавшій дѣятельнѣйшее участіе на московскомъ соборѣ 1503 года, по вопросу объ улучшеніи нравственности духовенства, и гдѣ было именно постановлено, что архіереи не должны брать ничего съ духовныхъ лицъ за ихъ поставленіе; невѣроятно, говоримъ мы, чтобы Геннадій, вернувшись съ этого собора въ Новгородъ, первый нарушилъ одно изъ важнѣйшихъ соборныхъ постановленій. И притомъ, такое поведеніе противорѣчило бы всей предшествовавшей дѣятельности новгородскаго владыки, всю свою жизнь боровшагося съ неправдой. А вовторыхъ, извѣстіе о мздоимствѣ Геннадія вовсе не встрѣчается въ новгородскихъ лѣтописяхъ, при разсказѣ о его паденіи. Правдоподобнѣе всего допустить, что причиною паденія Геннадія были его враги, которыхъ у него было множество, какъ въ рядахъ еретиковъ, такъ и въ средѣ православнаго духовенства; ибо Геннадій самъ писалъ въ замѣчательномъ посланіи своемъ о необходимости духовныхъ училищъ, что на него поднимаютъ ропотъ и бранятъ его тѣ изъ претендентовъ на церковныя мѣста, которыхъ онъ не хотѣлъ и не могъ поставлять, по причинѣ ихъ невѣжества. Естественно, что такая строгая требовательность владыки, при выборѣ людей въ духовныя должности, вооружала противъ Геннадія весьма многихъ.

Посланіе Геннадія, о которомъ мы упомянули, такъ интересно по важности своего содержанія и по рѣзкости тона, что необходимо при-

вести изъ него хотя нѣкоторыя, болѣе характеристическія, мѣста. (*) «Да былъ есьми челомъ государю, велик. князю (пишетъ Геннадій къ митрополиту Симону) чтобы велѣлъ училища учинить.... А се приведутъ ко мнѣ мужика (т. е. для поставленія въ священники или дьяконы) и язъ велю ему апостолъ дати чести, и онъ не умѣетъ ни *ступити*, и язъ велю ему псалтыри дати, и онъ и по тому *едва бредетъ*, и язъ ему откажу, и они извѣтъ творятъ (жалуются): «земля, господине, такова, не можетъ добыти, кто бы гораздъ грамотѣ.» Ино де всю землю излаялъ, что нѣтъ человѣка въ землѣ, кого бы избрать въ поповство,» и проч. Въ заключеніе Геннадій опять говоритъ о необходимости устроить училища для ставленниковъ и проситъ митрополита, чтобы онъ похлопоталъ о томъ у великаго князя: «его разумомъ и *грозою*, а твоимъ благословеніемъ, — говоритъ Геннадій,— это дѣло исправится.» Въ приведенномъ посланіи Геннадій является однимъ изъ заботливѣйшихъ ревнителей просвѣщенія, и потому оно должно занимать важное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія; а съ другой стороны, посланіе это принадлежитъ къ самымъ характеристическимъ памятникамъ древнерусской письменности, ярко рисующимъ картину невѣжества того времени.

Таковъ былъ Геннадій. Суровый и безпощадный преслѣдователь еретиковъ, который съ удовольствіемъ говоритъ о томъ, какъ испанскій король очистилъ свою землю отъ еретиковъ, и въ тоже время ревностно хлопочетъ о развитіи просвѣщенія въ своемъ отечествѣ, требуетъ учрежденія училищъ для духовныхъ, рѣзко обличаетъ ихъ невѣжество, составляетъ полный списокъ библіи, и всю жизнь свою проводитъ въ трудахъ и попеченіяхъ о русской церкви.

Ожесточенная борьба съ еретиками наложила особый отпечатокъ на слогъ и языкъ посланій Геннадія, отличающихся вообще какою-то рѣзкою простотою, отрывочностію и мѣстами неясностію выраженій.

Кромѣ поименованныхъ нами посланій, Геннадій написалъ еще слово, заключающее въ себѣ опроверженіе разныхъ мнѣній и толковъ о *кончинѣ міра* съ исходомъ 1492 года, т. е. 7000 лѣтъ отъ с. м., такъ

(*) Оно напечатано въ «Актахъ Истор.» издан. археограф. ком. т. I, № 114.

какъ мысль о свѣтопреставленіи, весьма сильно распространенная въ то время и тревожившая не только народъ, но и многихъ писателей духовныхъ, давала поводъ еретикамъ къ злымъ нападкамъ на церковь и ея писателей. Потому Геннадій составилъ, по порученію собора, новую пасхалію на 70 лѣтъ восьмой тысячи, сопровождая ее названнымъ нами словомъ, въ которомъ доказывалъ невѣрность различныхъ толковъ о кончинѣ міра.

Геннадій умеръ въ Чудовѣ монастырѣ въ 1506 году, 14 декабря.

---

5. Іосифъ Волоцкой, или *Волоколамскій* († 1516) первый игуменъ основаннаго имъ Волоколамскаго монастыря. Іосифъ В. (въ свѣтскомъ званіи *Иванъ Санинъ*, сынъ московскаго служилаго человѣка, потомокъ выходца изъ западной Руси) съ самыхъ юныхъ лѣтъ увлекался высокими образцами христіанскаго подвижничества и стремился къ строгой иноческой жизни. Еще очень молодымъ человѣкомъ пришелъ онъ въ Боровскій монастырь, основанный на югѣ отъ Москвы знаменитымъ старцемъ, св. Пафнутіемъ Боровскимъ, и славившійся крайнею строгостію своихъ монастырскихъ правилъ. Пафнутій принялъ Іосифа въ число братіи и подвергнулъ его строгому искусу и неутомимымъ трудамъ. По смерти Пафнутія, братія избрала Іосифа игуменомъ Боровскаго монастыря. Онъ хотѣлъ ввести здѣсь уставъ еще болѣе строгой монастырской жизни; но большинство братіи не согласилось на это, и Іосифъ оставилъ Боровскій монастырь, посѣтилъ другія обители, присматриваясь къ уставамъ и выбирая какой изъ нихъ былъ построже, наконецъ рѣшился основать собственный монастырь въ Волоколамскихъ лѣсахъ, съ самымъ строгимъ общежительнытъ уставомъ.

Въ то время, когда Геннадій возсталъ противъ новгородской ереси, Іосифъ Волоцкой уже былъ знаменитъ подвигами высокой иноческой жизни, прославилъ себя и словомъ и дѣломъ, и имѣлъ большое нравственное значеніе въ современномъ обществѣ. Потому Геннадій вызвалъ къ себѣ, на помощь для борьбы съ ересью, волоколамскаго игумена. Лучшаго выбора онъ и не могъ сдѣлать. Іосифъ скоро яв-

ляется неутомимымъ борцомъ противъ ереси и безпощаднымъ преслѣдователемъ общества еретиковъ. Іосифъ началъ свои дѣйствія противъ еретиковъ, возставъ вмѣстѣ съ Геннадіемъ противъ злѣйшаго еретика и врага православія, возсѣдавшаго на митрополичьемъ престолѣ. Онъ сталъ писать посланія къ архіереямъ противъ митрополита Зосимы и вообще противъ ереси, объясняя всю опасность, какой она угрожала православію, и побуждая ихъ дѣйствовать для ея истребленія совокупными силами. Въ особенности замѣчательно въ этомъ отношеніи *посланіе* Іосифа къ *епископу суздальскому, Нифонту*,—безспорно лучшее изъ многихъ посланій Іосифа В. о ереси. Мы привели выше одно мѣсто изъ этого посланія, ярко обрисовывающее состояніе умовъ въ современномъ русскомъ обществѣ и то могущественное вліяніе, какое производила на него новгородская ересь. О Зосимѣ въ этомъ посланіи Іосифъ говоритъ: «аще не искоренится той вторый Іуда, помалѣ укрепится и во вся человѣки внидетъ отступленіе.» Зосиму свели съ митрополіи въ 1494 году, за участіе въ ереси и безнравственную жизнь, какъ говорятъ лѣтописи. Но его паденіе ни мало не ослабило значенія еретиковъ въ Москвѣ; потому что главный начальникъ еретическаго общества, Курицынъ, былъ все еще въ большой силѣ у великаго князя, и самъ Иванъ III, не смотря на сдѣланное Іосифу обѣщаніе дѣйствовать противъ еретиковъ, не принималъ противъ нихъ ничего рѣшительнаго.

Преслѣдуя ересь и вооружая противъ еретиковъ власти духовныя и свѣтскія, Іосифъ призналъ нужнымъ дѣйствовать въ то же время противъ нихъ и письменнымъ словомъ, т. е. разоблачить ихъ ученіе и обличить его въ неправдѣ. Плодомъ этой литературной дѣятельности Іосифа В. явился его знаменитый Просвѣтитель, состоящій изъ 16 обличительныхъ словъ противъ еретическаго ученія. Это сочиненіе — богословско-полемическое, въ которомъ авторъ опровергаетъ пунктъ за пунктомъ все ученіе еретиковъ и всѣ хулы ихъ на православіе и на церковь. Іосифъ споритъ съ еретиками, основываясь на св. писаніи и на писаніяхъ почти всѣхъ извѣстныхъ отцевъ и учителей церкви, и даже приводитъ свидѣтельства нѣкоторыхъ не замѣчательныхъ писателей греческихъ. Тутъ видна обширная начитанность и замѣчательный полемическій талантъ Іосифа.

«Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго принадлежитъ вообще къ замѣчательнымъ памятникамъ нашей старинной литературы, и кромѣ своего богословско-полемическаго значенія, имѣетъ еще другія, весьма важныя, достоинства въ историко-литературномъ отношеніи. Это во первыхъ одинъ изъ богатѣйшихъ источниковъ, при изслѣдованіи ереси «жидовствующихъ,» въ которомъ изложена почти полная исторія ея; а вовторыхъ «Просвѣтитель», болѣе чѣмъ всѣ другіе современные памятники русской духовной литературы, сохранилъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ своего времени.

Ревность Іосифа къ искорененію еретиковъ доставила ему много враговъ и навлекла на него ненависть нѣкоторыхъ сильныхъ людей, даже ненависть нѣкоторыхъ монаховъ и старцевъ, въ особенности изъ сѣверныхъ монастырей. Но ревность Іосифа отъ того ни мало не уменьшилась: онъ продолжалъ требовать осужденія и казни еретиковъ. Любопытно, какъ защищались еретики противъ Іосифа и доказывали, что ихъ не должно осуждать. Іосифъ приводитъ въ своемъ «Просвѣтителѣ» ихъ слова: еретики, говоритъ онъ, «глаголаху, яко не подобаетъ осуждати ни еретика, ниже отступника; на свидѣтельство же приносяще Господни глаголы, еже рече: не осуждайте, да не осуждены будете, и св. Іоанна Златоустаго, еже глаголетъ: яко не достоитъ никого же ненавидѣти, ни осуждати, ниже невѣрнаго, ниже еретика, и не убо достоитъ убивати еретика; *аще-ли же и судити подобаетъ еретика или отступника, отъ царскихъ и градскихъ законъ судиться, а не отъ инокъ, ниже отъ мирскихъ человѣкъ, иже не присѣдящимъ судищнымъ дворомъ*» (т. е. осуждать могутъ лишь установленные судьи, въ засѣданіи судилища). Іосифъ отвергаетъ такое мнѣніе еретиковъ, на основаніи апостольскихъ и учительскихъ писаній, соборныхъ постановленій и многихъ примѣровъ изъ церковной исторіи.

Дѣйствуя противъ еретиковъ и словомъ и дѣломъ, Іосифъ не успокоивался, не смотря на невниманіе къ его требованіямъ и на нерѣшительность великаго князя. Онъ все же продолжалъ настаивать и требовалъ осужденія и казни еретиковъ; вошелъ въ переписку съ духовникомъ великаго князя, архимандритомъ Митрофаномъ, и просилъ его дѣйствовать на Ивана III. Усилія Іосифа наконецъ увѣнчались

успѣхомъ. Въ концѣ 1504 или въ началѣ 1505 года, въ Москвѣ, на еретиковъ созванъ былъ соборъ, на которомъ присутствовалъ самъ Иванъ III и сынъ его Василій. Еретики отважно и дерзко защищали свою ересь на соборѣ; но обличителемъ ихъ здѣсь былъ самъ Іосифъ. Еретики были осуждены, и по настоянію Іосифа В., преданы казни. «И повелѣ тогда державный, — говоритъ Іосифъ, — иже Христа отвергшихся и жидовская мудрствующихъ, овѣхъ огню предати, овѣхъ же языки изрѣзывати, и инѣми казньми казнити.» Многіе изъ еретиковъ раскаялись передъ казнію; но Іосифъ не вѣрилъ въ искренность ихъ раскаянія, и говорилъ, что они только изъ страха огня и жестокой смерти изъявляютъ притворное раскаяніе. «Все равно, пишетъ Іосифъ, — руками или молитвою убить еретика... Каялись ли еретики до сего времени въ продолженіи тридцати четырехъ лѣтъ? Ни одинъ не каялся; а если которые и каялись, то при первомъ удобномъ случаѣ обманывали. Не искренно каются они и теперь, и если кто изъ нихъ хочетъ покаяться искренно, можетъ сдѣлать это и въ темницѣ: въ скорбѣхъ бо и въ бѣдахъ паче Богъ слышетъ кающихся.» Такимъ образомъ, главнѣйшіе изъ еретиковъ подверглись жестокимъ казнямъ: многіе были сожжены, какъ напримѣръ: Волкъ Курицынъ, Некрасъ Рукавой, которому сперва отрѣзали языкъ, а потомъ сожгли, и многіе другіе; иныхъ сослали въ заточеніе, другихъ по монастырямъ.

При сынѣ Ивана III, Василіѣ Ивановичѣ, враги Іосифа снова возстали на него за мнѣніе о необходимости суровыхъ мѣръ противъ кающихся еретиковъ и требовали выпустить ихъ изъ заточенія. Іосифъ однако стоялъ крѣпко на своемъ, былъ неумолимъ къ еретикамъ, выставлялъ примѣры строгости къ виновнымъ изъ ветхаго и новаго завѣта и писалъ великому князю: «молимъ тебя, государь, чтобъ ты своимъ царскимъ судомъ искоренилъ тотъ злой плевелъ еретическій въ конецъ.» — Мнѣніе Іосифа, какъ замѣтили мы, встрѣтило себѣ сильныхъ противниковъ, между старцами знаменитаго Кириллова Бѣлозерскаго монастыря и во всѣхъ монастыряхъ вологодскихъ. Старцы эти написали колкое опроверженіе (*) на мнѣніе Іосифа, гдѣ особенно вооружаются противъ мысли Іосифа о томъ: «еже убивати грѣшника или

(*) По словамъ проф. Соловьева, церковные историки догадываются, что опроверженіе это написано инокомъ Вассіаномъ Косымъ (Ист. Рос., т. V, стр. 376).

еретика руками или молитвами — едино есть,» и упрекают волоколамскаго игумена въ томъ, что онъ *повелѣваетъ брату брата согрѣшившаго убить.* «Петръ апостолъ, — говорятъ старцы, — Симона волхва молитвою разбилъ — и ты, господинъ Іосифъ, сотвори молитву, чтобы земля побирала недостойныхъ еретиковъ или грѣшника.»

«Жидовская» ересь, послѣ того какъ были казнены главные еретики, все еще проявлялась изрѣдка и при Василіѣ Ивановичѣ и при Иванѣ Грозномъ. Открытыя же въ началѣ второй половины XVI вѣка новыя еретическія ученія, извѣстныя въ нашей церковной исторіи подъ именемъ ересей *Матвѣя Башкина* и *Ѳеодосія Косаго*, имѣли видимую связь съ ересью жидовствующихъ. Связь эта видна вопервыхъ изъ того, что новые еретики жестоко нападали на Іосифа Волоцкаго, ревностнаго обличителя жидовствующихъ, и вооружались противъ его «Просвѣтителя;» а вовторыхъ сродство ереси новгородской съ новыми ересями XVI вѣка явствуетъ изъ того, что послѣднія были распространены почти въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ сильнѣе всего держалась ересь жидовствующихъ, т. е. въ странахъ заволжскихъ и на Бѣломъ-Озерѣ. По словамъ г. Костомарова, «непосредственная связь этой такъ называемой ереси (ереси Матвѣя Башкина) съ жидовствующею и стригольническою заключается въ *преемственномъ броженіи религіозныхъ мнѣній*, продолжающемся отъ XIV вѣка.» (*) Ереси Башкина и Косаго произвели также немалое безпокойство русской церкви въ XVI вѣкѣ.

Важный источникъ для изученія ереси Ѳеодосія Косаго представляетъ одно замѣчательное современное сочиненіе, богословско-полемическаго содержанія. Авторъ этого сочиненія, монахъ *Зиновій Отенскій,* былъ ученикъ одного изъ ученѣйшихъ русскихъ писателей XVI вѣка, Максима Грека, и подвергся одинаковой участи съ своимъ учителемъ: онъ былъ сосланъ въ Отенскій монастырь (близъ Новгорода) на заточеніе и тамъ написалъ свое сочиненіе, которое носитъ слѣдующее заглавіе: «Истинное показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи.» Ученіемъ *новымъ* названа здѣсь ересь Ѳеодосія Косаго, заключавшаяся въ рѣшительномъ отрицаніи всего, что составляетъ сущ-

(*) О ересяхъ Башкина и Косаго см. весьма интересную статью г. Костомарова: «Великорусскіе религіозные вольнодумцы», От. Зап. 1862 г. октябрь.

ность православія. Сочиненіе Зиновія представлено въ формѣ разговоровъ между тремя *крылошанами* Спасова Хутынскаго монастыря, послѣдователями ереси Косаго, излагающими его ученіе, и авторомъ, который опровергаетъ это ученіе, съ точки зрѣнія православія.

Литературная дѣятельность Іосифа Волоцкаго не ограничивается одною полемикою съ ученіемъ еретиковъ; отъ него до насъ дошли и другія сочиненія; такъ напримѣръ: «Сказаніе о святыхъ отцахъ монастырей русскихъ,» въ которомъ Іосифъ, какъ ревностный послѣдователь строгости монастырской жизни, представляетъ примѣры изъ жизни и дѣятельности св. Сергія, Кирилла Бѣлозерскаго и другихъ русскихъ отшельниковъ, и говоритъ объ упадкѣ въ его время строгости иноческой жизни, для поддержанія которой онъ считаетъ необходимымъ употребленіе строгихъ мѣръ. При другомъ случаѣ, однако, Іосифъ высказываетъ чисто-практическій взглядъ на значеніе монастырей. На Руси, еще до времени Іосифа Волоцкаго, возникалъ нѣсколько разъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть селами и деревнями? На соборѣ при Иванѣ III былъ поднятъ этотъ вопросъ знаменитымъ отшельникомъ, *Ниломъ Сорскимъ*, который требовалъ, чтобы монастыри не владѣли селами и чтобы монахи жили по пустынямъ и питались отъ собственныхъ трудовъ. Нилъ Сорскій — личность весьма замѣчательная въ исторіи русскаго монашества; онъ можетъ считаться у насъ представителемъ того строго-аскетическаго и созерцательнаго направленія въ иноческой жизни, которое развилось на Востокѣ въ первые вѣка христіанства и которое не легко прививалось къ монастырямъ русскимъ, въ особенности сѣвернымъ, не смотря на все вліяніе аскетическихъ византійскихъ сочиненій на русское духовенство и вообще на нашихъ книжныхъ людей. Дошедшее до насъ «Преданіе Нила Сорскаго ученикамъ» отличается требованіями самаго суроваго аскетизма. Нилъ постоянно подкрѣпляетъ свои наставленія ученикамъ примѣрами изъ жизни и сочиненій св. отцевъ-пустынниковъ на Востокѣ, которыя, какъ видно, онъ тщательно изучалъ, проведя нѣсколько лѣтъ на Аѳонской горѣ и въ другихъ православныхъ монастыряхъ внѣ Руси. Образъ жизни и направленіе современнаго русскаго монашества казались Нилу слишкомъ мірскими, слишкомъ практическими, и потому не свойственными инокамъ, отъ которыхъ онъ требовалъ со-

вершеннаго удаленія отъ мірскихъ дѣлъ и отъ всякихъ столкновеній съ міромъ. Съ этою цѣлію Нилъ старался ввести между русскими иноками свой уставъ, составленный въ духѣ чисто-аскетическомъ. Понятно, что, при такомъ взглядѣ на монашескую жизнь, Нилъ Сорскій долженъ былъ явиться противникомъ монастырскихъ имѣній. Но Іосифъ Волоцкой, ратуя также за строгость монастырской жизни, видѣлъ сверхъ того въ монастырѣ разсадникъ, откуда должны были выходить высшія духовныя власти, и для того считалъ необходимымъ, чтобы монастыри были вполнѣ обезпечены съ матерьяльной стороны. «Если у монастырей селъ не будетъ, говорилъ Іосифъ, въ опроверженіе мнѣнія Нила, «то какъ честному и благородному человѣку постричься? Если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять на митрополію, или архіепископа, или епископа? Если не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, то вѣра поколеблется.» И въ этихъ словахъ, какъ во всей дѣятельности Іосифа Волоцкаго, виденъ его личный характеръ, его практическій взглядъ даже и въ дѣлахъ вѣры: по его словамъ, самая вѣра можетъ поколебаться безъ честныхъ и благородныхъ старцевъ, т. е. безъ строгой организаціи церковныхъ властей. Такимъ образомъ, въ средѣ русскаго духовенства образовалось два враждебныхъ мнѣнія по вопросу о монастырскихъ имѣніяхъ. Нилъ Сорскій и его послѣдователи ратовали въ этомъ дѣлѣ противъ слишкомъ практическаго направленія современнаго русскаго иночества, и ученики Нила всегда относились непріязнено къ послѣдователямъ Іосифа В., слывшимъ у нихъ подъ именемъ *Осифлянъ*, и упрекавшихся въ томъ, что они «люты, безчеловѣчны и лукавы зѣло, и властей и имѣній желатели.»

Тѣмъ не менѣе, въ вопросѣ о монастырскихъ имѣніяхъ и о значеніи монастырей, мысль Іосифа В. восторжествовала и остовалась всегда господствующею въ русской церкви.

Въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ сочиненій Іосифа, именно въ посланіи къ какому-то вельможѣ «О милованіи рабовъ,» волоколамскій игуменъ является заступникомъ за человѣческія права *рабовъ* и *сиротъ домашнихъ*. Но онъ дѣлаетъ свое увѣщаніе вельможѣ съ большими оговорками, повторяя неоднократно, что высказываемыя имъ мысли—не его, а взяты изъ божественнаго писанія, которое повелѣ-

ваетъ рабовъ какъ братій миловать. «Слухъ ми господине, — говоритъ Іосифъ, — приходитъ про твое *благородство*, что будто де немилосердіе твое и нежалованіе велико къ твоимъ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота и скудость велика имъ телѣсныхъ потребъ, пищею и одежей не токмо довольны, но и гладомъ таютъ и наготою стражутъ,» и проч. Въ концѣ посланія Іосифъ говоритъ, что онъ пишетъ къ вельможѣ, немилосердно обращавшемуся съ рабами, какъ по слухамъ, такъ и потому, что онъ *самъ видѣлъ нужду* его рабовъ; и не смотря на то, все же предлагаетъ этому вельможѣ свои увѣщанія о миловапіи рабовъ, съ большою осторожностію, упоминаетъ, что онъ дерзнулъ ему писать ради его *великаго жалованья* къ себѣ, говоритъ ему: «Богъ на тебѣ свою милость показалъ и государь тебя, великій князь, пожаловалъ; такъ и тебѣ слѣдуетъ своихъ слугъ пожаловать,» — проситъ прощенія въ *дерзости*, что рѣшился писать къ нему, и проч. Это посланіе Іосифа весьма важно для характеристики времени, какъ памятникъ, показывающій, въ какомъ незавидномъ положеніи могли держать въ то время богатые и сильные міра сего своихъ рабовъ и слугъ. И потому мы не можемъ не смотрѣть съ большимъ уваженіемъ на этотъ голосъ Іосифа Волоцкаго, какъ онъ ни скромно выраженъ, въ защиту угнетенныхъ и простаго народа, тѣмъ болѣе, что подобный голосъ такъ рѣдко слышится въ произведеніяхъ нашихъ старинныхъ писателей.

Изъ представленнаго очерка литературной дѣятельности Іосифа Волоцкаго ясно видны его направленіе, духъ и характеръ его сочиненій. Главнѣйшее изъ нихъ, «Просвѣтитель,» и съ внутренней и съ внѣшней стороны своей, показываетъ, что современное литературное развитіе на Руси сдѣлало замѣтный шагъ впередъ. Въ обличительныхъ словахъ, изъ которыхъ составленъ «Просвѣтитель», мы уже не встрѣчаемъ той наивности, простоты и отрывочности въ изложеніи, которыми отличались произведенія духовныхъ писателей первыхъ вѣковъ; здѣсь уже видны болѣе смѣлые литературные пріемы, видна система и искуство въ изложеніи, въ подборѣ доказательствъ противъ еретиковъ, и проч; такъ что «Просвѣтитель» и по внѣшней формѣ своей и по внутреннему содержанію можетъ считаться смѣло однимъ изъ лучшихъ теолого-полемическихъ сочиненій въ нашей духовной ли-

тературѣ допетровскаго періода. Обширная память и замѣчательная начитанность автора, «Просвѣтителя», знакомаго почти со всей извѣстной въ то время византійской духовной литературой, приводящаго мѣста и ссылающагося на многихъ авторовъ греческихъ, придаютъ этому сочиненію еще большее значеніе въ исторіи русской старинной литературы. (*)

О «Просвѣтителѣ» Іосифа Волоцкаго слѣдуетъ замѣтить вообще, что произведеніе это и своимъ обличительнымъ содержаніемъ, и своими правилами и наставленіями прямо отвѣчало потребностямъ времени и находилось въ тѣсномъ соотношеніи съ явленіями внутренной жизни современнаго русскаго общества. Потому мы встрѣчаемъ здѣсь многія весьма характеристическія черты и понятія того времени. Въ седьмомъ словѣ «Просвѣтителя», написанномъ не въ обличеніе еретиковъ, а для назиданія вѣрующихъ, въ словѣ, которое, какъ говоритъ самъ Іосифъ, «всякому христіанину потребно, паче не имѣющимъ многихъ книгъ или не вѣдущимъ божественной силы писаній», заключаются между прочимъ слѣдующія характеристическія наставленія, совершенно сходныя съ правилами «Домостроя»: «Ступаніе имѣй кроткое, гласъ умѣренъ, слово благочинно, пищу и питіе не мятежно; при старѣйшихъ молчи, премудрѣйшихъ послушай, къ преимущимъ имѣй повиновеніе, къ равнымъ себѣ и меньшимъ любовь нелицемѣрну; отъ злыхъ и плотскихъ и любопытныхъ отлучайся; мало вѣщай, множайша же разумѣй и не продерзай словомъ, не излишествуй бесѣдою, не дерзокъ будь на смѣхъ, стыдѣніемъ украшайся», и проч. Относительно нравственныхъ и научныхъ понятій Іосифа Волоцкаго слѣдуетъ сказать вообще, что онъ не опередилъ своего времени, котораго можетъ считаться полнымъ представителемъ. Онъ не былъ чуждъ, напримѣръ, мрачнаго предразсудка своихъ современниковъ о кончинѣ міра, съ окончаніемъ седьмой тысячи лѣтъ, т. е. 1492 года, предразсудка, столь сильно тревожившаго нашихъ предковъ въ концѣ

(*) Іосифъ Волоцкой не зналъ погречески, и знакомство его со всѣми замѣчательными произведеніями греческой духовной литературы доказываетъ, что въ его время уже всѣ эти произведенія были переведены на русскій языкъ. — «Просвѣтитель» Іосифа Волоцкаго напечатанъ первый разъ только въ новѣйшее время, въ Казани, въ издающемся тамъ духовномъ журналѣ: «Православный Собесѣдникъ», 1855—1857 г.

XV вѣка, который перешелъ въ сочиненія русскихъ духовныхъ писателей изъ византійской письменности, и былъ принятъ унасъ на вѣру.

---

6. Максимъ Грекъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей XVI вѣка, знаменитый въ исторіи русскаго просвѣщенія, какъ по своей глубокой учености, рѣдкой въ то время на Руси, такъ и по той незавидной участи, которая могла постигнуть у насъ въ старину каждаго, кто, по образованію и по умственному развитію своему, стоялъ выше уровня современныхъ понятій.

Въ 1515 году великій князь Василій Ивановичъ отправилъ грамоту къ настоятелямъ монастырей Аѳонской горы, въ которой просилъ прислать на время въ Москву, изъ Ватопедскаго монастыря, старца Савву, книжнаго переводчика. Игуменъ Ватопедскаго монастыря отвѣчалъ, что старость и болѣзнь не позволяютъ Саввѣ ѣхать въ Москву, а вмѣсто его онъ посылаетъ другаго инока, Максима, искуснаго и годнаго къ толкованію и переводу всякихъ книгъ церковныхъ и *эллинскихъ* (языческихъ). Максимъ, албанскій Грекъ, изъ города Арты, до монашества путешествовалъ по Европѣ, учился въ Парижѣ, во Флоренціи и въ Венеціи. По пріѣздѣ въ Москву, Максиму поручили разборъ богатаго собранія греческихъ рукописей, хранившихся въ великокняжеской библіотекѣ и лежавшихъ безъ употребленія, потому что въ Москвѣ не находили людей съ достаточными научными свѣдѣніями, чтобы разобрать ихъ. Библіотека великокняжеская поразила Максима Грека своими книжными сокровищами; онъ говорилъ, что нигдѣ въ мірѣ нельзя найти подобнаго богатаго собранія греческихъ рукописей. Не менѣе богато было и собраніе рукописей славянскихъ. Максимъ сдѣлалъ подробное описаніе великокняжеской библіотеки и представилъ списокъ книгамъ, которыя не были переведены на славянскій языкъ. Максимъ Грекъ, владѣя основательно языками греческимъ и латинскимъ, не былъ знакомъ въ той же степени съ языкомъ славянскимъ, которымъ сталъ заниматься уже по отправленіи въ Москву, и потому первый, ему порученный, переводъ — толкованій на псалтирь *(Псалтырь седьми толкованій)* онъ сдѣлалъ съ греческаго на латинскій языкъ, а двое русскихъ толмачей уже съ

латинскаго перевели на славянскій языкъ. Впослѣдствіи же Максимъ Грекъ перевелъ псалтирь прямо съ греческаго на русскій языкъ.

Максимъ Грекъ, вскорѣ послѣ описанія дворцовой библіотеки, хотѣлъ возвратиться на Аѳонскую гору; но великій кн. Василій IV удержалъ его, и поручилъ ему новое, весьма важное, дѣло: исправленіе богослужебныхъ книгъ и церковныхъ рукописей, которыя, вслѣдствіе невѣжества переписчиковъ, были наполнены грубыми ошибками. Девять лѣтъ ученый греческій монахъ трудился надъ исправленіемъ церковныхъ и богослужебныхъ книгъ, и нашелъ въ нихъ большія неправильности и ошибки. Независимо отъ этихъ трудовъ, Максимъ продолжалъ заниматься переводами съ греческаго на русскій языкъ: перевелъ *Бесѣды Златоуста на евангеліе Матѳея и Іоанна* и другія толкованія на нѣкоторыя изъ священныхъ книгъ. Занимаясь описаніемъ великокняжескихъ рукописей, Максимъ Грекъ отмѣтилъ въ нихъ много апокрифическихъ сочиненій, и видя, что многіе изъ апокрифовъ были распространены между русскими грамотниками, неумѣвшими отличить, при недостаткѣ просвѣщенія, истинной книги отъ ложной, написалъ нѣсколько сочиненій въ опроверженіе болѣе распространенныхъ апокрифовъ. Такимъ образомъ, онъ обличилъ многіе апокрифическія сочиненія, обращавшіяся на Руси, и даже указалъ нѣкоторыя правила, какъ отличать истинную книгу отъ ложной. Сверхъ того онъ вооружился противъ нѣкоторыхъ суевѣрій и предразсудковъ, господствовавщихъ въ то время въ русскомъ обществѣ, и писалъ противъ вѣры въ судьбу, противъ астрологіи, или ученія о томъ, что теченіе звѣздъ имѣетъ вліяніе на жизнь человѣка. Ученіе это, какъ видно изъ многихъ современныхъ письменныхъ памятниковъ, было довольно распространено у насъ въ старину въ высшемъ и грамотномъ классѣ народа. Въ одномъ сочиненіи: «Посланіе къ нѣкоему мужу на обѣты нѣкоего латынянина мудреца», Максимъ Грекъ нападаетъ, съ православной точки зрѣнія, на *Луцидаріусъ*, религіозно-космологическое сочиненіе, перешедшее къ намъ съ запада, и переведенное порусски какимъ-то Георгіемъ. Луцидаріусъ, написанный въ вопросахъ и отвѣтахъ между ученикомъ и учителемъ, заключалъ въ себѣ какую-то пеструю смѣсь ученій древнихъ философовъ съ восточно-библейскими сказаніями и воззрѣніями на вселенную. Книга эта была, какъ видно, силь-

но распространена между русскими грамотниками въ старину, не смотря на то, что подобно другимъ сочиненіямъ, переходившимъ къ намъ съ запада, она причислялась къ книгамъ отреченнымъ. — Въ другомъ словѣ своемъ, Максимъ Грекъ вооружается противъ ложныхъ вѣрованій, что во всю свѣтлую недѣлю не заходитъ солнце, и проч. До насъ дошло еще много другихъ его сочиненій въ обличительномъ родѣ. Обличая ложныя вѣрованія и предразсудки, Максимъ Грекъ объясняетъ въ тоже время многія религіозныя и нравственныя понятія, бесѣдуетъ съ своими читателями о философіи, о словесныхъ наукахъ и т. д. Въ этомъ родѣ до насъ дошло его «Разсужденіе о пользѣ грамматики, реторики и философіи».

Въ вопросѣ о монастырскихъ имѣніяхъ, раздѣлявшемъ современное русское духовенство, Максимъ Грекъ, какъ инокъ Аѳонской горы, сталъ на сторону учениковъ Нила Сорскаго, и въ двухъ сочиненіяхъ своихъ: «Повѣсть страшна и достопамятна» и «Бесѣда Актимона съ Филоктимономъ» (нестяжательнаго съ любостяжательнымъ) проводилъ мысль о томъ, что инокамъ не прилично владѣть селами. Этимъ естественно онъ нажилъ себѣ враговъ между духовенствомъ, державшимся противнаго мнѣнія, т. е. мнѣнія Іосифа Волоцкаго. И когда Максимъ Грекъ лишился расположенія великаго князя, выразивъ, какъ полагаютъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими лицами, сопротивленіе на разводъ его съ первою супругою, Соломоніею, по причинѣ ея безплодія; то враги Максима Грека, и главный между ними митрополитъ Даніилъ, обвинили его въ церковныхъ преступленіяхъ, признали въ его переводахъ какія-то невѣрности, обвиняли въ томъ, что онъ укорялъ русскіе монастыри за владѣніе селами, и т. п. Судили его на соборѣ, гдѣ главнымъ обвинителемъ Максима былъ митрополитъ Даніилъ. Не смотря на всѣ мольбы Максима о помилованіи, на его просьбы простить ему ошибки, которыя могли невольно вкрасться въ его переводы, (*) онъ все же былъ осужденъ какъ еретикъ, растлѣваю-

(*) Впослѣдствіи Максимъ Грекъ писалъ въ посланіи къ митроп. Даніилу: «Аки хульника и св. писаній тлителя осудисте мя, *нѣкіихъ ради малыхъ описей*, обрѣтенныхъ въ бывшемъ отъ меня переводѣ, о нихъ же тогда отвѣщахъ вашему священному собору, яко ниже по ереси, ниже по лукавству нѣкоему сицево (такое) что дерзнуто бысть мною — Богъ свидѣтель, но по нѣкоему всяко случаю, или по забвенію или по скорби»... И при этомъ Максимъ упоминаетъ, что онъ не только отвѣчалъ удовлетворительно на соборѣ, но три раза падалъ ницъ и просилъ прощенія.

щій боговдохновенныя книги. сосланъ на заточеніе въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь, въ которомъ терпѣлъ большую нужду; а потомъ, въ 1525 году, переведенъ былъ въ Тверской Отрочь-монастырь. Всѣ книги, всѣ сочиненія и бумаги Максима Грека были отобраны у него; но въ послѣднемъ мѣстѣ заточенія ему покрайней мѣрѣ дана была возможность снова имѣть греческія книги и писать. При Иванѣ Грозномъ, Максимъ Грекъ все оставался въ заточеніи, только подъ конецъ былъ переведенъ изъ Твери въ Троицко-Сергіевскій монастырь, гдѣ и умеръ, въ 1556 году. Такимъ образомъ, болѣе 25 лѣтъ Максимъ Грекъ находился въ заточеніи. Онъ томился въ своемъ заключеніи и нѣсколько разъ писалъ и къ царю и къ митрополиту, прося о возвращеніи на Аѳонъ. «Если я правъ, писалъ онъ митрополиту Макарію, то покажите мнѣ милость, избавте отъ страданій, которыя терплю столько лѣтъ, если же неправъ, то отпустите меня на Святую Гору». Патріархи константинопольскій и александрійскій тоже просили царя объ освобожденіи Максима Грека. Но всѣ просьбы были напрасны: Максима Грека не освобождали и не пускали на Аѳонскую гору.

Максимъ Грекъ не оставался однако безъ дѣла и въ заточеніи, съ тѣхъ поръ какъ ему позволили писать. Большая часть его сочиненій и переводовъ, состоящихъ изъ размышленій о разныхъ предметахъ— религіозныхъ, нравственныхъ, философскихъ и даже филологическихъ, написана Максимомъ во время заточенія. Здѣсь же онъ писалъ нѣкоторыя изъ своихъ поученій и посланій къ разнымъ лицамъ, въ которыхъ раздавались его смѣлыя обличенія, иногда направленные противъ самаго царя и митрополита. Но многочисленныя обличенія Максима, главнымъ образомъ, касаются ложныхъ вѣрованій и безчисленныхъ предрасудковъ, господствовавшихъ въ его время въ русскомъ народѣ.

Слѣдуетъ замѣтить только, что обличая предразсудки и суевѣрія народныя, вооружаясь противъ нѣкоторыхъ уклоненій отъ православнаго вѣроученія, господствовавшихъ въ русскомъ обществѣ, Максимъ Грекъ мало бралъ во вниманіе степень развитости и образованности этого общества. Въ своей «Повѣсти о совершенномъ иноческомъ жительствѣ» онъ, напримѣръ, приводитъ въ образецъ русскимъ монахамъ жизнь и дѣятельность знаменитаго итальянскаго монаха-проповѣдника, Саванороллы, и указываетъ на его обличительныя пропов-

ди, направленныя противъ излишняго пристрастія итальянскаго общества XV века къ древне-классической образованности, противъ излишняго благоговѣнія передъ Платономъ и Аристотелемъ и т. д. Но подобнаго пристрастія къ языческой мудрости не могло существовать въ руссскомъ обществѣ XV и XVI столѣтія между самыми образованными, т. е. болѣе грамотными и начитанными, людьми, большинству которыхъ Платонъ и Аристотель едвали извѣстны были и по имени. Суевѣрія и предразсудки произошли въ средѣ русскаго общества не отъ излишней, а отъ отсутствія всякой образованости, отъ невѣжества. — За то полнаго уваженія заслуживаютъ другія обличительныя сочиненія Максима Грека, какъ напримѣръ: «Слово о промыслѣ Божіемъ» или «Слово о нестроеніяхъ и безчиніяхъ царей и властителей вѣка сего», въ которыхъ авторъ съ изумительною рѣзкостію обличаетъ неправосудіе, взяточничество, угнетеніе бѣдныхъ и невинныхъ, сребролюбіе, роскошь и другіе пороки, господствовавшіе въ лицахъ начальствующихъ и вельможныхъ его времени.

Имя Максима Грека, во всякомъ случаѣ, одно изъ весьма почтенныхъ именъ въ исторіи древнерусскаго просвѣщенія, которому онъ оказалъ несомнѣнныя услуги, какъ это доказываютъ его обширная литературная дѣятельность и многочисленные ученые и литературные труды, большая часть которыхъ хранится въ рукописяхъ и по настоящее время. (*) Сочиненія Максима обличаютъ въ немъ человѣка систематически-образованнаго и вполнѣ усвоившаго себѣ плоды современнаго европейскаго просвѣщенія, хотя и не чуждаго въ тоже время узкихъ воззрѣній и понятій, свойственныхъ византійскому духовенству. Напримѣръ: его «Слово на общую прелесть и богомерзкую мудрствующихъ» и проч. и нѣкоторыя другія произведенія дышатъ всею ненавистію къ латинамъ и вообще къ неправославнымъ, какою отличались въ то время византійцы, а за ними и наши старинные грамотники. Но въ другомъ сочиненіи своемъ:

(*) По словамъ Карамзина, рукописныя сочиненія Максима Грека, хранящіяся въ библіотекѣ Троицкой Лавры, простираются числомъ до 134; между прочими у Карамзина поименованы: *Слово на Николая Нѣмчина* (астролога, поддерживавшаго ученіе о скорой кончинѣ міра) *Слово отвѣтное Николаю Латиняну; Слово на Лютеры, о Сивиллахъ, колико ихъ было*, и мн. др. (См. И. Г. Р. т. VII, примѣч. 329).

«Повѣсть страшна и достопамятна», Максимъ Грекъ, вооружаясь противъ монастырскихъ имѣній, не нашелъ неприличнымъ привести, въ примѣръ нестяжательности, латинскихъ монаховъ Картузіанскаго ордена, и за это заслужилъ даже упреки одного изъ учениковъ своихъ, Зиновія Отенскаго, который въ названномъ нами выше сочиненіи о ереси Ѳ. Косого говоритъ: «хотя и высоко любомудрствовалъ о нестяжаніи добрый Максимъ, однако, неприлично ему было латинской области и ереси монастырь предъ русскими монастырями возвышать» Какъ бы то ни было, но довольно разнообразная литературная дѣятельность Максима Грека, въ которую онъ вносилъ результаты своей глубокой учености и многоразличныя свѣдѣнія, не могла не дѣйствовать благотворно на расширеніе взгляда и понятій древнерусскихъ грамотниковъ, и слѣдственно—на большее развитіе между ними образованности. Вліяніе учености Максима отразилось на многихъ изъ его учениковъ, и нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ, князь Курбскій и Зиновій Отенскій, сдѣлались извѣстными русскими писателями. Первый изъ нихъ такъ отзывается о своемъ учителѣ: «Максимъ преподобный, мужъ очень мудрый, и нетолько въ риторскомъ искуствѣ сильный, но и философъ искусный, старостію умащенный, терпѣніемъ исповѣдническимъ украшенный».

---

7. Макарій († 1562) митрополитъ московскій, въ 1542 году изъ епископовъ новгородскихъ, по желанію Ивана Грознаго, возведенъ былъ на митрополію. Макарій пользуется заслуженною славою въ исторіи русской церковной литературы, какъ составитель знаменитаго сборника, извѣстнаго подъ именемъ *Четій Миней,* (*) т. е. сборника житій святыхъ.

Въ предисловіи къ этому громадному сборнику, состоящему изъ 12 большихъ томовъ, Макарій говоритъ, что онъ составленъ имъ въ Новгородѣ, и что надъ составленіемъ его онъ трудился 12 лѣтъ, употребивъ для этого много различныхъ писарей и не щадя серебра и всякихъ почестей. «Особенно много трудовъ и подвиговъ — говоритъ

(*) «Четьи Минеи» — *мѣсячныя чтенія*, отъ словъ — *честь* читать, чтеніе и греческ. μην — мѣсяцъ).

Макарій — подъялъ отъ исправленія иностранныхъ (*) и древнихъ рѣченій, переводя ихъ на русскую рѣчь, и сколько намъ Богъ даровалъ уразумѣть, столько и смогъ я исправить».

Такимъ образомъ, «Четьи Минеи» не есть собственно сочиненіе, принадлежащее перу Макарія. Это — полнѣйшій сборникъ всѣхъ, болѣе извѣстныхъ въ то время на Руси, духовныхъ произведеній, собранныхъ въ одно трудами и подъ непосредственной редакціей Макарія. Макарій, безъ сомнѣнія, оказалъ этимъ важную услугу русской церковной литературѣ; потому что, безъ его сборника, многія изъ произведеній нашей старинной литературы, съ теченіемъ времени, могли бы утратиться. Въ какой степени онъ принималъ участіе въ «Четіяхъ Минеяхъ» собственнымъ письменнымъ трудомъ, — видно изъ приведенныхъ нами словъ его предисловія. Макарій призналъ нужнымъ заняться исправленіемъ слога и языка въ статьяхъ, вошедшихъ въ его сборникъ. Есть извѣстіе въ лѣтописи (приведенное у проф. Соловьева, Ист. Рос. VII, 238—236) что Макарій находилъ грамотѣевъ и поручалъ имъ новое написаніе житій святыхъ для своего сборника даже и въ такомъ случаѣ, когда существовали житія древнія тѣхъже святыхъ: онъ не былъ доволенъ, напримѣръ, древнимъ житіемъ св. Михаила Клопскаго и поручилъ пріѣхавшему въ Новгородъ храброму воину, боярскому сыну, Василію Тучкову, который издѣтства навыкъ св. писанію, написать новое житіе Михаила Клопскаго.

«Четьи Минеи» митрополита Макарія не заключаютъ въ себѣ, однако, собранія одпихъ только житій; въ нихъ, по словамъ тогоже предисловія, написаннаго самимъ Макаріемъ, «собраны и написаны всѣ святыя книги, которыя въ русской землѣ находятся». Потому сюда внесены и четыре евангелиста толковыхъ, и прочія св. книги новаго завѣта съ толкованіями, и три псалтири разныхъ толковниковъ и извѣстнѣйшія произведенія болѣе значительныхъ отцевъ церкви, какъ-то: Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова и другихъ, и наконецъ уже—житія святыхъ, какъ отдѣльныя, такъ и всѣ извѣстные патерики, въ которыхъ собраны жизнеописанія святыхъ, особенно чтимыхъ русскою или вообще православною церковію.

(*) Т. е. греческихъ и южно-славянскихъ, которыя заключались въ древнихъ славянскихъ переводахъ.

Общую характеристику житій и патериковъ мы представили выше; тоже самое слѣдуетъ сказать и о жизнеописаніяхъ святыхъ, собранныхъ въ Четіяхъ Минеяхъ Макарія. Только всѣ, вновь составленныя житія, во время Макарія писаны болѣе витіеватымъ, украшеннымъ языкомъ, которымъ тогда любили писать; между тѣмъ какъ житія древнія писались съ гораздо большею простотою. Четьи Минеи, составленныя Макаріемъ, извѣстны подъ именемъ *великихъ* и хранятся до настоящаго времени въ рукописи въ Московской синодальной библіотекѣ; а другой, существующій въ нашей церковной литературѣ сборникъ житій, написанный позднѣе Димитріемъ Ростовскимъ, въ отличіе отъ сборника макарьевскаго, называется *малыми* Четіями Минеями.

Митрополитъ Макарій принадлежитъ вообще къ числу просвѣщенныхъ архипастырей древней Руси. Онъ заботился о духовномъ просвѣщеніи народа, объ училищахъ, о переводахъ церковныхъ книгъ на русскій языкъ, и замѣчателенъ еще потому, что способствовалъ къ устройству первой типографіи въ Москвѣ. Изъ литературныхъ трудовъ Макарія, кромѣ Четій Миней, извѣстны: *Рѣчь къ собору*, бывшему въ 1551 году, на которомъ составленъ *Стоглавъ* (редакція котораго принадлежитъ также перу самаго Макарія), *Рѣчь къ Ивану* IV по возвращеніи изъ казанскаго похода, прощальная грамота и проч. Подъ руководствомъ Макарія составлена (какъ мы упоминали) извѣстная *Степенная книга*.

---

8. **Князь Андрей Курбскій.** Политическая и литературная дѣятельность князя Курбкаго тѣсно связана съ мрачной эпохой царствованія Ивана Грознаго, жизнь и дѣянія котораго Курбскій описалъ въ своихъ сочиненіяхъ съ такою безпощадною рѣзкостію, хотя и не всегда безпристрастно. Курбскій—человѣкъ знатной породы; онъ происходилъ отъ княжеской вѣтви Мономахова дома и былъ потомокъ удѣльныхъ князей ярославскихъ и смоленскихъ. Въ самые юные годы князь Андрей Курбскій былъ уже ратнымъ воеводою, любимымъ бояриномъ и другомъ царя Ивана Грознаго. Онъ учавствовалъ со славою въ казанскомъ походѣ, воевалъ съ Крымцами, съ Литвою и съ Ливонскими рыцарями, и находился въ числѣ самыхъ приближенныхъ совѣтниковъ Сильвестра и Адашева, въ то время, когда тѣ владѣли пол-

ною довѣренностію Ивана IV. Но, съ удаленіемъ Сильвестра и Адашева, всѣ блзкіе къ нимъ люди подверглись опаламъ и казнямъ; опасность слѣдственно грозила и Курбскому, и онъ бѣжалъ въ Литву, подобно многимъ другимъ русскимъ *отъѣзжикамъ*, убѣжавшимъ въ чужія земли, спасаясь отъ жестокостей Грознаго. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, впрочемъ, Курбскій отъѣхалъ въ Литву, опасаясь гнѣва царскаго, послѣ потери сраженія съ Литовцами подъ Невлемъ. О чемъ ему дали знать изъ Москвы, въ такомъ смыслѣ, что ему угрожала смерть. Курбскій, какъ и другіе отъѣзжики, рѣшился бѣжать въ Литву, воспользовавшись старинным правомъ русскихъ бояръ *отъѣзжать* отъ одного князя къ другому, правомъ, которое старался уничтожить еще Иванъ III. Польскій король, Сигизмундъ Августъ принялъ Курбскаго съ честію и обѣщалъ ему свои милости; такъ что Курбскій, получивъ отъ короля богатыя помѣстья въ Литвѣ, изъ мести къ Грозному, принималъ участіе въ походахъ Сигизмунда и Стефана Баторія противъ Ивана IV. Курбскій и умеръ въ изгнаніи, въ 1587 году.

Мы уже знаемъ, что князь Андрей Курбскій былъ ученикъ Максима Грека, вліянію котораго вѣроятно обязанъ своею любовію къ знаніямъ, къ словесному или риторскому искуству и вообще своимъ стремленіемъ къ просвѣщенію, которымъ отличался во всю жизнь. Курбскій принадлежитъ поистинѣ къ числу образованнѣйшихъ и ученѣйшихъ людей своего времени. Онъ отличался большою начитанностію св. писанія и произведеній духовныхъ писателей; на старости лѣтъ выучился полатыни, прочелъ Аристотеля, Цицерона и, по его собственнымъ словамъ, «изучалъ разумы древнихъ высочайшихъ мужей» и «не мало лѣтъ потратилъ, обучаясь наукамъ грамматическимъ, діалектическимъ и прочимъ».

Въ изгнаніи Курбскій сдѣлался писателемъ. Находясь еще подъ вліяніемъ гнѣва, подъ вліяніемъ горькаго чувства разлуки съ родиной, Курбскій, скоро послѣ прибытія въ Литву, написалъ къ Грозному свое знаменитое посланіе, доставленное царю, какъ извѣстно, вѣрнымъ рабомъ Курбскаго, Василіемъ Шибановымъ, который смѣло передъ царемъ и передъ народомъ хвалилъ своего господина и стоялъ спокойно передъ Грознымъ въ то время, когда тотъ острымъ костылемъ своимъ пригвоздилъ къ полу его ногу, и облокотясь на костыль, слу-

шалъ чтеніе письма Курбскаго. Посланіе Курбскаго дышало ненавистію, гнѣвомъ, вопіяло о мщеніи, и отъ начала до конца наполнено было безпощадными и горькими укоризнами царю въ его жестокостяхъ, въ избіеніи столькихъ знаменитыхъ бояръ и воеводъ,—стольких *сильныхъ во Израилѣ*, — какъ говоритъ Курбскій, въ заточеніи и въ разогнаніи изъ отечества другихъ.

Царь выслушалъ чтеніе письма и велѣлъ пытать вѣрнаго *Ваську Шибанова;* но тотъ и подъ пыткой ничего не показалъ на своего господина.

Чувство гнѣва, а, быть можетъ, страхъ и внутреннія угрызенія совѣсти, возбужденные письмомъ Курбскаго, побудили Грознаго немедленно отвѣчать ему. И такимъ образомъ между этими двумя замѣчательными личностями эпохи завязалась *Переписка,* весьма важная для исторіи и для собственной характеристики ихъ обоихъ. Изъ «переписки» дошло до насъ четыре письма Курбскаго и два отвѣта Грознаго, всего шесть писемъ.

Въ перепискѣ Курбскаго съ Иваномъ Грознымъ замѣчательно то обстоятельство, что оба противника признаютъ важнымъ оружіемъ для борьбы — оружіе слова. Такимъ образомъ книжное, письменное слово теперь становится орудіемъ и для защиты частныхъ и общественныхъ интересовъ, а не для однихъ только религіозныхъ и правительственныхъ цѣлей, какъ до того было въ древней Руси вообще. Хотя Курбскій защищаетъ въ своихъ сочиненіяхъ исключительно интересы своей касты, при каждомъ удобномъ случаѣ упоминаетъ о знатности своего рода, о знатной породѣ другихъ слугъ Грознаго, подвергавшихся его гоненіямъ; и хотя Иванъ IV, въ свою очередь, защищаетъ права царской власти и старается доказать, что и знатныя слуги царскіе, какъ и всѣ подданные, должны терпѣливо переносить его жестокости; тѣмъ не менѣе тотъ фактъ, что оба противника, для защиты своихъ интересовъ, прибѣгли къ письменному слову, къ словесной борьбѣ, имѣетъ значеніе, какъ важная характеристическая черта времени, свидѣтельствующая о современномъ взглядѣ на письменное слово.

Историческая важность писемъ Курбскаго и отвѣтовъ Грознаго, объясняющихъ многія явленія современной жизни и личный характеръ и отношенія противниковъ, ясна сама по себѣ.

Приведемъ нѣкоторые отрывки изъ писемъ Курбскаго.

«*Царю* (писалъ Курбскій въ первомъ письмѣ своемъ) *отъ Бога препрославленному, паче же въ православіи пресвѣтлу явившуся, нынѣ же, грѣхъ нашихъ ради, сопротивъ симъ обрѣтшемуся,* (*) прокаженному въ совѣсти, тирану безпримѣрному между самыми невѣрными владыками земли! Внимай!... Зачѣмъ, о царь! ты побилъ сильныхъ во Израилѣ, и воеводъ отъ Бога тебѣ данныхъ, различнымъ смертямъ предалъ, и побѣдоносную и святую кровь ихъ въ церквахъ Божіихъ и на торжествахъ владычныхъ пролилъ, и мученическою кровью ихъ праги церковные обагрилъ! На доброхотовъ твоихъ, душу за тебя полагающихъ, неслыханныя мученія, гоненія и смерти умыслилъ, измѣнами, чародѣйствами и другими неподобными поступками облыгая православныхъ, стараясь усердно свѣтъ въ тьму преложить и сладкое прозвать горькимъ?... Какого зла и гоненія отъ тебя я не претерпѣлъ? Какихъ бѣдъ и напастей ты на меня не подвигнулъ? Какихъ лжесплетеній презлыхъ ты на меня не взвелъ? Приключившіяся мнѣ отъ тебя различныя бѣды по порядку, за множествомъ ихъ, не могу теперь перечислить: потому что объятъ еще горестію души моей. Но скажу все вмѣстѣ: всего я лишенъ и отъ земли Божіей понапрасну отогнанъ!... Мы разстались съ тобою на вѣки: не увидишь лица моего до дни суда страшнаго. Но слезы невинныхъ жертвъ готовятъ казнь мучителю. Бойся и мертвыхъ: убитые тобою живы для Всевышняго: они у престола его требуютъ мести!»

Иванъ Грозный, натура неудержимо страстная, живо поддававшаяся неистовому гнѣву, не могъ перенести спокойно обиды отъ недавняго подданнаго своего, и будучи не въ состояніи казнить его казнію, захотѣлъ, какъ мы сказали, сразиться съ нимъ словомъ, въ которомъ былъ почти столько же искусенъ, сколько и его противникъ. Потому онъ и отвѣчалъ немедленно на письмо Курбскаго. Въ отвѣтѣ своемъ Иванъ IV еще менѣе Курбскаго удерживается отъ рѣзкихъ и укорительныхъ выраженій, отъ *глаголовъ нечистыхъ и кусательныхъ*, какъ говоритъ Курбскій. — Царь Иванъ Васильевичъ IV, если и не образовалъ себя систематически, подобно князю Курбскому, то тѣмъ

(*) Далѣе мы приводимъ мѣста изъ перваго письма Курбскаго, частію въ переложеніи Карамзина, частію — г. Соловьева.

не менѣе онъ былъ большой грамотѣй и книжникъ, по тогдашнему времени, напитавшійся чтеніемъ свящ. книгъ, сочиненій отцевъ церкви, русскихъ лѣтописей и хронографовъ, изъ которыхъ приводитъ въ письмѣ къ Курбскому множество историческихъ примѣровъ и свидѣтельствъ. Онъ съ большою ловкостію пользуется своими средствами, искусно располагая доводами, почерпаемыми изъ всѣхъ извѣстныхъ ему книгъ, для того, чтобы вполнѣ обвинить Курбскаго и его бѣгство къ Сигизмунду и вполнѣ оправдать себя и свое поведеніе. Царь переполняетъ свой отвѣтъ Курбскому изрѣченіями изъ ветхаго и новаго завѣта, богословскими толкованіями (онъ два раза обвиняетъ Курбскаго въ ереси) свидѣтельствами и примѣрами изъ исторіи, — и все это перемѣшано у него съ грубою бранью (напр. ты, *собака*, и того не разсудишь», и проч.) и ѣдкими сарказмами. Потому Курбскій, въ отвѣтѣ своемъ на это письмо, укоряетъ Грознаго въ неприличіи его рѣчи, унижающемъ его достоинство, и называетъ его письмо «широковѣщательнымъ» и «многошумящимъ». «Особенно въ немъ (въ письмѣ), — говоритъ Курбскій, — много изъ священныхъ писаній нахватано и приведены эти слова съ премногою яростію и лютостію, не строками и не стихами, какъ обычай искуснымъ и ученымъ, которые въ краткихъ словахъ многій разумъ замыкаютъ, но сверхъ всякой мѣры и перепутано, цѣлыми книгами, и переміями и посланіями. Тутъ же говорится и о постеляхъ, и о тѣлогрѣяхъ и о всякой всячинѣ, точно басни бабъ неистовыхъ», и проч. Письма Курбскаго дѣйствительно отличаются отъ писемъ Грознаго, не смотря на свой язвительный тонъ, и большимъ спокойствіемъ, и стройностію и благородствомъ, даже изяществомъ рѣчи. Глубокое чувство тоски по Руси, которую Курбскій и въ старости все называлъ своимъ *любимымъ отечествомъ*, и положеніе изгнанника умѣряли гнѣвный тонъ его писемъ и мѣстами возвышали его рѣчь до истиннаго краснорѣчія. Курбскій свободно и съ искуствомъ владѣетъ словомъ; его письма обличаютъ въ немъ человѣка вполнѣ просвѣщеннаго, который систематически изучалъ формы языка, на которомъ писалъ, и знакомъ былъ со всѣми словесными и риторическими пріемами своего времени, искусенъ былъ, по его собственнымъ словамъ, «не только въ грамматическихъ и риторскихъ, но и въ діалектическихъ и фило-

софскихъ ученіяхъ». Только то обстоятельство, что онъ сталъ писать въ нынѣшнемъ западно-русскомъ краѣ имѣло вліяніе на языкъ и на способъ изложенія въ сочиненіяхъ Курбскаго. У него встрѣчаются постоянно слова и обороты, свойственныя бѣлорусской или малорусской рѣчи и даже взятые съ латинскаго, такъ-какъ въ Литвѣ во время Курбскаго уже преобладала схоластическая латинская ученость. Напримѣръ: «языкъ *маю* (имѣю) отеческій»..... лучше разсудихъ здѣ въ молчаніи пребыти и тамо глаголати предъ *маестатомъ* (величествомъ) Христа моего,... «недостойнѣ мужемъ *рыцарьскимъ сваритися*» (браниться) и проч. Курбскій постоянно употребляетъ въ своихъ сочиненіяхъ нерусскія слова, какъ: *барбарія*, *стултиція* и т. п.

Курбскій не ограничился одними письмами къ царю Ивану IV. Капитальнымъ сочиненіемъ его о дѣяніяхъ Грознаго и о современныхъ событіяхъ почитается, написанная имъ въ изгнаніи же, *Исторія князя великаго московскаго, яже слышахомъ у достовѣрнѣхъ мужей и яже видѣхомъ очима нашима*. Сочиненіе это извѣстно подъ именемъ «Сказанія князя Курбскаго» (*). Оно имѣетъ такое же значеніе для исторіи, какъ и переписка Курбскаго съ царемъ. Въ немъ заключается, главнымъ образомъ, изложеніе событій царствованія Ивана IV. Курбскій начинаетъ свою «Исторію» съ самаго дѣтства Ивана и повѣствуетъ какъ современникъ, принимавшій прямое участіе въ большей части описываемыхъ имъ событій. Онъ описываетъ воспитаніе царя, время Сильвестра и Адашева, завоеваніе Казани, Астрахани, Ливонскую войну; наконецъ повѣствуетъ о жестокостяхъ и мучительствахъ Грознаго и съ подробностію перечисляетъ число его жертвъ, — что собственно и составляетъ главный предметъ и главную цѣль сочиненія. Такимъ образомъ «Исторія князя великаго московскаго» есть сочиненіе, написанное съ предвзятою цѣлію, въ которомъ Курбскій старается обвинить, во что бы то ни стало, Грознаго и оправдать себя и ту партію, къ которой онъ принадлежалъ, т. е. партію Сильвестра и Адашева. Потому это сочиненіе Курбскаго не чуждо пристрастія, и историческая критика совѣтуетъ пользоваться имъ съ осторожностію. Тѣмъ не менѣе «Исторія

(*) «Сказанія князя Курбскаго» напечатаны лишь въ новѣйшее время; первый разъ изданы г. Устряловымъ въ 1833 году; 2-е изданіе его же, 1843 г.

князя великаго московскаго» — явленіе замѣчательное въ русской литературѣ того времени. Оно читалось съ жадностію въ старину, списывалось и хранилось, по словамъ Карамзина, не только въ частныхъ, но и въ казенныхъ библіотекахъ. «Исторія» Курбскаго уже явно написана подъ вліяніемъ западной образованности, и отличается стройностію, полнотою и единствомъ разсказа о своемъ предметѣ. Авторъ вездѣ старается объяснить причины явленій и указать на значеніе описываемыхъ имъ историческихъ событій. Въ этомъ отношеніи «Исторія» Курбскаго рѣзко отличается отъ всѣхъ лѣтописныхъ и вообще историческихъ сочиненій, писавшихся до того времени на Руси. Съ другой стороны, Курбскій, какъ человѣкъ образованный, высказываетъ тотъ взглядъ на исторію, который былъ распространенъ въ его время между просвѣщенными людьми въ Европѣ. Описавъ въ своемъ сочиненіи жестокости Грознаго, онъ мститъ ему судомъ исторіи, гласностію.

Курбскій, подъ старость, много занимался переводами на славянскій языкъ сочиненій замѣчательныхъ отцевъ и учителей церкви и былъ ревностнымъ поборникомъ православія на западѣ Руси, которому уже въ то время начинали угрожать съ одной стороны іезуиты и предверіе уніи, а съ другой—возникавшій протестантизмъ. Курбскій велъ дѣятельную переписку въ защиту православія съ извѣстнымъ княземъ К. Острожскимъ и другими лицами и указывалъ на существованіе въ то время въ Литвѣ разныхъ ересей. Въ предисловіи къ своему переводу бесѣдъ Іоанна Злотоуста, Курбскій жалуется на свое положеніе, на изгнаніе безъ правды, на пребываніе между людьми негостепріимными, «при томъ въ ересяхъ различныхъ развращенными, — тогда какъ въ отечествѣ *огонь мучительства прелютый горитъ*,» говоритъ онъ. Потому онъ находилъ для себя одно утѣшеніе «въ книжныхъ дѣлахъ, изучая разумы древнѣйшихъ людей». Въ это же время Курбскій, изучая латинскій языкъ, занимался переводами изъ Цицерона.

Стоглавъ, или *Соборная Книга*, заключающая въ себѣ изложеніе дѣйствій и постановленій бывшаго въ Москвѣ въ 1551 году церковнаго собора, созваннаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ IV. «Стоглавъ»,

по своему происхожденію, имѣетъ значеніе юридическое, какъ одинъ изъ памятниковъ русскаго каноническаго, или церковнаго права. Тѣмъ не менѣе, по своему внутреннему составу и значенію, равно какъ и по внѣшней формѣ своей, т. е. по способу изложенія, языку и слогу, не похожему на дѣловой слогъ обыкновенныхъ юридическихъ актовъ того времени, — Стоглавъ долженъ быть причисленъ къ памятникамъ русской словесности XVI вѣка, и при томъ — къ самымъ замѣчательнымъ памятникамъ, въ которомъ представлена яркая и вѣрная картина вѣка и обрисованны многія явленія современной русской жизни съ удивительною живостію и полнотою.

Содержаніе «Стоглава» составляютъ: вопервыхъ *Рѣчь* царя Ивана Васильевича IV, сказанная имъ при открытіи собора и обличившая въ молодомъ царѣ (*) замѣчательную силу ума и краснорѣчія; вовторыхъ письменные *Вопросы* царя, или списокъ разнымъ *нестроеніямъ* церковнымъ, т. е. безпорядкамъ, которые царь предложилъ на разсмотрѣніе собора и требовалъ подвергнуть строгому обсужденію, все, что слѣдуетъ, исправить и порѣшить; наконецъ вътретьихъ *Отвѣты* собора на предложенныя царемъ вопросы, въ которыхъ члены собора разсматриваютъ подробно и обсуждаютъ всѣ предметы, заключающіеся въ царскихъ вопросахъ, и о каждомъ постановляютъ соборныя опредѣленія. Первоначальное заглавіе составившейся такимъ образомъ *Соборной Книги*, или *Соборнаго Уложенія* было: *Царскіе вопросы и соборные отвѣты о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ* (**). Но такъ-какъ всѣ, содержащіяся въ этомъ памятникѣ статьи, т. е. вопросы царя и отвѣты святителей, съ прочими дополнительными къ нимъ и объяснительными статьями, при общей редакціи соборной книги, раздѣлены были на *сто главъ;* то и самый памятникъ названъ былъ впослѣдствіи «*Стоглавомъ*» или «*Стоглавникомъ*»: (соборъ, — говорится въ лѣтописяхъ XVII вѣка, — *изложилъ книгу, глаголемую Стоглавъ).* По той же причинѣ и самый соборъ 1551 года, результа-

(*) Царю И. В. было въ это время не болѣе 20 лѣтъ. Царская рѣчь, сказанная при глубокомъ молчаніи, въ то время, когда очи всѣхъ были устремлены на юнаго царя, по описанію современниковъ, поразила и растрогала присутствовавшихъ на соборѣ.

(**) Истор. Госуд. Рос. т. 8, примѣч. 178.

томъ дѣятельности котораго была книга «Стоглавъ», сталъ называться позднѣе «Стоглавнымъ».

Такимъ образомъ главная сущность «Стоглава» заключается въ царскихъ вопросахъ и въ отвѣтахъ на нихъ святителей, предсѣдавшихъ на соборѣ. — Иванъ IV въ замѣчательной рѣчи своей, которою начинается «Стоглавъ», описавъ весьма краснорѣчиво бѣдственное состояніе Россіи въ дни своего сиротства и юности, сказавъ съ большою искренностію о собственной испорченности и приписавъ все это дурному управленію и вліянію на себя бояръ и вельможъ, выразилъ искреннее раскаяніе въ прошедшемъ и твердое желаніе все исправить; и потому умолялъ соборъ, всѣ сословія народныя, — весь православный народъ,—*потрудиться* вмѣстѣ съ нимъ и *поспособствовать* ему, *всѣмъ единодушно*, къ *исправленію вѣры*, *церковнаго благочинія*, *царскаго благозаконія и всякаго земскаго строенія*. Затѣмъ, послѣ окончанія рѣчи, царь предложилъ собору свои знаменитые вопросы, въ которыхъ съ большею энергіей и рѣзкостію передаетъ свои жалобы на темныя стороны современной дѣйствительности и перечисляетъ одно за другимъ тѣ *нестроенія*, т. е. безпорядки, зло и пороки, которые онъ находилъ въ современной русской жизни. Вопросы царя касаются преимуществено дѣлъ церковныхъ и предметовъ религіи и нравственности и имѣютъ рѣзко обличительный характеръ. Иванъ IV возстаетъ въ нихъ противъ разнаго рода отступленій и уклоненій отъ церковныхъ правилъ и уставовъ, противъ неправильной жизни русскаго монашества и духовенства вообще, противъ малограмотности и невѣжества послѣдняго, противъ всеобщей порчи нравовъ, отклоненія отъ древняго благочестія, противъ сохраненія въ народѣ многихъ языческихъ обычаевъ и т. п.

Словомъ, въ вопросахъ царя находятъ себѣ грозное обличеніе ханжество, грубые нравы, развратъ, невѣжество и другіе пороки, господствовавшіе на Руси въ XVI столѣтіи. Соборъ въ *отвѣтахъ* своихъ, отвѣчая прямо на вопросы царя, обличая и упрекая вмѣстѣ съ нимъ то зло и пороки, на которые онъ указываетъ, въ то же время наставляетъ и увѣщеваетъ, указываетъ на уставы и правила, предписываетъ о ихъ строгомъ соблюденіи, многое объясняетъ въ царскихъ вопросахъ и указываетъ на причины многихъ явленій, подвергшихся осуж-

денію царя и съиздавна коренившихся во внутренней жизни Руси. На всѣ вопросы соборъ даетъ прямыя рѣшенія. Такъ напримѣръ: 1. Царь жалуется въ своихъ вопросахъ, что божественныя книги писцы пишутъ съ неправильныхъ переводовъ, и написавъ, не исправляютъ ихъ. Соборъ предписываетъ по этому вопросу всѣмъ главнымъ духовнымъ лицамъ въ каждомъ городѣ, чтобы они «дозирали».... священныхъ книгъ, святыхъ евангелій и апостолъ, и прочихъ святыхъ книгъ, ихже соборная церковь пріемлетъ; а которыя будутъ святыя книги, евангелія, апостолы, псалтыри и прочая книги, въ коеждо суть церкви обрящете, не исправлены и описливы, и выбъ тѣ святыя всѣ книги з добрыхъ переводовъ исправили соборне, занежъ священная правила о томъ запрещаютъ и не повелѣваютъ неправленныхъ книгъ въ церковь вносити, нижъ по нихъ пѣти», и проч. (*Стогл.* гл. 27) 2. На обличеніе царя въ малограмотности тогдашняго духовенства и что ученики плохо учились грамотѣ, соборъ въ своемъ отвѣтѣ объясняетъ, что святители, когда приведутъ къ нимъ ставленниковъ, допрашиваютъ ихъ, почему они мало умѣютъ грамотѣ, и тѣ отвѣчаютъ, что они учатся у своихъ отцовъ или *мастеровъ* (учителей) а больше имъ учиться негдѣ; отцы же и мастера сами малогромотны; «а прежде сего, — замѣчаютъ при этомъ отцы собора, — въ россійскомъ царствіи, на Москвѣ и въ Великомъ Новгородѣ и по инымъ городамъ, многія училища бывали; грамотѣ, и писати, и пѣти и чести учили, и потому тогда грамотѣ, и писати, и пѣти и чести гораздыхъ много было» ... Чтобы помочь дѣлу соборъ, «по цареву совѣту», уложилъ: избрать въ каждомъ городѣ и по волостямъ и по селамъ «добрыхъ и благочестивыхъ священниковъ и діаконовъ, которые сами грамотѣ, и чести и писати горазди, и въ ихъ домахъ учинить училища, въ которыя священники и діаконы и всѣ православные христіане отдавали бы своихъ дѣтей «на ученіе грамотѣ, и на ученіе книжнаго письма и церковнаго пѣнья..... И тѣбъ священники, діакони и діаки, избранныя по училищамъ, учили бы своихъ учениковъ страху Божію и грамотѣ, и писати, и пѣти и чести, со всякимъ духовнымъ наказаніемъ... чтобы имъ, ... пришедъ въ возрастъ, достойнымъ быти священническому сану и чину;... а учили бы своихъ учениковъ грамотѣ довольно, *колько сами умѣютъ, и силу бы имъ въ писаніи сказывали*, по дан-

ному имъ отъ Бога таланту, ничто же скрывающе» и проч. (*Стогл.* гл. 25-26). Такимъ точно образомъ разсмотрѣны и опредѣлены въ «Стоглавѣ», до мельчайшихъ подробностей, и другіе многочисленные вопросы, касающіеся устройства церкви, религіи, нравственности, общественнаго и частнаго быта народа.

Вопросы и отвѣты въ «Стоглавѣ» составляютъ какъ бы живую бесѣду между молодымъ царемъ и святителями собора о внутреннемъ состояніи тогдашняго русскаго общества. И потому «Стоглавъ,» какъ представитель религіозныхъ и нравственныхъ интересовъ нашихъ предковъ XVI вѣка, принадлежитъ къ числу самыхъ любопытныхъ и самыхъ интересныхъ памятниковъ древней Руси, въ которомъ представлена яркая и безпристрастная картина вѣка, съ его религіозными понятіями, нравами и обычаями, съ его грубымъ невѣжествомъ и предразсудками, съ его грубѣйшими пороками и жалкой степенью тогдашней образованности. Все это, слѣдуетъ сознаться, обрисовано въ «Стоглавѣ» самыми темными чертами и — вѣрно дѣйствительности.

Отцы Стоглавнаго собора вооружаются и гремятъ проклятіями противъ чародѣйства и гаданій, противъ *альманаховъ*, *звѣздочетья* (астрологіи) и проч., какъ противъ *прелестей бѣсовскихъ*, которыя отъ Бога отлучаютъ; они возстаютъ противъ разныхъ языческихъ позорищъ и игръ, сохранившихся въ средѣ русскаго народа въ XVI столѣтіи, называя эти народныя увеселенія и обряды *елленскими* (т. е. языческими) *бѣснованіями*. Но вмѣстѣ съ этимъ Стоглавъ преслѣдуетъ и всякія пѣсни, пляски и обряды народныя, какъ-то: пѣсни и танцы хороводныя, въ различные празднества, свадебныя и похоронныя обычаи, и проч.; преслѣдуетъ музыку: *гудѣніе*, гусли, *смыки*, (скрипку) и т. д.

«Стоглавъ», постановляя опредѣленія о дѣйствительно-важныхъ религіозныхъ предметахъ, въ тоже время строго вооружается противъ ничтожныхъ мелочей и придаетъ имъ противурелигіозное значеніе, какъ напр. обычаю брить бороду и подстригать усы, модѣ носить тафьи, или шапочки на головѣ: «занеже чюже есть православнымъ носити безбожнаго Бахмета (т. е. Магомета) преданіе;» или же, напримѣръ, грозитъ отлученіемъ отъ церкви за употребленіе неуставной пищи, къ которой относятся затравленная дичь, *колбаса* изъ крови

(кровояденіе и удавленина) и т. п. Во многихъ предписаніяхъ и запретахъ «Стоглава» вообще обрядовая, внѣшняя сторона вопроса играетъ важнѣйшую роль; главная же сущность предмета, внутренній духъ или смыслъ обряда или ученія остаются безъ объясненія.

Мы могли представить здѣсь лишь весьма краткое обозрѣніе «Стоглава;» но, какъ мы уже сказали выше, это одинъ изъ памятниковъ русской старины, который имѣетъ большую важность и значеніе и большой интересъ, при изученіи древней Руси. До сихъ поръ у насъ существуетъ весьма немного изслѣдованій о «Стоглавѣ,» съ точки зрѣнія современной науки. Чтеніе «Стоглава» можетъ быть крайне любопытно и занимательно даже и теперь и не для однихъ спеціально-ученыхъ; тѣмъ болѣе, что онъ написанъ языкомъ, совершенно понятнымъ для каждаго; слогъ «Стоглава,» по справедливому замѣчанію Карамзина, «достоинъ удивленія своею чистотою и ясностію.»

До насъ дошли двѣ редакціи рукописей Стоглава: древнѣйшія — полныя и позднѣйшія — сокращенныя. Въ полномъ видѣ «Стоглавъ» напечатанъ только въ нынѣшнемъ году въ Казани, подъ редакціей професора Казан. духовн. акад. Добротворова, съ предисловіемъ и объясненіями.

Общій взглядъ на русскую литературу XV—XVI вѣковъ. — Книгопечатаніе. Мы обозрѣли дѣятельность главнѣйшихъ писателей нашихъ XV и XVI вѣковъ и указали на всѣ болѣе или менѣе замѣчательные памятники русской словесности этой эпохи. Изъ сдѣланнаго нами обозрѣнія становится очевиднымъ, что хотя характеръ и направленіе книжной литературы нашей, въ описываемый періодъ времени, въ главныхъ чертахъ, оставались тѣ же, что и въ предыдущіе вѣка, хотя большинство писателей русскихъ продолжало преслѣдовать преимущественно церковныя и религіозныя цѣли; но что тѣмъ не менѣе нельзя не видѣть, что литературная дѣятельность на Руси въ это время замѣтно усилилась. Кругъ людей книжныхъ, грамотныхъ, интересовавшихся письменнымъ дѣломъ, теперь замѣтно расширился, и вслѣдствіе этого расширилось содержаніе и самой письменности. Потому мы видимъ, что масса письменныхъ памятниковъ и число писа-

телей значительно возрастают, особенно въ эпоху ересей и со второй половины XVI столѣтія. Въ произведеніяхъ лучшихъ писателей, каковы: Геннадій, Іосифъ В., Максимъ Грекъ, Курбскій, и въ болѣе примѣчательныхъ словесныхъ памятникахъ эпохи, какъ напримѣръ: «Стоглавѣ», «Домостроѣ», уже не преобладаетъ исключительно та отвлеченность и безжизненность, какими отличались словесные памятники XIII—XIV столѣтій. Здѣсь, напротивъ, явленія современной дѣйствительности играютъ видную роль и, въ связи съ вопросами религіи и церкви, разсматриваются не тольо явленія политической и общественной, но и частной, семейной жизни. Большая часть литературныхъ произведеній XV и XVI стол. и вызвана собственно живыми, насущными вопросами жизни, какъ мы это могли видѣть изъ сочиненій Геннадія и Іосифа В., изъ «Сказаній» князя Курбскаго, и другихъ. Борьба Москвы съ старыми началами русской жизни независимо-областнаго и вѣчеваго порядка, паденіе Новгорода и Пскова, окончательное торжество единовластія Москвы и московской централизаціи при Грозномъ, борьба церкви съ опасными религіозными заблужденіями и полное торжество ея надъ ересями, наконецъ мрачныя событія страшнаго царствованія Грознаго, — все это рѣзко отразилось на внутренней жизни русскаго народа и все это, съ большею или меньшею силою, выразилось и въ словесныхъ памятникахъ эпохи. Потому-то большинство этихъ памятниковъ представляетъ такую живую и яркую картину своего времени.

Такимъ образомъ, съ усиленіемъ литературной дѣятельности въ XV и XVI столѣтій, кругъ дѣйствія литературы становится шире и расширяется нѣкоторымъ образомъ кругъ тѣхъ понятій и интересовъ, которые литература беретъ подъ свою защиту. Переписка Ивана IV съ кн. Курбскимъ представляетъ въ этомъ отношеніи, какъ мы уже говорили, замѣчательное явленіе. Оба противника прибѣгаютъ къ письменному слову, т. е. къ литературѣ, для выраженія своихъ личныхъ взглядовъ и мнѣній, для защиты своихъ личныхъ интересовъ. Значитъ, письменное слово признается уже важнымъ оружіемъ и для защиты мнѣній и интересовъ частныхъ, а не для однихъ только церковныхъ и правительственныхъ цѣлей, какъ было до сего. Князь Курбскій защищаетъ, правда, лишь интересы своего сословія, интересы бояръ и

сановниковъ; но въ нѣкоторыхъ современныхъ письменныхъ памятникахъ мы встрѣчаемъ заявленія и объ интересахъ и нуждахъ народа вообще, заявленія, сдѣланныя съ положительной, народной точки зрѣнія. Напримѣръ: отцы Стоглавнаго собора однимъ изъ своихъ опредѣленій постановили, относительно выкупа русскихъ плѣнныхъ изъ рукъ бусурманъ, чтобы деньги, которые разойдутся на этотъ предметъ изъ царской казны, потомъ «раскинуть на сохи по всей землѣ.» Когда же «вся писанія царскихъ вопросовъ и святительскихъ отвѣтовъ» посланы были въ Троицко-Сергіевскій монастырь на разсмотрѣніе бывшаго митрополита Іосафа, то онъ, сдѣлавъ противъ нѣкоторыхъ статей возраженія и замѣчанія (которыя вошли въ текстъ Стоглава) по поводу вышесказаннаго опредѣленія о выкупѣ плѣнныхъ, написалъ: «окупъ брать не съ сохъ, а съ архіереевъ и монастырей. Крестьянамъ, царь государь, и такъ много тягости; въ своихъ податяхъ, государь, покажи имъ милость.» (Ист. Рос. Соловьева, т. VII, 102).

Нельзя не признать слѣдовательно бо̀льшаго литературнаго развитія на Руси въ XV и XVI столѣт., въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Одностороннее подражаніе византійскимъ образцамъ, сообщенное нашей книжной литературѣ, при самомъ началѣ ея, продолжается, безъ сомнѣнія, и теперь; но переводы съ греческаго въ описываемое нами время замѣтно уменьшаются, особенно со второй половины XVI стол., когда, можно сказать, почти всѣ лучшія произведенія греческой духовной литературы были уже извѣстны на Руси. Въ замѣнъ переводовъ съ греческаго замѣтно появленіе переводовъ съ латинскаго и другихъ западныхъ языковъ. Потому-то теперь является потребность собрать всѣ старые переводы въ одно и заняться исправленіемъ вкравшихся въ нихъ ошибокъ вслѣдствіе невѣжества переписчиковъ. И вотъ Геннадій находитъ нужнымъ составить полный списокъ библіи; а затѣмъ появляется знаменитый сборникъ митрополита Макарія — Четьи-Минеи. Весьма обширная у насъ литература *житій* именно въ это время достигаетъ своего высшаго развитія и создаетъ въ свою очередь столь же обширную литературу русской повѣсти и легенды, характеристику которой мы представили выше.

Желаніе имѣть исправныя священныя и церковныя книги и не упо-

треблять, при богослуженіи, невѣрныхъ рукописей привело къ заведенію первой типографіи на Руси. Къ устройству особаго дома для книгопечатанія въ Москвѣ приступлено было, по мысли Грознаго и по одобренію митр. Макарія, еще съ 1553 года. Но эта первая русская типографія,—въ которой работали тогда два *печатныхъ мастера* изъ Русскихъ: дьяконъ церкви св. Николы Гастунскаго, Иванъ Ѳедоровъ, да Петръ Тимофеевъ Мстиславецъ,—начала печатаніе книгъ съ 1563 года, и лишь въ мартѣ слѣдующаго 1564 года успѣла отпечатать первую книгу — *Дѣяній и посланій апостольскихъ* (*). Такимъ образомъ великое изобрѣтеніе Гуттенберга введено было у насъ почти цѣлымъ столѣтіемъ послѣ того, какъ оно повсемѣстно распространилось въ Европѣ; и введено было притомъ не съ мыслію, что это одинъ изъ могучихъ рычаговъ просвѣщенія вообще, а лишь единственно съ желаніемъ остановить порчу священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Книгопечатное дѣло и тутъ, однако, вкоренялось весьма медленно на Руси, и въ первое время встрѣтило даже себѣ явное сопротивленіе со стороны невѣжества и суевѣрія современнаго русскаго общества. Первые мастера печатнаго дѣла, дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ и Мстиславецъ, напечатавъ въ 1565 году вторую книгу, *Часовникъ*, принуждены были бѣжать изъ Москвы за границу, такъ-какъ новостію своего дѣла они возбудили противъ себя многихъ современныхъ грамотниковъ и обвинены были въ ереси и волшебствѣ. Они убѣжали въ Литву, гдѣ уже существовали славянскія типографіи; а потомъ Иванъ Ѳедоровъ перешелъ на Волынь, къ князю Константину Острожскому, у котораго и напечаталъ въ 1581 году первую полную славянскую библію, извѣстную подъ именемъ *Острожской*.

Ясно, такимъ образомъ, что книгопечатаніе, имѣвшее такое изумительное дѣйствіе на распространеніе просвѣщенія на западѣ Европы, гдѣ уже во множествѣ городовъ работали неустанно типографіи, — не могло имѣть — и не имѣло очень долго — того же значенія у насъ.

Мы видимъ, въ самомъ дѣлѣ, что, не смотря на усилившуюся лите-

(*) Внѣшность этой первой книги, напечатанной на Руси, судя по времени, очень удовлетворительна. «Сія книга рѣдка,—говоритъ Карамзинъ :— я ее видѣлъ въ Москов. типографіи (т. е. синодальной). Форматъ въ малый листъ; бумага плотная (голландская), чистая; заглавныя буквы напечатаны киноварью; правописаніе худо» (И. Г. Р. т. IX примѣч. 86).

ратурную дѣятельность и слѣдовательно на большое распространеніе грамотности, просвѣщеніе на Руси и народная образованность не сдѣлали большихъ успѣховъ и теперь, въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Это ясно изъ приведеннаго нами выше мѣста изъ «Стоглава» объ учрежденіи училищъ: здѣсь по прежнему грамотность и книжное ученіе считаются необходимыми лишь для тѣхъ, кого готовятъ въ священники. Въ другомъ памятникѣ современной литературы, въ «Домостроѣ,» дающемъ пространныя наставленія обо всѣхъ житейскихъ дѣлахъ, при изложеніи обязанностей родителей по воспитанію дѣтей, вовсе не говорится о томъ, чтобы родители учили дѣтей своихъ грамотѣ. Однимъ изъ поразительныхъ доказательствъ отсутствія просвѣщенія въ это время служитъ то, по словамъ профес. Соловьева, что издатели напечатаннаго въ Москвѣ текста новаго завѣта называютъ его текстомъ 70 толковниковъ! (*) Люди грамотные, книжные, начитанные, какъ видно, уважались въ современномъ русскомъ обществѣ; но сознанія въ потребности, въ необходимости,—не говоримъ просвѣщенія, но и простой грамотности, — не было даже въ высшихъ членахъ этого общества, занимавшихъ первыя мѣста въ государствѣ: не мало находилось въ это время на Руси царедворцевъ, вельможъ, князей и дѣтей боярскихъ, которые вовсе не знали грамотѣ (**) и не умѣли подписать своего имени. На большее развитіе просвѣщенія на Руси не имѣло замѣтнаго вліянія даже и то, что къ намъ стали проникать, особенно со второй половины XVI вѣка, нѣкоторыя западно-европейскія сочиненія и начинались переводы съ латинскаго, нѣмецкаго и т. п. Сочиненія эти не могли благотворно дѣйствовать на развитіе народа и на распространеніе на Руси полезныхъ научныхъ свѣдѣній потому вопервыхъ, что,—какъ говоритъ авторъ «Историческихъ очерковъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія,» — «и тутъ высказались во всей ясности главные недостатки нашихъ предковъ: крайне-ограниченный умственный кругозоръ, невѣжество и безтактность въ выборѣ книгъ.» (***) Книги эти заключались по большей части въ разныхъ *луцидаріусахъ, альманахахъ, звѣздочетьяхъ* и т. п. А вовто-

(*) Ист. Рос. т. VII, 245.

(**) Тамъ же см. примѣры на стр. 242.

(***) Жур. минист. народн. просв. Іюнь 1863 г. отд. IV, стр. 57.

рыхъ: хотя эти книги, какъ видно, усердно читались грамотными людьми, даже монахами въ монастыряхъ; но, какъ произведенія латинскаго запада, онѣ причислялись у насъ къ книгамъ *отреченнымъ* и строго преслѣдовались церковными писателями, даже лучшими изъ нихъ, каковы были, напримѣръ, Максимъ Грекъ и другіе. Слѣды западной образованности и науки обнаружились на Руси уже гораздо явственнѣе лишь въ XVII столѣтіи.

Причины и степень развитія образованности, литература и писатели на Руси въ XVII столѣтіи.

Конецъ XVI и XVII вѣкъ ознаменовались великими событіями въ исторической жизни древней Руси. На югозападѣ Руси: такъ называемая церковная *унія*, (*) возбудившая необыкновенное религіозное движеніе во всѣхъ классахъ православнаго западнорусскаго и южнорусскаго населенія, приведшая къ ожесточенной борьбѣ, и словомъ и дѣломъ, между католицизмомъ и русскимъ православіемъ, ознаменовавшаяся возстаніемъ и жестокими войнами малороссійскихъ казаковъ съ Поляками и наконецъ присоединеніемъ Малой Руси къ московскому государству; въ сѣверовосточной Руси: «смутное время», возстаніе всего народа въ 1612 году на защиту вѣры и народности и во имя спасенія русскаго государства, болѣе близкое столкновеніе, — въ особенности чрезъ Польшу и югозападную Русь, — съ образованностію западной Европы, а наконецъ никоновское исправленіе церковныхъ книгъ, приведшее къ горячимъ спорамъ и давшее поводъ къ образованію русскаго *раскола*, богатаго столь важными послѣдствіями, — вотъ тѣ крупныя явленія въ политической, религіозной и умственной жизни Руси конца XVI и XVII столѣтія, которыми явственно опредѣляется историческій характеръ описываемой нами эпохи, и которыя

(*) Подъ словомъ *унія* слѣдуетъ разумѣть *не соединеніе* (отъ лат.-*unio*) греческой церкви съ римской, а скорѣе раздѣленіе русской православной церкви, на югозападѣ Руси на православную и *уніатскую;* послѣдняя, въ лицѣ нѣсколькихъ русскихъ епископовъ и нѣкоторыхъ членовъ ополячившейся западнорусской аристократіи, въ 1596 году, присоединилась къ Риму признаніемъ главенства папы, но съ сохраненіемъ прежнихъ церковныхъ обрядовъ, обычаевъ и русскаго языка при богослуженіи.

естественно не могли не имѣть болѣе или менѣе сильнаго вліянія на нравственное состояніе современнаго русскаго общества и русскаго народа вообще, равно какъ и на памятники слова и произведенія современныхъ русскихъ писателей. Потому мы должны сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ поименованныхъ историческихъ явленій.

Унія и ея вліяніе на образованность и литературу югозападной Руси. — Католическая пропоганда и попытки къ преслѣдованіямъ и гоненіямъ за вѣру русскаго православнаго населенія западной и югозападной Руси (т. е. Бѣлой и Малой Руси) въ видахъ обращенія его въ католичество, начались еще задолго до открытаго введенія уніи въ Литвѣ въ 1596 году.

Югозападная Русь, входя въ составъ великаго княжества литовскаго (которое, какъ извѣстно изъ исторіи, при первомъ Ягеллонѣ слилось политически съ польскимъ королевствомъ) была присоединена окончательно къ Польшѣ, вмѣстѣ съ Литвою и Бѣлоруссіей, лишь въ началѣ второй половины XVI столѣтія, при королѣ Сигизмундѣ Августѣ, который первый открылъ доступъ въ свои владѣнія ордену іезуитовъ.

Въ Польшѣ, съ первыхъ же дней присоединенія Литвы, возникла мысль о совершенномъ слитіи западнаго и югозападнаго края Руси съ Рѣчью Посполитой. Съ того времени всѣ усилія польской политики направлены были къ постепенному уничтоженію въ этомъ краѣ русской вѣры, русскаго языка и русской народности. Народъ энергически протестовалъ, и словомъ и дѣломъ, противъ этихъ стремленій Польши. Но польское правительство не переставало хлопотать о распространеніи католичества между православнымъ населеніямъ бѣлорусскаго и малорусскаго края, дѣлало предпочтеніе своимъ католическимъ подданнымъ передъ православными, издавало нѣкоторыя постановленія къ стѣсненію свободы греческой вѣры, и т. п. Однако, вначалѣ оно все же дѣйствовало осторожно и нерѣшительно на этомъ пути, опасаясь насильственными мѣрами раздражить русскій народъ. Оно не хотѣло вооружить противъ себя, вопервыхъ, богатые и знатные роды русскихъ вельможъ, которые, въ первое время присоедине-

нія къ Польшѣ, не успѣли еще ополячиться и строго придерживались вѣры отцовъ; а вовторыхъ оно опасалось раздраженія южнорусскихъ казаковъ, считавшихъ себя стражами русской вѣры и народности.

Но іезуиты, это могущественное орудіе католицизма, водворившись въ Польшѣ и успѣвъ въ короткое время овладѣть и польскимъ правительствомъ и умами польской аристократіи, успѣвъ возбудить фанатизмъ въ католическомъ населеніи страны, скоро принялись, съ свойственною имъ ловкостію и рѣшительностію, за католическую пропаганду въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Поддерживаемые правительствомъ, они стали преслѣдовать и смѣло нападать на ученіе православной церкви. Главнымъ орудіемъ для дѣйствій іезуитовъ въ этомъ отношеніи служило воспитаніе дѣтей, которое во всемъ польскомъ королевствѣ, какъ и во всей католической Европѣ того времени, перешло въ ихъ руки. Открытые въ Вильнѣ, въ Полоцкѣ, на Волынѣ и въ Кіевѣ іезуитскіе *коллегіумы* скоро наполнились дѣтьми русскихъ аристократовъ. Кромѣ того, многіе изъ молодыхъ аристократовъ югозападной Руси получали образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ самой Польши или въ католическихъ университетахъ и академіяхъ западной Европы, значитъ, воспитывались тоже у іезуитовъ. Система воспитанія въ этихъ іезуитскихъ школахъ, — какъ только въ нихъ появлялись православные русскіе, — клонилась настойчиво къ постепенному обращенію русскаго юношества въ католичество и къ внушенію ему презрѣнія къ его староотеческой вѣрѣ.

Въ тоже время іезуиты дѣйствовали и другимъ могущественнымъ орудіемъ — словомъ, т. е. посредствомъ литературы и проповѣди: во множествѣ сочиненій, появившихся въ это время въ Литвѣ, они жестоко нападали на ученіе православной церкви. А для простаго, необразованнаго класса народа и для людей, упорныхъ въ своей старой вѣрѣ, они придумали *унію*; т. е. оставляя народу его богослужебные обряды и богослужебный языкъ и присоединяя его во всѣхъ главныхъ догматахъ вѣры къ римско-католическому исповѣданію, они считали унію лишь ступенью къ полному переходу впослѣдствіи всего русскаго народа въ католичество.

Польское правительство дѣйствовало въ духѣ и по внушеніямъ іезуитовъ, допускало въ Литвѣ и въ югозападномъ краѣ Руси все-

возможныя неистовства и насилія, въ отношенія къ своимъ русскимъ подданнымъ, и скоро само подняло преслѣдованія и гоненія за греческую вѣру, принявъ задуманную іезуитами унію подъ свое покровительство. Такое посягательство Польши и іезуитовъ на вѣру народную вызвало, однако, сильный отпоръ во всѣхъ классахъ русскаго населенія, — и повсюду въ русскихъ областяхъ Польши скоро завязалась упорная, ожесточенная и продолжительная борьба между православіемъ и католицизмомъ. Въ Бѣлой Руси эта религіозная борьба велась преимущественно посредствомъ слова, литературы; а Русь Малая — вся встала мужественно на борьбу, подняла свое знаменитое казачество, вслѣдъ за которымъ вставало повсемѣстно русское крестьянство, — и ознаменовала борьбу за народную вѣру рядомъ кровавыхъ битвъ съ Поляками.

Введеніе уніи встрѣтило, такимъ образомъ, повсемѣстно сильныя препятствія въ народѣ. Въ первое время даже нѣкоторые изъ важнѣйшихъ членовъ русской аристократіи явились главными защитниками православія и противниками уніи. Мы упоминали, что уже кн. Курбскій, поселившись въ Литвѣ, ратовалъ здѣсь противъ іезуитовъ и противъ ихъ обольщеній, посредствомъ которыхъ они увлекали русскихъ аристократовъ въ католичество. Другимъ ревностнымъ поборникомъ староотеческой вѣры является на югозападѣ Руси знаменитый князь Константинъ Константиновичъ *Острожскій*. Какъ Курбскій, такъ и Острожскій, для охраны православія и для отпора католичеству, признали необходимымъ большее развитіе просвѣщенія и образованности между своими единовѣрцами. Курбскій самъ переводилъ сочиненія знаменитыхъ отцовъ восточной церкви, ревностно заботился о распространеніи между православными духовныхъ книгъ и, въ своей обширной перепискѣ съ западно-русскими аристократами, всячески предостерегалъ ихъ отъ дѣйствій іезуитовъ. Кн. Острожскій устраивалъ училища и типографіи, входилъ въ сношенія съ патріархами на востокѣ, собиралъ, печаталъ и издавалъ различныя священныя книги и велъ энергическую и дѣятельную переписку въ защиту православія со многими духовными и свѣтскими лицами.

Но въ молодомъ поколѣніи русскихъ аристократовъ, въ сыновьяхъ и внукахъ этихъ знаменитыхъ защитниковъ православія, русская цер-

ковь уже не находила для себя болѣе такой сильной помощи. Многіе изъ нихъ сдѣлались даже ея врагами, получивъ воспитаніе у іезуитовъ и обратившись въ католичество, какъ напримѣръ: сынъ кн. Курбскаго и сынъ кн. Острожскаго. А черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ введенія уніи, можно сказать, что почти все высшее дворянство русскихъ областей Польши, воспитанное іезуитами, отступилось отъ староотеческой вѣры и отъ русской народности и прямо слилось съ польскимъ шляхетскимъ сословіемъ, съ которымъ его связывала, сверхъ того, общность политическихъ и гражданскихъ интересовъ.

Но если русская церковь лишилась помощи высшей аристократіи, то враги русской вѣры и русской народности встрѣтили тѣмъ большую силу отпора въ прочихъ классахъ народа: въ городскомъ сословіи, въ низшемъ духовенствѣ и наконецъ въ крестьянствѣ.

Городское сословіе, т. е. ремесленники, купцы и мѣщане западнорусскихъ городовъ, въ борьбѣ съ католицизмомъ, во время уніи, играетъ важную роль. Оно выставило, для борьбы, свои знаменитыя *братства*, или *братчины*. (*) Братства эти, или братскіе союзы, устраивавшіеся съ благотворительными цѣлями, въ періодъ введенія уніи, пріобрѣли весьма важное значеніе, сдѣлавшись самыми могущественными

(*) *Братства* или *Братчины* — древнее русское учрежденіе, существовавшее не только въ югозападной, но и въ сѣверовосточной Руси; но *братства*, или *братскіе* союзы, могли получить значеніе и силу лишь тамъ, гдѣ существовало самостоятельное развитіе городовой жизни, какъ напр.: въ сѣверовосточной Руси — въ Новгородѣ и Псковѣ; или же: въ городахъ западной Руси, пользовавшихся, какъ извѣстно, т. н. *магдебургскимъ правомъ*, которое развило здѣсь цеховое устройство. Цехи ремесленниковъ и купцовъ, группируясь около извѣстной церкви или монастыря и принимая ихъ подъ свое покровительство, составляли отдѣльныя общины, или *братства*, съ своимъ особымъ уставомъ, утверждавшимся обыкновенно властями духовными и свѣтскими, съ собственнымъ судомъ и управленіемъ. Къ нимъ примыкали люди и изъ другихъ сословій — изъ шляхты, духовенства и поселянъ, — твердо-державшихся православія. Такіе союзы, или общины, стройно организованныя и крѣпкія, пріобрѣтали естественно большую силу, въ случаѣ необходимости защищать свои общинные интересы. И эту силу имѣли дѣйствительно, во время уніи, братства Литвы и югозападной Руси, при борьбѣ съ католицизмомъ. Они пріобрѣли важное значеніе не только для своей мѣстности, но и для цѣлаго края, для всей русской церкви; ибо всѣ пожертвованія членовъ общины, или *братчиковъ*, шли на поддержку общаго дѣла: на нихъ устраивались училища, заводились типографіи, распространялись книги въ народѣ и т. д.

средствами для защиты русской вѣры и народности и для борьбы съ іезуитами.

Главная сила іезуитовъ заключалась въ ихъ образованности; а потому братства, чтобы бороться съ врагомъ одинаковымъ оружіемъ, первѣе всего обратили вниманіе на распространеніе духовнаго просвѣщенія между своими единовѣрцами; и съ этою цѣлію стали устраивать, гдѣ только было возможно, училища и заводить типографіи. Такъ возникли братскія училища и типографіи въ Львовѣ, въ Вильно, въ Луцкѣ, въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ школахъ, устроенныхъ братствами, учили уже не только грамотѣ и письму,—какъ было прежде въ русскихъ школахъ,—но и языкамъ: русскому, греческому, латинскому и польскому. Братства обязывались, для *школьной науки*, содержать ученыхъ людей и печатать книги — не только церковныя и богословскія, но и иныя, нужныя для училищъ, именно: грамматику, піитику, реторику и философію.

До того времени народное просвѣщеніе, какъ, въ Литвѣ, такъ и въ югозападной Руси, находилось почти въ такомъ же жалкомъ состояніи, какъ и въ сѣверовосточной Руси. Хотя вліяніе Польши, близкое сосѣдство съ Европой и то обстоятельство, что нѣкоторые изъ богатыхъ русскихъ вельможъ воспитывались за границей и путешествовали по Европѣ, казалось, должны бы были способствовать развитію просвѣщенію въ Литвѣ и въ югозападной Руси,—и здѣсь дѣйствительно встрѣчалось болѣе людей, знакомыхъ съ европейскою образованностію, нежели въ Руси сѣверовосточной;—но тѣмъ не менѣе дѣло собственно народнаго просвѣщенія, устройство школъ и т. п., по отзыву всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ, до временъ іезуитовъ и уніи, находилось и здѣсь почти въ столь же незавидномъ положеніи, какъ и въ сѣверовосточной Руси. Опасность, грозившая русской вѣрѣ и народности со стороны іезуитовъ и уніи, вызвала, однако, въ народѣ напряженіе духовныхъ силъ и произвела усиленную умственную дѣятельность и усиленное литературное движеніе. Тутъ-то, сначала вельможи, а потомъ братства стали заводить школы, типографіи, стали печатать для народа буквари, катехизисы, даже грамматики и словари, и вслѣдствіе религіозныхъ споровъ съ іезуитами появилась обширная богословско-полемическая литература, въ духѣ схоластическомъ.

Духовная борьба съ латинствомъ, явившимся въ русскихъ областяхъ Польши во всеоружіи своей католической образованности, естественно требовала отъ защитниковъ русскаго православія совершенно-равнаго оружія, одинакой образованности, тѣхъ же самыхъ знаній, тѣхъ же пріемовъ въ наукѣ и литературѣ. Защитники русскаго православія въ западной и югозападной Руси старались тѣмъ болѣе поставить своихъ единовѣрцевъ въ одинаковыя условія съ іезуитами, относительно школьной образованности, что, для понятій большинства образованныхъ людей того времени, ученость іезуитовъ считалась предѣломъ человѣческой мудрости и науки. Потому неудивительно, что когда они рѣшились заводить новыя православныя училища, то ничего лучшаго не придумали, какъ, при устройствѣ ихъ, подражать во всемъ іезуитскимъ школамъ. И такъ-какъ сами устроители училищъ и первые преподаватели въ нихъ были, по большей части, воспитанниками либо польскихъ, либо заграничныхъ католическихъ университетовъ и академій; то они легко вносили во вновь устраиваемыя заведенія внутреннее и внѣшнее устройство тѣхъ заведеній, въ которыхъ учились сами. Православныя училища на западѣ и на югозападѣ Руси отличались отъ польскихъ, или іезуитскихъ лишь своимъ духомъ и направленіемъ,—естественно вражде бнымъкатолическому вѣроученію, и тѣмъ, что въ нихъ преподавались догматы вѣры по ученію грековосточной церкви.

Іезуиты были большіе приверженцы средневѣковой «схоластики» (*), и схоластическій способъ преподаванія наукъ господствовалъ во всей силѣ въ ихъ коллегіумахъ,—какъ въ Польшѣ, такъ и въ западной Ев-

(*) «Схоластика» (отъ латин. schola—школа) «схоластическая» ученость и преимущественно «схоластическая »философія,—развилась въ средневѣковыхъ европейскихъ университетахъ и господствовала въ нихъ съ XI по XVI стол. Она заключалась собственно въ стремленіи соединить философію Аристотеля съ богословіемъ, по ученію католической церкви. Образовавшись въ строгую систему, схоластика составляла въ умственномъ отношеніи твердый оплотъ католицизма. Но подъ конецъ схоластическая философія обратилась въ пустую и безжизненную *діалектику* (отъ *dialego*—спорить, опровергать) въ искуство спорить, опровергать мнѣнія противника, на основаніи строго-ограниченныхъ и заранѣе опредѣленныхъ школьныхъ пріемовъ и доказательствъ. Главнымъ центромъ схалостической учености былъ парижскій университетъ, куда стекались тысячи студентовъ со всѣхъ концовъ Европы.

ропѣ. Схоластизмъ, или схоластическая система ученія, вращался преимущественно на богословско-философскихъ вопросахъ и положеніяхъ, которые признавала и допускала католическая церковь. Но при этомъ онъ обращалъ вниманіе болѣе на мелочные школьные формы и пріемы, на кругъ напередъ придуманныхъ доказательствъ, опредѣленій, подраздѣленій и т. п. нежели на самый духъ и живую сущность вопроса, болѣе на форму, на способъ изложенія, чѣмъ на содержаніе; потому схоластизмъ внесъ въ средневѣковое преподаваніе наукъ сухую и безжизненную формалистику, мелочность, узкость воззрѣнія и рабское поклоненіе однажды признаннымъ авторитетамъ; потому-то онъ чаще всего отличался одною пустою и безсодержательною діалектикою. Въ XVI столѣтіи, въ эпоху такъ называемаго «возрожденія» наукъ на западѣ, когда обратились къ болѣе живому изученію классической философіи и литературы, когда появились ученія Бэкона и Декарта; тогда схоластическая ученость встрѣтила себѣ сильное противудѣйствіе. Пустота и безжизненность схоластики ясно обнаружились, и она утратила всякій авторитетъ. Но католицизмъ всегда смотрѣлъ на науку не какъ на стремленіе ума къ узнанію истины, а видѣлъ въ ней одно лишь средство къ достиженію своихъ извѣстныхъ цѣлей; потому онъ и не допускалъ въ наукѣ никакой живой и новой мысли, потому онъ и сжился съ схоластикой. Когда религіозно-народное движеніе въ XV—XVI стол. охватило всю Европу и произвело реформацію; то іезуиты, въ діалектическихъ тонкостяхъ схоластической философіи, увидѣли для себя весьма пригодное орудіе, для борьбы съ новыми реформаціонными идеями. Завладѣвъ повсемѣстно въ Европѣ воспитаніемъ юношества, они вездѣ стали держаться строго-схоластической методы преподаванія наукъ.

Появившись въ Польшѣ, іезуиты принесли и сюда свою школьную образованность, которая утвердилась въ ихъ коллегіумахъ. Коллегіумы же эти послужили образцомъ, какъ мы сказали, для устройства православныхъ братскихъ училищъ въ западной и югозападной Руси. Особенно близко подходило къ іезуитскимъ коллегіумамъ училище кіевское, которому суждено было играть очень важную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія

Кіевскій коллегіумъ или академія. Въ Кіевѣ, при братствѣ Богоявленской церкви, съ 1594 года, существовала школа, называвшаяся «школою эллино-славянскаго и латино-польскаго письма». Средства школы, какъ видно, были весьма скудны. Въ 1625 году поступилъ въ монахи Кіевопечерской лавры сынъ молдавскаго воеводы, *Петръ Могила*, а въ 1628 г. онъ сдѣланъ былъ архимандритомъ лавры. П. Могила получилъ образованіе за границей, учился въ Парижѣ, служилъ въ Польшѣ въ военной службѣ, и потому могъ ясно видѣть недостатокъ просвѣщенія между православными. Онъ отправилъ на свой счетъ нѣсколько молодыхъ людей, изъ монаховъ и мірянъ, въ римскую и другія заграничныя академіи; и когда они возвратились, по окончаніи образованія, Могила намѣревался открыть, при лаврскомъ больничномъ монастырѣ, училище. Но богоявленское братство упросило его не открывать новаго училища, а присоединить свои средства къ братскому училищу, которое, такимъ образомъ, перешло въ управленіе Могилы и получило названіе «Кіево-могилянской коллегіи». Въ началѣ же XVIII столѣтія, при Петрѣ В., эта коллегія переименована была въ «Кіевскую академію», имѣвшую столь важное значеніе въ дѣлѣ русскаго просвѣщенія и литературы.

Петръ Могила, съ помощію молодыхъ наставниковъ, возвратившихся изъ-за границы, устроилъ свою коллегію совершенно по образцу польскихъ и заграничныхъ іезуитскихъ коллегіумовъ. Въ ней существовало почти тоже самое устройство, — какъ внѣшнее, такъ и внутреннее. Курсъ ученія, или классы въ кіевской коллегіи раздѣлены были на два отдѣленія: низшее, состоявшее изъ 6 классовъ, и высшее, въ которомъ было два класса: философіи и богословія. Такое же точно раздѣленіе классовъ на два отдѣла: studia inferiora и studia superiora — существовало и въ училищахъ іезуитскихъ. Но главное сходство кіевской коллегіи съ іезуитскими школами, сходство, имѣвшее большое вліяніе на характеръ образованности и на русскую литературу не только XVII, но и XVIII столѣтія, заключалось въ качествѣ преподаваемыхъ наукъ и въ строго-схоластической методѣ преподаванія. Въ кіево-могилянскомъ коллегіумѣ, также какъ и въ коллегіумахъ іезуитскихъ, господство схоластики, во всей ея силѣ, обнаруживалось въ преподаваніи всѣхъ предметовъ, въ особенности же въ преподаваніи

философіи и богословія. Въ философіи единственнымъ и непогрѣшимымъ авторитетомъ и руководителемъ былъ Аристотель. И притомъ философію Аристотеля толковали здѣсь весьма узко и ограниченно,— какъ она толковалась обыкновенно въ католическихъ школахъ. Главное вниманіе, въ методѣ преподаванія философіи, обращено было на діалектику и на діалектическія тонкости, посредствомъ которыхъ опровергались или поддерживались извѣстные философскіе вопросы и положенія, —а не на самое существо этихъ вопросовъ и положеній. Въ такомъ же схоластическомъ духѣ преподавалось и богословіе, обратившееся въ систему жаркой полемики. Для упражненія воспитанниковъ въ философской и богословской діалектикѣ, по примѣру католическихъ школъ, учреждены были такъ называемые *диспуты*, или споры на заданныя темы изъ богословія или философіи. При этихъ диспутахъ, такъ же какъ и въ преподаваніи самыхъ наукъ, споры касались не самой сущности вопроса, а одиихъ только словъ, одной внѣшней формы, и ограничивались, по большей части, лишь пустыми, безсодержательными словопреніями.

Въ низшихъ классахъ коллегіума преподавали грамматику, «поэзію» (т. е. піитику) и реторику; въ преподаваніи послѣдней руководствовались правилами, извлеченными изъ сочиненій Аристотеля, Цицерона и Квинтильяна, и учили сочинять, по установленному плану и по извѣстной мѣркѣ, разнаго рода привѣтственныя, поздравительныя и т. п. рѣчи; «поэзія» же заключалась собственно въ изученіи латинской версификаціи, или стихосложенія.

Изъ языковъ учили: славянскому, который сильно терпѣлъ отъ вліянія польской и малорусской рѣчи; греческому, преподаваніе котораго шло плохо, и латинскому. На преподаваніе латинскаго языка здѣсь было обращено преимущественное вниманіе, вопервыхъ по примѣру западныхъ школъ, а вовторыхъ потому, что для русскихъ, ведшихъ войну съ католиками и находившихся подъ властію Польши, знаніе латинскаго языка представлялось, въ то время, дѣйствительно крайне-необходимымъ. На латинскомъ языкѣ преподавались въ кіевской академіи всѣ предметы (кромѣ катехизиса и славянской грамматики) на немъ велись ученые диспуты и писались сочиненія воспи-

танниковъ, для которыхъ, сверхъ того, этотъ языкъ былъ обязательнымъ разговорнымъ языкомъ, какъ въ классахъ, такъ и внѣ классовъ.

И такъ, плоды западноевропейской схоластической образованности, посредствомъ братскихъ школъ и въ особенности посредствомъ кіевской академіи, сдѣлались извѣстны въ югозападной Руси, которая, такимъ образомъ, вслѣдствіе связи своей съ Польшою и въ особенности вслѣдствіе религіозной борьбы съ іезуитами и съ уніей, опередила сѣверовосточную Русь въ сближеніи съ европейской цивилизаціей. Скоро воспитанники кіевской академіи являются представителями русской образованности и главными литературными дѣятелями XVII и даже XVIII стол. Кіевъ становится центромъ, изъ котораго схоластическая ученость расходится не только въ югозападной, но и въ сѣверовосточной Руси. Кіевская академія служитъ образцомъ для устройства такой же духовной академіи въ Москвѣ, гдѣ, со времени Алексѣя Михайловича, постоянно появляются кіевскіе ученые, особенно послѣ окончанія войнъ съ Польшею и послѣ присоединенія Малороссіи.

Вліяніе кіевской школьной образованности выразилось первѣе всего въ книжной литературѣ XVII столѣтія,—какъ духовной, такъ и свѣтской,—и въ обширной ученой и литературной дѣятельности современныхъ русскихъ писателей, большинство которыхъ было обязано своимъ образованіемъ коллегіуму Петра Могилы. Бо́льшее развитіе образованности привело естественно и къ усиленному развитію литературной дѣятельности. Дѣятельность эта обнаружилась, главнымъ образомъ:

1) Во множествѣ богословско-полемическихъ сочиненій, написанныхъ въ защиту русскаго православія.

2) Въ появленіи книгъ, объяснявшихъ догматы вѣры, какъ-то: катехизисовъ, исповѣданій православной вѣры, курсовъ богословія и различныхъ школьныхъ богословскихъ трактатовъ.

3) Во множествѣ духовныхъ проповѣдей.

4) Въ появленіи книгъ ученаго и учебнаго содержанія, въ переводахъ съ иностраннаго—преимущественно съ польскаго и латинскаго — по разнымъ отраслямъ наукъ, въ изложеніи теорій и правилъ и вообще въ учебныхъ руководствахъ по всѣмъ наукамъ и языкамъ, которые

преподавались въ школахъ и преимущественно въ кіевскомъ коллегіумѣ.

5) Въ безчисленномъ множествѣ стихотвореній, писанныхъ риѳмованными силлабическими стихами, или виршами (*), и заключавшихся въ разнаго рода: *кантахъ*, *псальмахъ*, *поэматахъ*, *одахъ*, *элегіяхъ*, *эпистоліяхъ*, *апологіяхъ*, *акростишіяхъ* и т. д.,—какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія.

И наконецъ 6) въ драмматическихъ пьесахъ духовнаго содержанія, или такъ называемыхъ *мистеріяхъ*.

Все это писалось особеннымъ литературнымъ языкомъ,—образовавшимся на югозападѣ Руси изъ смѣси языковъ церковно-славянскаго съ польскимъ и малорусскимъ,—и печаталось въ братскихъ типографіяхъ. Со стороны языка всѣ названные ученолитературные труды югозападныхъ русскихъ писателей въ особенности отличались обиліемъ полонизмовъ, вслѣдствіе вліянія на нихъ польской образованности и литературы. Многіе изъ нихъ даже писали попольски и печатали свои книги на этомъ языкѣ.—Со стороны же своего внутренняго содержанія и литературной формы всѣ эти произведенія отличались строго-схоластическимъ характеромъ и всѣми свойствами школьной учености, на которыя мы указали выше. Но во всякомъ случаѣ эта схоластическая ученость представляется рѣшительнымъ прогрессомъ, въ дѣлѣ умственнаго развитія и образованности югозападной Руси, и имѣетъ важное значеніе въ исторіи развитія руской образованности вообще: схоластика, перешедшая къ намъ черезъ Польшу, познакомила Русь съ западноевропейской наукой; а изученіе латинскаго языка привело къ знакомству съ древнеклассической литературой.

Такимъ образомъ вліяніе запада и западноевропейскихъ образцовъ отразилось на всѣхъ ученолитературныхъ произведеніяхъ югозападной Руси. Не только полемическія и другія богословскія сочиненія и вообще книги духовнаго содержанія, но и самыя проповѣди стали сочиняться по образцу западныхъ произведеній того же рода. Духовная ли-

(*) Силлабическое стихосложеніе, основанное на количествѣ слоговъ, съ удареніемъ на предпослѣднемъ слогѣ, заимствовано учеными югозападной Руси изъ польской литературы. Самое слово—*вирша*—стихъ (отъ испорченнаго латинскаго versus) взято также съ польскаго.

тература на югозападѣ Руси уже не чуждалась свѣтской науки и литературы и нерѣдко подкрѣпляла свои истины и положенія примѣрами и доводами, почерпаемыми изъ философіи, исторіи, даже изъ языческой древности и изъ наукъ о природѣ. Ученыя сочиненія, касавшіяся разныхъ отраслей наукъ, систематическія изложенія богословія, философіи, теорія краснорѣчія и т. д. и вообще учебники по разнымъ наукамъ были, большею частію,—переводы книгъ, употреблявшихся въ польскихъ или западныхъ школахъ. Самое писаніе виршъ, господствовавшее въ столь сильной степени между югозападными учеными, что безъ виршъ у нихъ не писалась почти никакая книга, обязано своимъ происхожденіемъ польской литературѣ. Таже страсть къ писанію стиховъ, по поводу разныхъ случаевъ, существовала, какъ извѣстно, и въ западноевропейскихъ литературахъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Потому и наши югозападные писатели писали стихи по поводу разныхъ случаевъ и событій, сочиняли виршами посвященія, прологи, эпилоги къ издаваемымъ ими книгамъ,—какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія. Чаще всего вирши писались о предметахъ самыхъ сухихъ, совершенно чуждыхъ поэзіи, лишь только потому, что стихотворный языкъ считался высокимъ родомъ рѣчи и что писать стихи было въ обычаѣ школьной образованности. Иногда, впрочемъ, схоластика смотрѣла на риѳмованную стихотворную рѣчь какъ на средство съ большою легкостію удержать въ памяти изучаемый предметъ; потому мы видимъ, что наши старинные буквари, грамматики, даже ариѳметики наполнялись тяжелыми и нелѣпыми силлабами. Симеонъ Полоцкій, одна изъ знаменитостей между нашими учеными XVII столѣтія, переложилъ на вирши даже весь мѣсяцесловъ.—Старинныя сценическія представленія, которыя разыгрывались на вакаціяхъ студентами кіевской академіи, и драматическія пьесы, сочинявшіяся югозападными писателями, прямо взяты изъ Польши и сходны во многомъ съ сценическими представленіями и такъ называемыми «мистеріями» средневѣковой Европы.

Вліяніе запада и печать западноевропейской школьной учености легли, такимъ образомъ, въ основу всей образованности и литературной дѣятельности на югозападѣ Руси, съ конца XVI и въ теченіе XVII столѣтія. Правда, плоды западноевропейской науки перешли сюда

въ узкихъ схоластическихъ формахъ. Правда и то, что западная схоластика переходила въ Русь въ то время, когда она утрачивала свое значеніе для европейской жизни, сдѣлалась принадлежностію школы и держалась въ однихъ лишь католическихъ коллегіумахъ и академіяхъ. Русь всегда запаздывала съ своими заимствованіями изъ западной Европы. Г. Буслаевъ замѣтилъ вѣрно, что «XVI и XVII вѣка древней Руси соотвѣтствуютъ болѣе отдаленной эпохѣ въ образованіи западной Европы, именно XIV, XIII и даже XII вѣку. Позднѣйшія литературныя и художественныя данныя,—говоритъ далѣе г. Буслаевъ,—входившія къ намъ изъ Европы чрезъ Польшу въ XVII вѣкѣ, довольно органически принимались русскою жизнію, и вслѣдствіе того какъ бы опускались нѣсколькими столѣтіями въ средневѣковую даль» (*). Но тѣмъ не менѣе, какъ бы ни былъ ограниченъ горизонтъ схоластической учености, она благотворно дѣйствовала на развитіе образованности въ югозападной Руси уже тѣмъ, что систематически знакомила съ знаніями, съ наукой, вносила съ собою массу книгъ и массу новыхъ научныхъ свѣдѣній; а главное—она научила обращаться за наукой и за просвѣщеніемъ въ Европу, т. е. именно туда, гдѣ наука и просвѣщеніе дѣйствительно существовали. Югозападные ученые отправляются обыкновенно, для окончательнаго образованія себя, въ европейскіе университеты и академіи, и такимъ образомъ знакомятся непосредственно съ западной наукой и знакомятъ съ нею своихъ соотечественниковъ.

И такъ, унія, возбудивъ усиленное умственное движеніе въ населеніи русскихъ областей Польши, имѣла весьма важныя послѣдствія для югозападной Руси: она послужила поводомъ къ распространенію здѣсь западной школьной образованности, и сѣверовосточная Русь должна была заимствовать позднѣе все свое школьное образованіе у Руси югозападной. Хотя дѣятельность этой школьной учености, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, ограничивается преимущественно религіозно-богословскими преніями и защитою вѣры; но тѣмъ не менѣе она вводитъ Русь въ сношеніе съ западной Европой и знакомитъ ее съ европейской наукой.

(*) См. статью: «Русскіе Подлинники въ литературномъ отношеніи».

Состояніе образованности въ Москвѣ и московская духовная академія. Но въ то время, когда югозападная Русь знакомилась, такимъ образомъ, съ европейской цивилизаціей, когда школьная образованность, основанная на началахъ западной схоластической науки, была уже здѣсь довольно распространена, Русь сѣверовосточная, т. е. Москва, ревниво отстаивая древнія преданія, занесенныя къ ней изъ Византіи, чуждалась сближенія съ западомъ и въ особенности остерегалась всякаго знанія и науки, приходившихъ изъ латинскаго запада. Въ Москвѣ, до учрежденія патріархомъ Филаретомъ, около половины XVII вѣка, греко-латинской школы, не существовало въ собственномъ смыслѣ школъ, въ которыхъ преподавались бы какія либо науки.

Въ училищахъ же, заведенныхъ, какъ мы видѣли при обозрѣніи «Стоглава», преимущественно для духовенства, обучали лишь чтенію, письму да церковному пѣнію. Весь кругъ ученія ограничивался обыкновенно чтеніемъ псалтири и часослова; только немногіе приступали къ чтенію апостола и всѣхъ книгъ новаго завѣта; но этимъ и оканчивался обыкновенно полный курсъ ученія. Мысль о недостаточности подобнаго образованія сознавалась немногими лучшими людьми древней Руси; мысль эта смутно бродила и въ сознаніи самаго народа, и въ сознаніи правительства, которое, съ давняго времени, призывало, для своихъ цѣлей, изъ Европы людей, свѣдущихъ въ томъ или другомъ искуствѣ или наукѣ, какъ напр. иноземныхъ военныхъ офицеровъ, врачей и т. п. Слѣдственно оно признавало на дѣлѣ превосходство европейскаго просвѣщенія, европейской науки; слѣдственно оно чувствовало необходимость этого просвѣщенія и для Руси. Уже Иванъ Грозный посылалъ Русскихъ учиться въ Европу; а Борисъ Годуновъ снарядилъ и послалъ въ Европу многихъ молодыхъ людей для наученія (они, какъ извѣстно, не возвратились въ отечество) даже думалъ открыть на Руси университетъ, и для того призывалъ ученыхъ людей изъ Германіи, Франціи, Италіи и Англіи. Борьба съ Польшею, въ смутное время самозванцевъ и междуцарствія, привела Русь въ болѣе близкое столкновеніе съ западомъ и ясно указала на превосходство западнаго просвѣщенія, указала и на то, что отсутствіе просвѣщенія можетъ сдѣлаться опаснымъ для государства и для церкви, и что, слѣдственно, нужно торопиться съ распространеніемъ просвѣщенія въ народѣ,

При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ число иноземцевъ разнаго рода, какъ-то: ратныхъ и торговыхъ людей, различныхъ мастеровъ и заводчиковъ, было уже въ Москвѣ весьма значительно. Въ 1639 году Михаилъ призвалъ даже въ Россію извѣстнаго ученаго голштинца, Адама Олеарія, и въ грамотѣ, посланной Олеарію, для проѣзда въ Москву, царь писалъ: «Вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ *астроломіи, и географусъ*, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію и инымъ многимъ *надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ*, а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ». По свидѣтельству этого же Олеарія, въ его время въ Москвѣ жило около 1000 протестантскихъ семействъ. Иноземные начала и обычаи, хотя строго преслѣдуемые властями духовною и свѣтскою, со времени самозванцевъ, начинали постепенно вторгаться въ русскую жизнь, что стало замѣтно въ особенности при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Сама жизнь настойчиво указывала на насущную потребность въ знаніи и наукѣ и на несостоятельность однихъ византійскихъ началъ, которыми руководствовались представители древней Руси, для дальнѣйшаго развитія силъ государственныхъ и народныхъ. Западная образованность далеко опередила образованность византійскую. Лучшіе изъ византійскихъ ученыхъ, съ половины XV вѣка и ранѣе, сами обыкновенно отправлялись, для дальнѣйшаго образованія себя, въ западныя школы. Становилось яснымъ, что, для распространенія просвѣщенія на Руси, необходимо было общеніе съ западной Европой, откуда только и могли прійти къ намъ знанія и науки. Но этого-то сближенія съ Европой всего болѣе и боялись представители древней Руси. Все, что шло съ запада, было, по ихъ понятіямъ, еретическимъ и опаснымъ для русской православной вѣры. По словамъ Карамзина, Борисъ Годуновъ долженъ былъ отказаться отъ намѣренія учредить въ Россіи университетъ съ иноземными профессорами, потому что «духовенство представило ему, что Россія благоденствуетъ въ мирѣ единствомъ закона (т. е. вѣры) и языка; что разность языковъ, можетъ произвести и разность въ мысляхъ, опасную для церкви» (*). Цари московскіе, видя необходимость, для государственныхъ цѣлей Россіи, въ европейскихъ знаніяхъ и наукѣ, думали удовлетворить этой необходимости приглашеніемъ въ Россію иностран-

(*) Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 53.

цевъ, свѣдущихъ въ томъ или другомъ искуствѣ или наукѣ. Но, безъ насажденія началъ европейскаго просвѣщенія, при полномъ отчужденіи, даже презрѣніи, грамотниковъ тогдашней Руси ко всему иноземному, наплывъ разнаго рода мастеровъ и художниковъ изъ нѣмцевъ не могъ принести — и дѣйствительно не принесъ — никакой пользы Россіи, и тѣмъ более былъ безполезенъ для образованія народнаго. А между тѣмъ, отсутствіе знаній и невѣжество народное становились вредными не только для государственной, но и для религіозной жизни древней Руси. Сама церковь нуждалась въ наукѣ для охраненія чистоты своего ученія. Невѣжественная привязанность къ буквѣ и къ обряду и непониманіе духа вѣры и смысла писаній господствовали не только въ грубомъ, неграмотномъ народѣ, но и въ средѣ самаго духовенства. Грубыя ошибки, вносимыя безграмотными переписчиками въ церковныя и богослужебныя книги, время отъ времени, все увеличивались и, вслѣдствіе долговременнаго употребленія, узаконялись и дѣлались неприкосновенной святыней для строгихъ ревнителей старины, слѣпо-привязанныхъ къ буквѣ. Такъ что всякая попытка къ исправленію сказанныхъ ошибокъ служила поводомъ къ религіознымъ смутамъ и толкамъ, главная причина которыхъ всегда заключалась въ общей безграмотности и невѣжествѣ въ вопросахъ вѣры. Ученый монахъ, *Арсеній Глухой* (*), которому въ 1616 году царь Михаилъ повелѣлъ, вмѣстѣ съ архим. Діонисіемъ и другими лицами, заняться исправленіемъ церковныхъ книгъ, подготовлявшихся къ печатанію, работалъ надъ этимъ дѣломъ полтора года, — и потомъ обвиненъ былъ, вмѣстѣ съ товарищами своихъ трудовъ, въ неправославіи и въ ереси. Оправдываясь отъ обвиненія, Арсеній Глухой, въ своей челобитной, поданной боярину Салтыкову, говоритъ, что ихъ обвинители «сами едва азбуку умѣютъ, не знаютъ какія въ ней письмена гласныя, согласныя и двоегласныя, а чтобы 8 частей слова разумѣть и къ симъ предстоящая, сирѣчь роды, и числа и времена, званія и залоги, то имъ ниже на разумъ вхаживало; а священная философія и въ рукахъ не бывала,.... не знаютъ *ни пра-*

(* Арсеній Глухой зналъ языки греческій и латинскій, грамматику, реторику и философію. Оправдавшись, послѣ многихъ истязаній и содержанія въ оковахъ, отъ обвиненія въ ереси. Арсеній занимался потомъ много лѣтъ на печатномъ дворѣ, въ качествѣ *справщика* книгъ.

вославія, ни кривославія, точно на едину строку зрять, божественнаго писанія по чернилу проходять, разума же сих не нудятся свѣдѣти».

Устранить подобное невѣжество въ дѣлѣ религіи возможно было только посредствомъ знаній и просвѣщенія, и вотъ въ Москвѣ возникла мысль объ учрежденіи высшей школы. Школу эту учредилъ, передъ 1633 годомъ, патріархъ Филаретъ, при Чудовомъ монастырѣ. Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ этой школѣ, называвшейся тоже патріаршею и греко-латинскою школою. Одинъ Олеарій говоритъ только, что, за нѣсколько лѣтъ до его пріѣзда въ Москву, тамъ учреждена была греко-латинская школа, въ которой училъ греческому и латинскому языку Грекъ Арсеній. (*) Но *Арсеній Грекъ*, знаменитый въ исторіи исправленія книгъ, во времена патріарха Никона (см. ниже) прибылъ въ Россію, съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, лишь въ 1649 году; по всей вѣроятности, извѣстіе Олеарія относится къ Арсенію Глухому, который, зная хорошо языки греческій и латинскій, могъ быть наставникомъ въ чудовской школѣ. Затѣмъ, уже въ 1649 году, постельничій и любимецъ царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ основалъ другое училище, св. Андрея, въ Преображенскомъ монастырѣ, и вызвалъ туда изъ кіевской лавры нѣсколькихъ ученыхъ монаховъ, «изящныхъ (т. е. свѣдущихъ)— по современному свидѣтельсву, — во ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи — хотящимъ тому ученію внимати.» Монахи эти впрочемъ занимались въ Москвѣ болѣе переводами св. книгъ, нежели обученіемъ юношества. Царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, узнавъ изъ разсказовъ одного странника по востоку о жалкомъ состояніи наукъ у Грековъ, пожелалъ завести въ Москвѣ греческое училище, которое сдѣлалось бы мѣстомъ для образованія, какъ Грековъ, такъ и Русскихъ. Училище это открыто было въ 1679 году; въ него собрали 30 учениковъ, а учителями назначили двухъ Грековъ: Эммануила Левандатова и іеромонаха Іоанна. Царь вскорѣ пожелалъ разширить основанное имъ греческое училище и сдѣ-

(*) Олеарій первый разъ пріѣзжалъ въ Россію въ 1634 году, а во вторй—въ 1636 году, и оставилъ очень интересное описаніе своихъ обоихъ путешествій въ Россію.—Арсеній Грекъ былъ дѣйствительно главнымъ учителемъ греческаго и латинскаго языковъ въ чудовской и въ другихъ московскихъ школахъ, но уже при патріархѣ Никонѣ, именно съ 1652.

лать изъ него академію. Бывшій наставникъ царя, Симеонъ Полоцкій, воспитанникъ югозападныхъ школъ, написалъ уставъ новой академіи, скопировавъ его съ устава академіи кіевской. Но за учителями, для задуманной московской академіи, все же обратились съ просьбою къ константинопольскому патріарху, который предложилъ ѣхать въ Москву двумъ ученымъ братьямъ: *Іоанникію* и *Софронію Лихудамъ*. Лихуды прибыли въ Москву только въ 1685 году, и *Московская духовная академія* была открыта уже послѣ смерти царя Ѳедора, во время правленія царевны Софьи. Зданіе для московской академіи построено было въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, потому и сама академія называлась *заиконоспасскими*, или *спасскими школами*.

Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ московской академіи, начинается обнаруживаться въ Москвѣ вліяніе югозападной учености, одинъ изъ представителей которой, Симеонъ Полоцкій, при составленіи устава московской академіи, взялъ за образецъ устройство академіи кіевской. Но въ Москвѣ было еще весьма сильно византійское вліяніе: московскіе книжники смотрѣли съ недоброжелательствомъ на ученыхъ югозападной Руси и, по внушеніямъ греческихъ патріарховъ, заподазрѣвали ихъ въ латинскомъ еретичествѣ. Въ Москвѣ все еще считали, что, въ дѣлѣ просвѣщенія, наставниками для православныхъ могутъ быть только Греки, — хотя почти всѣ ученые Греки того времени, пріѣзжавшіе въ Россію, въ качествѣ учителей, сами получали образованіе въ западныхъ школахъ. Сами Лихуды, съ прибытіемъ которыхъ въ Москву начинается дѣятельность московской академіи, учились въ Венеціи и въ падуанской академіи. Метода преподаванія, равно какъ и кругъ наукъ, введенныхъ ими въ московскую академію, были пропитаны западнымъ схоластицизмомъ и вполнѣ согласовались съ преподаваніемъ кіевской академіи, — съ тою лишь разницею, что Лихуды больше обращали вниманія, чѣмъ въ Кіевѣ, на преподаваніе греческаго языка. Въ преподаваніи же другихъ наукъ, какъ-то: грамматики, піитики, реторики и философіи (т. е. логики, или лучше — правилъ діалектики и физики Аристотеля) они слѣдовали строго-схоластической методѣ, руководствуясь, главнымъ образомъ, въ преподаваніи почти всѣхъ наукъ, однимъ Аристотелемъ. Той же системѣ преподаванія слѣдовали и ученики Лихудовъ, стоявшіе послѣ нихъ во главѣ московской ака-

демiи: Николай Семеновъ, Өедоръ Поликарповъ и *Палладiй Роговъ*, или *Роговскiй*, изъ которыхъ послѣднiй, для довершенiя своего образованiя, ѣздилъ также въ Европу, подобно своимъ учителямъ, братьямъ Лихудамъ.

Обнаруживъ однажды стремленiе къ просвѣщенiю, Москва постоянно чувствовала потребность въ людяхъ образованныхъ и знакомыхъ съ науками, и при всемъ недоброжелательствѣ и недовѣрчивости московскаго духовенства и книжниковъ къ югозападнымъ ученымъ, Москва, однако, не могла безъ нихъ обойтись, въ особенности послѣ основанiя академiи. Число югозападныхъ ученыхъ начинаетъ увеличиваться въ Москвѣ, особенно послѣ присоединенiя Малороссiи. Представителемъ югозападной образованности является здѣсь Симеонъ Полоцкiй, прибывшiй въ Москву въ 1664 г. и вскорѣ сдѣланный наставникомъ царевича, Өедора Алексѣевича. Со времени Полоцкаго, плоды кiевской учености начинаютъ появляться довольно послѣдовательно и въ сѣверовосточной Руси. Такъ что югозападная русская образованность скоро обнаруживаетъ рѣшительное влiянiе на ученую и литературную дѣятельность Москвы. И здѣсь, какъ въ Кiевѣ, скоро появляются тѣ же школьные богословскiе трактаты и богословско-полемическiе сочиненiя, тѣ же духовныя проповѣди, сочинявшiяся по образцу западныхъ проповѣдей, тѣ же силлабическiя вирши и духовныя сценическiя представленiя.

Влiянiе кiевской академiи на образованiе въ Великоруссiи обнаружилось сильнѣе всего въ началѣ XVIII столѣтiя, когда въ Москвѣ находилось уже значительное число выходцевъ изъ югозападной Руси. Они занимали, въ то время, почти всѣ епископскiя каөедры въ восточной Россiи и всѣ учительскiя мѣста — не только въ московской академiи, преобразованной Стефаномъ Яворскимъ совершенно по образцу кiевской, но и во всѣхъ вновь заводившихся духовныхъ училищахъ. Византiйское влiянiе, которое удерживалось еще въ московскихъ школахъ, со времени Стефана Яворскаго, уступило мѣсто влiянiю западно-схоластическому, которое господствовало въ кiевской академiи, вмѣстѣ съ латинскимъ языкомъ, на которомъ стали преподавать всѣ предметы и въ московскихъ духовныхъ школахъ. Влiянiе югозападной схоластики замѣтно еще и въ настоящее время на нашихъ духовныхъ училищахъ. Главными дѣятелями въ русской литературѣ, со второй

половины XVII и въ началѣ XVIII стол. и главными исполнителями и распространителями мыслей Петра Великаго въ дѣлѣ русскаго образованія являются также воспитанники кіевской академіи.

Таково было, въ главныхъ чертахъ, состояніе образованности, таковы были средства къ образованію, какъ въ югозападной, такъ и въ сѣверовосточной Руси, съ конца XVI и до начала XVIII столѣтій. Посмотримъ теперь, въ какой степени результаты этой образованности выразились въ дѣятельности современныхъ русскихъ писателей.

Болѣе замѣчательные писатели въ югозападной Руси были:

1. *Лаврентій Зизаній Тустановскій*, протоіерей Корецкій, извѣстный до сихъ поръ во всѣхъ курсахъ исторіи русской литературы по своей славянской грамматикѣ, изданной въ 1596 году, и по краткому славянскому лексикону. Но Зизаній болѣе примѣчателенъ по составленной имъ книгѣ, «Оглашеніе», родъ православнаго *катехизиса*, съ которымъ онъ пріѣхалъ въ 1627 году въ Москву и обратился съ просьбою къ патріарху Филарету объ его исправленіи. Патріархъ началъ исправленіе съ заглавія книги: вмѣсто «Оглашенія» онъ назвалъ ее «Бесѣдословіе», на томъ основаніи, что подъ именемъ оглашенія уже извѣстна книга Кирилла Іерусалимскаго,— «а подъ однимъ именемъ многимъ книгамъ быть нелѣпо». О другихъ статьяхъ, которыя найдены въ книгѣ Зизанія несходными съ греческими переводами, патріархъ велѣлъ ему поговорить съ богоявленскимъ игуменомъ Ильею и съ Григоріемъ, справщикомъ типографіи («съ Гришкой отъ книжныя справки»). Въ этомъ разговорѣ (описанномъ Григоріемъ справщикомъ) или преніи Зизанія о его книгѣ съ московскими грамотѣями ясно высказались степень образованности, понятія и взгляды на науку югозападныхъ ученыхъ и представителей учености въ Москвѣ въ XVII столѣтіи. «У тебя въ книгѣ, — говорили Зизанію его московскіе оппоненты, — написано о кругахъ небесныхъ, о планетахъ, зодіяхъ, о затмѣніи солнца, о громѣ и молніи, о тресновеніи, о перунѣ, о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ: но эти статьи взяты изъ книги «Астрологія», а эта книга «Астралогія» взята отъ волхвовъ эллинскихъ и

отъ идолослужителей, и потому къ нашему правовѣрію несходна.» Зизаній оправдывался, что онъ не говоритъ въ своей книгѣ, какъ учатъ астрологи, т. е. что звѣзды управляютъ нашею жизнію, что онъ все это написалъ для знанія только («вѣдомости ради») пусть человѣкъ знаетъ, что все это тварь Божія. «Да зачѣмъ ты писалъ для знанія»? возражали Зизанію Илья и Григорій. «А развѣ это правда, говоришь: облака, надувшись, сходятся и ударяются, и отъ того бываетъ громъ и огонь, какъ отъ камня и желѣза? Огонь и звѣзды, что на тверди небесной, называешь животными и звѣрями!» — «Да какъ же по вашему писать о звѣздахъ?» спрашивалъ Зизаній. — «Мы пишемъ и вѣруемъ, какъ Мойсей написалъ: и сотвори Богъ два свѣтила великія и звѣзды, и постави ихъ на тверди небесной свѣтити по земли и владѣти днемъ и нощію, и разлучати между свѣтомъ и нощію. А животными звѣрями ихъ не называлъ Мойсей». — Но какъ же эти свѣтила движутся и обращаются? говорилъ опять Зизаній. — «По повелѣнію Божію, ангелы служатъ, тварь водя», отвѣчали ему московскіе книжники.»

Приведенный разговоръ показываетъ, что московскимъ грамотникамъ XVII столѣтія не были извѣстны даже знаки зодіака; они не умѣли согласить названія этихъ знаковъ съ тѣмъ способомъ буквальнаго пониманія словъ библіи, къ которому они привыкли. Научныя истины и ученые пріемы, считавшіеся у югозападныхъ русскихъ ученыхъ дѣломъ обыкновеннымъ, нимало не противорѣчившимъ истинамъ религіи, пугали московскихъ грамотѣевъ и казались имъ ученіемъ еретическимъ, «зѣло дерзостнымъ и смѣлымъ»; потому что они не встрѣчали подобныхъ научныхъ свѣдѣній въ своихъ старыхъ книгахъ и переводахъ съ греческаго; а другимъ книгамъ они не вѣрили.

Грамматика Л. Зизанія была второю славянскою грамматикою, послѣ грамматики «еллинославянской,» изданной въ 1591 году въ Львовѣ, въ пользу обучавшихся греческому языку, студентами тамошняго братскаго училища. Грамматика Зизанія построена по системѣ греческихъ грамматикъ, въ приложеніи къ славянскому языку. Въ ней изложены также и правила славянскаго стихосложенія, — совершенно по образцу греческой метрической системы. — Къ грамматикѣ Зиза-

ній присоединилъ и свой краткій лексиконъ, подъ заглавіемъ: «Лексисъ, сирѣчь реченія вкратцѣ собранныя и изъ славянскаго языка на простой русскій діалектъ истолкованныя».

---

2. *Мелетій Смотрицкій*, полоцкій архіепископъ († 1633) — одинъ изъ знаменитыхъ полемическихъ писателей и ратоборцевъ за восточную церковь, въ началѣ уніи, — хотя онъ болѣе извѣстенъ въ нашей литературѣ также по своей славянской грамматикѣ. Въ 1610 году Смотрицкій напечаталъ, подъ псевдонимомъ «Теофила Ортолога», сочиненіе: «Ѳриносъ (плачъ) восточной церкви», въ которомъ, съ жаромъ и съ большою силою, описывалъ страданія греческой церкви на западѣ Руси. Сочиненіе это вызвало нѣсколько опреверженій, со стороны іезуитовъ и католиковъ; между прочимъ, противъ него писалъ опровerженіе знаменитый іезуитъ Скарга. Посвященный греческимъ патріархомъ Ѳеофаномъ въ православные епископы Полоцка, Мелетій Смотрицкій привлекъ всѣхъ жителей на свою сторону и вооружилъ противъ себя извѣстнаго фанатика, уніатскаго епископа Полоцка, Іосафата Кунцевича, который, за свои насильственныя дѣйствія противъ православныхъ, былъ умервщленъ жителями Витебска, въ 1623 году. Смотрицкій написалъ еще нѣсколько сочиненій въ защиту восточной церкви, и послѣ убіенія Кунцевича, — въ чемъ католики обвиняли его, какъ участника и поджигателя народа, — отправился на востокъ,— для точнѣйшаго изученія,—какъ онъ говорилъ,—восточной вѣры и церкви. Но, возвратившись въ отечество, Смотрицкій измѣнилъ свои убѣжденія и въ новомъ сочиненіи: «Апологія (защита) путешествія на востокъ,» доказывалъ что греческая церковь заражена протестантизмомъ; потому совѣтовалъ русскимъ православнымъ принять унію. На соборѣ въ Кіевѣ онъ отрекся отъ этихъ мнѣній и просилъ прощенія; но потомъ опять къ нимъ возвратился, и умеръ въ уніи, сдѣлавшись, такимъ образомъ, изъ жаркаго и даровитѣйшаго защитника православія однимъ изъ его враговъ.

Богословско-полемическія сочиненія М. Смотрицкаго (большая часть которыхъ написана попольски) свидѣтельствуютъ объ обширныхъ свѣдѣніяхъ автора и о его искуствѣ пользоваться правилами схоласти-

ческой науки и прилагать ихъ къ спорамъ съ противниками. — Сочиненія Смотрицкаго, равно какъ и другихъ югозападныхъ русскихъ писателей, писавшихъ въ защиту православія, имѣютъ не одинъ только богословскій интересъ: сочиненія эти вызваны были самымъ живымъ современнымъ вопросомъ для югозападной Руси, — уніей, и потому изъ нихъ мы ясно видимъ современное настроеніе умовъ, характеръ и послѣдствія тѣхъ волненій, которыя происходили въ борьбѣ православныхъ съ католиками.

Славянская грамматика М. Смотрицкаго употреблялась во всѣхъ русскихъ, — какъ югозападныхъ, такъ и сѣверовосточныхъ, — школахъ, до появленія грамматики Ломоносова. Она полнѣе грамматики Л. Зизанія, — хотя тоже составлена по образцу грамматикъ греческихъ. Грамматика Смотрицкаго, съ нѣкоторыми измѣненіями и выписками изъ сочиненія Максима Грека, о пользѣ и значеніи грамматики, была перепечатана въ Москвѣ въ 1648 году.

---

3. *Петръ Могила*, митрополитъ кіевскій († 1646) оказавшій столь важныя услуги русскому просвѣщенію. Мы уже говорили, что Петръ Могила преобразовалъ братское кіевское училище въ коллегіумъ, названный по его имени «Могилянскимъ» и заботился о немъ въ теченіи всей своей жизни. Онъ помогалъ этому заведенію не только совѣтами и надзоромъ; но и значительными матерьяльными пособіями. Какъ писатель, Петръ Могила извѣстенъ своимъ «Православнымъ исповѣданіемъ вѣры», (*) краткимъ катехизисомъ (подъ заглавіемъ «Малый катехизисъ») который онъ издалъ на бѣлорусскомъ и польскомъ языкахъ, и наконецъ «Требникомъ.» Малый катехизисъ Могилы, съ небольшими перемѣнами, перепечатанъ былъ въ Москвѣ, при патріархѣ Іосифѣ. Кромѣ того, П. Могила первый сталъ писать драматическія сочиненія духовнаго содержанія, которыя разыгривались студентами кіевскаго коллегіума; но эти духовныя драммы намъ неизвѣстны; онъ сочинялъ также, подобно всѣмъ почти югозападнымъ русскимъ писателямъ, силлабическія стихотворенія.

(*) «Правосл. исп. вѣры» было одобрено восточными патріархами и перепечатано въ Москвѣ въ 1696 г. при патр. Адріанѣ.

4. *Лазарь Барановичъ*, архіепископъ черниговскій († 1694) Св. Димитрій Ростовскій называетъ Барановича «великимъ столпомъ церковнымъ», за его полемическія сочиненія въ защиту православной церкви противъ іезуитовъ. По таланту краснорѣчиваго проповѣдника и по силѣ слова, Л. Барановичъ дѣйствительно занимаетъ первое мѣсто между всѣми духовными писателями и проповѣдниками югозападной Руси во второй половинѣ XVII столѣтія. Л. Барановичъ жилъ и дѣйствовалъ въ смутное время войнъ малороссійскихъ казаковъ съ Польшею и въ эпоху присоединенія Украйны къ московскому государству и лично принималъ дѣятельное участіе въ политическихъ дѣлахъ своей родины. Потому въ его проповѣдяхъ постоянно встрѣчаются упоминанія и указанія на современныя политическія событія. Самыя названія, которыя Барановичъ придалъ двумъ сборникамъ своихъ проповѣдей: первому — «Мечь духовный», а второму — «Труба словесъ проповѣдныхъ»,—онъ объясняетъ современнымъ состояніемъ православнаго общества и православной церкви на югозападѣ Россіи. Объясненіе этихъ названій Л. Барановичъ дѣлаетъ въ предисловіи къ сборникамъ своихъ проповѣдей. «Въ сіи, полныя брани времена, — говоритъ онъ въ предисловіи къ первому сборнику, — всего полезнѣе мечь. Самъ Христосъ возвѣстилъ его потребность, сказавъ ученикамъ: «иже не имать, да продастъ ризу свою и купитъ мечь» (Лук. XXII, 36). Далѣе, какъ въ предисловіи, такъ и въ текстѣ проповѣдей, проповѣдникъ доказываетъ, какъ въ это бурное время, для борьбы съ врагами русской вѣры и русской народности, необходимъ для вѣрующихъ и для церкви «мечь духовный, еже есть глаголъ Божій на помощь церкви воюющей, изъ устъ Христовыхъ поданный». Эту мысль проводитъ Барановичъ въ цѣломъ рядѣ проповѣдей. А въ предисловіи къ «Трубѣ словесъ» онъ говоритъ: «чтобы сыны восточной воюющей церкви служили ей «мечемъ духовнымъ», издалъ я «трубный гласъ» на праздники; ибо, какъ въ битвахъ воинскій жаръ возбуждается трубами, такъ и для возбужденія жара въ брани духовной мы трубимъ трубою въ нарочитые праздники.» Въ этомъ послѣднемъ сборникѣ заключаются болѣе слова на прославленіе извѣстныхъ праздниковъ, въ духѣ церковныхъ пѣснопѣній, и мѣстами проповѣдь Барановича переходитъ въ молитву, излагаемую даже силлабическими стихами. — По-

явленіе и содержаніе проповѣдей Л. Барановича связано, такимъ образомъ, съ историческими событіями времени: онѣ имѣютъ не только религіозно-наставительный и догматическій характеръ, но и все значеніе богословско-полемическихъ сочиненій. — Относительно построенія и внѣшняго изложенія проповѣдей Л. Барановича, слѣдуетъ сказать, что онѣ, подобно проповѣдямъ прочихъ проповѣдниковъ югозападной Руси, составлены по извѣстной схоластической системѣ, правила которой преподавались въ школахъ и излагались въ особыхъ учебникахъ, для составленія проповѣдей, какъ напр. въ книгѣ Іоанникія Голятовскаго: «Ключь разумѣнія», которая содержитъ въ себѣ: «Науку, албо (или) способъ сложенія казаній (поученій). Но Л. Барановичъ, какъ человѣкъ высокаго ума и высокихъ дарованій, менѣе другихъ югозападныхъ проповѣдниковъ загромождалъ свои произведенія всѣми схоластическими принадлежностями, т. е. свѣдѣніями изъ разныхъ наукъ, опредѣленіями, подраздѣленіями и т. п. хотя, повторяемъ, и на его проповѣдяхъ лежитъ рѣзкая печать схоластицизма.

Мы упомянули, что Л. Барановичъ дѣйствовалъ не только на поприщѣ проповѣднаго слова и литературы, но и на поприщѣ политическомъ.

Митрополитъ Евгеній, въ «Историч. слов. русск. писат. духов. чина,» сказалъ, что Л. Барановичъ въ 1669 году «увѣщаніями своими убѣдилъ войско запорожское покориться царю Алексѣю Михайловичу,» — и эти слова повторялись почти во всѣхъ курсахъ нашей литературы. Но это было не совсѣмъ такъ.

Послѣ измѣны московскому царю (вмѣстѣ съ гетманомъ Выговскимъ) кіевскаго митрополита Діонисія Балабана и послѣ его удаленія изъ Кіева, временнымъ правителемъ и блюстителемъ кіевской митрополіи былъ назначенъ черниговскій епископъ, Л. Барановичъ. Но этотъ архіерей также не пользовался большимъ довѣріемъ въ Москвѣ. (*) Барановичъ, какъ почти все высшее духовенство Малороссіи, во время присоединенія послѣдней къ московскому государству, склонялся на сторону той партіи изъ старшины казацкой, которая стремилась къ удержанію за Украйной сколь возможно большей самостоятельности въ отношеніи къ Москвѣ. Малороссійскіе архіереи въ этой самостоятель-

(*) Ист. Рос. С. Соловьева, т. IX стр. 141.

ности видѣли свой собственной интересъ: кіевская митрополія считалась въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха; но такая зависимость была лишь номинальною. Съ подчиненіемъ же Малороссіи власти московскаго царя, архіереи должны были подчиниться дѣйствительной власти московскаго патріарха, — на что они не соглашались охотно. Въ Москвѣ имѣли, такимъ образомъ, основаніе не довѣрять Л. Барановичу, и онъ принужденъ былъ сойти на нѣкоторое время съ политической сцены. Но въ 1689 году Барановичъ снова принимаетъ участіе въ политическихъ дѣлахъ и пишетъ грамоту къ царю Алексѣю Михайловичу, прося прощенія взбунтовавшимся казакамъ, подъ предводительствомъ Дорошенка и Многогрѣшнаго; потомъ присутствуетъ въ Глуховѣ на переговорахъ казаковъ съ царскимъ бояриномъ, кн. Ромодановскимъ, и говоритъ въ пользу желанія казаковъ, относительно вывода изъ нѣкоторыхъ малороссійскихъ городовъ московскихъ воеводъ и ратныхъ людей. Барановичъ настаивалъ на томъ же и въ упомянутомъ письмѣ къ царю, въ которомъ между прочимъ писалъ: «Свободою убо, ею же Христосъ насъ свободи, помазанниче Божій, пресвѣтлый царю, ихъ (казаковъ) свободи, да стоятъ на свободѣ, ихъ укрѣпи, да истинно тебѣ поработаютъ и отъ варваръ отлучатся всяко»... Но въ Москвѣ не внимали такимъ увѣщаніямъ черниговскаго владыки.

---

4) Изъ прочихъ югозападныхъ писателей болѣе извѣстны:

Іоанникій Голятовскій, ректоръ кіевской академіи, отличавшійся обширною схоластическою ученостію и написавшій цѣлые томы полемическихъ, догматическихъ и другихъ сочиненій, которыя могутъ смѣло служить образцомъ югозападной схоластики. Изъ сочиненій Голятовскаго болѣе извѣстны: изданныя имъ реторическія руководства какъ сочинять проповѣди, надгробныя и другія слова и его полемическія сочиненія — не только противъ католиковъ, какъ напр.: «Бѣлоцерковская бесѣда», въ которой изложено преніе о вѣрѣ, происходившее въ Бѣлой-Церкви между Голятовскимъ и іезуитомъ Пекарскимъ, — но и противъ не-христіанъ, какъ-то: противъ евреевъ — «Мессія правдивый», противъ магометанъ — «Алкоранъ Магометовъ»

и противъ язычниковъ — «Боги поганскіе.» Въ этихъ сочиненіяхъ высказывается вся обширная средневѣковая эрудиція Голятовскаго. Онъ приводитъ въ нихъ множество примѣровъ, басень, объясненій, сравненій и т. д. заимствованныхъ не только изъ средневѣковыхъ книгъ, но и изъ произведеній древне-греческихъ и латинскихъ авторовъ.

Схоластическая манера сочиненій и всѣ свойства схоластической учености (о которыхъ мы говорили выше) отразились болѣе всего въ теоретико-догматическихъ, проповѣдныхъ и полемическихъ сочиненіяхъ Голятовскаго.

Къ тому же разряду югозападныхъ писателей принадлежатъ: *Антоній Радивиловскій*, *Кириллъ Транквилліонъ*, *Иннокентій Гизель* и мног. друг. И. Гизель (архимандритъ кіевопечерской лавры) извѣстенъ въ нашей литературѣ какъ издатель печерскаго патерика и сочинитель *Синопсиса*, или краткаго обозрѣнія русской исторіи, которое служило учебникомъ во всѣхъ русскихъ школахъ, до изданія учебника Ломоносова. Синопсисъ Гизеля наполненъ множествомъ историческихъ ошибокъ и несообразностей.

Схоластическія произведенія почти всѣхъ поименованныхъ нами писателей,—сухія и безжизненныя, исполненныя реторики и составленныя искуственно, по извѣстной мѣркѣ, — не заслуживаютъ подробнаго разбора. Для насъ они имѣютъ одно лишь историческое значеніе. Въ той степени, въ какой сочиненія эти были доступны для народа, они, конечно, были явленіями полезными для своего времени; потому что знакомили своихъ читателей съ науками и сообщали имъ множество энциклопедическихъ свѣдѣній изъ исторіи, географіи, физики, философіи и т. п.

Языкъ, который употребляли югозападные писатели въ своихъ сочиненіяхъ, составлялъ какую-то смѣсь изъ языковъ церковнославянскаго, малорусскаго или бѣлорусскаго и польскаго. А большая часть полемическихъ сочиненій противъ іезуитовъ написана ими либо по-польски, либо полатынѣ.

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію дѣятельности болѣе замѣчательныхъ писателей и дѣятелей на поприщѣ русскаго просвѣщенія въ сѣверовосточной Россіи.

1) Никонъ, шестой «патріархъ московскій и всея Руссіи.» Никонъ родился въ 1605, въ селѣ Вельдемановѣ (нижег. губ. княгинин. у.) и былъ сынъ крестьянина Мордвина, по имени Мины.

Патріархъ Никонъ, — одинъ изъ сильныхъ и великихъ характеровъ въ исторіи русской церковной іерархіи, — принадлежитъ безспорно къ числу замѣчательнѣйшихъ духовныхъ дѣятелей допетровской Россіи. Патріаршество Никона оставило широкій слѣдъ въ нашей исторіи и отозвалось крайне-важными послѣдствіями во внутренней жизни русскаго народа. Самыя обстоятельства, которыми сопровождалась историческая дѣятельность Никона, и обстоятельства его жизни исполнены живаго, драмматическаго интереса.

Случай доставилъ молодому Никитѣ (имя Никона до монашества) выучиться грамотѣ. Вѣроятно въ самые молодые годы уже рѣзко обозначились умъ и таланты Никиты; потому что и христіанскіе монахи и мордовскіе колдуны пророчили ему дивную судьбу — либо царство либо патріаршество. Такія предсказанія естествено еще болѣе воспламеняли и безъ того пылкое воображеніе молодаго человѣка. Въ то время, для избранныхъ и талантливыхъ натуръ изъ народа, былъ единственный путь выйти на широкое поле дѣятельности — монашество. Къ монашеству, сверхъ того, влеклись такія натуры и вслѣдствіе начитанности духовныхъ книгъ, составлявшихъ почти исключительное чтеніе, какъ мы знаемъ, тогдашнихъ грамотныхъ людей, — и Никита пошелъ въ монастырь. Родственники успѣли, однако, вызвать его снова въ міръ и убѣдили жениться. Знаніе свящ. книгъ и начитанность доставили ему мѣсто священника на 20 году отъ рожденія. По уму и способностямъ, молодой священникъ рѣзко выдавался впередъ между своими товарищами; онъ не могъ остаться незамѣченнымъ, и скоро, по приглашенію московскихъ купцовъ, перешелъ въ Москву и получилъ приходъ. Но тѣсный кругъ обязанностей приходскаго священника не могъ удовлетворить честолюбивымъ стремленіямъ Никиты, жаждавшаго высшей, болѣе широкой дѣятельности. Онъ рѣшился снова идти въ монахи, и уговорился съ женою разойтись, такъ-какъ, послѣ потери трехъ малютокъ, у нихъ не было дѣтей: она постриглась въ одномъ изъ женскихъ монастырей въ Москвѣ, а онъ ушелъ на Бѣлое море и поступилъ въ одинъ изъ скитовъ близъ Соловецкаго мона-

стыря, перемѣнивъ имя Никиты на имя Никона. Ревность къ обличенію не дала ему, однако, ужиться долго въ этомъ скитѣ съ остальною братіею: онъ перешелъ въ Кожеезерскій монастырь (новгород. епархіи) и здѣсь вскорѣ избранъ былъ въ игумены. Слава о подвижнической жизни, о ревности къ вѣрѣ и о талантахъ игумена Никона скоро стала расходиться въ народѣ и достигла Москвы. Во время пребыванія въ столицѣ, въ 1646 г., по дѣламъ монастыря, Никонъ былъ замѣченъ государемъ и произвелъ сильное впечатлѣніе на молодаго и строго-религіознаго Алексѣя Михайловича. Никонъ остался въ Москвѣ, былъ посвященъ въ архимандриты Новоспасскаго монастыря и, по желанію царя, каждую пятницу долженъ былъ являться въ придворную церковь къ заутрени, послѣ которой вступалъ съ царемъ въ назидательную бесѣду. Впечатлительный и религіозный молодой царь скоро подчинился вліянію Никона. Онъ поручилъ ему, какъ особую должность, «печалованіе» (т. е. ходатайство) за утѣсненныхъ, вдовъ и сиротъ, и потому всѣ челобитчики шли прямо къ Никону и подавали ему свои просьбы. Чрезъ два года Никонъ былъ посвященъ въ важный санъ митрополита Новгорода-Великаго и уѣхалъ изъ Москвы.

Вскорѣ послѣ прибытія новаго владыки къ своей паствѣ,—сначала въ Псковѣ, а потомъ въ Новгородѣ,—вспыхнули мятежи. Никонъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ подавленіи этихъ мятежей. Не смотря на то, что онъ лично пострадалъ во время мятежа въ Новгородѣ и претерпѣлъ оскорбленія отъ мятежниковъ, онъ умоляетъ царя о дарованіи всепрощенія новгородскимъ мятежникамъ, находя въ этомъ лучшее средство прекратить войну и разореніе края, происходившія отъ мятежей. Въ письмахъ къ псковскому архіепископу Макарію царь указывалъ потомъ на Никона, и говорилъ, что «его митрополичьимъ радѣніемъ новгородцы въ познаніе пришли.» Но Никонъ ходатайствовалъ также о помилованіи главныхъ мятежниковъ и въ Псковѣ. Царь послушался новгородскаго митрополита, псковичи повинились и имъ даровано было всепрощеніе.

Послѣ усмиренія мятежей въ Новгородѣ и въ Псковѣ, Никонъ пріѣхалъ въ Москву и успѣлъ снова пріобрѣсть могущественное вліяніе на Алексѣя Михайловича. Онъ уговорилъ царя перенести изъ Соловецкаго монастыря въ Успенскій соборъ мощи московскаго митрополита

Филиппа, низвергнутаго Грознымъ, за смѣлое обличеніе его злодѣйствъ, и умерщвленнаго опричникомъ Малютою Скуратовымъ. Для перенесенія мощей отправился въ Соловки самъ Никонъ, въ сопровожденіи боярина, князя Хованскаго и Отяева. Торжество это, по словамъ проф. Соловьева, имѣло не одно религіозное значеніе: «Филиппъ погибъ вслѣдствіе столкновенія власти свѣтской съ церковною. Богъ прославилъ мученика святостію; но свѣтсткая власть не принесла еще торжественнаго покаянія въ грѣхѣ своемъ. Никонъ, пользуясь религіозностію и мягкостію молодаго царя, заставилъ свѣтскую власть принести это торжественное покаяніе. Онъ отыскалъ примѣръ въ преданіяхъ византійскихъ, какъ императоръ Ѳеодосій, посылая за мощами Іоанна Златоуста, писалъ молитвенную грамоту къ оскорбленному его матерью святому, и Никонъ повезъ въ Соловки грамоту царя Алексѣя къ св. Филиппу,» (*) въ которой государь смиренно приносилъ покаяніе въ прегрѣшеніи одного изъ своихъ царственныхъ предшественниковъ, въ томъ, что тотъ не послушался увѣщаній святительскихъ.

Въ 1652 году, во время отсутствія Никона изъ Москвы, умеръ патріархъ Іосифъ. Царь, собственноручнымъ (во многихъ отношеніяхъ примѣчательнымъ) письмомъ, извѣщаетъ Никона о смерти патріарха. Какъ это письмо, такъ и вообще всѣ письма Алексѣя Михайловича къ Никону яснѣе всего показываютъ ихъ взаимныя отношенія, отличавшіяся въ то время, со стороны государя, самой преданной, восторженной дружбой къ Никону. Любовь и довѣріе къ нему царя, какъ видно изъ этихъ писемъ, были безграничны. Царь величаетъ новгородскаго владыку «великимъ солнцемъ сіяющимъ», «свѣтлосіяющимъ во архіереяхъ» и проч. и называетъ его своимъ возлюбленнымъ, *собиннымъ* (особеннымъ) другомъ. Онъ какъ бы считаетъ своимъ долгомъ извѣщать его не только о духовныхъ, но и обо всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ своихъ и проситъ Никона поскорѣе возвратиться, для избранія патріарха. «Возвращайся, Господа ради, поскорѣе къ намъ,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ, — выбырать на патріаршество, именемъ Ѳеогноста, *а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся.*» Названіемъ—

(*) Ист. Рос. т. X стр. 204—205. Считаю нужнымъ замѣтить, что въ составленіи характеристики Никона я большею частію слѣдовалъ сочиненію проф. Соловьева.

«Θеогностъ» (извѣстный Богу) государь прямо намекалъ на Никона, и намекъ этотъ хорошо понималъ митрополитъ новгородскій.

Изъ этого письма Алексѣя Михайловича уже ясно обнаруживается жесткій характеръ, крутой нравъ и властелинскія притязанія Никона, возбудившіе противъ него ропотъ въ бояряхъ и сдѣлавшіеся впослѣдствіи причиною его паденія. Царь писалъ Никону, что приближенные бояре при дворѣ говорятъ: «никогда такого безчествія не было, государь выдалъ насъ митрополитамъ;» а к. Хованскій и Отяевъ, отправившіеся вмѣстѣ съ Никономъ за мощами св. Филиппа, жаловались въ грамоткахъ къ друзьямъ своимъ на жестокое обращеніе съ ними новгородскаго владыки. Отяевъ даже писалъ: «лучше бы намъ на Новой Землѣ, за Сибирью, нежели съ новгородскимъ митрополитомъ быть» и проч. Но, не смотря на все нерасположеніе къ Никону бояръ и приближенныхъ, любовь царя къ новгородскому митрополиту была непоколебима, и онъ непремѣнно желалъ видѣть Никона патріархомъ.

Никонъ возвратился въ Москву въ Іюлѣ 1662 года, былъ избранъ въ патріархи, и отрекся — для того (говоритъ г. Соловьевъ) «чтобы быть выбраннымъ на всей своей волѣ.» Избраніе происходило въ Успенскомъ соборѣ. Царь и всѣ окружавшіе, проливая слезы, умоляли Никона не отрекаться. Обратившись къ боярамъ и къ народу, Никонъ спросилъ: «Будутъ ли почитать его какъ архипастыря и отца, и дадутъ ли ему устроить церковь?» Всѣ клялись, что будутъ и дадутъ; Никонъ согласился, и 25 Іюля былъ посвященъ въ «патріархи московскіе и всея Руссіи».

Сдѣлавшись патріархомъ, надѣвъ патріаршескую мантію, съ золотыми сточниками и бѣлый клобукъ, съ жемчужными херувимами, Никонъ не замедлилъ выказать обширные замыслы — ума твердаго и рѣшительнаго, и явился однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и замѣчательныхъ организаторовъ русской церкви.

Богатство нравственныхъ силъ, которыми природа одарила Никона— сильный умъ, непреклонная воля, неутомимая энергія и стремленіе къ высшей дѣятельности,—наконецъ санъ патріарха, столь высоко почитавшійся въ древней Руси, и полное довѣріе царя, — все, казалось, обусловливало успѣхъ предпринятыхъ Никономъ преобразованій цер-

ковныхъ. Чувства государя къ Никону поставили его такъ высоко, «какъ не стоялъ ни одинъ патріархъ, ни одинъ митрополитъ ни при одномъ царѣ и великомъ князѣ,» — говоритъ г. Соловьевъ. Патріархъ былъ особеннымъ другомъ и главнымъ совѣтникомъ молодаго царя во всѣхъ дѣлахъ и принималъ живое участіе во всѣхъ его политическихъ и гражданскихъ предпріятіяхъ. Во время отсутствія государя, занятого войною въ Литвѣ, Никонъ безгранично управлялъ государствомъ изъ Москвы; въ своихъ грамотахъ онъ писался, по желанію самаго царя, «великимъ государемъ» и «Божію милостію патріархомъ.» И тутъ-то іерархическія притязанія Никона, не хотѣвшаго знать предѣла своей власти, возросли до небывалыхъ въ русской исторіи примѣровъ. Притязанія эти выражались у Никона тѣмъ болѣе рѣзко, что его суровая и жесткая природа, не сдерживаемая образованіемъ, — котораго ему тогда негдѣ было получить, — доводила его нерѣдко до крайности въ пользованіи своею обширною властію.

При такомъ образѣ дѣйствій и съ такимъ характеромъ, понятно, что Никонъ успѣлъ нажить себѣ много враговъ. Негодовали на него не только вельможи, — какъ мы видѣли это изъ письма царя еще въ то время, когда Никонъ былъ новгородскимъ митрополитомъ, — но къ нему питали негодованіе и многія значительныя духовныя лица, «оскорбленные властелинствомъ, крутостію нрава Никона и жестокостію наказаній, которымъ онъ подвергалъ виновныхъ.» (*) Въ первые годы своего патріаршества, мы сказали, Никонъ былъ могущественнѣйшимъ лицомъ въ государствѣ: передъ нимъ, сыномъ вельдемановскаго мужика, съ благоговѣніемъ преклонялись заслуженные, самые близкіе бояре къ царю; боярская дума ничего не рѣшала безъ совѣтовъ Никона; вездѣ въ управленіи свѣтскомъ творилась его воля. Высокомѣрные, породистые бояре московскіе не могли этимъ не оскорбляться, и становились явными и тайными врагами Никона. Сама царица, Марья Ильинична, и всѣ близкіе родственники царскіе, — Милославскіе, Хованскіе и Стрѣшневы, всѣ были на сторонѣ враговъ патріарха. Но Никона не могли смутить, — уже по его личному характеру и по тому взгляду, какой онъ имѣлъ на значеніе власти высшаго святителя на Руси, — ни высокое общественное положеніе, ни

(*) Ист. Рос. т. XI, стр. 274.

многочисленность его враговъ. Наконецъ — главнѣйшее дѣло Никона — исправленіе церковныхъ книгъ (см. ниже) послужило поводомъ къ возбужденію противъ него новаго и весьма сильнаго негодованія во множествѣ людей, преимущественно въ лицахъ, заинтересованныхъ этимъ дѣломъ. — Челобитныя и жалобы на церковныя преобразованія и на самовластительство Никона доходили до царя со всѣхъ сторонъ. Часть духовенства, недовольная его нововведеніями, въ длинной жалобѣ, поданной государю, вооружается противъ Никона—не какъ противъ нововводителя только, но перечисляетъ разныя неправды, происходившія въ патріаршескомъ управленіи, и обвиняетъ самаго патріарха, главнымъ образомъ, въ томъ, что онъ окружилъ себя недоступнымъ величіемъ: «возлюбилъ стоять высоко, ѣздить широко,» какъ выражаются жалобщики. И подлѣ царя было много людей, которые твердили ему, что царской власти уже не слыхать, что великій государь патріархъ не довольствуется равенствомъ власти съ великимъ государемъ царемъ, но стремится превысить его, что онъ вступается во всякія царскія дѣла и въ градскіе суды и т. п. (*) Подобныя внушенія, слышанныя государемъ со всѣхъ сторонъ, подѣйствовали наконецъ на Алексѣя Михайловича: царь сталъ удаляться отъ своего «особеннаго» друга, — и прежнія отношенія между ними прекратились. Не въ характерѣ Никона было спокойно перенести такую перемѣну въ чувствахъ царя къ себѣ. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней (1658 г.) патріархъ, въ Успенскомъ соборѣ, послѣ литургіи, объявилъ торжественно съ амвона, посреди плакавшаго народа, что онъ не желаетъ болѣе оставаться на патріаршествѣ, — и не смотря на мольбы народныя, удалился изъ собора и скоро уѣхалъ въ построенный имъ Воскресенскій Новоіерусалимскій монастырь.

Вначалѣ, казалось, Никонъ дѣйствительно принялъ твердое намѣреніе не возвращаться на патріаршій престолъ. Но потомъ, когда онъ увидѣлъ, что заговорили объ избраніи ему преемника, что прежнее довѣріе государя къ нему не возвращается и что ему слѣдуетъ проститься навсегда съ обширной и видной дѣятельностію, къ которой онъ привыкъ; тогда Никону становится тяжело растаться съ этою дѣятельностію и сопряженнымъ съ нею высокимъ положеніемъ. Онъ

(*) Ист. Гос. т. XI стр. 293.

начинаетъ говорить, что онъ удалился въ уединеніе, но не оставлялъ патріаршества, что онъ ушелъ изъ Москвы не по своей волѣ, а вслѣдствіе неправеднаго противъ него гоненія, вслѣдствіе царскаго гнѣва и безчинія народнаго; пишетъ къ государю письма, полныя укоризнъ и, съ свойственною ему рѣзкостію рѣчи, заявляетъ свои прежнія іерархическія притязанія. Но то время, когда царь Алексѣй Михайловичъ смиренно выслушивалъ рѣчи любимца-патріарха — миновалось! А между тѣмъ враги Никона не дремали и старались убѣдить государя, что онъ дѣйствительно виновенъ.

Около восьми лѣтъ длилась распря государя съ патріархомъ, и наконецъ дѣло Никона окончилось на соборѣ, созванномъ для суда надъ нимъ въ 1667 году, подъ предсѣдательствомъ двухъ, прибывшихъ въ Москву, восточныхъ патріарховъ: антіохійскаго — Макарія и александрійскаго — Паисія, имѣвшихъ полномочіе и отъ остальныхъ двухъ восточныхъ патріарховъ — константинопольскаго и іерусалимскаго. Соборъ низвергъ Никона съ патріаршества, и онъ, въ званіи простаго инока, сосланъ былъ на заточеніе въ Ѳаропонтовъ бѣлозерскій монастырь.

Все, что говорилъ и писалъ Никонъ, по поводу взведенныхъ на него обвиненій, въ періодъ распри съ царемъ, равно какъ и отвѣты его на соборѣ, во время производства суда надъ нимъ, — все это ярко рисуетъ эту замѣчательнѣйшую личность своего времени и исполнено живаго интереса. (*)

Никонъ томился въ заточеніи, жаловался, былъ безпокоенъ и раздражителенъ пуще прежняго, писалъ къ государю — то съ угрозами, то съ просьбою объ освобожденіи или хотя о переводѣ въ Воскресенскій монастырь. Но позволеніе возвратиться въ свой любимый монастырь онъ получилъ только послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича, при его сынѣ, Ѳедорѣ Алексѣевичѣ. Но, возвращаясь изъ ссылки, Никонъ умеръ на пути, въ Ярославлѣ, въ 1681 году, не доѣхавъ до Воскресенскаго монастыря.

Изъ собственныхъ письменныхъ трудовъ Никона слѣдуетъ замѣтить, вопервыхъ: всю его переписку съ царемъ и съ греческими патріархами и особенно его *возраженія* на вопросы боярина Стрѣшнева о поведеніи патріарха, съ отзывами на нихъ греческаго митро-

(*) Ист. Рос. т. XI см. стр. 300—373

полита Паисія Лигарида, — вполнѣ его осуждавшими. Никону доставили вопросы и отвѣты, и онъ, съ свойственнымъ ему пыломъ, написалъ на нихъ большую тетрадь возраженій, въ которыхъ особенно замѣчателенъ взглядъ Никона на отношенія царской власти къ патріаршеской, взглядъ, который никакъ не сходился съ преданіями восточной церкви, утвержденными въ Россіи исторіею. (*) Вовторыхъ: имя Никона связано съ полнѣйшимъ сводомъ, или сборникомъ русскихъ лѣтописей (*Никоновскій списокъ*), составленномъ вѣроятно подъ его надзоромъ и при его заботливости. Онъ оканчивается обозрѣніемъ событій 1630 года. Составитель сборника смотритъ на событія и представляетъ имъ оцѣнку съ точки зрѣнія офиціальныхъ московскихъ лѣтописей. Въ «Никоновскій списокъ» лѣтописей вошли во множествѣ разныя статьи и извѣстія изъ греческихъ хронографовъ, которые, по порученію Никона, вмѣстѣ съ другими книгами, переводились на славянскій языкъ Арсеніемъ Грекомъ, Епифаніемъ Славинецкимъ и другими.

Соборы 1666 и 1667 гг., осудивъ самаго Никона—собственно за его высокомѣрныя іерархическія притязанія и распрю съ государемъ, одобрили, однако, и утвердили во всемъ одно изъ важнѣйшихъ его дѣлъ,—т. е. предпринятыя имъ мѣры, относительно устройства внѣшняго порядка и обрядовъ церкви и относительно исправленія церковныхъ книгъ.

Никоновское исправленіе книгъ и расколъ. — Русскій расколъ, приписываемый обыкновенно исправленію церковно-богослужебныхъ книгъ, сдѣланному во время патріаршества Никона, имѣетъ не только церковное, но и обще-государственное значеніе, отразившееся во всѣхъ сферахъ жизни русскаго народа и государства. Потому, дабы составить себѣ истинное понятіе о столь важномъ историческомъ явленіи, мы должны представить по возможности удовлетворительный историческій очеркъ раскола.

Мы сказали въ своемъ мѣстѣ, что еще въ XIV стол. кіевскій митрополитъ Кипріанъ (Сербъ) заботился о снабженіи всѣхъ русскихъ

(*) Ист. Рос. т. XI см. стр. 320—321.

церквей правильными богослужебными книгами, замѣтивъ, что въ иныхъ церквахъ находились церковно-богослужебныя книги съ большими погрѣшностями и заблужденіями. Съ тѣхъ поръ, мы не разъ встрѣчаемъ, въ исторіи русской церкви, жалобы на употребленіе неправильныхъ богослужебныхъ книгъ и стремленія — исправить эти книги отъ тѣхъ погрѣшностей и ошибокъ, которыми онѣ наполнялись вслѣдствіе невѣжества и малограмотности. Мы видѣли, что дѣло исправленія книгъ поручалось Максиму Греку. Далѣе, въ «Стоглавѣ» мы опять встрѣчали заботу объ исправленіи книгъ *неправленныхъ* и *описливыхъ*. Царь Иванъ Грозный и митр. Макарій рѣшаются даже завести типографію собственно съ тѣмъ, чтобы остановить порчу церковныхъ книгъ. При царѣ Михаилѣ и патріархѣ Филаретѣ снова поручаютъ архимандриту Діонисію и Арсенію Глухому исправленіе книгъ, — уже печатныхъ, которыя также оказались неправильными. Печатаніе и исправленіе книгъ, продолжавшееся со временъ Михаила Ѳедоровича, при патріархѣ Іосифѣ довѣрено было людямъ неученымъ и ревностнымъ поборникамъ старины, питавшимъ суевѣрное благоговѣніе къ одной лишь буквѣ писаній. Эти «справщики» временъ патр. Іосифа всякое исправленіе въ церковныхъ книгахъ признавали дѣломъ недобрымъ, еретическимъ, на томъ основаніи, что «единымъ азбучнымъ словомъ ересь вносится,» и потому они издавали и перепечатывали прежнія книги не только, съ накопившимися отъ времени, вопіющими ошибками, но и заносили во всѣ церковно-богослужебныя книги такія мнѣнія и правила, которыя — хотя и утвердились у насъ съиздавна и въ XVI стол. были занесены даже въ «Стоглавъ,» но которыя, тѣмъ не менѣе, были не согласны съ правилами и обрядами греко-восточной церкви. Таковы были, напримѣръ: двуперстное сложеніе для знаменія креста и другія обрядовыя ученія, сдѣлавшіяся господствующими въ московскомъ государствѣ.

Издателями и справщиками книгъ при патр. Іосифѣ были слѣдующія лица: протопопъ *Аввакумъ*, дьяконъ Благовѣщенскаго собора, *Ѳедоръ*, священникъ романовскій *Лазарь*, суздальскій священникъ *Никита*, а также — важныя въ то время лица изъ московскаго бѣлаго духовенства—благовѣщенскій протопопъ и царскій духовникъ, Степанъ *Вонифатьевъ* и ключаръ Успенскаго собора, Иванъ *Нероновъ*, и

другіе, сдѣлавшіеся впослѣдствіи главнѣйшими расколоучителями и жестокими врагами Никона. Вотъ этимъ-то лицамъ патр. Іосифъ предоставилъ полный произволъ, при изданіи книгъ, — и они успѣли напечатать и распространить, до времени патріаршества Никона, 6000 богослужебныхъ книгъ, наполненныхъ различными искаженіями. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что искаженія въ книгахъ дѣлались названными справщиками не умышленно, а вслѣдствіе невѣжества и суевѣрнаго благоговѣнія къ буквѣ писаній.

Пріѣзжавшіе въ Москву греческіе патріархи и другія лица изъ греческаго духовенства, равно какъ и старцы Аѳонской горы (гдѣ сохранились древне-христіанскіе обряды во всей ихъ чистотѣ) указывали не разъ на различіе между обрядами греческими и русскими и на разныя искаженія въ книгахъ московской печати. Тоже самое указывалъ и *Епифаній Славинецкій*, глава ученыхъ кіевскихъ монаховъ, призванныхъ Ртищевымъ. Руководствуясь этими указаніями и собственнымъ изслѣдованіемъ, Никонъ убѣдился, что печатныя русскія книги дѣйствительно не согласны съ греческими и съ древними рукописями славянскими, и потому принялъ твердое намѣреніе—исправить книги и вновь напечатанными и исправленными книгами замѣнить повсемѣстно книги старопечатныя, изъявъ ихъ вовсе изъ употребленія.

Никонъ приступилъ къ дѣлу съ возможнымъ благоразуміемъ и осторожностію. Въ концѣ 1653 или въ началѣ 1654 г., во дворцѣ, въ присутствіи царя, онъ держалъ соборъ, указалъ разности въ печатныхъ русскихъ книгахъ съ греческими и съ древними рукописями славянскими и предложилъ вопросъ: «слѣдовать-ли новымъ нашимъ печатнымъ служебникамъ или греческимъ и нашимъ старымъ?» Большинство присутствовавшихъ согласилось съ тѣмъ, что наши новыя книги слѣдуетъ править по греческимъ и по старымъ славянскимъ рукописямъ. Но такое опредѣленіе собора отказались подписать и прямо протестовали противъ него: Павелъ, епископъ коломенскій, прежніе издатели и справщики книгъ и нѣкоторыя другія духовныя лица. Епископъ Павелъ подъ соборнымъ опредѣленіемъ написалъ даже: «аще кто отъ обычныхъ преданій святыя каѳолическія церкви отыметъ или приложитъ, или инако развратитъ, анаѳема да будетъ.» Понятно, по-

чему противъ мнѣнія соборнаго большинства возстали и прежніе исправители книгъ: такое мнѣніе было оскорбительно для ихъ самолюбія, и потому неудивительно, что они выказали сильное упорство, отстаивая дѣло своихъ рукъ,—тѣмъ болѣе еще, что они встрѣтили сильную поддержку въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ членахъ собора, какъ напр. въ епископѣ Павлѣ и въ другихъ. Но упорство ихъ и противорѣчія могли только раздражить Никона: онъ осудилъ безъ собора коломенскаго епископа Павла, низвергъ съ каѳедры и сослалъ въ заточеніе. Также точно поступилъ Никонъ съ Нероновымъ, съ протопопомъ Аввакумомъ и съ другими, сопротивлявшимися исправленію книгъ.

Для того, чтобы сообщить рѣшенію московскаго собора большій авторитетъ, Никонъ позаботился получить подтвержденіе этому рѣшенію отъ патріарха и собора архіереевъ константинопольскихъ, — и немедленно приступилъ къ дѣлу. Онъ удалилъ изъ типографіи всѣхъ справщиковъ патр. Іосифа и ввѣрилъ главное исправленіе книгъ Епифанію Славинецкому (см. ниже), назначивъ ему въ помощники ученаго греческаго монаха *Арсенія Грека* (*), который, находясь два года въ ссылкѣ въ Соловецкомъ монастырѣ, выучился славянскому языку.

(*) Арсеній Грекъ путешествовалъ по Европѣ и долго учился въ разныхъ западныхъ училищахъ, между прочимъ, находился въ римской коллегіи, устроенной папой Григоріемъ XIII собственно для Грековъ. Чтобы получить доступъ въ эту коллегію, онъ принялъ римско-католическую вѣру; но, возвратившись на родину, Арсеній опять принялъ православіе, былъ сдѣланъ священникомъ и скоро поступилъ въ монахи Аѳонской горы, откуда съ іерусалим. патріархомъ Паисіемъ уѣхалъ въ Москву, въ 1649 г. Путешествія и пребываніе во многихъ западныхъ училищахъ обогатили Арсенія обширными познаніями и дали ему возможность хорошо изучить многіе языки. Въ Москвѣ нуждались въ людахъ ученыхъ, и Алексѣй Михайловичъ убѣдилъ патріарха Паисія оставить Арсенія въ Россіи, — «яко многимъ языкомъ искуснаго.» Но приверженцы старины, и преимущественно патріархъ Іосифъ, стали смотрѣть подозрительно на греческаго іеромонаха, и патріархъ Іосифъ сослалъ его въ Соловецкій монастырь. Никонъ, въ 1652 г., освободилъ Арсенія, сдѣлалъ учителемъ греческ. и латин. яз. въ московскихъ школахъ, а потомъ поручилъ ему исправленіе книгъ. Арсеній, кромѣ того, занимался въ патріаршемъ домѣ переводами книгъ на славян. яз. по указанію Никона, который при этомъ и самъ руководился знаніями и совѣтами ученаго Грека. Раскольническіе писатели страшно порицаютъ Арсенія Грека, и считаютъ его причиною отпаденія самаго Никона «отъ древляго православія;» въ трехъ именахъ: Алексѣя, Никона и Арсенія они находятъ апокалипсическое «число звѣрино» — 666.

Въ Москву присланы были изъ разныхъ русскихъ монастырей, по приказанію Никона, древнія греческія и славянскія рукописи, и кромѣ того, для пріобрѣтенія древнѣйшихъ греческихъ рукописей, по совѣту Арсенія Грека и Епифанія Славинецкаго, отправленъ былъ на Аѳонъ и въ другія мѣста извѣстный намъ монахъ, Арсеній Сухановъ. Изъ «Проскинитарія» Суханова видно, что онъ держался самыхъ староверческихъ понятій; но, не смотря на то, Сухановъ способствовалъ предпринятому Никономъ книжному исправленію и устройству церковныхъ обрядовъ, доставивъ въ Москву изъ своего путешествія болѣе 500 очень цѣнныхъ греческихъ рукописей, послужившихъ важнымъ пособіемъ для занимавшихся дѣломъ исправленія книгъ.

Въ 1655 году былъ исправленъ и напечатанъ новый *Служебникъ*, въ которомъ измѣнялись или вовсе отмѣнялись нѣкоторые обряды прежняго служебника, изданнаго при патріархѣ Іосифѣ. По опредѣленію собора русскихъ архіереевъ, созваннаго Никономъ въ 1656 г., въ присутствіи царя, исправленный служебникъ былъ одобренъ. Въ тоже время была разсмотрѣна и одобрена переведенная Арсеніемъ Грекомъ, по указанію Никона, книга *Скрижаль* (соч. греч. инока Наѳанаила) въ которой заключалось объясненіе сущности греко-восточнаго христіанскаго богослуженія и обрядовъ. Соборъ 1656 г., утвердивъ и одобривъ исправленныя книги и установлявшіеся въ нихъ обряды, опредѣлилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ: замѣнить повсемѣстно старопечатныя книги книгами новаго исправленія. Никонъ распорядился разослать новыя книги по всѣмъ церквамъ, монастырямъ и приходамъ московскаго государства и отобрать книги старыя,—строго приказавъ вездѣ отправлять церковную службу по новымъ книгамъ.

Торжественность этого отобранія старыхъ книгъ, — которое не обошлось, въ случаяхъ сопротивленія, безъ насильственныхъ и крутыхъ мѣръ, — замѣна прежнихъ обрядовъ новыми, непокорность и отказъ многихъ поповъ и монаховъ принимать новоисправленныя книги, продолженіе службы во многихъ приходскихъ церквахъ и монастыряхъ по старымъ Іосифовскимъ книгамъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ церковная служба совершалась по книгамъ исправленнымъ, наконецъ жестокія наказанія (заключавшіяся въ денежныхъ пеняхъ, въ сажаніи на цѣпь, въ битьи батогами, въ ссылкѣ и т. п.) которымъ подвергались

ослушники воли патріаршей, — все это вмѣстѣ не могло не произвести волненія въ средѣ русскаго народа, жившаго, какъ мы знаемъ, въ религіозномъ отношеніи, съ самаго принятія христіанства,—преимущественно церковно-обрядовою жизнію. И потому, для нашихъ предковъ временъ Никона, нарушеніе прежнихъ церковно-богослужебныхъ обрядовъ могло казаться равносильнымъ нарушенію самой вѣры. Народъ тѣмъ скорѣе могъ прійти къ такому заключенію, что враги Никона (а у него ихъ было такъ много, особенно въ числѣ духовенства и въ высшихъ классахъ) и фанатическіе поборники старины всячески старались укрѣпить народъ въ мысли, что Никонъ нарушилъ старую вѣру и что вводимыя имъ перемѣны, или «новшества», онъ заимствовалъ отъ «римскаго костёла» и приравнялъ, такимъ образомъ, русскую православную вѣру къ «еретической вѣрѣ латинской,» которая по понятіямъ тогдашнихъ русскихъ грамотниковъ и людей религіозныхъ была «сквернѣйшая и лютѣйшая изъ всѣхъ еретическихъ вѣръ,» какъ говорится въ «Соборномъ изложеніи» патріарха Филарета.

Мы видѣли, что уже на соборѣ 1654 года предложеніе Никона встрѣтило сильную оппозицію въ нѣкоторыхъ значительныхъ духовныхъ лицахъ, выказавшихъ упорную привязанность къ тѣмъ староверческимъ понятіямъ, которыя составили впослѣдствіи основу русскаго раскола. Хотя патріархъ болѣе упорныхъ ослушниковъ его воли сослалъ въ заточеніе; но они и изъ ссылки не переставали проповѣдывать противъ Никона и противъ вводимыхъ имъ «новшествъ,» разсылали повсюду свои грамотки, писали челобитныя царю, въ которыхъ называли Никона врагомъ Божіимъ, еретикомъ, отступникомъ отъ древняго православія и т. п.; и этимъ естественно подрывали довѣріе народное къ патріарху и производили смуту и волненія въ народѣ, въ средѣ котораго уже явно начинали возникать раскольническія понятія. Распря Никона съ государемъ способствовала еще болѣе къ развитію раскола; потому что, во время удаленія патріарха отъ дѣлъ, враги его при дворѣ возвратили изъ ссылки протопопа-Аввакума и другихъ главныхъ поборниковъ старовѣрческихъ понятій и личныхъ враговъ Никона, которые въ Москвѣ и почти повсемѣстно въ государствѣ стали открыто разносить свою раскольническую проповѣдь,

увѣщевая народъ стоять крѣпко за древнее православіе, нарушенное будто церковными нововведеніями Никона. Расколоучители старались дѣйствовать въ особенности на царя Алексѣя Михайловича, вооружая его противъ вводимыхъ Никономъ «латинскихъ ересей» и требуя собора, который отмѣнилъ бы никоновскія нововведенія и утвердилъ «старую» вѣру. Когда же соборы 1666 и 1667 гг., при участіи двухъ греческихъ патріарховъ, осудивъ самаго Никона, одобрили между тѣмъ и утвердили все, сдѣланное имъ по исправленію книгъ и обрядовъ, и опредѣлили: упорныхъ приверженцевъ старыхъ мнѣній подвергать наказаніямъ не только церковнымъ, но и гражданскимъ; тогда произошелъ окончательный разрывъ людей, мыслившихъ порасcкольничьи, съ господствующею церковью, и тогда-то образовался окончательно русскій *расколъ*, извѣстный подъ именемъ *старообрядства*. И замѣчательно то, что съ этого времени рѣзко обозначился гражданскій характеръ раскола: расколъ сталъ во враждебныя отношенія не только къ господствующей церкви, но и къ господствующему гражданскому и государственному порядку, противъ котораго такъ же, какъ и противъ порядка церковнаго, расколоучители открыли теперь свою смѣлую проповѣдь, — и увлекли за собою массы послѣдователей. Этимъ противогражданскимъ, или противогосударственнымъ характеромъ русскій расколъ рѣзко отличается отъ всѣхъ, извѣстныхъ въ исторіи другихъ народовъ, религіозныхъ расколовъ и ересей, и представляется явленіемъ крайне-сложнымъ, котораго никакъ нельзя объяснить однимъ никоновскимъ исправленіемъ церковныхъ книгъ.

Г. Щаповъ, авторъ недавно изданнаго сочиненія о расколѣ, (*) говоритъ: «Нѣкоторые русскіе писатели XVIII и XIX стол., говоря объ исправленіи церковныхъ книгъ патріархомъ Никономъ, выражаютъ мысль будто это самое исправленіе книгъ было причиною раскола. Раскольническіе писатели признаютъ также патріарха Никона единственнымъ виновникомъ раскола въ русской церкви. Оба эти обвиненія, при внимательномъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, среди которыхъ появился расколъ, оказываются несправедливыми. Исправленіе церковныхъ

(*) Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка. Соч. А. Щапова. Казань. 1859 г. См. стр. 12.

книгъ было не болѣе, какъ только *внѣшнимъ поводомъ къ открытію раскола*. А главный, первоначальный источникъ раскола, почти при самомъ появленіи принявшаго характеръ не просто церковный, но церковно-гражданскій, кроется глубже и восходитъ гораздо далѣе временъ патріарха Никона. Русскій расколъ явно сложился изъ двухъ началъ: вопервыхъ, изъ начала собственно церковнаго, какъ секта церковнообрядовая, несогласная съ православною церковію въ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядахъ; вовторыхъ, изъ начала гражданскаго, или противогосударственнаго, какъ секта, возстающая противъ новшествъ не только церковныхъ, но и гражданскихъ. Потому и источника раскола прежде всего надобно искать *въ духѣ и направленіи церковной и гражданской жизни русскаго народа* въ тотъ періодъ времени, когда расколъ зачался, развился и распространился.»

Такой взглядъ на происхожденіе раскола, достаточно уясненный въ послѣднее время въ нашей литературѣ, дѣйствительно справедливѣе мнѣнія, приписывающаго образованіе раскола одному никоновскому исправленію книгъ. Ибо иначе, еслибы расколъ возникъ вслѣдстіе одного преобразованія церковныхъ обрядовъ и касался только церкви, то смута и волненія произошли бы въ одной лишь сферѣ церковныхъ дѣлъ, и все ограничилось бы одними волненіями церковными. Тогда какъ мы видимъ, что расколъ сопровождался сильными волненіями гражданскими и, при самомъ началѣ своемъ, пріобрѣлъ характеръ противогосударственный.

Извѣстно, что у насъ еще въ XV стол. возникли большіе споры и несогласія по поводу церковныхъ обрядовъ; но несогласія эти устранялись помѣстными соборами и не произвели раскола. Мы знаемъ также, что хотя Максимъ Грекъ и былъ осужденъ, какъ «тлитель св. писаній,» но исправленныя имъ книги были введены въ употребленіе, безо всякихъ волненій народныхъ. «Стоглавъ» (составляющій для раскольниковъ самую авторитетную книгу и до настоящаго времени) ни мало не придавая исправленію церкобныхъ книгъ какого-либо догматическако значенія, дозволяетъ главнымъ священникамъ по городамъ, по волостямъ и по селамъ: всѣ, какія они найдутъ «святыя» книги «неисправленными» и «описливыми»—просто исправлять самимъ, «съ добрыхъ переводовъ.» Наконецъ патріархъ Филаретъ не только ввелъ въ

употребленіе служебникъ, исправленный Діонисіемъ и Арсеніемъ Глухимъ (которыхъ цѣлый соборъ русскихъ святителей осудилъ, какъ еретиковъ) но и отобралъ повсемѣстно и торжественно сжегъ прежніе служебники, — и не было ни волненій народныхъ, ни раскола. Между тѣмъ, послѣ исправленія книгъ, сдѣланнаго патріархомъ Никономъ и утвержденнаго всѣми вселенскими патріархами, — произошелъ расколъ! — Замѣтимъ еще, что народъ собственно не питалъ ненависти къ Никону и не слишкомъ вѣрилъ вначалѣ возгласамъ протопопа-Аввакума и другихъ начальниковъ раскола о неблагочестіи патріарха. Это доказываетъ, между прочимъ, сцена, происшедшая въ Успенскомъ соборѣ, въ день оставленія Никономъ патріаршества: когда Никонъ съ амвона объявилъ народу, что онъ не будетъ болѣе ему патріархомъ и сталъ разоблачаться, — въ церкви послышались рыданія и голоса: «кому ты насъ сирыхъ оставляешь?» Когда принесли простое монашеское платье, которое Никонъ хотѣлъ надѣть, толпа двинулась и отняла мѣшокъ съ платьемъ; народъ съ плачемъ бросался къ дверямъ и не пускалъ патріарха изъ собора, и проч. Это произошло въ 1658 году, когда уже давно были введены Никономъ новые обряды и повсемѣстно отобраны старыя книги. Еслибы народъ питалъ за это ненависть къ Никону, то онъ не выражалъ бы такой любви и преданности своему патріарху.

Не ясно ли, послѣ этого, что причины отпаденія въ XVII стол. огромной массы русскаго народа въ расколъ и причины происшедшихъ оттуда волненій и возстаній народныхъ противъ властей духовной и свѣтской, — кроются не въ однихъ «новшествахъ» Никона, не въ одной перемѣнѣ обряда, которую онъ произвелъ.

Происхожденіе раскола можетъ сдѣлаться для насъ вполнѣ понятнымъ лишь въ такомъ случаѣ, когда мы будемъ его разсматривать не только въ связи съ религіознымъ, нравственнымъ и умственнымъ состояніемъ русскаго народа; но и въ связи съ его общественнымъ и гражданскимъ бытомъ, и не только въ эпоху появленія раскола, но и въ теченіе всего предшествующаго періода русской исторіи.

Народная образованность, какъ мы знаемъ, находилась тогда въ жалкомъ состояніи; религія понималась обрядно; умственное развитіе задерживалось массою мрачнаго суевѣрія, допускавшаго, напримѣръ,

вѣру въ народившагося антихриста и въ близкое наступленіе кончины міра. (Мысль о наступившемъ антихристовомъ царствѣ и о близкой кончинѣ міра — была господствующею мыслію раскольниковъ, при ихъ отпаденіи отъ православной церкви). Таково было религіозное и умственное состояніе русскаго народа въ эпоху возникновенія раскола. Въ то же время общественный, гражданскій бытъ народа далекъ былъ отъ благоденствія. Безпорядки гражданскаго и церковнаго управленія въ царствованіе одного изъ добродушнѣйшихъ царей русскихъ, Алексѣя Михайловича, исполненнаго любовію къ благу своихъ подданныхъ,—доходили до высшихъ предѣловъ и ложились тяжелымъ бременемъ на народную жизнь. «Народъ томился, по словамъ проф. Соловьева, (*) подъ тяжестью налоговъ;» тягловые (платящіе подати) и торговые люди жаловались на крайнее обѣдненіе и разореніе; народный трудъ, промыслы и торговля страдали отъ произвола правившихъ вельможъ и приказныхъ, отъ господства безчисленныхъ льготъ и монополій и отъ дурнаго состоянія правосудія. На всѣхъ ступеняхъ управленія и суда господствовало вообще тягостное самовластіе и лихоимство правительственныхъ лицъ. Недовольство и ропотъ слышались повсемѣстно. Наконецъ глухое негодованіе народа, доведеннаго до крайности, разразилось открытыми возстаніями и нѣсколькими послѣдовательными гражданскими бунтами—въ Москвѣ, въ Псковѣ, въ Новгородѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Недовольство и броженіе въ народѣ еще продолжались, когда происходили соборы по поводу исправленія книгъ и обрядовъ. Около этого же времени произведены были важныя гражданскія перемѣны, клонившіяся, безъ сомнѣнія, къ благу народному, но затрогивавшія старые интересы нѣкоторыхъ лицъ и сословій, какъ напримѣръ, изданіе «Уложенія», (**) учрежденіе «монастырскаго приказа» и друг.

(*) Ист. Рос. т. X, 143—156 и т. XI, 267—273.

(**) Замѣчательнѣе всего, что противъ нѣкоторыхъ нововведеній выражали одинаковое неудовольствіе какъ раскольники, такъ и не раскольники. Раскольники называли «Уложеніе» царя Алексѣя Михайлавича «богопротивною, антихристовою книгою,» и Никонъ писалъ, что книга эта (уложеніе) противна во всемъ св. писанію и что въ ней весьма много беззаконій, называлъ уложеніе «проклятою» книгою и проч.

При такомъ положеніи вещей, расколоучителямъ, людямъ твердымъ, фанатически преданнымъ своимъ убѣжденіямъ, не трудно было увлечь за собою массы недовольныхъ въ народѣ, — и вотъ они, укоряя Никона и всю церковную іерархію въ неблагочестіи и въ отступленіи отъ древняго православія, открыли въ тоже время смѣлую проповѣдь и противъ существующаго государственнаго и гражданскаго порядка, вооруживъ, такимъ образомъ, массы своихъ послѣдователей и противъ церкви и противъ правительства. «Во время се нѣсть ни царя, ни святителя!» пишетъ одинъ изъ главныхъ вождей и писателей раскольничьихъ (дьяконъ-Ѳедоръ) вскорѣ послѣ собора 1667 года. О духовенствѣ тотъ же дьяконъ-Ѳедоръ говоритъ: «Злые архіереи поставляются славы ради и чести и богатства міра сего... Попы и дьяконы не священны суть по правиламъ; вси они отступницы и еретицы глупіи...»

Скоро послѣ собора, осудившаго раскольниковъ, начались новыя гражданскія волненія, стоявшія уже въ открытой и тѣсной связи съ расколомъ (какъ напримѣръ, мятежъ стрѣльцовъ, Никиты Пустосвята) и поводомъ къ возстаніямъ выставлялись «новшества,» какъ церковныя, такъ и гражданскія, и иноземные обычаи. Но въ существѣ возстанія происходили противъ управленія вельможъ, угнетавшихъ народъ «данями многими,» и противъ такихъ нововведеній, которыя, по мнѣнію раскольниковъ, стѣсняли свободное развитіе народной жизни.

Возстанія были скоро усмирены,—но раскольники совершенно отдѣлились отъ господствующей церкви, образовали изъ себя отдѣльную религіозно-гражданскую секту, и, такимъ образомъ, «раздѣлили Россію, по выраженію г. Устрялова, на двѣ, хотя и неравныя части, одна другой непріязненныя» (*) Непріязненность еще болѣе усилилась, когда, тотчасъ послѣ собора 1667 года, начались постоянныя преслѣдованія и кровавыя гоненія на раскольниковъ: ихъ жгли живыми въ срубахъ, рѣзали языки, били кнутомъ, разоряли ихъ жилища, конфисковали имущества,—и все это за двуперстіе, за вѣру въ антихриста и т. п. Въ назначеніи казней раскольникамъ русскіе законодатели брали въ примѣръ жестокія постановленія, изданныя противъ еретиковъ ви-

(*) «Исторія царствованія Петра Великаго,» Н. Устрялова. Спб. 1858. Т. I. См. стат. «Начало раскола.»

зантійскими императорами: Θеодосіемъ, Юстиніаномъ, императрицею Θеодорою и другими. Гоненія на раскольниковъ были у насъ особенно страшны во время патріарха Іоакима, жестоко преслѣдовавшаго расколъ.

Преслѣдованія не прекращались и при Петрѣ Великомъ и при его пріемникахъ. Раскольники, еще со времени царя Алексѣя Михайловича, стали уходить отъ преслѣдованій въ пустынныя и дикія мѣста, на окраины государства, — и скоро далекій сѣверъ (Поморье и Сибирь) и юговостокъ Россіи наполнились раскольничьими поселеніями. Раскольники селились въ дремучихъ лѣсахъ, въ тундрахъ и въ пустыняхъ сѣвера и по Дону, по Волгѣ и по Яику, —гдѣ почти все казачество перешло въ расколъ. А многіе раскольники, во избѣжаніе гоненій, бросились за рубежъ—въ Литву, въ Польшу, въ Швецію, въ Пруссію, въ Австрію, въ Турцію, — и въ этихъ мѣстахъ и понынѣ существуютъ многочисленныя раскольничьи поселенія.

Гоненія лишь ожесточали раскольниковъ и еще сильнѣе укрѣпляли ихъ въ ихъ заблужденіяхъ и въ отчужденіи отъ православной церкви и отъ правительства, — не смотря на то, что первоначальный «расколъ старообрядства» разбился, съ теченіемъ времени, на многочисленныя и разнообразныя секты. Раскольники не рѣдко предпочитали мученическую смерть—и добровольно, массами, погибали въ пламени, не желая покориться своимъ противникамъ. «Которая вѣра гонима, та вѣра спасима,» — говорили имъ фанатическіе предводители раскола, посвящавшіе обыкновенно всю свою жизнь, всѣ свои средства, умственныя и матеріальныя, на пользу раскола. Въ этомъ и заключается тайна той глубокой преданности и того довѣрія, которое раскольники питали всегда къ своимъ учителямъ.

Но какъ только гоненія ослабѣвали, какъ только распоряженія и мѣры, относительно раскольниковъ, становились болѣе кроткими и гуманными, раскольники усердно принимались за внутреннее устройство и организацію своихъ общинъ, въ которыхъ начинали процвѣтать трудъ, промыслы и торговля, и которыя почти вездѣ достигали до высокаго благосостоянія. Старая враждебность ихъ къ государству вмѣстѣ съ этимъ совершенно затихала. Даже въ своихъ религіозныхъ мнѣніяхъ, относительно православной церкви, раскольники становились, въ такихъ

случаяхъ, всегда гораздо снисходительнѣе, и ихъ фанатическое отчужденіе отъ «никоніанъ» (православныхъ) всегда умѣрялось въ значительной степени. Раскольники дѣлались просто мирными и трудолюбивыми гражданами государства, исправно несли, наравнѣ съ прочими подданными, всѣ государственныя и гражданскія тягости и не разъ доказывали, что они вѣрные подданные русскаго государя и усердные, преданные сыны своего отечества. Извѣстно, что во время полтавскаго похода Петра Великаго противъ Шведовъ, при вторженіи въ Малороссію Карла XII, зарубежные раскольники на *Вѣткѣ* (въ нынѣш. могилев. губ.) и раскольники стародубовскіе (въ черниг. губ.) добровольно вооружились противъ враговъ русской земли, вели съ Шведами партизанскую войну, и захватываемыхъ плѣнныхъ представляли лично государю.

Раскольничьи общины, какъ въ Россіи, такъ и за границей, составляли совершенно отдѣльный міръ, построенный, по мнѣнію раскольниковъ, на старинныхъ народно-русскихъ началахъ областнаго и іерархическаго управленія. Общины эти назывались *согласіями*, *общежительными братствами*, *скитами* и *монастырями*. Раскольничьи общины управлялись самостоятельно, посредствомъ своихъ выборныхъ людей. Всѣ дѣла общины, и не только дѣла общиннаго управленія и хозяйства, но и дѣла религіозныя, дѣла церковнаго управленія, рѣшались у раскольниковъ на общемъ совѣтѣ, или на «соборѣ,» гдѣ каждый членъ общины имѣлъ право подавать свой голосъ.

На столь же самобытныхъ началахъ, какъ дѣятельность общественнаго и церковнаго управленія, развивалась у раскольниковъ и дѣятельность умственная, выразившаяся въ своеобразной, — совершенно въ духѣ древней Руси, — раскольничьей образованности и письменности.

Раскольники завели у себя повсемѣстно школы для обученія грамотѣ; грамотность сдѣлалась у нихъ почти всеобщею; не только между мужчинами, но и между женщинами у раскольниковъ было очень много грамотныхъ; они открыли особыя школы искусныхъ писцовъ, для списыванія старинныхъ книгъ и раскольничьихъ сочиненій; завели школы пѣвцовъ, для обученія старинному пѣнію и для снабженія пѣвцами своихъ часовень и молелень; устроили школы и мастерскія ста-

риннаго иконописанія, для писанія иконъ по стариннымъ образцамъ. Гдѣ только было возможно, какъ напр. на Вѣткѣ и въ австрійскихъ раскольничьихъ поселеніяхъ, раскольники устраивали типографіи. На Вѣткѣ существовало нѣсколько типографій, и иныя раскольничьи книги имѣли до десяти изданій. Такимъ образомъ, письменное дѣло развилось у раскольниковъ весьма широко и у нихъ образовалась обширная, многотомная раскольничья литература. Раскольничья письменность такъ умножилась, что раскольники стали заводить свои библіотеки и образовали свою, довольно обширную, книжную торговлю. Уже царь Θедоръ Алексѣевичъ, на духовномъ соборѣ въ Москвѣ, въ 1681 году, указалъ на продажу и на распространеніе въ народѣ раскольничьихъ сочиненій, какъ на одно изъ главныхъ орудій раскольничьей пропаганды.

Начало литературной дѣятельности раскольниковъ слѣдуетъ считать со времени подачи ими первыхъ челобитныхъ, которыми они заявляли протестъ противъ нововведеній Никона. Сочинителями этихъ челобитныхъ были, по большей части, прежніе справщики московской типографіи; они же сдѣлались, какъ мы знаемъ, главными расколоучителями, какъ-то: протопопъ-Аввакумъ, дьяконъ-Θедоръ, Никита, Лазарь и друг. Между этими, первыми по времени, раскольничьими писателями главнымъ считается *Аввакумъ Петровичъ*, протопопъ Юрьевца-Поволжскаго. Извѣстны 31 сочиненіе Аввакума — почти исключительно полемико-догматическаго содержанія. Болѣе интересное между ними — его собственная автобіографія, написанная имъ въ заточеніи, въ Пустозерскомъ острогѣ. Всѣ сочиненія Аввакума рѣзко рисуютъ оригинальную и даровитую личность главнаго предводителя раскола, отличавшагося вообще большимъ знаніемъ древнецерковной литературы и начитанностію св. книгъ. Писалъ Аввакумъ языкомъ народнымъ, употребляя рѣзкія выраженія и бранныя слова, и въ тоже время пересыпая свои сочиненія текстами изъ церковныхъ книгъ. Въ своей автобіографіи Аввакумъ выражается объ увѣщаніяхъ, которыя дѣлались ему духовными властями, между прочимъ такъ: «Тоже да тоже говорятъ, долго ли тебѣ насъ мучить? соединись съ нами. А я отрицаюсь, что отъ бѣсовъ, а они въ глаза пу-

ще лезутъ, и сказку (т. е. отвѣтъ, показанiе) имъ тутъ же написалъ съ большою *укоризною* и *бранью*» и проч.

Большинство сочиненiй раскольниковъ, — особенно сочиненiй раннихъ, явившихся, при первомъ развитiи раскола, —заключается по преимуществу въ обличенiи и въ опроверженiи направленныхъ противъ нихъ книгъ и мнѣнiй православныхъ писателей и въ защитѣ ихъ собственнаго ученiя. Не смотря на односторонность, на неосновательность и даже странность догматическихъ раскольничьихъ произведенiй,—слѣдуетъ однако сказать, что нѣкоторые изъ писателей-раскольниковъ отличаются замѣчательнымъ умомъ и способностями, большою искренностiю и силою убѣжденiй. Начитанность же ихъ и большое знанiе церковныхъ книгъ и уставовъ, знанiе исторiи Россiи, а въ особенности исторiи раскола — не подлежатъ сомнѣнiю. По всѣмъ предметамъ, касающимся религiи, церкви, богослуженiя и обрядовъ, раскольники владѣютъ своей, очень обширной, литературой. Въ многочисленныхъ раскольничьихъ сборникахъ заключаются всѣхъ родовъ духовныя сочиненiя, соотвѣтственныя подобнымъ же произведенiямъ православной церковной литературы, какъ-то: житiя святыхъ, слова и пастырскiя поученiя и посланiя, разнаго рода догматическiя и богословскiя сочиненiя, церковныя службы и уставы и т. д.

Позднѣе, т. е. съ конца XVII и въ XVIII стол. въ раскольничьей литературѣ появляются историческiе разсказы, записки, лѣтописи и т. п. историческiя сочиненiя, въ которыхъ излагается либо исторiя раскола вообще, либо исторiя отдѣльныхъ раскольничьихъ общинъ и болѣе замѣчательныхъ личностей и событiй въ расколѣ. Извѣстна, напримѣръ, «Исторiя стрѣлецкаго бунта,» раскольника *Саввы Романова*, исторiя раскольничьей «Выговской общины», *Ивана Филиппова* и друг. Сочиненiе С. Романова весьма интересно для историка по тѣмъ важнымъ подробностямъ, которыя заключаются въ немъ о стрѣлецкомъ бунтѣ, въ связи съ раскольничьимъ волненiемъ, произведеннымъ Никитою Пустосвятомъ и его товарищами. Оно не чуждо конечно нѣкоторыхъ произвольныхъ разсужденiй автора и, быть можетъ,—невѣрныхъ показанiй; но тѣмъ не менѣе сочиненiе Романова представляетъ весьма любопытный памятникъ, при изученiи описываемаго имъ событiя.

Изъ писателей раскольниковъ XVIII ст. особенно замѣчательны

братья *Денисовы*, Андрей и Семенъ, устроители *Поморскихъ* раскольничьихъ общинъ на Выгѣ (олонец. губ.) и въ другихъ мѣстахъ. Андрей Денисовъ едва ли не лучшій изъ всѣхъ раскольничьихъ писателей. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ и довѣріемъ почти между всѣми раскольничьими сектами, и сочиненія Денисова имѣли на нихъ большое вліяніе. По словамъ раскольниковъ, Андрей Денисовъ «хитръ и сладостенъ словомъ, домъ былъ премудроси, жилище философіи, подобно Златоусту.» Отъ Андрея Денисова осталось больше ста сочиненій, между которыми болѣе извѣстны его знаменитые «Поморскіе отвѣты» на предложенные раскольникамъ 106 вопросовъ о вѣрѣ. «Поморскіе отвѣты» составляютъ по настоящее время главный кодексъ ученія раскольниковъ.

Изъ обстоятельствъ жизни и дѣятельности Андрея Денисова видно, что это былъ человѣкъ рѣдкаго ума и примѣрной честности, и притомъ обладалъ большими способностями администратора—церковнаго и гражданскаго; о чемъ мы можемъ судить по письменнымъ наставленіямъ, которыя составилъ Денисовъ и далъ въ руководство поморскимъ раскольникамъ, касательно внутренняго устройства ихъ общинъ.

Большая часть раскольничьихъ сочиненій написана простымъ, доступнымъ для понятій массы, народнымъ великорусскимъ языкомъ. У нѣкоторыхъ писателей раскольниковъ, какъ напр. у Андрея Денисова, народный языкъ является въ замѣчательной литературной выработкѣ и чистотѣ,—хотя и его слогъ не лишенъ изысканной витіеватости, что составляетъ вообще слабую сторону почти всей извѣстной раскольничьей литературы.

Большинство раскольничьихъ сочиненій хранится въ рукописяхъ; изданы въ свѣтъ, и то лишь недавно, очень немногія изъ нихъ.

---

2. Симеонъ Полоцкій (1628—1682) іеромонахъ, родился въ Полоцкѣ, гдѣ и поступилъ въ монахи; образованіе получилъ въ польскихъ школахъ и въ кіевской академіи. Послѣ присоединенія Смоленска, Полоцкій, вмѣстѣ съ другими западно-русскими монахами, прибылъ въ Москву изъ Кіева (между 1660—1670 гг.) И такъ-какъ царь Алексѣй Михайловичъ зналъ этого ученаго монаха еще въ Полоцкѣ, то

и назначилъ его, въ 1672 году, наставникомъ своего сына, царевича Θедора.

Полоцкій былъ главнымъ представителемъ югозападной учености въ Москвѣ и имѣлъ вліяніе, какъ мы видѣли, на учрежденіе московской академіи по образцу кіевской. Ученость Полоцкаго и его обширная литературная дѣятельность доставили ему большую извѣстность въ Москвѣ и въ тоже время возбудили къ нему непріязнь въ приверженцахъ старины и, главнымъ образомъ, въ патріархѣ Іоакимѣ, который осудилъ нѣкоторыя сочиненія Полоцкаго, какъ еретическія, и вообще былъ не расположенъ къ появлявшимся въ Москвѣ ученымъ выходцамъ изъ Бѣлоруссіи и Малороссіи, подозрѣвая въ нихъ іезуитскихъ воспитанниковъ, зараженныхъ западными ересями. Однако, Полоцкій, пользуясь положеніемъ своимъ при дворѣ и довѣріемъ царя Θедора Алексѣевича, какъ его наставникъ, устроилъ особую типографію въ царскомъ дворцѣ (подъ названіемъ *верхней*, т. е. дворцовой типографіи) и печаталъ въ ней свои сочиненія. Такимъ образомъ, Полоцкій — первый утвердилъ въ Москвѣ плоды югозападной русской образованности, посредствомъ распространенія своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ сочиненій, — совершенно сходныхъ и по формѣ и по содержанію съ произведеніями кіевскихъ духовныхъ писателей, какъ напримѣръ, Лазаря Барановича и друг.

Симеонъ Полоцкій писалъ проповѣди, полемическія и богословскія сочиненія и духовныя драмы и написалъ безчисленное множество силлабическихъ виршъ, на разные случаи.

Обычай живой, устной проповѣди въ церкви былъ возобновленъ въ Москвѣ (*) кіевскими иноками ученаго братства, основаннаго Ртищевымъ. Во главѣ этого братства стоялъ ученый монахъ, Епифаній Славинецкій, который получилъ отъ патріарха Никона дозволеніе говорить въ московскихъ церквахъ поученія народу своего собственнаго сочиненія. Хотя противъ такого обычая, давно прекратившагося

(*) Проповѣдываніе въ церкви прекратилось въ сѣверовосточной Руси еще въ XV стол. изъ опасенія, чтобы священники не могли сообщить народу въ поученіяхъ своего сочиненія какихъ либо неправильныхъ толкованій вѣры; а вмѣсто проповѣдей священники обязаны были читать въ церквахъ извѣстныя, указанныя имъ, поученія св. отцевъ, какъ напр. Ефрема Сирянина и друг.

и давно не слыханнаго въ Москвѣ, сильно возставали ревнители старины; но С. Полоцкій, опираясь на царское довѣріе къ себѣ, успѣлъ утвердить его снова и окончательно въ Великороссіи, начавъ произносить въ московскихъ церквахъ свои проповѣди въ воскресные и праздничные дни. Противъ проповѣдей Полоцкаго (собраніе которыхъ онъ издалъ потомъ въ особыхъ книгахъ) собственно и возсталъ патріархъ Іоакимъ, осудивъ ихъ на соборѣ.

Два сборника проповѣдей своихъ Полоцкій напечаталъ подъ слѣдующими метафорическими заглавіями: «Обѣдъ душевный» и «Вечеря душевная,» — разумѣя подъ этими названіями, что поученія его, служащія толкованіемъ на слово Божіе, должны составлять какъ-бы *духовную* пищу для вѣрующихъ. Такія реторическія названія, или заглавія книгъ вполнѣ согласовались съ духомъ схоластической учености. Въ томъ же схоластическомъ тонѣ и такимъ же реторическимъ языкомъ Полоцкій учитъ читателя (въ предисловіи къ своему сборнику) какъ онъ долженъ пользоваться его «обѣдомъ душевнымъ:» «яждь,— говоритъ онъ,—обѣдъ, взимая *руками* ума твоего, прежуй *зубами* разсужденія и поглощай въ *стомахѣ* (желудокъ) памяти твоея.» Это намъ показываетъ, что проповѣди Полоцкаго написаны по всѣмъ правиламъ схоластической науки и по образцамъ проповѣдей нашихъ югозападныхъ проповѣдниковъ. Въ нихъ замѣтны тѣ же школьные пріемы и та же самая проповѣдническая манера—прибѣгать къ искуственнымъ построеніямъ, къ метафорамъ и т. п. реторическимъ украшеніямъ. Хотя самъ авторъ и говоритъ въ томъ же предисловіи къ своему «обѣду душевному,» что въ немъ нѣтъ «иностранныхъ приправъ,» т. е. «витійскихъ хитростей;» но и у него причины и доказательства придумываются искуственно и приводятся счетомъ, части слова располагаются по извѣстной системѣ, одна и та же мысль повторяется нѣсколько разъ и т. п. Такъ что проповѣди Полоцкаго имѣютъ характеръ сухихъ схоластическихъ разсужденій на извѣстную тему, — совершенно искуственно придуманныхъ и расположенныхъ. Поэтому трудно допустить, чтобы поученія подобнаго рода могли имѣть большое вліяніе на великорусскихъ слушателей, незнакомыхъ съ схоластическими тонкостями, тѣмъ болѣе еще, что въ поученіяхъ Полоц-

каго не видно вообще ни большаго ораторскаго искуства, ни истиннаго краснорѣчія.

Но съ другой стороны, проповѣди Полоцкаго имѣютъ то историческое достоинство, что проповѣдникъ говоритъ въ нихъ о предметахъ, которые прямо касались современнаго русскаго общества, какъ то: о необходимости ученія, о пользѣ науки и просвѣщенія, о господствовавшихъ въ его время, въ средѣ русскаго народа, суевѣріяхъ и предразсудкахъ и наконецъ о расколѣ.

Проповѣдникъ, напримѣръ, умоляетъ царя, чтобы онъ старался объ устройствѣ и объ умноженіи училищъ — «греческихъ, славянскихъ и иныхъ,» о привлеченіи и о взысканіи своими милостями ученыхъ *(спудеовъ)* и учителей, говоритъ о томъ, что учиться должны не только *духовные* но и *міряне*, что чтеніе божественнаго писанія полезно не только *мужчинамъ*, но и *женщинамъ*. Здѣсь проповѣдникъ является передовымъ человѣкомъ, образованнымъ представителемъ нуждъ и потребностей своего времени. Особенно любопытны тѣ поученія Полоцкаго, въ которыхъ онъ обличаетъ народныя суевѣрія и предразсудки. И замѣчательнѣе всего, что проповѣдникъ XVII вѣка нападаетъ на такія суевѣрія и предразсудки, противъ которыхъ ратовали еще духовныя учители наши XIII и XIV столѣтій, какъ напримѣръ, противъ различныхъ гаданій и волхвованій, противъ «богомерзкихъ обычаевъ: скаканій, плясаній и играній,» и т. п. Странно только то, что проповѣдникъ къ такимъ же «богомерзкимъ обычаямъ» причисляетъ и невинную народную забаву — качели, называя ихъ «нѣкіими висѣльницами, простѣе именуемыя рѣлями.»

Относительно языка проповѣдей С. Полоцкаго слѣдуетъ замѣтить, что хотя и его рѣчь не свободна отъ полонизмовъ, отъ не русскихъ словъ и оборотовъ; но она болѣе приближается къ языку церковно-славянскому, нежели у другихъ писателей, получившихъ образованіе въ западно-русскихъ школахъ.

Изъ полемическихъ сочиненій Полоцкаго болѣе извѣстенъ его «Жезлъ Правленія,» книга, написанная противъ раскольниковъ, собственно—въ опроверженіе поданныхъ Алексѣю Михайловичу челобитныхъ Никиты и Лазаря. Она была одобрена къ напечатанію на соборѣ 1667 года. Писатели - раскольники сильно ратовали противъ

«Жезла» Полоцкаго (названнаго такъ отъ заглавной виньетки, изображающей архіерейскій жезлъ), называя его книгою «сатанинною,» которая «бурю нечестія и претыканія и соблазны на царство и на непостижимую церковь Христову наведе,» — какъ писалъ одинъ изъ раскольниковъ, Авраамій, ученикъ Аввакума. Къ разряду полемическихъ сочиненій Полоцкаго слѣдуетъ отнести и его проповѣди противъ раскольниковъ.

Къ догматическимъ сочиненіямъ С. Полоцкаго принадлежитъ его книга «Вѣнецъ вѣры,» въ которой заключается систематическое изложеніе ученія греко-восточной церкви, заимствованное авторомъ изъ разныхъ сочиненій.

Духовныя драммы С. Полоцкаго и представленіе ихъ при дворѣ были новостію, только что введенною въ Москвѣ, гдѣ театральныя зрѣлища, особенно любимыя царевною Софьею, началъ устраивать бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. При его заботливости, представлена была въ Москвѣ, въ присутствіи царя и бояръ, первый разъ въ 1672 году, комедія «Юдифь и Олофернъ.» Въ современномъ извѣстіи объ этомъ первомъ сценическомъ представленіи въ Москвѣ замѣчено, что царь «указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинить комедію, и на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Есфирь.» Потомъ, подобныя сценическія зрѣлища изъ библейской и евангельской исторіи повторялись неоднократно въ Москвѣ.

Комедія-притча С. Полоцкаго: «О блудномъ сынѣ» и трагедія «О царѣ Навуходоносорѣ, тельцѣ златомъ и о трехъ отрокахъ въ пещи» представлены были въ царскихъ палатахъ, въ комнатахъ царевны Софьи, при ея дѣятельномъ участіи. Содержаніе этихъ духовныхъ драммъ Полоцкаго явствуетъ изъ самаго ихъ названія. Онѣ написаны силлабическими виршами, и хотя заключаютъ въ себѣ нѣкоторые намеки на понятія и нравы времени, но вообще отличаются рабскимъ подражаніемъ польскимъ образцамъ въ этомъ родѣ, заимствованнымъ, въ свою очередь, изъ средневѣковой европейской литературы, изъ т. н. духовныхъ *мистерій.* — Драматическія сочиненія Полоцкаго, равно какъ другихъ писателей югозападнаго схоластическаго направленія, дѣйствовавшихъ въ литературѣ сѣверовосточной Россіи, — чуждыя великорусскому быту и народнымъ обыча-

ямъ,—не привились въ Москвѣ и не сдѣлались достояніемъ народа. И потому, имъ нельзя приписывать никакого образовательнаго дѣйствія или вліянія на развитіе понятій и эстетическаго вкуса въ народѣ,—котораго, впрочемъ, онѣ не могли имѣть и по самой сущности своей и по тяжелой, не изящной формѣ. Сценическія представленія этого рода держались нѣкоторое время только при дворѣ; а потомъ происходили исключительно въ однихъ лишь духовныхъ училищахъ и архіерейскихъ подворьяхъ. Самый языкъ ихъ, усѣянный множествомъ полонизмовъ, и ихъ тяжелыя силлабическія вирши, ни мало не свойственныя великорусскому народному языку, мѣшали имъ сдѣлаться любимыми въ современной русской публикѣ. Потому всѣ духовныя сценическія представленія и остались достояніемъ одной лишь схоластической литературы.

Тоже самое мы должны замѣтить и о множествѣ силлабическихъ стихотвореній, о цѣломъ потопѣ виршъ, написанныхъ Симеономъ Полоцкимъ —«о всякихъ разныхъ дѣлахъ,» т. е. по поводу разныхъ случаевъ и по большей части,—случаевъ,—совершенно чуждыхъ поэзіи, какъ напримѣръ: размышленія въ стихотворной формѣ на различныя религіозно-нравственныя темы и т. п. Мы замѣтили, что онъ переложилъ въ стихи даже весь мѣсяцесловъ. Силлабическія стихотворенія свои С. Полоцкій собралъ и напечаталъ въ двухъ сборникахъ: въ «Вертоградѣ многоцвѣтномъ» и «Риѳмологіонѣ.» Въ послѣднемъ сборникѣ, между прочимъ, помѣщено большое силлабическое стихотвореніе, въ нѣсколько сотъ виршъ, заключающее въ себѣ похвальное слово царю Алексѣю Михайловичу, подъ заглавіемъ: «Орелъ россійскій, въ солнцѣ представленный.» Кромѣ того Полоцкій переложилъ въ риѳмованные силлабическіе стихи псалтирь Давида и нѣкоторыя церковныя пѣсни и молитвы, напечатавъ при нихъ и ноты для пѣнія. Примѣромъ для этихъ переложеній Полоцкому служили польскіе образцы въ этомъ родѣ. Но и его переложеніе псалмовъ и духовныхъ пѣсень, сильно напоминающее малорусскія и бѣлорусскія *псальмы* и *канты* (тоже польскаго происхожденія, — какъ мы замѣтили выше) не вошло въ народное употребленіе въ Великороссіи.

---

3. *Епифаній Славинецкій* († 1676) іеромонахъ, получившій образованіе въ кіевской академіи и въ заграничныхъ училищахъ, глава братства ученыхъ малорусскихъ монаховъ, основаннаго бояриномъ Ртищевымъ. Мы знаемъ, что патріархъ Никонъ сдѣлалъ Славинецкаго главнымъ справщикомъ книгъ московской типографіи; а потомъ онъ былъ назначенъ начальникомъ «патріаршаго» училища, въ Чудовѣ монастырѣ.

Епифаній Славинецкій обладалъ основательнымъ знаніемъ древне-греческаго языка и, по выраженію современниковъ, былъ мужъ «искуснѣйшій, многоученый и мудрый.» Вся дѣятельность Славинецкаго протекла въ строго-ученыхъ трудахъ: въ порученномъ ему исправленіи книгъ, въ повѣркѣ ихъ съ греческими текстами и въ переводахъ съ греческаго и съ другихъ языковъ. Повѣряя съ греческимъ текстомъ славянскую библію (первый разъ изданную въ Москвѣ, въ 1663 году, по тексту библіи *Острожской*) Славинецкій призналъ полезнымъ перевести вновь всю библію на славянскій языкъ, и принялся за этотъ громадный трудъ, вмѣстѣ съ другими монахами, работавшими подъ его надзоромъ; но смерть не дала Славинецкому довести трудъ свой до конца: онъ успѣлъ подготовить къ печати только переводы новаго завѣта и пятикнижія Моисея.

Кромѣ перевода св. писанія, Славинецкій, вмѣстѣ съ своими помощниками, перевелъ произведенія многихъ отцевъ церкви и нѣкоторыя другія—не духовныя сочиненія, какъ напр. «О гражданскихъ законахъ» изъ греч. историка Ѳукидида, «О убіеніи короля англійскаго» (Карла I) часть всеобщей «Космографіи» (географіи) и проч. Кромѣ того Славинецкій составилъ два лексикона: «Полный греко-славяно-латинскій лексиконъ» и «Филологическій лексиконъ,» который заключаетъ въ себѣ сводъ разныхъ мѣстъ изъ сочиненій отцевъ церкви, объясняющихъ смыслъ словъ св. писанія. (*)

Изъ сдѣланнаго нами краткаго перечисленія трудовъ Епифанія Славинецкаго уже видно, что его скромная, труженическая дѣятельность

(*) Въ XVII же столѣтіи напечатанъ въ Кіевѣ еще одинъ славянскій лексиконъ, который былъ составленъ ученымъ іеромонахомъ (родомъ изъ Молдавіи) *Памвою Берындою*, и изданъ подъ заглавіемъ: «Лексиконъ славяно-россійскій именъ толкованіе.»

не могла не принести существенной пользы древнерусской учености. И она дѣйствительно не осталась безслѣдною въ нашей старинной — церковной, ученой и учебной литературѣ. Услуги, оказанныя Славинецкимъ русскому духовному просвѣщенію, особенно важны въ дѣлѣ исправленія и перевода книгъ св. писанія.

---

4. *Сильвестръ Медвѣдевъ*, строитель и настоятель заиконоспасскаго монастыря, въ которомъ находилась московская духовная академія, въ 1685 году по его плану преобразованная и названная «Славяно-греко-латинскою академіею.»

Сильвестръ Медвѣдевъ былъ ученикъ Симеона Полоцкаго, пользовался его покровительствомъ и слѣдовалъ направленію своего учителя и вообще югозападнымъ русскимъ ученнымъ въ своей литературной и ученой дѣятельности и въ нѣкоторыхъ религіозныхъ мнѣніяхъ и вопросахъ. За что, подобно С. Полоцкому, навлекъ на себя гнѣвъ патріарха Іоакима и долженъ былъ торжественно, на соборѣ, отречься отъ своихъ мнѣній и принести покаяніе.

Сильвестръ Медвѣдевъ былъ человѣкъ даровитый, умный и значительно образованный для своего времени. Онъ зналъ языки латинскій и польскій и былъ хорошо знакомъ со всѣми произведеніями отечественной письменности и литературы. Онъ былъ однимъ изъ сторонниковъ и изъ болѣе вліятельныхъ лицъ въ партіи царевны Софьи, которая покровительствовала ему и хотѣла, какъ говорятъ нѣкоторыя извѣстія, возвести его на патріаршій престолъ. Обвиненный въ соучастіи и въ замыслахъ царевны Софьи и ея сообщниковъ, Медвѣдевъ былъ казненъ въ 1691 г.

Сильвестръ Медвѣдевъ извѣстенъ въ русской литературѣ по своимъ силлабическимъ стихотвореніямъ и по историческимъ запискамъ «О стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 года.» Изъ стихотвореній Медвѣдева мы назовемъ его большое элегическое произведеніе: «Плачъ и утѣшеніе о кончинѣ царя Ѳедора Алексѣевича,» раздѣленное на 22 вирши, или пѣсни, по числу лѣтъ жизни умершаго государя. Медвѣдевъ явно подражаетъ здѣсь своему учителю, С. Полоцкому, который также сочинилъ драматическую элегію, или *двѣнадцать плачей* на смерть

царя Алексѣя Михайловича. Медвѣдевъ сначала изображаетъ въ своей элегіи плачъ русскаго войска, или плачъ «Сугубоглаваго царскаго орла, преславнаго клейно́да россійскаго.» Затѣмъ онъ представляетъ плачъ царицы, родственниковъ царскихъ и т. д. и наконецъ аллегорически изображаетъ плачъ Великой, Малой и Бѣлой Россіи.

Вирши С. Медвѣдева могутъ служить смѣло образцомъ схоластической поэзіи, принесенной въ Москву югозападными выходцами и скоро усвоенной московскими писателями. Поэтическое творчество, истинное чувство, изящество формы, — необходимыя свойства всякаго поэтическаго произведенія, — замѣнялись въ этихъ стихотвореніяхъ однѣми лишь надутыми, реторическими фразами (въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ стиховъ Медвѣдева, которыми скончавшійся царь Θедоръ Алексѣевичъ утѣшаетъ плачущую Россію:

«Тѣмъ же преставши плача, Россіе, твоего,
Отъ прешествія въ небо радуйся моего»)

варварскимъ языкомъ и нелѣпыми виршами. Всѣ подобныя стихотворенія являлись на свѣтъ вслѣдствіе требованій современной школьной образованности. Въ школьномъ преподаваніи, — на «поэзію», т. е. на искуственное сочиненіе стиховъ, которые считались высокимъ родомъ сочиненій,—обращалось особенное вниманіе. И потому дань этому школьному обычаю — писать стихи на разные предметы, платилъ почти каждый ученый, каждый писатель того времени. Они слагали свои вирши, ни мало не заботясь о томъ, обладаютъ они или нѣтъ даромъ поэтическаго творчества? Облекали въ стихотворную форму самые разнообразные предметы, — чаще всего предметы, совершенно чуждые поэзіи, — и къ тому еще насиловали русскій и церковнославянскій языкъ имъ не свойственнымъ, силлабическимъ размѣромъ стиховъ. Оттого всѣ произведенія нашихъ виршеслагателей XVII и частію XVIII стол. являются такими тяжелыми и грубыми, лишенными всякаго вкуса и поэзіи, до крайности утомительными и скучными.

Точно такими качествами отличаются и многочисленныя вирши С. Медвѣдева. А между тѣмъ, въ своихъ нестихотворныхъ сочиненіяхъ, особенно въ «Запискахъ о стрѣлецкомъ бунтѣ,» онъ является человѣкомъ не дюжиннымъ, человѣкомъ, съ замѣчательнымъ умомъ и дарованіями. Это видно даже и изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его напыщенныхъ

стихотвореній, — тамъ, напримѣръ, гдѣ онъ просто излагаетъ мысли умнаго и образованнаго человѣка. Таково въ особенности его посланіе въ виршахъ («Врученіе») къ царевнѣ Софьѣ объ открытіи московской академіи. Въ немъ Медвѣдевъ превозноситъ царевну за любовь къ наукамъ и просвѣщенію, за то, что она прогоняла «темность невѣжества изъ Москвы.»

У насъ существуетъ, кромѣ записокъ о стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 года Медвѣдева, еще другое описаніе перваго стрѣлецкаго мятежа, написанное позднѣе, графомъ Матвѣевымъ, сыномъ извѣстнаго боярина А. С. Матвѣева, убитаго стрѣльцами. (*) Оба эти писатели, въ своихъ взглядахъ на причины, на дѣйствующихъ лицъ и на нѣкоторые эпизоды описываемаго ими событія — рѣзко противорѣчатъ другъ друга. Причина такого противорѣчія понятна: Медвѣдевъ былъ ревностнымъ сторонникомъ царевны Софьи, а графъ Матвѣевъ принадлежалъ къ числу людей *новыхъ*, созданныхъ Петромъ В. и всецѣло преданныхъ дѣлу его преобразованій. Притомъ же, какъ мы знаемъ, — отецъ Матвѣева сдѣлался одной изъ жертвъ мятежныхъ стрѣльцовъ. Отсюда и происходитъ несогласіе во взглядахъ на лица и событія у обоихъ писателей. Не смотря, однако, на явное сочувствіе и, быть можетъ,—пристрастіе,—выражающіеся въ разсказѣ Медвѣдева къ царевнѣ Софьѣ и ея приверженцамъ, «Записки» послѣдняго, въ историческомъ отношеніи, имѣютъ тѣмъ не менѣе то существенное преимущество передъ записками Матвѣева, что онъ разсказываетъ весьма подробно и отчетливо о началѣ и обо всѣхъ главныхъ эпизодахъ мятежа. Тогда какъ Матвѣевъ говоритъ объ этомъ очень кратко и неясно, а обо многихъ обстоятельствахъ дѣла не упоминаетъ вовсе. Медвѣдевъ пе-

(*) О третьемъ, раскольничьемъ описаніи стрѣлецкаго бунта, Саввы Романова, мы говорили выше. Для характеристики эпохи, весьма любопытно сопоставить эти три описанія одного и того же событія конца XVII стол. Медвѣдевъ и Матвѣевъ, какъ люди образованные, не могли не осудить безумнаго и страшнаго буйства стрѣльцовъ,—какъ оно того заслуживало; а Савва Романовъ,—который и назвалъ собственно свое сочиненіе: «Исторія о вѣрѣ и челобитни о стрѣльцахъ,» — хочетъ преступному возмущенію стрѣльцовъ придать характеръ религіознаго волненія, возникшаго будто вслѣдствіе нарушенія «старой» вѣры. Потому, онъ обращаетъ преимущественное вниманіе на религіозную сторону вопроса, и въ этомъ отношеніи, какъ свидѣтель и ближайшій участникъ описываемаго событія, передаетъ много весьма интересныхъ частностей.

ресказываетъ, напримѣръ, подробно о жалобахъ стрѣльцовъ, о содержаніи поданныхъ ими челобитныхъ царямъ на своихъ полковниковъ, которые держали ихъ, по ихъ словамъ, «въ несправедливомъ порабощеніи и въ немилостивомъ мучительствѣ.» Говоря, что начальство стрѣльцовъ думало удерживать ихъ однимъ лишь страхомъ наказаній, Медвѣдевъ называетъ такой образъ дѣйствій «не разумнымъ и бѣдственнымъ,» замѣчая при этомъ: «яко неправеднымъ паче хощутъ народъ удержати страхомъ, нежели праведною любовію.» Матвѣевъ же о началѣ мятежа упоминаетъ вскользь, называя жалобы стрѣльцовъ ложными и приписывая причину возмущенія стрѣльцовъ однѣмъ лишь интригамъ царевны Софьи и боярина Ивана Мих. Милославскаго. Въ отчетливой передачѣ всѣхъ подробностей событія заключается неоспоримая историческая важность записокъ Медвѣдева. По его отношеніямъ къ царевнѣ Софьѣ, ему были хорошо извѣстны всѣ подробности дѣла, и притомъ онъ могъ пользоваться, при составленіи своего разсказа, такими источниками, которые не могли быть въ распоряженіи другихъ.

Медвѣдевъ писалъ о событіи, ему современномъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ всѣхъ ужасовъ совершавшагося передъ его глазами мятежа, — и это обстоятельство, равно какъ выраженіе его личныхъ взглядовъ и сочувствій придаютъ его запискамъ большой литературный интересъ. Самый способъ изложенія отличается у Медвѣдева простотою и безъискуственностію разсказа, — чѣмъ также его записки берутъ верхъ надъ искуственнымъ, реторическимъ разсказомъ графа Матвѣева, который старается выказать вездѣ взглядъ человѣка, европейски-образованнаго.

Медвѣдевъ, кромѣ названныхъ сочиненій, писалъ еще богословскіе трактаты и составилъ довольно подробное библіографическое описаніе извѣстныхъ въ его время русскихъ и славянскихъ книгъ и рукописей, подъ заглавіемъ «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ», — трудъ весьма полезный не только для современниковъ, но и для нашего времени, какъ пособіе для людей, занимающихся изученіемъ русской старины.

---

5. *Св. Димитрій Ростовскій* (1651—1709) обширная духовно-литературная дѣятельность котораго въ Великороссіи принадлежитъ къ первымъ годамъ царствованія Петра В.; но по своему началу въ Малороссіи, въ особенности же по своему характеру,—проповѣдническая и литературная дѣятельность св. Димитрія Ростовскаго принадлежитъ вполнѣ XVII стол.

Св. Димитрій Ростовскій получилъ образованіе въ кіевской академіи. (*) До перехода въ Великороссію и до возведенія въ санъ митрополита ростовскаго и ярославскаго, въ 1702 году, онъ прославился, какъ мужъ святой жизни и какъ знаменитый проповѣдникъ,—въ Кіевѣ, Черниговѣ и въ другихъ городахъ Малороссіи. Во время управленія своего ростовской епархіей, онъ основалъ въ Ростовѣ семинарію, самъ преподавалъ въ ней и дѣятельно о ней заботился.

Духовно-литературные труды св. Димитрія Ростовскаго очень многочисленны и разнобразны. Болѣе извѣстны изъ нихъ:

Четьи Минеи (житія святыхъ) называемыя «малыми,» въ отличіе отъ «великихъ,» составленныхъ митр. Макаріемъ. На составленіе этого обширнаго труда, т. е. на разработку источниковъ, заключавшихся въ разныхъ византійскихъ и западныхъ сборникахъ житій святыхъ, въ сборникахъ отечественныхъ (трудахъ митроп. Макарія и другихъ) на переводы съ иностраннаго и на литературную отдѣлку своего труда — св. Димитрій Ростовскій употребилъ около двадцати лѣтъ своей жизни. Церковно-славянскій языкъ, которымъ написаны Четьи Минеи св. Димитрія, признается образцовымъ.

Другое произведеніе св. Димитрія Ростовскаго, пользующееся большою извѣстностію, — *Розыскъ о раскольнической Брынской вѣрѣ*. Это сочиненіе полемико-историческое, занимающееся изслѣдованіемъ и опроверженіемъ ученія раскольниковъ, утвердившихся въ *Брынскихъ* (т. е. Керженскихъ) (**) лѣсахъ и распространявшихъ расколъ въ предѣлахъ епархіи св. Димитрія.

(*) Онъ родился близъ Кіева и поступилъ въ монахи 18 лѣтъ отъ роду; его отецъ, по имени Савва Туптало, былъ сотникомъ малороссійскаго казачьяго войска.

(**) По р. Керженцу (впадаетъ въ Волгу), въ дремучихъ лѣсахъ нижегородской и смежныхъ губерній, находилось множество раскольничьихъ скитовъ, монастырей

Авторъ «Розыска,» обличая религіозныя заблужденія раскольниковъ и доказывая, что ученіе ихъ и дѣла ихъ противорѣчатъ ученію евангельскому, представляетъ въ тоже время историческія свѣдѣнія о расколѣ и о различныхъ образовавшихся въ немъ сектахъ, — съ опроверженіемъ ученія каждой изъ нихъ. Но историческими извѣстіями «Розыска,» относительно раскольничьихъ сектъ, должно пользоваться осторожно; потому что «Розыскъ,» въ историческомъ отношеніи, есть не болѣе какъ сборъ свѣдѣній, доставленныхъ разными лицами автору, который приложилъ къ нимъ свои разсужденія; но, по случаю кончины, не успѣлъ привести все сочиненіе въ надлежащій порядокъ и подвергнуть критикѣ. (*) Самъ св. Димитрій въ одномъ мѣстѣ своей книги говоритъ: «Дѣла раскольническая *не отъ себя* предложимъ; азъ бо, смиренный, ни въ сихъ мѣстахъ рожденъ и воспитанъ, нижѐ слышахъ когда о расколахъ, въ сторонѣ сей обрѣтающихся, ни о лѣсахъ Брынскихъ, ни о скитахъ, ни о разнствіи вѣръ ихъ, ни о дѣлахъ ихъ.»

На проповѣдяхъ и поученіяхъ св. Димитрія Ростовскаго отразилось вліяніе кіевской школьной науки, впрочемъ, — гораздо менѣе въ тѣхъ проповѣдяхъ, которыя были написаны имъ во время пребыванія въ Великороссіи. По нѣкоторымъ изъ проповѣдей своихъ этого періода, св. Димитрій Ростовскій примыкаетъ къ разряду проповѣдниковъ Петрова времени,—рѣзко отличавшихся не только отъ нашихъ древнихъ учителей церкви, но и отъ проповѣдниковъ XVII вѣка, нѣкоторыми характеристическими, исключительно имъ свойственными, чертами проповѣднаго слова. Проповѣдники эпохи Петра В. давали, напримѣръ, значительное мѣсто съ своихъ проповѣдяхъ разнаго рода указаніямъ и намекамъ на современныя явленія общественной и политической жизни, подъ видомъ аллегоріи или шутки высказывали рѣзкія истины, допускали даже сатирическія выходки и т. п. (см. ниже). Тоже самое мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ проповѣдяхъ св. Димитрія Ростовскаго. Такъ, въ одной проповѣди (на обрѣзаніе) подъ видомъ аллегоріи и

и поселеній, отчасти существующихъ и теперь. Во время св. Димитрія Р. почти все сельское населеніе этой мѣстности состояло въ расколѣ.

(**) Энциклопед. словарь, сост. русск. учен. и литерат. т. I, стр. 271—272, подъ слов. «Авраамовщина.»

шутки онъ обличаетъ лихоимство сенаторовъ и буйство военныхъ. Судъ и рѣшенія сенаторовъ, — говоритъ св. Димитрій, — должны быть чисты какъ серебро, и серебро, — седьмерицею очищенное.... Но едва я сказалъ эти слова, — продолжаетъ проповѣдникъ, — какъ вдругъ представился мнѣ ликъ пророка, плачущаго о томъ, что измѣнилось доброе серебро. Отчего же измѣнилось оно? Не отъ примѣси ли мѣди? Нѣтъ не мѣди, а золота и серебра, которое судящіеся даютъ судьямъ, и рѣшенія послѣднихъ портятся отъ этой примѣси: судьи, погубивъ свою прежнюю чистоту, творятъ судъ неправый.» Чтобы сдѣлать намекъ свой на современныхъ сенаторовъ и судей еще болѣе понятнымъ, ораторъ вслѣдъ за тѣмъ прибавилъ: «Не думаю, чтобы такое серебро (т. е. взятки) водилось въ нашемъ сенатѣ и магистратѣ.»

Поведеніе военныхъ св. Димитрій рисуетъ такими чертами: Мойсей, говоритъ онъ, въ минуту негодованія на свой народъ, разбилъ принятыя имъ отъ Бога скрижали десяти заповѣдей; скрижали разбились на двѣ половины и такимъ образомъ, что на одной половинѣ остались одни лишь отрицанія — *не,* а на другой слова: *убій, укради, прелюбодѣйствуй* и т. д. Вотъ этой послѣдней скрижали, говоритъ ораторъ, и придерживаются теперь военные: они убиваютъ, крадутъ, прелюбодѣйствуютъ и всячески обижаютъ ближнихъ.

Самый языкъ проповѣдей св. Димитрія, написанныхъ въ Великороссіи, является чистымъ церковно-славянскимъ языкомъ, свободнымъ отъ малоруссизмовъ и полонизмовъ. Такимъ же языкомъ написаны и всѣ лучшія молитвы, духовныя пѣсни и молитвенныя стихи св. Димитрія, проникнутые высокимъ и теплымъ религіознымъ чувствомъ.

По примѣру прочихъ русскихъ духовныхъ писателей, получившихъ образованіе въ кіевскихъ школахъ, св. Димитрій Ростовскій сочинялъ также духовныя драммы, или *мистеріи.* Извѣстно названіе шести его драмматическихъ духовныхъ пьесъ. По свидѣтельству Штелина, пьесы св. Димитрія были играны въ Ростовѣ, въ митрополичьемъ домѣ, учениками ростовской семинаріи. Г. Пекарскій, разбирая одну изъ этихъ пьесъ (*), — которой содержаніе составляетъ исторія рождества Спасителя, — находитъ, что въ ней, судя по обстановкѣ, вводнымъ сце-

(*) «Рождество Христово.» См. стат. «Мистеріи и старинный театръ въ Россіи.»

намъ и вообще по изложенію и языку, болѣе чѣмъ въ предшествовавшихъ сочиненіяхъ въ этомъ родѣ отразилась современная автору жизнь и что выведенные въ пьесѣ виѳлеемскіе пастухи «сильно напоминаютъ соотечественниковъ св. Димитрія Ростовскаго, жителей Украйны.» Съ такимъ мнѣніемъ нельзя согласиться ни мало. Въ одномъ стараніи автора поддѣлаться подъ простонародную рѣчь и въ томъ, что «виѳлеемскіе пастухи» его заходятъ въ «кружало,» забираютъ съ собою «калачи и вино» и хотятъ «украситься въ *чулки*, лапти новые,» нельзя еще видѣть черты изъ дѣйствительной или народной жизни. (*) Пьеса святителя ростовскаго, какъ и всѣ подобныя произведенія, полна отвлеченностей; въ числѣ дѣйствующихъ лицъ выведены въ ней аллегорическія лица: Натура людская, Надежда, Золотой вѣкъ, Кротость, Незлобіе, Радость, Зависть и проч. Такого рода пьесы, не отвѣчая ни нравамъ, ни быту русскаго народа, не могли заключать въ себѣ никакихъ элементовъ народной или дѣйствительной жизни.

---

6. ***Григорій Кошихинъ, или Котошихинъ,*** подъячій «посольскаго приказа» въ царствованіе Алексѣя Михайловича, оставилъ послѣ себя весьма замѣчательное сочиненіе о древней Россіи, сочиненіе,—равнаго которому, по полнотѣ и по его внутреннимъ достоинствамъ, не представляетъ наша старинная литература.

Кошихинъ, служа въ посольскомъ приказѣ, занимался письмоводствомъ по дипломатическимъ дѣламъ и былъ посылаемъ гонцомъ

(*) Самая поддѣлка подъ простонародную рѣчь въ пьесѣ «Рождество Христово» крайне плоха; напр.

Аврамъ.

Что, братъ, гдѣ-же гетакъ (этакъ?) поютъ хорошенько?
Еще я такъ не слыхавъ, ты слышишь, Аѳонько? и проч.

Замѣтимъ еще, что здѣсь скорѣе видно желаніе поддѣлаться подъ великорусскую, а не подъ малорусскую (какъ думаетъ г. Пекарскій) народную рѣчь, которая Димитрію Ростовскому, какъ природному малороссу, разумѣется, была хорошо знакома. «Аѳоня» и «Борисъ» — «виѳлеемскіе пастухи» въ пьесѣ — ни мало не напоминаютъ «жителей Украины» не только своею рѣчью, но даже и своими именами, неупотребительными на Украйнѣ; слова: «кружало,» «лапти,» и проч., выраженія: «а што?» «птицы-то залетѣли» и проч. — вовсе не малорусскія и въ малорусскомъ языкѣ не употребляются.

въ Швецію. Въ польскую войну 1660 года, онъ находился на службѣ при воеводѣ, князѣ Юріѣ Алексѣевичѣ Долгорукомъ, который домогался, чтобы онъ сдѣлалъ ложный доносъ на бывшихъ до него воеводъ, князей Трубецкаго и Прозоровскаго. Кошихинъ не захотѣлъ быть ложнымъ доносчикомъ. Зная однако, что сильный воевода, его начальникъ, могъ отомстить ему за отказъ учавствовать въ его низкомъ намѣреніи, и опасаясь преслѣдованій Долгорукаго, онъ убѣжалъ изъ подъ Смоленска въ Польшу, гдѣ скрывался нѣкоторое время, подъ именемъ Ивана Селицкаго, потомъ странствовалъ въ Пруссіи, былъ въ Любекѣ и наконецъ переѣхалъ въ Швецію, получивъ позволеніе поселиться въ Стокгольмѣ. Здѣсь Кошихинъ окончилъ (1666—1667) свое сочиненіе о Россіи (начатое имъ вскорѣ послѣ побѣга) по желанію шведскаго государственнаго канцлера, графа Магнуса Делагарди, который ему покровительствовалъ. Сочиненіе Кошихина переведено было на шведскій языкъ, и переводчикъ, сообщая въ предисловіи къ своему труду краткія свѣдѣнія о жизни автора, говоритъ о немъ какъ о весьма умномъ и способномъ человѣкѣ.

Сочиненіе Кошихина стало извѣстнымъ въ Россіи лишь недавно. Подлинная рукопись Кошихина хранится въ библіотекѣ Упсальскаго университета, гдѣ отыскалъ ее г. А. Соловьевъ, професоръ Гельсингфорскаго университета, во время поѣздки своей въ Швецію въ 1837 году. Затѣмъ, сочиненіе Кашихина было издано Археографическою коммисіею, подъ заглавіемъ: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Современное сочиненіе Григорія Кошихина» (С.-Петербургъ 1840 г.)

Сочиненіе Кошихина написано съ цѣлью представить полную и вѣрную картину Россіи XVII вѣка, во всѣхъ отношеніяхъ ея общественной и частной жизни. И авторъ вполнѣ достигъ предположенной цѣли. Онъ разсматриваетъ послѣдовательно почти всѣ стороны русской государственной и народной жизни: говоритъ подробно обо всѣхъ отрасляхъ государственнаго и гражданскаго управленія, о законахъ, о боярской думѣ, о приказахъ, о судопроизводствѣ, о придворныхъ обрядахъ, о царской семейной жизни, о сословіяхъ народныхъ, ихъ занятіяхъ, правахъ и обычаяхъ, о состояніи народной нравственности, о воспитаніи и т. п.

Разсказъ Кошихина вездѣ очень простъ, кратокъ и ясенъ; сужденія отличаются дѣльностію и основательностію; истина его показаній и пересказываемыхъ имъ фактовъ не подлежитъ сомнѣнію, потому что подтверждается другими историческими свидѣтельствами, — какъ русскими, такъ и иностранными. Онъ говоритъ безпристрастно, судитъ зрѣло и обдуманно, — и въ словахъ его слышно сожалѣніе о тѣхъ порокахъ и недостаткахъ, которыми страдала современная ему Россія. То обстоятельство, что Кошихинъ писалъ внѣ Россіи, дало ему возможность выражать свои сужденія открыто и смѣло; а знакомство съ учрежденіями и нравами европейскихъ народовъ помогло ему яснѣе видѣть темныя стороны русской жизни и указать на причины, отъ которыхъ онѣ происходятъ.

Кошихинъ высказываетъ свѣтлый и гуманный взглядъ на вещи, взглядъ человѣка, не чуждаго образованныхъ европейскихъ понятій; и въ тоже время онъ является, въ своемъ разсказѣ, полнымъ выразителемъ рускихъ народныхъ воззрѣній и представителемъ интересовъ низшихъ классовъ народа, подавленныхъ боярствомъ. Описанію боярскаго сословія, его спесивости и мѣстническимъ спорамъ, его невѣжеству, обманамъ въ администраціи, казнокрадству и взяточничеству— Кошихинъ посвящаетъ большую часть своей книги. Такъ онъ увѣряетъ, что во время посольствъ, послы нерѣдко записываютъ въ своихъ статейныхъ спискахъ вовсе не тѣ рѣчи, которыя ими дѣйствительно были говорены на посольствѣ, а другія, присочиненныя—«выславляючи (такою ложью) — говоритъ Кошихинъ — свой разумъ на обманство, чрезъ чтобъ достать у царя себѣ честь и жалованье болшое; и не срамляются—прибавляетъ онъ—того творити, понеже *царю о томъ, кто на нихъ можетъ о такомъ дѣлѣ объявить?* — «Для чего такъ творятъ?» —спрашиваетъ авторъ—и отвѣчаетъ: «Для того: россійскаго государства люди породою своей спѣсивы и не обычайные (неспособны, непривычны) ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ поученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ кромѣ спесивства», и проч. Далѣе Кошихинъ говоритъ, что они «для науки и обычая (т. е. для пріобрѣтенія опытности) въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ», и что вообще выѣздъ московскимъ людямъ заграницу былъ затрудненъ, даже по торговымъ дѣламъ. По-

тому высшіе классы московскіе, отличаясь спесивостью и славясь только своими богатствами и породою, коснѣютъ въ грубомъ невѣжествѣ, и многіе изъ самыхъ породистыхъ бояръ, засѣдавшихъ въ государственной думѣ, — по словамъ автора — сидѣли въ царскомъ совѣтѣ, «брады своя уставя и ничего не отвѣщая, понеже царь жаловалъ многихъ бояръ не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ не ученые и не студерованные.»

Въ старинныхъ судахъ русскихъ свирѣпствовало сильное взяточничество, по увѣренію Кошихина, не смотря на то, что было положено за то наказаніе и что судьи «чинили крестное цѣлованье (присягали) съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ (взятокъ) не имати и дѣлать все по правдѣ и по закону; но—прибавляетъ Кошихинъ — *ни вочто ихъ вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся* отъ прелести (отъ соблазна) очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ»....

Съ не меньшею рѣзкостію и сожалѣніемъ говоритъ Кошихинъ о жестокости пытокъ и уголовныхъ наказаній, о многочисленности случаевъ, за которые подвергались тогда смертной казни и мужчины и женщины, о затворничествѣ женщинъ, начиная съ царскихъ сестеръ и дочерей, которыя, по словамъ Кошихина, «живутъ яко пустынницы, мало зряху людей, и ихъ люди;» о несчастныхъ бракахъ, происходившихъ вслѣдствіе обмановъ при выдачѣ дѣвушекъ замужъ: «а такого у нихъ обычая не повелось — говоритъ авторъ — какъ въ иныхъ государствахъ, смотрѣти и уговариватися временемъ съ невѣстою самому;» о совершенномъ невѣжествѣ женщинъ: «московскаго государства женскій полъ неученъ и не обычай тому есть» — говоритъ онъ. Пересказывая подобныя факты и сужденія, Кошихинъ повторяетъ неоднократно: «благоразумный читателю! чтучи (читая) сего писанія, не удивляйся,—правда есть тому всему»....

Приведенныя нами краткія выписки изъ Кошихина уже показываютъ ясно, что его записки о Россіи XVII стол. исполнены живаго интереса и любопытныхъ указаній о нравахъ и обычаяхъ, объ общественной и частной жизни нашихъ предковъ.

Главная мысль, которую онъ высказываетъ повсюду въ своемъ сочиненіи, заключается въ томъ, что невѣжество, отсутствіе науки и

недостатокъ просвѣщенія древней Руси, происходящіе вслѣдствіе ея отчужденія отъ «иныхъ государствъ», т. е. отъ Европы, — служатъ главнѣйшею причиною всѣхъ бѣдствій русскаго народа и правительства.

Записки Кошихина написаны простымъ народнымъ языкомъ, который, какъ языкъ письменный, употреблялся въ то время въ Россіи и для всей офиціальной переписки.

Общее обозрѣніе литературной дѣятельности, второстепенные писатели и памятники книжной литературы XVII столѣтія.—Представленный нами очеркъ дѣятельности болѣе замѣчательныхъ русскихъ писателей XVII стол. показываетъ, что книжная литература на Руси, съ теченіемъ времени, постепенно увеличивала свои размѣры и возрастала въ количествѣ письменныхъ произведеній, — не измѣняя однако ни мало ни своего прежняго догматическаго и поучительнаго характера (сочиненіе Кошихина и немногія другія составляютъ исключеніе) ни своего внутренняго содержанія. Кіевская схоластика хотя и перенесена была въ Москву, но здѣсь она весьма плохо принималась и могла имѣть дѣйствительное вліяніе на однѣ лишь духовныя школы, да на нѣкоторыя отдѣльныя личности, не оказавъ почти никакого образовательнаго дѣйствія на народныя массы, для которыхъ едва ли и могли быть понятны произведенія схоластической литературы. Мы видѣли, что вліяніе юго-западной схоластики отразилось дѣйствительно въ книжныхъ произведеніяхъ большей части писателей XVII столѣтія, за исключеніемъ однако сочиненій писателей раскольничьихъ, которые твердо держались старинныхъ московско-византійскихъ началъ.

Но какъ старинная византійская схоластика, утвердившаяся въ Москвѣ подъ вліяніемъ занесенныхъ къ намъ образцовъ византійской литературы, и отличавшаяся весьма ограниченнымъ кругомъ понятій, мертвой обрядностію и буквализмомъ, такъ и схоластика кіевская,— узкостію своихъ воззрѣній, бездушностію и формализмомъ, — не могли способствовать свободному развитію мысли и умственной самодѣятельности въ народѣ. Старинныя формы жизни и литературы какъ бы одеревенѣли, народъ не двигался въ своемъ развитіи. XVII вѣкъ въ

Россіи служитъ въ этомъ отношеніи самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ: начала современной дѣйствительности никого не удовлетворяли — ни со стороны умственной жизни, ни со стороны порядка жизни общественной и религіозно-нравственной. Лучшіе люди времени (какъ напр. С. Полоцкій, Кошихинъ, Медвѣдевъ, св. Димитрій Ростовскій) постоянно сѣтовали на общее невѣжество и на отсутствіе всякой образованности въ народѣ и въ духовенствѣ — и находили въ этомъ корень всему злу. Но схоластическая литература тутъ весьма мало помогала дѣлу. Она не заключала въ себѣ живыхъ образовательныхъ началъ, которыя могли бы быть свободно восприняты народомъ и послужили бы къ его умственному развитію.

Для полноты обозрѣнія литературной и ученой дѣятельности XVII вѣка, мы сдѣлаемъ краткій очеркъ второстепенныхъ писателей и памятниковъ, не поименованныхъ нами выше.

Въ нашей старинной исторической литературѣ, кромѣ лѣтописей, еще съ XVI столѣтія стали появляться, какъ мы видѣли изъ сочиненія Курбскаго, попытки къ систематическимъ описаніямъ и разсказамъ объ извѣстныхъ историческихъ событіяхъ. Такъ изъ историческихъ сочиненій XVI стол., кромѣ «Исторіи» кн. Курбскаго, извѣстна еще исторія, или «Повѣсть о казанскомъ царствѣ,» написанная священ. І. *Глазатымъ*, который находился въ плѣну у казанскихъ Татаръ и, послѣ взятія Казани, описалъ велерѣчивимъ слогомъ это важное событіе царствованія Грознаго. Но особенно въ XVII столѣтіи, когда составленіе лѣтописей сдѣлалось почти исключительно дѣломъ оффиціальнымъ, правительственнымъ, появляются отдѣльныя историческія сочиненія — «повѣсти,» «сказанія,» «исторіи» и историческія «записки.» Въ самомъ началѣ XVII стол. появляется много сказаній о смутномъ времени, о убіеніи царевича Димитрія, о Борисѣ Годуновѣ, о самозванцахъ, вообще о войнахъ и мятежахъ этого времени и о возстаніи народа, подъ предводительствомъ Минина и Пожарскаго. Между этими сказаніями большею извѣстностію пользуется: «Сказаніе объ осадѣ Троицко-Сергіева монастыря отъ Поляковъ и Литвы и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ,»—сочиненіе *Авраамія Палицына*, келаря Троицко-Сергіева монастыря, въ осадѣ котораго онъ принималъ личное участіе. «Сказаніе» Палицына

можетъ служить образцомъ византійской фразеологіи, гдѣ кудреватый слогъ и цвѣты современнаго краснорѣчія предпочитаются простому и истинному изложенію дѣла. Сочиненіе Палицына, какъ современника, принимавшаго важное участіе въ большей части описываемыхъ имъ событій, не можетъ, конечно, не заключать въ себѣ нѣкоторыхъ интересныхъ подробностей и важныхъ историческихъ указаній на современное положеніе Россіи; но разсказъ его страдаетъ невѣрною передачею нѣкоторыхъ фактовъ и событій, и уже современники Палицына заподозрѣли его «сказаніе» въ недостовѣрности. Онъ, напримѣръ, оставляетъ, въ своемъ разсказѣ, совершенно въ тѣни великій патріотическій подвигъ Кузьмы Захарьича Минина и при каждомъ случаѣ любитъ поговорить о самомъ себѣ. Знаменитый келарь Троицкой Лавры постоянно прибѣгаетъ въ своемъ сказаніи къ тону пастырскихъ поученій, сѣтуетъ на упадокъ вѣры и нравственности, и этому приписываетъ главную причину бѣдствій, постигшихъ Россію въ смутное время. «Всякъ — говоритъ онъ — отъ своего чину выше начаша восходити; раби убо господіе хотя быти и *невольніи къ свободѣ прескачуще.*»

Перечислимъ прочіе историческіе труды XVII столѣтія:

а) Думный дьякъ, *Ѳедоръ Грибоѣдовъ* (извѣстный по участію въ составленіи «Уложенія» царя Алексѣя Михайловича) составилъ «краткое повѣствованіе,» — родъ систематическаго разсказа о событіяхъ руской исторіи до времени царствованія Ѳедора Алексѣевича. — б) Подобное же сочиненіе написалъ боярскій сынъ *Сергѣй Кубасовъ* подъ заглавіемъ: «лѣтописецъ славянскаго языка и русскаго рода.» — в) *Князь Семенъ Шаховской*, плодовитый писатель царствованія Михаила Ѳедоровича, писалъ лѣтописи, посланія, сочинялъ вирши и проч. и составилъ свои «записки,» лишенныя, впрочемъ, всякаго интереса, и отличающіяся кудрявымъ слогомъ и витіеватой фразеологіей. — г) Клирикъ *Иванъ Шушера* написалъ «житіе патріарха Никона,» въ которомъ изложилъ исторію Никона и его дѣла, — съ явнымъ пристрастіемъ къ Никону. — е) Кромѣ трудовъ по отечественной исторіи, встрѣчаются нѣкоторыя сочиненія, особенно у писателей югозападной Руси, относящіяся и до исторіи всеобщей. Такова, напр. «Скиѳская Исторія,» смоленскаго священника *Андрея Лызлова*, свидѣтельствующая о знакомствѣ автора съ Діодоромъ Сицилійскимъ и другими гре-

ческими и римскими писателями, у которыхъ онъ почерпнулъ много баснословнаго, относительно исторіи Скиѳовъ.

Литература XVII вѣка была не бѣдна количествомъ схоластическихъ сочиненій, особенно переводныхъ, и по нѣкоторымъ другимъ отраслямъ знаній. Такъ географическія свѣдѣнія сообщались въ переводныхъ съ латинскаго и съ нѣмецкаго средневѣковыхъ «космографіяхъ.» (*) Одна изъ нихъ переведена еще при царѣ Михаилѣ, переводчиками Лыковымъ и Дурновымъ. Мы упомянули, что переводомъ космографіи занимался и Е. Славинецкій.

По части свѣдѣній о природѣ, послѣ византійскихъ «шестодневовъ» и хронографовъ, служившихъ источникомъ естествознанія для нашихъ старинныхъ грамотниковъ, въ XVII стол. стали появляться у насъ переводы съ нѣмецкаго и съ польскаго средневѣковыхъ сочиненій о природѣ, въ родѣ «люцидаріусовъ» и произведеній средневѣковыхъ философовъ: Альберта Великаго, Реймонда Люлли и т. п. Древняя Русь довольствовалась такими мистическими книгами о природѣ въ то время, когда въ Европѣ уже были извѣстны открытія Коперника, Ньютона, Кеплера. Безъ сомнѣнія, эти средневѣковыя книги давали столь же мало положительнаго знанія и столь же мало способствовали къ умственному развитію читателей, какъ и сочиненія византійскія въ этомъ родѣ.

Юрій Крижаничъ. — Обозрѣніе наше ученой и литературной дѣятельности на Руси въ XVII стол. будетъ не полно, если мы не упомянемъ объ одномъ замѣчательномъ писателѣ этой эпохи, — хотя и не русскомъ по происхожденію и даже по вѣрѣ, хотя и писавшемъ только на-половину порусски, но который прибылъ въ Россію и избралъ ее своимъ вторымъ отечествомъ, съ полною готовностію посвятить русскому народу всѣ свои задушевныя мысли и свои труды, который писалъ исключительно для Русскихъ, и въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ своихъ, сочиненіяхъ — въ высшей степени любопытныхъ и замѣчательныхъ, — представилъ обширное и добросовѣстное изслѣдованіе о состояніи Россіи въ XVII столѣтіи.

(*) По части географіи Россіи существовала составленная еще по повелѣнію Б. Годунова карта московскаго государства, извѣстная подъ именемъ «Большой чертежъ земли русской.» При царѣ Михаилѣ карта эта была дополнена и возобновлена и къ ней написано объясненіе, или «книга Большой чертежъ», — интересное въ археологическомъ отношеніи.

Писатель этотъ, родомъ хорватскій Сербъ, католическій священникъ *Юрій Крижаничъ*.

Крижаничъ родился (1617 г.) въ австрійскихъ владѣніяхъ, въ землѣ Хорватовъ, или Кроатовъ (между рѣками Купой и Уной, къ далматской границѣ) образованіе получилъ въ Европѣ, гдѣ собственно — не знаемъ; но званіе католическаго священника, полученное имъ еще въ молодые годы, и совершенное знаніе латинскаго языка (которымъ онъ владѣлъ, какъ своимъ роднымъ, и на которомъ написана большая половина его сочиненій) показываютъ, что Крижаничъ былъ вполнѣ знакомъ съ схоластическою ученостію тогдашнихъ католическихъ училищъ въ Европѣ. А содержаніе его сочиненій свидѣтельствуетъ, съ другой стороны, что онъ обладалъ обширною и весьма разнообразною начитанностію и большими лингвистическими свѣдѣніями, т. е. знаніемъ многихъ древнихъ и новыхъ языковъ и почти всѣхъ славянскихъ нарѣчій.

Повидимому, Крижаничъ много путешествовалъ и имѣлъ столкновенія съ различными національностями въ Европѣ, особенно съ Нѣмцами и Греками, которыхъ онъ считаетъ врагами славянскаго племени.

Онъ прибылъ въ Москву въ царствованіе Алексѣя Михайловича (около 1645 г., какъ полагаютъ) съ цѣлію — служить Россіи и быть ей полезнымъ своими познаніями и трудами, такъ-какъ онъ считалъ русскую страну и русскій народъ себѣ родными, соплеменными и такъ-какъ одна Россія, въ его время, во всемъ славянскомъ мірѣ, представлялась великою и свободною славянскою державою. Самъ Крижаничъ въ одномъ своемъ сочиненіи («о Промыслѣ») писанномъ большею частію тогдашнимъ латинскимъ языкомъ, говоритъ объ этомъ такъ: «Меня прозвали скитальцемъ, бродягой, волокитой (vagum, *wolokitum*) несправедливо. Я пришелъ къ тому царю, который одинъ въ мірѣ былъ царемъ моего рода и языка; я пришелъ къ націи своей, къ народу своему собственному. Я пришелъ туда, гдѣ единственно мои произведенія и труды могутъ найти употребленіе, могутъ принесть плодъ; туда, гдѣ единственно могутъ быть въ цѣнѣ и оборотѣ мои товары, — я разумѣю грамматику, словари и другіе переводы книгъ на славянскій языкъ.»

Эти слова Крижаничъ написалъ, находясь уже въ ссылкѣ, въ Тобольскѣ, куда онъ былъ сосланъ около 1660 года — въ точности неизвѣстно за какую вину, равно какъ неизвѣстно и то, поручено ли было ему какое-либо дѣло, по его прибытіи въ Москву, и въ чемъ собственно заключались его занятія здѣсь до времени его ссылки въ Сибирь.

Въ Сибири Крижаничъ написалъ свои важнѣйшія сочиненія, касающіяся Россіи. Но онъ томился и страдалъ отъ бездѣйствія въ своемъ тяжеломъ изгнаніи. Онъ находился въ Сибири еще въ 1675 году, когда написалъ «Обличеніе соловецкой челобитной» — (полемическое сочиненіе противъ раскольниковъ, возмутившихъ знаменитую Соловецкую обитель). Былъ ли возвращенъ Крижаничъ изъ сылки и гдѣ онъ окончилъ послѣдніе годы своей жизни — неизвѣстно.

Изъ сочиненій Крижанича, нынѣ намъ извѣстныхъ, болѣе замѣчательны: 1) «Русское государство», 2) «о Промыслѣ» и 3) «Грамматика.» (*) Сочиненія эти написаны только отчасти порусски, и то русскій языкъ Крижанича перемѣшанъ съ словами и оборатами другихъ славянскихъ языковъ, какъ напр. сербо-хорватскаго, природнаго языка Крижанича, на которомъ написана также одна часть его сочиненій; большая же ихъ половина (не включая грамматики и нѣсколькихъ богословскихъ сочиненій) писана, какъ замѣчено выше, полатыни.

Особенный интересъ и большую историческую важность, для насъ Русскихъ, имѣетъ первое изъ этихъ сочиненій: «Русское государство во второй половинѣ XVII вѣка,» — такъ озаглавленное издателемъ, г, Безсоновымъ; у самаго же автора, въ рукописи, оно носитъ заглавіе: «*Разговоры объ владательству,*» — (серб. слово, означаетъ

(*) «Грамматика» Крижанича была извѣстна въ рукописи еще Калайдовичу; напечатана она первый разъ г. Бодянскимъ въ Чтен. моск. общ. истор. и древност. (1848 и 1859 г.) подъ заглавіемъ «Изысканія о славянской грамматикѣ». Сочиненія же: «о Русскомъ государствѣ» и «о Промыслѣ» стали общеизвѣстными въ ученомъ мірѣ лишь послѣ напечатанія ихъ г. Безсоновымъ (сначала въ «Русской Бесѣдѣ» 1859 г., а потомъ отдѣльными изданіями въ 1860 г.) съ свѣдѣніями объ авторѣ и его рукописяхъ, хранившихся въ Москов. синод. библ. До того не только сочиненія, но и самое имя Юрія Крижанича были знакомы лишь немногимъ, занимавшимся изысканіями по части нашей старинной литературы. (Прекрасный разборъ двухъ послѣднихъ сочиненій Ю. Крижанича см. въ «Современникѣ» 1860 г. № VIII, августъ.)

правленіе). Сочиненіе это, изложенное то въ формѣ діалоговъ, то въ видѣ отдѣльныхъ разсужденій, имѣетъ почти исключительно политическій характеръ. Главное содержаніе его заключается въ разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ автора о внутреннемъ устройствѣ и о внѣшней политикѣ государства вообще, и русскаго государства въ особенности. Въ тѣсной связи съ сочиненіемъ «Русское государство» находится и книга Крижанича «о Промыслѣ,» въ которой онъ полнѣе излагаетъ свои государственныя теоріи, свой взглядъ на исторію и свои понятія о внутренней и внѣшней жизни народовъ. Въ книгѣ же «о Государствѣ» авторъ прилагаетъ свои любимые теоріи и взгляды собственно къ Россіи, къ ея государственной и народной жизни и представляетъ полное обозрѣніе почти всѣхъ главнѣйшихъ сторонъ политической и внутренней жизни русскаго народа, дѣлаетъ имъ смѣлую и подробную критику, указываетъ на главныя причины тѣхъ нестроеній и несовершенствъ, которыя онъ находилъ въ древней Руси и наконецъ предлагаетъ практическіе совѣты и средства, которые, по его мнѣнію, должны были привести русское государство къ необходимымъ улучшеніямъ и полезнымъ преобразованіямъ.

Государственная теорія Крижанича, изложенная въ книгѣ «о Промыслѣ,» отличается богословскимъ взглядомъ. Въ исторической жизни народовъ, въ устройствѣ ихъ обществъ и государствъ, дѣйствуетъ, по его ученію, «божественный промыселъ,» который даетъ счастіе или несчастіе народамъ, соотвѣтственно ихъ заслугамъ и грѣхамъ. По этому самому и книга его, въ подлинной рукописи, озаглавлена такъ: «о Промыслѣ божіемъ, или о причинѣ побѣдъ и пораженій, то есть, о счастливомъ или бѣдственномъ состояніи государствъ. «Грѣхами» онъ называетъ всѣ нестройныя явленія въ жизни народовъ и государствъ, и занимается подробнымъ перечисленіемъ этихъ «грѣховъ,» ихъ подраздѣленіемъ и объясненіями, какъ за тотъ или за другой «грѣхъ» постигаютъ извѣстный народъ различныя бѣдствія и несчастія. Все это авторъ подтверждаетъ множествомъ библейскихъ и другихъ историческихъ примѣровъ. При разборѣ явленій русской государственной и народной жизни, въ книгѣ о «Русскомъ государствѣ», Крижаничъ постоянно имѣетъ въ виду свою теорію и прилагаетъ ее къ явленіямъ русской жизни.

Вначалѣ авторъ разсуждаетъ здѣсь о государственномъ, или народномъ богатствѣ, потомъ — о силѣ государства, и особенно о силѣ военной, и потомъ — о *мудрости*, т. е. объ образованности, и преимущественно о мудрости политической и самопознаніи.

Относительно богатства государственнаго Крижаничъ представляетъ нѣсколько зрѣлыхъ экономическихъ понятій. Онъ, напримѣръ, говоритъ, что богатство страны заключается въ многочисленности ея населенія и въ трудѣ и что особенно богаты тѣ страны, гдѣ люди домыслевы, имѣютъ средства для торговли и хорошіе законы и управленіе. Разсматривая и объясняя подробно причины дурнаго состоянія русской торговли, ремеслъ и земледѣлія, онъ предлагаетъ средства и наставленія какъ ихъ улучшить.

Говоря о силѣ государства, Крижаничъ учитъ, что она заключается не только въ хорошихъ матерьяльныхъ вооруженіяхъ, но и въ болѣе надежныхъ твердыняхъ нравственныхъ, какъ напр. въ довольствѣ подданныхъ, въ народномъ согласіи, и проч. При совѣтахъ, относительно устройства войска, онъ особенно настаиваетъ на томъ, чтобы начальники, или воеводы, были туземцы, а не иностранцы.

Указывая на насущную потребность для Россіи въ образованіи, Крижаничъ сильно вооружается на людей, противящихся просвѣщенію, и называетъ ихъ *мудроборцами*. «Не знаю, — говоритъ онъ, — кто первый посѣялъ на Руси такой ошибочный предразсудокъ, или *ересь мудроборства*, по которому говорятъ: богословіе, философія, изученіе языковъ — ничто иное, какъ ересь. Не такъ, однако, учатъ св. писаніе и отцы.»

Далѣе, книга Крижанича исключительно занимается изображеніемъ внутренняго быта современной ему Россіи и объясняетъ его недостатки и преимущества, относя къ первымъ, между прочимъ малое населеніе страны, происходящее отъ дурнаго управленія. Между преимуществами Россіи, онъ считаетъ главнѣйшимъ неограниченную монархическую власть, которая лучше всего можетъ производить въ государствѣ всѣ необходимыя усовершенствованія и преобразованія. «Это Моисеевъ жезлъ, — говоритъ онъ, — которымъ царь можетъ дѣлать всякія потребныя чудеса...»

Затѣмъ Крижаничъ говоритъ пространно о томъ вредѣ и несчастіяхъ, которые, по его мнѣнію, происходятъ не только въ Россіи, но почти во всѣхъ славянскихъ странахъ, оттого, что онъ называетъ *чужебѣсіемъ*, или *ксеноманіей*, т. е, отъ крайняго пристрастія Славянъ къ иностранцамъ и ко всему иноземному, — чему онъ приписываетъ весьма важное значеніе и почти всѣ бѣдствія и несчастія славянскаго племени. Здѣсь-то Крижаничъ говоритъ о гибельномъ вліяніи, по его мнѣнію, на древнюю Русь Нѣмцевъ и Грековъ и разсказываетъ, какъ они постоянно обманываютъ и позорятъ Русскихъ. Въ то же время авторъ подвергаетъ подробному и тщательному анализу многія темныя стороны, существовавшія въ старинныхъ нравахъ и обычаяхъ русскихъ. Но онъ особенно распространяется и приводитъ много примѣровъ тому, какъ Нѣмцы и Греки обманываютъ, по его словамъ, насъ, Русскихъ, ненавидятъ всѣхъ Славянъ и постоянно позорятъ ихъ. Нѣмцы, говоритъ онъ, берутъ дань съ русской земли (разумѣя подъ этимъ многія торговыя монополіи Нѣмцевъ въ древней Руси) а Греки обманываютъ насъ «подъ сѣнію благочестія». «Кто добръ изъ нихъ — продолжаетъ авторъ, говоря о Грекахъ, — тѣ приносятъ къ намъ добрыя поученія, напоминаютъ намъ о добрѣ и не ищутъ нашего имѣнія; тѣ же, которые алчны, безъ нужды таскаются по нашимъ землямъ... Всякія священныя вещи обращаютъ въ товаръ, и хотятъ намъ тысячу разъ продать Христа, котораго Іуда продалъ только одинъ разъ.» Нѣмцы, по словамъ Крижанича, сулятъ намъ науку и подъ ея именемъ хотятъ намъ дать также демонскіе фокусы: алхимію, физіогномику, астрологію, магію; Греки же осуждаютъ всякую науку и внушаютъ намъ невѣжество, которое конечно не родитъ добра; Нѣмцы проповѣдуютъ распущенность плоти; а Греки не только говорятъ объ истинно-христіанскомъ умерщвленіи плоти, но и, кромѣ того, вводятъ фарисейское благочестіе.

Потому мы русскіе, по ученію Крижанича, посреди «искушеній съ противоположенныхъ сторонъ,» должны одинаково остерегаться этихъ обоихъ гибельныхъ вліяній и держаться между ними средняго, безопаснаго пути, который есть путь разума. Главнымъ же средствомъ къ достиженію этого пути Крижаничъ считаетъ—устраненіе того церковнаго раздора, который произвелъ раздѣленіе церквей на православ-

ную и католическую, раздора, который онъ называетъ (въ книгѣ «о Промысла») чудовищемъ, величайшимъ грѣхомъ, нарушившимъ главнѣйшую заповѣдь о взаимной любви. Авторъ увлекается этимъ вопросомъ, въ чемъ видно вліяніе католическаго воспитанія; но, кромѣ церковныхъ побужденій, это увлеченіе объясняется и чисто-политическими цѣлями, которыя онъ имѣлъ въ виду, т. е. дружественный, племенный союзъ между Россіею и Польшею, необходимый, по мнѣнію Крижанича, для блага, какъ одной, такъ и другой изъ этихъ странъ.

Затѣмъ Крижаничъ представляетъ подробное изслѣдованіе слабыхъ сторонъ старипнаго русскаго управленія и излагаетъ свой проэктъ преобразованій и реформъ, которыя, по его мнѣнію, необходимо произвести, для счастливаго существованія русскаго государства и народа. Главное средство къ искорененію существовавшихъ въ этомъ отношеніи недостатковъ заключается, по словамъ Крижанича, въ предоставленіи сословіямъ народнымъ извѣстныхъ «слободинъ», т. е. въ дарованіи извѣстныхъ правъ и привиллегій каждому сословію въ государствѣ.

Эти послѣднія разсужденія свои Крижаничъ связываетъ съ вопросомъ обо всемъ славянскомъ мірѣ, обо всѣхъ Славянахъ, которые утратили свою политическую самостоятельность. Имъ тоже нужно возвратить ихъ «слободины». И обязанность этого освобожденія славянскихъ народовъ лежитъ на русскомъ царѣ. «Нигдѣ нѣтъ больше, кромѣ Россіи, славянскихъ властителей, и на тебѣ, великій царь, — (говоритъ Крижаничъ, обращаясь къ Алексѣю Михайловичу), —упала теперь забота о всемъ славянскомъ народѣ. Теперь ты, какъ отецъ, имѣй попеченіе и думай о разсыпанныхъ дѣтяхъ, чтобы тебѣ собрать ихъ... Ты одинъ царь, говорю я, данъ намъ отъ Бога, чтобы пособить и Задунайцамъ (южнымъ и западнымъ Славянамъ) и Ляхамъ, и Чехамъ, чтобы они начали узнавать свое угнетеніе и свой позоръ, думать о просвѣщеніи народа и сбрасывать нѣмецкое иго.» Крижаничъ далѣе убѣждаетъ царя: если онъ не можетъ, по тогдашнему трудному положенію Россіи, способствовать совершенному освобожденію Славянъ; то онъ долженъ открыть имъ умственныя ихъ глаза *пригодными разумными книгами;* потому что Славяне впали въ окаянство, т. е. подчинились чужеземному рабству, которому покорились не только Задунайцы, но и Чехи и Ляхи. И здѣсь весьма любопытны слова Крижанича

о тогдашнемъ польскомъ королевствѣ: «Хотя Ляхи — говоритъ онъ — и хвастаютъ своимъ обманчивымъ царствомъ и своей распущенной свободой, однако, всему міру извѣстно, что Ляхи никакъ не могутъ сами помочь своей бѣдѣ и позору, (*) и нуждаются въ посторонней помощи.»

Такимъ образомъ, Крижаничъ, своими идеями о всеславянскомъ братствѣ, своими стремленіями къ соединенію всѣхъ славянскихъ народовъ въ одно цѣлое, подъ покровомъ русскаго царства, обнаруживаетъ то политическое направленіе, которое извѣстно въ наше время подъименемъ «панславизма» (всеславянства). Въ этомъ отношеніи, Крижаничъ служилъ какъ бы предшественникомъ литературнаго направленія, образовавшагося въ нашей новѣйшей литературѣ, и называемаго «славянофильскимъ.»

Славянофильское направленіе идей Крижаничъ выразилъ и въ своей грамматикѣ, надъ составленіемъ которой, по его собственному отзыву, онъ трудился около двадцати лѣтъ. Еще Калайдовичъ удивлялся достоинствамъ грамматики Крижанича; а г. Бодянскій, издавая этотъ трудъ его въ свѣтъ, называлъ автора «отцомъ сравнительной славянской филологіи.»

Крижаничъ излагаетъ въ своей грамматикѣ правила языка общеславянскаго, языка, который былъ бы понятенъ всѣмъ Славянамъ, — хотя онъ называетъ этотъ языкъ и грамматику *русскими*. Онъ оправдываетъ такое названіе, вопервыхъ—исторіею славянскихъ племенъ, а вовторыхъ,—свойствами русскаго языка. Русское племя, по мнѣнію Крижанича, было центральнымъ славянскимъ племенемъ, отъ котораго вышли и образовались прочіе славянскіе народы; потому, имя «русскихъ» должно служить общимъ именемъ для всѣхъ славянскихъ племенъ. Названіе русскаго прилично, по мнѣнію Крижанича, общесла-

(*) Подъ этими словами Крижаничъ разумѣетъ *чужебѣсіе*, развившееся, по его мнѣнію, у Поляковъ въ высшей степени: они добровольно подчиняли себя чужеземному рабству, избирали въ короли иноземцевъ, и проч., а «чужевластіе— по словамъ Крижанича—безобразитъ народъ, какъ лишай на прекрасномъ лицѣ.» «У Ляховъ — говоритъ онъ — такое множество этихъ плевелъ (т. е. чужебѣсія) что уже нельзя сказать, что иноземцы живутъ между Ляхами, а скорѣе, что Ляхи живутъ между иноземцами. Ляхи, прибавляетъ Крижаничъ, достойны многихъ казней, потому что всегда сами добровольно искали себѣ чужихъ королей.»

вянскому языку еще и потому, что прочіе Славяне, покоренные другими народами, потеряли, одни—цѣлую треть, другіе—даже половину своего языка; а въ Россіи, оставшейся свободною, первоначальный славянскій языкъ сохранился не испорченнымъ, такъ-какъ онъ находился всегда во всеобщемъ употребленіи народа и употреблялся въ государственныхъ дѣлахъ, оттого удержалъ все свое первоначальное богатство и построеніе. Языкъ древняго славянскаго перевода св. писанія, по мнѣнію Крижанича, всего ближе подходитъ къ языку русскому.

Изъ сдѣланнаго нами очерка сочиненій Крижанича можно судить о важности ихъ содержанія, о характерѣ дѣятельности и о цѣляхъ, къ которымъ стремился ихъ авторъ. Въ нашей старинной литературѣ сочиненія эти представляютъ небывалое, исключительное явленіе. Они не суть плодъ русской почвы; они написаны человѣкомъ не русскаго воспитанія, — хотя искренно преданнымъ благу Россіи. Крижаничъ, помимо своихъ природныхъ талантовъ и помимо воодушевлявшихъ его высокихъ стремленій на пользу Россіи, одолженъ своимъ развитіемъ европейскому вліянію и европейской образованности, а не Россіи, гдѣ онъ не могъ получить ни такого развитія, ни образованія; и потому его произведенія могутъ считаться русскими лишь потому, что они появились въ Россіи и написаны для Русскихъ; но они собственно плодъ идей, выросшихъ на чужеземной почвѣ. Обширное чтеніе политическихъ писателей (какъ напр. Макіавелли и другихъ, которые въ XVII вѣкѣ не были вовсе извѣстны у насъ на Руси) практическое изученіе экономическихъ и административныхъ предметовъ и народной жизни вообще, наконецъ путешествія и знаніе многихъ языковъ значительно расширили взглядъ Крижанича на вещи, о которыхъ онъ писалъ, — и мы видимъ въ немъ одну изъ свѣтлыхъ головъ своего времени, не смотря на его католическія тенденціи и богословское воспитаніе (католицизмъ, впрочемъ, не былъ силенъ въ Крижаничѣ и не имѣлъ ничего фанатическаго).

Но достигъ ли Крижаничъ цѣлей, къ которымъ стремился? Принесли ли сочиненія его ту пользу русскому государству, которой онъ отъ нихъ ожидалъ? На такой вопросъ мы должны дать отвѣтъ вполнѣ отрицательный. Сочиненія Крижанича не имѣли никакого вліянія

на современную ему Россію: они прошли въ ней не замѣченными и не достигли даже до тѣхъ, для кого предназначалъ ихъ авторъ, т. е. до русскаго царя. А еслибы и достигли, то ихъ направленіе и выраженныя въ нихъ идеи, судя по состоянію руской образованости въ XVII столѣтіи, едва-ли были бы поняты и оцѣнены по достоинству. Скорѣе можно допустить, что убѣжденія Крижанича и направленіе его идей собственно и послужило поводомъ къ постигшей его, тяжелой судьбѣ.

Эпоха преобразованій Петра Великаго. Состояніе образованности, литература и писатели отъ начала XVIII вѣка до Ломоносова.

Отношеніе реформы къ предыдущему времени и ея характеръ. Развитіе образованности и литературная дѣятельность въ Россіи, передъ эпохой Петра В., какъ мы показали въ предыдущемъ очеркѣ, шли путемъ медленнымъ и тяжелымъ. Народное просвѣщеніе, и послѣ открытія московской академіи и другихъ духовныхъ училищъ, не сдѣлало замѣтныхъ успѣховъ въ Великороссіи: возможное, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, образованіе или совсѣмъ не проникало или проникало весьма слабо въ народныя массы; оно попрежнему держалось въ тѣсномъ кругѣ духовенства и едва касалось сословій высшаго и средняго.

Но важно то, что въ XVII столѣтіи, особенно со времени Алексѣя Михайловича, въ средѣ современнаго русскаго общества, явно образуется цѣлая партія людей, признающихъ открыто необходимость новыхъ началъ для дальнѣйшаго развитія русской жизни, открыто требующихъ большаго развитія просвѣщенія на Руси, — и просвѣщенія — не на старый, а на новый ладъ, т. е. просвѣщенія европейскаго; словомъ, образуется партія, которая, своими дѣйствіями и стремленіями, явно осуждаетъ старинный застой древнерусской жизни, явно требуетъ движенія впередъ и указываетъ, что для Россіи необходимо болѣе близкое и болѣе тѣсное общеніе съ образованною жизнію Европы.

Мы говорили выше, что это стремленіе къ новизнѣ и къ заим-

ствованію европейскихъ знаній и обычаевъ уже давно обнаружилось въ московскомъ государствѣ; но въ XVII столѣтіи партія новизны, партія людей, стремящихся впередъ, обозначилась болѣе очевидно, болѣе рѣзко. Вліянію и стремленіямъ этой партіи слѣдуетъ приписать всѣ тѣ явленія въ общественной и частной жизни Руси XVII столѣтія, которыя находились въ явномъ противорѣчіи съ началами и съ общимъ строемъ жизни древней Руси, которыя тогда же встрѣтили сопротивленіе въ поборникахъ старыхъ началъ.

По степени развитія тогдашней Руси, первыя стремленія къ заимствованіямъ и къ подражанію Европѣ въ русскихъ людяхъ того времени обнаруживались преимущественно съ чисто-внѣшней стороны; потому что внѣшность европейской цивилизаціи, внѣшнія выгоды и удобства образованной жизни первѣе всего имъ бросались въ глаза; а для пониманія истинной образованности, выработаной въ Европѣ вѣками, и для усвоенія себѣ ея существенныхъ плодовъ — необходима была извѣстная степень развитости, которой не могло существовать въ древней Руси. Потому Русскіе и заимствовали сначала однѣ лишь внѣшнія формы европейской жизни, между которыми мы замѣтимъ: театральныя представленія, устройство домовъ на европейскій ладъ и особенно — бритье бороды и ношеніе нѣмецкаго платья, — два обычая, болѣе всего противорѣчившіе стариннымъ русскимъ понятіямъ. Обычай брить бороду и одѣваться въ польское и нѣмецкое платье начался со времени самозванцевъ и особенно распространился въ XVII столѣтіи, такъ что противъ этого не разъ вооружались власти духовныя и свѣтскія. Изъ жизни протопопа - Аввакума извѣстенъ случай, когда онъ не хотѣлъ дать своего благословенія и разбранилъ сына казанскаго воеводы, боярина В. П. Шереметева, Матвѣя Шереметева за то, что тотъ брилъ бороду; но и самъ Аввакумъ едва не поплатился жизнію за свою излишнюю ревность: отецъ Матвѣя Шереметева велѣлъ сбросить его въ Волгу, не давъ однако ему утонуть и протолкавъ къ берегу. Противъ бритья бороды издавали запрещенія патріархи: Филаретъ, Іосифъ и Адріанъ, съ угрозами и увѣщаніями, которыя помѣщены и въ «Стоглавѣ», именно: что надъ тѣми, кто брѣетъ бороду, «не подобаетъ быти ни христіанскому погребенію, ни въ церковныхъ молитвахъ повиновенію». Такія же запрещенія издавала и власть свѣтская противъ

заимствованія иноземныхъ обычаевъ и ношенія нѣмецкаго платья. Существуетъ указъ Алексѣя Михайловича,—который доказываетъ, между прочимъ, что иностранные обычаи въ XVII столѣтіи уже проникли и въ средній классъ московскаго населенія, и въ которомъ, подъ опасеніемъ царской опалы и пониженія по службѣ, предписывалось стольникамъ, стряпчимъ, московскимъ дворянамъ и жильцамъ: «иноземскихъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимать, волосовъ у себя на головѣ не постригать, также и платья, кафтановъ и шапокъ, съ иноземныхъ образцовъ не носить» И не смотря на то, иноземные обычаи все болѣе и болѣе распространялись у насъ въ XVII столѣтіи.

Но въ XVII столѣтіи мы видимъ, кромѣ того, весьма важныя измѣненія въ понятіяхъ и въ самомъ взглядѣ на нѣкоторыя существенные, коренные установленія и обычаи старины. Къ такимъ измѣненіямъ въ старорусскихъ понятіяхъ мы относимъ:

Во-первыхъ: учрежденіе высшаго училища въ Москвѣ, или академіи, на манеръ академіи кіевской, которая была устроена, какъ извѣстно, по образцу заграничныхъ іезуитскихъ школъ.

Во-вторыхъ: появленіе въ Москвѣ многихъ югозападныхъ русскихъ ученыхъ, которые, не смотря на свое западное образованіе и на нерасположеніе къ нимъ московскаго духовенства, допускались въ нѣкоторые московскіе дома въ качествѣ наставниковъ и учителей. Изъ разговора Петра В. съ патр. Адріаномъ (см. далѣе) видно, что въ концѣ XVII стол. въ Москвѣ многіе хотѣли «учить своихъ дѣтей свободнымъ наукамъ», и для этого отдавали дѣтей «иноземцамъ». Число ученыхъ выходцевъ изъ югозападной Руси было въ это время уже довольно значительно въ Великороссіи. (Любопытныя извѣстія объ одномъ изъ нихъ, молодомъ человѣкѣ, Григоріѣ Скибинскомъ, помѣщены недавно въ «Правосл. Обозр. (ноябрь, 1862 г.) Этотъ Скибинскій воспитывался заграницей и, подобно другимъ молодымъ людямъ грековосточной вѣры, учился въ устроенномъ для нихъ римскомъ коллегіумѣ. Въ концѣ XVII стол. онъ пріѣхалъ въ Москву, съ намѣреніемъ занять мѣсто учителя въ академіи, и въ поданномъ патріарху Адріану прошеніи называлъ себя «докторомъ философіи и другихъ свободныхъ художествъ и учителемъ богословія.» Живя въ Москвѣ и не получая мѣста, Скибинскій занимался обученіемъ дѣтей въ частныхъ домахъ. Значитъ,

потребность воспитанія здѣсь чувствовалось все болѣе и болѣе, и потребности этой удовлетворяли въ то время ученые югозападныхъ школъ.)

Въ началѣ же XVIII в. югозападные ученые, какъ было сказано выше, уже занимаютъ почти всѣ епископскія каѳедры и всѣ учительскія мѣста въ Великороссіи.

Въ-третьихъ: однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ перемѣны старыхъ понятій служитъ появленіе при московскомъ дворѣ Симеона Полоцкаго, — ученаго и писателя,—какіе до того времени въ Москвѣ вовсе не появлялись. Благодаря Полоцкому, сыновья (Алексѣй и Ѳедоръ) и даже дочери царя Алексѣя Михайловича получаютъ образованіе, которое, по своему объему и характеру, противорѣчило старинному образованію русскихъ царевичей и царевенъ. Подъ вліяніемъ этого-то образованія царь Ѳедоръ Алексѣевичъ могъ рѣшиться уничтожить мѣстничество и торжественно сжечь *разрядныя книги* и могъ рѣшиться носить самъ и одѣть своихъ придворныхъ въ польское платье.

Наконецъ, *въ-четвертыхъ:* жизнь и дѣятельность царевны Софьи, представляющей небывалый примѣръ во всей древней исторіи нашей участія женщины въ общественныхъ дѣлахъ, замѣтное ослабленіе заключенія женщинъ въ терему, появленіе въ русскомъ обществѣ личностей, въ родѣ дипломата Ордина-Нащокина, Н. И. Романова, А. С. Матвѣева, (*)—людей, рѣшительно осуждавшихъ старый порядокъ вещей, знакомыхъ съ западною образованностію и уже успѣвшихъ усвоить себѣ многіе обычаи европейской жизни,—все это такія явленія, которыя ясно говорятъ о стремленіи къ новому, о новыхъ потребностяхъ для Россіи, со-

(*) Ординъ-Нащокинъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на Европу, постоянно охуждалъ московскіе порядки и постоянно говорилъ, что въ другихъ государствахъ все дѣлается иначе и лучше. О дядѣ царя Алексѣя Михайловича, бояринѣ Н. И. Романовѣ, сохранился разсказъ, что онъ самъ и вся его дворня одѣвались въ нѣмецкое платье и что патріархъ Никонъ отобралъ и сжегъ это платье. А Матвѣевъ, какъ извѣстно, воспитывалъ сына на европейскій ладъ, вопреки старымъ обычаямъ,—не держалъ въ затворничествѣ ни жены, ни воспитанницы (Нат. Кир. Нарышкиной, матери Петра)—ихъ могли видѣть даже иностранцы, устроилъ у себя въ домѣ театръ и проч. Къ извѣстнымъ лицамъ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, не чуждавшимся европейскихъ обычаевъ, принадлежатъ еще: Морозовъ, Ртищевъ и друг.

знаніе которыхъ живо пробудилось въ извѣстной части русскаго общества XVII столѣтія.

Такимъ образомъ, какъ ни чуждались представители древней Руси, руководившее народнымъ большинствомъ, сближенія съ западной цивилизаціей, какъ они старательно ни охраняли старыя, византійскія начала, сдѣлавшіяся неспособными къ дальнѣйшему развитію, какъ ни вооружались противъ вторженія въ народную жизнь западныхъ знаній и иноземныхъ обычаевъ; но — эти знанія и эти обычаи, помимо ихъ воли и желанія, вопреки запретамъ и предостереженіямъ мало-по-малу появлялись въ народѣ — вслѣдствіе требованій самой жизни, вслѣдствіе естественной силы вещей и историческаго хода событій. Отсюда намъ становится понятнымъ и явленіе Петра и смыслъ, произведеныхъ имъ, государственныхъ преобразованій. Главный, существенный характеръ реформы Петра В. заключается въ волѣ преобразователя—сблизить Россію съ жизнію просвѣщенныхъ западно-европейскихъ государствъ. А приведенные нами факты довольно ясно указываютъ, что это сближеніе уже давно началось въ древней Руси,—и хотя происходило медленно и непослѣдовательно, но тѣмъ не менѣе въ половинѣ XVII вѣка, передъ появленіемъ Петра В., уже явно образовалась въ русскомъ обществѣ сторона, недовольная прежнимъ порядкомъ вещей и стремившаяся къ иноземнымъ заимствованіямъ, къ перемѣнамъ и преобразованіямъ. Мысль о преобразованіяхъ, совершенныхъ Петромъ, не была слѣдственно чужда современному русскому обществу: она естественно вытекала изъ стремленій народныхъ и изъ дѣйствительныхъ потребностей времени, — хотя смутно и хотя еще не всѣми сознаваемыхъ. И потому несправедливъ тотъ взглядъ на реформу Петра, который нерѣдко повторялся въ нашей литературѣ, со времени извѣстной записки Карамзина (см. Карамзинъ: «О старой и новой Россіи.») Карамзинъ въ этой запискѣ не одобряетъ вообще реформы Петра, говоритъ, что Россія и до него сближалась съ Европой, «и хотя медленно, но твердымъ и вѣрнымъ шагомъ подвигалась къ той же цѣли, къ которой такъ *насильственно* увлекъ ее Петръ, не пощадивъ ни нравовъ, ни обычаевъ, ни основныхъ началъ народности.»

Такимъ образомъ, Карамзинъ, упрекая реформу Петра въ насиль-

ственномъ ускореніи того сближенія съ Европой, которому, по его словамъ, Россія слѣдовала и прежде,—ставитъ всю преобразовательную дѣятельность Петра въ разрывъ съ стремленіями и характеромъ современнаго ему русскаго общества и во всѣхъ преобразованіяхъ и нововведеніяхъ Петра видитъ рѣзкій перерывъ стараго съ новымъ. Но въ дѣйствительности такого рѣзкаго разрыва старины съ новымъ временемъ не было — да и не могло быть; ибо въ историческомъ развитіи человѣческихъ обществъ, совершающемся по общимъ, неизмѣннымъ законамъ, не бываетъ ни перерыва, ни внезапныхъ скачковъ: всегда движеніе послѣдующее прямо вытекаетъ изъ движенія предыдущаго. То же самое открывается, при внимательномъ разсмотрѣніи фактовъ, и въ реформѣ Петра В. Многія изъ его преобразованій и нововведеній естественно вытекали изъ хода историческихъ событій древней Руси и отвѣчали насущнымъ потребностямъ времени и стремленіямъ русскаго общества XVII столѣтія: идеи, осуществленныя реформой, уже жили въ этомъ обществѣ, въ немъ уже существовала партія, осуждавшая прежній порядокъ вещей и стремившаяся къ сближенію съ Европой; подъ вліяніемъ этой партіи неоднократно находилось и само правительство въ теченіе XVII вѣка. Естественно поэтому, что Петръ, появившись въ нашей исторіи во время начавшагося сближенія Россіи съ Европой, принявъ въ свои руки судьбы отечества и ставъ во главѣ партіи движенія, партіи, стремившейся впередъ, — ускоряетъ это сближеніи Россіи съ Европой, ни мало не противорѣча въ этомъ случаѣ естественному ходу историческаго развитія русскаго народа, а напротивъ, — разрѣшая одинъ изъ великихъ вопросовъ времени, заданныхъ Россіи самою жизнію народною.

Заимствованія изъ Европы дѣлались до Петра какъ-то урывками и какъ бы случайно; стремленія къ нововведеніямъ, не смотря на явное сознаніе въ ихъ необходимости, выражались какъ-то робко и нерѣшительно. Петръ, какъ натура высшая, геніальная, ясно увидѣлъ, что мертвый застой, въ которомъ старая рутина держала Россію столько вѣковъ, становится наконецъ гибельнымъ для самаго государственнаго организма Россіи. Онъ ясно понималъ, что для дальнѣйшаго существованія и успѣховъ Россіи, — какъ державы великой, посреди другихъ державъ европейскихъ, — необходимо полное и всестороннее

развитіе ея государственныхъ и народныхъ силъ. Сознаніе этой необходимости и внушило Петру мысль,—вмѣсто прежнихъ робкихъ и случайныхъ нововведеній и полумѣръ, произвести обширное, всеобщее преобразованіе своего государства. Мысль о преобразованіи государственнаго устройства Россіи родилась у него за границей, и онъ началъ приводить ее въ исполненіе по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, производя реформы въ русскомъ общественномъ и частномъ бытѣ постепенно, въ теченіе всей своей жизни, такъ что важнѣйшія изъ преобразованій Петра (какъ напр. изданіе «Духовнаго регламента», учрежденіе академіи наукъ) совершились только въ концѣ его царствованія.

И такъ, государственная реформа, предпринятая Петромъ В., была явленіемъ современнымъ, необходимымъ, вытекавшимъ естественно изъ хода событій древней Руси и отвѣчавшимъ настоятельнымъ потребностямъ русскаго государства и стремленіямъ народнымъ. Но, къ сожалѣнію, нельзя сказать того же самаго о мѣрахъ и пріемахъ, посредствомъ которыхъ Петръ вводилъ въ русскій народъ свои нововведенія. На этихъ мѣрахъ и пріемахъ петровской реформы лежитъ нерѣдко рѣзкая печать бурнаго, деспотическаго и часто жестокаго характера самаго преобразователя. Сознавъ однажды необходимость извѣстнаго преобразованія, Петръ, съ свойственною ему нетерпѣливостію, хотѣлъ видѣть немедленно его дѣйствія и плоды, — и со всѣмъ могуществомъ своего порывистаго, желѣзнаго характера, съ непоколебимою силою воли принимался перестраивать старое и насаждать новое. И тутъ-то Петръ употреблялъ нерѣдко безпощадно крутыя, насильственныя мѣры, для скорѣйшаго введенія въ дѣйствіе своихъ преобразованій, перестраивалъ и ломалъ старое съ тою быстротою и порывистостію, которою запечатлѣны почти всѣ его дѣйствія, — не обращая вниманія ни на состояніе умовъ, ни на положеніе современнаго русскаго общества, ни на народныя чувства и понятія; противниковъ же и ослушниковъ своей воли жестоко каралъ и преслѣдовалъ. Оттого многія изъ его нововведеній были такъ ненавистны народу и такъ порицались приверженцами стараго порядка вещей. Но всѣ крутыя и жестокія мѣры Петра, — если не оправдываемыя, то легко объясняемыя современными обстоятельствами и положеніемъ Россіи и

современнымъ взглядомъ на народъ, — ни мало не могутъ уменьшить великаго значенія реформы, предпринятой Петромъ для возвеличенія и для блага Россіи, которое онъ видѣлъ въ просвѣщеніи русскаго народа и въ его сближеніи съ Европой, — въ просвѣщеніи, о насажденіи котораго въ Россіи онъ такъ искренно, съ такой неслыханной энергіей и дѣятельностію заботился въ теченіи своей жизни.

Мѣры Петра относительно народнаго образованія.—Состояніе и характеръ литературы въ его царствованіе. Если для всѣхъ мыслящихъ людей XVII стол. были очевидны отсутствіе знаній и науки и недостатокъ просвѣщенія на Руси; то тѣмъ ощутительнѣе этотъ недостатокъ долженъ былъ представиться Петру, который, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ своего дѣтства, какъ извѣстно, получилъ очень ограниченное воспитаніе и «при своей геніальности, при жгучей жаждѣ къ пріобрѣтенію познаній, предоставленъ былъ совершенно самому себѣ, долженъ былъ самоучкою нахватывать познанія здѣсь и тамъ, по поводу каждаго новаго предмета, попадающагося ему въ глаза.» (*) Но образованіе, которое Петръ могъ получить въ тогдашней Россіи и при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ не могло бы конечно удовлетворить пылкимъ и всеобъемлющимъ стремленіямъ его геніальной натуры. Образованіе, какое было потребно для Петра, онъ могъ получить въ то время только въ просвѣщенныхъ странахъ Европы. Хотя первое заграничное путешествіе Петра не было предпринято имъ съ цѣлію образованія, хотя въ этомъ случаѣ имъ руководила одна лишь тогдашняя страсть его къ морскому дѣлу и къ изученію кораблестроенія, но тѣмъ не менѣе посѣщеніе Европы играетъ важнѣйшую роль въ собственномъ развитіи Петра и во всѣхъ, совершенныхъ имъ, преобразованіяхъ. Вскорѣ послѣ поѣздки за границу, онъ рѣзко высказалъ свое мнѣніе о недостаткѣ просвѣщенія въ Россіи въ извѣстномъ разговорѣ съ патріархомъ Адріаномъ, въ концѣ 1698 или въ началѣ 1699 году. Петръ, посѣтивъ больнаго патріарха, и въ разговорѣ съ нимъ коснувшись русскаго просвѣщенія, сказалъ:

(*) См. Соловьева разборъ «Истор. царств. П. В.,» Устрялова (Атеней 1858 г. № 27, стр. 11.

«у насъ ставятся священники малограмотные, св. таинствъ не разумѣющіе. Надобно ихъ учить, чтобы они могли вразумлять православный народъ въ истиннахъ христіанскихъ и просвѣщать зловѣрцевъ — Татаръ, Мордву, Черемису. Потому, хотя бы въ Кіевъ послать нѣсколько десятковъ человѣкъ для обученія въ тамошнія школы, которыя могли бы ихъ къ тому приготовить. Благодатію Божію (продолжалъ царь) и въ Москвѣ у насъ есть школа, и тому дѣлу порадѣть бы можно, но мало кто въ ней учится, потому что никто, какъ подобаетъ, не назираетъ за школой. А изъ школы могли бы *во всякія потребы люди, учась благоразумно, происходить: въ церковную службу и въ гражданскую, воинствовать, знать строеніе и докторское, врачевское искуство.* Здѣсь многіе желаютъ дѣтей своихъ учить *свободнымъ наукамъ* и отдаютъ ихъ для этого иноземцамъ; иные и *въ домахъ своихъ держатъ учителей иноземцевъ*, которые нашего славянскаго языка не знаютъ и не могутъ правильно говорить, и къ тому же, — они иныхъ вѣръ.»

Изъ этихъ словъ Петра ясно, что онъ ставилъ кіевскія школы выше московскихъ и что въ послѣднихъ (т. е. собственно въ московской академіи) онъ хотѣлъ видѣть болѣе реальнаго, жизненнаго направленія, хотѣлъ, чтобы московская академія была чѣмъ-то въ родѣ университета, который могъ бы дать ему образованныхъ молодыхъ людей для всѣхъ родовъ государственной службы. По складу своего ума, по характеру своихъ желаній и стремленій, — этотъ реальный взглядъ на знанія и на науку былъ господствующимъ взглядомъ Петра. Главная цѣль всѣхъ его преобразованій заключалась въ томъ, чтобы доставить Россіи могущество политическое, въ которомъ онъ видѣлъ существенную основу для ея благоденствія; и потому, торопясь съ преобразованіями, онъ требовалъ отъ науки прямого служенія своимъ государственнымъ цѣлямъ, смотрѣлъ на просвѣщеніе какъ на надежнѣйшее средство къ осуществленію своихъ видовъ и намѣреній, относительно реформы государственнаго устройства Россіи. Этотъ практическій взглядъ самаго Петра на знанія и науку отразился на всѣхъ мѣрахъ и учрежденіяхъ, предпринятыхъ имъ для просвѣщенія народа, умственной дѣятельности котораго онъ старался сообщить строго-реальное направленіе, соотвѣтствовавшее его политическимъ

цѣлямъ. Вотъ отчего между государственной реформой Петра и наукой и литературой его времени существуетъ самая тѣсная связь, какъ мы это увидимъ, при обозрѣніи главнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ и литературной дѣятельности писателей реформы.

Заведеніе свѣтскихъ училищъ и изданіе книгъ — преимущественно спеціальнаго содержанія — были главнѣйшими мѣрами Петра по части образованія народнаго. Это дѣло, т. е. свѣтскія училища и распространеніе спеціальныхъ знаній въ народѣ, посредствомъ изданія книгъ, заимствованныхъ у Европы, было совершенно новымъ для Руси, вытекавшимъ прямо изъ потребностей реформы. Но въ тоже время прежнія духовныя училища, т. е. двѣ академіи — кіевская и московская—не потерпѣли измѣненія отъ реформы ни въ своемъ назначеніи, ни въ характерѣ и направленіи преподаваемыхъ въ нихъ наукъ. Мы привели выше свидѣтельство, что Петръ былъ хорошаго мнѣнія о кіевской учености. Для кіевскаго коллегіума время Петра было даже самою цвѣтущею эпохою. Онъ пожаловалъ (1701) этому заведенію грамоту, которою подтверждались всѣ прежнія его привиллегіи какъ отдѣльной и независимой ученой корпораціи, и въ которой кіевскій коллегіумъ въ первый разъ названъ былъ *академіей.* Петру, для осуществленія его обширныхъ и разнообразныхъ плановъ, нужны были люди образованные, знакомые хотя въ нѣкоторой степени съ европейскимъ просвѣщеніемъ. Между Русскими онъ могъ встрѣтить такихъ людей только въ числѣ духовныхъ лицъ, воспитывавшихся въ кіевской академіи. И потому, въ его царствованіе и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, воспитанники кіевской академіи являются почти исключительными и главнѣйшими дѣятелями: въ сферѣ духовнаго управленія и религіознаго просвѣщенія, въ сферѣ образованія и обученія народнаго и наконецъ — на поприщѣ литературномъ. Естественно, что люди эти, въ какой бы сферѣ ни вращалась ихъ дѣятельность, вездѣ слѣдовали тому направленію, которое сообщила имъ школа и родъ полученнаго имъ образованія. Такимъ образомъ, вліяніе кіевской учености въ духовномъ образованіи Великороссіи не только не уменьшилось во время реформы, но еще значительно усилились, особенно съ 1701 года, когда протекторомъ московской академіи былъ сдѣланъ митроп. Стефанъ Яворскій, — одна изъ духовныхъ знаменитостей царствованія

Петра. Государь былъ отвлеченъ, какъ видно, дѣломъ реформы отъ мысли, высказанной имъ въ разговорѣ съ патр. Адріаномъ, — преобразовать московскую славяно-греко-латинскую академію въ родѣ университета. Чрезъ два года послѣ этого разговора, вскорѣ послѣ смерти Адріана, назначивъ Стефана Яворскаго *блюстителемъ* московскаго патріаршаго престола, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ его протекторомъ академіи и поручилъ ему заботу объ учрежденіи духовныхъ училищъ въ Россіи. Яворскій получилъ образованіе въ кіевскомъ коллегіумѣ и въ заграничныхъ польскихъ училищахъ и самъ былъ долгое время преподавателемъ кіевскаго коллегіума. Поэтому понятно, что онъ старался ввести въ московскія школы тотъ родъ образованія, съ которымъ самъ былъ хорошо знакомъ, т. е. образованія кіевскаго, или *ученіе латинское*, какъ говорили тогда. Лучшаго духовнаго образованія, какъ кіевское, — которое было снимкомъ съ западнаго схоластическаго образованія, — при тогдашнихъ обстоятельствахъ, Яворскій и не могъ ввести; вопервыхъ потому, что ученыхъ преподавателей, которые знали бы русскій языкъ, онъ могъ найти только въ Кіевѣ; а вовторыхъ, — онъ долженъ былъ предпочесть кіевское образованія прежнему московско-византійскому (которое, при последнихъ патріархахъ, Іоакимѣ и Адріанѣ, еще удерживалось въ московской академіи) потому, что кіевскіе ученые не относились такъ враждебно къ западной наукѣ и не считали ее, подобно московскимъ книжникамъ, опасною для православія. Потому С. Яворскій прямо представилъ государю, что лучшимъ образцомъ для устройства московской академіи можетъ служить устройство академіи кіевской, — и Петръ, особымъ указомъ 1701 года, повелѣлъ завести въ московской академіи *ученія латинская*. Затѣмъ Яворскій вызвалъ изъ Кіева ученыхъ преподавателей, ввелъ въ Москвѣ всѣ кіевскіе школьные порядки и пріемы, какъ со стороны внѣшняго устройства училища, такъ и со стороны внутренняго содержанія и направленія преподаваемыхъ наукъ, и сдѣлалъ латинскій языкъ господствующимъ языкомъ школьнаго преподаванія. Такимъ образомъ, славяно-греко-латинская академія въ Москвѣ, въ началѣ XVIII стол., сдѣлалась точною копіею академіи кіевской и долго сохраняла съ нею тѣсную связь, тѣмъ особенно, что съ этого времени сдѣлалось почти правиломъ давать мѣста препода-

вателей въ московскихъ духовныхъ школахъ, равно какъ и высшія духовныя должности въ Великороссіи, преимущественно воспитанникамъ кіевской академіи. Преобразованіе московской академіи по образцу кіевской особенно важно въ томъ отношеніи, что оно имѣло вліяніе на организацію всѣхъ духовныхъ училищъ въ Великороссіи, учреждавшихся впослѣдствіи: духовное образованіе московской академіи, вмѣстѣ со всѣми ея школьными порядками, было перенесено цѣликомъ во всѣ областныя семинаріи и духовныя школы, въ которыя начальники и учители назначались обыкновенно изъ московской академіи.

И такъ, духовное образованіе времени Петра, расширивъ свои предѣлы, не подверглось однако какому-либо коренному измѣненію, относительно своего существеннаго характера и своего внутренняго достоинства. Западная схоластика, которая въ концѣ XVI столѣтія перешла въ Кіевъ, перенесена была теперь и въ великороссійскія духовныя училища. Реформа Петра, коснувшись всѣхъ сторонъ русской жизни, на образованіе духовное не могла имѣть того же вліянія, какое она имѣла въ другихъ сферахъ умственной дѣятельности народа. Напротивъ: такъ-какъ первыми и главными пособниками Петра въ дѣлѣ образованія были воспитанники схоластическихъ училищъ, то они невольно проводили въ жизнь и въ кругъ своей дѣятельности тѣ или другія понятія, сообщенныя имъ воспитаніемъ.

Связь духовнаго образованія при Петрѣ съ духовнымъ образованіемъ предшествовавшаго времени видна яснѣе всего изъ современныхъ учебныхъ руководствъ, которыя были совершенно одинаковы, какъ въ кіевской, такъ и въ московской академіи, и которыя вели свое начало отъ Іоанникія Голятовскаго, Кирилла Транквилліона и другихъ кіевскихъ ученыхъ; и наконецъ изъ книгъ, — сочиненій и переводовъ,—которые издавались наставниками академій или лицами, находившимися подъ вліяніемъ образованія, получаемаго въ обѣихъ академіяхъ. Эти учебники и книги заключались по большей части въ перепечатаніи прежнихъ схоластическихъ сочиненій или же въ изданіи новыхъ, — но въ томъ же духѣ и направленіи. Литературная дѣятельность московской академіи, въ подражаніе академіи кіевской, выражалась при Петрѣ въ изобильномъ сочиненіи разнаго рода виршей, какъ-то: кантовъ, стихотворныхъ панегириковъ и хвалебныхъ

стиховъ—либо въ честь царственныхъ особъ или кого-либо изъ высоко поставленныхъ лицъ, либо по случаю военныхъ побѣдъ Петра и разнаго рода празднествъ и торжествъ. Обычай сочинять духовныя драммы, или мистеріи, былъ тоже перенесенъ изъ Кіева въ славяно-греко-латинскую академію, воспитанники которой разыгривали ихъ въ рекреаціонное время.

Вліяніе московской академіи ограничивалось преимущественно сферою духовнаго образованія. Хотя Петръ и поручалъ вначалѣ преподавателямъ академіи переводить нѣкоторыя, имъ самимъ указанныя, не духовныя сочиненія, и хотя въ академію поступали (впрочемъ въ небольшомъ числѣ) лица и не изъ недуховнаго званія; но это скоро прекратилось, и послѣ учрежденія свѣтскихъ училищъ, московская академія удержала вполнѣ свой прежній характеръ и, согласно своему назначенію, осталась заведеніемъ чисто-духовнымъ.

Такимъ образомъ, эпоха преобразованій, можно сказать, не внесла почти ничего новаго въ русское духовное образованіе: оно осталось почти тѣмъ же, что и было въ XVII столѣтіи: только кіевская схоластика, пріобрѣтя права гражданства въ Москвѣ, постоянно вытѣсняла господствовавшее здѣсь прежде византійское вліяніе. Но въ сферѣ образованія общаго, или *свѣтскаго*, образованія, незнакомаго древней Руси и насажденнаго въ Россіи Петромъ, образованія европейскаго, представителемъ котораго былъ самъ царь, которое отвѣчало и прямо вытекало изъ предпринятаго имъ государственнаго преобразованія Россіи, — въ этой сферѣ дѣятельность преобразователя произвела коренныя измѣненія и внесла въ русскую жизнь тѣ начала и понятія, которыя должны были пробудить Россію отъ стариннаго коснѣнія и многовѣковаго застоя и заставить ее идти путемъ безостановочнаго прогрессивнаго движенія впередъ; ибо только такое движеніе составляетъ залогъ благоденствія и величія народовъ и государствъ; тогда какъ, напротивъ, застой и мертвая неподвижность влекутъ за собою отупѣніе народа, разслабленіе народныхъ силъ и распаденіе государственныхъ организмовъ. Петръ это ясно сознавалъ, и всѣ усилія употреблялъ къ тому, чтобы сообщить русской политической и народной жизни живое, поступательное движеніе,—котораго

ей не доставало,—и чтобы сблизить русскій народъ съ жизнію образованныхъ европейскихъ народовъ.

Мѣры и учрежденія Петра по части образованія и распространенія просвѣщенія въ народѣ и предметы образованія, на которые онъ обратилъ преимущественное вниманіе, заключалось, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: 1) въ учрежденіи *свѣтскихъ* училищъ для всѣхъ сословій въ государствѣ, а не для одного духовенства, какъ было прежде; 2) въ изданіи спеціальныхъ книгъ по части морскаго дѣла, военныхъ наукъ, кораблестроенія, архитектуры и т. п. 3) въ переводахъ нѣкоторыхъ классическихъ въ то время и современныхъ въ Европѣ сочиненій по части наукъ политическихъ, юридическихъ, историческихъ и другихъ; 4) въ изданіи книгъ для первоначальнаго обученія въ школахъ, какъ-то: букварей, катихизисовъ и т. п. которые, по своему характеру, рѣзко отличались отъ старинныхъ книгъ этого рода; 5) въ учрежденіи типографій и введеніи въ употребленіе *гражданскихъ* литтеръ, или *гражданскаго* алфавита, которымъ стали печататься всѣ не духовныя книги и сочиненія и всѣ распоряженія правительства: указы, уставы, регламенты и т. п. расходившіеся изъ Петербурга по всей Россіи; 6) въ печатаніи «русскихъ вѣдомостей,» на маперъ европейскихъ періодическихъ изданій и наконецъ 7) въ учрежденіи с.-петербургской академіи наукъ.

Важнѣйшими изъ всѣхъ поименованныхъ нами явленій реформы, относившихся до просвѣщенія народнаго, были конечно *школы* и *книги*.

Въ первомъ учрежденіи свѣтскихъ школъ прямо высказались государственныя цѣли Петра: учрежденныя имъ вначалѣ учебныя заведенія были училища спеціальныя, — преимущественно для образованія военнаго. Въ 1700 году Петръ завелъ въ Москвѣ «навигаціонную школу,» (*) въ которой учителями были три англичанина; а чрезъ 15 лѣтъ основалъ въ Петербургѣ «морскую академію,» въ которой уже преподавались высшія науки, относившіяся до военнаго дѣла,—морскаго и сухопутнаго, — такъ-какъ для послѣдняго не существовало еще особаго спеціальнаго заведенія; но впослѣдствіи учреждены были въ Петербургѣ же школы инженерная и артиллерійская. Въ связи съ спеціальными военными заведеніями стояло и заведеніе при военномъ госпиталѣ въ Москвѣ,—

(*) Эта школа называлась еще «математическою» или «штюрманскою».

родъ хирургической школы,—въ которой нѣсколько молодыхъ людей, знавшихъ латинскій языкъ, подъ руководствомъ иностранныхъ медиковъ, занимались изученіемъ анатоміи и хирургіи.

Школы для общаго народнаго обученія при Петрѣ учреждались какъ-то по сословіямъ: существовали особыя гарнизонныя школы, для солдатскихъ дѣтей, особыя школы для дѣтей подъячихъ, *греческія* и *латинскія* школы, семинаріи и другихъ названій училища, — для дѣтей духовнаго званія. При архіерейскихъ же домахъ и монастыряхъ во всѣхъ провинціяхъ учреждены были первоначальныя, или т. н. *цыфирныя* школы, для дѣтей купцовъ, мѣщанъ и разночинцевъ; въ этихъ школахъ, кромѣ обученія русской грамотѣ, учили *цыфири* (ариѳметикѣ) и геометріи.

Изъ духовныхъ школъ, устроенныхъ на новыхъ началахъ, открыта была лишь одна, въ Петербургѣ, при Александроневскомъ монастырѣ, подъ именемъ «словенской школы.» Эта школа была открыта вслѣдъ за изданіемъ «Духовнаго регламента» (см. ниже: Ѳ. Прокоповичъ) и учрежденіемъ синода (1721 г.) произведшихъ коренное измѣненіе въ русскомъ духовномъ управленіи. Петръ еще въ 1701 году, назначая Ст. Яворскаго мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола, повелѣлъ, чтобы онъ «не жалѣя имѣнія и доходовъ дому патріаршаго, училища учредилъ и о наученіи закона Божія крайне прилѣжалъ» и чтобы «по прошествіи малаго времени, не наученныхъ по крайней мѣрѣ катехизма и 10 заповѣдей, не свидѣтельствовавъ самъ, во священники не ставилъ.» Но во всѣхъ, учреждавшихся при Яворскомъ и послѣ него, духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, господствовало прежнее кіевское вліяніе: начальниками и учителями въ нихъ были монахи, ученики поступали исключительно изъ дѣтей священно-и церковно-служителей, и при обученіи употреблялись прежнія учебныя руководства. «Словенская» же школа въ Петербургѣ, въ первое время своего учрежденія, рѣзко отличалась отъ духовныхъ училищъ въ другихъ городахъ Россіи. Школѣ этой хотѣли придать то практическое направленіе, которое такъ нравилось Петру. Въ ней учителями были не только монахи и духовные, но и люди свѣтскіе, а въ числѣ учениковъ—изъ духовнаго званія находилось не много, — болѣе же изъ разночинцевъ, т. е. изъ

дѣтей мастеровыхъ, подъячихъ и т. д. были даже дѣти крѣпостныхъ различныхъ господъ; учить же здѣсь стали по руководствамъ, составленнымъ на основаніи новыхъ началъ, какъ напримѣръ, по книгѣ Ѳеофана Прокоповича: «Первое ученіе отрокомъ,» напечатанной въ Петербургѣ въ 1720 году. Содержаніе нашихъ старинныхъ букварей ограничивалось обыкновенно азбукой и складами, за которыми прямо слѣдовало, безъ всякихъ объясненій, изложеніе псалмовъ и молитвъ, которые поэтому и заучивались дѣтьми механически; въ букваряхъ позднѣйшихъ, составленныхъ подъ вліяніемъ кіевской науки, къ этому присоединялись иногда разныя нравственныя наставленія, излагавшіяся большею частію нелѣпыми виршами, въ которыхъ прославлялась розга, какъ весьма полезное и необходимое орудіе, при воспитаніи дѣтей. Ѳ. Прокоповичъ, въ своей книгѣ для первоначальнаго обученія, рѣзко отступилъ отъ этой старой методы. Въ «Первомъ ученіи отрокомъ,» послѣ азбуки, онъ помѣстилъ толкованіе и объясненія десяти заповѣдей, молитвы господней, символа вѣры и блаженствъ евангельскихъ. Да кромѣ того, въ предисловіи къ книгѣ, сильно напалъ на старинныхъ книжниковъ и на прежній способъ обученія. «Воспитаніе въ Россіи, — сказано здѣсь,—кто не видитъ какъ скудно!... Все богопочтеніе полагаютъ во внѣшнихъ обрядахъ и тѣлесныхъ (т. е. механическихъ) обученіяхъ, нижѐ помышляюще о самомъ основательномъ благочестіи.» Потому авторъ вооружается противъ мнимо-грамотныхъ, изучавшихъ въ книгахъ одну лишь букву, а не смыслъ читаемаго, и возстаетъ противъ такихъ *чтецовъ книгъ*, которые не знаютъ ни заповѣдей Божіихъ, ни символа вѣры, ни силы молитвъ. Такіе грамотники, говоритъ Прокоповичъ, гораздо хуже и злѣе людей неграмотныхъ. Книгу Ѳ. Прокоповича повелѣно было не только принять въ руководство во всѣхъ училищахъ, но и читать, въ извѣстные дни, въ церквахъ, вмѣсто книгъ Ефрема Сирянина. Это обстоятельство, новость толкованія въ учебникѣ религіозныхъ догматовъ и особенно—рѣзкость предисловія книги не понравились стариннымъ книжникамъ — не только московскимъ, но въ особенности кіевскимъ, которые въ духовномъ и въ учебномъ мірѣ пользовались въ то время въ Россіи исключительнымъ авторитетомъ. Они вооружились противъ книги Ѳ. Прокоповича и обвиняли автора въ неправославіи; но тѣмъ не менѣе, при

жизни Петра, «Первое ученіе отрокомъ» введено въ употребленіи въ училищахъ.

Говоря о заведеніи училищъ при Петрѣ, мы должны однако упомянуть, что всѣ школы какъ свѣтскія, такъ и духовныя, учрежденныя въ его время, не пользовались любовію въ народѣ. Правительство писало неоднократно подтвердительные указы и приказывало: «которые въ ученіи быть не хотятъ, тѣхъ имать въ школы и неволею.» Въ первое свѣтское училище Петра, въ «навигацкую школу» тоже набирали учениковъ «добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ.» Изъ многихъ указовъ Петра и другихъ современныхъ памятниковъ видно, что и въ «цыферныя» школы и даже въ духовныя семинаріи родители отдавали своихъ дѣтей неохотно и лишь по принужденію. Особенно строгъ былъ указъ 1708 года (который потомъ нѣсколько разъ повторялся) относительно дѣтей духовнаго званія: тѣ изъ нихъ, которые не были записаны въ *греческія* и *латинскія* школы, не ставились ни въ священники, ни въ діаконы, и ихъ велѣно было брать въ солдаты.

Понятно, что, при такомъ порядкѣ вещей, школы, заведенныя Петромъ, шли весьма туго и не могли процвѣтать, и что успѣхи учениковъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ его времени были крайне не велики. Нелюбовь къ петровскимъ школамъ нельзя однако объяснять не сочувствіемъ русскаго народа къ образованію вообще. Русскій народъ и въ старину не чуждался грамоты и ученія, тѣмъ менѣе онъ могъ чуждаться грамоты въ XVIII столѣтіи. Но вопервыхъ: организація Петровскихъ школъ не соотвѣтствовала ни нравамъ и обычаямъ, ни понятіямъ и вѣрованіямъ народнымъ , и потому народъ не любилъ правительственныхъ школъ и не питалъ къ нимъ довѣрія; а вовторыхъ: экономическій и общественный бытъ русскаго народа, глубоко потрясенный безпорядками XVII столѣтія и подавленный, въ эпоху Петра, всею тяжестію его государственной реформы,—былъ весьма далекъ отъ благоденствія. Эпоха Петра была однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ временъ для русскаго народа. Продолжительная сѣверная война, устройство флота, новыя учрежденія — все это требовало большихъ пожертвованій, и все это русскій народъ выносилъ на своихъ плечахъ. Тутъ конечно ему некогда было думать о грамотности и

объ образованіи. Образованность бываетъ всегда плодомъ народнаго досуга и матерьяльнаго довольства, безъ которыхъ не мыслимо вообще никакое образованіе. — Тѣмъ не менѣе великъ подвигъ Петра и святы его заботы и усилія о заведеніи и распространеніи въ Россіи училищъ. Началу, положенному имъ, и его энергическимъ мѣрамъ и стараніямъ о народномъ образованіи, Россія обязана тѣмъ, что, черезъ 40—50 лѣтъ послѣ его царствованія, сдѣлалось *возможнымъ* сдѣлалось *потребностію* для Россіи открытіе университетовъ, гимназій и народныхъ училищъ, — что, при прежнемъ, до-петровскомъ порядкѣ вещей, не могло совершиться въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ.

Кругъ дѣятельности Петра Великаго по предмету учрежденій для распространенія наукъ и знаній въ Россіи заканчивается основаніемъ «с.-петербургской академіи наукъ.»

Въ Январѣ 1724 года онъ издалъ указъ «о академіи, въ которой бы языкамъ учились, также прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ (*) и переводились книги, назначить мѣсто для сего и доходъ.» Планъ и основная мысль составленнаго для академіи устава принадлежатъ самому Петру, хотя основать академію совѣтовалъ ему извѣстный философъ Лейбницъ. Первоначальный уставъ с.-петербургской академіи доказываетъ, что Петръ ясно сознавалъ современныя потребности Россіи. Онъ понималъ, что основать въ Россіи учрежденіе, подобное академіямъ наукъ, существовавшимъ въ государствахъ европейскихъ, было бы явленіемъ несвоевременнымъ. Потому въ уставѣ Петра объ академіи говорилось «возращеніе наукъ и художествъ» въ Россіи должно быть учинено не по чуждымъ образцамъ, а «надлежитъ смотрѣть на состояніе государства, какъ въ разсужденіи обучающихъ, такъ и обучающихся, и такое зданіе (т. е. учрежденіе) учинить, чрезъ которое бы не токмо слава сего государства, для размноженія наукъ нынѣшнимъ временемъ распространилась, но и чрезъ обученіе и расположеніе оныхъ польза народа впереди была.» На этомъ основаніи, по проэкту Петра, с.-петербургская акдемія должна была состоять: 1) изъ собственно *академіи*, или общества ученыхъ, которые должны были самостоятельно разрабатывать науку,

(*) Подъ «художествами» Петръ разумѣлъ науки: механику, математику, физику, анатомію и другія, особенно въ ихъ приложеніи къ практикѣ.

2) изъ *университета*, въ которомъ были бы профессорами и читали лекціи члены академіи и наконецъ 3) изъ *гимназіи*, въ которой адъюнкты академіи должны были преподавать молодымъ людямъ «первые рудименты» (основанія) наукъ и готовить ихъ въ университетъ. Кромѣ того, академія должна была переводить на русскій языкъ замѣчательныя иностранныя сочиненія и академикамъ было поставлено въ обязанность составленіе, для русской учащейся молодежи, учебныхъ руководствъ по разнымъ наукамъ; т. е. каждый изъ нихъ,—какъ сказано въ уставѣ, — долженъ былъ изготовить «систему или курсъ въ наукѣ своей къ пользѣ учащихся молодыхъ людей.» Ясно изъ этого, что Петръ, учреждая академію, имѣлъ въ виду преимущественно образовательныя и педагогическія цѣли.

Послѣ утвержденія академическаго устава, назначена была сумма на содержаніе академіи и государь самъ выбралъ для нея помѣщеніе, заботясь при томъ особенно о квартирахъ «академическимъ учителямъ, также и для обученія студентовъ.» Затѣмъ сдѣланъ былъ вызовъ и приглашены ученые изъ Европы занять мѣста академиковъ въ новой академіи. Тогдашнихъ знаменитыхъ ученыхъ, Вольфа и Лейбница, Петръ самъ приглашалъ въ Россію, но они не согласились покинуть отечество. Такимъ образомъ, все было готово къ открытію академіи, но въ началѣ слѣдующаго, 1725 года скончался Петръ, и открытіе академіи послѣдовало чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его смерти, при императрицѣ Екатеринѣ I.

Другимъ главнѣйшимъ явленіемъ реформы по части образованія народнаго, какъ мы сказали, были книги.

Петръ смотрѣлъ на книги, съ одной стороны какъ на необходимое орудіе для предпринятой имъ государственной реформы, а съ другой—какъ на одно изъ главнѣйшихъ средствъ для распространенія въ народѣ здравыхъ понятій и образованности. Потому онъ самъ заботился о переводахъ и составленіи книгъ, самъ дѣлалъ выборъ и указанія для переводовъ, самъ назначалъ переводчиковъ и составителей книгъ и хлопоталъ о печатаніи и распространеніи въ народѣ книгъ. Вся книжная производительность Петрова времени была, можно сказать, выраженіемъ его личной воли, его плановъ и идей и находилась

въ тѣсной связи со всей его преобразовательною дѣятельностію. Исключеніе составляли книги духовнаго содержанія или вообще книги, писавшіяся въ направленіи схоластической учености, подъ вліяніемъ двухъ академій, кіевской и московской. Печатаніе этихъ послѣднихъ книгъ также значительно усилилось въ эпоху Петра, вслѣдствіе увеличенія числа типографій. Но всѣ книги, появлявшіяся по желанію Петра, всегда прямо относились къ предметамъ реформы и назначались либо для распространенія въ народѣ новыхъ свѣдѣній и понятій, либо для оправданія, для объясненія и истолкованія дѣйствій и распоряженій правительства.

Петръ особенно заботился о переводахъ европейскихъ книгъ на русскій языкъ. Мы видѣли, что и самая мысль объ учрежденіи академіи была у него связана съ мыслію о переводѣ книгъ. Онъ хлопоталъ о томъ, напримѣръ, чтобы посредствомъ ученыхъ западныхъ Славянъ перевести для Русскихъ заграничные энциклопедическіе словари, а также «книгу юриспруденціи.» Въ 1718 году на представленной ему иностранцомъ Фикомъ запискѣ объ обученіи русскихъ молодыхъ людей, онъ написалъ резолюцію: «сдѣлать академію, также *начать переводить книги юриспруденціи и прочія.*» Мысль о переводѣ на русскій языкъ замѣчательныхъ и полезныхъ европейскихъ сочиненій занимала Петра въ теченіе всего его царствованія. Онъ всегда самъ просматривалъ переведенныя, по его порученію, книги, дѣлалъ свои замѣчанія, отдавалъ книги въ печать и хлопоталъ о томъ, чтобы ихъ читали. Узнавъ, что въ европейской литературѣ, по части права и исторіи народовъ въ то время считались лучшими сочиненія Самуила Пуфендорфа, Петръ приказалъ перевести на русскій языкъ изъ сочиненій его: «Введеніе въ исторію европейскихъ народовъ,» «О должностяхъ человѣка и гражданина» и «О законахъ естества и народовъ» (De jure naturæ et gentium.) Это послѣднее сочиненіе Пуфендорфа,— какъ и нѣкоторые другіе переводы Петрова времени,—осталось въ рукописи и не было напечатано. Сочиненія Пуфендорфа переводилъ Гавріилъ Бужинскій (см. ниже) и первое изъ нихъ—«Введеніе въ исторію»—снабдилъ предисловіемъ, въ которомъ упомянулъ, что въ русскомъ переводѣ сохранены всѣ мнѣнія и отзывы автора и что онъ сдѣланъ безъ пропусковъ. Бужинскій сначала выпустилъ было въ ру-

кописи своего перевода рѣзкіе отзывы Пуфендорфа о грубости и невѣжествѣ русскаго народа и русскаго духовенства; но Петръ, разсматривая переводъ и замѣтивъ выпуски, назвалъ переводчика за это глупцомъ и велѣлъ вставить въ переводъ выпущенныя, неблагосклонныя мнѣнія Пуфендорфа о Русскихъ. Вотъ одно изъ этихъ мнѣній, въ переводѣ Бужинскаго: «Въ письменахъ же столь не искусны суть (Россіяне) яко въ писаніи и въ прочтеніи книгъ совершенство ученія полагаютъ. Паче же и самые священницы суть грубы и всякаго ученія не причастны... Рабскій народъ, рабски смирятися и жестокостью власти воздержатся въ повиновеніи любятъ,» и проч. Достойно замѣчанія, что послѣ Петра, именно при императрицѣ Аннѣ, «Введеніе въ исторію» Пуфендорфа подверглось запрещенію и велѣно было изъять эту книгу изъ обращенія. Такой же участи подверглось, при императрицѣ Елисаветѣ, и другое сочиненіе, переводъ котораго сдѣланъ былъ тѣмъ же Бужинскимъ: «Ѳеатронъ историческій.» (Theatrum historicum, протестантскаго епископа Стратемана).

При Петрѣ же были переведены на русскій языкъ сочиненія знаменитыхъ въ свое время политическихъ писателей: Гуго Гроція—«О законахъ брани и мира» (De jure belli et pacis) Юста Липсія—«Увѣщанія и приклады (примѣры) политическіе» (Monita et exempla politica) и многія другія книги по части географіи, исторіи, миѳологіи, и проч. Большая часть этихъ переводовъ дѣлалась всегда по желанію и часто по указанію самаго царя.

Въ 1717 году была переведена и напечатана въ Петербургѣ: «Книга мірозрѣнія,» — сочиненіе извѣстнаго современнаго ученаго, *Гюйгенса*. Переводъ этой книги замѣчателенъ потому, что это *первое* печатное на русскомъ языкѣ сочиненіе, въ которомъ была принята система Коперника.

Русскія переводчики книгъ Петрова времени снабжали свои переводы подробными и тщательными предисловіями и объясненіями, въ которыхъ излагались: содержаніе и значеніе сдѣланнаго перевода, побудительныя причины къ переводу сочиненія на русскій языкъ, свѣденія историческія, біографическія объ авторахъ и другія, въ которыхъ могли нуждаться русскіе читатели.

Изъ оригинальныхъ русскихъ сочиненій, появившихся при Петрѣ,

по его мысли и желанію, слѣдуетъ упомянуть о книгѣ, написанной извѣстнымъ Шафировымъ, и напечатанной въ 1717 году, подъ заглавіемъ: «Разсужденіе, какія законныя причины его царское величество къ начатію войны противъ Карола 12 шведскаго въ 1700 г. имѣлъ.» Книга эта во многихъ мѣстахъ исправлена и передѣлана самимъ Петромъ. Она написана съ цѣлію—оправдать русское правительство въ начатіи и въ способѣ веденія шведской войны. Изъ «Разсужденія» мы узнаемъ, что Петра осуждали въ начатіи шведской войны не только иностранцы, но и русскіе, обремененные ея тягостями. Книга опровергаетъ мнѣнія, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, и важнѣйшія мѣста опроверженія писаны, — какъ указалъ г. Устряловъ, — самимъ царемъ.

Такъ каждое замѣчательное событіе царствованія Петрова, каждое новое распоряженіе или дѣйствіе правительства всегда находило себѣ объясненіе или оправданіе въ произведеніяхъ современной письменности. Петръ не довольствовался тѣмъ, что силою своей царской власти могъ произвести въ государствѣ ту или другую реформу, могъ издать указъ о приведеніи въ исполненіе той или другой мѣры. Онъ хотѣлъ, кромѣ того, дѣйствовать на убѣжденіе народа посредствомъ книгъ, въ которыхъ объяснялись и оправдывались мѣры правительства, въ которыхъ доказывалась разумность или необходимость принятія этихъ мѣръ. Доказательствомъ этому служатъ почти всѣ регламенты, уставы, указы и другіе акты законодательной дѣятельности Петрова времени, въ которыхъ всегда занимали видное мѣсто пространныя объясненія и изложеніе мотивовъ, почему предпринимается то или другое учрежденіе или почему приводится въ исполненіе та или другая правительственная мѣра.

Всѣ письменныя произведенія Петрова времени предавались тисненію и распространялись въ народѣ; для чего царь дѣятельно заботился о распространеніи въ Россіи типографскаго дѣла и объ увеличеніи числа типографій. До Петра, Москва довольствовалась одною типографіею, которая печатала однѣ лишь церковныя книги и работала вообще довольно медленно. Послѣ возвращенія государя изъ-за границы, московская типографія должна была усилить свою дѣятельность, не ограничиваясь печатаніемъ однѣхъ лишь книгъ духовнаго содержанія, какъ было прежде. Да кромѣ того, находясь въ Голлан-

дія, царь далъ привиллегію на печатаніе русскихъ книгъ амстердамскому типографщику, Тессингу, который завелъ у себя русскіе шрифты и началъ печатать русскія книги, при помощи Ильи Копіевича, реформатскаго пастора изъ Бѣлоруссіи. Русскія книги печатались въ Амстердамѣ и отсылались въ Россію въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, до 1711 года, когда была открыта первая петербургская типографія, послѣ которой устроено было въ Петербургѣ, во время Петра, еще три типографіи: при Александроневскомъ монастырѣ, при сенатѣ и при морской академіи.

Въ Амстердамѣ же отлиты были въ первый разъ русскія буквы такъ называемой *гражданской* азбуки, изобрѣтеніе которой приписывается самому Петру. Азбука эта,—отличавшаяся отъ церковно-славянской, или «кириллицы», исключеніемъ нѣсколькихъ излишнихъ буквъ послѣдней и уничтоженіемъ удареній, — въ начертаніи буквъ болѣе приближалась къ латинскому алфавиту. Буквы *гражданской печати* стали употребляться для всего, что писалось на собственно-русскомъ языкѣ, и для печатанія всѣхъ произведеній свѣтской письменности; а употребленіе кириллицы было оставлено исключительно для книгъ духовнаго содержанія, печатавшихся на языкѣ церковно-славянскомъ. Такимъ образомъ русскій языкъ, со временъ Петра, отдѣлился отъ церковно-славянскаго и по внѣшнему начертанію буквъ и сдѣлался исключительнымъ орудіемъ собственно *свѣтской* письменности и литературы. Гражданскій шрифтъ введенъ во всеобщее употребленіе около 1708 года; изъ первыхъ книгъ, напечатанныхъ этимъ шрифтомъ, извѣстна книга: «Приклады (примѣры) како пишутся комплименты разные.»

Съ 1703 года начали издаваться въ Москвѣ, по повѣленію Петра, первыя печатныя «русскія вѣдомости.»

Періодическія изданія, заключавшія въ себѣ политическія и другія извѣстія, или вообще журнальная литература, на западѣ Европы, въ XVI стол., уже достигла значительнаго развитія и играла довольно важную роль въ политической и умственной жизни европейскихъ народовъ. У насъ же скудныя заграничныя извѣстія о томъ, «что нынѣ въ нѣмецкихъ государствахъ дѣлается» почерпались изъ посольскихъ донесеній и изъ статейныхъ списковъ нашихъ пословъ къ иностраннымъ

дворамъ. Со времени Михаила Θедоровича вошло въ непремѣнный обычай, при отправленіи пословъ, всегда наказывать имъ, чтобы они доносили царю обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ въ чужихъ земляхъ, а также присылали бы выписки изъ выходившихъ тамъ газетъ. Правильное же полученіе иностранныхъ газетъ въ Москвѣ (преимущественно гамбургскихъ и голландскихъ) которыя доставлялись въ «Посольскій приказъ,» началось лишь въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

На обязанности посольскаго приказа было — изъ донесеній и статейныхъ списковъ русскихъ пословъ дѣлать извлеченія и подносить ихъ для прочтенія царю. Эти извлеченія назывались «курантами» (отъ латин. currens — бѣгущій, текущій — вѣроятно по примѣру Голландіи, гдѣ и теперь еще всѣ періодическія листки называются курантами.) Русскіе куранты, кромѣ извѣстій изъ посольскихъ донесеній, заключали въ себѣ иногда и переводы нѣкоторыхъ статей изъ иностранныхъ газетъ, считавшихся почему-либо интересными для того времени. Куранты отъ царя переходили для прочтенія лишь къ немногимъ, приближеннымъ къ нему, лицамъ, а для народа оставались государственною тайною. Самый древній столбецъ курантовъ относится къ 1621 году.

Въ 1701 году закончилось составленіе рукописныхъ курантовъ. Въ концѣ слѣдующаго 1702 года, Петръ особымъ указомъ повелѣлъ *печатать куранты*, собирая для нихъ изо всѣхъ «приказовъ» извѣстія, или «вѣдомости о воинскихъ и о всякихъ дѣлахъ, которыя надлежатъ для объявленія московскаго и окрестныхъ государствъ людямъ.» Вслѣдствіе этого указа, 2 Генваря 1703 года, вышелъ первый листъ печатныхъ «русскихъ вѣдомостей.»

Петръ сознавалъ всю важность и значеніе изданія въ Россіи періодическихъ листковъ, изъ которыхъ народъ могъ почерпать вѣрныя свѣдѣнія о современныхъ событіяхъ, совершавшихся въ отечествѣ и заграницей. Пребываніе въ Европѣ указало ему, что газеты играли серьезную роль въ европейской публикѣ и имѣли немаловажное значеніе въ мірѣ политическомъ и умственномъ. Московскіе куранты представили ему удобный случай для того, чтобы обратить ихъ въ русское періодическое изданіе, или газету въ европейскомъ смыслѣ. Петръ такъ и сдѣлалъ. И вмѣсто рукописныхъ курантовъ, составляв-

шихъ до него государственную тайну, стали выходить въ Москвѣ печатныя «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ знанія и памяти, случившихся въ московскомъ государствѣ и во иныхъ окрестныхъ странахъ.» (*) Печатались вѣдомости въ количествѣ 1000 экземпляровъ, и дѣло изданія первыхъ русскихъ вѣдомостей было до такой степени близко Петру, что онъ самъ назначалъ карандашемъ, для перевода и помѣщенія въ нихъ, мѣста изъ голландскихъ газетъ и даже самъ правилъ корректуру нѣкоторыхъ нумеровъ, которые и теперь хранятся въ москов. синод. библіотѣ съ его корректурными замѣтками. (**)

Въ первыхъ нумерахъ петровскихъ вѣдомостей 1703 года впереди шли русскія извѣстія, излагавшіяся вообще довольно хорошо и безпристрастно; иныя изъ нихъ не лишены интереса и въ настоящее время. Такъ напримѣръ: въ нумерѣ 2 генваря помѣщено слѣдующее извѣстіе о московскихъ школахъ, доказывающее, между прочимъ, что школы составляли для Петра предметъ большой заботливости:

«Повелѣніемъ его величества московскія школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ философію, и уже діалектику окончили.

«Въ математической штюрманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся, и добрѣ науку пріемлютъ.»

Тутъ же находится, напр. такое любопытное извѣстіе:

«Изъ Сибири пишутъ: Въ китайскомъ государствѣ іезуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены.»

За русскими извѣстіями шли извѣстія заграничныя, почерпавшіяся изъ европейскихъ газетъ и изъ офиціальной переписки русскихъ дипломатическихъ чиновниковъ; потому заграничныя извѣстія начинались чаще всего выраженіемъ: «Изо Львова, изъ Стекольны (Штокгольма), изъ Парижа, изъ Персиды и т. п. — пишутъ.»

Вначалѣ вѣдомости выходили въ неопредѣленные сроки, — вѣроятно по мѣрѣ накопленія матерьяловъ,—и печатались церковно-славянскимъ шрифтомъ, а впослѣдствіи — то церковнымъ, то гражданскимъ.

(*) «Первыя русскія вѣдомости, печатавшіяся въ Москвѣ въ 1703 году.» (Новое тисненіе) С.Пб. 1855 года.

(**) Тамъ же, стр. 10—11, предисловіе.

Съ 1711 года вѣдомости стали печататься и въ Петербургѣ; первый до-нынѣ извѣстный листокъ *петербургскихъ* вѣдомостей появился 11 мая 1711 года. (*) Петербургскія вѣдомости сначала выходили тоже въ неопредѣленные сроки; правильное изданіе ихъ началось съ 1728 года, когда редакція вѣдомостей поступила въ завѣдываніе академіи наукъ.

Политическія извѣстія въ первыхъ петровскихъ вѣдомостяхъ составлялись довольно искусно. Неизвѣстно, кто занимался ихъ редакціей; нѣкоторые думаютъ, что главнымъ редакторомъ вѣдомостей былъ графъ Ѳ. А. Головинъ,—по отзывамъ современниковъ,—человѣкъ замѣчательно умный. Языкъ, которымъ писались вѣдомости,—какъ можно видѣть изъ приведеннаго выше примѣра, — довольно правильный и близкій къ разговорному языку того времени.

Такимъ образомъ Петръ положилъ основаніе русской журнальной литературѣ; при немъ начаты двѣ первыя политическія русскія газеты: «Московскія» и «С.-Петербургскія» вѣдомости, изданіе которыхъ продолжается и до настоящаго времени.

Такъ преобразовательная дѣятельность Петра, внося новыя начала въ сферу общаго образованія, сообщивъ движеніе умственной дѣятельности той части русскаго общества, которая волей или неволей пошла за реформой, — сопровождалась необходимо и новыми явленіями въ современной письменности и литературѣ. Даже старыя литературныя явленія, удержавшіяся въ эпоху преобразованія отъ XVII столѣтія, подъ вліяніемъ реформы, должны были измѣнить нѣсколько свой прежній характеръ. Духовныя драммы напримѣръ, или мистеріи, представленіе которыхъ продолжалось въ началѣ XVIII столѣтія, какъ при дворѣ и въ духовныхъ училищахъ, такъ и въ сооруженныхъ, на счетъ правительства, театрахъ, — утрачиваютъ при Петрѣ свой строго-религіозный характеръ. Въ нихъ часто къ предметамъ религіознымъ при-

(*) Нѣкоторыя нумера петерб. вѣдом. 1711 года украшены довольно грубой работы виньеткою, на которой изображены: Петропавловская крѣпость, Нева, покрытая судами и парящій надъ нею меркурій съ кадуцеемъ и трубою. — Въ этихъ вѣдомостяхъ, кромѣ политическихъ, военныхъ и другихъ извѣстій, иногда помѣщались фельетонныя описанія бывавшихъ въ Петербургѣ празднествъ, торжествъ, иллюминацій и т. п.

плетались предметы политическаго содержанія и дѣлались намеки на современныя событія; нѣкоторыя драммы даже писались по поводу того или другаго явленія въ политическомъ мірѣ. Въ пьесѣ: «Страшное изображеніе втораго пришествія Господня на землю» (была представлена 1702 г. въ Москвѣ, въ славяно-греко-латинской академіи) основанной на апокалипсисѣ, вмѣстѣ съ религіознымъ предметомъ, выведены на сцену современныя политическія событія, а именно: несогласія и безпорядки польскаго сейма, не хотѣвшаго, по желанію короля Августа и въ угоду Петру, начать войну противъ Карла XII. Сеймъ представленъ здѣсь подъ видомъ «Самоволія» и «Гордыни;» въ сенатъ приходитъ «Геніушъ (геній) польскій» и склоняетъ сенаторовъ согласиться съ желаніемъ короля, но его не слушаютъ; «Фортуна» и «Побѣда» все же однако доставляютъ торжество и «трофеумъ» Петру, который является въ пьесѣ подъ именемъ «Марса роксоланскаго.» Въ другой пьесѣ: «Божіе уничижителей гордыхъ уничиженіе» изображается пораженіе Шведовъ подъ Полтавой, измѣна Мазепы и бѣгство Карла XII; но это политическое событіе перепутано съ исторіею Саула, Давида и Голіаѳа; на сценѣ является хромой левъ съ надписью: «хромъ, но лютъ.» Швеція также изображена хромою, — все это насмѣшки и намеки на Карла XII, получившаго въ сраженіи рану въ ногу.

Извѣстно содержаніе нѣсколькихъ подобныхъ пьесъ Петрова времени; большая часть изъ нихъ утратилась и сохранились однѣ только программы представленій.

По внѣшней формѣ своей — по языку и построенію пьесы, по множеству аллегорій и т. п. драммы времени Петра ничѣмъ не отличались отъ прежнихъ духовныхъ драммъ, С. Полоцкаго и другихъ югозападныхъ писателей. Разница заключалась только въ томъ, что въ пьесахъ послѣдняго времени допускались эпизоды политическаго содержанія и что религіозный сюжетъ не игралъ въ нихъ главной роли. Все отношеніе этихъ пьесъ къ современной дѣйствительности ограничивалось изображеніемъ подвиговъ и прославленіемъ побѣдъ государя, представленіемъ униженія его враговъ, торжества надъ непокорными и т. д.

Болѣе прямымъ отношеніемъ къ дѣйствительной жизни и къ со-

временнымъ явленіямъ петровской эпохи отличались «интермедіи,» или «интерлюдіи,» — забавныя сцены, или фарсы, разыгрывавшіеся въ антрактахъ между большими пьесами. Въ нихъ собственно нѣтъ никакой завязки, но выведено нѣсколько лицъ, ведущихъ между собою разговоры. Въ сохранившихся до насъ нѣсколькихъ рукописныхъ интермедіяхъ выведены на сцену: *раскольщикъ*, или раскольникъ, который оплакиваетъ гибель «старой вѣры,» говоритъ, что настали послѣднія времена, времена антихриста, и проч.; *ставленникъ* и *дьячокъ*, котораго обманываютъ *подъячіе* и берутъ взятки; наконецъ: жидъ, цыганъ, лѣкарь-нѣмецъ и его слуга, маркитантъ, мошенники и т. д. Изъ этого переименованія дѣйствующихъ лицъ пьесы видно, что существенный характеръ сценическихъ представленій, называвшихся «интермедіями,» заключался въ элементѣ комическомъ. Раскольникъ, ставленникъ, дьячекъ и т. д. — живыя лица, живые историческіе типы петровской эпохи, — выбраны очень метко и удачно и выведены на сцену за тѣмъ, чтобы подвергнуть посмѣянію ихъ заблужденія и упорное старовѣрство. Сочинители интермедій дѣйствовали въ этомъ случаѣ въ угоду правительству и въ его намѣреніяхъ: извѣстны строгіе указы Петра о бритьѣ бородъ и усовъ, о ношеніи нѣмецкаго платья и о томъ, чтобы ставить въ священники только учившихся въ латинскихъ и греческихъ школахъ. Петръ и здѣсь не довольствовался, однако, одною строгостію своихъ указовъ: сочинители интермедій, стараясь дѣйствовать на убѣжденіе народа, въ духѣ реформы и по мысли царя, прибѣгали къ фарсамъ и къ насмѣшкѣ, чтобы представить передъ зрителями всю безвыходность и комизмъ положенія противниковъ воли правительства. Сатирическій элементъ, какъ мы увидимъ далѣе, составлялъ вообще одну изъ существенныхъ характеристическихъ чертъ произведеній писателей реформы.

«Интермедіи» петровской эпохи, не смотря, однако, на указанную нами искуственность своего происхожденія, интересны въ томъ отношеніи, что выводятъ на сцену живыя лица современной дѣйствительности и довольно ярко рисуютъ главныя характеристическія черты этихъ лицъ, ихъ современные интересы и ихъ положеніе. Сатира и насмѣшка интермедій, правда, очень груба, тривіальна, иногда до крайности беззастѣнчива, — что свидѣтельствуетъ о совершенной гру-

бости вкуса и неразвитости эстетическаго чувства зрителей, передъ которыми давались интермедіи; — но тѣмъ не менѣе въ нихъ видѣнъ, мѣстами, неподдѣльный юморъ русскаго народа и способность подмѣтить смѣшную сторону предмета. Для примѣра приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ интермедіи, въ которой выведены названныя нами выше дѣйствующія лица.

Раскольникъ, въ длинномъ монологѣ, жалуется, что «никоновщики проклятые нашу старую вѣру попрали, свою же нѣкую нову, незнаемо откуду взяли».

Далѣе онъ говоритъ:

«И не токмо вѣру нашу стару
Попрали, но и платіе долгое уже премѣнили:
Русскіе нынѣ ходятъ въ короткомъ платьи, якъ кургузы,
На главахъ же своихъ носятъ круглые картузы...
Что законъ и правила святыхъ отецъ возбраняютъ, —
Свои брады наголо желѣзомъ обриваютъ, и проч.

Потомъ, встрѣтивъ жида и узнавъ, что онъ человѣкъ *стараго закона*, раскольникъ принимаетъ его за своего собрата. Въ этомъ заключается комизмъ положенія, въ которое авторъ хотѣлъ поставить раскольника.

Выведенный въ интермедіи «маркитантъ», продающій пироги, съ своими прибаутками и зазываніемъ покупщиковъ, съ простою народною рѣчью, — лице очень живое въ пьесѣ и вѣрное дѣйствительности до настоящаго времени. Онъ такъ расхваливаетъ свой товаръ:

Кто тутъ спрашиватъ подовыхъ, господа честные,
Вотъ у меня куды хорошіе какіе.
То, здѣсь пироги горячи,
Ѣдятъ годные подъячи.
Вотъ у меня съ лучкомъ, съ перцомъ,
Съ свѣжимъ, говяжимъ сердцомъ, и проч.

Далѣе являются ставленникъ, мошенники, дьячекъ, подъячіе и т. д. Мошенникъ, узнавъ отъ ставленника, что онъ пришелъ въ Москву ставиться въ священники и взялъ съ собою лишь немного денегъ на дорогу, говоритъ:

«Какъ же ты идешь ставиться съ простыми руками,
Вѣдь и къ секретарямъ надо идти съ дарами?»

Мошенники крадутъ у него деньги.

Подъячій приходитъ къ дьячку, чтобы взять его дѣтей въ семинарію; дьячекъ отмаливается, проситъ избавить его дѣтей отъ семинаріи; подъячій требуетъ за это денегъ и говоритъ:

«Ну давай, скоро, *дьячишко, могильная муха,*
Смотри, чтобы я тебѣ не скроилъ треуха».

Дьячекъ, оплакивая участь своихъ дѣтей, восклицаетъ:

«Дѣтей моихъ отъ меня отнимаютъ
И въ *проклятую серимарію на муку* обираютъ.
О мои дѣтушки сердечные,
Не на ученье васъ берутъ, а на мученіе безконечное, и проч.

Кромѣ мистерій и интермедій, на театрахъ, устроенныхъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ, въ Петрово время, давались и пьесы, переведенныя изъ современныхъ иностранныхъ произведеній (французскихъ, нѣмецкихъ и польскихъ.) Есть свѣдѣніе, что въ посольскомъ приказѣ хранилось тринадцать подобныхъ пьесъ. Но изъ нихъ до нашего времени дошли лишь немногія. Болѣе извѣстны: 1) «Докторъ, принужденный» (Le médecin malgré lui, Мольера) который былъ игранъ, говорятъ, первый разъ на домашнемъ театрѣ царевны Софьи. (*) 2) «Принцъ Никель Гярингъ, или Жоделетъ — комедія, *самый свой тюрмовой заключникъ* (Le geôlier de soi-même, Корнеля де-Лиля.) 3) Переводъ 5-го дѣйствія Донъ-Жуана, подъ имснемъ—*Донь-Янъ;* переводъ этотъ сдѣланъ, кажется, съ польскаго и 4) Комедія Мольера: Les précieuses ridicules, русскій переводъ которой найденъ между бумагами Петра, подъ названіемъ: «Драгія смѣяныя.»

Выборъ этой послѣдней пьесы для перевода и для представленія передъ русской публикой начала XVIII столѣтія кажется особенно страннымъ. Въ комедіи Мольера: Les précieuses ridicules выведенъ на сцену и подвергнутъ насмѣшкѣ типъ женщинъ во Франціи, въ по-

(*) Царевна Софья очень любила театръ и сама сочиняла драматическія пьесы. Карамзинъ читалъ въ рукописи ея драму въ стихахъ: «Екатерина мученица», и отзывался о ней съ похвалою; но эта драма царевны теперь утратилась. Существуетъ еще извѣстіе (мекленбургскаго посланника Вебера) что другая дочь царя Алексѣя Михайловича, — любимая сестра Петра, — Наталья Алексѣевна, также сочиняла трагедіи и комедіи, и что въ одной драмѣ ея сочиненія выведено на сцену возстаніе стрѣльцовъ.

ловинѣ XVII столѣтія, слывшихъ подъ именемъ *précieuses*, старавшихся выражаться на письмѣ и въ разговорахъ съ особенною чистотою и щегольствомъ рѣчи. Впослѣдствіи, въ извѣстной части современнаго французскаго общества, это доведено было до смѣшнаго и перешло въ крайнюю аффектацію и въ излишнюю чопорность,—въ такъ называемый пуризмъ,—въ манерахъ и особенно въ разговорахъ. Вотъ противъ подобныхъ чопорныхъ пуристокъ, подъ чопорностію скрывавшихъ иногда вовсе непохвальные нравы, и была направлена комедія Мольера. Потому она наполнена намеками на современные французскіе нравы, множествомъ каламбуровъ, изысканыхъ фразъ и тонкостей рѣчи, которыми такъ богатъ разговорный французскій языкъ и которые составлены Мольеромъ въ насмѣшку надъ излишнею чопорностію. Но легко себѣ представить,—если мы возьмемъ во вниманіе степень развитія литературнаго вкуса въ современномъ русскомъ обществѣ,—что всѣ эти вещи всего менѣе могли быть понятны для русской публики начала XVIII столѣтія. Оттого въ русскомъ переводѣ названной комедіи Мольера многое вышло темно и безтолково, и можетъ быть понято только при сравненіи съ подлинникомъ, котораго, какъ видно, переводчикъ и самъ не понималъ и болѣе старался о передачѣ словъ, нежели смысла переводимаго.

О театральныхъ представленіяхъ во времена Петра сохранилось мало извѣстій,—особенно русскихъ. Изъ иностранцевъ, находившихся тогда въ Россіи, сообщаютъ нѣкоторыя извѣстія о русскомъ театрѣ въ Москвѣ и въ Петербургѣ: австрійскій посланникъ Бассевичъ, въ своихъ запискахъ и камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, состоявшій при герцогѣ голштинскомъ, въ своемъ дневникѣ. Первый говоритъ, что русскій театръ въ Москвѣ былъ «варварскій, а потому посѣщался только чернью». Драмы, представленіе которыхъ шло на этомъ театрѣ, по словамъ Бассевича, дѣлились на дюжину дѣйствій и давались въ теченіе цѣлой недѣли, а въ антрактахъ представлялись «шутовскія интермедіи при пособіи кнута и палочныхъ ударовъ.» Отзывы о русскомъ театрѣ въ дневникѣ камеръ-юнкера Берхгольца тоже очень не благосклонны для театральныхъ представленій Петрова времени. (*)

(*) Берхгольцъ присуствовалъ на спектакляхъ, устроенныхъ въ Измайловскомъ дворцѣ вдовствующей царицы Прасковьи, ея дочерью, герцогинею мекленбургскою,

Безъ сомнѣнія, первыя попытки къ развитію въ Россіи театральнаго искуства не могли быть успѣшны. Древнерусская жизнь не представляла элементовъ, на основаніи которыхъ могъ бы развиться національный русскій театръ и самобытная драмматическая поэзія; и потому, какъ духовныя мистеріи и безобразные переводы иностранныхъ пьесъ, такъ и самыя интермедіи временъ Петра В., явившись плодомъ искуственнымъ на русской почвѣ, плохо принимались на ней.

Писатели въ эпоху преобразованій. Сдѣлавъ общее обозрѣніе русскаго просвѣщенія и литературы, подъ вліяніемъ реформы, мы перейдемъ теперь къ обозрѣнію въ частности дѣятельности болѣе замѣчательныхъ русскихъ писателей Петрова царствованія.

1. Ѳеофанъ Прокоповичъ. Мы уже говорили, что большинство писателей въ эпоху Петровыхъ преобразованій состояло изъ лицъ духовныхъ, и объяснили причину такого явленія. Между духовными писателями этой эпохи и вообще между писателями реформы первое мѣсто занимаетъ, безспорно, новгородскій и псковскій архіепископъ, *Ѳеофанъ Прокоповичъ* († 1736 г.)

Прокоповичъ родился въ Кіевѣ и былъ сынъ бѣдныхъ людей. Въ юности онъ попалъ въ кіевскую академію, гдѣ среди всѣхъ товарищей своихъ отличался необыкновенными способностями и прилежаніемъ. Познанія, пріобрѣтенныя въ Кіевѣ, не удовлетворили Прокоповича, и онъ уѣхалъ учиться за границу. Въ тогдашней Польшѣ онъ учился въ уніатскихъ и католическихъ школахъ, какъ напримѣръ: въ львовской и въ краковской академіяхъ. Но страсть къ пріобрѣтенію познаній влекла Прокоповича далѣе. Посѣтивъ Вѣну,

Екатериною Ивановною. Театръ, по словамъ Берхгольца, былъ устроенъ изящно, но игра актеровъ, ихъ костюмы и игравшаяся комедія были очень плохи, — на сколько содержаніе послѣдней могъ понимать Берхгольцъ, какъ иностранецъ. Другое театральное представленіе въ Москвѣ, описанное въ дневникѣ Берхгольца, происходило въ узкомъ и невзрачномъ сараѣ, въ московскомъ госпиталѣ. Играли здѣсь какую-то пьесу (сюжетъ которой заключался въ исторіи Александра Македонскаго и Дарія) молодые люди, учившіеся при госпиталѣ хирургіи и анатоміи; пьеса состояла изъ 18 актовъ, а въ антрактахъ шли забавныя интермедіи, — очень плохія, по словамъ автора, «и оканчивавшіяся всегда потасовкой».

славянскія земли, Тироль и болѣе замѣчательные въ то время университетскіе города Италіи, онъ прибылъ наконецъ въ Римъ и вступилъ здѣсь въ коллегіумъ св. Афанасія, учрежденный папою Григоріемъ XIII собственно для Грековъ и Славянъ. По словамъ одного біографа Прокоповича, читавшіяся въ этомъ коллегіумѣ лекціи философіи и богословія не нравились молодому Прокоповичу. Но такъ-какъ онъ, своею любовію къ наукамъ, своимъ умомъ и способностями, обратилъ на себя особенное вниманіе іезуитовъ, которые управляли коллегіумомъ св. Афанасія, и пріобрѣлъ ихъ расположеніе; то для него были открыты всѣ ихъ библіотеки, которыми онъ и съумѣлъ воспользоваться, посвятивъ все время ученія своего въ Римѣ преимущественно чтенію и изученію произведеній отцевъ церкви и классической (греческой и римской) литературы, обозрѣнію древнихъ памятниковъ Рима и внимательнымъ наблюденіямъ надъ его современнымъ состояніемъ и надъ состояніемъ католичества вообще, подъ духовнымъ и свѣтскимъ правленіемъ папы. Эти наблюденія, сдѣланныя Ѳ. Прокоповичемъ въ самой столицѣ католическаго міра, помогли ему впослѣдствіи при составленіи сочиненій противъ католичества, или его нападеній на «папежскій духъ», — какъ онъ выражался.

Возвращаясь въ отечество, Прокоповичъ посѣтилъ Швейцарію, входилъ на Сенъ-Готардъ и терпѣлъ много лишеній въ пути, пробираясь землями, подвергшимися въ то время опустошенію французскихъ и австрійскихъ войскъ, вслѣдствіе войны за наслѣдство испанскимъ престоломъ. Скоро послѣ пріѣзда въ Кіевъ, Ѳ. Прокоповичъ постригся въ монахи и получилъ мѣсто преподавателя богословія и философіи въ тамошней академіи, а впослѣдствіи былъ избранъ въ ректоры академіи.

Прокоповичъ сдѣлался извѣстенъ Петру въ Кіевѣ съ 1706 года, сказавъ ему умно и ловко составленное привѣтственное слово. Съ того времени царь видимо отличалъ Ѳ. Прокоповича и благоволилъ къ нему, и въ 1716 году вызвалъ его въ Петербургъ. Петръ, послѣ смерти патріарха Адріана, не назначалъ ему преемника, задумавъ уничтожить въ Россіи патріаршество и учредить иной порядокъ церковнаго управленія. Полагая, что Ѳ. Прокоповичъ, по своему уму и учености, способенъ осуществить его мысли и же-

ланія въ этомъ отношеніи, царь поручилъ ему составить уставъ новаго управленія церковными дѣлами. Уставъ этотъ, надъ составленіемъ котораго Прокоповичъ трудился нѣсколько лѣтъ, былъ напечатанъ первый разъ, подъ названіемъ «Духовнаго регламента,» въ 1721 году. При введеніи въ дѣйствіе новаго устава и учрежденіи святѣйшаго синода, Ѳеофанъ былъ назначенъ его вице-президентомъ (онъ еще до того, по повелѣнію Петра, былъ посвященъ въ епископы), пользовался постояннымъ расположеніемъ государя и имѣлъ большое вліяніе въ дѣлахъ управленія русской церкви не только въ время Петра, но и при его наслѣдникахъ, особенно при императрицѣ Аннѣ, въ царствованіе которой и скончался.

Отзывы о Ѳ. Прокоповичѣ какъ его почитателей, такъ равно и враговъ (которыхъ онъ имѣлъ очень много) одинаково согласны въ томъ, что Прокоповичъ рѣзко отличался отъ всѣхъ югозападныхъ русскихъ ученыхъ, дѣйствовавшихъ въ Великороссіи въ эпоху Петра, своими замѣчательными дарованіями, оригинальнымъ умомъ и своей классической и обширной ученостію. Одинъ современный германскій ученый (Фонъ-Гавенъ) бывшій въ Петербургѣ и познакомившійся съ Ѳеофаномъ, говоритъ, что «по знаніямъ своимъ, у него мало или почти нѣтъ никого равныхъ, особенно между русскими духовными. Кромѣ исторіи, богословіи и философіи, у него глубокія свѣдѣнія въ математикѣ и неописанная охота къ этой наукѣ. Онъ знаетъ разные европейскіе языки, изъ которыхъ говоритъ на двухъ, хотя въ Россіи не хочетъ употреблять никакого, кромѣ русскаго, и только въ крайнихъ случаяхъ объясняется на латинскомъ, въ которомъ не уступитъ лучшему академику. Языки греческій и еврейскій онъ также понимаетъ хорошо и въ самой глубокой старости занимается ими». Самъ Прокоповичъ, относительно любви къ знаніямъ, говоритъ въ духовномъ регламентѣ: «просвѣщенный человѣкъ никогда *сытости* не имѣетъ въ познаніи своемъ, не престанетъ никогда учитися, хотя бы онъ и Маѳусаиловъ вѣкъ пережилъ.»

Петръ не ошибся, полагая, что онъ найдетъ въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ вѣрнаго помощника своему дѣлу, человѣка, искренно преданнаго реформѣ, искренно убѣжденнаго въ ея необходимости для Россіи. Такимъ, дѣйствительно, является Прокоповичъ въ своей

ораторской дѣятельности и во всѣхъ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ. Еще не будучи призваннымъ къ осуществленію намѣреній Петра въ дѣлѣ его преобразованій, Прокоповичъ рѣзко осуждалъ схоластику кіевскихъ и московскихъ школъ и смѣялся надъ невѣжествомъ, прикрытымъ внѣшнимъ видомъ учености и глубокомыслія. Лекціи философіи и богословія, которыя онъ читалъ въ кіевской академіи, до такой степени отличались отъ существовавшаго здѣсь до него способа преподаванія этихъ наукъ, что враги Прокоповича называли эти лекціи «ученіемъ новымъ» и требовали довести о нихъ до свѣдѣнія царя, доказывая, что ученіе Прокоповича, не согласное будто съ ученіемъ церкви, служитъ препятствіемъ къ возведенію его въ санъ архіерея. О схоластикѣ тогдашнихъ духовныхъ школъ въ Россіи Прокоповичъ говорилъ, что она занимаетъ только учениковъ пустыми спорами и поселяетъ въ нихъ ложную увѣренность въ пріобрѣтеніи мудрости; тогда какъ науку слѣдуетъ преподавать основательно, не дѣлая изъ нея комедіи. Посѣтивъ, проѣздомъ въ Петербургъ, московскую академію, онъ отзывался о ней неодобрительно и смѣялся надъ господствовавшею тамъ страстью къ виршамъ.

Переселившись въ Петербургъ, подъ покровительство царя, съ которымъ онъ сходился во взглядахъ и въ томъ убѣжденіи, что повсемѣстныя реформы необходимы, что старые предразсудки, суевѣрія и всеобщее невѣжество задерживаютъ государственное развитіе Россіи, Ѳеофанъ выступилъ здѣсь на поприще духовнаго оратора съ цѣлымъ рядомъ обличительныхъ проповѣдей, въ которыхъ рѣзко и смѣло нападалъ на рутинныя идеи, понятія и вѣрованія старины. Въ этихъ проповѣдяхъ, равно какъ въ другихъ сочиненіяхъ Ѳеофана, писанныхъ въ обличительномъ тонѣ, мы встрѣчаемъ нападки на праздность и невѣжество духовенства (особенно монашества) и современной русской знати, на религіозныя заблужденія раскольниковъ, происходившія, по мнѣнію проповѣдника, тоже вслѣдствіе невѣжества, на ханжество, на излишнюю преданность обрядности и наружному выполненію церковныхъ правилъ и установленій, какъ напр. чрезмѣрнымъ постамъ, обоготворенію иконъ и т. п. и на множество другихъ суевѣрныхъ взглядовъ и понятій, завѣщанныхъ отъ старины. Въ тоже время почти всѣ слова и проповѣди Ѳеофана клонились къ тому,

чтобы оправдать въ глазахъ народа, чтобы объяснить и указать ему на видимую пользу и вопіющую необходимость вводимыхъ или приготовлявшихся Петромъ преобразованій,—и этимъ возбудить къ нимъ сочувствіе въ народныхъ массахъ. Искренно убѣжденный въ важности и полезности реформы, понимавшій лучше всѣхъ другихъ передовыхъ дѣятелей той эпохи государственную дѣятельность Петра и во многомъ ей сочувствовавшій, онъ тѣмъ съ большею силою слова и убѣжденія старался доказывать, что мѣры и распоряженія правительства не только не вредны для государства и для народа и не только не враждебны духу вѣры и св. писанію—какъ утверждали противники реформы—но, что они именно и предприняты правительствомъ для пользы церкви, для пользы и славы государства и народа вообще и для частной пользы каждаго гражданина въ отдѣльности. Вводитъ ли Петръ новое лѣтосчисленіе, начиная новый годъ съ генваря, а не съ сентября, и ведя счетъ годамъ съ Рождества Христова, а не отъ сотворенія міра, какъ было прежде,—мѣра, возбудившая въ то время ропотъ въ староверахъ, принявшихъ ее за «ересь великую и погубленіе лѣтъ Божіихъ,»—Ѳ. Прокоповичъ старается оправдать новую мѣру и доказываетъ, что въ ней не заключается никакой ереси, что счетъ годамъ отъ сотворенія міра не есть учрежденіе древне-христіанское и что христіанамъ всего приличнѣе вести счетъ лѣтъ отъ пришествія Христа. Предпринимаетъ ли Петръ путешествія за границу,—Ѳеофанъ говоритъ двѣ проповѣди о пользѣ путешествій для каждаго человѣка вообще и для государя въ особенности, доказывая, что «перегринація, или странствованіе, дивно объясняетъ разумъ къ правительству, и есть, смѣло реку, есть тая (та) лучшая, *живая* честныя (т. е. разумной) политики школа,»—и при этомъ разсказываетъ о заграничныхъ путешествіяхъ Петра. Особенно интересно слово Ѳеофана о необходимости флота для Россіи, необходимости, которая теперь для насъ очевидна, но которая при Петрѣ сознавалась очень немногими: большинство признавало заведеніе флота совершенно излишнимъ и безполезнымъ нововведеніемъ. Ѳ. Прокоповичъ, въ своемъ похвальномъ словѣ рускому флоту, сказанномъ послѣ морской побѣды надъ Шведами въ 1720 г., съ удивительною логичностію и послѣдовательностію доводовъ, развиваетъ и уясняетъ мысль о необходимости

флота для Россіи, ссылаясь при этомъ на Шестодневъ Василія Великаго, на примѣры изъ исторіи и на географическое положеніе Россіи, какъ приморской державы. «Пусть разсудитъ всякій, къ чему Богъ создалъ эти пространныя водныя поля, моря и безмѣрный океанъ?»— говоритъ проповѣдникъ и доказываетъ, что воды земнаго шара должны служить для взаимныхъ сношеній между людьми, для сообщенія между различными странами, возможнаго лишь при помощи морскаго флота. «Не сыщемъ ни единой въ свѣтѣ деревни, которая, надъ рѣкою или озеромъ положена, не имѣла бы лодокъ; а толь славной и сильной монархіи, полуденная и полунощная моря обдержащей, не имѣть кораблей, хотя бы ни единой къ тому не было нужды, — однакоже было бы то безчестно и укорительно. Стоимъ надъ водою и смотримъ какъ гости къ намъ приходятъ и уходятъ, а сами того не умѣемъ. Слово въ слово такъ, какъ въ стихотворскихъ фабулахъ (басняхъ, вымыслахъ) нѣкій Танталъ стоитъ въ водѣ, да жаждетъ. И потому, и наше море — не наше»... Еслибы—продолжаетъ Ѳеофанъ — къ намъ ѣхали моремъ добрые гости, не возвѣстивъ о себѣ, то узрѣвши ихъ, мы бы не успѣли приготовить для нихъ «трактаментъ» (угощеніе). Какъ же бы мы могли на-скоро устроить необходимую оборону противъ нечаянно и быстро напавшаго на насъ непріятеля? «Едина конфузія, единъ ужасъ, трепетъ и мятежъ». А хотя бы насъ и возвѣстилъ кто о походѣ непріятеля, то какъ еще знать, на который берегъ онъ выйдетъ, на какой городъ нападетъ?... Если же иногда морской непріятель и не достигнетъ того, чего желаетъ, то все же, настращавъ и поругався надъ нами, отступитъ безъ урона съ своей стороны. «Приходящаго его не начаешься, отходящаго — нельзя догоняти. Кратко рещи: поморію, флотомъ невооруженному, такъ трудное дѣло съ морскимъ непріятелемъ, какъ трудно связанному человѣку дратися съ свободнымъ или какъ трудно земнымъ при рѣкѣ Нилѣ животнымъ обходиться съ крокодиломъ». Справедливо замѣтилъ професоръ Сухомлиновъ, по поводу приведеннаго нами отрывка изъ слова Ѳ. Прокоповича о флотѣ, что въ немъ «есть мѣста, невольно напоминающія нѣкоторые эпизоды изъ послѣдней нашей войны» съ западными союзниками.

Такое же точно оправданіе и истолкованіе встрѣчали себѣ въ произведеніяхъ Ѳеофана всѣ главнѣйшія дѣйствія и мѣры Петра по ча-

сти реформы, всѣ замѣчательныя событія его царствованія. Потому большая часть проповѣдей Ѳеофана находится въ прямомъ соотношеніи съ преобразовательною дѣятельностію Петра, въ живой связи съ современною дѣйствительностію, — и въ этомъ заключается ихъ преимущественное достоинство для современниковъ и ихъ историческое значеніе для нашего времени. Ѳ. Прокоповичъ является истиннымъ проповѣдникомъ и писателемъ петровской реформы, ея ревностнымъ поборникомъ и истолкователемъ.

Почти всѣ другіе писатели реформы, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, считали обязанностію безъ разбора восхищаться и хвалить все, что дѣлалъ Петръ и рѣзко осуждать тѣхъ, кто не былъ согласенъ съ его преобразованіями и нововведеніями. Это были безразборчивые панегиристы и офиціальные хвалители царя, величавшіе его русскимъ Соломономъ, Давидомъ, вторымъ Іисусомъ Навинымъ и т. п. Не такъ поступалъ Ѳеофанъ. Какъ человѣкъ замѣчательно-умный и даровитый и при томъ искренно убѣжденный и преданный дѣлу реформы, онъ не просто восхищается, не просто хвалитъ Петра, но подробно разбираетъ его дѣйствія, разъясняетъ ихъ и приводитъ на все убѣдительные доводы и разумныя причины, — какъ мы видѣли въ примѣрѣ о необходимости флота.

Проповѣди Ѳеофана, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ проповѣдниковъ петровской эпохи, входя въ столь близкое соприкосновеніе съ дѣйствительностію и касаясь вопросовъ общественной и политической жизни современной Россіи, вносятъ въ исторію русскаго проповѣднаго слова совершенно новый элементъ, именно — элементъ гражданскій или политическій. Никогда, ни прежде, ни впослѣдствіи, русскіе проповѣдники не занимались въ такой степени и не трактовали столь обширно въ своихъ проповѣдяхъ о вопросахъ гражданскихъ и политическихъ.

Причина такого явленія заключалась въ духѣ времени, въ свойствѣ самой реформы Петра, въ его требованіяхъ отъ проповѣдниковъ— объяснять и оправдывать тѣ изъ нововведеній и распоряженій правительства, которыя вызывали недовольство въ народѣ. Допуская въ своихъ проповѣдяхъ свѣтскій элементъ, проповѣдники петровской эпохи обязаны были невольно отступить отъ прежняго, строго-

религіознаго и догматическаго характера, которымъ отличались произведенія духовныхъ пастырей до-петровской Руси. Ставъ, по убѣжденію или вслѣдствіе требованій власти, защитниками и панегиристами реформы, указывая и разъясняя значеніе и практическую пользу нововведеній, они въ тоже время обязаны были подвергать критикѣ и обличенію старый порядокъ вещей, и для болѣе успѣшнаго дѣйствія на слушателей, прибѣгали въ своихъ обличеніяхъ къ насмѣшкѣ, къ сатирѣ, къ полушутливому, полусерьезному тону рѣчи и поученія. Борьба стараго съ новымъ въ эпоху Петра, которая велась въ жизни, на самомъ дѣлѣ, ярко отразилась и въ современной письменности и литературѣ и дала мѣсто въ послѣдней юмору и сатирическому направленію, образовавшемуся въ нашей литературѣ именно съ эпохи Петра. Писатели реформы, вооружаясь противъ приверженцевъ старины, поражали ихъ силою сатиры и насмѣшки. Ту же задачу, ту же цѣль обязаны были преслѣдовать и проповѣдники, и потому прибѣгали не рѣдко къ тому же оружію. Вслѣдствіе этого, сатирическій элементъ сталъ проявляться и въ произведеніяхъ лучшихъ проповѣдниковъ петровской эпохи, особенно въ произведеніяхъ Ѳеофана, отличавшагося попреимуществу умомъ саркастическимъ и насмѣшливымъ. Сатирическія выходки противъ невѣждъ и мнимыхъ ученыхъ, противъ ханжей, людей суевѣрныхъ и т. п. и насмѣшливые намеки на нѣкоторыя современныя лица и явленія встрѣчаются у него, какъ въ проповѣдяхъ, такъ и въ другихъ серьезныхъ сочиненіяхъ, даже въ составленныхъ имъ, по повелѣнію царя, постановленіяхъ и указахъ, какъ напр. въ духовномъ регламентѣ.

Въ одной проповѣди Ѳеофана говорилось о тогдашнихъ вельможахъ и придворныхъ: «когда слухъ пройдетъ, что государь кому особливую свою являетъ любовь, вси къ тому на дворъ, вси поздравляти, дарити, поклонами почитати, и умирати за него будто бы готовы, и тотъ службы его исчисляетъ, которыхъ не бывало; тотъ красоту тѣла описуетъ, — хотя прямая харя; тотъ выводитъ рода древность изъ-за тысячи лѣтъ, хотя бы былъ харчевникъ или пирожникъ. (*) Найдетъ какъ бы похвалити и кашель господскій. Услышитъ о болѣзни господину, тотчасъ свои ломы и шумы повѣствуетъ, каковъ въ

(*) Намекъ на Меншикова.

исторіяхъ хитрецъ Клеонъ, который, увѣдавъ, что Дарій себѣ ногу повредилъ, тотчасъ хромати началъ съ великимъ стенаніемъ.»

«Духовный регламентъ», о которомъ мы упоминали нѣсколько разъ, заключая въ себѣ собственно постановленія и правила относительно новаго устройства церковнаго управленія въ Россіи, на началѣ коллегіаланомъ, переполненъ рѣзкими сатирическими выходками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ порицаетъ старый порядокъ вещей и нападаетъ на невѣжество, суевѣрія, ханжество и обрядность. Духовный регламентъ, не смотря на официальное значеніе акта законодательнаго, (*) написанъ въ полемическомъ духѣ и, направленіемъ своимъ, вполнѣ выражаетъ характеръ петровской реформы: постановляя новое и указывая на его пользу и достоинства, онъ въ тоже время отвергаетъ, порицаетъ и подвергаетъ посмѣянію старое. Напримѣръ: здѣсь высказано много рѣзкаго объ архіерейскомъ управленіи, объ архіерейскихъ слугахъ и т. п. Вь главѣ объ ученіи говорится какъ вслѣдствіе ученія, заведеннаго Петромъ, улучшились всѣ части государственнаго правительства въ Россіи, начиная съ образованія войска; тѣмъ болѣе, говоритъ далѣе регламентъ, необходимо ученіе для управленія дѣлами церкви: «когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкви поведенію, и нельзя не быть нестроенію и многимъ, смѣха достойнымъ, суевѣріямъ, еще же и раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ». О суевѣріи и легковѣріи, какъ спутникахъ невѣжества, и о разнаго рода повѣрьяхъ русскаго народа упоминается очень подробно въ регламентѣ и постоянно — въ рѣзко-порицательномъ тонѣ и насмѣшливыхъ выраженіяхъ. Суевѣрія, по словамъ автора регламента, это—снѣжные сугробы, препятствующіе идти путемъ истины, это отрава, которую даютъ людямъ вмѣсто здоровой духовной пищи. Не менѣе рѣзкіе отзывы встрѣчаются въ регламентѣ о мнимо-ученыхъ

(*) Вотъ полное заглавіе духовнаго регламента, который, послѣ разсмотрѣнія и собственноручныхъ замѣчаній Петра, былъ имъ утвержденъ въ 1720 году: «Регламентъ, или уставъ духовныя коллегіи, по которому оная знать долженства своя и всѣхъ духовныхъ чиновъ, поелику оныя управленію духовному подлежатъ, и при томъ въ отправленіи дѣлъ своихъ поступать имѣютъ.» Регламентъ раздѣленъ на 3 части: *первая* излагаетъ причины учрежденія коллегіальнаго управленія и его превосходство передъ управленіемъ *единоличнымъ* (т. е. прежнимъ патріаршескимъ) *вторая* — предметы вѣдомства духовныхъ коллегій и наконецъ *третья* — обязанности духовныхъ правительственныхъ лицъ.

или объ ученыхъ схоластическаго направленія, къ которымъ должны относиться намеки: о «нашихъ латинистахъ» и о «казнодѣишкахъ (*) легкомысленныхъ, каковы наипаче польскіе бываютъ;» при чемъ регламентъ совѣтуетъ русскимъ проповѣдникамъ остерегаться послѣднихъ и прилежнѣе читать книги Златоуста. Вообще регламентъ осуждаетъ какъ содержаніе и форму, такъ и самую манеру произнесенія проповѣдей, образовавшіяся у нашихъ проповѣдниковъ XVII и начала XVIII вѣка, подъ вліяніемъ западной схоластической науки, какъ напримѣръ: искуственность, символизмъ, аллегоріи, театральное декламаторство и жестикуляціи при произнесеніи проповѣди, и т. п. Въ регламентѣ и въ отдѣльномъ сочиненіи: «Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдати долженъ», Ѳеофанъ предписываетъ русскому проповѣднику стараться познавать внутренній смыслъ и силу слова Божія и только о томъ говоритъ въ своихъ проповѣдяхъ и въ тоже время указываетъ на предметы, противъ которыхъ долженъ вооружаться каждый проповѣдникъ, относя къ послѣднимъ: суевѣрія народныя, вымышленныя чудеса, видѣнія и т. п. а также учитъ порицать развившуюся въ русскихъ людяхъ, подъ вліяніемъ византизма, ненависть къ иноземцамъ, основанную единственно на томъ, что они иноземцы.

Здѣсь Ѳеофанъ, подобно самому Петру, является рѣшительнымъ реформаторомъ въ своей сферѣ дѣятельности и прямымъ представителемъ тѣхъ идей и понятій петровской реформы, которыя рѣзко противорѣчили общему строю понятій древнерусской жизни. Какъ мы видимъ, Ѳеофанъ высказываетъ идеи въ духѣ реформы не только въ проповѣдяхъ и другихъ сочиненіяхъ своихъ, но и въ оффиціальныхъ актахъ, въ различныхъ указахъ и распоряженіяхъ синода, какъ напримѣръ: въ указахъ (въ подлинникѣ исправленныхъ рукою Петра и Ѳеофана) противъ праздныхъ монаховъ, отъ которыхъ, по словамъ указа, «произошло столько расколовъ и возмутителей.» Возражая усердному защитнику монашества, доказывавшему трудолюбіе монаховъ тѣмъ, что иные муку сѣютъ или хлѣбъ пекутъ, другіе варятъ, и проч. Ѳеофанъ говоритъ: удивляюсь, что не придалъ, что и ножомъ рѣжутъ и ложками ѣдятъ и ковшиками испиваютъ. Вотчины

(*) Отъ «казанье» — проповѣдь, «казнодѣй»—проповѣдникъ.

даны монастырямъ будто бы для того, чтобы монахи помогали нуждающимся; да такъ ли полно дѣлается? Такъ можно говорить не русскимъ людямъ, а развѣ индійцамъ и американцамъ, которые отъ монастырей нашихъ весьма далеки. Противника своего Θеофанъ называлъ «головка весьма неученая, тупая, пустая да еще шаленая».

Соглашаясь съ реформой, оправдывая и защищая преобразованія и нововведенія Петра, Θеофанъ, вполнѣ соглашался и долженъ былъ оправдывать и тѣ крутыя и насильственныя мѣры, тѣ пріемы, посредствомъ которыхъ производились преобразованія Петровы. Подобно самому царю, онъ смотрѣлъ на Россію исключительно съ государственной точки зрѣнія: государство было для нихъ идеаломъ; для достиженія государственныхъ цѣлей они почитали возможнымъ и необходимымъ приносить въ жертву всѣ остальные элементы общественной и народной жизни. И потому ни самъ Петръ, ни Θеофанъ, какъ полный представитель идей реформы, не обращали вниманія на то какъ тягостны были для народа всѣ принудительныя и насильственныя дѣйствія при выполненіи реформы, не видѣли несообразности съ русскою жизнію нѣкоторыхъ поспѣшныхъ реформъ, — туго или вовсе непринимавшихся въ народѣ и вызывавшихъ глухой, а иногда и открытый протестъ противъ преобразовательной дѣятельности правительства. Многія изъ нововведеній Петра были тяжелы, ненавистны и непонятны для народа. А между тѣмъ Θеофанъ защищалъ и оправдывалъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, и изъ угодничества или изъ усердія къ Петру становился защитникомъ всѣхъ его дѣлъ и поступковъ. Въ сочиненіи: «Правда воли монаршей» Θеофанъ, со всѣми хитростями казуистики и схоластическими натяжками, старался доказать справедливость царя въ устраненіи старшаго сына, царевича Алексѣя, отъ престола и въ назначеніи ему преемника; а въ словѣ своемъ: «о власти и чести царской,» произнесенномъ во время суда надъ царевичемъ, онъ дѣлаетъ намеки и сильныя выходки противъ нѣкоторыхъ лицъ изъ высшаго духовенства, сочувствовавшихъ царевичу.

Понятно поэтому, что Θеофанъ, проводя въ своихъ сочиненіяхъ идеи реформы и съ безпощадною рѣзкостію вооружаясь противъ старины, нажилъ себѣ много враговъ въ средѣ современнаго духовенства и между приверженцами старины, въ мнѣніяхъ которой онъ слылъ

подъ именемъ «ересіарха». Почти каждое изъ его сочиненій встрѣчалось враждебно и подвергалось нападеніямъ; противъ многихъ изъ нихъ писались опроверженія и подавались доносы. Покровительствуемый и поощряемый Петромъ въ своей дѣятельности, Ѳеофанъ могъ не обращать вниманія на враговъ при его жизни; «но, лишившись со смертію Петра его царственной защиты»—Ѳеофанъ долженъ былъ одинъ бороться съ своими врагами. И тутъ, въ этой борьбѣ, выказалась темная сторона личнаго характера и общественной дѣятельности Ѳеофана. Онъ не задумывался представлять, въ глазахъ правительства, своихъ личныхъ враговъ—тайными врагами государства, людьми, склонными къ «мятежамъ» и «бунтамъ»; пользуясь доносами и мелкими интригами, обвинялъ ихъ въ государственныхъ преступленіяхъ и привлекъ многихъ въ страшную—особенно во времена *бироновщины*—«тайную канцелярію». Большая часть изъ враговъ Ѳеофана сдѣлалась ея жертвами. Между врагами Ѳеофана были такія лица, какъ извѣстный намъ Стефанъ Яворскій и *Ѳеофилактъ Лапатинскій*, († 1741) (*) тверской архіепископъ и второй вице-президентъ синода. По проискамъ Ѳеофана, Лопатинскій подвергся суду тайной канцеляріи, былъ лишенъ архіерейскаго сана, разстриженъ и заточенъ въ крѣпость. Главнымъ же вождемъ недовольныхъ противъ Ѳеофана былъ извѣстный архимандритъ Маркеллъ Родышевскій (товарищъ Ѳеофана по академіи), обличавшій его сочиненія и преслѣдовавшій его съ фанатическою настойчивостію. Онъ доносилъ, что книги Прокоповича «преисполнены странныхъ ученій, паче же самыхъ прямыхъ кальвинскихъ и лютерскихъ.» Букварь Ѳеофана «Первое ученіе отрокомъ» онъ называлъ книгою неправильною и еретическою. Противъ этой книги и особенно противъ духовнаго регламента и составленныхъ Ѳеофаномъ правилъ и сочиненій о

(*) Ѳ. Лопатинскій находился вначалѣ въ должности учителя московской академіи, для которой и былъ вызванъ изъ Кіева С. Яворскимъ. По свидѣтельству современниковъ, Лопатинскій отличался ученостію, умомъ и особенно—честностію и прямотою своего нравственнаго характера. За сочиненіе: «На ереси лютеранскія и кальвинскія» и за разрѣшеніе къ изданію книги Яворскаго, «Камень Вѣры,» заключавшей въ себѣ исчисленіе «винъ» лютеранства, Лопатинскій былъ ненавистенъ для правительства Анны Ивановны, въ эпоху Бирона и господства нѣмецкой партіи при русскомъ дворѣ; потому Ѳеофанъ, обвиняемый въ свою очередь въ склонности къ лютеранскимъ мнѣніямъ, тѣмъ легче могъ притянуть Лопатинскаго къ суду тайной канцеляріи.

монашествѣ писалъ еще директоръ первой петербургской типографіи, Аврамовъ. Такая упорная и систематическая оппозиція сочиненіямъ и дѣятельности Ѳ. Прокоповича заслуживаетъ вниманія въ томъ отношеніи, что она составляетъ какъ бы открытый протестъ со стороны многочисленной партіи, которая была недовольна петровской реформой и въ-особенности реформой церковнаго управленія, основаннаго на регламентѣ. А такъ-какъ въ дѣятельности Ѳ. Прокоповича вполнѣ выразился характеръ реформы Петра и ея отношеніе къ современной эпохѣ; то враги реформы и нападали преимущественно на его сочиненія.

Мы познакомились достаточно съ содержаніемъ и направленіемъ сочиненій Ѳеофана и видѣли въ ихъ авторѣ передоваго дѣятеля своего времени, замѣчательно-даровитаго, умнаго и образованнаго оратора,—хотя не вполнѣ безупречнаго пастыря церкви и человѣка. Относительно внѣшней формы сочиненій Прокоповича, т. е. относительно ихъ построенія, плана, ораторскихъ пріемовъ, замѣтимъ, что хотя они во многомъ и рѣзко отличаются отъ сочиненій прочихъ духовныхъ писателей петровской эпохи; но также не чужды нѣкоторыхъ свойствъ схоластической науки, подъ вліяніемъ которой Ѳеофанъ получилъ свое образованіе. Напримѣръ: въ извѣстномъ словѣ его—«На погребеніе Петра Великаго (которое начинается: «Что се есть? что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!» и проч.) Ѳеофанъ называетъ Петра русскимъ Самсономъ, Моисеемъ, Соломономъ и т. п. и какъ здѣсь, такъ и въ другихъ проповѣдяхъ своихъ не чуждъ отъ употребленія натянутыхъ фигуръ, сравненій и т. п. реторическихъ украшеній слова, свойственныхъ югозападнымъ проповѣдникамъ.

Слогъ и способъ изложенія мысли въ сочиненіяхъ Ѳеофана отличаются гораздо большею простотою и естественностію, нежели въ произведеніяхъ всѣхъ прочихъ писателей югозападной школы; но русскій языкъ его также страждетъ множествомъ варваризмовъ, полонизмовъ и употребленіемъ иностранныхъ словъ.

Слѣдуя общепринятому обычаю, Ѳеофанъ писалъ также силлабическія стихи, или вирши, и сочинилъ одну *трагекомедію*, «Владиміръ», представленную студентами кіевской академіи, кажется, въ честь пребыванія царя въ Кіевѣ.

Въ драммѣ Прокоповича замѣчательно особенно то, что сюжетъ ея (*) взятъ не изъ библіи, какъ въ то время дѣлалось обыкновенно, а изъ отечественной исторіи. Въ ней уже замѣтны слѣды сатирическаго направленія, обнаружившагося впослѣдствіи въ талантѣ Прокоповича.

Ѳеофанъ почти не имѣлъ послѣдователей: ни современные ему, ни послѣдующіе русскіе духовные писатели не держались его направленія и болѣе слѣдовали въ своихъ сочиненіяхъ и проповѣдяхъ ученію старой, кіевской школы. Изъ немногихъ лицъ тогдашняго образованнаго духовенства, соглашавшихся съ направленіемъ Ѳеофана, болѣе извѣстны: а) *Гавріилъ Бужинскій* († 1731) вначалѣ оберъ-іеромонахъ на флотѣ, а впослѣдствіи епископъ рязанскій. Бужинскій болѣе примѣчателенъ какъ переводчикъ иностранныхъ сочиненій на русскій языкъ (мы говорили выше о его переводахъ). Въ предисловіяхъ къ этимъ переводамъ онъ всегда старался проводить идеи реформы, говорилъ о пользѣ просвѣщенія, чтенія иностранныхъ книгъ и т. п. и дѣлалъ намеки на тогдашнихъ русскихъ ученыхъ (конечно духовныхъ лицъ) которые въ своихъ сочиненіяхъ руководствовались преимущественно трудами католическихъ писателей,—хотя самъ и Бужинскій въ своей проповѣднической дѣятельности является прямымъ послѣдователемъ духовныхъ проповѣдниковъ югозападной школы—и по стилю, и по содержанію своихъ проповѣдей. Слова и проповѣди Бужинскаго заключались, по большей части, въ прославленіи побѣдъ и дѣлъ Петровыхъ и представляютъ не болѣе какъ панегирики и благоговѣйную лесть государю. б) *Ѳеофилъ Кроликъ*, новоспасскій архимандритъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Онъ былъ посланъ въ 1716 году за границу и жилъ долгое время въ Прагѣ, для перевода на русскій языкъ нѣмецкаго лексикона Буддея и другихъ книгъ и в) *Симонъ Кохановскій*, іеромонахъ, переводчикъ названнаго нами выше сочиненія Юста Липсія. Извѣстна одна изъ его проповѣдей, написанная въ рѣзко-полемическомъ духѣ и въ направленіи Ѳ. Прокоповича.

(*) Онъ заключается въ изображеніи введенія христіанства въ Россію. Здѣсь выведены на сцену языческіе жрецы, которыхъ авторъ заставляетъ говорить много рѣзкаго и насмѣшливаго.

2. Стефанъ Яворскій († 1722) рязанскій митрополитъ и первый президентъ св. синода. Проповѣди и другія сочиненія Яворскаго, по духу и направленію своему, ни мало не сходны съ проповѣдями и сочиненіями Ѳ. Прокоповича и рѣзко отличаются отъ послѣднихъ даже по своему внѣшнему построенію и вообще по формѣ. Ѳ. Прокоповичъ—проповѣдникъ и писатель петровской реформы, идеи которой даютъ главное содержаніе и жизнь его произведеніямъ. Онъ вполнѣ сочувствуетъ реформѣ и преимущественно ратуетъ за нее и съ каѳедры духовнаго оратора и въ своихъ сочиненіяхъ. А Стефанъ Яворскій является, напротивъ, въ своихъ проповѣдяхъ исключительно наставникомъ вѣры и ораторомъ духовнымъ—въ собственномъ смыслѣ этого слова. Содержаніе его проповѣдямъ даютъ не вопросы общественныя и политическія, какъ у Прокоповича, а преимущественно догматы вѣры и истины общехристіанскія, съ точки зрѣнія которыхъ ораторъ исключительно смотритъ и на всѣ современныя явленія жизни общественной и государственной, — когда онъ касается ихъ въ своихъ проповѣдяхъ. Какъ изъ его собственныхъ сочиненій, такъ и изъ другихъ современныхъ свидѣтельствъ видно, что Яворскій былъ не безусловнымъ сторонникомъ реформы, не безусловнымъ почитателемъ преобразованій и дѣлъ Петровыхъ. Скорѣе можно заключить, что симпатіи нашего проповѣдника находились на сторонѣ противниковъ реформы, иныя изъ явленій которой встрѣтили себѣ рѣзкое и смѣлое обличеніе въ его проповѣдяхъ Въ этомъ отношеніи въ высшей степени замѣчательно сказанное С. Яворскимъ во вторую недѣлу поста «Слово о храненіи заповѣдей Господнихъ». Проповѣдникъ подвергъ здѣсь рѣзкому осужденію учрежденіе «фискаловъ» и рѣшился открыто заявить свое горячее сочувствіе и полную приверженность къ царевичу Алексѣю, находившемуся въ то время за границей, противъ воли царя. Обязанность фискаловъ, по указу о нихъ Петра, заключалась въ томъ, чтобы слѣдить за производствомъ дѣлъ въ судахъ и въ другихъ правительственныхъ мѣстахъ и въ тоже время наблюдать за поведеніемъ, образомъ жизни и поступками гражданъ вообще, и о томъ что будетъ признано ими вреднымъ для государства, доносить правительству. На доносы фискаловъ не было ни суда, ни расправы. Учрежденіе фискаловъ было встрѣчено большимъ недовольствомъ и ропо-

томъ въ обществѣ и въ народѣ. И вотъ Яворскій явился открытымъ обличителемъ этого учрежденія съ духовной каѳедры и обвинилъ самаго учредителя въ нарушеніи священныхъ правъ закона. «Законъ Господень —говоритъ проповѣдникъ—непороченъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны. Какой ми (мнѣ) то законъ, напримѣръ, поставити назирателя надъ судами, и дати ему волю кого хочетъ обличити, да обличитъ, кого хочетъ обезчестити, да обезчеститъ. Поклепъ сложити на ближняго судію — вольно то ему. А хотя того не доведетъ (не докажетъ) о чемъ на ближняго своего клевещетъ, то ему за вину не ставить, о томъ ему и слова не говорить, вольно то ему. Не тако подобаетъ симъ быти. Искалъ онъ моей главы, поклепъ на меня вложилъ, а не довелъ, — пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ,—пусть самъ ввязнетъ въ оную; ровъ мнѣ ископалъ, — пусть самъ впадетъ въ онь... А то никакого слова ему не говорити,—запинаетъ за безчестіе. А какой же законъ онъ — пороченъ или непороченъ? разсуждайте вы,» — обращаясь къ слушателямъ, сказалъ проповѣдникъ и далѣе прибавилъ: «Море свирѣпое — человѣкъ, преступающій законъ; берегъ есть—любити Бога и ближняго, берегъ—не творить обиды, берегъ—хранить посты, почитать иконы. Ты же, свирѣпое море, человѣче своевольный, берега тыя (тѣ) преступаеши, ломиши, сокрушаеши... Но будетъ время, будетъ; грядетъ часъ на тебе, своевольное море, егда волны твоя о песокъ гробный, смертный розбіются; въ то время отихнутъ всѣ твои шумы, исчезнутъ всѣ твои взыгранія, и которыя нынѣ волны твоя восходятъ до небесъ, въ то время до безднъ преисподнихъ снидутъ». Въ этой наглядной аллегоріи о свирѣпомъ морѣ, которое выступаетъ изъ береговъ, ломитъ, сокрушаетъ — конечно Яворскій изображаетъ насильственныя дѣйствія реформы, которая именно въ такомъ образѣ представлялась ея противникамъ. Въ заключеніе слова о фискалахъ С. Яворскій обращается съ теплымъ сочувствіемъ къ отсутствующему царевичу Алексѣю, называетъ его «особеннымъ заповѣдей Божіихъ хранителемъ», «нашею *единою надеждою*» и т. д.

Эта проповѣдь Стефана произвела сильное впечатлѣніе на современниковъ и причинила много хлопотъ самому проповѣднику. Вельможи Петровы обвинили Яворскаго за его проповѣдь въ зломъ умыслѣ,

въ возбужденіи народа къ бунту и т. п. Извѣстный князь Яковъ Долгорукій, игравшій двусмысленную роль въ отношеніи къ партіи царевича, счелъ нужнымъ, по поводу дѣла царевича, увѣрять царя особымъ письмомъ въ преданности ему всего рода Долгорукихъ; и въ доказательство своей преданности выставлялъ, что когда «недавно, въ прошедшее время, *въ поученіи нѣкоемъ* (т. е. въ словѣ Яворскаго) явились непристойныя слова, которыя я услышалъ,—не устрашася и не разсуждая лица сильнаго, обличилъ и явно запретилъ, о чемъ и вашему величеству извѣстно.» Вообще вельможи сильно напугали Стефана за эту проповѣдь, и самъ Петръ былъ недоволенъ Яворскимъ.

Въ петровской литературѣ мы не встрѣчаемъ обличеній реформы, болѣе грозныхъ и рѣзкихъ, чѣмъ проповѣдь Яворскаго, сказанная противъ учрежденія фискаловъ и какъ бы въ оправданіе поведенія царевича Алексѣя. И конечно эта проповѣдь тѣмъ достойнѣе вниманія и гораздо важнѣе при изученіи эпохи Петра, чѣмъ постоянно раздававшійся въ литературѣ реформы голосъ панегиристовъ и льстецовъ царя.

Въ большей же части прочихъ проповѣдей своихъ С. Яворскій не выходитъ изъ сферы строго-религіозныхъ вопросовъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда говоритъ о явленіяхъ современныхъ. Въ сочиненіи своихъ проповѣдей, т. е. въ ихъ построеніи, ораторскихъ пріемахъ и въ способѣ изложенія, онъ вполнѣ слѣдовалъ схоластической теоріи духовнаго краснорѣчія и держался ученія и правилъ югозападной школы. Потому, почти всѣ слова и рѣчи Яворскаго отличаются чаще всего неестественностію, изысканностію, преувеличеніями, натянутыми сравненіями и уподобленіями, аллегоризмомъ и т. п. Такъ напримѣръ: въ «Словѣ о побѣдѣ подъ Полтавой» онъ уподобляетъ Карла XII лютому звѣрю — льву, Голіаѳу, морскому звѣрю апокалипсиса, дубу, который видѣлъ во снѣ Навуходоносоръ, и который теперь «посѣченъ» силою Божіею и побѣдоноснымъ оружіемъ православнаго монарха: «Обиты вѣтви его (продолжаетъ сравненіе ораторъ), то есть *генералы* и *полководцы;* обрушены и побиты *листвія*, то есть *оружницы*» (воины) и т. д.

Проповѣдямъ Яворскаго не чуждо также и юмористическое направленіе, встрѣчающееся нерѣдко въ произведеніяхъ проповѣдниковъ южнорусской школы. Юмористическое направленіе, шутливый тонъ и

разнаго рода выходки и рѣзкости перешли къ нашимъ проповѣдникамъ второй половины XVII и начала XVIII столѣтія отъ западныхъ образцовъ, которымъ они подражали, и не считались несообразными съ серьезнымъ тономъ проповѣднаго слова. Оттого и въ произведеніяхъ лучшихъ проповѣдниковъ петровской эпохи, каковы были Ѳ. Прокоповичъ (*) и С. Яворскій, мы встрѣчаемъ разнаго рода шутки, насмѣшки и т. п. У Яворскаго, напримѣръ, въ одной проповѣди, въ которой онъ объяснялъ притчу о трехъ званныхъ, отказавшихся отъ пира—одинъ потому, что купилъ село, другой — что купилъ воловъ, а третій — потому что женился, — встрѣчается слѣдующая выходка: «Первый и другій отрицается, но политичнѣ, и если бы ихъ прилежнѣе звали, они можетъ и пошли бы. А третій—безъ всякой политики, грубо: жену пояхъ и сего ради не могу пріити. О неучтивая грубость! Да, грубый мужикъ, варваръ, могдавъ неоскробанный! Жену пояхъ, не могу пріити! И съ женою ступай! Или ногъ не имѣешь? Только тотъ не можетъ, у кого подагра.»

Такой вульгарный тонъ рѣчи и нерѣдко тривіальность выраженій, грубыя шутки и насмѣшки—не почитались въ то время неумѣстными въ поученіяхъ къ народу съ духовныхъ каѳедръ.

Изъ прочихъ, не проповѣдныхъ, сочиненій С. Яворскаго большею извѣстностію пользуется его книга (о которой мы упомянули выше) — подъ заглавіемъ: «Камень вѣры православнымъ церкви святыя сыномъ на утвержденіе и духовное созиданіе, претыкающимся же о камень претыканія и соблазна на возстаніе и исправленіе». (*) Это длинное заглавіе книги указываетъ нѣкоторымъ образомъ на двоякую цѣль автора — религіозно-поучительную и полемическую. «Камень вѣры» написанъ по поводу появленія между Русскими того времени небольшаго числа послѣдователей протестанскаго ученія, противъ котораго собственно и направлена полемика автора. Онъ здѣсь предостерегаетъ православныхъ отъ главнѣйшихъ ересей, считая опаснѣйшими между ними ученіе Кальвина и особенно Лютера. Иностранцы, привлеченные въ Россію реформами Петра и готовно принимавшіеся царемъ на

(*) Другая причина появленія сатирическаго элемента въ сочиненіяхъ Ѳ. Прокоповича объяснена выше.

(*) «Камень Вѣры» былъ изданъ первый разъ послѣ смерти С. Яворскаго, въ 1728 году.

русскую службу, были по большей части протестанскаго исповѣданія. Близкія сношенія съ протестантами имѣли вліяніе на религіозныя убѣжденія нѣкоторыхъ русскихъ людей, начинавшихъ подвергать сомнѣнію и возраженіямъ иныя изъ установленій нашей церкви, несходныя съ ученіемъ протестанскимъ, какъ напр. соблюденіе постовъ, почитаніе святыхъ и иконъ и друг. Вотъ противъ подобныхъ сомнѣній и возраженій и написанъ былъ С. Яворскимъ «Камень Вѣры.» Но, помимо своего полемико-догматическаго значенія, книга Яворскаго имѣетъ, кажется, еще другое современное значеніе, составляя какъ бы косвенный протестъ противъ извѣстной привязанности самаго царя и всѣхъ послѣдователей его реформы (особенно Ѳ. Прокоповича, антагониста Яворскаго) къ иноземцамъ и ко всему иноземному, привязанности, которая, въ мнѣніи русскихъ ревнителей старины, была вредна для чистоты православія. На такое значеніе книги Яворскаго указываетъ вопервыхъ ея направленіе, а вовторыхъ,—симпатіи самаго автора къ партіи противниковъ реформы, ясно взысканныя имъ въ «Словѣ о храненіи заповѣдей Господнихъ,» въ тѣхъ сочувственныхъ словахъ къ царевичу Алексѣю, гдѣ онъ называетъ царевича «истиннымъ рабомъ Христовымъ, особеннымъ заповѣдей Божіихъ хранителемъ,» и т. п. Съ этою цѣлью вѣроятно Стефанъ выбралъ и слѣдующій эпиграфъ къ своей книгѣ: «смѣсишася во языцѣхъ и навыкоша дѣломъ ихъ.»

«Камень Вѣры» С. Яворскаго вызвалъ жаркую религіозно-литературную полемику, происходившую особенно въ царствованіе императрицъ Анны и Елисаветы. Въ полемикѣ приняли участіе какъ заграничные,—протестанскіе и католическіе,—такъ и наши духовные писатели. Но сюда замѣшались личности, частные интересы споривших и разнаго рода интриги и обстоятельства, вовсе не относивіпіяся къ вопросамъ о вѣрѣ, такъ что, по чьему-то остроумному выраженію, споръ шелъ не о «Камнѣ Вѣры,» а около «Камня Вѣры.» Это ясно и изъ дѣла о печальной участи послѣдователя Яворскаго, тверскаго архіерея, Ѳеофилакта Лопатинскаго, одобрившаго къ изданію «Камень Вѣры» и въ защиту книги Яворскаго написавшаго въ свою очередь сочиненіе: «На ереси лютеранскія и кальвинскія.»

Книга Яворскаго была запрещена при Биронѣ. Съ устраненіемъ

же влiянiя нѣмецкой партiи при дворѣ, т. е. съ паденiемъ Бирона, Остермана и Миниха и съ восшествiемъ на престолъ императрицы Елисаветы, запрещенiе было снято, и проповѣдники того времени превозносили за это похвалами государыню.

Слѣдуетъ упомянуть еще о другомъ полемическомъ сочиненiи Стефана Яворскаго: «Знаменiя пришествiя антихристова,» которое относится къ одному изъ важныхъ жизненныхъ явленiй современной эпохи, именно къ расколу. Раскольники,—у которыхъ съ первыхъ дней образованiя раскола распространились мнѣнiя о близкомъ пришествiи антихриста и о кончинѣ мiра,—въ нѣкоторыхъ преобразованiяхъ Петра: въ учрежденiи императорства, въ перенесенiи празднованiя новаго года на 1 генваря, въ установленiи ревизiи и подушной подати и друг. увидѣли какъ бы подтвержденiе своихъ мнѣнiй объ антихристѣ. Въ Россiи говорили они—«воцарился антихристъ отъ лѣтъ царя Алексѣя Михайловича, а наипаче отъ лѣтъ сына его Петра I.» Въ раскольничьемъ сочиненiи: «Сказанiе объ антихристѣ, еже есть Петръ I,» по поводу установленiя ревизiи и подушной подати, между прочимъ, говорится: «до лѣтъ Петровыхъ не было описанiя народа россiйскаго, — а сей *гордый князь мiра*, *антихристъ властный* и одушевленъ образъ самаго сатаны, по образу Августа-кесаря, учинилъ народное описанiе, и по записанiи въ своя пагубныя книги, требуя *дани душевныя*, сирѣчь *съ душъ человѣческихъ.*» Подобныя нелѣпыя мнѣнiя сердили Петра, и онъ повелѣлъ С. Яворскому написать трактатъ объ антихристѣ. Стефанъ, въ составленiи своего «Знаменiя о пришествiи антихриста», руководствовался сочиненiемъ о томъ же предметѣ католическаго писателя, доминиканца Мальвенды, и Гаврiилъ Бужинскiй въ предисловiи къ своему переводу «Ѳеатрона историческаго» сдѣлалъ на это намекъ, говоря, что иные изъ нашихъ ученыхъ присваиваютъ себѣ чужiе труды и пользуются чужою славою.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что сочиненiя С. Яворскаго отличаются отъ сочиненiй Ѳ. Прокоповича не только по содержанiю и по внѣшней формѣ, но и по своему характеру и направленiю. Онъ не былъ поборникомъ идей реформы, не старался проводить ихъ ни въ проповѣдяхъ своихъ, ни въ другихъ сочиненiяхъ и не ратовалъ противъ старины. Оттого, въ то время, когда обличительныя проповѣди

Ѳеофана и даже проповѣди Гаврiила Бужинскаго, въ которыхъ онъ преимущественно прославлялъ побѣды и подвиги Петра, — быстро предавались тисненiю въ Петербургѣ,—ни одна изъ проповѣдей Стефана, не смотря на его высокiй санъ и на всеобщее къ нему уваженiе въ народѣ, не была напечатана при его жизни.

---

3. Посошковъ, Иванъ Тихоновичъ († 1726), крестьянинъ подмосковнаго села Покровскаго. Въ массѣ письменныхъ произведенiй, появившихся въ Петрово время и навѣянныхъ духомъ реформы, сочиненiя крестьянина Посошкова занимаютъ самое видное мѣсто. Сочиненiя эти служатъ, вопервыхъ, новымъ доказательствомъ того, что идеи реформы и потребность въ преобразованiяхъ вовсе не были чужды массѣ русскаго народа и ясно сознавались его лучшими умами; а вовторыхъ, появленiе этихъ замѣчательныхъ произведенiй простого русскаго ума во время реформы Петра заслуживаетъ вниманiя потому, что они не написаны какъ бы на заданныя темы, въ восхваленiе или для разъясненiя преобразовательныхъ дѣйствiй правительства, подобно тому какъ писались почти всѣ сочиненiя, появлявшiяся въ свѣтъ по идеямъ и указанiямъ Петра. Посошковъ писалъ, напротивъ, свои проэкты и книги по доброй волѣ, изъ одной любви къ правдѣ: «любитель есмь правды»—говоритъ онъ о себѣ, и «видя правду отверженну», онъ захотѣлъ писать о ея возстановленiи, и наконецъ—изъ «презельной любви къ отечеству.» Посошковъ былъ человѣкъ независимый и обезпеченный; своимъ трудолюбiемъ, предпрiимчивостiю и изобрѣтательностiю онъ сумѣлъ составить себѣ хорошое состоянiе, такъ что былъ въ состоянiи назначить сыну своему, отправленному для образованiя за границу, по 100 ефимковъ, или по 90 тогдашнихъ рублей въ мѣсяцъ, что составляло въ то время значительныя деньги. Слѣдственно ему можно повѣрить, что, посреди собственныхъ промышленныхъ дѣлъ и занятiй, онъ посвящалъ свое время на сочиненiе различныхъ проэктовъ и книгъ, руководствуясь единственно любовiю къ народу и къ пользѣ общественной, имѣя въ виду единственно «нужную нужду народную,» какъ онъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ проэктовъ.

Сочиненія Посошкова представляютъ несомнѣнную важность и большой интересъ по отношенію къ характеристикѣ времени и положенію русскаго народа въ эпоху реформы: авторъ, нѣкоторыми мѣткими и рѣзкими чертами, ярко рисуетъ здѣсь картину народнаго быта, состояніе духовенства, современнаго суда, администраціи и т. п. Не менѣе замѣчательны эти сочиненія и относительно своего внутренняго значенія и достоинства, — особенно для своего времени. Посошковъ выражаетъ въ своихъ сочиненіяхъ живое участіе ко всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ своего времени и трактуетъ самоучкой о главнѣйшихъ вопросахъ внутренней политики русскаго государства, трактуетъ — съ удивительною ясностію взгляда, съ совершеннымъ пониманіемъ современныхъ потребностей. Руководствуясь однимъ лишь природнымъ умомъ и здравымъ смысломъ, онъ писалъ и представлялъ правительству свои проэкты и планы, — нерѣдко замѣчательные по вѣрности взгляда, по своей дѣльности и практичности, — и высказывалъ въ нихъ мысли и соображенія, которыя приводятся въ исполненіе частію лишь въ наше время, а частію еще ожидаютъ исполненія. Таковы, напримѣръ, его соображенія о крестьянахъ и о необходимости опредѣлить ихъ отношенія къ помѣщикамъ и къ землѣ, о *единомъ* и равномъ для всѣхъ сословій судѣ, о составленіи новаго уложенія, съ участіемъ выборныхъ отъ всего народа, и друг.

Посошковъ, по времени своего рожденія, (*) принадлежитъ къ періоду древней Руси; онъ не получилъ никакого образованія, былъ только грамотенъ, начитанъ церковныхъ книгъ и отличался любовію къ просвѣщенію. Посошковъ говоритъ о себѣ, что онъ «простецъ» и «книжной премудрости не наученъ,» что онъ «въ разумѣ младенецъ, въ художествѣ (въ знаніяхъ) младенецъ, въ чинѣ земледѣлецъ.» Потому всѣмъ своимъ мыслямъ и планамъ онъ одолженъ собственному уму, своей, богато-одаренной, натурѣ, а не образованію и наукѣ, отсутствіе которыхъ, впрочемъ, живо чувствуется въ его сочиненіяхъ, составляя ихъ слабую сторону: мы въ нихъ замѣчаемъ иногда узкія идеи монополизма, духъ нетерпимости, требованія различныхъ правительственныхъ регламентацій и крутыхъ, насильственныхъ мѣръ, смѣ-

(*) Г. Погодинъ (издавшій въ первый разъ сочиненія Посошкова, въ 1842 г.) полагаетъ, что Посошковъ родился около 1670 года, а можетъ быть и ранѣе.

шеніе одного предмета съ другимъ, грубость выраженій и т. п. Но всѣ эти недостатки легко объяснить духомъ времени и характеромъ преобразованій Петровыхъ, которыя не могли не имѣть вліянія на образъ мыслей Посошкова.

Изъ сохранившихся сочиненій Посошкова болѣе извѣстны: 1) записка «О ратномъ поведеніи», поданная въ 1700 году боярину Головину; 2) «Доношеніе» блюстителю патріаршаго престола, Стефану Яворскому, «о духовныхъ дѣлахъ», т. е. о положеніи духовенства и о состояніи въ немъ и въ народѣ религіозно-нравственнаго образованія; 3) «Отеческое завѣщательное поученіе», сыну и 4) «Книга скудости и богатства», надъ сочиненіемъ которой Посошковъ трудился, по его словамъ, три года, «утаенно отъ зрѣнія людскаго», и окончивъ свой трудъ, въ 1724 году, представилъ его Петру. Это самое замѣчательное сочиненіе Посошкова, въ которомъ заключается главная сущность всѣхъ его мыслей и плановъ, относительно внутренняго быта и устройства русскаго народа и государства.

Въ прошеніи, при которомъ представилъ или намѣренъ былъ представить царю свое сочиненіе, Посошковъ говоритъ, что онъ назвалъ его *Книгою скудости и богатства*, потому что она заключаетъ въ себѣ «изъясненіе, отчего содѣвается напрасная скудость, и отчего умножитеся можетъ изобильное богатство». Тутъ же онъ говоритъ, что предложилъ въ своей книгѣ мнѣніе, «какъ-бы истребить изъ народа неправду и водрузить прямую правду и безпечное житіе народное».

Въ самой книгѣ, состоящей изъ девяти главъ, Посошковъ разсуждаетъ: о духовенствѣ, о военныхъ дѣлахъ, о правосудіи, о купечествѣ, о художествахъ (т. е. о промышленныхъ и техническихъ знаніяхъ и занятіяхъ), о разбойникахъ съ бѣглецами (объ уголовныхъ дѣлахъ), о крестьянствѣ, о дворянахъ и объ ихъ отношеніи къ крестьянамъ и къ землѣ (о «земляныхъ дѣлахъ») и наконецъ о царскомъ интересѣ. Каждому изъ названныхъ предметовъ Посошковъ посвящаетъ отдѣльную главу и говоритъ о ихъ «неисправѣ» и о «поправѣ», т. е. представляетъ картину ихъ современнаго состоянія, ихъ недостатки и злоупотребленія и излагаетъ за тѣмъ свои соображенія и планы, касательно устраненія этихъ недостатковъ и злоупотребленій,

касательно усовершенствованія и новаго устройства каждой изъ названныхъ частей.

Въ началѣ книги «О скудости и богатствѣ» Посошковъ излагаетъ свое понятіе о государственномъ, или,—какъ онъ говоритъ,—«о царственномъ» богатствѣ, понятіе, — совершенно зрѣлое и вѣрное, вполнѣ согласное съ ученіемъ объ этомъ предметѣ политической экономіи, которая, во времена Посошкова, и не существовала еще какъ наука самостоятельная. Царственное богатство — говоритъ Посошковъ— заключается не въ томъ, когда въ царской казнѣ лежитъ «казны (денегъ) много» и не въ томъ, когда окружающіе царя ходятъ въ златотканныхъ одеждахъ; «но то самое царственное богатство — ежелибъ весь народъ, по мѣрностямъ своимъ, богатъ былъ самыми домовыми внутренними своими богатствы.» Но безъ насажденія правды, — прибавляетъ далѣе Посошковъ, — безъ истребленія обидниковъ и воровъ и разбойниковъ и всякихъ явныхъ и потаенныхъ грабителей никоими мѣрами народу всесовершенно обогатиться не возможно.»

Говоря о современномъ (особенно о сельскомъ) духовенствѣ, авторъ яркими красками рисуетъ его невѣжество и происходящее отъ того религіозное невѣжество народа. Весьма подробно и рѣзко говоритъ Посошковъ о томъ же предметѣ въ доношеніи своемъ Стефану Яворскому. Въ Новгородѣ, разсказываетъ онъ, я видѣлъ діакона, который на литургіи не могъ прочесть одной страницы въ евангеліи, безъ того, чтобы «разовъ пяти-шести не помѣшатися». «У насъ въ Россіи,—продолжаетъ авторъ,—сельскіе попы питаются своею работою и ничѣмъ отъ мужиковъ неотмѣнны (не отличаются): мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая и духовная паства остается въ сторонѣ». Для устраненія этихъ недостатковъ, Посошковъ предлагаетъ: учредить вездѣ по епархіямъ училища для приготовленія священнослужителей и обезпечить содержаніе послѣднихъ жалованьемъ отъ казны. Въ невѣжествѣ духовенства Посошковъ видитъ и причину распространенія русскаго раскола. Въ главѣ о воинскихъ дѣлахъ замѣчательны слова Посошкова о военномъ судѣ: «Военный судъ,—говоритъ онъ,—аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко доступать его... И ради общежительства любовнаго аще великій государь нашъ монархъ повелитъ судъ устроить *единъ*, *ка-*

ковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, каковъ и солдату, такожъ и офицеру, ничѣмъ же отмѣненъ и полковнику и генералу. Сей же судъ, мнѣ мнится, не весьма правъ, еже простолюдину о обидѣ своей на солдата у солдата же милости просить, а на офицера у офицера же. Старая пословица есть: еже воронъ ворону глаза не выклюетъ».

Въ главѣ о правосудіи Посошковъ рѣзкими чертами рисуетъ господство неправды въ современныхъ русскихъ судахъ и отсутствіе правосудія. «И у бусурманъ — говоритъ онъ — чинятъ судъ праведный... А у насъ, вѣра святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуды не годная... А что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а Божія правды ни слѣда нѣтъ». Потому, надлежитъ стараться о правомъ судѣ; ибо «всему добру основаніе—нелицепріятный судъ». «Если, — говоритъ далѣе Посошковъ,—«ради установленія правды, правителей судебныхъ и много падетъ, — быть уже такъ»: иначе, по его словамъ, нельзя установить праваго суда, если «сто другое судей не падетъ» (т. е. не будетъ удалено), потому что *у насъ на Руси неправда вельми застарѣла.*

Для того, чтобы устранить старую неправду и прежніе порядки необходимо составить новое уложеніе, или новую судебную книгу, при участіи выборныхъ отъ всѣхъ сословій народныхъ, не исключая и крестьянъ. «Я видалъ,—говоритъ Посошковъ,—что и въ Мордвѣ разумные люди есть; то какъ въ крестьянахъ не быть людямъ разумнымъ?» Такое собраніе выборныхъ, для сочиненія новой судебной книги, Посошковъ называетъ «многосовѣтіемъ», или «общесовѣтіемъ.» Выборные должны «освидѣтельствовать» новую книгу, послѣ ея составленія, «самымъ вольнымъ голосомъ, а не по принужденію». Далѣе Посошковъ объясняетъ и пространно доказываетъ совершенную необходимость подобной мѣры. «Правосудіе,—говоритъ онъ,—есть дѣло высокое, и надлежитъ его такъ разсмотрительно состроити, чтобы оно ни отъ какого чина незыблемо было. И того ради, безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса, никоими дѣлы не возможно; понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки», и т. д.

Также обстоятельно разсуждаетъ Посошковъ и о прочихъ пред-

метахъ общественнаго и государственнаго быта современной Россіи, подвергая постоянной критикѣ существующій порядокъ вещей и предлагая свои планы и соображенія о необходимыхъ, по его мнѣнію, преобразованіяхъ. Онъ требуетъ, напримѣръ, грамотности для крестьянъ, — хотя, по духу своего времени, находитъ, что «не худо бъ и поневолить» крестьянъ, чтобы они отдавали дѣтей своихъ въ ученіе. Скудное житье крестьянъ, по мнѣнію Посошкова, происходитъ отъ ихъ лѣности, «а потомъ отъ неразсмотрѣнія правителей и отъ помѣщичья насилія». И потому необходимо позаботиться о крестьянахъ и устроить ихъ судьбу. Тутъ же Посошковъ предлагаетъ замѣнить подушную подать поземельною и произвести всеобщее размежеваніе земель. О дворянахъ Посошковъ упоминаетъ, что многіе изъ нихъ вѣки свои проживаютъ праздно по деревнямъ, бѣгаютъ службы и разоряютъ своихъ сосѣдей. «Въ алексинскомъ уѣздѣ, говоритъ онъ, видѣлъ я такого дворянина, именемъ Ивана Васильева сына Золоторева. Дома сосѣдямъ своимъ страшенъ яко левъ, а на службѣ хуже козы».

О дѣятельности самаго царя и о препятствіяхъ, которыя онъ встрѣчалъ, при совершеніи своихъ преобразованій, мы находимъ у Посошкова слѣдующее замѣчательное сужденіе: «Видимъ мы вси, какъ великій нашъ монархъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ; потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то какое дѣло его споро будетъ?»

Сочиненіи Посошкова даютъ ему полное право стоять въ ряду замѣчательныхъ русскихъ людей и даровитыхъ народныхъ политиковъ и писателей Петрова времени. Посошковъ былъ честный гражданинъ русской земли, ревностно желавшій блага своему народу и своей странѣ. Но онъ остался неизвѣстнымъ; его мысли, его труды не были поняты и оцѣнены современниками,— кажется даже,—сдѣлались причиною его гибели. Представляя царю свою книгу о скудости и богатствѣ, Посошковъ просилъ только объ одномъ: «дабы имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, паче же отъ не любящихъ правды.» Но «сильныя лица, не любящія правды», которымъ не могла нравиться книга Посошкова, вѣроятно провѣдали объ имени ея сочинителя. Въ годъ смерти Петра, Посошковъ былъ взятъ въ «тайную канцелярію»

и посаженъ въ петропавловскую крѣпость «по важной криминальной винѣ»,—какъ сказано въ найденныхъ по настоящее время дѣлахъ канцеляріи, хотя изъ нихъ и невидно, по какой собственно винѣ былъ арестованъ сочинитель книги о скудости и богатствѣ. Судя же потому, что черезъ нѣсколько дней послѣ арестованія Посошкова, одному изъ допрашиваемыхъ въ тайной канцеляріи лицъ сдѣлали вопросъ: «не имѣлъ ли онъ у себя книгу Ивана Посошкова, зовомую «Скудость съ богатствомъ»?—судя по этому вопросу,—можно подозрѣвать, что Посошковъ попалъ въ тайную канцелярію именно за свое сочиненіе.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ арестованія (въ февралѣ 1726 г.) несчастный Посошковъ умеръ въ петропавловской крѣпости, въ цѣпяхъ колодника, и погребенъ, по распоряженію тайной канцеляріи, у церкви Самсона Странноприимца.

Татищевъ, Василій Никитичъ (1689—1750) Петръ В. смотрѣлъ на просвѣщеніе какъ на вспомогательное средство при выполненіи своихъ обширныхъ замысловъ: для всѣхъ родовъ государственной службы ему необходимы были новые дѣятели, въ духѣ реформы, дѣятели просвѣщенные, знакомые съ европейской наукой и съ европейскимъ государственнымъ и общественнымъ устройствомъ. Но старанія царя въ этомъ отношеніи трудно осуществлялись при его жизни. Почти всѣ важнѣйшіе дѣятели Петрова времени,—«сіи птенцы гнѣзда Петрова,»—по выраженію Пушкина, большею частію были (кромѣ Прокоповича и немногихъ духовныхъ лицъ) люди или стараго образованія или вовсе необразованные, какъ напр. Меншиковъ, который едва былъ грамотенъ. Эпоха преобразованія не только при Петрѣ, но и послѣ него представляетъ вообще очень не много просвѣщенныхъ дѣятелей на служебномъ поприщѣ. Къ числу этихъ немногихъ принадлежитъ В. Н. Татищевъ, одинъ изъ числа молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ за границу для образованія. Татищевъ возвратился въ отечество съ любовію къ просвѣщенію, съ готовностію къ труду. Онъ умѣлъ пріобрѣсть замѣчательное для своего времени образованіе и обладалъ большою начитанностію, отличаясь притомъ чисто-практическимъ, наблюдательнымъ умомъ. Почти всю свою жизнь Татищевъ

провелъ на службѣ и въ ученыхъ занятіяхъ, и какъ на одномъ, такъ и на другомъ поприщѣ отличился дѣльными, вполнѣ заслуживающими уваженія, трудами.

Послѣ возвращенія изъ-за границы, Татищевъ служилъ въ артиллеріи, потомъ былъ сдѣланъ управляющимъ горными заводами, совѣтникомъ бергъ-коллегіи, получилъ рангъ тайнаго совѣтника и подъ конецъ своей службы былъ астраханскимъ губернаторомъ. Татищевъ скоро сдѣлался извѣстенъ лично царю. Въ своей «Духовной» сыну (см. ниже) онъ упоминаетъ, что вначалѣ его «оклеветали злодѣи» передъ Петромъ и что онъ подвергся гнѣву царя (Татищевъ былъ обвиненъ во взяточничествѣ); но что впослѣдствіи онъ отъ Петра «не только довольное награжденіе, но и высокую милость чрезъ то оклеветаніе получилъ». Какъ бы то ни было, но извѣстно, что передъ своей поѣздкой въ Сибирь (1720 г.) Татищевъ говорилъ съ Петромъ о своемъ планѣ, касательно сочиненія русской географіи и о необходимости размежевать и снять на планъ всѣ земли Россіи. Двѣ поѣздки въ Сибирь по горнымъ дѣламъ, поѣздка въ Швецію по разнымъ порученіямъ правительства (1720—1726) и вообще многочисленность служебныхъ занятій лишили однако Татищева возможности составить полную русскую географію. Въ «духовной» сыну, говоря о томъ, что русскую географію необходимо знать «шляхетству» (дворянству) русскому, онъ прибавляетъ: «ее (географію) никто не сочинилъ, и я хотя много о томъ трудился, но окончать не надѣюсь».

Собирая матерьялы для сочиненія подробной русской географіи, Татищевъ пришелъ къ мысли о необходимости предварительно изучить подробно исторію Россіи. Въ дѣлѣ русской исторіи, какъ мы знаемъ, до Татищева, существовали однѣ лишь лѣтописи, отдѣльные лѣтописные разсказы, записки и т. п. историческіе матерьялы, не собранные въ одно цѣлое, не приведенные въ порядокъ и не разработанные критически; а безъ подобной предварительной переработки историческихъ матерьяловъ знакомство съ истинной русской исторіей было невозможно. И потому Татищевъ принялся самъ за собираніе и изслѣдованіе матерьяловъ по русской исторіи. Плодомъ этихъ историческихъ занятій былъ трудъ Татищева, извѣстный подъ именемъ «Исторіи Россійской», надъ сочиненіемъ которой авторъ трудился тридцать лѣтъ.

Трудъ Татищева не есть въ собственномъ смыслѣ исторія, да и самъ авторъ не имѣлъ въ виду написать русскую исторію. Онъ хотѣлъ только показать, въ чемъ собственно заключается русская исторія и какіе существуютъ источники для ея изученія. «Исторія» Татищева собственно представляетъ сводъ русскихъ лѣтописей, снабженный критическими примѣчаніями автора, и выписки изъ иностранныхъ книгъ, заключающихъ въ себѣ историческія извѣстія и свѣдѣнія о Россіи. (*) Какъ сводъ лѣтописей и критика историческихъ фактовъ, трудъ Татищева и теперь не утратилъ своего значенія. Татищевъ по справедливости можетъ быть названъ первымъ русскимъ историкомъ въ томъ отношеніи, что онъ первый представилъ опытъ наукообразной разработки источниковъ русской исторіи, первый указалъ на ихъ важность и значеніе не только для русской, но и для всеобщей исторіи. Свой взглядъ на исторію вообще и на русскую исторію въ особенности и свои научныя, нравственно-религіозныя и политическія идеи и понятія Татищевъ высказываетъ въ обширномъ предисловіи и въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ къ «Исторіи Россійской». Изъ послѣднихъ особенно видны какъ обширная начитанность Татищева и его знакомство съ сочиненіями Гоббеса, Беля, Маккіавелли и другихъ европейскихъ философовъ и политиковъ, такъ равно и его критическій талантъ. Подвергая критикѣ, доказывая достовѣрность или недостовѣрность извѣстнаго историческаго факта или явленія, стараясь объяснить ихъ внутренній смыслъ и значеніе, Татищевъ въ тоже время бросаетъ критическій взглядъ на анологическія явленія современной ему русской жизни. И при этомъ высказываются его собственные, политическіе и религіозные, взгляды и сужденія. Разсуждая, напримѣръ, о древнемъ правительствѣ русскомъ

(*) «Исторія Россійская, чрезъ тридцать лѣть собранная и описанная», Татищева была издана уже послѣ смерти автора и состоитъ изъ 5 книгъ; изъ нихъ 3 книги были напечатаны академикомъ Миллеромъ, по повелѣнію Екатерины II (1768—1774), четвертая напечатана въ 1784 г., а пятая, открытая г. Погодинымъ, напечатана въ новѣйшее время. Въ напечатанныхъ книгахъ содержатся: извѣстіе о русскихъ лѣтописяхъ и извлеченія изъ иностранныхъ книгъ о первобытныхъ народахъ, населявшихъ Россію: Скиѳахъ, Сарматахъ, Славянахъ и друг. и наконецъ сводъ лѣтописныхъ извѣстій, съ 860 года до царя Ѳедора Ивановича. Разработанъ критически лишь первоначальный періодъ, до нашествія Татаръ. Кромѣ того, остались неизданными записки Татищева о времени царствованія остальныхъ царей русскихъ,—включительно до Алексѣя Михайловича.

и показавъ разницу между формами правленія: монархическою, аристократическою и демократическою, Татищевъ доказываетъ, что для русскаго государства «потребно единовластительство», т. е. необходимо правленіе самодержавное. Разбирая и объясняя лѣтописныя извѣстія о древнихъ языческихъ вѣрованіяхъ на Руси, авторъ въ тоже время нападаетъ на современное ему невѣжество, на нелюбовь къ наукамъ, на суевѣрія и религіозное лицемѣріе, на старовѣровъ, или— по его выраженію — «пустовѣровъ», на суевѣрныя «бабьи басни», на «враки ханжей и пустосвятовъ» и т. п. Въ выраженіи подобныхъ взглядовъ и понятій Татищевъ являетея рѣшительнымъ послѣдователемъ и писателемъ реформы: онъ, подобно Ѳ. Прокоповичу и другимъ, нерѣдко дѣлаетъ намеки на современныхъ учителей вѣры, которые вмѣсто поученій народу объ «истинахъ вѣры Христовой и о благонравіи, преподаютъ ему преданія и узаконенія человѣческія, для своихъ лакомствъ вымышленныя». Такія рѣзкія сужденія Татищева, противорѣчившія мнѣнію современнаго большинства, были причиною, что его «Исторія» не встрѣтила сочувствія и заслуженной оцѣнки у современниковъ и была издана только чрезъ 30—40 лѣтъ послѣ своего сочиненія. Самъ Татищевъ говоритъ въ «духовной» сыну, что за вышеприведенныя мнѣнія свои онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ вольнодумствѣ и даже въ безбожіи; тогда какъ его наставленія сыну, выраженныя въ той же духовной, представляютъ намъ Татищева, какъ человѣка истинно-религіознаго.

Занимаясь разработкой источниковъ по русской исторіи, Татищевъ первый открылъ «Русскую правду» и «Судебникъ» Ивана IV и составилъ къ нимъ историческія и юридическія примѣчанія. Изъ прочихъ историко-политическихъ сочиненій Татищева особенно интересна напечатанная недавно записка его, подъ заглавіемъ: «Произвольное и согласное разсужденіе и мнѣніе собравшагося шляхетства русскаго о правленіи государственномъ». Это «разсужденіе» написано Татищевымъ по поводу олигархическихъ стремленій и незаконныхъ дѣйствій «верховнаго тайнаго совѣта» (или «верховниковъ», какъ ихъ тогда называли). (*) Верховники, какъ извѣстно, предложили русскій пре-

(*) Главными дѣйствующими лицами въ «верховномъ совѣтѣ» были князья: Д. М. Голицынъ и В. Л. Долгорукій и ихъ родственники.

столъ, послѣ смерти Петра II, дочери царя Ивана Алексѣевича, герцогинѣ курляндской, Аннѣ, подъ условіемъ ограниченія императорской власти властію «верховнаго тайнаго совѣта». Вотъ противъ этого-то намѣренія верховниковъ и была написана Татищевымъ названная выше записка, какъ выраженіе желаній большинства тогдашняго русскаго «шляхетства», или дворянства, представленное отъ его имени императрицѣ Аннѣ, во время ея коронаціи въ Москвѣ, съ просьбою о принятіи самодержавія, по примѣру ея предшественниковъ, и объ уничтоженіи верховнаго тайнаго совѣта. Императрица согласилась и разорвала условія, предписанныя ей верховниками.

Въ «разсужденіи о правленіи государственномъ» Татищевъ, основываясь на понятіяхъ о государственномъ правѣ и на исторіи, доказываетъ незаконность и преступность дѣйствій тѣхъ изъ русскихъ вельможъ, которые «дерзнули собою» (т. е. собственною властію, безъ воли всего народа, или безъ «общенароднаго соизволенія», какъ говоритъ авторъ) «единовластительство отставить, а ввести аристократію». Развивая далѣе свои доказательства, Татищевъ разсуждаетъ подробно о трехъ формахъ правленія: о демократіи, аристократіи и монархіи, приводитъ примѣры разныхъ государствъ, обращается къ примѣрамъ изъ русской исторіи и приходитъ къ тому заключенію, что для Россіи необходимо и полезно лишь «единовластіе», въ такомъ видѣ, какъ оно установлено Петромъ Великимъ. Въ своихъ воззрѣніяхъ на политическія событія, Татищевъ обнаруживаетъ здѣсь замѣчательную широту взгляда, а въ его выводахъ и въ доказательствахъ главной мысли сочиненія видна стройная, логическая послѣдовательность.

Мы упоминали выше о «Духовной» Татищева. Она написана авторомъ въ 1733 году (издана въ 1773) и принадлежитъ къ самымъ характеристическимъ письменнымъ памятникамъ своего времени. Въ совѣтахъ, которые Татищева даетъ сыну, относительно воспитанія, службы, семейной жизни, управленія хозяйствомъ и т. д. довольно ярко высказываются какъ личный характеръ самаго автора, съ его осторожнымъ, практическимъ умомъ и житейскою опытностію, съ его взглядами на науку и на жизнь, такъ равно и многія характеристическія черты современныхъ нравовъ и понятій.

Наставленія сыну касательно образованія Татищевъ начинаетъ съ

вѣры: «Главнѣйшее есть вѣра — говоритъ онъ: — надлежитъ отъ самой юности даже до старости поучатися въ законѣ Божіи, день и нощь», и совѣтуетъ читать книги св. писанія, отцевъ церкви, особенно Златоуста, равно катехизическія и нравоучительныя книги, «печатанныя въ нынѣшнія времена». За тѣмъ Татищевъ переходитъ къ наставленіямъ объ изученіи свѣтскихъ наукъ: «Весьма нужно тебѣ—говоритъ онъ сыну — поучатися и въ свѣтскихъ наукахъ, въ которыхъ нужнѣйшее — право (т. е. правильно) и складно писать; затѣмъ ариѳметика, геометрія, артиллерія и фортификація, и прочія части математики, также нѣмецкій языкъ, что тебѣ необходимо нужно, для извѣстія о состояніи нашего государства, (*) исторія русская, которую ты хотя не въ совершенномъ порядкѣ, однакожъ довольную въ моихъ письмахъ найдешь, и къ оной примѣчанія и дополненія, изъ чужестранныхъ книгъ выписанныя, на разныхъ бумагахъ; естьли охота будетъ, можешь въ порядокъ собрать и какъ себѣ, такъ и всему отечеству въ пользу употребить». Далѣе Татищевъ совѣтуетъ сыну изучить русскую географію и гражданскіе и воинскіе законы отечества. Вообще на образованіе, на изученіе свѣтскихъ наукъ и языковъ Татищевъ смотритъ съ утилитарной точки зрѣнія, со стороны ихъ пользы и практическаго примѣненія въ частной и общественной жизни.

При исчисленіи семейныхъ обязанностей, Татищевъ указываетъ сыну на почтеніе къ родителямъ, какъ на важнѣйшую изъ человѣческихъ обязанностей, подкрѣпляя свои наставленія многими изрѣченіями изъ св. писанія. «Духовная» Татищева, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по своимъ пріемамъ и по излагаемымъ въ ней наставленіямъ житейской мудрости, иногда напоминаетъ «Домострой», съ тою конечно разницею, что она написана не въ XVI, а около половины XVIII столѣтія и русскимъ человѣкомъ, хорошо знакомымъ съ европейской наукой и понятіями. Напримѣръ, относительно женидьбы въ духовной говорится, что главныя достоинства жены должны заключаться: въ хорошемъ со-

(*) Получавшіяся у насъ, со времени Петра, заграничныя газеты и вѣдомости, въ которыхъ писалось нерѣдко о русскихъ дѣлахъ, были преимущественно нѣмецкія, и вообще нѣмецкій языкъ имѣлъ въ Россіи, въ описываемое время, тоже значеніе, какое впослѣдствіи получилъ французскій.

стояніи, въ разумѣ и въ здоровьи; но духовная тутъ же прибавляетъ, что жена не раба мужу, а помощница,—«однакожъ стыдно мужу и находиться подъ властію жены; такихъ примѣровъ нынѣ уже довольно видимъ». За тѣмъ Татищевъ сильно вооружается противъ «новыхъ, глупыхъ» женъ, которыхъ, по его словамъ, всегда окружаетъ ватага ханжей, бродягъ и тому подобныхъ потаскушъ и вѣстоношей.

Въ высшей степени любопытны наставленія духовной Татищева относительно всѣхъ родовъ службы. Здѣсь въ особенности высказывается житейская опытность и практическій умъ автора. Общіе совѣты Татищева сыну касательно службы заключаются въ томъ, чтобы онъ служилъ государю и государству вѣрно и прилежно во всякомъ возложенномъ на него дѣлѣ. А главное: «ни отъ какой услуги, куда бы тебя ни опредѣлили, не отрицайся, и ни на что самъ не напрашивайся». Далѣе Татищевъ говоритъ сыну: не предавай немощнаго въ руки сильнаго, хранися гордости, весьма хранися предстателей, совѣтниковъ и льстецовъ, чтобы не впасть въ неправосудіе... Мнѣ часто случалось видѣть, что жены, сродники, холопы, блюдолизы много судейскими душами торговали... Но паче же всего хранись секретарей и подьячихъ, подчиненныхъ тебѣ». Служа долгое время въ гражданской службѣ, Татищевъ былъ хорошо знакомъ съ русской бюрократіей. Дурное мнѣніе, которое онъ имѣлъ о поименованномъ классѣ чиновничества, простиралось у него до того, что онъ внушаетъ сыну полное недовѣріе ко всѣмъ дѣйствіямъ и даже къ совѣтамъ секретарей и подьячихъ. Школа житейской мудрости, которую прошелъ самъ Татищевъ, заставляетъ его давать сыну иногда такіе,—нѣсколько іезуитскіе,—совѣты: «хотя иногда видишь, что онъ (секретарь) дѣльно говоритъ, оставь въ молчаніи и спроси другихъ, постороннихъ, или *тоже самое только инымъ порядкомъ сдѣлай*, или вели что *пополнить— да пристойное*, *дабы не думали того, что ничего отъ себя не умѣешь сдѣлать* и правду съ ложью распознать», и проч. Далѣе Татищевъ учитъ сына довѣрять кому либо изъ своихъ подчиненныхъ только въ томъ случаѣ, когда онъ замѣтитъ, что это человѣкъ добродѣтельный, не алчный и справедливый; но при этомъ находитъ нужнымъ прибавить: «хотя сіе *и рѣдко случается*, *однакожъ иногда быть можетъ*». Съ вопросомъ о службѣ, особенно о службѣ

гражданской, тѣсно связанъ вопросъ о взяточничествѣ, въ которомъ, какъ упомянуто выше, былъ уличаемъ и самъ Татищевъ. Потому онъ затронулъ этотъ вопросъ и въ своей «духовной», изложивъ здѣсь тѣже самыя понятія о взяткахъ, какія онъ высказалъ въ личномъ объясненіи съ Петромъ по этому вопросу. Въ своихъ понятіяхъ о взяточничествѣ Татищевъ дѣлаетъ различіе между «лихоимствомъ» и «законною мздою за рѣшеніе дѣла» (т. е. тѣмъ, что на языкѣ новаго чиновничества называется «благодарностію»). Лихоимство есть не право взятое, по словамъ Татищева, а мзда принадлежитъ дѣлающему по должности: «если я и ничего не взявъ, противу закона сдѣлаю — повиненъ; если ради мзды присоединиться къ законопреступленію лихоимство — долженъ (т. е. заслуживаю) сугубаго наказанія; когда же право и порядочно сдѣлалъ и отъ праваго въ возблагодареніе пріиму,— ничѣмъ осужденъ быть не могу». «Возблагодареніе», о которомъ говоритъ здѣсь Татищевъ, будетъ всегда «неправымъ»; потому что судья или чиновникъ, по долгу своему, обязанъ рѣшать дѣла «право и порядочно»; а вознагражденіе за свою службу обществу онъ долженъ получать только отъ власти, его постановившей.

При изложеніи совѣтовъ относительно деревенскаго хозяйства, въ духовной Татищева подробно говорится объ отношеніяхъ между помѣщикомъ и крестьянами. Хотя Татищевъ, какъ членъ современнаго русскаго «шляхетства», не думаетъ отрицать законности крѣпостнаго права, не говоритъ, напримѣръ, подобно Посошкову, что «крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы»; тѣмъ не менѣе взглядъ Татищева на отношенія помѣщика къ крестьянамъ отличается рѣдкою для его времени гуманностію и понятіями истинно-просвѣщеннаго человѣка. Онъ совѣтуетъ сыну заботиться о духовномъ и нравственномъ образованіи крестьянъ, поручивъ это дѣло хорошему, ученому священнику, который долженъ быть свободенъ отъ всякихъ сельскохозяйственныхъ занятій и содержимъ на жалованьи. Въ этомъ требованіи, относительно положенія сельскаго духовенства, равно какъ и во взглядѣ на жалкое состояніе и малообразованность послѣдняго, Татищевъ сходится съ Посошковымъ. Далѣе духовная Татищева требуетъ для крестьянъ: грамотности, медиковъ, заведенія аптекъ,— идеалъ, до котораго жизнь крестьянства еще не достигла и въ наши дни.

Мы указали лишь на важнѣйшія сочиненія Татищева, которыя или характеризуютъ эпоху, или выражаютъ направленіе и отличительныя свойства самаго сочинителя. Но онъ оставилъ послѣ себя довольно еще и другихъ, ученыхъ и дѣловыхъ, трудовъ, не лишенныхъ важности и значенія для своего времени и интересныхъ для насъ въ историческомъ отношеніи, какъ знакъ разумной дѣятельности, любознательности и обширности взглядовъ Татищева. Къ такимъ трудамъ его принадлежатъ: атласъ Сибири, донесенія о минеральныхъ богатствахъ и о торговыхъ путяхъ послѣдней, собранныя имъ географическія и этнографическія свѣдѣнія о Россіи, «Лексиконъ россійскій, историческій, географическій, политическій и гражданскій» (доведенъ до буквы Л. и изданъ въ 1779 г.) и друг.

Кромѣ историческихъ трудовъ Татищева, въ эпоху преобразованія, появились и другія сочиненія историческаго содержанія. Изъ нихъ болѣе извѣстны:

а.) «Ядро исторіи Россійской,» — многотомное сочиненіе, которое содержитъ въ себѣ изложеніе историческихъ событій отечества отъ древнѣйшихъ временъ до смерти царя Ивана Алексѣевича. За исключеніемъ древняго періода, всѣ остальныя событія переданы здѣсь довольно вѣрно, почти безошибочно, въ простомъ и безъискуственномъ разсказѣ. «Ядро Исторіи Россійской» долго служило учебникомъ по русской исторіи въ школахъ. Этотъ историческій трудъ принадлежитъ *Манкѣеву*, секретарю или переводчику при русскомъ резидентѣ въ Швеціи, кн. Хилковѣ, вмѣстѣ съ которымъ Манкѣевъ провелъ 18 лѣтъ въ плѣну въ Швеціи, находясь все это время подъ стражею въ г. Вестерасѣ, гдѣ и написалъ свое сочиненіе. По слѣдамъ Миллера, издавшаго трудъ Манкѣева въ 1770 году, сочиненіе это долго приписывалось кн. Хилкову. Трудъ свой Манкѣевъ посвятилъ Петру I.

б.) Записки *Желябужскаго* (1682—1709) начинаются со смерти царя Өедора Алексѣевича и оканчиваются извѣстіемъ о полтавской битвѣ. Желябужскій былъ окольничимъ и черниговскимъ воеводой. Его записки и по содержанію и по формѣ напоминаютъ разсказы лѣтописцевъ: авторъ ведетъ разсказъ изъ года въ годъ, почти изо дня въ день,

представляя одну лишь сухую и безстрастную перечень событій. Желябужскій разсказываетъ о первомъ стрѣлецкомъ возмущеніи 1682 года, подробно говоритъ о бунтѣ стрѣльцовъ 1698 года и о другихъ важныхъ происшествіяхъ своего времени, но всегда записываетъ одни лишь сухіе факты, какъ они совершались передъ его глазами, не высказывая о нихъ никакого сужденія. Напримѣръ: «Князю Петру Кропоткину чинено наказанье, битъ кнутомъ за то, что онъ въ дѣлѣ своровалъ — выскребъ и приписалъ своею рукою». Или: «Въ томъ же году князь Яковъ Ивановъ сынъ Лобановъ-Ростовскій да Иванъ Андреевъ сынъ Микулинъ ѣздили на разбой по троицкой дорогѣ, къ красной соснѣ, разбивать государевыхъ мужиковъ съ ихъ великихъ государей казною, и тѣхъ мужиковъ они разбили, и казну взяли себѣ, и двухъ человѣкъ мужиковъ убили до смерти», и проч. Или: «И того числа стрѣляли изъ пушекъ про государское здоровье... Были розыски великіе и пытки стрѣльцамъ жестокія... А на Москву въ тѣхъ же числахъ пришли изъ разныхъ государствъ Нѣмцы, гусары и онженеры (инженеры) всего ихъ пришло 700 человѣкъ», и проч. Въ такомъ сухомъ и безстрастномъ тонѣ разсказываетъ Желябужскій какъ о важнѣйшихъ, такъ и о незначительныхъ событіяхъ своего времени, не выражая ни личнаго своего о нихъ мнѣнія, ни тѣхъ чувствъ и впечатлѣній, которыя возбуждались ими въ современникахъ. Тѣмъ не менѣе записки Желябужскаго представляютъ драгоцѣнный матерьялъ при изученіи нравовъ и понятій времени — именно вслѣдствіе своей наивности и безъискуственности разсказа и вслѣдствіе вѣрной передачи многихъ современныхъ фактовъ и явленій.

в.) «Исторія стрѣлецкаго бунта 1682 года», *Матвѣева*, (*) о которой мы говорили выше. Записки Матвѣева о стрѣлецкомъ бунтѣ представляютъ совершенную противоположность запискамъ Желябужскаго

(*) Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ, во время Петра, былъ русскимъ посланникомъ въ Голландіи, а потомъ при австрійскомъ дворѣ; въ 1715 году онъ возведенъ въ графство римской имперіи. Кромѣ исторіи стрѣлецкаго бунта, послѣ Матвѣева остались записки о современныхъ политическихъ происшествіяхъ, а также дневникъ, веденный имъ во время поѣздки изъ Гаги въ Парижъ, для заключенія торговаго трактата съ Франціей. Какъ записки, такъ и дневникъ Матвѣева имѣютъ характеръ офиціальныхъ бумагъ и не представляютъ интереса ни въ историческомъ, ни въ литературномъ отношеніи.

въ томъ отношеніи, что онѣ писаны съ преднамѣренною цѣлію и отличаются тяжелымъ, искуственнымъ языкомъ и витіеватостію изложенія. Авторъ вездѣ старается выяснить мотивы, указать на послѣдствія извѣстныхъ событій и украшаетъ свой разсказъ разнаго рода нравственными сентенціями и примѣрами. Приводимъ для примѣра небольшой отрывокъ изъ записокъ Матвѣева: «Какъ подобно мудраго изъ старыхъ философа Езопа притчѣ, всегда нижеименованный Милославскій вельми хитрымъ своимъ пронырствомъ во всемъ сходно то учинилъ, и по сущему его Езопову примѣру, когда обезьяна пожелала коштана, то есть нѣкотораго плода съ древесъ, меньше грецкаго орѣха, вкусомъ гороховымъ, испекши изъ горячихъ углей выбрать и въ снѣдь свою употребить; тогда, поймавъ та обезьяна кошку и взявъ лапы ея кошечьи въ свои руки, скоро оной плодъ выбравъ, въ желаемую себѣ сладость получила и ими удовольствовалася. Такъ точно съ тѣмъ же дѣйствіемъ онъ господинъ Милославскій людей тѣхъ, безразсудливыхъ Хованскихъ князей, равно какъ обезьяна, въ свои лукавыя руки, яко кошекъ, помкнулъ и сдѣлалъ участниками гнусныхъ тѣхъ преждебывшихъ своихъ дѣлъ».

Кантемиръ и Тредьяковскій.

Въ сочиненіяхъ писателей реформы, разсмотрѣнныхъ нами выше, мы не встрѣчали до сихъ поръ собственно *литературныхъ* произведеній, т. е. произведеній такъ называемой «изящной» словесности, или произведеній поэтическихъ. Литература реформы преслѣдовала исключительно утилитарныя цѣли, была, такъ сказать, литературою по преимуществу дѣловою и офиціальною. Первыми «литературными» произведеніями въ томъ значеніи этого слова, какъ мы его понимаемъ теперь, являются, въ эпоху преобразованія, сатиры *Кантемира* (князя Антіоха Дмитріевича, 1708—1744). Потому не совсѣмъ безъ основанія новый періодъ русской литературы начинаютъ обыкновенно съ Кантемира: въ той искуственной литературѣ, которая должна была развиться у насъ, какъ плодъ подражанія литературамъ западнымъ и какъ слѣдствіе реформы Петра, Кантемиръ первый полагаетъ основаніе русской сатирической поэзіи и первый представляетъ намъ

образцы русской стихотворной сатиры, какъ отдѣльнаго рода лирической поэзіи, существовавшаго въ европейскихъ литературахъ. По духу и характеру, сатиры Кантемира находятся въ тѣсной связи со всѣми главными литературными явленіями реформы и рисуютъ вѣрную картину современнаго русскаго общества; а по внѣшней формѣ своей, т. е. по конструкціи стиховъ (сатиры Кантемира написаны силлабическимъ размѣромъ) по языку и слогу, онѣ примыкаютъ къ стихотворнымъ произведеніямъ схоластической школы—съ тою конечно существенною разницею, что сатиры Кантемира рѣзко отличаются отъ какихъ-нибудь виршей Симеона Полоцкаго или Сильвестра Медвѣдева и своимъ живымъ, жизненнымъ содержаніемъ, и своимъ направленіемъ и наконецъ выраженными въ нихъ новыми идеями и понятіями.

Кантемиръ родился въ Константинополѣ и былъ сынъ молдавскаго господаря, Димитрія Кантемира, соединившагося съ Петромъ въ турецкую войну, которая окончилась неудачнымъ прутскимъ миромъ. Не смотря на необходимость мира, Петръ однако рѣшительно отвергъ требованіе Турціи, относительно выдачи отложившагося отъ нея молдавскаго господаря. Кантемиръ принялъ русское подданство и съ семействомъ своимъ переѣхалъ на житье въ Россію, когда его сынъ Антіохъ былъ еще ребенкомъ. Кантемиръ-отецъ, человѣкъ замѣчательно образованный, лингвистъ и авторъ нѣсколькихъ ученыхъ сочиненій, отличался особенною любовію къ наукамъ и просвѣщенію. Естественно, что эту любовь и уваженіе къ наукамъ онъ внушилъ и своимъ дѣтямъ, особенно Антіоху, въ которомъ рано замѣтилъ отличныя способности, будучи самъ его первымъ воспитателемъ и наставникомъ. Другими учителями Антіоха Кантемира были извѣстные ученые и знатоки многихъ языковъ, греческіе монахи: Анастасій Кондоиди и Евфимій Колети. Кромѣ того, Кантемиръ въ Москвѣ учился въ заиконоспасской академіи, а послѣ учрежденія въ Петербургѣ академіи наукъ, слушалъ тамъ лекціи математики, физики и философіи у академическихъ професоровъ. Будучи уже офицеромъ гвардіи, въ 1729 году, Кантемиръ написалъ свою первую сатиру: «На хулящихъ ученіе,» которая привела въ восторгъ современниковъ, въ особенности просвѣщеннѣйшихъ изъ нихъ, — какъ напримѣръ, Ѳеофана Прокоповича и

Θеофила Кролика, горячо привѣтствовавшихъ молодаго сатирика и перваго русскаго свѣтскаго поэта. Θ. Прокоповичъ, не зная имени сочинителя сатиры, написалъ къ нему восторженное посланіе въ стихахъ, которое начиналось извѣстнымъ стихомъ: «Не знаю кто ты, пророче рогатый», (*) и въ которомъ просвѣщенный архипастырь говоритъ поэту:

«Перомъ смѣлымъ мещи порокъ явный
На нелюбящихъ *ученой дружины*,
И разрушай всякъ обычай злонравный,
Желая доброй въ людяхъ перемѣны».

Архимандритъ Θ. Кроликъ написалъ такое же привѣтствіе Кантемиру, латинскими стихами, переведенными потомъ порусски, гдѣ называетъ сатиру Кантемира «рогатыми, бодливыми стихами» (cornutum carmen). Въ 1734 году Кантемиръ былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонѣ, имѣя не болѣе 25 лѣтъ отъ роду; а потомъ, за успѣшное окончаніе возложеннаго на него порученія, облеченъ былъ значеніемъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра. Кантемиръ провелъ въ Лондонѣ шесть лѣтъ, пользуясь славою отличнаго ученаго и политика и находясь въ сношеніяхъ съ современными политическими и учеными знаменитостями Англіи, которую онъ признавалъ просвѣщеннѣйшею страною въ мірѣ.

Плохое состояніе здоровья, разстраиваемое еще болѣе усиленными кабинетными занятіями, заставило Кантемира ѣхать въ Парижъ лѣчиться. Вскорѣ затѣмъ онъ и совсѣмъ поселился въ Парижѣ, занявъ постъ нашего полномочнаго министра и чрезвычайнаго посланника при французскомъ дворѣ. Ведя въ Парижѣ скромную жизнь и предавшись исключительно ученымъ трудамъ и занятіямъ литературой, Кантемиръ сблизился здѣсь съ нѣкоторыми изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ и литераторовъ, какъ напримѣръ, съ знаменитымъ Монтескьё, съ пьемонтскимъ ученымъ, аббатомъ Гуаско и съ математикомъ и астраномомъ Мопертюи, — что, между прочимъ, подало поводъ поэту Батюшкову написать извѣстную статью его: «Вечеръ у Кантемира», въ которой русскій сатирикъ первой половины XVIII столѣтія представленъ въ ученой бесѣдѣ съ Монтескьё, аббатомъ В. и аббатомъ Гуаско.

(*) *Corniger vates.* Латин. vates значитъ пророкъ и поэтъ.

Частыя болѣзни, и при томъ чрезмѣрная любовь къ чтенію и къ ученымъ трудамъ, заставлявшая Кантемира говорить, что онъ «тогда только не чувствуетъ болѣзни, когда трудится»,—ускорили его смерть: онъ умеръ въ Парижѣ, отъ водяной болѣзни въ груди, на 36 году отъ роду, оставивъ въ друзьяхъ своихъ память о себѣ, какъ о человѣкѣ благородномъ, правдивомъ, отличавшемся высокими качествами ума и сердца и гуманнымъ обращеніемъ со всѣми.

Изъ сочиненій Кантемира намъ извѣстны теперь: девять сатиръ, небольшое число другихъ стихотвореній, нѣсколько переводовъ, въ стихахъ и въ прозѣ, и нѣсколько оригинальныхъ ученыхъ сочиненій. (*) Для насъ имѣютъ особенную важность и по своему историческому значенію и по своимъ достоинствамъ однѣ лишь сатиры Кантемира, доставившія автору заслуженную извѣстность у современниковъ и почетное мѣсто въ исторіи русской литературы.

Главная сущность сатиръ Кантемира заключается, вопервыхъ: въ выраженіи негодованія сатирика противъ враговъ просвѣщенія, противъ «хулящихъ ученіе», число которыхъ было весьма велико въ Россіи, современной Кантемиру; а вовторыхъ: въ осмѣяніи пустоты, слабостей и пороковъ не только слѣпыхъ приверженцевъ старины и враговъ науки, но также и тѣхъ послѣдователей петровской реформы, которые, подражая обычаямъ и жизни образованныхъ народовъ Европы, не пошли далѣе усвоенія однѣхъ лишь внѣшнихъ формъ и отличій европейской цивилизаціи, а въ самой сущности остались при своихъ прежнихъ взглядахъ и понятіяхъ на частную и общественную жизнь и при своей прежней невѣжественности.

Первая сатира Кантемира, какъ показываетъ и данное ей вначалѣ

(*) Восемь сатиръ, съ примѣчаніями самаго Кантемира и нѣкоторыми мелкими стихотвореніями, изданы были первый разъ въ 1762 году, по исправленному самимъ авторомъ и присланному изъ-за границы списку еще въ 1743 году. Но такъ какъ первыя пять сатиръ Кантемиръ сочинилъ находясь еще въ Россіи, въ самые молодые годы (первую сатиру Кантемиръ написалъ, когда ему было не болѣе 20 лѣтъ) и такъ какъ онѣ тогда же разошлись по рукамъ во многихъ рукописныхъ спискахъ; то теперь существуетъ двѣ редакціи этихъ первыхъ пяти сатиръ: первоначальная, — рукописная и позднѣйшая, — печатная, разнящаяся отъ первой большими измѣненіями и передѣлками, сдѣланными авторомъ, измѣнившимъ и самыя названія первыхъ пяти сатиръ. Такъ первая сатира: «На хулящихъ ученіе» въ печатной редакціи названа: «Къ уму своему» и т. д.

названіе: «На хулящихъ ученіе»,— преимущественно направлена противъ невѣждъ и враговъ науки, преслѣдовавшихъ всякое новое знаніе не только своими невѣжественными порицаніями, но и своими дѣйствіями. Въ исправленномъ видѣ Кантемиръ назвалъ эту сатиру: «Къ уму своему», на томъ основаніи, что сатирикъ обращается, въ началѣ сатиры, къ уму своему, говоря:

«Уме недозрѣлый, плодъ недолгой науки!

Покойся, не побуждай къ перу мои руки»...

Далѣе сатирикъ увѣряетъ, что и безъ авторства можно достигнуть славы, къ которой ведутъ нынче многіе не трудные пути, гдѣ «не запнутся смѣлыя ноги»; а путь къ славѣ, который «босы проклали девять сестръ» (т. е. музы)— самый трудный и непріятный путь. Въ заключеніе сатиры, поэтъ снова совѣтуетъ своему уму, не распространяться безплодно въ объясненіяхъ о пользѣ наукъ и знать это лишь про себя.

Послѣ такого вступленія, сатирикъ изображаетъ типы невѣждъ того времени, т. е. типы: ханжи и дворянина-скупца, типъ гуляки и пьяницы и наконецъ типъ современнаго щеголя, подъ вымышленными именами: Critона, Сильвана, Луки и Медора. Сатирикъ заставляетъ каждое изъ этихъ лицъ, сообразно съ его личными вкусами и наклонностями, говорить противъ просвѣщенія и вооружаться противъ распространенія въ обществѣ новыхъ знаній и наукъ. Такъ

«Критонъ, съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ

«И проситъ, *свята душа*, съ горькими слезами,

посмотрѣть на то, какой вредъ уже успѣло принести «семя наукъ», и какъ вслѣдствіе наукъ распространились ереси и расколы и увѣряетъ, что приходитъ въ безбожіе всякъ, «кто надъ книгой таетъ», что вмѣсто прежняго благочестиваго обычая—«слушать со страхомъ» то, чего не знаешь,

Теперь, *къ церкви соблазну, библію честь стали,*

Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину.

Словомъ, Критонъ, подъ видомъ религіознаго благочестія, вооружается противъ всякаго живаго знанія и приводитъ всѣ тѣ доводы противъ наукъ, съ которыми обыкновенно партія обскурантизма всегда и вездѣ вооружалась противъ просвѣщенія и противъ всякаго живаго

движенія человѣческой мысли. Сильванъ, съ своей стороны, проповѣдуетъ о безполезности ученія, потому что оно не ведетъ къ прямому обогащенію; весельчакъ Лука говоритъ, что науки и книги только мѣшаютъ людямъ жить весело, а франту Медору вовсе не до книгъ: онъ все свое время и всѣ заботы обращаетъ на то, чтобы слѣдить за модами; онъ презираетъ ученость и ученыхъ, и своего портнаго и парикмахера ставитъ выше всякаго Сенеки, Цицерона и Виргилія, которые, въ его глазахъ, не стоятъ и «одного фунта пудры».

Рисуя такимъ образомъ портреты современныхъ ненавистниковъ просвѣщенія, сатирикъ подвергаетъ злой и чрезвычайно мѣткой насмѣшкѣ ихъ слабости и пороки и представляетъ намъ живую и яркую картину нравовъ современнаго русскаго общества, какъ оно сложилось подъ вліяніемъ реформы Петра, при столкновеніи стараго порядка вещей съ новыми идеями, выдвинутыми впередъ реформой.

Этотъ ханжа Критонъ, напримѣръ, съ такой злой ироніей названный сатирикомъ «свята душа», соболѣзнуя объ испорченности молодаго поколѣнія потерявшаго благочестивые нравы старины, говоритъ, что «дѣти наши»

Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу.

Не менѣе смѣшонъ и гадокъ и не менѣе вѣренъ дѣйствительности и «румяный Лука», который «трожды (трижды) рыгнувъ, подпѣваетъ» Сильвану о вредѣ наукъ для «человѣческаго содружества» и говоритъ, что онъ тогда примется за книги,

Когда будутъ течь къ ключамъ своимъ быстры рѣки,
И возвратятся назадъ минувшіе вѣки,
Когда въ постъ чернецъ одну ѣсть станетъ вязигу;
Тогда, оставя стаканъ, примуся за книгу.

Вообще первая сатира Кантемира, безспорно,—одна изъ лучшихъ его сатиръ, — представляетъ многія яркія черты времени и замѣчательна по ѣдкости ироніи и по благородному негодованію сатирика противъ современныхъ невѣждъ и «непріятелей» науки, которой онъ является защитникомъ. «Въ первой сатирѣ моей, — говоритъ самъ Кантемиръ,—я защищалъ науку отъ невѣждъ и непріятелей ея, да не отъ такихъ невѣждъ, которые ничего не знаютъ, но которые ни-

чего знать не хотятъ, и для того всякое знаніе хулятъ, проповѣдуя, что оно не только не полезно, но и вредно народу».

Вторая сатира носитъ названіе: «На зависть и гордость злонравныхъ дворянъ», или «Филаретъ и Евгеній»,—по печатной редакціи. Здѣсь, въ формѣ діалога, или разговора между двумя названными лицами сатирикъ осмѣиваетъ дворянскую спѣсь, или остатки стараго мѣстничества. Эта сатира утомительна и скучна при чтеніи по своему исключительно—дидактическому характеру и сухой морали; но тѣмъ не менѣе она заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя замѣчательныя частности, какъ напримѣръ: портретъ современнаго щеголя, или фата, который совершилъ путешествіе по Европѣ и возвратился домой тѣмъ же грубымъ и празднымъ невѣждой, хорошо изучивъ за границей одно лишь умѣнье одѣваться по модѣ, который,—по словамъ сатирика,—послѣ «долголѣтняго пути въ странахъ чужестранныхъ», понялъ лишь то,

. . . . . что фалды должны быть тверды, а не жидки, (*)
Въ полъ-аршина глубоки и ситомъ подшиты,
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и проч.

Описаніе жизни и привычекъ этого пустаго и празднаго щеголя, изображенныхъ въ сатирѣ, въ противоположность полезной и дѣятельной жизни его предковъ, вообще сдѣлано мастерски и весьма забавно. Сатирикъ говоритъ:

Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои; а ты, подъ парчою,
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душою,
Грозно сопешь, и проч.

И затѣмъ сатира изображаетъ картину, какъ лѣниво встаетъ съ постели этотъ щеголь, какъ онъ нѣжится, одѣвается: «деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу»,—говоритъ при этомъ сатирикъ, и проч.

Третья сатира: «О различіи страстей человѣческихъ», написана

(*) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту сатиры (примѣчанія къ сатирамъ Кантемира, писанныя имъ самимъ, интересны по нѣкоторымъ историческимъ и характеристическимъ чертамъ времени) говорится: «Когда писана сатира сія, мода была, чтобъ фалды торчали тверды, а не висѣли по потамъ, какъ прежде сего бывало».

въ видѣ «посланія къ Ѳеофану, епископу новгородскому». Разбирая вначалѣ вопросъ о существованіи различныхъ страстей въ людяхъ, — по видимому организованныхъ одинаково и со стороны тѣла и со стороны души, — сатира представляетъ портреты людей, преданныхъ разнообразнымъ страстямъ: сребролюбію, мотовству, лицемѣрному ханжеству, самолюбію и проч. Осмѣивая эти пороки, свойственные людямъ вообще, Кантемиръ и въ этой сатирѣ умѣлъ подмѣтить и живо изобразить нѣкоторыя черты современной ему русской дѣйствительности. Говоря, напримѣръ, о томъ, что люди бываютъ вообще недовольны своимъ положеніемъ и передавая жалобы пахаря, который сѣтуетъ на судьбу и предпочитаетъ свое положеніе положенію солдата, сатирикъ заставляетъ его говорить слѣдующее:

«За что-де меня Творецъ не сдѣлалъ солдатомъ?
Не ходилъ бы въ серякѣ, а въ платье богатомъ,
Зналъ бы лишь одно свое ружье да капрала,
На правежѣ бы нога моя не стояла,
Для меня бы свинья моя только поросилась,
Съ коровы бъ мнѣ молоко, мнѣ бъ куря носилось.
А то все прикащицѣ, стряпчицѣ, княгинѣ,
Понеси въ поклонъ, а самъ *жирѣй на мякинѣ.*

Четвертая сатира: «Къ музѣ своей». Здѣсь сатирикъ спрашиваетъ у своей музы, не долженъ ли онъ прекратить сочиненіе сатиръ, такъ-какъ онѣ «многимъ не любы» и грозятъ опасностію самому сатирику? «Смѣло хулишь ты (говоритъ онъ своей музѣ) да и говоришь внятно, а я вижу, что въ чужомъ пиру мнѣ похмѣлье». Потому сатирикъ думаетъ, не начать ли ему лучше «писать хвалы» на дурные нравы? Но, находя, что на этомъ новомъ поприщѣ его стихи выходятъ крайне плохи:

(Сколько ногти не грызу и тру лобъ вспотѣлый,
Съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ не спѣлы, —)

онъ видитъ, что сила его таланта заключается именно въ сатирѣ, и въ заключеніе говоритъ, что сатиры его могутъ быть противны однимъ лишь негодяямъ и дуракамъ, которыхъ «нечего щадить».

Пятая сатира: «Сатиръ и Періергъ» написана въ разговорной формѣ, «на человѣческія злонравія вообще» и также изысканна въ цѣломъ

и утомительна при чтеніи, какъ и сатира вторая; но замѣчательна потому, что заключаетъ въ себѣ намеки на нѣкоторыя современныя лица и на сильныхъ временщиковъ той эпохи (Долгорукаго, Остермана и друг.) портреты которыхъ не трудно узнать въ изображеніяхъ сатирика и подъ вымышленнными именами.

Шестая сатира: «О истинномъ блаженствѣ» интересна въ отношеніи личнаго взгляда и понятій самаго сатирика объ истинномъ счастіи, которое, по его мнѣнію, заключается въ золотой срединѣ («aurea mediocritas», Горація), въ жизни мирной, честной и полезной себѣ и другимъ и въ бесѣдѣ съ музами.

Седьмая сатира есть «Посланіе къ князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому», въ которомъ Кантемиръ излагаетъ свои мысли и понятія «о воспитаніи», мысли,—чрезвычайно здравыя и гуманныя, которыя не устарѣли и въ наше время, но которыя составляли рѣзкую противоположность съ понятіями о воспитаніи, господствовавшими въ современномъ русскомъ обществѣ.

Восьмая сатира: «На безстыдну нахальчивость» излагаетъ мнѣнія автора о людяхъ скромныхъ по природѣ и недовѣрчивыхъ къ себѣ, которые отъ этого нерѣдко теряютъ въ обществѣ, не смотря на свои достоинства; тогда какъ люди безстыдно-нахальные всегда успѣваютъ въ мнѣніи общества.

Девятая сатира: «На состояніе свѣта сего», или «Къ солнцу» направлена преимущественно противъ раскола и подвергаетъ осмѣянію всѣ связанныя съ раскольничьими мнѣніями невѣжественныя суевѣрія и предразсудки, какъ напр.: филиппики раскольниковъ противъ брадобритія, париковъ, нѣмецкаго платья, противъ разрѣшенія мірскимъ людямъ читать библію и т. п. (*)

(*) Три предпослѣднія сатиры Кантемира (6, 7 и 8-я) написаны въ Лондонѣ и въ Парижѣ, а девятая открыта недавно (1858 г.) г. Тихонравовымъ и гдѣ была написана—неизвѣстно, но она не вошла въ изданіе сочиненій Кантемира 1762 г.— Изъ переводовъ и сочиненій Кантемира въ прозѣ болѣе извѣстны: 1) Переводъ Фонтенеловыхъ «Разговоровъ о множествѣ міровъ», изданъ первый разъ въ 1740 году, замѣчателенъ потому, что противъ него возставалъ извѣстный намъ Аврамовъ, называя переводъ Кантемира и нѣкоторыя другія современныя книги «атеистическими, богопротивными книжищами»; 2) переводъ «Персидскихъ писемъ», Монтескье, 3) переводъ «Корнелія Непота», 4) Руководство къ алгебрѣ, 5) письма о философскихъ и нравственныхъ предметахъ, 6) письмо къ пріятелю

Прочія стихотворенія Кантемира, какъ-то: переводъ «Десяти писемъ Горація» и переводъ «Анакреоновыхъ пѣсень» (послѣдній не былъ напечатанъ) мелкія стихотворенія—пѣсни, басни, эпиграммы, и наконецъ начало эпической поэмы, «Петрида», въ которой авторъ хотѣлъ воспѣть подвиги Петра В.—заслуживаютъ вниманія развѣ какъ первые опыты русскаго свѣтскаго стихотворства; но въ нихъ нѣтъ поэзіи.

Кантемиръ не обладалъ поэтическимъ талантомъ; онъ не былъ поэтомъ-художникомъ, одареннымъ отъ природы творческою силою создавать высоко-поэтическіе образы. И самыя сатиры Кантемира лишены элементовъ истинной поэзіи. Въ нихъ сатирикъ нашъ не является грознымъ обличителемъ и карателемъ людскихъ страстей и пороковъ; его сатиры не караютъ, не бичуютъ порокъ могучимъ и энергическимъ стихомъ, не гремятъ проклятіями противъ зла и недуговъ общественныхъ, подобно, напримѣръ, сатирамъ Ювенала или Персея или, подобно «Ямбамъ и сатирамъ» Барбье, одного изъ замѣчательныхъ поэтовъ новѣйшей французской литературы. Сатиры Кантемира ближе подходятъ къ произведеніямъ Буало и вообще къ сатирамъ французской школы минувшаго столѣтія. Поучительный тонъ, иронія и насмѣшка — вотъ орудія, съ которыми Кантемиръ возставалъ противъ заблужденій и пороковъ современнаго ему русскаго общества. Потому сатиры Кантемира, отличаясь болѣе дидактическимъ, нежели поэтическимъ направленіемъ, должны быть причислены къ разряду стихотворныхъ произведеній благородно-мыслящаго и высокообразованнаго человѣка, который, по своимъ взглядамъ и понятіямъ, стоялъ далеко выше своихъ современниковъ и съ талантомъ описывалъ нравы своего времени, изображая смѣшными чертами и съ большимъ остроуміемъ все, что замѣчалъ въ этихъ нравахъ дурнаго, грубаго, неблагороднаго и невѣжественнаго. Отсюда у Кантемира живые портреты невѣжественныхъ духовныхъ лицъ, ставленниковъ, ханжей, лѣнивыхъ, праздныхъ и спѣсивыхъ дворянъ-помѣщиковъ, старовѣровъ и современныхъ фатовъ, судей-взяточниковъ, подъячихъ, словомъ всѣхъ современныхъ враговъ свѣта и науки.

Въ своихъ нападкахъ на враговъ науки и на отсталыя, расколь-

о сложеніи русскихъ стиховъ и другіе сочиненія и переводы, большая часть которыхъ не была издана.

ничьи понятія Кантемиръ сходится со всѣми писателями реформы, являясь такимъ образомъ однимъ изъ главныхъ и даровитѣйшихъ защитниковъ преобразованій Петровыхъ и защищая идеи реформы не по обязанности или приказанію, а какъ писатель-вельможа, по влеченію собственнаго сердца, по своимъ личнымъ понятіямъ и убѣжденіямъ.

Кантемиръ выступилъ съ своими сатирами, когда реформа уже оказала свое дѣйствіе и положила основаніе для новаго литературнаго развитія. Въ духѣ этого развитія онъ писалъ свои сатиры, осмѣивая и негодуя на противниковъ реформы. Но и Кантемиръ, подобно Ѳ. Прокоповичу и другимъ писателямъ реформы, рѣдко обращалъ вниманіе на существенныя причины неудачи большей части изъ предпринятыхъ или совершенныхъ преобразованій, въ духѣ петровской реформы. Онъ, напримѣръ, вооружается противъ невѣжественности духовенства и не обращаетъ вниманія на тогдашнее устройство духовныхъ училищъ, которое, при строго схоластической и безжизненной методѣ преподаванія, при школьныхъ порядкахъ, извѣстныхъ своею крайнею суровостію и жестокостію, могло дѣйствительно внушить тотъ ужасъ и отвращеніе къ школамъ, которые выказалъ дьячекъ въ одной изъ приведенныхъ нами выше интермедій Петрова времени. Кантемиръ ратуетъ противъ раскола и старовѣрческихъ понятій, но не видитъ, что народъ бѣжалъ массами въ расколъ, спасаясь отъ рекрутчины, отъ тягостныхъ налоговъ, отъ крѣпостнаго права, отъ самоуправства администраціи и отъ непонятныхъ для него новыхъ порядковъ, созданныхъ пересаженною на русскую почву нѣмецкою бюрократіею. Нашъ сатирикъ нападаетъ на дворянскую спѣсь и на остатки стариннаго мѣстничества, но не замѣчаетъ того, что установленная Петромъ «табель о рангахъ» узаконяетъ какъ бы новое, чиновническое, мѣстничество.

Въ обличеніяхъ первыхъ писателей реформы мы не встрѣчаемъ только портретовъ щеголей и пустыхъ подражателей европейскимъ модамъ и обычаямъ, которыхъ Кантемиръ изображаетъ такими мѣткими и забавными чертами. Эти новые типы, со времени Кантемира постоянно осмѣиваемые въ нашей литературѣ, появились въ русской жизни вслѣдствіе реформы и неглубокаго, поверхностнаго пониманія

европейской образованности. Кантемиръ, далеко опередившій своихъ современниковъ въ пониманіи истиннаго европейскаго просвѣщенія и, по свойству своего ума, склонный къ насмѣшкѣ и къ ироніи, не могъ не изображать въ своихъ сатирахъ смѣшными чертами того уродливаго смѣшенія европейскихъ понятій и обычаевъ съ обычаями и понятіями старо-русскаго быта, которое онъ замѣчалъ въ современномъ ему русскомъ обществѣ.

Таковы сатиры Кантемира со стороны ихъ внутренняго содержанія, которое доставили автору живыя явленія современной русской дѣйствительности и по которому Кантемиръ долженъ быть причисленъ къ писателямъ петровской реформы, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ представителей ея идей и направленія.

Со стороны внѣшней формы, т. е. со стороны стихотворныхъ пріемовъ, плана и расположенія своихъ сатиръ, Кантемиръ является подражателемъ латинскихъ и въ особенности—французскихъ сатириковъ XVIII вѣка, изъ которыхъ нерѣдко онъ заимствуетъ мысли, выраженія и даже переводитъ цѣлые стихи. Изъ римскихъ сатириковъ Кантемиръ бралъ себѣ въ образецъ болѣе всего сатиры Горація, хотя иногда заимствовалъ отдѣльные мысли, стихи и выраженія у Ювенала и Персея; изъ французскихъ—онъ подражалъ Буало. Но подражательность Кантемира ограничивается внѣшней стороной дѣла, и его сатиры—произведенія въ высшей степени самобытныя, русскія; потому—что заимствованія свои у западныхъ образцовъ онъ облекалъ въ чисто-русскія формы, рисуя передъ нами яркую картину современнаго русскаго общества, его нравы и понятія. Самъ Кантемиръ, въ предисловіи ко второй сатирѣ, говоритъ, что онъ слѣдуетъ Горацію и Буало и многое у нихъ «занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ». О первой сатирѣ своей Кантемиръ замѣчаетъ: «Можно сказать, что сатира сія ни изъ чего не *имитирована,* но есть выдумка нашего автора, понеже изъ всѣхъ сатириковъ никто особливую сатиру на хулящихъ ученіе не издалъ».

Много говорятъ обыкновенно о тяжеломъ языкѣ, о вялости и растянутости сатиръ Кантемира. Дѣйствительно, силлабическій размѣръ стиховъ, столь несвойственный духу русскаго языка, совершенно произвольная разстановка словъ и перестановка удареній, равно какъ

и нѣкоторыя устарѣлыя слова дѣлаютъ сатиры Кантемира утомительными для чтенія. Во всякомъ случаѣ, однако, мнѣніе о вялости и неудобочитаемости сатиръ Кантемира слишкомъ преувеличено. Не должно забывать при этомъ, что Кантемиру приходилось создавать языкъ для своихъ сатиръ, съ появленія которыхъ собственно и начинается образованіе новаго литературнаго русскаго языка. «Честь усилія — найдти на русскомъ языкѣ выраженіе для идей, понятій и предметовъ совершенно новой сферы, сферы европейской, принадлежитъ прямѣе всѣхъ Кантемиру», говоритъ Бѣлинскій. И не смотря на всѣ эти усилія и трудности, въ Кантемировыхъ сатирахъ встрѣчается много отдѣльныхъ мѣстъ и стиховъ, свидѣтельствующихъ о мастерствѣ автора владѣть языкомъ, и замѣчательныхъ по мѣткости выраженій и по чисто-русскому складу рѣчи. Каждая изъ сатиръ Кантемира можетъ представить нѣсколько образцовъ такого рода. Напримѣръ:

Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Мразна, нага, голодна, безъ помощи бродитъ.

Мнѣ ли въ такомъ возрастѣ поправлять довлѣетъ
Сѣдыхъ, пожилыхъ людей, кои чтутъ съ очками,
И чуть три зуба сберечь могли за губами;
Или помнятъ моръ въ Москвѣ, и какъ сего года,
Дѣла чигиринскаго сказуютъ похода.

А судьѣ довольно знать крѣпить приговоры.

Въ Златоустѣ не запнусь, — хоть не разумѣю.

Разсмотри гербовники, грамотъ виды разны,
Книгу родословную, записки приказны,
Съ прадѣдова прадѣда, — чтобъ начать поближе, —
Думнаго, намѣстника никто не былъ ниже.

Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу.

Ябеда и ея другъ дьякъ или подъячій.

..... Безъ всякой украсы
Болтнешь, что не дѣлаютъ чернца однѣ рясы.

Сегодня одинъ изъ тѣхъ дней святъ Николаю,
Для чего весь городъ пьянъ отъ края до краю.

Эти стихи равно, какъ и примѣры, приведенные нами выше, ясно свидѣтельствуютъ, что сатиры Кантемира читаются безъ особенныхъ усилій и напряженія. Внутреннія же достоинства сатирическихъ произведеній нашего перваго сатирика никогда не дадутъ умереть имени Кантемира въ исторіи русскаго просвѣщенія, указывая намъ на него, какъ на одного изъ благороднѣйшихъ и даровитыхъ дѣятелей русской мысли и русскаго слова, смѣло вступившаго въ борьбу съ фанатическимъ невѣжествомъ, которое препятствовало прогрессивному развитію русской жизни.

Тредьяковскій, Василій Кирилловичъ (1703—1769). Имя Тредьяковскаго, вслѣдствіе односторонняго взгляда на его ученую и литературную дѣятельность, долгое время служило и едва ли не служитъ еще и теперь синонимомъ всякой ограниченной бездарности, педантизма и безплоднаго труженичества. Такой суровый приговоръ своему изумительному трудолюбію на поприщѣ едва возникавшей свѣтской литературы русской Тредьяковскій встрѣтилъ не только у своихъ современниковъ, но и у потомства. Современники смѣялись надъ первымъ русскимъ «профессоромъ элоквенціи» и въ жизни и въ литературѣ, выводили его на сцену въ комедіяхъ, въ качествѣ смѣшнаго педанта, и называли въ разныхъ эпиграммахъ бездарнымъ «риѳмачемъ», «стихоткачемъ» и т. п.

Столь же неснисходительно было къ Тредьяковскому и потомство. Карамзинъ, напримѣръ, говоритъ о немъ: «Тредьяковскій учился во Франціи у славнаго Ролленя, (*) зналъ древніе и новые языки, читалъ всѣхъ лучшихъ авторовъ, и написалъ множество томовъ — въ доказательство, что онъ не имѣлъ способности писать».

Какова бы ни была способность Тредьяковскаго «писать», но слѣдуетъ сказать, что многіе томы его сочиненій и переводовъ по теоріи словесныхъ наукъ, по отечественной филологіи, по исторіи и т. д. вносили въ оборотъ современнаго русскаго общества много новыхъ свѣдѣній и положительнаго знанія, и слѣдственно принесли свою долю пользы и не могли остаться безъ значенія для своего времени. Потому ученое труженичество Тредьяковскаго заслуживаетъ болѣе справедливой оцѣнки и болѣе уважительнаго отзыва. Впрочемъ уже Пушкинъ отнесся съ уваженіемъ къ ученой дѣятельности Тредьяковскаго, сказавъ, что онъ *одинъ* среди современныхъ писателей *понималъ свое дѣло*, что филологическія и грамматическія изъясненія его очень замѣчательны и что «вообще изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей».

Невыгодное мнѣніе, образовавшееся въ нашей литературѣ о дѣятельности Тредьяковскаго, произошло оттого, что цѣнители Тредья-

---

(*) Ролленъ (Rollin) ректоръ парижскаго университета, одинъ изъ даровитыхъ профессоровъ и извѣстнѣйшихъ французскихъ ученыхъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. Ролленъ замѣчателенъ, какъ преобразователь университетскаго преподаванія во Франціи и противникъ средневѣковой схоластики; онъ требовалъ, чтобы въ образованіи юношества,—дѣло, которому Ролленъ былъ горячо преданъ,—первое мѣсто занимали отечественный языкъ и отечественная исторія, а языки греческій и латинскій служили бы только пособіемъ къ развитію гуманистическаго образованія во французскомъ юношествѣ. Сочиненіе Роллена: «Traité des études,» пользующееся до настоящаго времени авторитетомъ во французской ученой литературѣ, — по словамъ Виллмена, — одна изъ лучшихъ книгъ, написанныхъ на французскомъ языкѣ и памятникъ замѣчательнаго ума и изящнаго вкуса автора. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ изложеніе методы преподаванія и изученія изящныхъ наукъ (belles-lettres), какъ-то: поэзіи, краснорѣчія, реторики, языковъ, исторіи, философіи и проч. Тредьяковскій, въ своихъ разсужденіяхъ по части изящныхъ наукъ, въ оцѣнкѣ классическихъ произведеній древности и т. п. какъ видно, во многомъ слѣдовалъ сочиненіямъ Роллена. Подражаніе Роллену и выборъ для перевода нѣкоторыхъ изъ его сочиненій на русскій языкъ, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ честь уму и знаніямъ Тредьяковскаго. Всѣ сочиненія Роллена, въ 30 т., въ послѣдній разъ (1821—1827) издалъ Гизо.

ковскаго обращали исключительное вниманіе на его стихотворенія и на тяжелый и крайне неуклюжій языкъ и стиль его сочиненій. Если судить о Тредьковскомъ по однимъ стихотвореніямъ, то дѣйствительно о немъ нельзя говорить иначе, какъ о бездарномъ стихотворцѣ, лишенномъ всякихъ творческихъ способностей, не обладавшемъ и искрой поэтическаго таланта. Но совершенно въ другомъ свѣтѣ является Тредьяковскій въ своихъ ученыхъ разсужденіяхъ, какъ писатель, владѣвшій обширными и основательными свѣдѣніями о своемъ предметѣ, какъ переводчикъ многихъ полезныхъ иностранныхъ сочиненій и наконецъ, какъ первый профессоръ «россійской элоквенціи», 18 лѣтъ читавшій студентамъ академіи наукъ лекціи по теоріи краснорѣчія и стихотворства.

Тредьяковскій учился сначала на своей родинѣ, въ Астрахани, потомъ, изъ любви къ ученію, покинулъ родину и пришелъ въ Москву, поступивъ въ заиконоспасскія школы, или въ московскую духовную академію. Опасаясь наказанія за какую-то провинность, Тредьяковскій долженъ былъ бѣжать изъ академіи, и перебравшись за границу, дошелъ до Парижа—«съ крайнимъ претерпѣніемъ бѣдности и пѣшкомъ до Антверпена»,—какъ онъ говоритъ. Въ Парижѣ онъ нашелъ себѣ покровителя въ русскомъ посланникѣ, князѣ Куракинѣ, и провелъ въ столицѣ Франціи три года, о которыхъ всегда вспоминалъ съ восторгомъ. Здѣсь онъ слушалъ лекціи у извѣстныхъ профессоровъ парижскаго университета, между прочимъ — лекціи краснорѣчія и поэзіи знаменитаго Роллена, которому вѣроятно обязанъ тою основательностію и обширностію своихъ свѣдѣній въ теоріи словесныхъ наукъ и классической литературѣ, которыя мы встрѣчаемъ въ его собственныхъ разсужденіяхъ объ этихъ предметахъ. Сочиненія Тредьяковскаго свидѣтельствуютъ, что онъ былъ хорошо знакомъ съ древними языками (греческимъ и латинскимъ), а изъ новыхъ—владѣлъ въ совершенствѣ языкомъ французскимъ, на которомъ писалъ гладкіе и хорошіе стихи, и зналъ языкъ итальянскій. Возвратившись въ Россію, Тредьяковскій былъ опредѣленъ переводчикомъ при с.-петербургской академіи наукъ, а потомъ сдѣланъ секретаремъ академіи и профессоромъ «латинской и русской элоквенціи» въ академическомъ университетѣ.

Учено-литературные труды Тредьяковскаго заключаются: 1) въ оригинальныхъ разсужденіяхъ его о литературныхъ предметахъ, преимущественно о поэзіи и стихотворствѣ, 2) въ изслѣдованіяхъ по части русскаго языка и русской исторіи, 3) въ переводахъ историческихъ, словесныхъ и другихъ иностранныхъ сочиненій и наконецъ 4) въ многочисленныхъ стихотворныхъ произведеніяхъ разнаго рода.

Между самостоятельными изслѣдованіями Тредьяковскаго о литературныхъ предметахъ заслуживаютъ особеннаго вниманія: «Способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ» и «Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ россійскомъ стихотвореніи». Въ двухъ этихъ сочиненіяхъ Тредьяковскій излагаетъ основанія и правила открытаго имъ, при разборѣ русскихъ народныхъ пѣсень, *тоническаго* способа сложенія русскихъ стиховъ. Основываясь на складѣ нашихъ народныхъ пѣсень, онъ съ убѣдительностію и очевидною ясностію доказываетъ здѣсь, что устройство русскихъ стиховъ должно быть основано на *тонѣ*, т. е. на удареніи, или на «тоническихъ стопахъ», и что ни *силлабическій* размѣръ стиховъ, перешедшій къ намъ изъ Польши, ни *метрическій*, основанный на правилахъ греческой и римской версификаціи, нимало не свойственны духу русскаго языка. Уже то обстоятельство, что, желая разгадать тайну русскаго стиха, Тредьяковскій обратился (по его словамъ) къ «нашей природной наидревнѣйшей простыхъ людей поэзіи», т. е. къ народнымъ пѣснямъ, — много говоритъ въ пользу ума и вкуса и въ пользу сообразительности Тредьяковскаго; тѣмъ болѣе, что современная европейская образованность, въ понятіяхъ которой былъ воспитанъ и онъ самъ, не признавала никакихъ, даже внѣшнихъ, достоинствъ за народной поэзіей. Оттого-то и самъ Тредьяковскій, не смотря на то, что русскія народныя пѣсни навели его на мысль о тоническомъ стихосложеніи, называетъ ихъ «мужицкими и подлыми» (въ смыслѣ простонародныхъ и низкихъ). Сочиненіемъ правилъ и введеніемъ у насъ тоническаго размѣра стиховъ, Тредьяковскій оказалъ важную услугу русской литературѣ. Пушкинъ, великій мастеръ русскаго стиха, отдаетъ ему въ этомъ случаѣ полную справедливость, говоря, что Тредьяковскій «имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшія понятія, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ», — не взирая на то, что новѣйшій русскій стихъ, можно

сказать, созданъ Ломоносовымъ. Но Ломоносовъ ошибочно думалъ построить русское стопосложеніе на правилахъ греческой и латинской версификаціи. — Во второмъ изъ названныхъ нами разсужденій Тредьяковскій представляетъ историческое обозрѣніе трехъ періодовъ русскаго стихосложенія: пѣсеннаго, виршеваго и наконецъ тоническаго, которое имъ было изобрѣтено и введено у насъ.

Въ трактатѣ о героическомъ эпосѣ («Предъизъясненіе объ ироической піимѣ»), помѣщенномъ передъ «Тилемахидой» (см. ниже) Тредьяковскій тоже говоритъ о свойствахъ славянорусскаго языка по отношенію къ стихотворству и доказываетъ, что величавый стихъ древнихъ — гексаметръ — столь же свойственъ русскому языку, какъ и языкамъ греческому и латинскому.

Не менѣе интересно сочиненіе Тредьяковскаго о началѣ поэзіи, или его: «Мнѣніе о происхожденіи поэзіи и стиховъ вообще». Авторъ разсматриваетъ здѣсь исторически различныя мнѣнія о происхожденіи поэзіи, говоритъ какъ первоначально возникли между людьми поэѳія и стихотворство и затѣмъ представляетъ дѣленіе поэзіи на разные роды и виды, которыхъ онъ насчитываетъ, согласно современному взгляду на этотъ предметъ, до 23. Понятія, высказанныя здѣсь авторомъ о значеніи поэзіи, о поэтическомъ творчествѣ, о различіи поэзіи отъ стихотворства, отличаются здравыми сужденіями, которыхъ не отвергаетъ и современное намъ ученіе о поэзіи. Тредьяковскій говоритъ: «Нѣкто Эризій Петуанскій написалъ основательно: иное быть піитомъ, а иное стихи слагать». Но многіе, по словамъ автора, говоря о происхожденіи поэзіи, «иногда сливали поэзію съ стихами. Нашъ языкъ, замѣчаетъ онъ, весьма сему подверженъ, когда *поэзію* называетъ *стихотвореніемъ*, хотя впрочемъ прямое понятіе о поэзіи есть не то, чтобъ стихи составлять, но чтобъ *творить*, вымышлять и подражать». Однакожъ изъ этого не слѣдуетъ, по ученію Тредьяковскаго, чтобы поэзія была ложь: «піитическое вымышленіе бываетъ по *разуму*, т. е. какъ вещь *могла* быть или *долженствовала*», —прибавляетъ онъ. Такія мысли о поэзіи, сдѣлавшіяся въ настоящее время элементарными, ходячими понятіями, были новостію для русскаго общества временъ Тредьяковскаго, и безъ сомнѣнія, за нимъ остается заслуга, что онъ первый заговорилъ объ этомъ предметѣ въ русской литературѣ.

Прочія разсужденія Тредьяковскаго по теоріи словесности, какъ напримѣръ: отдѣльные трактаты «о комедіи», «объ одѣ»—отличаются такою же основательностію сужденія и соотвѣтствіемъ взгляду современной науки и обличаютъ большую начитанность автора. Относительно переводовъ Тредьяковскаго по теоріи словесности слѣдуетъ упомянуть, что онъ перевелъ стихами дидактическую поэму Буало: L'art poëtique («Стихотворческая наука Боало») и «Эпистолу о стихотворствѣ» Горація.

Во времена Тредьяковскаго французская литературная школа, или такъ называемая «ложно-классическая» французская литература, для которой Буало былъ непогрѣшимымъ законодателемъ въ дѣлѣ литературныхъ взглядовъ и понятій, господствовала почти во всѣхъ европейскихъ литературахъ. И потому неудивительно, что Тредьяковскій старался переводить на русскій языкъ сочиненія извѣстныхъ писателей Франціи и бралъ ихъ въ образецъ для собственныхъ разсужденій объ учено-литературныхъ предметахъ.

Мнѣнія и замѣчанія Тредьяковскаго о свойствѣ славянскаго и русскаго языковъ и о русской исторіи изложены, главнымъ образомъ, въ двухъ сочиненіяхъ его: въ «Разговорѣ между чужестраннымъ человѣкомъ и россійскимъ объ орѳографіи» и въ «Трехъ разсужденіяхъ о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ: a) О первенствѣ славянскаго языка предъ тевтоническимъ, b) О первоначаліи Россовъ и c) О Варягахъ Руссахъ славянскаго званія, рода и языка». Въ первомъ разсужденіи представлены нѣкоторыя,—весьма дѣльныя,—соображенія и основательныя грамматическія замѣчанія о свойствахъ русскаго языка. Авторъ доказываетъ здѣсь, что нѣкоторыя буквы принятаго у насъ алфавита совершенно излишни для русскаго языка. Русскую орѳографію, или правописаніе, Тредьяковскій думалъ основать на выговорѣ, т. е. училъ изображать слова на письмѣ такъ, какъ они произносятся въ каждомъ языкѣ. Свой способъ правописанія онъ называлъ «новымъ» и, стараясь ввести его въ употребленіе, горячо, съ упорствомъ, отстаивалъ свои ученыя убѣжденія.

Названныя нами разсужденія Тредьяковскаго по русской исторіи написаны съ предвзятымъ намѣреніемъ — доказать первенство русскаго языка и народа. Въ этихъ разсужденіяхъ мы находимъ также сви-

дѣтельство того, что ихъ авторъ обладалъ большимъ запасомъ ученыхъ свѣдѣній и обширной начитанностію: онъ подкрѣпляетъ свои выводы и замѣчанія ссылками на многихъ древнихъ и новыхъ писателей.

Тредьяковскій первый высказываетъ здѣсь мнѣніе о славянскомъ происхожденіи варяжскихъ князей, доказывая, что Варяги Русь были поморскіе (при-балтійскіе) Славяне и что Рюрикъ вышелъ съ острова Рюгена. Вопросъ о происхожденіи Руси нѣсколько разъ возникалъ послѣ Тредьяковскаго въ нашей исторической литературѣ, но и до настоящаго времени не рѣшенъ окончательно, на основаніи строгой исторической критики. Въ своемъ увлеченіи показать древность русскаго языка и находить повсюду слѣды первобытнаго пребыванія Славянъ, Тредьяковскій силится, между прочимъ, доказать свои предположенія разными филологическими сближеніями и натяжками, доходящими до смѣшнаго. Такъ, напримѣръ, онъ производитъ многія иностранныя имена и названія отъ русскихъ словъ: «Варяги» — Предварятели, отъ слова *варяю* — предваряю, «Скиѳы» — Скиты, отъ *скитаться*, «Парижъ», отъ *парить*, «Мадритъ», отъ *мудрить* и т. п.

Переводные историческіе труды Тредьяковскаго заслуживаютъ гораздо большаго вниманія, нежели названныя нами выше его оригинальныя историческія статьи. Переводы такихъ капитальныхъ и многотомныхъ сочиненій, какъ «Древняя исторія Роллена», (13 т.) его же и Кревье «Римская исторія» и «Исторія римскихъ императоровъ». одного Кревье (оба сочин. 16 т.) (*) доставили Тредьяковскому полное право на признательность современной русской публики. Кромѣ того, онъ перевелъ: «Военное состояніе Оттоманской имперіи, графа Марсильи», «Житіе Бакона, съ сокращеніемъ его философіи» и множество другихъ книгъ. Новиковъ (см. ниже) въ «Опытѣ историческа-

(*) Ролленъ издалъ при жизни 5 т. римской исторіи, изъ остальныхъ приготовилъ къ печати 4 т. которые издалъ уже послѣ него и продолжалъ его трудъ.—до битвы при Акціумѣ,—ученикъ его, Кревье, написавшій отдѣльно «Исторію римскихъ императоровъ до Константина». Историческіе труды Роллена, глубокаго знатока древности, переведенные Тредьяковскимъ, безъ сомнѣнія, составляли важное пріобрѣтеніе возникавшей у насъ свѣтской литературы и служили полезнымъ и занимательнымъ чтеніемъ для современныхъ русскихъ читателей. Древняя исторія Роллена хотя и страдаетъ недостаткомъ критики, но интересна особенно въ томъ отношеніи, что въ ней заключаются обширные и хорошо сдѣланные переводы многихъ мѣстъ изъ лучшихъ историковъ и писателей древности.

го словаря о россійскихъ писателяхъ», говоритъ: «Тредьяковскій много сочинилъ книгъ, а перевелъ и того больше, да и столь много, что кажется невозможнымъ, чтобъ одного человѣка достало къ тому столько силъ; ибо одну древнюю Ролленеву исторію перевелъ два раза».

Такимъ образомъ, въ ученой дѣятельности Тредьяковскаго мы замѣчаемъ и основательный умъ, и обширность познаній, и любовь къ наукѣ и безпримѣрное трудолюбіе, которымъ онъ принесъ свою долю пользы начинавшемуся въ Россіи просвѣщенію на европейскій ладъ. Но всѣхъ этихъ качествъ, безъ сомнѣнія, было не достаточно для того, чтобы стать поэтомъ: для этого нужно было поэтическое дарованіе, которымъ Тредьяковскій вовсе не обладалъ. И не смотря на то, вопреки своей натурѣ и природной неспособности къ поэзіи, онъ хотѣлъ сдѣлаться поэтомъ, при помощи одного усидчиваго труда и пріобрѣтенныхъ познаній въ искуствѣ стихотворства. Удивительнѣе всего то, что Тредьяковскій, понимая силу и гормонію стихотворной рѣчи (какъ это видно изъ его ученыхъ трактатовъ о поэзіи и стихотворствѣ) имѣя вѣрныя понятія о поэзіи и ясно оттличая значеніе истиннаго поэта отъ обыкновеннаго стихотворца,— не могъ, между тѣмъ, понять, что самъ онъ не былъ рожденъ поэтомъ и что его собственныя стихотворныя произведенія переполнены, вмѣсто поэзіи, одними безобразными представленіями и картинами и написаны грубыми, тяжелыми стихами. Страсть къ писанію стиховъ въ Тредьяковскомъ только и можно объяснить духомъ времени и схоластическимъ взглядомъ на поэзію, или лучше на сочиненіе виршей, какъ на дѣло, обязательное для каждаго, кто хотѣлъ прослыть человѣкомъ образованнымъ или ученымъ.

Тредьяковскій оставилъ множество стихотвореній, принадлежащихъ почти ко всѣмъ родамъ и видамъ поэзіи. Онъ писалъ торжественныя и хвалебныя оды, духовныя стихотворенія, эпистолы, идилліи, пѣсни, басни, сатиры и т. п. переложилъ въ стихи Фенелонова «Телемака», передѣлавъ его «съ французскія нестихословныя рѣчи» въ «проическую піиму», которую назвалъ «Тилимахидой». Эта эпическая поэма, стоившая Тредьяковскому десятилѣтнихъ трудовъ, написана гекcаметрами и состоитъ изъ 24 книгъ, или пѣсень. Такъ же точно онъ перевелъ съ латинскаго и передѣлалъ въ эпическую поэму, подъ име-

немъ «Аргениды», извѣстный въ свое время аллегорическій романъ: *Argenis*, англійскаго писателя XVII в. Барклея (Barclay). Кромѣ того онъ сочинилъ трагедію «Деидамія», которая была напечатана послѣ его смерти, переложилъ стихами псалтирь и написалъ поэму, въ шести эпистолахъ: «Θеоптія, или богозрѣніе», которая, равно какъ и переложеніе псалмовъ, осталась въ рукописи и не была напечатана. «Θеоптія» встрѣтила препятствіе къ напечатанію, между прочимъ и потому, что въ ней авторъ принималъ систему Коперника.

Вся эта бездна стихотворныхъ произведеній Тредьяковскаго отличается отсутствіемъ всякой поэзіи, большимъ безвкусіемъ и крайне тяжелыми, неуклюжими стихами, свидѣтельствуя о полнѣйшей неспособности Тредьяковскаго создавать поэтическіе образы и картины и облекать ихъ въ изящную стихотворную форму. Вотъ, для примѣра, нѣсколько стиховъ изъ его «Оды на сдачу города Гданска» (Данцига):

Какое странное піянство
Къ пѣнью мой гласъ бодритъ.
Вы, парнасское убранство,
Музы! умъ не васъ ли зритъ?
Струны ваши сладкогласны,
Мѣру, лики слышу красны,
Пламень въ мысляхъ возстаетъ,
О народы! всѣ внемлите!
Бурны вѣтры, не шумите!
Анну (*) стихъ мой воспоетъ.

А вотъ примѣръ гаксаметровъ Тредьяковскаго изъ «Тилемахиды», гдѣ представлено изображеніе смерти, стоявшей у престола адскаго бога, Плутона:

Тамъ, на-низу, при престолѣ стояла́ смерть цвѣтоблѣдна,
Дивище мозгло, мослисто, и глухо, и нѣмо, и слѣпо;
Тажъ въ рукахъ имѣла свою преострую косу,
Кою еще изощряла осѐлкомъ всю непрестанно.
Окрестъ лѣтали черны и мрачны Печали, и проч.

Много перенесъ Тредьяковскій насмѣшекъ и глумленій за свои стихи, — какъ мы уже замѣтили, — и при жизни, отъ своихъ совре-

(*) Императрицу Анну Ивановну.

менниковъ, и впослѣдствіи, отъ потомства. (*) Не признавая за стихотвореніями Тредьяковскаго никакихъ поэтическихъ достоинствъ, нельзя однакоже не признать, что онъ оказалъ услугу русской литературѣ даже и своими стихами, представивъ ихъ какъ примѣры въ подкрѣпленіе составленной имъ, на основаніи народныхъ пѣсень, и введенной у насъ теоріи тоническаго стихосложенія.

Общій взглядъ на литературу въ эпоху преобразованія.—Представленный нами очеркъ литературной дѣятельности въ такъ называемую «эпоху преобразованія», которая конечно не кончилась съ царствованіемъ Петра, (**) ясно показываетъ, что литература, возникшая изъ реформы и основанная на ея началахъ, рѣзко отличалась, во многихъ существенныхъ чертахъ, отъ прежней, до-петровской литературы. Главнѣйшее же отличіе тутъ заключалось въ томъ, что современъ петровской реформы у насъ начинается образованіе литературы *свѣтской*, въ собственномъ значеніи этого слова, и совершенное отдѣленіе ея отъ литературы духовной, поглощавшей въ древній періодъ нашей исторіи почти всѣ отрасли письменныхъ произведеній, изъ которыхъ обыкновенно слагается литература свѣтская. Въ усиленномъ движеніи русской письменности и литературы, начавшемся съ реформы, и въ образовавшемся, подъ ея вліяніемъ, новомъ литературномъ

(*) Сумароковъ, подъ именемъ «русскаго незнающаго педанта», вывелъ Тредьяковскаго въ комедіи «Трессотиніусъ», смѣялся надъ нимъ въ своихъ эпистолахъ, басняхъ, и проч. Извѣстно, что императрица Екатерина II назначала своимъ придворнымъ, въ видѣ шуточнаго наказанія, прочесть страницу или выучить нѣсколько стиховъ изъ «Тилемахиды». Извѣстно также, что Волынскій и Биронъ подвергали Тредьяковскаго осмѣянію, различнымъ униженіямъ и даже побоямъ,—что, безъ сомнѣнія, скорѣе ложится пятномъ на память этихъ временщиковъ, нежели унижаетъ несчастнаго труженика русскаго просвѣщенія, и свидѣтельствуетъ съ другой стороны о варварствѣ современныхъ нравовъ и о томъ жалкомъ положеніи, въ какомъ находился тогда русскій писатель, посреди грубаго и невѣжественнаго общества.

(**) «Такъ какъ эпоха преобразованія съ царствованіемъ Петра В. не кончилась, то понятно, что всѣ вопросы, поднятые вслѣдствіе новаго порядка вещей, всѣ столкновенія, имъ порожденныя, должны были имѣть мѣсто и послѣ Петра, должны были главнымъ образомъ отражаться въ литературѣ.» (Учебная книга русской исторіи, С. Соловьева, стр. 447).

развитіи уже обнаруживается преобладаніе не интересовъ религіозно-церковныхъ, какъ было почти во всей книжной литературѣ нашей до Петра,—а интересовъ собственно-литературныхъ и научныхъ, въ ихъ безусловномъ отрѣшеніи отъ церковнаго характера, т. е. интересовъ науки и литературы не по ихъ связи съ вопросами вѣры и дѣлами церкви, а по ихъ отношенію къ жизни дѣйствительной. Такъ что со времени Петра русская духовная литература не заключаетъ уже въ себѣ всего умственнаго и научнаго достоянія русскаго народа, выразившагося въ письменномъ словѣ; она не стоитъ уже во главѣ всей книжно-литературной производительности на Руси, какъ было прежде, и не опредѣляетъ собою ея характера. Появившаяся вмѣстѣ съ реформой свѣтская литература заступаетъ вполнѣ ея мѣсто, въ качествѣ руководительницы общества и представительницы его умственныхъ и литературныхъ интересовъ; а литература духовная съ этого времени начинаетъ ограничивать кругъ своей дѣятельности и своего вліянія одними вопросами вѣры и дѣлами церкви, не распространяясь, какъ прежде, на всѣ книжно-литературныя явленія. Ибо мы видѣли, что почти всѣ книжныя произведенія прежняго времени, — относились ли они къ области чисто-литературной, или поэтической или къ области научныхъ знаній, — являлись не иначе, какъ съ характеромъ церковнымъ, не иначе, какъ въ одеждѣ церковно-религіозной. Со времени же Петра такая односторонность литературной дѣятельности у насъ прекращается: русская литература, возникшая изъ реформы, стремится принять широкое, многостороннее развитіе, хочетъ слѣдовать свободному, ничѣмъ не стѣсняемому и близкому къ жизни, направленію,—и тѣ отрасли литературы, изъ которыхъ обыкновенно слагается литература свѣтская, начинаютъ развиваться самостоятельно и независимо отъ церковной письменности — какъ со стороны своего внутренняго содержанія и характера, такъ и со стороны внѣшней формы, отказавшись отъ употребленія книжнаго церковнославянскаго языка и стараясь создать для себя новый литературный языкъ, близкій къ языку разговорному.

Изъ этого главнаго отличія, т. е. изъ строгаго разграниченія двухъ различныхъ литературныхъ сферъ, — церковной и свѣтской, — выте-

каютъ и всѣ другія существенныя отличія старой литературы отъ литературы послѣ-петровскаго времени.

При обозрѣніи литературной дѣятельности XVII вѣка, мы сказали, что старая схоластическая литература (какъ московско-византійская, такъ и кіевская), не заключала въ себѣ живыхъ, образовательныхъ началъ, которыя могли бы способствовать умственному развитію народа. При своей исключительной односторонности, при ограниченномъ кругѣ идей и понятій и при положительной бѣдности знанія, старая литература не могла отвѣчать на многостороннія требованія и запросы народной мысли и народной пытливости, не могла удовлетворять насущной и законной любознательности народа. Она относилась враждебно ко всякому свѣтскому знанію и наукѣ, въ особенности къ наукѣ, идущей съ запада, почитая ее дѣломъ грѣховнымъ и опаснымъ для чистоты вѣры. Кіевская ученость, была правда, менѣе враждебна самостоятельной наукѣ и въ свою очередь возбуждала недовѣріе въ Москвѣ; но, по своей привязанности къ узкой схоластической почвѣ, она столь же мало могла служить къ развитію русской мысли и русскаго слова, какъ и старая литература московская.

Совершенно иной характеръ имѣетъ литература, возникшая у насъ послѣ реформы Петра. Всѣ усилія ея клонились къ тому, чтобы сблизить русскій народъ и русское государство съ европейскимъ просвѣщеніемъ, съ развитой цивилизаціей запада. Она принялась за пересаживаніе на русскую почву плодовъ западной науки и литературы и за распространеніе въ русскомъ обществѣ полезныхъ и необходимыхъ знаній, отсутствіе которыхъ такъ живо чувствовалось въ странѣ. Новая литература шла въ этомъ стремленіи своемъ по пятамъ правительства, была выраженіемъ его воли и намѣреній и какъ бы пособіемъ въ его преобразовательной дѣятельности. Мы видѣли это въ дѣятельности Прокоповича, Татищева, Кантемира и даже Посошкова. Такое согласіе главныхъ представителей современной литературы съ дѣйствіями правительства прямо указываетъ на то, что преобразовательная дѣятельность власти вполнѣ согласовалась съ желаніями лучшей, образованнѣйшей части современнаго общества. Безъ сомнѣнія, первые опыты подражанія европейскому просвѣщенію были слабы и неудачны въ нашей новой литературѣ. Но тѣмъ не менѣе они разши-

рили кругъ литературныхъ идей и понятій, пробудили русскую мысль отъ долговременнаго застоя и вызвали ее къ усиленной дѣятельности. А главное,—они измѣнили и расширили взглядъ людей московскаго государства на образованіе, призывали къ образованію всѣ классы народа и открыли въ Россію свободный доступъ самостоятельной наукѣ запада, признавъ, такимъ образомъ, за русскою жизнію право на развитіе и движеніе впередъ,—право, котораго не признавалъ за нею духъ старой, до-петровской литературы. Потому, какъ бы ни было слабо и незначительно въ первое время образовательное вліяніе новой литературы, но оно необходимо должно было въ будущемъ пробудить русское общество и призвать его къ новой жизни.

Русское общество, потрясенное реформой, представляло пеструю смѣсь стараго съ новымъ, картину столкновенія и борьбы новыхъ идей и понятій и новыхъ формъ жизни съ старыми. Этотъ порядокъ вещей, существовавшій въ жизни общества, въ администраціи и повсюду, вполнѣ выразился и въ современомъ языкѣ и въ литературѣ: въ языкъ входили новыя чужеземныя слова и рѣченія, литература провозглашала новыя идеи и новыя начала жизни и вела ожесточенную борьбу съ строемъ понятій и идей стараго времени, пока наконецъ новый порядокъ вещей не взялъ верхъ и не восторжествовалъ окончательно надъ стариною. И потому, русская литература, въ эпоху преобразованія, не принадлежа вполнѣ ни къ новому, ни къ старому времени, можетъ быть названа литературою «переходною», какъ выраженіе того переходнаго состоянія русскаго общества, въ которомъ оно находилось при переходѣ отъ стараго порядка вещей къ новому, подъ вліяніемъ всеобщаго государственнаго переворота, произведеннаго реформою Петра.

ОЧЕРКЪ

НОВАГО ПЕРІОДА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПИСАТЕЛИ́ ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ XIX ВѢКА.

Почему періодъ новой русской литературы начинаютъ съ Ломоносова. — Истиннымъ родоначальникомъ нашей новѣйшей литературы, литературы свѣтской, возникшей изъ реформы Петра и появившейся у насъ какъ плодъ подражанія литературѣ европейской, — признается по справедливости Ломоносовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ дѣятельности извѣстныхъ писателей эпохи преобразованія, какъ напримѣръ, въ дѣятельности Ѳ. Прокоповича, Татищева, Кантемира и Тредьяковскаго мы уже видѣли нѣчто новое, чего не представляла наша старая, допетровская литература. Всѣ эти писатели были ревностными поборниками западныхъ понятій и идей и вся литературная дѣятельность ихъ обусловливается болѣе или менѣе прямымъ подражаніемъ западно-европейской наукѣ и литературѣ. Но тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ писателей, предшествовавшихъ Ломоносову или ему современныхъ, не произвелъ въ области русской литературы той рѣшительной реформы, которую произвелъ Ломоносовъ. Да ни одинъ изъ этихъ писателей (за исключеніемъ Тредьяковскаго) и не хлопоталъ собственно о литературѣ или о литературной реформѣ, какъ не хлопоталъ о томъ и самъ Петръ. Ѳ Прокоповичъ, Татищевъ и другіе писатели реформы, входя въ виды и намѣренія Петра, смотрѣли на науку и на литературу какъ на средство къ совершенію разныхъ гражданскихъ и политическихъ преобразованій въ Россіи. Сатиры Кантемира, по своему содержанію и

по новому литературному роду, незнакомому нашей старинной литературѣ, хотя и были совершенно новымъ литературнымъ явленіемъ для нашихъ предковъ; но вопервыхъ, русскому обществу до-петровскаго періода были уже знакомы силлабическіе стихи, которыми написаны сатиры Кантемира,—и въ этомъ отношеніи Бѣлинскій вѣрно замѣтилъ, что «Кантемиръ не столько начинаетъ собою исторію русской *литературы* (т. е. новой) сколько заканчиваетъ періодъ русской *письменности*»; а вовторыхъ, однимъ родомъ сатирической поэзіи нельзя было положить новыя начала и основанія для цѣлой литературы. Тредьяковскій, правда, усиливался водворить у насъ новыя литературныя теоріи и ввести новыя литературныя формы, заимствованныя у Европы; но, не имѣя ни поэтическаго, ни литературнаго таланта и отличаясь лишь свойствами весьма обыкновеннаго ученаго писателя, онъ былъ не въ силахъ представить хорошіе примѣры на предлагаемыя имъ литературныя теоріи, т. е. не могъ подкрѣпить свои теоріи хорошими образцами на практикѣ. Потому всѣ усилія Тредьяковскаго къ произведенію литературной реформы оставались безъ послѣдствій. Но что было не по силамъ Тредьяковскому, то успѣлъ сдѣлать Ломоносовъ, писатель съ громаднымъ дарованіемъ и человѣкъ по истинѣ геніальный. Ломоносовъ первый утвердилъ у насъ господствовавшія въ его время въ Европѣ идеи и понятія о наукѣ и о литературѣ, внесъ къ намъ съ запада главнѣйшія литературныя теоріи и формы, представивъ на нихъ образцовые примѣры въ своихъ сочиненіяхъ, — и тѣмъ положилъ основаніе *новой* русской литературѣ, сообщивъ ей то направленіе и характеръ, которые она, въ главныхъ чертахъ, сохраняетъ еще и по настоящее время. Потому весьма справедливо періодъ новой русской литературы начинать именно съ дѣятельности Ломоносова, какъ ея основателя.

Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ (1711—1765). У насъ до сихъ поръ нѣтъ полной біографіи Ломоносова, нѣтъ хорошаго изданія всѣхъ его сочиненій и не оцѣнена по достоинству его дѣятельность. Отрывочныя извѣстія о жизни Ломоносова, жизни, — въ высшей степени любопытной и полной живаго интереса,—разбросаны въ

разныхъ книгахъ и журналахъ. Записокъ послѣ себя Ломоносовъ не оставилъ; современники его также мало позаботились объ этомъ; и доселѣ большую часть свѣдѣній о его жизни и трудахъ можно почерпать только изъ его собственныхъ сочиненій, въ особенности изъ его писемъ къ И. И. Шувалову, Гр. Воронцову и друг. Вотъ почему юные годы Ломоносова, обстоятельства, способствовавшія его развитію, его студенческая жизнь въ Германіи, женидьба, бѣгство въ Россію, безпрерывная борьба съ завистью и съ невѣжествомъ, — все это далеко еще не обслѣдовано должнымъ порядкомъ.

Ломоносовъ родился въ Куростровской волости (на островѣ Двины) въ дер. Денисовкѣ, близъ Холмогоръ. Онъ былъ сынъ крестьянина—рыбака и, съ ранняго дѣтства до 16 лѣтняго возраста, принималъ участіе въ промыслѣ отца и въ его плаваніяхъ по Бѣлому морю и Ледовитому океану; ѣздилъ въ Соловецкій монастырь, въ Колу и далѣе, бывалъ въ Архангельскѣ, въ Пустозерскѣ и на соловарняхъ Бѣлаго моря. Должно допустить, что мѣсто рожденія и обстоятельства первыхъ годовъ жизни Ломоносова имѣли большое вліяніе на его послѣдующее развитіе и на характеръ его дѣятельности.

«Поморскій», или двинской край, гдѣ родился Ломоносовъ, населенъ народомъ даровитымъ, смѣлымъ, предпріимчивымъ и, говоря сравнительно, довольно развитымъ, съиздавна предававшимся морскимъ промысламъ и торговлѣ. По словамъ г. Рыбникова, близко познакомившагося съ населеніемъ сѣверныхъ губерній, онъ тамъ и теперь встрѣчалъ «населеніе живое, воспріимчивое, съ поэтическимъ даромъ слова». Поморцы съиздавна торговали у норвежскихъ береговъ; къ нимъ, какъ извѣстно, съиздавна приходили для торговли Англичане. И можетъ быть, норвежскіе и англійскіе миссіонеры (*) имѣли свою долю вліянія на поморянъ, въ числѣ которыхъ находится, какъ извѣстно, и по настоящее время много различныхъ раскольничьихъ сектъ.

(*) Для распространенія лютеранства между русскими, жившими въ Ингерманландіи, былъ напечатанъ въ Стокгольмѣ, по приказанію Густава Адольфа, лютеранскій катихизисъ на русскомъ языкѣ. Подобно этому катихизису и другія книги легко могли проникать въ поморье и распространяться въ народѣ вслѣдствіе его торговыхъ связей съ Скандинавіей.

Вотъ обстановка, посреди которой протекли юные годы Ломоносова, и которая вѣроятно послужила не мало къ раннему возбужденію въ нашемъ геніальномъ поморѣ умственной самодѣятельности. Трудовая жизнь, полныя опасности плаванія съ отцомъ по океану, сношенія съ торговымъ и промышленнымъ населеніемъ и наконецъ суровая и вмѣстѣ величественная природа сѣвера должны были рано пробудить въ немъ ту энергію души и ту силу воли, которыя онъ выказывалъ неразъ въ трудныхъ обстоятельствахъ своей жизни, и должны были много способствовать къ развитію его воображенія, дара наблюдательности и поэтическаго чувства природы, которые мы замѣчаемъ постоянно и въ его стихахъ и въ его ученыхъ разсужденіяхъ.

Ломоносовъ рано выучился грамотѣ по церковнымъ книгамъ, благодаря своей матери (дочери дьячка изъ сел. Матигоры),— которая была его первою учительницею, — и пристрастился къ чтенію. Онъ самъ называлъ впослѣдствіи стихотворную псалтирь С. Полоцкаго, грамматику М. Смотрицкаго и ариѳметику Магницкаго «вратами своей учености». По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Ломоносовъ, въ самые юные годы, былъ увлеченъ въ расколъ и находился одно время подъ вліяніемъ раскольниковъ безпоповщинской секты, которая была тогда очень распространена въ сѣверномъ поморьѣ. Раскольничьи толки о религіозныхъ предметахъ должны были конечно живо заинтересовать юношу-Ломоносова, съ страстью предававшагося чтенію священныхъ книгъ. Но дѣятельный отъ природы и крѣпкій умъ его и сильная страсть къ знанію спасли его отъ узкихъ, старовѣрческихъ понятій раскольничьей среды, которая, быть можетъ, окружала его въ молодости.

Чтеніе однѣхъ священныхъ книгъ не удовлетворяло однако пытливости молодаго Ломоносова. Онъ хотѣлъ читать и знать болѣе, хотѣлъ учиться. Отъ своего учителя и отъ людей бывалыхъ онъ узналъ, что болѣе книгъ можно читать на латинскомъ языкѣ, а что языку этому можно выучиться только въ Москвѣ. Побуждаемый неодолимою страстію къ ученію и невозможностію удовлетворить этой страсти на родинѣ и желая притомъ избавиться отъ преслѣдованій злой и завистливой мачихи, которая, по словамъ Ломоносова, «всячески старалась произвести гнѣвъ въ его отцѣ, представляя, что онъ все-

гда сидитъ *по пустому* за книгами,» — Ломоносовъ задумалъ бѣжать изъ дома, — и кое-какъ добрался до Москвы, будучи 18 лѣтъ отъ роду. Благодаря какой-то случайности, онъ былъ принятъ здѣсь въ духовную академію, или въ «спасскія школы». Бѣгство молодаго Ломоносова въ Москву уже выказываетъ замѣчательную черту его нравственнаго характера и его необыкновенное стремленіе къ ученію.

Въ заиконоспасскомъ училищѣ Ломоносовъ началъ ученіе съ самаго низшаго класса и, — по словамъ Штелина, — при своемъ удивительномъ прилежаніи, въ одинъ годъ прошелъ три класса. Пять лѣтъ оставался Ломоносовъ въ спасскихъ школахъ, все также усердно занимаясь ученіемъ, не смотря на то, что онъ терпѣлъ здѣсь «несказанную бѣдность» — по его словамъ — и подвергался постояннымъ насмѣшкамъ молодыхъ школьныхъ товарищей. «Съ одной стороны — говоритъ Ломоносовъ — несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ (три копѣйки) въ день жалованья, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше, какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, протчее на бумагу, на обувь и другія нужды.... Съ другой стороны — «школьники, малые ребята, кричатъ и перстами указываютъ: смотрите, какой болванъ, — лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться!» Но ничто, никакіе тяжкіе лишенія и труды, ни жалобы старика-отца, который сѣтовалъ, что сынъ его оставилъ, ни насмѣшки школьниковъ не могли подавить въ немъ охоту къ ученію.

Въ московскихъ школахъ Ломоносовъ успѣлъ вполнѣ познакомиться съ схоластическою ученостію и выучился языкамъ греческому и латинскому. Слушая курсъ академическаго ученія, онъ въ тоже время усердно читалъ книги и рукописи, находившіяся въ академической библіотекѣ, какъ-то: сочиненія отцевъ церкви, русскія лѣтописи, хронографы, старинные сборники и т. п. Здѣсь же ему попались нѣкоторыя сочиненія по части физики и математики, и чтеніе ихъ возбудило въ немъ сильнѣйшій интересъ къ естествознанію. Съ намѣреніемъ заняться изученіемъ естественныхъ наукъ и философіи, онъ, по совѣту своихъ учителей, — большею частію учениковъ кіевской академіи, — уѣхалъ въ Кіевъ. Но тамошняя академія не удовлетворила его ожиданіямъ, онъ скоро воротился въ Москву и съ новымъ жаромъ предался ученію. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, его уже готовили сдѣлать свя-

щенникомъ и послать въ Карелу, какъ отъ петербургской академіи наукъ прислано было къ московскому епископу требованіе о присылкѣ въ академію для слушанія профессорскихъ лекцій двѣнадцати лучшихъ семинаристовъ. Въ числѣ этихъ 12-ти избранныхъ семинаристовъ находился и Ломоносовъ. Попавъ такимъ образомъ въ Петербургъ и занимаясь въ тамошней академіи изученіемъ металлургіи, физики и математики, Ломоносовъ вскорѣ отосланъ былъ за границу, для обученія горному дѣлу, вмѣстѣ съ двумя другими товарищами: Виноградовымъ и Райзеромъ. Эти три молодые студента отправлены были для предварительнаго образованія въ Марбургъ, съ тѣмъ, чтобы, по выслушаніи надлежащихъ курсовъ въ тамошнемъ университетѣ, продолжать свои занятія въ Фрейбергѣ, подъ руководствомъ опытнаго въ горномъ дѣлѣ саксонскаго ученаго, Генкеля, по совѣту котораго тогдашній президентъ академіи, баронъ Корфъ собственно и рѣшился отправить за границу трехъ русскихъ молодыхъ людей для изученія горнаго дѣла. Послѣ занятій въ Фрейбергѣ, Ломоносовъ и его товарищи, по предположенію, должны были сдѣлать ученое путешествіе по Франціи, Англіи и Голландіи.

Въ Марбургѣ три названные русскіе студента поручены были надзору знаменитаго профессора тамошняго университета, Христіана Вольфа. Вольфъ пользовался въ XVIII столѣтіи большою славою и вмѣстѣ съ Лейбницомъ считался корифеемъ и представителемъ современной науки. Имя Вольфа, какъ замѣчательнаго мыслителя вѣка, было извѣстно во всей Европѣ. Къ слушанію его лекцій стекались студенты со всѣхъ странъ, такъ что, по словамъ Ломоносова, лекціями и подарками Вольфъ нажилъ себѣ больше пятисотъ тысячъ и сверхъ того баронство.

Ломоносовъ и его товарищи записаны были въ число студентовъ марбургскаго университета, подъ названіемъ «петербургскихъ Руссовъ,» въ 1736 году. Въ это время Вольфъ читалъ здѣсь, на философскомъ факультетѣ, лекціи по многимъ предметамъ. До слушанія университетскихъ лекцій, русскіе молодые люди упражнялись, подъ руководствомъ Вольфа, въ первыхъ основаніяхъ математическихъ наукъ и занимались прилежно нѣмецкимъ языкомъ. Затѣмъ Ломоносовъ и его товарищи

стали посѣщатъ лекціи въ университетѣ и преимущественно математическій курсъ.

Письма Вольфа къ президенту петербургской академіи заключаютъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о пребываніи Ломоносова и его товарищей въ Марбургѣ и о занятіяхъ ихъ въ университетѣ. По свидѣтельству Вольфа, Ломоносовъ слушалъ у него лекціи математики, физики и философіи, и проходилъ курсъ этихъ наукъ съ удивительною любовію и съ особенною основательностію.

Кромѣ лекцій философскаго факультета, Ломоносовъ посѣщалъ еще лекціи медицинскія, особенно лекціи химіи, что видно изъ выданнаго ему деканомъ медицинскаго факультетства, профессоромъ Дунсингомъ свидѣтельства (въ которомъ говорится: «благороднѣйшій и даровитѣйшій юноша, Михаилъ Ломоносовъ, почитатель философіи, посѣщалъ читавшіяся мною въ 1737 году лекціи химіи,— съ неутомимымъ прилежаніемъ и большимъ успѣхомъ», и проч.) и наконецъ изъ того, что Ломоносовъ пріобрѣлъ званіе «кандидата медицины», которымъ онъ названъ въ нѣкоторыхъ официальныхъ актахъ. — Однако жъ, какъ видно изъ писемъ Вольфа, надзоръ за тремя русскими студентами доставлялъ ученому философу не малую заботу. Принявъ ихъ подъ свое руководство и чувствуя себя обязаннымъ передъ русскимъ правительствомъ, Вольфъ, какъ добросовѣстный ученый нѣмецъ, употребляетъ всѣ усилія, чтобы выполнить въ точности возложенное на него порученіе. Онъ почасту сообщаетъ президенту академіи о занятіяхъ Ломоносова и его товарищей, пишетъ, что русскіе студенты вошли въ долги, что у нихъ нѣтъ ни гроша, что они промотали привезенныя съ собою деньги и начали жить въ долгъ; обвиняетъ ихъ въ неумѣніи распоряжаться деньгами, въ распущенности и въ страсти предаваться разгулу студенческой жизни. Но въ тоже время онъ съ удовольствіемъ говоритъ о Ломоносовѣ и съ большою похвалою отзывается о его талантахъ и занятіяхъ. Онъ рѣзко отличаетъ Ломоносова отъ двухъ другихъ русскихъ студентовъ и по его блестящимъ способностямъ и по его стремленію къ наукамъ. Вольфъ называетъ его свѣтлою головою и выражаетъ твердую увѣренность въ его успѣхахъ, въ томъ, что деньги на него потрачены не даромъ и что, по возвращеніи на родину, онъ будетъ однимъ изъ полезнѣйшихъ ея дѣятелей.

Изъ Марбурга Ломоносовъ ѣздилъ въ Саксонію, гдѣ пробылъ довольно долго въ Фрейбергѣ, занимаясь изученіемъ практической металлургіи, подъ руководствомъ саксонскаго горнаго совѣтника, Генкеля. Здѣсь онъ между прочимъ помогалъ въ занятіяхъ академику петербургской академіи Юнкеру, посланному Минихомъ въ Германію для осмотра соляныхъ заводовъ. Во время пребыванія своего въ Саксоніи, онъ провелъ одно лѣто въ горахъ, въ Гесселѣ и на Гарцѣ, для практическихъ занятій по горному дѣлу.

Изъ Фрейберга Ломоносовъ прислалъ, въ 1739 году, въ Петербургъ свою извѣстную оду: «На взятіе Хотина». Ода эта, присланная Ломоносовымъ къ президенту академіи, барону Корфу при «Письмѣ о правилахъ россійскаго стихотворства», надѣлала въ Петербургѣ много шуму. Но первое стихотвореніе свое, написанное тоническимъ размѣромъ, онъ прислалъ еще ранѣе (1738) изъ Марбурга. Это—переводъ одной французской оды Фенелона: «О уединеніи.» Петербургская академія въ инструкціи, данной Ломоносову, Райзеру и Виноградову, при отправленіи ихъ за границу, предписывала имъ, кромѣ наукъ, заниматься изученіемъ языковъ: латинскаго, нѣмецкаго и французскаго, не оставляя впрочемъ и русскаго. Вотъ почему Ломоносовъ прислалъ въ 1738 году донесеніе въ академію о ходѣ своихъ занятій въ марбургскомъ университетѣ — на нѣмецкомъ языкѣ, ученое разсужденіе по предмету физики — на латинскомъ и русскій переводъ названной выше оды Фенелона.

Въ 1740 году, будучи еще студентомъ, Ломоносовъ женился въ Марбургѣ на дѣвицѣ Цильхъ, дочери портнаго, бывшаго членомъ городской думы и церковнымъ старшиною. Вольфъ жаловался неоднократно въ своихъ письмахъ, что деньги на содержаніе трехъ русскихъ студентовъ получались въ Марбургѣ очень неисправно. Не получая своего скуднаго жалованья, Ломоносовъ, какъ женатый человѣкъ, и при томъ увлекавшійся нерѣдко студентскими кутежами, надѣлалъ долговъ и вынужденъ былъ бѣжать отъ своихъ кредиторовъ, оставивъ въ Марбургѣ жену и дочь, и думая пробраться въ Голландію, чтобы оттуда уѣхать моремъ въ Россію, и затѣмъ вызвать къ себѣ жену. Но на дорогѣ, близь Дюссельдорфа, онъ встрѣтился съ вербовщиками прусскаго короля, Фридриха I, извѣстнаго своею страстію

къ великорослымъ солдатамъ. Для удовлетворенія этой страсти, король Фридрихъ истратилъ не одинъ милліонъ талеровъ; его вербовщики, разъѣзжая по всѣмъ дорогамъ, хватали и записывали въ солдаты всякаго попадавшагося имъ высокорослаго путешественника. Вотъ въ руки къ такимъ-то вербовщикамъ попалъ и Ломоносовъ. Они напоили его пьянымъ, записали въ солдаты прусскаго короля и отвели въ крѣпость Везель. Случай помогъ Ломоносову спастись отъ опасности посредствомъ бѣгства: онъ убѣжалъ изъ прусской крѣпости, въ платьѣ рудокопа, и добрался до Гаги. Русскій посланникъ въ Голландіи, графъ Головкинъ, далъ ему возможность уѣхать на кораблѣ въ Петербургъ, куда Ломоносовъ прибылъ въ Іюлѣ 1741 года; а въ январѣ слѣдующаго года его назначили въ адъюнкты академіи.

Только черезъ два года, при ограниченномъ адъюнктскомъ содержаніи, онъ былъ въ состояніи вызвать къ себѣ жену съ ребенкомъ. Когда жена его, не получая долго извѣстій отъ мужа, обратилась съ письмомъ къ русскому посланнику въ Голландіи и просила извѣстить ее о мѣстопребываніи мужа, и когда переписка объ этомъ дошла до свѣдѣнія Ломоносова, онъ сказалъ: «правда, правда, Боже мой! Я ее никогда не покидалъ и никогда не покину.» Онъ послалъ ей денегъ, и по его вызову, она пріѣхала въ Петербургъ. Въ 1746 Ломоносовъ былъ сдѣланъ профессоромъ химіи, — и профессорская дѣятельность его, проведенная до самой смерти въ многочисленныхъ ученыхъ и литературныхъ занятіяхъ, въ трудахъ по преподаванію и въ вѣчной борьбѣ съ завистію и съ невѣжествомъ, представляетъ очень замѣчательную и любопытную страницу въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Ломоносовъ умеръ рано, — на 54 году отъ рода, — на святой недѣлѣ 1765 года. По словамъ его товарища, проф. Штелина, онъ встрѣтилъ смерть съ духомъ истиннаго философа; его предсмертныя слова были: «На смерть гляжу равнодушно, но сожалѣю, что не могъ довершить того, что началъ для пользы отечества, для приращенія наукъ и для чести академіи. Вижу, что всѣ благія намѣренія мои исчезнутъ вмѣстѣ со мною.»

При сужденіи о дѣятельности Ломоносова въ исторіи русской литературы нельзя брать во вниманіе однихъ лишь его стихотвореній

или же его похвальныхъ словъ и рѣчей. Ломоносовъ великъ не какъ поэтъ или ораторъ; онъ великъ, какъ мощный двигатель русскаго просвѣщенія, какъ первый русскій ученый, стремившійся безкорыстно, всю свою жизнь, всѣми силами своей души къ водворенію наукъ и общечеловѣческаго образованія въ своемъ отечествѣ. Вотъ въ чемъ заключается истинная заслуга Ломоносова русскому обществу, заслуга, которая даетъ ему полное право на безсмертіе. Онъ возвратился изъ-за границы во всеоружіи европейской науки и считалъ своимъ назначеніемъ водворить эту науку въ своемъ отечествѣ. Занятія же стихотворствомъ и вообще литературой были для него второстепеннымъ дѣломъ. Ломоносовъ самъ, по словамъ Пушкина, не дорожилъ своей поэзіей, и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нежели о своихъ одахъ. Потому онъ въ своихъ стихотворныхъ произведеніяхъ и началъ съ прямаго подражанія образцамъ, какіе нашелъ въ западныхъ литературахъ.

На западѣ же, особенно во Франціи (которая въ дѣлѣ литературнаго вкуса и литературныхъ теорій была въ XVIII стол. рѣшительною законодательницею для всей Европы), господствовала во время Ломоносова такъ называемая *классическая*, или лучше сказать, ложноклассическая поэзія. Ложно-классическая литература возникла въ Европѣ со времени эпохи «возрожденія,» когда изученіе древнеклассическихъ литературъ и подражаніе имъ замѣнило собою прежнюю схоластическую науку и литературу среднихъ вѣковъ. Возникшая на такомъ основаніи литература явилась естественно подражательною. А такъ какъ не глубокое и одностороннее изученіе древняго міра вело къ неправильному пониманію жизни и литературы древнихъ; то такой ложный взглядъ на древность и ложное пониманіе античнаго міра и выразились вполнѣ въ подражательной европейской литературѣ, создавъ т. н. «ложный, или французскій, классицизмъ» въ поэзіи, который развился преимущественно во Франціи, при Людовикѣ XIV. Буало былъ въ это время полнѣйшимъ представителемъ этой «псевдоклассической» поэзіи, и его дидактическая поэма: *L'art poëtique* служила непогрѣшимымъ кодексомъ и руководствомъ для сочиненія всякаго рода поэтическихъ произведеній — не только во французской, но и во всѣхъ европейскихъ литературахъ.

Главный характеръ и существенныя черты этой ложно-классической поэзіи заключались въ рабскомъ подражаніи однѣмъ лишь внѣшнимъ формамъ поэзіи древнихъ Грековъ и Римлянъ: въ постоянныхъ обращеніяхъ къ ихъ языческимъ богамъ, — что не имѣло рѣшительно никакого смысла въ литературахъ народовъ христіанскихъ, — въ воззваніяхъ къ музамъ, въ употребленіи слова «пою», въ заимствованіи сюжетовъ, именъ и названій изъ древней жизни и т. п. Эпическая поэзія, напримѣръ, по ученію псевдоклассиковъ, должна была «воспѣвать», въ напыщенныхъ фразахъ, непремѣнно какое-либо важное историческое событіе, по примѣру «Иліады» Гомера или «Энеиды» Виргилія; въ трагедіи допускалось выводить только царей и героевъ съ ихъ наперсниками, строго соблюдались знаменитыя единства времени, мѣста и т. д. Словомъ, вся подражательность и всѣ заимствованія изъ древнихъ литературъ сводились къ одной внѣшности, безъ проникновенія во внутреннее, общечеловѣческое значеніе древняго міра.

Вотъ этотъ-то псевдоклассицизмъ, или французскій классицизмъ, былъ перенесенъ къ намъ Ломоносовымъ. Онъ познакомился за границей съ произведеніями современныхъ французскихъ и нѣмецкихъ поэтовъ, и плодомъ этого знакомства были присланныя имъ оттуда двѣ оды: «О уединеніи» (1738), которая переведена имъ изъ Фенелона, и ода «На взятіе Хотина» (1739), гдѣ онъ подражаетъ одѣ Буало: «На взятіе Людовикомъ XIV Намюра». Современи этихъ одъ и ведетъ свое начало наша новѣйшая поэзія и литература.

Стихотворныя произведенія Ломоносова заключаются главнымъ образомъ въ его одахъ — торжественныхъ и хвалебныхъ — и въ его духовныхъ стихотвореніяхъ. Правила школьной піитики, царствовавшія безгранично въ западныхъ литературахъ, служившихъ для Ломоносова образцомъ, отразились вполнѣ въ построеніи его хвалебныхъ и торжественныхъ одъ.

Стихотворство во время Ломоносова составляло по большей части своего рода ремесло, офиціальное занятіе, и за сочиненіе хвалебныхъ стиховъ королямъ и знатнымъ лицамъ выдавались даже награды по установленной таксѣ, опредѣленной особымъ уставомъ. Отъ стиховъ не требовалось ни искренности чувства, ни поэтическаго воодушевленія: холодные реторическіе возгласы, звучныя фразы, безъ внутренняго

значенія и смысла,—вотъ чѣмъ ограничивались, вотъ чего искали и поэты и публика прошлаго столѣтія. И притомъ,—писать торжественныя оды, похвальныя рѣчи, стихи королямъ и знатнымъ особамъ—было общимъ, непремѣннымъ обычаемъ того времени. Ломоносовъ въ своей стихотворной дѣятельности шелъ наравнѣ съ понятіями вѣка: по примѣру нѣмецкихъ и французскихъ стихотворцевъ, служившихъ ему образцомъ, онъ привыкъ смотрѣть на торжественную лирику какъ на «должностное упражненіе,» по выраженію Пушкина, какъ на офиціальную обязанность. Въ одномъ письмѣ къ Шувалову онъ говоритъ: «Кто *по своей профессіи* читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и *внѣ оной* (т. е. внѣ своей профессіи, своего главнаго дѣла) *сочиняетъ разные стихи и проэкты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости*, составляетъ правила къ краснорѣчію на своемъ языкѣ и исторію своего отечества, и долженъ еще *на срокъ поставить*,—отъ того я ничего требовать не имѣю.» Ясно, что сочиненіе «разныхъ стиховъ» Ломоносовъ не считалъ своей профессіей. Не высокое мнѣніе его о стихотворныхъ занятіяхъ вообще видно и изъ его презрительнаго отзыва о Сумароковѣ (см. ниже) о которомъ Ломоносовъ сказалъ, что онъ «бѣдное свое *риѳмичество* выше всего человѣческаго знанія ставитъ». Не призваніе, а случай сдѣлалъ Ломоносова поэтомъ, по справедливому замѣчанію Гоголя. Главнымъ дѣломъ его, его призваніемъ было не стихотворство, а ученые труды, которымъ онъ предавался съ страстнымъ увлеченіемъ.

Понятно, что при подобномъ взглядѣ на поэзію и при господствѣ въ его время во всѣхъ европейскихъ литературахъ французскаго классицизма, Ломоносовъ, принявшись сочинять «разные русскіе стихи,» взялъ себѣ въ руководство тѣ стихотворныя теоріи и формы, которыя были общи всей образованной Европѣ, съ которыми его познакомило заграничное образованіе. Потому въ его торжественной лирикѣ нечего искать ни поэтическаго творчества, ни оригинальной самостоятельности. Всѣ торжественныя и похвальныя оды его написаны по указанной мѣркѣ, по всѣмъ правиламъ школьной піитики, (которая подробно учила, какъ должны быть сочиняемы оды, чѣмъ ихъ начинать, чѣмъ оканчивать и т. д.) и большею частію въ подра-

жаніе западнымъ образцамъ этого рода. Отличительныя свойства этихъ ломоносовскихъ одъ — заказной восторгъ, высокопарность, громкія фразы и напыщенное декламаторство, словомъ всѣ, тѣ свойства, которыя характеризуютъ реторическую поэзію вообще.

Но Ломоносовъ былъ великое дарованіе, которое не могло не проявить себя даже и въ ложныхъ формахъ реторической поэзіи. Приговоръ Пушкина, что «въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія» — слишкомъ рѣшителенъ и несправедливъ. Въ тѣхъ его одахъ, въ которыхъ онъ говоритъ о природѣ и ея явленіяхъ, гдѣ онъ изображаетъ величіе и премудрость Создателя и стройную гармонію вселенной или гдѣ онъ касается «любезныхъ» ему наукъ и говоритъ о водвореніи ихъ въ Россіи, — встрѣчаются мѣста истинно-поэтическія, запечатлѣнныя, — если не «пламенными порывами чувства и воображенія» (въ которыхъ Пушкинъ отказываетъ Ломоносову), то истиною и глубиною чувства и силою воображенія. Тѣмъ не менѣе Пушкинъ все таки справедливъ, утверждая, что Ломоносовъ не былъ рожденъ поэтомъ. По его прекрасному и вѣрному опредѣленію значенія поэта: «поэзія бываетъ исключительною страстію немногихъ, *родившихся* поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни.» И конечно только эти «немногіе» могутъ быть названы истинными поэтами. Тогда какъ всѣ интересы Ломоносова, всѣ наблюденія, всѣ усилія и впечатлѣнія его жизни были поглощены наукой, учеными изслѣдованіями природы, и онъ изъ ученаго переходитъ въ поэта только тамъ, гдѣ его поэтическое слово касается величественныхъ явленій и тайнъ природы, — предмета его ученыхъ изслѣдованій, какъ напримѣръ, при описаніи сѣвернаго сіянія въ одномъ изъ лучшихъ его стихотвореній: «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ.» Ломоносовъ имѣлъ вообще поэтическое воззрѣніе на міръ и живо сочувствовалъ красотамъ природы. То и другое онъ умѣлъ выражать съ силою одушевленія и въ изящной формѣ — не только въ нѣкоторыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ, но и въ своихъ ученыхъ разсужденіяхъ, гдѣ нерѣдко, увлекаясь своимъ предметомъ и допуская поэтическія отступленія, изъ ученаго натуралиста переходилъ въ поэта. И на оборотъ: судя по нѣкоторымъ лучшимъ мѣстамъ его стихотвореній, —

въ стихотворцѣ виденъ ученый естествоиспытатель. «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія» и другія стихотворенія Ломоносова, въ которыхъ онъ описываетъ явленія природы и вообще касается предмета своихъ ученыхъ изслѣдованій, доказываютъ, что онъ обладалъ живымъ чувствомъ природы и сильною впечатлительностію. Природа не была для него только мертвою книгою, предметомъ сухихъ изслѣдованій ученаго. Онъ душею слышалъ, онъ глубоко понималъ поэзію природы, называлъ природу своею матерью и «слагалъ гимны матери-природѣ», — по его собственнымъ словамъ. «Испытаніе природы трудно, однако пріятно, полезно, свято» (говоритъ Ломоносовъ въ «Словѣ о происхожденіи свѣта»). «Чѣмъ больше таинства ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вящшее увеселеніе чувствуетъ сердце.»

Въ духовныхъ стихотвореніяхъ Ломоносова встрѣчается болѣе поэтическихъ частностей, нежели въ его торжественныхъ и хвалебныхъ одахъ, и именно въ тѣхъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ онъ изображаетъ мудрость Создателя или красоту и величіе дѣлъ творенія. Таковы его: «Утреннее» и «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ,» «Ода изъ книги Іова» и переложеніе нѣкоторыхъ псалмовъ, особенно переложеніе псалма сто-третьяго, представляющее, въ высоко-поэтическихъ образахъ, картину вселенной и величіе Создателя и отличающееся прекрасными стихами. Напримѣръ:

«Одѣянъ чудной красотой,
Зарей божественнаго свѣта,
Ты звѣзды распростеръ безъ счета,
Шатру подобно предъ собой.

«Ты землю твердо основалъ,
. . . .

«Ты бездною ее облекъ,
Ты повелѣлъ водамъ парами
Всходить, сгущаяся надъ нами,
Гдѣ дождь рождается и снѣгъ,» и проч.

Стихотворная дѣятельность Ломоносова не ограничивается одними образцами въ лирическомъ родѣ, къ которымъ принадлежатъ, кромѣ духовныхъ и хвалебныхъ одъ, еще нѣкоторыя другія піесы: надписи, переводы изъ Анакреона и т. д. Онъ задумалъ еще написать героическую поэму «Петръ Великій;» но, написавъ двѣ пѣсни, оставилъ ее неоконченною. Кромѣ того, онъ сочинилъ двѣ трагедіи: «Демофонтъ» и «Тамира и Селимъ.» Эти двѣ пѣсни эпической поэмы и трагедіи Ломоносова, — произведенія въ высшей степени реторическія и напыщенныя, — служатъ новымъ доказательствомъ того, что призваніе Ломоносова не заключалось въ поэтической дѣятельности. Его эпическая поэма есть не болѣе какъ подражаніе Виргиліевой «Энеидѣ,» а въ его трагедіяхъ нѣтъ ни дѣйствія, ни страстей, ни характеровъ. Существуетъ еще одно стихотвореніе Ломоносова: «Посланіе къ Шувалову о пользѣ стекла.» Но въ немъ, кромѣ стихотворной формы, ничего нѣтъ поэтическаго. По своему содержанію оно принадлежитъ скорѣе къ разряду ученыхъ разсужденій, въ которомъ авторъ излагаетъ свои понятія и свой взглядъ на естествознаніе, и потому мы еще займемся этимъ стихотвореніемъ, говоря объ ученыхъ сочиненіяхъ Ломоносова.

Тѣмъ же реторическимъ характеромъ, который мы видѣли въ хвалебныхъ стихахъ Ломоносова, отличаются и его ораторскія произведенія, т. е. два похвальныхъ слова: Елисаветѣ и Петру I, которыхъ онъ воспѣвалъ постоянно и превозносилъ похвалами въ своей торжественной лирикѣ, какъ возстановителей просвѣщенія въ Россіи и рачителей наукъ. Оба похвальныхъ слова Ломоносова суть панегирики Елисаветѣ и Петру, перечисляющіе ихъ добродѣтели и благія дѣла на пользу просвѣщенія и наукъ. Скованныя условными формами ученія объ ораторскомъ искуствѣ и построенныя по всѣмъ правиламъ схоластической реторики, слова эти болѣе отличаются духомъ сухаго декламаторства, нежели силою живаго и истиннаго краснорѣчія.

Итакъ, мы не видимъ въ Ломоносовѣ, въ настоящее время, поэта съ самобытнымъ творческимъ талантомъ. Его стихотворенія — это плодъ подражанія образцамъ французской ложно-классической поэзіи, которую онъ пересадилъ на русскую почву; его торжественныя и хвалебныя оды — это длинныя и до крайности утомительныя стихотворе-

нія, лишенныя всякой естественности и оригинальности. Но почему же долгое время въ Ломоносовѣ видѣли болѣе поэта, нежели ученаго? Почему торжественная лирика его производила столь сильное впечатлѣніе на его современниковъ и ближайшее потомство? Почему, въ ихъ мнѣніи, онъ былъ великимъ «россійскимъ лирикомъ,» «россійскимъ Пиндаромъ,» «орломъ, ширяющимъ въ облакахъ», — какъ о немъ выражался еще Мерзляковъ, —одинъ изъ лучшихъ критиковъ первой четверти нашего столѣтія?—Главнымъ образомъ потому, что стихи Ломоносова и его версификація составляли явленіе необыкновенное для своего времени. Ученикъ Ломоносова, *Поповскій*, упоминаетъ о впечатлѣніи, которое произвела въ Петербургѣ первая ода Ломоносова, присланная имъ изъ-за границы: всѣ нашли новый языкъ, новыя слова, новые звуки, всѣ чувствовали, что они имъ родные и удивлялись, почему ихъ прежде не знали. Стихъ Ломоносова, дѣйствительно, исполненъ блеска и силы, и если сравнить его съ силлабическими виршами прежняго времени или со стихами Сумарокова и Тредьяковскаго, то намъ сдѣлается понятнымъ восторгъ, въ который приходили современники Ломоносова отъ его стиховъ. Онъ первый заговорилъ на русскомъ языкѣ звучными и сильными стихами — и современники, любуясь неслыханнымъ доголѣ сочетаніемъ звуковъ роднаго слова, признали его поэтомъ. Въ наше время не трудно писать звучные и хорошіе стихи, и достоинства хорошей версификаціи не даютъ права на названіе поэта; но во время Ломоносова было совсѣмъ иное: тогда не существовало еще приличнаго языка для представленія поэтическихъ понятій и картинъ. Ломоносовъ первый создаетъ русскій *литературный* языкъ, создаетъ языкъ и стихъ для *новой* русской *поэзіи*, показавъ при этомъ необыкновенную силу дарованія и глубокое знаніе духа русскаго и церковнославянскаго языковъ. И, нѣтъ сомнѣнія, что онъ оказалъ въ этомъ отношеніи большую услугу русской литературѣ и русскому языку не только своими литературными примѣрами и образцами, но и своими сочиненіями по теоріи языка и словесности.

Къ такимъ сочиненіямъ его принадлежатъ: 1) «Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства,» 2) «О пользѣ книгъ церковныхъ въ

россійскомъ языкѣ,» 3) «Россійская грамматика» и наконецъ 4) «Краткое руководство къ краснорѣчію» (реторика).

Мы говорили уже, что «Письмо о правилахъ стихотворства» Ломоносовъ прислалъ изъ Марбурга, вмѣстѣ съ одой своей «На взятіе Хотина». Знакомство съ нѣмецкой современной поэзіей, особенно съ стихотвореніями молодаго поэта Гюнтера, внушило ему мысль о сочиненіи русскихъ стиховъ на основаніи стихотворныхъ размѣровъ, введенныхъ у нѣмцевъ и заимствованныхъ изъ древнеклассической версификаціи. Потому онъ возсталъ противъ не свойственаго русскому языку силлабическаго, или слогочислительнаго, стопосложенія, введеннаго къ намъ изъ Польши, и предложилъ свою систему русскаго стихосложенія, основанную на долготѣ и краткости слоговъ, считая въ стихѣ долгими тѣ слоги, надъ которыми «стоитъ сила» (т. е. удареніе), а всѣ прочіе принимая за короткіе,—и на этомъ основаніи ввелъ въ наше стопосложеніе названіе классическихъ метровъ: ямбовъ, хореевъ и т. д. столь же мало свойственныхъ русскому языку, какъ и силлабическіе стихи: потому что построеніе русскаго стиха должно быть основано не на *грамматическомъ*, а на *логическомъ* удареніи, т. е. не на удареніи надъ извѣстнымъ *слогомъ* въ словѣ, а на удареніи надъ извѣстнымъ *словомъ* въ цѣломъ предложеніи. Но вліяніе Ломоносова на русскую литературу было такъ велико, что введенное имъ названіе метровъ, на самомъ дѣлѣ въ русскомъ языкѣ не существующихъ, держится и до настоящаго времени въ нашемъ стихосложеніи.

«Въ Разсужденіи о пользѣ книгъ церковныхъ» Ломоносовъ говоритъ: «Старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго словенскаго языка съ россійскимъ отвратятся дикія и странныя слова, нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ себѣ красоту изъ греческаго, и то еще черезъ латинскій.» Съ XVII столѣтія, дѣйствительно, въ нашъ книжный, или литературный языкъ (который вначалѣ былъ не болѣе какъ нарѣчіемъ языка церковнославянскаго), стали входитъ иностранные слова и обороты и разныя «дикія нелѣпости», о которыхъ говоритъ Ломоносовъ. Сочиненія С. Полоцкаго, С. Медвѣдева и вообще писателей кіевской школы написаны такимъ ужаснымъ языкомъ, — смѣсью церковнославянскаго съ польскимъ, ма-

лорусскимъ и великорусскимъ. Эти писатели уже начали вводить въ русскій письменный языкъ много иностранныхъ словъ: латинскихъ, польскихъ и нѣмецкихъ. При Петрѣ вторженіе въ русскій языкъ иностранныхъ словъ и варваризмовъ разнаго рода увеличилось вслѣдствіе непосредственныхъ сношеній нашихъ и сближенія съ европейскими народами, ихъ литературой и цивилизаціей. Всѣ понятія и названія вещей, внесенныя въ русскую жизнь реформой, обозначались иностранными словами. Напримѣръ: «*Генералъ-адмиралъ*, или *аншефъ*, командующій есть *репрезентація* своего государя, которому должны быть всѣ послушны.... съ достойнымъ *респектомъ* его *персоны*.... Ему подобаетъ быть храбру и добраго *кандуіта* (сирѣчь всякой годности) котораго бы *квалитеты* (или качества) съ добродѣяніемъ были связаны,» и проч. («Морской Уставъ»). Ломоносовъ, знакомый основательно и съ языкомъ церковнославянскимъ и съ живою народною рѣчью—вслѣдствіе обстоятельствъ своего дѣтства и воспитанія—въ названномъ «Разсужденіи» подаетъ совѣтъ прибѣгнуть къ помощи языка церковныхъ книгъ и, посредствомъ осторожнаго и разсудительнаго употребленія церковнославянскихъ словъ съ словами русскаго языка, избѣгнуть наплыва въ русскую рѣчь иностранныхъ словъ и рѣченій. Къ такому сочетанію русскаго языка съ сроднымъ ему церковнославянскимъ онъ предлагаетъ приступить слѣдующимъ образомъ: по мѣрѣ важности «матерій» (предметовъ) изображаемыхъ человѣческимъ словомъ, русскій языкъ, чрезъ употребленіе церковныхъ книгъ, имѣетъ три степени, или три рода рѣченій, приличныхъ для изображенія этихъ предметовъ: *высшій*, *посредственный* и *низкій*. Къ первому роду принадлежатъ: рѣченія, общеупотребительныя какъ въ древнеславянскомъ языкѣ, такъ и въ нынѣшнемъ русскомъ; напримѣръ: Богъ, слава, рука, нами, почитай; ко второму — рѣченія церковнославянскія хотя и мало употребительныя, особенно въ разговорѣ, но вразумительныя для всѣхъ грамотныхъ людей; наприм.: отверзаю, Господень, насажденный, взываю; къ третьему — рѣченія собственно-русскія, которыхъ нѣтъ въ церковныхъ книгахъ; наприм.: говорю, ручей, который, пока, лишь.» Отъ разсудительнаго употребленія и разбора сихъ трехъ родовъ рѣченій — говоритъ Ломоносовъ — раждаются три *штиля* (слога) «высокій, посредственный и низкій,» и учитъ

далѣе какъ употреблять славянскія рѣченія вмѣстѣ съ русскими для каждаго изъ этихъ слоговъ и какимъ изъ нихъ писать различныя стихотворныя и прозаическія сочиненія»: «высокимъ штилемъ,» составляющимся изъ рѣченій славянорусскихъ и такихъ славянскихъ, которыя вразумительны всѣмъ русскимъ грамотнымъ людямъ, должны сочиняться: «греческія поэмы, оды и прозаическія рѣчи о важныхъ матеріяхъ», «средній штиль» долженъ состоять изъ рѣченій русскихъ, съ допущеніемъ нѣкоторыхъ славянскихъ, «однако съ великою осторожностію — замѣчаетъ авторъ — чтобы слогъ не казался надутымъ.» Этимъ слогомъ онъ совѣтуетъ писать «всѣ театральныя сочиненія, стихотворныя дружескія письма, сатиры, эклоги и элегіи,» а въ прозѣ — «описанія достопамятныхъ дѣлъ и ученій благородныхъ.» Наконецъ «низкимъ штилемъ», состоящимъ изъ рѣченій собственно русскихъ, которыхъ нѣтъ въ славянскомъ языкѣ, съ допущеніемъ словъ средняго слога, могутъ быть сочиняемы «подлыя» (въ смыслѣ народныхъ, или простонародныхъ) комедіи, увеселительныя эпиграммы и пѣсни,» а въ прозѣ «дружескія письма и описаніе обыкновенныхъ дѣлъ.»

Такимъ образомъ, по ученію Ломоносова, языкъ церковныхъ книгъ можетъ сообщить русской рѣчи особенное великолѣпіе и богатство «къ сильному изображенію идей важныхъ и высокихъ,» и въ тоже время прилежное чтеніе церковныхъ книгъ устранитъ «неприличности,» которыя «искажаютъ собственную красоту нашего языка», т. е. вторженіе въ него «дикихъ иностранныхъ словъ» изъ чужихъ языковъ. Потому онъ совѣтуетъ всѣмъ любителямъ отечественнаго слова, «дабы они съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги.»

Конечно, предлагая въ своемъ разсужденіи это обвѣтшалое ученіе о «штилѣ,» — о высокомъ и низкомъ слогѣ, Ломоносовъ слѣдуетъ господствовавшимъ въ его время въ наукѣ о словесности понятіямъ схоластической реторики; но совѣты его объ изученіи церковнославянскаго языка съ большою пользою для языка русскаго вытекаютъ изъ вѣрной мысли и изъ глубокаго постиженія духа обоихъ языковъ. А что онъ зналъ основательно языки книжный славянскій и народный русскій и удивительно умѣлъ пользоваться своимъ знаніемъ — это доказываетъ языкъ его собственныхъ стихотворныхъ и прозаическихъ сочиненій, всегда чистый и благородный, всегда точный и

сильный, съ которымъ не можетъ сравниться языкъ ни одного изъ современныхъ ему посателей или даже изъ позднѣйшихъ послѣдователей его школы.

«Россійская грамматика» Ломоносова была первымъ опытомъ собственно-русской грамматики, въ которой въ первый разъ разсматривались научнымъ образомъ законы, правила и формы собственно русскаго языка, въ строгомъ разграниченіи его отъ языка церковнославянскаго, для котораго исключительно писались всѣ наши прежнія грамматики. И слѣдуетъ замѣтить, что грамматика Ломоносова, не смотря на то, что она была первымъ опытомъ русской грамматики, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, не утратила значенія и для настоящаго времени и имѣетъ рѣшительное превосходство передъ многими позднѣйшими русскими грамматиками.

Грамматика Ломоносова заключаетъ въ себѣ два главныхъ отдѣла: первый содержитъ «вступленіе въ россійскую грамматику,» въ которомъ сочинитель излагаетъ общія понятія о человѣческомъ словѣ, а второй—этимологическія и синтаксическія свойства, или собственно грамматическія правила и формы русскаго языка. Ломоносовъ не предлагаетъ только въ своей грамматикѣ сухія грамматическія правила для выучиванія на память, но смотритъ на языкъ съ философской точки зрѣнія, разсуждаетъ о человѣческомъ «голосѣ», о звукахъ и выражающихъ ихъ буквахъ, о произношеніи буквъ, старается выяснить духъ и существенныя свойства языка, беретъ во вниманіе его исторію, сравниваетъ грамматическія формы русскаго языка съ формами другихъ языковъ и въ особенности съ формами церковнославянскими.

Своей грамматикой и «разсужденіемъ о пользѣ книгъ церковныхъ,» Ломоносовъ первый отдѣлилъ русскій языкъ отъ языка церковнославянскаго, указавъ на существенныя отличія между ними и на ихъ взаимное соотношеніе и рѣзко обозначивъ границы обоихъ языковъ. Въ этомъ заключается главная сущность преобразованія, сдѣланнаго Ломоносовымъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, который до него представлялъ какую-то пеструю смѣсь языка, составленнаго изъ словъ и грамматическихъ оборотовъ какъ церковнославянскихъ, такъ и русскихъ. Хотя и самъ Ломоносовъ подчиняетъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, русскій языкъ церковнославянскому, предлагая, для образованія

«высокаго и средняго слога», употреблять церковнославянскіе слова и обороты; но вопервыхъ, онъ ставитъ рѣзкіе предѣлы такому употребленію, совѣтуетъ дѣлать это «съ великою осторожностію, чтобы слогъ не казался надутымъ» и во всякомъ случаѣ—соблюдать «ровность слога, по достоинству предлагаемой матеріи;» а вовторыхъ, онъ въ тоже время признаетъ необходимость введенія въ литературный, или книжный, языкъ стихіи живаго *народнаго* языка, и при составленіи своей грамматики пользуется словами и оборотами народной рѣчи, видоизмѣняемой по мѣстнымъ говорамъ. Такое нововведеніе подверглось осужденію современныхъ писателей, какъ ученая ересь. Сумароковъ видѣлъ въ грамматикѣ Ломоносова порчу языка, и за усвоеніе имъ русской книжной рѣчи нѣкоторыхъ народныхъ словъ и выраженій называлъ его холмогорскимъ мужикомъ и говорилъ, что это произошло въ языкѣ Ломоносова «отъ привычки худаго и простонароднаго употребленія». Съ другой стороны, Тредьяковскій осуждалъ въ языкѣ Ломоносова славянскіе слова и обороты и совѣтовалъ ему перенимать «легкость и щеголеватость рѣченій изрядной компаніи».

Въ найденной послѣ Ломоносова запискѣ, которая напечатана въ собраніи его сочиненій (*) подъ именемъ «Плана для филологическихъ изслѣдованій», перечислены предметы изслѣдованія, которыя должны были войти въ составъ русской грамматики, по взгляду на нее Ломоносова. Здѣсь между прочимъ перечислены статьи: «о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ»: (**) «о сродныхъ языкахъ россійскому,» «о словесномъ церковномъ языкѣ,» «о простонародныхъ словахъ,» «о новыхъ россійскихъ рѣченіяхъ» и т. д. Такіе широкіе размѣры, назначенные Ломоносовымъ для своихъ филологическихъ изслѣдованій къ дополненію его грамматики, доказываютъ, что онъ смотрѣлъ на предметъ изученія роднаго слова глазами глубокаго мыслителя и филолога и хотѣлъ создать стройную систему науки о русскомъ языкѣ. Какъ писатель, обладавшій глубокою ученостію, обширнымъ и свѣтлымъ взглядомъ на предметъ, онъ конечно ясно сознавалъ, что рус-

(*) Смирдинское изданіе 1847 г. т. I, стр. 739.

(**) Въ рапортѣ о своихъ ученыхъ трудахъ, подъ 1755 годомъ, Ломоносовъ упоминаетъ, что онъ «сочинилъ письмо о сходствѣ и перемѣнахъ языковъ». Но существуетъ ли оно теперь или нѣтъ, — неизвѣстно.

скій литературный языкъ можетъ много выиграть отъ сближенія съ живою народною рѣчью — съ одной стороны и съ языкомъ славянскимъ — съ другой, и конечно Сумароковъ и Тредьяковскій, не надѣленные ни геніальностію, ни ученостію Ломоносова, не могли этого видѣть. Вышедши изъ народа и познакомившись въ ранней молодости съ духовными книгами, онъ глубоко постигалъ духъ и свойства роднаго слова, и всегда съ любовью и съ увлеченіемъ говорилъ о красотахъ и богатствѣ русскаго языка. Въ посвященіи своей грамматики великому князю Павлу Петровичу онъ, между прочимъ, такъ выражается объ этомъ предметѣ: «Карлъ V, римскій императоръ, говаривалъ, что ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, французскимъ съ друзьями, нѣмецкимъ съ непріятелями, итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы онъ россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе ишпанскаго, живость французскаго, крѣпость нѣмецкаго, нѣжность итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость греческаго и латинскаго языка».

«Реторика» (*) Ломоносова если и позабыта теперь, то не потому, чтобы у насъ появились послѣ нея реторики лучшихъ достоинствъ, а потому, что въ безполезности всевозможныхъ реторикъ нынче мало кто сомнѣвается. Не такъ думали однако во времена Ломоносова, когда знанію правилъ схоластической реторики придавали большую важность и признавали его необходимымъ для употребленія въ литературной практикѣ. И вотъ Ломоносовъ, желая дать правила для русскаго краснорѣчія и слѣдуя въ этомъ случаѣ современному воззрѣнію на науку о словесности, составляетъ свою реторику по примѣру извѣстныхъ схоластическихъ реторикъ, господствовавшихъ въ его время въ западныхъ литературахъ. Онъ дѣлитъ ее, по обыкновенію, на три части: изобрѣтеніе, украшеніе и расположеніе, и въ каждой из-

---

(*) Вотъ ея полное заглавіе: «Краткое руководство къ краснорѣчію. Книга первая, въ которой содержится *Риторика*, показывающая правила *обоего краснорѣчія*, т. е. *Ораторіи* и *Поэзіи*». Двѣ другія части этого руководства — «ораторія» и «поэзія», были также аписаны Ломоносовымъ, но гдѣ нынѣ находятся, неизвѣстно.

лагаетъ соотвѣтственныя реторическія правила, т. е. трактуетъ объ общихъ мѣстахъ, о періодахъ и силлогизмахъ, о тропахъ и фигурахъ, о хріяхъ и т. д. На всѣ правила въ его реторикѣ приведено много примѣровъ, которые онъ бралъ изъ извѣстныхъ классическихъ писателей (изъ поэтовъ: Гомера, Виргилія, Овидія, Марціала, Ювенала и другихъ, изъ ораторовъ — Демосѳена, Цицерона, изъ отцевъ церкви — Іоанна Златоуста, и даже изъ европейскихъ писателей новаго времени — Комоэнса, Эразма Ротердамскаго, и проч.) и переводилъ ихъ на русскій языкъ, прозой и стихами, или же заимствовалъ примѣры изъ своихъ собственныхъ сочиненій. Это послѣднее заимствованіе Ломоносовымъ примѣровъ для реторики изъ своихъ собственныхъ литературныхъ произведеній объясняетъ намъ реторическій характеръ послѣднихъ, т. е. указываетъ на то̀, что Ломоносовъ, при сочиненіи своихъ торжественныхъ и хвалебныхъ одъ и своихъ похвальныхъ словъ, руководствовался тѣми же основаніями и располагалъ ихъ по тѣмъ же правиламъ, которыя изложены въ его реторикѣ. Потому она имѣетъ для насъ интересъ въ историко-литературномъ отношеніи, какъ ключь къ объясненію тѣхъ реторическихъ пріемовъ и формъ, которыя мы видимъ въ его собственныхъ одахъ и въ двухъ похвальныхъ словахъ.

Названными сочиненіями по теоріи языка и словесности Ломоносовъ совершенно преобразовываетъ или, лучше сказать, создаетъ «русскій» литературный языкъ, тотъ языкъ, которымъ наша литература пользуется и до настоящаго времени, и дальнѣйшее развитіе котораго послѣ Ломоносова совершалось именно на началахъ и основаніяхъ, имъ положенныхъ. Такимъ образомъ, преобразованіе языка совершено Ломоносовымъ теоретически,—посредствомъ указанныхъ имъ законовъ и формъ для русской литературной рѣчи, и практически,—посредствомъ образцовыхъ примѣровъ, въ стихахъ и въ прозѣ, которые онъ представилъ на преобразованномъ имъ литературномъ языкѣ.

Мы уже говорили о внѣшнемъ, стилистическомъ достоинствѣ стиховъ Ломоносова, изъ которыхъ многіе хороши еще и теперь, не смотря на нѣкоторые устарѣлые слова и обороты рѣчи. Вообще его языкъ въ стихахъ лучше и свободнѣе, нежели въ прозѣ, особенно въ витіеватой прозѣ его похвальныхъ словъ Петру и Елисаветѣ. Здѣсь

мы вполнѣ должны согласиться съ мнѣніемъ Пушкина, — великаго художника и знатока русскаго слова, — который говоритъ, что «однообразныя и стѣснительныя формы, въ кои Ломоносовъ отливалъ свои мысли, даютъ его прозѣ ходъ утомительный и тяжелый.» Это справедливо, — но только въ отношеніи ораторской прозы Ломоносова, которая отличается, дѣйствительно, большою искуственностію и не русскимъ складомъ рѣчи: она состоитъ изъ длинныхъ періодовъ и предложеній, построенныхъ и расположенныхъ по латинской конструкціи и по всѣмъ правиламъ реторики. Тогда какъ въ другихъ прозаическихъ сочиненіяхъ Ломоносова, какъ напримѣръ въ ученыхъ трактатахъ или въ письмахъ гдѣ онъ не старался быть витіеватымъ, его проза проста и естественна и слѣдуетъ словорасположенію, болѣе свойственному духу нашего языка.

Ломоносовъ, какъ личность геніальная, увлекъ за собою толпу подражателей и почитается у насъ родоначальникомъ такъ называемой «классической», или, лучше сказать, «реторической» школы, которая долго держалась въ русской литературѣ. Въ сообщеніи нашей новой литературѣ этого реторическаго направленія строго упрекали Ломоносова. Уже Пушкинъ сказалъ, что «вліяніе его на словесность было вредное» и что «высокопарность, изысканность, отвращеніе отъ простоты и точности, отсутствіе народности и оригинальности» — вотъ тѣ слѣды, которые онъ въ ней оставилъ.

Но мы видѣли, что Ломоносовъ, при его взглядѣ на литературу, при общемъ господствѣ на западѣ французскаго классицизма и наконецъ при томъ состояніи образованности, въ которомъ находилась Россія въ его время, могъ создать русскую литературу только подражая литературамъ образованныхъ народовъ запада, и слѣдственно, — сообщить ей то реторическое направленіе, которое господствовало въ послѣднихъ. Въ образованіи въ нашей литературѣ реторической школы виноваты время и обстоятельства, при которыхъ жилъ и дѣйствовалъ Ломоносовъ. Его же личной дѣятельности и трудамъ русская литература обязана тѣмъ, что онъ создалъ новый литературный языкъ для выраженія выработанныхъ въ Европѣ цивилизаціею цѣлаго ряда вѣковъ

и поколѣній общечеловѣческихъ идей и понятій, поэтическихъ чувствъ и представленій.

Со времени критики Бѣлинскаго, по словамъ котораго—Кантемиръ «по какому-то счастливому инстинкту, первый на Руси свелъ поэзію съ жизнію, тогда какъ самъ Ломоносовъ только развелъ ихъ на долго,» — у насъ вошло въ обыкновеніе литературной дѣятельности Ломоносова противопоставлять дѣятельность Кантемира, называя реторическое направленіе перваго *подражательнымъ* и безплоднымъ, а сатирическое направленіе втораго *самобытнымъ* и благотворнымъ для просвѣщенія и развитія русскаго общества. На это слѣдуетъ возразить, вопервыхъ, что сатиры Кантемира въ такой же степени произведенія подражательныя, какъ и торжественныя и хвалебныя оды Ломоносова: онѣ не имѣли для себя основанія въ нашей старинной книжной литературѣ, ихъ юморъ и насмѣшка — плодъ западныхъ идей и западнаго просвѣщенія въ той же мѣрѣ, какъ и торжественная лирика Ломоносова; одно только содержаніе ихъ взято изъ русской жизни и относится къ обрисовкѣ современнаго русскаго общества, — въ этомъ заключается все значеніе сатиръ Кантемира, и въ этомъ только смыслѣ мы ихъ назвали выше произведеніями «въ высшей степени самобытными, русскими»; но онѣ навѣяны автору духомъ западной науки и западныхъ литературныхъ теорій, и потому — подражательны и по идеямъ и по формѣ. А вовторыхъ, нашу новую литературу никакъ нельзя раздѣлить, какъ дѣлятъ иные, на реторическую и сатирическую; потому что сатира не исключаетъ собою реторики и встрѣчается у однихъ и тѣхъ же писателей ломоносовскаго періода и нерѣдко—въ однихъ и тѣхъ же произведеніяхъ. Мы видѣли, что у Кантемира, тѣ мѣста его сатиръ, гдѣ онъ вооружается противъ общихъ человѣческихъ пороковъ и страстей, подражая латинскимъ и французскимъ сатирикамъ, сильно отзываются реторической амплификаціей и наполнены одною сухою моралью и дидактикой. Точно также — въ произведеніяхъ иныхъ писателей реторическаго направленія встрѣчаются слѣды сатиры или даже примѣры цѣлыхъ сатирическихъ піесъ. У самаго Ломоносова, напримѣръ, какъ въ его стихотворныхъ, такъ и въ прозаическихъ сочиненіяхъ, мы находимъ черты злой обличительной сатиры и остроумныя насмѣшки надъ

иными личностями и явленіями современной дѣйствительности. Весьма замѣчательны въ этомъ отношеніи его: «Письмо о пользѣ стекла,» частныя письма къ разнымъ лицамъ, «Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа» (см. ниже) шуточное стихотвореніе «Гимнъ бородѣ» (*) и завязавшаяся по поводу этой піесы стихотворная полемика Ломоносова съ митр. *Димитріемъ Сѣченовымъ* и другими поборниками старины. Рѣзкія обличенія и остроумныя выходки противъ защитниковъ суевѣрной старины и застоя встрѣчаются особенно въ ученыхъ сочиненіяхъ Ломоносова, и мы скажемъ о нихъ далѣе.

Что касается вопроса о сравнительномъ значеніи и важности для общества элементовъ сатирическаго и реторическаго, развившихся одновременно въ нашей новой литературѣ; то, нѣтъ сомнѣнія, что русская сатира, со времени Кантемира, вооружаясь противъ зла и пороковъ общественныхъ и усиливаясь придать литературѣ серьезное, общественное значеніе, играетъ весьма замѣтную роль въ исторіи нашего развитія и тѣсно связана со всѣми важнѣйшими моментами прогрессивнаго движенія русскаго общества. Сатира не можетъ и

(*) Оно напечатано только недавно. Авторъ, въ шутливомъ тонѣ, такъ взываетъ къ бородѣ:

О прикраса золотая,
О прикраса дорогая,
Мать дородства и умовъ,
Мать достатка и чиновъ,
Корень дѣйствій невозможныхъ!
О завѣса мнѣній ложныхъ!

Къ этому же роду сочиненій принадлежатъ сатирическіе стихи Ломоносова «Къ Пахомію» и нѣсколько пародій, эпиграммъ и т. п. на тогдашнихъ литераторовъ: Тредьяковскаго, Сумарокова и Елагина, нападавшихъ на Ломоносова и вынуждавшихъ его вступать съ ними въ литературную полемику, которая, по духу того времени, болѣе отличалась раздражительностію, мелкимъ авторскимъ тщеславіемъ и грубою бранью, нежели серьозными спорами о литературныхъ или ученыхъ предметахъ. Ломоносовъ всегда презрительно отзывался о своихъ литературныхъ противникахъ и неохотно вступалъ съ ними въ критическіе споры. Какъ образецъ его критическихъ мнѣній и пріемовъ, очень любопытно письмо его (неизвѣстно кому писанное) по поводу сатиры Елагина «на петиметровъ,» которая была посвящена авторомъ Сумарокову и въ которой онъ величаетъ этого русскаго драматурга «наперсникомъ Буало, россійскимъ Расиномъ, защитникомъ истины» и т. п. Въ письмѣ Ломоносова заключается много остроумныхъ критическихъ замѣтокъ по поводу подобныхъ похвалъ Сумарокову. Извѣстна также его сатира на Сумарокова: «Свинья въ лисьей кожѣ,» написанная въ отвѣтъ на притчу послѣдняго: «Оселъ въ львиной кожѣ,» и «Эпиграмма на стихотворца Шишкина».

*

не должна быть сравниваема въ этомъ отношеніи съ торжественной лирикой или съ другими произведеніями реторической школы, родоначальникомъ которой считаютъ Ломоносова. Послѣдняя имѣла свое, чисто-литературное значеніе. И при томъ, реторическая ложь, изысканная напыщенность языка и отстраненіе литературы отъ живой дѣйствительности — эти характеристическія качества произведеній реторической школы—были замѣчены еще при Ломоносовѣ, подвергались порицанію и насмѣшкѣ даже современной критики и, доведенныя до крайности, скоро вызвали противъ себя рѣшительную реакцію. Справедливо поэтому признать, что французскій классицизмъ, водворенный въ русской литературѣ Ломоносовымъ, во всякомъ случаѣ, составляетъ шагъ впередъ въ исторіи ея развитія: реторическими произведеніями Ломоносова положено основаніе новому литературному языку, который образовался подъ вліяніемъ европейской науки и литературы и сдѣлалъ возможнымъ перенести къ намъ, вмѣстѣ съ ложными литературными формами, и тѣ идеи, понятія и взгляды, которые выработала современная цивилизація на западѣ. Ломоносовъ оказалъ здѣсь великую услугу не только русской литературѣ, но дѣлу русскаго просвѣщенія вообще: онъ расширилъ, окрилилъ русскую мысль, давъ ей просторъ образованной человѣческой рѣчи. И здѣсь положительные заслуги и труды Ломоносова на пользу развитія русской мысли и русскаго слова стоятъ неизмѣримо выше заслугъ, которыя могли принести русской литературѣ и современному русскому обществу сатиры Кантемира. Академическая дѣятельность Ломоносова, его старанія и труды по устройству двухъ первыхъ университетовъ и гимназій, и наконецъ его ученыя сочиненія доказываютъ намъ это самымъ нагляднымъ образомъ.

Историческая роль Ломоносова въ нашемъ просвѣщеніи вообще очень важна. Онъ по справедливости можетъ быть названъ просвѣтителемъ современнаго ему русскаго общества и однимъ изъ смѣлыхъ и могучихъ вождей русскаго просвѣщенія. Когда онъ былъ назначенъ адьюнктомъ академіи, въ ней господствовали исключительно нѣмцы-ученые и даже неученые, какъ напримѣръ, Шумахеръ и Таубертъ, чиновники академической канцеляріи. Желаніе Петра, при учрежденіи академіи наукъ, заключалось, какъ мы знаемъ, въ томъ, чтобы первое поколѣніе нѣмцевъ-академиковъ смѣнилось русскими учеными. Но нѣмецкій эле-

ментъ почти совершенно вытѣснилъ изъ академіи русскихъ: всѣ вновь открывавшіяся вакансіи академія замѣщала учеными, выписываемыми изъ Германіи. Нѣмцы-академики мало заботились о подготовкѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ для занятія мѣстъ въ академіи и объ изданіи полезныхъ книгъ и учебниковъ, — какъ это было выражено въ регламентѣ, данномъ академіи Петромъ I. Они даже вовсе не обучали русскихъ студентовъ, уклонялись отъ лекцій и довели до совершеннаго упадка академическіе университетъ и гимназію. Ломоносовъ, съ первыхъ же дней вступленія своего въ академію, начинаетъ ожесточенную борьбу съ нѣмецкими членами академіи за дѣло русскаго просвѣщенія, борьбу, длившуюся почти до конца его жизни. Онъ хлопочетъ о преобразованіи академіи, о необходимости увеличить гимназію и университетъ, хлопочетъ о томъ, чтобы выписать въ нихъ молодыхъ людей изъ симинарій и предпринять изданіе переводовъ; онъ принимаетъ самое дѣятельное участіе въ основаніи московскаго университета, который основывается по составленному имъ плану; онъ принимаетъ участіе и въ основаніи академіи художествъ и хлопочетъ изо всѣхъ силъ объ открытіи настоящаго университета въ Петербургѣ, такъ какъ академическій университетъ и гимназія существовали только по имени. Ломоносову было поручено уже составленіе грамоты, или привиллегій, для петербургскаго университета; грамота эта уже была имъ написана и подписана канцлеромъ графомъ Воронцовымъ; Ломоносовъ уже изготовлялъ рѣчь къ открытію университета и намѣренъ былъ говорить въ ней о необходимости основать университетъ также и въ Кіевѣ; но послѣдовавшая вскорѣ смерть императрицы Елисаветы, а потомъ и смерть самаго Ломоносова, остановили на-долго выполненіе плановъ этого замѣчательнаго поборника русскаго просвѣщенія.

Шумахеръ, Таубертъ, адьюнктъ академіи Тепловъ (который имѣлъ вліяніе на гр. Разумовскаго, президента академіи) и большая часть нѣмцевъ-академиковъ пользовались всякимъ случаемъ, чтобы вредить Ломоносову и систематически противодѣйствовали всѣмъ его предпріятіямъ. Часто одно только покровительство графа Воронцова и Шувалова спасало Ломоносова отъ дурныхъ послѣдствій ихъ ненависти и благопріятствовало болѣе или менѣе выполненію нѣкоторыхъ изъ его

полезныхъ предпріятій. Изъ частныхъ писемъ его къ этимъ вельможамъ и въ особенности изъ письма къ адьюнкту Теплову на Украйну видно яснѣе всего, съ какимъ жаромъ и стойкостію онъ предавался попеченію и заботамъ объ «успѣхахъ въ наукахъ сыновъ россійскихъ» и съ какимъ самопожертвованіемъ ратовалъ противъ «недоброхотовъ приращенія наукъ въ Россіи и учащагося россійскаго юношества». Въ письмѣ къ Теплову онъ говоритъ: «Я бы охотно молчалъ и жилъ въ покоѣ, да боюсь наказанія отъ правосудія и всемогущаго Промысла, который не лишилъ меня дарованія и прилежанія къ ученію и нынѣ дозволилъ случай, далъ терпѣніе и *благородную упрямку* и *смѣлость* къ преодолѣнію всѣхъ препятствій къ распространенію наукъ въ отечествѣ, *что мнѣ всего въ жизни моей дороже*». — «За общую пользу, а особливо за утвержденіе наукъ въ отечествѣ и противъ отца своего роднаго возстать за грѣхъ не ставлю,» — говоритъ онъ тутъ же, — и въ заключеніе прибавляетъ: «Что же до меня надлежитъ, то я къ сему себя посвятилъ, чтобъ до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться, какъ уже борюсь двадцать лѣтъ; стоялъ за нихъ съ-молода, — на старость не покину.»

Положивъ основаніе новой русской литературѣ, Ломоносовъ первый начинаетъ и дѣло русской науки. Ученыя сочиненія его относятся къ области естествовѣденія, а въ частности — къ предметамъ физики и химіи. Большая часть изъ нихъ изложена въ литературной формѣ, въ видѣ академическихъ рѣчей. Ломоносовъ, какъ мыслитель и просвѣтитель современнаго русскаго общества, вѣрно угадывавшій его нужды и потребности и стремившійся удовлетворить имъ, обнаруживается собственно въ этихъ ученыхъ сочиненіяхъ своихъ, гдѣ изложены его понятія и его взглядъ на науку вообще и его религіозныя и философскія воззрѣнія. Потому, несмотря на то, что ученыя сочиненія Ломоносова, по спеціальности своего содержанія, чужды литературѣ, исторія литературы тѣмъ не менѣе обязана говорить о нихъ. По отзыву спеціалистовъ, Ломоносовъ, какъ естествоиспытатель, стоитъ на ряду съ первоклассными учеными своего времени. Знаменитый математикъ

Эйлеръ такъ отзывался о его ученыхъ открытіяхъ по физикѣ и химіи: «Онъ производитъ изслѣдованія надъ самыми интересными физическими и химическими явленіями, которыя до сихъ поръ были совершенно неизвѣстны и казались необъяснимыми для величайшихъ геніевъ науки, и притомъ, — съ такою основательностію, что я вполнѣ убѣжденъ въ истинности его выводовъ и заключеній: онъ обладаетъ необыкновенно счастливымъ талантомъ, для совершенія новыхъ открытій въ области физики и химіи». (*)

Мы тѣмъ болѣе обязаны говорить о сочиненіяхъ Ломоносова по части естественныхъ наукъ, что онъ является въ нихъ не сухимъ ученымъ изслѣдователемъ природы: онъ глазами глубокаго мыслителя смотритъ на объясненіе ея явленій и превосходно доказываетъ практическую пользу естественныхъ наукъ,—всегда излагая свои мысли просто, доступно и увлекательно.

Наука, особенно наука о природѣ, свобода научнаго изслѣдованія, самостоятельность знанія — были для тогдашней Руси дѣломъ новымъ, основаніе которому положилъ первый, какъ мы сказали, Ломоносовъ. Изслѣдованіе физическихъ и химическихъ явленій, которыми онъ занимался, казалось современному русскому обществу чѣмъ-то неслыханнымъ, дерзкимъ нарушеніемъ тайнъ Предвѣчнаго и законовъ вѣры, и, какъ дѣло грѣховное и противное вѣрѣ, подвергалось осужденію не только со стороны массы необразованнаго общества, но и со стороны грамотниковъ, или «чтецовъ писанія и ревнителей къ православію, кое святое дѣло само собою похвально, еслибы иногда не препятствовало излишествомъ высокихъ наукъ приращенію,» — какъ говоритъ Ломоносовъ. Вотъ почему въ ученыхъ сочиненіяхъ его о предметахъ естествознанія мы встрѣчаемъ многія мѣста и обращенія къ публикѣ, гдѣ онъ, съ свойственною ему энергіею слова и убѣжденія, ратуетъ за право науки и разума человѣческаго — производить свободно испытаніе законовъ и силъ природы, возстаетъ противъ невѣжественныхъ и мнимыхъ защитниковъ вѣры и старается

(*) «Il traite les matières de la physique et de la chimie les plus interessantes, et qui sont tout-à-fait inconnues et inexplicables aux plus grandes gènies, avec tant de solidité, que je suis tout-à-fait convaincu de la justesse des ses explications. Il possede le plus heureux génie pour decouvrir les phemonènes de la physique et de la chimie.»

доказать, что наука и религія не только не находятся во враждебномъ другъ къ другу отношеніи — какъ увѣряютъ поборники старины и мрака, — но что, напротивъ, между ними существуетъ тѣсная, родственная связь. Мы уже видѣли, что по убѣжденію и по словамъ Ломоносова, «испытаніе натуры свято.» О святости изслѣдованія законовъ и творческихъ силъ природы, о безгрѣшности и о видимой пользѣ объясненій, путемъ науки, всѣхъ разнообразныхъ явленій природы онъ говоритъ почти во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ по части естествознанія: въ «Словѣ о происхожденіи свѣта, новую теорію о цвѣтахъ представляющемъ,» въ «Словѣ о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ,» въ «Словѣ о рожденіи металловъ отъ трясенія земли,» въ «Прибавленіи второмъ къ металлургіи» и въ друг. Но съ особенною подробностію распространяется Ломоносовъ о томъ, что естественныя науки не противорѣчатъ религіи въ «Прибавленіи» къ описанію астрономическаго наблюденія надъ «явленіемъ Венеры на солнцѣ,» т. е. надъ ея прохожденіемъ передъ солнцемъ, въ 1761 году. Наблюденіе было производимо членами петербургской академіи. Это рѣдкое небесное явленіе, какъ видно изъ «Прибавленія,» возбуждало въ суевѣрныхъ современникахъ Ломоносова «всякія неосновательныя сомнительства и страхи» и неблагопріятныя толки для астрономической науки. Чтобы разсѣять эти «страхи» и доказать, что научныя наблюденія явленій природы вѣрѣ не вредны, а напротивъ—служатъ къ большему прославленію премудрости и дѣлъ Божіихъ, онъ и написалъ свое «Прибавленіе.» «Создатель, по словамъ Ломоносова, далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величество, въ другой свою волю. Первая книга — видимый міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на его огромность, красоту и стройность призналъ божественное всемогущество; а вторая — священное писаніе, въ которомъ показано благословеніе Создателя къ нашему спасенію.» Изъяснители и истолкователи пророческихъ и апостольскихъ боговдохновенныхъ книгъ суть великіе церковные учители; а истолкователи въ «книгѣ сложенія видимаго міра сего» — физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ дѣйствій, обнаруживающихся въ природѣ. Природа, по ученію Ломоносова, есть «евангеліе, благовѣствующее Творческую силу, премудрость и величество.»

Ссылаясь на Василія Великаго, Дамаскина и другихъ «великихъ свѣтильниковъ» церкви, которые «познаніе натуры съ вѣрою содружить старались,» онъ говоритъ, что «физическія разсужденія о строеніи міра служатъ къ прославленію Божію и вѣрѣ не вредны,» что «правда (т. е. наука, изслѣдующая «правду»—истину) и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя;» но «не здраво разсудителенъ — прибавляетъ Ломоносовъ — математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ; таковъ же и богословіи учитель, если онъ думаетъ, что по псалтири научиться можно астрономіи или химіи.»

Такъ Ломоносовъ старался уяснить вопросъ объ отношеніи науки къ религіи и доказать вопервыхъ, что изслѣдованіе творческихъ силъ и явленій природы должно быть производимо свободно и самостоятельно; а вовторыхъ, что такое самостоятельное положеніе науки о природѣ ни мало не вредитъ вѣрѣ и не противорѣчитъ истинамъ религіи; потому что наука и религія, по ученію Ломоносова, равно удостовѣряютъ насъ не только въ бытіи Божіи, но и въ несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ,» и потому «грѣхъ всевать между ними плевелы и раздоры.» Онъ грозно ополчается противъ старавшихся поселить распрю и «мнимое междоусобіе» между наукой и вѣрой и рѣзко возстаетъ противъ тѣхъ «умниковъ,» которымъ легко быть философами, выучивъ наизустъ три слова: *Богъ такъ сотворилъ* и давая ихъ въ отвѣтъ на всѣ вопросы о причинахъ существующаго. По словамъ Ломоносова тѣ, кто «осмѣхаетъ науки,» а особенно «новыя откровенія въ натурѣ,» увѣряя, что они «противны закону» (т. е. вѣрѣ христіанской) и кто называетъ соблазномъ для вѣры все то, чего самъ не понимаетъ, тѣ поистинѣ своимъ «мнимымъ защищеніемъ» закона только его поносятъ. «Но вѣдай всякъ изъ таковыхъ — восклицаетъ Ломоносовъ—что онъ *ссорщикъ*, потому что старается произвести вражду между Божіею дщеріо — натурою и между невѣстою Христовою — церковію.»

Въ «Письмѣ о пользѣ стекла» такихъ «ссорщиковъ» науки съ вѣрою Ломоносовъ называетъ «полкомъ свирѣпыхъ невѣждъ,» которые, въ озлобленіи своемъ противъ науки, готовы подвергнуть ученыхъ

испытателей природы казни Прометея. (*) «Письмо о пользѣ стекла,» принадлежащее по стихотворной формѣ своей къ такъ называемой «дидактической,» или поучительной поэзіи, (**) очень замѣчательно по своему духу и характеру. Содержаніе письма касается предметовъ науки, собственно—предметовъ естествознанія, и вполнѣ выражаетъ взглядъ Ломоносова на науку вообще, на ея отношенія къ религіи и къ обществу и его понятія о пользѣ, которую естественныя науки приносятъ людямъ. Мысли свои онъ высказываетъ здѣсь смѣло и рѣзко, мѣстами — въ юмористически-веселомъ тонѣ и очень остроумно. Лицемѣры — говоритъ онъ — вели всегдашнюю брань съ наукой, отчего много знаній въ мірѣ погибло невозвратно. Такъ еще въ языческія времена Аристархъ, который училъ, что земля движется, былъ обвиненъ завистливымъ Клеантомъ въ богохульствѣ и непочтеніи къ богамъ, въ томъ, что онъ дерзнулъ «всю землю отъ тверди потрясти» и заставилъ богиню неподвижной земли, Весту, Нептуна, Діану, Плутона и всѣхъ боговъ безпрерывно вертѣтся вокругъ, отчего

. . . . боги
Терпятъ великій трудъ всегдашнія дороги.

(*) Ломоносовъ, объясняя здѣсь древній миѳъ о Прометеѣ, допускаетъ предположеніе, что, быть можетъ, наука Прометея «ввергла въ пагубу», что не наблюдалъ ли онъ тогда звѣзды посредствомъ телескопа и не умѣлъ-ли сводить огонь съ небесъ при помощи зажигательныхъ стеколъ? А завистливые невѣжды, которые, «скрывъ себя подъ покровомъ святости,» воюютъ отъ самой глубокой древности со свѣтомъ науки, обнесли его за это чародѣемъ и предали на жестокую казнь.

(**) Существуетъ извѣстіе, что поводомъ къ сочиненію «Письма о пользѣ стекла» послужило слѣдующее обстоятельство. Ломоносовъ пришелъ на обѣдъ къ Шувалову во французскомъ кафтанѣ съ стеклянными пуговицами, и какой-то изъ присутствовавшихъ на обѣдѣ современныхъ модниковъ замѣтилъ, что стекляныя пуговицы давно вышли изъ моды. Ломоносовъ, съ свойственною ему горячностію, сталъ возражать и доказывать превосходство стекляныхъ пуговицъ передъ металлическими и началъ развивать мысль о пользѣ, какую приноситъ стекло человѣческимъ обществамъ. Шувалову понравилось возраженіе Ломоносова и онъ попросилъ его изложить свои мысли о пользѣ стекла въ стихахъ. Вслѣдствіе чего и появилось въ свѣтъ названное стихотворное письмо Ломоносова къ Шувалову — родъ дидактическаго стихотворенія, которыя въ свое время были въ большомъ ходу въ европейскихъ литературахъ и перенесены были въ нашу литературу XVIII вѣка, какъ одинъ изъ продуктовъ французскаго классицизма и современной реторической теоріи.

Подъ видомъ такого «ложнаго почтенія» къ богамъ лицемѣрные піэтисты и жрецы древности, главнымъ образомъ, заботились о себѣ. Они опасались, чтобы наука, открывъ величіе небесъ, не показала всѣмъ, что міръ сей сотворила непостижимая сила Единаго Творца и

Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище боговъ,
Не стоятъ тучныхъ жертвъ, *нижè подъ жертву дровъ*;
Что агнцовъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно:

«Это, и только это одно имъ казалось опаснымъ,» говоритъ Ломоносовъ.

Вспоминая далѣе о грозовомъ электричествѣ, честь открытія котораго принадлежитъ столько же Ломоносову, сколько и Франклину, и говоря, что при страшныхъ ударахъ грома и при блескахъ молніи, «слабый умъ» обыкновенно мятется и не знаетъ гдѣ укрыться отъ гнѣвнаго часа, но изслѣдовать причины грома и молніи страшится, Ломоносовъ прибавляетъ:

Дабы истолковать, что молнія и громъ,
Такія мысли всѣ считаетъ онъ грѣхомъ.
На бичь, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
Когда грозитъ Отецъ нашъ яростію своею.
Но какъ Онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
То грѣхъ-ли то сказать, что вѣтромъ Онъ нагналъ?
Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
То грѣхъ-ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?

Эту же мысль Ломоносовъ высказываетъ и въ рѣчи своей: «О явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ,» доказывая подробно, что защищаться «удобными способами» отъ смертоносныхъ громовыхъ ударовъ никакъ не составляетъ «продерзостнаго усилованія гнѣву Божію» — какъ утверждали люди преданія, — но что это, напротивъ, въ такой же мѣрѣ согласно съ волею Божіею и въ такой же степени разумно, какъ и «обороняться лѣкарствами отъ моровой язвы, плотинами отъ наводненій, постройкою крѣпкихъ зданій отъ землетрясенія и бури.»

Проведенныя нами мѣста и мысли изъ сочиненій Ломоносова ясно свидѣтельствуютъ о его религіозныхъ и философскихъ убѣжденіяхъ,

которыя онъ старался проводить въ своей ученой и литературной дѣятельности. Онъ признавалъ за религіею право высшаго духовно-просвѣтительнаго начала для сердецъ человѣческихъ; но въ тоже время училъ, что наука должна быть самостоятельнымъ знаніемъ, отрѣшеннымъ отъ зависимости и отъ служенія религіи. Дѣйствующимъ началомъ во вселенной онъ признавалъ законы и творческія силы природы, и въ познаніи и объясненіи этихъ законовъ и силъ природы видѣлъ торжество человѣческаго разума. Требуя для науки свободы изслѣдованія и самостоятельнаго мышленія, онъ доказывалъ, что свобода научныхъ изслѣдованій, изыскивающихъ истину, не только не враждебна и не опасна для вѣры, но что наука и вѣра пребываютъ между собою въ тѣсномъ союзѣ; потому что, не взирая на различныя сферы и способы дѣйствія, обѣ онѣ стремятся къ одной цѣли — къ раскрытію истины, т. е. къ познанію величія, мудрости и благости Создателя. Признавъ науку самостоятельнымъ знаніемъ, Ломоносовъ превозгласилъ въ средѣ русскаго общества, гдѣ господствовало преданіе и масса суевѣрій, совершенно новое начало, неизвѣстное прежде. И съ этого-то признанія самостоятельности науки собственно начинается у насъ новое движеніе въ умственномъ и научномъ отношеніи, которымъ опредѣляется характеръ новаго времени.

Писательской дѣятельности Ломоносова не была чужда и сфера вопросовъ политическихъ и общественныхъ. Онъ занимался обсужденіемъ важнѣйшихъ изъ нихъ, касавшихся Россіи, и изложилъ въ особыхъ запискахъ свои мысли и мнѣнія по нѣкоторымъ насущнымъ предметамъ русской государственной и народной жизни его времени. Намъ извѣстны, къ сожалѣнію, только двѣ изъ такихъ записокъ Ломоносова: «Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа» (въ письмѣ къ Шувалову) и краткая записка о нашемъ духовенствѣ; (*)

(*) Послѣдняя напечатана лишь недавно въ «Лѣт. рус. лит. и древ.», издав. г. Тихонравовымъ (кн. 2 1859 г.) А вотъ названія прочихъ записокъ: о истребленіи праздности, о исправленіи нравовъ и большемъ просвѣщеніи народа, о исправленіи земледѣлія, о исправленіи и размноженіи ремесленныхъ дѣлъ и художествъ, о лучшихъ пользахъ купечества, о лучшей государственной экономіи, о сохраненіи военнаго искуства во время долговременнаго мира.

прочія же записки или погибли или неизвѣстно, гдѣ хранятся. Сохранившіяся двѣ записки Ломоносова политическаго содержанія представляютъ намъ его какъ просвѣщеннаго публициста, обладавшаго здравымъ политическимъ взглядомъ, практически знакомаго съ дѣломъ и замѣчательнаго особенно потому, что онъ обратилъ преимущественное вниманіе на улучшеніе быта и жизни собственно массы народа — явленіе въ то время рѣдкое не только въ русской, но и въ западноевропейскихъ литературахъ. Цѣль, которую онъ имѣлъ въ виду, при изложеніи своихъ политическихъ мыслей, заключалась—какъ онъ пишетъ Шувалову—въ «приращеніи общей пользы.» Наука для жизни, польза и просвѣщеніе общества, угадываніе его нуждъ и потребностей, какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ — въ этомъ заключается главная характеристика ученой, преподавательской и литературной дѣятельности Ломоносова.

Ничего полезнаго для общества онъ не хотѣлъ «оставить подъ спудомъ» — говоритъ онъ Шувалову, — разсуждая «о сохраненіи и размноженіи россійскаго народа.» Вопросъ о народонаселеніи онъ называетъ «самымъ главнымъ дѣломъ, въ чемъ состоитъ величіе, могущество и богатство государства, а не въ тщетной обширности безъ обитателей.» Затѣмъ, выражая полное сочувствіе къ уничтоженію смертной казни, онъ перечисляетъ причины, отъ которыхъ, по его мнѣнію, происходило уменьшеніе народонаселенія въ Россіи, какъ-то: браки между лицами несоотвѣтственныхъ лѣтъ и браки насильственные, отчего, по словамъ Ломоносова, не только уменьшается населеніе, но пораждается много «пороковъ, унижающихъ человѣческое достоинство;» насильственное постриженіе вдовыхъ молодыхъ поповъ и дьяконовъ и вообще очень молодыхъ людей въ монахи, — что онъ называетъ «смѣшною неосторожностію;» смертность дѣтей въ нѣжномъ возрастѣ отъ жалкаго состоянія акушерскаго и врачебнаго искусства; обычай крестить младенцевъ зимою въ самой холодной водѣ; смертность взрослыхъ, происходящая вслѣдствіе вкоренившихся у насъ въ Россіи обыкновеній, «имѣющихъ видъ нѣкоторой святости,» т. е. отъ излишняго воздержанія или отъ чрезмѣрнаго невоздержанія во время извѣстныхъ постовъ и праздниковъ. Здѣсь Ломоносовъ высказываетъ свое мнѣніе о постахъ, какъ объ

установленіи, которое должно состоять въ зависимости отъ условій извѣстной мѣстности и климата и совѣтуетъ вообще во время постовъ «говѣть больше духомъ, нежели брюхомъ;» потому что «Богу пріятнѣе, когда мы имѣемъ въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цынготную рыбу; посты учреждены не для самоубійства вредными пищами, но для воздержанія отъ излишества»—говоритъ онъ.

Перечисляя далѣе естественныя и насильственныя причины, отъ которыхъ происходитъ «потеря россійскаго народа,» и предлагая вездѣ просвѣщенныя мѣры къ ихъ устраненію, онъ упоминаетъ о народѣ, убѣгавшемъ за границу, или «о живыхъ покойникахъ» — по его выраженію, — которыхъ лишалось русское государство. «Съ пограничныхъ мѣстъ—говоритъ онъ—уходятъ люди въ чужія государства, а особливо въ Польшу.» Силою этого нельзя остановить совершенно; потому «лучше поступать съ кротостію.» «Побѣги бываютъ, по словамъ Ломоносова, болѣе отъ помѣщичьихъ отягощеній крестьянамъ и отъ солдатскихъ наборовъ;» потому онъ совѣтуетъ облегчить пограничныхъ жителей податьми и освободить отъ наборовъ. Онъ полагаетъ, что предлагаемыя имъ мѣры могутъ увеличить населеніе Россіи покрайней мѣрѣ до полумильона душъ ежегодно, и притомъ—не будутъ ничѣмъ отяготительны для народа. Вообще сочувствіе Ломоносова къ нуждамъ народа, къ общественнымъ вопросамъ, составляетъ одну изъ свѣтлыхъ сторонъ его дѣятельности и выражается повсюду въ его сочиненіяхъ. Взглядъ его на дѣло всегда отличался яснымъ пониманіемъ его сущности и прямою и смѣлою постановкою вопроса.

Обозрѣвъ, такимъ образомъ, дѣятельность и труды Ломоносова, мы въ правѣ сказать, что ни одна почти область человѣческаго вѣдѣнія не была чужда ему и что во всѣхъ сферахъ своей дѣятельности онъ оставляетъ слѣдъ своего оригинальнаго и высокаго ума, слѣдъ своихъ блестящихъ способностей и глубокой учености. Идеи его отличаются особеною жизненностію, выраженіе этихъ идей,—въ оригинальной ему принадлежащей формѣ, — особенною энергіею и силою. Шлецеръ, личный врагъ Ломоносова, называя его пьянымъ дикаремъ, не могъ не сознаться однако, что это былъ истинный геній. Ломоносовъ

самъ сознавалъ свои силы и надѣялся на нихъ. Въ одномъ письмѣ къ Шувалову, говоря о мелкихъ завистникахъ своихъ, онъ выражается такъ: «Пусть они своимъ аршиномъ чужихъ силъ не мѣряютъ; музы— кого хотятъ, того и полюбятъ.» Нравственный характеръ Ломоносова отличался прямотою, благородствомъ и стойкостію, или «благородной упрямкой», по его собственному выраженію. И. И. Шуваловъ, могущественный вельможа елисаветинскихъ временъ, былъ покровителемъ Ломоносова и во многихъ случаяхъ единственнымъ защитникомъ отъ многочисленныхъ враговъ, которыхъ Ломоносовъ, надо сознаться, умѣлъ себѣ наживать излишнею горячностію и пылкостію своего нрава и своими рѣзкими и жесткими выходками, напримѣръ, противъ Миллера, Шлецера, Сумарокова и друг. Но и въ отношеніи къ Шувалову Ломоносовъ держалъ себя съ благородною гордостію и съ сознаніемъ собственнаго достоинства. Онъ умѣлъ — по словамъ Пушкина — постоять за себя и не дорожилъ ни покровительствомъ знатныхъ, ни своимъ благосостояніемъ, когда дѣло шло о его чести или о торжествѣ его любимыхъ идей. Вотъ что однажды онъ писалъ своему знатному патрону, когда тотъ захотѣлъ мирить его съ Сумароковымъ: «Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самаго Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ,—пока развѣ отниметъ.» Слѣдующій анекдотъ, приводимый Пушкинымъ, не менѣе ярко рисуетъ нравственный характеръ Ломоносова. Заспоривъ о чемъ-то съ Шуваловымъ, Ломоносовъ такъ его разсердилъ, что тотъ сказалъ: «Я тебя отставлю отъ академіи.»—«Нѣтъ, возразилъ гордо Ломоносовъ, развѣ академію отъ меня отставятъ.» Но, не смотря на свой крутой и запальчивый нравъ, Ломоносовъ обладалъ доброю, чувствительною душею. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть письмо его къ Шувалову о смерти профессора Рихмана, убитаго молніей при производствѣ электрическихъ опытовъ. Ломоносовъ пишетъ, что бѣдный Рихманъ умеръ «прекрасною смертію,» исполняя свой долгъ и что память о немъ «никогда не умолкнетъ,» но бѣдная его вдова, теща и трое малолѣтнихъ дѣтей, «какъ о немъ, такъ и о своемъ крайнемъ несчастіи плачутъ.» И Ломоносовъ «въ слезахъ» умоляетъ Шувалова о помощи бѣдному семейству погибшаго профессора.

Таковъ былъ Ломоносовъ, такова была эта замѣчательная личность, «дѣлающая честь человѣческой природѣ и русскому имени,» по выраженію Бѣлинскаго.

Послѣдователи ломоносовской школы. Реторическая, или «классическая», школа, созданная Ломоносовымъ, какъ при его жизни, такъ и послѣ него долго была господствующею въ русской литературѣ. Стихи Ломоносова превозносились до небесъ; ихъ приводили въ примѣръ въ школахъ, наполняли ими реторики и піитики, и всѣ современные поэты и литераторы бросились подражать Ломоносову. Изъ литературныхъ дѣятелей Ломоносовскаго періода ближайшими послѣдователями его, на которыхъ болѣе всего отразилось его вліяніе и которые пользовались у современниковъ болѣе громкою извѣстностію, были:

1. *Поповскій*, Николай Никитичъ (1730—1760),—одинъ изъ даровитыхъ учениковъ Ломоносова,—былъ первымъ профессоромъ изъ Русскихъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ читалъ лекціи краснорѣчія и философіи. Какъ преподаватель московскаго университета, Поповскій замѣчателенъ тѣмъ, что въ рѣчи, которою открылъ свой курсъ философіи: «о пользѣ и важности философіи», онъ доказывалъ, что философія въ русскомъ университетѣ должна быть читаема порусски, а не полатыни, какъ ее читали до того времени въ духовныхъ училищахъ; потому-что нѣтъ такой философской истины, такой мысли, которую нельзя бы было выразить на русскомъ языкѣ. Въ этой любви къ отечественному языку Поповскій имѣлъ примѣръ въ своемъ учителѣ, Ломоносовѣ, открывшемъ для послѣдующихъ русскихъ писателей богатство роднаго слова. Ему же слѣдовалъ Поповскій и во взглядѣ своемъ на науку, или точнѣе на философію, которая, по его ученію, посредствомъ вѣрнаго познанія природы, приводитъ насъ къ познанію о бытіи Божіи. Какъ литераторъ, Поповскій болѣе извѣстенъ своими переводными трудами. Онъ перевелъ (съ французскаго) извѣстную дидактическую поэму англійскаго поэта Попа: «Опытъ о человѣкѣ.» Лестный отзывъ объ этомъ переводѣ Ломоносова доставилъ Поповскому имя въ современной литературѣ. Поэтическаго дарованія Поповскій не имѣлъ, но онъ правильно и ясно передавалъ въ своихъ стихахъ идеи науки. Потому-то онъ и избралъ для своей

литературной дѣятельности дидактическій родъ поэзіи, въ которомъ написалъ нѣсколько стихотвореній. Для развитія русской образованности Поповскій считалъ переводы съ иностраннаго настоятельно-необходимымъ дѣломъ и много трудился самъ въ переводахъ на русскій языкъ извѣстныхъ въ Европѣ сочиненій. Онъ перевелъ, между прочимъ, изъ Локка «о воспитаніи дѣтей». Выборъ предметовъ для перевода и даже самые стихи Поповскаго доказываютъ, что онъ былъ человѣкъ талантливый и хорошо образованный для своего времени. Стихотворные переводы его очень цѣнились и уважались современниками. Новиковъ въ своемъ «Словарѣ о россійскихъ писателяхъ» превозноситъ похвалами его переводъ «Опыта о человѣкѣ», который имѣлъ нѣсколько изданій. Поповскій умеръ очень рано—на 30-лѣтнемъ возрастѣ—и сжегъ передъ смертію свои переводы одъ Анакреона и римскаго историка Тита Ливія, будучи ими недоволенъ и опасаясь, чтобы послѣ его смерти они не явились въ печати.

---

2. *Херасковъ*, Михаилъ Матвѣевичъ (1733—1807) почти въ теченіе полувѣка пользовался славою русскаго Гомера и Виргилія за двѣ эпическія, или «героическія» поэмы свои: «Россіаду» и «Владиміра». Еще Дмитріевъ, одинъ изъ даровитыхъ и умныхъ писателей позднѣйшей эпохи, благоговѣя передъ славою Хераскова, написалъ:

Пускай отъ зависти сердца въ зоилахъ ноютъ;
Хераскову они вреда не нанесутъ:
Владиміръ, Іоаннъ щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья проведутъ.

Но пророчество Дмитріева не сбылось: Херасковъ не вступилъ въ храмъ безсмертія съ своими поэмами, которыхъ давно никто не читаетъ; онѣ сдѣлались достояніемъ одной исторіи литературы, которая указываетъ на нихъ лишь какъ на фактъ безграничнаго господства въ нашей литературѣ XVIII вѣка ложно-классическихъ теорій. Въ смыслѣ этихъ теорій Херасковъ былъ первымъ русскимъ эпикомъ и творцомъ русской эпической поэзіи; потому что онъ подарилъ отечественной литературѣ двѣ оконченныя героическія поэмы, построенныя на основаніи классической теоріи объ искуственномъ эпосѣ. (Мы зна-

емъ, что двѣ прежнія попытки къ героической поэмѣ: «Петрида» Кантемира и «Петръ Великій» Ломоносова остались неконченными). Но уже критика 1815 года (Мерзлякова и П. Строева) указала на крайнюю искуственность, на невѣрное изображеніе эпохи и характеровъ и на антипоэтичность эпическихъ твореній Хераскова, которыя пользовались, между тѣмъ, такимъ уваженіемъ въ кругу современныхъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ, что когда Мерзляковъ, въ обширномъ разборѣ «Россіады», сдѣлалъ на нее нѣсколько замѣчаній и нашелъ, что она не отвѣчаетъ вполнѣ требованіямъ современной ложно-классической піитики; то противъ него всѣ возстали. Вѣроятно критику Мерзлякова и Павла Строева имѣлъ въ виду Дмитріевъ, когда писалъ въ приведенномъ нами четверостишіи къ портрету Хераскова о «завистливыхъ зоилахъ». Критика Строева была смѣлѣе и рѣшительнѣе критическихъ разборовъ Мерзлякова. Онъ доказывалъ, что «Россіада» — фальшивое поэтическое произведеніе и по своему содержанію и по формѣ и что въ ней нѣтъ и десяти стиховъ къ ряду, которые были бы хороши. Во всей поэмѣ онъ находилъ только одинъ стихъ поэтическимъ—въ описаніи зимы, которую чародѣй Нигринъ наводитъ на Казань и которая приходитъ къ намъ, по словамъ Хераскова, изъ «пещеръ кавказскихъ льдистыхъ горъ», гдѣ холодъ такъ великъ, что

Тамъ зримы въ воздухѣ вѣщаемы слова.

Поэмы Хераскова, лишенныя поэтическихъ достоинствъ и—подобно торжественной и хвалебной лирикѣ нашей XVIII вѣка—не имѣющія никакого историческаго значенія, составляютъ тѣмъ не менѣе предметъ историко-литературнаго изслѣдованія, на томъ основаніи, что онѣ долгое время пользовались славою и уваженіемъ въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ и въ просвѣщенной части русскаго общества того времени: значитъ, онѣ удовлетворяли современнымъ литературнымъ потребностямъ и современному взгляду на изящное.

Сюжетомъ для обѣихъ эпическихъ поэмъ Хераскова послужили важныя событія изъ отечественной исторіи: въ «Россіадѣ» онъ воспѣваетъ покореніе Казани Иваномъ Грознымъ, а предметъ поэмы «Владиміръ» составляетъ крещеніе Руси; но какъ въ той, такъ и въ другой поэмѣ, кромѣ названій и именъ, нѣтъ ничего русскаго. Въ «Россіадѣ» Херасковъ даже съ фактической стороны невѣрно представилъ

историческое событіе, послужившее основаніемъ для его поэмы, начинающейся извѣстными стихами:

Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,

Попранну власть Татаръ и гордость низложенну, и проч.

Русь освободилась отъ Татаръ не при Грозномъ, а гораздо ранѣе, и взятіе Казани — событіе важное само по себѣ въ нашей исторіи — не имѣло никакого значенія въ смыслѣ освобожденія Руси отъ монгольскаго ига, — значенія, которое Херасковъ старался насильственно ему придать, и потому назвалъ свою поэму «Россіадой». Фальшивый взглядъ на историческое событіе, которое воспѣваетъ нашъ эпикъ, совершенное отсутствіе въ немъ поэтическаго дарованія и вкуса и строгое слѣдованіе ложноклассической теоріи искуственнаго эпоса сдѣлали его поэму произведеніемъ фальшивымъ и до крайности тяжелымъ, отъ начала до конца. По взгляду Хераскова на эпическую поэму и по современному ученію о ней, она должна «воспѣвать битвы, рыцарскіе подвиги и чудесное»; и потому «Россіада» переполнена описаніемъ рыцарскихъ подвиговъ и чудеснаго даже и тамъ, гдѣ ихъ вовсе не существовало. Тутъ есть русскіе и татарскіе витязи, которые говорятъ и дѣйствуютъ какъ средневѣковые рыцари; а чудесное — сны, чародѣи, волшебники — собрано изъ языческаго, христіанскаго и магометанскаго міра. Нашъ эпикъ мало думалъ не только о естественности, но даже о поэтической возможности изображаемыхъ и описываемыхъ имъ лицъ, дѣйствій и событій. Его Іоаннъ, Адашевъ, Курбскій и его казанцы — Эдигеръ, Алей, Гидромиръ — и друг. отличаются подвигами какихъ-то небывалыхъ, сверхъестественныхъ героевъ. Въ сущности они не принадлежатъ ни къ какой эпохѣ и ни къ какой народности. Въ нихъ мы находимъ черты героевъ Иліады, Одиссеи, Энеиды, Освобожденнаго Іерусалима Тасса, Божественной комедіи Данта и Генріады Вольтера, изъ подражаній которымъ въ частностяхъ составлена вся поэма Хераскова. Какъ у Гомера, Виргилія, Данта и Вольтера герои или снисходятъ въ адъ или въ сновидѣніяхъ видятъ своихъ потомковъ, такъ и у Хераскова пустынникъ Вассіанъ возводитъ Ивана Грознаго на гору, въ храмъ добродѣтели, и показываетъ ему его потомковъ — царей и императоровъ; очарованный волхвами казанскій лѣсъ, на вѣтвяхъ котораго

...вѣчныя лежатъ густыя мраки
Прохожимъ дивныя являющи призраки, —

снимокъ съ волшебнаго лѣса, описаннаго въ Освобожденномъ Іерусалимѣ; татарская героиня Сумбека и дворецъ Сумбеки напоминаютъ Армиду и ея волшебныя палаты; есть даже кораблекрушеніе, описанное въ Одиссеѣ и въ Энеидѣ; только здѣсь не море, а Волга «возноситъ къ облакамъ великія ладьи» на своихъ «ревущихъ струяхъ» и низвергаетъ ихъ въ геенну и т. п. Вся поэма состоитъ изъ подобныхъ неестественныхъ изображеній, описаній и характеровъ и написана до крайности напыщеннымъ и тяжелымъ реторическимъ языкомъ. — Другое эпическое твореніе Хераскова, которое онъ назвалъ «Владиміръ Возрожденный, эпическая поэма», — весьма мало заключаетъ въ себѣ эпическаго, или повѣствовательнаго элемента; это скорѣе дидактическое сочиненіе, въ религіозно-мистическомъ родѣ, цѣль котораго — какъ объясняетъ самъ авторъ — изобразить возрожденіе души, достигшей, послѣ многихъ искушеній, мірскихъ соблазновъ и сомнѣній, христіанскаго просвѣщенія. Эпическая же часть поэмы, т. е. разсказъ о томъ, какъ, послѣ явленія надъ Кіевомъ животворящаго креста и вопреки противодѣйствіямъ духа тьмы, волхва Зломира, побѣждаемаго апостоломъ Андреемъ, Владиміръ и вся Русь озаряются христіанствомъ, — страдаетъ тѣми же преувеличеніями и гиперболизмомъ и такъ же напыщенъ и невѣренъ дѣйствительности, какъ и эпическій разсказъ въ «Россіадѣ».

Херасковъ былъ чрезвычайно плодовитый писатель. Литературныя труды его не ограничиваются двумя эпическими поэмами. По обычаю того времени, онъ писалъ во всѣхъ родахъ. Такой обычай конечно произошелъ оттого, что въ то время, изучивъ правила школьной реторики и піитики, смѣло принимались за авторство, не заботясь ни о призваніи къ тому, ни о талантѣ. Таковы были понятія вѣка и духъ времени. Херасковъ написалъ нѣсколько стихотворныхъ и прозаическихъ романовъ и повѣстей, подражая въ нихъ Флоріану и Фенелону, какъ-то: «Кадмъ и Гармонія», «Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи», «Пилигриммы, или искатели счастія», «Бахаріана, или неизвѣстный» и друг. Изъ нихъ повѣсть «Полидоръ», написанная въ

1794 году, любопытна потому, что Херасковъ дѣлаетъ въ ней намеки на французскую революцію, описывая въ мрачныхъ краскахъ какой-то народъ, зараженный вольнодумствомъ и стремящійся къ необузданной свободѣ и равенству. Осужденіе французской революціи высказано прямо и въ другой, стихотворной повѣсти его: «Царь, или спасенный Новгородъ». (Написана въ 1800 году). Здѣсь Рюрикъ усмиряетъ буйныхъ новгородцевъ, произведшихъ у себя анархію и обуреваемыхъ «бѣшенствомъ мнимой свободы и безумнымъ алканіемъ равенства». Въ повѣсти — «Нума, или процвѣтающій Римъ», появившейся въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II, при описаніи благодѣтельнаго управленія римскаго царя Нумы Помпилія, Херасковъ хотѣлъ изобразить, въ лицѣ Нумы, императрицу Екатерину. Кромѣ этихъ повѣстей, онъ написалъ еще нѣсколько дидактическихъ поэмъ, въ мистическомъ духѣ, какъ напр. «Вселенная», гдѣ подражалъ Мильтону и Клопштоку; сочинялъ торжественныя и хвалебныя оды, нравственныя басни, трагедіи, комедіи, даже оперы: его патріотическая трагедія «Освобожденная Москва», гдѣ выведены на сцену Launchъ и Пожарскій, и его опера «Добрые солдаты» были въ свое время въ большомъ ходу. «Творенія Хераскова», въ 12 т., еще не заключаютъ въ себѣ всего, что имъ было написано. Во всей своей плодовитой литературной дѣятельности, Херасковъ, по словамъ Бѣлинскаго, «обнаружилъ большую страсть къ литературѣ, большое добродушіе, большое трудолюбіе и большую безталантность».

Тѣмъ не менѣе исторія русской литературы и русскаго просвѣщенія будетъ относиться съ уваженіемъ къ памяти Хераскова именно за его страсть къ литературѣ и за любовь къ просвѣщенію. Онъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, и состоя долго кураторомъ (съ 1778 года) московскаго университета, принесъ дѣйствительную пользу этому заведенію, учредивъ при немъ учительскую семинарію, по мысли профессора Шварца, и благородный пансіонъ и благопріятствуя Новикову въ его трудахъ на пользу отечественнаго просвѣщенія. (*) Херасковъ оказывалъ покровительство моло-

(*) О дѣятельности Новикова см. ниже.

дымъ ученымъ и писателямъ, пользовался вообще уваженіемъ и имѣлъ большой авторитетъ въ средѣ современныхъ литераторовъ не только какъ писатель-вельможа, но и какъ человѣкъ.

---

3. *Петровъ,* Василій Петровичъ (1736—1799) послѣ Ломоносова былъ представителемъ торжественной лирики, и своими торжественными и хвалебными одами сдѣлался извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ. Петровъ былъ воспитанникъ московской духовной академіи и по окончаніи курса занимался въ ней преподаваніемъ реторики, піитики и греческаго языка. По рекомендаціи князя Потемкина, Петровъ получилъ мѣсто кабинетнаго переводчика и чтеца при государынѣ. Потомъ, по ея желанію, былъ отправленъ въ Англію для дальнѣйшаго образованія. Проживъ въ Англіи нѣсколько лѣтъ и выучившись англійскому языку, Петровъ подчинился вліянію англійской образованности и въ одномъ изъ своихъ стихотворныхъ посланій даже писалъ, что онъ желаетъ, чтобы «лучь британскихъ умовъ озарилъ русскую грудь». Но вліяніе это не обнаруживается однако въ собственныхъ сочиненіяхъ Петрова. Въ своихъ одахъ онъ является не болѣе какъ подражателемъ Ломоносова, съ тою разницею, что онъ не обладалъ ни его талантомъ, ни его знаніемъ языка, ни его искуствомъ въ версификаціи; и потому оды Петрова отличаются—по внѣшней формѣ—крайне грубыми и плохими стихами и тяжелымъ семинарскимъ языкомъ, а по своему характеру — холоднымъ реторизмомъ и напыщенною высокопарностію. Ода «На побѣду россійскаго флота надъ турецкимъ, при Чесмѣ», доставившая Петрову громкую славу у современниковъ, принадлежитъ, быть можетъ, къ самымъ напыщеннымъ и самымъ неуклюжимъ по языку произведеніямъ во всей торжественной лирикѣ нашей XVIII вѣка. Кромѣ одъ, Петровъ писалъ сатиры, посланія и мелкія стихотворенія. Сатиры его доказываютъ, что онъ не былъ лишенъ сатирическаго таланта и остроумія, хотя языкъ ихъ тоже, большею частію, очень грубъ и тривіяленъ. Лучшая изъ его сатиръ «Къ...., изъ Лондона» осмѣиваетъ современную страсть къ писанію стиховъ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько остроумныхъ стиховъ и мѣткихъ выраженій, въ родѣ, напримѣръ, стиховъ: «Горацій онъ въ *Морской* и Пиндаръ въ *Милліонной»*, и друг. Между прочимъ, въ одномъ мѣ-

стѣ этой сатиры, онъ вѣрно опредѣлилъ характеръ собственной лиры, сказавъ, что друзья и знакомые его, которымъ онъ читалъ свои стихи, его «звали *громомъ*».

Петровъ былъ серьозно образованный человѣкъ; современники называли его поэтомъ мысли; онъ зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ и извѣстенъ еще своими переводами: «Энеиды», Виргилія и «Потеряннаго рая» Мильтона. Оба перевода сдѣланы съ подлинниковъ, и первый изъ нихъ стихами, а другой прозой.

---

4. *Костровъ*, Ермилъ Ивановичъ († 1796 г), другой изъ извѣстныхъ лириковъ XVIII вѣка. Онъ также учился въ московской духовной академіи, а потомъ въ университетѣ и окончилъ курсъ съ степенью баккалавра. Костровъ пользовался въ свое время извѣстностію какъ переводчикъ Гомеровой Иліады, аллегорическаго романа Апулея: «Превращеніе или золотой оселъ», и стихотвореній «Оссіана.» (*) Какъ оригинальный писатель, Костровъ сочинялъ торжественныя оды и разныя лирическія стихотворенія и, находясь при московскомъ университетѣ въ качествѣ привиллегированнаго, официіальнаго поэта, писалъ стихи на разныя замѣчательныя случаи и событія. Въ своихъ одахъ онъ является строгимъ послѣдователемъ Ломоносова и реторической школы, а потому мы не найдемъ въ нихъ ничего оригинальнаго. — Костровъ перевелъ не всю, а только восемь съ половиною пѣсенъ изъ Иліады и не гексаметрами, а александрійскими стихами (шестистопнымъ ямбомъ) и притомъ — тяжелымъ реторическимъ языкомъ; такъ что переводъ Кострова не даетъ понятія читателю ни о наивной простотѣ разсказа, ни о классическомъ изяществѣ греческаго эпоса. Подложныя пѣсни Оссіана переведены Костровымъ не съ подлинника, а съ французскаго перевода; онѣ имѣли у насъ въ свое время многихъ читателей и вдохновляли своимъ содержаніемъ не одного изъ русскихъ стихотворцевъ, которые пользовались поэмами Оссіана, какъ

(*) Оссіанъ — древній ирландскій бардъ или пѣвецъ. Англичанинъ Макферсонъ, въ половинѣ прошлаго столѣтія, выдалъ сочиненныя имъ, въ духѣ ирландскихъ сагъ и народныхъ пѣсень, стихотворенія за настоящія пѣсни Оссіана. Поддѣлка была сдѣлана съ такимъ талантомъ, что только позднѣйшая критика успѣла открыть истину.

сюжетомъ для нѣкоторыхъ изъ своихъ сочиненій. Любопытно, что Костровъ посвятилъ свой переводъ Оссіана Суворову, которому нравились пѣсни Оссіана и который на стихотворное посланіе Кострова отвѣчалъ ему также стихами.

---

5. Державинъ, Гавріилъ Романовичъ (1743—1816). Когда умеръ Ломоносовъ, Державину было около 22 лѣтъ; онъ окончилъ свое школьное ученіе, былъ независимый молодой человѣкъ, служилъ въ военной службѣ и уже нѣсколько лѣтъ пописывалъ стихи, находясь подъ вліяніемъ одъ Ломоносова и сочиненій Сумарокова, чтеніе которыхъ любилъ съ ранняго дѣтства.

Русская литература, въ періодъ отъ Ломоносова до Державина, сохраняла все тотъ же реторическій, школьный характеръ, какъ относительно внѣшней формы литературныхъ произведеній, такъ и относительно ихъ внутренняго содержанія, или богатства разработываемыхъ идей. Наука, о насажденіи которой заботилось государство, а не само общество, сохраняла характеръ государственный, оффиціальный; а потому и въ литературѣ, которая есть спутница науки, или лучше сказать,—просвѣщенія, оставалось все тоже высокопарное и пѣснопѣвческое направленіе, и она не сдѣлала большаго развитія ни относительно сближенія съ жизнію, съ дѣйствительностію, ни относительно своего вліянія на общество. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи и самъ Державинъ, не смотря на природное дарованіе къ поэзіи и на свой оригинальный поэтическій талантъ, не внесъ ничего новаго, ничего жизненнаго въ русскую литературу. Обогативъ ее нѣсколькими замѣчательными поэтическими произведеніями, онъ не имѣлъ никакого вліянія на ея дальнѣйшее развитіе и совершенство и прошелъ въ ней, можно сказать, безслѣдно.

Державинъ родился въ Казани въ не богатой и не знатной дворянской семьѣ. (*)

Средства для образованія, представлявшіяся Державину въ дѣтствѣ,

(*) Родъ Державиныхъ происходилъ отъ какого-то «Багрима-мурзы», вышедшаго въ Россію изъ Орды при Василіѣ Темномъ. О чемъ нашъ поэтъ не разъ упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, называя себя «мурзою» и «потомкомъ Багрима».

были весьма скудны. Дома онъ выучился русской грамотѣ, а съ переѣздомъ его отца на службу въ Оренбургъ былъ отданъ въ школу какого-то ссыльнаго нѣмца, Розе, у котораго выучился нѣсколько нѣмецкому языку. Послѣ смерти отца, мать Державина переѣхала съ дѣтьми въ Казань; съ открытіемъ въ 1758 году казанской гимназіи, Державинъ поступилъ въ нее вмѣстѣ съ братомъ и оставался въ гимназіи около четырехъ лѣтъ. Здѣсь онъ стоялъ на ряду посредственныхъ учениковъ, и директоръ гимназіи, Веревкинъ, хотя и любилъ Державина, но часто журилъ его и называлъ *тупицею*. Сущность тогдашняго гимназическаго воспитанія, по словамъ Державина, заключалась въ томъ, чтобы научить воспитанниковъ «читать, писать и говорить сколько нибудь по грамматикѣ и быть обходительнымъ.» Веревкинъ, при исполненіи данныхъ ему отъ начальства порученій — снять планъ г. Чебоксары и описать развалины древняго Болгара,—бралъ съ собою нѣкоторыхъ учениковъ гимназіи, между ними и Державина, для черченія плановъ. Уѣзжая потомъ въ Петербургъ, онъ забралъ съ собою черченія и планы учениковъ и представилъ ихъ Ив. Ив. Шувалову, куратору московскаго университета, въ вѣденіи котораго находилась казанская гимназія. Возвратившись въ Казань, Веревкинъ объявилъ молодому Державину, что по ходатайству его у Шувалова онъ записанъ кондукторомъ въ инженерную службу,—чего желалъ и самъ Державинъ. Но вскорѣ его потребовали изъ гимназіи въ лейбъ-гвардіи преображенскій полкъ на службу, куда, вмѣсто службы инженерной, записалъ его Шуваловъ солдатомъ,—по тогдашнимъ порядкамъ. Державинъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, и 28 мая 1762 г., въ ночь вступленія императрицы Екатерины II на престолъ, онъ уже, въ мундирѣ преображенскаго солдата, стоялъ во дворцѣ на часахъ.— Такимъ образомъ, воспитаніе, которое пришлось получить Державину и дома, и въ школѣ, было очень ограниченно, о чемъ онъ сознается и самъ въ своихъ «Запискахъ.» Казарменная жизнь не могла конечно способствовать къ пополненію плохаго образованія Державина. Онъ говоритъ однако, что занимался въ это время чтеніемъ книгъ по ночамъ и писалъ стихи—«единственно для себя.... Правила поэзіи почерпалъ я изъ сочиненій Тредьяковскаго, — прибавляетъ Державинъ, — а въ выраженіяхъ и словахъ подражалъ Ломоносову». Будучи произведенъ въ офи-

церы въ 1772 году и имѣя болѣе свободнаго времени, онъ занялся нѣмецкимъ языкомъ, съ котораго сталъ переводить, подражая посредственнымъ нѣмецкимъ поэтамъ: Галлеру, Клейсту, Гагедорну и даже Клопштоку. Въ это же время онъ познакомился съ нѣкоторыми писателями того времени: Херасковымъ, Хемницеромъ и директоромъ академіи, Домашневымъ; но самъ не былъ еще извѣстенъ какъ литераторъ, и уничтожалъ большую часть своихъ сочиненій, показывая только нѣкоторыя изъ нихъ близкимъ друзьямъ своимъ.

Въ 1773 году Державинъ, по собственному желанію, прикомандированъ былъ къ Александру Ильичу Бибикову, назначенному для усмиренія пугачевскаго бунта, — и оставилъ Петербургъ.

Возвратившись изъ похода, Державинъ искалъ за свою военную дѣятельность во время пугачевскаго бунта чина полковника и награжденія деревнями, и обращался съ просьбами о томъ къ разнымъ вельможамъ, между прочимъ и къ Потемкину. Но, по наговору своихъ недоброжелателей,—какъ онъ полагаетъ, — вмѣсто просимаго чина полковника онъ былъ перечисленъ въ статскую службу съ пожалованіемъ въ коллежскіе совѣтники и съ награжденіемъ тремя стами душъ въ Бѣлоруссіи.

Перемѣнивъ, такимъ образомъ, противъ желанія поприще военное на гражданское, Державинъ сталъ искать мѣста. Бывая въ домѣ генералъ-прокурора сената, кн. Вяземскаго, и успѣвъ ему понравиться, онъ получилъ черезъ него должность экзекутора 1-го департамента въ сенатѣ, гдѣ его уважали сами сенаторы, потому что—по его словамъ—онъ часто бывалъ у кн. Вяземскаго, съ которымъ, «по вечерамъ, для забавы, игралъ въ карты, а иногда читалъ книги, большею частію романы, за которыми нерѣдко и чтецъ и слушатель дремали. Для княгини писалъ стихи похвальные въ честь ея супруга», и проч.

Вскорѣ Державинъ, найдя, что его состояніе даетъ ему возможность «жить порядочнымъ домомъ», задумалъ жениться и вступилъ въ бракъ съ Бастидоновой, женщиной образованной, которая любила его стихи и которую онъ называлъ въ своихъ стихотвореніяхъ «Плѣнирою». (Во второй бракъ Державинъ вступилъ въ 1795 году, спустя годъ послѣ смерти первой жены, съ Дьяковой, которую воспѣвалъ въ своихъ стихахъ подъ именемъ «Милены»).

Находясь при Бибиковѣ, Державинъ не оставлялъ занятія стихотворствомъ, и какъ видно, въ этотъ періодъ своей жизни писалъ болѣе прежняго; но почти ничего не печаталъ. Только въ 1776 г., въ первый разъ, напечаталъ онъ отдѣльную книжку своихъ сочиненій, подъ заглавіемъ: «Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ», (*) безъ означенія однако имени автора. «Читалагайскихъ» одъ Державина восемь; изъ нихъ первыя четыре переведены прозой изъ сочиненій Фридриха Великаго; а четыре остальныя: «на великость», «на знатность» (передѣланная впослѣдствіи въ знаменитую оду «Вельможа»), «на смерть генерала Бибикова» и «на рожденіе Екатерины II»,— принадлежатъ ему. Читалагайскія оды, отличаясь весьма плохимъ литературнымъ языкомъ и совершеннымъ отсутствіемъ поэтическаго содержанія, и въ свое время прошли незамѣченными, не доставивъ нашему поэту литературной извѣстности. «Едва ли отыщется примѣръ другаго писателя, — замѣчаетъ г. Гротъ, по поводу читалагайскихъ одъ Державина, — который тридцати одного года былъ такъ не твердъ въ употребленіи литературнаго языка, а впослѣдствіи шагнулъ бы такъ далеко въ силѣ и яркости поэтическаго выраженія». До 1782 года Державинъ помѣщалъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ», который издавался Брайко. Въ это время были уже напечатаны тамъ извѣстнѣйшія изъ его одъ: «На смерть князя Мещерскаго» и «На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока». Но имя Державина все еще не было извѣстно въ литературѣ. Наконецъ, въ 1782 году напечатана была въ «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова» (**) знаменитая его ода «Фелица», случайно сдѣлавшаяся извѣстною императрицѣ и быстро доставившая Державину шумную извѣстность и въ обществѣ и въ литературѣ. Съ этой оды слава Державина какъ поэта распространилась по всей читающей Россіи

(*) Гора Читалагай, по объясненію самаго Державина, находилась въ саратовской губерніи, въ колоніи Шафгаузенъ.

(**) Повременное изданіе, выходившее при россійской академіи, подъ редакціей княгини Катерины Романовны Дашковой, которая, по желанію императрицы, долгое время занимала должность директора с.-петербургской академіи наукъ. Написавъ «Фелицу», Державинъ скрывалъ ее отъ публики, потому что въ ней были намеки на Потемкина, Орлова, Вяземскаго и другихъ важныхъ вельможъ. Дашковой какъ-то попался списокъ «Фелицы», и она его напечатала въ «Собесѣдникѣ», — говорятъ, — безъ вѣдома автора, а потомъ уже поднесла оду государынѣ.

и положеніе его въ свѣтѣ было упрочено. Онъ лично сталъ извѣстенъ императрицѣ, которая пришла въ восторгъ отъ оды Державина и пожелала видѣть поэта, видѣть того, «кто бы могъ — по ея словамъ — такъ хорошо ее знать». Державинъ былъ представленъ ко двору и награжденъ богатымъ подаркомъ (золотою табакеркою съ изображеніемъ императрицы и 500 червонцевъ).

Вслѣдствіе непріятностей съ кн. Вяземскимъ, Державинъ долженъ былъ выйти въ отставку; но тутъ онъ снова поступилъ на службу и, по желанію самой императрицы, сдѣланъ былъ олонецкимъ губернаторомъ, а черезъ годъ былъ перемѣщенъ на мѣсто тамбовскаго губернатора. Природная горячность, выходившая нерѣдко у Державина изъ границъ благоразумія, не разъ вовлекала его въ непріятности, и онъ вездѣ наживалъ себѣ враговъ по службѣ. Въ Петрозаводскѣ онъ враждовалъ съ генералъ-губернаторомъ Тутолминымъ; а въ Тамбовѣ непріязнь къ нему генералъ-губернатора графа Гудовича была причиною, что онъ не только лишился мѣста, но попалъ подъ слѣдствіе и долго находился подъ судомъ. Но Екатерина на поданную ей жалобу Державина о томъ, что его подвергли суду несправедливо, объявила ему свое благоволеніе и сказала черезъ статсъ-секретаря Храповицкаго, что она не можетъ обвинить «автора Фелицы». Сенатъ оправдалъ Державина. Онъ однако долго оставался безъ мѣста. Наконецъ въ 1791 г. императрица, черезъ графа Платона Зубова, опредѣлила его къ себѣ для принятія прошеній и сдѣлала своимъ статсъ-секретаремъ. Потомъ онъ былъ перемѣщенъ въ сенаторы и занималъ высшія должности въ государствѣ еще при императорахъ Павлѣ и Александрѣ.

Время отъ обнародованія Фелицы и до послѣднихъ годовъ царствованія Екатерины II можно считать лучшею порою поэтической дѣятельности Державина. Въ эту эпоху онъ написалъ всѣ свои лучшія оды: *Видѣніе мурзы*, *Оду на счастіе*, *Водопадъ* и друг. Но съ тѣхъ поръ, какъ его сдѣлали статсъ-секретаремъ, служебное поприще, исканіе почестей, желаніе дышать придворной атмосферой и оставаться посреди знати постоянно отвлекаютъ Державина отъ занятій поэзіей. Поэтическій талантъ его слабѣетъ къ старости: въ послѣдніе годы царствованія Екатерины и при императорахъ Павлѣ и Александрѣ онъ уже почти ничего не пишетъ; время отъ

времени откликнется лишь хвалебною, реторическою одою, по поводу какого либо торжественнаго событія, да, въ родѣ забавы, занимается сочиненіемъ «анакреонтическихъ» стиховъ и пишетъ весьма неуклюжія драматическія пьесы,—нимало не свойственныя роду его таланта. Императоръ Павелъ назначилъ Державина правителемъ канцеляріи государственнаго совѣта; но скоро смѣнилъ, потомъ сдѣлалъ президентомъ коммерцъ-коллегіи и наконецъ государственнымъ казначеемъ. А во время Александра, при образованіи министерствъ (1802), онъ назначенъ былъ министромъ юстиціи; но черезъ тринадцать мѣсяцевъ вышелъ въ отставку, съ большой пенсіей, и жилъ какъ частный человѣкъ то въ Петербургѣ, то въ своемъ помѣстьи, *Званкѣ* (на берегу Волхова, новгород. губерніи), гдѣ и умеръ въ Іюлѣ 1816 года, на 73 году отъ рожденія.

Вторая половина XVIII столѣтія, по тѣмъ принципамъ и началамъ, которыя со вступленіемъ на русскій престолъ умной и просвѣщенной правительницы,—императрицы Екатерины II,—стали выражаться и въ дѣятельности правительства и въ литературѣ, составляетъ, нѣтъ сомнѣнія, замѣтный шагъ впередъ въ исторіи развитія русскаго просвѣщенія. Тѣмъ не менѣе вѣкъ Екатерины, — выразителемъ котораго въ извѣстномъ отношеніи могутъ служить поэтическія произведенія Державина, — вѣкъ шумный и замѣчательный, полный внѣшняго блеска и величія, относительно существенныхъ сторонъ внутренняго развитія и образованности русскаго общества, относительно стремленій и понятій самаго общества о просвѣщеніи, относительно взглядовъ на европейскую цивилизацію, на литературу и науку,—какъ мы уже замѣтили,— не ушелъ слишкомъ далеко отъ предыдущаго послѣпетровскаго періода. Не смотря на то, что императрица покровительствовала писателямъ и литературѣ, не смотря на то, что она сама занималась русской литературой, принимала участіе въ издававшихся журналахъ личными литературными трудами, писала русскія коммедіи и сатиры и т. п.,—несмотря на все это,—въ современномъ русскомъ обществѣ были еще слишкомъ слабо развиты истинныя понятія и взгляды о достоинствѣ и значеніи литературы и науки. Литература не со-

ставляла еще общественной потребности; она была роскошью для небольшаго избраннаго кружка и поддерживалась меценатствомъ, т. е. покровительствомъ знатныхъ и могущественныхъ людей. Господствующими родами словесныхъ произведенiй въ этой литературѣ были ода и сатира; первая сохраняла свой придворный, пѣснопѣвческiй характеръ и то высокопарное направленiе, которое ей сообщилъ Ломоносовъ; а вторая отличалась высокомѣрною моралью, и большею частiю, имѣла видъ нравственныхъ поученiй и дидактики; въ иныхъ же случаяхъ сатира второй половины XVIII вѣка была не болѣе какъ прославленiемъ настоящаго порядка вещей и порицанiемъ старины, подобно сатирѣ Кантемира, — какъ мы это увидимъ ниже.

Разборъ сочиненiй Державина, въ связи съ обстоятельствами ихъ появленiя, можетъ уяснить намъ всего ощутительнѣе сдѣланную характеристику екатериненскаго вѣка.

Въ первые годы своей поэтической дѣятельности Державинъ шелъ безусловно по слѣдамъ Ломоносова, избравъ его своимъ образцомъ и учителемъ въ поэзiи. Но онъ потомъ нашелъ стѣснительными для своего поэтическаго таланта узкiя формы «классической» ломоносовской оды. Говоря о первыхъ стихотворныхъ опытахъ своихъ, самъ Державинъ выражается такъ: «Всѣхъ сихъ произведенiй авторъ самъ не одобрялъ... Онъ хотѣлъ подражать Ломоносову, но чувствовалъ, что талантъ его не былъ внушаемъ одинаковымъ генiемъ: онъ хотѣлъ *парить*, но не могъ постоянно выдерживать *красивымъ наборомъ словъ свойственнаго единственно россiйскому Пиндару велелѣпiя и пышности;* а для того въ 1779 году избралъ онъ *совершенно особый путь*, будучи предводимъ наставленiями Баттё и совѣтами друзей своихъ: Н. А. Львова, В. В. Капниста и И. И. Хемницера». Уже «наставленiя Баттё» (*) и слова Державина о «паренiи», о «красивомъ наборѣ словъ», о «велелѣпiи и пышности» свидѣтельствуютъ ясно, что онъ былъ недоволенъ собственно внѣшней формой, а не внутреннимъ содержанiемъ, не духомъ и направленiемъ своихъ стиховъ. Содержанiе стихотворенiй Державина составляютъ: Богъ, Фе-

(*) Баттё († 1780) авторъ нѣсколькихъ сочиненiй по теорiи литературы, к. н. «Cours de belles-lettres», «Principes de littérature», и проч въ которыхъ съ большою сухостiю и схоластицизмомъ изложены ложноклассическiя литературныя теорiи и правила.

лица (Екатерина II) и ея дѣла, бранныя побѣды и славные герои екатерининскихъ временъ; направленіе этихъ стихотвореній — торжественное, высокопарное. А тотъ *особый путь*, о которомъ говоритъ здѣсь Державинъ и который проявился въ одѣ «Фелица» и въ сродныхъ съ нею стихотвореніяхъ,— гдѣ величественный тонъ торжественной или хвалебной лирики перемѣшанъ съ тономъ шутливымъ или съ сатирой,—хотя дѣйствительно заключаетъ въ себѣ много оригинальной простоты и естественности; но тѣмъ не менѣе даже и эти самобытныя произведенія музы Державина, богатыя многими поэтическими частностями высокаго достоинства, переполнены реторики и гиперболическихъ возгласовъ и по своему духу и направленію вполнѣ принадлежатъ къ придворной, пѣснопѣвческой литературѣ.

Литературная критика справедливо дѣлитъ оды Державина, по ихъ содержанію, на три разряда: на оды нравственнаго и духовнаго содержанія, или на оды «нравственно-философическія», и «духовныя», на оды «торжественныя и хвалебныя,» воспѣвающія бранные подвиги и знаменитыхъ героевъ отечества, и наконецъ на оды «съ сатирическимъ направленіемъ», каковы всѣ оды и стихотворенія, обращенныя къ Фелицѣ (Екатеринѣ II), оды: «На счастіе», «Вельможа» и нѣсколько другихъ.

Къ нравственнымъ или философскимъ одамъ принадлежатъ: «Гимнъ Богу», «Гимнъ Солнцу», «Истина», «Добродѣтель», «Слава», «Безсмертіе души», «Человѣкъ», прославленная ода «Богъ», и множество другихъ. Большую часть изъ этихъ одъ, въ строгомъ смыслѣ, даже нельзя назвать произведеніями поэтическаго творчества. Это скорѣе нравственно-религіозныя, или философическія разсужденія въ стихахъ, написанныя на заданную тему, нежели произведенія лирической поэзіи, внушенныя истиннымъ вдохновеніемъ. Нѣкоторыя изъ нихъ непомѣрно длинны, и потому тяжелы и утомительны при чтеніи. Но и въ нихъ, какъ почти во всѣхъ одахъ Державина, посреди холодныхъ, сухихъ разсужденій и общихъ мѣстъ, выраженныхъ плохими стихами, нерѣдко встрѣчаются искры истинной поэзіи, поэтическая мысль или энергическая сила выраженія, какъ напримѣръ, въ этихъ стихахъ изъ оды «Безсмертіе души»:

«Сей духъ въ пророкахъ возвѣщаетъ,
Паритъ въ піитахъ въ высоту,

Въ витіяхъ сонмы убѣждаетъ,
Съ народовъ гонитъ слѣпоту;

Сей духъ и въ узахъ не боится
Тиранамъ правду говорить:
Чего безсмертному страшиться?
Онъ будетъ и за гробомъ жить».

Ни одна изъ нравственныхъ, или духовныхъ одъ Державина не можетъ выдержать, въ цѣломъ, ни философской, ни эстетической критики, хотя въ каждой найдутся замѣчательныя мѣста и частности—въ томъ и въ другомъ отношеніи. Въ огромной и особенно нескладной одѣ, «Цѣленіе Саула», отличающейся тяжелыми и плохими стихами, встрѣчается, напримѣръ, эта замѣчательная картина первобытнаго хаоса: «На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій духъ», которая приведена въ нашемъ сборникѣ.

Къ одамъ нравственнаго и духовнаго содержанія причисляютъ обыкновенно и переложеніе псалмовъ Державина; но холодность, отсутствіе сильнаго чувства, которое вдохновляло царя-поэта, и плохіе стихи въ большей части изъ этихъ пьесъ ставятъ ихъ часто ниже Ломоносовскихъ переложеній псалмовъ. Одно только прекрасное во всѣхъ отношеніяхъ переложеніе 81 псалма: «Властителямъ и Судіямъ», отличается энергіею чувства и особенною силою и красотою стиха.

Между одами Державина, въ основу которыхъ положена какая-либо нравственная или философская мысль, нѣкоторыя ярко рисуютъ сибаритскую жизнь и нравы извѣстной части современнаго русскаго общества, именно — жизнь и нравы вельможъ временъ Екатерины.

Ярче всего выступаетъ описаніе этой жизни въ одахъ: «На смерть Мещерскаго», «Приглашеніе къ обѣду», «Къ первому сосѣду» и друг. Эпикурейскій взглядъ на жизнь, чувство наслажденія жизненными благами и грустная, тяжелая дума о непродолжительности и непрочности земнаго счастія — составляютъ содержаніе и основную идею этихъ стихотвореній.—Къ послѣднему разряду стихотвореній Державина, воспѣвающихъ эпикурейство и пріятности жизни, можно отнести также и его «анакреонтическія пѣсни». Анакреонъ, пѣвецъ веселья и земныхъ наслажденій, вдохновлялъ Державина подъ старость, когда уже сошелъ со сцены шумный и блестящій вѣкъ Екатерины, съ его геро-

ями и вождями, которыхъ онъ воспѣвалъ въ пору силы и молодости своего таланта. Между «анакреонтическими» стихотвореніями Державина встрѣчаются впрочемъ не одни подражанія Анакреону: тутъ есть переводы и подражанія Сафо, Горацію, Петраркѣ и другимъ иностраннымъ поэтамъ (извѣстнымъ Державину изъ русскихъ и нѣмецкихъ переводовъ) и его собственныя стихотворенія, не принадлежащія къ торжественной лирикѣ. Здѣсь помѣщены такія піесы, какъ «Русскія дѣвушки», «Мельникъ» и друг. Въ предисловіи къ изданію своихъ анакреонтическихъ стихотвореній Державинъ называетъ ихъ «издѣвочными сочиненіями» и объясняетъ, что онъ рѣшился издать ихъ въ свѣтъ потому только, что онъ теперь «свободенъ отъ должности», т. е. отъ государственной службы.

«Торжественныя» оды Державина считались въ свое время великими поэтическими произведеніями и долго приводились въ реторикахъ и въ піитикахъ какъ образцы высокой поэзіи. Громъ пушекъ, бранныя побѣды, знаменитыя воинскія личности и герои екатерининскихъ временъ — Потемкинъ, Суворовъ, Румянцовъ — вотъ что настраивало лиру Державина на торжественный тонъ и что составляетъ главное содержаніе его торжественныхъ и хвалебныхъ одъ, къ которымъ принадлежатъ оды: «На взятіе Измаила», «На взятіе Варшавы», «На переходъ альпійскихъ горъ» и мног. друг. Въ этихъ одахъ менѣе чѣмъ гдѣ-либо Державинъ является истиннымъ поэтомъ; онѣ лишены естественности и оригинальности и не отличаютъ Державина отъ прочихъ одописцевъ и громозвучныхъ пѣвцовъ реторической школы: трескотня и шумиха словъ, реторическіе возгласы и гиперболизмъ — вотъ ихъ характеристика; онѣ плодъ натянутаго реторическаго восторга, а не поэтическаго вдохновенія, и изъ нихъ мы не узна́емъ ни вѣка Екатерины, ни ея знаменитыхъ сподвижниковъ; въ нихъ нѣтъ ни поэтической, ни исторической правды, — хотя также встрѣчаются нѣкоторыя замѣчательныя описанія, картины и другія поэтическія частности.

Болѣе вѣрныя и удачныя изображенія современныхъ личностей и героевъ чаще встрѣчаются въ другихъ стихотвореніяхъ Державина, нежели въ его торжественныхъ, патріотическихъ одахъ, написанныхъ по поводу побѣдъ русскаго оружія. Какъ напримѣръ: блестящее изображеніе Потемкина въ одѣ «Водопадъ», которая признается одною изъ луч-

шихъ одъ Державина; но и въ ней излишняя величина, высокопарность и реторическая ложь заглушаютъ нерѣдко поэтическія мысли и истину чувства. Или же въ пьесѣ «Снигирь,» написанной по случаю смерти Суворова, слѣдующее — хотя внѣшнее, но мѣткое изображеніе этого полководца:

Кто теперь вождь нашъ? кто богатырь?
Сильный гдѣ, храбрый, быстрый Суворовъ?
Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ.
Кто передъ ратью будетъ, пылая,
Ѣздить на клячѣ, ѣсть сухари;
Въ стужѣ и въ зноѣ мечь закаляя,
Спать на соломѣ, бдѣть до зари, и проч.

Въ одахъ «сатирическаго направленія», изъ которыхъ большая часть посвящена «Фелицѣ», т. е. Екатеринѣ II, поэтическій талантъ Державина является болѣе самобытнымъ и оригинальнымъ. Существенное отличіе этихъ одъ отъ прочихъ произведеній Державина заключается, главнымъ образомъ, въ ихъ внѣшней формѣ, въ слогѣ и въ выраженіи, въ которомъ языкъ и тонъ торжественной лирики соединяется съ «забавнымъ слогомъ»,—по выраженію самаго Державина,—и наконецъ въ томъ, что здѣсь къ высокимъ предметамъ торжественныхъ воспѣваній поэта присоединена сатира на пороки и недостатки современной придворной и вельможной жизни. Такое нововведеніе, т. е. сочетаніе реторическаго языка торжественной лирики съ забавнымъ слогомъ и съ сатирой привело въ восторгъ современниковъ Державина, которымъ давно прискучили громозвучіе и однобразіе классической ломоносовской оды. Тѣмъ болѣе, что бездарные подражатели Ломоносова довели одописаніе до крайнихъ предѣловъ искуственности и бездушнаго реторизма. Ложный восторгъ, пышный наборъ громкихъ фразъ, безъ внутренняго значенія и смысла, постоянное употребленіе однихъ и тѣхъ же школьныхъ формъ и размѣровъ стиха, а особенно — совершенная бездарность большей части современныхъ одописцевъ — превратили ложно-классическую оду въ самый скучный родъ реторической поэзіи и сдѣлали ее предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ журнальной критики, современной Державину. Мы видѣли собственное признаніе поэта о несовершенствѣ его первыхъ стихотворныхъ про-

изведеній и что онъ рѣшился избрать *особый путь* въ поэзіи, руководимый наставленіями Баттё и совѣтами друзей Львова, Хемницера и Капниста. Этотъ «особый путь» и состоялъ собственно въ соединеніи величественнаго тона съ шутливымъ, реторическаго направленія съ сатирическимъ, которыхъ нельзя отдѣлить въ лучшихъ, оригинальныхъ стихотвореніяхъ Державина, т. е. тамъ, гдѣ онъ не шелъ рабски по слѣдамъ Ломоносова, относительно внѣшней формы своихъ стихотвореній. «Фелица» была первымъ произведеніемъ Державина въ этомъ родѣ, который современная критика приняла за «новый родъ стихотворства». За «Фелицой» слѣдовали: «Видѣніе мурзы», «Изображеніе Фелицы», «На счастіе» и «Вельможа» — два лучшія сатирическія стихотворенія Державина — и нѣсколько другихъ.

Ода «Фелицѣ» вся написана въ шутливомъ тонѣ. (*) Назвавъ Фелицу «богоподобною царевной», и спрашивая у нея совѣта и наставленія какъ «честно и правдиво жить», поэтъ тонко восхваляетъ ея доблести — ея человѣчность и доброту сердца, ея любовь къ просвѣщенію, ея уваженіе къ законамъ и правосудію и ея мудрую снисходительность. И для того, чтобы эти доблести Фелицы выступали въ болѣе яркомъ свѣтѣ, онъ говоритъ сатирически о своихъ собственныхъ порокахъ, подъ видомъ которыхъ изображаетъ праздный и порочный образъ жизни «мурзъ» киргизъ-кайсацкой царевны. И здѣсь-то Державинъ дѣлаетъ намеки на нравы, прихоти и образъ жизни Потемкина, Ал. Орлова, Вяземскаго, Нарышкина и вообще придворныхъ вельможъ, окружавшихъ Екатерину. Вотъ почему Державинъ пришелъ въ большое безпокойство, узнавъ, что кн. Дашкова напечатала его оду въ «Собесѣдникѣ». Но «Фелица», какъ мы знаемъ, была весьма благосклонно принята государыней, и поэту нечего было опасаться вельможъ и сановныхъ лицъ. Екатерина собственноручно подчеркнула карандашемъ мѣста въ одѣ Державина, относившіяся къ тому или къ

(*) Поэтъ такъ озаглавилъ свою оду: «Ода премудрой Киргизъ-Кайсацкой царевнѣ Фелицѣ, написанная татарскимъ мурзою, издавна въ Москвѣ поселившимся и живущимъ въ С.-Петербургѣ, переводъ съ арабскаго языка». А въ примѣчаніяхъ къ одѣ (эти примѣчанія Державинъ диктовалъ самъ) объяснено, что подъ именемъ Фелицы представлена императрица Екатерина и «что она сочинила сказку о царевичѣ Хлорѣ», котораго Фелица, т. е. богиня счастія, сопровождала на гору, гдѣ ростетъ роза безъ шиповъ, и была путеводительницею Хлора въ храмъ добродѣтели».

другому изъ ея вельможъ, и къ каждому изъ нихъ разослала подчеркнутые экземпляры Фелицы. Взысканный царскими милостями, обласканный императрицей, Державинъ, съ появленія «Фелицы,» дѣлается исключительно придворнымъ поэтомъ, пѣвцомъ Екатерины II и ея царствованія. Въ этомъ самъ поэтъ видѣлъ свое назначеніе и свою заслугу и въ этомъ признавалъ онъ свое право на безсмертіе въ памяти потомства. Въ одѣ «Видѣніе мурзы», которая появилась вслѣдъ за Фелицей, по поводу впечатлѣнія и толковъ, произведенныхъ ею въ публикѣ, поэтъ обращаясь къ Екатеринѣ восклицаетъ:

Какъ солнце, какъ луну поставлю
Твой образъ будущимъ вѣкамъ;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой безсмертенъ буду самъ.

Въ «Приношеніи» своихъ стиховъ Екатеринѣ II онъ выражается о своей лирѣ:

Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ,
Ты славою — твоимъ я эхомъ буду жить.

Тоже самое повторено въ стихотвореніяхъ: «Мой истуканъ», «Памятникъ» и въ другихъ, гдѣ поэтъ называетъ себя «пѣвцомъ Фелицы» и ея «добродѣтелей».

И такъ Державинъ былъ «пѣвцомъ» Екатерины II и ея царствованія — и по собственному признанію и въ мнѣніи своихъ современниковъ. Это названіе сохранитъ за нимъ конечно и потомство. Онъ дѣйствительно воспѣлъ весь внѣшній блескъ, всю роскошь и грандіозную обстановку царствованія Екатерины II; онъ «возглашалъ» о величіи и о добродѣтеляхъ Фелицы, о дѣлахъ ея государственнаго управленія и относился съ своими пѣснями ко всѣмъ замѣчательнымъ событіямъ ея двора и къ другимъ членамъ въ ея царственномъ семействѣ; онъ прославлялъ подвиги и дѣла знаменитыхъ ея сподвижниковъ— Потемкина, Суворова, Румянцова, Зубова, Рѣпнина и другихъ людей вѣка Екатерины. Но при всемъ томъ стихотворенія Державина, относящіяся къ Екатеринѣ II и къ историческимъ личностямъ и событіямъ ея царствованія, не представляютъ поэтически-вѣрнаго изображенія екатерининскаго вѣка, не заключаютъ въ себѣ истиннаго воспроизведенія современной дѣйствительности, и слѣдственно не даютъ

намъ истиннаго понятія о внутреннемъ значеніи важнѣйшихъ событій и явленій царствованія Екатерины II. Какъ въ сатирическихъ — безспорно лучшихъ — произведеніяхъ Державина, такъ и въ произведеніяхъ его торжественной лирики, мы видимъ одну внѣшность, одно внѣшнее отношеніе поэта къ современнымъ явленіямъ, поражавшимъ его мысль, чувство и воображеніе, — и не видимъ той внутренней стороны, тѣхъ внутреннихъ побужденій и причинъ, которыми вызваны эти явленія на свѣтъ.

Міросозерцаніе его не отличается глубиною, кругъ его воззрѣній узокъ и мелоченъ. Увлекаемый внѣшнею стороною явленій, внѣшнимъ блескомъ и величіемъ, поражаемый внѣшнимъ проявленіемъ зла и пороковъ своего времени, онъ изображаетъ ихъ то въ великолѣпныхъ и громозвучныхъ, то въ насмѣшливыхъ и шуточныхъ стихахъ; но изображаетъ — безъ глубокаго проникновенія въ тайныя побужденія и причины, ихъ породившія, безъ яснаго пониманія ни наружнаго блеска и величія, передъ которыми падаетъ ницъ, ни причинъ зла и порокоъ своего времени, которые онъ хочетъ обличить и надъ которыми смѣется и шутитъ. «Хваля добро того времени — говоритъ Бѣлинскій — онъ не прозрѣвалъ связи его со зломъ, а нападая на зло, не провидѣлъ связи его съ добромъ». Державинъ — не былъ вообще поэтомъ-мыслителемъ; въ своемъ взглядѣ на современныя явленія онъ не умѣлъ возвыситься надъ взглядомъ толпы; онъ смотрѣлъ на явленія глазами рядоваго человѣка и выдѣлялся изъ толпы только своимъ поэтическимъ талантомъ; но раздѣлялъ съ нею вполнѣ и ея рутинныя понятія и убѣжденія и ея предразсудки.

Невѣрность въ изображеніи современныхъ явленій происходила у нашего поэта еще и отъ того, что онъ нерѣдко относился пристрастно къ предметамъ и судилъ о лицахъ и явленіяхъ по своимъ къ нимъ личнымъ отношеніямъ. Отсюда частію происходятъ встрѣчающіяся у него противорѣчивые отзывы объ одномъ и томъ-же предметѣ. Отсюда же происходитъ, что похвалы и порицанія современности, щедро разсыпанныя въ произведеніяхъ Державина, не всегда искренни. Въ «Фелицѣ» и въ «Видѣніи мурзы» хотя не видно глубокаго взгляда поэта на дѣла Екатерины II, хотя онѣ и заключаютъ въ себѣ лишь одно внѣшнее перечисленіе ея доблестей и ея дѣлъ, безъ

истиннаго пониманія ихъ внутренняго значенія; но здѣсь все же слышна еще искренность чувства въ восторженныхъ похвалахъ императрицѣ. Тогда какъ похвалы въ «Изображеніи Фелицы» отзываются больше холодною лестію, нежели искреннимъ чувствомъ, и дышатъ натянутымъ восторгомъ. И это потому, что Державинъ написалъ эту оду въ 1789 году, когда былъ безъ мѣста и заискивалъ расположенія къ себѣ гр. Пл. Зубова, надѣясь черезъ него войти въ милость къ императрицѣ и получить мѣсто. Объ этомъ онъ говоритъ самъ въ своихъ «запискахъ», разсказывая, какъ послѣ напрасныхъ усилій получить доступъ къ гр. Зубову, *ему не осталось другаго средства, какъ прибѣгнуть къ своему таланту.* Вслѣдствіе чего (продолжаетъ Державинъ) написалъ онъ оду «Изображеніе Фелицы», и къ 22 сентября, т. е. ко дню коронованія императрицы, передалъ черезъ Эмина, который въ олонецкой губерніи былъ при немъ экзекуторомъ и былъ какъ-то Зубову знакомъ», (*) и проч. Тутъ-же въ «запискахъ» Державинъ признается, что хотя онъ и далъ слово императрицѣ, по ея желанію, «писать въ честь ея болѣе въ родѣ Фелицы», но не могъ болѣе «такихъ ей тонкихъ писать похвалъ, каковы въ одѣ Фелицѣ... видя дворскія хитрости и безпрестанные себѣ толчки». Сколько онъ ни запирался въ своемъ кабинетѣ, сидя по недѣлѣ — по его словамъ, — но все что писалъ, «выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ *цѣховыхъ* стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства». Невѣрность и противорѣчія въ сужденіяхъ о многихъ личностяхъ екатерининскаго вѣка мы находимъ у Державина на каждомъ шагу. Онъ воспѣлъ Потемкина въ одѣ «Побѣдителю» (1788), — въ самыхъ льстивыхъ и напыщенныхъ выраженіяхъ; и еще раньше въ одѣ «Рѣшемыслу» (1783), написанной въ честь Потемкина по просьбѣ кн.

(*) *Записки Гавріила Романовича Державина.* 1743—1812. Изданіе «Русской Бесѣды». М. 1860. См. стр. 298, 379 и друг. Для характеристики Державина какъ человѣка и писателя и вообще для характеристики его времени «записки» Державина представляютъ важный матерьялъ. Въ нихъ нѣтъ никакихъ литературныхъ достоинствъ, — онѣ даже написаны весьма плохимъ, неправильнымъ русскимъ языкомъ; въ нихъ мы видимъ то же отсутствіе глубины, ту же ограниченность во взглядѣ и пристрастныя сужденія поэта; но онѣ драгоцѣнны для изученія духа и характера того времени именно по своему наивному тону, по простой и безъискуственной — хотя, можетъ быть, — не всегда вѣрной и пристрастной передачѣ фактовъ.

Дашковой, онъ представилъ этого вельможу обладающимъ всѣми высокими качествами души и ума. И тотъ-же Потемкинъ изображенъ въ стихотвореніи «Вельможа» «вторымъ Сарданапаломъ», котораго вся жизнь протекла «средь игръ, средь праздности и нѣги», который жилъ «для себя лишь одного», не внимая слезамъ и голосу несчастныхъ. (Нужно еще замѣтить, что стихотвореніе «Вельможа» передѣлано изъ одной изъ раннихъ одъ Державина — «На знатность» — и появилось въ 1794 году, т. е. во время императора Павла, когда ни Потемкина, ни Екатерины II не было на свѣтѣ). Въ одѣ «Памятникъ герою» Державинъ прославляетъ кн. Н. В. Рѣпнина, — дѣйствительно одного изъ лучшихъ и честнѣйшихъ людей своего времени; онъ его называетъ «прямымъ героемъ», чуждымъ человѣческихъ страстей, врагомъ почестей и богатствъ, правдивымъ, мудрымъ, великодушнымъ, человѣкомъ, который

Вѣсами-ль гдѣ, мечемъ ли правитъ,
Ни тамъ, ни тутъ онъ не лукавитъ.
Его царь — долгъ; его Богъ — правда.

И потому, что Рѣпнинъ не захотѣлъ просить для Державина милости у императора Павла, онъ того же самаго Рѣпнина, котораго воспѣлъ въ такой пышной одѣ, называетъ въ своихъ «запискахъ» человѣкомъ, «который носилъ на себѣ личину благочестія и любви къ ближнему, а въ сердцѣ адскую гордость и лицемѣріе», и говоритъ, что «скоро низость души сего князя многіе узнали», и проч.

Причины указанныхъ нами явленій въ произведеніяхъ Державина, т. е. причины отсутствія глубины въ его воззрѣніяхъ и непониманія внутренняго значенія фактовъ и причины его невѣрнаго и пристрастнаго взгляда на предметы, заключаются: въ свойствахъ его стихотворнаго таланта, въ понятіяхъ современной литературной школы, въ скудной образованности, или лучше — въ полуобразованности Державина и наконецъ — въ природныхъ свойствахъ его личнаго характера и въ духѣ того времени.

Проблески истинной поэзіи встрѣчаются почти въ каждомъ, даже въ самомъ плохомъ и невыдержанномъ, стихотвореніи Державина: почти въ каждомъ изъ нихъ можно отмѣтить либо поэтическую мысль, либо силу и энергію чувства; почти въ каждомъ изъ нихъ можно ви-

дѣть смѣлый полетъ и избытокъ фантазіи, помогавшей ему рисовать нерѣдко величавые поэтическіе ȯбразы и картины; почти въ каждомъ изъ нихъ васъ можетъ поразить мѣстами замѣчательная яркость, блескъ и сила поэтической рѣчи, по которой державинскій стихъ всегда легко отличить въ кучѣ громозвучныхъ произведеній всѣхъ прочихъ пѣвцовъ реторической школы. Всѣ исчисленныя нами качества поэзіи Державина безспорно свидѣтельствуютъ, что онъ не былъ лишенъ творческихъ способностей и обладалъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ. Но — это былъ талантъ чисто-внѣшній, лишенный внутренней силы; т. е. талантъ, способный понимать и изображать въ поэтическихъ ȯбразахъ и картинахъ одну лишь внѣшнюю сторону дѣйствительныхъ явленій, но неспособный постигать и воспроизводить поэтически ихъ внутреннюю жизнь, ихъ внутренній смыслъ и значеніе: эта внутренняя сторона явленій не занимала Державина и оставалась для него неразгаданною, ибо въ его талантѣ не заключалось на столько глубины и силы поэтическаго постиженія вещей. Всѣ, даже лучшія, оды Державина о Екатеринѣ II, какъ напримѣръ, «Фелица», не заключаютъ въ себѣ ничего болѣе, кромѣ внѣшняго перечисленія ея доблестей и ея дѣлъ, т. е. то же самое, что говорили о императрицѣ, въ болѣе или менѣе напыщенныхъ стихахъ, и всѣ прочіе современные одописцы. Вся разница между ихъ похвалами и похвалами Державина заключается лишь въ болѣе простомъ, болѣе искреннемъ обращеніи послѣдняго къ императрицѣ и въ его шутливомъ тонѣ, да наконецъ въ очень не глубокой сатирѣ на вельможъ, допущенной съ намѣреніемъ, чтобы доблести Фелицы казались болѣе яркими, а высказанныя ей похвалы не показались бы слишкомъ рѣзкими. Но и тутъ поэтъ не избѣжалъ реторики и гиперболическихъ возгласовъ; напр.

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.

Или:

Прошу великаго пророка
До праха ногъ твоихъ коснусь, и проч.

Собственно же о дѣлахъ Екатерины здѣсь повторяется то же, что говорилось въ ея многочисленныхъ указахъ и узаконеніяхъ. Поэтъ

отъ себя не говоритъ ничего новаго, не бросаетъ новаго взгляда на предметы, не выясняетъ ихъ внутренняго значенія.

«Гиперболическій размахъ рѣчи», который Гоголь замѣтилъ у Державина, недоумѣвая, откуда онъ у него взялся, и вообще гиперболизмъ во взглядѣ и въ изображеніи предметовъ происходитъ также изъ свойства поэтическаго таланта Державина, способнаго создавать только подъ условіемъ внѣшняго возбужденія величавостію предметовъ. Когда сошелъ со сцены шумный вѣкъ Екатерины, съ его внѣшнимъ величіемъ и блескомъ, Державинъ не находитъ болѣе предметовъ для своихъ пѣснопѣній. Мы это видимъ изъ собственнаго признанія поэта и изъ его позднѣйшей стихотворной дѣятельности,—весьма слабой и лишенной всякихъ достоинствъ. Въ стихотвореніяхъ позднѣйшей эпохи онъ то не знаетъ «кому посвятить звукъ своей торжественной лиры» и говоритъ, что теперь наступили «дни тихіе, какъ листы», въ которые не «слышно» болѣе «хоровъ трубъ»; то сознается, что

Холодна старость духъ, у лиры гласъ отъемлетъ,
Екатерины муза дремлетъ.
. . . . Пѣть
Ужъ не могу, и проч.

Къ природному гиперболизму Державина во взглядѣ и въ изображеніи предметовъ присоединялись еще тогдашнія понятія о лирической поэзіи, какъ о пѣснопѣвческомъ и хвалебномъ искуствѣ, и современный реторизмъ школы и наконецъ — ограниченность идей и понятій, происходившая отъ его малообразованности и недостаточной развитости въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи. Отъ малообразованности же происходило и то, что природныя свойства личнаго характера Державина — горячность, вспыльчивость, самолюбіе,—не сдерживаемыя твердостію нравственныхъ убѣжденій, заставляли его часто невѣрно смотрѣть на предметы и превратно изображать ихъ. Подъ условіемъ внѣшней впечатлительности и минутнаго настроенія, онъ часто является измѣнчивымъ въ своихъ мнѣніяхъ, въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ. И наконецъ, офиціальная лесть и стихотворныя похвалы, которыми переполнены произведенія Державина, были въ духѣ того времени. Все это вмѣстѣ было причиною тѣхъ несовершенствъ и недостатковъ въ стихотвореніяхъ Державина, вслѣдствіе которыхъ, не от-

личаясь большими достоинствами въ эстетическомъ отношеніи, они не могутъ имѣть и серьёзнаго историческаго значенія, какъ невѣрное воспроизведеніе современныхъ фактовъ и явленій.

Историческое значеніе имѣютъ только тѣ изъ стихотвореній Державина, въ которыхъ онъ описываетъ сибаритскую жизнь русскихъ вельможъ XVIII вѣка, ихъ лукулловскіе пиры и наслажденія, и потомъ — его сатиры, въ которыхъ вѣрно изображены пороки и темныя стороны современной ему придворно-вельможной жизни. Къ первымъ принадлежатъ, какъ мы уже упоминали, стихотворенія: «На смерть Мещерскаго», «Къ первому сосѣду», «Гостю» и друг. Эти стихотворенія и болѣе выдержанны въ цѣломъ и болѣе прочихъ отличаются лучшими качествами державинской поэзіи: живостію и энергіею чувства, образностію и картинностію выраженій и звучнымъ, энергическимъ стихомъ. Ода «На смерть князя Мещерскаго» особенно замѣчательна по сильному и искреннему выраженію въ ней чувства отчаянія, при видѣ смерти, при мысли о ея неотразимомъ, всесокрушающемъ могуществѣ. Одного изъ счастливцевъ міра,—«сына роскоши, прохладъ и нѣгъ», у котораго «утѣхи, радость и любовь блистали вмѣстѣ съ здоровьемъ», вдругъ поражаетъ смерть, эта алчная смерть, которая грозитъ всѣмъ мірамъ, глотаетъ царства, отъ роковыхъ когтей которой не убѣгаетъ никакая тварь, ничто во вселенной;—и вотъ эта смерть наводтиъ Державина на тяжелыя и грустныя думы о ничтожествѣ человѣка, о непрочности земныхъ благъ и заставляетъ восклицать:

Сынъ роскоши, прохладъ и нѣгъ,
Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
Оставилъ ты сей жизни брегъ
Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
Гдѣжъ онъ? — онъ тамъ. — Гдѣ тамъ? — не знаемъ.
Мы только плачемъ и вздыхаемъ:
О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтѣ!

Этотъ ужасъ смерти и мысль о скоротечности жизни высказываются во многихъ стихотвореніяхъ Державина, и преимущественно въ тѣхъ, гдѣ объ руку съ ними выражается современный эпикурейскій

взглядъ на жизнь. Потому что умирать страшно, потому что жизнь коротка — «И смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ», — нужно пользоваться благами жизни, нужно «устроить ее себѣ къ покою» —

Пей, ѣшь и веселись, сосѣдъ;
На свѣтѣ жить намъ время срочно.

Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безпрерывно въ жизни сей!

Въ подобныхъ стихотвореніяхъ нѣтъ конечно глубокаго содержанія: въ нихъ выражается ничтожный, легкомысленный взглядъ на жизнь и на смерть; но это былъ взглядъ вѣка, взглядъ той вельможной среды XVIII столѣтія, къ которой принадлежалъ Державинъ, жизнь которой протекала въ вальтасаровскихъ пирахъ и наслажденіяхъ, которая въ роскоши и великолѣпныхъ пиршествахъ видѣла всю цѣль и разгадку жизни; и потому, понятно, что «глаголъ временъ, металла звонъ» долженъ былъ поразить страшнымъ смущеніемъ души пирующихъ, понятно, что

У всѣхъ тамъ цѣпенѣетъ кровь,

когда явилась «блѣдна смерть» и взглянула имъ въ глаза. Эти стихотворенія Державина, живо изображая черты и нравы современнаго вельможнаго быта, его эпикуреизмъ, «утѣхи и пріятности жизни» и вообще всю его роскошную внѣшность и отличаясь искренностію чувства, — вѣрны дѣйствительности, и потому дышатъ хотя не глубокой, но истинной поэзіей.

Тѣ же черты изъ жизни барства екатерининскихъ временъ выставлены и въ сатирическихъ стихотвореніяхъ Державина. Главнѣйшія изъ его сатиръ: «На счастье» и «Вельможа» доказываютъ, что онъ обладалъ, если и не сильнымъ, то тѣмъ не менѣе замѣчательнымъ сатирическимъ талантомъ. Но онъ имъ мало пользовался, мало писалъ въ сатирическомъ родѣ и самъ смотрѣлъ на сатиру какъ на шутку. Стихотвореніе «На счастье» (1789) написано имъ въ Москвѣ, когда онъ былъ отрѣшенъ отъ должности тамбовскаго губернатора. Въ негодованіи, что на него и на его просьбы объ оправданіи мало обращали вниманія и медленно освобождали его изъ-подъ суда, — онъ написалъ

злую сатиру на современное свѣтское общество, сатиру, исполненную многихъ рѣзкихъ и удачныхъ намековъ и выходокъ противъ тогдашнихъ политическихъ и общественныхъ понятій и взглядовъ. Замѣчательна въ ней слѣдующая строфа, которая ярко рисуетъ и понятія самаго Державина и современныя нравы. Поэтъ говоритъ, обращаясь къ счастію:

Бывало, ты меня къ боярамъ
Въ любовь введешь: беру все даромъ,
На вексель, въ долгъ безъ платежа;
Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюзжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры
И жаждутъ слова моего:
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету,
И въ грошъ не ставлю никого.

Вся сатира наполнена остроумныхъ намековъ и замѣтокъ о тогдашнемъ времени, и притомъ—выраженныхъ обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ, безъ риторическихъ прикрасъ, и съ допущеніемъ многихъ народныхъ словъ и выраженій. Напр.

Въ тѣ дни людскаго просвѣщенья,
. . . .
Какъ рѣзвости твоей примѣровъ,
Полна земля вся *кавалеровъ*
И цѣлый свѣтъ сталъ *бригадиръ*....

Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:
Политика и правосудье,
Умъ совѣсть и законъ святой
И логика *пиры пируютъ*....

Въ тѣ дни, какъ всюду ерихонцы
Не сѣютъ, но лишь жнутъ червонцы,
Ихъ денегъ *куры не клюютъ*;
Какъ вкусъ и нравы распестрились,
Весь міръ сталъ полосатый шутъ, и проч.

Въ сдѣланномъ нами очеркѣ мы старались выяснить всѣ главнѣйшіе элементы и мотивы державинской поэзіи. Мы не говорили только о ея моральной и дидактической сторонѣ. Моральный и дидактическій тонъ, нравственныя сентенціи и разсужденія входятъ дѣйствительно въ значительной степени почти во всѣ произведенія Державина, — но не составляютъ ихъ характеристической черты, не суть отличительныя свойства собственно державинской поэзіи. Поэзія безъ нравоученія въ то время была не мыслима, и нравственныя сентенціи и поученія встрѣчаются въ такой же мѣрѣ, какъ у Державина и у всѣхъ современныхъ ему стихотворцевъ. Изъ нихъ мы ничего не узнаемъ о личныхъ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ самаго Державина; да и эти послѣднія, при отсутствіи въ душѣ поэта глубокаго содержанія, не могутъ имѣть большой важности и значенія. Притомъ же всѣ нравственно-философскія сентенціи въ его стихахъ и разсужденія объ умѣренности, о добродѣтели, объ истинѣ, о человѣчности, о правдѣ и т. д., по ихъ сухости и холодности, по водянистой растянутости и принужденности и наконецъ, — по бездушнымъ реторическимъ возгласамъ, которыми они преимуществено отличаются за отсутствіемъ истиннаго чувства, составляютъ самую слабую сторону его произведеній. Самые стихи и языкъ въ подобныхъ піесахъ Державина по большей части бываютъ дурны, тяжелы и неправильны.

Еще Мерзляковъ находилъ, что въ стихахъ Державина «смѣло и открыто гремитъ голось правды»; за нимъ повторилъ проф. Шевыревъ, что въ поэзіи Державина выражается «идея правды» и недавно г. академикъ Гротъ назвалъ Державина «глашатаемъ правды». Но такое мнѣніе о Державинѣ едва-ли не основано лишь на томъ, что онъ самъ себя постоянно выставляетъ поборникомъ и называетъ «глашатаемъ» правды. Слово «правда» повторяется на каждомъ шагу, безпрерывно и въ стихахъ Державина и въ тѣхъ объясненіяхъ, которыми онъ постарался ихъ обогатить, и наконецъ въ его «запискахъ», написанныхъ съ цѣлію показать, что онъ претерпѣлъ въ своей жизни много непріятностей и обидъ именно изъ любви къ правдѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ собственно изъ стихотвореній Державина. Въ «Видѣніи мурзы» онъ говоритъ:

И въ шуткахъ правду возвѣщу;

въ «Памятникѣ»:

И истину царямъ съ улыбкой говорилъ;

въ стихотвореніи «Къ самому себѣ»:

Но я тѣмъ коль безполезенъ,
Что горячъ и въ правдѣ чортъ.

Во многихъ другихъ стихотвореніяхъ онъ повторяетъ, что «домогался лишь вездѣ единой правды», что онъ «судилъ, мирилъ, на сильныхъ мощь не зря» и «не давалъ волкамъ овечки скушать», что его «лишь правда научаетъ», что «лишь правда надъ вселенной царь», что

Долгъ поэта
Въ міръ правду вѣщать, и т. п.

Но между тѣмъ все, что мы знаемъ изъ долговременной жизни поэта удостовѣряетъ насъ, что слова его находились нерѣдко въ рѣзкомъ противорѣчіи съ дѣломъ и что онъ въ своей продолжителной стихотворной и служебной дѣятельности нерѣдко погрѣшалъ противъ правды. И послѣ того, какъ въ настоящее время изданы его «записки», гдѣ дѣятельность Державина и его время обрисовались съ такою наивно-поразительною вѣрностію, — говорить о Державинѣ, какъ о «глашатаѣ правды» — было бы болѣе чѣмъ странно. Поэтъ самъ чувствовалъ, что нѣкоторыя изъ извѣстнѣйшихъ его стихотвореній плохо вяжутся съ чувствомъ правды, о которой онъ такъ много говорилъ въ своей жизни. Въ двухъ одахъ своихъ къ Храповицкому онъ сознается, что въ иныхъ стихотвореніяхъ его много *мглистаго ѳиміама* и говоритъ:

Извини-жъ меня, мой другъ, коль лестно
Я кого гдѣ воспѣвалъ:
Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я похвалялъ.

И все таки, какъ мы знаемъ, онъ писалъ Потемкину панегирики, а потомъ написалъ на него же сатиру.

Въ этой же одѣ къ Храповицкому находятся слѣдующіе два стиха, характеризующія понятія державинскаго времени:

За слова — меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтитъ.

Гоголь передаетъ, что Пушкинъ, прочитавъ эти стихи, сказалъ:

«Державинъ не совсѣмъ правъ: *слова поэта суть уже его дѣла*». При этомъ самъ Гоголь, не смотря на все свое благоговѣніе передъ геніемъ Державина, обвиняетъ его въ легкомысленномъ обхожденіи со словомъ и тутъ же замѣчаетъ, что Державинъ «слишкомъ повредилъ себѣ, что не сжегъ покрайней мѣрѣ цѣлой половины одъ своихъ». (*)

Возгласы о правдѣ, объ умѣренности, о «священной добродѣтели», всѣ эти восклицанія, что «для возлюбившихъ правды гласъ лишь добродѣтели прекрасенъ», и т. п. какъ у Державина, такъ и у всѣхъ современныхъ стихотворцевъ употреблялись рѣшительно какъ піитическія украшенія для оды и вытекали изъ того дидактическаго направленія и взгляда на литературные предметы, который смотрѣлъ на поэзію, не заключавшую въ себѣ нравственныхъ поученій, не иначе какъ на «издѣвочныя сочиненія». Самъ Державинъ, въ противорѣчіе высказаннымъ имъ мыслямъ о высокомъ значеніи поэта, какъ напримѣръ: «Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ», «Въ могилѣ буду я, но буду говорить», «Я піитъ — и не умру», и проч., — въ другихъ мѣстахъ выражается о своихъ поэтическихъ занятіяхъ съ родомъ нѣкотораго пренебреженія и смотритъ на нихъ какъ на шуточное дѣло. Такъ въ «Видѣніи мурзы» онъ говоритъ, что ему царевны шлютъ дорогіе дары (намекъ на подарокъ императрицы за «оду Фелицѣ»)

За росказни, за ростабары,
За вирши, иль за что нибудь.

а въ стихотвореніи «Мой истуканъ» онъ выражается о своихъ стихахъ:

Мои бездѣлки
Безумно столько уважать.

И въ глазахъ общества, и въ глазахъ самихъ стихотворцевъ поэзія была или пріятною забавою или искуствомъ льстить и восхвалять своихъ милостивцевъ и благодѣтелей. Во времена Державина множество писателей пользовалось царскими милостями и наградами и царскимъ вниманіемъ; каждый поэтъ имѣлъ своего мецената, въ честь котораго сочинялъ торжественные стихи. Не смотря на покровительство самой императрицы, Державинъ постоянно заискивалъ благораспо-

(*) Выбран. мѣста изъ переп. съ друз. (Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. III, стр. 341—342).

ложенія и милостей у разныхъ сильныхъ магнатовъ, и для этого, какъ мы видѣли, нерѣдко не находилъ *другаго средства*, какъ прибѣгать къ своему *таланту*, т. е. къ сочиненію льстивыхъ одъ. Таковъ былъ духъ времени, и Державинъ въ этомъ отношеніи служитъ полнѣйшимъ его выраженіемъ. Понятно однако, что поэты и писатели, которые искали милостей у знатныхъ и находились подъ покровомъ и подъ вліяніемъ меценатства, могли высказывать въ своихъ произведеніяхъ только то, что нравилось ихъ меценатамъ или что было полезно лично для нихъ самихъ. Такое служебное и зависимое положеніе поэтовъ и литераторовъ конечно не могло быть благопріятно для ихъ произведеній: искренность чувства, смѣлость и энергія мысли и возвышенность стремленій — существенныя свойства всякаго высокаго поэтическаго произведенія — не могли выражаться свободно и непренуждено въ ихъ твореніяхъ. И слѣдственно, такіе поэты и писатели не могли быть передовыми дѣятелями своего времени и своего народа, способствовавшими развитію общественнаго самосознанія, общественной мысли.

Принадлежа вполнѣ по содержанію и направленію своихъ произведеній къ школѣ «высокой», реторической поэзіи, Державинъ способствовалъ однако, въ извѣстной степени, къ водворенію въ русскомъ стихотворствѣ большей простоты и естественности относительно его внѣшней формы и выраженія, относительно стихотворнаго языка и слога. «Забавный слогъ» и «шутки», допущенные имъ въ нѣкоторыхъ одахъ, употребленіе разнобразныхъ метровъ стиха, разговорный языкъ и народныя слова и выраженія, которыхъ Державинъ также не чуждался, — вотъ тѣ нововведенія, которыя онъ внесъ своими произведеніями въ русское стихотворство второй половины XVIII вѣка. Но плохое образованіе и плохое знаніе законовъ и формъ языка мѣшали стихамъ Державина быть совершенными и со стороны ихъ внѣшней формы. Потому и здѣсь у него нѣтъ ни одного стихотворенія, которое было бы вполнѣ выдержано и закончено: «Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы», — по словамъ Пушкина: отсутствіе плана и связности въ мысляхъ, быстрые переходы отъ одного предмета къ другому, прекрасные стихи на ряду съ плохими и тяжелыми встрѣчаются у него на каждомъ шагу.

Въ заключеніе нашего очерка о Державинѣ мы приведемъ слѣдующее сужденіе о немъ Гоголя, который — замѣтимъ однако — въ гиперболизмѣ Державина напрасно видитъ какія-то «исполинскія» свойства его поэзіи, дающія ему преимущество надъ прочими нашими поэтами. Сказавъ, что Державинъ умѣлъ съ необыкновеннымъ искуствомъ соединять въ своемъ слогѣ самыя высокія слова съ самыми низкими и простыми, Гоголь прибавляетъ: «Но надобно сказать, что какъ это, такъ и всѣ другія исполинскія свойства Державина, дающія ему преимущество надъ прочими поэтами нашими, превращаются вдругъ у него въ неряшество и безобразіе, какъ только оставляетъ его одушевленіе. Тогда все въ безпорядкѣ: рѣчь, языкъ, слогъ, все скрипитъ какъ телега съ невымазанными колесами, и стихотвореніе — точно трупъ, оставленный душою. Слѣды собственнаго неоконченнаго образованія, какъ въ умственномъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ, отразились очень замѣтно на его твореніяхъ».

Псевдоклассическая трагедія и комедія въ русской литературѣ и на русской сценѣ и сатира второй половины XVIII столѣтія. — При обозрѣніи дѣятельности Ломоносова мы видѣли, что онъ, желая дать русской литературѣ образцы всѣхъ родовъ поэзіи, господствовавшихъ въ его время въ литературахъ западно европейскихъ, сочинилъ двѣ «классическія», или «героическія» трагедіи: «Тамира и Селимъ» и «Демофонтъ». Но произведенія эти, лишенныя всякаго драматическаго движенія, холодныя и тяжелыя, не могли имѣть успѣха даже у современниковъ Ломоносова, не смотря на то, что первая изъ названныхъ трагедій была поставлена на сцену на придворномъ театрѣ, при императрицѣ Елисаветѣ,—какъ это видно изъ одного письма Ломоносова къ Шувалову. И не Ломоносову, а его литературному сопернику, Сумарокову, обязана наша литература водвореніемъ въ ней французской классической трагедіи и комедіи, долго служившихъ образцами для дѣятельности послѣдующихъ драматическихъ писателей нашихъ и долго державшихся на русской сценѣ.

Мы знаемъ въ какомъ состояніи находились до Сумарокова русская драма и сценическія представленія: весь театральный реперту-

аръ ограничивался духовными мистеріями, интермедіями и нѣсколькими переводами иностранныхъ піесъ, въ родѣ «Драгія Смѣяныя», — о которыхъ у насъ было говорено выше. Представленіе подобныхъ піесъ продолжалось и при Елисаветѣ, любившей и покровительствовавшей театральнымъ зрѣлищамъ. Въ это время, нѣмецкое вліяніе, начавшееся у насъ, какъ извѣстно, съ Петра, уступило мѣсто вліянію французскому и при дворѣ и въ высшемъ классѣ общества: французскій языкъ становился разговорнымъ языкомъ образованнаго общества и знакомство съ французской литературой считалось признакомъ образованности. При Аннѣ Ивановнѣ въ Петербургѣ давались нѣмецкія представленія и существовала итальянская опера и балетъ, а при Елисаветѣ была выписана французская труппа, которая давала трагедіи и комедіи; но постояннаго русскаго театра еще не существовало: русскія сценическія представленія происходили при дворѣ и въ «сухопутномъ шляхетскомъ» корпусѣ, гдѣ играли кадеты. Сумароковъ учился въ этомъ корпусѣ, пописывалъ стихи и читалъ ихъ въ «обществѣ любителей русской словесности», составившемся тамъ изъ корпусныхъ офицеровъ и лучшихъ кадетовъ. Подобно всей молодежи того времени, стремившейся къ образованію, онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ французской литературы и въ особенности увлекался драматическими произведеніями Корнеля, Расина и Вольтера, внушившими ему желаніе сочинить въ такомъ же родѣ русскую трагедію,—и онъ написалъ свою первую трагедію «Хоревъ», которая имѣла огромный успѣхъ. Она была сыграна кадетами въ корпусѣ, а потомъ императрица пожелала видѣть ее разыгранною и во дворцѣ. Затѣмъ Сумароковъ написалъ еще нѣсколько трагедій, между которыми особенно славилась «Семира», и которыя также были играны кадетами и въ корпусѣ и при дворѣ.

Съ именемъ Сумарокова — перваго русскаго драматическаго писателя — тѣсно связано имя *Волкова* — перваго русскаго актера, оказавшаго важныя услуги русской сценѣ при устройствѣ первыхъ русскихъ театровъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Волковъ, пасынокъ богатаго кожевеннаго заводчика въ Ярославлѣ, учился въ московской духовной академіи и принималъ участіе въ разыгриваніи студентами академіи духовныхъ драмъ. Это развило въ немъ любовь къ театраль-

нымъ представленіямъ. Проживая потомъ въ Петербургѣ, по торговымъ дѣламъ, онъ посѣщалъ итальянскую оперу и представленія въ кадетскомъ корпусѣ трагедій Сумарокова и еще болѣе пристрастился къ сценическому искуству. Возвратившись въ Ярославль, Волковъ образовалъ изъ своихъ братьевъ и знакомыхъ молодыхъ людей (дѣтей купцовъ и разночинцевъ) небольшую труппу актеровъ, устроилъ въ большомъ кожевенномъ сараѣ театръ и въ день имянинъ вотчима представилъ съ своею труппою переведенную съ нѣмецкаго драмму «Эсѳирь». Представленіе это привело въ восторгъ зрителей, между которыми находились ярославскій воевода Мусинъ-Пушкинъ и помѣщикъ Майковъ; они успѣли убѣдить ярославскихъ дворянъ и купцовъ къ устройству въ городѣ настоящаго театра. Театръ былъ построенъ, подъ руководствомъ Волкова, и открытъ оперой: «Титово милосердіе», имъ-же переведенной съ итальянскаго.

О представленіяхъ Волкова вѣсть дошла до императрицы и она приказала потребовать ко двору ярославскихъ актеровъ, гдѣ имъ поручили сыграть Хорева. Игра ихъ понравилась императрицѣ; но такъ какъ лучшіе изъ актеровъ (Дмитревскій, Шумскій, Поповъ) не имѣли нужнаго образованія, то ихъ помѣстили въ кадетскій корпусъ, а Волковъ оставленъ при дворѣ. Онъ былъ замѣчательно даровитый и прекрасно образованный человѣкъ: кромѣ курса ученія, пройденнаго въ московской духовной академіи, онъ зналъ языки нѣмецкій и итальянскій, занимался живописью, музыкой, пѣніемъ, скульптурой, рѣзьбой на деревѣ, много писалъ и переводилъ. Новиковъ и Фонъ-Визинъ отзываются съ большою похвалою о его замѣчательномъ умѣ и дарованіяхъ и о его сочиненіяхъ. Когда былъ основанъ первый русскій театръ въ Петербургѣ (1756), при дѣятельномъ участіи Волкова, хорошо знакомаго со сценой и съ театральнымъ дѣломъ во всѣхъ его частяхъ, онъ поступилъ туда въ качествѣ перваго актера; а Сумароковъ, завѣдывавшій до того театральными представленіями при дворѣ, былъ назначенъ директоромъ театра, съ обязанностію ставить въ тоже время на театръ и піесы своего сочиненія.

Личность Сумарокова, свойства его личнаго характера, какъ человѣка, рѣзко отразились въ его сочиненіяхъ и во многихъ случаяхъ были главною побудительною причиною его писательской дѣятельности.

*

1. *Сумароковъ*, Александръ Петровичъ (1718—1777) принадлежалъ по рожденію къ высшему сословію въ государствѣ. Отецъ его (дѣйствительный тайный совѣтникъ), до 15 лѣтъ, воспитывалъ сына дома, давъ ему въ воспитатели Зейдлера, бывшаго учителя императора Петра II. Потомъ онъ былъ отданъ въ сухопутный шляхетскій корпусъ, гдѣ воспитывались дѣти тогдашнихъ дворянъ. По выпускѣ изъ корпуса, Сумароковъ поступилъ въ адъютанты къ извѣстному вельможѣ елисаветинскаго времени, графу Разумовскому, черезъ что вошелъ въ кругъ тогдашняго высшаго общества, а своею привязанностію къ драмматическому искусству обратилъ на себя вниманіе Елисаветы, любившей театръ. Мы сказали, что впослѣдствіи онъ былъ сдѣланъ директоромъ театра; но къ концу царствованія Елисаветы (1761) былъ уволенъ отъ этой должности, — съ одной стороны вслѣдствіе невѣжества вельможныхъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на театръ, а съ другой — вслѣдствіе собственнаго раздражительнаго характера и крайне-мелочнаго самолюбія, которое у Сумарокова выходило изъ разумныхъ предѣловъ и дѣлало его личность нерѣдко смѣшною и жалкою. Впрочемъ съ увольненіемъ отъ должности директора театра, Сумарокову сохранено было его прежнее содержаніе, въ видѣ пенсіи за услуги театру, и съ тѣхъ поръ онъ посвятилъ свои труды исключительно драмматической дѣятельности и авторству. Черезъ нѣсколько времени послѣ отставки отъ должности директора театра, онъ переѣхалъ въ Москву, давалъ здѣсь свои піесы на театръ (устроенный также подъ руководствомъ Волкова вскорѣ послѣ петербургскаго), постоянно ссорился и съ театральнымъ управленіемъ и съ властями, разстроилъ свое состояніе, впалъ въ долги и умеръ здѣсь въ бѣдности и въ одиночествѣ. Во время его директорства неурядица по театру, недостатокъ знающихъ людей и матерьяльныхъ средствъ и т. п. причиняли ему — особенно при его раздражительномъ характерѣ — много хлопотъ и огорченій и заставили однажды, въ письмѣ къ Ив. Ив. Шувалову, сказать: «удивительно-ли будетъ, ваше п-во, что я отъ моихъ горестей сопьюсь, когда люди и отъ радостей спиваются»? Подъ конецъ жизни онъ дѣйствительно спился; отчего дошелъ до крайне-печальнаго состоянія, какъ въ нравственномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи физическаго здоровья, и ускорилъ свою смерть.

Кромѣ «Хорева» большою славою пользовались въ свое время слѣдующія трагедіи Сумарокова: «Синавъ и Труворъ», «Семира», «Димитрій Самозванецъ» и «Мстиславъ». Французская классическая трагедія и преимущественно трагедіи Расина и Вольтера служили Сумарокову образцомъ; онъ не только передѣлывалъ, но заимствовалъ изъ французскихъ трагедій планъ, идеи, характеры, даже цѣлыя сцены и монологи; такъ что дѣйствующія лица его трагедій — Синавы и Труворы, Мстиславы и Ростиславы, — русскіе по названію, — были лишь слабыми копіями Ипполитовъ, Британниковъ и Брутовъ французскихъ трагедій. Въ письмѣ Ломоносова (о которомъ мы говорыли выше) по поводу того, что Елагинъ назвалъ Сумарокова «россійскимъ Расиномъ», замѣчено: «*Россійскимъ Расиномъ*» Александръ Петровичъ по справедливости названъ, затѣмъ, что онъ его не токмо половину перевелъ въ своихъ трагедіяхъ порусски, но и самъ себя Расиномъ называть не гнушался. Что не ложь, то правда». Защищаясь отъ подобныхъ обвиненій, Сумароковъ самъ сознается, что онъ «изъ сочиненій г. Вольтера, г. Расина и г. Корнеля не таясь заимствовалъ», что въ его «Хоревѣ» «есть подражанія, а стиховъ пять-шесть есть и переводныхъ», и оправдываетъ себя тѣмъ, что самъ Расинъ многое заимствовалъ для своихъ трагедій изъ греческихъ трагиковъ.

Существенное свойство французской трагедіи — представлять главныхъ дѣйствующихъ лицъ или героями добродѣтели или чудовищами злодѣйства, т. е. изображать человѣка по одной какой-либо господствующей страсти (напр.: любви, ревности, коварству и т. п.) и притомъ — въ моментъ исключительнаго ея господства надъ человѣкомъ, это свойство доведено въ трагедіяхъ Сумарокова до крайнихъ предѣловъ неестественности и насильственнаго изображенія. Но тѣмъ не менѣе, его трагедіи пользовались большимъ успѣхомъ у современниковъ, величавшихъ его, какъ мы видѣли, «россійскимъ Расиномъ» и т. п. Особенно трагедіи: «Хоревъ», «Семира» и «Димитрій Самозванецъ» собирали ихъ автору богатую дань рукоплесканій. Когда давали Димитрія Самозванца, трудно было найти свободное мѣсто въ театрѣ; онъ давался на провинціальныхъ театрахъ еще въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія и всегда привлекалъ многочисленную публику. А

между тѣмъ — это едва-ли не самое лживое произведеніе и по отношенію неестественности выведенныхъ характеровъ и крайней искуственности въ ихъ развитіи и по отношенію невѣрности изображаемой дѣйствительности. Здѣсь самозванецъ изображенъ какимъ-то неслыханнымъ тираномъ и злодѣемъ—на словахъ, а на дѣлѣ является ничтожнымъ и мелкимъ трусомъ; Ксенія, дочь боярина Шуйскаго, которую полюбилъ самозванецъ, говоритъ высоко-патріотическія и напыщенныя рѣчи и проповѣдуетъ такія идеи, о которыхъ русская женщина того времени никогда не слыхивала, и т. п. Но всѣ эти громкія фразы и внѣшнія эффекты увлекали тогдашнихъ зрителей; нѣкоторые монологи и стихи изъ трагедій Сумарокова были извѣстны въ публикѣ наизустъ; напыщенная и нелѣпая фраза, которую говоритъ самозванецъ закалываясь:

Иди душа во адъ, и буди вѣчно плѣнна!
Ахъ если бы со мной погибла вся вселенна! —

приводила въ неописанный восторгъ и образованное общество, знакомое съ французской трагедіей, и необразованную публику.

Изъ одного монолога самозванца видно, что Сумароковъ былъ знакомъ и съ Шекспиромъ (*),—конечно въ передѣлкѣ французскихъ переводчиковъ, которые, какъ извѣстно, находили, что Шекспиръ писалъ безъ всякихъ правилъ, и потому передѣлывали и *очищали* его трагедіи, т. е. безобразили ихъ на свой ладъ.

Изъ трагедій Сумарокова конечно нельзя заключить, чтобы онъ обладалъ поэтическимъ талантомъ; но нельзя также отвергать въ немъ способности рисовать эффектныя сцены и положенія. И этимъ-то эффектнымъ сценамъ, при игрѣ даровитыхъ актеровъ, (**) трагедіи Сумарокова обязаны собственно тѣмъ успѣхомъ, которымъ они пользовались на современной сценѣ.

Дѣятельность Сумарокова, какъ писателя, не ограничивалась сочи-

---

(*) Тоже самое доказываетъ и трагедія Сумарокова «Гамлетъ». На критику Тредьяковскаго, что она переведена «съ французской прозы англійской Шекспировой трагедіи» — Сумароковъ отвѣчалъ: «Гамлетъ мой, кромѣ монолога въ окончаніи 3-го д. и Клавдіева на колѣни паденія, на Шекспирову трагедію едва едва походитъ».

(**) Каковъ былъ, напримѣръ, Дмитревскій — по общему отзыву — человѣкъ съ замѣчательнымъ сценическимъ талантомъ и образованіемъ.

неніемъ однѣхъ трагедій. Сообразуясь съ духомъ времени и желая подражать Вольтеру, съ которымъ онъ былъ въ перепискѣ, онъ писалъ во всѣхъ родахъ, въ стихахъ и въ прозѣ. Кромѣ трагедій и торжественныхъ одъ,—которыя онъ сочинялъ изъ соперничества съ Ломоносовымъ,—Сумароковъ писалъ еще: комедіи, сатиры, эпистолы, эклоги, и т. п., писалъ критическія статьи по литературнымъ и общественнымъ предметамъ и издавалъ журналъ «Трудолюбивая Пчела».

Гораздо меньшій успѣхъ имѣли на современной сценѣ его комедіи. Извѣстнѣйшія изъ нихъ: «Опекунъ», «Лихоимецъ» и «Трессотиніусъ». Комедіи его, по большей части, такое же подражаніе и передѣлка иноземныхъ образцовъ, какъ и его трагедіи. Въ «Лихоимцѣ» выставленъ скряга-ростовщикъ въ подражаніе Мольерову Гарпагону. Въ комедіи «Трессотиніусъ» Сумароковъ, въ лицѣ ученаго невѣжи-педанта, вывелъ на сцену Тредьяковскаго; но, начиная съ имени Трессотина, взятаго у Мольера, все въ этой комедіи, какъ и во всѣхъ другихъ, заимствовано изъ чужихъ образцовъ и довольно грубо передѣлано на русскіе нравы. Недостатокъ истиннаго комизма въ этихъ піесахъ Сумарокова замѣняется нерѣдко рѣзкими личностями и сатирическими выходками противъ современности.

Слѣдующее сужденіе князя Вяземскаго хорошо и вѣрно характеризуетъ сущность и значеніе комедій Сумарокова: «Комедіи его бѣдны содержаніемъ, расположеніемъ и искуствомъ; но какая-то оригинальность, бѣглый огонь сатирическій, хотя и не драматическій, мѣстами искупаютъ въ нихъ главнѣйшіе недостатки. Въ умѣ его была живость, въ авторскомъ темпераментѣ раздражительность. Брюзгливыя выходки патріотизма, болѣе полицейскаго, нежели государственнаго, при видѣ частныхъ безпорядковъ и злоупотребленій, придаютъ многимъ сценамъ его странное движеніе. Онъ часто переносилъ *горячій памфлетъ въ свои холодныя комедіи*». Какъ бы то ни было, но Сумароковъ первый сдѣлалъ попытку на комедію изъ русскихъ нравовъ, и этимъ конечно оказалъ услугу литературѣ, указавъ путь другимъ, болѣе способнымъ драматическимъ писателямъ. Замѣчательнѣе всего, что Сумароковъ думалъ писать свои комедіи для исправленія нравовъ Москвы и ея невѣжества, которымъ — по его словамъ — въ Москвѣ «всѣ улицы вымощены толщиною аршина на три». Слѣдующіе

стихи Сумарокова показываютъ его собственное понятіе о назначеніи и предметѣ комедіи:

Свойство комедіи — *издѣвкой править нравъ.*
Смѣшить и пользовать прямой ея уставъ.
Представь безумнаго подъячаго въ приказѣ,
Судью, что не пойметъ что писано въ указѣ;
Представь мнѣ щеголя, кто тѣмъ вздымаетъ носъ,
Что цѣлый мыслитъ вѣкъ о красотѣ волосъ;
Который родился, какъ мнитъ онъ для амуру,
Чтобъ гдѣ нибудь къ себѣ склонить такую жъ дуру.
Представь латынщика на диспутѣ его,
Который не совретъ безъ *ergo* ничего, и проч.

Комедіи Сумарокова, равно какъ и его сатиры и нѣкоторые эклоги, басни и критическія статьи, касаясь современныхъ нравовъ и понятій, осмѣивая и преслѣдуя современныя слабости и пороки, въ высшей степени интересны для насъ при изученіи духа эпохи и современнаго общества. Въ стихотвореніи «Піитъ и другъ» онъ говоритъ, что гдѣ бы онъ ни жилъ—въ Москвѣ, въ лѣсу или въ полѣ, будетъ ли онъ богатъ или бѣденъ, онъ нигдѣ не останется «безъ обличенія презрительныхъ вещей».

И такъ, поставивъ себѣ цѣлію — обличеніе и находя, что «презрительныя вещи», о которыхъ онъ говоритъ, происходили въ жизни русскаго общества того времени вслѣдствіе невѣжества и вслѣдствіе поверхностнаго, ложно-понятаго европейскаго образованія, Сумароковъ, со всею грубостію и цинизмомъ своего слога, преслѣдуетъ въ своихъ комедіяхъ и сатирическихъ статьяхъ—съ одной стороны дворянскую спѣсь, пороки стариннаго барства, ханжество и грубое невѣжество, лесть и лицемѣріе, жадность ростовщиковъ, самовластіе помѣщиковъ, взяточничество, казнокрадство и лицепріятіе въ судьяхъ и подъячихъ, которыхъ онъ постоянно называетъ то «крапивнымъ сѣменемъ», то «хамовымъ отродьемъ», и т. п., а съ другой — онъ рѣзко смѣется надъ современными модниками, или петиметрами (которыхъ — по его словамъ — преобразованіе Петра коснулось лишь тѣмъ, что они «изъ человѣковъ ненапудренныхъ превратились въ напудренную скотину»), надъ излишнимъ употребленіемъ французскаго

языка и пренебреженіемъ роднаго и т. п. и наконецъ надъ учеными педантами, подъ именемъ которыхъ онъ вооружался не только противъ Тредьяковскаго, но и противъ Ломоносова.

Изъ этого мы видимъ, что главные мотивы и предметы сатиры Сумарокова въ сущности остались тѣ же самые, что были и у Кантемира. Измѣнились въ ней лишь нѣкоторыя внѣшнія черты, образовавшіяся съ теченіемъ времени въ русскомъ обществѣ вслѣдствіе реформы Петра, какъ напримѣръ: употребленіе французскаго языка и т. п.

Что же касается до самаго характера и свойствъ сатиры Сумарокова, какъ въ его комедіяхъ, такъ и въ другихъ сочиненіяхъ; то здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что хотя онъ является въ своихъ сатирахъ рѣшительнымъ поборникомъ просвѣщенія и гонителемъ современныхъ слабостей и пороковъ; но нетвердость нравственныхъ убѣжденій самаго сатирика, не глубокое усвоеніе, а лишь поверхностное знакомство съ идеями Вольтера и другихъ иностранныхъ писателей, которыми онъ щеголяетъ въ своихъ сочиненіяхъ (какъ напримѣръ: идеи противъ сословныхъ и другихъ предразсудковъ, идеи о гуманныхъ отношеніяхъ между людьми, о достоинствѣ человѣческой личности, и т. п.) и наконецъ свойства личнаго характера Сумарокова — смѣшное и чрезмѣрное самолюбіе, крайняя раздражительность, хвастовство и тщеславіе (которыя едва ли не были главнымъ стимуломъ его сатирическаго таланта), — все это не даетъ намъ права придавать сатирѣ Сумарокова серьёзное, общественное значеніе. Истинная сатира есть выраженіе негодованія души высокой и благородной, возмущаемой пороками и недугами общественными, есть сознательное обличеніе и борьба со зломъ самаго сатирика, носящаго въ душѣ своей сознательный идеалъ добра и лучшей жизни. Тогда какъ сатирическія нападки Сумарокова на современность вытекали большею частію изъ инаго источника: личный нравъ сатирика, его личная раздражительность и личныя интересы играютъ въ нихъ едва-ли не главную роль. Обличая невѣжество, безнравственность, сословныя предразсудки, обезъянство европеизму и т. п. онъ вездѣ становится адвокатомъ своего дѣла, своихъ личныхъ интересовъ; всюду ставитъ собственную личность на первый планъ и выступаетъ съ раздражительными выходками своего самолюбія и сарказмами не столько противъ безнравственныхъ враговъ

истиннаго просвѣщенія, сколько противъ своихъ собственныхъ враговъ или людей, непріятныхъ ему лично. Онъ, напримѣръ, ратуетъ противъ сословныхъ предразсудковъ въ слѣдующей филиппикѣ: «Слово чернь — говоритъ онъ — принадлежитъ низкому народу, а не слово «подлый народъ»; у насъ сіе имя дается всѣмъ тѣмъ, кто не дворяня. Дворянинъ! великая важность!... О несносная дворянская гордость, достойная презрѣнія. Истинная чернь суть невѣжды, хотя бы они и великіе чины имѣли, богатство Крезово и влекли бы свой родъ отъ Зевса и Юноны, которыхъ никогда не бывало, отъ сына Филиппова, побѣдителя, или паче, разорителя вселенныя, отъ Юлія Цесаря, утвердившаго славу римскую, или паче, разрушившаго оную», и проч. А между тѣмъ все это сказано Сумароковымъ изъ досады на московскую публику, которая хорошо приняла на театрѣ переведенную съ французскаго какимъ-то чиновникомъ мелодраму Бомарше «Евгенія», — что Сумароковъ, не выносившій никакого литературнаго совмѣстничества, счелъ ущербомъ для своей славы русскаго драматическаго писателя и для своихъ трагедій и комедій. Здѣсь же, по поводу того, что во Франціи и у насъ началъ вводиться новый родъ драммы, которую осуждали классики и самъ Вольтеръ и которую Сумароковъ называетъ «новымъ и пакостнымъ родомъ слезной комедіи»,— онъ говоритъ эти извѣстныя слова: «Неужели Москва болѣе повѣритъ подъячему (переводчику драммы «Евгенія»), нежели г. Вольтеру и мнѣ»? Мы знаемъ также, что, являясь съ протестами противъ дворянской спѣси и противъ чванства чинами и происхожденіемъ, самъ Сумароковъ корилъ Ломоносова названіемъ «холмогорскаго мужика»; знаемъ, что онъ избилъ палкою купца, который, видя его въ халатѣ, не сказалъ ему «ваше превосходительство». Его нападки на судей и подъячихъ имѣли источникомъ не одно только чувство негодованія противъ того, что святое дѣло правосудія было оскверняемо неправдою и лихоимствомъ; а личныя непріятности, которыя испытывалъ самъ Сумароковъ, имѣя дѣло въ судахъ и дѣловыя сношенія съ приказными, причемъ онъ былъ вынужденъ дать одному дьяку взятку въ 50 рублей. Словомъ, личность автора, его личныя отношенія къ предметамъ и явленіямъ современности занимаютъ всегда самое видное мѣсто почти во всѣхъ его сатирическихъ произведеніяхъ. Извѣстно, какъ онъ ревниво

стоялъ за свою литературную славу и до какого доходилъ комизма, когда вопросъ касался его заслугъ русскому театру и вообще русской литературѣ. Тутъ его завистливость, хвастовство и раздражительное самолюбіе не знали предѣловъ. Онъ хотѣлъ быть законодателемъ языка и литературы и безъ церемоній говорилъ, что «авторъ въ Россіи не только по театру, но и по всей поэзіи онъ одинъ»; онъ постоянно хвастался своими сочиненіями, своимъ «перомъ», (*) своею извѣстностію, перепискою съ «господиномъ Волтеромъ» и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что Сумароковъ въ своей сатирической дѣятельности является защитникомъ просвѣщенія и врагомъ невѣжества, что онъ ратуетъ за прогрессъ и движеніе общества; но современное состояніе русскаго общества и то жалкое положеніе, въ какомъ находился посреди его русскій писатель, да наконецъ шаткость убѣжденій самаго Сумарокова и его мелкая раздражительность лишаютъ его сатирическія произведенія того достоинства и значенія, которыми обыкновенно отличается истинная сатира, карающая недуги общественныя и нравственныя недостатки въ людяхъ съ разумнымъ сознаніемъ и вытекающая изъ чистыхъ стремленій къ идеальному добру.

Но при всемъ томъ дѣятельность и стремленія Сумарокова не были безплодны для своего времени. Главная заслуга его заключается въ томъ, что въ своихъ сатирическихъ и критическихъ статьяхъ онъ затрогивалъ живые вопросы, прямо касавшіеся жизни и интересовъ общества. Нападая на современныя нравы, разсуждая о предметахъ нравственныхъ, политическихъ и литературныхъ, онъ вносилъ въ оборотъ и распространялъ въ малообразованномъ русскомъ обществѣ своего времени здравыя и полезныя понятія о многихъ вещахъ, а главное — зараждалъ въ немъ охоту къ чтенію и театру, — и этимъ конечно способстновалъ къ образованности общества. Вотъ почему онъ былъ рѣшительнымъ любимцемъ современной публики, предпочитавшей его сочиненія литературнымъ трудамъ самаго Ломоносова, не смотря на огромное дарованіе послѣдняго и на его слогъ

(*) Въ статьѣ «О путешествіяхъ» онъ говоритъ: Каково мое перо, о томъ всѣ ученѣйшіе въ Европѣ знаютъ.... Если бы такимъ перомъ, каково мое, описана была вся Европа, не дорого бы стоило Россіи ежели бы она и триста тысячъ рублевъ на это безвозвратно употребила.» Въ одномъ письмѣ къ Олсуфьеву императрица Екатерина называетъ Сумарокова une tête chaude, qui commence à perdre lea tramontane, si elle n'estvpas deja perdue depuis longtems »

и языкъ, — всегда чистый, сильный и благородный. Тогда какъ почти всѣ сочиненія Сумарокова написаны съ большою небрежностію и отличаются грубымъ, неправильнымъ, часто тривіальнымъ языкомъ. Новиковъ въ (*Опытѣ историч. словаря о рос. писат.*) говоритъ о Сумароковѣ, что онъ сочиненіями своими «пріобрѣлъ себѣ великую и безсмертную славу не только отъ Россіянъ, но и отъ чужестранныхъ академій и славнѣйшихъ иностранныхъ писателей».

---

2. **Фонъ-Визинъ**, Денисъ Ивановичъ (1744—1792). — Сатира, играющая весьма видную роль въ нашей новой литературѣ, была начата у насъ, какъ мы видѣли, вслѣдъ за реформой Петра. Кантемиръ былъ первымъ представителемъ русской сатиры; затѣмъ сатирическое направленіе выразилось въ литературныхъ трудахъ Сумарокова и наконецъ проявилось съ гораздо большею полнотою и въ болѣе сильныхъ и рѣзкихъ чертахъ въ произведеніяхъ Фонъ-Визина и въ сатирическихъ журналахъ семидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія.

Фонъ-Визинъ родился и воспитывался въ Москвѣ; старикъ отецъ очень рано выучилъ его грамотѣ; будучи человѣкомъ религіознымъ, онъ часто заставлялъ сына читать церковныя книги. Чтенію этому Фонъ-Визинъ приписывалъ впослѣдствіи свои познанія въ русскомъ языкѣ. На одинадцатомъ году онъ, какъ дворянинъ, былъ записанъ, по тогдашнему обычаю, въ солдаты гвардіи и оставленъ дома для обученія наукамъ. Въ это время только что были основаны московскій университетъ и гимназія, въ которую и былъ отданъ молодой Фонъ-Визинъ, откуда потомъ перешелъ въ университетъ. Большихъ познаній онъ здѣсь не пріобрѣлъ, хотя и говоритъ самъ, что обучался языкамъ и разнымъ наукамъ, получилъ въ награжденіе медаль на экзаменѣ и былъ всегда на хорошемъ счету, какъ одинъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ воспитанниковъ; такъ, что когда начальству заведенія нужно было блеснуть передъ кураторомъ университета (Шуваловымъ) успѣхами воспитанниковъ и представить ему лучшихъ изъ нихъ; то въ числѣ выбранныхъ и отправленныхъ къ нему въ Петербугъ съ этою цѣлію десяти воспитанниковъ находился и Фонъ-Визинъ. Въ Петербургѣ Фонъ-Визинъ, вмѣстѣ съ прочими воспитанниками, былъ представленъ ко двору, посѣщалъ театръ, въ домѣ Шу-

валова встрѣтился и познакомился съ Ломоносовымъ, а у своего дяди сошелся съ извѣстными тогда актерами—Волковымъ и Дмитревскимъ,—однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Дмитревскій сдѣлался впослѣдствіи другомъ Фонъ-Визина.

Возвратившись въ Москву, молодой Фонъ-Визинъ принялся за изученіе французскаго языка, и скоро мы видимъ его работающимъ на книгопродавцевъ. Въ 1761 былъ уже напечатанъ его переводъ «Басней Гольберга», а потомъ переводы: пользовавшагося въ то время извѣстностію романа аббата Террасона: Sethos, подъ заглавіемъ: «Жизнь Сиѳа, царя египетскаго», и трагедіи Вольтера «Альзира»,—переводъ въ стихахъ и весьма плохой, который, по словамъ князя Вяземскаго—біографа Фонъ-Визина—долженъ быть признанъ за ученическое упражненіе въ стихотворствѣ и во французскомъ языкѣ. Въ 1762 году Фонъ-Визинъ вступилъ въ службу сержантомъ гвардіи и сдѣлался извѣстенъ вице-канцлеру, князю Голицыну, который перевелъ его въ иностранную коллегію. Тутъ онъ обратилъ на себя вниманіе канцлера, графа Воронцова, поручившаго ему переводъ важныхъ бумагъ. Въ награду за службу онъ въ томъ же году былъ посланъ съ порученіемъ къ шверинскому двору, а на слѣдующій годъ перешелъ на службу къ Елагину, бывшему тогда кабинетъ-министромъ и пользовавшемуся славою умнаго человѣка и писателя. При Елагинѣ служилъ также, въ должности секретаря, Лукинъ, авторъ извѣстныхъ въ свое время и нынѣ совершенно забытыхъ комедій, который, угадавъ въ Фонъ-Визинѣ опаснаго соперника, дѣлалъ ему большія непріятности по службѣ. Въ это же время онъ познакомился съ академикомъ Тепловымъ, который былъ впослѣдстіи сенаторомъ. Вслѣдствіе знакомства съ Тепловымъ онъ принялся за переводъ сочиненія знаменитаго англійскаго богослова Самуила Кларка: «Доказательства бытія Божія». Поводомъ къ этому переводу было особенное настроеніе души, въ которомъ въ эту эпоху находился Фонъ-Визинъ.

Высшій классъ русскаго общества временъ Екатерины, стараясь подражать во всемъ жизни современнаго французскаго общества, находился болѣе или менѣе подъ вліяніемъ идей и ученія философовъ-энциклопедистовъ XVIII вѣка, распространявшихся въ европейской публикѣ посредствомъ французскаго языка, который въ то время былъ языкомъ всего

образованнаго общества въ Европѣ, а съ царствованія Елисаветы сталъ сильно распространяться и у насъ. Дворъ и нѣкоторые русскіе вельможи находились въ перепискѣ съ Дидро, съ Даламберомъ и въ особенности съ Вольтеромъ, съ которымъ императрица Екатерина вела дѣятельную и продолжительную переписку о важнѣйшихъ предметахъ государственнаго управленія. Даламбера императрица приглашала въ Россію, желая сдѣлать его воспитателемъ великаго князя, наслѣдника престола; Гельвецій посвятилъ ей свою знаменитую книгу «О человѣкѣ»; а Дидро, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, нашелъ радушный пріемъ и при дворѣ и во всѣхъ кружкахъ образованнаго общества столицы. Сочиненія Монтескьё, знаменитаго итальянскаго криминалиста— Беккаріи, Вольтера и энциклопедистовъ, — которыхъ онъ признавался главою,—были болѣе или менѣе извѣстны русскимъ людямъ того времени, желавшимъ слыть образованными. Нѣкоторые изъ сочиненій названныхъ писателей были переводимы на русскій языкъ. Вотъ почему, духъ скептицизма и сомнѣній и взглядъ философовъ-матерьялистовъ XVIII столѣтія на многіе вопросы религіи и нравственности проглядывалъ во внѣшней жизни и въ образѣ мыслей нѣкоторыхъ личностей изъ русскаго образованнаго общества екатерининской эпохи. Но въ большинствѣ случаевъ этотъ скептицизмъ и идеи философовъ XVIII вѣка конечно были у насъ своего рода модою и щегольствомъ—такъ же точно, какъ и самый французскій языкъ, посредствомъ котораго эти идеи врывались къ намъ и обращались въ извѣстной части современнаго общества. Понятно поэтому, что при такомъ порядкѣ вещей, знакомство наше съ тогдашними европейскими идеями могло быть только поверхностное, внѣшнее, — какъ это и было на самомъ дѣлѣ, — и наши «вольтеріанцы» прошлаго столѣтія, щеголявшие скептическими идеями, отличались только легкостію нравовъ, порожденныхъ внѣшнимъ европеизмомъ, и прекрасно уживались и съ крѣпостнымъ правомъ, и со всею уродливою патріархальностію отношеній въ служащемъ сословіи, съ сословными и другими предразсудками, словомъ со всѣмъ тѣмъ, противъ чего собственно и вооружалась практическая философія XVIII вѣка и что накопилось въ русской жизни ходомъ предыдущей исторіи. Но въ настоящемъ случаѣ для насъ важенъ тотъ фактъ, что во времена Фонъ-Визина, посреди пе-

тербургскаго общества, существовали такъ называемые тогда «вольтеріанцы», величавшіе себя послѣдователями философскихъ идей Вольтера и энциклопедистовъ. Молодой Фонъ-Визинъ, попавъ въ ихъ среду, съ понятіями о религіи и нравственности, вынесенными изъ патріархально-русскаго дома родительскаго, невольно пришелъ въ смущеніе, услышавъ въ обществѣ мнѣнія рѣзкія и совершенно противоположныя его прежнимъ понятіямъ о многихъ важныхъ предметахъ. Отсюда-то происходитъ нѣкоторый родъ скептицизма и колебаніе въ мнѣніяхъ самаго Фонъ-Визина, отразившіеся отчасти и въ нѣкоторыхъ его сочиненіяхъ, какъ напримѣръ, въ «Посланіи къ слугамъ моимъ». Но въ своемъ «Чистосердечномъ Признаніи» (автобіографія Фонъ-Визина, которую онъ не успѣлъ окончить) онъ даетъ уразумѣть, какъ тяготило его такое состояніе души. И въ эту-то пору онъ познакомился съ Тепловымъ, который навелъ его на сочиненіе Самуила Кларка, — вѣроятно имѣвшее вліяніе на успокоеніе его душевнаго состоянія.

Около этого же времени, т. е. около 1764 или 1765, была напечатана комедія Фонъ-Визина «Бригадиръ», которая доставила ему извѣстность даровитѣйшаго изъ русскихъ писателей и имѣла полнѣйшій успѣхъ въ средѣ избраннаго петербургскаго общества. «Начиная отъ государыни — говоритъ кн. Вяземскій — и молодаго наслѣдника, всѣ первѣйшія лица Петербурга на-перерывъ приглашали автора и слушали чтеніе его комедіи». Въ 1770 году Фонъ-Визинъ переходитъ на службу, въ должности секретаря, къ графу Никитѣ Ивановичу Панину, который управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и которому императрица ввѣрила воспитаніе наслѣдника престола. Служба при графѣ Панинѣ имѣла для Фонъ-Визина чрезвычайно важное значеніе, открывъ его уму и способностямъ поприще дипломатической и политической дѣятельности. Графъ Панинъ считается въ исторіи русской дипломатіи однимъ изъ умнѣйшихъ дипломатовъ и замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей своей эпохи; заслугамъ его императрица Екатерина придавала весьма важное значеніе. Фонъ-Визинъ съ перваго знакомства съ гр. Панином и до его смерти пользовался неограниченнымъ довѣріемъ этого министра и былъ постояннымъ посредникомъ между нимъ и главнѣйшими изъ современныхъ русскихъ дипло-

матовъ, ведя съ ними дѣятельную переписку то дѣловую, то совершено дружескую.

Фонъ-Визинъ совершилъ въ теченіе своей жизни четыре заграничныхъ путешествія, много способствовавшихъ, безъ сомнѣнія, къ развитію его наблюдательнаго таланта и къ пополненію его образованія. Въ первый разъ, какъ мы видѣли, онъ ѣздилъ въ Шверинъ, съ порученіемъ по службѣ. Второе путешествіе онъ предпринялъ во Францію, вслѣдствіе нездоровья жены, и пробылъ около двухъ мѣсяцевъ въ Монпельё, который славился своимъ медицинскимъ факультетомъ. На пути онъ посѣтилъ многіе города Германіи и Франціи; изъ Монпельё онъ пріѣхалъ въ Парижъ и прожилъ тамъ нѣкоторое время. Въ эту поѣздку Фонъ-Визинъ написалъ свои извѣстныя «Письма изъ Франціи къ гр. П. И. Панину», отличающіяся тонкою наблюдательностію и чрезвычайно рѣзкими сужденіями о французской политикѣ и нравственномъ состояніи самаго народа. Во Франціи онъ не тратилъ времени даромъ. Въ Монпельё (*) къ нему ходилъ адвокатъ, съ которымъ занимался онъ изученіемъ юриспруденціи; въ Парижѣ онъ слушалъ курсъ физики у Бриссона, заводилъ знакомства съ учеными и литераторами, учавствовалъ въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ и принятъ былъ членомъ въ одно изъ нихъ. Многія изъ писемъ Фонъ-Визина этой эпохи, какъ полагаетъ князь Вяземскій, утрачены—вѣроятно во время московскаго пожара въ 1812 году. По возвращеніи изъ Франціи, Фонъ-Визинъ написалъ «Недоросля», и вскорѣ потомъ, по нездоровью, а можетъ быть и вслѣдствіе смерти гр. Панина, бросилъ службу. Въ 1784 году предпринялъ онъ третее путешествіе за границу. Проѣхавъ часть Германіи, черезъ Тироль прибылъ онъ въ Италію и въ восемь мѣсяцевъ успѣлъ объѣздить почти всѣ главныя города ея. Въ Италіи все вниманіе Фонъ-Визина привлекаютъ памятники искуствъ и художествъ; онъ посѣщаетъ картинныя галлереи и хранилища искуствъ, живетъ съ картинами и статуями и — по его словамъ — боится, чтобы «самому не превратиться въ бюстъ»; про храмъ св. Петра въ Римѣ онъ говоритъ, что храмъ этотъ, кажется ему «созданъ Богомъ для самаго себя». Вообще письма и замѣчанія Фонъ-Визина объ Италіи не менѣе интересны его писемъ изъ Франціи и облича-

(*) Фонъ-Визинъ, кн. П. Вяземскаго стр. 140.

ютъ въ немъ человѣка серьёзно и хорошо образованнаго. Мы впрочемъ еще будемъ говорить далѣе о его заграничныхъ письмахъ.

Возвратившись изъ путешествія, Фонъ-Визинъ подвергся удару паралича въ Москвѣ, отнявшему у него до самаго конца жизни свободное употребленіе языка, лѣвой руки и ноги. Онъ отъ природы былъ некрѣпкаго здоровья, а жизнь, довольно неумѣренная, вредила еще болѣе его здоровью. (Женившись въ 1774 на богатой вдовѣ, Фонъ-Визинъ жилъ довольно открыто и часто принималъ и угощалъ у себя значительный кругъ своихъ пріятелей и знакомыхъ). Для излѣченія отъ болѣзни онъ ѣдетъ снова за границу (1780) къ германскимъ минеральнымъ водамъ, но на пути остается на нѣкоторое время въ Вѣнѣ. Онъ однако не находитъ и за границей большаго облегченія своимъ физическимъ страданіямъ. Едва въ сорокъ лѣтъ, въ самой порѣ мужественныхъ силъ, онъ лишается здоровья и страдая физически, разбитый, истощенный, медленно-угасающій, живетъ еще около семи лѣтъ; но морально, онъ все еще сохраняетъ бодрость духа, живость ума и веселость разговора; литература интересуетъ его до послѣдняго дня жизни. Разбитый параличомъ языкъ его произноситъ слова съ усиліемъ и медленно; но рѣчь его, по отзыву современниковъ (записки И. И. Дмитріева), была и въ это время жива и увлекательна. Кн. Вяземскій полагаетъ, что нѣкоторыя мелкія сатирическія статьи Фонъ-Визина написаны имъ именно въ эту эпоху болѣзненной и страдальческой жизни. Достовѣрно извѣстно, что въ это время онъ написалъ комедію «Выборъ гувернёра» и собирался издавать журналъ: «Другъ честныхъ людей, или Стародумъ»; намѣреніе это не состоялось; но дошедшія до насъ статьи: «Разговоръ у княгини Халдиной», «Переписка Взяткина и Стародума,» и друг. были заготовлены имъ для задуманнаго журнала. Фонъ-Визинъ умеръ 1 Декабря 1792 года, проведя на-канунѣ вечеръ у Державина, гдѣ онъ,—какъ говоритъ Дмитріевъ въ своихъ запискахъ, — блисталъ своимъ остроуміемъ и словоохотливостію и заставлялъ не разъ всѣхъ смѣяться, и гдѣ была прочтена его новая комедія «Гофмейстеръ», вѣроятно та, которая напечатана потомъ подъ названіемъ «Выборъ гувернера»; потому что комедіи съ названіемъ «Гофмейстеръ» отъ него не осталось. Фонъ-Визинъ жилъ не долго, и судя сравнительно, написалъ не много: истин-

ныя заслуги его въ литературѣ основаны на двухъ комедіяхъ: «Недорослѣ и Бригадирѣ»; но литературная дѣятельность Фонъ-Визина имѣетъ важное значеніе въ исторіи русской литературы и въ исторіи развитія русскаго общества вообще.

Талантъ Фонъ-Визина — преимущественно талантъ сатирическій. Двѣ знаменитыя комедіи его — скорѣе злая, безпощадная сатира, въ формѣ комедій, на извѣстную часть современнаго общества, нежели художественныя сценическія произведенія, полныя драматической жизни и движенія и отличающія ихъ автора особенною творческою силою въ созданіи и въ развитіи характеровъ дѣйствующихъ лицъ. Фонъ-Визинъ не былъ великимъ драматическимъ поэтомъ; но тѣмъ не менѣе его комедіи являются произведеніями въ высшей степени замѣчательными въ русской литературѣ; ибо это суть произведенія перваго, истинно-даровитаго писателя, обладавшаго живымъ и превосходнымъ комическимъ и сатирическимъ талантомъ.

Кантемиръ, первый русскій сатирикъ новаго періода, уже возстаетъ въ своихъ сатирахъ, какъ мы видѣли, противъ невѣжества и грубости нравовъ своихъ современниковъ, то есть, противъ враговъ просвѣщенія и противъ тѣхъ, которые сумѣли перенять отъ Европы одну лишь внѣшнюю форму, внѣшній лоскъ общественной жизни народовъ образованныхъ. Тѣ же побужденія, ту же цѣль имѣетъ и сатира Фонъ-Визина. Разница только въ томъ, что сатирическій талантъ послѣдняго вытекаетъ изъ его натуры, живой, воспріимчивой и гораздо болѣе поэтической, нежели натура Кантемира. Сатиры послѣдняго не представляютъ ничего поэтическаго; это просто произведенія умнаго и просвѣщеннаго человѣка, ненавистника грубости и пороковъ, проистекавшихъ, по его мнѣнію, изъ невѣжества. Фонъ-Визинъ же былъ не только, подобно Кантемиру, человѣкъ просвѣщенный, но и передовой литературный дѣятель своей эпохи, и писатель съ рѣшительнымъ комическимъ дарованіемъ; и потому его комедіи имѣютъ не только историческое, но и художественное значеніе, по созданнымъ въ нихъ художественнымъ типамъ. Сатира Фонъ-Визина хотя и является въ формѣ комедіи, построенной по теоріи комедій французскихъ; но она близка къ дѣйствительности и совершенно самобытна по своему содержанію; языкъ его сатиры живъ, одушевленъ и оригиналенъ, въ

немъ много комической силы; и потому сатира Фонъ-Визина и со стороны своего литературнаго значенія и со стороны вліянія, которое она должна была производить на современное общество, стоитъ гораздо выше сатиры Кантемира и сатирическихъ произведеній Сумарокова.

Но сходство сатиры Фонъ-Визина съ предыдущей сатирой заключается въ томъ, что она также является сатирою служебною, имѣвшею поучительную и просвѣтительную цѣль, т. е. ту цѣль, которая выражалась постоянно въ просвѣтительной дѣятельности самаго правительства, начиная съ реформы Петра, а при императрицѣ Екатеринѣ проявилась въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ правительственныхъ мѣръ и узаконеній, предпринятыхъ и составленыхъ въ духѣ современныхъ философскихъ и политическихъ воззрѣній. Сатира Фонъ-Визина находилась въ тѣсной связи съ этими узаконеніями, принявъ на себя роль ихъ искренней и усердной помощницы и изъяснительницы.

При разборѣ сочиненій Державина мы сказали, что первая половина царствованія Екатерины II отличалась выраженіемъ въ дѣятельности правительства высокихъ принциповъ и либеральныхъ началъ.

Въ Европѣ XVIII вѣкъ былъ вѣкомъ практической философіи по преимуществу,—когда философія не оставалась однимъ только школьнымъ ученіемъ, но старалась проникать въ жизнь общественную и государственную и во всѣ житейскія отношенія, когда на основаніи философскихъ истинъ и положеній предпринимались и производились различныя общественныя и государственныя преобразованія. Вопросъ объ осуществленіи на практикѣ, о проведеніи въ жизнь философскихъ идей и либеральныхъ началъ занималъ всѣ серьёзные умы эпохи, занималъ не только людей теоріи — философовъ, ученыхъ и поэтовъ, — но и людей практики — современныхъ политическихъ дѣятелей и правителей народовъ. Извѣстно, что Фридрихъ Великій, король прусскій, Іосифъ II, императоръ австрійскій, Густавъ III, король шведскій и другія коронованныя лица питали сочувствіе къ философамъ и къ философскимъ ученіямъ своего времени и дѣлали попытки къ ихъ осуществленію въ своей законодательной и правительственной дѣятельности. Екатерина II также находилась съ ранней молодости подъ вліяніемъ сочиненій Вольтера и энциклопедистовъ и посвящала свое время на чтеніе философ-

скихъ и другихъ серьезныхъ произведеній своего времени (*). Сдѣлавшись повелительницей Россіи, она первыми же дѣйствіями своего правительства пріобрѣла себѣ славу самой либеральной и просвѣщенной государыни въ Европѣ. Находясь подъ вліяніемъ западныхъ идей, она созываетъ въ 1766 году народныхъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій, званій и народовъ въ государствѣ и приказываетъ образовать изъ нихъ коммисію для сочиненія проэкта новаго уложенія для Россіи; въ руководство этой коммиссіи она пишетъ свой знаменитый «Наказъ», въ которомъ излагаетъ главнѣйшія основанія и теоретическія положенія для новаго уложенія, предоставивъ депутатамъ только дальнѣйшее развитіе ихъ и обработку для практическаго примѣненія. Вотъ въ этихъ-то основаніяхъ, составляющихъ главную сущность «Наказа» Екатерины II, какъ и въ самомъ актѣ созванія народныхъ депутатовъ, и выразилось вліяніе современныхъ идей и философскихъ ученій, которымъ она подчинялась безусловно въ первую половину своего царствованія. «Наказъ», данный въ руководство коммиссіи депутатовъ,—которая открыла свои засѣданія въ Іюлѣ 1767 года и начала свои работы съ чтенія и изученія «Наказа»,—есть подражаніе и, въ большей части случаевъ, буквальный переводъ знаменитой книги Монтескьё: «О духѣ законовъ» *(Esprit des Lois)* (**) съ заимствованіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ сочиненія

(*) Княгиня Дашкова говоритъ въ своихъ запискахъ: «Въ то время, можно утвердительно сказать, что въ цѣлой имперіи не было двухъ женщинъ, которыя, подобно великой княгинѣ (Екатеринѣ II) и мнѣ, серьёзно занимались чтеніемъ». О себѣ же Дашкова свидѣтельствуетъ, что она съ 15 лѣтняго возраста предавалась чтенію серьёзныхъ книгъ — со страстію, съ большимъ рвеніемъ — и что любимыми ея писателями были: Бэль, Монтескьё, Вольтеръ и друг. Совершенное знакомство Екатерины II со всѣми замѣчательными произведеніями XVIII вѣка по части философіи, политики, права и т. д. видно изъ ея собственныхъ, многочисленныхъ и разнообразныхъ, сочиненій и переводовъ.

(*) Вотъ для примѣра сравненіе статьи «Наказа» — объ изслѣдованіи дѣлъ по волшебству и еретичеству съ словами Монтескьё о томъ-же предметѣ. Въ «Наказѣ» (§ 497) говорится: Правило весьма важное и нужное: должно быть очень осторожнымъ въ изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и еретичествѣ. Обвиненіе въ сихъ двухъ преступленіяхъ можетъ чрезмѣрно нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть еще источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ оному не положено; ибо какъ сіе обвиненіе не ведетъ прямо къ дѣйствіямъ гражданскимъ, но больше къ понятію воображаемому людьми о его характерѣ, то и бываетъ оно очень опасно, по мѣрѣ простонароднаго невѣжества». У Монтескьё (*Esprit des Lois,* liv. douz. chap. V): «Maxime

Беккаріи: «Трактатъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ». Сочиненіе Беккаріи, по своему человѣколюбивому взгляду, въ духѣ идей XVIII вѣка, на преступленія и наказанія, сильно способствовало къ измѣненію почти во всей Европѣ прежней суровой системы уголовныхъ законовъ. Оттого «Наказъ» Екатерины II, принадлежа къ замѣчательнымъ памятникамъ нашего законодательства и отличаясь гуманными идеями и философскими воззрѣніями, имѣетъ для насъ не только законодательное, но въ тоже время и важное литературное значеніе: онъ находится въ прямомъ соотношеніи съ главнѣйшими литературными явленіями екатерининскаго времени и состоитъ въ связи съ тѣми философскими понятіями и воззрѣніями, которыя въ то время были въ большомъ ходу въ европейскихъ литературахъ. Собраніе депутатовъ и «Наказъ», переведенный на иностранные языки, прославили императрицу Екатерину на всю Европу: философы и писатели Франціи превозносили русскую государыню восторженными похвалами, называли ее «Семирамидой сѣвера», «сѣвернымъ сіяніемъ Европы», говорили: C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière, и т. п. Вольтеръ, въ своей перепискѣ съ императрицей, постоянно освѣдомлялся о ходѣ новыхъ законодательныхъ работъ, которыя должны были исходить изъ принциповъ и положеній, изложенныхъ въ «Наказѣ» и отличившихся либеральными и человѣколюбивыми стремленіями, стремленіями—къ дарованію русскому народу наибольшаго счастія и процвѣтанія, къ созданію кроткихъ и мудрыхъ законовъ, справедливаго и человѣчнаго суда и просвѣщенной администраціи, къ водворенію терпимости въ вопросахъ религіи, къ искорененію невѣжества, къ улучшенію народной нравственности и къ водворенію вообще въ народѣ просвѣщенія въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Таковы были главнѣйшія положенія «Наказа», составительница котораго здѣсь прямо

---

importante: il faut être très-circonspect dans la poursuite de la magie et de l'hérésie. L'accusation de ces deux crimes peut extrêmement choquer la liberté, et être la source d'une infinité de tyrannie, si le legislateur ne sait la borner. Car, comme elle ne porte pas directement sur les actions d'un citoyen, mais plutôt sur l'idée que l'on s'est faite de son caractére, elle devient dangereuse á proportion de l'ignorance du peuple», etc. Изъ этого видно, что «Наказъ» только распространяетъ и объясняетъ смыслъ своего подлинника; но въ немъ есть многія мысли, принадлежащія собственно Екатеринѣ, именно мысли, касающіяся современнаго состоянія Россіи.

слѣдовала своимъ источникамъ. И такъ какъ эти послѣдніе и вообще философскія ученія того времени считали самымъ вѣрнымъ и надежнымъ орудіемъ для совершенства человѣческихъ обществъ — воспитаніе, то и въ «Наказѣ» трактуется довольно подробно о правилахъ воспитанія, на основаніи современныхъ философскихъ идей и мнѣній Монтескьё, Беккаріи и другихъ.

Вообще вопросъ о воспитаніи былъ, какъ извѣстно, великимъ вопросомъ XVIII вѣка. Достаточно припомнить новую систему воспитанія, созданную Ж. Ж Руссо въ его «Эмилѣ». который въ свое время дѣлалъ такъ много шуму и имѣлъ сильное вліяніе на современные умы. Руссо и его послѣдователи признали прежнюю систему воспитанію, а съ нею вмѣстѣ и всю прежнюю образованность, слишкомъ искуственною, не естественною и не свойственною человѣку и почитали ее главною причиною всѣхъ несчастій и испорченности людей. Но еще раньше Руссо, родоначальникъ т. н. «опытной» философіи, англійскій философъ Локкъ въ спеціальномъ сочиненіи «о воспитаніи» (часть котораго была переведена по русски Поповскимъ) указалъ на главные недостатки старой схоластической методы воспитанія: по мнѣнію Локка и его послѣдователей, эта метода, при крайней и ненужной сухости и суровости школьныхъ пріемовъ и обращенія съ дѣтьми, только наполняла ихъ головы различными познаніями, а не воспитывала ихъ, не развивала путемъ естественнымъ и свободнымъ ихъ умственныхъ и душевныхъ способностей. Тогда какъ въ дѣлѣ воспитанія это собственно и требуется. И такъ какъ французскіе философы и писатели XVIII вѣка, въ сущности, можно сказать, только популяризировали тѣ идеи и ученія, которыя возникли въ Англіи съ половины семнадцатаго столѣтія, въ пору особенно сильнаго умственнаго движенія въ этой странѣ; (*) то Локкова система воспитанія, основанная на болѣе естественныхъ и раціональныхъ началахъ, встрѣчала себѣ вездѣ ревностныхъ послѣдователей и отчасти отразилась въ законо-

(*) Главнѣйшими представителями этого умственнаго движенія были въ Англіи: Ньютонъ, Локкъ, школа т. н. «шотландскихъ» философовъ и скептики: Юмъ и французъ Бель; а распространителями ихъ идей и ученій были французскіе философы и писатели XVIII вѣка: Вольтеръ, Дидро, Даламберъ — главнѣйшіе изъ энциклопедистовъ, матеріалисты — Гольбахъ, Кондильякъ, Гельвецій, и друг., политическіе писатели, какъ Монтескьё и друг. и наконецъ самъ Ж. Ж. Руссо.

дательной дѣятельности по части образованія народнаго нѣкоторыхъ современныхъ правительствъ. Потому, весьма натурально, что она отразилась и въ преобразовательной дѣятельности императрицы Екатерины, находившейся, въ началѣ своего царствованія, какъ мы сказали, подъ вліяніемъ идей французскихъ философовъ XVIII вѣка.

Вопросъ объ образованіи народномъ, о произведеніи реформы въ системѣ воспитанія долженъ былъ получить у насъ еще большее значеніе, нежели въ западной Европѣ; потому что въ воспитаніи, въ образованіи народномъ, у насъ настояла большая надобность. Въ этихъ видахъ Екатерина II задумала, въ широкихъ размѣрахъ, планъ новаго воспитанія и устройства для русскаго юношества сначала воспитательныхъ, а потомъ и общеобразовательныхъ заведеній. Выполненіе своего плана она поручила извѣстному *Бецкому*, президенту академіи художествъ, и въ его-то знаменитыхъ «докладахъ» императрицѣ, въ современныхъ законодательныхъ памятникахъ по части воспитанія и въ собственныхъ сочиненіяхъ Екатерины II изложены главныя основанія и начала новой воспитательной системы. Въ силу этихъ началъ у насъ, такъ-же какъ и на западѣ, — откуда они были главнымъ образомъ заимствованы,—вѣрили вполнѣ и полагали, что воспитательныя заведенія, устроенныя по новымъ проэктамъ, должны сдѣлать рѣшительное преобразованіе русскаго общества, должны произвести «новую породу людей», — какъ сказано въ докладѣ Бецкаго о воспитаніи юношества обоего пола.

Просвѣтительной дѣятельности Екатерины II, въ духѣ современной практической философіи, признававшей, что одно лишь истинное просвѣщеніе способствуетъ развитію и благу народа и направляетъ образъ дѣятельности правительства, вполнѣ сочувствовалъ образованный классъ людей того времени, въ особенности кружокъ современныхъ русскихъ писателей, выражавшихъ въ своихъ сочиненіяхъ живѣйшее сочувствіе къ этой сторонѣ дѣятельности правительства. Такое сочувствіе полнѣе всего выразилось въ произведеніяхъ Фонъ-Визина, какъ главнаго представителя современной литературной эпохи. Борьба съ невѣжествомъ и вопросъ объ «истинномъ» просвѣщеніи, къ которому должна была привести, по его мнѣнію, новая система воспитанія, противоположная прежнему воспитанію, составляютъ существенную сторону

всѣхъ его литературныхъ трудовъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: «Недоросль» и «Бригадиръ» написаны на тему о послѣдствіяхъ дурнаго воспитанія и о необходимости воспитанія истиннаго, хорошаго.

«Недоросль» и по внутреннему содержанію и по выполненію стоитъ выше «Бригадира», — быть можетъ потому, что онъ написанъ въ зрѣлые годы автора, спустя 18 лѣтъ послѣ «Бригадира»; тогда какъ «Бригадиръ» принадлежитъ къ первымъ произведеніямъ его молодости: онъ появился въ свѣтъ, когда Фонъ-Визину было не болѣе 20 лѣтъ отъ роду.

Основная идея «Бригадира» — обнаружить послѣдствія ложно-понятаго европейскаго образованія, — удѣлъ дѣтей русскихъ дворянъ того времени, воспитанныхъ французскими учителями и гувернерами. Основная идея «Недоросля» — показать плоды плохаго воспитанія въ домѣ грубыхъ и невѣжественныхъ родителей, встрѣчавшихся чаще всего въ средѣ тогдашняго провинціальнаго дворянства. Такимъ образомъ, обѣ комедіи Фонъ-Визина состоятъ въ прямомъ отношеніи къ явленіямъ современной дѣйствительности, относятся прямо къ извѣстной сторонѣ тогдашняго русскаго общества. И въ тоже время онѣ находятся въ тѣсной связи съ просвѣтительною дѣятельностію правительства, о которой мы сказали выше, выражая тѣ же идеи и стремленія и какъ-бы имѣя цѣлію — посредствомъ обличенія современнаго невѣжества помогать правительству въ его просвѣтительной дѣятельности и объяснить передъ обществомъ ея существенный смыслъ и значеніе. Въ этомъ, можно сказать, заключается общественное значеніе комедій Фонъ-Визина. При опредѣленіи же ихъ художественнаго значенія и литературныхъ качествъ, мы должны постоянно имѣть въ виду классическую французскую комедію, по образцу которой онѣ построены въ главныхъ чертахъ своихъ. Этимъ мы не хотимъ однако сказать, что комедіи Фонъ-Визина, подобно комедіямъ Сумарокова или другихъ современныхъ русскихъ писателей, суть не болѣе какъ подражанія французскимъ комедіямъ или передѣлка ихъ на русскіе нравы. Сильный талантъ Фонъ-Визина помогъ ему, не смотря на подражательность условнымъ формамъ французской комедіи, мѣтко обрисовать и представить въ своихъ произведеніяхъ рѣзкую и живую картину нравовъ именно русскаго современнаго общества. Но тѣмъ не менѣе эти лож-

ныя формы и правила классической комедіи — искуственность завязки и развязки, поучительная цѣль, торжество добродѣтели и наказаніе порока и происходящія отсюда — съ одной стороны сухое и безжизненное резонёрство въ добродѣтельныхъ лицахъ комедій, а съ другой — преувеличенное изображеніе порочнаго и смѣшнаго въ лицахъ комическихъ — отразились вполнѣ въ произведеніяхъ Фонъ-Визина и составляютъ ихъ существенный недостатокъ и несовершенство въ художественномъ отношеніи.

Въ «Бригадирѣ» главное дѣйствующее лицо не самъ бригадиръ, а его сынъ «Иванушка», баловень невѣжественной матери, получившій воспитаніе въ пансіонѣ, который содержалъ какой-то французъ, прежде бывшій кучеромъ. Иванушка доканчиваетъ свое образованіе, начатое такимъ манеромъ, въ Парижѣ и возвращается домой съ чувствомъ полнаго презрѣнія ко всему русскому и родному. Другое важное лицо піесы, служащее выраженіемъ главной идеи автора, т. е. — результатовъ превратнаго воспитанія, — это Совѣтница, — женскій образчикъ той же модной образованности, которою щеголяетъ Иванушка. Оба они бредятъ Парижемъ и всѣмъ французскимъ, ненавидятъ все русское и внѣшнія формы французской жизни, внѣшній европеизмъ принимаютъ за истинную образованность.

Иванушка и Совѣтница — это прототипы цѣлаго поколѣнія русскихъ щеголей и щеголихъ, безмысленно перенимавшихъ однѣ лишь внѣшнія стороны и привычки европейской жизни — французскій языкъ, покрой платья, моды и т. п. и вносившихъ въ прежнюю патріархальную русскую семью легкость нравовъ и супружескихъ отношеній. Все это уродливо передѣлывалось ими на русско-французскій ладъ и почиталось необходимою принадлежностію образованнаго общества. Такое заимствованіе нашими предками прошлаго столѣтія у европейцевъ однихъ лишь внѣшнихъ формъ и привычекъ ихъ жизни — легко объясняется. О водвореніи у насъ европейской образованности, со временъ реформы Петра, хлопотало, какъ мы видѣли, больше всего правительство, а не само общество, и потому-то образованность эта касалась русскаго общества только своею внѣшнею стороною. Вмѣсто того, чтобы почерпать у европейцевъ зрѣлыя понятія о гражданской и общественной жизни и человѣчныя идеи, русскіе такъ называемые

образованные люди, по степени своей развитости, способны были перенимать у Европы прежде всего внѣшній лоскъ цивилизованной жизни и пороки европейской цивилизаціи. Сознавая нелѣпость подобнаго внѣшняго подражанія европеизму, Фонъ-Визинъ, въ лицѣ Иванушки и Совѣтницы, рѣзкими чертами изобразилъ всѣ дурныя и смѣшныя его стороны. Во многихъ изъ рѣчей Иванушки, относящихся до Парижа, до «несчастія быть русскимъ» и т. п. кн. Вяземскій видитъ преувеличенія и натяжки. Въ комедіи Фонъ-Визина встрѣчаются дѣйствительно многія преувеличенія и натяжки. Но едва ли въ названныхъ рѣчахъ можно видѣть большое преувеличеніе. Развѣ неизвѣстно, до какой крайности доходило въ русскомъ образованномъ обществѣ прежняго времени подражаніе и пристрастіе ко всему иностранному, преимущественно французскому? Развѣ болтовня на французскомъ языкѣ не почитается еще и теперь признакомъ образованности и не служитъ ли французскій языкъ и по настоящее время преимущественно языкомъ высшихъ слоевъ русскаго общества?—По смыслу комедіи Фонъ-Визина, слѣпое и смѣшное пристрастіе ко всему иностранному, презрѣніе ко всему отечественному и непониманіе того, что въ немъ есть хорошаго, — все это плоды дурнаго воспитанія.

Прочія комическія лица «Бригадира», какъ-то: Совѣтникъ, Бригадирша и Бригадиръ послужили автору для изображенія другихъ недостатковъ современнаго русскаго общества. Въ роли Совѣтника Фонъ-Визинъ возстаетъ противъ лихоимства и ябедничества, господствовавшихъ въ его время въ русскомъ служебномъ мірѣ,—противъ чего было издано нѣсколько грозныхъ указовъ въ первые же годы царствованія Екатерины II. Такимъ образомъ, нашъ сатирикъ и здѣсь, какъ въ вопросѣ о воспитаніи, согласуется въ своей сатирической дѣятельности съ преобразовательною дѣятельностію правительства. Его Совѣтникъ, служившій въ какой-то коллегіи и принадлежащій къ разряду старинныхъ приказныхъ, — отъявленный взяточникъ и къ тому еще глубокій лицемѣръ и святоша. Онъ изъ взятокъ составилъ себѣ состояніе, пріобрѣлъ деревеньку и поселился въ ней, выйдя *въ отставку послѣ изданія указа противъ лихоимцевъ.* Эта послѣдняя черта въ изображеніи Совѣтника заключаетъ въ себѣ или иллюзію самаго автора или реторическое преувеличеніе, показывающее зависи-

мость фонъ-визинской сатиры отъ дѣятельности правительства. Изъ словъ комедіи, что *прошло то время*, когда, *подружась съ судьею*, всякій могъ получить милостивую резолюцію, нельзя конечно заключить, что всѣ судьи и чиновники-взяточники, послѣ указа Екатерины о лихоимцахъ, были удалены отъ службы и что лихоимство судей прекратилось. Свидѣтельство исторіи того времени ни мало этого не подтверждаетъ. Впрочемъ, о вліяніи просвѣтительной дѣятельности правительства и сатиры второй половины прошлаго вѣка и вообще о ихъ значеніи для современной дѣйствительности мы еще будемъ говорить далѣе.

Самый удачный и болѣе цѣльный характеръ въ разбираемой нами комедіи Фонъ-Визина — это характеръ Бригадирши, съ ея животною любовію къ своему дѣтищу, Иванушкѣ, съ ея скопидомствомъ и рутинною набожностію. Самъ авторъ сознается, что лицо Бригадирши имъ списано съ натуры, и хотя онъ и называетъ ее «дурой набитой», но черты характера, изображенныя имъ въ лицѣ Бригадирши, не представляются ни мало признаками ея природной глупости; а это скорѣе тѣ *типическія* черты, которыя впослѣдствіи, въ лицѣ Простаковой («Недоросль») Фонъ-Визинъ успѣлъ развить до полнаго *типа* русской провинціальной дворянки того времени, типа, образовавшагося подъ условіями нашей исторической жизни. Мнѣніе графа Панина, — интересовавшагося комедіями Фонъ-Визина, — о характерѣ Бригадирши подтверждаетъ наши слова. Онъ говорилъ, что Бригадирша «всѣмъ родня; никто не можетъ сказать, чтобы не имѣлъ у себя подобной или бабушки, или тетушки, или какой-нибудь свойственницы». Лицо самаго Бригадира не представляетъ ничего особеннаго для смысла комедіи. Это простой и грубый, но не глупый старикъ, изъ отставныхъ военныхъ, для котораго военная служба, знаніе военныхъ артикуловъ и т. п. заключаютъ въ себѣ всю человѣческую мудрость. Въ изображеніи Бригадира есть много каррикатурнаго, но есть и черты истинно-комическія и забавныя, какъ напр. сцена его съ сыномъ (Дѣйств. III, явл. 1) и друг.

Въ противоположность этимъ комическимъ и порочнымъ лицамъ выведены въ комедіи лица добродѣтельныя, — Добролюбова и Софьи, — дочери Совѣтника, которую хотятъ выдать за Иванушку и которая вы-

ходитъ потомъ за Добролюбова. Ихъ взаимная любовь собственно и составляетъ то, что называютъ «сюжетомъ» комедіи, — но онъ плохо вяжется съ главной идеей, содержаніемъ и со всѣмъ ходомъ піесы. Добролюбовъ и Софья — «резонёры», лица резонерствующія и безжизненныя; участіе ихъ въ драммѣ ограничивается высказываніемъ сухихъ разсужденій и нравственныхъ сентенцій; это лица говорящія, а не дѣйствующія, и потому онѣ скорѣе вредятъ, нежели способствуютъ драмматизму и художественному значенію піесы. Но резонёры въ комедіяхъ Фонъ-Визина имѣютъ то значеніе, что они служатъ для выраженія главной идеи піесы, или для выраженія собственныхъ мыслей и взглядовъ автора, которые онъ старался развить и доказать въ своей комедіи. Въ лицѣ Иванушки и Совѣтницы онъ изобразилъ, по его мнѣнію, послѣдствія дурнаго воспитанія, а Добролюбовъ и Софья представляютъ у него образцы воспитанія хорошаго, или примѣры «благонравія», о которомъ заботилось и тогдашнее правительство въ своихъ преобразованіяхъ по части воспитанія. По замѣчанію князя Вяземскаго, такія лица «всѣхъ блѣднѣе и всѣхъ скучнѣе въ комедіи» Фонъ-Визина.

Въ «Недорослѣ» Фонъ-Визинъ представилъ живую и рѣзкую картину того дикаго невѣжества и той грубости нравовъ, которыми отличалось большинство провинціальнаго дворянства его времени. Князь Вяземскій, въ книгѣ: «Фонъ-Визинъ» (цитированной у насъ выше), представилъ вѣрную и прекрасную оцѣнку комедіи «Недоросль», которою мы и воспользуемся для нашего очерка. «Въ комедіи «Недоросль» — говоритъ онъ — авторъ имѣлъ уже цѣль важнѣйшую: гибельные плоды невѣжества, худое воспитаніе, злоупотребленіе домашней власти — выставлены имъ рукою смѣлою и раскрашены красками самыми ненавистными. Въ «Бригадирѣ» авторъ дурачитъ порочныхъ и глупцовъ, язвитъ ихъ стрѣлами насмѣшки; въ «Недорослѣ» онъ уже не шутитъ, не смѣется, а негодуетъ на порокъ и клеймитъ его безъ пощады; если же и смѣшитъ зрителей картиною выведенныхъ злоупотребленій и дурачествъ; то и тогда внушаемый имъ смѣхъ не развлекаетъ отъ впечатлѣній болѣе глубокихъ и прискорбныхъ. И въ «Бригадирѣ» можно видѣть, что погрѣшности воспитанія русскаго живо поражали автора; но дурное воспитаніе, данное бригадирскому сынку, это по-

лупросвѣщеніе, если и есть какое просвѣщеніе въ поверхностномъ знаніи французскаго языка, въ поѣздкѣ въ чужіе краи, безъ нравственнаго приготовительнаго образованія, должны были выдѣлать изъ него смѣшнаго глупца, чѣмъ онъ и есть. Невѣжество же, въ коемъ росъ «Митрофанушка» (Недоросль) и примѣры домашніе должны были готовить въ немъ изверга, какова мать его «Простакова». Именно говорю изверга и утверждаю, что въ содержаніи комедіи «Недоросль» и въ лицѣ Простаковой скрываются всѣ пружины, всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ.... Что можно назвать сущностію драммы Недоросля? Домашнее, семейное тиранство Простаковой, содержащей у себя, такъ сказать, въ плѣну Софью, которую приноситъ она на жертву корыстолюбію своему, выдавая насильно замужъ сперва за брата, а потомъ за сына. Какъ характеризирована она самимъ авторомъ? *Презлою фуріею, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома.* Всѣ прочія лица второстепенны: иныя изъ нихъ совершенно постороннія, другія только примыкаютъ къ дѣйствію. Авторъ, въ начертаніи картины, далъ лицамъ смѣшное направленіе, но смѣшное хотя у него и на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное, ненавистное въ перспективѣ. Въ семействахъ Простаковыхъ, когда по несчастію, встрѣчаются они въ дѣйствительности, трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патріотическая мысль, одушевлявшая оное, достойна уваженія и признательности. Можно сказать, что подобное исполненіе не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло: что впрочемъ можно примѣнить и ко всякому изящному творенію, ибо нѣтъ сомнѣнія, что оно всегда имѣетъ нравственное дѣйствіе». (*)

Такова цѣль и идея «Недоросля», по словамъ князя Вяземскаго. Въ выполненіи этой идеи, въ постановкѣ картинъ, въ обрисовкѣ большей части характеровъ своихъ комическихъ лицъ, въ самомъ языкѣ ихъ и складѣ рѣчи Фонъ-Визинъ показалъ значительное дарованіе, большое знаніе человѣческаго сердца и большую наблюдательность. Простакова, этотъ образецъ грубой, жестокой и невѣжественной по-

(*) «Фонъ-Визинъ», стр. 209—211.

мѣщицы, презирающей всякую образованность, ненавидящей всякую науку, если наука эта не даетъ прямого умѣнья «дастаточекъ нажить и сохранить»; этотъ идеалъ невѣжественной матери, отличающейся одною животною любовію къ своимъ дѣтямъ, и Митрофанушка, ея сынокъ, котораго она воспитываетъ при помощи дьячка, отставнаго сержанта и бывшаго кучера изъ Нѣмцевъ,—эти типы грубаго невѣжества и варварской жестокости,—всегда сопутствующей невѣжеству,—суть точные снимки съ современной дѣйствительности и списаны съ натуры до того вѣрно, изображены до того рельефно, съ такою силою, что долго служили «нарицательными названіями» всего дикаго и невѣжественнаго, проявлявшагося въ жизни провинціальнаго дворянства прежняго времени и «употребляются и донынѣ — по замѣчанію кн. Вяземскаго — въ народномъ обращеніи». Второстепенныя комическія лица: братъ Простаковой — Тарасъ Скотининъ, во всемъ похожій на сестру, воспитанный точно также, какъ она, который отъ роду ничего не читывалъ, и учители Митрофана: Кутейкинъ, Цыфиркинъ и Вральманъ — хотя и каррикатурны во многомъ (особенно Вральманъ), но тѣмъ не менѣе не противорѣчатъ современной дѣйствительности и заключаютъ въ себѣ многія характерическія черты, взятыя именно изъ среды русскаго общества прошлаго столѣтія. А характеръ мамы Еремѣевны, съ ея непонятною, собачьею привязанностію къ барскому сынку, изъза котораго ее бьютъ и бранятъ постоянно, — удивительно вѣренъ: «въ немъ много русской холопской оригинальности», по словамъ кн. Вяземскаго. Также хорошъ и портной Тришка, котораго кн. Вяземскій называетъ «портной по неволѣ». Разговоръ его съ Простаковой принадлежитъ къ мастерскимъ сценамъ комедіи, исполненнымъ истиннаго комизма. Но рѣшительно лучшій, цѣльный характеръ во всей комедіи, выдержанный отъ начала до конца «съ неослабѣвающимъ искуствомъ, съ неизмѣняющеюся истиною» — это характеръ Простаковой. «Смѣсь наглости и низости — (опять говоритъ кн. Вяземскій) — трусости и злобы, гнуснаго безчеловѣчія ко всѣмъ и нѣжности, равно гнусной, къ сыну, при всемъ томъ невѣжество, изъ коего, какъ изъ мутнаго источника, истекаютъ всѣ сіи свойства, согласованы въ характерѣ ея живописцемъ смѣтливымъ и наблюдательнымъ». Особенно въ послѣднихъ явленіяхъ, по словамъ Вяземскаго, авторъ показалъ

много «искуства и глубокаго сердцевѣденія: когда Стародумъ прощаетъ Простакову и она, вставъ съ колѣней, восклицаетъ: «Простилъ! ахъ, батюшка, простилъ! Ну, теперь-то *дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ*». Послѣдняя черта довершаетъ полноту картины, сосредоточивая всѣ гибельныя плоды *злонравія* ея и воспитанія, даннаго сыну. Лишенная всего, ибо лишилась власти дѣлать зло, она бросаясь обнимать сына, говоритъ ему: «Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!» а онъ отвѣчаетъ ей: «Да отвяжись, матушка, какъ навязалась»! «Признаюсь — продолжаетъ Вяземскій. — въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина почерпнута изъ такой глубины человѣческаго сердца, что по невольному движенію точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго. Въ начертаніи характера Простаковой Фонъ-Визинъ былъ глубокимъ изслѣдователемъ и живописцемъ». Все это совершенно справедливо и вѣрно сказано о характерѣ Простаковой, — если судить о немъ по нынѣшнимъ нашимъ понятіямъ, по современному взгляду на вещи, если смотрѣть на Простакову какъ на явленіе случайное, исключительное, какъ смотрѣлъ на нее самъ Фонъ-Визинъ и какъ смотритъ кн. Вяземскій. Но если мы взглянемъ на характеръ Простаковой съ исторической точки зрѣнія, — какъ на него и слѣдуетъ глядѣть, — то мы увидимъ въ ней не исключительное явленіе, а лицо типическое, соединяющее въ себѣ всѣ характерныя, типическія черты своего сословія, своей страны, своего времени. Мы видимъ въ ней олицетвореніе понятій, нравовъ и жизни большинства той среды, къ которой она принадлежала и въ глазахъ которой она не была ни «презлою фуріею», ни «извергомъ», какъ ее называютъ самъ Фонъ-Визинъ и кн. Вяземскій: въ мнѣніи большинства тогдашняго русскаго общества Простаковы слыли скорѣе нѣжными и любящими матерями, заботливыми хозяйками и практическими, умными женщинами Въ этомъ и заключается художественное достоинство созданнаго Фонъ-Визинымъ типа, — достоинство, котораго характеръ Простаковой не имѣлъ бы вовсе, если бы онъ представлялся явленіемъ исключительнымъ, случайнымъ въ изображенной авторомъ средѣ.

Другой разрядъ лицъ, выведенныхъ въ «Недорослѣ» и составля-

ющихъ противоположность лицамъ комическимъ и порочнымъ, это тѣ же резонёры и образцы добродѣтели, по взгляду на нихъ автора, о которыхъ мы говорили, при разборѣ «Бригадира». Тогда какъ первый разрядъ лицъ изображаетъ у него примѣры «злонравія», происходящаго отъ дурнаго воспитанія или отъ невѣжества, — другой разрядъ, какъ-то: Стародумъ, Правдинъ, Милонъ и Софья суть образцы «добронравія», или «благонравія», т. е. люди, съ истиннымъ, хорошимъ воспитаніемъ. Но всѣ эти Стародумы и Правдины, лица говорящія длинныя и скучныя на сценѣ поученія и нравственныя сентенціи; всѣ эти Софьи и Милоны, лица добродѣтельныя, выведенныя въ противуположность лицамъ не добродѣтельнымъ, — очень безжизненны, блѣдны и сильно вредятъ дѣйствію и живости піесы. Хотя слѣдуетъ замѣтить, что такія лица какъ Стародумъ и Правдинъ имѣли вобще большое значеніе для своего времени, по важности тѣхъ идей, которыя они высказываютъ и которыя выражали идеи самаго автора и совпадали съ намѣреніями и дѣятельностію современнаго правительства. Роли Стародума самъ Фонъ-Визинъ придавалъ особенную важность. Онъ говоритъ (въ статьѣ: «Письмо къ Стародуму отъ сочинителя Недоросля»), что за успѣхъ своей комедіи въ публикѣ онъ собственно одолженъ Стародуму, его разговорамъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьей. На самомъ же дѣлѣ это лицо въ комедіи, какъ резонёрствующее, ни мало не служитъ къ оживленію дѣйствія и движенія драммы; но въ его разсужденіяхъ и сентенціяхъ ясно выражаются положительные идеалы самаго автора, его идеальныя стремленія, его мораль и его взгляды на всѣ важнѣйшіе жизненные вопросы. Фонъ-Визинъ, словами Стародума, заявляетъ о тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, какими, по его мнѣнію, должны отличаться — совершенный человѣкъ, истинный гражданинъ, добрый и мудрый государь и объясняетъ, въ чемъ должны заключаться обязанности истинной матери, жены, хозяйки своего дома, воспитательницы своихъ дѣтей и т. д. Стародумъ является такимъ образомъ обличителемъ невѣжества и всѣхъ, проистекающихъ отъ него, послѣдствій, — чему онъ видитъ яркіе примѣры въ семействѣ Простаковыхъ. Но странно то, какъ Фонъ-Визинъ не замѣчаетъ при этомъ противорѣчія, сдѣлавъ изъ главнаго обличительнаго лица своей комедіи — *стародума*, т. е. человѣка, съ стариннымъ образомъ мыслей, съ

старымъ взглядомъ на вещи. Вѣдь Простаковы и Скотинины, по изображенію самаго Фонъ-Визина, собственно и служатъ представителями понятій и жизни стараго времени. Простакова говоритъ, что ея «покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ»; таковъ былъ и дядя Скотининыхъ — Вавилъ Фалилеевичъ: «о грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать не хотѣлъ»; отецъ Простаковой и Скотинина свирѣпо вооружался противъ школъ, заведенныхъ послѣ реформы: «прокляну ребенка, — онъ вопилъ — который что-нибудь переиметъ у *бусурмановъ*, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ». Оттого его собственные дѣти остались безграмотны и ставили себѣ это въ какую-то честь: «Безъ наукъ люди живутъ и жили.... Батюшка мой, да что за радость и выучиться?» разсуждаетъ Простакова, опираясь на примѣры стараго времени и на современное положеніе дѣлъ въ окружавшемъ ее обществѣ. Вотъ тѣ условія и та среда, въ которыхъ росли и воспитывались Простаковы. Слѣдственно, Стародумъ не правъ и не послѣдователенъ, порицая невѣжество и — какъ плоды невѣжества — грубость нравовъ, жестокость и домашнюю тиранію въ семьѣ Простаковыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обращаясь къ прежнему времени за идеалами хорошаго воспитанія, т. е. за примѣрами «благонравія» и «добронравія», — о чемъ онъ постоянно твердитъ. Идеаловъ достойнаго, истиннаго «человѣка» и «дворянина» онъ ищетъ въ ту эпоху, когда онъ воспитывался самъ, т. е. во времена Петра. Главное украшеніе и благородство совершеннаго человѣка и достойнаго дворянина, по словамъ Стародума, заключается въ честности, въ пониманіи и выполненіи своей «должности» (т. е. своего нравственнаго долга). Но истинное пониманіе долга, истинное сознаніе своего человѣческаго достоинства и любовь къ ближнему являются не иначе, какъ съ истиннымъ просвѣщеніемъ, и такихъ идеаловъ, о которыхъ говоритъ Стародумъ, въ старое время, когда царило невѣжество предковъ Простаковыхъ, было, безъ сомнѣнія, еще меньше, нежели во времена Фонъ-Визина. Простакова, не смотря на все свое презрѣніе къ грамотѣ, къ наукѣ, все же нашла нужнымъ выучить чему-нибудь своего Митрофана, — и это затѣмъ, чтобы вывести его «въ люди», какъ она говоритъ; а при ея отцѣ и дѣдахъ

выходили въ люди и безъ грамоты. Легкомысленное усвоеніе образованными русскими людьми того времени нравовъ, привычекъ, а вмѣстѣ съ ними и пороковъ западно-европейской жизни, заставило Фонъ-Визина броситься въ другую крайность и искать идеаловъ въ старинѣ. Это воззрѣніе онъ высказываетъ и въ разсужденіяхъ Стародума и въ своихъ заграничныхъ письмахъ, гдѣ нерѣдко старается доказать, что «у насъ все лучше», нежели въ странахъ западной Европы, которыя онъ посѣтилъ. Впослѣдствіи, въ своихъ «Вопросахъ» Собесѣднику (см. ниже) Фонъ-Визинъ поставилъ между прочими слѣдующій вопросъ: «Какъ истребить два сопротивные предразсудки: первый — будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй — будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?» И второму изъ этихъ предразсудковъ онъ самъ сильно подчиняется въ заграничныхъ письмахъ. Замѣтимъ вообще, что его «стародумовскіе» идеалы и мораль слишкомъ односторонни и несостоятельны, какъ въ умозрительномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи.

Какъ Стародумъ, такъ и другое резонёрствующее лицо въ Недорослѣ — Правдинъ, въ своихъ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ, основываются на началахъ, провозглашенныхъ въ Наказѣ и въ другихъ узаконеніяхъ Екатерины. Правдинъ беретъ въ опеку имѣнія Простаковыхъ за жестокое обращеніе ихъ съ людьми, дѣйствуя въ этомъ случаѣ какъ правительственный чиновникъ и исполнитель «человѣколюбивыхъ видовъ высшей власти», выраженныхъ въ Наказѣ и въ «Учрежденіи для управленія губерній», гдѣ предписано «отвращать *злоупотребленія* рабства» и «пресѣкать тиранство и жестокости». Прямаго же отношенія къ дѣйствію драммы и участія въ ней Правдинъ не имѣетъ. «Онъ разрѣзываетъ — по словамъ кн. Вяземскаго — мечемъ закона сплетеніе дѣйствія, которое должно бы быть развязано соображеніями автора, а не полицейскими мѣрами намѣстника». Этими словами кн. Вяземскій вѣрно указыаетъ на главный недостатокъ «Недоросля», какъ произведенія драматическаго, находя въ немъ «недостатокъ изобрѣтенія и неподвижность событія», то есть: искуственность развязки и завязки, искуственное отношеніе сюжета комедіи (любви Софьи и Милона) къ ея главной идеѣ и отсутствіе драматическаго дѣйствія и движенія.

Комедія «Выборъ гувернера» и «Разговоръ у княгини Халдиной» написаны также на тему о воспитаніи, какъ о необходимомъ началѣ гражданскаго благоденствія. Первая имѣетъ много сходнаго съ Недорослемъ по мыслямъ дѣйствующихъ лицъ—*Сеума* и *Нельстецова*; но по совершенному недостатку дѣйствія, она не годна для сцены. «Странно, что авторъ подражалъ въ ней самому себѣ — говоритъ кн. Вяземскій,—и подражалъ слабо». Разговоръ у кн. Халдиной замѣчателенъ по лицу *Сорванцова*, благородному и умному отъ природы, но извращенному дурнымъ воспитаніемъ.

Но не одинъ вопросъ о воспитаніи занималъ Фонъ-Визина. Онъ считалъ только этотъ вопросъ одною изъ главнѣйшихъ основъ общественнаго и государственнаго благосостоянія. Всѣ живые интересы современнаго общества, все, что занимало лучшіе умы эпохи, все это, можно сказать, нашло отголосокъ въ сочиненіяхъ Фонъ-Визина. И въ комедіяхъ своихъ, какъ мы видѣли, онъ, кромѣ примѣровъ дурнаго воспитанія, выставляетъ на позоръ и преслѣдуетъ: взяточничество, неправосудіе, или «кривосудіе», барскую спесь и жестокое обращеніе помѣщиковъ съ крестьянами. Но еще болѣе онъ вооружается противъ этихъ пороковъ въ своихъ мелкихъ статьяхъ, — большею частію сатирическаго содержанія. И мы не можемъ не признать въ немъ и здѣсь даровитѣйшаго и весьма просвѣщеннаго писателя своего времени, писателя, произведенія котораго полны сочувствія къ интересамъ общественнымъ и къ истиннымъ нуждамъ народнымъ, — въ томъ смыслѣ, конечно, какъ они понимались тогда и какъ были выражены въ гуманныхъ положеніяхъ «Наказа» и въ другихъ узаконеніяхъ современнаго правительства, составленныхъ въ духѣ Наказа. Въ «Вопросахъ», напечатанныхъ въ «Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова», (*) онъ касается почти всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ русской общественной и государственной жизни и русскаго народнаго характера, и вездѣ подаетъ смѣлый и честный голосъ человѣка, глубоко смотрѣвшаго на дѣла внутренней политики и внутренней жизни народа. Помимо своего внутренняго значенія и важности, большая часть изъ вопросовъ Фонъ-Визина и отвѣтовъ на нихъ Екатерины представляютъ

(*) Отвѣты на эти «Вопросы», напечатанныя также въ «Собесѣдникѣ», писала сама императрица.

яркія черты времени и его понятій. Фонъ-Визинъ, напримѣръ, ставитъ такіе вопросы: «Отчего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ? Отчего у насъ не стыдно ничего не дѣлать? Отчего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ по большей части къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія? Отчего у насъ тяжущіеся не почитаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства? Имѣя монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ — удостоиваться ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ? Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ, и весьма большіе», и проч. Фонъ-Визинъ смѣло ставилъ подобные вопросы «Собесѣднику», имѣя въ виду либеральный взглядъ Наказа (§ 484) на свободу мысли и слова и придерживаясь примѣровъ самаго «Собесѣдника,» въ которомъ помѣщались статьи, рѣзко и смѣло нападавшія на современные недостатки и на редакцію котораго сама Екатерина имѣла непосредственное вліяніе. Въ одномъ письмѣ, помѣщенномъ въ «Собесѣдникѣ», говорилось: «Держитесь принятаго вами единожды навсегда правила: не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться. Вамъ нѣтъ причины страшиться гоненій за истину подъ державой монархини, «Qui pense en grand homme, et qui permet qu'on pense».

Вслѣдствіе отвѣта Екатерины, что тяжбы и судебныя рѣшенія не печатались у насъ «оттого, что вольныхъ типографій до 1782 года не было», (*) Фонъ-Визинъ, въ «Письмѣ къ сочинителю Былей и небылицъ» (Екатеринѣ) говоритъ: «Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Да облобызаемъ мысленно, съ душевною благодарностію, десницу правосуднѣйшія и премудрыя монархини. Она, отверзая новыя врата просвѣщенію, въ тоже время и тѣмъ самымъ полагаетъ новую преграду ябедѣ и коварству. Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній гласъ обиженнаго

(*) Въ 1783 году изданъ былъ указъ о т. н. «вольныхъ» (частныхъ) типографіяхъ, дозволявшій заводить частныя типографіи во всѣхъ городахъ и печатать въ нихъ книги, русскія и иностранныя. А до того времени частныхъ типографій не существовало, были только казенныя и принадлежащія разнымъ правительственнымъ учрежденіямъ, и то лишь въ столицахъ. (См. ниже.)

достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшаться. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судебнымъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ: воздастся достойная похвала праведнымъ судіямъ, возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ» и проч. Въ другой статьѣ—«Письмо отъ Стародума»—Фонъ-Визинъ также говоритъ о свободѣ, которую Екатерина дала русскимъ писателямъ безбоязненно высказывать свои мысли. «Она, — пишетъ Стародумъ къ автору Недоросля, — отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателя оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія.... Я думаю, что таковая свобода писать, каковою пользуются нынѣ Россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ, такъ сказать, стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества».

Но изъ нѣкоторыхъ уклончивыхъ отвѣтовъ Екатерины на вопросы Фонъ-Визина, онъ могъ видѣть, что на иные изъ нихъ она отвѣчала съ неудовольствіемъ. Въ послѣдніе годы своего царствованія Екатерина измѣнила свой взглядъ на предпринятыя ею вначалѣ, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ идей, преобразованія, и въ своей послѣдующей дѣятельности становилась нерѣдко въ прямое противорѣчіе съ ними (См. ниже). На послѣдній изъ приведенныхъ выше вопросовъ, Екатерина отвѣчала: «Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли; буде же бы и имѣли, то начли бы на нынешняго одного десять прежде бывшихъ». Потому, Фонъ-Визинъ въ названномъ «Письмѣ» долженъ былъ оправдываться отъ обвиненія въ «свободоязычіи», «которое — писалъ онъ — ненавижу всею душею», и говорилъ, что вслѣдствіе такого обвиненія онъ отмѣнилъ печатаніе «заготовленныхъ имъ еще вопросовъ». Всѣ статьи Фонъ-Визина, заготовленныя для журнала, который онъ хотѣлъ издавать,

какъ-то: «Письма» къ Стародуму, названныя нами выше и отвѣты его, «Письма Взяткина» и друг. равно какъ и «Всеобщая придворная грамматика» обличаютъ въ немъ замѣчательнаго политическаго писателя и запечатлѣны всею силою его сатирическаго таланта. «Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Василіемъ въ селѣ П.» не менѣе примѣчательно какъ сатира на несовершенство церковныхъ бесѣдъ нашихъ сельскихъ проповѣдниковъ и какъ указаніе на тѣ предметы, на которые они должны обращать вниманіе, бесѣдуя въ простымъ народомъ. Поученіе это — «статья образцовая въ своемъ родѣ: оно, по искуству въ отдѣлкѣ и по принаровкѣ къ понятіямъ простонароднымъ, подходитъ къ лучшимъ памфлетамъ *Курье*, знаменитаго винноградаря», — говоритъ кн. Вяземскій. Мы уже упоминали о заграничныхъ письмахъ Фонъ-Визина. Князь Вяземскій строго осуждаетъ эти письма за ихъ крайнюю рѣзкость въ сужденіяхъ о характерѣ Французовъ, за ихъ желчный и неумѣренный тонъ. Но письмамъ этимъ нельзя однако отказать, мѣстами, въ замѣчательной вѣрности взгляда на политическое состояніе тогдашней Франціи, на крайнюю распущенность французской аристократіи, на то наконецъ, что путешественникъ обращаетъ серьезное вниманіе на важнѣйшіе предметы жизни народа, на его нравы, общественный и государственный бытъ, и передаетъ свои сужденія, — хотя и отличающіяся односторонностію взгляда и направленія, — всегда остроумно и какъ человѣкъ серьезномыслящій и просвѣщенный.

Второстепенные драмматическіе и сатирическіе писатели прошлаго столѣтія. — Большинство русскихъ драмматическихъ сочиненій прошлаго столѣтія состояло или изъ переводовъ, или изъ передѣлокъ иностранныхъ піесъ, плохо перелагавшихся на русскіе нравы, или наконецъ изъ оригинальныхъ сочиненій, написанныхъ по иностраннымъ образцамъ. Это впрочемъ и быть не могло иначе, при томъ способѣ, какимъ создавалась наша литература XVIII столѣтія, т. е. при подражаніи литературамъ европейскимъ и при перенесеніи въ нашу литературу готовыхъ идей, понятій и взглядовъ и готовыхъ литературныхъ формъ, исторически развившихся у западно-европейскихъ

народовъ. Отсюда проистекаютъ всѣ недостатки и всѣ достоинства нашихъ драматическихъ произведеній того времени. Мы видѣли, что Фонъ-Визинъ, при своемъ сильномъ талантѣ, не могъ освободиться вполнѣ отъ подражанія образцамъ ложно-классической комедіи. Тѣмъ менѣе оригинальности мы находимъ въ произведеніяхъ драматическихъ писателей съ посредственнымъ талантомъ: они переносили на нашу сцену нравы и обычаи, по большей части, совершенно чуждые русской жизни. Исключеніе составляетъ въ этомъ случаѣ одинъ *Аблесимовъ*: его комическая опера «Мельникъ, колдунъ, обманщикъ и сватъ» имѣла огромный успѣхъ (была дана 27 разъ сряду), и держалась на сценѣ до 30-хъ годовъ нашего столѣтія. Завязка «Мельника» хотя и напоминаетъ французскіе водевили и оперетки, но сюжетъ его взятъ изъ русскаго народнаго быта, къ которому Аблесимовъ отнесся съ теплой симпатіей. Нѣкоторыя чисто-народныя сцены, простота и естественность въ изображеніи народныхъ нравовъ и наконецъ живая народная рѣчь, пѣсни и куплеты, съ ихъ народными напѣвами,— все это рѣзко отличало «Мельника» Аблесимова отъ многочисленныхъ (*) комедій и оперъ прошлаго столѣтія, выкроенныхъ по французскимъ образцамъ. Въ этомъ народномъ направленіи оперы Аблесимова и заключалась причина ея продолжительнаго успѣха на сценѣ; но оно не было понято и оцѣнено по достоинству въ тогдашней литературѣ. Двѣ-три піесы, написанныя въ подражаніе «Мельнику», были весьма слабы.

Изъ числа многихъ драматическихъ писателей (**) того времени (т. е. писателей, комедій, потому что классическая трагедія не имѣла у насъ многихъ представителей) болѣе выдаются *Княжнинъ* и *Капнистъ*.

---

3. *Княжнинъ*, Яковъ Борисовичъ (1742—1791) принесъ истинную пользу современному русскому театру своими многочисленными драматическими сочиненіями, не смотря на то, что сочиненія эти также

(*) Въ концѣ царствованія Екатерины (1786—1794) академія наукъ издала: «Россійскій ѳеатръ, или полное собраніе россійскихъ театральныхъ сочиненій», которое состоитъ изъ *сорока трехъ* частей.

(**) *Майковъ, Лукинъ, Веревкинъ, Ефимьевъ, Николевъ* и мн. друг.

не болѣе какъ переводы, либо передѣлки, либо подражанія французскимъ образцамъ. Но какъ писатель съ рѣшительнымъ сценическимъ дарованіемъ и какъ человѣкъ истинно-просвѣщенный, Княжнинъ умѣлъ сообщить своимъ піесамъ тотъ благородный образъ мыслей и тѣ высшія идеи и стремленія своего времени, которыми одушевляемъ былъ самъ. Талантъ Княжнина болѣе высказывается въ его комедіяхъ, нежели въ трагедіяхъ: въ послѣднихъ онъ не только строго держался правилъ псевдоклассической школы, но и рабски подражалъ извѣстнымъ французскимъ трагикамъ (Расину, Вольтеру и друг.), не рѣдко заимствуя у нихъ цѣлыя тирады и вставляя ихъ въ свои трагедіи. Такъ его траг. «Владисанъ» заключаетъ въ себѣ многія мѣста, цѣликомъ переведенныя изъ Вольтеровыхъ «Меропы» и «Заиры», «Титово милосердіе» — почти буквальный переводъ оперы Метастазіо того же имени и т. д. (*)

Обо всѣхъ трагедіяхъ Княжнина можно сказать, что онѣ крайне слабы въ художественномъ отношеніи и отличаются бѣдностію содержанія и искуства въ построеніи піесы и развитіи характеровъ, отсутствіемъ дѣйствія и драмматическаго движенія и холодною напыщенностію слога. О соотвѣтствіи героевъ его трагедій изображаемымъ эпохѣ и національности — нечего и говорить: его Россланы и Вадимы, даже самъ римскій императоръ Титъ, говорятъ и думаютъ, какъ думали русскіе образованные люди екатерининскаго вѣка; потому трагедіи Княжнина интересны для насъ не въ художественномъ, а въ историческомъ отношеніи, какъ выраженіе образа мыслей и идей одного изъ просвѣщенныхъ представителей своего времени. Въ свое время пользовались особенно-шумною славою и имѣли большой успѣхъ на сценѣ двѣ трагедіи Княжнина: «Титово милосердіе» и «Росславъ», — первая потому, что здѣсь подъ именемъ мудраго, кроткаго и милосерднаго Тита разумѣлась императрица Екатерина, а вторая — вслѣдствіе высокаго патріотическаго чувства, которымъ одушевленъ герой трагедіи, и вслѣдствіе искусной игры знаменитаго актера Дмитревскаго. Но Росславъ, подобно тому, какъ и всѣ герои въ трагедіяхъ Княжнина, о своемъ геройскомъ патріотизмѣ болѣе говоритъ въ вы-

(*) Вотъ названія всѣхъ трагедій Княжнина: «Дидона», «Владиміръ и Ярополкъ», «Росславъ», «Титово милосердіе», «Софонизба», «Владисанъ» и «Вадимъ новгородскій».

сокопарныхъ рѣчахъ, переполненныхъ тропами и фигурами, нежели показываетъ его на самомъ дѣлѣ.

Въ комедіяхъ Княжнина видно, какъ мы замѣтили, гораздо болѣе дарованія и знанія сцены. Хотя и въ нихъ весьма мало оригинальнаго, хотя и онѣ составляютъ весьма близкое подражаніе или передѣлку французскихъ комедій и переносятъ на нашу сцену не русскіе нравы; но комедіи Княжнина «если и не въ нашихъ нравахъ, то и не въ нравахъ иноплеменныхъ, а развѣ въ нравахъ классической комедіи», — по словамъ кн. Вяземскаго. Большою извѣстностію и успѣхомъ на современной сценѣ пользовались его комедіи: «Хвастунъ» и «Чудаки», которыя безспорно принадлежатъ къ лучшимъ піесамъ русскаго театральнаго репертуара того времени, и двѣ комическія оперы: «Сбитеньщикъ» и «Несчастіе отъ кареты». Понятія Княжнина о комедіи—господствовавшія въ его время понятія французской школы, то есть: черезъ осмѣяніе на сценѣ пороковъ и недостатковъ общества дѣйствовать на исправленіе нравовъ. Въ комедіяхъ Княжнина, несмотря на ихъ близкое сходство съ французскими оригиналами, схвачены очень вѣрно многія черты современной жизни и заключаются многіе намеки на дѣйствительныя современныя явленія; и все это представлено у него, мѣстами, въ истинно-комическихъ сценахъ и съ большимъ остроуміемъ. Вообще наши старыя комедіи не рѣдко являлись съ характеромъ личной сатиры, выводя на сцену извѣстныя личности своего времени. Въ «Словарѣ» Новикова говорится о комедіи Лукина — «Мотъ, любовью исправленный», что «сочинитель ввелъ въ свою комедію два смѣшные подлинника, которыхъ представлявшіе актеры весьма искусныкъ и живымъ подражаніемъ, выговоромъ, ужимками и тѣлодвиженіями, также и сходственнымъ къ тому платьемъ, зрителей весьма смѣшили». Такіе же намеки на современныя личности встрѣчаются и въ другихъ піесахъ, и въ комедіяхъ Княжнина, особенно въ его комедіи «Чудаки», которая, какъ кажется, представляетъ рядъ современныхъ комическихъ портретовъ.

Обѣ комедіи Княжнина написаны стихами. Первая изъ нихъ есть перелицовка на русскіе нравы французской комедіи де-Брюйе (de Brueys): «L'Important». Какъ тамъ, такъ и здѣсь главное дѣйствующее лицо графъ-самозванецъ, который выдаетъ себя за важнаго вельможу при дворѣ, съ цѣлію жениться на богатой провинціальной дво-

рянкѣ. Въ «Хвастунѣ»—«плутоватый дворянчикъ», Верхолетъ (*), повѣсничаетъ, мотаетъ и «по-уши втюрился въ долги» — по словамъ его дяди Простодума; онъ дурачитъ всѣхъ окружающихъ; лжетъ и хвастаетъ своимъ значеніемъ и важнымъ вліяніемъ при дворѣ, своею перепискою съ «королями» и т. д. и притомъ у всѣхъ занимаетъ деньги, а вмѣсто отплаты — предлагаетъ свое покровительство у двора и обѣщаетъ разныя должности и положенія въ государствѣ: «Онъ губернаторства, какъ щепки, раздаетъ», — говоритъ его слуга Пролистъ, произведенный имъ въ секретари и помогающій барину въ его плутняхъ и обманахъ. Посредствомъ такого хвастовства и при легковѣріи среды, въ которой дѣйствуетъ Верхолетъ, онъ едва не женится на дочери богатой, тщеславной и глупой госпожи Чванкиной; но полиція открываетъ его плутни, сажаетъ его въ смирительный домъ — и этимъ полагаетъ развязку комедіи. «Полицейская» развязка въ нашей старой комедіи — самая обыкновенная. «Въ нашихъ комедіяхъ начальство часто занимаетъ мѣсто *рока* (fatum) въ древнихъ трагедіяхъ», — замѣчаетъ кн. Вяземскій по поводу подобной же развязки въ «Недорослѣ», при вмѣшательствѣ намѣстникова чиновника, Правдина. Впрочемъ, этотъ обычай занесенъ къ намъ также изъ старой французской комедіи.

При такомъ не хитромъ содержаніи и не глубокомъ взглядѣ автора на выведенные въ его комедіи характеры, она заключаетъ въ себѣ тѣмъ не менѣе много смѣшныхъ и занимательныхъ сценъ и многія остроумныя и ѣдкія нападки на недостатки и пороки современнаго общества. Хотя глупость и легковѣріе Простодума и Чванкиной слишкомъ утрированы авторомъ, по примѣру французскихъ комедій—изображать все дурное и порочное въ преувеличенномъ и каррикатурномъ видѣ, — но ихъ глупое тщеславіе, ихъ страсть къ чинамъ и знатности, заглушающая въ нихъ всѣ человѣческія чувства и понятія,

(*) Манера — давать дѣйствующимъ лицамъ названія, выражающія ихъ главныя свойства, принадлежитъ вполнѣ нашимъ старымъ комедіямъ, въ которыхъ дѣйствовали: Злорадовы, Добросердовы, Доблестины, Урывай-Алтынины и т. п. Мы видѣли, что отъ этой манеры, по которой уже сама театральная афиша объясняетъ характеры, не былъ свободенъ и самъ Фонъ-Визинъ. Въ комедіяхъ Княжнина дѣйствующія лица носятъ названія: Верхолетовъ, Простодумовъ, Чванкиныхъ, Пролазовъ, Свирѣлкиныхъ и т. п.

составляютъ характеристическія свойства и вѣрныя черты нравовъ современнаго русскаго общества. Потому эти лица въ комедіи изображены удачнѣе другихъ и отличаются мѣстами неподдѣльнымъ комизмомъ. Простодумъ, увидѣвъ роскошную обстановку своего племянника, говоритъ въ восхищеніи:

Сердце прыгаетъ на знать такую глядя.
Какъ свѣтлый мѣсяцъ онъ, весь въ златѣ, въ серебрѣ.
Кого поищетъ Богъ...

Пользуясь этимъ восторгомъ дяди и обѣщая сдѣлать его сенаторомъ, племянникъ беретъ у него въ займы послѣдніе деньги, которые тотъ скопилъ всѣми неправдами:

Три тысячи скопилъ я дома лѣтъ въ десятокъ,
Не хлѣбомъ, не скотомъ, не выводомъ телятокъ,
Но кстати въ *рекруты торгуючи людьми.*

Простодумъ, скрѣпя сердце, отдаетъ ему эти денежки, имѣя въ виду сдѣлаться сенаторомъ и знатнымъ вельможей затѣмъ только, что бы поприжать въ свою очередь богатыхъ деревенскихъ сосѣдей, которые его «своею спесью давятъ». Онъ заносится мечтами о своемъ будущемъ сенаторствѣ и представляетъ себѣ, какъ тогда эти спесивые сосѣди его «опустятъ крылышки, какъ мокры воробьи», а онъ будетъ держать ихъ покрѣпче въ рукахъ — «И какъ на собственныхъ, на ихъ косить лугахъ». Отвѣтъ Пролиста Простодуму, недоумѣвающему какъ тотъ могъ попасть въ секретари, не зная грамоты, не менѣе любопытенъ, какъ черта времени, въ которое такъ много хлопотали объ образованіи. На вопросъ Простодума: «Какъ же ты дѣла-то отправляешь?» (т. е. будучи безграмотнымъ), Пролистъ отвѣчаетъ:

Пословицъ господинъ не помнитъ Простодумъ:
Вы это знаете, что *честь рождаетъ умъ.*
Какъ съ прочими въ чинахъ съ пустою головою,
Сія пословица сбылася и со мною.

Такія же изображенія нравовъ современнаго русскаго общества и остроумныя насмѣшки надъ его недостатками встрѣчаются и въ «Чудакахъ», — хотя эта комедія гораздо менѣе удачна и вся, главнымъ образомъ, вертится на выходкахъ противъ французоманіи, тщеславія и свѣтскости, изображенныхъ въ лицѣ Вѣтромаха. Прочія же лица комедіи: идиллическій вздыхатель, Пріятъ, поэты — элегистъ Сви-

рѣлкинъ и одописецъ Тромпетинъ и друг. ничтожны и слишкомъ каррикатурны, не исключая и самаго главнаго въ комедіи — Лентягина, который плохо списанъ съ главнаго лица комедіи Детуша: «L'homme singulier». Лентягинъ — сынъ кузнеца, пробравшійся въ дворянство, при обладаніи своими несмѣтными богатствами, и корчитъ изъ себя какого-то оригинала. Быть можетъ, это намекъ на какую-нибудь современную личность.

Надъ французоманіей Княжнинъ смѣется еще въ другой своей піесѣ: въ оригинальной комической оперѣ — «Несчастіе отъ кареты». Но въ этой піесѣ у автора проглядываетъ болѣе серьёзная цѣль: обыкновенная сатира комедій Княжнина отзывается легкой шуткой и остроумной насмѣшкой французскихъ комедій; но въ «Несчастіи отъ кареты» (содержаніе которой взято изъ крестьянскаго быта), именно въ сѣтованіяхъ молодаго парня Лукьяна о своей горькой крестьянской долѣ и особенно въ наставленіяхъ его барина, Фирюлина, своему плуту-прикащику, слышится злая и ѣдкая сатира на крѣпостное право. Здѣсь не важно то, что этотъ мотоватый баринъ помѣшался на парижскихъ модахъ и на французскомъ языкѣ. Конечно въ его словахъ, относящихся до галломаніи, заключается много комическаго и остроумнаго: онъ, напримѣръ, въ знакъ своей «сеньорской милости» къ прикащику, котораго до того времени «глупымъ и варварскимъ именемъ Клементія безчестили», жалуетъ въ «Клеманы» за то, что тотъ въ угоду барину — русскому французу — большую часть крестьянъ одѣлъ пофранцузски, и т. п. Все это не важно, равно какъ и то, что Фирюлинъ требуетъ отъ этого Клемана денегъ на покупку парижской кареты, не обращая вниманія на отговорки послѣдняго, что денегъ не откуда достать, что хлѣбъ не родился и проч. Но важно то, съ какимъ ужаснымъ цинизмомъ Фирюлинъ даетъ слѣдующій совѣтъ или приказаніе своему прикащику: «Мало ли есть способовъ достать денегъ! Напримѣръ, нѣтъ ли у васъ *на продажу* годныхъ людей въ рекруты? *Нахватай ихъ и продай*». Эта опера Княжнина имѣла большой успѣхъ и долго держалась на сценѣ вслѣдствіе многихъ комическихъ мѣстъ и остроумныхъ выходокъ противъ безразсуднаго мотовства и галломаніи тогдашнихъ русскихъ баръ.

Княжнинъ былъ хорошо знакомъ съ иностранными языками и литературами — французской, нѣмецкой и итальянской, носилъ званіе чле-

на россійской академіи, служилъ нѣкоторое время при извѣстномъ Бецкомъ и преподавалъ словесность въ высшихъ классахъ кадетскаго корпуса.

---

4. Къ лучшимъ драматическимъ произведеніямъ прошлаго вѣка принадлежитъ комедія *Капниста* «Ябеда», первый разъ представленная въ 1796 г. и державшаяся на нашей сценѣ почти до позднѣйшаго времени, когда появился «Ревизоръ» Гоголя. Комедія Капниста пользовалась большимъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ по смѣлости своего содержанія и по той благородной цѣли, съ которою она написана. Въ посвященіи своей комедіи императору Павлу, авторъ говоритъ, что «обнаживъ всю гнусность *мздоимства* и *ябеды*, онъ отдаетъ ихъ на посмѣянье свѣта». Потому «Ябеда» Капниста замѣчательна не какъ комедія въ собственномъ смыслѣ; ибо въ ней нѣтъ ни движенія, ни обыкновеннаго сценическаго дѣйствія, ни даже комизма; сюжетъ ея ничтоженъ и заключается въ свадьбѣ съ препятствіями; но она замѣчательна, какъ смѣлая и благородная сатира на неправосудіе, на «мздоимство и ябеду», — двѣ страшныя язвы, терзавшія русское общество прошлаго времени. Ябедникъ Праволовъ, предсѣдатель гражданской палаты, Кривосудовъ, и всѣ члены ея, между которыми одинъ только и есть честный человѣкъ, повытчикъ Добровъ, и наконецъ прокуроръ Хватайко, который «не гнетъ и пальца даромъ», который въ пѣсенкѣ на пирушкѣ у предсѣдателя поетъ:

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно взять.
На что жъ привѣшаны намъ руки,
Какъ ни на то, чтобъ брать? —

всѣ эти лица изображены въ комедіи Капниста ярко и мѣтко, съ потрясающею вѣрностію дѣйствительности, съ ихъ циническимъ взгля-

---

(*) *Капнистъ*, Василій Вас. (1757—1844) написалъ и нѣсколько другихъ, — весьма впрочемъ посредственныхъ — комедій и извѣстенъ въ нашей литературѣ прошлаго вѣка какъ поэтъ-лирикъ, въ стихахъ котораго тонъ торжественной державинской лирики начинаетъ уступать мѣсто элегическому и грустному тону; но Капнистъ, по словамъ Бѣлинскаго, въ своихъ элегическихъ одахъ «часто злоупотреблялъ своею грустію и слезами, ибо грустилъ и плакалъ въ одной и той же одѣ на нѣсколькихъ страницахъ».

домъ на дѣло правосудія, съ ихъ плутнями, грабительствомъ и продажностію. Потому о «Ябедѣ» Капниста можно сказать то же, что о «Недорослѣ» Фонъ-Визина: она не только хорошее литературное произведеніе, но и доброе дѣло автора, смѣло обличившаго и выставившаго на всеобщее посмѣяніе одинъ изъ господствующихъ пороковъ общества. Капнистъ нажилъ себѣ много враговъ и недоброжелателей своей комедіей; но она давалась на театрахъ столичныхъ и провинціальныхъ съ постояннымъ успѣхомъ.

---

5. Екатерина II имѣла вліяніе на современную ей русскую литературу, какъ мы видѣли, посредствомъ тѣхъ принциповъ и началъ, которые изложены въ ея Наказѣ и которые вытекали изо всей ея преобразовательной дѣятельности; но она, кромѣ того, имѣла и непосредственное вліяніе на литературу: многочисленныя и разнообразныя сочиненія, написанныя ею въ разное время, давали, такъ сказать, тонъ, служили примѣромъ и ободреніемъ для дѣятельности современныхъ ей русскихъ писателей. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи ея комедіи и мелкія сатирическія статьи, извѣстныя подъ именемъ «Былей и небылицъ». Если эти литературные труды Екатерины не отличаются особенными поэтическими и литературными достоинствами, то имъ никакъ нельзя отказать въ важномъ историческомъ значеніи для своего времени.

Какова была цѣль Екатерины, что могло побуждать ее, въ ея царственномъ положеніи, посвящать свои досуги сочиненію комедій и мелкихъ сатирическихъ бездѣлокъ?—Въ одномъ изъ лучшихъ сатирическихъ стихотвореній Державина («На счастіе») есть слѣдующіе стихи, касающіеся комедій Екатерины II:

Въ тѣ дни, какъ мудрость среди троновъ,
. . . .
. . . . . перышкомъ своимъ искуснымъ,
Не ссоряся никакъ, ни съ кѣмъ,
Для общей и своей забавы,
Комедьи пишетъ, чиститъ нравы, и проч.

И такъ, по понятіямъ современниковъ, цѣль комедій Екатерины

заключалась въ томъ, чтобы «чистить нравы», т. е.—указывать на то, что, по ея мнѣнію, было дурнаго въ нравахъ тогдашняго русскаго общества, съ намѣреніемъ исправлять ихъ. «Комедія представляетъ *дурные нравы* — (говоритъ Екатерина словами одного изъ дѣйствующихъ лицъ своей комедіи: «Имянины г-жи Ворчалкиной») — и осмѣхаетъ то, что смѣха достойно... Потому, еслибъ я примѣтилъ въ ней себя самаго представленна и узналъ чрезъ то, что смѣшное во мнѣ есть, то бъ я старался *исправиться и побѣдить мои пороки*». Изъ этого ясно, что Екатерина избрала литературную сатиру, какъ одно изъ орудій для дѣйствія на общество и для выраженія въ ней своихъ собственныхъ мыслей и желаній, относительно общественныхъ нравовъ и понятій. Драматическихъ достоинствъ, т. е. драматическаго дѣйствія и развитія характеровъ мы не найдемъ въ ея комедіяхъ, не найдемъ въ нихъ и полной картины или всесторонняго описанія нравовъ: онѣ представляютъ не болѣе, какъ современные портреты, и портреты, вѣроятно, по большей части списанные съ натуры. (*) Но комедіи Екатерины, равно какъ и ея сатирическія статьи, заключаютъ въ себѣ не малый интересъ въ историческомъ отношеніи, по ихъ близкому отношенію къ ея времени, по выраженію въ нихъ ея собственныхъ взглядовъ на современное общество и по тому вліянію, которое онѣ имѣли на современную литературную сатиру вообще.

Первыя изъ комедій Екатерины: «О время!», «Имянины г-жи Ворчалкиной», «Г-жа Вѣстникова съ семьею» и нѣкоторыя другія были сочинены ею въ 1772, когда она удалилась въ Ярославль, во время чумы, и жила тамъ очень уединенно. Объ этомъ упомянуто при самомъ напечатаніи нѣкоторыхъ комедій, въ ихъ заглавіи. Въ комедіи «О время!» главное дѣйствующее лицо — *Ханжихина*. Уже это названіе показываетъ, что цѣль комедіи — подвергнуть осмѣянію ханжество и суевѣріе людей стараго покроя. Въ «Имянинахъ г-жи Вор-

(*) На это есть указанія и въ самихъ комедіяхъ. *Ворчалкина* («Имянины г-жи В—ной») говоритъ: «Вотъ сказываютъ сдѣлана комедь намъ въ ругательство (ком. Екатерины: «О время!»). Сказываютъ, что сватья моя, да кума тамъ представлены; да таки точнёхонько тутъ описаны», и проч. Комедіи Екатерины игрались на «эрмитажномъ» театрѣ, при дворѣ; часто нѣкоторые изъ гостей узнавали себя въ выведенныхъ портретахъ и должны были краснѣть и приходить въ смущеніе передъ вѣнценоснымъ авторомъ.

чалкиной», одинъ изъ резонёровъ, Таларикинъ, говоритъ, что когда была представлена комедія «О время!», то зрители «смѣялись очень много, для того, что смѣшные изображены въ ней характеры... Сочинитель этой комедіи — прибавляетъ онъ — хотѣлъ вывести на театръ три порока и вывелъ въ образѣ трехъ женщинъ: одна была скупая, другая — взбалмочная вѣстовщица, а третія суевѣрна». Скупость и суевѣріе изображены въ лицѣ Ханжихиной, которая живетъ въ Москвѣ; къ ней «наѣзжаютъ подобныя ей барыни, которыя обыкновенно забавляютъ ее вѣстями, изо всѣхъ угловъ города собранными», — какъ объясняетъ ея служанка Мавра. Между ними выведены на сцену *Вѣстникова* и *Чудихина*, — такія же суевѣрныя барыни, какъ и Ханжихина, сплетницы и вѣстовщицы, порицающія всѣ новые порядки, особенно новое воспитаніе. Но главный интересъ піесы основанъ на характерѣ Ханжихиной: она «ханжитъ много, наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ, но о добродѣтеляхъ ея не слышно», по словамъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ піесы (Непустова). Всѣ добродѣтели ея заключаются «въ долгихъ молитвахъ и въ наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ». Ханжихина, по словамъ Мавры, слѣдующимъ образомъ проводитъ свой день: «Встаетъ въ 6 часовъ, и слѣдуя древнему похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохи и поетъ стихъ: *Блаженъ, кто и скоты милуетъ!* А при семъ пѣніи и насъ также миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы, то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на канюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило, то со внучкою, для чего она молода, бранится», и проч. Когда соберутся къ ней вѣстовщицы и сплетницы, то онѣ вмѣстѣ «переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ по христіанской любви всѣхъ на перечетъ». Къ тому еще Ханжихина отличается скаредною скупостію: она проповѣдуетъ своимъ людямъ «о молитвѣ, постѣ и воздержаніи» особенно во время раздачи положеннаго имъ содержанія («мѣсячины и указнаго») и не любитъ платить долговъ; занимаетъ день-

ги по шести процентовъ, съ тѣмъ, чтобы отдавать ихъ въ ростъ по шестнадцати. Она бранитъ нынѣшніе обычаи и называетъ свою горничную Мавру «босурманкой» за то, что та иногда читаетъ «Ежемѣсячныя сочиненія» (*). Въ рѣчахъ Чудихиной выражается также ропотъ и недовольство новыми преобразованіями и новымъ воспитаніемъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ совсѣмъ сталъ превратенъ — говоритъ она — и науки-то чужіе врагъ къ намъ принесъ, такъ все стало и дурно и время-то безтолково». Чудихина даетъ такое же воспитаніе своему 18-лѣтнему сыну, Николашкѣ, какое получилъ Митрофанушка: она его откармливаетъ *тёшой*, блинами да сластями; а въ грамотѣ онъ успѣлъ доучить азбуку и готовился начать часословъ. Она возстаетъ противъ того, что дѣвушекъ стали учить грамотѣ: «На что дѣвокъ учить грамотѣ? Меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше врётъ.... Нынче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ Питерѣ учатъ. Быть добру!» Но авторъ комедіи въ тоже время и самъ осуждаетъ нѣкоторыя явленія въ людяхъ новаго воспитанія, какъ напримѣръ: роскошь, мотовство, долги, жизнь «по модѣ», т. е. что «многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки дерзко противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются», — и восхваляетъ «старинную» искренность, вѣрность дружбы и честность.

Изъ этого разбора содержанія комедіи «О время!» мы видимъ, что сатира Екатерины была направлена, главнымъ образомъ, противъ ханжества, недостатковъ воспитанія и нравственнаго безпорядка въ семейной жизни. Тѣ же мотивы сатиры повторяются болѣе или менѣе и въ ея другихъ комедіяхъ. Такъ, въ «Именинахъ г-жи Ворчалкиной» представлена госпожа, отличающаяся безтолковою ворчливостію, которая порицаетъ всѣ новые порядки и преобразованія, — какъ это дѣлаютъ Ханжихина, Чудихина и Вѣстникова въ комедіи «О время!» Это — люди стараго воспитанія, недовольные новыми порядками — вслѣдствіе невѣжества, дикости и отсталости своихъ понятій. Но другой разрядъ лицъ, какъ напримѣръ: дочь Ворчалкиной, Олимпіада, и Фирлюфюшковъ представляютъ, напротивъ, образецъ новаго, но превратнаго, воспитанія. Это—тѣ личности новаго времени, зараженныя ложнымъ европеизмомъ, французоманіей и т. п. которыя осмѣяны еще

(*) Періодическое изданіе. См. ниже.

Фонъ-Визинымъ въ его «Бригадирѣ». Тѣ же вопросы о недостаткахъ воспитанія и о современномъ невѣжествѣ составляютъ главную сущность и комедій Екатерины: «Вѣстникова съ семьею», «Передняя знатнаго барина» и другихъ, заключающихъ въ себѣ, кромѣ того, «придворныя и постороннія сплетни, пронырства и затѣи», которыя императрица любила обыкновенно осмѣивать своими комедіями. («Фонъ-Визинъ», кн. Вяземскаго, 198). Но съ особенною цѣлію написаны ею въ 1786 году три комедіи: «Обольщенный», «Обманщикъ» и «Шаманъ сибирскій». Мистическія ученія разнаго рода, какъ-то: теософизмъ, иллюминатизмъ, мартинизмъ и т. п., возникшія въ западной Европѣ преимущественно какъ оппозиція матерьялистическимъ и скептическимъ философскимъ системамъ, начали находить себѣ сочувствіе и въ русскомъ обществѣ того времени, — какъ мы это увидимъ далѣе. Екатерина, по свойству своего положительнаго и практическаго ума и по склонности къ ученію энциклопедистовъ, не любившая мистиковъ, всегда преслѣдовала своими насмѣшками ихъ ученіе и ихъ таинственныя и неопредѣленныя стремленія. Ненависть ея къ мистикамъ еще болѣе усилилась послѣ того, когда пріѣздъ въ Россію (1777) и пребываніе въ Петербургѣ загадочной личности Каліостро произвели вліяніе на нѣкоторыхъ членовъ тогдашняго высшаго общества столицы. Всѣ три названныя комедіи собственно и направлены противъ Каліостро, изображеннаго въ нихъ шарлатаномъ, который своими продѣлками и фокусами успѣлъ увлечь многихъ легковѣрныхъ. Цѣль Екатерины была — показать смѣшную сторону мистицизма, по его отношенію къ человѣческому разуму и здравому смыслу, и выставить въ комическомъ положеніи приверженцевъ всѣхъ таинственныхъ обществъ и послѣдователей мистическихъ ученій. Потому она въ своихъ комедіяхъ преслѣдуетъ сарказмами съ одной стороны — таинственный и непонятный языкъ этихъ обществъ и ученій, ихъ странные обряды, ихъ занятія алхиміей, ихъ увѣренія въ сношеніи съ духами, въ призываніи мертвыхъ и т. п., а съ другой — зло смѣется, какъ надъ жертвами обмана, надъ тѣми, кого увлекали шарлатаны-мистики, подобные Каліостро. Такъ въ комедіи «Обольщенный», *Радотовъ* (отъ франц. radoter) увлеченъ въ одно мистическое общество, которое занимается алхиміей, добываніемъ золота, вызыва-

ніемъ духовъ и т. п. Онъ заразился всѣми его мистическими бреднями, сталъ изъясняться какимъ-то непонятнымъ, таинственнымъ языкомъ и т. д. а потомъ оказывается, что онъ былъ обманываемъ. Въ комедіяхъ: «Обманщикъ» и «Шаманъ сибирскій» заключаются прямые намеки на Каліостро (выведеннаго въ первой комедіи подъ именемъ *Калифалкжерстона*) и насмѣшки надъ тѣми, кто былъ имъ увлеченъ (*).

Въ «Быляхъ и небылицахъ» Екатерины содержатся мелкія сатирическія замѣтки о нравахъ современнаго общества, о вліяніи на нравы разныхъ правительственныхъ преобразованій, дѣлается сравненіе современнаго положенія общества съ прежнимъ, прежнихъ нравовъ и понятій съ нынѣшними и т. п. Главный предметъ сатиры составляютъ все тѣ же недостатки воспитанія, безпорядочная жизнь дворянъ, ихъ роскошь, мотовство, долги, смѣшное подражаніе модамъ, — словомъ то же самое, противъ чего вооружаются и ея комедіи. Все это излагается въ легкомъ, юмористическомъ тонѣ, въ поученіяхъ какого-то дѣдушки, въ разсказахъ и письмахъ къ «господину сочинителю Былей и небылицъ» отъ разныхъ вымышленныхъ лицъ — дьячка, портнаго и другихъ.

Къ разряду сатирическихъ писателей екатерининскаго времени должны быть отнесены еще: *Хемницеръ* и *Богдановичъ*.

3. *Хемницеръ*, Иванъ Ивановичъ (1744—1784) въ молодости, по желанію отца, началъ учиться медицинѣ; но чувствуя отвращеніе къ анатомическимъ занятіямъ, бросилъ медицину и скоро поступилъ въ военную службу. Послѣ участія въ семилѣтней и въ первой турецкой войнѣ, онъ бросилъ однако и военное поприще, также мало соотвѣтствовавшее, какъ и медицина, его природнымъ наклонностямъ: о военной

(*) Между прочими драматическими піесами Екатерины слѣдуетъ упомянуть еще о комедіи: «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье!» передѣланной на русскіе нравы (впрочемъ весьма плохо) изъ Шекспировой комедіи «Виндзорскія кумушки» (The marry waves of Vindsor) и о піесахъ: «Историческое представленіе изъ жизни Рюрика» и «Начальное правленіе Олега», названныхъ въ заглавіи «подражаніями Шекспиру, безъ сохраненія ѳеатральныхъ обыкновенныхъ правилъ». Но въ этихъ піесахъ нѣтъ ничего шекспировскаго, а въ двухъ послѣднихъ — и ничего вѣрнаго исторической эпохѣ, изъ которой взятъ ихъ сюжетъ. Екатерина хотѣла только высказать здѣсь нѣкоторыя изъ своихъ политическихъ взглядовъ и идей.

службѣ онъ говорилъ потомъ, что «изъ анотомической залы попалъ на обширный хирургическій театръ». Опредѣлившись затѣмъ въ горное училище, Хемницеръ долженъ былъ получаемымъ жалованьемъ содержать не только себя, но и семейство, т. е. мать и двухъ сестеръ. Это стѣсненное положеніе бросило его на литературный путь: зная языки французскій и нѣмецкій, онъ принялся за переводы для печати и сталъ писать стихи, которые помѣщались въ нѣкоторыхъ тогдашнихъ журналахъ. Въ тоже время онъ переводилъ спеціальныя сочиненія по горной части и, въ подражаніе Лафонтену,—своему любимому писателю,—началъ сочинять басни, которыя однако не отдавалъ въ печать и не показывалъ даже близкимъ друзьямъ своимъ. Въ 1776 году вмѣстѣ съ Соймоновымъ, директоромъ горнаго корпуса, Хемницеръ уѣхалъ за границу, проживъ около двухъ лѣтъ въ Германіи, Франціи и Голландіи.

Друзья Хемницера, — Капнистъ и Львовъ, — уговаривали его издать свои басни въ свѣтъ; но онъ долго не соглашался на это, опасаясь, чтобы нѣкоторыя «явныя намеки» на современность не были перетолкованы дурно для него и не повредили бы ему по службѣ; рѣшившись же ихъ напечатать, онъ не выставилъ на первомъ изданіи басень своего имени, которое сдѣлалось извѣстно публикѣ только спустя одиннадцать лѣтъ послѣ смерти автора.

Оставивъ службу въ горномъ училищѣ, послѣ смерти Соймонова, Хемницеръ получилъ мѣсто русскаго генеральнаго консула въ Смирнѣ, которое доставила ему княгиня Дашкова, считавшая своею обязанностію, какъ директоръ академіи, покровительствовать писателямъ. Но Хемницеръ не прожилъ въ Смирнѣ и двухъ лѣтъ: онъ стосковался по родинѣ, заболѣлъ и, возвращаясь въ Россію, умеръ и похороненъ въ Николаевѣ. На его гробницѣ изсѣчена слѣдующая эпитафія, имъ самимъ сочиненная:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Этотъ мотивъ о бѣдности и о честномъ трудѣ, рѣдко вознаграждаемомъ въ обществѣ по достоинству, мотивъ, имѣвшій прямое отношеніе къ собственной жизни Хемницера, часто повторяется и въ его басняхъ, изъ которыхъ многія написаны на тему, что честно-трудящемуся, умному, образованному, но скромному человѣку гораздо труднѣе жить въ свѣтѣ, нежели дураку и богатому.

Въ исторіи нашей литературы Хемницеръ имѣетъ значеніе, какъ первый русскій баснописецъ. Нѣкоторыя изъ его басень принадлежатъ къ подражаніямъ и переводамъ изъ Лафонтена и изъ нѣмецкаго баснописца Геллерта. «Между баснями Хемницера — говоритъ Бѣлинскій— есть нѣсколько истинно-прекрасныхъ и по языку и по стиху и по наивному остроумію». И это совершенно справедливо. Въ числѣ 86 его басень есть много вполнѣ прекрасныхъ и по мыслямъ и по языку и особенно по той, съ виду простодушной, но въ сущности очень злой и остроумной сатирѣ, которая составляетъ отличительное свойство басень Хемницера. Таковы, напримѣръ, басни: «Воля и неволя», «Зеленый оселъ», «Медвѣдь плясунъ», «Часовая стрѣлка», «Лѣстница» и мног. друг. Басня «Метафизикъ», заключающая въ себѣ злую сатиру на схоластическую науку и на школьныхъ вралей, — самая извѣстная и безспорно одна изъ лучшихъ басень Хемницера. Сатирическія выходки, прикрытыя какою-то наивною простотою, встрѣчаются почти въ каждой баснѣ его; какъ напримѣръ:

Въ баснѣ «Лѣстница»:

На что бы походило,
Когда бъ въ правленіи, въ какомъ-бы то ни было,
Не съ высшихъ степеней, а съ нижнихъ начинать
Порядокъ наблюдать.

Въ баснѣ «Паукъ и мухи»:

А это и съ людьми бываетъ,
Что маленькимъ, куда
Ни обернись, бѣда:
Воръ, напримѣръ, большой, хоть въ кражѣ попадется,
Выходитъ правъ изъ-подъ суда,
А маленькій наказанъ остается.

Заключеніе басни «Метафизикъ»:

Что если бы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому въ товарищи послать.
Да яма надобна большая!

Въ баснѣ «Поборъ львиный»:

Гдѣ сборы,
Тутъ и воры

И дѣло это таково,
Чѣмъ больше сборщиковъ, тѣмъ больше воровство.

Басни Хемницера, при первомъ появленіи въ свѣтъ, прошли почти незамѣченными, да и впослѣдствіи не пользовались вообще большою извѣстностію и успѣхомъ у такъ называемой образованной читающей публики; но замѣчательно то, что онѣ постоянно издавались и теперь еще издаются, въ дешевыхъ, преимуществено московскихъ, изданіяхъ, которыя во множествѣ расходятся въ средѣ простаго народа.

---

4. *Богдановичъ*, Ипполитъ Ѳедоровичъ (1743—1803). Извѣстность Богдановича въ русской литературѣ основана на его поэмѣ, или стихотворной повѣсти сатирическаго содержанія: «Душенька», пользовавшейся въ свое время чрезвычайнымъ успѣхомъ и доставившей автору громкую славу даровитаго поэта и остроумнаго писателя. Почти всѣ русскіе поэты до самаго Пушкина писали посланія, мадригалы, надписи къ портрету и т. п. въ честь Богдановича и въ восторженныхъ стихахъ величали его не иначе, какъ «пѣвцомъ Душеньки». Главный періодъ литературной дѣятельности Богдановича принадлежитъ къ екатерининскому времени. Воспитаніе получилъ онъ въ московскомъ университетѣ, находясь подъ вліяніемъ и пользуясь покровительствомъ Хераскова; былъ за границей, служилъ секретаремъ русскаго посольства въ Дрезденѣ, жилъ впослѣдствіи въ Петербургѣ, а потомъ въ Курскѣ, гдѣ и умеръ. Познакомившись съ иностранными литературами, Богдановичъ много переводилъ съ французскаго. Онъ перевелъ между прочимъ поэму Вольтера: «На разрушеніе Лиссабона», написалъ одну драмму «Славяне», одну дидактическую поэму, одну драмматическую піесу въ лирико-комическомъ родѣ: «Радость Душеньки», много мелкихъ стихотвореній, преимущественно пѣсень, и по порученію императрицы составилъ и издалъ «Собраніе русскихъ пословицъ» (*). Кромѣ того, онъ издавалъ журналъ: «С.-Пе-

(*) Въ этомъ сборникѣ Богдановичъ большую часть народныхъ пословицъ исказилъ самымъ немилосерднымъ образомъ: полагая, что пословицы, измѣнялись и искажались отъ времени и отъ постояннаго употребленія въ устахъ народа, и что всѣ онѣ первоначально появлялись въ «правильной» стихотворной формѣ и не-

тербургскій вѣстникъ». Но Богдановичъ составилъ себѣ литературную извѣстность и пріобрелъ славу поэта, какъ мы сказали, своей поэмой «Душенька».

Содержаніе этой поэмы онъ взялъ изъ повѣсти Лафонтена: «Les amours de Psyché», которую Лафонтенъ заимствовалъ въ свою очередь изъ Апулеева миѳолого-сатирическаго романа: «Золотой оселъ» (*). Поэма Богдановича восхищала современниковъ легкостію и красотою своихъ стиховъ, шутливымъ тономъ и вольностію въ описаніяхъ и въ изображеніи нѣкоторыхъ положеній героевъ и героинь поэмы.

Понятно, что въ сравненіи съ напыщенными стихами Хераскова и другихъ поэтовъ реторической школы стихи Богдановича, каковы, напримѣръ, хоть эти:

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
По образу ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ль сидишь ты возлѣ шалаша
Во всѣхъ ты чудо свѣта, и проч.

должны были показаться современникамъ гладкими и легкими. Громкія оды и тяжеловѣсныя поэмы удивляли, поражали читателей, но не восхищали, не трогали ихъ и начинали уже понемногу надоѣдать. Въ «Душенькѣ» же они встрѣтили впервые необыкновенно-легкіе для того времени стихи и отсутствіе того тяжелаго и напыщенно-восторженнаго тона, который господствовалъ въ одахъ и эпическихъ поэмахъ. И вотъ всѣ пришли въ восторгъ отъ подобной небывальщины въ русской литературѣ. Это былъ первый образецъ русской стихотворной повѣсти, написанной довольно непринужденнымъ языкомъ. Такимъ образомъ поэма Богдановича имѣетъ значеніе, какъ фактъ въ

премѣнно съ «богатой риѳмой», — онъ переложилъ всѣ собранныя имъ пословицы въ стихи съ риѳмами; такъ напримѣръ, слѣдующіе стихи:

Отъ рыцарскаго рода
Въ роднѣ не безъ урода

замѣняютъ въ его сборникѣ пословицу: «въ семьѣ не безъ урода», и т. д.

(*) *Апулей* (Lucius Apuleius) римскій писатель и философъ платонической школы, жившій во II вѣкѣ христ. эры. Его остроумный романъ: «Превращеніе или золотой оселъ», въ 2-хъ книгахъ, заключающій въ себѣ сатиру на жизнь современнаго римскаго общества, пользовался большою извѣстностію въ европейскихъ литературахъ прежняго времени, особенно во французской, гдѣ имѣлъ нѣсколько переводовъ.

исторіи развитія русскаго стихотворства и въ литературномъ образованіи самаго русскаго общества. Но въ художественномъ отношеніи она не отличается никакими безотносительно-поэтическими достоинствами: она ни по содержанію своему, ни по формѣ нимало не напоминаетъ прелестный древне-эллинскій миѳъ о «Психеѣ», (т. е. душѣ) на которомъ собственно основана. Самая мысль переложить этотъ миѳъ на русскіе нравы, какъ сдѣлалъ Богдановичъ, одѣть Психею въ русскій сарафанъ, смѣшать миѳологическія лица древности съ славянской миѳологіей и т. п. — все это указываетъ на крайне-ограниченныя понятія нашего автора о поэтическомъ искуствѣ, даже въ томъ смыслѣ, какъ оно было понимаемо въ его время. Оттого, въ его поэмѣ нѣтъ ничего изящнаго, ничего естественно-игриваго, веселаго и остроумнаго, какъ въ романѣ Апулея, и тѣмъ болѣе, — нѣтъ ничего граціознаго; а шутки, разсыпанныя въ «Душенькѣ» и казавшіяся прежде остроумными и наивными, намъ могутъ показаться теперь скорѣе шутками дурнаго тона. Тѣмъ не менѣе «Душенька» Богдановича пользовалась въ свое время громаднымъ успѣхомъ, имѣла множество изданій и продолжала издаваться еще въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія.

Журнальная литература. Сатирическіе журналы. Дѣятельность Новикова. Радищевъ. — Мы упоминали (стр. 538), что первоначальныя «русскія вѣдомости», основанныя въ царствованіе Петра, переданы были въ 1728 году въ завѣдываніе академіи наукъ. До того времени русскія вѣдомости издавались попеременно то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ. Правильное же изданіе «С-тъПетербургскихъ вѣдомостей» началось собственно съ поступленія ихъ въ завѣдываніе академіи и съ порученія ихъ редакціи академику *Миллеру*; а изданіе особыхъ вѣдомостей въ Москвѣ было возобновлено только съ основанія московскаго университета (1756), при которомъ стали съ того времени выходить постоянно «Московскія вѣдомости»; профессоры университета: *Поповскій* и *Барсовъ* считаются первыми редакторами «Московскихъ вѣдомостей». Но какъ тѣ, такъ и другія вѣдомости въ сущности были газетами политическаго содержанія и имѣли офиціальный характеръ. Хотя Миллеръ и выдавалъ къ петербургскимъ вѣдомостямъ «примѣ-

чанія», въ которыхъ помѣщалъ историческія, географическія и другія свѣдѣнія, необходимыя тогдашнимъ русскимъ читателямъ для яснаго пониманія политическихъ «вѣдомостей», и хотя онъ, по его словамъ, старался помѣщать въ примѣчаніяхъ все, «что пріятнаго и полезнаго изыщетъ» для своихъ читателей; но не съ этихъ «примѣчаній», а съ основаннаго тѣмъ же Миллеромъ въ 1755 году журнала: «Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія» собственно начинается исторія русской журнальной литературы. «Ежемѣсячныя сочиненія» Миллера были первымъ у насъ «литературнымъ» журналомъ, основаннымъ по образцу иностранныхъ, преимущественно нѣмецкихъ, изданій такого рода. Въ объявленіи объ изданіи своего журнала Миллеръ говорилъ, что онъ поставилъ себѣ за правило «писать такимъ образомъ, чтобы всякій, какого бы кто званія или понятія ни былъ, могъ разумѣть предлагаемыя матеріи». А «матеріи», предлагавшіяся въ его «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ», состояли изъ статей научнаго и литературнаго содержанія,—согласно самому названію журнала, который хотѣлъ служить «не только для пользы, но и для увеселенія читателей», и потому помѣщалъ у себя не только статьи ученаго содержанія, но и «стихотворенія, нравоучительныя притчи, сны, повѣсти и подобныя тому описанія». Стихотворенія давали въ журналъ Миллера лучшіе тогдашніе стихотворцы: Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ и другіе; а притчи, повѣсти и т. п. литературныя статьи, о которыхъ сказано въ программѣ журнала, состояли почти исключительно изъ переводовъ, заимствованныхъ изъ иностранныхъ журналовъ, и отличались нравственнымъ и поучительнымъ тономъ; большая часть литературныхъ статей излагалась въ аллегорической формѣ и содержаніемъ своимъ касалась общихъ разсужденій о добродѣтеляхъ и порокахъ, к. н. статьи: «о благоразуміи», «о порокахъ и человѣческихъ жалобахъ». и т. п. Ученый отдѣлъ журнала, которому Миллеръ все же давалъ преимущество передъ отдѣломъ литературнымъ, наполнялся также переводами съ иностраннаго; переводили на русскій языкъ статьи для «Ежемѣсячныхъ сочиненій» офиціальные переводчики (какъ напримѣръ, адьюнктъ Мотонисъ) и студенты академіи. Миллеръ здѣсь же помѣщалъ, въ цѣломъ, или въ отрывкахъ, и большую часть собственныхъ сочиненій, относившихся до исторіи

Россіи: о «Несторѣ», о «Происхожденіи россійскаго народа», о «Запорожцахъ» и друг.

Въ какой мѣрѣ этотъ первый у насъ литературный журналъ удовлетворялъ потребностямъ тогдашняго общества и каково было вообще его вліяніе на тогдашнюю читающую публику,—объ этомъ, по недостатку положительныхъ свѣдѣній, мы не можемъ судить съ достовѣрностію. Нѣкоторыя современныя извѣстія, подтверждаемыя свидѣтельствомъ митрополита Евгенія, заставляютъ впрочемъ думать, что «Ежемѣсячныя сочиненія» имѣли успѣхъ и охотно читались современниками. При разборѣ комедій Екатерины II мы видѣли также, что одно изъ лицъ комедіи «О время!» упоминаетъ о чтеніи «Ежемѣсячныхъ сочиненій». Можно сказать вообще, что журналъ Миллера, при ничтожномъ развитіи у насъ въ то время литературнаго дѣла, по серьезности и дѣльности содержанія большей части своихъ статей, могъ принести существенную пользу современнымъ русскимъ читателямъ, знакомя ихъ съ тогдашнимъ состояніемъ и успѣхами наукъ и литературы на западѣ Европы, равно какъ и съ состояніемъ литературы отечественной и зачинавшейся у насъ науки.

Четыре года спустя послѣ появленія «Ежемѣсячныхъ сочиненій» (изданіе которыхъ прекратилось въ 1764 году), появился и другой литературный журналъ, который сталъ издавать — также ежемѣсячно — Сумароковъ, подъ именемъ «Трудолюбивой пчелы». Кажется, журналъ Сумарокова пользовался большею популярностію и извѣстностію въ средѣ тогдашнихъ читателей, нежели «Ежемѣсячныя сочиненія», не смотря на то, что послѣднія издавались съ бо̀льшимъ знаніемъ дѣла и что редакторъ ихъ обладалъ бо̀льшимъ запасомъ научныхъ и литературныхъ свѣдѣній. Сумароковъ наполнялъ по большей части свою «Пчелу» собственными сочиненіями, между которыми играли здѣсь главную роль его сатирическія и критическія статьи, т. е. его стихотворныя сатиры и прозаическія сочиненія, направленныя противъ недостатковъ и пороковъ современнаго общества, какъ напримѣръ: его нападки на неправедныхъ судей и приказныхъ или на «крапивное сѣмя», — по любимому выраженію Сумарокова, — его «Сонъ о счастливомъ обществѣ», его перебранки съ своими литературными соперниками и т. п. Сатирическія и полемическія статьи

Сумарокова придавали оживленный характеръ его журналу и нравились большинству читателей, такъ что «Трудолюбивая пчела» въ 1780 г. вышла вторымъ изданіемъ. Но въ остальныхъ частяхъ своихъ журналъ Сумарокова представлялъ весьма мало интереснаго или поучительнаго чтенія. Кромѣ собственныхъ сочиненій издателя, въ «Трудолюбивой пчелѣ» иногда помѣщались статьи: Козицкаго, Мотониса и даже Тредьяковскаго, не смотря на постоянную литературную вражду, которая существовала между нимъ и Сумароковымъ (*).

Послѣ Пчелы Сумарокова появилось еще нѣсколько литературныхъ журналовъ: «Полезное увеселеніе», Хераскова и другіе. Но, какъ видно, эти журналы не удовлетворяли живымъ потребностямъ тогдашняго грамотнаго люда, не пользовались большою извѣстностію и имѣли весьма ограниченный кругъ читателей: они вообще не представляютъ ничего примѣчательнаго ни въ литературномъ, ни въ общественномъ отношеніи и заслуживаютъ упоминанія только какъ первыя по времени своего появленія у насъ періодическія литературныя изданія. Но совершенно иное значеніе имѣютъ и отличаются совершенно инымъ характеромъ журналы, явившіеся десять лѣтъ спустя послѣ «Трудолюбивой пчелы» Сумарокова, именно въ 1769 году. Это одинъ изъ весьма интересныхъ эпизодовъ въ исторіи нашей журнальной литературы прошлаго вѣка: тутъ въ ней обнаруживается какая-то необыкновенная жизненность и движеніе; въ одинъ 1769 годъ основывается нѣсколько періодическихъ листковъ и изданій, которые быстро появляются одинъ за другимъ и почти также одновременно и быстро прекращаютъ свое существованіе. Всѣ эти журналы отличались нравственно-сатирическимъ направленіемъ и посвящали свою дѣятельность почти исключительно критикѣ нравовъ и сатирическимъ нападкамъ на пороки и темныя стороны современнаго русскаго общества, состоя, такимъ образомъ, какъ-бы въ связи съ упо-

(*) Ломоносовъ, жалуясь въ одномъ письмѣ къ Шувалову (1759), по поводу своихъ мозаическихъ работъ, на «явное безсовѣстіе своихъ недоброхотовъ», говоритъ: «Въ трудолюбивой такъ называемой Пчелѣ напечатано о мозаикѣ весьма презрительно. Сочинитель того Тр... (Тредьяковскій) совокупилъ свое глубокое незнаніе съ подлою злостію, чтобы моему раченію здѣлать помѣшательство; здѣсь видѣть можно цѣлой комплотъ: Тр... сочинилъ, Сумароковъ принялъ въ Пчелу», и проч.

мянутыми нами выше сатирическими статьями Трудолюбивой пчелы Сумарокова, но отличаясь отъ послѣднихъ несравненно большими литературными достоинствами, болѣе просвѣщеннымъ и гуманнымъ взглядомъ на вещи и большимъ разнообразіемъ своей критики (*).

Не смотря на свое кратковременное существованіе, сатирическіе журналы, возникшіе въ 1769 году, прошли не безслѣдно въ исторіи развитія русской литературы и русскаго общества новаго времени. Появленіе ихъ представляетъ вообще замѣчательную черту въ умственной жизни нашего XVIII столѣтія. Посреди сухой и безжизненной схоластики, посреди громозвучныхъ и льстивыхъ одъ и произведеній, переполненныхъ реторики, выкроенныхъ по рутинной мѣркѣ и по правиламъ французскаго классицизма, здоровый и трезвый голосъ нравственно-сатирическихъ журналовъ составляетъ, безъ сомнѣнія, самое жизненное явленіе въ тогдашней литературѣ. Почерпая матеріялы для своихъ описаній и картинъ изъ дѣйствительной, повседневной жизни и изображая явленія послѣдней въ ихъ настоящемъ видѣ, безъ всякихъ прикрасъ и ложной идеализаціи, они много способствовали къ отрѣшенію литературы отъ ложно-классическихъ теорій и къ ея сближенію съ дѣйствительностію. Обращеніе сатирическихъ журналовъ къ во-

(*) Между сатирическими журналами прошлаго вѣка болѣе извѣстны и почему-либо болѣе примѣчательны слѣдующіе: «Всякая Всячина», офиціальнымъ издателемъ которой былъ статсъ-секретарь Екатерины II, *Козицкій*; «Адская почта», (издатель которой,—*Эминъ*, извѣстенъ романическими приключеніями своей жизни: ни его происхожденіе, ни мѣсто родины съ точностію неизвѣстны; путешествуя съ однимъ іезуитомъ по Европѣ и Азіи, онъ въ Турціи былъ посаженъ за что-то въ тюрьму, и чтобы получить свободу, принялъ исламизмъ и сдѣлался янычаромъ; потомъ бѣжалъ въ Англію и явившись тамъ къ русскому послу, объявилъ желаніе перейти въ православную вѣру и былъ имъ отправленъ въ Россію; зная много европейскихъ и восточныхъ языковъ, Эминъ сдѣлался литераторомъ и много переводилъ и писалъ порусски); «И то и се», и «Парнасскій щепетильникъ», издававшіеся *Чулковымъ*, извѣстнымъ собирателемъ памятниковъ русской старины: сказокъ, повѣрій, пословицъ и т. д. и наконецъ три журнала Н. Новикова: «Трутень», «Живописецъ» и «Кошелекъ». Большая часть изъ этихъ журналовъ выходила еженедѣльными листками и издавалась по образцу иностранныхъ нравственно-сатирическихъ изданій, начало которымъ положили въ Европѣ, въ первой четверти прошлаго вѣка, извѣстные англійскіе журналы *Стиля* и *Аддисона:* Tattler (Болтунъ), Spectator (Зритель) и Guardian (Блюститель). См. о нихъ въ «Опытахъ» *Маколея*: The life and writings of Addison и въ «Исторіи литературы XVIII столѣтія», *Геттнера*.

просамъ общественнымъ и народнымъ—съ одной стороны расширяло кругъ литературныхъ изображеній и вносило въ литературу народныя стихіи, а съ другой—значительно увеличило массу русской читающей публики, и тѣмъ давало литературѣ большую возможность имѣть вліяніе и дѣйствовать на общество.

Главная цѣль всѣхъ названныхъ журналовъ заключалась, какъ мы сказали, въ обличеніи темныхъ сторонъ современной дѣйствительности; а главнымъ орудіемъ для обличенія имъ служила — сатира, болѣе или менѣе обширная, болѣе или менѣе рѣзкая и безпощадная, смотря по понятіямъ о сатирѣ ихъ издателей, по мѣрѣ предоставленной имъ свободы слова и по степени литературнаго таланта самихъ журналистовъ. Сатира журналовъ семидесятыхъ годовъ, въ существенныхъ чертахъ своихъ, не отличалась однако отъ сатиры Кантемира, Сумарокова, Екатерины II и Фонъ-Визина,—намъ уже извѣстной. «Каждый изъ издателей тогдашнихъ журналовъ — по словамъ г. Булича — отличался любовію къ просвѣщенію и особеннымъ, безкорыстнымъ чувствомъ уваженія къ наукѣ», (*) и потому являлся въ своихъ сатирическихъ листкахъ бойцемъ за просвѣщеніе и науку, и во имя ихъ вступалъ въ борьбу съ невѣжествомъ, съ предразсудками и суевѣріями и съ дикими понятіями, господствовавшими въ обществѣ. Такимъ образомъ темныя явленія и пороки тогдашней общественной и семейной жизни, проистекавшіе отъ невѣжества, во всѣхъ его видахъ, или отъ ложнаго просвѣщенія, подвергались обличенію сатирическихъ журналовъ. Они вооружались: противъ недостатковъ воспитанія, противъ дурнаго воспитанія (французскихъ гувернеровъ и учителей), противъ внѣшняго европеизма и слѣпаго подражанія иностранцамъ, противъ усвоенія французскихъ нравовъ и языка, противъ пристрастія къ французскимъ модамъ и происходившихъ оттуда мотовства и роскоши, противъ различныхъ суевѣрій, предразсудковъ, ханжества и грубости нравовъ, противъ безпорядочной жизни въ супружествѣ и наконецъ противъ лихоимства и неправосудія, противъ ябеды, крючкотворства и безграмотности дурныхъ судей и приказныхъ. Формы, въ которыхъ проявлялись эти сатирическіе нападки журналовъ, были самыя разно-

(*) См. Н. Булича: «Сумароковъ и современная ему критика», СПб. 1854 г.

образныя и пестрыя. «Адская почта» Эмина, напримѣръ, представляла «адскія вѣдомости» или переписку двухъ бѣсовъ, служившихъ въ адской республикѣ: *Хромоногаго* и *Криваго*. Оба эти бѣса были отправлены изъ ада на землю и вели между собою переписку, въ которой изображались различныя пороки и недостатки въ общественныхъ и семейныхъ нравахъ русскаго современнаго общества. Такъ въ нихъ рисовались: портреты взяточниковъ-секретарей, казнокрадовъ — «таможенной крысы» и т. п. современныхъ щеголей и щеголихъ, французовъ-гувернеровъ, которые, живя у русскихъ баръ, занимались преимущественно торговыми спекуляціями, а не обученіемъ дѣтей и т. д. Идея адской переписки между бѣсами вѣроятно внушена была Эмину извѣстнымъ сатирическимъ романомъ Лесажа: «Хромоногій бѣсъ» (Le diable boiteux). Въ большинствѣ случаевъ журнальная сатира выражалась въ формѣ вымышленныхъ писемъ къ издателю или въ формѣ переписки между придуманными лицами, въ которыхъ рисовались портреты разныхъ порочныхъ личностей, носившихъ прозрачныя названія: *Нахрапцевыхъ*, *Вертяевыхъ*, *Стозмѣевыхъ*, *Самолюбовъ*, *Злорадовъ* и т. п.—прямо указывавшія на ихъ качества. Употреблялись еще формы «сатирическихъ вѣдомостей», діалоговъ издателя съ своими подписчиками, «картинъ» или же «лечебника», гдѣ изображались различные нравственные недуги, для излѣченія которыхъ прописывались больнымъ «рецепты» (напр. «рецептъ для его превосходительства г. Недоума», такіе же рецепты: судьѣ, купцу, *Злороду*, *Безрасуду*, *Недозрѣлу* и т. д.). Факты, вызывавшіе сатиру, подмѣченные издателями журналовъ и почерпавшіеся ими прямо изъ современной дѣйствительности, были конечно многочисленнѣе и разнообразнѣе, нежели въ произведеніяхъ названныхъ нами выше сатирическихъ писателей. Но сущность журнальной сатиры, главные мотивы ея и предметы оставались почти тѣ же самые, что и у послѣднихъ. Какъ сатира Кантемира ратовала за дѣло Петра и преслѣдовала явленія русской жизни, противорѣчившія цѣлямъ правительственной реформы, такъ и сатира журналовъ семидесятыхъ годовъ вооружалась противъ тѣхъ сторонъ современной жизни, которыя противорѣчили реформамъ Екатерины II, и находилась такимъ образомъ въ тѣсной связи съ преобразовательною дѣятельностію правительства.

Воодушевляясь тѣми гуманными принципами и стремленіями, которые съ воцаренія Екатерины II открыто провозглашались съ престола и стали выражаться до извѣстной степени въ законодательныхъ и административныхъ мѣрахъ правительства, журнальная сатира (подобно сатирѣ Фонъ-Визина) тѣсно примкнула къ его просвѣтительной дѣятельности, сдѣлалась его усердной союзницей и помощницей и, подъ покровомъ власти, смѣло вооружилась противъ обскурантизма и нравственныхъ и общественныхъ недуговъ современнаго общества, препятствовавшихъ, по мнѣнію сатириковъ, народному и государственному развитію отечества. Изъ этого ясна благородная, патріотическая цѣль сатирической литературы временъ Екатерины. Но такая тѣсная связь литературной сатиры съ дѣйствіями и предначертаніями правительства, составляя ея силу, стѣсняли въ то же время объемъ и кругъ ея дѣятельности, ограничивала ея содержаніе и придавала ей характеръ и значеніе сатиры служебной, внушенной свыше и зависящей отъ внѣшнихъ вліяній,— а не самобытной и свободной, какова должна быть истинная сатира.

Рядъ сатирическихъ листковъ, появившихся въ 1769 году, начался съ «Всякой Всячины», издателемъ которой считали Козицкаго (*). Но, по новѣйшимъ розысканіямъ г. Пекарскаго (см. въ III т. Записокъ акад. наукъ: «Матерьялы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II»), открывается, что на редакцію «Всякой всячины» имѣла рѣшительное вліяніе сама Екатерина II, что она писала статьи для этого журнала и что нѣсколько чертъ, которыми обрисовываетъ себя въ предисловіи къ читателю неизвѣстный редакторъ этого журнала, вовсе нейдутъ къ Козицкому. «Всякая всячина», какъ и большая часть сатирическихъ журналовъ того времени, выходила еженедѣльными листками; первый листокъ ея появился съ такимъ объявленіемъ: «Симъ листомъ бью челомъ, а слѣдую-

(*) *Козицкій* (Григорій Вас.) воспитывался въ кіевской духовной академіи, путешествовалъ по Европѣ и былъ адъюнктомъ академіи наукъ. Въ 1769 году онъ служилъ при кабинетѣ императрицы, а впослѣдствіи былъ ея статсъ-секретаремъ. По отзыву «Словаря» Новикова, Козицкій былъ человѣкъ «великаго просвѣщенія» и зналъ въ совершенствѣ языки: славянскій, греческій, латинскій, французскій и нѣмецкій. Мы уже упоминали о его сотрудничествѣ въ Трудолюб. пчелѣ Сумарокова.

щій впредь изволь покупать». Въ листкахъ «Всякая всячина» хотя и встрѣчаются тѣ же нападки на подъячихъ, тѣ же картины дурнаго воспитанія, невѣжества, суевѣрія, ханжества, мотовства дворянъ и т. п., но тѣмъ не менѣе — это былъ самый слабый и самый скромный изъ всѣхъ сатирическихъ журналовъ по своимъ обличеніямъ. Онъ поставилъ себѣ цѣлію — «давать людямъ наставленія, забавляя ихъ». Въ предисловіи къ читателю его издатель говоритъ: «иногда дамъ вамъ полѣзныя наставленія, иногда будете смѣяться». «Всякая всячина» болѣе всѣхъ другихъ журналовъ семидесятыхъ годовъ подражала иностраннымъ нравственно-сатирическимъ изданіямъ, въ особенности англійскимъ: Стиля и Аддисона, нерѣдко заимствуя у нихъ матерьялы для своихъ статей и принаровляя ихъ къ русской жизни. Потому она помѣщала у себя статьи болѣе нравоучительнаго, нежели сатирическаго направленія,—хотя нельзя сказать, чтобы и въ ея листкахъ не встрѣчались иныя, довольно рѣзкія, сатирическія выходки. Таковы въ особенности ея изображенія стариннаго дворянскаго быта, картины стариннаго воспитанія, ея нападки на приказныхъ, какъ напримѣръ: объясненіе выраженія «барашекъ въ бумажкѣ», означавшаго на приказномъ языкѣ взятку, или слѣдующія, составленныя ею, десять «нравоучительныхъ заповѣдей подъячимъ»: 1) «Не бери взятокъ. 2) Не волочи дѣла, отъ тебя зависящаго. 3) Не сотвори крючковъ. 4) Не обходися грубо съ людьми. 5) Не говори челобитчикамъ: *завтра*. 6) Не дѣлай не справедливыхъ изъ дѣлъ и законовъ выписей. 7) Не давай наставленій въ ябедѣ. 8) Не напивайся пьянъ. 9) Чеши всякій день голову, ходи чисто. 10) Покинь трусость въ разсужденіи иныхъ, и дерзость въ разсужденіи другихъ».

Тѣмъ не менѣе «Всякая всячина» сама не шла далеко въ своихъ обличеніяхъ, болѣе ограничиваясь отвлеченными моральными разсужденіями о порокахъ и добродѣтеляхъ и не нападая открыто на порочныя личности, и требовала того же отъ другихъ сатирическихъ изданій, вызванныхъ ея примѣромъ въ 1769 году. Изданія эти хотя и полемизировали со «Всякой всячиной», но въ большинствѣ случаевъ не выходили изъ ея собственной программы и направленія: она задавала имъ тонъ, указывала предметы для сатиры и совѣтовала имъ удерживать въ границахъ умѣренности ихъ ревность къ обличенію.

«Всякой всячинѣ» — говоритъ г. Пекарскій — замѣтно не нравилось размноженіе сатирическихъ листковъ, и тамъ высказано: «Мимоходомъ дадимъ примѣтить читателю, что современи размноженія у насъ земляныхъ яблокъ еще не было ничего такъ плодовито, какъ *потомство* «Всякія всячины» (т. е. появленіе многихъ сатирическихъ листковъ, вызванныхъ ея примѣромъ). Но всего болѣе не нравились ей, по словамъ г. Пекарскаго, рѣзкость и рѣшительность обличеній своихъ собратовъ-издателей и она нерѣдко давала замѣтить, что имъ слѣдуетъ писать не все же одни обличенія, но также не пропускать «описывать твердаго блюстителя вѣры и закона, хвалить сына отечества, пылающаго любовію и вѣрностію къ государю» и т. п. Впрочемъ, подобные совѣты мало слушало журнальное потомство «Всякой всячины», такъ что ей самой пришлось взять на себя осуществленіе ихъ, почему она и помѣстила на своихъ страницахъ нѣсколько статеекъ, гдѣ уже нѣтъ помину о сатирѣ, а есть похвалы и защита существовавшему порядку» (*). Такое направленіе «Всякой всячины», при непосредственномъ сотрудничествѣ въ ней Екатерины II, достаточно объясняетъ важность ея значенія въ ряду сатирическихъ изданій семидесятыхъ годовъ, на характеръ и содержаніе которыхъ она должна была имѣть рѣшительное вліяніе.

Между сатирическими журналами екатерининскаго времени лучшими во всѣхъ отношеніяхъ были журналы Новикова: «Трутень» и «Живописецъ». Ихъ талантливый издатель, горячо преданный дѣлу развитія народнаго (какъ мы увидимъ ниже), взглянулъ гораздо глубже и серьёзнѣе своихъ собратовъ-издателей на значеніе общественной сатиры и критику нравовъ. Обладая просвѣщеннымъ и свѣтлымъ взглядомъ на вещи и высокимъ чувствомъ истиннаго патріотизма, Новиковъ повелъ дѣло своихъ журналовъ смѣло и самостоятельно, не нуждаясь въ постороннихъ указаніяхъ на предметы и явленія, противъ которыхъ должна возвышать свой голосъ общественная сатира. Сатира, по мнѣнію Новикова, имѣя цѣлію исправленіе общественныхъ нравовъ, должна нападать не только на порокъ, въ его отвлеченномъ видѣ, но главнымъ образомъ — на порочныя личности и темныя явленія въ жизни общества, служа притомъ вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности,

(*) См. статью, указанную выше.

какова бы она ни была; потому что — какъ говорилъ Новиковъ — «зеркало не виновато, коли рожа крива». Его журналы подняли открытую борьбу противъ злоупотребленій и закоренѣлаго невѣжества и, въ рѣзкихъ сатирическихъ статьяхъ, съ ѣдкой проніей, нападали на все грубое, безправственное и безчеловѣчное въ жизни современнаго русскаго общества. Новиковъ первый затронулъ здѣсь важнѣйшіе изъ общественныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, вопросъ о крѣпостномъ правѣ и о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти: въ нѣсколькихъ статьяхъ о тяжкомъ состояніи русскаго крестьянства того времени онъ отнесся съ искреннимъ чувствомъ любви къ ближнему и съ горячей симпатіей къ низшимъ классамъ народа, объ участіи къ которымъ, до Новикова, мы почти не встрѣчаемъ никакихъ заявленій во всей тогдашней литературѣ. Правда, противъ злоупотребленій помѣщиковъ вооружался и «Наказъ» Екатерины (§§ 269, 277, 370 и друг.), гдѣ говорится, что помѣщики облагали крестьянъ тяжкими оброками, отчего падало земледѣліе, уменьшалось народонаселеніе и нищалъ народъ; въ сочиненіяхъ Екатерины, равно какъ и въ сатирическихъ (не новиковскихъ) журналахъ тоже встрѣчаются нападки на жестокое обращеніе съ людьми, происходившее отъ грубости нравовъ и невѣжества; но ни тогдашнее правительство, ни литература не подымали такъ прямо и рѣшительно вопроса объ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ, какъ это сдѣлалъ Новиковъ въ названныхъ статьяхъ своихъ, помѣщенныхъ и въ «Трутнѣ» и въ «Живописцѣ». Къ болѣе замѣчательнымъ изъ такихъ статей и по содержанію и по внѣшней формѣ изложенія принадлежатъ: «Копія съ крестьянскихъ отписокъ» и «Копія съ помѣщичьяго указа» (въ «Трутнѣ»), «Письмо уѣзднаго дворянина къ Ѳалалею» и «Отрывокъ путешествія въ ***, И. Т.» (въ «Живописцѣ»). «Новиковъ первый — говоритъ проф. Тихонравовъ — показалъ оборотную сторону медали своего блистательнаго времени. Среди звуковъ торжественныхъ лиръ онъ заговорилъ о томъ, «какъ мало помѣщики имѣютъ попеченія о земледѣліи, и какъ велики недостатки тѣхъ *бѣдныхъ тварей,* которыя богатство и величество государства составлять должны». Изъ-за облачныхъ пареній онъ сводилъ читателя на дѣйствительную почву, и отъ созерцанія «золотаго вѣка Астреи» возвращалъ къ тяжелымъ, можетъ быть, но всегда по-

учительнымъ наблюденіямъ надъ настоящимъ... «Бѣдность и рабство повсюду встрѣчались со мною во образѣ крестьянъ», говоритъ одинъ изъ новиковскихъ жураловъ, и Новиковъ могъ только думать о филантропическихъ учрежденіяхъ для будущаго этихъ «бѣдныхъ тварей» и восклицать: «О солнце, лучами щедротъ своихъ Россію озаряющее! призри на сихъ несчастныхъ» (*). Вооружаясь противъ идиллическихъ поэтовъ и писателей своего времени, воспѣвавшихъ въ своихъ «пастушескихъ пѣсняхъ» и ложныхъ изображеніяхъ сельской жизни «блаженство дней» русскаго крестьянина, Новиковъ, смѣется съ ѣдкой иронiей, надъ однимъ изъ такихъ идиллическихъ поэтовъ (въ «Живописцѣ»): «Творецъ сего блаженства—говоритъ онъ—хотя знаетъ всю цѣну завидныя сея жизни, однакожъ живетъ въ городѣ, въ суетахъ сего міра; а сіе, какъ сказываютъ, дѣлаетъ онъ ради двухъ причинъ: первое, что въ нашихъ долинахъ зимою много бываетъ снѣга; а второе, что ежелибы онъ туда переселился, то городскіе жители совсѣмъ позабыли бы блаженство пастушеской жизни. Читатель ему отвѣтствуетъ: «чужую душу въ рай, а самъ ни ногою». Бѣдный авторъ, ты и другихъ и себя обманываешь»! Подобныхъ бездарныхъ поэтовъ и писателей, изображавшихъ фальшиво дѣйствительную жизнь, рѣзко преслѣдовали новиковскіе журналы, и Трутень замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что скорѣе къ нимъ, нежели къ подъячимъ должно быть отнесено прозвище «крапивнаго сѣмени».

Сатира «Трутня» и «Живописца», нападая на тѣ же темныя стороны современной жизни, противъ которыхъ вооружались и другіе нравственно-сатирическіе журналы, отличалась однако отъ сатиры послѣднихъ своимъ рѣзкимъ, рѣшительнымъ тономъ и неумолимою безпощадностію и всегда умѣла указать на новую, важнѣйшую сторону вопроса. Нападки Новикова на грубость нравовъ, дурное воспитаніе, суевѣріе и предразсудки, ложную набожность, вельможную спесь, лихоимство и злоупотребленія судей и т. д. дышатъ гораздо большею силою убѣжденія и искреннею ненавистію сатирика ко злу, и даже по внѣшней формѣ своей, по способу изложенія и языку,— всегда простому, естественному и близкому къ разговорной рѣчи,—рѣзко отличаютъ сатиричес-

(*) «Четыре года изъ жизни Карамзина,» Н. Тихонравова, (Русск. Вѣстн. 1862 г. № 4-й, стр. 733—735).

*

кія статьи Новикова отъ подобныхъ имъ обличительныхъ статей другихъ современныхъ писателей и указываютъ на его превосходный сатирическій талантъ. «Письма къ Ѳалалею» отъ его отца Трифона Панкрантьевича, матери Акулины Сидоровны и дяди Ермолая Терентьевича (въ «Живописцѣ»), по нхъ лукавому юмору и злой ироніи и по ихъ живому языку, представляютъ въ этомъ отношеніи образецъ совершенства въ нашей сатирической литературѣ: «Нѣтъ-ста, кто што не говори (пишетъ Трифонъ Панкратьевичъ), а старая воля лучше новой. Нынче только и воли, што можно выйти въ отставку, да поѣхать за море; а не слыхать што тамъ дѣлать? Хлѣбъ-атъ мы и русскій ѣдимъ, да таково жъ живемъ. А изъ службы тогда хоть и невольно было выйти, такъ были на это лѣкари: отнесешь ему *барашка въ бумажкѣ*, да судьѣ другова, такъ и отставятъ за болѣзнями. Да ужъ, бывало, какъ пріѣдешь въ деревню-то, такъ это наверстаешь: былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ сосѣди и не куркай. То-то было житьё! Ты, Ѳалалеюшка, не запомнишь этого», и проч.

Въ обличеніи взяточниковъ, казнокрадовъ, судейскихъ злоупотребленій, или «судейской науки»,—которая, по словамъ одного судьи въ «Трутнѣ», «вся въ томъ и состоитъ, чтобы умѣть искусненько пригибать указы по своему желанію, въ чемъ и секретари намъ много помогаютъ», — новиковскіе журналы также пошли гораздо далѣе и рѣшительнѣе всѣхъ прочихъ сатирическихъ листковъ. Въ «Трутнѣ» разсказывалось, напримѣръ, какъ судьи того времени умышленно впутывали людей въ уголовныя дѣла, взводили на нихъ небывалыя преступленія, и чтобы вынудить въ томъ ихъ признаніе, самопроизвольно допускали пытки при судебныхъ разбирательствахъ. При одномъ изъ подобныхъ разсказовъ, Новиковъ восклицаетъ: «О просвѣщеніе, даръ небесный! расторгни скорѣе завѣсу незнанія и жестокости для защищенія человѣчества».

«Трутень» занималъ первое мѣсто между сатирическими журналами, появившимися въ 1769 г. и имѣлъ большой успѣхъ въ публикѣ, такъ что черезъ шесть мѣсяцевъ потребовалось сдѣлать второе изданіе его. Но рѣзкость сатиры «Трутня» вызвала противъ него ярую полемику въ журналахъ противоположнаго направленія, особено во «Всякой всячинѣ», и уже во второе полугодіе своего существованія «Тру-

тень» сдѣлался гораздо слабѣе и не помѣщалъ болѣе сатирическихъ замѣтокъ, а къ концу года, (т. е. въ апрѣлѣ 1770) долженъ былъ совершенно прекратиться. Въ этомъ же году, сдѣлавшись мало-интересными и безцвѣтными въ своихъ обличеніяхъ, прекратились внезапно и всѣ другіе сатирическіе листки, — «вѣроятно вслѣдствіе равнодушія къ нимъ публики», замѣчаетъ г. Пекарскій.

Въ 1772 году Новиковъ опять однако принимается за изданіе сатирическаго журнала («Живописца»). Данная въ это время на театрѣ комедія императрицы «О время!» гдѣ рѣзко осмѣивались современные пороки, представили Новикову благопріятный случай къ основанію новаго сатирическаго листка, который онъ и посвятилъ: «Неизвѣстному г. сочинителю комедіи О время!» т. е. Екатеринѣ II. Въ посвященіи онъ прямо объявилъ, что единственно только примѣръ этой комедіи заставилъ его вновь выступить въ свѣтъ съ сатирическимъ изданіемъ. Притворяясь, что ему неизвѣстенъ авторъ комедіи, Новиковъ говоритъ: «Вы первый съ такою благородною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господствующіе; вы первый заставили слушать съ пріятностію и удовольствіемъ ѣдкость сатиры, безпристрастно осмѣивающей и низкостепеннаго порочнаго человѣка и превосходительство, удрученное пороками; вы открыли мнѣ дорогу, вы возбудили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ подвигѣ исправлять нравы своихъ единоземцевъ; безъ вашего примѣра не отважился бы я напасть на пороки», и проч. При этомъ Новиковъ прибавлялъ: «хотѣлъ бы я просить васъ, чтобы вы сдѣлали честь моему журналу сообщеніемъ какого-либо изъ вашихъ мелкихъ сочиненій». Екатерина, принявъ благосклонно посвященіе «Живописца», въ остроумномъ отвѣтѣ на письмо Новикова (напечатанномъ въ «Живописцѣ» обѣщала ему «съ охотою» присылать свои сочиненія для помѣщенія въ его журналѣ.

«Живописецъ» возбудилъ къ себѣ еще большее сочувствіе публики, нежели «Трутень» и пользовался необыкновеннымъ успѣхомъ: грамотные люди читали его съ жадностію. Новиковъ, чтобы удовлетворить требованію публики на свой журналъ, сдѣлалъ пять изданій «Живописца» еще въ царствованіе Екатерины, включивъ въ три послѣднія изданія лучшіе сатирическіе очерки изъ «Трутня» и выбросивъ изъ нихъ всѣ безцвѣтныя и мало-интересныя статьи. Такой успѣхъ Живописца Новиковъ (въ предисловіи къ пятому изданію, 1793) объясняетъ

тѣмъ, что журналъ его «пришелъ на вкусъ нашихъ мѣщанъ» (разумѣя подъ этимъ словомъ не только то городское сословіе, которое теперь оффиціально обозначается названіемъ мѣщанъ, но вообще «средній класъ»); «ибо — продолжаетъ Новиковъ — у насъ тѣ только книги третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, которыя симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ чужестранныхъ языковъ, нравятся; напротивъ того, книги, на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ».

Въ первыя мѣсяцы изданія «Живописца» (выходившаго еженедѣльными листками), сатира его была жива, остроумна и увлекательна. Но не смотря на то, что Новиковъ поставилъ себя и свой журналъ подъ защиту самой императрицы и, наученный примѣромъ «Трутня», былъ очень остороженъ въ своихъ сатирическихъ замѣткахъ,—уже первые листки «Живописца» возбудили противъ него ярыя нападенія. Новиковъ сдѣлался еще осмотрительнѣе, сатира его значительно ослабѣла, содержаніе его журнала становилось все менѣе и менѣе интереснымъ, а наконецъ и «Живописецъ», подобно «Трутню», долженъ былъ къ концу года прекратиться.

Начатое въ 1774 Новиковымъ сатирическое изданіе: «Кошелекъ» уже не представляло для публики того интереса и занимательности, которые она находила въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ». «Кошелекъ» почти исключительно былъ посвященъ сатирѣ на тѣ явленія въ жизни современнаго русскаго общества, которыя происходили отъ крайняго увлеченія всѣмъ иноземнымъ — преимущественно французскимъ, — и преслѣдовалъ современную галломанію во всѣхъ ея проявленіяхъ: въ довѣріи воспитанія русскаго юношества невѣжественнымъ французскимъ гувернерамъ и учителямъ, въ исключительномъ употребленіи французскаго языка, какъ языка разговорнаго, въ русскомъ обществѣ, въ подражаніи фрацузскимъ модамъ въ одеждѣ, въ манерахъ и т. д. Словомъ Новиковъ вооружался въ своемъ журналѣ противъ тѣхъ явленій въ жизни тогдашняго русскаго общества, которыя за десять лѣтъ передъ тѣмъ уже были выставлены Фонъ-Визинымъ, въ довольно яркихъ и рѣзкихъ картинахъ, въ его «Бригадирѣ».

Начавшись однажды, сатирическій элементъ въ нашей журнальной

литературѣ не исчезалъ и послѣ прекращенія журналовъ семидесятыхъ годовъ. Сатира продолжалась въ «Собесѣдникѣ любителей русскаго слова», — о которомъ мы говорили; въ журналахъ, издававшихся нашимъ извѣстнымъ баснописцемъ, И. Крыловымъ: «Почтѣ духовъ» и «Зрителѣ», съ которыми онъ выступилъ на литературное поприще въ концѣ прошлаго вѣка; въ «Сатирическомъ вѣстникѣ», Н. Страхова и въ другихъ. «Собесѣдникъ» издавался по мысли и подъ редакціей директора академіи, кн. Дашковой, при дѣятельномъ участіи и сотрудничествѣ самой императрицы, которая печатала здѣсь, какъ мы знаемъ, свои сатирическія статьи. Державинъ, Фонъ-Визинъ и почти всѣ извѣстнѣйшіе писатели того времени также помѣщали въ «Собесѣдникѣ» свои сочиненія. Въ «Почтѣ духовъ», по примѣру «Адской почты» Эмина, помѣщалась переписка подземныхъ и другихъ безплотныхъ духовъ съ какимъ-то волшебникомъ о томъ, что совершается на земли; письма духовъ сочинялись Крыловымъ и преслѣдовали насмѣшками преимущественно современную галломанію, пристрастіе ко всему иноземному, господство моды и т. д. Тѣ же предметы составляли главную сушность нравственно-сатирическихъ статей и разсужденій и въ другихъ поименованныхъ выше журналахъ. Но общій характеръ и содержаніе журнальной сатиры, послѣ прекращенія журналовъ семидесятыхъ годовъ, были уже далеко не тѣ: сатира послѣдующихъ журналовъ ограничивалась почти исключительно осмѣяніемъ французоманіи, модъ, щегольства, роскоши и т. п. слабостей и пороковъ современнаго русскаго общества, смѣялась надъ плохими стихотворцами и писателями, надъ людьми дурно-воспитанными, и почти не затрогивала вопросовъ о судейскихъ или помѣщичьихъ злоупотребленіяхъ, или вообще вопросовъ общественныхъ, подобно журналамъ новиковскимъ.

Мы представили обзоръ дѣятельности Новикова, какъ литератора, т. е. какъ издателя сатирическихъ журналовъ. Но съ этихъ изданій только начинается честная и въ высшей степени замѣчательная дѣятельность Новикова на пользу русскаго народнаго образованія, — дѣятельность, — заслуживающая, какъ по своимъ результатамъ и значенію, такъ и по личнымъ качествамъ самаго дѣятеля возможно-полнаго обозрѣнія и оцѣнки.

Новиковъ, Николай Ивановичъ (1744—1818), сынъ довольно-достаточныхъ родителей дворянскаго происхожденія, родился близъ Москвы (въ с. «Тихвинское-Авдотьино», бронницк. у.) и получилъ въ молодости весьма поверхностное и плохое образованіе: послѣ уроковъ сельскаго дьячка въ домѣ родительскомъ, онъ находился въ гимназіи при московскомъ университетѣ, и въ 1760 г. былъ исключенъ за нехожденіе во французскіе классы. Записанный съ ранней молодости, по обычаю дворянъ того времени, въ военную службу, Новиковъ, не имѣя еще восьмнадцати лѣтъ, былъ отправленъ въ Петербургъ, на дѣйствительную службу, въ лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ. Для юноши, очутившагося на свободѣ, военная служба того времени представляла много соблазновъ и дурныхъ примѣровъ, — какъ мы это видимъ изъ чистосердечныхъ разсказовъ о себѣ современника Новикова, Державина (см. его «записки»). Молодой Новиковп сумѣлъ однако не подчиниться вліянію дурнаго товарищества: въ продолженіе своей службы въ полку онъ не предался пустой и безпутной жизни, какую вело большинство тогдашней военной молодежи, а занялся усердно чтеніемъ и пріобрѣтеніемъ серьёзныхъ познаній, способствовавшихъ развитію его природныхъ способностей, — чего не дали ему ни домашнее воспитаніе, ни школа. Новиковъ не выучился впрочемъ никогда иностраннымъ языкамъ: въ письмахъ къ Карамзину (1814 г.) онъ самъ называетъ себя «невѣждой, не знающимъ никакихъ языковъ, не читавшимъ никакихъ школьныхъ философовъ». При старости онъ любилъ говорить, что первымъ учителемъ его былъ Богъ. Служа еще въ гвардіи, Новиковъ былъ прикомандированъ для письменныхъ занятій въ коммиссію, составленную изъ народныхъ депутатовъ, по поводу сочиненія проэкта новаго уложенія, и занимался веденіемъ журналовъ общаго собранія коммиссіи во время преній депутатовъ. Важность занятій въ коммиссіи имѣла вѣроятно свою долю вліянія къ утвержденію Новикова въ той серьезности направленія, которымъ отличаются уже самые молодые годы его жизни въ Петербургѣ, посвященной имъ исключительно тяжелому труду самообразованія. Военная служба могла быть помѣхой Новикову въ предначертанномъ имъ планѣ дѣятельности на пользу отечественнаго просвѣщенія; и потому въ 1768 г. онъ выходитъ въ отставку, а въ слѣдующемъ году, не

имѣя еще и 25 лѣтъ отъ роду, уже выступаетъ на литературное поприще съ своимъ превосходнымъ журналомъ «Трутень», который, какъ сказано выше, по смѣлому и энергическому протесту противъ всего пошлаго, низкаго и безнравственнаго, былъ рѣшительно лучшимъ между всѣми сатирическими журналами того времени и пользовался вначалѣ блистательнымъ успѣхомъ. Препятствія, встрѣченные Новиковымъ къ продолженію своего сатирическаго изданія въ томъ смыслѣ, какъ онъ это понималъ, заставляютъ его прекратить изданіе «Трутня» на 53 листѣ, послѣ того какъ прекратились и всѣ, возникшіе въ одно время съ нимъ, сатирическіе листки. Въ послѣднемъ листкѣ онъ прощается съ читателями и шутливо объявляетъ, что «Трутень, съ превеликой печали по кончинѣ своихъ *современниковъ* (т. е. сатирическихъ изданій), и самъ умираетъ».

Послѣ прекращенія «Трутня», Новиковъ издаетъ составленный имъ «Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ» (1772) и въ слѣдующемъ году приступаетъ къ изданію громаднаго сборника древнихъ лѣтописей и другихъ памятниковъ русской старины, подъ заглавіемъ: «Древняя Россійская Вивліоѳика, или собраніе древностей россійскихъ, до россійской исторіи, географіи и генеалогіи касающихся». Оба эти изданія очень примѣчательны и не утратили своего значенія до настоящаго времени. «Историческій словарь», кромѣ біографическихъ и библіографическихъ извѣстій о писателяхъ XVIII вѣка, представляетъ и критическіе взгляды на ихъ сочиненія, и мы въ нихъ видимъ теперь образецъ тогдашней литературной критики. Критика «Словаря» возбудила однако противъ Новикова негодованіе въ нѣкоторыхъ современныхъ писателяхъ. Такъ въ отзывѣ «Словаря» объ извѣстномъ лирикѣ В. Петровѣ, говорилось между прочимъ, что «хотя нѣкоторые и называютъ уже его (Петрова) вторымъ Ломоносовымъ, но для сего сравненія надлежитъ ожидать важнаго какого-нибудь сочиненія, и послѣ того заключительно сказать, будетъ ли онъ второй Ломоносовъ или останетея только Петровымъ и будетъ имѣть честь слыть подражателемъ Ломоносова». Этотъ отзывъ сильно разгнѣвалъ Петрова, и онъ въ своей сатирѣ, присланной изъ Лондона (см. выше, стр. 450), въ желчныхъ и раздражительныхъ стихахъ, возсталъ противъ

Новикова и несправедливо осуждалъ его въ пристрастіи. Онъ говоритъ:

Словарникъ знаетъ все, въ комъ умъ глубокъ, въ комъ мелокъ.
Кто съ нимъ ватажился, былъ другъ ему и братъ,
Во *святцахъ* тотъ его не меньше какъ Сократъ, и проч.

«Историческій словарь» Новикова, какъ трудъ добросовѣстно и тщательно составленный, является вообще драгоцѣнною книгою при изученіи русской литературы прошлаго вѣка.

Изданіемъ «Древней Россійской Вивліоѳики» (1773—1775, 10 ч.) Новиковъ оказалъ несомнѣнно важную услугу историческому изученію Россіи. Но, при изданіи этого сборника древностей, имъ руководила и другая, повидимому, важнѣйшая для него, мысль: дѣлая доступнымъ для общества памятники родной старины, говорившіе о древней жизни, о нравахъ и обычаяхъ предковъ, онъ хотѣлъ противоставить легкомыслію и вольности нравовъ своихъ современниковъ, «зараженныхъ — по его словамъ — Франціею, напоенныхъ *сенскимъ* (парижскимъ) воздухомъ», простоту жизни и нравственныя доблести нашихъ прапрадѣдовъ, — «великость духа ихъ, украшеннаго простотою», — какъ онъ говоритъ въ предисловіи къ «Вивліоѳикѣ». Изъ этого предисловія и изъ многихъ страницъ сатирическихъ журналовъ Новикова (преимущественно «Кошелька») видно, что онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими писателями екатерининскаго времени, раздѣлялъ тѣ же воззрѣнія на нравственное состояніе современнаго общества, о которыхъ мы говорили, при указаніи «стародумовскихъ» идеаловъ и морали Фонъ-Визина (стр. 509—510). Внѣшній европеизмъ и крайности французскаго вліянія выражались, какъ мы уже видѣли, многими уродливыми явленіями въ жизни образованныхъ, или считавшихъ себя образованными, классовъ тогдашняго русскаго общества. Кощунство и легкомысленное отношеніе къ предметамъ вѣры и нравственности, крайнее обезьянство, подражаніе всему чужеземному и презрѣніе ко всему русскому, — чѣмъ щеголяли, какъ вывѣской своей образованности, тогдашніе «господа наши полу-французы» и «молодые кощуны», — по выраженію Новикова, — такія явленія не могли не возмущать людей, подобныхъ Новикову, хотѣвшихъ видѣть въ своемъ отечествѣ развитіе истинной, а не мнимой образованности. Эта

полуобразованность представлялась имъ гораздо худшею и болѣе опасною для самостоятельности и для развитія умственныхъ и нравственныхъ силъ русскаго народа, нежели старинное невѣжество и отчужденіе до-петровской Руси отъ европейскаго просвѣщенія. Отсюда понятны всѣ ихъ нападки на тогдашнее французолюбіе, на модное воспитаніе и на французскую философію, въ которыхъ они видѣли главную причину упомянутыхъ выше явленій. Недовольство нравственнымъ состояніемъ современнаго общества заставляло ихъ искать для него другихъ нравственныхъ основъ, другихъ идеаловъ, и между прочимъ обращаться съ сочувствіемъ къ до-петровской старинѣ: указывая на крѣпость нравственныхъ и религіозныхъ основъ стараго общества и идеализируя, по большей части, патріархальность и нравственныя доблести предковъ, они поставляли ихъ въ примѣръ своимъ современникамъ, сбившимся, по ихъ мнѣнію, съ нравственнаго пути, подъ вліяніемъ нездоровой для нихъ французской цивилизаціи. Потому, и Новиковъ, при изданіи «Древней Вивліоѳики», имѣлъ между прочимъ въ виду— указать «щеголямъ и петиметрамъ» своего времни, доходившимъ порою до крайней распущенности и безобразія въ нравственомъ отношеніи, на «величіе духа ихъ предковъ, украшеннаго простотою». Но «стародумовство» Новикова не выражалось одними возгласами о древнихъ добродѣтеляхъ, не вытекало изъ любви къ застою и умственному коснѣнію. Напротивъ: онъ былъ человѣкъ движенія и жизни, былъ по истинѣ однимъ изъ «передовыхъ» людей своего времени, однимъ изъ замѣчательныхъ вождей русскаго просвѣщенія. Подъ негодностію нравственныхъ началъ современнаго общества, Новиковъ, главнымъ образомъ, разумѣлъ его разобщеніе съ народною жизнію, отдѣленіе его личныхъ интересовъ отъ интересовъ народныхъ. Высшіе классы общества, гордые своею фальшивою образованностію и внѣшнимъ лоскомъ европеизма, смотрѣли съ презрѣніемъ на народную массу, какъ на невѣжественную и варварскую; а между тѣмъ сохраняли къ ней отношенія властвующаго сословія и жили ея трудомъ. Понятно, что при такомъ порядкѣ вещей, имъ были чужды заботы объ образованіи низшихъ классовъ народа, о ихъ развитіи и благосостояніи. Гуманныя и филантропическія идеи, о которыхъ такъ много говорили тогда съ чужаго голоса, но сущности которыхъ не понимали или не хотѣли понимать, были свое-

го рода модою, щегольствомъ—точно также, какъ французское платье и французскій языкъ. Только для весьма немногихъ, избранныхъ личностей, такія идеи были дѣломъ, глубоко прочувствованнымъ и сознаннымъ; и въ числѣ этихъ немногихъ первое мѣсто, по всей справедливости, принадлежитъ Новикову.

Мы видѣли, съ какою энергіею онъ вступилъ въ борьбу съ невѣжествомъ въ «Трутнѣ», а потомъ въ «Живописцѣ». Для искорененія невѣжества и грубости нравовъ онъ признавалъ необходимымъ образованіе массы народа. И когда обстоятельства поставили ему преграду къ продолженію борьбы съ невѣжествомъ своего времени, посредствомъ сатиры,—онъ весь отдался практическимъ трудамъ и заботамъ объ образованіи низшихъ классовъ народа. Забота о нравственномъ развитіи и образованіи народа была у Новикова не только живою мыслію, серьёзнымъ убѣжденіемъ, но живымъ и серьёзнымъ *дѣломъ* всей его жизни, дѣломъ, за которое онъ и пострадалъ. Эта сторона дѣятельности Новикова тѣсно связана съ такъ называемымъ «масонствомъ», появившимся въ Россіи еще до царствованія Елисаветы, но распространившимъ у насъ свою дѣятельность съ особенною силою при Екатеринѣ II. Интересный историческій эпизодъ въ жизни русскаго XVIII вѣка, когда въ немъ дѣйствовали масоны, къ сожалѣнію, у насъ еще весьма мало обработанъ. Только въ послѣднее время сдѣлались извѣстными нѣкоторые факты и обнародованы нѣкоторые документы, относящіеся къ этому важному періоду въ исторіи русскаго просвѣщенія (*). Изъ нихъ мы видимъ, что Новиковъ былъ главнымъ и важнѣйшимъ дѣятелемъ въ средѣ русскаго масонства. Членомъ масонскаго общества онъ былъ сдѣланъ въ 1775 году, и съ этого времени въ его литературной дѣятельности проявляется то религіозно-мистическое направленіе, которое составляетъ отличительное свойство ма-

---

(*) См. «Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣств. тайн. сов. И. В. *Лопухина*, сочиненныя имъ самимъ». Москва, 1860; *М Лонгинова:* «Новиковъ и Шварцъ» (Русск. Вѣст. 1857, № 19) и «Матерьялы для исторіи русск. просв. и литерат. въ концѣ XVIII ст.» (тамъ-же, 1859, № 19); проф. *Ешевскаго:* «Замѣчанія къ статьѣ «Новиковъ и Шварцъ» (тамъ-же, 1857, № 21); проф. *Тихонравова:* «Иванъ Григорьевичъ Шварцъ», (Біограф. словарь профессоровъ и преподав. московск. универс.), и друг.

сонскихъ ученій и весьма обширной масонской литературы, какъ за границей, такъ и у насъ. Предпринятый Новиковымъ въ 1777 г. журналъ «Утренній свѣтъ» уже не имѣлъ ничего общаго съ его прежними сатирическими изданіями. Это былъ попреимуществу сборникъ статей нравственнаго и религіознаго содержанія. Выручавшіяся отъ продажи книжекъ этого сборника деньги шли на устройство и содержаніе учрежденныхъ Новиковымъ въ Петербургѣ безплатныхъ школъ, для воспитанія и первоначальнаго обученія бѣдныхъ дѣтей и сиротъ. Но планы Новикова, относительно народнаго образованія, были имъ задуманы на весьма широкихъ основаніяхъ; онъ сталъ приводить ихъ въ исполненіе только послѣ переѣзда въ Москву, въ 1779 г.

Книгопечатное дѣло и книжная торговля находились у насъ до Новикова въ крайне-жалкомъ состояніи. Уже въ своемъ «Живописцѣ» онъ указывалъ на это обстоятельство. Мы выдѣли, съ какимъ жаромъ говорилъ онъ о просвѣщеніи и просилъ его для Россіи, какъ «дара небеснаго». Какъ на могучее орудіе для образованія народнаго, онъ указывалъ на учрежденіе частныхъ обществъ, которыя имѣли бы цѣлію распространеніе въ народѣ полезныхъ книгъ, расширеніе типографскаго дѣла, развитіе и правильную организацію книжной торговли въ государствѣ. Переѣздъ въ Москву и взятіе на откупъ на десятъ лѣтъ (1779—1789) университетской типографіи открыли ему наконецъ путь и доставили средства къ осуществленію этихъ его завѣтныхъ идей и стремленій. И несмотря на то, что Новиковъ и тутъ былъ остановленъ въ своихъ благородныхъ трудахъ и стремленіяхъ и не могъ провести своей дѣятельности до конца, не смотря на самый мистицизмъ, въ который онъ впалъ, подъ вліяніемъ масонства, его досятилѣтняя дѣятельность въ Москвѣ на пользу народнаго образованія, по своимъ благодѣтельнымъ результатамъ, достойна великаго уваженія и даетъ ему полное право на одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи русскаго просвѣщенія и литературы.

Одинаковость цѣли, одинаковыя пламенныя стремленія на пользу общую и любовь къ человѣчеству близко свели Новикова въ Москвѣ съ другимъ замѣчательнымъ лицомъ въ исторіи русскаго масонства, профессоромъ Иван. Григ. *Шварцомъ*, который скоро сдѣлался ревностнымъ поборникомъ его дѣла, его другомъ и учителемъ. О пер-

вомъ знакомствѣ своемъ съ нимъ самъ Новиковъ говоритъ такъ: «Въ одно утро пришелъ ко мнѣ Нѣмчикъ, съ которымъ я поговоря, сдѣлался во всю жизнь до самой его смерти неразлучнымъ; этотъ Нѣмчикъ былъ Шварцъ». Шварцъ пріѣхалъ въ Россію въ 1776 году, изучилъ русскій языкъ и литературу и въ годъ пріѣзда Новикова въ Москву былъ сдѣланъ профессоромъ университета. Онъ принадлежалъ къ масонскому ордену, какъ и Новиковъ, и былъ горячимъ послѣдователемъ масонскаго ученія, требовавшаго отъ своихъ адептовъ возвышенной любви къ человѣчеству, всеобщаго братства и высоко-нравственной жизни. Онъ обладалъ серьёзнымъ и полнымъ философскимъ образованіемъ. Но философія его, отличаясь строго-религіознымъ направленіемъ, была проникнута тѣми мистико-масонскими воззрѣніями, которыя онъ усвоилъ себѣ, какъ членъ масонскаго братства. Замѣчательно, что тотъ-же XVIII вѣкъ, называемый вѣкомъ матерьялистической философіи попреимуществу, былъ ознаменованъ самымъ сильнымъ развитіемъ и распространеніемъ въ Европѣ различныхъ мистико-религіозныхъ и таинственныхъ ученій и сектъ, между которыми масонство играетъ главнѣйшую роль. Мистицизмъ XVIII столѣтія является какъ бы реакціею современному матерьялизму и французская философія энциклопедистовъ находитъ себѣ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ въ послѣдователяхъ масонства и другихъ мистическихъ ученій. Противодѣйствіе вліянію французской философіи XVIII вѣка составляло одну изъ задачъ и русскаго масонства, въ средѣ котораго главнымъ дѣятелемъ въ этомъ отношеніи является Шварцъ: его философскія лекціи, направленныя противъ матерьялистическихъ и скептическихъ ученій вѣка и проникнутыя собственными мистико-религіозными убѣжденіями профессора, по свидѣтельству современниковъ, имѣли весьма сильное вліяніе на слушателей. Новиковъ первый вполнѣ подчинился ученію и идеямъ своего друга и учителя и былъ однимъ изъ ревностныхъ распространителей его образа мыслей въ обществѣ, посредствомъ изданія многочисленныхъ мистико-религіозныхъ и нравственныхъ сочиненій. Оба друга, стремясь къ одной и той же возвышенной цѣли, соединивъ свои труды и знанія, въ весьма короткій періодъ времени, успѣли достигнуть до замѣчательныхъ результатовъ по отношенію къ дѣлу русскаго образованія и успѣли пріобрѣсть нео-

тразимое вліяніе въ той средѣ, въ которой имъ пришлось дѣйствовать.

Кругъ людей, раздѣлявшихъ убѣжденія Новикова и Шварца, былъ довольно значителенъ въ Москвѣ; образовавшіяся тамъ, послѣ ихъ пріѣзда, масонскія ложи состояли въ связи съ такими же ложами, распространившимися почти во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ провинцій, даже до отдаленныхъ мѣстъ Сибири (*). Въ московскихъ ложахъ Новиковъ и Шварцъ пользовались особеннымъ уваженіемъ и имѣли на нихъ сильное, непосредственное вліяніе. Новиковъ былъ, какъ кажется, «великимъ мастеромъ» центральной московской ложи, отъ которой зависѣли всѣ провинціальныя масонскія братства, руководившіяся тѣмъ же духомъ и тѣми же началами, которые положены были Шварцомъ въ основаніе дѣятельности московскихъ ложъ.

Русскія масонскія общества конца XVIII вѣка не ограничивались однако однимъ распространеніемъ мистическихъ и туманныхъ теорій, созерцательныхъ взглядовъ на жизнь и т. п.—чѣмъ по большей части отличаются послѣдователи мистическихъ ученій всякаго рода. Дѣятельность московскихъ масоновъ потому именно и важна, что она была направлена и сильно вліяла на практическую сторону народной жизни. Новиковъ и его друзья стремились, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы, посредствомъ подвиговъ добра и частной благотворительности, произвести въ странѣ требуемыя временемъ улучшенія, которыя способствовали бы нравственному и умственному развитію народа и его благосостоянію. Устройство безплатныхъ школъ для распространенія грамотности въ народѣ, — какъ главнаго орудія образованія, печатаніе книгъ для народнаго чтенія, изданіе и распространеніе учебниковъ и книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, заведеніе типографій, книжныхъ

(*) Есть извѣстіе, что, послѣ переѣзда Новикова въ Москву, въ ней существовали слѣдующія масонскія ложи: «Латоны», «Блистающей звѣзды», «Свѣтоноснаго треугольника», «Св. Мойсея» и «Девкаліона». Изъ провинціальныхъ ложъ, кромѣ «великой провинціальной ложи» въ Петербургѣ, въ которую былъ принятъ въ 1775 г. Новиковъ (и которая называлась еще «обществомъ елагинской системы», по имени ея «великаго мастера», писателя Ивана Перфильевича Елагина), мы знаемъ еще о двухъ масонскихъ ложахъ: одной въ Ярославлѣ, находившейся подъ предсѣдательствомъ А. П. Мельгунова, бывшаго ярославскимъ и вологодскимъ генералъ-губернаторомъ, а другой въ Казани, извѣстной подъ именемъ «Восходящаго солнца». Всѣ другія провинціальныя ложи были основаны, какъ кажется, во время дѣятельности Новикова и Шварца и при ихъ участіи.

лавокъ, больницъ и аптекъ для бѣднаго класса народа, образованіе учителей и наставниковъ, покровительство литературныхъ трудовъ и дѣятельная помощь даровитымъ молодымъ людямъ — вотъ тѣ предметы, на которые была устремлена практическая дѣятельность Новикова и его друзей.

Взявъ на откупъ, въ половинѣ 1779 года, университетскую типографію и усовершенствовавъ ея механическія средства, Новиковъ поставилъ ее въ какіе-нибудь два года съ небольшимъ на степень одной изъ замѣчательнѣйшихъ типографій, такъ что до 1782 года она уже успѣла напечатать многія тысячи экземпляровъ книгъ, большею частію учебниковъ и книгъ религіозно-нравственнаго и мистическаго содержанія. Никогда въ Россіи въ столь короткій періодъ времени не появлялось такое множество книгъ. Чтобы пріохотить къ чтенію публику, Новиковъ не только бѣднымъ, но и богатымъ людямъ часто раздавалъ книги безденежно. До 1782 года однѣмъ семинаріямъ и другимъ училищамъ онъ подарилъ учебныхъ книгъ на 3,000 рублей. Книжной торговлѣ онъ сообщилъ движеніе и развитіе, которыхъ она до того не имѣла вовсе, открывъ нѣсколько книжныхъ лавокъ въ Москвѣ и во многихъ провинціальныхъ городахъ: Ярославлѣ, Смоленскѣ, Вологдѣ, Твери, Казани, Тулѣ, Богородскѣ, Глуховѣ и Кіевѣ. Онъ основалъ (въ Москвѣ) первую у насъ «публичную» библіотеку, гдѣ недостаточные люди, любящіе чтеніе и науки, могли пользоваться книгами безплатно; библіотека эта сдѣлалась впослѣдствіи весьма обширною и стоила, какъ говорятъ, триста тысячъ рублей по тогдашней цѣнности денегъ.

Съ другой стороны, другъ Новикова. Шварцъ, дѣйствуя какъ ученый педагогъ и профессоръ, распространялъ въ обществѣ здравыя понятія о воспитаніи, читалъ философскія лекціи воспитанникамъ университета и занимался въ тоже время преобразованіемъ университетской гимназіи По его настоянію учреждена была при университетѣ особая «педагогическая семинарія», для образованія учителей, куда рѣшено было принимать съ этою цѣлію лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій и академій; въ первый годъ устройства этой семинаріи (1779), Новиковъ и его друзья выписали изъ рязанской духовной семинаріи одного изъ лучшихъ воспитанниковъ, М. *Невзоро-*

ва, который воспитывался здѣсь на ихъ счетъ. Педагогическая семинарія находилась подъ личнымъ руководствомъ Шварца, равно какъ и устроенныя имъ же вслѣдъ затѣмъ: «собраніе университетскихъ питомцевъ» и «филологическая, или переводческая семинарія». Въ «собраніи», питомцы университета произносили сочиненныя имъ рѣчи на ту или другую нравственную тему, читали свои сочиненія и переводы и подвергали ихъ критическому разбору, руководимые уроками и указаніями Шварца; а въ «филологической семинаріи» способные молодые люди занимались переводами на русскій языкъ лучшихъ и полезныхъ иностранныхъ сочиненій.

Но для того, чтобы двигать всѣми поименованными предпріятіями, чтобы придать имъ наиболѣе широкіе размѣры, кромѣ настойчивой энергіи, силы воли и горячей любви къ ближнему, — въ чемъ, какъ мы видѣли, не было недостатка ни у Новикова, ни у Шварца, — необходимо было имѣть еще въ своемъ распоряженіи и значительныя матерьяльныя средства. Въ числѣ московскихъ масоновъ, горячо преданныхъ идеямъ Новикова и Шварца, находились люди богатые и вліятельные по своему положенію въ обществѣ и въ административной сферѣ. Шварцъ успѣлъ убѣдить нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ 1781 году, пожертвовать значительные капиталы для образованія «Дружескаго ученаго общества», болѣе извѣстнаго у насъ подъ именемъ «Новиковскаго общества», потому что Новиковъ, вмѣстѣ съ Шварцомъ (а послѣ скорой кончины послѣдняго, — одинъ), былъ главнымъ дѣятелемъ и душою этого общества. Такимъ образомъ планъ и желанія, которые оба друга давно лелѣяли въ душѣ, осуществились. Между членами образовавшагося общества считалось много людей просвѣщенныхъ, писателей, а главное — людей, искренно преданныхъ дѣлу добра и благотворительности и дѣлу нравственнаго и умственнаго образованія народа. Кромѣ Новикова и Шварца, стоявшихъ во главѣ общества, къ болѣе извѣстнымъ и дѣятельнымъ изъ его членовъ принадлежали: Лопухинъ (И. В.), Гамалѣя (С. И.), Тургеневъ (И. П.), и два брата князья Трубецкіе (Ю. Н. и П. Н.). Всѣхъ-же членовъ общества было впослѣдствіи едва-ли не болѣе пятидесяти, по словамъ г. Лонгинова. «Дружеское ученое общество» было офиціально открыто въ 1782 году, въ присутствіи главнокомандующаго въ Мос-

квѣ, графа Чернышева (З. Г.), который принадлежалъ къ масонскому братству и покровительствовалъ дѣятельности Новикова. Знаменитый московскій митрополитъ Платонъ принялъ общество подъ свое покровительство. Объ этомъ было напечатано въ «Московскихъ вѣдомостяхъ», въ объявленіи отъ начальства университета, по поводу торжественнаго открытія общества.

«Дружеское ученое общество» опредѣляло кругъ своей дѣятельности обширными нравственными, педагогическими, учеными и филантропическими цѣлями. Въ программѣ общества, составленной Шварцомъ, указывались слѣдующія цѣли и предметы его занятій: 1) найти пріятное и поучительное занятіе для праздныхъ часовъ, ибо умѣнье пользоваться досугомъ составляетъ самую трудную вещь, по словамъ одного греческаго мудреца; 2) въ видахъ общей пользы, соединить въ одинъ дружескій союзъ людей, разрозненныхъ обыкновенно возрастами, образомъ жизни и различіемъ занятій; 3) содѣйствовать распространенію знаній и наукъ, какъ-то: знанію латинскаго и греческаго языковъ, древностей и науки о свойствахъ и качествахъ вещей въ природѣ; 4) находить вездѣ и поощрять къ дѣятельности природныя молодыя дарованія и завести «филологическія» семинаріи, съ цѣлію приготовлять хорошихъ русскихъ учителей, какъ будущихъ воспитателей народа; наконецъ 5) посредствомъ печатанія, раздачи училищамъ и распространенія въ народѣ хорошихъ книгъ, способствовать вообще просвѣщенію народнаго духа въ своемъ отечествѣ. Всѣ эти отрасли дѣятельности общества, по словамъ программы, должны были имѣть цѣлію, въ общемъ результатѣ, — облагороженіе нравовъ и распространеніе знаній.

Мы видѣли, что Новиковъ и Шварцъ, еще до офиціальнаго открытія «Дружескаго ученаго общества» и формальнаго признанія его со стороны высшихъ властей, свѣтской и духовной, уже приводили въ дѣйствіе предначертанную программу,—по частямъ и по мѣрѣ своихъ скромныхъ средствъ. Но съ 1782 года кругъ практической дѣятельности его принимаетъ обширные размѣры. При своемъ открытіи, оно объявило, что будетъ содержать на свой счетъ въ педагогической семинаріи тридцать избранныхъ имъ молодыхъ людей. Многіе изъ молодыхъ людей,—преимущественно воспитанниковъ духовныхъ семинарій,—

поступили такимъ образомъ въ число студентовъ двухъ «семинарій», открытыхъ при университетѣ Шварцомъ, продолжали свое образованіе подъ его руководствомъ и содержались на счетъ «Дружескаго общества». Оно слѣдило за способными русскими юношами въ семинаріяхъ, гимназіяхъ, университетахъ и не давало глохнуть природнымъ молодымъ талантамъ и внѣ учебныхъ заведеній: встрѣчалъ ли кто изъ его членовъ гдѣ-либо въ глуши нашихъ провинцій даровитаго молодаго человѣка, губившаго свои природныя дарованія въ жалкомъ бездѣйствіи и неизвѣстности, онъ старался вывести его на свѣтъ и принималъ подъ покровительство «Дружескаго общества», которое дѣлало такихъ молодыхъ людей участниками своихъ трудовъ и давало имъ средства продолжать образованіе. Нѣкоторые изъ нихъ бывали впослѣдствіи отправляемы на счетъ общества за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ.

Студенты, содержавшіеся насчетъ «Дружескаго общества», занимались преимущественно переводами иностранныхъ сочиненій, по указаніямъ и подъ руководствомъ Новикова и Шварца; переводы ихъ помѣщались въ изданіяхъ Новикова или печатались отдѣльно въ его типографіяхъ. Такая литературная работа, способствуя развитію талантовъ и образованію молодыхъ людей, доставляла имъ въ то же время и матерьяльные выгоды; потому что общество, имѣя въвиду поощреніе писательской дѣятельности, за всякій переводный или литературный трудъ платило значительныя деньги. Переведенныя, такимъ образомъ, питомцами общества или при его содѣйствіи книги, — преимущественно серьезнаго, религіозно-нравственнаго или философскаго содержанія,—простирались до громаднаго количества. Полезныя оригинальныя сочиненія, отвѣчавшія цѣлямъ общества, были имъ, конечно, еще болѣе поощряемы.

Молодые люди, получавшіе образованіе на счетъ «Дружескаго общества», помѣщались вмѣстѣ, въ принадлежащемъ ему домѣ и находились подъ непосредственнымъ руководствомъ Новикова и Шварца. Нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе этихъ возвышенныхъ личностей, знакомство и сношенія съ другими членами «Дружескаго общества», къ которому принадлежали лучшіе люди того времени, по ихъ нравственнымъ качествамъ, по уму и образованію, постоянное занятіе высши-

ми вопросами жизни, серьёзное чтеніе и бесѣды о тѣхъ жгучихъ философскихъ вопросахъ, которые тревожили и волновали въ то время европейское общество и которые всегда такъ обаятельно дѣйствуютъ на воспріимчивые молодые умы и сердца, нѣтъ сомнѣнія, говоримъ мы, что все это дѣйствовало весьма благотворно на нравственное и умственное развитіе кружка русской молодежи, пріютившейся около Новиковскаго общества. Философскія лекціи Шварца производили особенно сильное вліяніе на молодежь. Университетскій курсъ Шварца состоялъ изъ эстетико-критическихъ лекцій; студентамъ двухъ семинарій, учрежденныхъ при университетѣ, онъ читалъ кромѣ того, у себя на дому, лекціи исторіи философіи и еще успѣлъ прочесть, по воскреснымъ днямъ, у себя же на дому, «для людей всякаго рода и званія», семнадцать публичныхъ лекцій «о познаніяхъ — любопытномъ, пріятномъ и полезномъ». Духъ и направленіе философскихъ лекцій Шварца отличались мистическимъ и строго-религіознымъ характеромъ; онъ вооружался въ нихъ, со всею силою убѣжденія, противъ философіи энциклопедистовъ и подвергалъ строгому разбору и осужденію всѣ матерьялистическія и скептическія ученія, господствовавшія въ то время въ Европѣ и вслѣдствіе того,—какъ ученія «модныя» и распространенныя повсюду,—имѣвшія многихъ поклонниковъ и у насъ. Лекціи Шварца приводили въ восторгъ его многочисленныхъ слушателей и имѣли благотворное вліяніе на молодое поколѣніе, въ томъ отношеніи, что отвлекали его отъ слишкомъ легкомысленнаго и одностороннягo направленія, которымъ отличались образованные классы тогдашняго русскаго общества и которое проникало и въ тогдашнюю литературу. Слушатели и ученики Шварца питали къ нему чувство глубокой благодарности. Одинъ изъ нихъ (Лабзинъ) упоминалъ впослѣдствіи, съ какою поразительною силою простое слово профессора дѣйствовало на его слушателей, исторгнувъ изъ рукъ многихъ изъ нихъ «соблазнительныя и безбожныя книги, въ которыхъ, казалось тогда, весь умъ заключался и помѣстивъ на мѣсто ихъ святую библію». Память о профессорѣ Шварцѣ свято чтилась его учениками и членами «Дружескаго общества»; въ его идеяхъ и направленіи они продолжали жить и дѣйствовать и послѣ того, когда не стало ихъ любимаго наставника, и во всю свою жизнь. Дмитріевъ (см. ниже), го-

воритъ въ своихъ «Запискахъ», что лучшими украшеніями квартиры молодыхъ людей, питомцевъ общества, были—изображеніе распятаго Спасителя и бюстъ Шварца.

Книжное дѣло Новикова, при возрастаніи средствъ и успѣхахъ «Дружескаго общества», все болѣе и болѣе разширялось. Въ 1783 г., когда былъ изданъ указъ о вольныхъ типографіяхъ, Новиковъ, кромѣ университетской типографіи, завелъ свою собственную, а членъ общества, Лопухинъ, открылъ другую, на свой счетъ. Въ слѣдующемъ (1784) году главные дѣятели «Дружескаго общества» образовали изъ себя «Типографическую компанію», которая продолжала дѣло общества» въ томъ же духѣ и направленіи и устремляла свою дѣятельность на тѣ же самые предметы. Она открыла еще новую типографію въ Москвѣ и содѣйствовала къ заведенію типографій въ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ. Какъ кажется, многія изъ провинціальныхъ типографій, равно какъ и книжныхъ лавокъ, находились въ прямомъ распоряженіи «Типографической компаніи.» Новиковъ завѣдывалъ всѣми дѣлами и былъ главнымъ распорядителемъ всѣхъ трудовъ компаніи. Ея дѣятельность приняла теперь весьма широкіе размѣры. Одинъ подробный списокъ книгамъ разнаго рода, напечатаннымъ въ четырехъ московскихъ типографіяхъ, которыя находились въ распоряженіи компаніи, могъ бы показать какъ громадно количество книгъ, изданныхъ Новиковымъ и какъ обширна была его книгопечатная дѣятельность. Но полнаго списка этимъ книгамъ не сохранилось. Впрочемъ и изъ сохранившихся о нихъ свѣдѣній мы можемъ судить, до нѣкоторой степени, о томъ безпримѣрномъ рвеніи на пользу общую, объ энергической волѣ, умѣ и практическомъ тактѣ, съ которыми Новиковъ трудился у насъ на поприщѣ типографской и издательской дѣятельности (*).

(*) См. приложеніе къ статьѣ г. Лонгинова: «Новиковъ и Шварцъ», гдѣ помѣщена «роспись» книгамъ, напечатаннымъ Новиковымъ до 1785 г. Кромѣ книгъ мистическихъ и нравственно-религіозныхъ, здѣсь встрѣчается множество книгъ учебныхъ, к. н. азбукъ, букварей, грамматикъ и словарей языковъ: русскаго, греческаго, латинскаго, нѣмецкаго, французскаго, итальянскаго и новогреческаго; руководствъ—по математикѣ, исторіи, географіи и друг., много сочиненій историческихъ, литературныхъ, путешествій, к. н. «Исторія о странствіяхъ вообще», 17 част. или «Повѣствованіе всеобщее о путешествіяхъ», 4 части, и проч. Новиковъ не издавалъ книгъ безполезныхъ или не соотвѣтствовавшихъ цѣлямъ общества. Если къ нему приносили рукопись какой-либо вредной или безнравственной кни-

Дѣятельность Новикова и до настоящаго времени составляетъ единственный примѣръ въ этомъ отношеніи въ исторіи русской образованности новаго времени.

Всѣ изданія Новикова отличались строгимъ единствомъ мысли и направленія и прямо отвѣчали тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовало «Дружеское общество». Важнѣйшая изъ этихъ цѣлей, какъ мы знаемъ и какъ опредѣляетъ ее одинъ изъ членовъ общества (И. В. Лопухинъ), заключалась въ томъ, чтобы «издавать книги духовныя и наставляющія въ нравственности истинно-евангельской, переводя глубочайшихъ о семъ писателей на иностранныхъ языкахъ». И Новиковъ вполнѣ удовлетворялъ своими религіозно-нравственными изданіями этой цѣли своего общества. Все, что было сколько-нибудь замѣчательнаго въ этомъ отношеніи въ литературахъ: нѣмецкой, французской и англійской, — все это было переведено порусски, при заботливости Новикова, и имъ издано. Его компанія, по словамъ профес. Тихонравова, распространила сотни общедоступныхъ духовныхъ книгъ, совершенно чуждыхъ исключительнаго схоластицизма и старалась замѣнить религіозную обрядность и догматическія тонкости богословія — дѣятельнымъ христіанствомъ. Новиковскій кружокъ умѣлъ изъ всѣхъ европейскихъ литературъ извлечь эти произведенія. Въ прошломъ столѣтіи библія была у насъ мало распространена и читалась одними раскольниками. Многіе правовѣрные жаловались, что начинали читать библію. Большинство убѣждено было, что отъ чтенія библіи люди сходятъ съ ума и приходятъ къ богохульству. Лабзинъ (одинъ изъ учениковъ Шварца, см. ниже) разсказываетъ, что мать больно высѣкла его однажды за чтеніе библіи. И

ги, то онъ покупалъ ее и бросалъ въ огонь, чтобы она не была напечатана другимъ издателемъ. Авторъ или переводчикъ, явившись съ своей рукописью къ Новикову, могъ быть заранѣе увѣренъ, что его трудъ будетъ принятъ и что онъ получитъ за него вознагражденіе либо деньгами, либо книгами; иногда Новиковъ покупалъ безъ нужды два или три перевода одной и той же книги, и издавалъ только лучшій изъ нихъ; многія изъ пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ рукописей оставались конечно въ кладовыхъ общества и не были никогда изданными. Между изданіями Новикова встрѣчаются и нѣкоторыя классическія въ свое время сочиненія по части наукъ юридическихъ и соціальныхъ, к. н. «Истолкованіе англійскихъ законовъ», Блекстона, и друг.

вотъ компанія Новикова издаетъ, неслыханную на Руси, ручную, удобопонятную библію и поднимаетъ вопросъ о необходимости имѣть библію на русскомъ, всѣмъ понятномъ языкѣ» (*). При этомъ компанія старалась продавать свои изданія духовныхъ и нравственныхъ книгъ по возможно низкой цѣнѣ и хлопотала о такъ называемыхъ «дешевыхъ изданіяхъ» для народа. Она развила вкусъ въ публикѣ къ чтенію книгъ религіознаго и нравственнаго содержанія, — дѣло въ то время весьма не легкое; потому что большинство тогдашнихъ русскихъ читателей предпочитало сочиненія, написанныя въ духѣ французской философіи XVIII вѣка. А между тѣмъ, Новиковъ достигъ до того, что многія изъ напечатанныхъ имъ нравственныхъ и духовныхъ книгъ выходили вторыми и третьими изданіями. Съ 1786 года «Типографическая компанія» начала изданіе сборника духовныхъ сочиненій, подъ заглавіемъ «Избранной библіотеки для христіанскаго чтенія», которая имѣла чрезвычайный успѣхъ. Второе изданіе этого сборника, пущенное по весьма дешевой цѣнѣ, было названо въ предисловіи «изданіемъ для бѣдныхъ». Въ сборникѣ заключались сочиненія: «О подражаніи Христу Ѳомы Кемпійскаго», «О поклоненіи духомъ и истиною», «Простое наставленіе какъ читать св. писаніе къ истинному своему назиданію» и т. п. духовныя статьи, большею частію мистическаго направленія. Въ томъ же мистическомъ духѣ и направленіи Новиковъ издавалъ въ Москвѣ четыре журнала: «Утренній свѣтъ», изданіе котораго онъ началъ еще въ Петербургѣ и продолжалъ въ Москвѣ; «Ежемѣсячное московское изданіе», «Вечерняя заря» и «Покоящійся трудолюбецъ». Здѣсь помѣщались переводы изъ древнихъ и новыхъ писателей и оригинальныя статьи, направленныя, главнымъ образомъ, противъ матерьялистовъ,—противъ «низкихъ любомудровъ нынѣшняго вѣка» и «умствованій вольномысленныхъ мудрецовъ», какъ говорилось въ «Московскомъ изданіи» объ ученіи энциклопедистовъ. Въ этихъ мистическихъ изданіяхъ Новикова участвовали большею частію студенты московскаго университета и молодые люди, воспитывавшіеся на счетъ Новиковской компаніи. «Московскіе вѣдомости», редакція которыхъ также перешла къ Новикову, были имъ значительно усовершен-

(*) «Четыре года изъ жизни Карамзина». О книгахъ чисто-мистическихъ, изданныхъ Новиковымъ или его друзьями, см. ниже.

ствования: онъ присоединилъ къ политическимъ извѣстіямъ другія разнообразныя статьи и сдѣлалъ вообще эту газету интересною для читателей. Кромѣ того, онъ сталъ выдавать при «Московскихъ вѣдомостяхъ» безденежно «Экономическій магазинъ» и «Дѣтское чтеніе» — первый у насъ журналъ для дѣтей, имѣвшій большой успѣхъ. Вотъ что говорилъ Карамзинъ въ 1801 году о книжной дѣятельности Новикова въ Москвѣ: «За 25 лѣтъ передъ симъ были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, которыя не продавали въ годъ и на 10,000 рублей. Теперь ихъ 20, и всѣ вмѣстѣ выручаютъ онѣ ежегодно около 200,000 рублей. Сколько же въ Россіи прибавилось любителей чтенія? Это пріятно всякому, кто желаетъ успѣховъ разума и знаетъ, что любовь къ чтенію всего болѣе имъ способствуетъ. Господинъ Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Взявъ на откупъ университетскую типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всячески старался пріохотить публику къ чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый голландскій или англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель: то есть, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось московскихъ газетъ не болѣе 600 экземпляровъ: г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богатѣе содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ разныя другія статьи, и наконецъ выдавалъ при вѣдомостяхъ безденежно «Дѣтское чтеніе», которое новостію своихъ статей и разнообразіемъ матеріи, не смотря на ученическій переводъ многихъ піесъ, нравилось публикѣ. Число пренумерантовъ ежегодно умножалось и лѣтъ черезъ десять дошло до 4,000». (*)

Дѣла благотворительныя въ собственномъ смыслѣ, какъ-то: помощь бѣднымъ, учрежденіе больницъ, аптекъ, заведеніе безплатныхъ школъ составляютъ другую сторону просвѣщенной практической дѣя-

(*) Сочиненія Карамзина (Смирд. издан.) т. III, стр. 545. Карамзинъ (обязанный также своимъ развитіемъ Новиковскому кружку), вмѣстѣ съ другомъ своимъ А. Петровымъ, занимался переводами для различныхъ изданій и журналовъ Новикова. Многіе изъ ихъ переводовъ съ нѣмецк. и франц. помѣщены въ «Дѣтскомъ чтеніи», о которомъ упоминаетъ здѣсь Карамзинъ и которое издавалось потомъ нѣсколько разъ,

тельности Новиковской компаніи. Извѣстные факты ея благотворительности указываютъ на тѣ громадныя матерьяльныя средства, которыя находились въ распоряженіи Новикова и его компаніи. Иные изъ ея членовъ, изъ чувства высокой христіанской любви къ ближнему, составлявшей главную основу масонскаго ученія, жертвовали нерѣдко не только своими трудами, но и всѣмъ состояніемъ своимъ на дѣла благотворительныя. Такихъ примѣровъ нѣсколько. Во время неурожая и голода, свирѣпствовавшихъ въ Москвѣ въ 1787 году, когда цѣны на хлѣбъ возвысились до неимовѣрной степени, (*) Новиковъ говорилъ рѣчь въ собраніи общества, въ которой живыми красками описалъ бѣдствія и страданія, претерпѣваемыя народомъ отъ голода, и призывалъ присутствующихъ къ оказанію помощи бѣднымъ страдальцамъ. Задушевная рѣчь Новикова такъ сильно подѣйствовала на одного изъ членовъ компаніи, Г. М. Походяшина, что онъ отдалъ въ распоряженіе Новикова все свое милліонное состояніе (по словамъ Карамзина, Походяшинъ получалъ шестьдесятъ тысячъ годоваго дохода). При помощи этого пожертвованія, Новиковъ открылъ безденежную раздачу хлѣба въ Москвѣ и въ своей подмосковной деревнѣ многочисленному классу бѣднаго и нуждавшагося народа. Походяшинъ же въ этотъ годъ разорился и на старости лѣтъ жилъ почти въ бѣдности, содержа себя жалованьемъ отъ какой-то скромной должности и ни мало не сожалѣя о прежней роскоши и потерѣ состоянія.

Другой членъ «Дружескаго общества», И. В. Лопухинъ, также употребилъ почти все свое состояніе на благотворительныя дѣла и на раздачу вспомоществованія бѣднымъ. Фельдмаршалъ кн. Репнинъ, находившійся въ тѣсной дружбѣ съ Новиковымъ и многими членами его общества, будучи генералъ-губернаторомъ въ Бѣлоруссіи, во время голода въ этой странѣ, содержалъ на собственный счетъ всѣхъ бѣдныхъ двухъ ея обширныхъ губерній.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о школахъ и больницахъ для

(*) По свидѣтельству кн. Щербатова (см. ниже), голодъ въ этомъ году свирѣпствовалъ не только въ Москвѣ, но во многихъ мѣстахъ имперіи. «Московская, калужскяя, тульская, казанская, бѣлгородская, тамбовская губерніи и вся Малороссія — пишетъ кн. Щербатовъ — претерпѣваютъ непомѣрный голодъ, ѣдятъ солому, мякину, листья, сѣно, лебеду; но и сего уже не достаетъ; ибо, къ несчастію, и лебеда не родилась, и оной четверть по четыре рубля покупаютъ», и проч.

бѣдныхъ, открытыхъ «Дружескимъ обществомъ» въ Москвѣ. Извѣстно только, что учрежденныя имъ школы и больницы въ то время, когда начались преслѣдованія Новикова и его друзей, должны были поступить, по распоряженію начальства, въ завѣдываніе приказа общественнаго призрѣнія.

Новикову не было, однако, суждено пройти, безъ серьёзной опасности, по избранному имъ пути, на который онъ ступилъ съ такимъ рѣдкимъ самоотверженіемъ. Поставивъ свою общественную дѣятельность внѣ круга дѣятельности государственной и вліянія правительства и основывая ее на началахъ масонскаго ученія и на частной иниціативѣ, онъ едва-ли могъ, при господствовавшемъ въ то время порядкѣ вещей, продолжать безпрепятственно свои труды въ томъ-же направленіи. Не смотря на всю благотворность своей дѣятельности и на чистоту своихъ намѣреній, онъ не могъ избѣжать того, чтобы не навлечь на себя и на своихъ друзей прискорбныхъ подозрѣній правительства и не подвергнуться потомъ, вслѣдствіе разныхъ постороннихъ обстоятельствъ, серьёзнымъ несчастіямъ.

Стѣсненія дѣятельности Новикова и преслѣдованія «Дружескаго общества» начались въ то время, когда оно было преобразовано въ «Типографическую компанію», т. е. вскорѣ послѣ смерти проф. Шварца, случившейся въ 1784 г. Чрезмѣрныя занятія и душевныя огорченія разстроили здоровье Шварца и свели его въ преждевременную могилу. Одинъ изъ кураторовъ университета, Мелиссино, и профессоры Барсовъ и Шаденъ, изъ личной непріязни къ Шварцу, дѣлали ему постоянныя непріятности по службѣ. Послѣдніе два обвинили, въ глазахъ начальства, частныя лекціи Шварца по исторіи философіи въ вредномъ направленіи. Хотя Шварцъ и оправдался отъ этого обвиненія и хотя два другіе куратора университета — Херасковъ и Шуваловъ — ему покровительствовали; но тѣмъ не менѣе эти постоянныя преслѣдованія и огорченія заставили Шварца бросить службу въ университетѣ; а вскорѣ затѣмъ онъ умеръ.

Преслѣдованія Шварца не касались, однако, до времени, дѣятельности созданнаго по его идеѣ «Дружескаго ученаго общества». Его смерть была, дѣйствительно, важною потерею для общества; все бремя управленія дѣлами общества лежало теперь на одномъ Новиковѣ

Дѣла общества шли тѣмъ не менѣе весьма успѣшно; оно увеличивало число своихъ членовъ и пріобрѣтало все большее и большее вліяніе. Но въ концѣ 1784 умеръ графъ Чернышевъ, одинъ изъ просвѣщенныхъ покровителей Новикова, и на мѣсто его назначенъ главнокомандующимъ въ Москву графъ Брюсъ, который осуждалъ Чернышева и не считалъ нужнымъ покровительствовать дѣятельности Новикова (*). Послѣ смерти Чернышева вышли въ отставку преданнѣйшіе члены «Дружескаго общества» и друзья Новикова: И. П. Тургеневъ и С. И. Гамалѣя, изъ которыхъ первый былъ адъютантомъ Чернышева, а второй правителемъ его канцеляріи. Лишившись, такимъ образомъ, покровительства и опоры въ административной сферѣ, Новиковская компанія вскорѣ начала испытывать непріятности и придирки съ разныхъ сторонъ, не предвѣщавшія ей въ будущемъ ничего хорошаго. Тѣмъ болѣе, что при своей многосторонней дѣятельности и при томъ вліяніи, которое Новиковъ и его друзья начинали пріобрѣтать на массы, они не могли не нажить себѣ многихъ недоброжелателей и враговъ.

Правительство Екатерины не видѣло вначалѣ ничего вреднаго и противнаго общественному порядку въ распространеніи масонства въ Россіи. Мы говорили, что «Дружеское общество», составившееся изъ главнѣйшихъ дѣятелей въ масонствѣ, было открыто торжественно, съ вѣдома начальства, и гласно принято митрополитомъ Платономъ подъ свое покровительство; потому что этотъ просвѣщенный архипастырь, въ благотворительной и ученной дѣятельности общества, не находилъ ничего противнаго духу истиннаго христіанства. Масонскія ложи безпрепятственно, на глазахъ начальства, размножались повсюду въ имперіи и чувствительнымъ образомъ расширяли повсемѣстно свою практическую дѣятельность, въ духѣ и направленіи Новиковскаго общества. Все, что было въ Россіи замѣчательнаго по уму, талантамъ, знаніямъ,—можно сказать смѣло,—принадлежало въ то время къ масонскому братству, считавшему въ своихъ рядахъ и высшихъ государ-

(*) По свидѣтельству Бантыша-Каменскаго («Словарь достоп. люд. русск. земли») митрополитъ Платонъ сказалъ однажды за обѣдомъ, при всѣхъ, Брюсу, осуждавшему Чернышева: «У насъ мало въ Россіи людей, подобныхъ Чернышеву и Румянцову; на кого ни посмотришь, все Брюсъ, да Платонъ».

ственныхъ сановниковъ, и ученыхъ, и литераторовъ, и людей всякаго званія и состоянія. Но послѣдніе годы царствованія Екатерины были временемъ реакціи противъ вліянія западныхъ идей, какъ мы уже имѣли случай замѣтить и какъ будемъ еще говорить ниже. И потому взглядъ Екатерины на многое, что было допускаемо и даже поощряемо въ первый періодъ ея царствованія, въ послѣднее время значительно измѣнился. Къ тому же императрица, будучи смолоду поклонницей Вольтера и энциклопедистовъ, никогда не любила мистиковъ и масоновъ и всегда преслѣдовала ихъ своими насмѣшками. Кромѣ извѣстныхъ намъ комедій, направленныхъ противъ мистическихъ ученій и мистико-масонской практики, она около того же времени (1780) написала книжку: «Тайна противо-нелѣпаго общества, открытая не причастнымъ оному»: (*) здѣсь императрица прямо нападаетъ на масонство и, во имя здраваго разсудка, подвергаетъ осмѣянію всѣ таинственныя масонскіе обряды и стремленія. Эта-то таинственность, въ которую облекали масоны внутреннюю жизнь своихъ обществъ и свое ученіе, странные внѣшніе обряды ложъ, символическія формы и мистическій, непонятный языкъ, — все это вмѣстѣ внушало къ нимъ недовѣріе и въ правительствахъ, и въ большинствѣ публики. «Въ глазахъ малообразованнаго или совершенно необразованнаго большинства — говоритъ проф. Ешевскій — внѣшняя обстановка и странные обряды масонскихъ ложъ получали нелѣпое и ненавистное толкованіе, и подавали поводъ къ самымъ несправедливымъ обвиненіямъ. Самые дикіе слухи принимались иногда съ полною довѣрчивостію» (**). Кро-

---

(*) Брошюра Екатерины: «Тайна противо-нелѣпаго общества» была написана на франц. языкѣ и переведена порусски статсъ-секретаремъ Храповицкимъ. Теперь извѣстно, что она была издана въ 1780 г. хотя на ней и выставленъ 1759 годъ, свидѣтельствующій только, что уже въ это время существовали въ Россіи масонскія ложи. Общество масоновъ названо здѣсь «нелѣпымъ» (absurde), а въ противоположность ему выставлено общество, руководствующееся правилами здраваго разсудка и названное поэтому «противо-нелѣпымъ» (anti-absurde).

(**) «Замѣчанія къ статьѣ «Новиковъ и Шварцъ». Въ мнѣніи большинства масоны, или *франкъ-масоны*, слыли еретиками, чернокнижниками и т. п. Державинъ разсказываетъ, напримѣръ, въ своихъ «Запискахъ», какъ его тетка, Блудова,—«женщина—по его словамъ — по природѣ умная и благочестивая, но по тогдашнему вѣку непросвѣщенная», узнавъ, что онъ былъ у Шувалова, «дала племяннику страшную нагонку, запретя ему накрѣпко ходить къ Шувалову», котораго признавали

мѣ нелѣпыхъ мнѣній толпы, Новиковъ и его общество встрѣтили себѣ сильныхъ враговъ въ людяхъ противоположнаго имъ направленія, въ поклонникахъ энциклопедистовъ, къ которымъ принадлежали въ то время многія значительныя лица.

При такихъ обстоятельствахъ и особенно послѣ того, когда мистико-масонскія общества были заподозрѣны въ политическихъ замыслахъ нѣкоторыми правительствами на западѣ Европы, легко нашлись люди, которые оклеветали Новикова и очернили его дѣятельность въ глазахъ правительства Екатерины. Это было тѣмъ удобнѣе сдѣлать, что всѣмъ извѣстна была нелюбовь самой императрицы къ масонамъ и къ ихъ дѣятельности въ Россіи.

Въ 1785 она послала особый указъ графу Брюсу, повелѣвъ ему опечатать всѣ книги Новикова, остановить ихъ продажу и составивъ «роспись» всѣмъ, напечатаннымъ у него книгамъ, отослать ее, вмѣстѣ съ экземпляромъ каждой книги, къ московскому архіепископу Платону, которому поручила въ тоже время: «испытать Новикова въ законѣ нашемъ (т. е. въ вѣрѣ), равно и книги его типографіи освидѣтельствовать, — не скрывается-ли въ нихъ умствованій, несходныхъ съ простыми и чистыми правилами вѣры нашей православной и гражданской должности». Несмотря на то, что Новиковъ печаталъ книги не иначе, какъ «съ учрежденною цензурою», — о чемъ онъ показалъ при допросѣ въ губернскомъ правленіи и что видно изо всѣхъ вышедшихъ изъ его типографій книгъ, императрица повелѣла также опредѣлить особыхъ духовныхъ и свѣтскихъ цензоровъ, которые должны были наблюдать (какъ сказано въ рескриптѣ на имя арх. Платона), чтобы въ книги, выходившія изъ новиковскихъ и другихъ вольныхъ типографій, «не вкрались какіе-либо расколы, колобродства и всякія нелѣпыя толкованія, о коихъ, нѣтъ сомнѣнія, что они не новыя, но старыя, отъ праздности и невѣжества возобновленныя». Платонъ призывалъ къ себѣ Новикова, испытывалъ его въ догматахъ вѣры и донесъ о немъ государынѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Какъ

главнымъ начальникомъ масоновъ; а масоновъ — говоритъ Державинъ — его тетка считала «отступниками отъ вѣры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу, о которыхъ разглашали невѣроятныя басни, что они заочно, за нѣсколько тысячъ верстъ, непріятелей своихъ умерщвляютъ и тому подобныя бредни».

предъ престоломъ Божіимъ, такъ и предъ престоломъ твоимъ, всемилостивѣйшая государыня императрица, я одолжаюсь по совѣсти и сану моему донести тебѣ, что молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою, всемилостивѣйшая государыня, мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковые, какъ Новиковъ. Что же касается до книгъ, напечатанныхъ въ типографіи Новикова и мною разсмотрѣнныхъ — писалъ Платонъ — я раздѣляю ихъ на три разряда. Въ первомъ находятся книги собственно-литературныя, и какъ литература наша доселѣ крайне еще скудна въ произведеніяхъ, то весьма желательно, чтобы книги, въ этомъ родѣ, были болѣе и болѣе распространяемы и содѣйствовали бы къ образованію. Во второмъ, я полагаю книги мистическія, которыхъ не понимаю, а потому не могу судить оныхъ. Наконецъ, въ третьемъ разрядѣ суть книги самыя зловредныя, развращающія добрые нравы и ухищряющіяся подкапывать твердыни святой нашей вѣры. Сіи-то гнусныя и юродивыя порожденія такъ-называемыхъ энциклопедистовъ слѣдуетъ исторгать, какъ пагубные плевела, развращающіе между добрыми сѣменами».

Это донесеніе Платона, вполнѣ благопріятное для Новикова, остановило на время направленныя противъ него преслѣдованія: черезъ годъ послѣ опечатанія книгъ Новикова императрица приказала дозволить продажу ихъ попрежнему, за исключеніемъ только шести книгъ, которыя были поименованы въ особомъ спискѣ, присланномъ къ гр. Брюсу, и продажа которыхъ была запрещена. И любопытно то, что въ числѣ этихъ запрещенныхъ книгъ нѣтъ ни одной, которая принадлежала бы къ сочиненіямъ энциклопедистовъ, такъ строго осужденныхъ Платономъ: всѣ шесть книгъ — чисто-мистическаго содержанія или принадлежатъ къ масонской литературѣ, какъ напр. «О заблужденіяхъ и истинѣ», соч. извѣстнаго Сенъ-Мартена (см. ниже), «Химическая псалтирь», Парацельса, «Апологія, или защищеніе В. К.» (вольныхъ каменьщиковъ, т. е. фран-масоновъ) и друг.

Новиковъ, оправданный отзывомъ Платона, не подозрѣвалъ, кажется, что въ будущемъ его ожидаютъ болѣе серьёзныя пораженія и несчастія. Получивъ дозволеніе продолжать свои труды, онъ принялся за нихъ съ прежнею, неутомимою дѣятельностію. Дѣла «Типографи-

ческой компаніи» шли весьма хорошо въ четырехъ-лѣтній періодъ времени, съ 1786 по 1790 годъ, когда Новиковъ, не подвергаясь никакимъ преслѣдованіямъ или матерьяльнымъ стѣсненіямъ въ своихъ дѣйствіяхъ, успѣлъ напечатать огромное количество книгъ разнаго рода. Но въ 1790 году главнокомандующимъ въ Москву былъ назначенъ кн. Прозоровскій, которому дана была инструкція строго слѣдить за всѣми членами Новиковскаго общества. Онъ учредилъ за Новиковымъ и его друзьями особый надзоръ и писалъ въ Петербургъ разныя преувеличенныя донесенія о ихъ дѣйствіяхъ (*).

Вѣроятно эти преслѣдованія и стѣсненія кн. Прозоровскаго заставили наконецъ членовъ «Типографической компаніи», въ концѣ 1791 г., прекратить совершенно ея дѣйствія. Новиковъ переѣхалъ въ свое помѣстье Тихвинское-Авдотьино, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ апрѣлѣ 1792), былъ арестованъ, по распоряженію кн. Прозоровскаго, съ большими предосторожностями, и взятъ подъ тайную стражу. Въ тоже время его книжные склады и типографіи, равно какъ и всѣ книжныя лавки въ Москвѣ, были запечатаны, имѣнія Новикова и его компаніи были конфискованы, а самъ Новиковъ, доставленный въ Москву черезъ три недѣли былъ отвезенъ, окольными дорогами, въ Шлиссельбургъ и заключенъ въ казематы на пятнадцать лѣтъ. Извѣстный въ то время Шишковскій ѣздилъ въ Шлиссельбургъ допрашивать Новикова, и показанія его (теперь напечатанныя) вполнѣ доказываютъ его невинность.

Объясненіе этой суровой участи, постигшей Новикова, заключается въ томъ, что онъ и его общество были заподозрѣны въ политическихъ замыслахъ, вредныхъ для государства. Карамзинъ въ «запискѣ», представленной въ 1818 г. императору Александру I, съ цѣлію обратить вниманіе на тяжелое положеніе семейства Новикова, послѣ его смерти, упоминаетъ о трехъ обстоятельствахъ, усилившихъ подозрѣнія, которымъ подверглись московскіе масоны: 1) одинъ изъ членовъ общества (архитекторъ Баженовъ) писалъ изъ Петербурга къ своимъ московскимъ друзьямъ, что при разговорѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ, онъ удостовѣрился въ его добромъ мнѣніи о масонахъ. Государынѣ передали это письмо. Она могла думать,

(*) См. М. Лонгинова: «Матерьялы для ист. рус. просв.» и проч., 457.

что масоны желаютъ преклонить къ себѣ великаго князя. 2) Удивлялись богатству Новикова, когда онъ, во время неурожая, роздалъ много хлѣба бѣднымъ земледѣльцамъ, не зная, что деньги на покупку хлѣба давалъ Новикову Походяшинъ. 3) Новиковъ велъ переписку съ прусскими масонами, хотя и не политическую, въ то время, когда нашъ дворъ былъ въ явной непріязни съ берлинскимъ. «Сіи случаи — прибавляетъ Карамзинъ — французская революція и излишнія опасенія московскаго градоначальника рѣшили судьбу Новикова». Сущность «записки» Карамзина вполнѣ подтверждается словами члена общества И. В. Лопухина о причинахъ несчастія, постигшаго Новикова и его общество (см. его «Записки»). Лопухинъ, И. П. Тургеневъ и кн. Н. Н. Трубецкой, какъ главные сообщники Новикова, были также допрашиваемы кн. Прозоровскимъ, по присланнымъ изъ Петербурга пунктамъ, и послѣдніе два, послѣ допроса, отправлены въ ссылку, на житье въ свои деревни, въ дальнія губерніи отъ Москвы, съ воспрещеніемъ выѣзжать изъ тѣхъ губерній; а Лопухинъ оставленъ, подъ присмотромъ, въ Москвѣ только во вниманіе къ болѣзненому состоянію и дряхлой старости его отца. Лопухинъ говоритъ, что «важнѣйшее» во всѣхъ предложенныхъ ему вопросахъ касалось сношеній московскихъ масоновъ съ заграничными обществами ордена и «существовавшей будто связи съ обществомъ нашимъ у ближайшей къ престолу особы» (т. е. вел. кн. Павла Петровича). «Прочіе вопросы — замѣчаетъ Лопухинъ — сочинены были только для разширенія той завѣсы, которая закрывала главный предметъ подозрѣнія, а предметъ сей столько же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ». Аресту подверглись также и вытребованные изъ-за границы два студента, Колокольниковъ и Невзоровъ, отправленные, на счетъ компаніи, въ нѣмецкіе университеты для усовершенствованія въ наукахъ.

Конфискація имущества и множества книгъ «Типографической компаніи» довела до разоренія главнѣйшихъ членовъ ея: Новикова, Лопухина и кн. Н. Трубецкаго. Книжные склады компаніи разбирали нѣсколько лѣтъ и большую часть книгъ, т. е. всѣ мистическія, по словамъ Карамзина, сожгли.

Заключеніе въ крѣпости, гдѣ Новиковъ провелъ четыре съ поло-

виною года, было крайне гибельно для его слабаго здоровья, особенно при нравственныхъ страданіяхъ и воспоминаніи о несчастіи друзей, оставленной семьѣ, и тяжко отозвалось на всей послѣдующей его жизни. Онъ былъ выпущенъ изъ крѣпости въ первый же день восшествія на престолъ императора Павла I, и С. И. Гамалѣя говоритъ, что другъ его возвратился въ свое Тихвинское (въ ноябрѣ 1796) «дряхлъ, старъ, согбенъ, въ разодранномъ тулупѣ». Друзья Новикова, пострадавшіе вмѣстѣ съ нимъ, всѣ были также возвращены изъ ссылки и нѣкоторые изъ нихъ заняли важныя мѣста въ государственной службѣ. Лопухинъ былъ призванъ ко двору и назначенъ статсъ-секретаремъ, а потомъ пожалованъ въ сенаторы. Карамзинъ писалъ около этого времени изъ Москвы къ брату въ деревню: «Трубецкіе, И. В. Лопухинъ, Новиковъ награждены за претерпѣніе: первые пожалованы сенаторами, Лопухинъ сдѣланъ секретаремъ при императорѣ, а Новиковъ, какъ слышно, будетъ университетскимъ директоромъ.» Но слухъ о Новиковѣ оказался не основательнымъ: онъ остался частнымъ человѣкомъ, жилъ въ своемъ Тихвинскомъ, въ неизвѣстности, почти въ бѣдности, страдая физически, но не утративъ бодрости духа и сохранивъ свои убѣжденія до конца жизни.

Къ дѣятельнѣйшимъ членамъ московскаго «Дружескаго общества», послѣ самаго Новикова, принадлежалъ *Лопухинъ*, Иванъ Владиміровичъ (1756—1816). Частная и общественная дѣятельность Лопухина представляетъ рѣдкій примѣръ гражданской доблести, непоколебимой твердости нравственныхъ правилъ и высокой, истинно-христіанской любви къ ближнему. Мы видимъ въ немъ одного изъ полнѣйшихъ представителей того направленія, которымъ отличались люди Новиковскаго кружка и вообще одну изъ лучшихъ, возвышеннѣйшихъ личностей своего времени. Написанныя же Лопухинымъ, въ разное время, сочиненія уясняютъ, до нѣкоторой степени, сущность мистическихъ ученій, бывшихъ въ ходу у русскихъ масоновъ и сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о дѣятельности Новикова и его общества. Въ этомъ отношеніи особенно интересны оставленныя Лопухинымъ «Записки», которыя ярко рисуютъ гуманную личность самаго автора и даютъ живое представленіе о прожитой имъ эпохѣ.

Лопухинъ воспитывался въ домѣ отца своего, генералъ-поручика,— человѣка весьма достаточнаго и принадлежавшаго къ родовому русскому дворянству; но тѣмъ не менѣе онъ былъ воспитанъ,—какъ сознается самъ въ своихъ «Запискахъ»,— «въ большомъ небреженіи». Русской грамотѣ его училъ домашній слуга, а французскому и нѣмецкому языкамъ тѣ невѣжественные учители изъ иностранцевъ, которыхъ было такъ много въ то время на Руси. Такъ что, по окончаніи своего воспитанія, на 17 году, Лопухинъ не выучился ничему порядочно, не зналъ даже грамматическихъ правилъ роднаго языка, хотя, какъ онъ замѣчаетъ, ему и пришлось въ жизни много писать и даже сочинять книги на природномъ языкѣ. «Однимъ словомъ — прибавляетъ Лопухинъ — если я что знаю, то подлинно самоучкою». По обычаю того времени, онъ былъ записанъ въ гвардію и въ 1775 году былъ уже произведенъ въ прапорщики преображенскаго полка. Слабость здоровья не позволила, однако, Лопухину долго оставаться въ военной службѣ: черезъ шесть лѣтъ, проведенныхъ имъ большею частію въ болѣзненныхъ страданіяхъ, онъ, по своей просьбѣ, «за болѣзнями, отставленъ изъ капитанъ-поручиковъ гвардіи къ статскимъ дѣламъ полковникомъ». Это время физическихъ страданій,—«въ самыя бурныя лѣта молодости — говоритъ Лопухинъ — было для меня большою опытною школою терпѣнія и много послужило въ пользу охотѣ моей къ чтенію». Изъ отраслей гражданской службы, въ которую онъ готовился перейти, его особенно занимала уголовная часть — и онъ усердно занимался ея изученіемъ. При введеніи въ дѣйствіе (1782) новаго учрежденія о губерніяхъ, онъ былъ опредѣленъ совѣтникомъ московской уголовной палаты, а впослѣдствіи былъ сдѣланъ ея предсѣдателемъ. Должность уголовнаго судьи открывала обширное поле дѣятельности дли врожденнаго чувства человѣколюбія и высокихъ человѣчныхъ стремленій Лопухина. Онъ поставилъ себѣ за правило въ этой должности — держаться умѣренности въ опредѣленіи наказанія виновнымъ, смягчать жестокость наказаній и соблюдать точность и строгій законный порядокъ въ изслѣдованіи дѣла, дабы не осудить невиннаго или не наказать виновнаго выше мѣры. Въ своихъ «Запискахъ» онъ излагаетъ тотъ взглядъ и понятія о сущности и цѣли наказаній, которыми онъ постоянно руководствовался во время своей

юридической службы. «Въ правительствахъ христіанскихъ — говоритъ онъ — исправленіе наказуемаго и обращеніе его къ добру надлежитъ имѣть важнѣйшимъ при наказаніяхъ предметомъ. Все же, что превосходитъ сію мѣру, есть только *безплодное терзаніе человѣчества* и дѣйствіе неуваженія къ нему, или лютости.... Жестокость въ наказаніяхъ есть только плодъ злобнаго презрѣнія къ человѣчеству и одно всегда безплодное тиранство.... Мщеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплею не должно вливаться въ наказаніе». Руководствуясь этими основными понятіями о цѣли наказаній уголовныхъ, Лопухинъ возстаетъ противъ опредѣленія виновнымъ «наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни» и противъ смертной казни. «Смертная казнь — говоритъ онъ — по моему мнѣнію, и безполезна, — кромѣ того, что одному только Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую ее можно пресѣчь, не возмущая порядка его Божественнаго строенія». Относительно обязанностей судьи и въ предостереженіе того, чтобы онъ не подвергся умышленнымъ или неумышленнымъ ошибкамъ, Лопухинъ говоритъ, что судья обязанъ *дѣлать правду для самой правды, всѣмъ сердцемъ ее любя*, и въ каждомъ имъ судимомъ, *сердечно видѣть прямо ближняго своего.*

Вотъ тѣ высоко-гуманные и благородные принципы, которымъ слѣдовалъ Лопухинъ неуклонно во время своей юридической практики. Но для того, чтобы проводить въ то время эти принципы въ жизнь, Лопухину нужно было обладать большимъ запасомъ гражданскаго мужества и энергической стойкостію характера. Будучи еще совѣтникомъ палаты, онъ постоянно встрѣчалъ оппозицію въ своихъ товарищахъ, при опредѣленіи умѣренныхъ наказаній осужденнымъ, и только посредствомъ споровъ — «и часто весьма жаркихъ» — по его словамъ — могъ отстаивать свои человѣколюбивыя стремленія. Но когда онъ сдѣлался старшимъ въ палатѣ, то ему стало удобнѣе держаться неизмѣнно своихъ правилъ. Тѣмъ не менѣе эти благородныя и человѣчныя стремленія Лопухина возбуждали неудовольствіе противъ него не только въ тогдашней приказной сферѣ, сроднившейся съ совершенно иными взглядами на наказанія, но и въ мало-развитомъ тогдашнемъ обществѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Лопухинъ въ своихъ «Запискахъ»: «Неохотники до меня и столько жь, кажется, вообще до человѣчества, тамъ, гдѣ нѣтъ въ немъ ихъ интересовъ, вопіяли осужденіями такъ-называвшагося

ими моего милосердія. Говорили, что я развожу злодѣевъ и воровъ. Однако, по счастію моему, что-ли, гораздо ихъ меньше стало съ открытія въ Москвѣ уголовной палаты, при умѣренныхъ ея наказаніяхъ, заступившихъ мѣсто тѣхъ лютостей торговой казни, коими передъ тѣмъ московское правительство (т. е. прежніе московскіе уголовные судьи) нѣсколько лѣтъ отличалось и о которыхъ безъ ужаса вспомнить нельзя». Лопухинъ, не взирая ни на что, продолжалъ слѣдовать своимъ правиламъ умѣренности въ наложеніи наказаній, и главнокомандующій въ Москвѣ, гр. З. Г. Чернышевъ всегда давалъ свое согласіе на его приговоры. Но когда, послѣ смерти Чернышева, на его мѣсто былъ назначенъ графъ Брюсъ, не расположенный къ обществу мартинистовъ, скоро сдѣлавшійся гонителемъ Лопухина, то онъ прямо возсталъ противъ его системы смягченія наказаній и не утверждалъ приговоровъ палаты: «Первое неудовольствіе его собственно противъ меня — говоритъ Лопухинъ — было за то, что малое число ударовъ (преступникамъ) палатой опредѣлялось». Лопухинъ, однако, и тутъ не уступалъ и мужественно отстаивалъ свои принципы и приговоры уголовной палаты. Брюсъ долженъ былъ потомъ съ ними соглашаться, покоряясь нравственной твердости и доводамъ Лопухина, — хотя онъ тѣмъ не менѣе не переставалъ его преслѣдовать, и Лопухинъ вынужденъ былъ наконецъ оставить службу.

Послѣ выхода въ отставку, именно съ 1785 г., Лопухинъ принимаетъ самое живое участіе въ филантропической и издательской дѣятельности «Типографической компаніи». Къ этому времени относится и большая часть его собственныхъ литературныхъ трудовъ (см. ниже), написанныхъ съ цѣлію объяснить большинству сущность масонскаго ученія и защитить отъ нареканій московское «Дружеское общество», которымъ нерѣдко подвергались его дѣятельность въ публикѣ. Лопухинъ упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ», что онъ имѣлъ «большую дирекцію и переписку по обществу». Вообще извѣстно, что дѣятельность его имѣла большое значеніе въ средѣ членовъ «Дружескаго общества» и «Типографической компаніи». Онъ былъ великимъ мастеромъ одной изъ масонскихъ ложъ въ Москвѣ и не только посвящалъ свое время и свои труды, но отдавалъ и все свое состояніе на пользу филантропическихъ учрежденій, для распространенія грамотно-

сти и образованія въ народѣ и для вспомоществованій бѣднымъ, которыми бывалъ почти всегда наполненъ огромный дворъ его наслѣдственнаго дома въ Москвѣ. Въ этомъ же домѣ, приходившемъ въ разрушеніе отъ ветхости,. жилъ онъ самъ. О благотворительности Лопухина долго сохранялись преданія въ Москвѣ. Мы упоминали выше, что для содѣйствія успѣхамъ своего общества, Лопухинъ открылъ собственную типографію въ Москвѣ. На его же счетъ были посланы за границу, для усовершенствованія въ наукахъ, студенты Невзоровъ и Колокольниковъ.

Мы уже знаемъ, что Лопухинъ, какъ дѣятельнѣйшій членъ московскаго «Дружескаго общества», подвергся преслѣдованію за свое участіе въ немъ. Онъ сообщаетъ въ своихъ «Запискахъ» весьма важныя свѣдѣнія о дѣятельности и цѣляхъ этого общества и о постигшей его катострофѣ, главную причину которой Лопухинъ видитъ въ придворныхъ интригахъ и въ невѣжественныхъ обвиненіяхъ самой публики. «Мы столько были невинны — говоритъ онъ — что и не старались оправдываться, а только при случаяхъ говорили правду о цѣли и упражненіяхъ нашего общества, но намъ не вѣрили».

Выше было сказано, что со вступленіемъ на престолъ императора Павла, Лопухинъ былъ вызванъ въ Петербургъ и сдѣланъ статсъ-секретаремъ. А до того времени, послѣ уничтоженія «Дружескаго общества», онъ жилъ въ Москвѣ, занимаясь литературными трудами и отдавшись попеченію о своемъ больномъ отцѣ, который, въ годы глубокой старости, лишился зрѣнія.

Лопухинъ, при упрямой стойкости своихъ убѣжденій, почти всегда рѣзко высказываемыхъ, не могъ, однако, долго оставаться въ придворной сферѣ: онъ былъ скоро удаленъ отъ должности секретаря при государѣ и получилъ мѣсто сенатора въ Москвѣ, съ пожалованіемъ въ тайные совѣтники. Юридическая практика Лопухина въ сенатѣ отличалась точно тѣмъ-же человѣколюбивымъ характеромъ и благородными стремленіями, которые намъ извѣстны изъ его службы въ уголовной палатѣ: строгая, неподкупная правда, прямота и честность убѣжденій, мягкость суда и наказанія — были девизомъ его служебной дѣятельности въ сенатѣ, какъ и прежде въ уголовной палатѣ. Защищая свои убѣжденія, онъ шелъ не разъ противъ мнѣній боль-

шинства сенаторовъ и генералъ-прокурора, и нерѣдко успѣвалъ склонить всѣхъ къ своему мнѣнію. Но были дѣла, гдѣ и Лопухинъ, не смотря на всю гуманность и чистоту своихъ стремленій, является человѣкомъ съ господствующими въ его время взглядами и предразсудками. Это именно дѣла по вопросу о крѣпостномъ правѣ, существованіе котораго онъ признавалъ необходимимъ для сохраненія общаго порядка и спокойствія; и потому помѣщичья власть надъ крестьянами находила себѣ въ Лопухинѣ одного изъ своихъ прямыхъ поборниковъ и защитниковъ. Исторія не осудитъ, конечно, Лопухина за то, что онъ, слѣдуя рутинному взгляду и понятіямъ своего вѣка, горько заблуждался въ настоящемъ случаѣ и тѣмъ какъ-бы становился въ прямое противорѣчіе съ собственными убѣжденіями и съ духомъ истиннаго христіанства, которымъ запечатлѣна вся его общественная и частная дѣятельность. Онъ, однако, и тутъ высказывалъ со свойственною ему прямотою и честностію свои отжившіе для нашего времени взгляды и понятія по вопросу о крѣпостномъ правѣ. «Я первый, можетъ быть, желаю — говоритъ онъ — чтобъ не было на русской землѣ ни одного несвободнаго человѣка, еслибъ только то безъ вреда для нея возможно было. Народъ требуетъ обузданія,— и для собственной пользы. Для сохраненія же общаго благоустройства нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ». Ложность такого убѣжденія, осужденнаго историческимъ ходомъ самой жизни, безъ сомнѣнія, не требуетъ опроверженія въ наше время. Но Лопухинъ былъ тѣмъ не менѣе человѣкъ истинно-гуманный, глубоко преданный дѣлу народа и искренно заботившійся объ улучшеніи его участи и о нуждахъ народныхъ. Это намъ доказываетъ вся его дѣятельность на гражданскомъ поприщѣ и особенно его дѣятельность при ревизіи губерній, поручавшихся ему, какъ сенатору. Одна изъ такихъ ревизій была поручена ему еще при Павлѣ. Въ 1800 г. онъ былъ посланъ, вмѣстѣ съ сенаторомъ Спиридовымъ, для обревизованія губерній: вятской, казанской и оренбургской. При своей ревизіи, Лопухинъ лично входилъ въ подробности о положеніи и о нуждахъ крестьянскаго сословія, заботился объ уменьшеніи сборовъ, разбиралъ жалобы крестьянъ и защищалъ ихъ отъ притѣсненій и чиновничьяго насилія. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи одинъ изъ случаевъ другой ревизіи Лопухина, порученной

ему уже императоромъ Александромъ I, который имѣлъ большое довѣріе къ Лопухину. Въ 1801 г. онъ былъ посланъ, вмѣстѣ съ сенатоторомъ Нелединскимъ-Мелецкимъ, для осмотра слободско-украинской (т. е. харьковской) губерніи, гдѣ ему пришлось разбирать дѣло о раскольнической сектѣ «духоборцевъ», поселенныхъ въ той губерніи. Подробности этого дѣла изложены Лопухинымъ въ его «Запискахъ» и крайне интересны какъ для его собственной характеристики, такъ и потому, что представляютъ живую картину современныхъ нравовъ и понятій. Въ донесеніяхъ мѣстной администраціи о духоборцахъ они представлялись всегда возмутителями, не признающими никакихъ властей, и потому противъ нихъ употреблялись постоянно мѣры жестокихъ преслѣдованій и наказаній. Лопухинъ, ознакомившись лично съ духоборцами и разсмотрѣвъ ихъ дѣло, нашелъ въ нихъ, напротивъ, людей мирныхъ, исполненныхъ только «безмѣрными, фанатическими предразсудками» своей секты. Но — говоритъ Лопухинъ — «сила духа вѣры въ нихъ замѣчательная и общая; никто почти изъ нихъ грамотѣ не знаетъ хорошенько, писать изъ многихъ, бывшихъ у насъ, худо умѣлъ только одинъ, а всякій о законѣ говоритъ, какъ книга». Они полюбили Лопухина, были съ нимъ откровенны и наконецъ подали ему прошеніе, съ изъявленіемъ своей вѣрности и усердія къ государю. Лопухинъ остановилъ всѣ распоряженія мѣстныхъ властей, свѣтскихъ и духовныхъ, относительно мнимаго усмиренія духоборцевъ и ихъ увѣщанія, доказалъ, что безпокойства въ ихъ средѣ всегда возбуждались тѣмъ, что начинали ихъ «увѣщевать не вовремя, безъ нужды, неискусно, ожесточали ихъ, и не такъ понимали». Въ донесеніи государю онъ защитилъ ихъ противъ обвиненій въ возмутительствѣ и представлялъ о необходимости дѣйствовать на нихъ мѣрами кроткими, въ духѣ истинной терпимости. Но такая благородная терпимость и мѣры благодушной кротости въ обращеніи съ раскольниками мало согласовались съ тогдашними понятіями: немногіе отозвались хорошо о дѣйствіяхъ Лопухина, большею же частію осуждали его и бранили. «Впрочемъ — говоритъ онъ — при всемъ производствѣ онаго дѣла о духоборцахъ, съ начала самаго, не ожидалъ я себѣ пріятности по службѣ, а предметомъ имѣлъ я оказать услугу общей государству пользѣ и человѣчеству, хотя бы самому и много

потерпѣть за то досталось». Императоръ Александръ, однако, вполнѣ одобрилъ дѣйствія Лопухина: онъ получилъ благодарственный рескриптъ отъ государя, а образъ его дѣйствій поставленъ въ примѣръ губернаторамъ и указанъ имъ для общаго руководства въ дѣлахъ о раскольникахъ. Духоборцамъ же государь повелѣлъ выдать необходимое пособіе и дозволилъ имъ поселиться отдѣльно, сообразно съ ихъ желаніемъ и представленіемъ Лопухина, на Молочныхъ-Водахъ (въ нын. тавр. губ.), гдѣ ихъ поселенія сдѣлались скоро лучшими и богатѣйшими въ цѣломъ краю. Такимъ образомъ, Лопухинъ обезпечилъ матерьяльное благосостояніе этихъ бѣдныхъ людей и защитилъ ихъ отъ жестокихъ гоненій, которымъ они такъ часто подвергались въ прежнее время.

Въ царствованіе Александра Лопухину давались и другія важныя порученія—и нигдѣ, ни при какихъ обстоятельствахъ, онъ не измѣнялъ себѣ или своимъ правиламъ; вездѣ онъ являлся защитникомъ праваго дѣла и интересовъ народа, человѣкомъ, одушевляемымъ сильнымъ чувствомъ христіанской любви къ ближнему и отличавшимся твердыми, непоколебимыми нравственными убѣжденіями.

Въ 1812 году, за два дня до вступленія въ Москву французовъ, Лопухинъ выѣхалъ изъ города въ свое помѣстьѣ с. Савинское (въ 37 верст. отъ Москвы), въ которомъ провелъ и послѣдніе годы своей жизни.

Большая часть сочиненій Лопухина относится къ мистической или къ такъ-называемой масонской литературѣ. Онъ не имѣлъ оригинальнаго литературнаго таланта; онъ самъ сознается въ этомъ не разъ въ своихъ «Запискахъ». Появленіе въ свѣтъ того или другаго изъ его сочиненій почти всегда обусловливалось какою-либо случайностію, относившеюся къ дѣятельности или къ выясненію направленія того кружка людей, къ которыму онъ принадлежалъ. «Писалъ я — говоритъ Лопухинъ — всегда по нуждѣ или для препровожденія времени, для пріятелей, или то, что, по моему мнѣнію, могло принести пользу». Лопухинъ прибѣгалъ къ литературѣ, какъ къ средству для защиты и для распространенія въ массѣ идей и нравственныхъ началъ того ученія, которому онъ слѣдовалъ самъ и изъ котораго вытекала, главнымъ образомъ, практическая дѣятельность людей новиковскаго

кружка. Ученіе это было *масонство*, или *франмасонство*, перенесенное къ намъ, подобно другимъ западнымъ ученіямъ, изъ Европы еще до времени царствованія императрицы Елисаветы, — какъ мы уже замѣтили выше (*).

(*) Масонство, въ томъ видѣ, какъ оно проявилось въ Европѣ въ XVIII столѣтіи, т. е. какъ тайное общество людей, связанныхъ между собою братскимъ союзомъ, открыто посвящавшихъ свою дѣятельность нравственнымъ и филантропическимъ цѣлямъ, но облекавшихъ глубокою тайною и странными символическими формами и обрядами тѣ вѣрованія и убѣжденія, во имя которыхъ они соединялись и дѣйствовали, — въ этомъ видѣ масонство стало распространяться въ западной Европѣ также не ранѣе первыхъ годовъ прошлаго вѣка. «Великая» масонская ложа въ Лондонѣ была открыта въ 1717 году; во Францію масонство было принесено въ 1725 г. лордомъ Дервентъ-Вотерсомъ, однимъ изъ приверженцевъ Стюартовъ, а сильное развитіе его въ Германіи началось только около 1740 года. Сами же масоны относятъ происхожденіе своего ордена къ незапамятнымъ временамъ (за 4000 лѣтъ до Христа) и указываютъ на его таинственную связь съ нѣкоторыми великими эпохами и замѣчательными событіями всемірной исторіи: такъ они ведутъ свое начало то отъ таинствъ древняго Египта и Греціи, то отъ времени построенія Соломонова храма, то отъ рыцарскаго ордена Тампліеровъ и т. п. Вѣроятно лишь то, что масоны заимствовали организацію своего ордена, его названіе, символическіе знаки (молотокъ, кожаный передникъ, угломѣръ, ватерпасъ и проч.) и обряды отъ строительнаго цеха среднихъ вѣковъ, члены котораго собственно и назывались «свободными каменьщиками» (free masons, francs-maçons, Freimaurer). Эта братская ассоціація средневѣковыхъ строителей-каменьщиковъ пользовалась въ свое время большими привиллегіями, имѣла свой судъ и находилась подъ особеннымъ покровительствомъ папъ и королей. Она содержала въ строгой тайнѣ свои познанія въ строительномъ искусствѣ, открывая ихъ своимъ членамъ послѣ долгихъ испытаній и подъ условіемъ соблюденія строжайшей тайны. Когда же, съ успѣхомъ человѣческихъ знаній, искусство строить и всѣ архитекторскіе пріемы, долго хранившіеся въ тайнѣ, сдѣлались наконецъ извѣстными и доступными для всѣхъ; то и ассоціація привиллегированныхъ средневѣковыхъ каменьщиковъ должна была утратить свой первоначальный смыслъ и значеніе. Тѣмъ не менѣе, однако, она продолжала существовать въ тѣхъ-же внѣшнихъ формахъ, но уже съ иными цѣлями и характеромъ, сохранивъ отъ прежней организаціи своей одинъ лишь принципъ братства и прежніе символическіе знаки и обряды. Въ число членовъ преобразовавшагося, такимъ образомъ, союза свободныхъ каменьщиковъ стали поступать уже не одни только архитекторы, или строители, но свободные и образованные люди всѣхъ сословій. Новый союзъ пересталъ быть ремесленнымъ цехомъ. Онъ сдѣлался союзомъ чисто-человѣческимъ и сталъ преслѣдовать общечеловѣческія цѣли. Первые слѣды масонства въ этомъ видѣ появляются въ Англіи, откуда оно потомъ распространилось во всѣхъ странахъ свѣта, сохраняя почти вездѣ одинаковую организацію и раздѣляясь на множество небольшихъ группъ, называемыхъ *ложами*. Дѣятельность западнаго масонства получила особенно сильное развитіе съ половины XVIII в. когда оно замѣшалось въ философское и по-

Масонское ученіе имѣло преимущественно характеръ нравственно-религіозный и практическій. Оно силилось перенести изъ области теоріи въ практическую жизнь тѣ идеи и ученія, которыя выработывались въ школѣ англійскихъ философовъ, со времени Локка. Въ основныхъ началахъ своихъ оно сходилось съ мнѣніями такъ-называемыхъ «деистовъ», провозгласившихъ ученіе о религіи разума, или о «естественной» религіи, требовавшихъ отъ человѣка, во имя этой религіи, высоко-нравственной жизни и дѣятельности и отвергавшихъ всякій догматизмъ въ дѣлахъ вѣры, проповѣдывавшихъ о свободѣ совѣсти, о религіозной терпимости и о равенствѣ гражданскихъ правъ, не взирая на различіе вѣроисповѣдваній. На этихъ-то именно основаніяхъ широкой терпимости и дѣятельной любви къ ближнему и человѣчеству франмасонство думало воздвигнуть свою религію, — одну общечеловѣческую религію, во имя которой оно хотѣло создать великое дружеское братство между людьми, основанное единственно на началахъ свободы совѣсти, братской любви и человѣческаго равенства: масонскій союзъ былъ открытъ одинаково для всѣхъ, члены союза называли себя братьями и клялись всегда и вездѣ помогать другъ другу, каковы бы ни были ихъ индивидуальныя религіозныя вѣрованія, ихъ національность, или ихъ общественное положеніе. (*)

Пламенная религіозность и мистицизмъ составляли притомъ основныя свойства масонскаго ученія. Своими религіозно-мистическими тенденціями франмасонство становилось, такимъ образомъ, въ рѣши-

---

литическое движеніе эпохи и примкнуло къ разнымъ мистическимъ ученіямъ и тайнымъ обществамъ того времени. Это обстоятельство, таинственность, въ которую всегда облекали масоны основные догматы своего ученія и свои «работы» въ ложахъ, и наконецъ ихъ тайныя собранія внушали къ нимъ недовѣріе въ правительствахъ и въ публикѣ и подвергали ихъ преслѣдованіямъ почти во всѣхъ странахъ Европы, не смотря на то, что къ масонскому ордену принадлежали, въ разныя времена, извѣстныя, знатныя и даже коронованныя лица, какъ напримѣръ: Фридрихъ II, прусскій, Густавъ III король шведскій, Фердинандъ, владѣтельный герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, бывшій въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка почетнымъ главою масонскихъ ложъ большей части Европы, и мног. друг.

(*) Подробнѣе о франмасонствѣ въ западной Европѣ см. у Геттнера: «Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. I (Англійская литература). Перев. А. Пыпина, СПБ. 1863, стр., 184—204.

тельный контрастъ съ скептицизмомъ и матерьялистической философіей вѣка, отвергавшей всякую таинственность и всякую религію и не признававшей въ человѣкѣ его духовной стороны и духовныхъ стремленій.

Обширная мистическая литература, посредствомъ которой западное масонство вело борьбу съ матерьялистами и атеистами, усердно переводилась на русскій языкъ заботами московскихъ масоновъ, старавшихся распространять въ массѣ читателей религіозно-мистическія воззрѣнія и тенденціи своего ордена. Къ этому-же роду литературы принадлежали и собственныя сочиненія нашихъ масоновъ, — впрочемъ далеко не такъ многочисленныя, какъ переводы произведеній западныхъ мистическихъ писателей. Въ числѣ извѣстныхъ намъ въ настоящее время оригинальныхъ сочиненій московскихъ масоновъ важное мѣсто занимаютъ книги Лопухина: 1) *Нравоучительный катихизисъ истинныхъ франкъ-масоновъ*, 2) *Нѣкоторыя черты о внутренней церкви, о единомъ пути истины и различныхъ путяхъ заблужденія и гибели* и 3) *Духовный рыцарь, или ищущій премудрости.*

Цѣль изданія и распространенія въ публикѣ катихизиса, по словамъ самаго Лопухина, заключалась въ томъ, чтобы представить въ самыхъ истинныхъ и краткихъ чертахъ всѣ начала науки и нравственности масонскаго общества. «Сіе мнѣ случилось нечаянно, — говоритъ Лопухинъ: часто бывалъ я тогда у преосвящ. Платона, митрополита московскаго, котораго отличнымъ благорасположеніемъ я всегда пользовался. Онъ очень въ разговорахъ возставалъ противъ нашего общества, однакожъ разставались мы всегда пріятелями. Однажды, разговаривая съ нимъ, при возраженіяхъ на его критику, родилась у меня мысль объ ономъ катихизисѣ, и я его тутъ же составилъ такъ, что, пріѣхавъ домой, тотчасъ его написалъ и переведя на французскій языкъ, я напечаталъ его въ типографіи компаніи нашей и отдалъ знакомому книгопродавцу продавать, какъ новую книжку, полученную изъ чужихъ краевъ». Такимъ образомъ французскій переводъ катихизиса Лопухина (*) появился прежде русскаго подлинника, который не былъ имъ изданъ отдѣльно, а помѣщенъ

(*) Съ заглавіемъ: Catéchisme moral pour les vrais F. M. (Francs-Maçons) — небольшая брошюра въ 16 стран.

при двухъ другихъ его сочиненіяхъ, названныхъ нами выше: «Духовный рыцарь» и «О внутренней церкви». Въ послѣдней книгѣ катихизисъ этотъ помѣщенъ съ нѣкоторыми исключеніями и прибавками и названъ *краткимъ изображеніемъ качествъ и должностей истиннаго христіанства.* Масонскій катихизисъ Лопухина ограничивается, однако, по большей части, краткимъ изложеніемъ простыхъ христіанскихъ истинъ и общей морали и не заключаетъ въ себѣ какихъ-либо характеристическихъ особенностей, по которымъ можно бы было судить объ основныхъ убѣжденіяхъ и догматахъ масонскаго ученія, хотя въ немъ и употребляются нѣкоторыя мистическія формулы и выраженія, какъ напримѣръ, о «средоточіи солнца» и т. п. Въ подтвержденіе сказаннаго, приводимъ нѣкоторыя выписки изъ катихизиса Лопухина, на чисто-христіанскій характеръ котораго уже указываетъ самый эпиграфъ его, выбранный авторомъ изъ Евангелія: «Аще Сынъ вы свободитъ, тогда свободни будете».

В Чѣмъ наипаче отличается истинный Ф. М.?

О. Духомъ собратства, который одинъ есть духъ съ христіанскимъ.

В. Какой главный долгъ истиннаго Ф. М.?

О. Любить Бога паче всего, и ближняго, какъ самаго себя или еще болѣе.

В. Какое должно быть главное упражненіе (работа) истинныхъ Ф. М.?

О. Послѣдованіе Іисусу Христу.

В. Какія суть самыя вѣрныя знаки послѣдованія Іисусу Христу.

О. Чистая любовь, преданность и крестъ.

В. Какая должность истиннаго Ф. М. въ разсужденіи своего государя?

О. Онъ долженъ царя чтить и во всякомъ страхѣ повиноваться ему, не только доброму и кроткому, но и строптивому.

В. Когда перестанетъ всякій трудъ и работа? (т. е. работа истинныхъ Ф. М.)

О. Когда не останется на земли ни единой воли, которая бы не совершенно предалась Богу; когда золотой вѣкъ, который Богъ хощетъ прежде внутренне возстановить въ маломъ своемъ избранномъ народѣ, распространится вездѣ и явится внѣшне, и когда царство са-

мой натуры освободится отъ проклятій и возвратится въ средоточіе солнца. (См. «Записки» Лоп., стр. 24—40).

Въ «Духовномъ рыцарѣ», по словамъ Лопухина, «представлены краткими чертами главные пункты *герметической* науки (*), образъ ея святилища, ходъ внутренняго обновленія человѣка, начала самопознанія и глубокой морали». Но—образъ святилища герметической науки и ходъ внутренняго обновленія человѣка весьма мало выясняются изъ «Духовнаго рыцаря» Лопухина; потому что всѣ разсужденія автора объ этихъ предметахъ отличаются тою же туманностію изложенія и несвязностію идей, какія свойственны вообще всѣмъ мистическимъ произведеніямъ. Это сочиненіе Лопухина, равно какъ и его книга «О внутренней церкви», свидѣтельствуютъ только, что русскіе масоны не были чужды тѣхъ странныхъ теософско-мистическихъ ученій и теургическихъ мечтаній, которыя проповѣдывались извѣстнѣйшими изъ западныхъ мистиковъ и теозофовъ. Сочиненія Якова Бёма и его послѣдователей (**) пользовались большимъ уваженіемъ и почитались важнѣйшими догматическими книгами у московскихъ мистиковъ

(*) *Герметическая* наука, *герметическое* искусство, *герметическая* философія— этими названіями обозначали вообще алхимію, — одну изъ тѣхъ тайныхъ наукъ, которая, вмѣстѣ съ тайной медициной, астрологіей и магіей, до раціональныхъ успѣховъ химіи и вообще наукъ естественныхъ, долго царствовала въ Европѣ и имѣла жаркихъ адептовъ. Изобрѣтателемъ алхиміи считаютъ Гермеса Трисмигиста, египетскаго Меркурія, отъ котораго она и получила названіе. Алхимики, или герметическіе философы, стремились проникнуть во всѣ тайны творенія, толковали о «сѣмени всѣхъ вещей», о «стихійныхъ вещахъ и духахъ», объясняли всѣ естественныя дѣйствія тремя главными дѣятелями — солью, сѣрой и ртутью, занимались перетвореніемъ неблагородныхъ металловъ въ благородные, съ химерическою цѣлію — дѣлать золото и отыскать *панацею*, или всеобщее лѣкарство для безконечнаго продленія человѣческой жизни. Всемогущій дѣятель, къ отысканію котораго устремлялись всѣ усилія алхимиковъ и при помощи котораго они думали производить всѣ названныя чудеса, извѣстенъ подъ именемъ *философскаго камня*. Въ рядахъ герметическихъ философовъ пользовались большою славою: монахъ Рожеръ Баконъ, Альбертъ-Великій, Парацельсъ и друг. Послѣдній прославился приложеніемъ алхиміи къ медицинѣ.

(**) *Яковъ Бёмъ*, или *Бёме* (Bœhme) принадлежитъ къ числу самыхъ туманныхъ нѣмецкихъ *теозофовъ* XVII вѣка, составляющихъ особый разрядъ мистическихъ философовъ, которые, въ дѣлѣ познанія истины, руководствовались внутреннимъ чувствомъ и непосредственнымъ вдохновеніемъ, а не философскимъ мышленіемъ и наукой. Къ выводамъ разума, къ опытамъ науки они относились обыкновенно съ презрѣніемъ. Я. Бёмъ, прозванный «philosophus teutonicus», служитъ

Новиковскаго кружка. Русскіе переводы сочиненій Бёма: «О тройственной жизни», «О благодатномъ избраніи», «Mysterium magnum» обращались между ними въ рукописяхъ и кромѣ того у нихъ былъ распространенъ отдѣльный сборникъ, составленный изъ всѣхъ сочиненій Бёма, при содѣйствіи Новикова и Гамалѣи, подъ заглавіемъ: «Серафимскій цвѣтникъ, или духовный экстрактъ изъ всѣхъ писаній Іакова Бёма».

Изъ послѣдователей Бёма любимыми писателями московскихъ масоновъ были—англійскій мистикъ, докторъ Пордеджъ и Сенъ-Мартенъ, называвшій себя «неизвѣстнымъ философомъ» (le philosophe inconnu) Пордеджъ, жаркій послѣдователь Бёма, старался привести въ систему ученіе и идеи своего учителя и съ этою цѣлію написалъ нѣсколько сочиненій. Извѣстнѣйшія изъ нихъ: «Мистическое богословіе» и «Божественная и истинная метафизика», которая была переведена порусски съ нѣмецкаго и напечатана у насъ, безъ означенія года и мѣста печати. Въ основѣ весьма страннаго ученія Сенъ-Мартена лежатъ также идеи Бёма, главнѣйшія сочиненія котораго онъ и перевелъ на французскій языкъ. Изъ многочисленныхъ мистическихъ произведеній Сенъ-Мартена была переведена порусски его книга: «О заблужденіяхъ и истинѣ» (Des erreurs et de la verité) (*) и напечатана въ 1785 году въ типографіи Лопухина. Адепты ученія, сходнаго съ идеями Сенъ-Мартена, получили названіе *мартинистовъ*, которые появились первый разъ въ Парижѣ около 1768 года. Но основателемъ секты мар-

---

главнѣйшимъ представителемъ такого теософскаго мистицизма. Башмачникъ по ремеслу, онъ съ дѣтства былъ посѣщаемъ разными видѣніями и подъ наитіемъ своего болѣзненнаго вдохновенія написалъ множество (около 20-ти) самыхъ непонятныхъ мистическихъ сочиненій, представляющихъ вообще странную смѣсь метафизики, богословія, алхиміи и астрологіи. Изъ нихъ болѣе извѣстны: «Восходящая Аврора, или корень философіи», «О трехъ началахъ божественной сущности», «О тройственной жизни человѣка», «Christosophia», «Сорокъ вопросовъ о душѣ», «Зерцало вѣчности» и проч. Бёмъ имѣлъ многихъ послѣдователей.

(*) Вольтеръ, упоминая по слуху (въ письмѣ къ маршалу Ришельё 1776), о книгѣ Сенъ-Мартена: Des erreurs et de la verité, прибавляетъ: «S' il est bon, il doit contenir cinquante volumes in-folio pour la premiére partie, et une démie page pour la seconde. Но когда онъ прочелъ эту книгу, то, въ письмѣ къ Даламберу, написалъ о ней: «Je ne crois pas qu'on ait jamais rien imprimé de plus absurde, de plus obscur, de plus fou et de plus sot».

тинистовъ былъ не Сенъ-Мартенъ, а нѣкто Мартинецъ Паскалисъ (*), португальскій еврей, ученіе котораго заключалось въ безпорядочномъ смѣшеніи вѣрованій еврейской кабалы съ понятіями гностическими и христіанскими. Секта мартинистовъ, основанная Мартинецомъ Паскалисомъ, имѣла въ виду преимущественно чудеса и таинства теургіи, т. е. различныя сверхъестественныя дѣйствія и явленія, сношенія съ міромъ невидимыхъ силъ и духовъ, и проч. Сенъ-Мартенъ же хотя и принадлежалъ вначалѣ къ этой сектѣ и раздѣлялъ ея убѣжденія, но потомъ создалъ свою собственную доктрину, которую онъ самъ называетъ «чистымъ спиритуализмомъ» (le spiritualisme pur), но которая въ сущности не отличается отъ мистическихъ мечтаній Якова Бёма и основана на весьма странныхъ и произвольныхъ метафизическихъ вѣрованіяхъ и гипотезахъ. Книги Лопухина: «Духовный рыцарь» и «О внутренней церкви» явно написаны подъ вліяніемъ сочиненій Сенъ-Мартена, ученіе котораго если не вполнѣ раздѣлялось, то близко подходило къ убѣжденіямъ русскихъ масоновъ или «мартинистовъ», какъ они у насъ въ то время обыкновенно назывались. Впрочемъ трудно опредѣлить съ точностію главную сущность убѣжденій и вѣрованій нашихъ мартинистовъ и масоновъ и трудно сказать опредѣлительно, въ чемъ они сходились и въ чемъ расходились съ общими вѣрованіями и убѣжденіями мистическихъ обществъ Европы. Трудно вопервыхъ потому, что мы не имѣемъ для этого достаточныхъ свѣдѣній; а вовторыхъ потому, что мистическія ученія, по самому ихъ свойству и разнообразію въ частностяхъ, не могли быть приведены въ строгую систему. Лопухинъ, опредѣляя цѣль и занятія общества русскихъ мартинистовъ, говоритъ: «Члены общества сего упражнялись въ познаніи самаго себя, творенія и Творца, по правиламъ той науки, о которой говоритъ Соломонъ въ книгѣ Премудрости, (**) содержащимся въ библіи и въ писаніяхъ мужей, непосредственнымъ от-

(*) См. Du mysticisme au XVIII siècle. Essai sur la vie et la doctrine de Saint-Martin, le philosophe inconnu, par E. Caro. Paris, 1852. P. 25—28.

(**) «Сей бо даде мнѣ о сущихъ познаніе не ложное, познати составленіе міра и дѣйствіе стихій, начало, и конецъ и средину временъ, возвратовъ перемѣны и измѣненія временъ, лѣтъ круги и звѣздъ расположеніе, естество животныхъ и гнѣвъ звѣрей, вѣтровъ усиліе и помышленія человѣковъ, разнство лѣтораслемъ и силы кореній». (Премуд. Солом VII, 17—22).

кровеніемъ просвѣщенныхъ отъ Бога, науки, открывающей начала всѣхъ вещей, безъ познанія коихъ никогда натура вещей истинно извѣстна быть не можетъ. Возможность откровенія онаго во всѣ времена несомнительна для всякаго разумнаго и вѣрующаго христіанина. («Записки», стр. 15). Всѣ эти познанія, о которыхъ говоритъ здѣсь Лопухинъ, т. е. познаніе самаго себя, творенія и Творца, познаніе «начала всѣхъ вещей» и «натуры вещей» собственно и составляли главный предметъ исканій и главную цѣль почти всѣхъ мистическихъ и теософическихъ ученій и большей части мистическихъ обществъ западной Европы. Мистики учили, что для пріобрѣтенія упомянутыхъ познаній нужна не школьная мудрость, — которая въ ихъ глазахъ не имѣла никакого значенія, а непосредственное вдохновеніе, или внутреннее откровеніе. Нужно, говорили они, погрузиться въ самаго себя, во внутреннее святилище своей души, нужно прислушиваться только къ своему внутреннему голосу, чтобы понять всѣ высшія тайны бытія, всю сущность божескихъ и человѣческихъ вещей. Но для этого необходимо совершенное нравственное перерожденіе человѣка и возвращеніе его къ первобытному божественному состоянію, отъ котораго онъ удалился вслѣдствіе грѣхопаденія. Путь, ведущій къ такому возрожденію, — удаленіе отъ грѣха и отъ соблазновъ матеріи, самопознаніе, самоуглубленіе, постоянная работа надъ своимъ «внутреннимъ человѣкомъ» и высоко-нравственная жизнь. Вотъ условія, при которыхъ дается человѣку внутреннее откровеніе, — этотъ таинственный голосъ, открывающій ему всѣ тайны естества и соединяющій его съ божествомъ; ибо постоянныя стремленія и цѣль мистицизма заключались — въ возвышеніи души отъ созерцанія человѣка и природы къ ихъ общему началу — къ Богу.

Убѣжденія и вѣрованія московскихъ мистиковъ,—насколько мы можемъ судить о нихъ по тѣмъ книгамъ, которыя обращались у нихъ и вообще по мистической литературѣ, служившей ихъ органомъ,— кажется, сходились, въ общихъ чертахъ, съ этими основными положеніями западнаго мистицизма. Исканіе истины, для пользы и для просвѣщенія человѣчества, развитіе человѣческой природы, во всей ея естественной красотѣ и благородствѣ, дѣятельная нравственная жизнь и дѣятельная любовь къ ближнему и къ человѣчеству — вотъ сущест-

венныя черты ученія и дѣятельности и западнаго масонства и нашихъ мартинистовъ. Но для западнаго масонства христіанство, по словамъ Геттнера, имѣло значеніе только потому, что чистѣйшее нравственное ученіе было его содержаніемъ и самое благородное счастіе — его цѣлію. Тогда какъ для нашихъ мартинистовъ христіанство, всѣ догматы и обряды православной церкви оставались неприкосновенной святыней. Вся жизнь и практическая дѣятельность людей, стоявшихъ во главѣ русскихъ мартинистовъ, равно какъ и сочиненія нѣкоторыхъ изъ нихъ, ясно свидѣтельствуютъ о ихъ уваженіи и строгомъ почитаніи уставовъ и обрядовъ своей церкви и о томъ глубокомъ религіозномъ чувствѣ, которымъ они были одушевлены. Мы видѣли это изъ приведенныхъ выше выписокъ изъ катихизиса Лопухина. Тѣми же чертами пламенной религіозности отличаются и другія сочиненія Лопухина, какъ напр. «Духовный рыцарь», гдѣ авторъ поставляетъ первой обязанностію каждаго *духовнаго рыцаря, ищущаго премудрости*— «рачительное и вѣрное исполненіе уставовъ и обрядовъ своей религіи». А въ своихъ «Запискахъ» Лопухинъ дѣлаетъ прямое различіе между тайными обществами и философскими системами на западѣ Европы и дѣятельностію и системою ученія общества московскихъ мартинистовъ. Онъ говоритъ (стр. 21): тѣ общества и системы «были совсѣмъ не похожи на наши. Нашего общества предметъ былъ — добродѣтель и стараніе, исправляя себя, достигать ея совершенства, при сердечномъ убѣжденіи о совершенномъ ея въ насъ недостаткѣ; а система наша, что Христосъ — начало и конецъ всякаго блаженства и добра въ здѣшней жизни и въ будущей». Тогда какъ система западной философіи, по словамъ Лопухина, заключалась въ томъ, чтобы «отвергать Христа. А обществъ оныхъ предметъ: заговоръ буйства, побуждаемаго глупымъ стремленіемъ къ необузданности и неестественному равенству».

Это рѣзкое отличіе, дѣлаемое Лопухинымъ въ характерѣ ученія и стремленій мистическихъ обществъ въ Европѣ и у насъ, въ сущности совершенно справедливо. Но нельзя сказать того же о нѣкоторыхъ частностяхъ мистическаго ученія, которыя были общи какъ западнымъ, такъ и нашимъ мистикамъ.

Въ масонскій орденъ на западѣ (Геттнеръ, 203) проникли чуждыя

и часто даже противорѣчащія сущности ордена направленія: скоро вмѣшались и всякаго рода политическія интриги и что еще хуже, здѣсь нашли свою прибыль даже творившіе чудеса фокусники и алхимики. Мы знаемъ, что наши мартинисты и масоны прежде всего заявляли свою преданность и покорность властямъ и остерегались отъ всякаго вмѣшательства въ политическія дѣла. Но вѣра въ «тайныя» ученія, вмѣстѣ съ теософскимъ мистицизмомъ, — какъ мы можемъ судить по нѣкоторымъ чертамъ,—проникла и къ нимъ и раздѣлялась такими людьми, какъ Шварцъ, Новиковъ, Лопухинъ, и друг. Правда, изъ масонской переписки Новикова (часть которой теперь напечатана проф. Ешевскимъ) (*), мы видимъ, что призываніе духовъ и прочія таинственныя чудеса, въ которыхъ упражнялись нѣкоторыя заграничныя (шведскія) масонскія ложи, имъ строго осуждаются во имя религіи. Онъ говоритъ, что — «призываніе духовъ не что иное есть какъ мерзость Ваалова, или такъ называемая какомагія, проклинаемая во многихъ мѣстахъ св. писанія». Лопухинъ также вооружается (въ книгѣ «О внутренней церкви») противъ людей, «прилежащихъ къ тайнымъ наукамъ, къ златодѣланію, къ упражненіямъ въ буквахъ теософіи, кабалы, алхиміи», и проч. Онъ называетъ преданныхъ этимъ наукамъ «духовными сластолюбцами» и причисляетъ ихъ къ церкви антихристовой. Но онъ вооружается только противъ тѣхъ, кто прилѣпляется къ тайнымъ наукамъ *не по любви къ истинѣ*, а лишь «для удовлетворенія своего самолюбія, любопытства, корыстолюбія и себялюбія». Слѣдственно Лопухинъ возстаетъ только противъ злоупотребленія тайными науками; самъ же онъ не только вѣритъ въ ихъ истинность, но и придаетъ имъ важное значеніе: онъ тутъ же говоритъ, что *истинная* химія, служитъ «для высшаго просвѣтленія человѣка». А названія — «истинная» химія, «истинная» физика, на языкѣ мистиковъ, означали все ту же средневѣковую «герметическую» науку, о которой говорено выше. Химія же и физика и вообще естествознаніе, въ ихъ раціональномъ и строго-научномъ значеніи, не пользовались вовсе уваженіемъ мистиковъ. Новиковъ, въ извѣстныхъ письмахъ своихъ къ Карамзину, рѣзко вооружается противъ новыхъ открытій и современныхъ

(*) См. «Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія», стр. 380 (Русск. Вѣстн.» 1864, № 8-й).

успѣховъ въ естественныхъ наукахъ и относится къ нимъ съ совершеннымъ недовѣріемъ. Новиковъ и его товарищи по мистицизму смотрѣли на изслѣдованіе природы съ точки зрѣнія средневѣковой науки и герметическихъ философовъ. Неудивительно поэтому, что открытія и изслѣдованія знаменитаго Лавуазье—о газахъ, о воздухѣ, о водѣ,—произведшія рѣшительный переворотъ въ химіи и физикѣ и разрушившіе окончательно старую систему естествознанія, казались мистикамъ не болѣе какъ «бреднями». Въ первомъ письмѣ къ Карамзину Новиковъ говоритъ: «Химики все прежнее отбросили и надѣлили насъ какими-то газами, т. е. пустыми словами, не имѣющими ни значенія, ни смысла... Нынѣшніе физики, не довольствуясь четырьмя стихіями, которыхъ Богъ сотворилъ четыре только, а не болѣе, совсѣмъ ихъ разжаловали изъ стихій, за то только, что, по ихъ высокой наукѣ, что можетъ дѣлиться, то не есть стихія. Какая слѣпота и какое нищенское понятіе о стихіяхъ!» Съ такою же рѣзкостію онъ выражается и противъ современныхъ открытій въ астрономіи, сдѣлавшихся въ настоящее время аксіомами науки: «Съ позволенія нашихъ почтенныхъ астрономовъ, — говоритъ онъ, — они изволятъ бредить, находя болѣе семи планетъ, находя и видя неподвижныя звѣзды и жалуя ихъ въ солнцы,» и проч.

Понятно послѣ этого, что мистико-масонское ученіе не могло не возбуждать негодованія и насмѣшекъ въ послѣдователяхъ истинной науки. Масоны презирали «школьную мудрость», смѣялись надъ схоластикой, а сами между тѣмъ бросались въ мечтательныя теософскія и мистическія теоріи. Они отвергали знанія, добытыя путемъ человѣческаго опыта и положительной науки, находя этотъ познавательный путь мелкимъ и ограниченнымъ, а сами вдавались въ таинства алхиміи и герметической философіи. Мистицизмъ не могъ, конечно, устоять, со стороны своихъ фантастическихъ теорій и мнимыхъ знаній, въ борьбѣ съ раціонализмомъ и дѣйствительной наукой. Уважаемая во многихъ мистико-масонскихъ обществахъ книга Сенъ-Мартена: Des erreurs et de la verité встрѣтила себѣ даже у насъ въ провинціи дѣльное и систематическое опроверженіе со стороны цѣлаго общества любителей наукъ, напечатавшихъ въ Тулѣ (1790) сочиненіе: «Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Сочинено

особливымъ обществомъ одного губернскаго города». Это «особливое общество» просвѣщенныхъ людей города Тулы, основываясь на результатахъ и истинахъ положительной науки и опираясь на сочиненія Коперника, Ньютона, Локка и друг., опровергаетъ всѣ странныя метафизическія мечтанія Сенъ-Мартена и справедливо называетъ ихъ «вымышленными, пустомысленными, суесловными мудроположеніями».

Съ другой стороны, мистико-масонское ученіе не могло не возбуждать къ себѣ непріязни и недовѣрія и въ средѣ духовенства. Правда, масоны преклонялись передъ высокимъ ученіемъ Христа; правда, они проповѣдовали высшую нравственность и ихъ ученіе представляло рѣшительный контрастъ съ ученіемъ матерьялистовъ и атеистовъ, съ которыми они, также какъ и само духовенство, находились въ открытой враждѣ. Но масонство, требуя отъ людей чистой и добродѣтельной жизни и дѣятельной любви къ ближнему и человѣчеству, выводило эти требованія свои не изъ ученія и заповѣдей религіи, а изъ деистическихъ и филантропическихъ воззрѣній, основывая добродѣтель единственно на самой природѣ человѣка, на его естественномъ свойствѣ. Притомъ же нѣкоторыя мистическія сочиненія (какъ напр. соч. Бёма и друг.), распространяемыя масонами, заключали въ себѣ нерѣдко странныя метафизическія положенія, нелѣпыя объясненія природы и человѣка, произвольное толкованіе текстовъ св. писанія, исканіе въ нихъ таинственнаго смысла и т. п. Все это прямо противорѣчило догматическому христіанству и не могло быть согласовано съ ученіемъ православной церкви (*). Поэто-

(*) Къ такимъ сочиненіямъ принадлежитъ между прочимъ и самая книга Лопухина: «О внутренней церкви», возбудившая къ себѣ горячее сочувствіе въ такихъ записныхъ нѣмецкихъ мистикахъ, какъ Эккартсгаузенъ и Юнгъ-Штилингъ и встрѣтившая порицанія нѣкоторыхъ изъ нашихъ духовныхъ, «намѣревавшихся, по словамъ Лопухина, воздвигнуть гоненіе на нее». Мы не находимъ нужнымъ упоминать о другихъ масонскихъ книгахъ, выходившихъ во множествѣ изъ новиковскихъ типографій, равно какъ и о тѣхъ, которыя еще въ большемъ количествѣ обращались между масонами въ рукописяхъ. Всѣ эти произведенія мистико-масонской литературы отличаются однимъ и тѣмъ-же характеромъ и рѣдкимъ единствомъ духа и направленія. Нѣкоторыя подробности о рукописной и печатной масонской литературѣ у насъ любопытные могутъ найти въ указанныхъ выше статьяхъ г. Ешевскаго.

му православное духовенство имѣло полное право смотрѣть подозрительно и вооружаться противъ мистико-масонской литературы и распространяемыхъ ею ученій и вѣрованій. Оттого, мы видѣли выше, что московскій митрополитъ Платонъ, отличавшій Новикова, Лопухина и многихъ членовъ «Дружескаго общества», какъ людей высокихъ нравственныхъ достоинствъ, и громко высказавшій свое высокое мнѣніе о первомъ изъ нихъ, «очень возставалъ, однако, въ разговорахъ противъ ихъ общества», — какъ упоминаетъ объ этомъ самъ Лопухинъ.

Созерцательныя теоріи и мечтанія русскихъ мистиковъ XVIII вѣка, съ ихъ неопредѣленными и неясными для нихъ самихъ «откровеніями», съ ихъ странными претензіями на проникновеніе во всѣ «таинства натуры», и т. п. конечно не заслуживаютъ сами по себѣ серьёзнаго вниманія и не могутъ имѣть для насъ теперь никакой важности и значенія. Тѣмъ болѣе, что теоріи эти, ограничиваясь въ сущности пустыми и невинными мистико-поэтическими мечтаніями, съ теченіемъ времени, могли бы или совершенно видоизмѣниться и принять болѣе осязательный, жизненный характеръ, или же вовсе исчезнуть. Но важно то, что русскій мистицизмъ XVIII вѣка имѣлъ несомнѣнно весьма большую долю участія въ развитіи современнаго ему русскаго общества и русской литературы. Если на западѣ Европы союзъ «свободныхъ каменьщиковъ», не смотря на всѣ его уклоненія и перемѣнчивую судьбу (*), по словамъ Гёттнера, «глубоко дѣйство-

(*) Геттнеръ говоритъ въ своей книгѣ (на стр. 203), что, проникшія въ масонскій орденъ, чуждыя ему направленія хитро съумѣли воспользоваться для своихъ эгоистическихъ цѣлей выгодами его устройства и замкнутой формой. Такъ, дѣйствительно воспользовался масонами, для своихъ цѣлей, орденъ «иллюминатовъ», основанный въ Баваріи проф. Вейсгауптомъ. Иллюминаты вступали въ масонскія ложи и, дѣйствуя съ величайшею тайною, старались пріобрѣсти вліяніе и завязать связи съ замѣчательнѣйшими членами масонства. Иллюминаты назывались еще «невидимыми» по той глубочайшей тайнѣ, которою они прикрывали всѣ свои дѣйствія. Орденъ иллюминатовъ, основанный вначалѣ съ филантропическою цѣлію, принялъ впослѣдствіи чисто политическій характеръ и былъ обвиняемъ въ проповѣдываніи антирелигіозныхъ и антисоціальныхъ идей. Вслѣдствіе чего онъ былъ уничтоженъ (1781) по повелѣнію баварскаго курфирста, а самъ Вейсгауптъ былъ изгнанъ изъ Баваріи и нашелъ убѣжище при дворѣ саксенъ-готскаго герцога Эрнеста-Людвига, считавшагося въ числѣ пяти владѣтельныхъ принцевъ Гармaніи, преданныхъ иллюминатизму. Вейсгауптъ умеръ въ 1822 г. Русскіе масоны конца про-

валъ, втеченіе долгаго времени, на всѣ важнѣйшія жизненныя отношенія»; то тѣмъ сильнѣе и тѣмъ благотворнѣе должны были дѣйствовать нравственныя и гуманныя начала масонства на мало-образованное и мало-развитое, въ нравственномъ отношеніи, русское общество XVIII вѣка.

Не смотря на преобразованія и просвѣтительную дѣятельность правительства, сущность европейскаго просвѣщенія и цивилизаціи въ то время все еще плохо понималась у насъ. Просвѣтительныя идеи туго прививались къ русской почвѣ. Мы указывали на это не разъ въ нашихъ предыдущихъ обозрѣніяхъ. Мы видѣли, что насаждавшееся просвѣщеніе весьма слабо дѣйствовало на нравы и понятія русскаго общества XVIII вѣка. Отсутствіе серьёзной образованности, отсутствіе основныхъ нравственныхъ убѣжденій, господство произвола и случайности, а вслѣдствіе этого — слабое развитіе чувства человѣчности и гуманныхъ отношеній между людьми — характеризуютъ собою, въ исторической жизни русскаго общества, не только эпоху, слѣдовавшую непосредственно за Петровскимъ переворотомъ, но также и вторую половину XVIII столѣтія, — какъ мы это видѣли выше при очеркахъ дѣятельности сатирическихъ писателей этого времени. Въ нравахъ общества, усвоившаго себѣ внѣшнія формы европейскаго быта и цивилизаціи, подъ блестящей оболочкой, обнаруживались чаще всего бездушіе, эгоизмъ, внутренняя пустота и отсутствіе твердыхъ нравственныхъ правилъ и понятій. Поверхностное знакомство съ идеями французской философіи XVIII в. могло только усиливать въ такомъ обществѣ себялюбивыя стремленія и наклонность къ эпикуреизму и нравственной распущенности. Нѣтъ сомнѣнія, что мистицизмъ, появившись у насъ, при такихъ обстоятельствахъ, долженъ былъ принести большую пользу современному обществу и имѣть благотворное вліяніе на общественные нравы и понятія. Отвергая теоріи матерьялистовъ, низводившихъ человѣка на степень животнаго, поставляв-

шлаго вѣка, удаляясь отъ всякихъ политическихъ видовъ, признавали секту иллюминатовъ «подлинно вредною», были ея врагами, принимали «строгія мѣры осторожности» противъ нея и даже сочинили «планъ, какъ остерегаться отъ всякаго прикосновенія оной секты, и мѣры къ сему прилежно внушены были каждому члену». (См. «Записки» Лопухина, стр. 43 и статью г. Ешевскаго: «Московскіе масоны 80-хъ годовъ прошл. стол.», стр. 28, Русск. Вѣстн. 1865, № 3).

шихъ эгоизмъ единственнымъ двигателемъ всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, мистическое ученіе стремилось, напротивъ, къ развитію въ человѣкѣ его нравственной, духовной стороны. Оно требовало отъ человѣка высоконравственной жизни и дѣятельной любви къ ближнему, и для этого обращалось къ сердцу, къ чувству человѣка. Мистики учили, что побужденіемъ для всякой дѣятельности человѣческой должны служить не самолюбіе и эгоизмъ, а стремленіе къ полному и свободному развитію нравственныхъ совершенствъ человѣческой природы. Мистицизмъ былъ принятъ въ русскомъ обществѣ XVIII столѣтія небольшимъ меньшинствомъ людей, преданныхъ добру, тревожимыхъ благородною жаждою знанія и пламеннымъ желаніемъ сдѣлаться полезными своимъ ближнимъ и своему отечеству. Люди эти, по своимъ нравственнымъ и религіознымъ стремленіямъ и наклонностямъ, не могли сочувствовать господствовавшему ученію энциклопедистовъ и не могли, съ другой стороны, удовлетвориться одною религіозною обрядностію и сухимъ догматизмомъ. Становясь въ рѣшительную оппозицію французской философіи и проповѣдуя дѣятельное христіанство, мистицизмъ поэтому вполнѣ отвѣчалъ ихъ требованіямъ и стремленіямъ. Къ тому же, своею заманчивою таинственностію и обѣщаніемъ дать отвѣты на всѣ запросы пытливой человѣческой мысли, мистицизмъ, проповѣдуемый съ жаромъ и, повидимому, съ новыми идеями, имѣлъ всегда привлекательность для умовъ созерцательныхъ и всегда находилъ отголосокъ въ душахъ благородныхъ, возвышенныхъ, исполненныхъ энтузіазма. Все это вмѣстѣ объясняетъ намъ причину того значительнаго успѣха, которымъ пользовался мистицизмъ въ русскомъ обществѣ и того сильнаго вліянія, которое онъ производилъ на него. А что вліяніе это было благотворно, доказательствомъ тому служатъ, вопервыхъ, — представленный нами выше очеркъ практической дѣятельности Новикова и его общества на пользу народнаго образованія и русской литературы; а вовторыхъ, тѣ въ высшей степени гуманные принципы и стремленія и тѣ непоколебимо-твердыя нравственныя начала и убѣжденія, которыми руководствовались во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни и дѣятельности лучшіе представители мистическаго направленія. «Проповѣдывать дѣятельное христіанство и словомъ и дѣломъ, сдѣлаться добродѣтельными людьми и добрыми христіанами, содѣйствовать благу

и просвѣщенію человѣчества и жертвовать всѣмъ своимъ временнымъ благомъ для пользы и просвѣщенія человѣчества», — вотъ тѣ благородныя стремленія и высокія нравственныя правила, которымъ слѣдовали неуклонно въ практической жизни русскіе мартинисты и масоны конца XVIII столѣтія. Правила эти были не фразой, а истиннымъ дѣломъ, главною задачею жизни для каждаго изъ нихъ. Многіе изъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей конца XVIII и начала XIX столѣтія образовались въ школѣ Новикова и его друзей. И вездѣ—въ литературѣ, въ обществѣ, въ частной и государственной дѣятельности люди эти отличались своею безкорыстною любовію къ просвѣщенію и благородными стремленіями; вездѣ ихъ дѣятельность оставляла по себѣ положительное добро, какъ плодъ ихъ просвѣщенныхъ трудовъ и честныхъ усилій.

Въ началѣ XIX столѣтія мистико-масонская литература снова пришла у насъ въ нѣкоторое движеніе и опять стали безпрепятственно открываться масонскія ложи и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Но и движеніе мистической литературы и масонство XIX столѣтія во многомъ не походили на мистическое движеніе восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка и далеко не имѣли того же значенія и вліянія на общество. Мы скажемъ здѣсь же, въ короткихъ словахъ, о мистическомъ движеніи XIX столѣтія, чтобы представить, по возможности, въ одномъ цѣльномъ очеркѣ обозрѣніе мистицизма въ нашемъ отечествѣ и чтобы затѣмъ уже не возвращаться болѣе къ этому предмету.

Какъ центромъ дѣятельности людей мистическаго направленія въ концѣ прошлаго столѣтія была избрана Москва, такъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія почти всѣ приверженцы мартинизма и масонства сосредоточились въ Петербургѣ. Главнымъ дѣятелемъ въ мистической литературѣ и представителемъ мистицизма здѣсь былъ *Лабзинъ*, Александръ Ѳедоровичъ († 1824), считавшійся, по словамъ С. Т. Аксакова, (*) «великимъ братомъ и начальникомъ секты мартинистовъ». Лабзинъ обучался въ московскомъ университетѣ и былъ уче-

(*) См. любопытную статью изъ его воспоминаній: «Встрѣча съ мартинистами», Русск. Бесѣда, 1859, кн. 1). См. также о Лабзинѣ, о его сочиненіяхъ и переводахъ въ «Историч. Христомат.», А. Галахова, Т. II.

никомъ Новикова и Шварца, приватныя лекціи котораго по философіи онъ слушалъ «бывъ еще 15 лѣтъ», по его словамъ, и отзывался о нихъ впослѣдстіи съ большимъ восторгомъ и благодарностію. Занятія свои въ литературѣ Лабзинъ началъ съ участія въ журналѣ мистическаго направленія — «Вечерняя заря», который издавался, подъ руководствомъ Новикова, студентами московскаго университета. Но самостоятельная мистико-литературная дѣятельность Лабзина развилась собственно въ Петербургѣ, гдѣ онъ съ 1806 г. предпринялъ изданіе «Сіонскаго Вѣстника»,—ежемѣсячнаго журнала, съ строгимъ нравственно-христіанскимъ направленіемъ и въ духѣ мистицизма. Къ изданію своего журнала Лабзинъ встрѣтилъ однако серьёзныя препятствія и долженъ былъ прекратить его въ томъ-же году — «по обстоятельствамъ немаловажнымъ и не отъ издателя зависѣвшимъ». Только въ 1817 году Лабзинъ находитъ возможность начать снова изданіе «Сіонскаго Вѣстника». Но, видно, прежнія затрудненія къ продолженію его журнала не могли быть устранены совершенно; потому что «Сіонскій Вѣстникъ» на іюльской книжкѣ 1818 года опять прекращается. Кромѣ изданія «Сіонскаго Вѣстника» Лабзинъ занимался переводами на русскій языкъ извѣстнѣйшихъ въ Европѣ мистическихъ сочиненій—самаго крайняго направленія. Съ 1801 по 1818 г. онъ перевелъ и издалъ болѣе двадцати такихъ сочиненій; такъ что съ 24 книжками «Сіонскаго Вѣстника» и нѣкоторыми оригинальными мистическими сочиненіями самаго Лабзина это составитъ огромный запасъ книгъ крайней мистической литературы, выпущенныхъ въ свѣтъ однимъ Лабзинымъ. Переведенныя имъ книги принадлежатъ преимущественно къ сочиненіямъ: Бема, Эккартсгаузена и Юнга-Штилинга. Съ двумя послѣдними знаменитыми въ то время нѣмецкими мистиками Лабзинъ находился въ дружеской перепискѣ, получалъ отъ нихъ совѣты и утѣшенія и переводилъ порусски нѣкоторыя изъ ихъ сочиненій, еще ненапечатанныя въ оригиналѣ и присылаемыя ему отъ авторовъ въ рукописи.

Мистическое направленіе XVIII вѣка важно для насъ — какъ мы замѣтили — по своимъ практическимъ результатамъ, по тому, что изъ него вытекала благотворная практическая дѣятельность Новикова и его друзей-мартинистовъ, что оно благотворно дѣйствовало на обще-

ственную жизнь. Это направленіе, хотя и выходило изъ началъ не русскихъ, съ-чужа занесенныхъ и хотя явилось у насъ со всѣми его туманными теоріями, мечтаніями, причудливыми внѣшними формами и страннымъ мистическимъ языкомъ; но въ соприкосновеніи съ фактами русской жизни оно пріобрѣло у насъ иной,— жизненный характеръ, сдѣлалось силой, вліявшей благотворно на внутреннее развитіе и образованіе общества. Оно давало обществу дѣятелей съ твердыми нравственными правилами и убѣжденіями, которыя они старались приводить въ практическую жизнь. Мистицизмъ XVIII столѣтія тѣмъ именно — говоримъ мы — и важенъ для насъ, что онъ образовалъ цѣлое общественное направленіе — въ высшей степени честное и благородное. Но мистицизмъ Лабзина является мистицизмомъ совершенно инаго порядка. Его занимала исключительно созерцательная теорія, а не дѣйствительная жизнь; онъ проповѣдывалъ экзальтированную религіозность. Словомъ его мистицизмъ — это тотъ мрачный, всеподавляющій мистицизмъ, которому нѣтъ дѣла до дѣйствительности, до жизни, который, путемъ самоотреченія и самоуничиженія, болѣе чѣмъ христіанскимъ смиреніемъ и подавленіемъ человѣческой личности, доводитъ своихъ послѣдователей до нравственнаго ничтожества, до какого-то фатализма и убиваетъ въ нихъ свободу воли и человѣческаго разума; при помощи таинственнаго языка и пустой метафизико-богословской діалектики онъ внушаетъ своимъ адептамъ вѣру и поклоненіе началу неподвижности и въ концѣ концовъ проповѣдуетъ полнѣйшій обскурантизмъ. Понятно, что мистицизмъ этого рода немогъ пользоваться общимъ сочувствіемъ, не могъ пріобрѣсть вліянія на общество и имѣть въ немъ большое число послѣдователей.

Вообще пора мистицизма начала проходить и на западѣ и у насъ, когда измѣнились тѣ особенныя историческія условія, при которыхъ онъ проявился съ такою силою въ предыдущемъ столѣтіи. У насъ начало XIX столѣтія отличалось необыкновенною дѣятельностію и стремленіемъ къ преобразованіямъ всякаго рода. Въ обществѣ возникли иные интересы, жизнь начинала принимать иной оборотъ, въ литературѣ родились новые вкусы, заявлены новыя требованія. Мистическая литература отошла на задній планъ и начала возбуждать къ себѣ однѣ насмѣшки или негодованіе. Мистики жаловались на равнодушіе, на нелюбовь обще-

ства къ ихъ произведеніямъ, даже на гоненія и преслѣдованія. Такъ другой воспитанникъ Новиковскаго общества—*Невзоровъ*, Максимъ Ивановичъ († 1827), издававшій въ Москвѣ около семи лѣтъ журналъ педагогическаго и нравственнаго содержанія, въ духѣ мистико-христіанскомъ, подъ заглавіемъ: «Другъ юношества» (къ которому потомъ прибавлено: «и всякихъ лѣтъ»), постоянно жаловался, что журналъ его публика находитъ скучнымъ, вооружался противъ современнаго просвѣщенія и учености и особенно противъ новой философіи, которую онъ называлъ «заразой, опаснѣйшей всякой чумы». Ожесточенныя нападки Невзорова на тогдашній литературный вкусъ въ обществѣ къ повѣстямъ, романамъ и вообще къ произведеніямъ «такъ называемой изящной словесности» и «такъ называемыхъ бельлетристовъ», по его выраженію, ясно свидѣтельствуютъ объ измѣненіи литературныхъ понятій общества въ его время. Невзоровъ былъ—личность въ высшей степени честная, простая, стремившаяся къ добру, и отличался рѣдкимъ безкорыстіемъ, но не имѣлъ той даровитости и того замѣчательнаго ума, которыми обладалъ его собратъ по мистицизму, Лабзинъ.

Въ одномъ любопытномъ отрывкѣ изъ посланія Невзорова къ О А. Поздѣеву (*) сохранились интересныя извѣстія о возобновленіи въ Москвѣ масонскихъ ложъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Невзоровъ говоритъ, что и его приглашали вступить въ «новозаводимыя» ложи: «Но люди, представлявшіе себя правителями ихъ здѣсь, по репутаціи своей, не могли быть для меня приманкою для вступленія съ ними въ масонскій союзъ: это были не Иванъ Владиміровичъ (т. е. Лопухинъ) и подобные ему свободные каменьщики». По словамъ Невзорова, новыя ложи не походили вовсе на тѣ, въ которыхъ онъ учился: въ нихъ — онъ говоритъ — «мало было слышно о сущности христіанства, а члены занимались одною пустою суетностію и какими-то загадочными познаніями кабалистическими, алхимическими и т. п».

Масонскія ложи закрыты въ Россіи въ 1822 году, по повелѣнію императора Александра I, вслѣдствіе записки, поданной во время Веронскаго конгресса русскому и австрійскому императорамъ и прусскому королю министромъ послѣдняго, графомъ Гаугвицомъ. Въ запискѣ

(*) Напечатано въ «Библіограф. Записк.» 1858 г., № 21.

своей графъ Гаугвицъ, нѣкогда одинъ изъ самыхъ ревностныхъ масоновъ, говорилъ объ опасностяхъ, грозившихъ государству со стороны масонскихъ ложъ и о необходимости ихъ уничтоженія. Въ тоже время масонскія ложи были уничтожены и въ Австріи, но въ Пруссіи и въ другихъ государствахъ Европы и Америки онѣ оставлены и продолжаютъ существовать до настоящаго времени.

Заимствуя изъ Европы готовые плоды тамошней образованности, стараясь усвоить себѣ ея литературу и науку, русскій XVIII вѣкъ естественно долженъ былъ отражать, въ большей или въ меньшей степени, и тѣ направленія, въ которыхъ выражалось въ то время усиленное движеніе европейской мысли. Вольтеръ и *энциклопедисты* (*) были въ то время неотразимой силой въ Европѣ, господствовали надъ цѣлымъ образованнымъ міромъ своими идеями и ученіемъ. Сущность этихъ идей и ученія и главное значеніе ихъ заключалось въ признаніи естественныхъ правъ человѣка и въ устраненіи того, что мѣшало свободному развитію человѣческой личности и благосостоянію всѣхъ и каждаго. Полагая препятствіемъ къ развитію человѣчества прежніе средневѣковые авторитеты, новая философія возстала противъ всѣхъ

(*) «Энциклопедистами» названъ былъ кружокъ знаменитыхъ французскихъ писателей, поборниковъ просвѣщенія XVIII стол. Дидро признается главою энциклопедистовъ, на томъ основаніи, что, по его мысли и плану и при участіи названнаго кружка писателей, онъ вмѣстѣ съ Даламберомъ издавалъ «Энциклопедію», или громадный алфавитный сборникъ статей по всѣмъ отраслямъ знаній. Энциклопедія издавалась втеченіе 20 лѣтъ (1751—1772); первое изданіе ея заключалось въ 27 том. и вышло подъ заглавіемъ: *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et métiers, par une société de gens de lettres, mis en ordre par* Diderot, *quant à la partie mathématique par* Dalembert. Душою предпріятія былъ Дидро, которымъ и написаны главнѣйшія статьи по предметамъ философіи, религіи, исторіи и искуствъ. Кромѣ Дидро и Даламбера, главными участниками въ Энциклопедіи были: Вольтеръ, Бюффонъ, Монтескье, Кондильякъ, Тюрго, Гельвецій, баронъ Гольбахъ, Морелле и друг. Всѣ основныя статьи Энциклопедіи написаны въ духѣ и направленіи сенсуалистической и скептической философіи. Изъ энциклопедистовъ поборниками крайняго матеріализма являются: Гельвецій, Гольбахъ и Кондильякъ. Вольтеръ, какъ философъ, былъ послѣдователемъ англійскихъ деистовъ и раціонализма; но его могущественный талантъ и безграничное вліяніе на современниковъ дѣлали его представителемъ энциклопедистовъ и вообще французской философіи XVIII вѣка.

старыхъ авторитетовъ и традиціонныхъ ученій и требовала на мѣсто ихъ признанія однихъ правъ человѣческаго разума. Въ новомъ ученіи было, безъ сомнѣнія, много преувеличеній и нелѣпыхъ излишествъ; но вліяніе его было тѣмъ не менѣе широко и сильно въ западной Европѣ. Никогда, можетъ быть, вліяніе литературы на жизнь не было такъ велико въ Европѣ, какъ втеченіе XVIII столѣтія, особенно во второй половинѣ его.

Но у насъ вліяніе французской философіи восьмнадцатаго вѣка было и не настолько глубоко и сильно, какъ въ остальной Европѣ и не имѣло той же важности и значенія въ исторіи развитія нашей литературы и нашей частной и общественной жизни. О характерѣ этого вліянія мы уже имѣли случай говорить выше. Оно было чисто-внѣшнимъ, поверхностнымъ и ограничивалось у насъ, по большей части, порожденіемъ пустаго вольнодумства и скептическаго отношенія къ важнѣйшимъ предметамъ религіи и нравственности. Ходячій скептицизмъ русскихъ «вольтеріанцевъ» не вытекалъ изъ серьёзнаго нравственнаго чувства, не былъ плодомъ пытливой мысли, мучимой тяжелыми сомнѣніями. Это было—не болѣе какъ плодъ внѣшняго подражанія, мода и щегольство новыми идеями, которыя не находили себѣ никакого сочувствія въ массѣ общества, относившагося къ нимъ скорѣе отрицательно и даже враждебно. Масса не была подготовлена къ воспринятію этихъ идей, особенно въ томъ видѣ, какъ онѣ проповѣдывались нашими «вольтеріанцами»; онѣ не отвѣчали потребностямъ общества, и потому не могли дѣйствовать на его развитіе. Съ другой стороны ученіе Вольтера и энциклопедистовъ встрѣтило себѣ сильный отпоръ и у насъ, какъ вездѣ, вопервыхъ, въ сочиненіяхъ духовенства, которое не могло оставлять безъ обличенія скептическія взгляды и кощунство въ дѣлѣ вѣры, а вовторыхъ, въ произведеніяхъ мистико-масонской литературы, какъ мы упоминали объ этомъ выше.

Такимъ образомъ степень вліянія французской философіи XVIII вѣка на образованіе русскаго общества и на литературу второй половины XVIII столѣтія не могла быть значительна. Хотя у насъ и обращались переводы нѣкоторыхъ сочиненій Вольтера и энциклопедистовъ, хотя имя перваго изъ нихъ и пользовалось въ это время на Руси нѣкотораго рода популярностію; но обращавшіяся у насъ сочине-

нія французскихъ философовъ не принадлежали, вопервыхъ, къ роду тѣхъ, въ которыхъ излагалась главная сущность ихъ ученія, а вовторыхъ, — мы не имѣемъ достаточнаго количества данныхъ, чтобы утверждать о значительномъ распространеніи въ массѣ русскихъ читателелей философскихъ сочиненій Вольтера и энциклопедистовъ. Мы знаемъ, напротивъ, что сочиненія эти не пользовались доброю славою въ обществѣ и почитались вредными и опасными. Правда, у насъ встрѣчаются въ то время двѣ-три личности, вполнѣ увлекшіяся французской философіей XVIII вѣка и, быть можетъ, ея крайностями; но люди эти понимали въ то же время, во всей широтѣ и ея лучшую сторону, т. е. понимали все просвѣтительное значеніе новоевропейскаго образованія и новыхъ идей и ученій, подъ вліяніемъ которыхъ повсюду въ Европѣ стремились въ то время къ коренному измѣненію житейскихъ отношеній и житейскаго устройства. Но такія личности стояли у насъ тогда совершенно одиноко. Ихъ порывы и стремленія, не встрѣчая сочувствія въ массѣ общества, не могли имѣть на него никакого вліянія и могли только оканчиваться дурными послѣдствіями для нихъ самихъ. Къ такимъ одинокимъ явленіямъ въ нашей литературѣ прошлаго столѣтія принадлежитъ и Радищевъ, съ его извѣстной книгой: «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (1790).

Книга Радищева, — какъ справедливо замѣтилъ г. Стоюнинъ, — уже потеряла для насъ, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, то политическое значеніе, какое имѣла въ былое еще недавнее время, и сохраняетъ теперь только интересъ историческій. Потому г. Стоюнинъ, опредѣливъ общій характеръ и значеніе этой книги, указываетъ на мѣсто Радищева въ исторіи нашей литературы при объясненіи того факта, что идеалы нашихъ писателей Екатерининской эпохи, составленные на основаніи европейскихъ идей, которыя были внушаемы и покровительствуемы вначалѣ самой императрицей, являются впослѣдствіи въ совершенномъ разладѣ съ современною дѣйствительностію (*).

(*) Вл. Стоюнина. «О преподаваніи русской литературы». СПБ. 1864. Стр. 232—238. Кромѣ извѣстной критической статьи Пушкина: «Александръ Радищевъ», о Радищевѣ напечатано еще: въ «Словарѣ допамяти. людей русской земли», Бантыша-Каменскаго, въ Современникѣ 1856 г. № 8., г. Лонгинова: «А. М. Кутозовъ и А. Н. Радищевъ» въ Русск. Вѣстн. 1858, № 23: «А. Н. Радищевъ» и въ Библіограф. Записк. 1859 г. № 17: «Русскіе студенты въ лейпцигскомъ университетѣ».

Радищевъ, Александръ Николаевичь (1749—1802) былъ сынъ достаточнаго русскаго помѣщика, воспитывался въ пажескомъ корпусѣ и по должности пажа бывалъ часто при дворѣ Екатерины. Чрезъ нѣсколько лѣтъ по вступленіи Радищева въ корпусъ, при дворѣ явился молодой графъ В. Г. Орловъ, братъ извѣстныхъ въ нашей исторіи Орловыхъ — Григорія и Алексѣя (Чесменскаго). Владиміръ Орловъ пробылъ три года въ чужихъ краяхъ, воспитывался въ лейпцигскомъ университетѣ и возвратился въ Россію человѣкомъ образованнымъ, съ свѣдѣніями и европейскимъ взлядомъ на вещи, что очень понравилось императрицѣ, и она опредѣлила послать (1766) въ лейпцигскій университетъ, на три года, на казенный счетъ, двѣнадцать молодыхъ русскихъ дворянъ для изученія юриспруденціи. Въ числѣ избранныхъ молодыхъ людей находился и Радищевъ. Онъ тѣсно сдружился во время студенчества въ Лейпцигѣ съ двумя изъ своихъ товарищей: Ѳ. Ушаковымъ и А. Кутузовымъ. Ушаковъ уже находился на службѣ при статсъ-секретарѣ Тепловѣ и, изъ желанія учиться, бросилъ службу и отправился съ другими молодыми людьми въ университетъ. Сколько можно судить изъ его біографіи, написанной Радищевымъ («Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова», 1789) Ушаковъ былъ—натура пылкая и способная страстно увлекаться. На него и на Радищева произвела сильное впечатлѣніе книга Гельвеція «О разумѣ» и оба они съ жадностію предались изученію философіи энциклопедистовъ. Ушаковъ, не окончивъ курса, умеръ въ Лейпцигѣ (1768), на 21 году своего возраста, отъ слѣдствій невоздержной жизни (*). Другой товарищъ и другъ Радищева, Ал. Мих. Кутузовъ извѣстенъ въ нашей литературѣ, какъ переводчикъ «Мессіады» Клопштока и какъ другъ Карамзина. Кутузовъ былъ мистикъ и принадлежалъ къ обществу Новикова, гдѣ Карамзинъ и сошелся съ нимъ. Мистицизмъ наложилъ яркую печать на характеръ Кутузова. Карам-

(*) Услышавъ отъ врача свой смертный приговоръ и страдая нестерпимо отъ жестокаго воспаленія, Ушаковъ попросилъ Кутузова дать ему яду, но его просьбы не исполнили. И Радищевъ, посвящая, біографію своего умершаго друга Кутузову, говоритъ въ ней: «Если еще услышишь гласъ стенящаго твоего друга, если гибель ему предстоять будетъ необходимая и воззову къ тебѣ на спасеніе мое, не медли о любезнѣйшій мой», и проч. Такъ увлеченіе крайностями матерьялистической философіи извратило понятія обоихъ друзей: они допускали въ извѣстныхъ случаяхъ самоубійство, какъ родъ какой-то необходимости или даже доблести.

зинъ упоминаетъ о немъ нѣсколько разъ въ «Письмахъ русскаго путешественника» (см. ниже).

Радищевъ, по окончаніи курса въ университетѣ, вернулся въ отечество съ большимъ запасомъ разнообразныхъ познаній и съ основательнымъ юридическимъ образованіемъ. Поступивъ въ Петербургѣ въ гражданскую службу, онъ пріобрѣлъ серьёзное практическое знаніе законовъ и въ тоже время занимался литературой, будучи хорошо знакомъ со всѣми классическими произведеніями древнихъ и новѣйшихъ европейскихъ писателей и съ литературой отечественной.

«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» издано Радищевымъ въ 1790 году; а до того времени изъ его сочиненій была извѣстна въ печати только біографія Ушакова, о которой мы упомянули выше. Самъ же Радищевъ пользовался въ это время въ обществѣ извѣстностію болѣе какъ человѣкъ просвѣщенный, благороднаго образа мыслей, въ высшей степени честный, кроткій, отличавшійся неусыпною дѣятельностію по службѣ и совершеннымъ безкорыстіемъ — добродѣтелью, въ то время рѣдкою въ служебномъ мірѣ. Такого же добраго мнѣнія было о Радищевѣ и правительство. Онъ, въ чинѣ коллежскаго совѣтника, управлялъ въ это время с.-петербургскою таможнею, по назначенію самой императрицы и получилъ крестъ св. Владиміра 4-й степени (*).

Главная сущность «Путешестія» Радищева заключалась въ изображеніи тяжелаго состоянія крѣпостныхъ людей и поражавшихъ его въ дорогѣ разнаго рода злоупотребленій и неправдъ. Но все это высказано въ рѣзкомъ сатирическомъ духѣ и сопровождалось соображеніями и размышленіями автора о благѣ народномъ, съ точки зрѣнія естественнаго права, гуманныхъ и филантропическихъ началъ. Цензура не дозволила къ напечатанію многія мѣста изъ книги Радищева, но онъ напечаталъ ее вполнѣ въ собственной типографіи, въ своемъ домѣ, и представилъ ее въ такомъ видѣ, по существовавшимъ въ то время правиламъ, на разсмотрѣніе оберъ-полиціймейстеру, который и разрѣшилъ выпустить книгу въ продажу (**).

(*) Русск. Вѣстн. 1858 г., № 23: «Алекс. Никол. Радищевъ», стр. 404.

(**) Тамъ-же, стр. 408.

Вскорѣ книга Радищева произвела шумъ и сдѣлалась извѣстною императрицѣ, которая была сильно раздражена ея содержаніемъ, подозрѣвая въ сочинителѣ злоумышленника, стремившагося произвести нарушеніе общественнаго порядка. Радищевъ былъ преданъ суду и осужденъ за свой проступокъ и за содержаніе своего «Путешествія» къ ссылкѣ въ Сибирь, на десять лѣтъ, съ лишеніемъ чиновъ, ордена и дворянства. Продажа и перепечатаніе книги Радищева были воспрещены. Безъ сомнѣнія, бурныя событія, совершавшіяся въ это время во Франціи имѣли большое вліяніе на рѣшеніе императрицы и на участь Радищева.

Радищевъ былъ отправленъ въ Илимскъ. Здѣсь онъ занялся литературными трудами и написалъ большую часть своихъ сочиненій; нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ описанію Сибири, къ торговлѣ съ Китаемъ, и проч. (*). Послѣ смерти Екатерины II, императоръ Павелъ разрѣшилъ Радищеву возвращеніе изъ ссылки (1796) и дозволилъ жить въ своихъ деревняхъ, въ одной изъ которыхъ онъ и жилъ безвыѣздно до 1801 года, когда императоръ Александръ I, вспомнивъ о Радищевѣ, возвратилъ ему чины, дворянство и крестъ, дозволилъ пріѣздъ въ столицу и опредѣлилъ на службу членомъ коммиссіи составленія законовъ. Въ коммиссіи поручено было Радищеву составить проэктъ по части гражданскаго законодательства, и онъ съ жаромъ принялся за исполненіе этой работы. Въ разговорахъ съ предсѣдателемъ коммиссіи Радищевъ, со всею откровенностію и смѣлостію своихъ убѣжденій, высказывалъ свои мысли относительно порученнаго ему труда, мысли, не соотвѣтствовавшія, вѣроятно, взглядамъ и мнѣніямъ его начальника и казавшіяся ему слишкомъ восторженными; такъ что онъ далъ почувствовать Радищеву, что этотъ восторженный образъ мыслей можетъ подвергнуть его новому несчастію. Счелъ ли Радищевъ это угрозой, или по другой причинѣ, но онъ вдругъ, послѣ этого обстоятельства, сдѣлался задумчивъ, впалъ въ тревожное состояніе, день отъ дня увеличивавше-

(*) Сочиненія Радищева (кромѣ «Путешествія») изданы послѣ его смерти (1807—1811) въ Москвѣ, въ шести частяхъ, и заключаютъ въ себѣ: разсужденіе «О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи», «Письмо о китайской торговлѣ въ Кіахтѣ», отрывокъ изъ «Сокращеннаго повѣствованія о пріобрѣтеніи Сибири», мелкія стихотворенія, одну пѣснь поэмы въ стихахъ «Бова», взятой изъ народной сказки отрывокъ изъ поэмы въ прозѣ «Ермакъ», и друг.

ся, сталъ даже лѣчиться; но душевная болѣзнь развивалась все более и болѣе. Наконецъ, въ одно утро, принявъ лекарство, Радищевъ вдругъ схватилъ большой стаканъ съ *крѣпкой водкой*, приготовленной для вытравленія мишуры поношенныхъ эполетъ старшаго его сына, и выпилъ разомъ. Чрезъ нѣсколько часовъ онъ скончался (*).

Книга Радищева «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» — «причина несчастія и славы» ея автора, по выраженію Пушкина, имѣетъ теперь для насъ, какъ мы сказали, интересъ историческій. Содержаніе этой книги всѣмъ извѣстно изъ критическаго разбора и обширныхъ выписокъ изъ нея, представленныхъ Пушкинымъ въ двухъ статьяхъ его: «Александръ Радищевъ» и «Мысли на дорогѣ» (**).

«Путешествіе» Радищева имѣетъ эпиграфомъ слѣдующій стихъ изъ Телемахиды Тредьяковскаго, изображающій Цербера:

«Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй»

и раздѣлено на главы, названныя именами станцій между Петербургомъ и Москвой (Вышній-Волочекъ, Выдропускъ, Торжокъ и т. д.), кромѣ первой главы, которая называется «Выѣздъ». Въ каждой главѣ авторъ высказываетъ рядъ мыслей и размышленій, относящихся къ важнѣйшимъ вопросамъ частной и общественной жизни. На эти мысли и размышленія наводятъ его разные случаи и столкновенія съ народною жизнію, встрѣчавшіеся ему на пути. Преимущественнымъ предметомъ размышленій и изображеній автора служатъ страданія народа и его тяжелое состояніе, происходившее вслѣдствіе злоупотребленій современной администраціи и крѣпостнаго права, противъ котораго, главнымъ образомъ, и направлена сатира книги Радищева и всѣ сѣтованія ея автора. Торговля людьми въ рекруты, публичная продажа людей, насильственные браки и всѣ несчастія крестьянскаго сословія, причиною которыхъ были самовластіе помѣщиковъ и потворства администраціи, находятъ въ Радищевѣ жаркаго обличителя, нравственное чувство котораго глубоко возмущается всѣми явленіями это-

(*) См. указанную статью Русск. Вѣстн., стр. 422—423.

(**) Сочиненія Пушкина. (Изданіе П. В. Анненкова) VII дополнит. томъ, стр. 50 и Т. VI. стр. 75. Мѣста, выпущенныя издателемъ изъ статьи «Мысли на дорогѣ», были напечатаны въ «Библіограф. Записк.» 1859 г. № 6. Въ статьяхъ Пушкина помѣщены или вполнѣ или въ буквальныхъ извлеченіяхъ главы изъ книги Радищева: Черная-грязь, Клинъ, Городня, Тверь и проч.

го рода. Въ главѣ «Черная-грязь» онъ говоритъ: «Проѣзжала тутъ свадьба. Но вмѣсто радостнаго поѣзда и слезъ боязливой невѣсты, скоро въ радость притвориться опредѣленныхъ, зрѣлись на челѣ опредѣленныхъ вступить въ супружество печаль и уныніе. Они другъ друга ненавидятъ, и властію господъ влекутся на казнь, къ олтарю отца всѣхъ благъ, подателя нѣжныхъ чувствованій и веселій, зиждителя истиннаго блаженства, Творца вселенныя. И сіе наывается союзомъ божественнымъ!» и проч.

Въ защиту крестьянъ отъ насилія и жестокаго обращенія помѣщиковъ слышались въ то время голоса въ «Наказѣ» Екатерины, составленномъ въ духѣ гуманныхъ европейскихъ идей, и въ сатирическихъ журналахъ семидесятыхъ годовъ. Но никто, кромѣ Новикова, какъ мы замѣтили (стр. 542), не затрогивалъ вопроса о самомъ принципѣ крѣпостнаго права, признававшагося законнымъ. Радищевъ первый открыто поднимаетъ этотъ вопросъ, указывая на несправедливость и безнравственность рабскихъ отношеній одного человѣка къ другому и на необходимость даровать русскому крестьянину человѣческое и гражданское полноправіе, которое ему даровано только въ наши дни Положеніемъ 19-го февраля 1861 года.

Касаясь различныхъ вопросовъ частной и общественной жизни и имѣя въ виду единственно счастіе и благоденствіе народа, которое возможно, по мнѣнію Радищева, при господствѣ идей правды и добра, при любви къ своимъ собратіямъ и при равныхъ отношеніяхъ между людьми, Радищевъ выходитъ изъ идей и ученія французскихъ философовъ, которыми онъ увлекался во время своей молодости. На его сочиненіи преимущественно отражается вліяніе филантропическихъ и гуманныхъ идей Ж. Ж. Руссо. Новоевропейское образованіе и гуманныя идеи не были внѣшнимъ подражаніемъ и щегольствомъ у Радищева, а обратились у него въ сознанныя и глубоко-прочувствованныя убѣжденія, осуществленіе которыхъ онъ хотѣлъ видѣть въ дѣйствительности. Со стороны искренности своихъ убѣжденій, горячей любви къ народу и къ добру и горячей ненависти къ пороку, Радищевъ высоко поднимается надъ понятіями массы и большинства тогдашнихъ писателей. Пушкинъ, который такъ недружелюбно и пристрастно отнесся къ личности и къ сочиненію Радищева, съ явнымъ про-

тиворѣчіемъ самому себѣ во многихъ мѣстахъ своей статьи и съ незнаніемъ или извращеніемъ фактовъ, не могъ, однако, не сказать слѣдующихъ словъ при разборѣ книги Радищева, по поводу одной картины, изображенной авторомъ изъ современнаго быта крѣпостныхъ людей: «Слѣдуетъ картина, ужасная тѣмъ, что она правдоподобна! Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но *искренних* мечтаніяхъ, съ которыми на сей разъ *соглашаюсь по неволѣ*». «Порывы чувствительности», надъ которыми смѣется Пушкинъ, называя ихъ «тогдашнимъ моднымъ краснословіемъ», дѣйствительно входятъ значительною долею въ сочиненіе Радищева. Сантиментальность развилась въ тогдашней французской литературѣ подъ вліяніемъ краснорѣчивыхъ сѣтованій и горькихъ нападокъ Ж. Ж. Руссо на испорченность, неправду и на нестроеніе современнаго цивилизованнаго общества. А вліяніе Руссо было тогда такъ же могущественно, какъ и вліяніе Вольтера. Неудивительно поэтому, что оно отразилось и въ сочиненіи Радищева, воспитаннаго на французской литературѣ. Но «сантиментальность у Радищева находила себѣ исходъ — по словамъ г. Стоюнина — не въ сладенькомъ изліяніи чувства при видѣ прекрасной природы или какой-либо умилительной сцены, какъ у Карамзина, а обращалась въ болѣзненную раздражительность, такъ какъ явленія жизни постоянно оскорбляли его нравственное чувство».

Внѣшняя форма сочиненія Радищева, т. е. его языкъ и слогъ и способъ изложенія мыслей отличаются неровностію и раздражительностію, обличая внутреннее, неспокойное настроеніе духа автора. Онъ многорѣчивъ, языкъ его тяжелъ и устарѣлъ, и потому сочиненія Радищева утомительны при чтеніи; но нужно замѣтить, что такимъ языкомъ написано большинство тогдашнихъ литературныхъ произведеній.

Было замѣчено выше, что преобразованія, въ духѣ просвѣтительныхъ европейскихъ идей, предпринятыя Екатериною II въ первую половину царствованія, впослѣдствіи пріостанавливаются, и послѣдніе годы ея правленія являются даже временемъ сильнѣйшей реакціи противъ вліянія европейскихъ идей. «Наказъ», написанный императрицей для руководства народныхъ депутатовъ при составленіи

новаго уложенія, такъ и остается недосягаемымъ идеаломъ, и между тѣми изъ русскихъ писателей, которые силились провести въ жизнь идеи «Наказа», и между самимъ авторомъ «Наказа» обнаруживается подъ конецъ явное противорѣчіе въ стремленіяхъ и цѣляхъ. Предыдущіе очерки наши объясняютъ въ достаточной степени эту перемѣну во взглядѣ Екатерины II на всѣ преобразованія въ духѣ просвѣтительныхъ европейскихъ идей. Къ сказанному мы прибавимъ, что и тѣ изъ реформъ по части распространенія народнаго образованія, которыя были уже предприняты и приводились въ исполненіе, — или не удались или были остановлены. Такъ обширный проэктъ Бецкаго о воспитаніи, которое должно было создать «новую породу людей», не могъ быть приведенъ въ исполненіе, по недостатку денежныхъ средствъ и необходимаго числа учителей. Потому закрытыя воспитательныя заведенія были основаны только въ Петербургѣ и въ Москвѣ, а не во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Россіи, какъ предполагалось по проэкту Бецкаго. Изданный въ 1786 г. указъ объ открытіи «по всѣмъ городамъ россійской имперіи *народныхъ училищъ*» также не достигъ своей цѣли, и открытіе народныхъ училищъ, равно какъ и гимназій, послѣдовало только въ царствованіе Александра I. «Вольныя», т. е. частныя типографіи, которыя, на основаніи указа 1783 года, дозволено было открывать всѣмъ и каждому, повсемѣстно въ имперіи, и которыя такъ много способствовали къ развитію у насъ книжнаго дѣла, указомъ 1796 были упразднены, и тѣмъ же указомъ былъ ограниченъ ввозъ иностранныхъ книгъ и организована духовная и свѣтская цензура въ столицахъ и въ пограничныхъ приморскихъ городахъ.

Изъ перемѣны во взглядѣ Екатерины II на европейскія идеи и европейскую образованность вытекаетъ и та любопытная черта въ собственной литературной дѣятельности императрицы, которая выразилась въ ея позднѣйшихъ занятіяхъ по части русской исторіи и въ сужденіи объ историческихъ явленіяхъ прежней русской жизни. Черта эта заключается въ опроверженіи невыгодныхъ мнѣній западныхъ писателей о древней Россіи и въ нѣкотораго рода осужденіи реформы Петра, или по крайней мѣрѣ — не въ такомъ восторженномъ взглядѣ на нее, какой былъ въ то время почти всеобщимъ. Въ своихъ

«Запискахъ касательно россійской исторіи» (*) Екатерина поставила себѣ цѣлію — изобразить всѣ явленія и факты древнерусской жизни въ весьма благопріятномъ свѣтѣ, имѣя въ виду исключительно «прославленіе государства»,—какъ она говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ Мордвинову (1790). Она замѣчаетъ здѣсь, что «большей части иностранныхъ писателей свойственно предубѣжденіе противъ Россіи — все видѣть касательно ея съ дурной стороны и утверждать, что Россія до Петра перваго не имѣла ни законовъ, ни устройства, *между тѣмъ какъ существовало совсѣмъ тому противное*». Такое же осужденіе реформы Петра и прославленіе «достопочтенныхъ качествъ нашихъ предковъ» встрѣчается и въ «Запискахъ» княгини Дашковой (см. «Отеч. Записки», 1859 г.: «Екатерина Романовна Дашкова», г. Иловайскаго). Въ разговорѣ съ первымъ министромъ австрійскаго императора Іосифа II, знаменитымъ княземъ Кауницомъ, кн. Дашкова рѣзко опровергала мнѣніе Кауница, назвавшаго Петра I творцомъ Россіи; она утверждала, что такое мнѣніе родилось отъ предразсудковъ и невѣжества иностранныхъ писателей и строго осуждала преобразованія Петра, съ явнымъ предпочтеніемъ передъ ними дѣятельности Екатерины II.

Это осужденіе реформы Петра и сочувственное обращеніе къ старинѣ, высказываемое Екатериною II и княгинею Дашковою, — какъ мы видимъ,—съ особенною цѣлію, съ предвзятымъ намѣреніемъ, слышится, однако, не только у нихъ. Оно повторялось нѣсколькими писателями XVIII столѣтія и было, можно сказать, воззрѣніемъ цѣлой партіи, недовольной преобразованіями Петра. Оно проявлялось, такъ или иначе, съ самаго начала реформы и систематически проведено у одного писателя Екатерининскаго времени, князя *Щербатова*, Михайлы Михайловича (1733—1790). Кн. Щербатовъ долгое время былъ извѣстенъ у насъ какъ историкъ (объ историческихъ трудахъ его, см. ниже) и только недавно (1855) открытъ цѣлый рядъ его сочиненій, остававшихся до того неизвѣстными (**) и представляющихъ намъ въ кн. Щер-

(*) Эти «Записки» печатались сначала въ «Собесѣдникѣ любит. рос. слова», а потомъ изданы особо (1793, въ 6 ч.).

(**) Нѣкоторыя изъ вновь открытыхъ сочиненій кн. Щербатова напечатаны: въ «Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древн.» 1859 и 1860, въ «Библіогр. зап.» 1859 и въ «Отеч. зап. 1859 года. Разборъ важнѣйшаго изъ нихъ «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» представленъ г. Ешевскимъ въ «Атенеѣ» 1858, № 3. Вотъ

батовѣ одного изъ замѣчательныхъ публицистовъ нашихъ XVIII вѣка, который былъ занятъ изслѣдованіемъ важнѣйшихъ вопросовъ современной ему государственной и общественной жизни Россіи. Политическія и политико-экономическія сочиненія кн. Щербатова обличаютъ въ немъ умнаго и просвѣщеннаго человѣка, искренно преданнаго благу и интересамъ своего отечества. Какъ добросовѣстный писатель и горячій патріотъ, онъ судитъ самостоятельно о современныхъ явленіяхъ, хотя и смотритъ на нихъ одностороннo, съ аристократической точки зрѣнія; но онъ искренно и смѣло высказываетъ свои сужденія, — хотя и въ крайне тяжелой формѣ изложенія, — и всегда старается представить реальную, существенную сторону дѣла. Взглядъ кн. Щербатова на реформу Петра высказанъ, главнымъ образомъ, въ важнѣйшемъ изъ вновь открытыхъ его сочиненій, подъ заглавіемъ: «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Сущность этого взгляда заключается въ томъ, что кн. Щербатовъ признаетъ необходимость и законность реформы Петра и выражаетъ глубокое уваженіе къ личности и къ самой дѣятельности преобразователя; но онъ не признаетъ законными тѣ крутыя и рѣзкія мѣры и то неуваженіе къ преданіямъ и обычаямъ старины, которыми сопровождалась реформа. Поврежденіе нравовъ въ Россіи было, по мнѣнію Щербатова, прямымъ слѣдствіемъ преобразованія, но Петръ лично не виновенъ въ этомъ. «Во истину могу я сказать, — говоритъ кн. Щербатовъ, — что если вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ, мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей. Но тогда же гораздо съ вящей скоростію бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ». Въ другомъ мѣстѣ, кн. Щербатовъ, по поводу искорененія суевѣрій Петромъ, дѣлаетъ слѣдующее сравненіе: «Сіе дѣйствіе Петра Великаго можно примѣнить къ дѣй-

названія другихъ сочиненій Щербатова: «Разсужденіе о нынѣшнемъ въ 1787 году почти повсемѣстномъ голодѣ въ Россіи, о способахъ тому помочь и впредь предупредить подобное несчастіе»; «Оправданіе моихъ мыслей и часто съ излишнею смѣлостію изглаголованныхъ словъ»; «Разныя разсужденія о правленіи»; «Прошеніе Москвы о ея забвеніи»; «Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра Великаго»; «О статистикѣ въ разсужденіи России», и друг.

ствію неискуснаго садовника, который у слабаго дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ вѣтви. Если бы оно корнемъ было сильно, то сіе обрѣзываніе учинило ему произвести хорошія и плодовитыя вѣтви; но какъ оное слабо и больно, то урѣзаніе сихъ вѣтвей которыя черезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ внѣшнюю влагу, питали слабое дерево, отнявъ ее, новыхъ плодовитыхъ вѣтвей не произвело, ниже сокомъ раны затянуло, и тутъ сдѣлались дупла, грозящія погибелью дереву. Такъ урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело; уменьшились суевѣрія, но уменьшилась и вѣра» и т. д. Сравненіе это — замѣчаетъ г. Ешевскій — если клонится къ невыгодѣ Петра Великаго, то можетъ быть еще болѣе невыгодно для древней Россіи, которой сочувствуетъ авторъ (см. указанную статью въ «Атенеѣ»).

Но сочувственное отношеніе кн. Щербатова къ русской старинѣ и вообще «славянофильство» людей XVIII столѣтія существенно отличается отъ славянофильскаго направленія новаго времени именно тѣмъ, что славянофилы прошлаго времени хотя и не сочувствовали реформѣ Петра, но не подвергали ни малѣйшему сомнѣнію ея необходимости и законности и не только не помышляла о возвратѣ къ прежнимъ формамъ жизни, но и не считали его возможнымъ ни даже желательнымъ.

Карамзинъ и его школа.

Сороколѣтняя литературная дѣятельность Карамзина имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи русской литературы и образованности русскаго общества. Карамзинъ выступилъ на литературное поприще послѣ Новикова, въ концѣ XVIII столѣтія. Сомостоятельная дѣятельность его въ литературѣ и его литературная извѣстность начинаются съ 1791 года, т. е. именно съ той эпохи, когда Новиковъ сошелъ со сцены и основанное имъ Дружеское общество распалось. Карамзинъ не былъ продолжателемъ дѣла Новикова въ практическихъ трудахъ и стремленіяхъ послѣдняго къ развитію образованія народнаго. Новиковъ не оставилъ послѣ себя въ этомъ отношеніи прямыхъ послѣдователей, — хотя вліяніе его направленія и отразилось до нѣкоторой степени въ дѣятельности Карамзина. Карамзинъ былъ исключительно литераторъ, и посредствомъ своихъ литературныхъ трудовъ имѣлъ

сильное вліяніе на современниковъ. Потому труды эти имѣютъ для насъ важное историческое значеніе.

Карамзинъ, Николай Михайловичъ (1765—1826) родился въ приволжской сторонѣ (въ нынѣшней оренб. губ. бузул. у.) въ с. Михайловкѣ (Преображенскомъ), принадлежавшемъ его отцу, небогатому русскому помѣщику. О ранней молодости и воспитаніи Карамзина сохранилось немного извѣстій. Извѣстно впрочемъ, что онъ обучался сначала дома, въ деревни, рано выучился читать и рано принялся за чтеніе романовъ. Въ Симбирскѣ, въ домѣ отца, Карамзинъ учился, по свидѣтельству Дмитріева, нѣмецкому языку у тамошняго пятидесятилѣтняго врача изъ нѣмцевъ. Уже въ эту пору дѣтскаго развитія въ Карамзинѣ замѣчались слѣды той чувствительности, которая сдѣлалась впослѣдствіи существеннымъ свойствомъ его литературныхъ произведеній. На одинадцатомъ или на двѣнадцатомъ году своего возраста — «съ приближеніемъ юношескаго возраста» — говоритъ Дмитріевъ въ своихъ «Запискахъ» — Карамзинъ былъ отправленъ въ Москву и отданъ въ пансіонъ Шадена, одного изъ лучшихъ профессоровъ московскаго университета. Находясь въ пансіонѣ, онъ посѣщалъ нѣкоторое время университетскія лекціи. У Шадена Карамзинъ учился языкамъ: древнимъ—греческому и латинскому и изъ новыхъ—не только французскому и нѣмецкому, но англійскому и итальянскому. Фрацузскій и нѣмецкій языки онъ успѣлъ изучить въ пансіонѣ Шадена довольно основательно. А въ университетѣ Карамзинъ слушалъ лекціи логики и психологіи, всеобщей и русской исторіи и иностранныхъ литературъ. Безъ сомнѣнія, кругъ тогдашняго пансіонскаго и даже университетскаго преподаванія былъ довольно ограниченъ; но все таки это школьное ученіе послужило Карамзину основаніемъ для его будущаго развитія, дало толчекъ его обширнымъ способностямъ и возбудило любовь къ знанію и къ труду. Окончивъ курсъ ученія въ Москвѣ, молодой Карамзинъ хотѣлъ ѣхать въ Германію и заняться науками въ лейпцигскомъ университетѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя, во время своего заграничнаго путешествія, въ письмѣ изъ Лейпцига, онъ писалъ: «Сюда стремились мысли мои за нѣсколько лѣтъ предъ симъ; здѣсь хотѣлъ я собрать нужное для исканія той истины, о которой съ самыхъ младенческихъ лѣтъ тоскуетъ мое сердце. Но

судьба не хотѣла исполнить моего желанія. Воображая какъ бы я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя, такъ-сказать, образуется душа наша, и какъ я провелъ ихъ, чувствую горесть въ сердцѣ и слезы на глазахъ». Вѣроятно по желанію родныхъ, Карамзинъ долженъ былъ уѣхать изъ Москвы въ Петербургъ и поступить прямо на службу въ гвардію,—вмѣсто лейпцигскаго университета,—какъ онъ этого хотѣлъ. Но какъ только умеръ его отецъ, онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ на родину, въ Симбирскъ. Въ періодъ своей службы въ гвардіи Карамзинъ подружился съ своимъ землякомъ И. И. Дмитріевымъ, находившимся на службѣ въ томъ же гвардейскомъ полку (преображенскомъ), въ который былъ записанъ и Карамзинъ. Одинаковая склонность къ литературѣ, къ чтенію, сблизила молодыхъ людей. Дмитріевъ занимался иногда переводами мелкихъ статей, которыя отдавалъ въ тогдашніе петербургскіе журналы и печаталъ особо. Карамзинъ захотѣлъ послѣдовать примѣру товарища и принялся самъ за переводы. По словомъ Дмитріева, первымъ литературнымъ опытомъ Карамзина былъ переведенный имъ съ нѣмецкаго «Разговоръ австрійской Маріи Терезіи съ русской императрицей Елисаветой въ Елисейскихъ поляхъ», въ вознагражденіе за который онъ получилъ отъ книгопродавца Миллера двѣ книжки романа Фильдинга: «Томъ Джонсъ», въ русскомъ переводѣ Харламова. Такіе «разговоры» были въ модѣ въ тогдашнихъ европейскихъ литераторахъ и сочинялись въ подражаніе извѣстному Мармонтелеву «Разговору въ царствѣ мертвыхъ». Потомъ Карамзинъ перевелъ и напечаталъ идиллію Геснера «Деревянная нога» (1783).

Разсѣянная свѣтская жизнь, которую велъ Карамзинъ въ Симбирскѣ, не охладила его, однако, къ словесности, по словамъ Дмитріева. Онъ задумывалъ переводить повѣсть Вольтера «Бѣлый быкъ», а между тѣмъ предавался свѣтскимъ удовольствіямъ и игралъ уже въ симбирскомъ «большомъ свѣтѣ»—по замѣчанію Дмитріева—«ролю надежнаго на себя свѣтскаго человѣка: рѣшительнаго за вистовымъ столомъ, любезнаго и занимательнаго въ дамскомъ кругу и политика передъ отцами семейства, которые хотя и не привыкли слушать молодежь, но его слушали». Разсѣянная свѣтская жизнь Карамзина въ Симбирскѣ продолжалась, однако, очень не долго. Счастливая случайность скоро спасла его отъ внутренней

пустоты этой жизни и не дала заглохнуть безплодно и безслѣдно его замѣчательнымъ дарованіямъ. Одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ Дружескаго общества, И. П. Тургеневъ, посѣтивъ Симбирскъ и замѣтивъ въ молодомъ Карамзинѣ счастливыя природныя способности, предложилъ ему ѣхать съ нимъ въ Москву, съ цѣлію продолжать образованіе на счетъ ихъ общества и принять участіе въ его трудахъ. Карамзинъ принялъ предложеніе. По пріѣздѣ въ Москву, Тургеневъ познакомилъ его съ Н. И. Новиковымъ, и Карамзинъ былъ введенъ (1785) въ кружокъ молодежи, которая содержалась на счетъ Дружескаго общества и помѣщалась вмѣстѣ, въ старинномъ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ обществу, у Меньшиковой башни. «Для Карамзина начиналась новая жизнь, — говоритъ г. Тихонравовъ. Не много далъ ему пансіонъ Шадена, въ которомъ онъ воспитывался. Теперь Карамзинъ снова отдавался наукѣ, товарищескому молодому кружку, студенчеству. Впечатлѣнія, вынесенныя Карамзинымъ изъ этого коротенькаго періода, остались въ немъ на всю жизнь. Правда, многое развѣялось впослѣдствіи и затерялось подъ другими вліяніями, взгляды его разошлись съ воззрѣніями Дружескаго общества; но образы нѣсколькихъ личностей, окружавшихъ Карамзина въ эти годы ученья, хранились всегда въ его благодарной памяти. Эти люди ввели его въ сферу философскихъ и литературныхъ вопросовъ, всегда привлекательныхъ для ума. Читая деистовъ и матерьялистовъ, Карамзинъ въ тоже время занимался переводами сочиненій совершенно противоположнаго направленія» (*).

Четыре года, проведенные Карамзинымъ въ Дружескомъ обществѣ, нѣтъ сомнѣнія, имѣютъ большое значеніе въ его жизни, въ исторіи его нравственнаго и умственнаго развитія. Здѣсь началось — какъ справедливо замѣчаетъ Дмитріевъ въ своихъ «Запискахъ» — не только авторское, но и нравственное образованіе Карамзина, въ которомъ Дмитріевъ нашелъ большую перемѣну, послѣ свиданія съ нимъ въ Симбирскѣ. «Это былъ уже — говоритъ онъ — не тотъ юноша, который читалъ все безъ разбора, плѣнялся славою воина, мечталъ быть завоевателемъ чернобровой, пылкой черкешенки; но благочестивый ученикъ мудрости, съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ

(*) «Четыре года изъ жизни Карамзина». Русск. Вѣст. 1862, № 4.

человѣка. Тотъ же веселый нравъ, таже любезность, но между тѣмъ главная мысль, первыя желанія его стремились къ высокой цѣли».

Подготовка къ литературной дѣятельности, которая опредѣлилась для Карамзина уже съ этой эпохи и которой онъ посвятилъ потомъ всю свою жизнь, началась съ переводовъ. По порученію Дружескаго общества, онъ перевелъ дидактико-теологическую поэму Галлера «О происхожденіи зла»—вопросъ, который долго занималъ философовъ XVII и XVIII столѣтія (см. у Геттнера, стр. 57, 178, 211). Въ поэмѣ Галлера вопросъ о происхожденіи зла разрѣшается съ точки зрѣнія христіанскаго ученія и проводится та мысль, что существованіе зла не противорѣчитъ божественной благости (скептики и матерьялисты доказывали противное). Потому поэма Галлера согласовалась съ мнѣніями Дружескаго общества, сильно ратовавшаго, какъ мы знаемъ, противъ ученія матерьялистовъ. Переводъ Карамзина былъ напечатанъ въ 1786 и переводчикъ снабдилъ его своими объяснительными примѣчаніями, которыя показываютъ, что онъ находился въ это время подъ сильнымъ вліяніемъ мистицизма. Да и Дмитріевъ упоминаетъ въ своихъ «Запискахъ», что переводческія работы Карамзина находились въ связи съ мистическими изданіями Новикова.

При московскихъ вѣдомостяхъ Новиковъ издавалъ «Дѣтское чтеніе», посвященное «благородному россійскому юношеству». Это изданіе состояло изъ переводныхъ статей Кампе, Вейсе, г-жи Жанлисъ и другихъ французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ, писавшихъ для дѣтей, въ духѣ «филантропической педагогики», основанной на идеяхъ Руссо. Статьи эти переводили Карамзинъ и его другъ Петровъ, одинъ изъ даровитѣйшихъ воспитанниковъ Дружескаго общества. Карамзинъ горячо привязался къ Петрову, живя долгое время съ нимъ вмѣстѣ и признавая его нетолько другомъ, но и учителемъ своимъ. Его вліянію и дружескимъ бесѣдамъ съ нимъ о литературныхъ и философскихъ предметахъ Карамзинъ обязанъ, по его собственному признанію, первымъ развитіемъ своихъ эстетическихъ понятій и взгляда на искусство и поэзію. Извѣстія, сохранившіяся о Петровѣ, показываютъ, что онъ обладалъ рѣдкимъ для того времени образованіемъ. Онъ былъ знакомъ— говоритъ Дмитріевъ — съ древними и новыми языками при глубокомъ знаніи отечественнаго слова, одаренъ былъ необыкновеннымъ

умомъ, способностію къ здравой критикѣ и тонкимъ эстетическимъ вкусомъ и пониманіемъ изящнаго. Но знакомство съ мистицизмомъ наложило рѣзкую печать на нѣжную организацію Петрова: онъ былъ угрюмъ, молчаливъ и подъ часъ насмѣшливъ; онъ умѣлъ утѣшатъ друзей, «но самъ никогда не требовалъ утѣшенія», по словамъ Карамзина. Тяжелыя сомнѣнія рано запали ему въ душу и глубоко волновали его молодую мысль: «Вопросы, что я есть и что я буду? — всего меня занимаютъ и бѣдную мою голову, праздностію разслабленную, кружатъ и въ большое неустройство приводятъ» — писалъ онъ Карамзину. Петровъ, отправившись въ Петербургъ на службу, умеръ тамъ въ молодыхъ лѣтахъ, и Карамзинъ написалъ въ это время статью свою «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона» — родъ прозаической элегіи, въ которой. онъ описываетъ своего друга и оплакиваетъ его раннюю потерю.

Въ это же время и, конечно, подъ вліяніемъ идей, господствовавшихъ въ томъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ Карамзинъ, онъ перевелъ трагедію Шекспира «Юлій Цезарь» (съ французскаго) и драмму Лессинга «Эмилія Галотти». Въ предисловіи къ первой изъ нихъ Карамзинъ высказалъ здравыя сужденія о Шекспирѣ и отнесся искренно и свободно къ великому англійскому поэту, вопреки господствовавшимъ тогда на него воззрѣніямъ Вольтера и вообще ложно-классической критики.

Въ 1789 г. Карамзинъ разстается съ Дружескимъ обществомъ и предпринимаетъ путешествіе за границу. Онъ посѣщаетъ Германію, Швейцарію, Францію, Англію и рядомъ писемъ своихъ изъ-за границы («Письма русскаго путешественника») производитъ сильное впечатлѣніе на русскую читающую публику.

Послѣ возвращенія изъ путешествія, Карамзинъ поселяется въ Москвѣ и предается исключительно литературѣ. Черта примѣчательная для того времени, что молодой русскій дворянинъ, прекрасно образованный, не ищетъ счастія въ службѣ, а посвящаетъ себя литературѣ и дѣлаетъ ее главнымъ дѣломъ своей жизни. Конечно на такую рѣшимость Карамзина имѣла вліяніе та подготовка, которую онъ получилъ въ Дружескомъ обществѣ и которая указала ему на его истинное призваніе. Но съ другой стороны обстоятельство это указываетъ,

что взглядъ современнаго Карамзину русскаго общества на литературу и на писателей начиналъ измѣняться. Мы знаемъ, какъ смотрѣли тогда на литературу, какъ смотрѣлъ на свою поэзію самъ Державинъ, который былъ еще живъ въ это время и признавался одною изъ великихъ литературныхъ знаменитостей. И Карамзинъ не ошибся, последовавъ своему призванію. Своимъ литературнымъ и ученымъ трудамъ онъ обязанъ тою славною извѣстностію, которою пользовался между современниками и въ потомствѣ; литература доставила ему почетъ и уваженіе двухъ русскихъ государей и цѣлой Россіи и дала прочное обезпеченіе въ матерьяльномъ отношеніи.

Самостоятельная литературная дѣятельность Карамзина началась съ дѣятельности журналиста. Въ 1791 онъ предпринялъ изданіе «Московскаго журнала», въ которомъ первый разъ появились его «Письма русскаго путешественника» и небольшія повѣсти: «Бѣдная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Прекрасная царевна и счастливый карло». Вслѣдъ за появленіемъ этихъ первыхъ произведеній Карамзина литературная слава его росла быстро и разносилась по всей Россіи. Въ его журналѣ принимали участіе: Державинъ, Дмитріевъ, Херасковъ и всѣ болѣе извѣстные писатели эпохи. Но Карамзинъ, черезъ два года, почему-то прекращаетъ изданіе «Московскаго журнала» и объявляетъ, что онъ намѣренъ издавать не срочно «въ маленькихъ тетрадкахъ, подъ именемъ, напримѣръ, Аглаи, одной изъ любезныхъ грацій», родъ альманаховъ, или литературныхъ сборниковъ. Такъ имъ изданы два сборника: «Аглая» (2 книжки, 1794) и «Аониды» (3 книжки, 1796). «Аглая» была какъ бы продолженіемъ «Московскаго журнала», отличавшагося преимущественно своимъ литературнымъ отдѣломъ. Здѣсь Карамзинъ помѣстилъ отрывки изъ «Писемъ русскаго путешественника», другія свои повѣсти и прозаическія статьи и нѣсколько стихотвореній. «Аониды» же заключали въ себѣ исключительно собраніе стихотвореній— самаго Карамзина и почти всѣхъ извѣстныхъ въ то время стихотворцевъ. Затѣмъ Карамзинъ напечаталъ лишь нѣсколько переведенныхъ имъ повѣстей Мармонтеля и другихъ мелкихъ вещей; а въ 1802, когда послѣ воцаренія императора Александра I появилось нѣсколько новыхъ журналовъ, выступилъ снова на журнальное поприще и началъ изданіе «Вѣстника Европы». Этотъ журналъ представлялъ замѣчатель-

ное явленіе для того времени. Редакторъ придалъ ему видъ и значеніе европейскихъ «обозрѣній» и къ литературному отдѣлу присоединилъ отдѣлъ политическій, въ которомъ разбиралъ вопросы внутренней и внѣшней политики. При тогдашнемъ политическомъ состояніи Европы и начинавшихся у насъ внутреннихъ реформахъ журналъ Карамзина возбуждалъ большой интересъ въ читателяхъ.

Изданіемъ «Вѣстника Европы», продолжавшимся всего два года, заканчивается первый періодъ дѣятельности Карамзина, какъ литератора и журналиста. Съ 1803 г. онъ посвящаетъ себя исключительно дѣятельности ученой и приступаетъ къ сочиненію русской исторіи, — какъ видно, давно занимавшей его мысли. Около этого времени онъ написалъ панегирикъ, или «Историческое похвальное слово Екатеринѣ II», посвятивъ его императору Александру I; а въ «Вѣстникѣ Европы» помѣстилъ нѣсколько статей, относившихся къ русской исторіи: «О московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича», «Историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ», историческую повѣсть «Марѳа посадница, или покореніе Новгорода», и друг.

Рѣшившись предпринять сочиненіе полной исторіи Россіи и сознавая въ себѣ силы для выполненія такого великаго труда, Карамзинъ, по своему тогдашнему положенію, считалъ, что можетъ совершить этотъ трудъ только при помощи и содѣйствіи правительства. Литературная слава Карамзина была въ это время уже твердо упрочена; онъ былъ любимцемъ публики, его признавали почти безусловно первымъ корифеемъ русской литературы; онъ успѣлъ овладѣть всѣмъ литературнымъ движеніемъ своего времени и образовалъ цѣлую школу послѣдователей. Сознаніе своего значенія и заслугъ литературѣ самъ Карамзинъ высказываетъ въ интересномъ письмѣ своемъ (1803) къ Мих. Ник. Муравьеву, воспитателю императора Александра I, бывшему тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и попечителемъ московскаго университета. «Будучи весьма не богатъ — пишетъ Карамзинъ — я издавалъ журналъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы принужденною работою пяти или шести лѣтъ купить независимость, возможность работать свободно и писать единственно для славы — однимъ словомъ сочинять русскую исторію, которая съ нѣкотораго времени занимаетъ всю душу мою. Теперь слабые глаза не дозволяютъ мнѣ

трудиться по вечерамъ и принуждаютъ меня отказаться отъ «Вѣстника». *Могу* и *хочу* писать исторію, которая не требуетъ спѣшной и срочной работы, но еще не имѣю способа жить безъ большой нужды. Съ журналомъ я лишаюсь шести тысячъ рублей доходу. Если вы думаете, милостивый государь, что правительство можетъ имѣть нѣкорое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе публики, и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ, то нельза ли при случаѣ доложить императору о моемъ намѣреніи написать исторію, *не варварскую и не постыдную для его царствованія*». Затѣмъ Карамзинъ проситъ о назначеніи ему пенсіи на пять или на шесть лѣтъ, втеченіе которыхъ онъ надѣялся окончить задуманную исторію.

Желаніе Карамзина было исполнено. По ходатайству Муравьева, повелѣно было производить ему, изъ кабинета государева, по двѣ тысячи рублей ежегоднаго пенсіона, «въ качествѣ исторіографа» (какъ сказано въ выданномъ по этому случаю именномъ указѣ Александра I) и открыть доступъ во всѣ государственные архивы и книгохранилища, для разбора и обозрѣнія подлинныхъ историческихъ актовъ и документовъ, какъ-то: лѣтописей, грамотъ и т. д.

Съ этого времени Карамзинъ весь отдается своему труду, ведетъ жизнь кабинетнаго ученаго, работаетъ съ неутомимымъ рвеніемъ и черезъ двѣнадцать лѣтъ (1816) представляетъ государю первые восемь томовъ своей «Исторіи государства россійскаго». Императоръ Александръ принялъ благосклонно его трудъ, весьма щедро наградилъ автора, повелѣлъ напечатать «Исторію государства россійскаго» безъ цензуры и выдать деньги для ея напечатанія, въ большомъ количествѣ экземпляровъ, предоставивъ всю выручку въ пользу автора. По приглашенію государя, Карамзинъ оставляетъ Москву (1816) и переѣзжаетъ на жительство въ Петербургъ, а лѣто постоянно проводитъ въ Царскомъ Селѣ, посвящая всѣ свои силы и труды исключительно своей исторіи, за продолженіемъ которой его застаетъ и самая смерть. Въ Петербургѣ Карамзинъ написалъ и выдалъ въ свѣтъ 9, 10 и 11 томы своей исторіи, но 12 не успѣлъ дописать, и онъ былъ [illegible] конченнымъ, уже послѣ его смерти его другомъ, графомъ Блудовымъ.

Въ послѣдній періодъ своей жизни Карамзинъ пріобрѣлъ полное довѣріе и расположенность императора Александра, который видѣлъ въ немъ и честнаго гражданина, горячо преданнаго интересамъ своей страны, и человѣка высокой мысли и высокихъ нравственныхъ достоинствъ. Александръ вообще умѣлъ цѣнить заслуги и труды своего исторіографа и съ участіемъ слѣдилъ за ходомъ сочиненія послѣднихъ томовъ его исторіи, нерѣдко прочитывая ихъ въ рукописи. Но постоянные, усиленные труды и сидячая жизнь сильно разстроили здоровье Карамзина. Извѣстіе о кончинѣ императора Александра, котораго Карамзинъ любилъ въ свою очередь и какъ человѣка и какъ своего державнаго покровителя, глубоко поразило его и подѣйствовало на его растроенное здоровье. Для поправленія его здоровья «было рѣшено — говоритъ Жуковскій — что онъ отправится въ южную Францію, былъ готовъ фрегатъ для перевезенія его въ Марсель, и онъ ни мало не подозрѣвалъ, чтобы смерть его была такъ близка; онъ занимался настоящимъ, думалъ о будущемъ, думалъ о довершеніи великаго труда своего». Щедрою царскою милостію императора Николая Карамзинъ былъ избавленъ отъ всякаго безпокойства о судьбѣ своего семейства: по случаю его отъѣзда за границу для излѣченія, ему было назначено по 50,000 рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы эта сумма, обращенная ему въ пенсію, послѣ него была производима сполна его женѣ, а по смерти ея также сполна и дѣтямъ, — сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ въ службу, а дочерямъ до замужества послѣдней изъ нихъ. Но Карамзинъ не успѣлъ совершить предположенной поѣздки за-границу: черезъ десять дней послѣ неожиданной для него царской милости и благоволенія новаго государя онъ скончался.

Литературная критика давно опредѣлила съ подробною точностію значеніе Карамзина въ исторіи нашей литературы и давно объяснила его заслуги русской литературѣ и образованности. Характеристика и существенныя черты литературной дѣятельности его сводятся къ слѣдующему:

Карамзинъ имѣетъ главное значеніе въ исторіи русской литературы, какъ журналистъ и литераторъ и наконецъ, какъ историческій писатель. Обладая замѣчательными дарованіями, обширнымъ умомъ и

образованностію, онъ не былъ, однако, ни поэтомъ, ни исключительно ученымъ.

Какъ журналистъ, Карамзинъ расширяетъ область журнальной дѣятельности въ Россіи. Независимо отъ статей литературныхъ, историческихъ и критическихъ онъ первый вноситъ въ нашу журналистику вопросы общественные и политическіе и первый говоритъ о предметахъ, имѣвшихъ живой и современный интересъ для читателей.

Какъ литераторъ и писатель повѣстей, Карамзинъ даетъ русской литературѣ иное содержаніе и сообщаетъ ей новый характеръ и направленіе такъ называемой «сантиментальности», или «чувствительности», которое замѣняетъ прежнее, ложно-классическое направленіе. Своими литературными сочиненіями, переводами и журнальными статьями Карамзинъ возбуждаетъ интересъ къ литературѣ въ большей массѣ читателей, сближаетъ литературу съ жизнію и создаетъ для массы современныхъ читателей легкое и общедоступное чтеніе, которое удовлетворяетъ ихъ нравственно-эстетическимъ и умственнымъ потребностямъ и имѣетъ поэтому общеобразовательное значеніе для общества.

Карамзинъ-историкъ первый представляетъ въ систематически-стройномъ литературномъ изложеніи событія русской исторіи, и своей «Исторіей государства россійскаго» оказываетъ важную услугу русскому отечествовѣденію, русской наукѣ и литературѣ.

Стараясь увеличить число читателей и внося въ литературу новыя понятія и взгляды, Карамзинъ производитъ вмѣстѣ съ тѣмъ преобразованіе и въ русскомъ литературномъ языкѣ. Нашъ книжный, или литературный языкъ созданъ Ломоносовымъ; онъ первый установилъ для него правила, первый указалъ законы его развитія. Но своими примѣрами Ломоносовъ сковываетъ построеніе русской книжной рѣчи тяжелыми и несвойственными ей латинско-нѣмецкими формами. А Карамзинъ разбиваетъ эти формы и представляетъ образцы легкаго литературнаго языка, близкаго по строенію рѣчи къ языку разговорному.

Вотъ въ чемъ заключается главная сущность литературной дѣятельности Карамзина и существенныя заслуги, оказанныя имъ русской литературѣ. Разсмотримъ ихъ подробнѣе.

Русская журналистика, послѣ сатирическихъ журналовъ семиде-

сятыхъ годовъ и послѣ дѣятельности Новикова, представляется крайне безжизненною и лишенною всякаго литературнаго, а тѣмъ болѣе общественнаго интереса. Въ Петербургѣ и въ Москвѣ существовало, правда, нѣсколько журналовъ; но журналы эти мало интересовали общество; они не служили выраженіемъ его потребностей, они выражали скорѣе интересы ограниченнаго кружка писателей. Потому общество оставалось къ нимъ равнодушнымъ и даже едва знало ихъ названія,— какъ упоминаетъ объ этомъ Вигель въ своихъ «Запискахъ». Болѣе примѣчательными журналами конца XVIII столѣтія были: «С.-Петербургскій Меркурій», издававшійся Клушинымъ и Крыловымъ, «Пріятное и полезное препровожденіе времени», профессора московскаго университета Сохацкаго, издававшаго кромѣ того еще нѣсколько другихъ журналовъ; «С.-Петербургскій журналъ», который издавали Пнинъ (образованный и даровитый молодой писатель, рано умершій) и А. Бестужевъ; «Муза», издававшаяся извѣстнымъ переводчикомъ греческихъ классиковъ Мартыновымъ. Всѣ эти журналы были литературные и наполнялись по большей части плохими стихотвореніями и переводами разнаго рода, дѣлавшимися безъ всякаго разбора, безъ опредѣленной цѣли и направленія.

Не то представляли журналы Карамзина, сразу обратившіе на себя вниманіе читателей и доставившіе издателю, какъ онъ говоритъ въ письмѣ къ Муравьеву, «лестное благоволеніе россійской публики». Программа «Московскаго журнала» была слѣдующая: сначала помѣщались стихотворенія—самаго Карамзина, Державина, Хераскова, Дмитріева и другихъ; потомъ слѣдовали повѣсти, разсказы, біографіи разныхъ современныхъ знаменитостей, «Письма русскаго путешественника», разборы пьесъ, дававшихся на московскомъ театрѣ, и игры актеровъ, новости парижскихъ театровъ, переведенныя съ французскаго, рецензіи русскихъ книгъ и извѣстія о книгахъ иностранныхъ, заимствованныя изъ заграничныхъ журналовъ. Находясь еще подъ впечатлѣніями своего заграничнаго путешествія, Карамзинъ хотѣлъ представить русской публикѣ образецъ журнала, какіе существовали тогда въ образованныхъ странахъ Европы. Онъ, однако, не хотѣлъ рабски подражать заграничнымъ періодическимъ изданіямъ. Въ «предувѣдомленіи» къ «Московскому журналу» онъ говоритъ: «Множество иностран-

ныхъ журналовъ лежитъ у меня передъ глазами: ни одинъ не возьму я за точный образецъ, но всѣми буду пользоваться». И въ пользованіи своимъ матерьяломъ Карамзинъ показалъ большое умѣнье: въ своемъ журналѣ онъ давалъ русской публикѣ доступное ей, легкое, занимательное и живое журнальное чтеніе. Онъ не только знакомилъ тогдашнюю публику посредствомъ своего журнала съ новыми идеями, понятіями и чувствами, но и заговорилъ съ нею новымъ языкомъ: послѣ тяжелыхъ ломоносовскихъ періодовъ она услышала легкую карамзинскую рѣчь, близкую къ рѣчи разговорной и построенную по французскому образцу, —и пришла въ восхищеніе. Существенною частію «Московскаго журнала» были собственныя произведенія Карамзина, его «Письма русскаго путешественника» и повѣсти, имѣвшія такой громадный успѣхъ и произведшія переворотъ въ литературѣ не только по отношенію къ ея внѣшней формѣ, т. е. литературному языку, но и по отношенію къ самому содержанію ея, — о чемъ рѣчь будетъ ниже. По той же причинѣ имѣла большой успѣхъ и «Аглая», — альманахъ, выданный Карамзинымъ въ 1794 г. Онъ объявлялъ, что въ «Аглаѣ» будутъ заключаться одни русскія сочиненія и помѣстилъ здѣсь нѣсколько своихъ литературныхъ разсказовъ и легкихъ философскихъ разсужденій («Островъ Борнгольмъ», «Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона», переписку «Мелодора съ Филалетомъ» и друг.), продолженіе «Писемъ русскаго путешественника», нѣсколько мелкихъ стихотвореній и сказку въ стихахъ: «Илья Муромецъ». Литературныя статьи свои изъ «Московскаго журнала» Карамзинъ издалъ потомъ особо, подъ заглавіемъ: «Мои бездѣлки» (1794—1797, 2-е изданіе 1801). Да и весь «Московскій журналъ» черезъ десять лѣтъ (1801 — 1803) былъ перепечатанъ вторично. Второе изданіе «Аглаи» потребовалось въ 1796 г. Около этого же времени изданы было отдѣльно и всѣ «Письма русскаго путешественника» (въ 6 част. 1797—1801).

Еще большее значеніе получилъ для публики другой журналъ Карамзина — «Вѣстникъ Европы». Издатель сталъ представлять здѣсь свои политическія обозрѣнія, въ которыхъ подвергалъ разбору и обсужденію, по примѣру европейскихъ публицистовъ, современныя явленія внутренней и внѣшней политики. Въ прежнихъ же газетахъ нашихъ и журналахъ политическія новости и извѣстія сообщались не иначе, какъ

въ видѣ сухаго перечня событій. Литературный отдѣлъ «Вѣстника Европы» не отличался отъ литературнаго отдѣла «Московскаго журнала». Здѣсь также помѣщались переводы, оригинальныя повѣсти и другія небольшія статьи Карамзина, какъ напримѣръ: «Моя исповѣдь», «Рыцарь нашего времени», — гдѣ изображены нѣкоторыя черты изъ жизни самаго автора въ Симбирскѣ, — «Чувствительный и хладнонравный» и друг. И наконецъ Карамзинъ началъ помѣщать здѣсь свои мелкія историческія статьи, о которыхъ упомянуто выше. Между ними историческая повѣсть «Мароа посадница» произвела такой-же энтузіазмъ въ публикѣ, какъ и «Бѣдная Лиза». Начальныя слова повѣсти: «Раздался звукъ *Вѣчеваго колокола*, и вздрогнули сердца въ Новгородѣ» — повторялись всѣми и цѣлыя тирады изъ «Мароы посадницы» многимъ были извѣстны на память.

Взглянемъ поближе на важнѣйшія и болѣе характеристическія изъ журнальныхъ статей Карамзина, въ которыхъ высказались его основныя убѣжденія, какъ публициста, его мысли и взгляды на современность и на частную и общественную жизнь вообще. Къ такимъ статьямъ Карамзина можно отнести: «Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи», переписку Мелодора съ Филалетамъ, «Разговоръ о счастіи» и наконецъ статьи политическаго содержанія, помѣщавшіяся въ «Вѣстникѣ Европы»: «Письмо сельскаго жителя», «Пріятные виды, надежды и ожиданія нынѣшняго времени» и друг.

Статья «Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи» написана Карамзинымъ въ 1793. Поводомъ къ ея сочиненію была — какъ онъ объясняетъ въ примѣчаніи (*) — «нечаянно попавшаяся ему въ руки пьеса одного неизвѣстнаго нѣмецкаго автора, въ которой *бѣдныя науки страдаютъ ужаснымъ образомъ*». Эта статья нѣмецкаго автора заставила Карамзина перечесть внимательно знаменитый трактатъ Руссо: Discours sur la question proposée par l'academie de Dijon, si l'etablissement des sciences et des arts a contribué à epurer les mœurs (способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ къ исправленію нравовъ?) Извѣстно, что Руссо на тему дижонской академіи даетъ отрицательный отвѣтъ и доказываетъ весьма оригинально, съ блестящимъ и задушевнымъ краснорѣчіемъ свою парадоксаль-

(*) См. «Сочиненія Карамзина» (Смирд. изданіе) т. 3, стр. 374.

ную мысль, что образованіе, науки и искусства не сдѣлали человѣка нравственнѣе и счастливѣе. Карамзинъ опровергаетъ мысли и доводы Руссо, направленные противъ научнаго и артистическаго образованія и противъ наукъ и искусствъ, и является въ своей статьѣ защитникомъ просвѣщенія. Онъ въ свою очередь старается доказать, что для блага человѣчества существуетъ одинъ только путь — просвѣщеніе. И когда просвѣщеніе озаритъ всю землю, когда оно проникнетъ во всѣ классы народа, снизойдетъ и въ сельскія хижины, тогда только люди достигнутъ до всеобщаго общественнаго блага, «тогда, можетъ быть, настанетъ, златой вѣкъ поэтовъ» — говоритъ онъ — и вездѣ будетъ царствовать добродѣтель. Но человѣчество идетъ къ просвѣщенію медленнымъ ходомъ и должно подвигаться къ нему постепенно, безъ скачковъ и сильныхъ потрясеній. Во имя этого принципа, всякое движеніе, нарушающее существующій порядокъ, строго осуждается Карамзинымъ. Въ статьѣ своей: «Пріятные виды, надежды и ожиданія нынѣшняго времени», помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» 1802 года, — т. е. послѣ того, какъ французская революція была подавлена Бонапартомъ и онъ, въ качествѣ перваго консула, сдѣлался властителемъ Франціи, — Карамзинъ говоритъ: «Революція объяснила идеи: мы увидѣли, что гражданскій порядокъ священъ даже въ самыхъ мѣстныхъ или случайныхъ недостаткахъ своихъ, что власть его есть для народовъ не тиранство, а защита отъ тиранства, что разбивая сію благодѣтельную эгиду, народъ дѣлается жертвою ужасныхъ бѣдствій;... что всѣ смѣлыя теоріи ума, который изъ кабинета хочетъ предписывать новые законы нравственному и политическому міру, должны остаться въ книгахъ вмѣстѣ съ другими болѣе или менѣе любопытными произведеніями остроумія; что учрежденія древности имѣютъ магическую силу, которая не можетъ быть замѣнена никакою силою ума; что одно время и благая воля законныхъ правительствъ должны исправлять несовершенства гражданскихъ обществъ, и что съ сею довѣренностію къ дѣйствію времени и къ мудрости властей должны мы, честные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и дѣлать всевозможное добро вокругъ себя». Тоже самое Карамзинъ высказалъ еще гораздо ранѣе, въ пору первой молодости, когда ему было не болѣе 24 лѣтъ. Въ одномъ письмѣ изъ Парижа (1790 г.) онъ

писалъ: «Утопія (*) будетъ всегда мечтою добраго сердца или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, воспитанія, добрыхъ нравовъ... Всякія насильственныя потрясенія гибельны.... Легкіе умы думаютъ, что все легко; мудрые знаютъ опасность всякой перемѣны и живутъ тихо... Предадимъ, друзья мои, предадимъ себя во власть провидѣнія: оно, конечно, имѣетъ свой планъ», и проч. Покорность и довѣренность къ волѣ провидѣнія приводятъ Карамзина къ оптимистическимъ взглядамъ на жизнь, которые довольно послѣдовательно проведены въ такъ-называемыхъ «философическихъ разсужденіяхъ» его, особенно въ перепискѣ «Мелодора съ Филалетомъ» и въ «Разговорѣ о счастіи». Хотя въ одной изъ небольшихъ статей своихъ («О счастливѣйшемъ времени жизни») онъ самъ говоритъ: «оптимизмъ (**) есть не философія, а игра ума; философія занимается ясными истинами, хотя и печальными, отвергаетъ ложь, хотя и пріятную»; но оптимизмъ, такъ же какъ и сентиментальность, составляетъ главный, существенный характеръ почти всѣхъ сочиненій Карамзина.

Оптимизмомъ и сентиментальностію пропитаны и всѣ статьи, въ которыхъ высказываются взгляды Карамзина на современную ему русскую дѣйствительность, какъ напримѣръ: «Письмо сельскаго жителя» или упомянутая выше статья: «Пріятные виды, надежды и желанія нынѣшняго времени», гдѣ очень много говорится о благоденствіи помѣщичьихъ крестьянъ, о распространеніи просвѣщенія, о спокойствіи сердецъ Россіянъ, духъ которыхъ возвышается отъ развивающихся болѣе и болѣе между ними благородныхъ, человѣческихъ идей и успѣховъ разума. Между тѣмъ факты современной дѣйствительности, приводимые въ этихъ же статьяхъ Карамзина, мало подавали поводъ къ такому оптимистическому взгляду на вещи. Въ «Пись-

---

(*) «Или *царство счастія,* сочиненіе Моруса». *Примѣч. Карамзина.*

(**) «Оптимизмъ» (отъ латин. optimus, *лучшій*) — философское ученіе, исходнымъ пунктомъ котораго служитъ положеніе, что все въ мірѣ устроено наилучшимъ образомъ и ведетъ къ высшему благу. Въ новой философіи представителями оптимистическаго ученія считаются Малебраншъ и Лейбницъ. Оптимизмъ подвергнутъ безпощадной насмѣшкѣ въ романѣ Вольтера «Кандидъ», который Карамзинъ называетъ (въ «Письмахъ р. п.») «остроумнымъ и безобразнымъ романомъ».

мѣ сельскаго жителя» упоминается, напримѣръ, что нѣкоторые помѣщики, участвуя въ винныхъ откупахъ, способствуютъ къ размноженію «храмовъ русскаго неопрятнаго Бахуса», въ которыхъ народъ пропиваетъ свои деньги, умъ и здоровье. «Не мое дѣло осуждать (скромно замѣчаетъ «Сельскій житель») сей легкій и модный способъ умножать свои доходы; не смѣю вообразить, чтобы онъ былъ не согласенъ съ достоинствомъ благороднаго и великодушнаго патріота; ибо вижу многихъ почтенныхъ людей, которые прибѣгаютъ къ нему безъ зазрѣнія совѣсти и хвалятся искусствомъ въ семъ важномъ промыслѣ. Мнѣнія и вкусы различны». Въ статьѣ «Пріятные виды» и проч. дѣлаются намеки на безпорядочность въ хозяйствѣ, на господство безразсудной роскоши и мотовства между дворянами, отчего нерѣдко многіе изъ нихъ разоряются. А «человѣкъ, разоряясь — говоритъ Карамзимъ — прибѣгаетъ ко всѣмъ средствамъ, чтобы спастись отъ бѣдности, и къ самымъ не моральнымъ; онъ скорѣе другихъ *можетъ* притѣснить своихъ крестьянъ», и проч. Но въ этой же статьѣ выше говорилось, что «просвѣщеніе истребляетъ злоупотребленіе господской власти, которая и по законамъ нашимъ не есть тиранская, а ограниченная»; что чужестранные писатели, «которые безпрестанно кричатъ, что земледѣльцы у насъ (т. е. крѣпостные) несчастливы», удивились бы, еслибъ могли видѣть возрастающее благосостояніе и богатство многихъ такъ называемыхъ «рабовъ», и проч.

Въ журнальныхъ статьяхъ своихъ, касающихся русскаго просвѣщенія, Карамзинъ высказываетъ обыкновенно много прекрасныхъ мыслей и высокихъ, благородныхъ стремленій. Онъ вездѣ является искреннимъ и ревностнымъ поборникомъ просвѣщенія и наукъ. Такъ въ статьѣ «О новомъ образованіи народнаго просвѣщенія въ Россіи», помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» (1803), онъ съ радостію привѣтствовалъ указъ Александра о заведеніи новыхъ народныхъ училищъ и распространеніи наукъ въ Россіи. «Учрежденіе сельскихъ школъ—говоритъ онъ здѣсь между прочимъ—несравненно полезнѣе всѣхъ лицеевъ, будучи истиннымъ народнымъ учрежденіемъ, истиннымъ основаніемъ государственнаго просвѣщенія. Предметъ ихъ ученія есть важнѣйшій въ глазахъ философа». Но всегда чрезмѣрная сантиментальность и панегирическій тонъ подобныхъ статей вредятъ общности ихъ впечатлѣнія.

Убѣжденія и мысли, руководившія Карамзинымъ въ періодъ его журнальной дѣятельности, обратились въ твердыя и неизмѣнныя убѣжденія всей послѣдующей его жизни и дѣятельности, получивъ только болѣе полное развитіе съ полнымъ развитіемъ его таланта. Перемѣна въ послѣдующихъ мнѣніяхъ Карамзина произошла лишь по одному предмету: подъ вліяніемъ настроенія умовъ въ извѣстной части современнаго общества, онъ измѣнилъ свой взглядъ на реформу Петра, и изъ жаркаго защитника реформы, какимъ былъ въ молодости, сдѣлался впослѣдствіи ея порицателемъ, примкнувъ къ такъ называемымъ «славянофильскимъ» мнѣніямъ (см. ниже).

Что общественное настроеніе имѣло вліяніе на литературную дѣятельность Карамзина — это лучше всего доказывается его собственно-литературными, или бельлетрическими произведеніями, которыми онъ умѣлъ съ такимъ искусствомъ угодить вкусу и современнымъ потребностямъ читающей публики.

Для большей ясности дѣла и для уразумѣнія характера и значенія «сантиментальной» школы, мы должны представить здѣсь очеркъ той борьбы, которая поднялась на западѣ противъ псевдоклассицизма и сдѣлала на нѣкоторое время сантиментальное направленіе господствующимъ въ европейскихъ литературахъ.

Тощая сухость ложно-классической поэзіи, ея натянутый и напыщенный тонъ, громозвучныя оды и изображенія неестественныхъ и небывалыхъ героевъ и царей—давно всѣмъ прискучили. Масса безсознательно искала и требовала отъ искусства простоты, естественности и правды. Она инстинктивно угадывала всю фальшъ и неестественность псевдоклассической поэзіи,—которая, впрочемъ, и не имѣла въ виду массы общества. Классическая поэзія находилась въ полномъ резрывѣ съ народомъ и его интересами и была исключительно поэзіею вельможно-придворнаго и ученаго кружка. Но уже въ первой половинѣ XVIII столѣтія почти вездѣ въ Европѣ обнаружилась сильнѣйшая реакція противъ французскаго классицизма и противъ созданной имъ напыщенной и ходульной поэзіи, — этого «чужаго оранжерейнаго растенія, криво привитаго къ классической древности и удобреннаго грѣховною тиною двора», — какъ справедливо выражается о ней Шерръ въ своей «Всеобщей исторіи литературы». Въ Англіи, гдѣ формен-

ная, сухо-разсудочная поэзія, казалось, прочно утвердилась примѣрами Драйдена и Попе и критиками Самуэля Джонсона, прежде всего началось движеніе противъ господства французскаго классицизма. Въ англійской литературѣ были открыто заявлены около этого времени нѣкоторыми учоными и поэтами стремленія — противоставить модной велико-свѣтской поэзіи Попе поэзію природы и истиннаго чувства и дать англійской поэзіи то народное и вмѣстѣ общечеловѣческое содержаніе, которое отличало великія произведенія Шекспира и было замѣнено потомъ безсодержательною правильностію и бездушіемъ французскаго псевдоклассицизма. Но переворотъ въ этомъ смыслѣ удается произвести — не только въ англійской, но и во всѣхъ почти европейскихъ литературахъ — сантиментально-поучительному «семейному» роману Ричардсона и такъ называемой «мѣщанской» драмѣ, появившихся почти одновременно въ Англіи (*). Романы Ричардсона произвели глубокое впечатлѣніе на европейскую публику и дѣйствіе ихъ тотчасъ же распространилось вездѣ съ поразительною быстротою и силою. Дидро до небесъ восхваляетъ Ричардсона, пишетъ подъ его вліяніемъ новую теорію драмы и начинаетъ продолжительную борьбу противъ рутинной, ложно-классической трагики. Руссо ставитъ Ричардсона рядомъ съ Гомеромъ и дѣлаетъ его своимъ образцомъ въ «Новой Элоизѣ». Лессингъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ преобразователей нѣмецкой національный литературы, былъ глубже всѣхъ затронутъ вліяніемъ романовъ Ричардсона, найдя въ нихъ опору для открытой имъ борьбы противъ господства французской псевдоклассической школы (Геттнеръ: «Ист. всеоб. лит. XVIII стол.», 394, 395, 434).

«Мѣщанская» драма стоитъ въ самой тѣсной связи съ нравственно-семейными романами Ричардсона. Дидро и Лессингъ возводятъ послѣднюю въ теорію и противопоставляютъ ее классической трагедіи; они же и даютъ ей названіе «мѣщанской, буржуазной, или семейной траге-

(*) Знаменитые нѣкогда романы Ричардсона появились: «Памела, или награжденная добродѣтель» въ 1740, «Кларисса» въ 1748 и «Грандисонъ» въ 1753 годахъ. А первая мѣщанская драма Джоржа Лилло (George Lillo): «Георгъ Барнвель, или Лондонскій купецъ», имѣвшая такой блестящій и повсемѣстный успѣхъ, несмотря на свою ничтожность въ художественномъ отношеніи, была представлена первый разъ на дрюриленскомъ театрѣ въ Лондонѣ въ 1731 г., появившись, такимъ образомъ, только десятью годами ранѣе «Памелы».

дін» и «слезной комедіи» (tragedie bourgeoise ou domestique, comedie larmoyante, das bürgerliche Trauerspiel), выражая этимъ, что драма, какъ высшій родъ псевдоклассической поэзіи, должна «перейти наконецъ отъ высокаго котурна героическихъ исторій къ страданіямъ и радостямъ ближайшей среды, къ мелкимъ, но тѣмъ не менѣе поэтически-глубокимъ результатамъ повседневной домашней жизни» (Геттнеръ, стр. 384).

Въ сущности и семейный романъ и мѣщанская драма были стремленіемъ европейской литературы къ изображенію въ поэзіи жизненной правды, высшей истины, стремленіемъ къ возврату отъ искусственнаго и ложнаго классицизма къ истинной природѣ, къ чувству и національному духу. Это стремленіе было такъ естественно въ тотъ вѣкъ, который заявлялъ требованія о человѣчности, о человѣческихъ правахъ и человѣческомъ достоинствѣ. Поэзія не могла оставаться замкнутою въ прежнія условныя формы вельможно-придворнаго и аристократическаго міра, не могла ограничиваться одними изображеніями условныхъ интересовъ этого привиллегированнаго міра. Права всѣхъ сословій народа на полноту жизни, на полное участіе въ ея радостяхъ и горестяхъ, права «мѣщанства», или «буржуазіи», права народа, «черни», — къ которымъ аристократизмъ относился всегда съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, были теперь заявлены и признаны. Потому и поэзія должна была спуститься въ міръ дѣйствительной, повседневной жизни народа и изображать ее, какъ она есть, и вмѣстѣ съ тѣмъ должна была отрѣшиться отъ тѣхъ условныхъ стѣсненій, которыя наложилъ на нее своею искусственною, фальшиво-разукрашенною манерою и натянутымъ подражаніемъ Грекамъ и Римлянамъ французскій классицизмъ.

Романы Ричардсона и мѣщанская драма составляли прямую противоположность поэтическимъ произведеніямъ прежнихъ господствовавшихъ направленій. Прежніе романы — говоритъ Вальтеръ Скоттъ въ біографіи Ричардсона — «писались въ старо-французскомъ стилѣ, состояли въ безконечныхъ любовныхъ исторіяхъ принцевъ и принцессъ и излагали холоднымъ, напыщеннымъ языкомъ самыя безсмысленныя понятія. Въ этихъ смертельно-скучныхъ произведеніяхъ не было ни малѣйшаго слѣда *истиннаго чувства*, ни малѣйшей попытки *изобра-*

жать жизнь и людей съ натуры; все было преувеличено, холодно и натянуто». Тогда какъ Ричардсонъ дѣлаетъ героями своихъ романовъ уже не принцевъ и принцессъ, а беретъ свои сюжеты изъ будничной, повседневной жизни обыкновенныхъ людей и рисуетъ ихъ характеры, чувства, мысли, всѣ малѣйшія ихъ ощущенія и дѣйствія, стараясь быть вѣрнымъ, до послѣднихъ мелочей, непосредственной дѣйствительности.

Мѣщанская драма, или трагедія изъ частной жизни была еще большею противоположностію и по содержанію и по формѣ прежней, то есть, французской, или классической трагедіи. Она вводитъ въ область трагедіи частную жизнь, страданія и радости обыкновенныхъ людей, а не только полубоговъ, историческихъ героевъ и царей, которые одни, по законамъ господствовавшей французской трагики, имѣли привиллегію являться въ трагедіяхъ. Тѣми же законами предписывались для трагедіи — величавый александрійскій стихъ и строгое соблюденіе знаменитыхъ трехъ единствъ; а мѣщанская трагедія, вопреки этому, пишется прозой и часто мѣняетъ время и мѣсто и дѣйствія.

Ричардсонъ писалъ свои романы съ преднамѣренною нравственною цѣлію, чтобы поучать и трогать, «дѣлать ненавистнымъ порокъ и внушать любовь къ добродѣтели». Являясь, такимъ образомъ, проповѣдникомъ назидательной морали, онъ долженъ былъ нерѣдко отступать отъ условій поэтической истины. Оттого лица его романовъ представляютъ иногда не живые характеры, а какія-то вывѣски той или другой добродѣтели, того или другаго порока, — смотря по цѣли автора. При такомъ ограниченномъ пониманіи искусства чистая высота художественной идеальности просто недостижима, какъ справедливо замѣчаетъ Геттнеръ. Романы Ричардсона страдаютъ, кромѣ того, крайними длиннотами и излишествами. Но тѣмъ не менѣе явленіе Ричардсона было до такой степени ново и его преимущества въ сравненіи съ пустымъ притворствомъ господствовавшихъ литературныхъ направленій были такъ ясны, что романы его встрѣтили глубокое участіе со всѣхъ сторонъ и имѣли самый невѣроятный успѣхъ у современниковъ. «Памела» въ первый же годъ имѣла четыре изданія въ Англіи. Переводы ея и затѣмъ переводы «Клариссы» и «Грандисона» распространялись во Франціи, Германіи и повсюду съ изумительною быстротою и чи-

тались съ жадностію. Непосредственная дѣйствительность и трогательное изображеніе борьбы, страданій и радостей домашней жизни очаровали всѣхъ. Цѣлый вѣкъ плакалъ съ Ричардсономъ добродѣтельными слезами о награжденіи добрыхъ и наказаніи злыхъ, говоритъ Геттнеръ.

Не менѣе изумительнымъ успѣхомъ пользовалась и мѣщанская трагедія, хотя также лишенная глубокой художественной идеи и общечеловѣческаго значенія, до котораго умѣлъ достигнуть одинъ только Лессингъ въ своихъ драмахъ: «Миннѣ-фонъ-Барнгельмъ», «Миссъ Сарѣ Сампсонъ», «Эмиліи Галотти» и особенно въ «Натанѣ Мудромъ».

Почти одновременно съ семейнымъ романомъ Ричардсона англійская литература обогатилась романами Фильдинга и Смоллета, гдѣ уже встрѣчается реальное, прямое изображеніе дѣйствительной жизни, какъ она есть, и наконецъ юмористическими произведеніями Стерна, въ которыхъ, по словамъ Шерра, «весь міръ и человѣчество со всѣми ихъ слабостями, глупостями и печалями отражаются въ фокусѣ любящей души автора, постоянно сопровождающей сатирическую усмѣшку слезою сантиментальности». Стернъ первый своей «Сантиментальной поѣздкой по Франціи и Италіи» (Sentimental Journey through France and Italy) ввелъ въ употребленіе слова «сантиментальность».

Эти явленія англійской литературы прошлаго вѣка, выражавшія главнымъ образомъ, стремленіе къ природѣ, къ естественности и самобытности и освобожденіе отъ господствовавшей, лживой манеры французскаго классицизма, имѣли повсемѣстную силу и вліяніе въ Европѣ. Стремленія къ природѣ и къ истинному чувству и борьба противъ классицизма выражались также порывисто и пылко во французской, какъ и въ нѣмецкой литературахъ этого времени. «Новая Элоиза» Ж. Ж. Руссо, романъ въ письмахъ, по образцу романовъ Ричардсона, появившійся въ 1759 г., былъ самымъ живымъ проявленіемъ этихъ реформаторскихъ стремленій во Франціи. Романъ Руссо, не будучи художественнымъ произведеніемъ, а только реформаторскимъ трактатомъ въ поэтической формѣ, имѣлъ, однако, огромное значеніе для французской поэзіи тѣмъ, что перенесъ ее изъ условной сферы салоновъ въ область природы, представивъ замѣчательныя красоты въ описаніи природы и естественнаго человѣка; а съ другой сто-

роны «Новая Элоиза» имѣетъ всемірно-историческое значеніе по тому вліянію, которое она производила на современниковъ своимъ горячимъ призывомъ къ человѣческому чувству и своимъ искреннимъ, глубоко-прочувствованнымъ протестомъ противъ неестественности и искуственности общественной жизни (*). Въ Германіи стремленіе къ возрожденію національной жизни проявилось съ особенною силою въ такъ называемый «геніальный» періодъ въ нѣмецкой литературѣ, или «періодъ бурныхъ стремленій» (Sturm-und Drang-Periode) (**), въ который появляются первыя, молодыя произведенія Гёте и Шиллера. Стремленіе къ природѣ и непосредственности, жажда природы и независимости въ жизни и въ искусствѣ — вотъ въ чемъ заключался девизъ людей «бурныхъ стремленій». Поэтому они преклонялись передъ геніемъ Шекспира, жадно изучали его творенія и выражали живѣйшее сочувствіе къ идеямъ Руссо о природѣ и о естественномъ состояніи человѣка. Они начали свою преобразовательную дѣятельность — говоритъ Шерръ — объявивъ войну литературному и соціальному застою и закоснѣлости и всякому филистерству, даже и филистерству просвѣщенія. Гёте, подъ вліяніемъ бурныхъ стремленій, пишетъ свой знаменитый романъ въ письмахъ: «Страданія Вертера» (1774), которыя «изображаютъ, по словамъ Шерра, порывъ сердечнаго и соціальнаго стремленія къ свободѣ того времени и были вызовомъ, мятежно брошеннымъ въ лицо общественной рутинѣ». Извѣстно, что впечатлѣніе, произведенное Вертеромъ на современниковъ, было громадное, неслыханное.

Но въ то время, когда указанныя нами крупныя явленія въ западныхъ литературахъ, своимъ призывомъ къ природѣ и къ чувству и борьбою противъ всякой форменной сухости и пошлости въ жизни и въ литературѣ, успѣли произвести переворотъ въ понятіяхъ и во взглядахъ европейскаго общества, успѣли затронуть и сильно подѣйствовать на сердечную, чувствительную сторону людей и образовать въ обществѣ такъ называемое «сантиментальное», или чувствительное настроеніе, — настроеніемъ этимъ быстро воспользовалась бездарность и

(*) «Всеобщая исторія литературы,» І. Шерра. Перев. подъ редакціей А. Пыпина. СПБ. 1863. Стр. 187.

(**) См. тамъ-же, стр. 552 и дал.

ограниченность и опошлила его до крайней степени, наводнивъ литературу своими слезливо-трогательными произведеніями, жалкими и безвкусными по содержанію и по формѣ, пошлыми и ограниченными по мыслямъ и направленію. Вскорѣ послѣ «Вертера» явилась извѣстная повѣсть Миллера: «Зигвартъ» (1776). Миллеръ былъ одинъ изъ «бурныхъ геніевъ»; въ его стихахъ и романахъ, по словамъ Шерра, бурныя стремленія чувства высказались не только мягко и чувствительно, но совсѣмъ плаксиво. Въ безконечной слезливости его «Зигварта», говоритъ Шерръ, собрались всѣ ингредіенты тогдашней чувствительности и мечтаній о добродѣтели и дружбѣ. За «Вертеромъ» же появился цѣлый рядъ безконечно вялыхъ, безконечно длинныхъ и безконечно пошлыхъ чувствительныхъ романовъ Лафонтена (Г. И.); за ними слѣдовали такія же фабричныя произведенія Юнгера, Штарка и многихъ другихъ. Послѣ возвышенно-благородныхъ произведеній Лессинга, положившаго основаніе мѣщанской драмѣ въ Германіи, этотъ родъ драмы имѣлъ теперь представителями въ нѣмецкой литературѣ Иффланда, Шрёдера и Коцебу. Произведенія этихъ друматурговъ, особенно многочисленныя драмы и комедіи Коцебу, служатъ образцомъ плаксиво-трогательныхъ пьесъ, въ которыхъ выражалась сантиментальная настроенность времени. Пьесы Коцебу, жалкія по содержанію и по направленію, проповѣдовали пошлую, филистерски-ограниченную мораль, крайнюю ограниченность понятій и узость интересовъ. Коцебу, говоритъ Шлоссеръ въ своей «Исторіи XVIII столѣтія», отличался своимъ талантомъ въ консервативномъ и полицейскомъ искусствѣ— представлять человѣкомъ сумасшедшимъ, опаснымъ нравственности религіи и государству каждаго, кто осмѣливается нападать на существующее и господствующее, хотя бы оно было пошло и лживо». А между тѣмъ Коцебу долго и почти безраздѣльно господствовалъ на нѣмецкой сценѣ, и вообще вся эта сантиментально-пошлая литература была господствующею въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія не только въ Германіи, но почти вездѣ въ Европѣ. Всѣ произведенія любимыхъ тогдашнихъ романистовъ и сценическихъ писателей страждутъ, по словамъ Шлоссера, тою-же пошлостію, сантиментальностію и стараніемъ угодить ложному вкусу времени.

Мысль о простотѣ и естественности, которая привела паденіе псевдоклассицизма въ европейскихъ литературахъ, начала отражаться и у насъ еще за-долго до Карамзина. Безъ сомнѣнія, начинавшаяся въ нашей литературѣ враждебность къ классицизму не имѣла въ своемъ основаніи тѣхъ-же историческихъ причинъ, отъ которыхъ явленіе это произошло на западѣ. У насъ оно произошло не въ силу внутренняго, естественнаго хода литературнаго развитія, а просто въ силу подражанія. Ставъ однажды въ ряды европейскихъ народовъ и заимствовавъ у Европы ея готовую литературу и образованность, мы старались не отставать отъ нея и переносили къ себѣ всѣ новыя и господствующія въ тамошнихъ литературахъ направленія. Какъ бы то ни было, — для насъ интересенъ тотъ фактъ, что еще въ то время, когда Ломоносовъ, Херасковъ и Державинъ были во всемъ блескѣ своей поэтической славы, современная литературная критика,—какъ она ни была слаба и ограниченна въ объемѣ своихъ эстетическихъ понятій,—уже возвысила голосъ противъ одописцевъ и противъ пустоты и неестественности ихъ громозвучныхъ пѣснопѣній. Конечно она еще робко высказывалась и тщательно выгораживала изъ своихъ осужденій имена Ломоносова, Хераскова и даже Петрова, нападая только на ихъ подражателей; но уже критическія нападки на самый характеръ торжественной лирики говорили ясно, что она не удовлетворяла болѣе общественному вкусу. Сатирическіе журналы 1769 года первые открыли войну противъ пышныхъ одъ. Изъ нихъ «Парнасскій щепетильникъ», «Вечера» и «Трутень» сильно возставали на неестественное представленіе дѣйствительности современными стихотворцами и въ особенности нападали на одописцевъ, которые «гремѣли безъ разума» и «лѣзли въ облака». Такія нападки повторялись потомъ очень часто и въ другихъ журналахъ и сдѣлались обыкновенными у тогдашнихъ писателей и журналистовъ, хотя торжественныя и громозвучныя оды продолжали тѣмъ не менѣе появляться во множествѣ, не смотря даже на «Чужой толкъ» Дмитріева, гдѣ русскіе одописцы подвергнуты самой безпощадной и злой, но тѣмъ не менѣе справедливой сатирѣ.

Въ тоже время критика преслѣдовала и другой родъ тогдашней лирической поэзіи,—какъ неестественный и ложный: эклоги, идилліи, вообще такъ называемую пастушескую, или буколическую поэзію,

которая перешла къ намъ вмѣстѣ съ торжественной лирикой и была такимъ же порожденіемъ псевдоклассицизма, какъ и послѣдняя. Ложный родъ буколической поэзіи образовался у Французовъ изъ подражанія буколикамъ и идилліямъ древнихъ, подражанія, не имѣвшаго никакого смысла въ приложеніи къ развратнымъ нравамъ дворовъ Людовика XIV и въ особенности его правнука, Людовика XV. Эти пастушескія стихотворенія, гдѣ играли роль, подъ именами Дафнъ, Хлой, Дамоновъ и Титировъ, переодѣтые въ пастуховъ и пастушекъ придворные, по приторной сантиментальности и пустому притворству, заключали въ себѣ, конечно, еще менѣе истинной природы и естественности, нежели всѣ другіе роды псевдоклассической поэзіи. Въ идиллическомъ родѣ стихотвореній отличались въ XVIII столѣтіи во Франціи: Г-жа Дезульеръ, Флоріанъ и другіе, а въ Германіи особенно Гесперъ; ихъ эклоги и идилліи усердно переводились у насъ. Еще Сумароковъ началъ писать у насъ эклоги и посвятилъ ихъ «прекрасному россійскаго народа женскому полу». Затѣмъ число воспѣвателей пастушескаго «златаго вѣка» и число идиллій, эклогъ и тому подобныхъ стихотвореній увеличилось до того въ нашей литературѣ прошлаго вѣка, что надъ ними стали смѣяться въ журналахъ и въ комическихъ піесахъ. Мы упоминали выше (стр 543), съ какою злою ироніей «Живописецъ» Новикова смѣялся надъ писателемъ, который «сочиняетъ пастушескія сочиненія и на нѣжной своей лирѣ воспѣваетъ златой вѣкъ». Въ журналѣ «Зритель», который издавали въ 1792 г. Крыловъ и Клушинъ, встрѣчаются также самыя безпощадныя насмѣшки какъ надъ идилликами, такъ и надъ одописцами Въ помѣщенной здѣсь сатирической статьѣ Крылова: «Каибъ, восточная повѣсть» выставлены въ крайне смѣшномъ видѣ «халифы», которые судятъ о жизни настоящихъ пастуховъ и пастушекъ по приторно-сладкимъ описаніямъ ихъ въ нелѣпыхъ произведеніяхъ идилликовъ. Крыловъ не только остроумно смѣется здѣсь надъ фальшивыми произведеніями тогдашнихъ поэтовъ, но онъ видитъ въ нихъ безнравственную ложь и осуждаетъ тѣхъ стихотворцевъ, которые «отводятъ непремѣнныя квартиры добродѣтелямъ тамъ, куда онѣ заглянуть боятся, и ставятъ престолъ разуму въ такой головѣ, въ которой свищетъ сквозной вѣтеръ». Насмѣшки «Зрителя» надъ романами въ родѣ Ри-

чардсоновыхъ доказываютъ, что романы эти были тогда значительно распространены у насъ и что уже въ восьмидесятыхъ годахъ стали появляться русскія подражанія имъ. Такъ П. Львовъ написалъ «Россійскую Памелу, или приключеніе Маріи, добродѣтельной поселянки», появившуюся гораздо раньше «Бѣдной Лизы» Карамзина.

Почти всѣ упомянутыя нами выше новыя явленія въ западныхъ литературахъ, бывшія предвѣстниками паденія классицизма, переходили и къ намъ въ переводахъ еще въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ. За романами Ричардсона появились переводы произведеній Стерна, «Павелъ и Виргинія» Бернардена де Сенъ-Пьера и друг. Мѣщанская драма и французская слезная комедія, отъ «Лондонскаго купца» Лилло, «Игрока» Мура (*) и драмъ: Мерсье, Мариво и Детуша и до «Сары Сампсонъ» и «Эмиліи Галлоти» Лессинга — все это было тогда же переведено и у насъ.

Слѣдственно почва была подготовлена для сантиментализма, — русскій читающій людъ искалъ новаго рода чтенія. Карамзинъ съ большимъ талантомъ умѣлъ воспользоваться этимъ настроеніемъ тогдашней читающей публики. и въ своихъ «Письмахъ русскаго путешественника» и въ «Бѣдной Лизѣ» далъ ей именно такое чтеніе, которое отвѣчало ея вкусу.

Содержаніе «Бѣдной Лизы» ничтожно: русская крестьянская дѣвушка влюбляется платонически въ барина, который обманулъ ее и потомъ бросилъ; дѣвушка не можетъ пережить обмана и оканчиваетъ жизнь самоубійствомъ, — бросается въ прудъ. Все здѣсь фальшиво и неестественно — и содержаніе, и характеры, и мотивъ и колоритъ разсказа. Повѣсть не заключаетъ въ себѣ ни одной черты, которая отвѣчала бы современной русской дѣйствительности. А между тѣмъ «Бѣдная Лиза» произвела самое сильное впечатлѣніе на тогдашнюю русскую публику, такое же точно впечатлѣніе, какое на Нѣмцевъ производили романы Лафонтена и драмы Коцебу, какое въ Англіи произвели романы Ричардсона. Какъ въ Англіи Гампстидъ, гдѣ происхо-

(*) Перевелъ съ французской передѣлки актеръ Дмитревскій, подъ именемъ «Беверлея», (1773) — главнаго лица въ пьесѣ. Своею игрою въ роли Беверлея, Дмитревскій собиралъ богатую дань рукоплесканій. Пьеса эта держалась на нашей сценѣ, особенно на сценахъ провинціальныхъ театровъ, еще въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

дила исторія Клариссы, сталъ цѣлію пилигримства; такъ у насъ, послѣ появленія «Бѣдной Лизы», всѣ любители моднаго сантиментализма стали посѣщать Симоновъ монастырь и его окрестности, гдѣ, по словамъ повѣсти Карамзина, жила бѣдная Лиза и гдѣ находился прудъ, въ который она бросилась и который сталъ называться потомъ «Лизинымъ прудомъ». Уровень эстетическихъ и литературныхъ понятій въ обществѣ былъ до такой степени низокъ, что никому не казалась странною явная несообразность исторіи бѣдной Лизы съ русскою жизнію и русскими нравами; никто не замѣчалъ, что на мѣсто истиннаго чувства тутъ играла роль «трогательная» и «умилительная» чувствительность, что здѣсь не было истинной природы, а природа мнимая, поддѣльная. Но Карамзинъ взялъ сюжетъ своей повѣсти изъ частной русской жизни, ввелъ русскія имена, описывалъ русскую мѣстность; а потомъ—говорилъ въ ней о внутренней жизни, о жизни сердца, о чувствахъ, о страданіяхъ и радостяхъ обыкновенныхъ людей и говорилъ легкимъ, разговорнымъ языкомъ, — все это было ново для русскихъ читателей того времени, и восхитило ихъ.

Такое же отсутствіе истиннаго чувства природы и господство трогательной чувствительности встрѣчается и въ «Письмахъ русскаго путешественника», особенно при описаніяхъ красотъ природы Швейцаріи, которая такъ поразила Карамзина (*). Легкость содержанія есть другое существенное свойство этихъ писемъ, — чего, однако, нельзя считать ихъ недостаткомъ для своего времени. Напротивъ, Письма рус. пут. потому именно и были прочтены всѣми, потому и возбудили такой восторгъ въ современныхъ читателяхъ, что *легко* и *пріятно* знакомили ихъ съ Европой, съ нравами и образомъ частной жизни ея жителей и давали понятіе о европейской цивилизаціи. Конечно, знакомство это было очень поверхностное и не глубокое. По своему сантиментальному настроенію, по природной мягкости своего характера, Карамзинъ болѣе сочувствовалъ внѣшнему комфорту европейской жизни и красотамъ «прелестной натуры» и болѣе былъ занятъ идиллическими мечтаніями

(*) Вотъ какъ выражается этотъ восторгъ Карамзина: «Уже я наслаждаюсь Швейцаріей, милые друзья мои!... Какія мѣста! Какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Счастливые Швейцары!» и проч

о «счатливой» жизни пастуховъ и пастушекъ, нежели тѣми великими интересами и важными соціальными явленіями, которые волновали въ то время всѣ умы въ Европѣ. Онъ не только не сочувствовалъ великимъ вопросамъ науки и политики тогдашняго времени, но и не понималъ всей ихъ силы и значенія. Онъ или проходитъ мимо этихъ вопросовъ, или упоминаетъ о нихъ вскользь, или же сопровождаетъ такими размышленіями, которыя показываютъ прямое непониманіе въ русскомъ путешественникѣ духа времени, его насущныхъ и неотразимыхъ требованій. Находясь въ Ліонѣ, Карамзинъ присутствовалъ въ театрѣ во время представленія извѣстной трагедіи Мари Жозефа Шенье: «Карлъ IX». Трагедія Шенье (гдѣ выведена на сцену Варѳоломеевская ночь), — совершенно ничтожная въ художественномъ отношеніи,—имѣла большой успѣхъ только по своему приложенію къ современнымъ событіямъ Франціи и вслѣдствіе политическаго настроенія тогдашняго французскаго общества. Но Карамзинъ упоминаетъ объ этомъ обстоятельствѣ какъ-то не хотя и вскользь. Вотъ что онъ говоритъ: «Ударило шесть часовъ, театръ былъ наполненъ зрителями, я сѣлъ въ ложѣ, подлѣ двухъ молодыхъ дамъ. Представляли новую трагедію «Карлъ IX», сочиненную г. Шенье... Дѣйствіе ужасно; но не всякій ужасъ можетъ быть душею драмы. Великая тайна, которую Шекспиръ похитилъ во святилищѣ человѣческаго сердца, пребываетъ тайною для французскихъ поэтовъ и Карлъ IX холоденъ, какъ ледъ. Авторъ имѣлъ въ виду новыя происшествія, и всякое слово, относящееся къ нынѣшнему состоянію Франціи, было сопровождаемо плескомъ зрителей. Но отними сіе *отношеніе* и піеса показалась бы скучна всякому, даже и Французу. На сценѣ только разговариваютъ, а не дѣйствуютъ... C'est terrible! говорили дамы, подлѣ меня сидѣвшія», и проч.

Въ качествѣ европейски-образованнаго русскаго путешественника, Карамзинъ считаетъ обязанностію познакомиться лично съ тогдашними литературными и учеными знаменитостями Германіи и Франціи Такъ онъ посѣщаетъ Канта, Виланда, Гердера и многихъ другихъ. Но то, что онъ замѣтилъ изъ своихъ разговоровъ съ этими людьми и передавалъ потомъ русскимъ читателямъ, совершенно ни-

чтожно и не давало понятія объ идеяхъ или о характерѣ ученія Канта, Гердера и другихъ.

Страннымъ кажется то обстоятельство, что Карамзинъ и въ «Письмахъ русскаго путешественника» и въ своихъ журнальныхъ статьяхъ высказываетъ очень дѣльныя литературныя понятія и взгляды и стоитъ несравненно выше всѣхъ прежнихъ и современныхъ ему критиковъ; но въ тоже время въ собственныхъ литературныхъ вкусахъ, въ собственныхъ литературныхъ трудахъ,—какъ оригинальныхъ, такъ и переводныхъ,—онъ мало руководствуется высказанными имъ-жа самимъ эстетическими и реальными требованіями отъ литературныхъ произведеній. Онъ говорилъ, напримѣръ, что «поэзія заключается не въ надутыхъ описаніяхъ, а въ *живости* мыслей и чувствъ». Онъ вѣрно судилъ, какъ мы видѣли выше, о французской трагикѣ и говорилъ, что у французскихъ поэтовъ нѣтъ «глубокаго чувства натуры», что они щеголяютъ лишь «красотою слога и блестящими стихами» и представляютъ «Грековъ и Римлянъ á la française». Онъ утверждалъ, что тѣ только красоты писателя прочны, которыя основаны на знаніи «сердца человѣческаго и на природѣ вещей», и потому увлекался въ молодости Шекспиромъ, въ которомъ находилъ «откровеніе человѣческаго сердца и великія мысли». Высказывая эти и подобныя имъ здравыя сужденія о поэтическомъ творчествѣ, Карамзинъ въ тоже время восхищается реторическими идилліями Галлера, Геснера, Томпсона, Маттисона, которые были его любимыми поэтами. Тогда какъ описательныя стихотворенія этихъ, посредственныхъ и для своего времени, поэтовъ лишены всякой жизни и естественности. Сантиментальноидиллическое настроеніе подобныхъ писателей и такъ называемый «пасторальный сантиментализмъ» отражаются въ полной силѣ и на собственныхъ сочиненіяхъ Карамзина (повѣстяхъ, «Письмахъ», стихотвореніяхъ и друг.). Для своихъ переводовъ онъ выбираетъ бездарныя и скучныя повѣсти Мармонтеля и г-жи Жанлисъ, — конечно потому, что сочиненія ихъ признавались «моральными». Но едва ли не слѣдуетъ согласиться съ мнѣніемъ Шерра (*) о той ограниченной и довольно со-

(*) Вотъ это мнѣніе: «Ж. Ф. Мармонтель,—непріятно-приторный болтунъ, который въ своихъ «Contes moraux» и «Nouveaux contes moraux» прикрывалъ всякаго рода развратъ скользкою софистикою чувства; такую дерзость онъ и другіе выдавали

мнительнаго свойства морали, которую проповѣдовали въ своихъ повѣстяхъ и романахъ Мармонтель и г-жа Жанлисъ. Вліянія Шекспира не замѣтно ни на одномъ сочиненіи Карамзина, не смотря на то, что онъ такъ вѣрно судилъ о немъ и восторгался суровымъ геніемъ британскаго поэта. Переводъ «Юлія Цезаря» былъ сдѣланъ имъ въ ранней молодости, съ французскаго перевода Латурнёра, которому и принадлежатъ мысли о Шекспирѣ, высказанныя въ предисловіи къ этому переводу. Конечно Карамзинъ въ то время раздѣлялъ эти мысли, находясь подъ вліяніемъ Петрова, страстнаго поклонника Шекспира. Это пламенное уваженіе къ Шекспиру, быть можетъ, сообщилось обоимъ друзьямъ отъ Рейнгольда Ленца, одного изъ «бурныхъ геніевъ» нѣмецкой литературы, у которыхъ уваженіе къ Шекспиру доходило до какого-то обоготворенія Не смотря на свои неудачныя подражанія драмамъ Шекспира, Ленцъ обладалъ сильнымъ поэтическимъ талантомъ; но жизнь сломала его, — онъ сошелъ съ ума. Въ послѣдніе годы своей жизни Ленцъ былъ въ Москвѣ, гдѣ Петровъ и Карамзинъ познакомились съ нимъ (*). Кажется, что упоминаніе Карамзина въ его заграничныхъ письмахъ о «несчастномъ Л.» относится къ Ленцу (См. разговоръ съ Виландомъ, въ письмѣ изъ Веймара, отъ 21 іюля).

Очень рано Карамзинъ освободился также и отъ молодыхъ увлеченій своихъ идеями Руссо. Въ одномъ изъ примѣчаній своихъ къ поэмѣ Галлера, которую онъ переводилъ по порученію Новикова, онъ восклицаетъ: «О смертные! почто уклонилися вы отъ начальной невинности своей? почто гордитесь *мнимымъ просвѣщеніемъ* своимъ»? Впослѣдствіи, какъ мы знаемъ, Карамзинъ написалъ опроверженіе мыслей Руссо относительно просвѣщенія.

Въ пору зрѣлости и возмужалости своего таланта Карамзинъ принимается за сочиненіе исторіи Россіи, — труда многолѣтняго и добросовѣстно выполненнаго, къ которому безпристрастная критика не мо-

за нравственность». — А «въ романахъ педагогической болтуньи Жанлисъ (говоритъ Шерръ) вовсе невидно никакой здравой и хорошей натуры за липкимъ моральнымъ клеемъ, которымъ она смазывала ихъ пошлость». (Ист. всеоб. лит., 170 и 192).

(*) «Четыре года изъ жизни Карамзина», стр. 746.

жетъ относиться безъ уваженія и благодарности. Въ похвалу автора «Исторіи государства россійскаго» говоритъ уже то обстоятельство, что всѣ достоинства его труда принадлежатъ лично ему,—его талантамъ и трудолюбію, а всѣ недостатки его исторіи относятся болѣе къ понятіямъ и взглядамъ его времени на историческую науку.

Слова Карамзина въ письмѣ къ Муравьеву о томъ, что онъ намѣренъ написать исторію «не варварскую и не постыдную для царствованія Александра» ясно свидѣтельствуютъ о точкѣ зрѣнія Карамзина на исторію. Эту же мысль, что русская исторія—«не варварская» и «достойна вниманія не только Русскихъ, но и чужестранцевъ», Карамзинъ высказываетъ нѣсколько разъ и въ «Письмахъ русск. пут.». Онъ здѣсь еще старается доказать, что русскую исторію можно сдѣлать «привлекательною и пріятною» и что у насъ были «свои Карлы-ве икіе, Людовики XI, Кромвели» и т. д. Этотъ основной взглядъ Карамзина на русскую исторію развивается съ большимъ краснорѣчіемъ и въ предисловіи къ «Исторіи государства россійскаго». По смыслу предисловія, главная цѣль національной исторіи должна заключаться въ въ назиданіи и прославленіи отечества. Потому Олегъ и Игорь называются здѣсь «великанами сумрака», Димитрій Донской — «героемъ юношей, дѣйствующимъ на воображеніе и сердце», Иванъ III — «достойнымъ жить и сіять въ святилищѣ исторіи» и т. п.

По своимъ основнымъ воззрѣніямъ на исторію, Карамзинъ принадлежитъ къ той школѣ историковъ романтическаго направленія, которые видятъ въ исторіи не болѣе, какъ художественное, систематически-стройное и изящное повѣствованіе объ историческихъ личностяхъ и событіяхъ. Представителемъ этой школы въ Германіи можно назвать Іоганна фонъ-Мюллера (*), манерѣ котораго и слѣдовалъ Карамзинъ въ изложеніи историческихъ событій. Съ этой точки зрѣнія трудъ Карамзина выполненъ блестящимъ образомъ. Литературныя достоин-

(*) І. Мюллеръ написалъ «Исторію швейцарскаго союза» (1786) въ 5 ч. и «Исторію европейскаго человѣчества», въ 24 ч. Первая почиталась образцомъ изящнаго историческаго слога. «Всѣ удивлялись — говоритъ Шлоссеръ — слогу швейцарской исторіи Мюллера, но читали развѣ только его всеобщую исторію, которая, какъ панегирикъ рыцарству и патриціатству, совершенно недостойна — по словамъ Шлоссера — ученаго человѣка, хотя Мюллеръ и славился много лѣтъ въ цѣломъ мірѣ, какъ нѣмецкій Ѳукидидъ».

ства «Исторіи государства россійскаго» являются еще въ болѣе яркомъ свѣтѣ, при сравненіи труда Карамзина съ трудами его предшественниковъ на поприщѣ русской исторіи.

При очеркѣ дѣятельности Ломоносова мы не упоминали о его «Древней россійской исторіи», — первой попыткѣ написать русскую исторію научнымъ образомъ. Ломоносовъ успѣлъ довести этотъ трудъ свой только до 1054 года, до смерти Ярослава. Но изъ написаннаго имъ уже видно, что онъ смотрѣлъ на исторію, какъ на реторическое искусство. Потому «Древняя россійская исторія» его есть не болѣе, какъ связная передача лѣтописныхъ извѣстій, украшенныхъ цвѣтами реторическаго краснорѣчія.

«Исторія россійская» Татищева, слѣдовавшая за трудомъ Ломоносова, тоже не была еще «исторіей» Россіи, какъ мы говорили о томъ выше (см. стр. 372).

Затѣмъ русской исторіей занимались: извѣстный намъ Эминъ, издатель «Адской почты» и *Елагинъ*, Иванъ Перфильевичъ († 1796). Эминъ въ полномъ смыслѣ слова *сочинилъ* свою «Россійскую исторію» (доведенную лишь до 1113 г.). Заботясь исключительно о томъ, чтобы писать украшеннымъ, высокимъ штилемъ, онъ, для красоты слога, выдумывалъ небывалыя событія и заставлялъ героевъ своей исторіи говорить собственнаго сочиненія витіеватыя рѣчи, на томъ основаніи, что если они въ дѣйствительности такихъ рѣчей и не говорили, то, по его соображеніямъ, «должны были говорить что-нибудь подобное». Елагинъ, современникъ Ломоносова и Сумарокова и весьма почтенный писатель, предпринялъ «Опытъ повѣствованія о Россіи» (доведенъ до 1389 г.) уже «въ зиму лѣтъ» своихъ, будучи «согбеннымъ старцемъ», какъ онъ говоритъ самъ въ «приношеніи» своего труда «Премудрости» (божественной *Софіи*). Въ своемъ «Опытѣ» Елагинъ также держался реторической повѣствовательной манеры и даже превзошелъ въ витійствѣ своихъ предшественниковъ, которыхъ онъ упрекаетъ за недостатокъ жара и краснорѣчія въ ихъ историческомъ слогѣ.

Другимъ характеромъ отличаются историческіе труды кн. Щербатова и *Болтина*, Ивана Никитича († 1792), — людей замѣчательно умныхъ и хорошо образованныхъ, хотя также не историковъ-спеціалистовъ, а скорѣе дилеттантовъ въ дѣлѣ русской исторіи. Щерба-

товъ написалъ «Исторію россійскую отъ древнѣйшихъ времянъ» (15 частей, доведенныхъ до 1610 г.), которая является трудомъ гораздо болѣе удовлетворительнымъ нежели, всѣ до того времени появлявшіяся «россійскія» исторіи.

Въ исторіи Щербатова (имѣющей преимущество передъ предыдущими исторіями и въ томъ, что она доведена до царствованія Михаила Θедоровича) уже проявляется стремленіе къ критикѣ фактовъ и источниковъ и желаніе объяснить внутренній смыслъ и причины историческихъ событій. Притомъ же Щербатовъ присовокупилъ къ своему труду обширныя примѣчанія, въ которыхъ обнародовалъ въ первый разъ множество важныхъ историческихъ документовъ. Но способъ изложенія и слогъ «Россійской исторіи» кн. Щербатова до того тяжелъ и неуклюжъ, что она не могла сдѣлаться общедоступнымъ чтеніемъ для большинства.

Болтинъ извѣстенъ болѣе всего своими «Примѣчаніями на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка», — французскаго медика, жившаго долгое время въ Россіи и напечатавшаго, по возвращеніи въ отечество, свою: Histoire de la Russie ancienne et moderne (6 т. 1783—1794). Примѣчанія Болтина имѣютъ главнымъ образомъ въ виду «ложь, клевету, пристрастіе и безчисленныя и грубыя ошибки», которыя, по словамъ автора, заключаются въ исторіи Россіи Леклерка. Обличая «ошибки и злоумышленныя отъ истины устраненія» Леклерка, Болтинъ говоритъ, что онъ въ тоже время «старался показать вещи въ точномъ ихъ видѣ.» Болтинъ является въ своихъ примѣчаніяхъ однимъ изъ славянофиловъ Екатерининскаго времени. Онъ касается многихъ фактовъ древней и новой русской жизни и высказываетъ (особенно на счетъ послѣдней) много мѣткихъ и рѣзкихъ сужденій. Онъ сильно возстаетъ противъ «французо-русскихъ петиметровъ» и заведенную, со временъ Петра, образованность на европейскій манеръ, называетъ не обинуясь «мнимымъ просвѣщеніемъ», приписывая ей, также какъ это дѣлаетъ и Щербатовъ, современную испорченность нравовъ. Но въ своемъ славянофильскомъ рвеніи Болтинъ доходитъ до того, что защищаетъ, напримѣръ, существовавшій въ древней Руси запретъ для Русскихъ выѣзжать за-границу, безусловную власть, которую уложеніе Алексѣя Михайловича давало мужу надъ женою и т.

п. (О научномъ значеніи трудовъ названныхъ нами писателей и объ отношеніи ихъ къ труду Карамзина см. превосходную статью проф. С. Соловьева: «Писатели русской исторіи XVIII вѣка», помѣщенную въ «Архивѣ историко-юридич. свѣдѣній», 1858 г., издав. Калачевымъ).

Изъ сказаннаго мы видимъ, что до Карамзина по части русской исторіи у насъ было сдѣлано весьма немного. Къ самому изданію памятниковъ, а тѣмъ болѣе къ ихъ критической разработкѣ, было едва только приступлено. Нѣсколько памятниковъ было издано Татищевымъ и Щербатовымъ, но безъ всякаго ученаго критическаго изслѣдованія. Нѣмцы-академики: Байеръ, Миллеръ и Шлецеръ первые занялись серьезными научными изысканіями по русской исторіи и р зрабатывали преимущественно варяго-русскій періодъ. Но за свои ученыя мнѣнія о скандинавскомъ происхожденіи Руси они, какъ извѣстно, были сильно преслѣдуемы, въ особенности Ломоносовымъ, который, въ избыткѣ ложно-понятаго патріотизма, считалъ такое мнѣніе «предосудительнымъ для славы Россовъ». Карамзинъ долженъ былъ, такимъ образомъ, большею частію самъ собирать источники, свѣрять ихъ, подвергать критикѣ и въ тоже время писать исторію, — трудъ неимовѣрно великій. И не смотря на то, Карамзинъ первый вѣрно представилъ факты русской исторіи до междуцарствія, подтвердивъ каждый изъ нихъ несомнѣнными свидѣтельствами историческихъ документовъ, русскихъ и иностранныхъ, и снабдивъ свою исторію многочисленными и до настоящаго времени драгоцѣнными примѣчаніями. Онъ первый вывелъ факты древнерусской жизни изъ легендарнаго мрака, первый передавалъ ихъ въ стройной и послѣдовательной связи, первый представилъ имъ болѣе или менѣе вѣрную оцѣнку и первый излагалъ историческія событія художественнымъ, изящнымъ языкомъ, которымъ до Карамзина еще не писалъ никто въ русской литературѣ.

Отсюда понятны и значеніе «Исторіи государства россійскаго» въ нашей литературѣ и тотъ всеобщій восторгъ, съ которымъ она была встрѣчена въ русской публикѣ, первый разъ познакомившейся изъ нея съ отечественной исторіей, и наконецъ то вліяніе, которое она имѣла на ходъ дальнѣйшаго развитія русской литературы и образованности. Появленіе исторіи Карамзина сдѣлало эпоху въ нашей новой литературѣ, произвело въ ней рѣшительный переворотъ и опредѣлило харак-

теръ всего послѣдующаго ея развитія. Патріотическое одушевленіе, которымъ проникнута исторія Карамзина, и его взгляды на древнерусскую жизнь, на событія и личности русской исторіи сообщились цѣлой литературѣ и долго оставались въ ней господствующими.

Но изложеніе историческихъ событій, болѣе или менѣе стройное и послѣдовательное, болѣе или менѣе краснорѣчивое и художественное, не есть еще исторія въ смыслѣ изображенія вѣрной и полной картины минувшей жизни народа; ибо такая только картина и можетъ быть названа исторіей въ собственномъ значеніи этого слова. Современное состояніе исторической науки требуетъ отъ историка, чтобы его произведеніе, помимо фактической вѣрности и полноты, помимо точнаго, безпристрастнаго критическаго изслѣдованія фактовъ и помимо мастерскаго изложенія, было бы вѣрнымъ возсозданіемъ минувшихъ событій, во всей ихъ исторической правдѣ; было бы вѣрнымъ воспроизведеніемъ прошедшей жизни народа, со всѣмъ добромъ ея и зломъ, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Историкъ долженъ, поэтому, умѣть понять внутреннюю причинную связь событій, очистивъ ихъ отъ всего случайнаго и не важнаго и изобразивъ лишь главное, существенное, лишь то, въ чемъ собственно заключается внутренняя правда прошедшей жизни. Потому главное дѣло историка — умѣть понять внутренній смыслъ событій, мысль, ихъ движущую, историческую идею, имъ присущую, и потомъ — умѣть изобразить ее въ своемъ разсказѣ просто, естественно и наглядно. Съ свѣточемъ неподкупной критики въ рукахъ историкъ долженъ произнести судъ и оцѣнку историческимъ лицамъ и событіямъ, съ правильной и независимой точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія однихъ общечеловѣческихъ интересовъ, не увлекаясь никакими посторонними цѣлями, никакими личными взглядами, не навязывая прошедшему своихъ собственныхъ идей, не дѣлая, словомъ, изъ исторіи орудія для политическихъ, нравственныхъ, религіозныхъ или какихъ бы то ни было благонамѣренныхъ видовъ.

Ясно, однако, что такія требованія неприложимы къ труду Карамзина. Неприложимы уже потому, что историческая наука выработала ихъ только въ позднѣйшее время. «Исторія государства россійскаго» отвѣчала потребностямъ того общества, посреди котораго явилась, и

отвѣчала понятіямъ и взглядамъ своего времени на исторію. Но, при настоящихъ научныхъ требованіяхъ, трудъ Карамзина, какъ *исторія* Россіи, какъ *вѣрное воспроизведеніе прошедшей жизни русскаго народа*, не можетъ быть удовлетворителенъ.

Невѣрность взгляда Карамзина на древнерусскую жизнь и недостатки его исторіи для насъ теперь ясны сами собою. Одинъ изъ главныхъ и капитальныхъ недостатковъ ея заключается въ томъ, что въ ней за исторіей государственной не видно вовсе исторіи народа. Занимаясь судьбами государства и ища его даже тамъ, гдѣ его не было и быть не могло (какъ напримѣръ, въ рюриковскій или въ удѣльный періодъ), повѣствуя о междоусобіяхъ и династическихъ интересахъ князей, о войнахъ, о подвигахъ государственныхъ, Карамзинъ какъ-бы позабываетъ о жизни народной. Онъ строго и послѣдовательно проводитъ, съ самаго древнѣйшаго періода, одну идею, — идею объ образованіи и развитіи государства, но не показываетъ въ тоже время, въ какомъ отношеніи стояла къ идеѣ государственной идея жизни народной, каковъ былъ ходъ историческаго развитія послѣдней, что задерживало и что способствовало развитію народной жизни? Въ связи съ политическими судьбами россійскаго государства, онъ не рисуетъ намъ картины внутренней жизни русскаго народа, не представляетъ его религіознаго, нравственнаго, умственнаго, юридическаго и матеріальнаго быта. Онъ только въ концѣ тома или главы, въ видѣ прибавленія или примѣчанія, отводитъ небольшое мѣсто для обозрѣнія внутренняго «состоянія Россіи», гдѣ упоминаетъ о просвѣщеніи, литературѣ, духовныхъ дѣлахъ, торговлѣ и т. п Но и тутъ чаще говорится о политическомъ значеніи, о славѣ Россіи между иноземцами, нежели о внутреннемъ бытѣ народа.

Другой существенный недостатокъ исторіи Карамзина — это сантиментализмъ, перенесенный имъ и въ исторію, наклонность къ идеализаціи фактовъ и чрезмѣрное краснорѣчіе. Вслѣдствіе чего онъ идеализировалъ всю древнерусскую жизнь, и многія личности и событія нашей исторіи имѣли въ немъ самаго краснорѣчиваго панегириста, въ явный ущербъ исторической истинѣ. «Исторія государства россійскаго» полна примѣрами невѣрнаго взгляда Карамзина на лица и событія и невѣрными ихъ изображеніями. Такъ напримѣръ, Святославъ,

вышелъ у Карамзина какимъ-то героемъ-завоевателемъ, романтическимъ рыцаремъ-паладиномъ,—что совершенно противорѣчитъ простотѣ лѣтописнаго разсказа о Святославѣ. Вотъ какъ изображаетъ его лѣтопись:

«Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легко ходя аки пардусъ, войны многи творяше. Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котьла, ни мясъ варя, но потонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углехъ испекъ ядяше, ни шатра имяше, но подъкладъ поставъ и сѣдло въ головахъ; такоже и прочіи вои его вси бяху». («Полн. собр. русск. лѣт.» Т. I, стр. 27: Древній текстъ лѣт. Нестора).

А вотъ какимъ торжественнымъ тономъ и разукрашеннымъ языкомъ передаетъ «Исторія государства россійскаго» эти простыя слова лѣтописи:

«Сей князь (Святославъ), возмужавъ, думалъ единственно о подвигахъ великодушной храбрости, пылалъ ревностію отличить себя дѣлами и возобновить славу оружія россійскаго, столь счастливаго при Олегѣ; собралъ войско многочисленное и съ нетерпѣніемъ юнаго героя летѣлъ въ полѣ. Такъ суровою жизнію онъ укрѣпилъ себя для трудовъ воинскихъ, не имѣлъ ни登становъ, ни обоза; питался кониною, мясомъ дикихъ звѣрей, и самъ жарилъ его на угляхъ; презиралъ гладъ и ненастье сѣвернаго климата; не зналъ шатра и спалъ подъ сводомъ неба: войлокъ подсѣдельный служилъ ему вмѣсто мягкаго ложа, сѣдло изголовьемъ. Каковъ былъ военачальникъ, таковы и воины».

Ясно, что изъ этого краснорѣчиваго описанія читатель не вынесетъ вѣрнаго понятія ни объ истинномъ, историческомъ Святославѣ, ни о характерѣ времени, ни объ образѣ жизни тогдашнихъ русскихъ князей. Желаніе украшать событія и лица, проводить параллели и сравнивать факты и дѣятелей русской исторіи съ фактами и историческими дѣятелями другихъ народовъ, особенно Грековъ и Римлянъ, манера смотрѣть на прошлую историческую жизнь съ точки зрѣнія современныхъ понятій, не дѣлать различія между историческими эпохами, сопровождать описанія историческихъ событій и дѣятелей сентиментальными возгласами или сухими моральными сентенціями, — все это было въ духѣ того времени и въ манерѣ большинства тогдашнихъ историческихъ

писателей и все это отразилось на исторіи Карамзина, составляя ея недостатки.

Но эти недостатки не уменьшаютъ, конечно, достоинствъ и важнаго значенія исторіи Карамзина для своего времени. Она, вопервыхъ познакомила, какъ мы сказали выше, русское общество съ отечественной исторіей и возбудила къ ней интересъ. Во вторыхъ, она давала, на первый разъ, довольно удовлетворительное понятіе о фактахъ русской исторіи, въ которой Карамзинъ старался объяснить многія темныя и непонятныя мѣста, — и многое имъ угадано вѣрно и передано въ настоящемъ свѣтѣ, сдѣлавшись потомъ достояніемъ русской литературы и науки. Появленіе исторіи Карамзина пробудило въ русскомъ обществѣ мысль о самопознаніи и стремленіе объяснить свое настоящее и искать ему начало въ прошедшемъ; сообщило надолго движеніе литературѣ и сдѣлало возможнымъ историческое изученіе Россіи и ученую разработку памятниковъ, не бывшихъ даже извѣстными до Карамзина. Слѣдственно «Исторія государства россійскаго», не удовлетворяя насъ теперь какъ исторія, т. е. какъ точная и вѣрная картина минувшей жизни русскаго народа, сдѣлала, однако, свое дѣло и сдѣлала его честно, по мѣрѣ силъ, талантовъ и убѣжденій ея автора. И замѣтимъ, что книга Карамзина, написанная изящнымъ языкомъ, и теперь еще читается и будетъ читаться до тѣхъ поръ, пока русская литература не представитъ произведенія, болѣе совершеннаго въ этомъ родѣ; а какъ книга для справокъ, она никогда не потеряетъ своего значенія.

Обыкновенно говорятъ, что Карамзинъ произвелъ реформу въ русскомъ литературномъ языкѣ. Это справедливо. Но реформу Карамзина въ языкѣ надо понимать въ томъ смыслѣ, что онъ произвелъ ее не какъ ученый филологъ: онъ не создавалъ никакихъ теорій о языкѣ, не писалъ никакихъ правилъ. Онъ совершилъ преобразованіе въ литературномъ языкѣ примѣромъ собственныхъ литературныхъ сочиненій, какъ талантливый литераторъ, который обладалъ природнымъ вкусомъ и умѣлъ угадать духъ и свойства русскаго языка. «Карамзинъ — говоритъ Пушкинъ — освободилъ языкъ отъ чужеземнаго ига и возвратилъ ему свободу, *обративъ его къ живымъ источникамъ народна-*

го слова». Подъ освобожденіемъ русскаго языка изъ подъ чужеземнаго ига Пушкинъ разумѣетъ здѣсь тѣ тяжелыя формы латинскаго синтаксиса, которыя были сообщены нашему книжному языку Ломоносовымъ, или ту «схоластическую (по словамъ Пушкина же), полу-славянскую, полу-латинскую величавость, сдѣлавшуюся было необходимостію» литературнаго языка послѣ Ломоносова. Но Ломоносовъ первый, какъ мы знаемъ, указалъ дорогу къ формированію правильнаго книжнаго языка, не устраняя изъ него стихіи, или «источниковъ живаго народнаго слова». На мысли объ оживленіи и сближеніи книжнаго языка съ живою народною рѣчью собственно основывается и та реформа, которая произошла въ литературномъ языкѣ подъ вліяніемъ примѣровъ Карамзина.

Ломоносовъ ввелъ въ нашъ книжный языкъ употребленіе періодической рѣчи. Его длинные періоды отличаются стройностію, надлежащею соразмѣрностію въ частяхъ, правильною, даже художественною отдѣлкою. Но періоды Ломоносова построены искуственно и чаще всего по латинской конструкціи, съ глаголомъ на концѣ, и потому лишены легкости, естественности въ теченіи рѣчи и простоты. Подражатели Ломоносова, строго придерживаясь его примѣровъ и правилъ, преподанныхъ въ его реторикѣ, и допуская частое употребленіе церковно-славянскихъ словъ и оборотовъ, сдѣлали книжный языкъ еще болѣе тяжелымъ и напыщеннымъ. Такимъ образомъ книжный, или литературный языкъ того времени рѣзко отдѣлялся отъ живой, разговорной русской рѣчи, употребленіе которой считалось даже тогдашними писателями неприличнымъ и неумѣстнымъ въ литературѣ. Карамзинъ въ первыхъ же литературныхъ опытахъ своихъ, т. е. въ «Письмахъ русскаго путешественника» и въ повѣстяхъ, не послѣдовалъ такой теоріи. Онъ прямо началъ писать языкомъ, близкимъ къ разговорному языку современнаго образованнаго общества. Замѣтивъ, что духу русскаго языка болѣе свойственна французская, нежели латинская конструкція, онъ сталъ подражать въ построеніи рѣчи французскимъ образцамъ, сталъ избѣгать длинныхъ ломоносовскихъ періодовъ и по самому складу рѣчи, оборотамъ и выраженіямъ сталъ приближаться къ обыкновенному разговорному языку. Ясно, что формы рѣчи Карамзина сдѣлались отъ этого болѣе живыми и легкими въ

сравненіи съ тяжелыми схоластическими формами господствовавшаго до него литературнаго языка. Само время и ходъ литературнаго развитія настоятельно требовало такого преобразованія въ языкѣ. Уже Новиковъ, какъ мы знаемъ, писалъ живымъ и мѣстами изяшнымъ языкомъ. Многіе изъ его статей въ «Трутнѣ» и «Живописцѣ» превосходны по языку, весьма близкому къ народной рѣчи. Въ комедіяхъ Фонъ-Визина языкъ также разговорный, хотя и отзывающійся кое-гдѣ книжностію. Литераторы-журналисты — *Макаровъ* и *Подшиваловъ*, начавшіе писать независимо отъ Карамзина и впослѣдствіи только сдѣлавшіеся приверженцами его школы, писали легкимъ, чистымъ и довольно естественнымъ языкомъ. Но никто изъ названныхъ писателей не стремился, съ сознательною цѣлію, подобно Карамзину, писать *легкимъ* и *пріятнымъ* слогомъ. Онъ самъ говоритъ (1801), (*) что только «съ нашего времени образуется *пріятность* слога, называемая Французами élégance». Обративъ все вниманіе на сообщеніе легкости и пріятности своему слогу и находясь подъ сильнымъ вліяніемъ французской стилистической манеры и французскихъ образцовъ, Карамзинъ вводитъ въ языкъ своихъ первыхъ сочиненій много галлицизмовъ, иностранныхъ словъ и вообще не русскихъ оборотовъ рѣчи. Слогъ этихъ сочиненій вышелъ дѣйствительно легкимъ, плавнымъ и пріятно изумилъ современниковъ; но онъ лишенъ былъ силы, энергіи и выразительности, свойственныхъ русскому слову, и отличался безцвѣтностію. Толпа подражателей Карамзина довела недостатки его слога до крайнихъ предѣловъ. Противъ нововведеній Карамзина и его послѣдователей возсталъ извѣстный *Шишковъ*, любитель церковнославянскаго языка и приверженецъ ломоносовской литературной школы. Въ своей книгѣ: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка» Шишковъ выходитъ изъ ложнаго воззрѣнія о совершенномъ тождествѣ русскаго языка съ церковнославянскимъ и ратуетъ за старин-

---

(*) Въ «Пантеонѣ россійскихъ авторовъ», гдѣ сообщаются краткія извѣстія и критическія замѣчанія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ. Изъ древнихъ тутъ есть свѣдѣнія о Несторѣ, Никонѣ, Симеонѣ Полоцкомъ и другихъ, а изъ новыхъ Карамзинъ упоминаетъ только о писателяхъ умершихъ. Сужденія Карамзина о сочиненіяхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. Сумарокова, отличаются вѣрностію взгляда, но высказываются нерѣшительно, съ свойственною ему мягкостію и уклончивостію.

ный слогъ; но онъ дѣлаетъ въ то же время нѣкоторыя основательныя замѣчанія относительно недостатковъ слога у Карамзина и писателей новой школы и справедливо указываетъ на нелѣпость подражанія въ литературѣ всему французскому и на испещреніе новыми писателями ихъ слога ненужными иностранными словами и оборотами. Въ литературѣ образовались двѣ партіи: *шишковистовъ* и *карамзинистовъ*, завязавшихъ между собою жаркую полемику, которая, однако, не шла далѣе препираній и споровъ о слогѣ. Самъ Карамзинъ держалъ себя въ сторонѣ отъ этихъ споровъ и не принималъ участія въ полемикѣ. Онъ воспользовался тѣмъ, что было дѣльнаго въ замѣчаніяхъ Шишкова, и въ своихъ послѣдующихъ сочиненіяхъ постоянно совершенствовалъ свой слогъ, который въ послѣднихъ томахъ его исторіи уже рѣзко отличается отъ слога его прежнихъ сочиненій. Знакомство съ памятниками древнерусской письменности, при сочиненіи исторіи, и съ образцами народной поэзіи (пѣснями, сказками и т. п.) имѣло большое вліяніе на образованіе слога позднѣйшихъ сочиненій Карамзина. Слогъ этотъ отличается большимъ изяществомъ и всѣми совершенствами стилистической отдѣлки: онъ легокъ, плавенъ и благозвученъ; предложенія и періоды построены правильно, хорошо округлены и закончены. Но, при всѣхъ этихъ совершенствахъ, слогу Карамзина не достаетъ простоты и силы: онъ слишкомъ отзывается искусственностію и однообразіемъ. Ритмическое благозвучіе его періодовъ и предложеній,—по большей части, съ дикталическимъ окончаніемъ, съ прилагательными послѣ существительныхъ (*),— дѣлаетъ нерѣдко его рѣчь до крайности монотонною и манерною. Подражаніе древнерусскому языку во многихъ мѣстахъ «Исторіи государства россійскаго», съ употребленіемъ старинныхъ словъ и оборотовъ рѣчи, большею частію не удавалось Карамзину и кажется неестественнымъ.

Слогъ исторіи Карамзина имѣлъ большое и, безъ сомнѣнія, благотворное вліяніе на нашу литературу: своею чистотою и правильно-

(*) Какъ напр. въ приведенномъ нами выше описаніи Святослава: «возобновить славу оружія *россійскаго*»; «укрѣпилъ себя для трудовъ *воинскихъ*», и т. п. Въ сочиненіи г. Буслаева: «О преподаваніи отечеств. языка», (М. 1844) приведено много такихъ примѣровъ изъ сочиненій Карамзина, равно какъ и примѣровъ изъ его исторіи словамъ и оборотамъ, заимствованнымъ изъ старинныхъ памятниковъ.

стію онъ много способствовалъ къ совершенству новаго литературнаго языка. Слогъ этотъ долго признавался въ грамматикахъ и учебникахъ за образцовый: «но дальнѣйшіе успѣхи нашего языка въ сочиненіяхъ Грибоѣдова, Крылова, Пушкина (говоритъ г. Буслаевъ въ предисловіи къ своей «Историч. грамматикѣ») уже не нашли себѣ оправданія въ руководствахъ, принявшихъ за образецъ карамзинскую рѣчь. Вслѣдствіе чего первый художникъ и знатокъ русскаго слова, Пушкинъ, увидѣлъ себя въ странномъ противорѣчіи со многими параграфами принятой въ его время грамматики».

Мы упомянули выше о наклонности Карамзина, въ позднѣйшую пору его дѣятельности, къ такъ называемымъ славянофильскимъ мнѣніямъ. Наклонность эта замѣтна въ послѣднихъ томахъ его исторіи и въ нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ, какъ напримѣръ, въ запискѣ, озаглавленной: «Мнѣніе русскаго гражданина» и касающейся польскаго вопроса (Напеч. въ «Неизданныхъ сочин. и перепискѣ Н. М. Карамзина», ч. I. Спб. 1862). Но мнѣніе противъ реформы Петра Карамзинъ высказываетъ прямо и рѣзко въ извѣстной запискѣ своей «О древней и новой Россіи» (*). Записка эта направлена, главнымъ образомъ, противъ предпринятыхъ императоромъ Александромъ, въ первое десятилѣтіе своего царствованія, преобразованій государственнаго управленія, душею которыхъ былъ знаменитый Сперанскій. Въ видѣ вступленія къ этой главной части записки, Карамзинъ дѣлаетъ вначалѣ краткое обозрѣніе исторіи Россіи до конца царствованія Екатерины II. Вся записка имѣетъ рѣзкій, полемическій характеръ, какого не замѣчается ни въ одномъ сочиненіи Карамзина. Введеніе, или первая часть ея, есть не болѣе, какъ идеализація всей древней Руси и краснорѣчивое изображеніе ея доблестей, патріархальныхъ нравовъ, го-

(**) Записка «О древней и новой Россіи» въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ» написана въ 1811 г. и была прочтена Александромъ. Она обращалась въ рукописи и вполнѣ не напечатана до настоящаго времени. Часть ея была помѣщена при пятомъ изданіи исторіи Карамзина (Эйнерлинга, въ 3 т. 1843); а нѣкоторые отрывки изъ главной части ея, заключающей въ себѣ критику и осужденіе преобразовательной дѣятельности Сперанскаго, приведены въ книгѣ барона М. Корфа: «Жизнь графа Сперанскаго» (Спб. 1861, стр. 132—144).

сударственной крѣпости. Являясь безусловнымъ защитникомъ и приверженцомъ стараго порядка, Карамзинъ находитъ что-то доблестное и похвальное даже и въ томъ, напримѣръ, что предки наши еще передъ временемъ Петра «оставались въ тѣхъ мысляхъ, что правовѣрный Россіянинъ есть совершеннѣйшій гражданинъ въ мірѣ, а *Святая Русь* первое государство». Дойдя до Петра, Карамзинъ рѣзко осуждаетъ всю его преобразовательную дѣятельность. Главный упрекъ его реформѣ заключается въ томъ, что Петръ коснулся неприкосновенности древнихъ обычаевъ, нарушивъ ихъ своими уставами: «предписывать обычаямъ уставы есть насиліе беззаконное», — говоритъ Карамзинъ. — Мы уже знаемъ отчасти взглядъ записки Карамзина на реформу (см. выше стр. 317). Онъ здѣсь говоритъ, что Россія и до Петра «въ нѣдрахъ своихъ заключала обильные источники силы и благоденствія, обнаруживала очевидное стремленіе къ благоустройству и образованію, знакомилась, сближалась съ Европою, и хотя медленно, но твердымъ и вѣрнымъ шагомъ подвигалась къ той же цѣли, къ которой такъ насильственно увлекъ ее Петръ Великій, не пощадивъ ни нравовъ, ни обычаевъ, ни основныхъ началъ народности». Этими словами не только осуждается преобразовательная дѣятельность Петра, но и отвергается самая необходимость и законность его реформы.

Совершенно иначе Карамзинъ смотрѣлъ на Петра и на его реформу въ первый періодъ своей дѣятельности. Въ 1790 г. онъ вотъ что говорилъ (въ «Письмахъ русскаго путешественника») въ защиту реформы и противъ мнѣнія тѣхъ, которые обвиняли Петра въ безусловномъ подражаніи всему иноземному: «Иностранцы были умнѣе Русскихъ, и такъ надлежало отъ нихъ заимствовать, учиться, пользоваться ихъ опытами. Избирать во всемъ лучшее есть дѣйствіе ума просвѣщеннаго; а Петръ Великій хотѣлъ просвѣтить умъ во всѣхъ отношеніяхъ... Всѣ жалкія іереміады объ измѣненіи русскаго характера, о потерѣ русской нравственной физіогноміи — или не что иное какъ шутки, или происходятъ отъ недостатка въ размышленіи. Мы не таковы, какъ брадатые предки наши: тѣмъ лучше! Грубость наружная и внутренняя, невѣжество, праздность, скука были ихъ долею... Все народное ничто передъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьмы, а не Славянами».

*

Измѣнивъ впослѣдствіи этотъ взглядъ свой на реформу Петра, Карамзинъ сошелся въ мнѣніи съ взглядами о ней Екатерины II, кн. Дашковой, Болтина, кн. Щербатова. Онъ не только сходится съ послѣднимъ въ мысляхъ и тенденціяхъ, но даже повторяетъ его выраженія въ своей запискѣ: «Чѣмъ болѣе мы успѣвали въ людкости, въ обходительности, тѣмъ болѣе слабѣли связи родственныя», и проч. Не сходится Карамзинъ съ Щербатовымъ лишь въ мнѣніи относительно царствованія Екатерины II, вся дѣятельность которой подвергается рѣзкому осужденію и находитъ самаго суроваго судью въ авторѣ сочиненія «О повреждeніи нравовъ въ Россіи». Карамзинъ же, напротивъ, представляетъ екатерининское время въ идеальномъ свѣтѣ и ставитъ его постоянно въ образецъ своему времени, какъ бы не замѣчая того, «что, при всемъ блескѣ государствованія Екатерины II, — какъ говоритъ баронъ Корфъ, — многое изъ дѣйствительно въ немъ совершавшагося, особенно въ послѣдніе его годы, находилось въ постоянномъ противорѣчіи съ тѣми великими идеями, которыя провозглашались съ престола» (Жизнь гр. Сперан., стр. 142).

Вторая и главнѣйшая часть записки Карамзина, заключающая въ себѣ критику реформы Сперанскаго, по своему содержанію, не относится до нашего обозрѣнія. Но мы не можемъ оставить здѣсь безъ вниманія двухъ обстоятельствъ: вопервыхъ, что Карамзинъ порицаетъ реформу Сперанскаго, во многихъ мѣстахъ своей записки, во имя устарѣлыхъ началъ и симпатій къ старому порядку вещей; а вовторыхъ, что въ своихъ порицаніяхъ реформы Сперанскаго онъ повторяетъ мнѣнія невѣжественной и отсталой реакціонной партіи, интриги которой собственно и были причиною паденія и несчастія Сперанскаго, — какъ это превосходно изложено въ книгѣ барона Корфа.

Послѣдователи Карамзина. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія сантиментальная школа, представителемъ которой былъ Карамзинъ, сдѣлалась господствующей въ нашей литературѣ. Карамзинъ, какъ мы видѣли, не былъ изобрѣтателемъ или основателемъ у насъ сантиментализма: онъ только распространилъ его, посредствомъ своихъ сочиненій, которыя пришлись по вкусу тогдашнимъ читателямъ и

доставили Карамзину множество подражателей. Образовалась цѣлая школа сантиментальныхъ писателей, для которыхъ Карамзинъ сдѣлался исключительнымъ образцомъ и законодателемъ вкуса, слога и направленія въ литературѣ. Онъ былъ звѣздою первой величины въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ. Ему давали названія «чувствительнаго, нѣжнаго, любезнаго, привлекательнаго, новаго Стерна, нашего Стерна» и т. п. Одни только литературные старовѣры, во главѣ которыхъ стоялъ адмиралъ *Шишковъ*, А. С. (1754—1841), возставали противъ новаго направленія карамзинской школы. Но дѣло Шишкова, защищавшаго преимущественно чистоту русскаго языка отъ французскаго вліянія и старыя литературныя традиціи, не могло быть выиграно; потому что на сторонѣ новой школы были всѣ симпатіи общества. Для противодѣйствія новому направленію, Шишковъ образовалъ литературное общество, подъ именемъ «Русской бесѣды», къ которой принадлежали всѣ его единомышленники. Партія молодыхъ литераторовъ, приверженцевъ Карамзина, составила въ свою очередь свой литературный кружокъ, подъ названіемъ «Арзамаса». Борьба, которая велась между обѣими литературными партіями, ограничивалась мелочными спорами о слогѣ, о внѣшнихъ литературныхъ формахъ и пріемахъ, о вкусѣ и заключалась какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, въ болѣе или менѣе остроумныхъ насмѣшкахъ, шуточныхъ стихахъ, комедіяхъ, самое существованіе которыхъ давно позабыто и не оставило послѣ себя никакихъ серьёзныхъ слѣдовъ ни въ литературѣ, ни въ обществѣ.

Вторымъ представителемъ сантиментальной школы, послѣ Карамзина, признается *Дмитріевъ*, Иванъ Ивановичъ (1760—1837). Онъ пользовался въ свое время славою одного изъ первокласныхъ поэтовъ. Но Дмитріевъ не имѣлъ поэтическаго таланта, не владѣлъ ни творческой фантазіей, ни истиннымъ чувствомъ. Его стихотворенія отличаются отъ произведеній предшествовавшихъ ему стихотворцевъ одними внѣшними преимуществами, т. е. болѣе легкимъ языкомъ и болѣе совершенной версификаціей. Онъ первый началъ писатъ легкіе для своего времени стихи и сдѣлалъ такое же усовершенствованіе въ русскомъ стихотворномъ языкѣ, какое Карамзинъ сдѣлалъ въ русской прозѣ. Вотъ въ чемъ заключается все значеніе Дми-

тріева въ исторіи нашей литературы. Большая часть его стихотвореній принадлежитъ къ переводамъ или къ передѣлкѣ съ французскаго. Въ своихъ одахъ, изъ которыхъ славились: «Ермакъ», «Освобожденіе Москвы» и «Гласъ патріота», Дмитріевъ является послѣдователемъ реторической школы, также какъ и самъ Карамзинъ, который въ первый періодъ своей дѣятельности писалъ стихи. Но прочія стихотворенія Дмитріева: посланія, пѣсни, (которыя вмѣстѣ съ пѣснями Мерзлякова и Нелединскаго-Мелецкаго были въ большой модѣ), элегіи и разныя мелкія стихотворенія отличаются приторною карамзинскою чувствительностію.

Болѣе достоинствъ имѣютъ сатирическія стихотворенія Дмитріева, какъ напримѣръ, его умная и злая сатира на плохихъ стихотворцевъ: «Чужой толкъ», его басни, сатирическія повѣсти и проч. Но объемъ сатиры Дмитріева весьма ограниченъ: она имѣетъ въ виду однѣ мелкія человѣческія слабости или смѣшныя наклонности людей и не отличается ни глубиною, ни силой, ограничиваясь болѣе или менѣе остроумной и колкой насмѣшкой.

Дмитріевъ оставилъ послѣ себя «Записки», — единственное сочиненіе, написанное имъ въ прозѣ. Записки Дмитріева не напечатаны до настоящаго времени, и только нѣкоторые отрывки изъ нихъ помѣщались разновременно въ журналахъ. Занимая важныя должности въ государственной службѣ, между прочимъ должность министра юстиціи, Дмитріевъ имѣлъ возможность знать многое, что было недоступно для другихъ. Потому его записки представляютъ большой интересъ по тѣмъ характеристическимъ чертамъ, которыя въ нихъ сообщаются о времени императора Павла и Александра. Сколько можно судить по отрывкамъ изъ записокъ Дмитріева, печатавшимся въ журналахъ (напр. въ «Москвитянинѣ» 1841, въ «Русск. Инвал.» и въ «С.-Петерб. Вѣдом.» 1863 г.), онѣ отличаются искренностію, простотою разсказа и благороднымъ взглядомъ на вещи.

Озеровъ, Владиславъ Александровичъ (1770—1816), — одинъ изъ примѣчательныхъ драматическихъ писателей прежняго времени, — долженъ быть также причисленъ къ сантиментальной школѣ. Озеровъ написалъ пять трагедій; лучшая изъ нихъ «Эдипъ въ Афинахъ». Въ своихъ

трагедіяхъ онъ слѣдовалъ французской классической школѣ, какъ и первые русскіе трагики—Сумароковъ и Княжнинъ. Но Озеровъ стоитъ неизмѣримо выше ихъ обоихъ какъ по созданію и обработкѣ характеровъ, по плану и расположенію своихъ піесъ, такъ и по языку и по строенію стиха. Существенное отличіе трагедій Озерова отъ предъидущихъ заключается въ элементѣ чувствительности, который входитъ значительною долею во всѣ его трагедіи и составляетъ ихъ основный характеръ. Глубокая, раздражительная чувствительность была личнымъ свойствомъ Озерова, какъ человѣка и писателя. Не безъ основанія приписываютъ этой раздражительности Озерова и его преждевременную смерть. Но этой же трогательной чувствительности и нѣжнымъ, сантиментальнымъ сценамъ трагедіи Озерова обязаны тѣмъ блистательнымъ успѣхомъ на сценѣ, которымъ онѣ пользовались въ свое время и которому способствовали, кромѣ того, блестящій и легкій для того времени стихъ Озерова и игра знаменитыхъ актеровъ — Яковлева и Шушерина и актрисы Семеновой (*).

Озеровъ не былъ лишенъ поэтическаго таланта; но талантъ его, конечно, ниже той славы, которую составили ему восторженные современники. Таланта Озерова ставало на столько, чтобы быть удачнымъ подражателемъ посредственнаго французскаго трагика Дюси (**), немилосердно искажавшаго трагедіи Софокла и Шекспира. Лучшая трагедія Озерова: «Эдипъ въ Аѳинахъ» есть не только подражаніе, но и переводъ цѣлыхъ сценъ и монологовъ изъ трагедіи Дюси: «Эдипъ Колонскій» (Œdipe à Colon), которая у Дюси составляетъ въ свою очередь заимствованіе и передѣлку трагедіи Софокла того же имени.

«Эдипъ» Озерова имѣлъ огромный успѣхъ на сценѣ. Болѣе эффектные и громкіе монологи и рѣчи заучивались въ публикѣ наизустъ; монологъ Тезея: «Мой мечъ — союзникъ мнѣ», и проч. слова Антиго-

(*) Про Семенову Пушкинъ говоритъ, что, при представленіяхъ трагедіи Озерова: «Димитрій Донской», она «дѣлила вмѣстѣ съ авторомъ невольную дань народныхъ слезъ и рукоплесканій».

(**) Дюси (J.-F. Ducis † 1816) передѣлалъ на французскій манеръ Шекспировыхъ: «Гамлета», «Ромео и Юлію», «Короля Лира», «Макбета» и «Отелло». Любопытно, что Дюси содержаніе одной изъ двухъ своихъ оригинальныхъ трагедій заимствовалъ изъ русской жизни,—но представилъ ее въ крайне искаженномъ видѣ. Піеса эта носитъ заглавіе: «Fœdor et Wladimir, ou la famille sibirienne».

ны: «Онъ слѣпъ, а я слаба», и проч. и многія другія патетическія мѣста трагедіи покрывались громомъ рукоплесканій.

Такой успѣхъ заставилъ Озерова написать другую трагедію: «Фингалъ», сюжетъ которой онъ взялъ изъ поэмы «Фингалъ», приписываемой шотландскому барда III вѣка, Оссіану. Какъ доказано теперь, «старинная шотландская поэзія», приписываемая Оссіану есть не болѣе, какъ искусная поддѣлка Макферсона. Тѣмъ не менѣе поэзія эта, при появленіи своемъ, произвела сильное впечатлѣніе повсюду въ Европѣ, служа предвѣстникомъ зараждавшагося романтизма (см. ниже). Вслѣдствіе чего и въ «Фингалѣ» Озерова является преобладающимъ романтическій элементъ. Нашъ поэтъ отступилъ здѣсь даже отъ узаконенныхъ пяти актовъ классической трагедіи и написалъ свою трагедію въ трехъ актахъ. Романтическая нѣжность, или «унылость», какъ говорили тогда, и мечтательная грусть Моины, невѣсты Фингала, меланхолическое рыцарство самаго Фингала, по новости подобныхъ изображеній въ русской литературѣ, доставили большой успѣхъ «Фингалу» Озерова, хотя трагедія эта и вооружила противъ себя приверженцевъ классической школы. Но еще большимъ успѣхомъ пользовалась слабѣйшая изъ трагедій Озерова: «Димитрій Донской», представленная въ первый разъ (1807) передъ прейсишъ-эйлаускимъ сраженіемъ. Вслѣдствіе патріотическаго воодушевленія, которымъ проникнута эта піеса, и примѣненія къ современнымъ политическимъ обстоятельствамъ и вслѣдствіе эфектныхъ сценъ и громкихъ стиховъ она была принята публикой съ неописаннымъ восторгомъ. Здѣсь, въ образахъ Димитрія и Мамая, авторъ хотѣлъ представить — и зрители видѣли — Александра и Наполеона.

Нечего и говорить, что въ трагедіяхъ Озерова, — какъ въ трагедіяхъ классической французской школы, — дѣйствующія лица и краски ни мало не отвѣчаютъ описываемымъ времени и мѣсту. Его шотландская Моина и русская княжна Ксенія, въ выраженіи волнующихъ ихъ чувствъ, нисколько не отличаются, напримѣръ, отъ древней гречанки Поликсены (въ плохой трагедіи того же имени); его Димитрій Донской — какой-то влюбленный, сантиментальный рыцарь, который восклицаетъ:

«Всю жизнь отечеству и Ксеніи все чувство
Я съ восхищеніемъ на вѣки посвятилъ».

Онъ вызываетъ даже на поединокъ князя Тверскаго изъ-за чувства романической любви, которую питаетъ къ Ксеніи, невѣстѣ князя Тверскаго. Подобныя романическія черты въ «Димитріѣ Донскомъ», вовсе несвойственныя древнерусской жизни XIV столѣтія, встрѣчаются и во всѣхъ прочихъ трагедіяхъ Озерова, и ни одна изъ нихъ не соотвѣтствуетъ нравамъ и жизни того народа и той эпохи, которыя въ нихъ изображаются.

Сантиментальная школа представляетъ затѣмъ еще цѣлый рядъ писателей и журналистовъ. Но всѣ они были не болѣе, какъ подражателями Карамзина и довели его сантиментализмъ и искуственную чувствительность до крайнихъ предѣловъ и до смѣшнаго, какъ напримѣръ, князь *Шаликовъ*, надъ приторною чувствительностію котораго смѣялись почти всѣ послѣдователи школы, а сами между тѣмъ отличались такою же плаксивою сантиментальностію въ своихъ сочиненіяхъ.

Обширная переводная литература сантиментальнаго направленія имѣла тотъ же характеръ мелочности и ничтожества, какъ и литература оригинальная. Для переводовъ выбирались преимущественно сочиненія: Коцебу, Лафонтена, Жанлисъ, Мармонтеля, г-жи Коттень, Дюкредюмениля и тому подобной жалкой посредственности. Пушкинъ, который въ живую пору молодости гораздо вѣрнѣе судилъ о вещахъ, нежели въ пору возмужалости своего таланта, когда онъ подчинился рутиннымъ взглядамъ и понятіямъ, — вотъ что говорилъ о литературѣ конца XVIII и начала XIX столѣтія: «Ничтожество общее; французская обмельчавшая словесность овладѣла всѣмъ (envahit tout). Знаменитые писатели не имѣютъ ни одного послѣдователя въ Россіи, но бездарные писаки, грибы, выросшіе у корней дубовъ: Доратъ, Флоріанъ, Мармонтель, Гимаръ, m-me Жанлисъ овладѣваютъ русской словесностію» (*).

(*) «Сочиненія Пушкина» (изд. Анненкова) т. I, стр. 158—159. Эти слова (писанные въ 1825 г.) г. Анненковъ приводитъ изъ програмы, набросанной Пушкинымъ для статьи о русской литературѣ. Тутъ же приведено мнѣніе Пушкина въ эту пору его развитія о Дмитріевѣ и Богдановичѣ, въ которыхъ онъ не признавалъ сильнаго поэтическаго таланта, объясняя ихъ славу, какъ поэтовъ, общимъ, отчасти слѣпымъ, соглашеніемъ.

Вообще о сантиментальой школѣ въ нашей литературѣ слѣдуетъ замѣтить, что она не представляетъ ничего оригинальнаго и замѣчательнаго ни въ національномъ, ни въ общечеловѣческомъ смыслѣ. Все тутъ мелочно и ограниченно: она не отличается ни широтою взгляда, ни серьёзностію направленія; ибо серьёзность направленія исключаетъ всякую сантиментальность. На первомъ планѣ у дѣятелей этого періода русской литературы стояла округленная и звучная фраза и пріятность слога. Внутреннее же содержаніе ихъ сочиненій, не отличаясь ни глубиною мысли, ни силою чувства, проникнутаго идеями и убѣжденіями времени, заключалось въ одной чувствительной фразелогіи и изліяніи потоковъ слезъ. Они подражали европейскимъ писателямъ, но подражали самымъ посредственнымъ и ничтожнымъ изъ нихъ, — о которыхъ мы говорили выше, — а не шли въ своихъ подражаніяхъ за тѣми изъ могучихъ дѣятелей въ тогдашней западной литературѣ, которые были главными носителями идей и задушевныхъ вѣрованій своего времени: нѣсколько плохихъ переводовъ изъ Гёте и Шиллера не имѣютъ никакого значенія; а Ж. Ж. Руссо былъ тогда понимаемъ единственно, какъ «чувствительный» писатель, котораго называли, — какъ В. Измайловъ, напримѣръ, — «своимъ любезнымъ женевцемъ» или «Иваномъ Яковлевичемъ Руссо» (*), не проникая въ то, что было главнымъ и существеннымъ въ идеализмѣ сердца и въ пламенныхъ мечтаніяхъ Руссо о первобытной жизни (**). Оттого вся литература наша этого времени отличается ложью и натянутостію чувства, неискренними и неестественными потоками слезъ и приторною, до крайности манерною сантиментальностію, нимало не исключавшею реторики. Тутъ еще не было сближенія съ дѣйствительностію, съ жизнію; тутъ не было истинной природы, а была только природа фиктивная, жизнь разрумяненная. Правда, были заявлены права на дѣйствительность и естественность, и литература должна была спуститься съ прежней олимпійской высоты; упрощался нѣсколько языкъ и внѣшнія литературныя формы. Вотъ въ чемъ заключается все значеніе санти-

(*) «Литературные дѣятели прежняго времени», Е. Колбасина, Спб. 1859 стр. 50.

(**) См. Шерра: Всеоб. ист. л. стр. 184 и дал. «Энтузіазмъ Руссо, по словамъ Шерра, проистекалъ изъ сердца самаго пылкаго, какое только когда-либо билось любовью къ человѣчеству».

ментальной школы и наконецъ въ томъ еще, что она обратилась къ массѣ читателей и значительно размножила число людей, интересующихся литературой. Но нельзя не сказать, что, при своемъ направленіи, она была плохою образовательницею общества и не давала своимъ читателямъ здоровой умственной и нравственной пищи. И едва-ли прежніе переводы произведеній французскихъ классиковъ не вносили съ собою въ нашу литературу болѣе образовательныхъ началъ, нежели всѣ произведенія сантиментальной школы. Трагедіи Расина и Вольтера или комедіи Мольера, не смотря на все свое реторическое декламаторство и ложно-классическія формы, безъ сомнѣнія, заключали въ себѣ гораздо болѣе просвѣтительныхъ идей, нежели всѣ драмы и романы—Коцебу, Лафонтена, Мармонтеля и другихъ, — вмѣстѣ взятыя.

Расширилъ предѣлы русской литературы и оживилъ русскую поэзію, давъ ей новое содержаніе, Жуковскій, владѣвшій истиннымъ и высокимъ поэтическимъ талантомъ и принадлежащій къ числу важнѣйшихъ историческихъ дѣятелей нашей литературы.

Жизнь **Жуковскаго**, Василія Андреевича (1784—1852) не богата разнообразіемъ внѣшнихъ событій или такими обстоятельствами, которыя имѣли бы особенное вліяніе на его поэтическое развитіе. Потому мы разскажемъ, въ короткихъ словахъ, главные черты жизни нашего поэта.

Жуковскій родился въ селѣ Мишенскомъ, тульской губ. бѣлев. уѣз., и воспитывался сначала дома и въ народномъ училищѣ въ Тулѣ, а потомъ былъ отданъ въ «благородный университетскій пансіонъ» въ Москвѣ. Курсы «благородныхъ» пансіоновъ, устроенныхъ въ то время при университетахъ, исключительно для дѣтей привиллегированныхъ классовъ, были гораздо ниже университетскихъ; но пансіоны эти тѣмъ не менѣе давали своимъ питомцамъ тѣ же самыя права, что и университеты. Уже въ тульскомъ народномъ училищѣ Жуковскій обнаружилъ наклонность къ поэзіи и не любилъ математики. Въ благородномъ пансіонѣ онъ имѣлъ полную возможность удовлетворять этой наклонности своей, пользуясь уроками словесности проф. Сохацкаго и бакалавра Баккеревича, возбуждавшихъ въ немъ любовь къ нѣмецкимъ и англійскимъ писате-

лямъ. Изучивъ языки: французскій, нѣмецкій и англійскій, Жуковскій скоро познакомился и съ ихъ литературами. Онъ былъ принимаемъ и любимъ какъ родной въ домѣ начальника пансіона и куратора московскаго университета, И П. Тургенева, сыновья котораго, Александръ и Андрей, любили и занимались литературой и сдѣлались друзьями Жуковскаго. Въ домѣ Тургенева онъ сдѣлалъ знакомство и съ Карамзинымъ и Дмитріевымъ, обратившееся впослѣдствіи въ тѣсную дружбу. Слѣдственно, обстановка первой молодости Жуковскаго вполнѣ благопріятствовала его наклонности къ поэзіи и къ литературнымъ занятіямъ, которымъ онъ предавался еще въ пансіонѣ и которыя печатались въ современныхъ журналахъ.

По выходѣ изъ пансіона, живя то въ Москвѣ, то въ деревнѣ у родственниковъ, Жуковскій занимался переводами и работалъ для тогдашнихъ московскихъ журналовъ. Въ 1802 г. онъ перевелъ элегію англійскаго поэта Грея: «Сельское кладбище», которая была напечатана въ «Вѣстникѣ Европы», издававшемся въ то время Карамзинымъ. Жуковскій самъ называетъ эту элегію своимъ *первымъ напечатаннымъ* стихотвореніемъ; потому что прежніе его дѣтскіе и юношескіе опыты въ стихахъ и въ прозѣ не заслуживаютъ вниманія. Элегія «Сельское кладбище» имѣетъ значеніе въ русской литературѣ, какъ первое, художественно-написанное, элегическое стихотвореніе. Она произвела впечатлѣніе въ свое время и доставила извѣстность Жуковскому. Съ 1808 по 1810 Жуковскій издавалъ,—сначала одинъ, а потомъ въ сотрудничествѣ съ проф. Каченовскимъ,—«Вѣстникъ Европы», гдѣ помѣщалъ свои мелкія стихотворенія. Въ 1812 году, во время отечественной войны, Жуковскій поступилъ въ ополченіе и въ лагерѣ подъ Тарутиномъ написалъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ». Это патріотическое стихотвореніе доставило Жуковскому громкую славу и популярность и сдѣлало его извѣстнымъ при дворѣ. Онъ скоро переѣхалъ въ Петербургъ и находился постоянно въ числѣ приближенныхъ ко двору. Въ 1817 году онъ былъ избранъ для преподаванія уроковъ русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ, впослѣдствіи русской императрицѣ. А въ 1825 г. Жуковскій былъ назначенъ въ наставники при воспитаніи Наслѣдника Цесаревича, нынѣ царствующаго Государя Императора. Исполнивъ эту высокую обя-

занность, Жуковскій находился при Государѣ Наслѣдникѣ, во время его путешествія (1837 и 1838) по Россіи и по Европѣ. Еще до этого времени Жуковскій совершилъ два заграничныхъ путешествія, проживъ нѣкоторое время въ Германіи и въ Швейцаріи, близъ Женевскаго озера. Слабость здоровья заставляла его совершать частыя поѣздки за границу. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ онъ женился (1841) на молодой дѣвушкѣ, дочери друга своего Рейтерна, жившаго тогда въ Дюссельдорфѣ. Послѣ женидьбы, Жуковскій и самъ поселился за границей, ведя тихую семейную жизнь и раздѣляя свое время между поэтическими занятіями и воспитаніемъ своихъ дѣтей. Онъ жилъ сначала въ Дюссельдорфѣ, потомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, а послѣ 1848 переѣхалъ въ Баденъ-Баденъ, гдѣ и умеръ.

Не только любовь къ поэзіи, но и самый характеръ и направленія поэзіи Жуковскаго ясно опредѣляются, можно сказать, съ первыхъ же литературныхъ опытовъ его, и потомъ остаются неизмѣнными втеченіе всей пятидесятилѣтней дѣятельности его на поприщѣ русской литературы. Между первыми юношескими произведеніями Жуковскаго, печатавшимися въ современныхъ московскихъ журналахъ, мы находимъ его прозаическія піесы: «Мысли при гробницѣ» и «Мысли на кладбищѣ», самое заглавіе которыхъ говоритъ о ихъ характерѣ; а въ стихотвореніи: «Къ моей лирѣ и къ друзьямъ моимъ», написанномъ, когда поэту исполнилось 19 лѣтъ, мы встрѣчаемъ эти стихи:

Мое младенчество сокрылось;
Ужъ вянетъ юности цвѣтокъ:
Безъ горя сердце истощилось.

Тоскливое элегическое чувство, меланхолія, мечтательная грусть, заключающіяся въ переведенной Жуковскимъ, около этого же времени, элегіи Грея: «Сельское кладбище», составляютъ основные элементы и мотивы почти всѣхъ его послѣдующихъ стихотвореній.

Сказанному нами о неизмѣняемости характера и направленія поэзіи Жуковскаго не противорѣчитъ то обстоятельство, что большая часть стихотвореній изъ перваго періода его дѣятельности отзывается то карамзинскимъ сантиментализмомъ, то вліяніемъ реторической школы;

равно какъ и то, что подъ конецъ своего поэтическаго поприща Жуковскій переводитъ Гомера и самъ говоритъ, что онъ «изъ мечтателя романтика сдѣлался трезвымъ классикомъ». Какъ въ первыхъ, такъ и въ послѣднихъ произведеніяхъ своихъ Жуковскій тѣмъ не менѣе остается романтикомъ, и элементъ *романтическій*, который онъ вноситъ въ нашу литературу, составляетъ главное, существенное свойство всей его поэзіи и вмѣстѣ съ тѣмъ—его важнѣйшую услугу русской литературѣ.

Въ чемъ же заключается этотъ «романтическій элементъ, этотъ «романтизмъ», представителемъ котораго у насъ не безъ основанія считаютъ Жуковскаго?

«Романтическая» школа (*) родилась въ Германіи въ концѣ прошлаго столѣтія и имѣла тамъ значительное — впрочемъ весьма не долговременное — вліяніе не только на литературу и науку, но и на самую жизнь современниковъ. У насъ же подъ именемъ романтизма привыкли обыкновенно понимать новую литературную школу, противодѣйствовавшую французскому классицизму. Въ этомъ смыслѣ «романтизмъ» противоставлялся «классицизму», и у насъ явились свои «романтики» и свои «классики». Противъ такого смутнаго и неопредѣленнаго пониманія романтизма возставалъ Бѣлинскій. Но въ свою очередь онъ придалъ романтизму слишкомъ широкое и странное значеніе, утверждая, что «романтизмъ есть не что иное, какъ внутренній міръ души человѣка, сокровенная жизнь его сердца» и что «проявленіе или дѣйствіе романтизма есть чувство, любовь и всѣ неопредѣленныя стремленія души и сердца къ лучшему, къ возвышенному», и т. п. (См. Сочин. Бѣлин. ч. 8, стр. 151 и дал.). Выходя изъ этихъ основныхъ понятій своихъ о романтизмѣ, Бѣлинскій находитъ

(*) Ново-романтическое движеніе, возникнувъ въ нѣмецкой литературѣ, отразилось и въ литературахъ англійской и французской. Названо оно «романтическимъ», или «романтизмомъ», въ подражаніе средневѣковому романтизму, или рыцарской средневѣковой поэзіи, возникшей на *романскомъ* языкѣ, который образовался, въ началѣ среднихъ вѣковъ, во Франціи изъ смѣшенія простонароднаго латинскаго языка съ разными германскими діалектами. Средневѣковая романтическая поэзія была, такимъ образомъ, поэзіею народною для западной Европы. Такъ какъ поэзія эта развилась у народовъ, называемыхъ *романскими* (преимущественно у Французовъ и Испанцевъ) и по своему содержанію, по духу и направленію, рѣзко отличалась отъ древней римской, или латинской, поэзіи; то, въ отличіе отъ послѣдней, она и названа *романтическою*.

романтизмъ и въ миѳахъ древняго востока и въ древней Греціи, у Гомера и Платона, и наконецъ говоритъ о средневѣковомъ романтизмѣ, который воскрешенъ былъ, по его словамъ, въ Германіи Шиллеромъ, самимъ Гёте и партіею братьевъ Шлегелей, Тика и Новалиса.

Такимъ образомъ, со словъ Бѣлинскаго, у насъ стали считать Шиллера однимъ изъ главнѣйшихъ представителей романтической школы. И такъ какъ Жуковскій, симпатизируя современнымъ ему нѣмецкимъ и англійскимъ поэтамъ, многое переводилъ изъ нихъ и между прочимъ прекрасно перевелъ нѣкоторыя піесы Шилллера; то поэзію Жуковскаго и находили родственною съ «романтическою» поэзіею Шиллера.

Можно смѣло сказать, что никто лучше Бѣлинскаго не угадалъ и не опредѣлилъ съ такою ясностію и талантомъ существенныхъ свойствъ и характера поэзіи Жуковскаго, равно какъ и его значенія въ нашей литературѣ. Но тѣмъ не менѣе сужденія Бѣлинскаго о романтизмѣ отзываются понятіями о немъ современныхъ нѣмецкихъ эстетикъ, писанныхъ самими романтиками, потому и не могутъ быть признаны основательными.

Братья Шлегели (Фридрихъ и Августъ Вильгельмъ), стоявшіе во главѣ романтической школы, признаются и ея основателями. Шлегели, своими критическими и полемическими статьями, при помощи основаннаго ими журнала «Атеней» и при главномъ участіи Тика и Новилиса (фонъ-Гарденберга), хотѣли произвесть въ нѣмецкой литературѣ такой же радикальный переворотъ, какой произвелъ въ ней Лессингъ, изгнавъ изъ нея господство французскаго псевдоклассицизма и обративъ ее къ естественности и къ національнымъ началамъ. Опираясь на новую идеалистическую философію (сначала Фихте, а потомъ Шеллинга), на свою первоначальную страсть къ эллинизму и на сочиненія Гёте, Шлегели рѣзко возстали противъ вліянія въ нѣмецкой литературѣ и наукѣ такъ называемыхъ «просвѣтителей», или послѣдователей популярной философіи, основанной на ученіи англійскихъ деистовъ и на идеяхъ французскихъ энциклопедистовъ. Шлегели считали вліяніе этой философіи, (господство которой названо въ Германіи кременемъ «просвѣщенія» Aufklärung), вреднымъ для нѣмецкой мысли и для нѣмецкой жизни и справедливо признавали развившуюся въ се-

мидесятыхъ годахъ въ Германіи сантиментальную литературу — пошлою, по ея направленію и тенденціямъ. Потому они преслѣдовали въ своихъ критическихъ и полемическихъ статьяхъ, со всею силою насмѣшки и сарказма, съ одной стороны — слишкомъ практичный, сухой раціонализмъ «просвѣтителей» (Николаи и другихъ) и даже сухую систематику и терминологію философіи Канта, а съ другой — произведенія Коцебу, Лафонтена, Маттисона и другихъ писателей, любимыхъ тогдашней нѣмецкой публикой и извращавшихъ ея литературныя понятія и вкусъ. Шлегели ставили на ихъ мѣсто идеальную философію Фихте и произведенія Гёте, превознося по праву всеобъемлющій геній послѣдняго надъ всѣмъ тогдашнимъ литературнымъ міромъ Германіи. Шиллера не жаловали вначалѣ братья Шлегели, но потомъ, когда послѣдовало сближеніе между обоими великими поэтами Германіи, Шлегели отдали должную дань уваженію и генію Шиллера. «Если спрашивали — говоритъ Шерръ — чего же положительно хотѣла новая школа (т. е. романтическая, основанная Шлегелями), то отвѣтъ былъ почти такой: она хотѣла понять, провозгласить и утвердить единство поэзіи и жизни; она хотѣла внести идеалъ въ реальную жизнь, къ чему правда стремились уже Гёте и Шиллеръ своимъ путемъ; она хотѣла міръ дѣйствительности пропитать духомъ поэзіи; освободить этимъ общество отъ всякаго филистерскаго ограничиванія и ограниченности и возвести общество въ такую сферу воспитанія и образованія, гдѣ бы жизнь и искусство встрѣчались и сливались въ высшемъ единствѣ религіи». Преслѣдуя такую цѣль, «романтики — по словамъ Шерра — не съумѣли сдѣлать ничего лучшаго, какъ обратиться къ романтизму среднихъ вѣковъ; они утверждали, что въ немъ христіанство связывало въ единство — государство, церковь, народъ, науку, искусство и жизнь. Громко было возвѣщено, что «въ средніе вѣка всѣ интересы и направленія сходились въ высшемъ пунктѣ религіи», и поэзія, вытекавшая изъ религіи, «вездѣ сопровождала и проникала всю разнообразную, многоцвѣтную жизнь; что поэтому въ средніе вѣка, не смотря на рѣзкое разъединеніе сословій феодальнаго государства, всѣ явленія жизни пріобрѣли тѣсную связь съ народною жизнью, и такъ какъ эта народная жизнь есть единственный и неисчерпаемый источникъ поэзіи, то съ возстановленіемъ средневѣковаго романтическаго

міра въ церкви, государствѣ и народной жизни неминуемо должна обновиться также поэзія и наука». (Всеоб. ист. лит., стр. 590—591).

Ступивъ на эту дорогу, главы романтиковъ стали съ презрѣніемъ относиться къ жизни настоящаго и наконецъ ко всякой дѣйствительности. Основаніемъ для новой романтической поэзіи они ставили *смутное воспоминаніе прошедшаго и смутное предчувствіе будущаго.* Такимъ образомъ, всѣ ихъ стремленія направлялись къ тому, чтобы возстановить старину въ новомъ видѣ. Романтики принялись со страстію за разработку и возпроизведеніе средневѣковой жизни, литературы и науки—во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, начали собирать средневѣковые легенды, сказанія, миѳы, народныя пѣсни. Все это послужило романтическимъ поэтамъ богатымъ матерьяломъ для сочиненія ихъ многочисленныхъ балладъ и романсовъ, въ средневѣковомъ духѣ. Изъ стремленій романтиковъ къ возстановленію старины во всякомъ видѣ вытекала и ихъ дѣятельность при развитіи идей Гердера и Гёте о всемірной литературѣ: они принялись за переводы поэтическихъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ, перенесли формы южно-романской поэзіи въ нѣмецкую литературу въ переводахъ Данте, Баккачіо, Кальдерона, перевели Шекспира и бросились наконецъ въ изученіе и переводы восточной поэзіи, ибо—по словамъ Ф. Шлегеля — «на востокѣ должны мы искать высшаго романтизма». Туманный средневѣковый романтизмъ, со всѣми его мистико-религіозными, рыцарскими и фантастическими тенденціями, овладѣвалъ нѣмецкой литературой. Къ романтической школѣ примкнули многія замѣчательныя дарованія, — хотя она имѣла въ то же время и многихъ жаркихъ противниковъ.

Такъ, презирая настоящимъ и дѣйствительною жизнію, уносясь въ очаровательное для нихъ прошедшее и ища въ немъ идеаловъ для неопредѣленнаго будущаго, романтики послѣдовательнымъ путемъ пришли къ туманному мистицизму и сдѣлались защитниками католической теократіи и возобновленнаго феодализма. Они стали врагами всякаго прогресса и всякаго свободнаго развитія духовной дѣятельности человѣка, такъ что теперь — по словамъ Шерра — «реакція и романтизмъ — понятія совершенно равнозначащія». Опоэтизировавъ католичество и феодализмъ и презирая будничную, обыкновенную жизнь настоящаго, романтики создали свою аристократическую литературу, на-

полненную разными безпорядочными фантазіями. Многіе изъ адептовъ романтизма переходили въ католичество, и «отвернувшись отъ жизни простыхъ людей, подобно своимъ предшественникамъ, трубадурамъ и миннезингерамъ — по словамъ Шлоссера — они натурально искали хорошаго общества при дворахъ и въ дворцахъ; потому изъ свободныхъ людей стали они льстивыми прислужниками», — какъ Фридрихъ Шлегель, напримѣръ, который продался подъ конецъ Меттерниху и «защищалъ въ Австріи ломкими опорами реторики и софистики всѣ духовныя и свѣтскія учрежденія среднихъ вѣковъ, при всей несообразности ихъ съ духомъ новаго времени», — говоритъ Шлоссеръ (Ист. XVIII стол. Т. VII, 64—65).

Отношеніе Шиллера и Гете къ романтической школѣ скорѣе было враждебное, нежели дружественное. По великости ихъ генія, они никогда не могли вдаваться въ тѣ крайности, до которыхъ дошелъ романтизмъ. Дѣятельность романтиковъ подвергалась не разъ рѣзкимъ осужденіямъ Гёте и Шиллера. Въ своихъ сатирическихъ стихотвореніяхъ, называемыхъ «Ксеніями», они преслѣдовали Шлегелей безпощадными насмѣшками. Гёте же произнесъ рѣшительный приговоръ надъ «ново-нѣмецкой религіозно-патріотической», романтической школой, — и она «медленно умерла отъ дѣйствій этого приговора», — говоритъ Шерръ. Правда, на нѣкоторыхъ поэтическихъ произведеніяхъ Шиллера и Гёте отразилось, въ извѣстной степени, вліяніе романтическихъ идей. Но связь — весьма впрочемъ слабая — между романтиками и Шиллеромъ и Гёте существовала лишь въ самомъ началѣ возникновенія романтизма, когда романтическая критика была дѣйствительно полезною, и романтики вносили новый жизненный элементъ въ литературу и давали ей живое содержаніе. Впослѣдствіи же Шиллеръ и Гёте относились съ презрѣніемъ къ романтикамъ. Романтическій элементъ отразился только на двухъ, — самыхъ слабѣйшихъ драммахъ, — Шиллера: «Маріи Стюартъ» и «Орлеанской Дѣвѣ» и наконецъ — въ его превосходныхъ балладахъ и романсахъ, за сочиненіе которыхъ онъ принялся одновременно съ Гёте и число которыхъ весьма незначительно, по отношенію къ главнѣйшимъ и многочисленнѣйшимъ произведеніямъ обоихъ великихъ поэтовъ Германіи. Притомъ же поэтическое воспроизведеніе предметовъ изъ средневѣковой жизни въ бал-

ладахъ Шиллера и Гёте совершенно не имѣло того значенія, какой придавали этому воспроизведенію романтики.

Вотъ въ чемъ собственно заключается новый романтизмъ и вотъ какъ смотрятъ на него теперь лучшіе нѣмецкіе писатели: Гервинусъ, Шлоссеръ, Геттнеръ, Шерръ, Руге и многіе другіе.

Въ началѣ XIX столѣтія романтическое движеніе сильно обнаружилось и въ литературахъ англійской и французской. Но тутъ явилась преимущественно поэзія *разочарованія*, *байронизмъ* и скептическая поэзія разочарованныхъ, обуреваемыхъ духомъ сомнѣнія, французскихъ ново-романтиковъ. Эта поэзія европейскаго разочарованія имѣла также вліяніе на нашу литературу; но о немъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Жуковскій же внесъ къ намъ собственно нѣмецкій романтизмъ, со всѣми его неопредѣленными стремленіями въ туманное прошедшее, съ порываніями отъ земли къ небу, съ фантастическимъ царствомъ разныхъ таинственныхъ силъ и видѣній, съ мистическою вѣрою въ чудесное и сверхъестественное. Жуковскій бралъ эти основные мотивы своей поэзіи и у романтиковъ — Бюргера, Уланда, Рюккерта, де-ла-Моттъ Фуке, Шамиссо и другихъ, и у Шиллера и Гёте, и у англійскихъ и французскихъ поэтовъ и вообще у тѣхъ изъ европейскихъ поэтовъ — или лучше сказать — онъ заимствовалъ эти мотивы изъ тѣхъ европейскихъ поэтическихъ произведеній, которыя соотвѣтствовали характеру и направленію его собственной поэзіи. Потому хотя Жуковскій имѣетъ въ нашей литературѣ преимущественное значеніе какъ переводчикъ Шиллера, Гете, Байрона и наконецъ Гомера; но его переводы на столько глубоко-прочувствованныя и художественно-возсозданныя поэтическія произведенія, что они скорѣе могутъ быть названы оригинальными, нежели переводными твореніями нашего поэта.

Первые переводы Жуковскаго изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ начали появляться еще тогда, когда онъ находился подъ вліяніемъ к рамзинской школы и писалъ сантиментальныя стихотворенія («Идиллія», «Дружба», пѣсни: «Мальвина», «Мой другъ, хранитель-ангелъ мой», и друг.). Первые же прозаическія сочиненія Жуковскаго: «Марьина Роща», «Три сестры», его критическія статьи: «О баснѣ

*

«о басняхъ Крылова», «О сатирѣ и сатирахъ Кантемира» и проч.— были рѣшительнымъ подражаніемъ подобнымъ статьямъ Карамзина. Но въ это же время Жуковскій переводитъ изъ Гете: «Моя богиня», гдѣ возвышенная красота мысли соединена съ эллинскою простотою формы, и такія же стихотворенія, въ эллинскомъ духѣ, изъ Шиллера: «Кассандра» и «Счастіе». Самый стихъ Жуковскаго въ этихъ послѣднихъ стихотвореніяхъ рѣзко отличается отъ вялаго стиха въ его сантиментальныхъ піесахъ и уже напоминаетъ тотъ изящный и поэтическій стихъ, который онъ выработалъ въ своихъ послѣдующихъ стихотвореніяхъ.

Въ 1808 г. Жуковскій написалъ свою первую балладу: «Людмила», которая есть не болѣе, какъ передѣлка на русскіе нравы нѣмецкой баллады Бюргера: «Ленора». Затѣмъ слѣдовали: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», старинная повѣсть въ двухъ балладахъ: «Громобой и Вадимъ». Содержаніе послѣдней баллады заимствовано изъ плохаго нѣмецкаго романа Шписа: «Старикъ вездѣ и нигдѣ» и также какъ въ «Людмилѣ» пріурочено къ «старинной» русской жизни. Третья оригинальная баллада Жуковскаго: «Свѣтлана» хотя и не заимствована ниоткуда, но въ ней русскаго — только имена и мѣсто дѣйствія; а по духу своему и характеру «Свѣтлана», какъ и первыя двѣ баллады, вполнѣ принадлежитъ къ разряду нѣмецкихъ романтическихъ балладъ, въ которыхъ привидѣнія, мертвые выходцы изъ гробовъ, вообще фантастическое и чудесное играетъ главную роль. Эти три баллады Жуковскаго чрезвычайно нравились въ свое время и производили сильное впечатлѣніе на современниковъ; по нимъ Жуковскаго называли «баладникомъ» (въ посланіи поэта Батюшкова къ Жуковскому) и «пѣвцомъ Свѣтланы». Въ историко-литературномъ отношеніи эти баллады имѣютъ то значеніе, что съ нихъ началось внесеніе въ нашу литературу нѣмецкаго романтизма. Съ этого времени характеръ и направленіе поэзіи Жуковскаго вполнѣ выяснились, и онъ преимущественно посвящаетъ свою поэтическую дѣятельность переводамъ изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ.

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ, господствующимъ у насъ и теперь, что Жуковскій служитъ представителемъ шиллеровской поэзіи и что онъ переводилъ «преимущественно» Шиллера. Вопервыхъ са-

мое число піесъ, переведенныхъ Жуковскимъ изъ Шиллера (всего около 20, считая вмѣстѣ съ драммой «Орлеанская дѣва») очень не велико и никакъ не превышаетъ произведеній, которыя переведены Жуковскимъ изъ другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. А вовторыхъ, баллады, нѣкоторые мелкіе стихи и «Орлеанская дѣва» Шиллера, переводы которыхъ сдѣланы Жуковскимъ, вовсе не принадлежатъ къ главнымъ и характеристическимъ произведеніямъ Шиллера. Значеніе и существенный характеръ поэзіи Шиллера заключается не здѣсь. Шиллеру доставили безсмертіе его три знаменитыя драммы изъ перваго, бурнаго періода его дѣятельности: «Разбойники», «Фіэско» и «Коварство и любовь»,— произведенія, полныя самой смѣлой и безстрашной поэзіи, въ которыхъ, по мнѣнію Шлоссера, едва ли не больше геніальности и оригинальности, чѣмъ въ позднѣйшихъ, внимательнѣе отдѣланныхъ и болѣе выдержанныхъ въ философскомъ тонѣ, произведеніяхъ Шиллера; потомъ—къ безсмертнымъ твореніямъ Шиллера принадлежатъ его лирическія піесы: «Боги Греціи», «Художникъ», «Пѣснь о Колоколѣ» и друг. и наконецъ драммы: «Валленштейнъ» и послѣдняя изъ нихъ: «Вильгельмъ Тель», въ которой,—по словамъ Шерра,—«ему суждено было кончить такъ, какъ онъ началъ, пѣвцомъ и проповѣдникомъ свободы и человѣческихъ правъ». Вотъ тѣ произведенія, въ которыхъ заключается вся сущность и все значеніе поэзіи Шиллера, имѣвшей такое могущественное нравственное вліяніе на свое время. Но изъ этихъ характеристическихъ произведеній Шиллера, не свойственныхъ духу поэзіи Жуковскаго, онъ и не перевелъ ни одного. За то тѣ стихотворенія Шиллера, характеру и содержанію которыхъ симпатизировалъ Жуковскій, переведены имъ превосходно. Таковы его переводы шиллеровыхъ балладъ въ средневѣковомъ духѣ: «Графъ Габсбургскій», «Кубокъ», «Перчатка» и друг. Таковъ переводъ драмматической поэмы: «Орлеанская дѣва», гдѣ Шиллеръ, подчиняясь взглядамъ романтиковъ, сдѣлалъ изъ Жанны д' Аркъ,— восторженной патріотки, увлеченной пламенною любовію къ родинѣ,—какую-то сентиментальную дѣву и идеально-религіозную энтузіастку. Таковы же и безукоризненно-прекрасные переводы превосходныхъ балладъ Шиллера изъ эллинской жизни: «Торжество побѣдителей», «Жалоба Цереры» и «Элевзинскій праздникъ». Здѣсь Жуковскій пере-

далъ съ поразительною вѣрностію и внутреннее содержаніе, и духъ и внѣшній колоритъ піесъ Шиллера.

Мечтательнымъ и идеальнымъ романтизмомъ, выражающимъ стремленія души отъ земли къ небу, проникнуты всѣ переводы Жуковскаго и изъ другихъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ, изъ которыхъ онъ бралъ только то, что было родственно его душѣ. Иной разъ Жуковскій беретъ содержаніе, мотивъ изъ произведенія другаго поэта и сообщаетъ своему переводу совершенно иной характеръ,—характеръ своей собственной, мечтательной и грустной поэзіи. Таковы большею частію всѣ его переводы изъ Гете и Байрона. Поэтическая повѣсть Байрона: «Шильонскій узникъ», переведенная Жуковскимъ, при всей внѣшней вѣрности подлиннику, при удивительной силѣ и красотѣ стиха, получила въ переводѣ Жуковскаго иной духъ и характеръ: страшная картина мрачнаго и холоднаго отчаянія, изображенная Байрономъ, замѣнена здѣсь покорнымъ и тоскливымъ страданіемъ и безвыходною скорбію.

Достаточно изучить два или три стихотворенія Жуковскаго, — все равно переводныхъ или оригинальныхъ, — чтобы по нимъ опредѣлить всѣ существенные признаки и отличія его поэзіи. Болѣе характеристическими піесами для такого изученія могутъ служить: прекрасное элегическое стихотвореніе: «Опять ты здѣсь, мой благодатный геній»,— вольный переводъ, или подражаніе (какихъ у Жуковскаго много) «посвященію» Гете передъ второю частію Фауста; элегія «Теонъ и Эсхинъ», «Узникъ», «Таинственный посѣтитель» и друг.

Конечно всѣ романтическія свойства поэзіи Жуковскаго, вытекающія изъ личнаго (субъективнаго) чувства поэта, его вѣчное недовольство и отчужденіе отъ земнаго и отъ дѣйствительности, его «стремленье въ оный таинственный свѣтъ», его «тоска по благамъ прежнихъ лѣтъ», его мистическія предчувствія и вѣчныя исканія прочной любви и счастія лишь по ту сторону гроба,— конечно, все это проистекаетъ изъ крайне односторонняго и ложнаго взгляда на жизнь, которымъ отличались вообще романтики. Ибо истинный взглядъ на жизнь требуетъ не отчужденія отъ всего земнаго, не отрицанія дѣйствительности; а напротивъ,— онъ требуетъ утвержденія правъ человѣка на земное счастіе, на дѣйствительность. Отрицаніе же несовершеннаго настоящаго,

отрицаніе, — вполнѣ законное и справедливое—служитъ только выраженіемъ стремленій человѣческихъ къ идеалу, т. е. къ совершенству.

Но тѣмъ не менѣе романтическая поэзія Жуковскаго была уже значительнымъ шагомъ впередъ въ развитіи нашей литературы. Это была уже истинная, человѣческая поэзія. Она внесла впервые въ нашу литературу живую мысль, живое чувство и давала ей живое, общечеловѣческое содержаніе. Она уже говорила объ истинной жизни сердца, о внутреннемъ мірѣ души человѣческой, анализировала этотъ міръ и напоминала обществу, занятому исключительно грубыми, матерьяльными интересами, о болѣе возвышенныхъ и благородныхъ цѣляхъ жизни, объ идеальныхъ стремленіяхъ, — хотя сама и уносилась въ какую-то туманную и неопредѣленную даль и криво смотрѣла на внутренній міръ человѣка.

Въ позднѣйшій періодъ своей дѣятельности Жуковскій обратился къ эпической поэзіи, къ ровному и спокойному эпическому разсказу. Въ это время онъ перевелъ прекрасными стихами романтическую сказку де-ла-Мттоъ Фуке: «Ундина», изъ Рюккерта: индійскую повѣсть «Наль и Дамаянти» (эпизодъ изъ индійской эпической поэмы «Магабарата») и героическую повѣсть «Рустемъ и Зорабъ»,— также эпизодъ изъ персидской эпической поэмы: «Шахъ-Намэ», Фирдуси. Въ этихъ переводахъ стихъ и языкъ Жуковскаго достигли до высокаго совершенства, простоты и изящества. Вообще Жуковскій первый создалъ русскій поэтическій, истинно-художественный стихъ и съ большимъ мастерствомъ владѣлъ русскимъ языкомъ, искусно употребляя въ своихъ стихахъ самые разнообразные метры.

Послѣдній важный трудъ Жуковскаго былъ переводъ «Одиссеи» Гомера, сдѣланный съ подстрочнаго нѣмецкаго перевода. Изъ прежнихъ попытокъ переводить Гомера заслуживаетъ вниманія только трудъ *Гнѣдича*, Николая Ивановича (1784—1833), который перевелъ съ греческаго «Иліаду» (1830), размѣромъ подлинника, т. е. гекзаметрами.

Переводъ Гнѣдича отличается чрезвычайною близостію къ подлиннику; онъ почти буквально вѣренъ; но существенный недостатокъ этого перевода тотъ, что онъ написанъ высокопарнымъ, реторическимъ языкомъ и ярко-цвѣтистою рѣчью; тогда какъ рѣчь Гомера дышетъ

удивительною простотою и ясностію. Гомера переводить чрезвычайно трудно: переводчику гомерическихъ пѣсень,— самыхъ народныхъ и поэтическихъ, какія только намъ завѣщала древность,— кромѣ глубокаго знанія эллинскаго языка и глубокаго изученія эллинской жизни, необходимо еще обладать сильнымъ поэтическимъ талантомъ, котораго у Гнѣдича не было. Допуская, по теоріи своего времени, что торжественная высокопарность есть необходимое условіе эпической поэмы, Гнѣдичъ перевелъ своего Гомера изысканнымъ языкомъ; онъ употреблялъ многіе церковнославянскіе слова и обороты и тяжелые, имъ самымъ созданные, и неупотребительные эпитеты («воло-окій», «румяно-ланитый», «шлемо-блещущій» и т. п.), и тѣмъ лишилъ Гомера свойственной ему величавой простоты и нѣжной прелести греческаго стиха. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе долгаго и глубокаго изученія Гомера, Гнѣдичъ сообщилъ мѣстами своему гекзаметру духъ истинной эллинской рѣчи. Трудъ Гнѣдича, во всякомъ случаѣ, — весьма почтенный трудъ, заслуживающій большаго уваженія; онъ не былъ оцѣненъ по достоинству вслѣдствіе слабаго развитія у насъ знаній по классической древности.

Жуковскій въ переводѣ Гомера превзошелъ своихъ предшественниковъ въ томъ отношеніи, что своимъ тонкимъ поэтическимъ чутьемъ онъ угадалъ многія отличительныя свойства и красоты Гомерова эпоса и передалъ ихъ гекзаметромъ вполнѣ изящнымъ. Но въ свою очередь онъ сообщилъ гомерической поэзіи несвойственныя ей черты своей собственной, романтической поэзіи. Языкъ Жуковскаго въ переводѣ «Одиссеи»,—болшею частію, простой и изящный,—отзывается мѣстами литературнымъ стилемъ новаго времени и не чуждъ тривіальности. Мѣстами также онъ не избѣжалъ недостатка Гнѣдича въ употребленіи изысканныхъ эпитетовъ и тяжелыхъ, вновь изобрѣтенныхъ словъ («широко-шумящій», «горо-огромный», «башне-вѣнчанный», и проч. См. объ искуственно-составленныхъ словахъ въ переводѣ Одиссеи Жуковскаго: Историч. граммат. Буслаева, ч. II, стр. 154). Переводомъ «Одиссеи» Жуковскій, безъ сомнѣнія, оказалъ важную услугу русской литературѣ и русской образованности.

Для полной характеристики Жуковскаго не должны быть забыты его посмертныя сочиненія: неоконченная поэма «Агасверъ, вѣчный

жидъ», «размышленія и замѣчанія» и другія прозаическія статьи, напечатанныя въ X и XI т. его сочиненій (издан. 5-е, 1857). Поэма «Агасверъ» замѣчательна по смѣлости и оригинальности идеи — связать извѣстную легенду о вѣчномъ жидѣ съ личностію Наполеона I. По цѣли поэта, вѣчный жидъ, повѣстію о своихъ безконечныхъ страданіяхъ, долженъ былъ смирить отчаяніе и гордость великаго сентъэленскаго плѣнника, который, изнемогая подъ бременемъ своей судьбы, уже готовъ былъ покончить жизнь самоубійствомъ. Главная идея поэмы — не только внушить покорность волѣ провидѣнія и безропотное перенесеніе земныхъ страданій и несчастій, но и доказать, что страданія эти благотворно дѣйствуютъ на твердую душу, не зараженную чувствомъ гордости. По внѣшней формѣ своей, поэма «Агасверъ» отличается простымъ, изящнымъ языкомъ и чрезвычайно сильнымъ и превосходнымъ стихомъ.

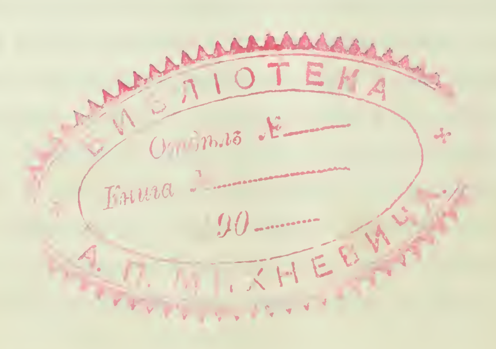
Тѣмъ же духомъ христіанскаго смиренія и покорности передъ путями провидѣнія, которымъ проникнута поэма «Агасверъ», отличаются и всѣ разсужденія и статьи Жуковскаго, указанныя выше. Они указываютъ на христіанско-мистическое направленіе Жуковскаго, въ последнее время его жизни, и объясняютъ многія характеристическія черты въ его поэтической дѣятельности.

Изъ свойства романтической поэзіи Жуковскаго, внесенной имъ въ нашу литературу отъ Нѣмцевъ, ясно само собою, что въ ней нѣтъ — или по крайней мѣрѣ очень мало — русскихъ, народныхъ элементовъ. Попытки Жуковскаго обрусить нѣмецкія баллады, равно какъ и его сказки, взятыя изъ сказокъ народныхъ: «Объ Иванѣ царевичѣ», «О царѣ Берендеѣ» и друг. оказались неудачными: здѣсь преобладаютъ романтическая мечтательность и нѣмецкая отвлеченность, вовсе не свойственныя духу русской народной поэзіи. Въ патріотическихъ стихотвореніяхъ своихъ: «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», «Пѣснь барда на гробѣ Славянъ побѣдителей», «Бородинская годовщина» и друг. Жуковскій является послѣдователемъ державинской реторической школы, и потому въ нихъ также нѣтъ національныхъ элементовъ.

Въ одно почти время съ Жуковскимъ выступилъ на поприще русской литературы *Батюшковъ*, Константинъ Николаевичъ (1787—1855),

человѣкъ съ замѣчательно-сильнымъ и свѣжимъ поэтическимъ талантомъ, хотя онъ далеко не имѣлъ того вліянія въ литературѣ, какимъ пользовался Жуковскій. Изъ области туманнаго романтизма и односторонняго направленія поэзіи Жуковскаго, Батюшковъ хотѣлъ свести русскую поэзію на землю, къ дѣйствительной жизни; но его поэтическая дѣятельность прекратилась очень рано и не достигла полнаго развитія (*). Батюшковъ былъ по преимуществу пѣвцомъ земныхъ благъ и античной красоты; его антологическія стихотворенія не утратили своего значенія и теперь. (Таковы превосходное стихотвореніе «Источникъ», «Вакханка» и друг.). Въ антологическомъ родѣ стихотвореній Батюшковъ является поэтомъ самостоятельнымъ, а въ своихъ элегіяхъ и другихъ стихотвореніяхъ онъ подражалъ Жуковскому. Увлекаясь вначалѣ легкой, эпикурейской поэзіей французской школы, онъ потомъ изучилъ итальянскихъ поэтовъ (Аріоста, Тассо, Петрарку, Боккачіо) и наконецъ обратился къ греческой антологіи, выразивъ въ немногихъ антологическихъ стихотвореніяхъ своихъ живое сочувствіе къ эстетическому міру древнихъ и живое пониманіе античной красоты. Г. Никитенко вѣрно охарактеризовалъ поэзію Батюшкова, сказавъ: «жизнь въ глазахъ Батюшкова не есть ни тайна, ни подвигъ; она есть наслажденіе». Стихъ Батюшкова полонъ жизни и чрезвычайно живописенъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.



(*) Батюшкова постигла душевная болѣзнь, сопряженная съ умственнымъ разстройствомъ, и съ 1820 г. онъ умеръ для поэзіи.

СОДЕРЖАНІЕ

ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ.

ДУХОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА ДО XV ВѢКА.

ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТУРА XV—XVII в. ЛИТЕРАТУРА ПЕРЕХОДНАГО ВРЕМЕНИ.

НОВЫЙ ПЕРІОДЪ.

ЛИТЕРАТУРА И ПИСАТЕЛИ ОТЪ ЛОМОНОСОВА ДО ДВАДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ XIX В.

ПОПРАВКИ.

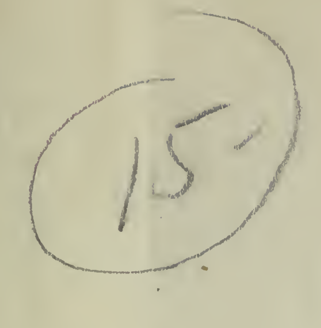
Стран.	*Строка*	*напечатано*	*читай.*
11	20	Водяники	Водяника
26	25	равпиная	равнинная
28	24	общесвенная	общественная
40	8	историческія	историческіе
48	11	Стребожи	Стрибожи
76	6	пересаженный	пересаженной
95	7	о благочестія	и благочестія
99	21	о Горе-Злочастіи	о Горѣ-Злочастіи
105	12	анологія	аналогія
159	1 снизу	какія	какіе
162	1 —	изъ Византіи	изъ Византіи:
182	18	іееомъ	іереомъ
229	9	тольо	только
233	въ выноскѣ	признаніемъ	съ признаніемъ
234	8	пропоганда	пропаганда
264	9 снизу	сточниками	источниками
303	12	любить	любитъ
308	9	домыслевы	домысливы
325	12	недуховнаго	духовнаго
380	1	прднамѣренною	преднамѣренною
429	10	напримѣръ	напримѣръ:
—	11	письмахъ	письмахъ,
457	4 снизу	коммедіи	комедіи
487	въ выноскѣ послѣд-	lea	la
—	няя строка	n'estvpas	n'est pas

521	въ выноскѣ первая строка	1844	1824
513	13	стѣсняли	стѣсняла
540	1	Всякая всячина	Всякой Всячины
545	10	представили	представила
603	1	Николаевичь	Николаевичъ
612	19	не помышляла	не помышляли
—	23	сокороколѣтняя	сорокалѣтняя.
667	23	Новилиса	Новалиса

На страницѣ 35, въ строк. 19 и 20 ошибочно напечатанное: равно какъ и въ стихахъ: *Бесѣда трехъ святителей и Бесѣда Іерусалимская*, — слѣдуетъ замѣнить: равно какъ и въ источникахъ перваго изъ этихъ стиховъ — апокрифическихъ сказаніяхъ: *Бесѣда трехъ святителей и Бесѣда Іерусалимская* (см. ниже).

Дополненіе къ стран. 103 (послѣ словъ: — Георгіемъ Хуровскимъ) Изборникъ Святославовъ 1076 года — почти такого же содержанія, только съ преобладаніемъ статей богословскихъ и религіозно и нравственно-поучительныхъ.

Д.67/168 г.г.


15-

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 045947162